FEDERAL AGENCY OF SCIENTIFIC ORGANIZATIONS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY OF SIBERIA AND NEIGHBORING TERRITORIES

Volume XXII
(2016)

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2016

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Том XXII
(2016)

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2016

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *О.И. Новикова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *Е.И. Деревянко*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *С.А. Васильев*, д-р ист. наук *А.А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н.А. Томилов*

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – 600 с.

П781

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

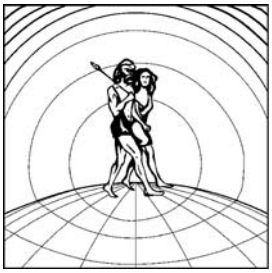
ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publishing, 2016. – Vol. XXII. – 600 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016



АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

УДК 902/904

В.В. Бобров[1, 2, 3], А.Г. Марочкин[2], А.Ю. Юракова[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
E-mail: comcon@yandex.ru

Начало исследований на поселении Старый Московский Тракт-5 (Северо-Западная Бараба)

В статье рассмотрены материалы поселения Старый Московский Тракт-5 (СМТ-5) в Венгеровском р-не Новосибирской обл., полученные в ходе раскопок 2016 г. По результатам планиграфического анализа предложено рассматривать западины № 1–11 поселения СМТ-5 и западины № 1–7 поселения СМТ-4 в рамках единой системы жилищ, занимающих надпойменную террасу левого берега р. Тартас. В составе керамики выделено 12 групп, аналогичных некоторым культурно-хронологическим комплексам неолита и раннего металла Среднего Прииртышья и Барабы (боборыкинская, кокуйская, артынская, екатерининская культуры, гребенчато-ямочная общность). Специфика каменной индустрии заключается в наличии необработанного сырья, нуклеусов подпризматических форм и желваков, преобладании ножевидных пластин с большой долей ретушированных, значительном количестве скребков на отщепах и наличии концевых скребков на пластинах, присутствии абразивов и шлифованных орудий. Характер заполнения и хроностратиграфия находок свидетельствуют минимум о двух этапах использования котлована жилища № 6. Обоснованы неолитический возраст керамики группы 1 и дискуссионность культурно-хронологической принадлежности массива керамики с различными вариантами накольчатого и гребенчато-ямочного орнамента (группы 2–12) в пределах неолита и начала эпохи палеометалла.

Ключевые слова: *поселение Старый Московский Тракт-5, керамические комплексы, хроностратиграфия, поздний неолит, ранний металл, Барабинская лесостепь.*

V.V. Bobrov[1, 2, 3], A.G. Marochkin[2], A.Yu.Turakova[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
[3]Kemerovo State University
E-mail: comcon@yandex.ru

Beginning of the Research of Old Moscow Trackt-5 Settlement (North-Western Part of Baraba Forest-Steppe)

The article examines the materials of Old Moscow Trackt-5 settlement (Vengerovo district of Novosibirsk region), obtained during excavations of 2016. Based on the planigraphic analysis results are proposed to consider the dwellings № 1–11 of Old Moscow Trackt-5 settlement and dwellings № 1–7 of Old Moscow Trackt-4 settlement within a single system of constructions located on the floodplain terrace of the Tartas river left bank. The ceramic complex is divided on the 12 groups, similar to some of the cultural complexes of the Neolithic and Early Metal periods in the Middle Irtysh and Baraba regions (Boborykino, Kokuy, Artyn, Ekaterininskaya cultures, the Comb-Pit community). The specifics of the stone industry is the presence of raw materials, prismatical nucleuses, abrasives and polished tools, predominance of retouched blades, a large number of scrapers on slivers and presence of scrapers on the plates. The nature of the filling and the chronostratigraphy of the finds indicates at least two stages of the use of dwelling № 6. The Neolithic age of pottery group 1 is substantiated. There authors note the debatable character of cultural and chronological attribution of ceramics groups 2–12 within the Neolithic and the Paleometal Epochs.

Keywords: *Old Moscow Trackt-5 settlement, ceramic complexes, chronostratigraphy, the Late Neolithic, the Early Metal period, Baraba forest-steppe.*

Поселение Старый Московский Тракт-5 (далее СМТ-5) расположено на левом берегу р. Тартас, к востоку от с. Венгерово Новосибирской обл. (северо-западная часть Барабинской лесостепи). По местонахождению памятник входит в компактную группу из пяти поселений у трассы Венгерово – Куйбышев (Старый Московский тракт), открытых В.И. Молодиным в 1997 г. [Молодин, Новиков, 1998, с. 53–54].

Анализ планиграфии позволяет предположить, что западины № 1–11 поселения СМТ-5 и западины № 1–7 поселения СМТ-4 представляют собой одну систему древних жилищ, расположенных в два ряда поперек террасы, по оси ЗЮЗ–ВСВ (рис. 1). Другие планиграфические группы на обозначенных поселениях представлены бессистемными скоплениями древних сооружений.

В 2014 г. нами произведена зачистка рва противопожарной опашки, проходящего по границе между поселениями СМТ-4 и СМТ-5, а также заложен шурф в центральной части поселения СМТ-5 (рис. 1). Стратиграфически установлено, что культурным слоем является светло-желтая супесь, а «материком» – небольшая по мощности пачка темно-красного суглинка.

В 2016 г. заложен раскоп площадью 200 м^2, включавший остатки жилища № 6 поселения СМТ-5 и прилегающие к нему участки.

Керамика представлена 830 фрагментами, морфологически подразделяемыми на несколько групп. Мелкие и плохо сохранившиеся фрагменты керамики (20,6 % от общего количества) не включены в морфологическую группировку. За рамками предварительной публикации осталась также немного-

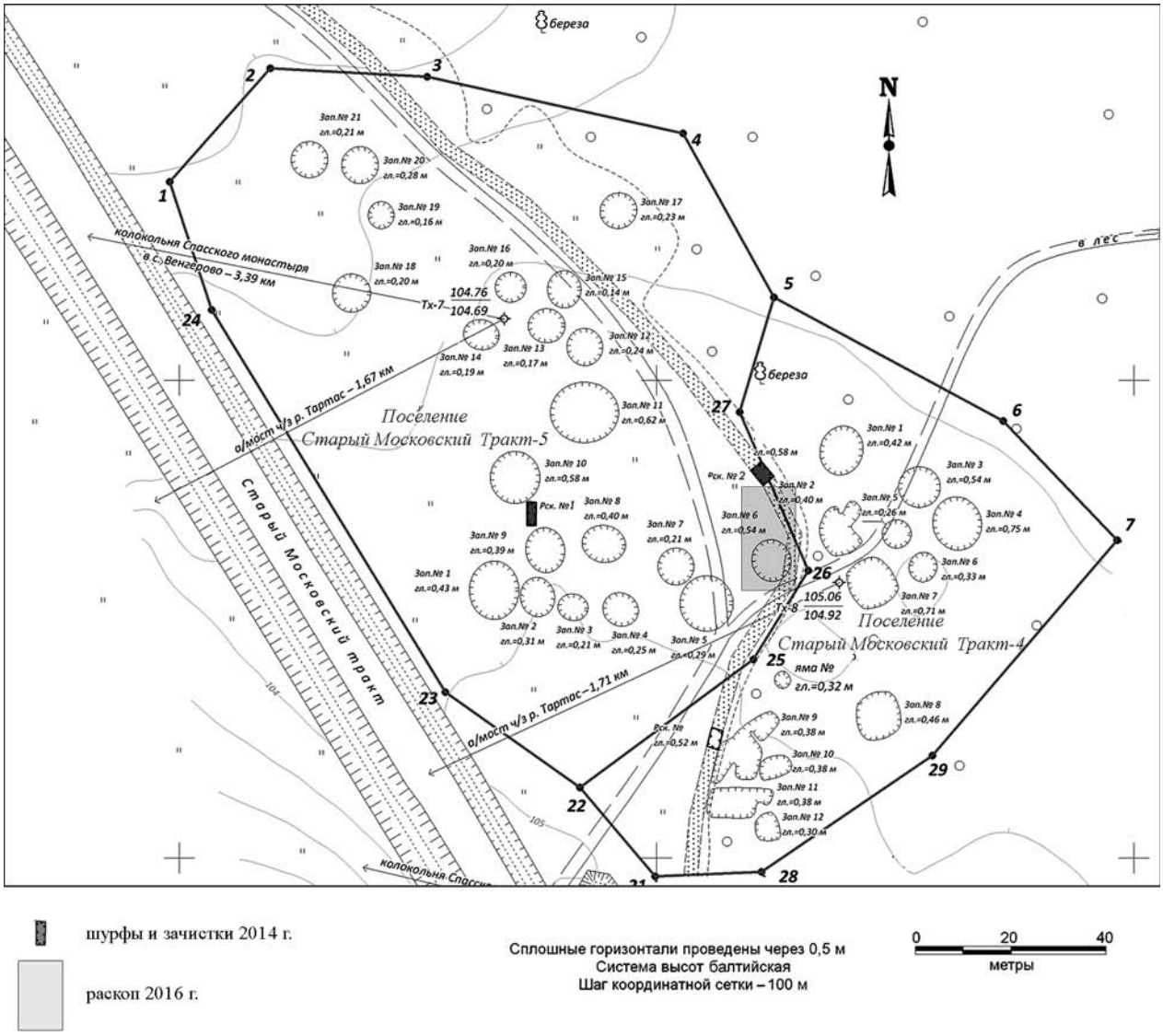


Рис. 1. Топографический план поселений Старый Московский Тракт-4, -5 с указанием изученных участков.
(За основу взят фрагмент общего плана, выполненного специалистами НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл. в 2014 г.)

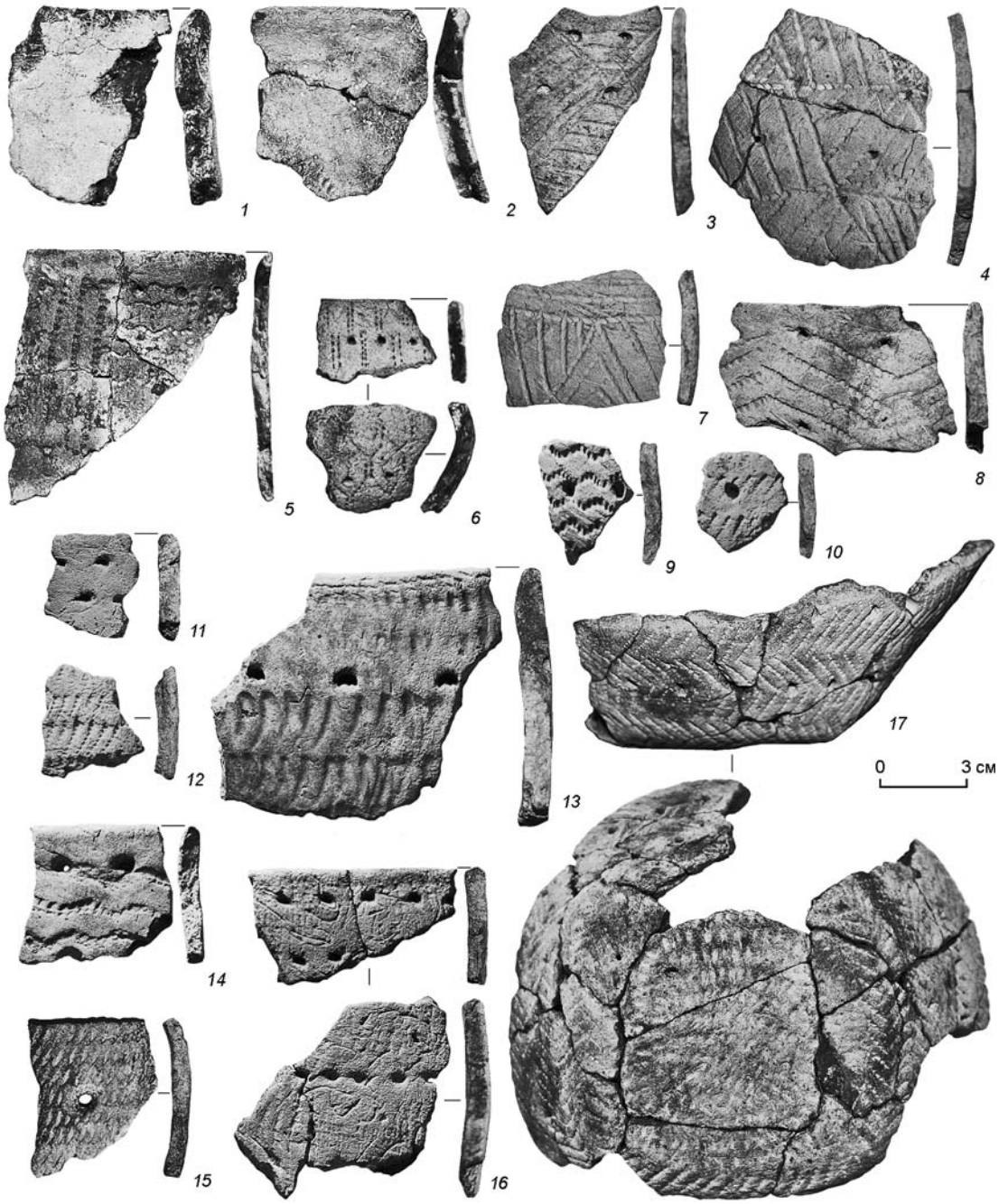


Рис. 2. Керамика поселения Старый Московский Тракт-5 из раскопок 2016 г.

численная керамика эпохи поздней бронзы, раннего железного века, Средневековья и Нового времени, обнаруженная на границе слоев гумуса и светло-желтой супеси.

Группа 1 (167 ед.) – фрагменты от семи толстостенных профилированных сосудов с разреженным орнаментом из овальных наколов в верхней части (рис. 2, *1*, *2*). Во многом аналогичны бобрыкинской керамике близлежащего поселения Автодром-2 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012].

Группа 2 (120 ед.) – фрагменты сосуда простой круглодонной (?) формы с фигурным венчиком, орнаментированного в отступающе-накольчатой технике композицией из «взаимопроникающих» треугольных зон и горизонтальных линий, а также рядами полулунных ямок (рис. 2, *3*, *4*, *7*). Находит аналогии в материалах могильника Хутор Бор IV [Петров, 2014, рис. 45, *4*, *5*], поселения Ямсыса XII [Там же, рис. 36, *3*, *4*] и в артынской керамике поселения Автодром-2/1.

Группа 3 (122 ед.) – фрагменты открытого круглодонного сосуда с орнаментом в виде «взаимопроникающих» прямоугольных участков, заполненных вертикальными прямыми и горизонтальными

волнистыми накольчатыми линиями и рядами округлых ямок, а также отдельные фрагменты с накольчатыми линиями (рис. 2, *5*). Аналогичны одному из сосудов с поселения Венгерово-3 [Молодин, 1977, табл. XXXIX, *2*].

Группа 4 (9 ед.) – фрагменты сосуда с плотным орнаментом из горизонтальных зигзагов, выполненных отступающими наколами палочки или гребенчатого штампа, и рядами округлых ямок (рис. 2, *8*). Также находит аналогии в комплексе Венгерово-3 [Там же, табл. XXXIX, *1*].

Группа 5 (40 ед.) – фрагменты «баночного» сосуда с уплощенным дном квадратной формы. Орнаментирован по стенкам «елочкой» из оттисков гребенки и рядами полулунных ямок. Дно заполнено рядами гладких насечек (рис. 2, *17*). Данная декоративная схема широко распространена на памятниках гребенчато-ямочной общности Среднего Прииртышья и Барабы – Венгерово-3 [Молодин, 1977], Екатериновка I, Крапивка I [Петров, 2014], Чеплярово-29 [Иващенко, Толпеко, 2012]. Аналоги по форме известны в комплексах поселения Усть-Тара XXVIII и могильника Окунево V/VII.

Группа 6 (38 ед.) – фрагменты небольшого круглодонного сосуда с «сотовым» узором из гребенчатых оттисков и ямок, а также фрагменты более крупного сосуда со схожим декором (рис. 2, *6*). Аналогичны керамике поселений Хутор Бор I, Александровка III [Петров, 2014, рис. 24, *2*; рис. 29, *1, 7*], в широком контексте – таежным комплексам неолита и ранней бронзы Васюганья и Нижнего Приобья.

Помимо перечисленных групп представлены сосуды, орнаментированные рядами наклонных оттисков гребенки (группа 7 – 42 ед.; рис. 2, *10–12*), гладкого штампа (группа 8 – 31 ед.; рис. 2, *15*), «шагающей» гребенки (группа 9 – 35 ед.; рис. 2, *16*), «гладкой качалки» (группа 10 – 2 ед.; рис. 2, *13*), зигзагообразных поясов из оттисков гребенки и гладкого штампа (группа 11 – 6 ед.; рис. 2, *14*). При совокупном рассмотрении круг аналогов очерчивается ранними гребенчато-ямочных комплексами Среднеиртышско-Барабинского региона.

В небольшом количестве найдены фрагменты с накольчато-волнистым декором (группа 12 – 9 ед.) (рис. 2, *9*). Такая орнаментация наиболее характерна для посуды поселений артынской культуры, но в небольших пропорциях присутствует в комплексах Крапивка I и Венгерово-3.

Анализ пространственного распределения керамики выявил три хроностратиграфических горизонта. Наиболее ранний определен по низкому залеганию отдельных фрагментов посуды группы 1 в жилище № 6 и развала *in situ* на уровне «материка» близ котлована. Выше в заполнении жилища зафиксирован *in situ* плоскодонный сосуд с гребенчато-ямочным декором (группа 5). Наконец, над ним крупным скоплением совместно залегала керамика групп 2, 3, 6, 8, 9 и 12. Следует, однако, учитывать однородность слоя, что говорит о предварительном характере указанных наблюдений.

Предметы каменной индустрии обнаружены как в слое белого песка, так и в различных горизонтах жилищного заполнения. Сравнительный анализ изделий из слоя и жилища не выявил закономерных различий, поэтому на данном этапе целесообразно рассматривать эти находки в совокупности. Учитывая ограниченный объем предварительной публикации, остановимся на наиболее очевидных фактах.

1. В слое и в заполнении жилища обнаружены небольшие кусочки необработанного сырья (33 экз.), при этом их большую часть составляют лимониты (23 экз.).

2. В комплексе присутствуют и желваки (4 экз.), и нуклеусы подпризматических форм (3 экз.).

3. Отщепы составляют самую многочисленную категорию (83 экз.), при этом лишь на шести из них зафиксирована мелкая краевая ретушь.

4. Пластины также многочисленны (82 экз.), при этом более трети этих изделий (31 экз.) ретушированы (доминирует мелкая краевая ретушь с вентральной стороны – 24 экз.).

5. Многочисленные скребки чаще выполнены на отщепах (45 экз.) с преобладанием случайных, подпрямоугольных и округлых форм, реже на пластинах (9 экз.), при этом почти всегда рабочий край оформлен с дорсальной стороны.

6. Обнаружены сколы со шлифованных орудий (5 экз.), плитчатые песчаниковые абразивы (2 экз.) и небольшой топор-тесло со шлифованным лезвием (1 экз.).

В ходе работ изучены *остатки жилища и шесть ям различного размера*. Остановимся на характеристике конструкций, непосредственно связанных с жилищным комплексом.

Остатки жилища № 6 представлены котлованом полуземлянки округлой формы, размерами 5,6 м (З–В) × 5,2 м (С–В). Стенки крутые, но не отвесные, слегка пологие в восточной части. Глубина котлована относительно материка – 0,75 м.

При выборке заполнения, состоящего из светло-желтой супеси, зафиксировано залегание подавляющего числа находок (в т.ч. керамики групп 1–8) в верхних горизонтах, на глубине до 0,35 м от уровня «материка», и резкое снижение их количества в нижележащем горизонте. При дальнейшей выборке заполнения на глубине 0,42 м от «материкового» уровня обнаружены две крупные ямы у восточной (яма № 6) и западной (яма № 5) стенок жилища. Заполнение обеих ям глубиной до 0,16 м состояло из светло-желтой су-

песи с включениями гумуса. На уровне пола, маркируемого плотной супесью темно-оранжевого цвета, в яме № 5 обнаружены отщеп случайной формы, скребок на отщепе, концевой скребок на пластине; а в яме № 6 – скол с поверхности шлифованного орудия из серо-зеленого сланца.

После выборки заполнения в северной части котлована на глубине 0,7 м от уровня «материка» зафиксированы остатки очага овальной формы, размерами 1,7 м (ЮЗ–СВ) × 0,4 м (СЗ–ЮВ). Мощность очажного заполнения, состоящего из суглинка с включениями сажи, спеков и светло-желтой супеси, достигает 0,15 м. При выборке очага найдены очень мелкие фрагменты жженых костей и один небольшой отщеп случайной формы.

В заключение суммируем некоторые предварительные выводы.

Каменная индустрия представляется однородным комплексом, но отождествлять его с какой-либо из выделенных керамических групп преждевременно. То же самое справедливо для жилища: неравномерное распределение находок с очевидным преобладанием последних вверху заполнения, наличие «стерильных» горизонтов и впускных ям говорят о разновременном использовании сооружения.

Полученная керамика типологически разнообразна, однако аналогии выделенным группам обнаруживаются прежде всего в комплексах V–III тыс. до н.э. Среднеиртышско-Барабинского региона. Исключительным случаем для Барабы является находка сосуда с «сотовым» орнаментом, который может быть связан с северным населением.

Учитывая данные о хронологии боборыкинской культуры Зауралья и юга Западной Сибири, а также выявленную хроностратиграфию, керамику группы 1 из поселения СМТ-5 следует выделить в культурно-хронологический комплекс развитого неолита (вторая половина VI – начало V тыс. до н.э.).

Хронология керамики групп 2–12 с различными вариациями накольчатого и гребенчато-ямочного орнамента полемична и нуждается в дальнейшем исследовании. Требует корректного объяснения и морфологическое разнообразие керамического комплекса. Исследование поселения СМТ-5 перспективно в плане проверки на новых источниках аргументов, предложенных в пользу отнесения подобных комплексов к позднему неолиту (екатерининские комплексы, кокуйская культура) или началу ранней бронзы (гребенчато-ямочная общность).

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Неолитический комплекс поселения Чеплярово-29 (предварительное сообщение) // VIII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Амфора, 2012. – С. 73–79.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 140 с.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2014. – 348 с.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 2012. No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Ivashchenko S.N., Tolpeko I.V. Neoliticheskii kompleks poseleniya Cheplyarovo-29 (predvaritel'noe soobshchenie). In *VIII istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk: Amfora, 2012, pp. 73–79 (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 173 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 1998, 140 p. (in Russ.).

Petrov A.I. Epokha pozdnego neolita i rannei bronzy v Srednem Priirtysh'e. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2014, 348 p. (in Russ.).

УДК 551.891(235.222)+903.3

Н.С. Болиховская[1, 2], М.Б. Козликин[1], М.В. Шуньков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: nbolikh@geogr.msu.ru

Предварительные результаты палинологического анализа плейстоценовых слоев 12–17 в восточной галерее Денисовой пещеры*

В работе представлены результаты палинологического анализа отложений средней и нижней частей (слои 12–17) плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры. Образцы из слоя 17.2 отражают холодные климатические условия. Спектры из нижней и верхней частей слоя 17.1 характеризуют смягчение климата и последующее похолодание соответственно. Слои 16 и 15 содержали единичные пыльцевые зерна. Накопление слоев 14 и 13 происходило в межледниковую эпоху в условиях значительно более теплого климата, чем современный. Отложения слоя 12.3 и нижней части слоя 12.2 соответствуют суровому климату периода ледникового ранга. Верхняя часть слоя 12.2 и слой 12.1 накапливались в межледниковом или межстадиальном климате. Реконструированные палеоклиматические этапы предварительно сопоставлены с самаровским ледниковым, ширтинским межледниковым и тазовским ледниковым периодами.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, палеогеография, палинология, природная среда, растительные формации.*

N.S. Bolikhovskaya[1, 2], M.B. Kozlikin[1], M.V. Shunkov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: nbolikh@geogr.msu.ru

Preliminary Results of Palynological Analysis for Pleistocene Layers 12–17 in the East Chamber of Denisova Cave

This paper discusses the results of palynological analysis for deposits from the middle and lower sections (layers 12–17) of Pleistocene strata in the East Chamber of Denisova Cave. Samples from layer 17.2 indicate cold climatic conditions. The spectra from the lower and upper sections of layer 17.1 designate a milder climate and the subsequent fall in temperature, respectively. Layers 16 and 15 contained isolated pollen grains. Sedimentation of layers 14 and 13 occurred during the interglacial period in significantly warmer climatic conditions than the present-day environment. The formation of deposits from layer 12.3 and the lower section of layer 12.2 corresponds to the harsh glacial climate. The upper section of layer 12.2 and layer 12.1 appear to have been accumulated in the interglacial or interstadial environments. A preliminary comparison between the reconstructed palaeo-environmental phases and the Samarovo glaciation, Shirtinsky interglacial as well as the Tazovsky glaciation has been carried out.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, palaeo-geography, palynology, environment, plant formations.*

После изучения палиностратиграфии верхней части (слои 9, 11) плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры [Болиховская, Козликин, Шуньков, 2015] был проведен палинологический анализ отложений слоев 12–17, позволивший дать характеристику климатическим и фитоценотическим условиям основных этапов формирования средней и нижней частей разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее пещеры.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Отложения слоев 12–17 представлены суглинками легкого, среднего или тяжелого гранулометрического состава, разной мощности и окраски, в разной степени насыщенными обломочным материалом, костными остатками и копролитами млекопитающих [Ульянов, Козликин, Шуньков, 2015].

Образцы из отложений слоя 17.2, залегающих на коренном ложе пещеры, содержали недостаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор. В то же время в этих образцах преобладает пыльца микротермных кустарников *Betula* sect. *Nanae, Alnaster fruticosus*/*Duschekia fruticose* – показателей холодных климатических условий. Кроме этой пыльцы обнаружены единичные зерна ели и сосны, а также споры зеленых мхов и папоротников Polypodiaceae. Эти данные свидетельствуют о распространении в окрестностях пещеры, скорее всего, горно-тундровых или горно-лесотундровых ценозов.

Для периода формирования отложений слоя 17.1 зафиксированы две фазы в развитии растительности. Репрезентативные спорово-пыльцевые спектры образцов из нижней части слоя 17.1 отражают смягчение климатических условий и расширение площади лесных биотопов, состоявших преимущественно из ели сибирской *Picea obovata,* кедра сибирского *Pinus sibirica,* сосны обыкновенной *P. sylvestris* и березы *Betula* sect. *Albae*. В спектрах из этих отложений кроме указанных видов постоянно присутствуют пыльцевые зерна кустарниковых форм березы *Betula* sect. *Nanae, Betula rotundifolia,* ольховника *Alnaster fruticosus*/*Duschekia fruticosa* и можжевельника *Juniperus*, что характеризует переходную зону от горно-лесотундровых ландшафтов к верхней части горно-таежного пояса. Среди травяно-кустарничкового покрова преобладали представители разнотравья, в основном астровые Asteraceae и папоротники Polypodiaceae. В моховом покрове доминировали зеленые мхи.

Осадки верхней части слоя 17.1 накапливались в условиях более холодного климата и господства в окрестностях пещеры ерниковой тундры с густым покровом березы круглолистной *Betula rotundifolia*. В составе кустарникового яруса участвовали также ольховник *Alnaster fruticosus*/*Duschekia fruticosa,* кустарниковая береза секции *Fruticosae,* можжевельник и, возможно, кустарниковая ива *Salix*. С высокой сомкнутостью зарослей березы круглолистной было связано, видимо, незначительное развитие травяно-кустарничкового покрова, в котором преобладали вересковцветные и злаки. Среди споровых растений основную роль играли хвощ и зеленые мхи. В современных ландшафтах Северо-Западного Алтая *Betula rotundifolia* образует обширные заросли выше границы горно-таежной растительности – в субальпийском и горно-тундровом поясах. В современной горной тундре, развитой в верховьях р. Шинок, левого притока р. Ануй в 1,5 км ниже по течению от Денисовой пещеры, береза круглолистная формирует на участках высокой поймы кустарниковые заросли высотой 1,5–2,0 м, в то время как на низкой пойме ерники образованы ее низкорослой (0,3–0,5 м) формой.

В образце из слоя 16 обнаружены единичные пыльцевые зерна *Betula* sect. *Nanae*. Два образца из слоя 15 содержали также несколько пыльцевых зерен, принадлежащих сосне и злакам.

Накопление отложений слоев 14 и 13 происходило в межледниковую эпоху в условиях значительно более теплого климата, чем современный. О длительности этого межледникового этапа свидетельствуют происходившие на его протяжении изменения зональной и формационной структуры растительного покрова. Спорово-пыльцевые данные отражают четыре фазы развития растительности. Для фазы, соответствующей времени формирования средней части слоя 14, были характерны широколиственные леса из граба сердцелистного *Carpinus cordata*, дуба монгольского *Quercus* cf. *mongolica,* липы *Tilia sp.* и вяза мелколистного *Ulmus pumila* с лещиной *Corylus heterophylla,* бересклетом *Euonymus,* волчеягодником *Daphne* в кустарниковом ярусе, а также смешанные леса, в которых кроме широколиственных пород участвовали ель, сосна, береза и ольха *Alnus glutinosa*.

Фаза, характеризующая время накопления отложений подошвы слоя 13, отражает снижение тепло- и влагообеспеченности и господство вблизи пещеры открытых лугово-степных ландшафтов с небольшими участками ольшаников. В травяно-кустарничковом покрове доминировали злаково-разнотравные сообщества – Poaceae, Polemoniaceae, Polygonaceae, Ranunculaceae, Asteraceae и др. В следующую фазу, отвечающую периоду формирования вышележащих осадков нижней части слоя 13, существенно расширились площади лесов в условиях более теплого и влажного климата. В составе растительности межледниковых лесных и лесостепных ландшафтов преобладали березово-грабовые леса с примесью липы и обильным подлеском из лещины, ольшаники и разнотравно-злаковые ассоциации.

В заключительную стадию накопления слоя 13, отвечающую четвертой реконструированной фазе, в районе пещеры господствовали лесные формации в условиях более влажного, чем в предыдущую фазу, климата. В составе растительности преобладали грабовые леса с примесью дуба и липы, состоявшие из граба сердцелистного и обыкновенного *Carpinus cordata, C. betulus,* липы сердцелист-

ной *Tilia cordata*, дуба черешчатого *Quercus robur* и подлеска из лещины *Corylus* spp., а также ольшаники *Alnus glutinosa* и *A. incana*. Ограниченное распространение имели березово-хвойные леса из березы повислой *Betula pendula*, ели сибирской *Picea obovate*, сосны обыкновенной *Pinus sylvestris* и др.

Согласно палинологическим данным, формирование отложений слоя 12.3 и нижней части слоя 12.2 происходило в суровом климате во время холодного периода ледникового ранга. Полученные спорово-пыльцевые спектры позволили реконструировать шесть фаз в эволюции господствовавших перигляциальных ландшафтов, выраженных сменами следующих типов растительности – перигляциальной лесотундры, тундро-лесостепи, перигляциальной тундры, тундро-степи, перигляциальной степи и тундро-степи. Во всех образцах в группе пыльцы деревьев и кустарников преобладают пыльцевые зерна микротермных кустарников – березы круглолистной *Betula rotundifolia* и ольховника *Alnaster fruticosus*/*Duschekia fruticosa*, или выявлено содоминирование пыльцевых зерен *Betula rotundifolia*, *Alnaster fruticosus*/*Duschekia fruticosa*, *Alnaster mandshurisus*/*Duschekia mandshuria* и можжевельника *Juniperus*. Изменения их процентного состава в спектрах отражают трансформации, происходившие в тундровых кустарниковых сообществах. В большинстве фаз в составе травяно-кустарничкового покрова реконструированных типов перигляциальной растительности превалировали вересковые Ericales, злаки, полынь *Artemisia* s.g. *Euartemisia*, *A.* s.g. *Seriphidium*, астровые Asteraceae.

Спорово-пыльцевые спектры образцов из верхней части слоя 12.2 и из слоя 12.1 свидетельствуют, что во время накопления этих отложений в долине Ануя в значительно более сухом, чем современный, климате были развиты открытые ландшафты с почти повсеместным распространением степных, лугово-степных и редко-дерновинных (на скалах) травяно-кустарничковых сообществ. Доминировали разнотравные, злаково-разнотравные, полынные и другие группировки с участием представителей семейств и родов – *Ephedra*, *Cannabis*, Poaceae, *Artemisia* s.g. *Euartemisia*, *A.* s.g. *Seriphidium*, Chenopodiaceae, Caryophyllaceae, Polygonaceae, *Rumex*, Ranunculaceae, *Delphinium*, Rubiaceae, Fabaceae, Apiaceae, Dipsacaceae, Brassicaceae, Lamiaceae, Valerianaceae, Scrophulariaceae, Alliaceae, Liliaceae, Asteraceae, Cichoriaceae и др. В небольших прибрежно-пойменных древостоях произрастали береза и ольха с участием в травяно-кустарничковом покрове папоротников Polypodiaceae, вересковых Ericales, хвощей и прибрежно-водных растений Alismataceae.

Таким образом, палинологическая запись, полученная для толщи плейстоценовых слоев 17–12 в восточной галерее Денисовой пещеры, свидетельствует, что ее формирование происходило во время двух ледниковых периодов и разделяющего их межледниковья. Принимая во внимание реконструкции, полученные ранее для слоев 9, 11 [Болиховская, Козликин, Шуньков, 2015], и учитывая длительные перерывы в осадконакоплении, зафиксированные в разрезе по результатам литологических и палинологических исследований, предварительно можно сопоставить эти палеоклиматические этапы с самаровским ледниковым, ширтинским межледниковым и тазовским ледниковым периодами. Для более точной оценки климатических условий времени накопления осадков верхней части слоя 12.2 и слоя 12.1 (межледниковье или межстадиал) необходимы дополнительные микростратиграфические спорово-пыльцевые исследования.

Список литературы

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Палиностратиграфия и предварительная реконструкция природных обстановок во время формирования верхней части плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 28–30.

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Строение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 157–160.

References

Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Palinostratigrafiya i predvaritel'naya rekonstruktsiya prirodnykh obstanovok vo vremya formirovaniya verkhnei chasti pleistotsenovoi tolshchi v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 28–30 (in Russ.).

Ulianov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Stroenie razreza pleistotsenovykh otlozhenii v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery (po dannym raskopok 2015 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 157–160 (in Russ.).

УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], А.И. Кривошапкин[1, 2], В.Н. Зенин[1, 2], А.В. Шалагина[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай)

Тафоценоз пещеры Страшной сформировался в результате пищевой активности хищных зверей и птиц и лишь в небольшой степени – первобытного человека. Вследствие интенсивной, не имеющей аналогов норной деятельности сурков пещерные отложения оказались в значительной степени перемешанны. Существенных различий в составе плейстоценовой мегафауны по отдельным слоям зафиксировать не удалось. В целом ее можно охарактеризовать как фауну открытых степных пространств. На этом фоне существовали небольшие лесные участки, приуроченные к долинам рек или горным ущельям, что создавало мозаичность ландшафтов. Наиболее интересны 33 остатка дикобраза (Hystrix brachyura vinogradovi), включающие зубы и элементы посткраниального скелета; единичные находки зубов пещерного медведя (Ursus spelaeus) и кяхтинского винторога (Spirocerus kiakhtensis). В слое 2 найден фрагмент зуба типичной голоценовой сохранности, принадлежащий бизону (Bison priscus) или, возможно, туру (Bos primigenius). Это указывает на существование на Алтае рефугиума, где вплоть до позднего голоцена продолжала сохраняться популяция крупных диких быков.

Ключевые слова: *пещера Страшная, тафоценоз, крупные млекопитающие, хищники, костные остатки.*

S.K. Vasiliev[1, 2], A.I. Krivoshapkin[1, 2], V.N. Zenin[1, 2], A.V. Shalagina[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

The Preliminary Results of Megafauna Remains Study from Strashnaya Cave (Northern-Western Altai)

The taphocoenosis of Strashnaya cave was formed as a result of feeding activity of carnivores and birds, and only to a small extent – the ancient man. As a result of intense burrow activities of marmots, cave deposits are heavily disturbed. There were no significant changes in the composition of the Pleistocene megafauna if to compare by separate layers. In general, it can be characterized as fauna of open landscapes (steppes). Anyway, there were small forest areas, confined to the river valleys and mountain gorges, that formed the mosaic landscapes. The most interesting paleontological finds are 33 residues of porcupine bones (Hystrix brachyura vinogradovi), including teeth, and elements of postcranial skeleton; isolated teeth of cave bear (Ursus spelaeus) and Kyakhtinsky Capra (Spirocerus kiakhtensis). In the layer 2 it was found a tooth fragment of a bison (Bison priscus) or perhaps tour (Bos primigenius) showing a typical Holocene preservation of the bone surface. This indicates the existence of a refugium in Altai, where a population of large wild bulls could persist until the late Holocene.

Keywords: *Strashnaya cave, taphocoenosis, large mammals, carnivores, bone remains.*

Раскопки пещеры Страшной начались в 1989 г. и осуществлялись в три этапа. На первом и втором этапах (1989–1994, 2006–2009 гг.) А.Н. Зениным были частично раскопаны предвходовая площадка и галерея, ведущая в центральную камеру пещеры. В общей сложности объем коллек-

ции, собранной в 1989–2009 гг., составил почти 155,5 тыс. костных остатков [Васильев, Зенин, 2009; 2010]. После безвременного ухода А.Н. Зенина работы в пещере возобновились в 2013 г. За четыре сезона (2013–2016 гг.) в верхней пачке центральной камеры (слои 1–5) было обнаружено около 93,8 тыс. костных остатков. В наше распоряжение попадали все фаунистические остатки, задерживающиеся при промывке на 5-миллиметровой сетке, в т.ч. значительное количество остатков мелких млекопитающих размерного класса крупнее полевок. Всего за 14 сезонов раскопок было обработано 249,4 тыс. костных остатков, из них 50,7 тыс. (20,3 %) удалось определить до вида, рода, или же класса. В голоценовых и плейстоценовых слоях пещеры отмечены остатки как минимум 58 видов диких и домашних млекопитающих, человека, а также рыб, амфибий и птиц (табл. 1, 2). При этом 73,9 % определимых костей относятся к грызунам, зайцеобразным, рукокрылым, насекомоядным, птицам, рыбам и амфибиям. Данные по орнитофауне и мелким млекопитающим из пещеры Страшной были опубликованы ранее [Мартынович, 2013; Serdyuk, Zenin, 2016].

Тафоценоз данной пещеры сформировался в результате активной норной деятельности сурков, пищевой активности хищных зверей, птиц и первобытного человека [Васильев, Зенин, 2009; 2010]. От крупных млекопитающих в основном сохранились изолированные зубы, кости дистальных отделов конечностей или их фрагменты. Обломки крупнее 5 см составляют всего 7,4 %. Значительная часть фрагментов костей размером менее 5 см несет следы кислотной коррозии, возникшей при прохождении их через желудочно-кишечный тракт крупных хищников. По обилию костей сурка (40 % от числа всех определимых остатков) и масштабам его норной деятельности пещера Страшная не имеет аналогов среди пещерных местонахождений Алтая. Значительная часть костей сурка сохранились целиком, что указывает на эпизодическую гибель этих животных в норах во время зимней спячки. От четверти до половины поверхности плейстоценовых слоев оказалась нарушенной неоднократными норными перекопами. Пещерные отложения, таким образом, в значительной степени оказались перемешаны, благодаря чему послойный анализ остеологических остатков позволяет получить в известной степени усредненную, снивелированную картину.

Как и в других пещерных местонахождениях Алтая (пещеры Денисова, Каминная, Окладникова, Чагырская и др.), ведущая роль в аккумуляции остатков мегафауны принадлежала пещерным гиенам и волкам. Среди остатков крупных млекопитающих доля *Carnivora* достигает 32 %, копытных и хоботных – 67,4 %. Преобладают остатки сибирского горного козла и архара (в сумме 41,4 %), крупной и мелкой форм лошади (9,2 %), бизона (6,8 %), шерстистого носорога (3,4 %), сайгака и дзерена (в сумме 3,5 %). Достаточно многочисленны остатки марала, гигантского оленя и мамонта, единичны – лося, северного оленя, байкальского яка и кяхтинского винторога. Хищники представлены пещерной гиеной (9,3 %), лисицей (8,7 %), серым волком (6,2 %). Реже встречаются остатки красного волка, корсака, бурого и малого пещерного медведя, пещерного льва, рыси, манула. Единственная находка зуба (M_3) отнесена к пещерному медведю *Ursus spelaeus* [Васильев, Зенин, 2009].

Необходимо особо подчеркнуть, что в пещерных отложениях сохранилась лишь ничтожно малая часть от того количества остатков крупных млекопитающих, которые в виде целых туш или их частей были некогда занесены под своды пещеры хищниками или палеолитическим человеком. Причина этого кроется в активной деструктивной деятельности крупных хищников, а также в скорости седиментации пещерных слоев, в среднем не превышающей нескольких сантиметров за 1 тыс. лет.

Наряду с крупными хищниками, обитателем Страшной пещеры был и палеолитический человек. Судя по всему, его визиты носили эпизодический, кратковременный характер и имели место далеко не каждый год. Основными объектами его охоты являлись, скорее всего, самые многочисленные виды копытных – сибирские горные козлы, архары, лошади, бизоны, сайгаки и дзерены. Подавляющую часть времени пещера использовалась в качестве убежища или логова для выведения потомства хищниками – пещерными гиенами, волками и лисицами, которые после ухода человека могли утилизировать накопившиеся отбросы его охотничьей деятельности.

Существенных различий в составе плейстоценовой мегафауны по отдельным слоям зафиксировать не удалось. Послойное распределение остатков млекопитающих по биотопическим группам указывает на относительно стабильную экологическую обстановку на протяжении всего периода осадконакопления, отсутствие серьезных природно-климатических изменений. В целом ее можно охарактеризовать как фауну открытых, степных пространств. На этом фоне существовали более или менее крупные лесные участки, приуроченные к долинам рек, склонам гор северной экспозиции или горным ущельям, что создавало мозаичность ландшафтов. К типично степным видам относятся ушастый еж, заяц-толай, сурок, дикобраз, корсак,

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков в отложениях пещеры Страшной (2013–2016 гг.)**

Таксоны	Слои													Всего
	0	1	2	3.1а	3.1б	3.3	3–4	4.1	4.2	5.1	5.2	5.3	б/слоя	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Homo sapiens	1		1	1**									1**	4
Canis familiaris	6	8	12	1									3	30
Equus caballus		2	3	1										6
Bos taurus	2	20	28	6		1							6	63
Capra-Ovis (дом.)	34	68	298	82		1							70	553
Chiropthera gen. indet.	12	29	44	75	7	3		3		1		11	21	206
Asioscalops altaica	6	22	15	28	10	12	2	18	17		6	37	21	194
Lepus timidus	29	45	96										3	173
Lepus tanaiticus				246	49	15	8	56	20	7	12	22	64	499
Lepus tolai	1	5	12	75	12	18	10	45	16	3	3	9	28	237
Ohotona sp.		2	2	13	2	1		7	2	1	5	6	4	45
Pteromys volans	3	6	3	5	2						2	1	2	24
Spermophilus sp.	2	12	2	38	21	13	3	24	14	4	7	10	10	160
Sciurus vulgaris				1									1**	2
Marmota baibacina	38*	85*	162*	789	324	293	115	946	281	223	218	292	529	4295
Castor fiber					2			5	1	3	1	5	2 (1**)	19
Hystrix brachyura vinogradovi								2			4	11	1	18
Allactaga sp.								2					2	4
Cricetus sp.	41	76	91	77	4	2**		2**					27**	320
M. myospalax	21	48	51	65	18	19	4	52	27	11	29	34	53	432
Arvicola terrestris	5	12	16	33	4	3			2	1	3	1	10	90
Rodentia gen. *indet.*	114	160	193	324	117	98	21	259	81	26	45	58	120	1616
Canis lupus				4	17	14	4	36	10	15	11	24	22	157
Vulpes vulpes	6	6	9	22	28	19	5	59	29	9	21	22	34	269
Vulpes corsak				3	2	5		9		1		6	5	31
Cuon alpinus				6	6	4		16	4	1	2	4	4	47
Ursus arctos				2	5	6	1	8	3	4	2	9	7	47
Ursus savini									1		3	2	2	8
Martes zibellina	2			10		1		1			4		1**	19
Gulo gulo				1				1		1				3
Mustela altaica			1		2	1		3	1	3	5	2	1	19
Mustela erminea			1	6		2		3				1	1	14

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Mustela nivalis		1							1		1		1	4
Mustela sibirica		1												1
Mustela eversmanni			1	3	1			4	1			1	7	18
Panthera leo spelaea				2									1	3
Uncia uncia				1		1			1	1	1			5
Lynx lynx					1	1						2	1	5
Crocuta spelaea		2*		36	37	26	7	45	18	7	16	42	28	264
Mammuthus primigenius			2*	3	4	7	1	16	2	3		1	3	42
E. ovodovi	1*			2	17	14	5	10	10		2	3	18	82
E.(E.) ferus				7	4	14	3	8	5		1	2	5	49
E. ovodovi / ferus		2*		9	27	25	9	46	12	4	3	6	9	152
Coelodonta antiquitatis				6	11	8	3	15	6	4	3	11	7	74
Cervus elaphus	1	1	1	4 (2**)	8	7	1	9	6	1		11	10	60
Capreolus pygargus		2	1	3**				1**		1			3**	11
Megaloceros giganteus				1	1				1		1		1	5
Alces cf. *alces*								1	2					3
Rangifer tarandus								4				1		5
Bos mutus baicalensis							1	2						3
Bison priscus		3*	1	21	26	16	9	48	34	16	6	23	21	224
Spirocerus kiakhtensis								1						1
Gazella gutturosa				2	2	2	4	10	1	1	2	5		29
Saiga tatarica borealis				2	1			2	2					7
Gazella / Saiga				9	11	7		7	8	10		3	5	60
Capra sibirica	1*	2*	2*	52	111	84	26	243	114	38	50	57	58	838
Ovis ammon		2*	3*	9	34	22	5	60	29	8	13	13	17	215
Capra / Ovis				80	83	55	25	136	76	43	27	36	64	625
Amphibia	2	1	3	3					1		1	1	4	16
Pisces	1	5	13	10	2			4	6	3	3	1	6	54
Aves	143	279	417	610	99	66	21	128	46	40	100	200	372	2521
Неопределимые обломки	470	1130	3637	9694	9316	6766	1913	15618	8847	4422	4594	7173	5215	78 795
Всего костных остатков	942	2037	5121	12483	10428	7652	2206	17975	9738	4916	5207	8159	6911	93 775

*Кости плейстоценовой сохранности в голоценовых слоях 0–2.

**Кости голоценовой сохранности в плейстоценовых слоях 3–5.

Таблица 2. **Видовой состав и количество костных остатков в отложениях пещеры Страшной (1989–2016 гг.)**

Таксоны	Слои													Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11**	12**	б/слоя	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Homo sapiens	2	5	4 (1**)										1**	12
Canis familiaris	16	14	1										3	34
Equus caballus	4	3	1											8
Bos taurus	26	63	12										12	113
Capra-Ovis	142	428	96										70	736
Erinaceus auritus			1		1	1								3
Asioscalops altaica	45	26	124	52	81	37	14	10	5	6	8	1	49	458
Chiropthera gen. indet.	69	74	110	3	13	2		5					22	298
Lepus tanaiticus			680	102	102	77	56	31	19	25	31	2	145	1270
Lepus timidus	95	145											3	243
Lepus tolai	13	41	427	98	70	34	19	18	4	17	8		103	852
Ochotona sp.	3	3	28	13	24	9	3	3	4	6	3		7	106
Pteromys volans	12	6	11	1	5								4	39
Sciurus vulgaris			1			2							1	4
Spermophilus sp.	16	13	700	109	236	99	51	20	26	46	20		181	1517
Marmota baibacina	216*	409*	4890	1884	3053	2070	1858	604	525	1147	1337	45	2233	20271
Castor fiber		3	12	12	15	9	1			1			7 (1**)	60
Hystrix brachyura vinogradovi		1	2	2	21	5							2	33
Allactaga sp.	1*	1	6	3	5	9	8	4	1	4	3		3	48
Cricetulus sp.			6					1	1				7	15
Cricetus sp.	183	221	137	4	5	5	13	12	6	2	16		123	727
M. myospalax	101	112	436	128	180	110	59	43	22	23	32	1	158	1405
Arvicola terrestris	48	28	57	2	13	2	1						25	176
Rodentia gen. indet.	413	430	1465	547	428	301	185	90	68	110	100	6	381	4524
Canis lupus	2	5	151	94	158	90	80	24	16	24	17		103	764
Vulpes vulpes	17	33	321	118	206	127	71	30	23	12	25	1	121	1105
Vulpes corsak	2	2	76	35	33	77	35	3	5	10	6		13	297
Cuon alpinus			49	23	14	26	9	4	6	6	3	1	13	154
Ursus arctos		5	47	19	47	33	13	6	3	7	6	1	35	222
Ursus spelaeus										1				1
Ursus savini				2	5	4				1			4	16
Martes zibellina	2	3	13	5	10	2							3 (1**)	38
Gulo gulo			2	2	1		1						1	7
Mustela erminea	1	11	14	3	3	1	5				2		2	42

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Mustela nivalis	2		3	3	1	4	1			1			1	16
Mustela sibirica	1													1
Mustela altaica		2	7	8	16	6	1	2		2			7	51
Mustela eversmanni		1	22	7	7	8	7	5	2	11	4		18	92
Meles meles		2		1		1	1				1			6
C. crocuta spelaea	2*	3*	252	128	200	151	135	53	19	20	18	1	152	1134
Panthera leo spelaea			5			3		1		2	2		4	17
Uncia uncia			5	1	2		1							9
Lynx lynx		2	2		4	6	6			1	1		1	23
Felis manul			1			1		1					2	5
Mammuthus primigenius		2*	16	22	17	21	8	2	3	2	4	2	12	111
Equus (E.) ferus			72	24	39	18	25	9	5	7	8	3	27	237
Equus ovodovi	1*		68	28	17	19	6	1	1	1	1		23	166
E. ovodovi / ferus	6*	12*	225	93	76	111	36	6	12	18	8		110	713
Coelodonta antiquitatis	2*		94	32	63	76	31	5	13	14	9		70	409
Cervus elaphus	6	3	46	22	43	34	8	8	2	1	2		34	209
Capreolus pygargus	2	3	3	1**	1								5**	15
Megaloceros giganteus			2	1	5	9	4	3		1			7	32
Alces alces				3		1							1	5
Rangifer tarandus			8	4	1									13
Bos mutus baicalensis			1	2						2				5
Bison priscus	6*	3*	209	127	149	88	54	18	3	16	10		149	832
Spirocerus kiakhtensis			1	1										2
Gazella gutturiza			16	11	16	29	19	8	6	9	3		7	124
Saiga borealis		1*	13	8	17	45	16	7	6	1	3		16	133
Gazella / Saiga			97	27	34	6							9	173
Capra sibirica	6*	17*	723	510	437	202	151	49	34	66	51	6	293	2545
Ovis ammon	1*	5*	206	136	119	88	44	16	13	19	12		79	738
Capra/Ovis	4*		609	311	282	120	50	42	18	22	18		283	1759
Pisces	23	90	92	43	52	33	5	2	3	3	1		51	398
Amphibia	5	4	6	1	2	3		1	3				4	29
Aves	678	900	1597	296	680	189	43	9	17	22	23	2	628	5084
Неопределимые обломки	2503	7205	57 864	33 644	31 486	16 880	9618	4385	3206	4566	5660	399	21 312	198 728
Всего костных остатков	4679	10340	71 916	38 757	38 490	21 227	12 784	5583	4100	6615	7098	471	27 135	249 412

*Кости плейстоценовой сохранности в голоценовых слоях 1–2.

**Кости голоценовой сохранности в плейстоценовых слоях.

малый пещерный медведь, степной хорь, бизон, пещерная гиена, сайгак, дзерен и связанная с умеренно аридными степными ландшафтами стройная тонконогая лошадь Оводова.

Входившие в состав мамонтовой фауны благородный олень и лось, в отличие от современных представителей этих видов, не имели облигатной связи с лесными местообитаниями и также являлись обитателями полуоткрытых ландшафтов. Находки в слоях пещеры костей таких типичных хионофобов, как сайгак, дзерен или котманул, показывают, что уровень снежного покрова в плейстоцене был существенно ниже, чем в голоценовом межледниковье. Манул – обитатель горных степей и пустынь, не встречается в районах, где глубина снежного покрова превышает 15 см. Сайгак и дзерен могут существовать только в условиях разреженного растительного покрова, твердых грунтов. Глубина снежного покрова более 15–20 см является для них критической. К представителям тундро-степной фауны условно могут быть отнесены лишь немногочисленные остатки северного оленя, обнаруженные в слоях 3–5.

Наиболее интересны находки остатков малайского дикобраза (*Hystrix brachyura vinogradovi*). После Разбойничьей и Усть-Канской пещер Страшная – третий пункт на Алтае, где они были обнаружены. Материал из Страшной включает 17 изолированных зубов и их обломков, два фрагмента верхней челюсти (один с двумя зубами и обломок нёбной кости), два обломка нижней челюсти (один с зубом и симфизный отдел), три обломка резцов. Посткраниальный скелет представлен вторым шейным позвонком, нижним отделом лопатки, верхней половиной локтевой кости, обломком нижнего эпифиза бедренной кости, коленной чашкой, астрагалом, пяточной костью и тремя метаподиями (целой MT IV, MT IV и MC IV без нижних эпифизов). Обращает на себя внимание заметно выраженная укороченность и относительная массивность метаподий дикобраза из Страшной по сравнению с современным *Hystrix leucura* (табл. 3). Зубы и кости принадлежат животным всех возрастных категорий – от молодых до старых. Дикобраз присутствует в слоях с 3-го по 6-й, но наиболее многочислен в слое 5. В слой 2 обломок зуба дикобраза попал, скорее всего, в результате переотложения. По-видимому, все находки остатков дикобраза на Алтае связаны с интерстадиалами – каргинским, а также с более древним временем. В периоды межледниковий по территории Алтая проходила самая северная граница ареала *Hystrix* sp., и он был здесь относительно редким, малочисленным видом.

Замечательна находка M_3 *Ursus spelaeus* в слое 10. Ранее остатки этого вида, считавшегося обитателем Западной Европы и Урала, уже были отмечены в Денисовой пещере на Алтае [Knapp et al., 2009].

Таблица 3. **Размеры костей конечностей представителей рода *Hystrix***

Промеры, мм	*Hystrix brachyura vinogradovi*, пещера Страшная	*Hystrix leucura*, современность
Astragalus		
Длина кости	17,2	18,2
Ширина кости	19,0	19,0
Ширина суставного блока	14,5	15,2
Calcaneus		
Длина кости	31,2	31,7
Ширина нижнего конца	19,0	19,3
Передне-задний диаметр нижнего конца	15,0	14,2
Ширина тела кости (мин.)	9,0	7,3
Ширина tuber calcanei	11,8	13,1
Передне-задний диаметр tuber calcanei	15,1	14,2
Metatarsale IV		
Длина кости	24,7	29,2
Ширина верхнего конца	8,0	7,3
Передне-задний диаметр верхнего конца	10,1	7,3
Ширина диафиза	5,0	5,0
Передне-задний диаметр диафиза	3,3	3,1
Ширина нижнего конца	7,5	7,3
Передне-задний диаметр нижнего конца	5,6	6,0

Остатки кяхтинского винторога диагностированы по двум левым P^2 из слоев 3.1б и 4.1. Судя по размерам и морфологии (длина/ширина коронки – 11,8/8,2 и 12,0/9,3 мм), найденные зубы могут быть отнесены именно к этому виду. В Забайкалье он дожил, судя по радиоуглеродным датировкам, до конца сартанского времени.

В 2016 г. в слое 5.1 был обнаружен целый астрагал косули типичной плейстоценовой сохранности. Все предыдущие находки *Capreolus pygargus* происходили либо из голоценовых слоев 1, 2, либо попадали в плейстоценовую толщу в результате переотложения (см. табл. 2). Остатки косули на Алтае были отмечены также в плейстоценовых слоях Денисовой и Каминной пещер.

В 2014 г. в слое 2 была найдена передняя половина M_3 крупного представителя родов *Bos* или *Bison* голоценового типа сохранности. Основание коронки частично обломано. Размеры зуба находятся на уровне крупных позднеплейстоце-

новых *Bison priscus* (в скобках): поперечник основания коронки – са 18,2 мм (16-М 19,92–22,5 мм, n = 77), высота коронки – са 66,5 мм (до 66 мм). Ранее остатки неизвестных крупных быков были обнаружены в голоценовых отложениях Денисовой и Чагырской пещер. Очевидно, на Северо-Западном Алтае вплоть до позднего голоцена оставался рефугиум, где продолжали обитать сохранившиеся с плейстоцена *Bison priscus* или *Bos primigenius*. По обнаруженным скудным остаткам невозможно определить к какому из видов – бизону или туру – они относятся. Ясность здесь могли бы внести генетические исследования.

Список литературы

Васильев С.К., Зенин А.Н. Фаунистические остатки из пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 1988–2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 56–62.

Васильев С.К., Зенин А.Н. Остатки мегафауны из пещеры Страшная в Северо-Западном Алтае (по материалам раскопок 2009 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 15–20.

Мартынович Н.В. Птицы неоплейстоцена из пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай, бассейн р. Чарыш) // Тр. Мензбировского орнитологического общества. – 2013. – Т. 2. – С. 94–109.

Knapp M., Rohland N., Weinstosk J., Baryshnikov G., Sher A., Nagel D., Rabeder G., Pinhasi R., Schmidt H., Hofreiter M. First DNA sequences from Asian cave bear fossils reveal deep divergences and complex phylogeographic patterns // Molecular Ecology. – 2009. – Vol. 18. – P. 1225–1238.

Serdyuk N.V., Zenin A.N. Small mammals from Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia) // Quaternary Internat. – 2016. – Vol. 406. – P. 162–168.

References

Knapp M., Rohland N., Weinstosk J., Baryshnikov G., Sher A., Nagel D., Rabeder G., Pinhasi R., Schmidt H., Hofreiter M. First DNA sequences from Asian cave bear fossils reveal deep divergences and complex phylogeographic patterns. *Molecular Ecology*, 2009, vol. 18, pp. 1225–1238.

Martynovich N.V. Pticy neoplejstocena iz peshhery Strashnaja (Severo-Zapadnyj Altaj, bassejn r. Charysh). In *Trudy Menzbirovskogo ornitologicheskogo obshhestva*, 2013, vol. 2, pp. 94–109 (in Russ.).

Serdyuk N.V., Zenin A.N. Small mammals from Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia). *Quaternary International*, 2016, vol. 406, pp. 162–168.

Vasiliev S.K., Zenin A.N. Faunisticheskie ostatki iz peshhery Strashnaja (Severo-Zapadnyj Altaj) po materialam raskopok v 1988–2008 godah. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 56–62 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Zenin A.N. Ostatki megafauny iz peshhery Strashnaja v Severo-Zapadnom Altae (po materialam raskopok 2009 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 15–20 (in Russ.).

УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], М.А. Середнёв[2], К.И. Милютин[2], В.С. Панов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край), Чик и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году*

В 2016 г. на р. Чумыш было собрано и учтено 2743 остатка крупных млекопитающих. Общая численность коллекции составила 9,7 тыс. костей от 23 видов. Кости вымываются рекой из основания второй надпойменной террасы. В весенний паводок они выносятся на песчано-галечные пляжи. Наиболее интересная находка с р. Чумыш – целый череп пещерной гиены (C. crocuta spelaea). На р. Чик в 2016 г. было обнаружено 437 остатков мегафауны, в т.ч. часть черепа пещерной гиены, целая бедренная кость рыси (L. lynx), а также впервые для юга Западной Сибири – лобная кость человека плейстоценового типа сохранности. Общая численность коллекции составила 1757 костей от 18 видов. Все костные остатки с р. Чик найдены в русле реки в переотложенном состоянии. В 2016 г. коллекция костей с пляжа р. Оби в районе пос. Бибиха удвоилась, достигнув 1855 экз. от 15 видов. Кости крупных млекопитающих в Бибихе, очевидно, вымываются из среднеплейстоценового слоя, расположенного ниже уреза воды, и в весенне-летний паводок выносятся на песчано-галечный пляж. Получено 50 радиоуглеродных датировок по костям с р. Чумыш и 13 дат – по остаткам с р. Чик. Большинство из них относятся к каргинскому времени в пределах 30–45 тыс. л.н., но имеются также даты >50 тыс. л.н. и более поздние – сартанского и раннеголоценового возраста.

Ключевые слова: *Чумыш, Чик, Бибиха, крупные млекопитающие, костные остатки, пещерная гиена.*

S.K. Vasiliev[1, 2], M.A. Serednyov[2], K.I. Milyutin[2], V.S. Panov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Collecting of the Theriofaunal Materials at the Rivers Chumysh (Altai Region), Chick and Ob Near Bibikha Village (Novosibirsk Region) in 2016

2743 megafaunal remains have been collected or registered on the beaches and sand banks of the Chumysh river (Altai region) in 2016. The total amount of the osteological assemblage, collected at the Chumysh in 2011–2016, is 9,7 k of the bone remains related to 23 large mammal species. The bones are washed away by the river from the the lowermost part of the second terrace above the floodplain. They are transported to a sandy and pebble beaches in spring flood. The most interesting finding from the Chumysh is the whole skull of cave hyena (C. crocuta spelaea). 437 megafaunal remains have been collected at the Chick river in 2016. The most interesting findings from the Chick are the part of cave hyena skull, the whole femur of lynx (L. lynx), and also a first for the South of Western Siberia – the human frontal bone of pleistocene preservation type. The total amount of the osteological assemblage, collected at the Chick, is 1757 of the bone remains related to 18 large mammal species. All the bone remains from the Chick were found in the riverbed in redeposited state. The osteological assemblage, collected at the sand bank of the Ob River near Bibikha village has doubled in 2016. It amounts up to 1870 of the bone remains related to 15 large mammal species. The bones of large mammals obviously are

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

washed away from the Middle Pleistocene layer located below the water line. Then they are brought on the sandy-pebble beach near Bibikha in the spring and summer floods. There are 50 radiocarbon dates on the bones from the Chumysh river and 13 dates from the Chick. Most of them belong to Karginsky time within 30–45 thousand years ago, but there are also dates > 50 thousand years ago, and later – the Sartan and Early Holocene age.

Keywords: *Chumysh, Chick, Bibikha, large mammals, bone remains, cave hyena.*

Систематический сбор остатков плейстоценовых крупных млекопитающих на реках Чумыш и Чик осуществляется с 2011 г. [Васильев, Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю., 2014]. Костеносный пляж в районе пос. Бибиха был открыт в 2015 г. [Васильев и др., 2015]. В 2016 г. возобновились сборы палеотериологического материала на этих трех крупных местонахождениях. Подобные сборы позволяют получить в самые сжатые сроки, без проведения специальных раскопок, массовый серийный материал по основным представителям плейстоценовой мегафауны. В многотысячной коллекции попадаются также кости редких видов, в т.ч. теоретически возможны и находки костей палеолитического человека. С учетом строения разрезов в местах поисковых работ возможна более или менее точная стратиграфическая привязка собранного материала. Большую помощь в этом оказывает радиоуглеродное датирование костей, найденных вне геологического контекста.

Сплав по р. Чумыш между селами Мартыново и Кытманово в 2016 г. производился дважды – в июне и в сентябре, при более низком уровне воды. Коллекция пополнилась более чем 2,7 тыс. находок, а ее общий объем составил 9,7 тыс. костей от 23 видов (табл. 1). Кости крупных млекопитающих вымываются рекой из основания второй надпойменной террасы и в весенний паводок выносятся на песчано-галечные пляжи. При низком уровне воды много крупных костей удавалось находить непосредственно в русле реки, особенно на перекатах, где они обычно задерживаются

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих на пляжах и перекатах рек Чумыш, Чик и на отмели р. Оби в районе пос. Бибиха**

Таксоны	Чумыш, 2011–2016		Чик, 2011–2016		Бибиха, 2015–2016	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Lepus tanaiticus	4	0,04	1	0,06	–	–
Castor fiber	11	0,11	1	0,06	2	0,11
Cuon alpinus	1	0,01	–	–	–	–
V. vulpes	2	0,02	–	–	–	–
Canis lupus	9	0,09	4	0,23	3	0,16
Ursus arctos	37	0,38	5	0,28	7	0,38
Ursus savini	45	0,46	5	0,28	6	0,32
C.crocuta spelaea	7	0,07	3	0,17	–	–
Panthera leo spelaea	59	0,61	4	0,23	9	0,49
L. lynx	–	–	1	0,06	–	–
Mammuthus primigenius	899	9,27	228	12,98	97	5,23
Equus ex. gr. *gallicus*	2128	21,94	865	49,23	452	24,37
E. (Sussemionus) ovodovi	5	0,05	4	0,23	–	–
Stephanorhinus kirchbergensis	17	0,18	–	–	–	–
Coelodonta antiquitatis	947	9,76	131	7,46	119	6,42
Camelus knoblochi	2	0,02	–	–	–	–
Megaloceros giganteus	309	3,19	28	1,59	72	3,88
Cervus elaphus sibiricus	467	4,81	37	2,11	62	3,34
Alces cf. *alces*	164	1,69	20	1,14	35	1,89
Capreolus pygargus	3	0,03	–	–	–	–
Rangifer tarandus	11	0,11	6	0,34	3	0,16
Bos primigenius	1	0,01	–	–	–	–
Bison priscus	4569	47,10	404	22,99	982	52,94
Saiga borealis	2	0,02	10	0,57	4	0,22
Soergelia cf. *elisabethae*	–	–	–	–	1	0,05
Всего	9699	100	1757	100	1855	100

перед какими-либо препятствиями. Так, в месте скопления камней на дне реки были обнаружены пять замытых лобно-затылочных отделов черепа с роговыми стержнями бизонов, череп марала с неполными рогами, его почти целый сброшенный рог и т.д. Перед зарослями водорослей на перекате в районе с. Титово задержались целые осевые черепа лошади и пещерной гиены (см. *рисунок*). Находки целых черепов *C. crocuta spelaea* крайне редки, тем более в речных отложениях. Обычно остатки гиен связаны с пещерными местонахождениями, где в некоторых случаях они составляют до 10 % от числа остатков мегафауны. В русловом аллювии остатки пещерной гиены встречаются на порядок реже, чем кости пещерного льва (в среднем 0,6 и 0,06 %), что, по-видимому, отражает реальное соотношение численности этих хищников в плейстоценовых биотах юга Западной Сибири.

Череп принадлежал крупной взрослой особи. Он сохранился почти целиком, за исключением выпавших клыков и резцов и части нёбных костей. Частично повреждены также надглазничные и яремные отростки, слуховые барабаны. Длина: кондилобазальная – 269,4 мм; основная – 255; общая – 307,5; I^1-P^4 – 136; C-P^4 – 112,2; P^1-P^4 – 90,6 мм. Ширина: скуловая – 202,2 мм, в резцах – 49,6; в клыках – 79; в P^4 – 139; в подглазничных отверстиях – 90; в предглазничном сужении – 68,2; в височном сужении – 49,2; мозговой коробки – 98; мастоидная – 109; затылочных мыщелков – 57 мм. Высота: от верхнего края затылочного отверстия – 77,3; от нижнего края затылочных мыщелков – 108 мм. Длина/ширина: P^1 – 7,1/7,5 мм; P^2 – 20,2/15,1; P^3 – 27,2/20,9; P^4 – 45,2/24,8 мм.

Большинство ^{14}C-датировок костей с р. Чумыш относятся к каргинскому межстадиалу, девять находок датированы сартанским временем, и три – ранним голоценом (табл. 2). Соотношение бизон/лошадь на Чумыше (47,1 и 21,9 %) обратно таковому с Чика. Олени в сумме составляют 9,8 %, что почти вдвое выше аналогичного показателя для Чика. Доля хищников (1,7 %) типична для местонахождений в русловом аллювии. Остатки косули (0,03 %) встречаются крайне редко. Они могут указывать не только на развитие приречной лесной растительности, но и на климатические условия, мало отличающиеся от современных. Неожиданными стали находки первой фаланги и нижнего конца лучевой кости верблюда Кноблоха в районе г. Заринска и с. Дмитро-Титово [Васильев, 2016]. Предполагается, что *Camelus knoblochi*, в отличие от современного бактриана, в гораздо меньшей степени был связан с пустынными местообитаниями, и его экологический оптимум находился в пределах степной зоны. В засушливые годы он эпизодически

Череп *C. crocuta spelaea* с р. Чумыш.

мог проникать и в лесостепную зону. Раннеголоценовым (10,2 тыс. л.н.) оказался возраст единственной пястной кости тура. Среди более чем 200 metacarpales бизона с Чумыша (наиболее диагностичных в определении принадлежности к родам *Bos* или *Bison*) не было больше найдено ни одной, сходной с туром. Очевидно, *Bos primigenius* появился на этой территории лишь с началом голоцена.

В августе–сентябре 2016 г. К.И. Милютин в русле р. Чик собрал свыше 360 остатков мегафауны. Поиск костей проходил в основном на несколько сотен метров ниже железнодорожного моста. Независимо от него, любителем-краеведом М. Карповичем на этом же участке было найдено более 70 определимых костей, в т.ч. лобная кость человека с верхней частью глазных орбит. Кость плотная, тяжелая, цвет – от темно-кофейного до почти черного. По сохранности она ничем не отличается от других костей позднеплейстоценового возраста, собранных на р. Чик. Часть находок с Чика, в т.ч. фрагмент черепа человека, были переданы М. Карповичем в коллекцию Института археологии и этнографии СО РАН.

Все костные остатки найдены в русле р. Чик в переотложенном состоянии. Иловато-песчаная толща на перекатах и плесах насыщена большим количеством костных остатков – в основном неопределимых обломков. Кости извлекаются из-под слоя воды, в т.ч. путем зондирования иловатой толщи штыком саперной лопаты. Сохранились в основном наиболее прочные элементы скелета: метаподии, фаланги, лучевые, дистальные половины плечевых костей бизона и лошади и т.д. Следы окатанности на костях отсутствуют. Из песков слоя 7 [Лобачёв Ю.В., Васильев, Орлова, 2012], в 20 см выше уреза воды, по скоплению раковин моллюсков была получена ^{14}C-дата 9260 л.н. (табл. 2), пока единственная для заведомо автохтонного материала. Она показывает, что мощный размыв плей-

Таблица 2. **Радиоуглеродные значения возраста костных остатков крупных млекопитающих и моллюсков с рек Чумыш и Чик**

Вид	Элемент скелета	Возраст, лет	Код пробоподготовки
1	2	3	4
р. Чумыш			
Ursus savini	бедренная кость	19459±240	NSKA-00805
Ursus savini	лучевая кость № 1	35551±807	NSKA-01084
Ursus savini	плечевая кость № 2	39256±521	NSKA-00806
Ursus savini	большая берцовая кость	40359±944	NSKA-01087
Ursus savini	плечевая кость	46987±1994	NSKA-01086
Ursus savini	лучевая кость № 2	53255±1221	NSKA-01085
Panthera leo spelaea	плечевая кость	19381±402	NSKA-01077
Panthera leo spelaea	тазовая кость	20179±1136	NSKA-01081
Panthera leo spelaea	лопатка	23543±418	NSKA-01078
Panthera leo spelaea	лопатка	28747±2008	NSKA-01079
Panthera leo spelaea	лучевая кость	30070±1753	NSKA-01080
Panthera leo spelaea	3-й шейный позвонок	36434±1779	NSKA-01083
Panthera leo spelaea	крестец	36439±1488	NSKA-01082
Panthera leo spelaea	бедренная кость	40741±577	NSKA-00802
Panthera leo spelaea	лучевая кость	44337±1148	NSKA-00801
Panthera leo spelaea	нижняя челюсть	51400±1200	OxA-17043*
Panthera leo spelaea	большая берцовая кость	55200±727	NSKA-00803
C. crocuta spelaea	плечевая кость	37713±499	NSKA-00810
C. crocuta spelaea	нижняя челюсть	51200±1400	OxA-17006**
C. crocuta spelaea	нижняя челюсть (повтор)	50400±1300	OxA-17007**
Mammuthus primigenius	большая берцовая кость	31630±365	СОАН-6381***
Equus ferus	череп	8069±96	NSKA-00775
Equus ferus	череп	19611±439	NSKA-00774
Coelodonta antiquitatis	шейный позвонок № 2	22376±384	NSKA-00791
Coelodonta antiquitatis	лучевая кость	31350±1023	NSKA-00722
Coelodonta antiquitatis	шейный позвонок № 6	34178±752	NSKA-00795
Coelodonta antiquitatis	шейный позвонок № 4	40389±967	NSKA-00793
Coelodonta antiquitatis	шейный позвонок № 3	41557±967	NSKA-00792
Cervus elaphus sibiricus	лопатка	7726±1398	NSKA-01056
Cervus elaphus sibiricus	бедренная кость	25600±665	NSKA-01054
Cervus elaphus sibiricus	череп	32519±398	NSKA-00773
Cervus elaphus sibiricus	плечевая кость	36851±915	NSKA-01055
Megaloceros giganteus	нижняя челюсть	34738±852	NSKA-01052
Megaloceros giganteus	роговая штанга № 1	34817±1467	NSKA-01048
Megaloceros giganteus	берцовая кость	36101±1093	NSKA-01051
Megaloceros giganteus	роговая штанга № 2	37533±1339	NSKA-01049
Megaloceros giganteus	роговая штанга № 3	40478±2422	NSKA-01050
Megaloceros giganteus	череп	43401±2057	NSKA-00772
Megaloceros giganteus	роговая штанга	43754±479	NSKA-00770
Megaloceros giganteus	роговая штанга	53623±529	NSKA-00771
Alces cf. *alces*	роговая штанга № 1	29148±586	NSKA-00796
Alces cf. *alces*	нижняя челюсть	32265±1012	NSKA-01052
Alces cf. *alces*	роговая штанга № 2	32427±705	NSKA-00797
Alces cf. *alces*	роговая штанга № 4	36196±852	NSKA-00799
Alces cf. *alces*	роговая штанга № 3	37303±824	NSKA-00798
Rangifer tarandus	фрагмент рога	11355±996	NSKA-01092
Bos primigenius	пястная кость	10241±404	NSKA-01090
Bison priscus	роговой стержень	20900±1948	NSKA-01057
Bison priscus	роговой стержень	31945±1398	NSKA-s763

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Bison priscus	роговой стержень	33787±586	NSKA-01058
Bison priscus	роговой стержень	36713±1895	NSKA-s762
Bison priscus	лучевая кость	44507±1174	NSKA-s842
Bison priscus	роговой стержень	46065±970	NSKA-01059
	р. Чик		
Alces cf. *alces*	плечевая кость	4518±79	NSKA-00816
Megaloceros giganteus	фрагмент рога	8832±104	NSKA-00815
Раковины моллюсков	скопление	9260±55	СОАН-8442***
Bison priscus	грудной позвонок	15060±105	СОАН-8444***
Bison priscus	поясничный позвонок	27420±175	СОАН-8445***
Mammuthus primigenius	бедренная кость	30010±295	СОАН-8446***
Coelodonta antiquitatis	плечевая кость	30300±290	СОАН-8447***
Mammuthus primigenius	бедренная кость	32285±375	СОАН-8443***
Coelodonta antiquitatis	бедренная кость	33750±325	СОАН-8448***
Rangifer tarandus	берцовая кость	35635±921	NSKA-01093
Panthera leo spelaea	большая берцовая кость	38396±499	NSKA-00820
Mammuthus primigenius	запястная кость	50805±686	NSKA-00817
Ursus savini	локтевая кость	53712±724	NSKA-00818

*По: [Stuart, Lister, 2011].
**По: [Stuart, Lister, 2014].
***По: [Лобачёв Ю.В., Васильев, Орлова, 2012].

стоценовых пойменно-речных отложений в долине реки произошел в раннем голоцене. В настоящее время река повторно перемывает эти отложения.

Помимо остатков плейстоценовой мегафауны, в русле реки было собрано более 30 костей субфоссильной сохранности, принадлежащих бобру, выдре, волку, косуле, лосю, лошади и мелкой голоценовой корове. Среди находок этой категории – фрагмент лопаты рога лося с просверленным круглым отверстием диаметром 25/26 мм.

Из 12 радиоуглеродных дат по костям млекопитающих семь относятся ко второй половине каргинского времени (в пределах 27,4–38,4 тыс. л.н.), две – к его началу (50,8 и 53,7 тыс. л.н.). Одна находка датирована сартанским временем, и три – ранним и средним голоценом. Среди последних наиболее замечателен фрагмент рога *Megaloceros giganteus* с радиоуглеродным возрастом 8,8 тыс. л.н. (табл. 2). На юге Западной и Средней Сибири гигантский олень дожил до раннего голоцена. В частности, в двух местонахождениях Барабы его остатки датированы возрастом 8 тыс. л.н. [Van der Plicht et al., 2015]. Среди материалов 2016 г. заслуживают внимания целая бедренная кость рыси – первая находка этого вида в исследованных нами плейстоценовых местонахождениях, и затылочно-мозговой отдел черепа пещерной гиены. Ранее на Чике были найдены две целые плечевые кости *C crocuta spelaea* [Васильев, Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю., 2014].

Представители фаунистического комплекса с р. Чик обитали в условиях открытых степных ландшафтов. На это определенно указывает более чем двукратное преобладание остатков лошади над бизоном (49,2 и 23 % соответственно), присутствие таких типично степных видов, как сайгак, лошадь Оводова. Представительны остатки других видов открытых пространств – мамонта (13 %) и шерстистого носорога (7,5 %). Олени немногочисленны и составляют в сумме 5,2 %, доля хищников – 1,3 %. Единичные остатки северного оленя (0,3 %), наряду с заметным участием гигантского оленя (1,6 %), свидетельствуют, что климат того времени едва ли был значительно холоднее современного. Кости бобра и рыси указывают на существование приречной лесной растительности.

Количество костей, собранных в 2016 г. в Бибихе (904 экз.), почти удвоило коллекцию (см. табл. 1). Источник выноса костей на пляж не известен. Вероятнее всего, где-то неподалеку выше по течению происходит размыв чрезвычайно богатого подводного костеносного горизонта. Исходя из степени сохранности остатков, результатов анализа метаподий лошади и размеров костей бизона, возраст основной массы костей может быть предварительно определен как среднеплейстоценовый. Кости этой группы однородны по сохранности, практически совсем не окатаны. В 2016 г. список видов с местонахождения пополнился бобром и сайгаком. Фауна

с Бибихи обитала в условиях господства лесостепных ландшафтах, о чем свидетельствует соотношение бизон/лошадь (52,9 и 24,4 %) и высокая доля оленей (в сумме 9,3 %).

Благодарности. Авторы выражают признательность М. Карповичу за материалы с р. Чик, Ю.В. Лобачёву – за образцы для ^{14}C-датирования.

Список литературы

Васильев С.К. Новые находки верблюда Кноблоха на Предалтайской равнине // Териофауна России и сопредельных территорий: сб. тезисов докл. конф. – М.: Рос. фонд фундаментальных исслед., 2016. – С. 69.

Васильев С.К., Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю. Новые данные по местонахождениям позднеплейстоценовой мегафауны на реках Чумыш и Чик (Алтайский край и Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 15–18.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Слюсаренко И.Ю., Козликин М.Б., Чеха А.М. Сборы палеотериологического материала на реках Чумыш (Алтайский край) и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 36–40.

Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Орлова Л.А. Позднеплейстоценовая териофауна с р. Чумыш (Алтайский край) и новые данные по местонахождению на реке Чик (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 106–110.

Stuart A.J., Lister A.M. Extinction chronology of the cave lion *Panthera spelaea* // Quaternary Sci. Rev. – 2011. – Vol. 30. – P. 2329–2340.

Stuart A.J., Lister A.M. New radiocarbon evidence on the extirpation of the spotted hyaena (*Crocuta crocuta* (Erxl.)) in northern Eurasia // Quaternary Sci. Rev. – 2014. – Vol. 96. – P. 108–116.

Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., Slavinsky V.S. New Hococene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: updated extinction patterns // Quaternary Sci. Rev. – 2015. – Vol. 114. – P. 182–188.

References

Lobachjov Ju.V., Vasiliev S.K., Orlova L.A. Pozdneplejstocenovaja teriofauna s r. Chumysh (Altajskij kraj) i novye dannye po mestonahozhdeniju na reke Chik (Novosibirskaja oblast'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 106–110 (in Russ.).

Stuart A.J., Lister A.M. Extinction chronology of the cave lion *Panthera spelaea*. *Quaternary Science Reviews*, 2011, vol. 30, pp. 2329–2340.

Stuart A.J., Lister A.M. New radiocarbon evidence on the extirpation of the spotted hyaena (*Crocuta crocuta* (Erxl.)) in nortern Eurasia. *Quaternary Science Reviews*, 2014, vol. 96, pp. 108–116.

Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., Slavinsky V.S. New Hococene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: updated extinction patterns. *Quaternary Science Reviews*, 2015, vol. 114, p. 182–188.

Vasiliev S.K. Novye nahodki verbljuda Knobloha na Predaltajskoj ravnine. In *Teriofauna Rossii i sopredel'nyh territorij: sbornik tezisov dokladov konferentsii*. Moscow: Rossijskii fond fundamentalnyh issledoanij, 2016, p. 69 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Lobachjov Ju.V., Lobachjov A.Ju. Novye dannye po mestonahozhdenijam pozdneplejstocenovoj megafauny na rekah Chumysh i Chik (Altajskij kraj i Novosibirskaja oblast'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 15–18 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednjov M.A., Miljutin K.I., Sljusarenko I.Ju., Kozlikin M.B., Cheha A.M. Sbory paleoteriologicheskogo materiala na rekah Chumysh (Altajskij kraj) i Ob' v rajone posjolka Bibiha (Novosibirskaja oblast') v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 36–40 (in Russ.).

УДК 551.79

А.А. Вашков[1], А.Ф. Санько[2] , В.М. Харевич[3], И.В. Стасюк[3, 4], Е.В. Акимова[3, 4]

[1]Филиал «Институт геологии» Государственного предприятия «НПЦ по геологии»
[2]Белорусский государственный университет
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
[4]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E-mail: mihalich84@mail.ru

Геологические условия размещения стоянки Бюза II*

Стоянка Бюза II расположена вблизи слияния долины р. Бюза с долиной Енисея. На сегодняшний день памятник вскрыт абразионным уступом Красноярского водохранилища. Район стоянки ограничен сбросами и находится на опущенной части блока коренных пород. Памятник приурочен к средней части делювиального покрова, нарушенного логами. Этот покров имеет коническую в плане и слабовогнутую, террасированную в разрезе форму. Покров построен супесями пестрыми и однородными, с мелкоплитчатой текстурой и супесями лессовидными. Археологический материал стоянки Бюза II приурочен к нижней части самых молодых делювиальных супесей покрова. Эти осадки залегают на делювиальных супесях бурых с продуктами переотложения кор выветривания. Наличие в супесях бурых раковин холодолюбивых наземных моллюсков позволяет соотнести их с норильской стадией сартанского времени. Таким образом, залегающие выше по разрезу делювиальные супеси, вмещающие археологический материал стоянки Бюза II, могут быть отнесены к отложениям нижнего голоцена.

Ключевые слова: *сброс, делювиальный покров, лог, делювий, коллювий, кора выветривания, наземные моллюски, верхний плейстоцен, голоцен.*

A.A. Vashkov[1], A.F. San'ko[2], V.M. Kharevich[3], I.V. Stasiuk[3, 4], E.V. Akimova[3, 4]

[1]"Geological Institute" branch of State Enterprise "RPCG"
[2]Belarusian State University
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[4]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
E-mail: mihalich84@mail.ru

Geological Situation of Buza II Site Location

The Buza II site is located on confluence of Buza and Enisey rivers valley. Now part of the site destroyed by Krasnoyarsk reservoir. Site location is circumscribed by snap-fault. It is located on laid down bedrock. The site is situated on diluvial sedimentary cover middle part, breached by narrows. This diluvial sedimentary cover has conical terraced structure. The sedimentary cover is built of sandy loam and has small sheet structure and loess sandy loam. The artifacts is deposited on the lower part of most recent sandy loam of diluvial sedimentary cover. This sediment is deposited above diluvial sandy loam with materials of landwastes resedimentation. The materials of landwastes resedimentation considered cameo-shells of cryophilic terraneous mollusks. It allows us to identify this sediment as norilsk stage of sartan. So sediments with artifacts can be identified by Lower Holocene.

Keywords: *snap, diluvial sedimentary cover, narrow, diluvium, colluvium, landwastes, terraneous mollusks, Upper Pleistocene, Holocene.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Стоянка Бюза II расположена на левом коренном борту долины р. Бюза, в 0,5 км к западу от ее слияния с долиной Енисея. В настоящее время долины рек, за исключением площадок самых высоких надпойменных террас Енисея, затоплены созданным в 1960-е гг. Красноярским водохранилищем с зеркалом максимального уровня на абсолютной отметке 243 м. Культуросодержащий горизонт вскрывается абразионным уступом берега водохранилища высотой 0,5 м. Здесь же наблюдается и переотложение археологического материала в аккумулятивной пляжной зоне. В 2016 г. культурный слой стоянки был вскрыт раскопом и шурфом на участке коренного берега с абсолютной отметкой 243,5–244,0 м.

Район стоянки приурочен к прямоугольному в плане блоку коренных кристаллических пород длиной более 0,9 км, шириной 0,4–0,5 км, вытянутому с северо-востока на юго-запад. Блок ограничен разломами-сбросами северо-западного простирания, входящими в зону Колбинско-Удинского разлома, и двумя разломами-сбросами северо-восточного простирания, вытянутыми вдоль долины р. Енисей. Наличие разломов-сбросов фиксируется по смещениям кровли коренных пород амплитудой до 100–180 м и морфологически выраженным уступам крутизной до 50–70°, высотой до 10–25 м. Падение сместителей разломов-сбросов Енисейской зоны разломов направлено по азимуту 315–330°

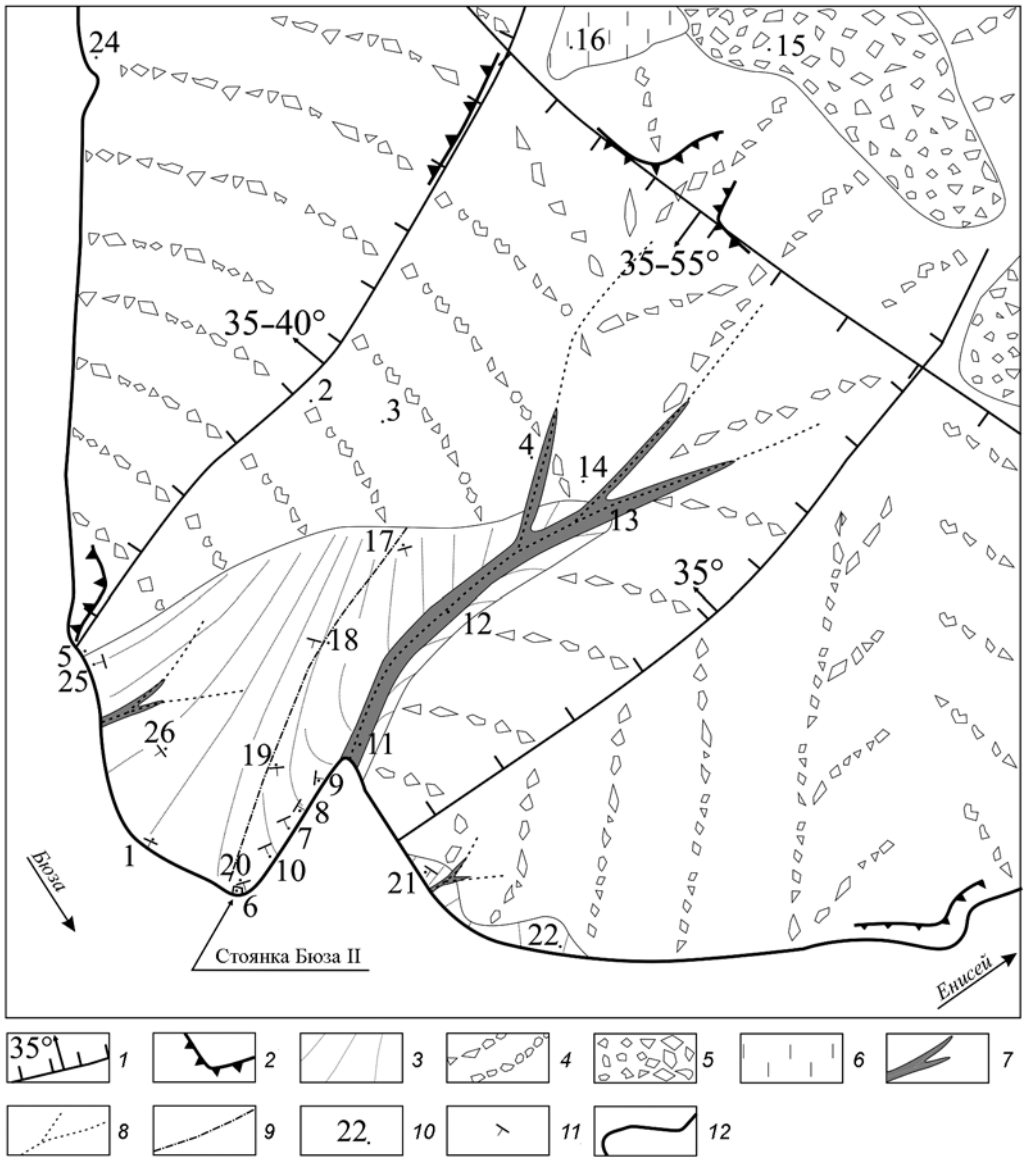


Рис. 1. Морфологическая схема рельефа в районе стоянки Бюза II.

1 – разломы-сбросы и углы падения сместителей; *2* – уступы, выраженные в рельефе; *3* – делювиальные отложения; *4* – коллювиальные отложения; *5* – элювиально-делювиальные отложения; *6* – лессовидные отложения; *7* – пролювиальные отложения; *8* – тальвеги логов; *9* – осевая линия делювиального покрова; *10* – точки наблюдения и их номера; *11* – направления падения плитчатости в делювиальных осадках; *12* – береговая линия Красноярского водохранилища.

и углом более 35–40°. Разлом-сброс зоны Колбинско-Удинского разлома имеет падение по азимуту 225° и углом до 45°. Коренные породы в пределах рассматриваемого блока представлены риолит-порфирами, риодацитами, кварцитами, базальтами ордовикского возраста. Территория стоянки Бюза II приурочена к немного опущенной части блока коренных пород, перекрытых отложениями плейстоцена мощностью 1,0–3,5 м.

Плейстоценовые отложения района стоянки представляют собой делювиальный покров-шлейф длиной более 0,7 км, шириной до 0,37–0,40 км, большая часть поверхности которого (ниже абсолютной отметки 243 м) затоплена. В плане покров имеет форму конуса, в разрезе его поверхность террасирована, слабовогнута, с постепенным выполаживанием в сторону долины р. Бюза. Крутизна склонов покрова в среднем составляет 7–12°. Отмечаются террасовидные уплощенные участки с крутизной склона 4–7°, расположенные на абсолютных отметках 300–306 м, 292–294 м, 270–278 м, 245–255 м. Стоянка Бюза II находится на самом нижнем террасовидном участке покрова.

Тыловой шов делювиального покрова фиксируется на абсолютных отметках 310–315 м. Здесь происходит общее увеличение крутизны склона на 7–10°, а склоны выше тылового шва построены коллювиальными аккумуляциями. Дистальная часть покрова опирается на пойму долины р. Бюза. У северо-западного и юго-восточного края в поверхность покрова на глубину до 3–5 м врезаны водно-эрозионные формы в виде логов. Между логами отмечается отчетливая осевая водораздельная линия с максимальными абсолютными отметками, к которой приурочена стоянка Бюза II (рис. 1).

Подошва делювиального покрова залегает на крупнообломочном материале коллювиально-делювиальных и коллювиальных отложений, которые повсеместно выходят на поверхность склонов выше тылового шва покрова. Аккумуляции, строящие тело покрова, представлены преимущественно супесями серыми, палево-бурыми, бурыми, массивными, мелкоплитчатыми и супесями палево-серыми, лессовидными. Так, в пределах стоянки Бюза II в шурфе глубиной до 2,9 м вскрывается переслаивание делювиальных (слои 2, 3, 5, 7) и лессовидных отложений (слои 4, 6, 8), которые размещены на коллювиально-делювиальных (слой 9) и коллювиальных склоновых отложениях (слой 10) и перекрыты современными почвенными образованиями (слои 1, 2; рис. 2).

Современная почва мощностью до 0,30–0,35 м представлена супесью легкой, темно-серой, черной, рыхлой, с большим числом корневищ и остатков древесных и травяных растений. Материнской породой являются делювиальные осадки, о чем свидетельствует отчетливо плитчатая текстура в нижней части супеси в слое 2.

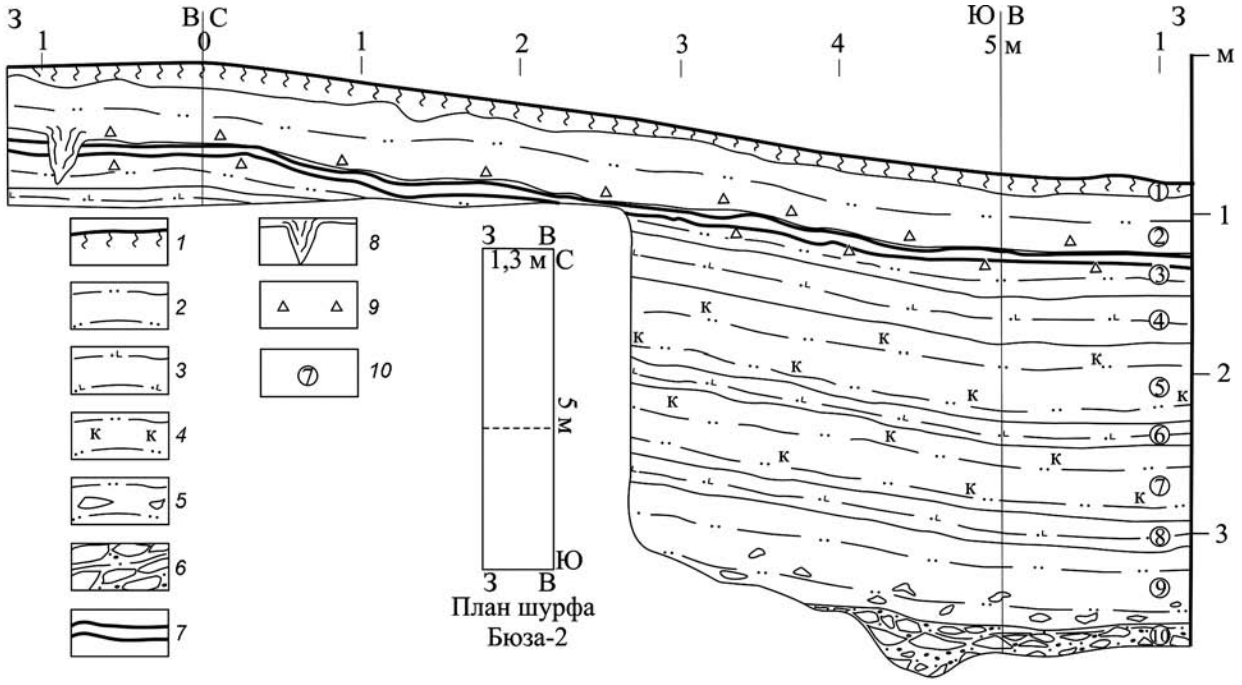


Рис. 2. Схема строения делювиального покрова в шурфе в пределах археологической стоянки Бюза II.

1 – почвенно-растительный слой; *2* – супеси делювиальные; *3* – супеси лессовидные; *4* – супеси делювиальные, карбонатные; *5* – супеси делювиальные с включением грубообломочного материала; *6* – щебнисто-глыбовый материал с дресвой, разнозернистым песком; *7* – прослои суглинков и глин; *8* – морозобойный клин; *9* – археологический материал; *10* – номера слоев.

Делювиальные отложения преобладают в разрезе стоянки Бюза II и являются формообразующими, в основном они строят собой тело покрова-шлейфа. Мощность слоев делювиальных осадков варьирует от 0,3 до 0,5 м, суммарная мощность – до 1,9 м. Отложения неоднородны по окраске: от светло-серых (слой 2), светло-бурых, желтовато-бурых (слои 5, 7) до пестроцветных бурых, коричнево-бурых (слой 3). Общей чертой делювиальных отложений слоев 2, 3, 5 является мелкоплитчатая текстура осадков с плитками толщиной 1–5 мм; в слое 7 плитчатость не выражена.

В отложениях слоя 2 отмечается редкое присутствие зерен гравия окатанной формы и угловатые зерна дресвы диаметром до 0,4–0,8 см. Единично встречается мелкая галька размером до 1,1 см. В средней и нижней частях слоя 2 и кровле слоя 3 присутствует археологический материал; плотность находок и размеры артефактов возрастают к нижней части культурного слоя. В интервале 2–10 см от кровли слоя 3 отмечается слоистость за счет прослоев (до 3 шт.) супеси тяжелой коричнево-бурого цвета с катунами суглинков и глин бурого цвета. Эти прослои хорошо выражены по всему разрезу стоянки Бюза II, они являются маркерами нижней границы распространения археологического материала.

В шурфе, расположенном в 70 м к северо-востоку от стоянки Бюза II (разрез Бюза-7), в подошве слоя 3 отмечается большое число раковин холодолюбивых наземных моллюсков диаметром до 0,3 мм (см. *таблицу*).

Малакофауна разреза Бюза-7 относится к числу перигляциальных, достаточно холодолюбивых фаун так называемого лессового комплекса. Вместе с вымершим в конце плейстоцена холодостойким видом *Pupilla loessica* Ložek, способным переносить экстремальные климатические условия, здесь выявлена холодостойкая *Succinea oblonga elongata* Sandberger. Общее их участие в фауне оценивается в 33,1 %, что позволяет соотносить данную фауну с финальной стадией последнего оледенения.

Малакофауна разреза Бюза-7

E	Таксон	Кол-во, экз.
5.6	*Pupilla muscorum* (Linnaeus)	50
5.7	*Pupilla loessica* Ložek	250
5.7	*Pupilla densegyrata* Ložek	95
5.11	*Vallonia tenuilabris* (Braun)	570
8.6	*Succinea oblonga elongata* Sandberger	103
Сумма		1068
Участие самых холодостойких видов – *Pupilla loessica + Succinea oblonga elongata*, %		353

Абсолютное господство по количеству экземпляров в фауне разреза Бюза-7 принадлежит настоящему сибирскому виду *Vallonia tenuilabris* (Braun). Он относится к группе типичных перигляциальных лессовых форм. В настоящее время обитает в Сибири в открытых степных ландшафтах с различной (от средней до незначительной) степенью влажности, главным образом среди мхов. Встречается преимущественно в горных областях (60–68° с.ш.). В ископаемом состоянии вид обитал в течение всех перигляциальных эпох плейстоцена на территории расположенного в 20–30 км южнее Дербинского археологического района [Лаухин и др., 2002].

Лессовидные отложения стоянки Бюза II представлены слоями супесей серых, светло-серых, палево-серых, легких (слои 4, 6) и тяжелых (слой 8), рыхлых, пылеватых, карбонатных, микропористых. В слое 4 отмечаются признаки мелкой плитчатости за счет перемещения осадков вниз по склону. В слоях 6, 8 зафиксирована вторичная слоистость в виде прослоев охристо-бурого цвета, в слое 8 присутствуют также пятна марганцевых новообразований черного цвета. Мощность слоев лессовидных супесей изменяется от 0,16 до 0,35 м, суммарная мощность по разрезу составляет 0,65–0,70 м.

Коллювиально-делювиальные и коллювиальные склоновые отложения (слои 9, 10) завершают верхнеплейстоценовый разрез. Они представлены грубыми супесями и суглинками бурой, желто-бурой окраски с обломками глыб, щебня, дресвы и песком разнозернистым. Размерность обломков постепенно возрастает вниз по разрезу до 15–20 см в диаметре. Обломки не окатанной формы, угловатые, уплощенные, призматические, удлиненные. Состав крупнообломочного материала определен местными породами – порфирами полевошпатовыми, риолитами, кристаллическими сланцами, диабазами из зон разрушения коренных пород. Слой 9 представляет собой типичные коллювиально-делювиальные отложения с плавным переходом от грубообломочного материала (слой 10) к супесчаным плитчатым делювиальным аккумуляциям. Типичные грубообломочные коллювиальные аккумуляции слоя 10 сильно обводнены, являются водоносным горизонтом с водосбором под всем делювиальным покровом. Вскрытая мощность коллювиальных отложений – до 0,5 м.

На восточном и западном краях делювиального покрова состав плейстоценовых отложений отличен от разреза стоянки Бюза II. Их мощность здесь не превышает 1,5–1,8 м, в составе отсутствуют лессовидные супеси, делювиальным осадкам присуща большая пестрота и яркость окрасок. В них встречается большое число катунов и выраженных прослоев суглинков и глин коричневых, коричне-

во-бурых. Эти включения представляют собой перемещенные вниз по склону продукты разрушения кор выветривания. Наличие признаков слоистости, за счет прослоев суглинков и глин, может говорить об их аккумуляции в условиях стабилизации склоновых процессов и в сезонно-обводненной обстановке.

Таким образом, строение делювиального покрова изученного района указывает на седиментацию отложений в условиях значительных изменений климата от похолоданий (формирование лессовидных супесей, морозобойных клиньев) до относительных потеплений (аккумуляция делювиальных отложений плитчатой текстуры с участием материала кор выветривания). Отсутствие в разрезе Бюза II признаков погребенных почв и остатков крупной фауны позволяет говорить о том, что аккумуляции делювиального покрова относятся только к сартанскому горизонту верхнего плейстоцена и современному горизонту голоцена. Культурный слой стоянки Бюза II, связанный с делювиальными супесями, приурочен к отложениям нижнего голоцена. Об этом свидетельствуют неравномерная, возрастающая к кровле слоя гумусированность; наличие плитчатости в нижнем интервале слоя 2 и в слое 3; наличие прослоев суглинков и глин бурых в кровле слоя 3, соответствующих началу потепления и повышенной обводненности отложений; присутствие в нижней части слоя 3 холодолюбивой наземной малакофауны, соответствующей заключительной (норильской) стадии похолодания в позднем плейстоцене [Кинд, 1974]. Необходимо отметить, что размещение каменного материала культурного слоя стоянки в делювиальных отложениях допускает незначительное (до 0,2–1,0 м) перемещение небольших изделий согласно падению делювиального покрова.

Список литературы

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

Лаухин С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузко А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Літасфера. – 2002. – № 1 (16). – С. 49–57.

Reference

Kind N.V. Geokhronologiya pozdnego antropogena po izotopnym dannym. Moscow: Nauka. 1974, 256 p. (in Russ.).

Laukhin S.A., San'ko A.F., Elovicheva Ya.K., Motuzko A.N., Akimova E.V., Stasyuk I.V., Tomilova E.A. Derbina V – opornyi razrez Derbinskogo arkheologicheskogo raiona (yugo-zapad Vostochnogo Sayana). *Litosfera*, 2002, No. 1 (16), pp. 49–57 (in Russ.).

УДК 903.01

П.В. Волков[1, 2], Л.В. Лбова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: volkov100@yandex.ru

Мальтинские браслеты из богхеда*

В статье представлены результаты микроскопического анализа с помощью стереоскопического микроскопа «Альтами СМ0745» фрагментов браслетов из богхеда, обнаруженных в коллекции из известного сибирского верхнепалеолитического местонахождения Мальта, хранящейся в Государственном историческом музее (г. Москва). Браслеты как личные украшения в палеолитическое время известны по индивидуальным находкам, а также по их изображениям в скульптуре и графике. На основе трасологического и иконографического анализов удалось определить вероятную функцию артефактов. В целом технологию производства подобных изделий можно охарактеризовать как относительно примитивную. При их изготовлении использовалось только два инструмента – резец и скобель. Выбор сравнительно хрупкого, хотя и хорошо поддающегося обработке сырья – богхеда (разновидности угля) нельзя назвать оптимальным, однако технологические характеристики являются устойчивыми для производства подобных предметов в верхнем палеолите.

Ключевые слова: *верхний палеолит, персональные украшения, богхед, технология, микроскопический анализ.*

P.V. Volkov[1, 2], L.V. Lbova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2] Novosibirsk State University
E-mail: volkov100@yandex.ru

Bracelets Made of Torbanite from Malta Site Collection

The article presents the results of microscopic analysis of bracelets fragments made of torbanite. A special analysis of the product surface in this study using a stereoscopic microscope Altami SM0745. The artifacts were found in the collection of the famous Siberian Upper Paleolithic location of Malta in the State Historical Museum (Moscow). The bracelets as personal ornaments in the Paleolithic period are known as the individual discoveries, as well as their images in the sculpture and graphics. According to the use-wear and iconographic analysis we could determine the function of the artifacts that represent fragments of bracelets. In general, such products manufacturing technology can be characterized as relatively primitive. In their manufacture only two tools were used (cutter/graver and hard scraper). The selection of a relatively fragile, though well treated, raw material (torbanite is a coal varieties) is not optimal for preparing of a bracelet. Generally, the technological characteristics are stable for the production of such items in the Upper Paleolithic

Keywords: *Upper Palaeolithic, personal ornaments, torbanite, technology, microscopic analysis.*

Изображения браслетов в палеолитической скульптуре и графике известны по материалам ряда верхнепалеолитических комплексов: Костенки-1, Авдеево, Мальта, Виллендорф, Истюриц, Ложери-Бас и др. [Абрамова, 1960]. Широкие и узкие браслеты как самостоятельные артефакты из бивня, поделочного камня и раковин известны из раскопок различных в типологическом отношении археологических комплексов: Сунгирь (погребения), Мальта (погребение), Мезино, Денисова пещера (слой 11), грот Ментона, Бассо де Торре и др.

В семантическом отношении ношение браслетов в архаичных сообществах имело различное значение и могло выполнять символическую функцию защитного амулета или социального (гендерного) маркера. Не исключено и практическое назначение браслетов. Мало изученными остаются техноло-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

гические аспекты изготовления таких предметов в эпоху палеолита.

Наличие браслетов в мальтинской коллекции упоминалось М.М. Герасимовым [1958], Е.А. Липниной [2002], однако подробное описание и анализ технологии изготовления этих изделий ранее не были приведены.

Обследование поверхности изделий (рис. 1, *б*, *в*) проводилось с помощью стереоскопического микроскопа Альтами СМ0745 при рабочем режиме увеличения от 20 до 400 крат, что позволило выявить следы инструментов, использовавшихся при их изготовлении. Технологические исследования каменных артефактов базировались на методике анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Korobkowa, 1999 и др.], и на основе опыта синтезированной методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии [Волков, 2013]. Употребляемая терминология и функциональная типология инструментария соответствует каталогу терминов, приведенному в монографии П.В. Волкова «Опыт эксперимента в археологии» [Там же, с. 99–126.]

В рассматриваемой коллекции представлены три фрагмента изделий из богхеда, имеющих близкую форму и технологию изготовления, но определяемых как фрагменты трех разных предметов.

Фрагмент 1 (М59 102494, оп. 1830/491). Поверхность обладает хорошей сохранностью. Размеры: длина – 78,82 мм, ширина – 17,05 мм, толщина – 16 мм; внутренний диаметр – 66 мм, внешний диаметр – 115 мм. Предполагается, что фрагмент является частью уплощенного, овального в сечении широкого браслета. По внешнему диаметру поверхность обработана скобелем, по внутреннему – резцом и скобелем. На внутренней плоскости отмечены следы легкой заполировки, вероятно от ношения. Интенсивность на краях слабее, чем по внешней поверхности. На внутренней части предмета наблюдаются следы проникновения в поры породы краски алого цвета (рис. 1, *б*, *в*).

Фрагмент 2 (М58 102494, оп. 1830/492). Поверхность обладает хорошей сохранностью. Размеры: длина – 75,79 мм, ширина – 26,5мм, толщина – 23,56 мм; предполагаемый внутренний диаметр – в пределах 60 мм, внешний диаметр – 125 мм. Предмет не был обработан по всей поверхности, одна сторона уплощенная, на ней видны природные изломы слоев угля. В сечении изделие имеет подтрапециевидную форму. На торцах излома следов заполировки нет. Со стороны необработанной части предмета отмечены

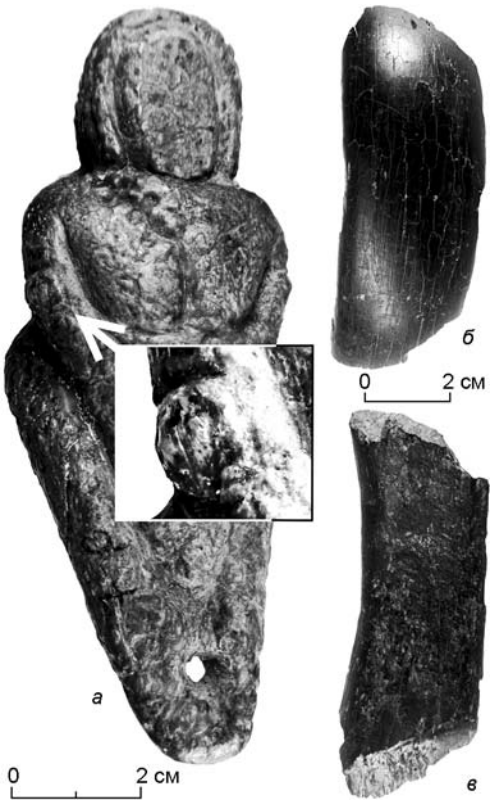


Рис. 1. Антропоморфное изделие из коллекции Государственного исторического музея (*а*); фрагмент браслета (М59 102494, оп. 1830/491) с выпуклой (*б*) и вогнутой стороны (*в*).

следы заглаженности от контакта с эластичным материалом.

Фрагмент 3 (101937, оп. 1820/180). Имеет среднюю сохранность поверхности. Размеры: длина – 47,86 мм, ширина – 18,41 мм, толщина – 21,85 мм; предполагаемый внутренний диаметр – 60 мм, внешний диаметр – примерно 125 мм. Предмет представляет собой плохо обработанный фрагмент, его изготовление остановилось на начальной стадии. Следы заполировки наблюдаются практически по всей поверхности, в т.ч. и с торцовых частей. По внешнему диаметру имеются следы работы скобелем, по внутренним плоскостям использовались скобель и, вероятно, резец.

Ранее высказывалось предположение об особенностях изготовления заготовок этих браслетов. Предполагалось, что контур изделий прорабатывался формированием «предварительных канавок», проделываемых в блоках сырья [Липнина, 2002].

Особенности утилизации описанных выше артефактов выявлены на основе трасологического анализа поверхностей изделий. На внутренней, вогнутой стороне двух предметов (№ 1, 2) отмечены следы работы резца с относительно широким рабочим краем и скобеля (рис. 2). Анализ «трасологиче-

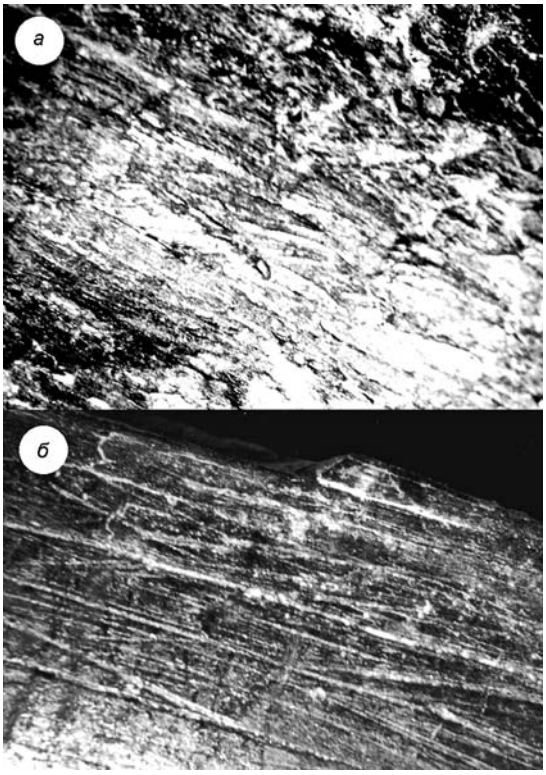


Рис. 2. Следы заполировки и работы скобелем на внутренней (*а*) и внешней (*б*) стороне браслета (М59 102494, оп. 1830/491). Следы работы резцом на внутренней стороне браслета (*а*). Увеличение – 40 крат.

ского палимпсеста» вогнутой поверхности показал первичность следов резца. С его помощью, вероятно, производилось изначальное формирование изделия. Выравнивание поверхности выполнялось скобелем, следы которого перекрывают на большей части поверхности следы резца. На внешней, выпуклой стороне изделия следов резца не выявлено. Здесь прослеживаются следы работы только скобеля.

В целом технологию производства изделий такого типа можно охарактеризовать как относительно примитивную. Использовано только два инструмента – резец и скобель. Нельзя назвать оптимальным и выбор сравнительно хрупкого, хотя и хорошо поддающегося обработке сырья. Поверхность всех артефактов покрыта заполировкой, образовавшейся от контакта с мягким, эластичным органическим материалом (шкура, мех, кожа). Наиболее интенсивно заполирована выпуклая часть изделия, т.е. можно предполагать ношение изделий под одеждой.

Браслеты такого типа вполне могли быть характерным женским украшением в верхнем палеолите, на что указывают известные аналогии [Абрамова, 1960]. Судя по изображению на антропоморфной скульптуре из той же мальтинской коллекции, такие браслеты могли носиться на средней части плеча, выше локтя (см. рис. 1, *а*). Предметы могли быть как составные, так и цельные. Например, в этой же коллекции имеются аналогичные целые браслеты и их заготовки, выполненные из другого материала – бивня.

Материал, из которого изготовлены браслеты, местного происхождения (Иркутский угольный бассейн). Известно, что богхеды залегают среди гумусового угля как в виде прослоек небольшой ширины (20–25 см), так и в виде самостоятельных пластов толщиной до 2 м.

Особенностью одного из предметов является наличие красной (алой) краски, микрочастицы которой зафиксированы в порах богхеда по внутренней стороне изделия. Спектральный анализ пигмента показал присутствие железа, стронция, цинка, циркония. Этот факт косвенно указывает на то, что подобные браслеты могли надеваться на открытые участки рук, покрытые пигментом, под одежду.

Технологический анализ описанных выше артефактов позволяет провести некоторые сравнения с установленными способами обработки функционально аналогичных изделий, изготовленных в более раннее время. Палеолитический браслет из темно-зеленого хлоритолита, обнаруженный в отложениях верхней части слоя 11 в устьевой зоне восточной галереи Денисовой пещеры, свидетельствует о существовании на Алтае более развитой практики в обработке и в производстве подобных изделий. Согласно результатам трасологического и технологического изучения, при изготовлении денисовского браслета применялась шлифовка на абразивах разного рода, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом типа рашпиля [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]. Браслеты из богхеда в мальтинской коллекции изготовлены по более устойчивой технологии, широко распространенной в это время, с использованием набора относительно простых инструментов, таких как резец и скобель.

Список литературы

Абрамова З.А. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири // МИА. – 1960. – № 79. – С. 126–149.

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта: Раскопки 1956–1958 гг. // СЭ. – 1958. – № 3. – С. 28–52.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Архео-

логия, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – URL: http://cheloveknauka.com/maltinskoe-mestonahozhdenie-paleoliticheskih-kultur#ixzz4Ks5dXM00 (Дата обращения: 05.09 2016).

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 241 с. – (МИА; № 54).

Korobkowa G.F. Narzedziawpradziejach. – Torin: Widawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.

Reference

Abramova Z.A. Elementy odezhdy i ukrashenij na skul'pturnyh izobrazhenijah cheloveka epohi verhnego paleolita v Evrope i Sibiri. *MIA*, 1960, No. 79, pp. 126–149 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Volkov P.V. A Paleolithic Bracelet from Denisova Cave. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 2 (34), pp. 13–25.

Gerasimov M.M. Paleoliticheskaja stojanka Mal'ta: Raskopki 1956–1958 gg. *Sovetskaja Etnografija*, 1958, No. 3, pp. 28–52 (in Russ.).

Korobkowa G.F. Narzedziawpradziejach. Torin: Widawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999, 168 p.

Lipnina E.A. Mal'tinskoe mestonahozhdenie paleoliticheskih kul'tur: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2002. URL: http://cheloveknauka.com/maltinskoe-mestonahozhdenie-paleoliticheskih-kultur#ixzz4Ks5dXM00 (in Russ.).

Semenov S.A. Pervobytnaja tehnika. Moscow; Leningrad: Nauka, 1957, 241 p. (MIA; No. 54) (in Russ.).

Volkov P.V. Opyt eksperimenta v arheologii. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2013, 416 p. (in Russ.).

УДК 903.02

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Технологии обжига и гончарные печи неолитического населения в районе среднего течения реки Янцзы*

Керамические изделия составляют самый объемный раздел материальной культуры эпохи неолита. Обжиг готовых сосудов осуществлялся в гончарных печах, отличавшихся весьма сложным устройством. В данном исследовании приводится анализ всех известных на данный момент печей из памятников среднего и позднего неолита, а также раннего бронзового века средней Янцзы и некоторых сопредельных территорий, а именно более 100 объектов на 30 памятниках культур Даси, Яншао, Цюйцзялин, Шицзяхэ, Эрлитоу. Нами установлено, что в данном регионе на хронологическом отрезке от среднего неолита (5000–3000 лет до н.э.) и до раннего бронзового века (ок. 2000 лет до н.э.) последовательно представлены три основных типа печей – совмещенные, горизонтально-наклонные и вертикальные. В статье прослежены конструктивные особенности каждого из указанных типов.

Ключевые слова: *Древний Китай, средняя Янцзы, неолит, эволюция технологий, гончарное производство, обжиг.*

E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Firing Technologies and the Pottery Kilns of Neolithic Tribes of Yangtze River Middle Reaches

Pottery is the biggest section of the Neolithic material culture. Firing of finished vessels was carried out in pottery kilns, which had very complex construction. This investigation presents the analysis of all currently known material remains of middle and late Neolithic and early Bronze Age of the middle Yangtze River and some neighboring areas, so it includes more than 100 kilns on 30 sites of Daxi, Yangshao, Qujialing, Shijiahe, Erlitou cultures. The study shows that on the chronological interval from the middle Neolithic (5000–3000 BC) to the Early Bronze Age (ca. 2000 BC) in the region successively existed three main types of kilns – combined, inclined horizontal and vertical. The construction features of each type submitted were also investigated.

Keywords: *Ancient China, the middle reaches of Yangtze River, Neolithic, evolution of technology, pottery, firing.*

Массовое производство керамических изделий относится к эпохе неолита, когда были сформированы все основные технологические приемы изготовления сосуда: отбор исходного сырья, его добыча, обработка, составление формовочной массы, формование сосуда, механическая обработка поверхности, высушивание, обжиг, в отдельных случаях – декорирование и конструирование служебных частей [Бобринский, 1978, с. 14].

Большие территории Китая обусловили появление нескольких региональных традиций гончарного производства [Гирченко, 2016, с. 15]. На юге суглинистые и глинистые фракции позволяли получать изделия с твердыми и тонкими стенками. Наиболее преуспели в этом неолитические гончары культуры Луншань III тысячелетия до н.э., изготавливавшие керамику с толщиной стенок от 2,2 до 0,2 мм [Гирченко, 2015, с. 48].

Неолитические гончары Китая применяли два способа обжига керамического материала – окислительный и восстановительный (т.е. перекрывали доступ кислорода в обжигательную камеру), что позволяло получить желаемую окраску готовых изделий. При окислительном обжиге железо,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

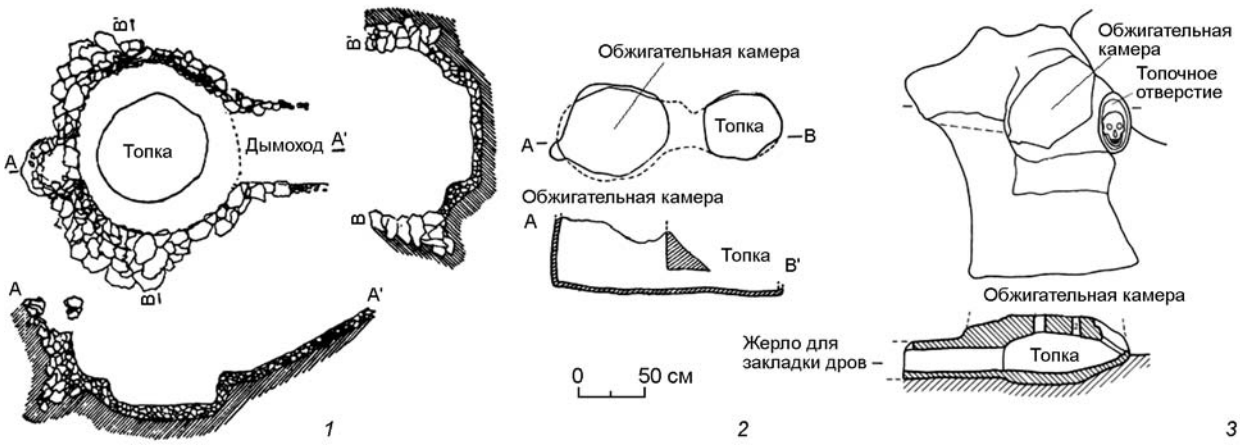
содержащееся в природном материале, вступая в реакцию с кислородом, превращалось в окись железа, соответственно сосуд приобретал красный цвет. При восстановительном обжиге окислительный процесс предотвращался, и глина сохраняла свой первоначальный цвет. Разные сорта глин требовали и разных температур, если температуры в 800–850 ºС было достаточной для лессового керамического теста, то для других сортов возникала необходимость в повышении температур, и к III тыс. до н.э. она была доведена до 1000 ºС. До этого керамика обжигалась в кострах при температуре 600–700 ºС. Находки наиболее ранних гончарных изделий характеризуются хрупкостью и пористостью [Ло Минь, 2011].

Регион Янцзы уже в неолите столкнулся с проблемами перенаселенности, а соответственно постоянно ощущал необходимость развития технологий для улучшения хозяйственной жизни. На средней Янцзы гончарные обжигательные печи появились в культуре Даси раннего и среднего неолита (5000–3000 гг. до н.э.). Исследование включает все известные на данный момент гончарные печи памятников среднего и позднего неолита, а также раннего бронзового века средней Янцзы и некоторых сопредельных территорий, а именно более 100 объектов на 30 памятниках культур Яншао и Даси (в Хунани – Чэнтоушань, Гуачэнган, в Хубэ – Ванцзяган, Чжуцзятай, Ганьцзяхэ, Дасы, Дяньцзыхэ, в Хэнани – Сяванган, Сяцзи, Сячжай, Луншаньган, в Шэньси – Лунгансы, Цзыцзин), Цюйцзялин (в Хунани – Чэнтоушань, в Хубэ – Шайваньтай, Лицзявань, Иньсянчэн, Цзиньцзилин, Гуаньиньпин, Чжунтайцзы, Цинлунцюань, Лювань, в Хэнани – Балиган), Шицзяхэ (в Цзянси – Фаньчэндуй, в Хунани – Лаоутайцзы, в Хубэе – Инсянчэн, Цзомалин, Чаяньчун, Сяоцзяуцзи, Сецзыди, Шуанфэньдянь, Цилихэ, Ляовадяньцзы, в Хэнани – Сяванган, в Шэньси – Цзыцзин) и Эрлитоу (в Хубэе – Паньлунчэн, Сюнцзячжуан, Ляовадяньцзы). Таким образом, данное исследование направлено на всесторонний анализ конструктивных особенностей гончарных печей в своей эволюции от культур среднего неолита (5000–3000 лет до н.э.) и вплоть до бронзового века (ок. 2000 лет до н.э.).

Обжиг осуществлялся в гончарных печах, отличавшихся весьма сложным устройством. Сохранились остатки неолитических печей трех основных конструктивных типов – совмещенные, горизонтально-наклонные и вертикальные (см. *рисунок*, *1–3*). Все они состояли из трех основных конструктивных элементов – топки, обжигательной камеры и дымохода. Деление на три типа основывается на принципах расположения топки и обжигательной камеры относительно друг друга.

Первый тип, наиболее архаичный, представлял собой конструкцию, в которой и топка, и обжигательная камера представляли собой единое пространство с «полочкой» для установки изделий гончарного производства.

В горизонтально-наклонной печи топка была расположена ниже уровня обжигательной камеры и немного позади. Она соединена с камерой идущим наклонно каналом, размеры которого могли достигать 2 м. Канал, часто разделенный на два или три ответвления, огибая обжиговую камеру, позволял жару равномерно проникать туда через специальные отверстия, чтобы избежать недостаточного или, наоборот, чрезмерного обжига изделий. Температура была выше и стабильнее, чем в соединенной конструкции, и достигала 1000 ºС.



Гончарные печи разных культур неолита среднего течения р. Янцзы.

1 – совмещенная печь (памятник Хуачэнган); *2* – горизонтально-наклонная печь (памятник Сяванган); *3* – вертикальная печь (памятник Цилихэ) (по: [Гу Сяоцюнь, Го Чанцзян, 2015, с. 125]).

Конструкция дымоходов имела большое значение для второго типа печей, поэтому они довольно разнообразны. Наиболее примитивные прямые, непосредственно соединяющие топку и обжигательную камеру, но в Даси и в последующей культуре Цюйцзялин (3100–2700 гг. до н. э.) встречались данные конструктивные элементы как U-образной, так и кольцеобразной формы. В Шицзяхэ (2500–2000 гг. до н.э.) появляются дымоходы Ф-образной формы, что обусловлено нуждами более равномерного распределения жара по камере и сохранения постоянных температур.

Вертикальная печь, наиболее прогрессивная и поздняя, состояла из находившейся в нижней части топочной камеры, узкого канала, по которому поднимался жар от горящего топлива, и обжигательной камеры. Наверху обычно делались прямоугольные отверстия, через которые отводился дым, что позволяло обеспечивать в обжигательной камере более равномерную температуру [Кравцова, 2010, с. 249].

Кроме того, наиболее примитивным является простой обжиг в ямах, следы которых зафиксированы на некоторых ранних неолитических памятниках. Установить точно время появления более сложных конструкций пока, ввиду недостаточности материала, не представляется возможным, но уже в среднем неолите совмещенные печи были распространены в культуре Даси.

Появление печей второго типа позволило решить самые сложные задачи – повысить температуры и добиться равномерного обжига всех сосудов, находящихся в обжигательной камере. Так, примером одной из наиболее ранних модификаций является печь с памятника Хуачэнган (см. *рисунок*, *1*), где зафиксированы специальные выступы по периметру ямы для установки на них керамики. Подобного рода печи уже были найдены на севере, в культуре Пэйлиган на среднем Хуанхэ (5500–4500 гг. до н. э.), причем Пэйлиган датируется более ранним временем, чем Даси. На данный момент мы не располагаем достаточными данными, чтобы судить, были ли совмещенные печи заимствованы с севера или являлись технологическим изобретением местных гончаров. Горизонтально-наклонные печи (см. *рисунок*, *2*) появляются также в культуре Даси и некоторое время сосуществуют с совмещенными печами примерно в равных пропорциях. Существенное доминирование второго типа зафиксировано в более поздней культуре Цюйцзялин. В культуре финального неолита Шицзяхэ при повсеместном распространении горизонтально-наклонных печей появление вертикальных печей единично. Вертикальные печи получают наибольшее распространение уже в бронзовом веке, хотя и встречаются реже горизонтально-наклонных.

Разные районы средней Янцзы различались неравномерностью развития технологий. Тогда как на равнинах Цзянхань и Лиян все еще использовались совмещенные печи, в бассейне р. Ханьшуй распространение получили горизонтально-наклонные конструкции, что очевидно связано с близостью к культуре Яншао (5000–3000 гг. до н. э.) [Гао Синчао, 2011, с. 47]. Начиная с эпохи Цюйцзялин, мы видим постепенную их модификацию – сначала топка, обжигательная камера и дымоход располагались на одном уровне, впоследствии наблюдается понижение топочной камеры на 15–20°. На долгое время, в том числе и в культуре Шицзяхэ, этот тип является доминирующим, меняется только форма обжигательной камеры, к бронзовому веку она перестает быть круглой и становится более прямоугольной. Новый тип, так же, как и раньше, появляется именно в долине р. Ханьшуй. Что касается вертикальных печей, то в более ранней исследовательской литературе можно встретить мнение, что такая конструкция, при которой обжигательная камера расположена непосредственно над топкой и соединена несколькими отверстиями, появилась только в бронзовом веке [Чжан Миндун, 2004], однако современные исследования доказывают, что подобные печи появились раньше, уже в позднем неолите. Безусловно, в бронзовом веке, например, на знаменитом памятнике Паньлунчэн (культура Эрлитоу), обжигательные камеры отличаются большими, чем в неолите, размерами и наличием нескольких, а не одного, отверстий для помещения в печь изделий для обжига, тем не менее, сам тип конструкции появился в неолите (например, памятник Цилихэ (см. *рисунок*, *3*)).

Интересна и динамика размеров обжигательных камер в разных культурах, ведь от размеров зависели объемы производства и качество производимых изделий. Так, наиболее большие камеры обнаружены в начале культуры Даси, где совмещенная печь могла достигать 246 см в диаметре и в Эрлитоу, где печи третьего типа могли достигать 225 см в диаметре. Показатели же второго, третьего типов в Цюйцзялин и Шицзяхэ меньше –около 110 см [Гу Сяоцзюнь, Го Чанцзян, 2015, с. 126].

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Гао Синчао. Хуанхэ лююй яншао шидай ваньци – луншань шидай таояо яньцзю (Исследования гончарных печей бассейна Хуанхэ в поздний период Яншао и в эпоху Луншань). – Чанчунь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 2011. – 97 с. (на кит. яз.).

Гирченко Е.А. Некоторые результаты технико-типологического анализа неолитической керамики КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 45–48.

Гирченко Е.А. Керамические традиции неолитических культур северных и южных районов КНР // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15; вып. 4: Востоковедение. – С. 15–21.

Гу Сяоцзюнь, Го Чанцзян. Чанцзян чжунъюэ дицюй шицянь таояо цзи ци юй таоци шэнчан чутань (Исследования доисторических печей и их связей с производством керамики на среднем Янцзы) // Наньфан вэньу. – 2015. – № 4. – С. 122–127, 151 (на кит. яз.).

Кравцова М.Е. Керамика // Духовная культура Китая. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 6. – С. 246–261.

Ло Минь. Саньсяь дицюй сяньцинь шици таояо дэ каогу фасянь юй яое цзишу яньцзю (Археологические открытия доциньских гончарных печей в регионе Саньсяь и исследования технологий обжига) // Саньсяь луньтань (Трибуна Саньсяь). – 2011. – № 2. – С. 18–30 (на кит. яз.).

Чжан Миндун. Хуанхэ лююй сяньцинь таояо яньцзю (Исследования доциньских печей в долине Хуанхэ) // Гудай вэньмин (Древние культуры). – Пекин: Вэньу, 2004. – Т. 3. – С. 115–149 (на кит. яз.).

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. M.: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Gao Xingchao. Huanghe liuyu yangshao shidai wanqi – longshan shidai taoyao yanjiu (The investigation of kilns of Huanghe basin in late Yangshao and Longshan era). Changchun: Jilin daxue chubanshe, 2011, 97 p. (in Chin.).

Girchenko E.A. Nekotoryye rezul'taty tekhniko-tipologicheskogo analiza neoliticheskoy keramiki KNR. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 45–48 (in Russ.).

Girchenko E.A. Keramicheskiye traditsii neoliticheskikh kul'tur severnykh i yuzhnykh rayonov KNR. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser.: Istoriya, filologiya*, 2016, No. 15, iss. 4, pp. 15–21 (in Russ.).

Gu Xiaojun, Guo Changjiang. Changjiang zhongyou diqu shiqian taoyao ji qi yu taoqi shengchan chutan (The investigations of prehistoric kilns and the production of ceramics in the middle Yangtze region). *Nanfang wenwu*, 2015, No. 4, pp. 122–127, 151 (in Chin.).

Kravtsova M.E. Keramika. In *Dukhovnaya kultura Kitaya*. Moscow: Vostochaya literatura, 2010, vol. 6, pp. 246–261 (in Russ.).

Luo Min. Sanxia diqu xianqin shiqi taoyao de kaogu faxian yu yaoye jishu yanjiu (Archaeological discoveries of pre-Qin kilns in the Three Gorges region and the research of firing technologies). *Sanxia luntan*, 2011, No. 2, pp. 18–30 (in Chin.).

Zhang Mingdong. Huanghe liuyu xianqin taoyao yanjiu (The investigations of pre-Qin kilns in Huanghe River basin). In *Gudai wenming (Ancient cultures)*. Beijing: Wenwu Publ., 2004, vol. 3, pp. 115–149 (in Chin.).

УДК 903.12

Е.А. Гирченко[1], А.В. Варенов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Рыболовство в долине среднего течения реки Янцзы в эпоху неолита (по материалам памятников района Санься)

У неолитического населения региона Санься на средней Янцзы одним из ведущих видов хозяйства являлось рыболовство. На данный момент открыто более 40 неолитических стоянок, где зафиксированы следы хозяйственной деятельности, связанной с рыбной ловлей. Кроме рыбьих костей, зубов и раковин моллюсков на всех памятниках неолита региона находят орудия рыбной ловли. Анализ форм грузил и их распространенности показал, что на востоке региона использовались большие вытянутые гальки, позволяющие ловить довольно крупную рыбу, на западе же находят небольшие плоские гальки с двумя выемками или камни копытообразной формы; там в большей степени распространены маленькие глиняные грузила, часто сквозные и имеющие вытянутую форму, для ловли небольшой рыбы на мелководье. Зафиксированы также свидетельства наличия у обитателей средней Янцзы навыков хранения рыбы.

Ключевые слова: *ущелье Санься, среднее течение Янцзы, неолит, рыболовство, фаунистические остатки.*

E.A. Girchenko[1], A.V. Varenov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Fishing in the Neolithic of the Middle Reaches of Yangtze River (Based on the Excavated Materials of Sanxia Region Archaeological Sites)

Fishing was one of the leading types of industry in the Neolithic of Sanxia region in the Middle Yangtze. Nowadays the traces of economic activity based on fishing were found at more than 40 Neolithic sites. Besides fish bones, teeth and shells of mollusks, fishing tools were found at all the Neolithic sites of the region. The analysis of forms of fishing sinkers and their prevalence showed that in the eastern part of region more elongated pebbles were used that allowed to catch quite long fish, in the western part were found small flat pebbles with two recesses or hoof-shaped ones, small elongated clay sinkers often perforated were also common. These sinkers were suitable for catching small fish in shallow water. Also the inhabitants of the middle Yangtze were able to store fish for a long time.

Keywords: *Sanxia Gorge, middle reaches of Yangtze River, Neolithic, fishing, faunal remains.*

В районе Санься, в среднем течении самой многоводной реки Китая Янцзы, она на протяжении почти 130 км протекает сквозь горы, обрамляющие Сычуаньскую котловину, образуя три ущелья (кит. Санься) – Цилинся (протяженностью почти 80 км), Уся (40 км) и самое узкое и опасное длиной всего 8 км – Цюйтансяя. В течение всей истории регион Санься представлял собой ключевой проход на стыке востока и запада Южного Китая, свидетелями древних событий являлись сохранившиеся до наших дней археологические объекты разных эпох. Три ущелья – регион неспокойный, естественные горные преграды во все времена создавали угрозу наводнений, о чем свидетельствуют исторические хроники. Вместе с тем, среднее течение Янцзы с древности славилось благоприятными услови-

ями для выращивания риса, поэтому район еще в неолите столкнулся с проблемами перенаселенности и демографического пресса.

Янцзы особенно богата притоками на участке от Чуньцина до Ичана, что существенно увеличивает ее объем. Не удивительно, что у неолитического населения Саньсяо одним из ведущих видов хозяйства являлось рыболовство. На данный момент открыто более 40 неолитических стоянок как по Янцзы, так и по притокам, где зафиксированы следы хозяйственной деятельности, связанной с рыбной ловлей.

Ущелье Саньсяо относится к субтропическому поясу, средние температуры здесь немного выше, чем в других регионах средней и нижней Янцзы. Высота сброса речных потоков довольно велика и достигает 40 м, что вызывает бурное течение. Ложе реки на данном участке состоит преимущественно из галечника и песка, вода чистая и насыщенная кислородом, что создает хорошие условия для размножения и миграций как пресноводных рыб, обитающих в многочисленных озерах, так и жителей соленых вод. В Янцзы много эндемиков, т.е. из примерно 300 видов рыб, населяющих реку, 166 больше нигде не встречаются. Более всего распространены рыбы семейства карповых: белый и черный амур, пестрый и белый толстолобик, серебряный карась, горбушка, верхогляд, желтощек, амурский гольян и др., что составляет 51,4 % от общего количества всех видов. Вьюны представлены 19 видами (6,9 %), багриды – 19 видами (также 6,9 %), семейство балиториевых включает 15 видов (5,5 %), 12 видов бычков (4,4 %), единично представленные виды составляют 24,9 % [Чанцзян юйлэй, 1976]. Основными объектами рыбной ловли в неолите являлись белый амур, сельдь, толстолобик, карась, карп, лещ, пескарь.

На каждом из неолитических памятников Саньсяо в большом количестве находят рыбные кости, что говорит о ведущей роли рыболовства в хозяйственной жизни неолитических племен, а благоприятные условия среднего и нижнего течения Янцзы только способствовали увеличению популяции и быстрому созреванию рыб до взрослой особи. Белый амур, черный амур, белый толстолобик, пестрый толстолобик – это четыре основных вида промысловых рыб региона Саньсяо, на базе которых было проведено исследование, направленное на сравнение показателей роста и скорости полового созревания одних и тех же видов в Янцзы и на Амуре. На Янцзы толстолобик, черный лещ, карп, амурская острогрудка достигают максимума своего роста уже в первый год жизни, вместе с тем на Амуре – только во второй. Черный амур достигает на Амуре максимума роста только в третий год, а на Янцзы – в первый. Самый большой период роста приходится на белого амура, который вырастает до максимального роста на Амуре только на четвертый год, на Янцзы пик роста приходится также на первый год. Скорость полового созревания у белого и пестрого толстолобиков на Янцзы также выше и составляет всего год, тогда как в более северных водах этот период занимает около шести лет. У амурской острогрудки и белого амурского леща время полового созревания в Янцзы также не более двух лет при четырех годах в других водоемах [Ли Ицюань, 2013, с. 220]. Все эти обстоятельства в совокупности позволяли древним рыболовам всегда иметь хороший улов.

Помимо рыбьих костей, зубов и раковин моллюсков на всех памятниках неолита региона Саньсяо найдено немало орудий рыбной ловли. Это и крючки, и гарпуны, и рыболовные грузила (см. *таблицу*).

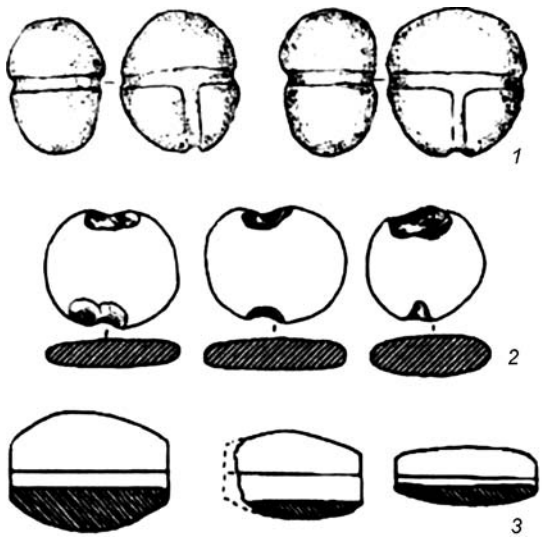
Памятник Чжунбаодао (культура Даси), где орудий рыбной ловли найдено не было, тем не менее, является наиболее представительным по количеству обнаруженных рыбьих костных останков. При раскопках 1993 г. на Чжунбаодао открыта мусорная яма глубиной до 1 м и в длину достигающая 2,6 м, преимущественно содержавшая кости рыб, а также кости и зубы диких животных [Ичан Чжунбаодао, 1998. с. 95]. Сейчас, спустя 20 с лишним лет, подобных ям на памятниках культуры Даси изучено более ста. Крайне показательной является стоянка Лицзявань, где нижние слои относятся к культуре Даси, а верхние – к последующей культуре Цюйцзялин. Ямы с костями встречаются в обеих культурах, но в более поздней они значительно превосходят ранние по размерам [Ли Ицюань, 2013, с. 221]. На памятнике Мяопин в уезде Цзыгуй в 6 зольниках нашли как кости рыб, так и фрагменты керамики, а также кости других животных. Кости рыб здесь составляют примерно 50 % общего количества фаунистических останков [Цзыгуй Мяопин, 2003, с. 139]. На памятнике Наньмуюань количество найденных костей достигает 896 шт., анализ этих находок показал разнообразие видового состава рыб со стоянки, там оказались как карповые, так и окуни, и осетровые, и сомы, но больше всего найдено костей черного и белого амура [Бадун Наньмуюань, 2006, с. 235]. На памятнике Чжунба в уезде Чжунсянь из 25604 найденных костей только 1585 экз. позволяли определить их биологический вид. Выделено 15 видов, включающих черного амура, белого амура, усатого голавля, черного амурского леща, белого толстолобика, пестрого толстолобика, юньнаньского акроссохейлуса, китайского окуня и др. По коли-

Находки рыбьих костей и орудий рыбной ловли на неолитических стоянках региона Санься (преимущественно Чунцин и провинция Хубэй)

Памятник, уезд, регион	Орудия рыбной ловли	Фаунистические остатки
Фусикоу, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Каменные грузила с выемками – 9; глиняные грузила – 17	–
Дадицзуй, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Каменные грузила с выемками – 2; глиняные грузила – 7	–
Хуанъюдянь, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Глиняное грузило	Кости, зубы рыб
Дачжоудянь, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Глиняное грузило 1; много каменных грузил с выемками	Кости рыб
Сухэпин, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Глиняные грузила – 2	–
Малюто, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Каменные грузила с выемками – 2	Кости рыб
Хуцзяба, уезд Ваньчжоу, Чунцин	Каменные грузила с выемками – 39	–
Цзяндунцзуй, уезд Ушань, Чунцин	Копытообразные каменные грузила – 2	–
Пэйши, уезд Ушань, Чунцин	–	Кости рыб
Чжэньлун, уезд Ушань, Чунцин	Гарпун	Кости рыб
Шаопэнцзуй, уезд Чжунсянь, Чунцин	Каменное грузило	–
Чжунба, уезд Чжунсянь, Чунцин	Костяной крючок	Кости рыб
Дуцзяюаньцзы, уезд Чжунсянь, Чунцин	Каменные грузила с выемками – 10	–
Юйдянь, уезд Фэнду, Чунцин	–	Кости рыб
Вэйцзялянцзы, уезд Ушань, Чунцин	–	Кости рыб
Дадянь, уезд Ушань, Чунцин	–	Кости рыб
Чанкоу, район Фулин, Чунцин	Каменные грузила – 20	–
Хэцзуй, район Фулин, Чунцин	Каменное грузило	–
Вэньцзявань, г. Чунцин	Каменное грузило	–
Янбатань, г. Чунцин	Каменные грузила – 9	–
Ванъемяо, г. Чунцин	Каменные грузила – 7	–
Ганьтяньгоу, г. Чунцин	Каменные грузила – 50	–
Мяопин, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Юйчжунди, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Хэцзяпин, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Люлиньдянь, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	Т-образное грузило	Кости рыб
Цзючжоухэ, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	–	Кости, позвонки рыб
Дунмэньтоу, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	Т-образное грузило	–
Дяньцзытоу, уезд Бадун, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Хояньши, уезд Бадун, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Наньмуюань, уезд Бадун, провинция Хубэй	Т-образное грузило	Кости рыб
Гунцзядагоу, уезд Цзыгуй, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Усянмяо, уезд Ичан, провинция Хубэй	Каменные грузила в большом количестве	–
Цзиншуйтань, уезд Ичан, провинция Хубэй	Крючок, костяной гарпун	Кости рыб
Чжунбаодао, уезд Ичан, провинция Хубэй	–	Кости рыб
Баймяо, уезд Ичан, провинция Хубэй	Каменное грузило	Кости рыб

чественным показателям костные останки рыб значительно превосходят останки млекопитающих [Рован К. Флэд (Фу Ловэнь), Юань Цзин, 2006, с. 81–85]. Ямы с рыбьими костями также были открыты на памятниках Гунцзядагоу (уезд Цзыгуй), Цзиншуйтань (уезд Ичан), Усянмяо (уезд Цзыгуй), Цючжоухэ (уезд Цзыгуй).

Грузила для сетей на востоке и западе (условной границей является ущелье Дитанся) региона имеют разную форму. Каменные обычно довольно большие, глиняные – маленькие, как правило, сквозные и имеют вытянутую форму (см. *рисунок, 3*). На востоке выбирались большие вытянутые гальки, на которых выдалбливались Т-образные



Рыболовные грузила неолита региона Санься (без масштаба; по: [Ли Ицюань, 2013, с. 222]).

1 – каменные грузила с Т-образным желобком; *2* – каменные грузила с выемками по бокам; *3* – глиняные грузила с продольным отверстием.

желобки, далее грузила закреплялись крестнакрест (см. *рисунок, 1*), а на западе использовались плоские гальки с двумя выемками или камни копытообразной формы (см. *рисунок, 2*). Они не такие тяжелые и применялись для ловли рыбы небольших размеров, что подтверждается археологическими находками: на западе кости больших рыб почти не встречаются. Кроме того, глиняные грузила на западе получили большее распространение. Эта разница, достаточно неочевидная в неолите, особенно заметно проявляется в эпоху бронзы, в шанское и чжоуское время [У Сяньчжу, 2002, с. 63–64].

Кроме грузил встречаются крючки, гарпуны, для рыбной ловли на мелководье, вероятно, использовали деревянные палки. На памятнике Наньмугуань среди десятков тысяч фаунистических остатков преобладают кости белого амура (число рыбьих костей составляет 94,6 % от общего количества) [Бадун Наньмуюань, 2006, с. 234], что свидетельствует скорее не о предпочтениях в отношении определенного вида рыбы, а о легкости его ловли в период корма на мелководье, т.е. древние люди знали места нереста черного и белого амура. О совершенных навыках ловли рыбы говорят и размеры, которых достигал амур или, например, осетр – 3,2 м в длину и 40 кг веса. Очевидно, что одному человеку не под силу поймать рыбу такой величины, необходимо было участие нескольких людей и крепкие сети. Для единоличной ловли могли использоваться сети с более легкими глиняными грузилами, гарпуны и крючки.

Зафиксированы и свидетельства наличия у обитателей средней Янцзы навыков хранения рыбы. Рыбная ловля имела сезонный характер, поэтому существовала необходимость хранить рыбу долгое время и соответственно солить, сушить или коптить ее. Последние два вида обработки сложно зафиксировать археологически, а вот засаливание могло иметь место, тем более что рядом с некоторыми неолитическими стоянками отмечены выходы соли. Например, рядом со стоянкой Чжунба позднего неолита обнаружены обложенные плоскими камнями ямы глубиной до 1 м, которые китайскими специалистами классифицируются как погреба. Подобные ямы известны не только в Чжунба, но и на других памятниках, таких как Шаопэнцзуй, Шуанъяньтан и Вачжади. Для нужд хранения подходили и найденные в большом количестве довольно крупные остродонные корчаги *ган* с широким устьем и туловом. Они все красно-бурого цвета, с примесью песка в тесте, как правило, орнаментированные шнуром. В 2001 г. корчаги были осмотрены специалистами по соли из г. Брест (Франция), которые заключили, что они очень похожи на сосуды для засаливания, известные на Африканском континенте [Сунь Чжибинь, 2003].

Список литературы

Бадун Наньмуюань (Стоянка Наньмуюань в уезде Бадун). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2006. – 568 с. (на кит. яз.).

Ичан Чжунбаодао синьшици шидай ичжи (Неолитическя стоянка Чжунбаодао в уезде Ичан) // Каогу сюэбао. – 1998. – № 1. – С. 45–97 (на кит. яз.).

Ли Ицюань. Санься дицюй синьшици дэ юйе цзинцзи (Неолитическое рыболовство района Санься) // Нунъе каогу. – 2013. – № 6. – С. 219–225 (на кит. яз.).

Рован К. Флэд (Фу Ловэнь), Юань Цзин. Чунцин Чжунсянь Чжунба ичжи дунъу ицунь дэ яньцзю (Исследование фаунистических остатков на стоянке Чжунба в уезде Чжунсянь г. Чунцин) // Каогу. – 2006. – № 1. – С. 79–88 (на кит. яз.).

Сунь Чжибинь. Чжунсянь Чжунба ичжи дэ синчжи – янье шэнчань дэ сыкао юй таньсо (Характер стоянки Чжунба в уезде Чжунсянь – размышления и исследования на тему зарождения соляного промысла) // Янье ши яньцзю (Исследования по истории соляного промысла). – 2003. – № 1. – С. 25–30 (на кит. яз.).

У Сяньчжу. Каогу сюэ соцзянь Чанцзян Санься Ся-Шан-Чжоу шици дэ юйе шэнчань (Археологические свидетельства зарождения рыболовства эпохи Ся-Шан-Чжоу в районе Санься на Янцзы) // Цзянхань каогу. – 2002. – № 3. – С. 60–68 (на кит. яз.).

Цзыгуй Мяопин (Стоянка Мяопин в уезде Цзыгуй). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2003. – 324 с. (на кит. яз.).

Чанцзян юйлэй (Рыбы р. Янцзы). – Пекин: Кэсюэ, 1976. – 220 с. (на кит. яз.).

References

Badong Nanmuyuan (Nanmuyuan site in Badong county). Beijing: Kexue chubanshe, 2006, 568 p. (in Chin.).

Changjiang yulei (Fish of Yangtze). Beijing: Kexue chubanshe, 1976, 220 p. (in Chin.).

Li Yiquan. Sanxia diqu xinshiqi de yuye jingji (The fish industry in the Neolithic of Sanxia region). *Nongye kaogu*, 2013, No. 6, pp. 219–225 (in Chin.).

Rowan K. Fled (Fu Luowen), Yuan Jing. Chongqing Zhongxian Zhongba yizhi dongwu yicun de yanjiu (The investigations of faunal remains on Zhongba site, Zhong county, Chongqing). *Kaogu*, 2006, No. 1, pp. 79–88 (in Chin.).

Sun Zhibin. Zhongxian Zhongba yizhi de xingzhi – yanye shengchan de sikaoyu tansuo (The characteristics of Zhongba site, Zhong County – the thoughts and investigations on the origins of the salt production). *Yanye shi yanjiu (The investigations of the history of salt production)*, 2003, No. 1, pp. 25–30 (in Chin.).

Wu Xianzhu. Kaogu xue suojian Changjiang Sanxia Xia-Shang-Zhou shiqi de yuye shengchan (Archaeological evidence of the origins of fisheries in Xia-Shang-Zhou periods of Sanxia region on Yangtze river). *Jianghan kaogu*, 2002, No. 3, pp. 60–68 (in Chin.).

Yichang Zhongbaodao xinshiqi shidai yizhi (Zhongbaodao – a Neolithic site in Yichang county). *Kaogu xuebao*, 1998, No. 1, pp. 45–97 (in Chin.).

Zigui Miaoping (Miaoping site in Zigui county). Beijing: Kexue chubanshe, 2003, 324 p. (in Chin.).

УДК 902.6(57.2)

О.И. Горюнова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Иркутский государственный университет
E-mail: as122@yandex.ru

Керамический комплекс культурного слоя IX поселения Улан-Хада на Байкале*

Проведен анализ керамических материалов слоя IX поселения Улан-Хада, расположенного на побережье Малого моря оз. Байкал. На основе морфологических признаков выделено несколько групп керамики. Сравнение их с материалами опорных неолитических объектов Приольхонья и в целом Прибайкалья позволило определить относительную и абсолютную хронологию этих групп. Установлено, что слой IX является компрессионным, содержащим артефакты разных культурно-хронологических периодов неолита. Он включает материалы среднего (керамика посольского типа) и позднего (украшенная различными штампами тычковым методом и пунктирно-гребенчатая керамика) неолита. Сетчатая керамика традиционно сопровождает керамические комплексы региона на протяжении всей эпохи неолита. Общая датировка слоя IX Улан-Хады – в пределах 5,9–4,3 тыс. л.н. (6750–4870 кал. л.н.).

Ключевые слова: *Приольхонье, Прибайкалье, озеро Байкал, поселение, неолит, керамика, периодизация, хронология.*

O.I. Goriunova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Irkutsk State University
E-mail: as122@yandex.ru

The Ceramic Complex from Cultural Layer IX at the Ulan-Khada Habitation Site on Lake Baikal

We present the results of an analysis of ceramic materials uncovered in layer IX from the Ulan-Khada habitation site, situated on the shore of the Little Sea of Lake Baikal. On the basis of morphological indicators, we distinguish several ceramic groupings. A comparison of these materials with those found at surrounding Neolithic sites in the Olkhon region and the broader Cis-Baikal enables us to define the relative and absolute chronology for these groups. We propose that layer IX represents a compression that contains artifacts from various culture-historic periods within the Neolithic. It contains materials from the Middle (Posol'sk type ceramics) and Late (ceramics decorated with various impressed stamp methods and dotted-comb designs) Neolithic. Net-impressed ceramics also accompanied these complexes during the entire Neolithic period. Overall dates for layer IX at Ulan-Khada range from 5900–4300 BP (6750–4870 cal BP).

Keywords: *Olkhon region, Cis-Baikal, lake Baikal, habitation site, Neolithic, ceramics, periodization, chronology.*

Геоархеологический объект Улан-Хада, расположенный в одноименной бухте Мухорского залива Малого моря оз. Байкал, является первым многослойным поселением в России. Он открыт и исследован Б.Э. Петри в 1912–1913 гг. В результате работ им выделено 12 культурных слоев (пачка 0-х и слои I–XI), два их которых (X и IX) относятся к неолиту. В дальнейшем раскопки на Улан-Хаде проводились различными академическими и вузовскими экспедициями: в 1959 и 1963 гг. – Ленинградского отделения Института археологии СССР (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, Л.П. Хлобыстин), в 1974, 1979, 1982, 1990 гг. – Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова, Н.А. Савельев) [Горюнова, 1984]. Несмотря на прошедшие более чем 100 лет со дня открытия этого поселения,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10169).

Улан-Хада является одним из опорных памятников при изучении древних культур голоцена региона. Его материалы постоянно используются в обобщающих публикациях по проблемам каменного – бронзового веков Прибайкалья. В зависимости от имеющейся фактологической базы и общего уровня развития археологической науки, авторы исследований по-своему интерпретировали тот или иной слой этого поселения. Одним из дискуссионных является вопрос культурно-хронологической принадлежности комплекса слоя IX (Г/1 по М.П. Грязнову) Улан-Хады. Всеми исследователями признается его смешанный характер, в материалах слоя выделено несколько типов керамики. Разногласия касаются вопроса: являются ли выделенные типы керамики синхронными, существующими в одном хронологическом срезе, или они принадлежат разным культурно-хронологическим периодам? [Петри, 1916; Хлобыстин, 1964; Свинин, 1970; Горюнова, 1984; Грязнов, Комарова, 1992]. Комплексные исследования ряда новых многослойных поселений (в первую очередь – Саган-Забы II), проведенные в последние десятилетия в Приольхонье и Прибайкалье в целом, а также полученные серии радиоуглеродных дат по ним дали возможность обоснованного пересмотра сложившихся взглядов на интерпретацию материалов слоя IX Улан-Хады и на их датировку. Решению этих вопросов посвящена данная статья.

Комплекс слоя IX представлен разнообразной керамикой приблизительно от 211 сосудов (из них 25 – без орнамента). Преобладает посуда с гладкой поверхностью; встречена керамика с оттисками сетки-плетенки, штрихов и тонкого шнура. Все сосуды круглодонные или остродонные (у некоторых из них слегка уплощенное дно). По ряду признаков (форма сосудов, технический декор, орнаментальные особенности) выделяются несколько основных керамических групп, в состав которых входят отдельные подгруппы.

Сетчатая керамика (с оттисками сетки-плетенки) представлена фрагментами от сосудов с округлым дном, сложной закрытой формы. Выделяются сосуды с высокими венчиками. Преобладает посуда без орнамента. Из украшений использовался поясок ямочек (рис. 1, *7*), реже – ряд оттисков зубчатого штампа. Диаметры венчиков – 17,5–20,5 см.

Керамика посольского типа (примерно от 63 сосудов). Для нее характерно утолщение венчика с внешней или с внутренней стороны налепным валиком треугольной (реже четырехугольной) формы (рис. 1, *1–3*). Сосуды с приостренным дном, закрытой формы. Посуда с утолщением венчика с внешней стороны – сложной формы, а утолщенная с внутренней стороны – простой. Поверхность керамики гладкостенная, с оттисками тонкого шнура и штрихов. Орнамент располагается в верхней части сосуда. Тулово украшено горизонтальными рядами, выполненными отступающей лопаточкой, штамповыми вдавлениями, реже – прочерченными линиями. От последнего ряда, как правило, отходят короткие линии. Их расположение – вертикальное, наклонное, в виде зигзага и др. По венчику (над налепом) нанесены мелкие отверстия, расположенные по ряду, выполненному отступающей лопаточкой или прочерченной линией. Встречаются сосуды без пояска отверстий. Поверхность венчика по налепу чаще всего украшалась пунктирными оттисками. Выделяется подгруппа с характерным для посольской керамики орнаментальным оформлением, но без утолщения венчиков. Диаметры венчиков: сосудов сложной формы – 22–35 см, простой – 35–40 см.

Пунктирно-гребенчатая керамика (примерно от 40 сосудов). Посуда круглодонная, сложной закрытой формы. Выделяются сосуды с высокими венчиками. Вся керами-

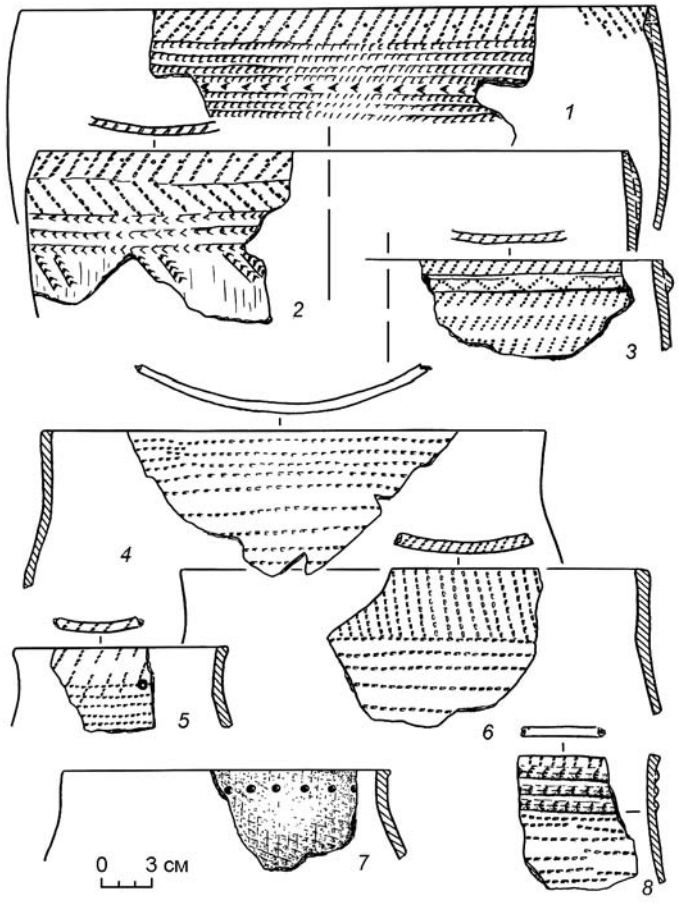


Рис. 1. Керамика слоя IX поселения Улан-Хада.
1–3 – посольского типа; *4–6, 8* – пунктирно-гребенчатая; *7* – сетчатая.

ка гладкостенная. Орнамент располагался в верхней части тулова и по венчику (рис. 1, *4–6, 8*). Преобладают простые композиции, состоящие из одного мотива: горизонтальные, вертикальные, наклонные линии. Отмечены сложные композиции, сочетающие несколько мотивов на одном сосуде. Весь узор выполнен пунктирными оттисками гребенчатого штампа. Один сосуд дополнительно украшен вдоль венчика тремя горизонтальными тонкими валиками, рассеченными пунктирными оттисками. Диаметры венчиков – от 13,5 до 31,0 см.

Группа керамики, украшенная штампами тычковым методом (примерно от 77 сосудов). Посуда преимущественно гладкостенная, изредка с оттисками тонкого шнура или штрихов. Сосуды круглодонные, простой и сложной закрытой формы. Орнамент располагался в верхней части тулова и по венчику (рис. 2, *1–3, 5, 6*). Преобладают простые композиции, состоящие преимущественно из горизонтальных или коротких вертикальных (иногда слегка наклонных) линий. Встречаются мотивы: горизонтальный зигзаг и «елочное» построение узора. Наиболее распространены штампы с зубчатым концом, овальные и прямоугольные. Многообразие штампов позволяет выделить несколько подгрупп. Венчик по внутреннему краю часто орнаментирован насечками. Диаметры сосудов по венчику от 20 до 34 см.

Гладкостенная керамика с прочерченным орнаментом (от 6 сосудов). Посуда простой и сложной закрытой формы. Орнамент располагался в верхней части тулова и по венчику (рис. 2, *4*). Мотивы и композиционные построения узора повторяют орнаменты группы пунктирно-гребенчатой керамики. Встречен мотив «косая решетка». Диаметр одного сосуда – 16 см.

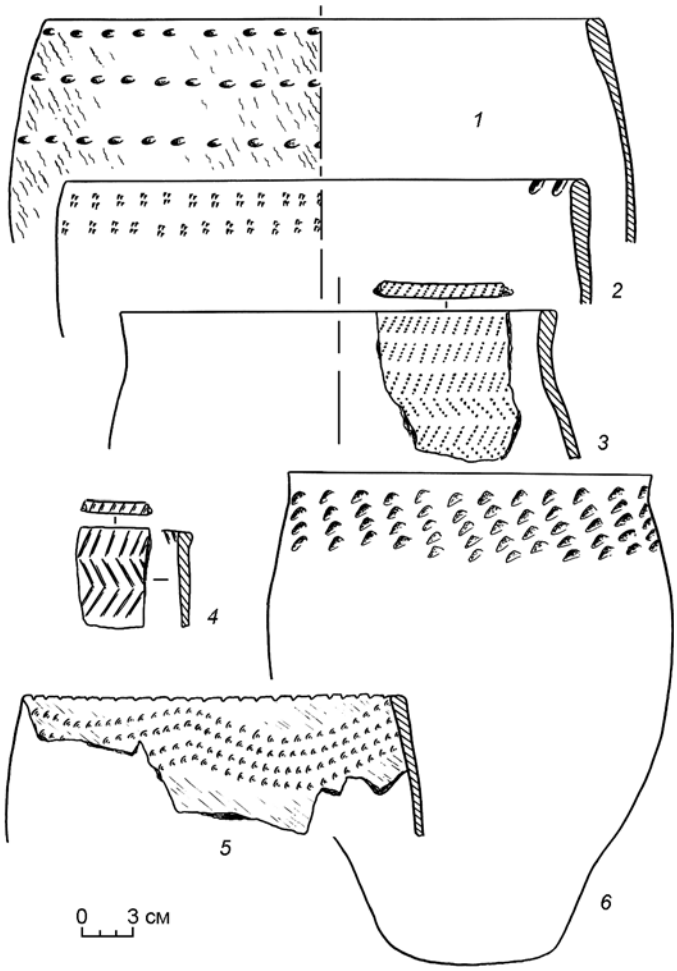


Рис. 2. Керамика слоя IX поселения Улан-Хада.
1–3, 5, 6 – украшенная штампами тычковым методом; *4* – с прочерченным орнаментом.

Для определения возраста выделенных групп керамики слоя IX Улан-Хады применен сравнительный анализ с комплексами четко стратифицированных многослойных объектов (в первую очередь Саган-Забы II) и погребений региона, датированных радиоуглеродным методом [Горюнова, Новиков, 2015].

Сетчатая керамика (с оттисками сетки-плетенки) характерна для территории Прибайкалья в целом и бытует на протяжении всего неолита (т.е. в диапазоне 7,3–4,3 тыс. л.н. по радиоуглеродным некалиброванным датам).

Группа керамики посольского типа распространена на большой территории от Енисея до верховьев р. Витим. В Прибайкалье чистые комплексы с этой керамикой единичны: слой V Горелого Леса, слой IV Усть-Хайты, слои VII, VI Катуни I, слой IV Окуневой IV, слой II Посольской стоянки, слой II Пади Долгой II и верхний слой V Саган-Забы II. По верхнему слою V Саган-Забы II и слою II Посольской стоянки получены четыре радиоуглеродные даты, соответствующие диапазону 5852–5597 л.н. (6750–6310 кал. л.н.).

Пунктирно-гребенчатая керамика на территории Прибайкалья фиксируется в основном в компрессионных слоях, содержащих хронологически разновременный материал. В чистых комплексах она отмечена в слое IV Саган-Забы II и слое III Берлоги. Имеется 21 радиоуглеродная дата в пределах 4786–4350 л.н. (5590–4870 кал. л.н.).

Керамика, украшенная разнообразными штампами тычковым методом, наиболее характерна для поселенческих комплексов позднего неолита региона (слой IV Саган-Забы II и др.), где она фиксируется совместно с пунктирно-гребенчатой керамикой. Подобное сочетание отмечено и в ряде позднесеровских погребений Приольхонья.

В целом, на основе типологического анализа керамики слоя IX Улан-Хады и сопоставления этих материалов с комплексами опорных многослойных поселений и погребений Прибайкалья установлено, что этот слой является компрессионным, содержащим артефакты разных культурно-хронологических периодов неолита. Он включает материалы среднего (керамика посольского типа) и позднего (украшенная различными штампами тычковым методом и пунктирно-гребенчатая керамика) неолита. Сетчатая керамика и сосуды, украшенные пояском ямочек или прочерченными линиями, традиционно сопровождают керамические комплексы региона на протяжении всей эпохи неолита. Общая датировка слоя IX Улан-Хады, судя по типологической принадлежности керамики, – в пределах 5,9–4,3 тыс. л.н. (6750–4870 кал. л.н.). Радиоуглеродная дата 4560 ± 100 (ЛЕ-1282) л.н., полученная по углю из слоя IX, соответствует верхней его границе.

Список литературы

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Хух-Хото, 2015. – Вып. 6; т. 1. – С. 42–48.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1992. – С. 13–32.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала (Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада) // Сб. МАЭ. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132.

Свинин В.В. Археология озера Байкал: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1970. – 20 с.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале: (по материалам Б.Э. Петри) // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 25–32.

References

Goriunova O.I. Mnogosloinye pamyatniki Malogo morya i o. Olkhon: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1984, 17 p. (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Neoliticheskaya keramika iz poselenii Priolkhoniya (ozero Baikal): voprosy periodizatsii i datirovki. In *Drevnie kultury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baikalskoi Sibiri*. Khukh-Khoto, 2015, iss. 6, vol. 1, pp. 42–48 (in Russ.).

Gryaznov M.P., Komarova M.N. Raskopki mnogosloinogo poseleniya Ulan-Khada. In *Drevnosti Baikala*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Publ., 1992, pp. 13–32 (in Russ.).

Khlobystin L.P. Mnogosloinoe poselenie Ulan-Khada na Baikale: (po materialam B.E. Petri). *KSIA*, 1964, iss. 97, pp. 25–32 (in Russ.).

Petri B.E. Neoliticheskie nakhodki na beregu Baikala (Predvaritel'noe soobshchenie o raskopkakh stoyanki Ulan-Khada). *Sbornik MAE*, 1916, vol. 3, pp. 113–132 (in Russ.).

Svinin V.V. Arkheologiya ozera Baikal: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1970, 20 p. (in Russ.).

УДК 902.01

А.П. Деревянко[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], Г.Д. Павленок[1, 2], С.В. Шнайдер[1, 2], С.А. Когай[1], С.Ю. Лазарев[3], М. Хужиназаров[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Лаборатория палеомагнетизма, Утрехт, Голландия
[4]Институт археологии АН РУз
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Вариабельность палеолитического комплекса стоянки Кульбулак: индустрия слоя 12.3*

С целью выявления и интерпретации временной и пространственной вариабельности переходных каменных индустрий в узбекистанской части Памиро-Тянь-Шаня в 2014–2016 гг. исследовались отложения слоя 12 в средней части разреза многослойной стоянки Кульбулак. Гранулометрическая характеристика отложений подслоя 12.3 свидетельствует об их эолово-пролювиальном генезисе. Зафиксированный в подслое 12.3 материальный комплекс залегает в перемещенном состоянии. Особенности его первичного расщепления (отсутствие объемных и торцовых разновидностей нуклеусов; незначительные доли пластин и пластинок) и орудийного набора (присутствие в одном комплексе унифасиально обработанных орудий, скребков, долотовидного орудия, тронкированно-фасетированных изделий и орудий с притуплением; отсутствие орудий на пластинках) являются уникальными для переходных комплексов Кульбулака.

Ключевые слова: *палеолит, Памиро-Тянь-Шань, вариабельность каменных индустрий, первичное расщепление, орудийный набор.*

A.P. Derevianko[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], G.D. Pavlenok[1, 2], S.V. Shnaider[1, 2], S.A. Kogai[1], S.Yu. Lazarev[3], M. Hujinazarov[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Laboratory of Paleomagnetism, Utrecht, Netherlands
[4]Institute of Archaeology AS RUz
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Variability of the Kulbulak Site Paleolithic Complex: Industry of Layer 12.3

The sediments of lithological layer 12 in middle part of multilayer site Kulbulak were investigated in 2014–2016 for uncovering and interpretation of time/spatial variability of transitional (from Middle to Upper Paleolithic) lithic industries (Uzbekistan part of Pamir-Tian Shan). Granulometric characteristic of sublayer 12.3 shows the eolian-proluvial genesis of it. Material complex of sublayer 12.3 has been redeposited. Lack of volumetric and edge-faceted cores, inconspicuous percent of blades and bladelets, presence in the same complex such tools as unifacial pieces, end-scrapers, chisel-like tools, truncated-faceted pieces and backed tools, absence of bladelet tools are unique for transitional complexes of Kulbulak.

Keywords: *Paleolithic, Pamir-Tian Shan, variability of lithic industrues, primary knapping, toolkit.*

В 2016 г. была продолжена реализация многолетнего научного проекта, направленного на изучение стратифицированных палеолитических памятников Узбекистана, расположенных в самой восточной, горной части страны. На настоящем этапе исследования одной из основных задач яв-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

ляется выявление и интерпретация проявлений вариабельности культурного развития у населения этого региона на стадии перехода к верхнему палеолиту.

Ранее наиболее репрезентативные переходные комплексы узбекистанской части Памиро-Тянь-Шаня – индустрии грота Оби-Рахмат (Чарвакская впадина) и стоянки Кульбулак (юго-восточные предгорья Чаткальского хребта) – были объединены в оби-рахматскую культурную традицию, или обирахматиан [Кривошапкин, 2012, с. 5–6; Шалагина, Кривошапкин, Колобова, 2015, с. 42–43]. Для индустрий памятников, принадлежащих этой традиции, характерно сочетание среднепалеолитических и верхнепалеолитических характеристик как на уровне первичного расщепления (пластинчатая направленность), так и в категориях орудийного набора. Имеющиеся возрастные определения помещают ее в интервал от 80–70 до 40–37 тыс. л.н. [Krivoshapkin, Kuzmin, Jull, 2010, p. 550]. В настоящий момент актуальной остается задача дальнейшего исследования означенной группировки для определения временной и пространственной вариабельности каменных индустрий.

Для решения этой задачи в 2014–2016 гг. раскопом площадью 10 м^2 были вскрыты отложения литологического слоя 12 в средней части разреза многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. Развернутая характеристика отложений слоя и краткая характеристика верхнего уровня залегания находок (слой 12.1) были представлены ранее [Деревянко и др., 2014, с. 43]. В данной статье основное внимание будет уделено материальному комплексу подслоя 12.3, слагающему основание 5-метровой пачки отложений слоя.

Отложения подслоя 12.3 представлены коричневым алевритистым суглинком со значительной (до 15 %) долей псефитового (дресвяного) материала, представленного обломками эффузивных пород. Гранулометрическая характеристика отложений свидетельствует об их эолово-пролювиальном генезисе. Комплекс стратиграфических (и планиграфических) наблюдений отчетливо свидетельствует, что зафиксированный в подслое 12.3 археологический материал залегает в перемещенном состоянии.

Общий состав коллекции подслоя 12.3 составляет 2308 экз.

Первичное расщепление. Большую часть коллекции (74,5 %) составляют отходы производства – 1727 экз.: осколки/чешуйки/обломки – 1447 экз., неопределимые фрагменты сколов – 280 экз.

Категория нуклевидных изделий насчитывает 14 экз. (1 %): нуклевидные обломки – 7 экз., типологически определимые изделия – 7 экз.

Продольный нуклеус для пластин (см. *рисунок, 7*) с гладкой ударной площадкой несет два негатива на фронте с сохранением естественной поверхности на боковых и тыльной сторонах.

Продольный нуклеус для пластин и пластинок (см. *рисунок, 4*) с многогранной выпуклой площадкой. Фиксируется попытка удаления части фронта с заломами латеральными сколами, направленными с тыльной поверхности нуклеуса.

Конвергентный нуклеус для мелких пластин выделяется наличием сильновыпуклой ломаной кромки ударной площадки. В центральной части фронта фиксируются выломы по естественным трещинам, из-за которых утилизация ядрища была прекращена.

Дисковидный нуклеус истощен до предела и, видимо, отображает вариант финального срабатывания полезного объема нуклеуса – по всему периметру изделия на обе широкие поверхности.

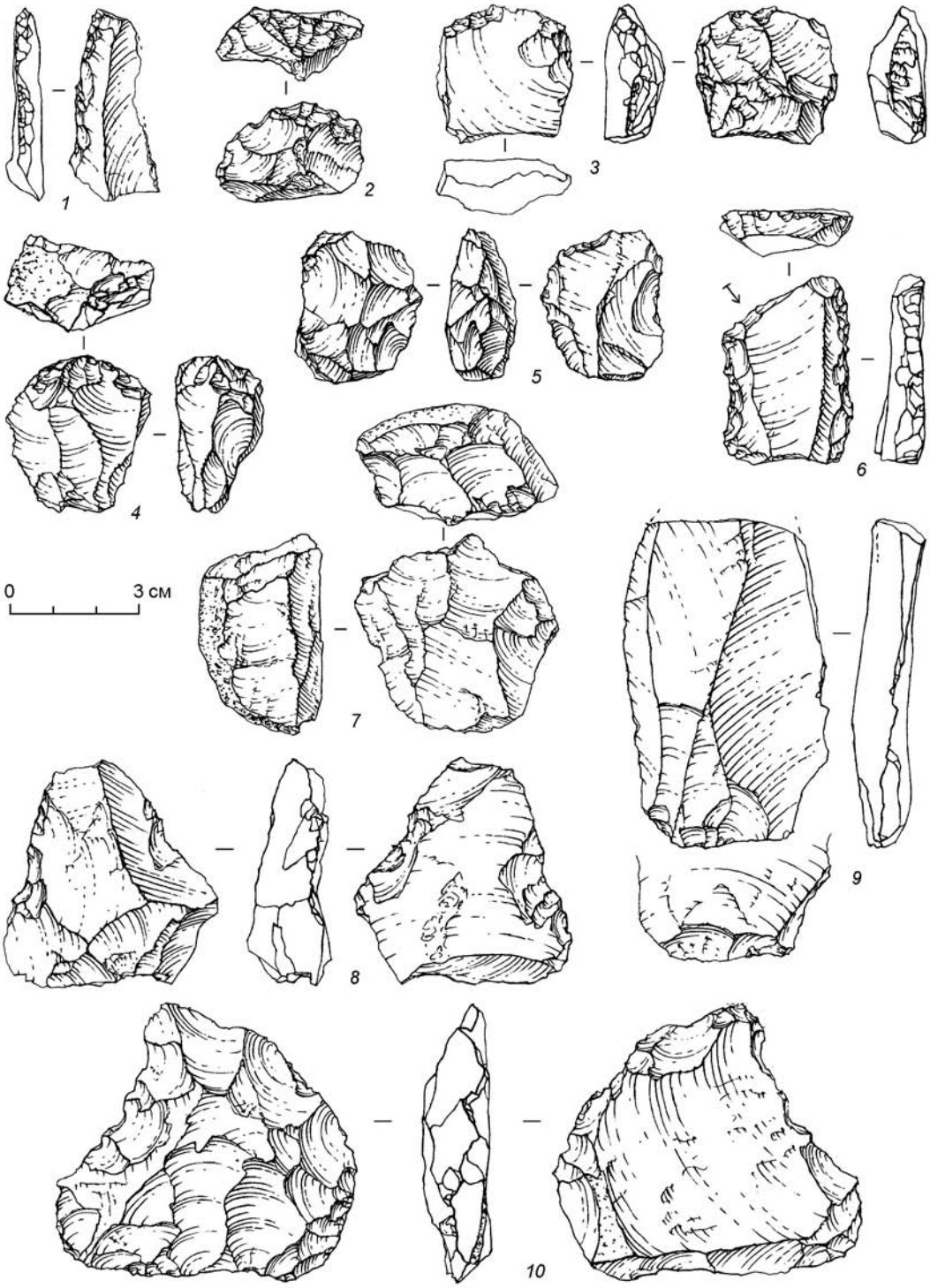
Бипоперечный нуклеус иллюстрирует другой вариант полного срабатывания ядрища – с двух противолежащих площадок.

Радиальные нуклеусы для отщепов (3 экз.), достаточно схожие по своей морфологии (см. *рисунок, 5*), оставлены по причине образования заломов.

Индустрия сколов (всего 567 экз., 24,5 %) включает: отщепы – 440 экз. (крупные и средние – 139 экз., мелкие – 301), пластины – 57 экз., пластинки 34 экз., технические сколы – 36 экз. В категории пластин и пластинок ⅓ часть изделий имеют конвергентную огранку, тогда как все остальные снятия – продольную однонаправленную. В категории отщепов чуть более половины предметов с продольной огранкой, около четверти – с конвергентной и гладкой огранкой, остальные – с бипродольной, бипоперечной, ортогональной, поперечной и центростемительной огранкой.

У пластин с сохранившейся проксимальной частью чуть более половины снятий имеют гладкую ударную площадку, четверть – дву- и многогранную, остальные – точечную и линейную площадки. Среди пластинок эти три группы представлены в равных долях – по ⅓ части. В группе отщепов также преобладают предметы с гладкими площадками (чуть менее половины), около трети обладают дву- и многогранными площадками. Остальные изделия имеют естественные, фасетированные, либо линейные/точечные площадки.

Почти половину технических сколов составляют краевые (16 экз.) – в равных долях естественно- и продольнокраевые при единичных поперечнокраевых формах. Вторая половина технических снятий представлена следующими группами: первичные снятия – 8 экз., сколы подправки площадки или фронта – 8 экз., реберчатые и полуреберчатые сколы – 4 экз.



Каменные артефакты из слоя 12.3. Стоянка Кульбулак.

Орудийный набор насчитывает 50 экз. и включает унифас, заготовку унифаса, два одинарных продольных выпуклых скребла, одинарное продольное прямое скребло (см. *рисунок, 1*), одинарное продольное выпуклое скребло – долотовидное орудие, три двойных продольных скребла с прямым (2 экз.; см. *рисунок, 6*) и выпуклым лезвиями, боковой скребок, концевой скребок, долотовидное орудие, два тронкированно-фасетированных изделия, два изделия с притуплением, 14 отщепов с ретушью (см. *рисунок, 8*), восемь пластин с ретушью, 12 фрагментов орудий, типологическое определение которых затруднительно.

Наиболее показательными с позиции культурной и хронологической атрибуции комплекса являются следующие изделия.

Унифас. Имеет средние размеры и подтреугольную форму (см. *рисунок, 10*). Вентральная поверхность орудия полностью покрыта негативами разноразмерных сколов, проведенных с разных участков периметра предмета к его центру.

Заготовка унифаса. Дорсальная поверхность изделия наполовину покрыта мелкими чешуйчатыми сколами, проведенными с одного продольного края. Площадка для этих снятий была подготовлена тронкированием на вентральной поверхности скола. Второй продольный край также является аналогично подготовленной площадкой, с которой, однако, ни одного снятия произведено не было.

Боковой скребок. В роли заготовки выступил массивный отщеп. Скребковое лезвие подготовлено вентральной ламинарной краевой отвесной ретушью. В качестве естественных границ рабочего участка выступили глубокие каверны по его краям.

Концевой скребок с выпуклым лезвием (см. *рисунок, 2*). Орудие оформлено на небольшом фрагменте отщепа. В дистальное части скола создано выпуклое скребковое лезвие с помощью дорсальной крутой краевой ламинарной ретуши.

Долотовидное орудие (см. *рисунок, 3*). Изготовлено на проксимальном фрагменте крупного скола. Фасетки мелкой крутой краевой чешуйчатой ретуши расположены на месте ударной площадки скола-заготовки, имеют бифасиальное наложение и перекрывают крупные фасетки более ранней подтески.

Тронкированно-фасетированные изделия – 2 экз. В первом случае тронкированный элемент организован на месте остаточной ударной площадки: сколы усечения проведены на вентральную поверхность, дополнительные уплощающие основу снятия реализованы на дорсальную поверхность (см. *рисунок, 9*). Второе изделие имеет схожую обработку, однако сохранился лишь небольшой участок тронкирования.

Изделия с притуплением – 2 экз. Оба продольных края фрагментов сколов покрыты фасетками мелкой отвесной ретуши притупления. Дистальное окончание в обоих случаях диагонально скошено за счет искривленного профиля заготовки. В одном случае на нем фиксируются следы мелкой функциональной дорсальной ретуши.

Точное определение места материального комплекса подслоя 12.3 стоянки Кульбулак на фоне материалов других слоев, хронологически принадлежащих среднему палеолиту, станет возможным после атрибутивного анализа всех категорий изделий. Сейчас же возможно только наметить некоторые его индивидуальные черты:

– отсутствие в индустрии объемных и торцовых разновидностей нуклеусов;

– незначительные доли пластин (10 %) и пластинок (6 %) в индустрии сколов, при том что отщепы и пластины использовались для изготовления одинаково часто (по 18 экз.);

– отсутствие орудий на пластинках;

– присутствие в одном комплексе унифасиально обработанных орудий, скребков, долотовидного орудия, тронкированно-фасетированных изделий и орудий с притуплением.

Этот набор характеристик является уникальным для переходных комплексов Кульбулака и позволяет обосновано говорить о существовании индустриальной вариабельности в хроностратиграфической последовательности стоянки.

Список литературы

Деревянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Когай С.А., Колобова К.А., Лазарев С.Ю., Раджабов А. Мелкопластинчатое производство в индустрии слоя 12 стоянки Кульбулак: новые данные // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 42–45.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолитических комплексах Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 33–45.

Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52, N 2/3. – P. 549–554.

References

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Shnaider S.V., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Kolobova K.A., Lazarev S.Yu., Radzhabov A. Melkoplastinchatoe proizvodstvo v industrii sloya 12 stoyanki Kul'bulak: novye dannye. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2014, vol. XX, pp. 42–45 (in Russ.).

Krivoshapkin A.I. Obi-rakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012, 38 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia. *Radiocarbon*, 2010, vol. 52, No. 2/3, pp. 549–554.

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 4, pp. 33–45.

УДК 902/904

А.П. Деревянко, А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Иследование раннепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан) в 2016 году

В статье представлены предварительные результаты, полученные в ходе полевых исследований раннепалеолитического культурно-хронологического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1. В 2016 г. на памятнике были проведены стационарные археологические исследования, общая площадь раскопа составила 30 м². Центральное место занимают описание и анализ стратиграфического разреза и коллекций каменных изделий. Раннепалеолитический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Морфологически выраженные нуклеусы единичны, для получения заготовок также широко использовался прием дробления. Количество функциональных типов среди орудийных форм невелико, это в основном скребловидные, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия. Памятник Дарвагчай-залив-1 является перспективным в плане исследования раннепалеолитических индустрий региона для определения времени их появления и места в ряду других комплексов раннего палеолита Кавказа.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.*

A.P. Derevianko, A.G. Rybalko, A.V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Study of the Lower Paleolithic Site Darvagchai-Zaliv-1 (South Eastern Dagestan) in 2016

The article represents the preliminary results received at the Lower Paleolithic cultural chronological complex of the Darvagchai-zaliv-1 site during the 2016 excavation campaign. Archaeological excavation was carried out with a total area of 30 square meters. Description and analysis of the stratigraphic section and lithic collection are uppermost in the article. Feebly marking and unstable core and tool forms characterize the Lower Paleolithic complex of the Darvagchai-zaliv-1 site. Morphologically marked cores are singular. The shattering mode was widely used for blank production. The functional tool types in small amount are represented by scraper-like, notched and compound tools and perforators. Darvagchai-zaliv-1 site is the perspective occurrence with a view to the study of the Lower Paleolithic industries in region, time of their appearance and place in the sequence of the other Lower Paleolithic complexes of Caucasus.

Keywords: *Dagestan, lithic industry, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, marine transgression.*

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе обследования береговых обнажений и отмелей на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н Республики Дагестан). Памятник (координаты: 42°07′36,7″ с.ш., 048°01′51,2″ в.д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца третьей древнекаспийской террасы, абсолютная высота которой находится в пределах 154–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. Склон местами задернован, покрыт луговой растительностью и редким кустарником. В нижней части террасы, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного органогенного известняка (ракушняка), переходящих далее в структурный уступ высотой до 4–5 м. В районе местонахождения Дарвагчай-залив-1 на берегах водохранилища к настояще-

му времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014а, с. 76].

В 2009 г. на памятнике проводились рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три большие пачки разновозрастных отложений.

Нижняя часть террасы образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь отчетливо фиксируются прибрежно-морские отложения в виде слоистых глин и алевритов акчагыльского возраста ($N_2^3{}_{ak}$), на которых залегают бакинские слои (Q_1b), представленные детритовыми песками и монолитными пластами ракушняка-известняка. Так как данные литологические горизонты хорошо заметны и встречаются практически повсеместно в исследуемом районе, они являются своеобразным стратиграфическим репером, позволяющим коррелировать геологические разрезы в долине р. Дарвагчай.

Среднюю часть террасы занимают галечно-гравийные отложения с линзами и прослоями глинистого крупнозернистого песка и темно-коричневой глины. Обломки разной степени окатанности, ориентировка относительно четкая субгоризонтальная. Слабая отсортированность и разная степень окатанности обломочного материала, наличие разнообразного рыхлого заполнителя предполагают пролювиально-делювиальный генезис этих отложений. Образование данной пачки отложений, видимо, происходило с несколькими стратиграфическими перерывами. Приблизительная мощность данной толщи, установленная по нивелировочным отметкам, составляет 15 м.

Последний, самый верхний пласт представлен субаэральными покровными отложениями в виде супесей и суглинков. Процесс седиментации здесь завершился после образования современного рельефа местности. Мощность данной толщи в районе памятника составляет 7–10 м.

В 2016 г. на памятнике были продолжены стационарные археологические исследования, площадь раскопа составила 30 м². Была получена коллекция каменных артефактов общей численностью 276 экз., которые были обнаружены в галечно-гравийной толще (слой 2). Данное геологическое тело залегало непосредственно на прибрежно-морских отложениях, представленных детритовыми песками и монолитными пластами ракушняка-известняка, которые являлись т.н. материком и свидетельствовали о необходимости прекращения раскопок. Наиболее полно отложения представлены на северо-восточной стенке раскопа, где имеют и максимальную мощность, достигающую ок. 4 м. Всего выделено три геологических горизонта (сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневая супесь с большим содержанием гравия и хорошо окатанной гальки. Генезис элювиально-коллювиальный. Мощность – до 0,1 м.

Слой 2. Галечно-гравийные пролювиальные отложения с линзами и прослоями (мощностью до 0,5 м) глинистого крупнозернистого коричневого песка и темно-коричневой глины. В подошве слоя в качестве заполнителя появляется грубозернистый белесый песок. Обломки разной степени окатанности. Сортировка обломков практически отсутствует, но в нижней трети слоя отмечено увеличение размера галек и наличие валунов до 0,4 м в диаметре; ориентировка относительно четкая субгоризонтальная. Мощность – до 3 м.

Слой 3. Среднезернистый желтовато-серый песок. Состав кварцево-детритовый. Кровля неровная. В северном углу раскопа слой представлен в виде мощной, сильно выступающей линзы. Кровля слоя местами сильно перемешана с перекрывающими отложениями, контактная зона до 0,2 м. Видимая мощность – до 0,6 м.

В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня, которые являются непосредственной составляющей данного слоя. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, все макроизделия изготовлены из песчаника и известняка. Анализ коллекции археологического материала показал, что доминирующим сырьем на памятнике является кремень (не менее 80 % от общего количества артефактов) [Рыбалко, 2014б, с. 130]. Кремень темно-серого цвета, встречается в основном в виде небольших галек или обломков диаметром до 10 см. Данное сырье плохого качества, трещиноватое, не дающее правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне- и слабоокатанная, также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества неокатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, образующиеся на каменных предметах при переносе их водным потоком.

Общее количество находок на памятнике составляет 276 экз. Артефакты различаются по сте-

пени сохранности поверхности – от среднеокатанных изделий, составляющих основную часть коллекции, до слабо- и практически неокатанных экземпляров.

Нуклевидные формы насчитывают 12 экз., в т.ч. 3 нуклевидных обломка и 9 нуклеусов, большинство из которых относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ, имеющих минимальную предварительную подготовку фронта и ударной площадки. Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (163 экз.), значительная часть которых в той или иной степени сохраняет желвачную корку. Среди остаточных ударных площадок большинство являются гладкими и естественными, встречаются также грубофасетированные и двугранные. Основная часть сколов укороченные, имеют средний размер и смещение оси заготовки относительно направления снятия. Обломки и осколки (94 экз.), доля которых ок. 30 %, по размерам в основном не превышают 5 см.

Категория орудий насчитывает 57 экз., большинство выполнены на сколах, а также на обломках и гальках. Орудийный набор включает в себя рубила (4 экз.), чоппер (1 экз.), скребла (4 экз.), шиповидные (18 экз.), выемчатые (2 экз.) изделия, отщепы (18 экз.) и обломки с ретушью (10 экз.).

Наиболее яркой категорией изделий являются ручные рубила. Первое орудие выполнено на гальке из серо-зеленого песчаника крупных размеров (18,5 × 9,0 × 5,4 см). Изделие среднеокатанное, имеет симметричную удлиненную двояковыпуклую миндалевидную форму и линзовидное сечение, оформлено по всему периметру. Полностью оббита одна из сторон, на небольшом участке в центральной части другой стороны сохранилась галечная корка. Продольные края выпуклые, извилистые, обработаны с двух сторон сколами, острие четко выражено. Наиболее тщательно, уплощающими сколами и выравнивающей ретушью, оформлено основание. Другое рубило крупных размеров (18,0 × 8,8 × 3,0 см), выполнено на плоской удлиненной гальке из серо-коричневого окремненного известняка. Орудие среднеокатанное, подтреугольной формы, имеет частичную двустороннюю обработку. Половина изделия оформлена двусторонними сколами, хорошо выраженное острие дополнительно подправлено ретушью, другая половина покрыта галечной коркой. Следующее рубило изготовлено на обломке гальки из серо-зеленого песчаника (9,7 × 6,8 × 3,7 см). Орудие подтреугольной формы, имеет частичную отделку и выглядит незаконченным. Продольное сечение двояковыпуклое, обе стороны грубо оформлены крупными и средними сколами, дополнительная подправка ретушью отсутствует. Последнее изделие миниатюрных размеров, отнесено к категории рубильц (4,4 × 3,0 × 1,9 см). В качестве заготовки использовалась галька из коричневато-серого кремня. Орудие слабоокатанное, подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание. Обе стороны оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью. Основание массивное, выпуклое, представлено в виде необработанного края гальки.

Чоппер выполнен на плоской гальке крупных размеров (14,5 см). Поперечный край оформлен сколами, на лезвии видны забитости – возможно, следы утилизации.

Среди скребел преобладают однолезвийные обушковые формы, одно может быть отнесено к конвергентным разновидностям. Среди выемчатых встречаются как клектонские разновидности анкошей, так и изделия с ретушным оформлением. Шиповидные изделия в большинстве случаев оформлены двумя сопряженными выемками.

Раннепалеолитический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков с элементами вторичной обработки. Сколы имеют массивные, укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Дорсальные поверхности сколов в большинстве случаев частично или полностью покрыты галечной коркой. Морфологически выраженных нуклеусов единицы. Для получения заготовок также использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. Это в основном скребловидные, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия.

Подводя итог, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы [Рыбалко, 2014б, с. 132]. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайное разнообразие форм исходных заготовок обусловили низкую стандартизацию указанных орудий.

Список литературы

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014а. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань: Отечество, 2014б. – Т. I. – С. 128–132.

References

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014a, vol. XX, pp. 73–76 (in Russ).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda*. Kazan, 2014b, vol. I, pp. 128–132 (in Russ).

УДК 902.672

А.П. Деревянко[1], Л. Савелич-Булатович[2], Е.В. Безрукова[1], С.В. Жилич[1], П.В. Летунова[1], К.К. Павленок[1, 3], А.В. Кандыба[1], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Центр археологических исследований Черногории
[3]Новосибирский государственный университет
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Результаты палинологического изучения образцов из отложений стоянки Биоче (Черногория)*

Исследованный раскопками в 2010–2015 гг. участок стоянки Биоче располагается в глубине скального навеса, что обеспечило хорошую сохранность культурных отложений. В литолого-стратиграфической колонке мощностью 4 м выделено четыре основных подразделения. Анализ стратиграфии стоянки позволяет сделать предварительный вывод, что заполнение навеса культурными отложениями представляло собой длительный процесс в различных условиях осадконакопления. В то же время сохранность спор и пыльцы на данном памятнике очень фрагментарная. Результаты палинологического анализа позволили сделать предварительные выводы относительно климатических условий, в которых происходило формирование подслоя 1.3, датированного радиоуглеродным методом от 32 до 40 тыс. л.н. Сосуществование лиственничных ассоциаций с растительностью, характерной для переувлажненных мест, фиксирует относительно холодный период с сезонными контрастными колебаниями. Эти сведения косвенно подтверждаются ранее известными палеоклиматическими данными по Европейскому региону, фиксирующими постепенное понижение среднегодовых температур в данный период.

Ключевые слова: *Черногория, Биоче, палинология, МИС 3, континентальный климат, палиноморфы.*

A.P. Derevianko[1], L. Savelich-Bulatovich[2], E.V. Bezrukova[1], S.V. Zhilich[1], P.V. Letunova[1], K.K. Pavlenok[1, 3], A.V. Kandyba[1], M.B. Kozlikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Centre of Archaeological Research of Montenegro
[3]Novosibirsk State University
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Data on Study of the Palynological Samples from the Sediments of the Bioce Site (Montenegro)

In the depth of rock shelter, where the area of Bioche site was excavated in 2010–2015, the well-preserved cultural deposits were achieved. Four main divisions were educed in the lithological stratigraphic sequence 4 m thick. Stratigraphic analysis leads to preliminary conclusion that accumulation of cultural deposits under the rock shelter was a long-term process under the different conditions of sedimentation. In contrast, the preservation of spores and pollen grain is fragmental in this site. The data on palynological analysis show that span of sedimentation of sublayer 1.3 fell from 40 to 32 kya. Coexistence of the larchen aggregation and hygrophytia testifies cold period with seasonal contrastive fluctuations. These data are circumstantially supported by the known paleoclimatic data from the European region, which fix the gradual decrease in temperature during this period.

Keywords: *Montenegro, Bioche, palynology, MIS 3, continental climate, palynomorph.*

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-01200.

В 2010–2015 гг. совместной российско-черногорской экспедицией проводилось мультидисциплинарное исследование одного из опорных многослойных памятников среднего палеолита Восточной Адриатики – скального навеса Биоче [Деревянко, Павленок, Кандыба, 2014; Derevianko et al., 2016]. Основными задачами изысканий являлись определение направления и динамики культурного развития у древнейшего населения региона на стадии среднего палеолита, а также реконструкция палеоэкологических условий в этот период.

В рамках полевых работ на стоянке был проведен отбор 12 образцов из литологических слоев 1.3–4.2 для изучения отложений разреза методом палинологического анализа. В палинологической лаборатории ИАЭТ СО РАН образцы (по 50–100 г сухого веса) были обработаны по сепарационной методике В.П. Гричука [Пыльцевой анализ, 1950], объединенной с методом обработки палинологических проб по: [Faegri, Iversen, 1989]. Перед сепарированием осадка в тяжелой жидкости к нему добавляли плавиковую кислоту для удаления силикатов. Идентификация пыльцевых зерен и спор проводилась в световом микроскопе Micros 310 с увеличением в 400 и 1000 крат при помощи опубликованных определителей пыльцы и спор и атласов [Куприянова, Алешина, 1972; 1978; Бобров и др., 1983; Reille, 1992; 1995; 1998; Beug, 2004] в Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН.

Из-за очень низкого содержания зерен пыльцы и спор в изученных образцах под микроскопом просматривались пять стандартных капель из каждой аликвоты. Общая сумма подсчитанных для каждого образца зерен пыльцы и спор наземных растений приведена в *таблице*.

Количество зерен пыльцы и спор наземных растений в образцах из скального навеса Биоче, изученных методом палинологического анализа

№ образца	Слой	Сумма пыльцы и спор
1229	4.1	0
1230	1.3	127
1231	4.2	2
1232	3	3
1233	1.3	16
1234	3	0
1235	2.1	2
1236	4.1	0
1237	4.2	0
1238	2.2	0
1239	1.4	0
1240	1.4	0

Общая сохранность выделенных пыльцы и спор плохая, почти все зерна деформированы, повреждены коррозией. Количество пыльцы и спор в образцах очень низкое, часть образцов вообще не содержали пыльцы и спор. Единственным исключением (с общим количеством пыльцы и спор 127 зерен) является образец из подслоя 1.3, представленного щебнисто-дресвянистой толщей с легкосуглинистым заполнителем, сцементированной карбонатным цементом [Деревянко и др., 2015].

Относительно низкое содержание палиноморф не позволяет уверенно реконструировать состав растительности и структуру ландшафтов для времени формирования отложений подслоя 1.3. Можно лишь с большой долей осторожности предполагать, что в состав локальной растительности могли входить лиственница *Larix*, орех *Juglans*, ива *Salix*. Пыльца этих растений не разносится на значительные расстояния, оседая в пределах их ареала. Пыльца сосновых *Pinus*, ольхи *Alnus*, березы *Betula* может рассматриваться как заносный элемент спорово-пыльцевых спектров [Кабайлене, 1969].

Травянистый покров могли формировать марево-полынные Chenopodiaceae-Artemisia группировки ксерофитного облика наряду с мезофитными злаково-разнотравными из Poaceae-Thalictrum-Asteraceae.

Присутствие пыльцы осок Cyperaceae вместе со спорами сфагновых мхов *Sphagnum*, хвощей *Equisetum*, папоротниковых *Polypodiophyta* также может свидетельствовать об их локальном произрастании. Кроме того, сумма этих микрофоссилий индицирует существование переувлаженных, скорее всего заболоченных, мест обитания вблизи стоянки.

Предполагаемое существование лиственничных ассоциаций с ивой не противоречит соседству с заболоченными группировками в условиях относительно холодного климата с повышенным почвенным увлажнением. Сочетание же растительности, характерной для переувлаженных мест обитания с лугово-степными ассоциациями позволяет предполагать развитие мозаичного ландшафта в условиях континентального климата с высокой сезонной контрастностью климатических характеристик.

Кроме пыльцевых палиноморф в отложениях подслоя 1.3 были найдены споры грибов родов *Sordaria*, *Coniochaeta*, *Chaetomium*. *Sordaria* являются копрофильными грибами, споры которых развиваются в навозе травоядных животных [Van Geel et al., 2016]. Виды рода *Chaetomium* известны как грибы, разлагающие целлюлозу и встречающиеся на остатках самых разных растений и навозе [Van Geel, 1978]. Некоторые виды этого рода предпочитают развиваться в торфянистых почвах

[Yeloff et al., 2007]. Следовательно, присутствие спор грибов родов *Sordaria* позволяет предполагать присутствие травоядных животных на месте разреза в период формирования отложений подслоя 1.3., а обнаружение спор *Chaetomium* может косвенно поддерживать наше предположение о развитии заболоченных мест обитания вблизи стоянки в это время.

Результаты радиоуглеродного датирования показали, что аккумуляция отложений подслоя 1.3, из которого получен изученный образец, происходила в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н. [Деревянко, Павленок, Кандыба, 2014]. Как показал анализ спелеотем из ряда пещер юга Франции, расположенных относительно близко к территории Черногории, скорость роста сталагмитов резко снизилась позднее 41 тыс. л.н. [Wainer et al., 2009]. Авторы связывают это с тем, что биологическая активность и доступность воды в пещерах, необходимые для роста сталагмитов, стали прогрессивно снижаться с этого времени, индицируя наступление полных ледниковых условий на территории Юго-Западной Франции. Более того, ок. 30 тыс. л.н. во всех исследованных пещерах рост сталагмитов остановился. Это явление происходило синхронно с периодом падения уровня мирового океана [Waelbroeck et al., 2002]. Более того, ок. 30 тыс. л.н. зимние температуры в Северо-Атлантическом регионе могли снижаться на 5 °C [Kandiano, Bauch, Müller, 2004]. Вероятно, климатические условия примерно к 30 тыс. л.н. прошли определенный порог и стали настоящими ледниковыми.

Скорее всего, и на территории Черногории климат в течение стадии МИС 3 также претерпевал аналогичные изменения. Они могли привести к существованию подобной растительности и природных условий, которые мы с большой осторожностью попытались восстановить для времени аккумуляции отложений подслоя 1.3.

Список литературы

Бобров А.Е., Куприянова Л.А., Литвинцева М.В., Тарасевич В.Ф. Споры папоротникообразных и пыльца голосеменных и однодольных растений флоры Европейской части СССР. – Л: Наука, 1983. – 208 с.

Деревянко А.П., Булатович Л., Ульянов В.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Кандыба А.В., Анойкин А.А., Чулович Г. Стратиграфия отложений скального навеса Биоче (Черногория) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 49–52.

Деревянко А.П., Павленок К.К., Кандыба А.В. Финальное мустье Восточной Адриатики: каменная индустрия стоянки Биоче // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 56–58.

Кабайлене М.В. Формирование пыльцевых спектров и методы восстановления палеорастительности. – Вильнюс, 1969. – 147 с. – (Тр. Ин-та геологии; вып. 11).

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. – 171 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца двудольных растений флоры Европейской части СССР. Lamiaceae-Zygophyllaceae. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Пыльцевой анализ. – М., 1950. – 567 с.

Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. – München: Verlag Friedrich Pfeil, 2004. – 542 p.

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. Recent data on the Eastern Adriatic Middle Palaeolithic: Bioče Rockshelter in Montenegro // Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 58th Annual Meeting in Budapest. – Budapest: Eötvös Loránd University; Institute of Archaeological Sciences, 2016. – P. 26–29.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – [S.l.]: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Kandiano E.S., Bauch H.A., Müller A. Sea surface temperature variability in the North Atlantic during the last two glacial-interglacial cycles: comparison of faunal, oxygen isotopic, and Mg/Ca-derived records // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2004. – Vol. 204. – P. 145–164.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: URA CNRS, 1992. – 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. Suppl. 1. – Marseille: URA CNRS, 1995. – 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. Suppl. 2. – Marseille: URA CNRS, 1998. – 530 p.

Van Geel B. A palaeoecological study of Holocene peat bog sections in Germany and the Netherlands, based on the analysis of pollen, spores and macro- and microscopic remains of fungi, algae, cormophytes and animals // Rev. of Palaeobotany and Palynology. – 1978. – Vol. 25. – P. 1–120.

Van Geel B., Brinkkemper O., Weeda E.J, Sevink J. Formation, vegetation succession and acidification of a Mid-Holocene moorland pool in the western Netherlands // Environmental Archaeology. – 2016 (in press.).

Waelbroeck C., Labeyrie L., Michel E., Duplessy J.C., McManus J.F., Lambeck K., Balbon E., Labracherie M. Sea-level and deep water temperature changes derived from benthic foraminifera isotopic records // Quaternary Sci. Rev. – 2002. – Vol. 21 (1/3). – P. 295–305.

Wainer K., Genty D., Blamart D., Hoffmann D., Couchoud I. A new stage 3 millennial climatic variability record from a SW France speleothem // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2009. – Vol. 271. – P. 130–139.

Yeloff D., Charman D., van Geel B., Mauquoy D. Reconstruction of hydrology, vegetation and past climate change in bogs using fungal microfossils // Rev. of Palaeobotany and Palynology. – 2007. – Vol. 146. – P. 102–145.

References

Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. München: Verlag Friedrich Pfeil, 2004, 542 p.

Bobrov A.E., Kupriyanova L.A., Litvintseva M.V., Tarasevich V.F. Spory paporotnikoobraznykh i pyl'tsa golosemennykh i odnodol'nykh rastenii flory Evropeiskoi chasti SSSR. Leningrad: Nauka, 1983, 208 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Bulatovich L., Ul'yanov V.A., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V., Anoikin A.A., Chulovich G. Stratigrafiya otlozhenii skal'nogo navesa Bioche (Chernogoriya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2015, vol. XXI, pp. 49–52 (in Russ.).

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Kandyba A.V. Final'noe must'e Vostochnoi Adriatiki: kamennaya industriya stoyanki Bioche. In *Trudy IV (XX) Vserossiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan': Otechestvo, 2014, vol. I, pp. 56–58 (in Russ.).

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. Recent data on the Eastern Adriatic Middle Palaeolithic: Bioče Rockshelter in Montenegro. In *Hugo Obermaier Society for Quaternary Research and Archaeology of the Stone Age. 58th Annual Meeting in Budapest*. Budapest: Eötvös Loránd University; Institute of Archaeological Sciences, 2016, pp. 26–29.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. [S.l.]: The Blackburn Press, 1989, 328 p.

Kabailene M.V. Formirovanie pyl'tsevykh spektrov i metody vosstanovleniya paleorastitel'nosti. Vilnius, 1969, 147 p. (Trudy Instituta geologii; iss. 11) (in Russ.).

Kandiano E.S., Bauch H.A., Müller A. Sea surface temperature variability in the North Atlantic during the last two glacial–interglacial cycles: comparison of faunal, oxygen isotopic, and Mg/Ca-derived records. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2004, vol. 204, pp. 145–164.

Kupriyanova L.A., Aleshina L.A. Pyl'tsa i spory rastenii flory SSSR. Leningrad: Nauka, 1972, vol. 1, 171 p. (in Russ.).

Kupriyanova L.A., Aleshina L.A. Pyl'tsa dvudol'nykh rastenii flory Evropeiskoi chasti SSSR. Lamiaceae-Zygophyllaceae. Leningrad: Nauka, 1978, 183 p. (in Russ.).

Pyl'tsevoi analiz. Moscow, 1950, 567 p. (in Russ.).

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. Marseille: URA CNRS, 1992, 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. Suppl. 1. Marseille: URA CNRS, 1995, 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. Suppl. 2. Marseille: URA CNRS, 1998, 530 p.

Van Geel B. A palaeoecological study of Holocene peat bog sections in Germany and the Netherlands, based on the analysis of pollen, spores and macro- and microscopic remains of fungi, algae, cormophytes and animals. *Review of Palaeobotany and Palynology*, 1978, vol. 25, pp. 1–12.

Van Geel B., Brinkkemper O., Weeda E.J, Sevink J. Formation, vegetation succession and acidification of a Mid-Holocene moorland pool in the western Netherlands. *Environmental Archaeology*, 2016 (in press.).

Waelbroeck C., Labeyrie L., Michel E., Duplessy J.C., McManus J.F., Lambeck K., Balbon E., Labracherie M. Sea-level and deep water temperature changes derived from benthic foraminifera isotopic records. *Quaternary Science Reviews*, 2002, vol. 21 (1/3), pp. 295–305.

Wainer K., Genty D., Blamart D., Hoffmann D., Couchoud I. A new stage 3 millennial climatic variability record from a SW France speleothem. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2009, vol. 271, pp. 130–139.

Yeloff D., Charman D., van Geel B., Mauquoy D. Reconstruction of hydrology, vegetation and past climate change in bogs using fungal microfossils. *Review of Palaeobotany and Palynology*, 2007, vol. 146, pp. 102–145.

УДК 902

А.П. Деревянко[1], А.А. Цыбанков[1], Нгуен Зианг Хай[2], Нгуен За Дой[2], Нгуен Хак Шу[2], А.В. Кандыба[1], С.А. Гладышев[1], А.М. Чеха[1], Нгуен Ань Тоан[2], Фань Тхан Туан[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии ВАОН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме*

Археологические объекты культуры анкхе расположены в центральной части Вьетнама в межгорной котловине, на холмистой равнине, прорезанной сетью рек и временных водотоков с генеральным направлением течения с запада на восток. На этой территории зафиксировано 13 местонахождений с концентрацией археологического материала на дневной поверхности. Наиболее полно изучены пункты Роктынг-1, -4. На этих объектах были получены самые многочисленные и представительные археологические материалы. Типологический и технологический состав коллекций полностью отражает все характеристики каменной индустрии, обнаруженной на местонахождениях группы Роктынг. Археологический материал залегал in situ *в третьем стратиграфическом слое, который представлял собой древнюю кору выветривания, сложенную латеритами с галечно-дресвяным горизонтом в кровле слоя.*

Ключевые слова: *Центральный Вьетнам, культура анкхе, группа местонахождений Роктынг, двусторонне обработанные изделия, нижний палеолит.*

A.P. Derevianko[1], A.A. Tsybankov[1], Nguyen Ziang Hai[2], Nguyen Gia Doi[2], Nguyen Khak Su[2], A.V. Kandyba[1], S.A. Gladyshev[1], A.M. Chekha[1], Nguyen Anh Tuan[2], Phang Thanh Toan[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of archaeology VACS
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Preliminary Results of Archaeological Sites Rock Tung 1 and Rock Tung 4 Excavations in Vietnam

Archaeological sites of Ankhe culture are located in central part of Vietnam, in the intermountain hilly plain cut by the rivers and temporary streams with west-east direction. There are 13 locations with the surface concentrations of archaeological material within this territory. The very first location, found in 2014, was named Rock Tung. They gave multiple and representative archaeological collections. Their typology and technology reflect all the characteristics of lithic industry, found at Rock Tung group of sites. Archaeological material was found in situ in the third stratigraphical level, presented with the ancient weathering crust composed with laterites and mixed-pebble horizon in its upper part.

Keywords: *Central Vietnam, Ankhe culture, Rock Tung group of sites, bifacial artifacts, the Lower Paleolithic.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Археологические объекты эпохи палеолита (группа памятников Роктынг) расположены в окрестностях г. Анкхе в центральной части Вьетнама, в межгорной котловине, на северном берегу искусственного водохранилища.

На этой территории зафиксировано 13 местонахождений с концентрацией археологического материала на дневной поверхности. Наиболее полно изучены пункты Роктынг-1, -4. На них производились стационарные раскопки и рекогносцировочные шурфовочные работы.

Местонахождение Роктынг-1 (N 14°02,253′; E 108°40,822′) находится на возвышенном, относительно ровном участке, занятом сельскохозяйственными угодьями. Памятник был обнаружен в 2014 г. Стационарные раскопки начались в 2015 г. и были продолжены в 2016 г. Общая площадь раскопа составила 36 м^2; высотная отметка – 456 м над ур. м.

Стратиграфический разрез южной стенки раскопа включает следующие отложения.

Верхний слой представляет собой отвал, образовавшийся в результате прокладки ирригационного канала. Мощность – 0,4–0,5 м.

Слой 1. Современная почва, погребенная под отвалом, сложена легким суглинком серого цвета. Мощность – 0,1–0,2 м.

Слой 2. Серо-коричневые слабо карбонатизированые суглинки с незначительным включением дресвы (до 5 %). Местами попадаются буро-красные латеритовые включения. Южнее по стенке данный слой уничтожен сельскохозяйственной деятельностью. Мощность – 0,6–0,7 м.

Слой 3. Буро-красные тяжелые суглинки элювиального генезиса, сильнокарбонатизированные, вниз по разрезу цвет постепенно меняется на серо-коричневый. Латериты и карбонатизация от кровли до подошвы вниз по разрезу постепенно исчезают. Этот слой представляет собой кору выветривания. В кровле фиксируется валунно-дресвяной горизонт. В данном слое залегал археологический материал. Видимая мощность – до 0,55 м.

Всего в раскопе обнаружено 70 артефактов. Коллекция содержит гальки со следами апробации (25 экз.), сколы (14 экз.), нуклеусы на различных стадиях оформления и утилизации (18 экз.), орудия и их заготовки (13 экз.).

Нуклеусы делятся на следующие группы: одноплощадочные однофронтальные с естественной ударной площадкой (12 экз.); одноплощадочные с подготовленной площадкой (2 экз.); двуплощадочные двуфронтальные нуклеусы с одной подготовленной и одной естественной ударной площадкой (1 экз.); радиальные нуклеусы (3 экз.).

Одноплощадочные однофронтальные нуклеусы с естественной ударной площадкой изготавливались из очень крупных галек кварцита и кремнистой породы. Ядрища этой группы объединяет ярко выраженная неустойчивость форм. Общие признаки: прямые или слегка скошенные ударные площадки; фронты скалывания расположены на узких гранях боковых поверхностей заготовок (отсюда поперечная ориентация расщепления); параллельное расположение негативов сколотых заготовок-отщепов (рис. 1, *1*).

В группе одноплощадочных нуклеусов с подготовленной ударной площадкой выделено два типа, каждый из которых представлен одним экземпляром. К первому типу относится двуфронтальный нуклеус со смежными рабочими плоскостями и с одной подготовленной ударной площадкой (рис. 1, *2*). Второй тип представлен одноплощадочным однофронтальным нуклеусом с подготовленной ударной площадкой.

Двуплощадочный двуфронтальный нуклеус с одной естественной и одной подготовленной ударными площадками выполнен из кубовидной гальки средних размеров. Первая, подготовленная, ударная площадка сформирована одним сколом. С нее параллельно друг другу были отделены два мелких отщепа. Вторая, необработанная, ударная площадка примыкает к первой под прямым углом.

Два радиальных ядрища изготовлены из валунов средних размеров. Третий нуклеус сделан из кварцитовой гальки средних размеров. Все три ядрища демонстрируют начальную стадию расщепления. С крупных нуклеусов из валунов снято с одного два, а с другого три крупных отщепа. С кварцитовой гальки также было отделено три скола.

Категория орудий включает 13 предметов: собственно орудия (11 экз.) и заготовки орудий (2 экз.). Орудия делятся на изделия с носиком (4 экз.), зубчатое односторонне обработанное орудие (унифас), зубчато-выемчатое изделие, скребла (3 экз.), концевой скребок и маленькое рубило.

Орудия с носиком (4 экз.) сделаны из галек крупных (3 экз.) и средних размеров (1 экз.). Исходными заготовками служили крупные вытянутые уплощенные гальки подтреугольных очертаний (рис. 1, *3*). Вторичная обработка захватывает только один край и немного распространяется на второй и приостренный конец. Ретушь краевая, ударная, крутая, многорядная, крупно- и среднефасеточная, ступенчатая. Орудие, сделанное из гальки средних размеров, имеет вытянутую, листовидную в плане и профиле форму и треугольное сечение. Ретушь краевая, крутая, многорядная, разнофасеточная, ступенчатая.

Зубчатое односторонне обработанное орудие (унифас) сделано из очень крупного, массивного первичного отщепа (рис. 1, *4*). Рабочий край расположен на вентральной поверхности орудия и зани-

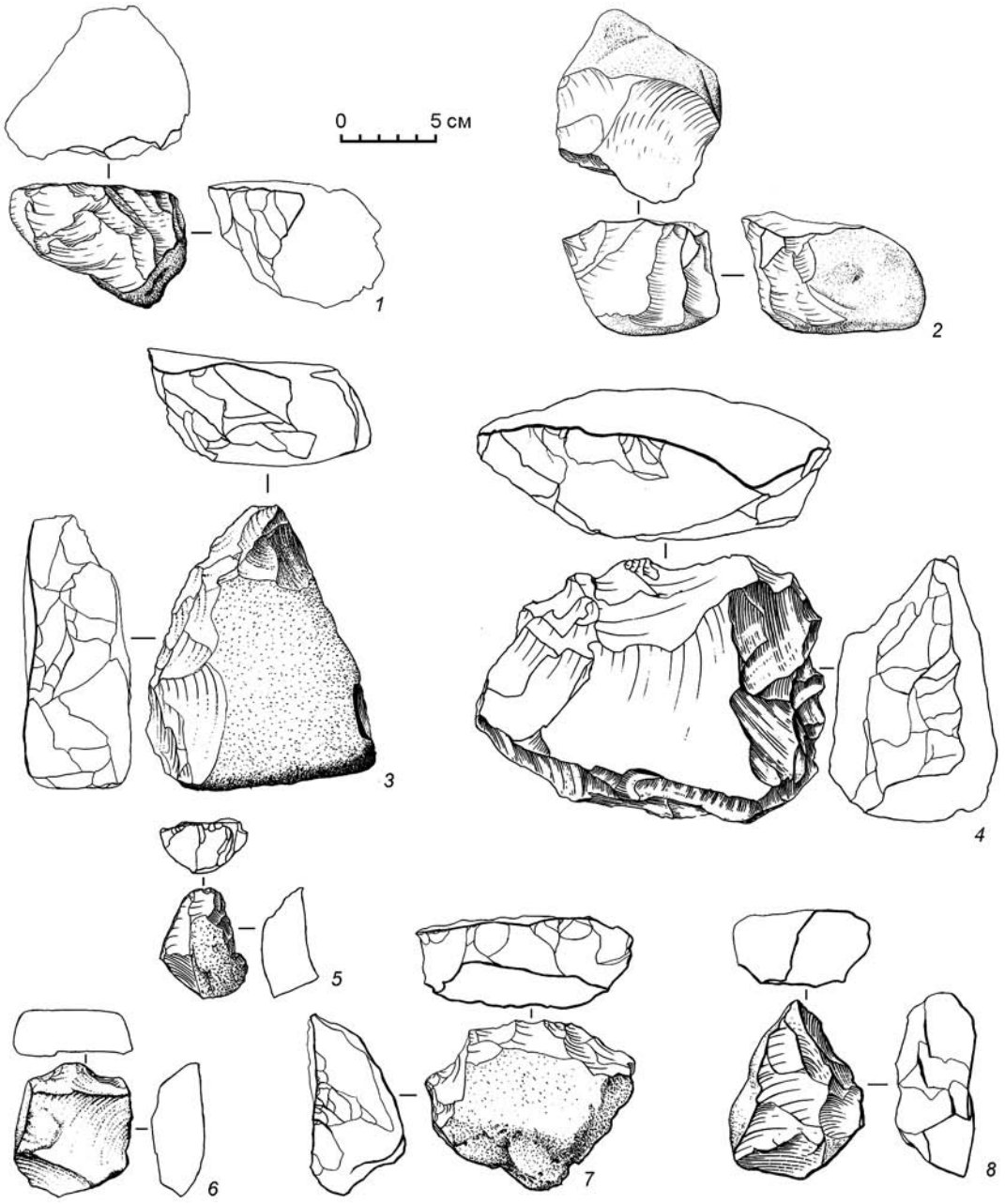


Рис. 1. Каменный инвентарь местонахождения Роктынг-1.

1 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой; *2* – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой; *3* – орудие с носиком; *4* – зубчатое орудие-унифас; *5* – концевой скребок; *6* – зубчато-выемчатое орудие; *7* – скребло; *8* – рубило.

мает две стороны из трех. Ретушь полукрутая, ударная, многорядная, разнофасеточная, ступенчатая.

Зубчато-выемчатое орудие сделано из фрагмента кварцитовой гальки средних размеров (рис. 1, *6*). Краевой полукрутой однорядной среднефасеточной ретушью выполнены две выемки, которые формируют зубец.

Скребла (рис. 1, *7*) сделаны из уплощенных галек средних размеров (3 экз.). Два скребла имеют овальную в плане и сечении форму и подтреугольный профиль. Лезвия выпуклые, а ретушь полукрутая, многорядная, разнофасеточная, чешуйчато-ступенчатая. Третье скребло имеет выступ-шип. Орудие сделано из гальки средних размеров, рабочий край оформлен на выпуклом краю гальки краевой крутой однорядной ретушью.

Концевой скребок сделан из массивного кварцитового первичного скола средних размеров (рис. 1, *5*). На дистальном конце заготовки и на правом боковом крае фиксируется вторичная обработка в виде крутой разнофасеточной параллельной одно- и двурядной ретуши.

Рубило выполнено из небольшой кварцитовой гальки (рис. 1, *8*). Боковая грань и одна из широких плоскостей сплошь обработаны модифицирующей многорядной разнофасеточной ступенчатой ретушью.

Два последних артефакта представляют собой заготовки орудий, которые могли быть преобразованы как в пикообразные орудия, так и в изделия с носиком.

Местонахождение Роктынг-4 (N 14°02,053′; E 108°40,584′) расположено на высоте 438 м над ур. м. и на расстоянии 569 м от пункта Роктынг-1 на юго-запад. На памятнике был заложен раскоп площадью 12 м^2 и шесть шурфов по 2 м^2 каждый.

Обобщенная стратиграфическая ситуация, зафиксированная в раскопе и шурфах, представлена следующей последовательностью.

Слой 1. Современная почва. Состоит из двух частей.

А. Легкий суглинок серого цвета с незначительным включением дресвы. Мощность – 0,1–0,2 м.

Б. Легкий суглинок светло-серо-коричневого цвета с незначительным включением дресвы (5–7 %). Мощность – 0,20–0,25 м.

Слой 2. Сильно карбонатизированные суглинки со значительным включением дресвы (30–40 %) красновато-коричневого цвета. Вниз по разрезу цвет отложений меняется на серо-коричневый. К кровле слоя приурочен валунно-дресвяной горизонт, содержащий артефакты. Видимая мощность – 0,5–0,6 м.

Всего в раскопе обнаружено 73 каменных артефакта. Коллекция состоит из нуклеусов (8 экз.), галек со следами апробации (31 экз.), сколов (30 экз.), орудий и их заготовок (4 экз.).

Группа нуклеусов включает одноплощадочные однофронтальные с естественными ударными площадками (5 экз.), радиальное ядрище и многоплощадочные многофронтальные ортогональные (2 экз.).

Одноплощадочные однофронтальные нуклеусы с естественными ударными площадками (рис. 2, *1–3*) изготовлены из галек средних размеров (4 экз.) и из валуна. Сделанное из валуна ядрище иллюстрирует начальную стадию расщепления. Нуклеусы, изготовленные из галек средней величины, имеют примерно одинаковые размеры, но различные формы, которые задавались очертаниями галек-заготовок. Общие черты: поперечное направление расщепления, параллельное расположение негативов отделенных заготовок, использование этих нуклеусов для получения небольших отщепов.

Радиальный нуклеус сделан из небольшой овальной гальки (рис. 2, *4*). Одна из боковых сторон этого ядрища сплошь покрыта негативами сколотых отщепов-заготовок.

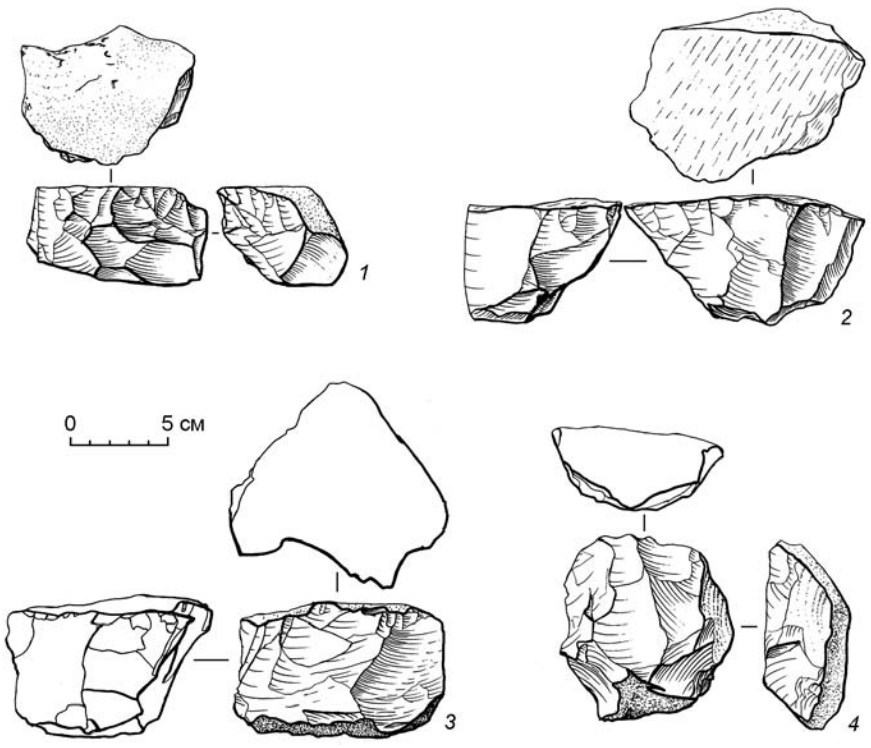


Рис. 2. Каменный инвентарь местонахождения Роктынг-4.

1–3 – одноплощадочные однофронтальные нуклеусы с естественной ударной площадкой; *4* – радиальный нуклеус.

Многоплощадочные многофронтальные (ортогональные) нуклеусы сделаны из очень крупных галек. Оба ядрища имеют неправильные угловатые кубовидные очертания. У этих изделий ударные площадки становились рабочими плоскостями скалывания, и наоборот.

Все орудия демонстрируют начальную стадию оформления и, по существу, являются заготовками.

Заготовки рубящих орудий (2 экз.) сделаны из галек. Первая изготовлена из крупной гальки пирамидальных очертаний. Небольшой участок края плоской грани, примыкающий к острому концу, обработан однорядной крутой разнофасеточной чешуйчатой ретушью. Вторая заготовка рубящего орудия сделана из кварцитовой гальки средних размеров, по форме напоминающей уплощенную пирамиду. Один из боковых краев изделия обработан крутой, почти отвесной, однорядной разнофасеточной ретушью, формирующей острый конец будущего орудия.

Заготовка продольного скребла сделана из уплощенной кварцитовой гальки овальных очертаний. На продольном краю фиксируется обработка в виде крутой однорядной разнофасеточной ретуши с заломами.

Заготовка орудия с носиком сделана из крупной уплощенной гальки. Два смежных боковых края изделия обработаны крутой однорядной крупнофасеточной ретушью. На левом краю глубоким сколом сформирована выемка, выделившая носик на конце этого артефакта.

Каменная индустрия группы местонахождений Роктынг базировалась на эксплуатации местного сырья. Это был окремненный песчаник, крайне редко применялись кварцитовые породы. В качестве исходной заготовки использовался галечник и валуны руслового аллювия. Для получения заготовок применялись радиальные ядрища, а также простые монофронтальные нуклеусы параллельного принципа расщепления с минимальной подготовкой одной или двух площадок. Среди орудий преобладают пикообразные изделия и орудиями с носиком. Остальная часть орудийного набора представлена простыми продольными и поперечными скреблами, боковыми скребками, рубящими изделиями с односторонней подготовкой лезвия и односторонне обработанными орудиями. Зубчатые и зубчато-выемчатые изделия встречаются крайне редко. Учитывая факт залегания артефактов в коре выветривания древних пород и основываясь на технико-типологических характеристиках каменной индустрии, можно предположить, что археологические комплексы группы местонахождений Роктынг относятся к нижнему палеолиту, вероятно к его заключительной стадии.

УДК 903.01

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин, Н.Е. Белоусова, Г.Д. Павленок, А.Ю. Федорченко, А.М. Чеха, А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kmb777@yandex.ru

Новые данные по каменным индустриям из плейстоценовых отложений центрального зала Денисовой пещеры

В полевом сезоне 2016 г. были возобновлены археологические исследования плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры. Для уточнения стратиграфической последовательности юго-восточного профиля раскопа к нему была сделана прирезка по линии квадратов Ж, вскрывшая литологические слои 9, 11, 12, 14, 19–22. Мощность разреза составила ок. 4 м. В пределах слоев 22–19, 14, 12 залегали материалы среднего палеолита. Этап заселения стоянки от начала верхнего палеолита до его второй половины представлен археологическими материалами из слоев 11 и 9 соответственно. Новые материалы позволили значительно дополнить существующую картину культурно-хронологической последовательности палеолитических комплексов центрального зала Денисовой пещеры.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, палеолит, плейстоцен, каменные индустрии.*

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, N.E. Belousova, G.D. Pavlenok, A.Yu. Fedorchenko, A.M. Chekha, A.N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kmb777@yandex.ru

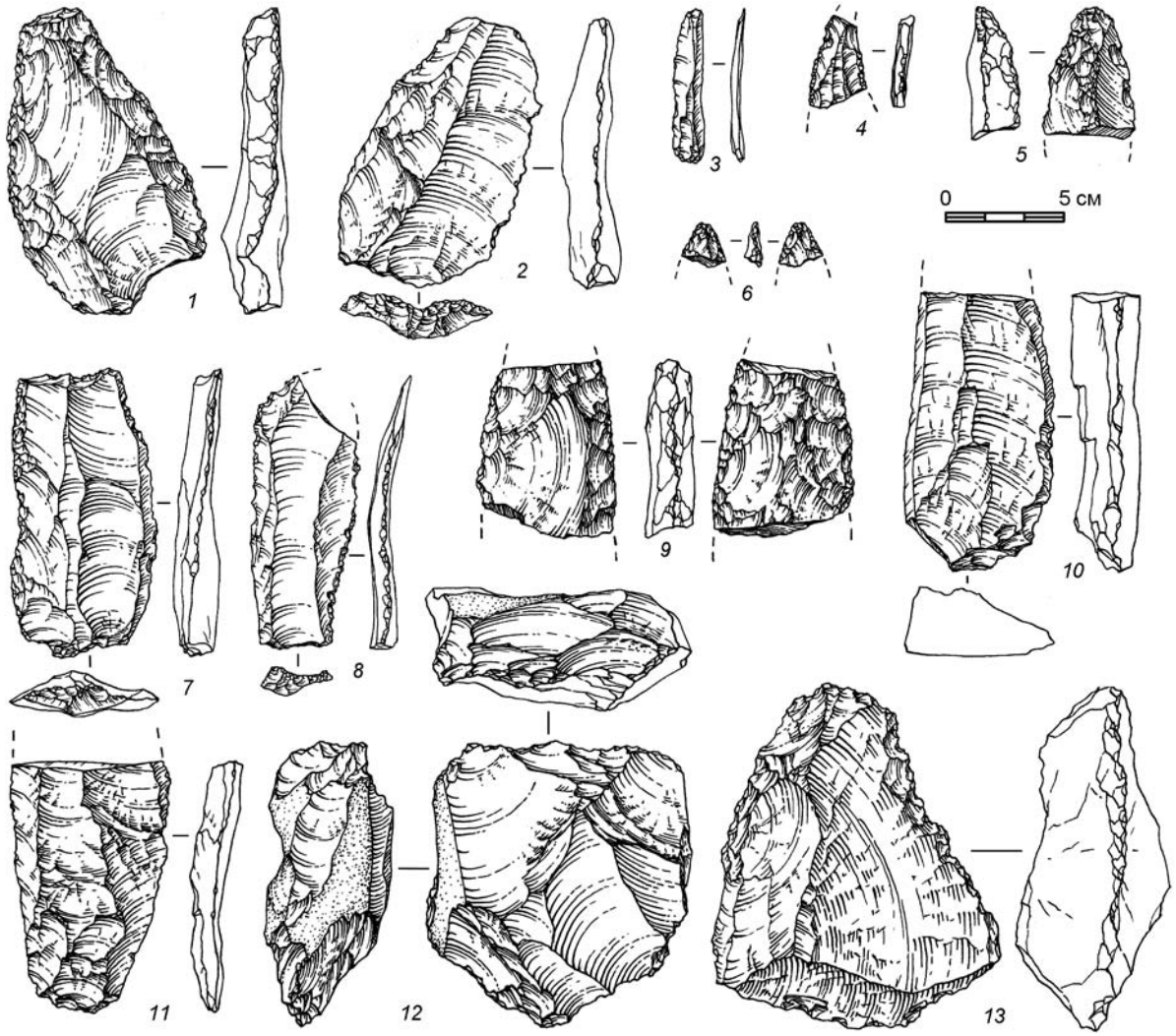
New Data on Lithic Industries from Pleistocene Deposits of the Denisova Cave, Main Chamber

The Pleistocene strata study of Denisova Cave was resumed in the Central Chamber in 2016. To clarify lithological and stratigraphic sequence of the southeast excavation profile the excavation extension was carried out through the squares J (layers 9, 11, 12, 14, 19–22). The total thickness of the stratigraphic profile is about 4 m. Middle Paleolithic materials deposited in lithologic layers 22–19, 14, 12. The stage of the settlement of the cave from Early Upper Paleolithic to the second part of Upper Paleolithic was presented appropriately by archaeological materials from lithologic layers 11 and 9. Results of this study added new data to existing picture of cultural and chronological sequence of Paleolithic complexes from Central Chamber of Denisova cave.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova cave, Paleolithic, Pleistocene, stone industry.*

В 2016 г. одновременно с работами в восточной галерее были возобновлены археологические исследования плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры. Для уточнения литолого-стратиграфической последовательности юго-восточной стенки основного раскопа к ней была сделана прирезка (2,0 × 0,5 м) по линии квадратов Ж/6–8. Мощность изученной толщи составила ок. 4 м. В ходе раскопок были вскрыты литологические слои 9, 11, 12, 14, 19–22, из которых в сумме получено 1702 артефакта.

В пределах слоя 22 найден 41 артефакт. Основную часть коллекции составляют отходы произ-



Каменный инвентарь из слоев 22 (*13*), 14 (*2, 7*), 12 (*1, 8, 10*) и 11 (*3–6, 9, 11, 12*) в центральном зале Денисовой пещеры.

1 – мустьерский остроконечник; *2* – леваллуазское острие; *3, 4* – мелкие пластинчатые сколы; *5* – скребок; *6, 9* – фрагменты листовидных бифасов; *7, 8, 10, 11* – пластины; *12* – нуклеус; *13* – зубчатое орудие.

водства* – 29 экз. Сколы представлены отщепами (мелкие – 6 экз.; средние/крупные – 5 экз.). Ударная площадка** отщепов естественная или двугранная, без подправки карниза, огранка – ортогональная. Единственное изделие с вторичной обработкой представлено зубчатым конвергентным орудием на крупном коротком отщепе (см. *рисунок, 13*).

Коллекция слоя 21 насчитывает 70 артефактов, большинство из которых являются отходами производства – 44 экз. Типологически выраженное ядрище представляет собой радиальный бифронтальный нуклеус на гальке. Фронт занимает ⅔ части периметра изделия. Расщепление осуществлялось от неподготовленного ребра. Сколы представлены мелкими (9 экз.) и средними/крупными (15 экз.) отщепами. Огранка отщепов продольная или бипродольная, реже радиальная или ортогональная. Остаточная ударная площадка – естественная или гладкая, реже двугранная, во всех случаях без подправки. Орудие представлено поперечным выпуклым скреблом на крупном массивном коротком отщепе.

В слое 20 обнаружен 131 каменный артефакт. Отходы производства насчитывают 102 экз. Ядрища представлены параллельными плоскостными монофронтальными нуклеусами, в одном случае – одноплощадочным на крупном массивном ско-

*Здесь и далее в эту категорию включены обломки, осколки, чешуйки.

**Здесь и далее типы остаточной ударной площадки и дорсальной огранки приведены только для крупных/средних отщепов.

ле, в другом – двуплощадочным на гальке. Фронт обоих изделий несет негативы отщеповых снятий. Индустрия сколов представлена отщепами (мелкие – 13 экз.; средние/крупные – 12 экз.), пластиной и полуреберчатым снятием. Огранка отщепов продольная или конвергентная, реже радиальная или ортогональная, остаточные ударные площадки в основном гладкие.

В слое 19 найдено 165 каменных артефактов, из которых 58 экз. относятся к отходам производства. В числе сколов присутствуют мелкие (62 экз.) и средние/крупные (38 экз.) отщепы, а также фрагментированные пластины (3 экз.). Отщепы имеют продольную или конвергентную, реже радиальную огранку. Площадки отщепов в основном гладкие, двугранные или фасетированные. Невыразительный орудийный набор включает пластину и отщеп с ретушью, два неопределимых фрагмента орудий.

Коллекция слоя 14 представлена 151 экз. Отходы производства насчитывают 60 экз. Инструментарий характеризует фрагмент галечного отбойника из крупнозернистого песчаника. В индустрии сколов выделены отщепы (мелкие – 40 экз.; средние/крупные – 37 экз.) и фрагментированные пластины (5 экз.). Отщепы имеют продольную или конвергентную огранку, пластины – продольную параллельную или слабо конвергентную. Остаточные ударные площадки отщепов преимущественно гладкие, реже двугранные или фасетированные, в ряде случаев с подправкой карниза. Орудийный набор включает два асимметричных леваллуазских острия (см. *рисунок, 2*), леваллуазскую пластину с эпизодической ретушью (см. *рисунок, 7*), скребок на первичном отщепе, двойной угловой резец на пластине, продольное вогнутое скребло на крупном отщепе, два неопределимых фрагмента орудий.

В слое 12 найден 471 артефакт, из которых к отходам производства относятся 257 экз. В числе сколов преобладают отщепы: мелкие – 141 экз.; средние/крупные – 61 экз. Большинство отщепов имеют продольную или радиальную огранку. Их остаточная ударная площадка, как правило, гладкая, реже двугранная или фасетированная. Пластины насчитывают 8 экз. (см. *рисунок, 8, 10*), для них характерна продольная огранка и двугранная или фасетированная остаточная ударная площадка. Орудийный набор включает леваллуазское острие, мустьерский остроконечник на асимметричном леваллуазском сколе (см. *рисунок, 1*), пластину и отщеп с ретушью.

Наиболее многочисленная коллекция происходит из слоя 11 – 603 экз. Отходы производства здесь насчитывают 237 экз. Ядрища представлены сильно сработанным двуплощадочным монофронтальным параллельным плоскостным нуклеусом для отщепов, оформленным на гальке (см. *рисунок, 12*). Индустрия сколов включает отщепы (мелкие – 180 экз.; средние/крупные – 90 экз.), пластины (35 экз.; см. *рисунок, 11*), мелкие пластинчатые сколы (11 экз.; см. *рисунок, 3, 4*) и реберчатые пластины (2 экз.). Отщепы имеют продольную, конвергентную или радиальную огранку, гладкие двугранные или фасетированные остаточные ударные площадки. Морфология фрагментов пластин указывает на их производство в рамках призматической техники. Пластины и мелкие пластинчатые сколы имеют параллельную продольную или бипродольную огранку, треугольное или трапециевидное сечение, подправку карниза площадки. Орудийный набор представлен медиальным (см. *рисунок, 9*) и дистальным (см. *рисунок, 6*) фрагментами листовидных бифасов, двумя концевыми скребками (см. *рисунок, 5*), пластинами (5 экз.) и отщепами (8 экз.) с ретушью, неопределимыми фрагментами орудий (3 экз.).

Каменную индустрию дополняют костяные орудия, представленные иглой с просверленным ушком, острием и двумя игольниками. В слое также найдены украшения (23 экз.) – подвески, бусины и пронизки. Для изготовления украшений использовались разнообразные материалы – бивень мамонта, зубы животных, трубчатые кости, раковины моллюсков, скорлупа яиц крупной птицы, мягкий поделочный камень.

В слое 9 найдено 70 каменных артефактов. Отходы производства насчитывают 26 экз. Индустрия сколов включает отщепы (мелкие – 21 экз.; средние/крупные – 15 экз.), пластины (4 экз.) и мелкий пластинчатый скол. Огранка отщепов продольная, конвергентная или ортогональная; остаточная ударная площадка – гладкая или двугранная. Пластины имеют параллельную продольную или бипродольную огранку, треугольное или трапециевидное сечение, редукцию карниза площадки. Орудийный набор представлен тронкированной пластиной и двумя отщепами с ретушью.

Несмотря на малочисленность коллекции, новые археологические материалы отражают динамику палеолитических комплексов центрального зала Денисовой пещеры и в полной мере согласуются с разработанной ранее культурно-хронологической шкалой для этого участка стоянки [Природная среда …, 2003]. Каменные артефакты среднего палеолита связаны с отложениями слоев 22–19, 14 и 12. Для первичного расщепления индустрии раннего этапа среднего палеолита (слои 22 и 21) характерно использование радиальных нуклеусов. Изделия

с вторичной обработкой представлены зубчатым орудием и скреблом. Дальнейшее развитие среднепалеолитического комплекса демонстрируют материалы слоев 20, 19, 14 и 12. В коллекции из этой части разреза хорошо выражен пластинчатый компонент, представлены продукты леваллуазской острийно-пластинчатой технологии. Орудийный набор отличается сочетанием среднепалеолитического (мустьерские остроконечники, скребла) и верхнепалеолитического (скребки, резцы) компонентов.

Этап заселения центрального зала от начала верхнего палеолита до его второй половины представлен археологическими материалами слоев 11 и 9 соответственно. Технологии обработки каменного сырья в этих комплексах ориентированы на производство пластин в рамках призматической продольной и бипродольной техники, а также мелких пластинчатых заготовок. Орудийные формы в индустрии начального этапа верхнего палеолита из слоя 11 включают такие яркие изделия, как листовидные бифасы, тронкированные пластины и концевые скребки. Выразительный верхнепалеолитический облик археологическому комплексу слоя 11 придает набор костяных орудий и украшений из различных материалов.

Таким образом, новые археологические материалы существенно дополнили картину культурно-хронологической последовательности палеолитических комплексов центрального зала Денисовой пещеры.

Список литературы

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulyanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

УДК 903.01

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин, А.Ю. Федорченко, Г.Д. Павленок, Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kmb777@yandex.ru

Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок в 2016 году)

В 2016 г. в литологическом горизонте 11.2 центрального зала Денисовой пещеры найдена уникальная по своей сохранности костяная игла. Реконструированы основные этапы изготовления предмета: получение заготовки из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего путем вырезания или расщепления, обработка заготовки строганием и шлифовкой, двустороннее сверление и отделочная полировка. Малый диаметр ушка указывает на использование тонкой нити диаметром ок. 1 мм. Проведенный анализ позволил выявить на поверхности иглы следы износа, связанные с длительным использованием изделия по назначению. Всего в палеолитических коллекциях Денисовой пещеры выделено и изучено 13 изделий, связанных с контекстом производства костяных игл. Сопоставление этих орудий с материалами других памятников, где были сделаны аналогичные находки, позволяет рассматривать костяные иглы из слоя 11 Денисовой пещеры как наиболее ранние изделия этого типа на территории Евразии.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, начало верхнего палеолита, костяные иглы.*

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, A.Yu. Fedorchenko, G.D. Pavlenok, N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kmb777@yandex.ru

Early Upper Paleolithic Bone Needle from the Main Chamber of Denisova Cave (Based on Research Data from the 2016 Excavations)

Bone needle, being unique in its well-preserved state, was recovered in 2016 in lithological horizon 11.2 in the Main Chamber of Denisova Cave. The main stages in manufacturing the needle were reconstructed as follows: obtaining a half-finished product from the tubular bone wall of a large mammal by cutting and splitting; shaping and grinding the obtained blank; double-sided drilling and finishing polish. The small diameter of the needle's eye suggests using a tenuous thread of about 1 mm diameter. This research has made it possible to reveal the wear traces on the needle surface related to the long-term use of the product according to its function. A total of 13 items associated with the context for producing bone needles were recognized and studied in the Paleolithic collections from Denisova Cave. A comparison between these tools and artifacts from the other sites, which yielded similar finds, enables consideration of the bone needles found in layer 11 at Denisova Cave as the earliest articles of this type in Eurasia.

Keywords: *Mountain Altai, Denisova cave, experimental use-wear analysis, technological analysis, early Upper Palaeolithic, bone needle.*

Особую роль в адаптации человека к экстремальным природным условиям позднего плейстоцена Евразии сыграло совершенствование техник выделки шкур, пошива одежды из кожи и меха с использованием специализированных костяных инструментов – шильев, проколок и миниатюрных иголок с ушком. Сшитая при помощи игл и нитей меховая одежда способствовала длительному со-

хранению энергии и здоровья человека, увеличению продолжительности его активности в разное время суток и более эффективному хозяйственному освоению новых территорий.

Представительная серия костяных игл начала верхнего палеолита известна в материалах пещерных памятников Горного Алтая. В 2016 г. при исследовании плейстоценовых отложений центрального зала Денисовой пещеры в границах литологического горизонта 11.2 найдена целая костяная игла (рис. 1). Наряду с персональными украшениями, иглы с ушком являются одной из наиболее ярких категорий костяного инвентаря этого слоя в центральном зале пещеры.

По определению д-ра биол. наук А.К. Агаджаняна, игла изготовлена из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего. Длина иглы составляет 74,9 мм, ширина – 2,5–0,9 мм, толщина – 1,7–0,8 мм. Профиль орудия слегка искривлен. Форма поперечного сечения неодинакова: в проксимальной части она сильно уплощенная, в медиальной – подпрямоугольная, в дистальной – эллипсоидная. Толщина изделия варьирует от острия к ушку, достигая максимального значения в медиальной части.

Определение способа производства и особенностей использования иглы осуществлялось на основе синтеза экспериментально-трасологического и технологического методов. Процедуре микроскопического изучения предшествовала очистка находки в ультразвуковой ванне. Для анализа следов изготовления и износа использовались микроскопы МБС-10 и Olympus BHM. Фотофиксация следов осуществлялась при помощи зеркальной фотокамеры Canon EOS 7D с объективом EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM.

Заготовкой для производства иглы, вероятно, являлся удлиненный скол, полученный путем продольного раскалывания или прорезания кости. Следы начальной, формообразующей обработки на поверхностях иглы прослеживаются слабо, в основном они перекрыты следами более поздних этапов отделки и износа. Начальная стадия производства орудия подразумевала обработку строганием, применявшимся для уменьшения диаметра заготовки, формирования заданного профиля иглы и заострения ее кончика.

На следующей стадии производства осуществлялась подготовка лицевых поверхностей и боковых краев предмета на абразиве. При 40-кратном увеличении зафиксированы следы шлифовки в виде удлиненных борозд-линий, параллельных друг другу и продольной оси изделия (рис. 2, *2*). Дальнейший этап оформления иглы связан с изготовлением ушка (d = 1,3 мм; рис. 2, *1*). Еще на стадии получения преформы место будущего сверления подверглось дополнительному уплощению

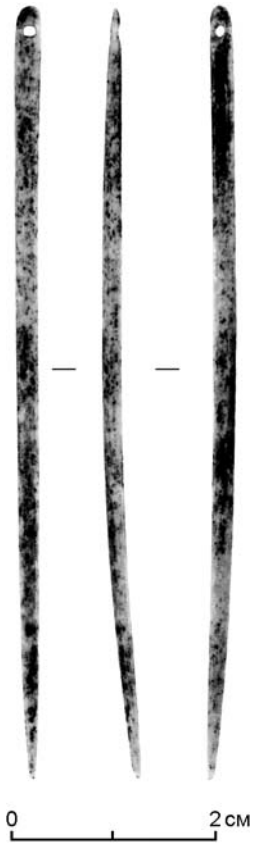


Рис. 1. Костяная игла из слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры.

и утончению. При увеличении в 40–100 крат внутри отверстия прослежены участки с сохранившимися концентрическими бороздами от сверления. Большая часть поверхности ушка сильно заполирована в результате использования орудия по своему назначению. Особенности морфологии следов перфорации указывают на использование двустороннего сверления, направленного на получение конусообразного по форме отверстия с одной лицевой поверхности и последующего рассверливания с противоположной стороны. На заключительной стадии производства, вероятно, осуществлялась полировка иглы, признаки которой сложно дифференцировать из-за сходства со следами интенсивного износа.

При увеличении в 16–40 крат фиксируется комплекс следов утилизации, связанных с использованием иглы по своему прямому назначению. Практически вся поверхность изделия покрыта следами мягкой обволакивающей заполировки. На кончике иглы зафиксированы следы поперечного излома занозистой формы (рис. 2, *3*), полученного в результате сильного нажима. Малый диаметр ушка указывает на использование исключительно тонкой нити (d ≈ 1 мм).

Новая находка целой костяной иглы превосходной сохранности существенно дополняет набор

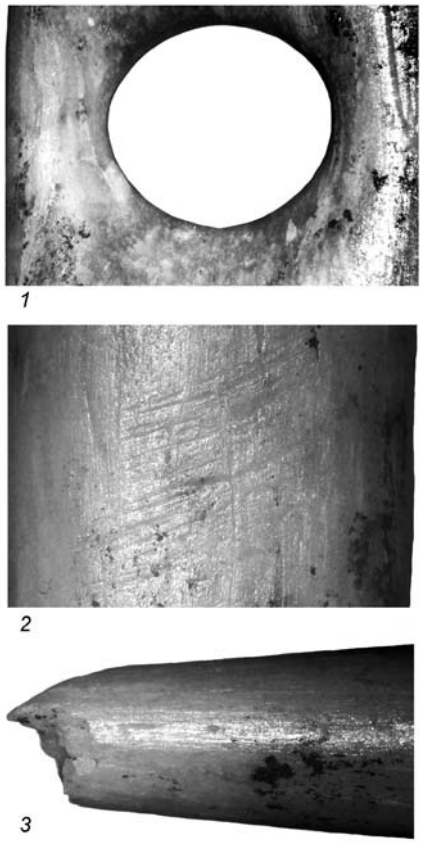


Рис. 2. Макрофотографии отдельных участков поверхности иглы (встроенное освещение, проходящее через оптическую систему микроскопа Olympus BHM; 40-кратное увеличение; обработка в программе Helicon Focus).

1 – ушко; *2* – следы пришлифовки; *3* – кончик.

изделий этого типа из верхнепалеолитических отложений Денисовой пещеры. Всего в археологической коллекции стоянки имеется 13 изделий, относящихся к контексту производства игл [Деревянко, Шуньков, 2004]. В слое 11 центрального зала обнаружено шесть игл и одна заготовка. Для средней части слоя 11 была получена радиоуглеродная дата >37 235 л.н. (СОАН-2504). В индустрии начала верхнего палеолита из верхней части слоя 11 в восточной галерее зафиксировано одно изделие. По кости со следами резания из этой части разреза получена ^{14}C-AMS-дата 50 300 ± 2200 л.н. (OxA-V-2359-16). На предвходовой площадке пещеры в слоях 3, 5–7, датируемых методами биостратиграфии сартанским и каргинским временем, обнаружено пять игл [Природная среда …, 2003].

Технологический и трасологический анализы костяных игл из Денисовой пещеры свидетельствуют, что при их изготовлении выполнялись следующие операции: получение заготовки из стенки трубчатой кости путем вырезания или расщепления, обработка заготовки строганием и шлифовкой, двустороннее сверление и отделочная полировка. Все иглы в разной степени повреждены. Преобладают относительно крупные (длиной 29,3–54,4 мм) фрагменты проксимальных и медиальных частей игл (6 экз.), имеются только медиальные части изделий длиной 25,7–37,6 мм (3 экз.). Шесть орудий обладают метрическими параметрами, поперечным сечением и набором следов обработки, близкими для целой иглы из раскопа 2016 г. Диаметр отверстия большинства орудий с сохранившимся ушком варьирует от 0,7 до 1,1 мм. Одним экземпляром представлена игла размерами 38,2 × 3,5 × 2,0–0,8 мм с уплощенным сечением и следами орнаментации – одинарными линиями из круглых точек на каждой из лицевых сторон.

Костяные иглы начала верхнего палеолита из Денисовой пещеры находят отдельные аналоги в материалах более поздних памятников палеолита Северной Евразии. Наиболее близкой территориально является игла из слоя 3/1а пещеры Страшная, для которого имеется ^{14}C-дата 19 150 ± 80 л.н. (OxA-V-2359-19) [Деревянко и др., 2015]. Одна из древнейших (43,9 тыс. л.н.) находок подобного типа обнаружена на стоянке Толбага в Забайкалье [Васильев, 2005, с. 61]. Серия игл с ранним хронологическим контекстом (36,1–28,5 тыс. л.н.) была получена при изучении Мезмайской пещеры на Кавказе [Golovanova, Doronichev, Cleghorn, 2010]. Представительная коллекция костяных игл происходит с Янской стоянки (28,5–27,0 тыс. л.н.). Здесь зафиксировано свыше 50 крупных и мелких игл с отверстиями 2,2–2,7 и 1,0–1,4 мм. Небольшая серия орудий из этого памятника имеет следы орнаментации в виде одиночных рядов из четырех или пяти точек и коротких нарезок, расположенных ниже сверленного отверстия [Pitulko et al., 2012]. Эти изделия схожи с орнаментированной иглой из центрального зала Денисовой пещеры.

Иглы с просверленным ушком являются одними из наиболее инновационных костяных орудий начала верхнего палеолита. По нашему мнению, широкое распространение этих изделий в палеолите Евразии явилось следствием достижения существенного прогресса в развитии целого ряда промыслов и технологий: высокопродуктивной охоты на крупных и мелких млекопитающих, тонкой выделки шкур при помощи концевых скребков, пошива одежды из кожи и меха, специализированной обработки кости, рога и бивня, изготовления нитей из жил и волос животных или растительных волокон. В этот период палеолита традиции изготовления одежды оказались тесно связанными с практикой использования украшений из камня и кости, которые крепились к костюму при помощи разнообразных нитей и ремешков.

Список литературы

Васильев С.Г. Поселение Толбага: технология обработки кости и костяные орудия // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 56–68.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Поздние среднепалеолитические индустрии Горного Алтая: новый этап изучения пещеры Страшной // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 7–17.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E. The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Palaeolithic // Antiquity. – 2010. – Vol. 84, Iss. 324. – P. 299–320.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia // Antiquity. – 2012. – Vol. 86, Iss. 333. – P. 642–659.

References

Derevianko A.P., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Zenin V.N., Shalagina A.V. Pozdnie srednepaleoliticheskie industrii Gornogo Altaya: novyi etap izucheniya peshchery Strashnoi. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2015, No. 2 (12), pp. 7–17 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Stanovlenie verkhnepaleoliticheskikh traditsii na Altae. In *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: Gipotezy i fakty.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, pp. 283–311 (in Russ.).

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E. The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Palaeolithic. *Antiquity*, 2010, vol. 84, iss. 324, pp. 299–320.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia. *Antiquity*, 2012, vol. 86, iss. 333, pp. 642–659.

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulyanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Vasil'ev S.G. Poselenie Tolbaga: tekhnologiya obrabotki kosti i kostyanye orudiya. In *Paleoliticheskie kul'tury Zabaikal'ya i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, pp. 56–68 (in Russ.).

УДК 902.01

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Т.Б. Мамиров[3], В.А. Ульянов[4], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: anui1@yandex.ru

Археологическая разведка на территории Восточного Казахстана в 2016 году*

В 2016 г. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены масштабные разведочные работы на территории Восточно-Казахстанской обл. Основными районами исследований являлись восточный берег Бухтарминского водохранилища, южный и восточный берега оз. Зайсан, а также Шиликтинская долина и северные склоны Тарбагатайского хребта. В результате работ обнаружено более десяти новых памятников каменного века, в т.ч. уникальная для территории Казахстана многослойная стоянка открытого типа с индустриями разных этапов верхнего палеолита – Ушбулак. Наиболее древний комплекс артефактов исследован на местонахождениях Курчум и Рысак-2 (нижний – верхний палеолит). В Курчумском и Тарбагатайском районах зафиксированы еще несколько местонахождений с поверхностным залеганием артефактов большого временного диапазона: от среднего палеолита до раннеголоценовых бескерамических индустрий.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, разведочные работы, палеолит, поверхностные сборы, стратифицированный памятник.*

A.P. Derevianko[1], M.V. Shunkov[1, 2], Zh.K. Taymagambetov[3], A.A. Anoikin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], T.B. Mamirov[3], V.A. Ulianov[4], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[4]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey at the Territory of Eastern Kazakhstan in 2016

The Joint Russian-Kazakhstan expedition of IAET SB RAS and National Museum of Republic of Kazakhstan carried out the major archaeological survey in the East Kazakhstan area. The focal areas were Eastern side of Bukhtarma reservoir, Southern and Eastern sides of Zaisan Lake, Shilikty valley and North of Tarbagatai ridge. As a result, the expedition found more than ten new Paleolithic sites, including the unique for Kazakhstan territory open-air multilayer site of Ushbulak with Upper Paleolithic industries. The most ancient artificial complex was investigated at the Kurchum and Rysak-2 occurrences (Lower-Upper Paleolithic). Expedition found a few sites with surface artificial assemblages, which chronologically related to the broad range from Middle Paleolithic to Early Holocene industries without pottery.

Keywords: *Eastern Kazakhstan, survey, Paleolithic, surface collection, stratified site.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В сентябре 2016 г. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены разведочные работы на территории Курчумского, Зайсанского и Тарбагатайского районов Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. Основными районами исследований являлись восточный берег Бухтарминского водохранилища, южный и восточный берега оз. Зайсан, а также долина Шиликты и северные склоны Тарбагатайского хребта. Общая протяженность маршрутов составила ок. 8 тыс. км (рис. 1). В ходе работ было дополнительно исследовано несколько уже известных и открыто более десяти новых местонахождений каменного века как с поверхностным, так и со стратифицированным залеганием археологического материала.

На Бухтарминском водохранилище было вновь обследовано местонахождение Курчум [Шуньков и др., 2015], расположенное в 9 км севернее одноименного населенного пункта, составлен подробный топоплан памятника и собрана представительная коллекция археологического материала. Разновременные артефакты, соответствующие широкому временному диапазону от нижнего до верхнего палеолита, залегали на пологом склоновом участке между берегом водохранилища и вершиной Актобе, образуя несколько зон концентрации.

В ходе разведочных работ в 3 км севернее памятника был выявлен еще один участок с поверхностным залеганием археологического материала палеолитического времени – местонахождение Куйган. Находки также залегали на склоновом участке, образуя узкий шлейф протяженностью ок. 0,3 км. Отложения на этом отрезке прибрежной зоны представлены красноцветными глинами, на поверхности которых были собраны небольшие желваки высококачественного кремнистого сырья со сколами апробации. Кроме них в коллекции (33 экз.) присутствуют первичные и вторичные отщепы, выемчатое орудие и мелкий скребок с рабочим краем по периметру заготовки.

В ходе разведочного маршрута по среднему течению р. Курчум (до с. Ушбулак, бывшее Пугачево) было установлено, что на этом участке долина реки преимущественно узкая, каньонного типа, с высокими обрывистыми берегами, сложенными коренными горными породами – гранитами и сланцами. По обоим бортам присутствуют минимальный растительный покров и тонкий плащ рыхлых

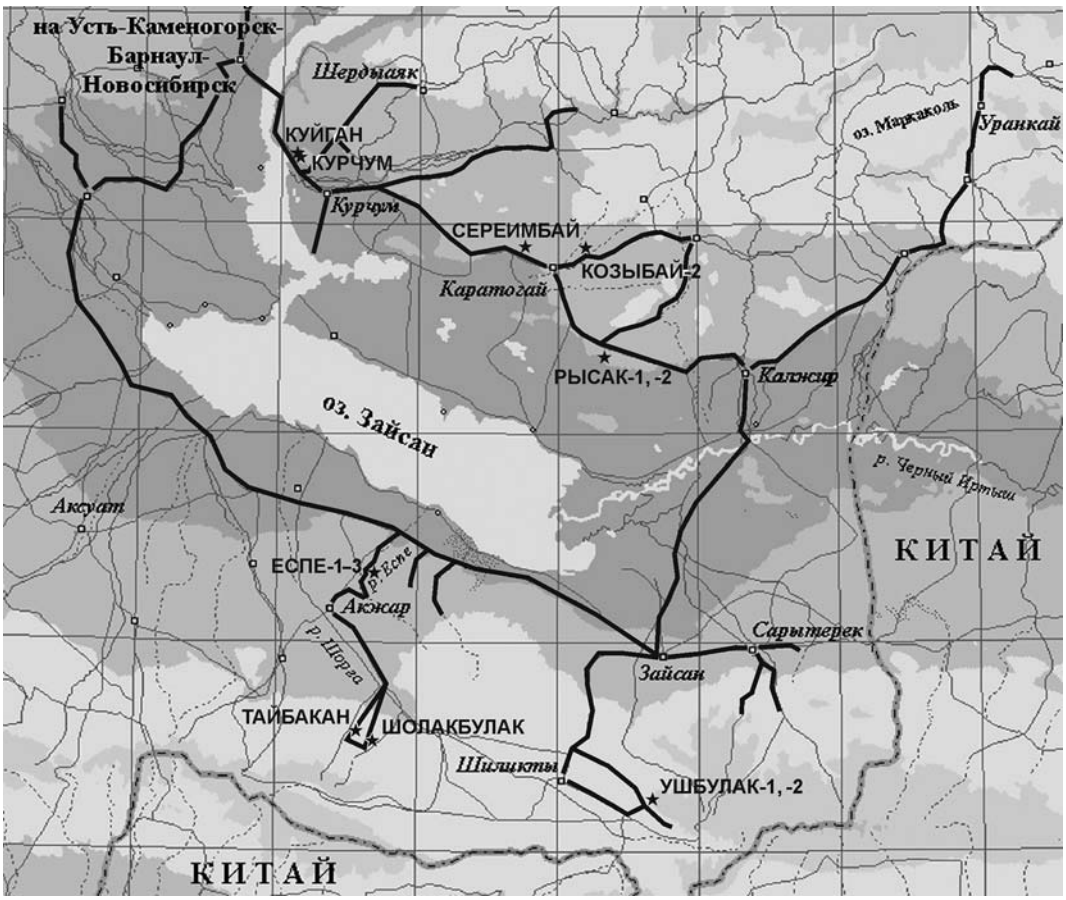


Рис. 1. Карта-схема маршрута разведочных работ.

отложений. На участках расширений, когда горы отходят от русла реки, долина имеет вид широкой, минимально поднятой над уровнем воды плоской равнины без выраженных возвышенностей и террасовых уровней. На отдельных прибортовых участках здесь фиксируется более мощный чехол рыхлых отложений, представленных суглинками с большим количеством обломочного материала и лессовидными супесями, которые перекрывает современная почва. Для этих отложений, как правило залегающих на значительном удалении от реки и на незначительном протяжении, предполагается относительно молодой (финал плейстоцена – голоцен) возраст. Артефактов или каменного сырья, подходящего для расщепления, в них не обнаружено. Каменный материал с хорошими «потребительскими» свойствами присутствует в русловом галечнике р. Курчум, однако геоморфологическая ситуация в районе не позволяет предполагать наличие участков непереотложенных плейстоценовых отложений.

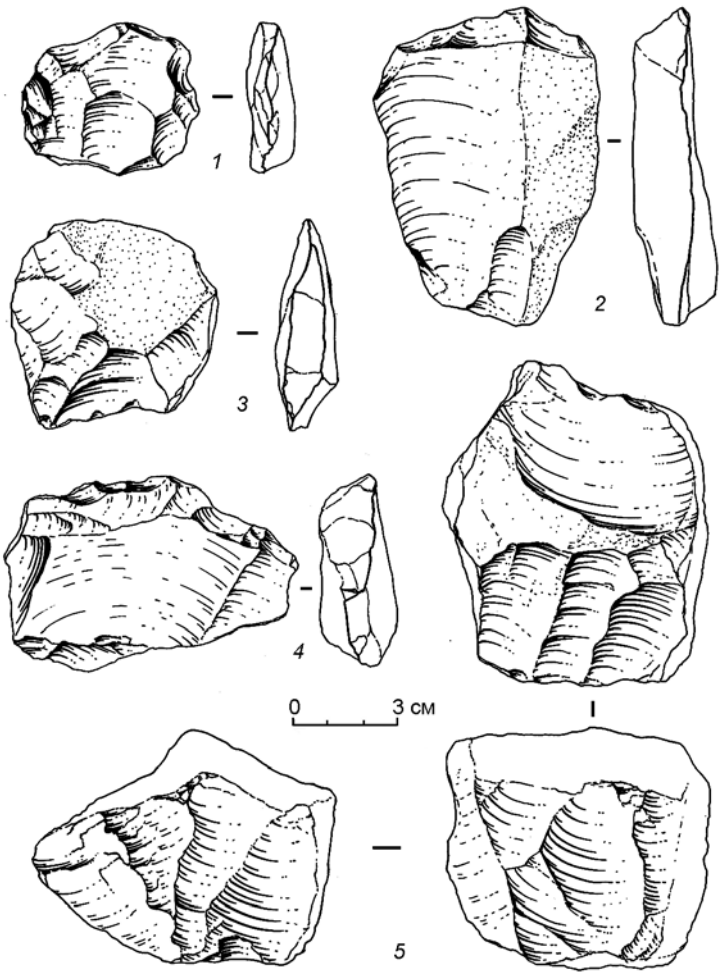


Рис. 2. Каменные артефакты с местонахождения Козыбай-2 (художник М.Е. Медовикова).

1, 3 – отщепы; *2* – отщеп с ретушью; *4* – скребловидное орудие; *5* – нуклеус.

Разведочные маршруты в районе хребта Уршим и оз. Маркаколь показали отсутствие здесь как качественного каменного сырья (горные породы представлены сланцами, гранитами и кварцем), так и участков плейстоценовых отложений, имеющих субгоризонтальное простирание и значимых по протяженности и мощности. При обследовании предгорной зоны на северном берегу оз. Зайсан в районе с. Каратогай было обнаружено два местонахождения каменных артефактов. Первое, Сереимбай, находится примерно в 10 км к западу от с. Каратогай в зоне выходов красноцветных глин. На нем зафиксировано два крупных скола без вторичной обработки, залегающих на размытых участках, обильно усыпанных галечным и окатанным обломочным материалом. Второе местонахождение, Козыбай-2, находится восточнее, на среднем отрезке дороги Каратогай – Егиндыбулак. Памятник связан с интрузивными выходами в сланцевом окружении кварцито-песчаника, фиксирующимися на незначительном участке (радиус ок. 100 м) в долине одного из левых притоков р. Калгуты. В коллекции (14 экз.) представлены нуклевидные формы, крупные сколы и скребловидное орудие (рис. 2). Значительная степень изменения поверхности изделий и «архаичный» облик позволяют предполагать их относительную древность (средний палеолит?).

Кольцевой маршрут вокруг оз. Зайсан позволил определить, что территории, непосредственно примыкающие к озеру, являются малоперспективными в плане обнаружения стратифицированных палеолитических памятников, в первую очередь из-за отсутствия выраженных террасовых уровней четвертичного времени, а также в связи с редкостью качественного каменного сырья. В предгорных районах Западного Призайсанья (южный фас хребта Калба) также не прослежено сколько-нибудь заметных толщ плейстоценовых отложений, а в долинах рек внутреннего стока (Шигилек, Киши Бокен) отсутствуют пригодные для системного расщепления горные породы.

В южной части горного обрамления озера (Сауыр-Тарбагатайская горная страна) фиксируется наличие выходов окремненных осадочных пород, обладающих высокими «потребительскими» свойствами. В долинах нескольких рек (Еспе, Шорга, Кандысу), берущих начало на северном склоне Тарбагатайского хребта, обнаружен ряд памятников с по-

верхностным залеганием археологического материала. Местонахождение Тайбакан расположено на берегу одноименного ручья, в месте его выхода из ущелья в долину р. Кандысу. Артефакты (5 экз., включая одноплощадочный однофронтальный нуклеус и небольшие сколы) найдены на небольшой возвышенности, приуроченной к сложенным гранитами горам. В этом же районе немногочисленный археологический материал (3 скола) был найден в схожей геоморфологической ситуации в нижнем течении руч. Шолакбулак.

Более многочисленный материал получен в нескольких пунктах подъемных сборов в среднем течении р. Еспе (Еспе-1–3). Все артефакты залегали на высыпках галечного и окатанного обломочного материала в средней части пологого (ок. 10°) склона на высоте 20–50 м от современного уреза воды, на отрезке протяженностью ок. 0,5 км. В коллекции (ок. 80 экз.) представлены нуклеусы нескольких типов, пластины, отщепы, леваллуазский скол и разнообразные орудия – скребло, бифасиально обработанный топор, сколы с ретушью. Изделия различны по своей морфологии и сохранности поверхности. Так, в коллекции, наряду с радиальными ядрищами и леваллуазским сколом, присутствуют нуклеусы для микрорасщепления и бифасиально обработанный топор с перехватом. В целом анализ материалов позволяет предполагать, что на местонахождении представлены артефакты в хронологическом диапазоне от среднего палеолита до раннеголоценовых безкерамических индустрий.

Рекогносцировочные исследования восточнее г. Зайсан, в предгорной зоне северного склона хребта Сауыр включали осмотр долин в нижнем и среднем течении рек Булак и Караунгир. Разведочные работы показали наличие в этом районе значительных по мощности (более 5 м) отложений предположительно позднечетвертичного возраста, залегающих террасоподобными уровнями. Осадки представлены лессовидными пылевидными суглинками без включения обломочного материала. Речной галечник на большинстве осмотренных участков содержал пригодный для регулярного расщепления каменный материал – окремненные осадочные породы. Вместе с тем ни при визуальном осмотре местности, ни при последующей шурфовке здесь не найдено археологических материалов палеолитического времени.

При обследовании юго-западных отрогов хребта Сауыр, в Шиликтинской долине был обнаружен стратифицированный памятник Ушбулак-1, на котором зафиксировано шесть культуросодержащих слоев, начиная с ранних этапов верхнего палеолита и заканчивая голоценовыми комплексами. В ходе сбора подъемного материала и при шурфовочных работах получена обширная коллекция каменных артефактов (ок. 2 тыс. предметов) и остатков плейстоценовой фауны. Рядом с этим объектом, в обнажении берега одного из ручьев зафиксирован еще один пункт сбора археологических материалов – Ушбулак-2. Немногочисленная коллекция (8 экз.) включает сколы и концевой скребок.

В целом в результате разведочных работ 2016 г. в Восточном Казахстане открыто более десяти новых памятников каменного века, в т.ч. уникальная для территории Казахстана многослойная стоянка Ушбулак-1 с индустриями нескольких этапов верхнего палеолита.

Список литературы

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Павленок К.К., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Харевич В.М. Стоянка-мастерская Курчум – новый палеолитический памятник на Южном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 183–186.

References

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok K.K., Anoikin A.A., Rybalko A.G., Harevich V.M. Stoyanka-masterskaya Kurchum – novyi paleoliticheskii pamyatnik na Juzhnom Altae. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2015, vol. XXI, pp. 183–186 (in Russ.).

УДК 902/904

А.В. Кандыба, А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Исследования палеолитического местонахождения Дарвагчай-карьер-2 в 2016 году*

Статья посвящена результатам исследований нового памятника Дарвагчай-карьер-2, подъемные материалы которого относятся к финальному этапу среднего палеолита и пополняют археологическую коллекцию данного культурно-хронологического диапазона с территории Северо-Восточного Кавказа. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Данные технико-типологические характеристики позволяют соотносить этот материал с уже известным стратифицированным комплексом финального среднего палеолита Дарвагчай-залив-1. Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий среди них со среднепалеолитическими материалами Дарвагчайского геоархеологического района в настоящее время проследить не представляется возможным. Это может быть связано как с неполной представленностью дагестанских индустрий, состоящих в основном из подъемных материалов, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры.

Ключевые слова: *Северо-Восточный Кавказ, средний палеолит, леваллуазское расщепление, неоплейстоцен.*

A.V. Kandyba, A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Research of the Darvagchai-Karier-2 Paleolithic Occurrence in 2016

We present here the research results of Middle Paleolithic surface complexes from the new Darvagchai-karier-2 site. These materials are related to the Final Middle Paleolithic and supplement the factual material of this cultural and chronological range at the territory of North Eastern Caucasus. The Levallois knapping technique and typical Middle Paleolithic tool assemblage characterize the lithic material. Medium size artifacts predominate; they were made of homogenous raw material, have the similar rate of surface preservation and were knapped in a single technical tradition. These techno-typological characteristics permit to compare this material to known stratified complexes of the Final Middle Paleolithic Darvagchay-Bay-1 site. According to the available data, we can not find the direct analogies between Middle Paleolithic material from the Darvagchai geoarchaeological area and well-known Middle Paleolithic sites in the Caucasus, in spite of their significant number and technical and typological diversity within their groups. It can be explained by a partial representation of the Dagestan industries and with the cultural diversity at that time, which does not exclude the existence of the specific Middle Paleolithic culture in this territory.

Keywords: *North Eastern Caucasus, Middle Paleolithic, Levallois technology, Neo-Pleistocene.*

Археологический памятник Дарвагчай-карьер-2 расположен на правом берегу р. Дарвагчай, в полукилометре в восточном направлении от плотины Геджухского водохранилища и в 50 метрах к юго-востоку от ранее известного местонахождения Дарвагчай-карьер [Рыбалко, 2014]. Стоянка была обнаружена в 2015 г. в результате разведочных исследований Южно-Дагестанского палеолитическо-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 15-01-00069-а, 16-01-00069-е.

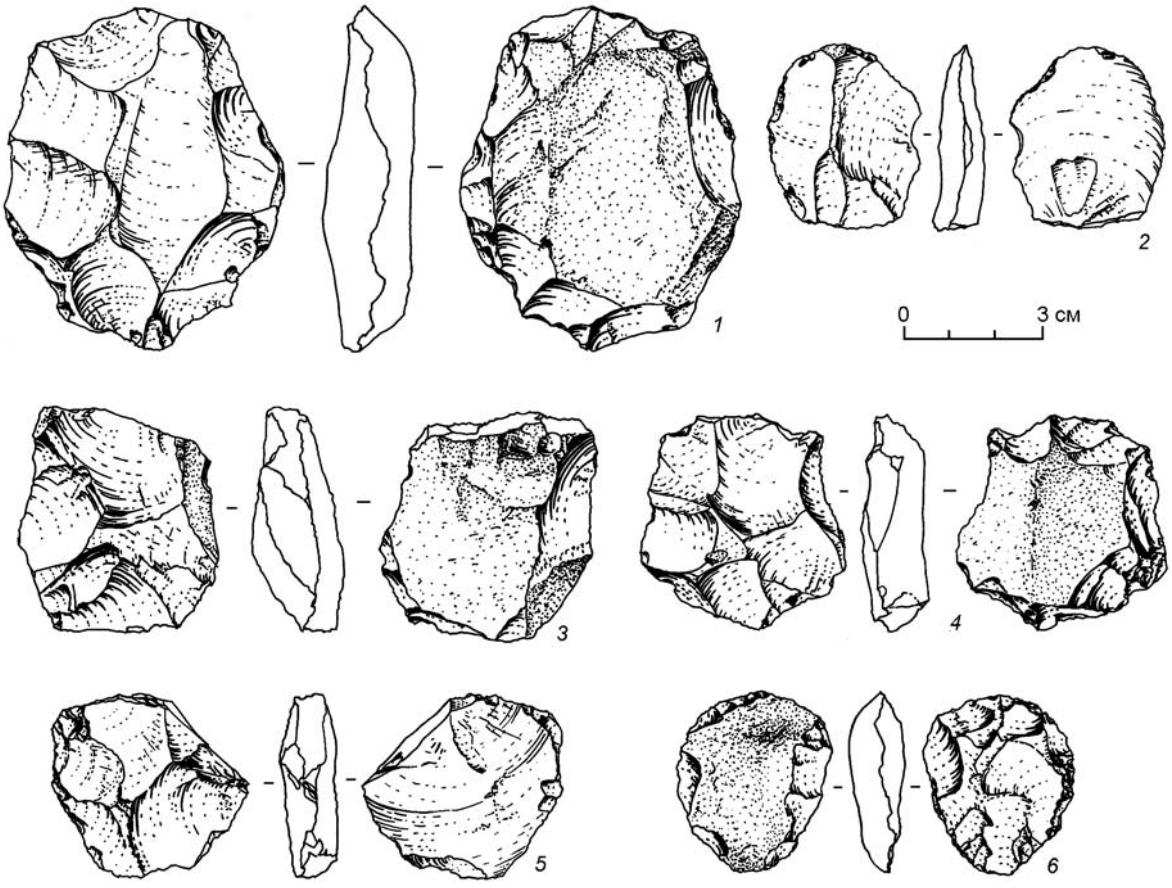
го отряда ИАЭТ СО РАН [Кандыба, Рыбалко, 2015]. Каменные артефакты залегали на верхней части террасы, которая имеет неровную распаханную поверхность. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части территории Западного Прикаспия, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст [Голубятников, 1937].

Археологический материал был сконцентрирован на небольшой площадке размером ок. 500 м^2. Отбирались все нуклевидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты), имеющие определимые ударные площадки. В состав коллекции не были включены обломки и осколки, а также желваки и гальки с сомнительными сколами. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 90 % от всех экспонированных на поверхности предметов. В качестве сырья для изготовления артефактов использовался кремень, а также окремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой.

В 2016 г. после проведения сельскохозяйственных работ был проведен дополнительный тщательный осмотр участка, содержащего материалы данного культурно-хронологического комплекса, в результате чего был собран подъемный материал.

Полученная коллекция состоит из 59 артефактов, из них нуклевидных изделий 16 предметов, сколов 43 экз.

Нуклевидные изделия представлены исключительно нуклеусами, самой многочисленной группой которых являются леваллуазские ядрища в количестве 11 предметов. Четыре нуклеуса имеют крупные размеры и являются сильно истощенными (см. *рисунок, 1, 3, 4*). Выпуклые ударные площадки оформлены многочисленными мелкими снятиями. Слегка выпуклые фронты скалывания сохраняют негативы крупных центростремительных снятий. Латерали и основания оформлены центростремительными снятиями средних и мелких размеров. Плоский контрфронт частично сохраняет галечную поверхность. К этой группе примыкают еще два предмета, сходных по оформлению, но сред-



Каменный инвентарь памятника Дарвагчай-карьер-2.

1, 3–6 – леваллуазские нуклеусы; *2* – отщеп.

него размера (см. *рисунок, 5, 6*). Еще один аналогичный по предварительной обработке средний нуклеус имеет массивные пропорции. Существенным отличием следующего ядрища, также близкого к этой группе, является фрагментация, удалившая часть тела нуклеуса, в результате оформления латералей по естественным внутренним трещинам. Последнюю группу леваллуазских ядрищ объединяет овальная в плане форма и отсутствие оформления латералей и основания. Плоские фронты скалывания несут негативы параллельных сколов. Выпуклые контрфронты сохраняют естественную поверхность.

Группа ядрищ параллельного принципа расщепления насчитывает 4 предмета. Первый нуклеус представляет собой овальный в плане предмет с плоской ударной площадкой, образованной одним сколом. Плоский фронт скалывания сохраняет негативы параллельных удлиненных снятий. Основания и латерали не обработаны. Выпуклый контрфронт сохраняет галечную поверхность. Группу из трех предметов отличает оформление одной из латералей в виде ребра, в то время как противоположная сохраняет естественную поверхность. Сильно скошенные ударные площадки образованы одним сколом. Плоские фронты скалывания сохраняют негативы параллельных снятий. Естественная поверхность имеется на всех плоских контрфронтах.

Последний предмет представляет собой нуклеус, одностороннего радиального типа скалывания. Расщепление охватывает ¾ длины окружности заготовки. Сильно выпуклая поверхность фронта скалывания содержит негативы средних и мелких сколов, по большей части удаливших естественную желвачную корку.

Индустрия сколов насчитывает 43 экз. Первичных сколов в коллекции 5 экз., из них один короткий средних размеров с естественной остаточной площадкой. Четыре мелких предмета, два из которых удлиненные, один короткий и один укороченный, обладают естественными ударными площадками. Вторичных сколов в индустрии 3, все среднего размера. Остаточные ударные площадки в двух случаях гладкие и естественные. Отщепов в индустрии 32 экз. (см. *рисунок, 2*). Крупных предметов 2, оба короткие, остаточные ударные площадки гладкие. Огранка дорсала представлена гладким и параллельным однонаправленным вариантами. Отщепов средних размеров 15 предметов (один из которых фрагментированный), из них удлиненных 3 экз., с гладкими остаточными ударными площадками и с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Коротких предметов 11 экз., огранка дорсальной поверхности которых в подавляющем большинстве параллельная однонаправленная (8 экз.), только в двух случаях ортогональная. Среди определимых остаточных ударных площадок выделяются четыре фасетированных, четыре гладких, одна двугранная, и одна линейная. Единственный средний отщеп укороченных пропорций обладает параллельной однонаправленной огранкой дорсала и неопределимой остаточной ударной площадкой. Мелких отщепов 17 предметов, практически все из которых коротких пропорций с параллельной однонаправленной огранкой дорсала и гладкой остаточной ударной площадкой. В трех случаях остаточная ударная площадка фасетированная, столько же двухгранных.

В коллекции также присутствуют пластины в количестве 3 экз. Две пластины крупных размеров обладают неопределимыми остаточными ударными площадками и параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Пластина средних размеров обладает гладкой остаточной ударной площадкой и параллельной бинаправленной огранкой дорсала.

Орудийный набор представлен боковым скреблом, выполненным на крупном удлиненном отщепе. Выпуклый рабочий край оформлен дорсальной, крутой, чешуйчатой средне- и мелкофасеточной ретушью.

Одной из задач текущего полевого сезона было обнаружение непотревоженного сельскохозяйственной деятельностью насыщенного культурного горизонта. С этой целью было заложено два разведочных шурфа общей площадью 4 м^2 за пределами пашни. Шурфы были разбиты на относительно ровной поверхности наивысших точек выступов террассы, которая в 20–30 м от границы пашни заканчивается крутыми склонами и переходит в пойменную долину р. Дарвагчай. В одном из шурфов на глубине 0,3 м был обнаружен крупный вторичный краевой скол с гладкой остаточной площадкой и мелкий дистальный фрагмент отщепа.

Разведочная шурфовка непотревоженных сельскохозяйственной деятельностью участков не позволила обнаружить места с достаточно плотной концентрацией артефактов. Для этого необходимо провести полномасштабные разведочные работы на памятнике с целью обнаружения культуросодержащих горизонтов, либо однозначно подтвердить вероятность полного уничтожения археологического объекта аграрными работами и соответственно бесперспективность дальнейших полевых исследований.

Коллекция предметов, собранная на верхней, распаханной части древнекаспийской террасы, подтверждает и дополняет ряд следующих предварительных заключений [Кандыба, Рыбалко, 2015; Рыбалко, 2014]. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразно-

го сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов. Индустрия комплекса Дарвагчай-карьер-2 демонстрирует явное преобладание леваллуазской техники расщепления, что подтверждается наличием большого количества леваллуазских нуклеусов и отщепов, а также достаточно весомым количеством фасетированных площадок в индустрии сколов. Значительная группа нуклеусов параллельного принципа расщепления в большинстве своем также направлена на производство отщепов. В пользу среднепалеолитического облика индустрии говорит также присутствие в орудийном наборе бокового скребла и найденных в предыдущие годы исследования скребла-ножа и медиального фрагмента мустьерского удлиненного остроконечника. Общий облик данной индустрии позволяет предварительно рассматривать ее в рамках финальной стадии среднего палеолита [Кандыба, Рыбалко, 2015]. В качестве ближайшей аналогии данной каменой индустрии можно рассматривать *культурно-хронологический комплекс 1* памятника Дарвагчай-залив-1 [Рыбалко, Кандыба, 2014]. Помимо сходных геолого-геоморфологических условий и близкого расстояния между памятниками, обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. В группе нуклевидных изделий доминируют леваллуазские и простые параллельные нуклеусы. Первичное расщепление в первую очередь ориентировано на производство отщепов. Пластинчатые заготовки единичны. В орудийном наборе присутствуют леваллуазские сколы, скребла и остроконечники. Также отмечается полное отсутствие верхнепалеолитических форм.

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий среди них со среднепалеолитическими материалами района Геджухского водохранилища в настоящее время проследить не представляется возможным. Особенности технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами, позволяют говорить о специфическом облике палеолита приморского Дагестана.

Список литературы

Голубятников В.Д. Морские и речные террасы Дагестана // Тр. Сов. секции Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – М., 1937. – Вып. III. – С. 30–52.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-карьер-2) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2015. – № 4/1 (88). – С. 138–143.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 76–79.

Referens

Golubjatnikov V.D. Morskie i rechnye terrasy Dagestana. In *Trudy Sov. sektsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy*. Moscow, 1937, iss. III, pp. 30–52 (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novye dannye o srednem paleolite Dagestana (po materialam pamjatnika Darvagchaj-kar'er-2). In *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, politologija*, 2015, No. 4/1 (88), pp. 138–143 (in Russ.).

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 73–76 (in Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Polevye issledovanija pamjatnika Darvagchaj-zaliv-1 v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 76–79 (in Russ.).

УДК 903.32+903.013

М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kmb777@yandex.ru

Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры: материалы 2016 года

В работе представлены результаты технико-типологического анализа каменной индустрии, полученной в ходе исследования нижней части плейстоценовой толщи в устьевой зоне восточной галереи Денисовой пещеры в 2016 г. Коллекция каменных артефактов из слоев 15 и 14 насчитывает более 15 тыс. экз. Первичное расщепление в этом комплексе радиальное, направленное на получение укороченных и коротких заготовок. Основу орудийного набора составляют зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия, а также скребла. Согласно данным литологии и биостратиграфии, предварительным результатам абсолютного датирования, отложения слоев 15 и 14 накапливались в природно-климатической обстановке ширтинского времени (КИС 7), что по археологической шкале соответствует раннему этапу среднего палеолита.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, средний палеолит, каменная индустрия.*

M.B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kmb777@yandex.ru

Early Middle Paleolithic Assemblage from the East Chamber of Denisova Cave: 2016 Materials

The paper discusses data provided by a technical and typological analysis of a lithic industry recovered during the 2016 study from the bottom part of Pleistocene deposits exposed in the entrance area of the East Chamber in Denisova Cave. A collection of lithic artifacts from layers 15 and 14 includes over 15 thousand specimens. This assemblage reveals the use of the radial primary flaking focused on obtaining truncated and short blanks. In the toolkit denticulate, notched and spur-like tools dominate, as well as scrapers. Based on lithological and biostratigraphic data, as well as the tentative results of absolute dating, the accumulation of deposits comprising layers 15 and 14 appears to have occurred in the environment characteristic of the Shirtinsky interglacial (MIS 7). According to archaeological chronology, it corresponds to the early stage of the Middle Paleolithic.

Key words: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, Middle Paleolithic, lithic industry.*

Одним из участков археологических работ в Денисовой пещере в 2016 г. была устьевая зона восточной галереи (сектор VI). В этом месте на площади квадратов А–В/2–4 были вскрыты отложения литологических слоев 14–17 до скального основания. При этом по мере углубления фактическая площадь раскопа уменьшалась с 3,5 до 1,0 м^2 в связи с интенсивным сужением коренных стенок галереи в ее придонной части. В пределах литологических слоев 17 и 16 археологический материал не обнаружен. Из отложений слоев 15 и 14 получена представительная коллекция каменных артефактов среднего палеолита.

Отложения нижней части плейстоценовой толщи в устьевой зоне соответствуют осадкам этой же части разреза, изученным ранее в дальней части галереи [Ульянов, Козликин, Шуньков, 2015]. В частности, осадок слоя 14 представляет собой суглинок средний, темно-коричневый, опесчаненный и одресвяненный с линзами суглинка черно-коричневого. Слой до 20–25 % проективной площади обогащен щебнистым материалом с заглаженными

ребрами и хорошо развитой реактивной каймой. Нижняя граница слоя условная, мощность в разрезе достигает 0,4 м.

Слой 15 выполнен суглинком легким, опесчаненным и одресвяненным, черно-коричневым, насыщенным включениями раздробленных копролитов и обломков костей. Щебень преимущественно мелкий, изометричный, его содержание достигает 15–20 % проективной площади. Нижняя граница резкая, четкая, инволюционно деформированная. Мощность слоя составляет 0,2–0,3 м.

Коллекция каменных артефактов из слоев 15 и 14 насчитывает 15161 экз., при этом основная часть находок происходит из слоя 14 – 10765 экз. Несмотря на количественное расхождение, основные технико-типологические характеристики коллекций слоев 15 и 14 принципиально схожи, что позволяет рассматривать эти материалы в качестве единого культурно-хронологического комплекса.

Нуклевидные формы (0,4 % индустрии) представлены в коллекции нуклеусами (21 экз.) и нуклевидными обломками (51 экз.).

Среди типологически выраженных ядрищ представлен одноплощадочный монофронтальный параллельный плоскостной нуклеус. Остальные нуклеусы радиальные моно- (6 экз.) (рис. 1, *1, 3*) или бифронтальные (14 экз.). Заготовками для этих ядрищ служили преимущественно крупные гальки или небольшие валуны. В ряде случаев использовались крупные массивные сколы. В целом изделия демонстрируют разную степень утилизации – от обивки на половину периметра (рис. 1, *2*) до полной сработанности ядрища. Расщепление осуществлялось от неподготовленного ребра. Последние негативы фронта нуклеусов соответствуют укороченным или коротким снятиям преимущественно мелкого и среднего размеров.

Нуклевидные обломки представлены главным образом крупными угловатыми отдельностями галечного сырья с негативами единичных бессистемных снятий.

Индустрия сколов (46,3 %), включающая отщепы (7023 экз.) и пластины (7 экз.), в полной мере согласуется с сопутствующим набором ядрищ. Среди отщепов преобладают мелкие экземпляры, далее по количеству следуют крупные и средние заготовки. Большинство отщепов укороченные или короткие, доля удлиненных сколов незначительная. Остаточная ударная площадка отщепов, как правило, гладкая или естественная, без подправки карниза. Дорсальная огранка преимущественно продольная, однонаправленная или ортогональная. Распространены первичные сколы (более 10 %) и отщепы с участками галечной поверхности (около 40 %).

Немногочисленные пластины в контексте рассматриваемой индустрии являются, скорее всего, случайным продуктом расщепления, нежели объектом целенаправленного производства.

Категория отходов производства насчитывает 7815 экз. (51,5 %) и включает 87 колотых галек и валунов, 7110 обломков и осколков, 618 чешуек.

В наборе изделий с вторичной обработкой числится 244 экз., что составляет 1,6 % индустрии (3,3 % без учета отходов производства).

Скребла насчитывают 23 экз. Среди продольных форм имеются изделия с выпуклым (5 экз.) (рис. 1, *7*) или прямым (4 экз.) лезвием. Двумя экземплярами представлены двойные продольные прямые скребла. Диагональные скребла также выпуклые (3 экз.) (рис. 1, *6*) или прямые (6 экз.). Одно из скребел конвергентное выпуклое (рис. 1, *5*). Поперечные выпуклые скребла насчитывают 2 экз. (рис. 1, *4*). Для оформления скребел использовалась преимущественно дорсальная краевая крутая средне- или сильномодифицирующая ретушь. Почти половина (11 экз.) изделий этой категории имеют обушок. На двух скреблах стесан ударный бугорок.

Большим разнообразием и количеством в коллекции отличаются зубчатые орудия (66 экз.), среди которых выделены следующие типы: продольные выпуклые (20 экз.) (рис. 1, *8, 10*) и прямые (10 экз.) (рис. 2, *8, 9, 11*); двойное продольное прямое (рис. 1, *13*); диагональные выпуклые (6 экз.) (рис. 1, *9, 11*) и прямые (6 экз.) (рис. 2, *13*); конвергентные (3 экз.); поперечные выпуклые (9 экз.) и прямые (6 экз.); с лезвием на ¾ периметра (5 экз.) (рис. 2, *6*). В большинстве случаев лезвие зубчатых орудий оформлялось дорсальной или вентральной краевой или захватывающей крутой или полукрутой средне- или сильномодифицирующей ретушью. Обушковые формы насчитывают 23 экз. На семи изделиях отмечена подтеска ударного бугорка (рис. 2, *5*).

Шиповидные срединные орудия представлены 10 экз. Рабочий элемент этих изделий приурочен к медиальной зоне продольного (рис. 1, *12*; 2, *4*) или дистального (рис. 2, *3*) края заготовки. Как правило шип выделен краевой крутой средне- или сильномодифицирующей ретушью, реже – двумя глубокими клектонскими анкошами. На нескольких орудиях рабочему элементу противопоставлен обушок.

Выемчатые орудия были выполнены в продольном (4 экз.) (рис. 2, *7, 10*) или поперечном (2 экз.) варианте. На всех изделиях анкош ретушированный, ретушь дорсальная или вентральная краевая крутая сильно- или среднемодифицирующая.

Отдельного внимания заслуживает устойчивая серия (23 экз.) изделий, представляющих собой крупные массивные отщепы с интенсивной обра-

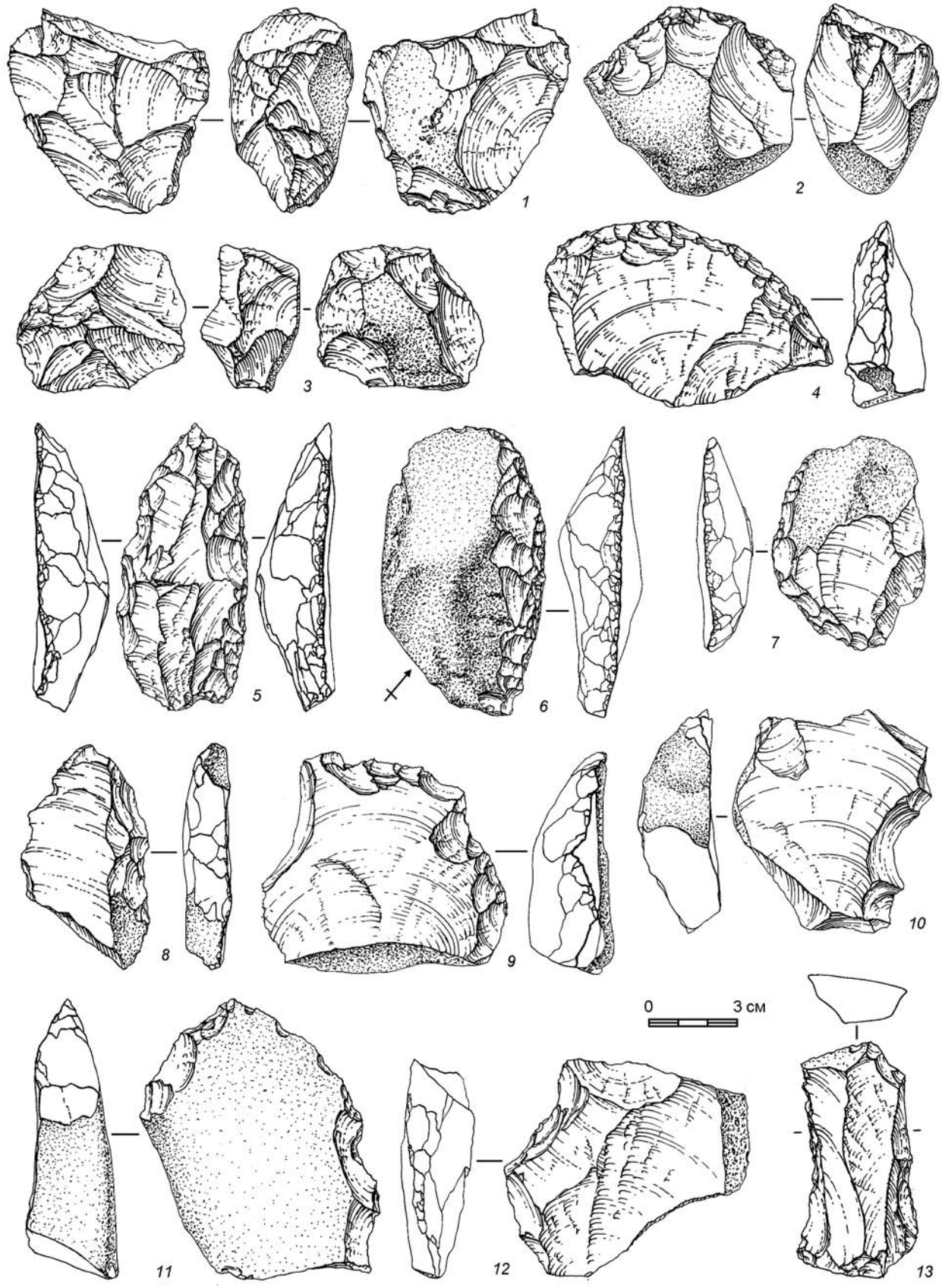


Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 15 и 14 в восточной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).
1–3 – нуклеусы; *4–7* – скребла; *8–11, 13* – зубчатые орудия; *12* – шиповидное орудие.

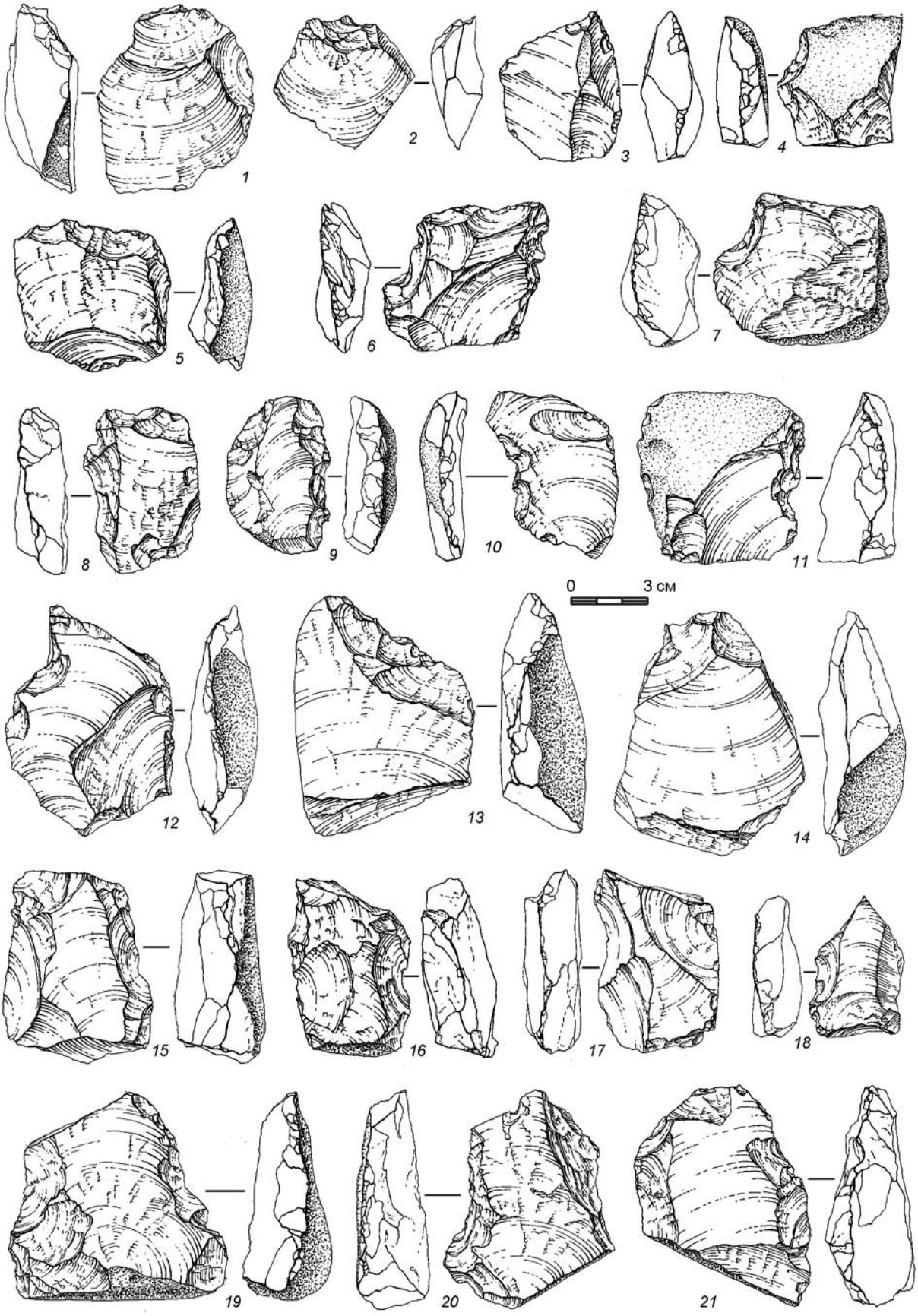


Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 15 и 14 в восточной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).
1, 2, 12, 14 – сколы с удаленной остаточной ударной площадкой; *3, 4* – шиповидные орудия; *5, 6, 8, 9, 11, 13* – зубчатые орудия; *7, 10* – выемчатые орудия; *15–21* – сколы с вентральной обивкой продольных краев.

боткой обоих продольных краев крупными вентральными снятиями (рис. 2, *15–21*). Такие снятия (фактически обивка) покрывают значительную часть вентральной поверхности заготовки и формируют край с редкими, но крупными зубцами.

Другим «специфическим» типом изделий в индустрии являются крупные сколы (27 экз.) с удаленной остаточной ударной площадкой вместе с ударным бугорком при помощи серии (реже одного) крупных вентральных снятий (рис. 2, *1, 2, 12, 14*). Изделия такого типа, как и сколы с вентральной обивкой продольных краев, ранее также отмечались в коллекции слоев 15 и 14 [Деревянко, Шуньков, Ульянов и др., 2013, рис. 1, *2*; 2, *2*] и рассматривались в контексте нуклевидных форм по аналогии с техникой комбева. Однако полное отсутствие орудий на мелких сколах все же подвергает сомнению целесообразность такого расщепления для получения заготовок. В настоящее время в связи со значительным расширением всей коллекции слоев 15 и 14 (более 35 тыс. экз.) очевидной стала морфологическая устойчивость данных изделий и необходимость пересмотра их атрибуции.

Дополняют коллекцию изделий с вторичной обработкой отщепы с ретушью (66 экз.) и неопределимые фрагменты орудий (23 экз.).

В целом в качестве заготовок для орудий использовались крупные, значительно реже средние отщепы, как правило массивные, короткие и укороченные. Активное использование фрагментов крупных сколов, а также краевых отщепов обуславливает большое количество обушковых форм орудий.

Согласно комплексу данных литологии и биостратиграфии, предварительным результатам абсолютного (OSL) датирования, отложения слоев 15 и 14 накапливались в благоприятной природно-климатической обстановке ширтинского времени (кислородно-изотопная стадия 7). Возрастная оценка и технико-типологический облик индустрии слоев 15 и 14 позволяют рассматривать эти материалы в контексте раннего этапа среднего палеолита. В центральном зале пещеры этому культурно-хронологическому этапу, по всей видимости, соответствуют коллекции из слоев 22 и 21.

Таким образом, на сегодняшний день палеолитические комплексы из нижней части плейстоценовых отложений восточной галереи и центрального зала Денисовой пещеры являются наиболее древними в регионе после галечных индустрий Карамы.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Новые результаты исследования среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 79–83.

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Строение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 157–160.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Ulianov V.A., Kozlikin M.B., Chekha A.M. Novye rezul'taty issledovanija srednego paleolita v vostochnoj galeree Denisovoj peshhery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 79–83 (in Russ.).

Ulianov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Stroenie razreza plejstocenovyh otlozhenij v vostochnoj galeree Denisovoj peshhery (po dannym raskopok 2015 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 157–160 (in Russ.).

УДК 902.22

К.А. Колобова[1], С.В. Маркин[1], С.В. Шнайдер[1, 2], С. Алишер-кызы[2], М.В. Селецкий[2], К. Комза[3], А.В. Зубова[1], М.С. Кишкурно[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Торонто, Канада
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2016 года*

Чагырская пещера является широко известным опорным памятником среднего палеолита Горного Алтая. В полевом сезоне 2016 г. при продолжении исследований объекта в культуросодержащих комплексах слоя 6 были получены новые многочисленные коллекции каменных артефактов, палеонтологического и палеоантропологического материалов. Уникальными для исследуемого периода находками являются многочисленные костяные изделия (ретушеры и отжимники). До настоящего времени орудия и предметы неутилитарного назначения на территории Алтая фиксировались преимущественно в переходных и верхнепалеолитических индустриях. Многочисленность и разнообразие обнаруженных палеоантропологическитх материалов позволяет не только провести реконструкцию облика неандертальского населения, но и приступить к изучению внутрипопуляционной вариабельности (особенно учитывая высокую вероятность получения ДНК-информации в силу хорошей сохранности).

Ключевые слова: *палеолит, Алтай, неандертальцы, сибярячихинская линия развития, костяные орудия.*

K.A. Kolobova[1], S.V. Markin[1], S.V. Shnaider[1, 2], S. Alisher-kyzy[2], M.V. Seletskii[2], K. Komza[3], A.V. Zubova[1], M.S. Kishkurno[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]University of Toronto, Canada
E-mail: kolobovak@yandex.ru

The Middle Paleolithic Complexes of the Chagyrskaya Cave: 2016 Field Results

Chagyrskaya cave is a well-known key-site of Gorny Altai's Middle Paleolithic. In the field season of 2016 in cultural layer 6 of Chagyrskaya cave new numerous collections of stone artefacts, palaeontological and paleoanthropological materials were obtained. Unique for the regional Middle Paleolithic findings are numerous bone artifacts (retouchers and pressers). Up to now the bone tools and personal ornaments were recorded mainly in the transition and Upper Paleolithic industries in the Altai territory. The multiplicity and diversity of new paleoanthropological remains allows not only to reconstruct the Neanderthal populations's physical appearance but also to start studying intra-variability (especially considering the high possibility of receiving DNA information by virtue of good preservation).

Keywords: *Paleolithic, Gorny Altai, Neanderthals, Sibiryachikha Facies, bone tools.*

Территория Российского Алтая находится в фокусе мировых исследований происхождения человека и его древнейшего прошлого, что обусловлено целым рядом недавних открытий. Было определено, что данная территория одновременно заселялась разными подвидами древнего человека, в част-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

ности, неандертальцами и денисовцами, между популяциями которых мог происходить биологический и культурный обмен. Хронологически этот период приходится на финал среднего – начало раннего верхнего палеолита в регионе. В этом контексте Чагырская пещера является одним из ключевых памятников по изучению данного вопроса, поскольку здесь был получен уникальный многочисленный палеоантропологический материал, относящийся к неандертальскому антропологическому типу ископаемого человека. Целью статьи является освещение результатов раскопок слоя 6 Чагырской пещеры, содержащего несколько комплексов среднего палеолита.

Пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и приурочена к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигерекского хребта. Абсолютный уровень реки вблизи карстовой полости составляет 334,3 м. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем Чарыша, своей приустьевой частью она выходит на вертикальную поверхность уступа фрагмента цокольной террасы высотой 50–60 м, сложенного серыми массивными нижнесилурийскими известняками чагырской свиты. Она имеет два зала общей площадью ок. 130 м^2, один из них дает начало трем почти полностью погребенным горизонтальным и вертикальным галереям.

В составе заполнителя пещеры выделяются голоценовые (слои 1–4) и неоплейстоценовые образования (слои 5–7) (рис. 1*а*).

Слой 1 состоит из легкого опесчаненного суглинка темно-серого цвета, в слое встречается много мелкой окатанной гальки, щебенки.

Слой 2 сложен плохо сортированным, хорошо окатанным галечником из вышележащей цокольной террасы, переотложение которого в пещеру происходило через карстовые воронки и вертикальные полости.

Слой 3. Суглинок легкий опесчаненный, карбонатный, пестроокрашенный, в верхней части серый, с серовато-белесыми прослоями, в средней – коричневато-серый, у основания – желтовато-серый, содержащий мелкую гальку, щебенку, обломки карбонатных пород, с волнистой нижней границей, выполненной белесыми карбонатными прослоями.

Слой 4 на раскапываемом участке не был представлен.

Слой 5 представляет собой суглинок опесчаненный, коричневато-серый, с белесым оттенком, более плотный, чем вышележащие слои, встречается много глиняного песка, слабокарбонатный (редкие пятнышки и тонкие прослои), слабопористый, включает мелкую щебенку, гальку размерами до 0,05 м, гравий размерами до 0,005 м и обломки известняков размерами более 0,1 м. В слое были встречены многочисленные поноры и ямы, здесь был обнаружен многочисленный разновременной археологический материал от эпохи палеометалла до среднего палеолита.

Пачка шестых слоев подразделена на литологические толщи слоев 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2. Три верхних прослоя представляют собой слабокарбонатный суглинок коричневато-серого цвета. В отложениях содержится небольшое количество обломков кристаллических горных пород размерами до 0,05 м, иногда разложившихся в процессе выветривания, а также мелкой гальки, щебня и дресвы; присутствуют окатанные зерна кварца размерности крупного песка и мелкого гравия. Слой 6в/2 представляет суглинок желтовато-зеленого цвета, практически лишенный грубого обломочного материала.

Основание разреза выполнено суглинками тяжелыми, перемешанными, с трудом расчленяемыми, плотными, темно-коричневыми (слой 7б), местами коричневато-серыми (слой 7в) и черными (слой 7а), оскольчатыми, крупнооскольчатыми, прокрашенными гидроокислами железа и марганца, с зернами черной и разноцветной монтмориллонитовой глины, с большим количеством хорошо окатанной и слабовыветрелой гальки кристаллических пород и обломков валунов, разложившегося известняка, зерен кварца, грубозернистого плохо сортированного глиняного песка [Деревянко, Маркин, Зыкин и др., 2013, с. 3–4].

В нижней части отложений слоя 6в/2 в полевом сезоне 2016 г. было обнаружено кострище в виде овального пятна в плане. Верхняя часть заполнения представлена золистым светло-серым участком, под которыми прослеживался прослой с углями, ниже него был зафиксирован буро-коричневый прокаленный суглинок. В поперечном разрезе часть кострища была деформирована в результате постдепозиционных мерзлотных нарушений (рис. 1*б*).

Результаты проведения серий абсолютных датировок свидетельствуют о возрасте культуросодержащих отложений, укладывающемся в промежуток финала стадии OIS-4 и начала стадии OIS-3.

В четырех слоях 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2 было обнаружено большое количество археологического, палеонтологического (более 40000 экз.) и палеоантропологического (10 экз.) материала.

Согласно данным предварительного анализа, каменные индустрии изученных слоев включают 10148 экз. каменных изделий, из которых 90 % (9163 экз.) составляют отходы производства (см. *таблицу*).

Совокупность нуклевидных изделий (пренуклеусов, нуклеусов, преформ) составляет 15 % (10 экз.) от типологически определимой части комплекса. Большинство нуклеусов выполнено в рамках плоскостного принципа расщепления, при помощи ортогонального и радиального приемов скалывания. Среди нуклеусов представлены только изделия для получения отщепов.

Технические сколы насчитывают 44 экз. и включают краевые сколы различных модификаций, специфические технические сколы, снятые с радиальных нуклеусов, сколы оформления двухсторонних орудий.

Все типологически определимые сколы в исследуемых комплексах, длина или ширина которых ≥30 мм, являются отщепами – 611 экз. В большинстве случаев ось скалывания отщепов не совпадает с наибольшей длиной.

Индустрии слоев 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2 включают многочисленный орудийный набор (рис. 2), составляющий в среднем 32 % (320 экз.) коллекции без учета отходов производства. Среди орудий доминируют: различные варианты одинарных (рис. 2, *3*, *7*), конвергентных (2, *6*) и двухсторонних скребел, одно- и двухсторонние острия (рис. 2, *2*, *4*, *5*). Кроме того представлены зубчато-выемчатые изделия, тронкированно-фасетированные изделия (рис. 2, *1*), сколы с ретушью и т.д. Обнаруженные двухсторонние изделия в форме двухсто-

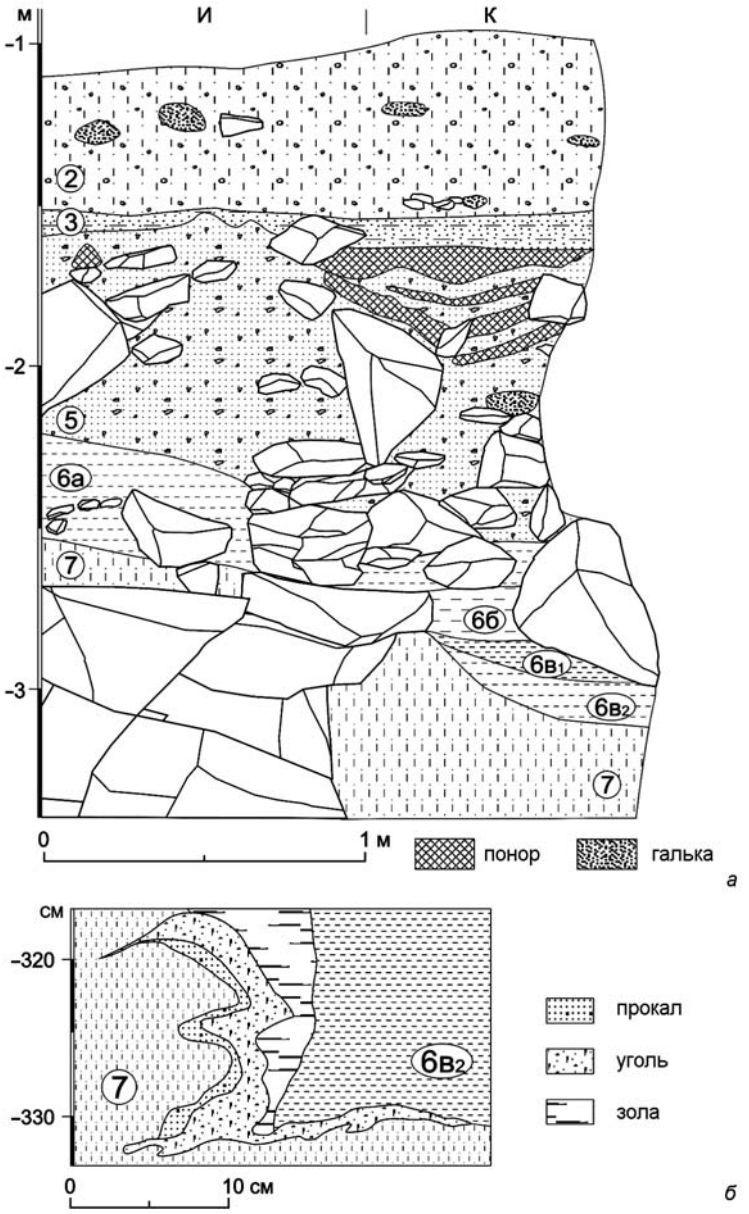


Рис. 1. Стратиграфия Чагырской пещеры.
а – разрез отложений по линии 8; *б* – поперечный разрез кострища в слое 6в/2.

Распределение каменных артефактов Чагырской пещеры по слоям

Категории инвентаря	Слой 6а		Слой 6б		Слой 6в/1		Слой 6в/2		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Нуклевидные изделия*	4	2	2	1,5	4	1,5	–	–	10	1
Технические сколы*	10	4	7	5	2	1	25	7	44	4
Отщепы*	144	64	72	53,5	168	65,5	227	62	611	62
Орудия*	67	30	55	40	86	33	112	31	320	32
*Итого, без отходов производства***	225	9	136	10	260	8	364	12	985	10
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20мм)**	2286	91	1268	90	2864	92	2745	88	9163	90
Всего	2511	100	1404	100	3124	100	3109	100	10148	100

*Указан процент от количества артефактов из слоя без отходов производства.
**Указан процент от общего числа артефактов из слоя.

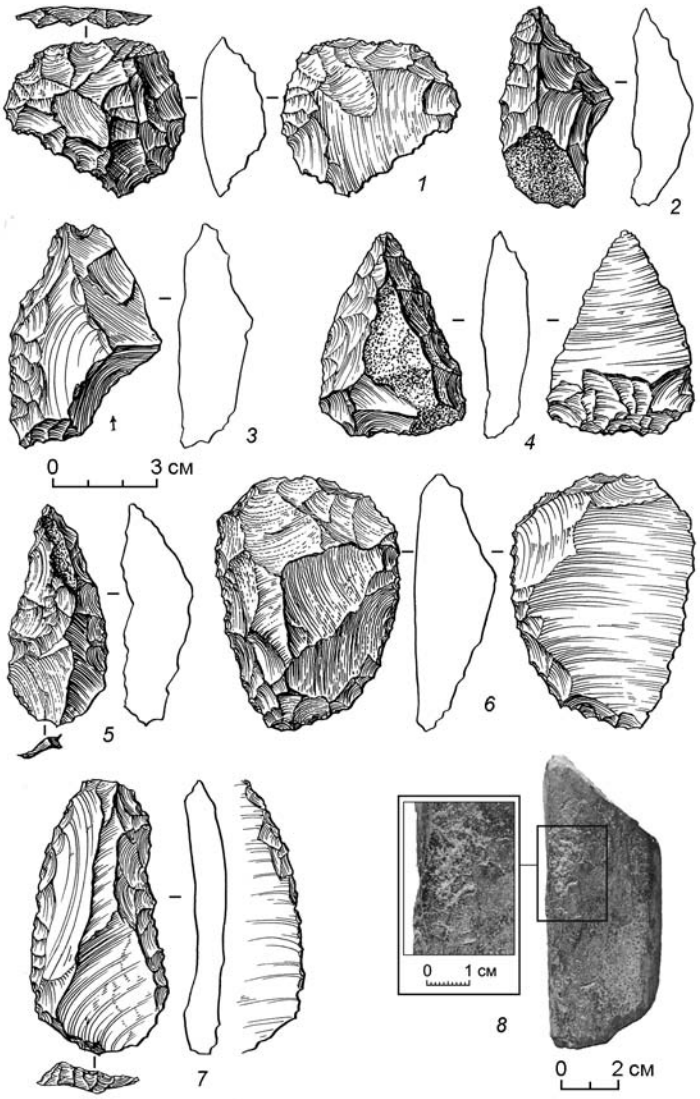


Рис. 2. Каменные орудия из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры.

1 – тронкированно-фасетированное орудие (слой 6б); *2, 4, 5* – треугольные и подлистовидные острия (слои 6а и 6б); *3, 7* – продольные скребла (слои 6а и 6б); *6* – конвергентное подсегментовидное скребло (слой 6а); *8* – ретушер из слоя 6б.

ронних скребел, острий и неопределимых фрагментов выполнены в рамках метода плоско-выпуклой обработки двухсторонних орудий.

Помимо многочисленной археологической коллекции в процессе работ была определена представительная коллекция (более 100 экз.) костяных орудий, представленных ретушерами (рис. 2, *8*) и отжимниками (личное сообщение М. Боманн, 2016).

Палеоантропологические находки, обнаруженные в 2016 году, представлены постоянным нижним левым вторым моляром, двумя верхними левыми молярами (M^1, M^2), корнем верхнего резца и двумя фалангами, обнаруженными в слое 6, фрагментами позвонков и корнем постоянного зуба, найденными в слое 5. Некоторые из одонтологических находок имели исключительно хорошую сохранность и представляют большой интерес для дальнейшего изучения. В строении верхних моляров присутствуют маркеры, позволяющие достоверно отнести их к виду *Homo neanderthalensis*, возрастная атрибуция этих зубов не исключает их возможной принадлежности одному индивиду.

Первичное расщепление в исследованных комплексах слоя 6 Чагырской пещеры базируется на применении ортогонального и радиального приемов скалывания в рамках призматического принципа с целью получения укороченных заготовок. Среди орудий в незначительной степени превалируют простые скребла над конвергентными. В категории конвергентных скребел и острий доминируют трапецевидные и листовидные формы. Среди немногочисленных двухсторонних форм орудий преобладают двухсторонние скребла с обушками. В целом каменные индустрии, полученные в ходе раскопок в 2016 г. обладают аналогичными технико-типологическими показателями с комплексами предыдущих этапов раскопок.

До настоящего времени использование костяных ретушеров не было задокументировано для среднепалеолитических индустрий Горного Алтая. Орудия и предметы неутилитарного назначения фиксировались преимущественно в переходных и верхнепалеолитических индустриях региона [Природная среда …, 2003, с. 133; Деревянко, Шуньков, Цыбанков и др., 2006, с. 125]. Для территории Горного Алтая среднепалеолитический костяной инструментарий выделяется впервые. Данный факт значительно расширяет как сам орудийный репертуар неандертальского населения Алтая, так и в целом заставляет нас пересмотреть наше отношение к уровню технологических познаний данных популяций.

Многочисленность и разнообразие обнаруженных палеоантропологическитх материалов позволяют не только провести реконструкцию облика неандертальского населения, но и приступить к изучению внутрипопуляционной вариабельности (особенно учитывая высокую вероятность получения ДНК-информации в силу хорошей сохранности).

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику Н.В. Вавилиной, художнику И.А. Мазуниной и млад. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН А.Ю. Федорченко за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Е.Р., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII; ч. 1. – С. 121–126.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Derevianko A.P., Markin S.V., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Sizikova A.O., Solotchina E.P., Smolyaninova L.G., Antipov A.S. Chagyrskaya Cave: A Middle Paleolithic Site in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 1, pp. 2–27.

Derevianko A.P., Shun'kov M.V., Tsybankov A.A., Ul'yanov V.A. Izuchenie verkhnepaleoliticheskikh sloev v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. 1, pp. 121–126 (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shun'kov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'yanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

УДК 902.01

А.И. Кривошапкин[1, 2], Б. Виола[3], Т. Чаргынов[4], М. Крайцарж[5], К.А. Колобова[1, 2], С.В. Шнайдер[1, 2], М.Е. Романенко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Торонто, Канада
[4]Кыргызский национальный университет
[5]Институт геологии, Варшава, Польша
E-mail: krivoshapkin@mail.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов пещеры Сельунгур в полевом сезоне 2016 года*

До последнего этапа исследований пещера Сельунгур являлась ключевым нижнепалеолитическим памятником Центральной Азии, где было продекларировано обнаружение ашельских комплексов и палеоантропологических материалов, отнесенных к эректусам азиатского типа. Относительно данной интерпретации в последнее десятилетие были высказаны определенные сомнения, вследствие чего принято решение о повторном изучении памятника. Возобновление исследования пещеры Сельунгур показало, что данный многослойный археологический объект содержит разновременной материал, относящийся преимущественно к среднепалеолитической эпохе. В полевом сезоне 2016 г. проводилось геологическое изучение отложений памятника, которое показало, что в предвходовой части пещеры выделяется 6 литологических слоев. Материал среднепалеолитического облика содержится в отложениях слоев 4 и 5. Согласно результатам проведенного анализа, данные материалы обладают схожими технико-типологическими характеристиками и могут рассматриваться как один среднепалеолитический комплекс, которому на настоящий момент в регионе нет аналогов. Материалы нового этапа исследований пещеры Сельунгур в настоящее время рассматриваются в качестве нового индустриального варианта среднего палеолита Центральной Азии с относительно ранней хронологией.

Ключевые слова: *средний палеолит, Центральная Азия, хронология, стратиграфия.*

A.I. Krivoshapkin[1, 2], B. Viola[3], T. Chargynov[4], M. Krajcarz[5], K.A. Kolobova[1, 2], S.V. Shnaider[1, 2], M.E. Romanenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]University of Toronto, Canada
[4]Kyrgyz National University
[5]Institute of Geology, Warsaw, Poland
E-mail: krivoshapkin@mail.ru

The Middle Paleolithic Complexes of the Selungur Cave: 2016 Field Results

Before the last and ongoing stage of the research the Selungur cave was considered to be a key-site of the Lower Paleolithic of Central Asia. It was declared to contain Acheulian lithic complexes and human remains which were found there were interpreted as belonging to the specific variant of Homo erectus. During last decade very serious doubts both about cultural-chronological evaluations as well as paleoanthropological definitions were expressed, so the decision about a re-excavation of the site was taken. The renewed research at the Selungur Cave shows that this archaeological object contained the asynchronous material, related mainly to Middle Paleolithic. In the 2016 field season the geological investigation of cave's deposits was carried out. As a result, at the entrance area of Selungur cave 6 lithological layers were determined. Middle Paleolithic material was discovered in layers 4 and 5. According to the results of the analysis

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

it could be claimed that these materials have similar technical and typological characteristics and may be regarded as a uniform Middle Paleolithic complex that currently has no analogies in the region. Thus, industries of Selungur cave are being considered now as a separate industrial variant of Central Asian Middle Paleolithic with a relatively early chronology.

Keywords: *Middle Paleolithic, Central Asia, chronology, stratigraphy.*

Вопросы первоначального заселения Евразии древним человеком в последнее время вновь находятся в центре научных интересов, поскольку результаты исследований последнего десятилетия позволили пересмотреть как хронологию, так и культурную специфику археологических объектов, относившихся к раннему палеолиту. За исключением лессовых стоянок Афгано-Таджикской депрессии наиболее известными раннепалеолитическими памятниками считались многослойные стоянки Кульбулак и пещера Сельунгур. В результате работ 1960–1970-х гг. наиболее древние культурные отложения Кульбулака были определены технико-типологически как ашельские, а хронологически как равные или более древние, чем палеомагнитная граница Брюнес-Матуяма (780–800 тыс. л.н.). Проводившиеся в последнее десятилетия исследования опровергли данную интерпретацию, было доказано, что данная индустрия относится к переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту [Kolobova, Flas, Krivoshapkin et al., 2016]. Среди известных относящихся к обозначенной проблематике археологических объектов особое значение имеет пещера Сельунгур, расположенная в Ферганской долине (Республика Кыргызстан). Исследование пещеры проводились в 1980-х гг. под руководством У.И. Исламова. В ходе дальнейших планомерных исследований, проводившихся в период с 1980 по 1988 гг. под его руководством, на памятнике было заложено 10 раскопов, которыми в различных частях пещеры было выявлено от 10 до 30 литологических слоев, залегавших, по мнению исследователя, *in situ*. Количество выделенных культурных слоев варьировало от 2 до 13, в зависимости от расположения раскопа. Согласно мнению У.И. Исламова, культурные горизонты всех раскопов можно объединить в пять пачек, которые он назвал «культурными слоями» и отнес к раннему палеолиту. Всего на памятнике в период с 1980 по 1988 гг. было обнаружено около 1500 каменных артефактов [Исламов, Крахмаль, 1995, с. 145–160].

Аналогии каменной индустрии в технико-типологическом отношении У.И. Исламов усматривал в материалах олдувайских памятников и стоянки Убейдия, которые датируются возрастом от 1,4 до 2,5 млн л.н. На основании проведенных исследований для комплексов Сельунгура У.И. Исламовым была предложена датировка в 1,1 млн л.н. Позже эта дата была им удревнена до 1,5 млн л. [Там же].

В последнее время целым рядом исследователей были высказаны сомнения относительно подобной культурно-хронологической интерпретации памятника, что актуализировало повторное изучение объекта [Viola, Krivoshapkin, 2014, p. 176]. Исследования памятника были возобновлены в 2015 г. силами российско-кыргызско-канадской экспедиции. В полевом сезоне 2016 г. проводилось изучение памятника на предвходовой площадке, общая площадь раскопа составила 4 м^2. Описание стратиграфии разреза стоянки (составлено М. Крайцарж) представлено сверху вниз (рис. 1).

Слой 1 состоит из нескольких слоев светло-серой рыхлой породы с обломками известняка и тонкими прослойками гуано. В слое встречаются фрагменты керамики и угля, нижняя граница резкая, эрозионная. Отложения являются культурными антропогенными. Истинная мощность до 0,85 м.

Слой 2 делится на два прослоя. Верхний прослой состоит из желтоватых слоистых осадочных отложений, нижний – из желтоватого лессовидного осадка без обломочного материала. Нижняя граница слоя горизонтальная, отложения могут рассматриваться как лесс. Истинная мощность до 0,6 м.

Слой 3 представлен желтоватыми осадочными отложениями с мелкими обломками известняка из более древних отложений. Нижняя граница слоя резкая, присутствуют тоненькие марганцевые прослои. Образование слоя связано с солифлюкционной деятельностью. Истинная мощность до 0,35 м.

Слой 4 представлен желтоватыми отложениями, состоящими из коллювиальной серии подслоев переменной литологии. Истинная мощность слоя до 0,65 м. Прослой 4.1 – слоистые отложения, состоящие из желтоватых суглинков с градуированной слоистостью. Прослой состоит из лессовых отложений, которые промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность до 0,1 м. Прослой 4.2 – бесструктурные отложения коллювиального генезиса с множеством мелких обломков известняка и редкими костями. Истинная мощность до 0,15 м. Прослой 4.3 – осадочные отложения, состоящие из желтоватых глинистых прослоев (слойков) с градуированной слоистостью. Отложения лессовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность до 0,1 м. Прослой 4.4 – бесструктурные от-

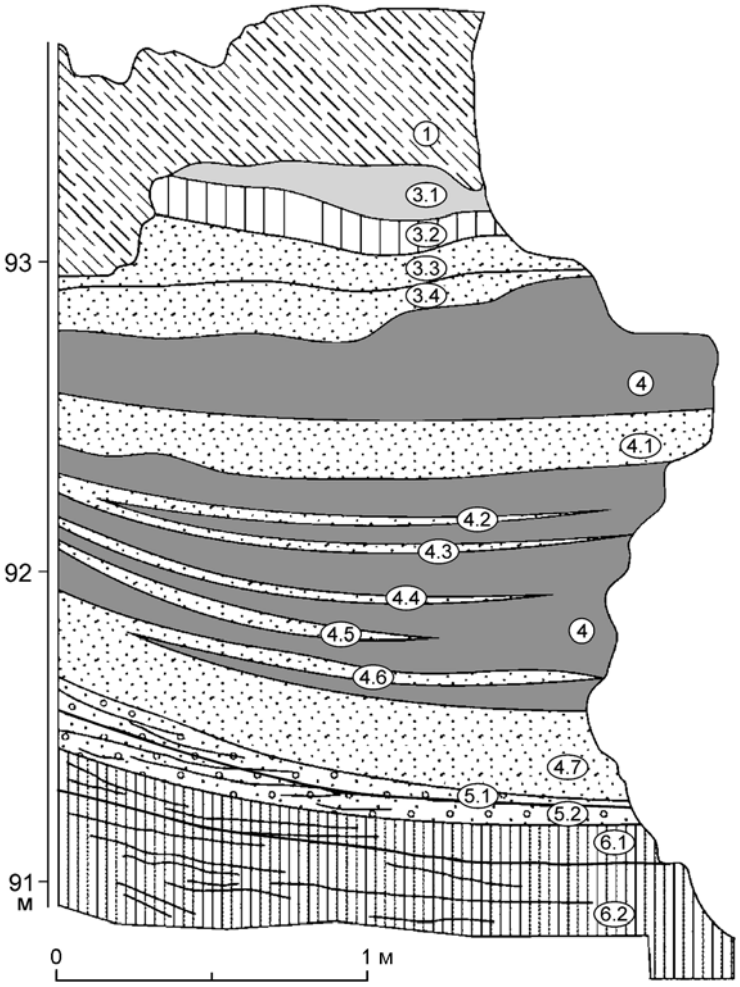


Рис. 1. Поперечный разрез пещеры Сельунгур на предвходовом участке по линии 100.

ложения коллювиального генезиса с множеством мелких обломков известняка и редкими костями. Прослой образовался вследствие коллювиальной деятельности. Истинная мощность до 0,02 м. Прослой 4.5 – слоистые отложения, состоящие из желтоватых глинистых слойков с градуированной слоистостью. Отложения лессовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность до 0,08 м. Прослой 4.6 – бесструктурные отложения коллювиального генезиса с множеством мелких обломков известняка и редкими костями плоскостной структуры. Истинная мощность до 0,05 м. Прослой 4.7 – осадочные отложения, состоящие из желтоватых глинистых слойков с градуированной слоистостью. Отложения лессовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность до 0,15 м.

Слой 5 (прослои 5.1 и 5.2) – желтоватый суглинок с многочисленными мелко- и среднезернистыми обломками известняка, костями и каменными артефактами. Образование слоя связано с массовыми движениями коллювиальных осадков. Истинная мощность до 0,3 м.

Слой 6 состоит из коричневатых отложений, состоящих из прослоев переменной литологии. Истинная мощность более 0,7 м. Прослой 6.1 – коричневый суглинок коллювиального/аллювиального генезиса с белыми шариками глиняных стяжений и округлыми обломками сланцев. Истинная мощность до 0,1 м. Прослой 6.2 – коричневый суглинок с редкими мелко- и среднезернистыми обломками известняка, без регулярной ориентации обломков или локальной плоскостной структуры, слабо горизонтально стратифицирован. В прослое встречаются кости. Генезис – пещерный суглинок, сохранившийся *in situ*. Истинная мощность до 0,3 м.

В 2016 г. в среднепалеолитических слоях 5.2, 5.3 и 5.4 были обнаружены представительные археологические (5.2 – 584 экз., 5.3 – 53 экз. и 5.4 – 53 экз.) и палеонтологические материалы. Палеонтологический материал трудноопределим в силу плохой сохранности. Не смотря на разное в количественном отношении наполнение слоев археологическим материалом, его можно рассматривать в совокупности, поскольку он имеет аналогичные технико-типологические характеристики. Отходы производства (чешуйки, осколки, обломки, отщепы ≤20 мм) составляют 543 экз., или 92,9 % всей коллекции.

Предварительные данные петрографического анализа свидетельствуют о том, что артефакты на памятнике были изготовлены из разного типа пород: кремни, халцедоны, алевролиты, эффузивы, кварц. Кремни, представленные в индустрии, являются высококачественными и различаются по окрасу и свойствам. Среди светлых выделяются непрозрачные и частично прозрачные, массивные и со следами растворения, также встречаются коричневые и более темные, до черного цвета. Среди халцедонов были найдены полупрозрачные разности, а также хризопраз – халцедон насыщенного зеленого цвета. Алевролиты в основной своей массе представлены породами красного и черного цвета, имеющими мелкозернистую структуру, без каких-либо вкрапленников, с заметной слабой слоистостью. Эффузивы, использовавшиеся в качестве сырья, имеют черный цвет, мелкозернистую структуру, иногда с включениями вкрапленников. Кварц представлен минералом молочного и прозрачного цвета.

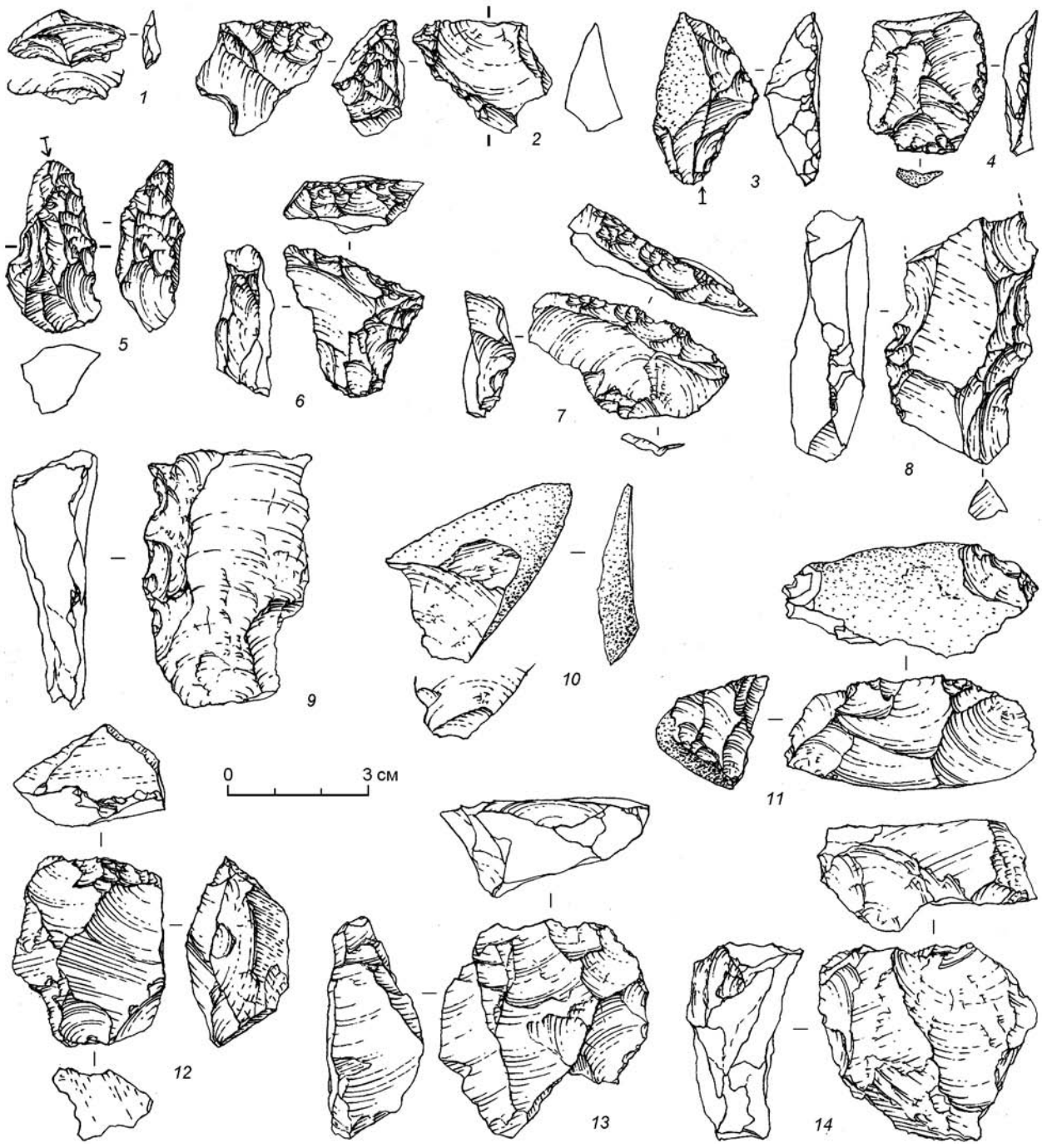


Рис. 2. Каменные артефакты из слоев 5.2–5.4 пещеры Сельунгур.

1, 10 – технические сколы; *2* – мустьерская стамеска; *3* – скребло одинарное продольное выпуклое; *4* – скол с ретушью; *5* – тейякское острие; *6* – скребло конвергентное; *7* – скребло диагональное прямое; *8* – скребло продольное одинарное прямое; *9* – скребло продольное одинарное вентральное; *11, 12* – нуклеусы плоскостные двухплощадочные монофронтальные для отщепов; *13* – нуклеус плоскостной моноплощадочный монофронтальный; *14* – нуклеус плоскостной ортогональный для отщепов.

Категория нуклевидных изделий слоя 5 включает 4 экз. типологически определимых ядрищ, выполненных в рамках плоскостного принципа расщепления: двухплощадочные монофронтальные нуклеусы параллельного встречного скалывания для отщепов – 2 экз. (рис. 2, *11, 12*), монофронтальный моноплощадочный нуклеус параллельного приема скалывания для отщепов – 1 экз. (рис. 2, *13*) и ортогональный двухплощадочный нуклеус для отщепов – 1 экз. (рис. 2, *14*).

Технические сколы насчитывают 37 экз., среди которых наиболее многочисленны сколы декортикации, краевые сколы различных модификаций (рис. 2, *10*), специфические технические сколы,

снятые с радиальных нуклеусов, сколы оформления двухсторонних орудий (рис. 2, *1*). В комплексах доминируют отщепы – 104 экз. Пластин насчитывается 2 экз. Орудийный набор включает 17 экз., что составляет 11,5 % от типологически определимой части коллекции. Среди орудий преобладают различные варианты простых продольных (рис. 2, *3, 8, 9*), поперечных (рис. 2, *7*), конвергентных (рис. 2, *6*) скребел. Также представлено тейякское острие (рис. 2, *5*), мустьерские стамески (рис. 2, *2*), зубчатые изделия и сколы с ретушью (рис. 2, *4*).

В настоящий момент, в условиях отсутствия новых определений абсолютного возраста для среднепалеолитических отложений пещеры Сельунгур, временно может быть принята дата 126 ± ± 5 тыс. л.н., полученная торий-урановым методом [Vishnyatsky, 1999, p. 110].

В результате проведенных работ предложена новая стратиграфическая интерпретация отложений пещеры Сельунгур: в настоящее время в результате предварительных геологических исследований только слой 6.2 определяется как инситный. Большая часть излучавшихся отложений имеют пролювиальный, коллювиальный или солифлюкционный генезис.

В целом, индустрии слоев 5.2, 5.3 и 5.4, несмотря на разное с количественном отношении наполнение, можно охарактеризовать как идентичные с технико-типологической точки зрения. Они являются также полными аналогами индустриям, исследовавшимся в 2015 г. – 4.4, 4.6, 4.8, 5.1 [Кривошапкин, Виола, Колобова и др., 2015, с. 96–97]. В целом, комплексы слоев из раскопа предвходовой площадки пещеры, несомненно, принадлежат к одному индустриальному варианту среднего палеолита.

Характерными чертами среднепалеолитических комплексов Сельунгур являются: 1) доминирование в первичном расщеплении плоскостных нуклеусов, направленных на получение укороченных снятий в параллельном, радиальном и ортогональном направлениях; 2) преобладание нуклеусов, расщепление которых велось по короткой оси; 3) преобладание среди целевых сколов массивных в поперечном сечении отщепов с крупными ударными площадками; 4) доминирование гладких ударных площадок с редкой подправкой перебором карниза; 5) преобладание в категории технических сколов краевых, снятых с ортогональных и радиальных нуклеусов; 6) присутствие сколов утончения двухсторонних орудий; 7) наличие двухсторонних орудий в форме остриев и скребел, выполненных в рамках плоско-выпуклого метода обработки; 8) доминирование в орудийном наборе различных вариантов продольных и поперечных скребел; 9) наличие одинарных или двойных поперечных скребел, рабочие участки на которых преимущественно оформлялись на ударной площадке скола-заготовки; 10) наличие специфичной техники оформления плоскостей орудий для дальнейшей реализации фасеток сильномодифицирующей крутой и отвесной ретуши; 11) наличие уникальных для среднего палеолита региона типов орудий: тейякские острия, мустьерские стамески, скребла высокой формы.

Новые данные позволяют вновь поднять проблему вариабельности среднепалеолитических комплексов на территории западной части Центральной Азии. Среднепалеолитическая индустрия пещеры Сельунгур в настоящий момент не имеет аналогий на исследуемой территории. Она значительно отличается как от комплексов оби-рахматского варианта [Кривошапкин, 2012, с. 28–30], так и от ансамблей тешикташского индустриального варианта среднего палеолита [Деревянко, Павленок, Шнайдер и др., 2015, с. 56].

Материалы нового этапа исследований пещеры Сельунгур в настоящее время на основании комплекса технико-типологических характеристик рассматриваются в качестве нового индустриального варианта среднего палеолита Центральной Азии с относительно ранней хронологией.

Список литературы

Деревянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Кот М., Шимчак К., Крайцарж М., Лазарев С.Ю., Раджабов А., Хужаназаров М. Новый индустриальный вариант среднего палеолита в Западном Тянь-Шане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 53–57.

Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнего человека в Центральной Азии. – Ташкент, 1995. – 220 с.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Кривошапкин А.И., Виола Б., Колобова К.А., Чаргынов Т., Бакчиев Д. Возобновление исследований пещеры Сельунгур (Кыргызстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 94–98.

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., Dapper M. De Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2016. – DOI 10.1007/s12520-016-0367-3.

Viola B., Krivoshapkin A.I. Sel'ungur – Middle Plistocene Hominins in Central Asia? // Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically

modern humans. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. – P. 172–178.

Vishnyatsky L.B. The Palaeolithic of Central Asia // J. of World Prehistory. – 1999. – N 13. – P. 69–122.

References

Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Shnaider S.V., Kot M., Shimchak K., Krajcarzh M., Lazarev S.Ju., Radzhabov A., Huzhanazarov M. Novyj industrial'nyj variant srednego paleolita v Zapadnom Tjan'-Shane. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI. pp. 53–57 (in Russ.).

Islamov U.I., Krahmal' K.A. Paleoekologija i sledy drevnego cheloveka v Central'noj Azii. Tashkent, 1995, 220 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., Dapper M. De Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2016, DOI 10.1007/s12520-016-0367-3.

Krivoshapkin A.I. Obi-rakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012, 38 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Viola B., Kolobova K.A., Chargynov T., Bakchiev D. Vozobnovlenie issledovanii peshchery Sel'ungur (Kyrgyzstan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 94–98 (in Russ.).

Viola B., Krivoshapkin A.I. Sel'ungur – Middle Plistocene Hominins in Central Asia? In *Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 172–178.

Vishnyatsky L.B. The Palaeolithic of Central Asia. *Journal of World Prehistory*, 1999, No. 13, pp. 69–122.

УДК 902.652:(571)

А.И. Кривошапкин[1, 2], Н.В. Сердюк[3], В.Н. Зенин[1], В.С. Панов[1], С.К. Васильев[1], В.В. Пархомчук[4], Н.А. Рудая[1, 2], А.В. Шалагина[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
[4]Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН
E-mail: krivoshapkin@mail.ru

Радиоуглеродное датирование костных остатков сурка из пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай)*

В рамках современного этапа археологических исследований в пещере Страшной (Северо-Западный Алтай) были взяты образцы для проведения радиоуглеродного датирования костей сурка из всех подразделений стратиграфического разреза пещеры. В результате датирования было получено 21 определение радиоуглеродного возраста остатков. Большая часть дат соотносится с периодом МИС 2 (сартанский стадиал) и попадает во временной интервал 17–19 тыс. л.н., остальные даты соотносятся с МИС 3 (каргинский интерстадиал). Ископаемая фауна и данные палинологического анализа подтверждают существование благоприятных условий для жизнедеятельности популяций сурка во время формирования верхней пачки позднеплейстоценовых отложений пещеры. В это время в окрестностях пещеры Страшной преобладали горные степи, полупустыни, лесотундры, каменистые россыпи с доминированием открытых биотопов. Проведенные исследования позволяют соотносить массовое присутствие костей сурка в отложениях пещеры именно с этим периодом.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, радиоуглеродный метод датирования, поздний плейстоцен, сурок, морские изотопные стадии.*

A.I. Krivoshapkin[1, 2], N.V. Serdyuk[3], V.N. Zenin[1], V.S. Panov[1], S.K. Vasiliev[1], V.V. Parhomchuk[4], N.A. Rudaya[1, 2], A.V. Shalagina[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]A.A. Borisiak Paleontological Institute RAS
[4]G.I. Budker Institute of Nuclear Physics SB RAS
E-mail: krivoshapkin@mail.ru

Radiocarbon Dating of the Marmot Fossil Remains from Strashnaya Cave (Northwest Altai)

During the current phase of archaeological research at the Strashnaya cave (North-Western Altai) marmot bones samples from all stratigraphic layers of the cave were taken for radiocarbon dating. As a result, 21 radiocarbon dates were obtained. Most of the dates correlate with MIS 2, and fit the time interval 17–19 kyr BP. The other dates correspond to the MIS 3. The paleontological and palynological data confirm the existence of favorable conditions for the marmot populations during the formation of top part of Late Pleistocene sediments. At this time, mountain steppes, semi-desert, forest-tundra landscapes in the vicinity of the cave dominated. It allows us to correlate the presence of numerous marmot bones in cave deposits with this period.

Keywords: *Northwest Altai, radiocarbon dating, Late Pleistocene, marmot, MIS.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Пещера Страшная – многослойный археологический объект, расположенный в Краснощековском р-не Алтайского края (Северо-Западный Алтай). Многолетние исследования, проводимые на объекте специалистами из Института археологии и этнографии СО РАН, показали, что отложения пещеры подразделяются на 13 литологических слоев, большинство из которых содержит богатый археологический и палеонтологический материал. Исключение составляют слои 11, 12 и 13, в которых находок не обнаружено, весь найденный материал из этих слоев происходят из кротовин грызунов. Проведенное ранее радиоуглеродное датирование, выполненное по образцам костей и угля из слоев 3, 5 и 6, показало, что хронологические рамки накопления данных слоев укладываются в интервал от 19 до 40 тысяч л.н., хотя некоторые из этих дат оказались запредельными для радиоглеродного метода [Кривошапкин, Зенин, Шалагина, 2014].

Более 40 % определимого фаунистического материала пещеры принадлежит суркам, чьи остатки и следы жизнедеятельности (глубокие кротовины) прослеживаются во всех слоях. Численность остатков сурка постепенно убывает по направлению от предвходовой площадки в сторону центральной камеры. Ископаемые сурки обнаружены не только в виде разрозненных частей скелета, но и в виде целых костяков, что может свидетельствовать о гибели животных во время анабиоза, а следовательно и об использовании сурками пещеры под гнездовые норы. До настоящего момента специальных исследований (генетических, морфометрических) по видовой диагностике ископаемого сурка из Страшной пещеры не проводилось, хотя в фаунистических списках он фигурировал как серый сурок *Marmota baibacina* (Kastschenko, 1899) [Васильев, Зенин, 2009].

Последние исследования современных популяций сурков Старого и Нового Света показали генетическое однообразие палеарктической ассоциации этих наземных беличьих [Брандлер, Ляпунова, Банникова и др., 2010, Steppan, Akhverdyan, Lyapunova et al., 1999]. Несмотря на это, внутри группы *bobak* близкие виды *M. bobak* (Müller, 1776), *M. kastschenkoi* (Stroganov et Yudin, 1956) и *M. baibacina* имеют достоверные морфологические отличия в строении черепа, нижней челюсти и постраниального скелета [Гасилин, Косинцев, 2011; Громов, Бибиков, Калабухов и др., 1965; Громов, Ерабаева, 1995; Огнев, 1947; Потапова, Пузаченко, 1998; Слудский, Варшавский, Исмагилов и др., 1969; Тараненко, 2005, 2011; Cardini, Slice, 2004]. Следовательно, для понимания этапов формирования древней популяции сурков необходима их видовая идентификация. Учитывая прежние фаунистические наработки в этой области по материалам пещеры и комплекс морфологических характеристик черепа, обнаруженного при полевых работах в 2016 г., на данном этапе исследований ископаемых сурков Страшной пещеры следует относить к алтайскому (или серому) сурку. Последующее углубленное изучение позволит уточнить детали систематики и отследить становление вида.

С целью выяснения, в какой период времени обитала колония сурков в пещере Страшная и насколько сильно могут быть повреждены стратиграфические подразделения пещеры, было проведено радиоуглеродное датирование по костям сурков. Чтобы исключить повторное датирование одного и того же индивида были использованы только тазовые кости.

Навески костной ткани по 500–700 мг обрабатывались по стандартной ABA-методике [Brock, Higham, Ditchfield et al., 2010], выделенные индивидуальные образцы коллагена после высушивания были количественно переведены в углекислый газ с помощью системы EuroEA 3028 HT и далее в образцы графита по модифицированной методике [Bronk Ramsey, Humm, 2000]. Остаточная концентрация радиоуглерода определялась с помощью экспериментальной установки УМС СО РАН.

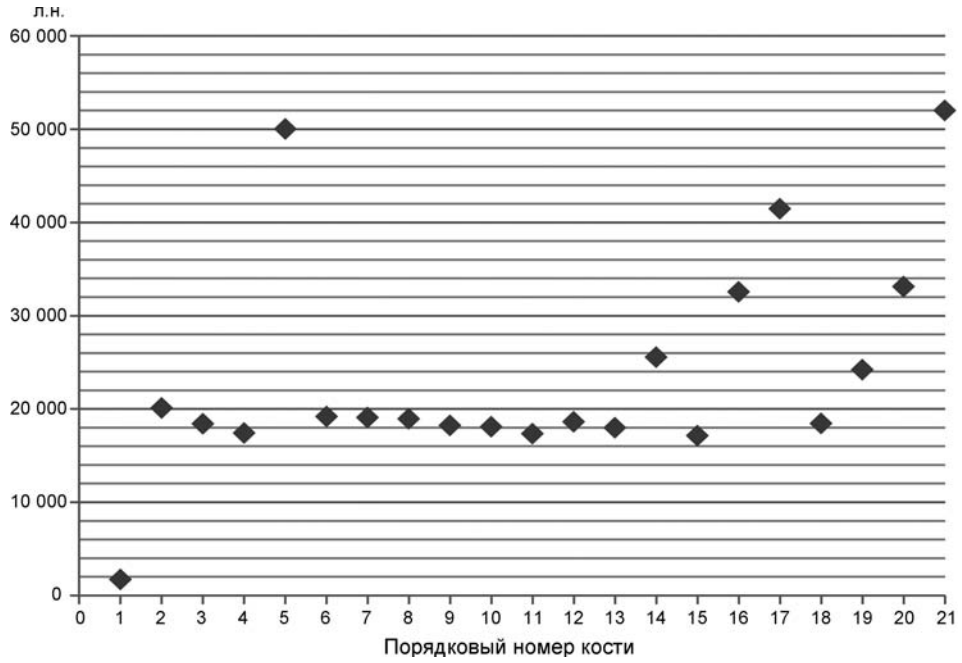
В результате датирования была получена 21 радиоуглеродная дата (см. *таблицу*). В слоях 1–6 из 15 дат 13 укладываются в возрастной диапазон 17–20 тыс. л.н. Согласно шкале SPECMAP [Imbrie, Hays, Martinson et al., 1984] и уточненной шкале по стеку из низкоширотных океанических скважин ODP 677+MD900963 [Bassinot, Labeyrie, Vincent et al., 1994] этот период относится к МИС 2 (сартанский стадиал). В слоях 7–12 из 11 дат 7 располагаются в диапазоне 41,5–52 тыс. л.н. (большинство из них, по-видимому, запредельные), что соответствует МИС 3 (каргинский интерстадиал). Две из дат приходятся на середину сартанского стадиала, две – на заключительную треть каргинского времени (см. *рисунок*).

Проведенное исследование показало, что пик норной деятельности сурков пришелся на середину сартанского времени. Их кротовины уходили на глубину свыше 3 м. Датировка > 50 тыс. л.н из слоя 3.3 показывает, что сурки поднимали на дневную поверхность все включения в грунте, мешающие работе, в том числе и кости своих предшественников.

Современные сурки предпочитают открытые пространства с разреженным травостоем; основу их питания составляют сочные растительные корма, под норы грызуны стараются использовать рыхлые мелкоземы. Результаты изучения фауны современных мелких млекопитающих указывают

Радиоуглеродные датировки по тазовой кости сурка *Marmota baibacina* из Страшной пещеры

Номер	Код	Возраст	Слои пещеры
NSKA 01010	109-C14	1698±466,12	Сл. 1
NSKA 01011	110-C14	20097±674,11	Сл. 2
NSKA 01012	111-C14	18415±742,64	Сл. 3.1.А
NSKA 01013	112-C14	17394±505,03	Сл. 3.1.Б
NSKA 01014	113-C14	50000±0	Сл. 3.3
NSKA 01016	115-C14	19170±512,16	Сл. 4
NSKA 01017	116-C14	19078±483,53	Сл. 5
NSKA 01018	117-C14	18924±378,26	Сл. 5.1
NSKA 01019	118-C14	18216±374,54	Сл. 5.2
NSKA 01020	119-C14	18084±386,93	Сл. 5.3
NSKA 01021	120-C14	17323±607,23	Сл. 6
NSKA 01022	121-C14	18625±294,7	Сл. 6.1
NSKA 01023	122-C14	17984±346,32	Сл. 6.2
NSKA 01024	123-C14	25561±940,18	Сл. 6.3
NSKA 01025	124-C14	17134±431,23	Сл. 6.4
NSKA 01028	127-C14	32556±629,19	Сл. 7.1
NSKA 01029	128-C14	41468±2074,1	Сл. 7.2
NSKA 01032	131-C14	18426±264,69	Сл. 9
NSKA 01033	132-C14	24188±396,72	Сл. 10.1
NSKA 01034	133-C14	33097±892,55	Сл. 10.2
NSKA 01037	136-C14	52007±1893,4	Сл. 11.2



Радиоуглеродный возраст тазовых костей сурка *Marmota baibacina* из пещеры Страшной.

на преобладание таежного растительного комплекса в окрестностях Страшной пещеры в настоящее время [Пожидаева, 2005; Serdyuk, Zenin, 2016]. Ископаемая же фауна мелких млекопитающих демонстрирует яркую мозаичность ландшафтов во времена позднего плейстоцена в районе пещеры: горные степи, полупустыни, лесотундры, каменистые россыпи с доминированием открытых биотопов [Serdyuk, Zenin, 2016]. Существование степных открытых фитоценозов во время накопления позднеплейстоценовых слоев подтверждается и палинологическими данными. В палинологических спектрах доминируют астровые, полыни и маревые [Рудая, Кривошапкин, Шалагина, 2016, в печати]. В таких

условиях существование популяции сурков было успешным и продолжительным, что необходимо учитывать при последующих археологических работах в пещере.

Список литературы

Брандлер О.В., Ляпунова Е.А., Банникова А.А., Крамеров Д.А. Филогения и систематика сурков (*Marmota*, Sciuridae, Rodentia), основанные на данных интер-SINE-ПЦР // Генетика. – 2010. – Т. 46, № 3. – С. 321–331.

Васильев С.К., Зенин А.Н. Фаунистические остатки из пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 1988–2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 56–62.

Гасилин В.В., Косинцев П.А. Видовая диагностика степного (*Marmota bobak*) и серого (*Marmota baibacina*) сурков по краниологическим признакам // Зоол. журн. – 2011. – Т. 90, № 12. – С. 1509–1521.

Громов И.М., Бибиков Д.И., Калабухов Н.И., Мейер М.Н. Наземные беличьи (Marmotinae). – М.; Л.: Наука, 1965. – 467 с. – (Фауна СССР. Млекопитающие; т. 3, вып. 2).

Громов И.М., Ербаева М.А. Зайцеобразные и грызуны. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1995. – 524 с.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 54–56.

Огнев С.И. Звери СССР и прилежащих стран: звери Восточной Европы и Средней Азии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 5. – 810 с.

Пожидаева Л.В. Население мелких млекопитающих некоторых биотопов территории Тигирекского заповедника // Горные экосистемы Южной Сибири: изучение, охрана и рациональное природопользование: мат-лы междунар. конф., посвящ. 5-летию организации Тигирекского заповедника. – Барнаул: Алтайские страницы, 2005. – С. 48–52.

Потапова Е.Г., Пузаченко А.Ю. Морфологическая дифференциация серого сурка (*Marmota baibacina*) и тарбагана (*M. sibirica*) в Южной Монголии // Зоол. журн. – 1998. – Т. 77, № 10. – С. 1177–1190.

Рудая Н.А., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Итоги палинологического изучения пещеры Страшная (Алтайский край) в 2014–2015 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII (в печати).

Слудский А.А., Варшавский С.Н., Исмагилов М.И., Капитонов В.И., Шубин И.Г. Млекопитающие Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – Т. 1. – 456 с.

Тараненко Д.Е. Сравнительный анализ морфологической изменчивости и эколого-географических характеристик лесостепного (*Marmota kastschenkoi* Stroganov et Yudin, 1956) и серого (*Marmota baibacina* Kastschenko, 1899) сурков: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2005. – 35 с.

Тараненко Д.Е. Пространственные взаимоотношения двух видов сурков: *Marmota kastschenkoi* и *Marmota baibacina* (Rodentia, Sciuridae) // Журн. Сиб. федер. ун-та. Биология. – 2011. – Т. 4, № 3. – С. 220–228.

Bassinot F.C., Labeyrie L.D., Vincent E., Quidelleur X., Shackleton N.J., Lancelot Y. The astronomical theory of climate and the age of the Brunhes-Matuyama magnetic reversal // Earth and Planetary Science Letters. – 1994. – Vol. 126 (1/3). – P. 91–108.

Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C. Current pretreatment methods for AMS radiocarbon dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 1. – P. 103–112.

Bronk Ramsey C., Humm M.J. On-line combustion of samples for AMS and ion source developments at ORAU // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Section B. – 2000. – Vol. 172, iss. 1/4. – P. 242–246.

Cardini A., Slice D.E. Mandibular shape in the genus Marmota (Rodentia, Sciuridae): a preliminary analysis using outlines // Ital. J. Zool. – 2004. – Vol. 71. – P. 17–25.

Imbrie J., Hays J.D., Martinson D.G., McIntyre A., Mix A.C., Morley J.J., Pisias N.G., Prell W.L., Shackleton N.J. The orbital theory of Pleistocene climate: support from a revised chronology of the marine $\delta^{18}O$ record // Milankovitch and climate. Pt. 1. NATO ASI Series C. Mathematical and Physical Sciences. – 1984. – Vol. 126. – P. 269–305.

Serdyuk N., Zenin A. Small mammals from the Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia) // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 406, pt. B. – P. 162–168.

Steppan S.C., Akhverdyan M.R., Lyapunova E.A., Fraser D.G., Vorontsov N.N., Hoffmann R.S., Braun M.J. Molecular phylogeny of the marmots (Rodentia, Sciuridae): tests of evolutionary and biogeographic hypotheses // Syst. Biol. – 1999. – Vol. 48. – P. 715–734.

References

Bassinot F.C., Labeyrie L.D., Vincent E., Quidelleur X., Shackleton N.J., Lancelot Y. The astronomical Heory of climate and the age of the Brunhes-Matuyama magnetic revevsal. *Earth and Planetary Science Letlers*, 1994, vol. 126 (1/3), pp. 91–106.

Brandler O.V., Lyapunova E.A., Bannikova A.A., Kramerov D.A. Filogeniya i sistematika surkov (Marmota, Sciuridae, Rodentia), osnovannye na dannykh inter-SINE-PTsR. *Genetika*, 2010, vol. 46, No. 3, pp. 321–331 (in Russ.).

Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C. Current pretreatment methods for AMS radiocarbon cating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU). *Radiocarbon*, 2010, vol. 52, No. 1, pp. 103–112.

Bronk Ramsey C., Humm M.J. On-line combustion of samp les for AMS and ion gource developments at ORAU. In *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research, Section B*, 2000, vol. 172, iss. 1/4, pp. 242–246.

Cardini A., Slice D.E. Mandibular shape in the genus Marmota (Nodentia, Sciuridae): a preliminary analgsis

using outlines. *Italian Journal of Zoology*, 2004, vol. 71, pp. 17–25.

Gasilin V.V., Kosintsev P.A. Vidovaya diagnostika stepnogo (*Marmota bobak*) i serogo (*Marmota baibacina*) surkov po kraniologicheskim priznakam. *Zoologicheskii zhurnal*, 2011, vol. 90, No. 12, pp. 1509–1521 (in Russ.).

Gromov I.M., Bibikov D.I., Kalabukhov N.I., Meier M.N. Nazemnye belich'i (Marmotinae). Moscow; Leningrad: Nauka, 1965, 467 p. (Fauna SSSR. Mlekopitayushchie; vol. 3, iss. 2) (in Russ.).

Gromov I.M., Erbaeva M.A. Zaitseobraznye i gryzuny. Mlekopitayushchie fauny Rossii i sopredel'nykh territorii. St. Petersburg: SPb. State Univ. Publ., 1995, 524 p. (in Russ.).

Imbrie J., Hoys J.D., Martinson P.G., McIntyre A., Mix A.C., Morley J.J., Pisias N.G., Prell W.L., Shackleton N.J. The orbital Heovy of Pleistocene climate: support from a revised chronology of the marine S^{18} Orecord. In *Milankovitch and climate, pt. 1, NATO ASI Series C, Mathematical and Physical Sciences*, 1984, vol. 126, pp. 269–305.

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. Rezul'taty polevykh issledovanii peshchery Strashnaya v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 54–56 (in Russ.).

Ognev S.I. Zveri SSSR i prilezhashchikh stran: zveri Vostochnoi Evropy i Srednei Azii. Moscow; Leningrad: AS SSSR Publ., 1947, vol. 5, 810 p. (in Russ.).

Potapova E.G., Puzachenko A.Y. Morfologicheskaya differentsiatsiya serogo surka (*Marmota baibacina*) i tarbagana (*M. sibirica*) v Yuzhnoi Mongolii. *Zoologicheskii zhurnal*, 1998, vol. 77, No. 10, pp. 1177–1190 (in Russ.).

Pozhidaeva L.V. Naselenie melkikh mlekopitayushchikh nekotorykh biotopov territorii Tigirekskogo zapovednika. In *Gornye ekosistemy Yuzhnoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ratsional'noe prirodopol'zovanie: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 5-letiyu organizatsii Tigirekskogo zapovednika*. Barnaul: Altaiskie stranitsy, 2005, pp. 48–52 (in Russ.).

Rudaya N.A., Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V. Itogi palinologicheskogo izucheniya peshchery Strashnaya (Altaiskii krai) v 2014–2015 godakh. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016 (in print) (in Russ.).

Serdyuk N., Zenin A. Small mammals from the Strashnaya cave (Northwest Altai, West Siberia, Russia). *Quaternary International*, 2016, vol. 406, pt. B, pp. 162–168.

Sludskii A.A., Varshavskii S.N., Ismagilov M.I., Kapitonov V.I., Shubin I.G. Mlekopitayushchie Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 1969, vol. 1, 456 p. (in Russ.).

Steppan S.C., Akhverdyan M.R., Lyapunova E.A., Fraser D.G., Vorontsov N.N., Hoffmann R.S., Braun M.J. Molecular phylogeny of the marmots (Rodentia, Sciuvidae): tests of evolutionary and biogeographic hypotheses. *Systematic Biology*, 1999, vol. 48, pp. 715–734.

Taranenko D.E. Sravnitel'nyi analiz morfologicheskoi izmenchivosti i ekologo-geograficheskikh kharakteristik lesostepnogo (*Marmota kastschenkoi* Stroganov et Yudin, 1956) i serogo (*Marmota baibacina* Kastschenko, 1899) surkov: cand. sc. (biology) dissertation abstract. Novosibirsk, 2005, 35 pp. (in Russ.).

Taranenko D.E. Prostranstvennye vzaimootnosheniya dvukh vidov surkov: *Marmota kastschenkoi* i *Marmota baibacina* (Rodentia, Sciuridae). *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta. Biologiya*, 2011, vol. 4, No. 3, pp. 220–228 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Zenin A.N. Faunisticheskie ostatki iz peshchery Strashnaya (Severo-Zapadnyi Altai) po materialam raskopok v 1988–2008 godah. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 56–62 (in Russ.).

УДК 903

А.И. Кривошапкин[1, 2], А.В. Шалагина[1], К.А. Колобова[1, 2], К. Лесаж[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Результаты полевых исследований пещеры Страшной в 2016 году*

В 2016 г. Чарышским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН продолжено изучение плейстоценовых отложений в пещере Страшной. На площади шести квадратных метров с целью уточнения условий залегания археологических и фаунистических материалов были вскрыты отложения литологического слоя 5. В ходе исследований была получена археологическая коллекция численностью 769 экз.; накоплен палеонтологический материал; сделаны новые наблюдения о залегании отложений в центральной части пещеры; взяты образцы для проведения естественно-научных анализов. На исследуемом участке в слое 5 было выделено два археологических горизонта, комплексы которых демонстрируют схожие технико-типологические черты, характерные для среднего палеолита. Первичное расщепление комплекса характеризуется радиальным и параллельным плоскостным расщеплением, направленным на получение неудлиненных массивных сколов с гладкой ударной площадкой. В орудийном наборе присутствуют скребла, зубчато-выемчатые изделия, ретушированный остроконечник, сколы с нерегулярной ретушью.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, экспедиционные исследования, стратиграфия, орудийный набор.*

A.I. Krivoshapkin[1, 2], A.V. Shalagina[1], K.A. Kolobova[1, 2], C. Lesage[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

The Results of Strashnaya Cave Field Research in 2016

Studying of Pleistocene sediments in the Strashnaya cave has been continued in 2016 by Charyshsky Paleolithic team of IAET SB RAS. In order to clarify stratigraphic context of faunal and archaeological materials six square meters of layer 5 were excavated. Obtained collection includes 769 artifacts, numerous paleontological materials. During the excavation some new stratigraphic observations concerning of deposits in the central hall of the cave were done. New samples were taken for analysis. In the studied area of layer 5 two archaeological horizons has been allocated. Archaeological assemblages show similar technical and typological features typical for the local Middle Paleolithic. The primary knapping of the complex is characterized by radial and parallel flat-faced cores, focused on obtaining massive flakes with flat striking platforms. The tool kit contains scrapers, notched and denticulate tools, retouched point, and blanks with irregular retouch.

Keywords: *North Western Altai, Middle Paleolithic, field research, stratigraphy, tool assemblage.*

В полевом сезоне 2016 г. Чарышским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены археологические работы на многослойном памятнике пещера Страшная, расположенном в Северо-Западном Алтае в среднем течении р. Иня.

Археологические работы на памятнике производились несколькими группами исследователей, начиная с 1969 года [Окладников, Муратов, Оводов и др., 1973; Derevianko, Zenin 1997; Зенин А.Н., Кандыба, 2006], последний этап работ был возобновлен в 2013 г. под руководством А.И. Кривошапкина [Кривошапкин, Зенин В.Н., Васильев и др., 2013]. На настоящий момент в отложениях памятника выделяется 10 стратиграфических подраз-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

делений, содержащих археологический материал, которые включают в себя 19 горизонтов обитания. Слои 1, 2 датируются голоценовым временем и содержат материал от раннего бронзового века до Средневековья, индустрии слоев 3, 4 относятся к верхнему палеолиту, комплексы слоев 5–10 – к среднему палеолиту. Экспедиционные исследования 2016 г. были направлены на изучение отложений среднепалеолитического слоя 5 и уточнение условий его залегания в центральной части пещеры.

В связи с высокой влажностью и рыхлостью отложений, в зимнее время в пещере произошел обвал юго-западной стенки раскопа. Для предотвращения дальнейшего разрушения пещерных отложений после разбора обвала перед началом запланированных работ была произведена врезка на 30 см от линии Ж и были разобраны отложения слоев 1–4.

В ходе работ в голоценовых слоях 1, 2 была обнаружена незначительная коллекция артефактов, основу которой составляют фрагменты керамики различных размеров (46 экз.) и отщепы (16 экз.) с бессистемной или радиальной огранкой. Также в слое 2 было обнаружено костяное орудие в виде тонкой зашлифованной пластины из трубчатой кости (вероятно, фрагмент накладки на лук) и небольшая металлическая пуговица с двумя отверстиями. В верхнепалеолитических слоях 3 и 4 на участке врезки была собрана немногочисленная коллекция (93 экз.), состоящая из отходов производства и нескольких отщепов (исключением является зубчатое орудие на массивном сколе, обнаруженное в слое 4).

После разбора обвала и зачистки стенки по линии Д (рис. 1) было продолжено изучение плейстоценовых отложений слоя 5 на площади квадратов Д/Е/Ж – 17/18/19.

Слой 5 представляет собой легкий суглинок палевых и охристо-палевых тонов, слабопористый с непрочной мелкозернистой структурой, слабо одресвяненный. Мощность слоя на изученном участке составляет 15–50 см (рис. 1). В основании слоя залегает глыбовый горизонт, представляющий собой крупные обломки известняка различных размеров от 20 см до 1,5 м, плотно прилегающие друг к другу. Вероятно, данный горизонт сформировался в результате землетрясения, спровоцировавшего падение крупных глыб со свода пещеры. В связи с тем, что отложения, заполняющие полости между крупными глыбами, имеют свою специфику формирования [Зенин А.Н., 1998] и содержат множество кротовин грызунов, они рассматривались отдельно от слоя 5 и нижележащего слоя 6 как «заполнение между глыбами».

На изучаемой площади в ходе работ в слое 5 было выделено два культурных горизонта.

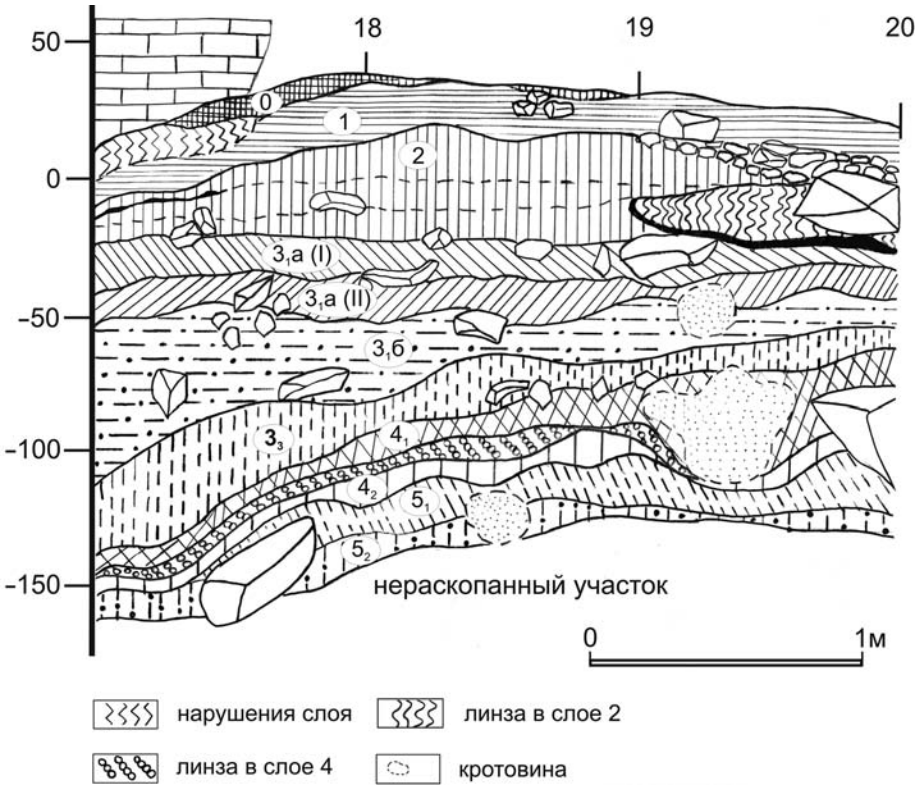


Рис. 1. Стратиграфический разрез по линии З. Пещера Страшная.

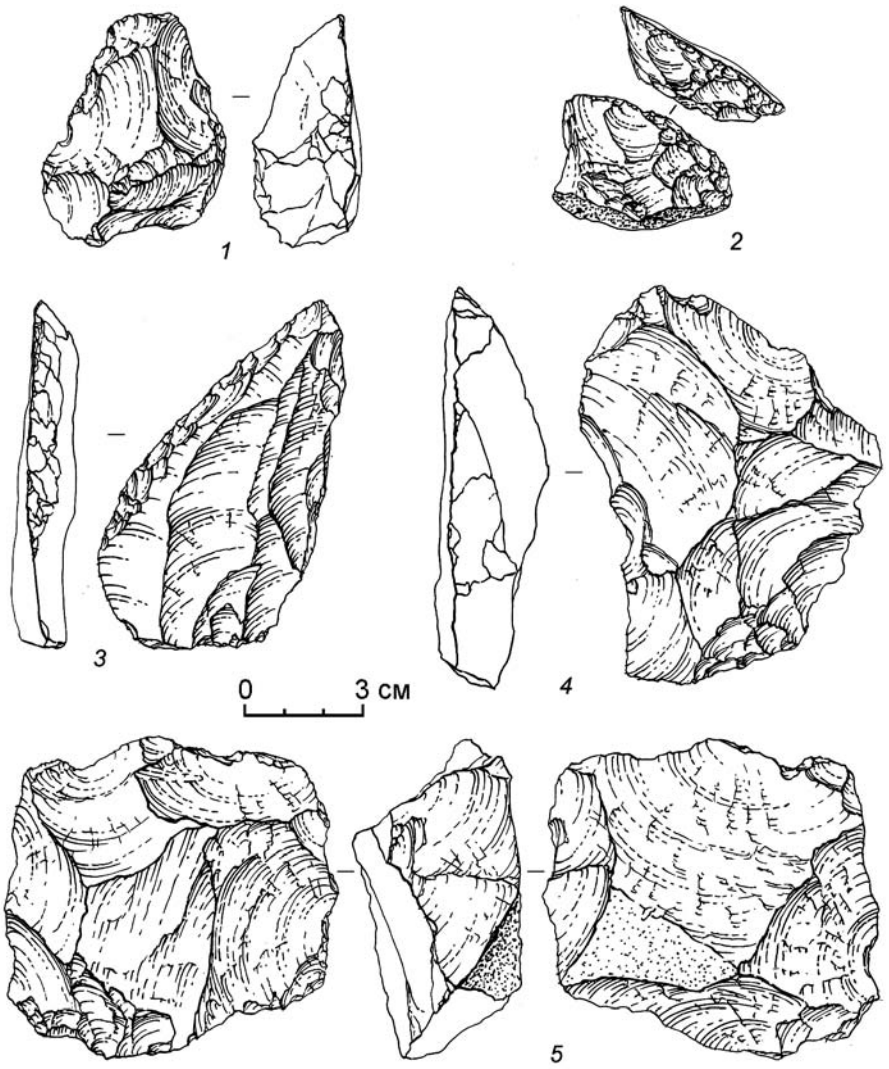


Рис. 2. Каменные артефакты из слоя 5 пещеры Страшной.
1, 2 – скребла из горизонта 5_2; *3* – остроконечник из горизонта 5_2; *4* – зубчатое орудие из горизонта 5_1; *5* – нуклеус из горизонта 5_1.

Горизонт 1. Суглинок легкий палевый, в прикровельной части имеет слабый сероватый оттенок, в приподошвенной – слабый красновато-охристый. Отложения умеренно обогащены щебнисто-дресвянистым материалом. Во включениях слоя отмечены непрочные фрагменты костного детрита ярко-желтого, оранжевого цвета – деформированные копролиты крупных хищников. Стратифицированная археологическая коллекция, найденная в данном горизонте, составила 213 каменных артефактов.

Нуклевидные формы комплекса (3,7 %) представлены тремя нуклеусами и пятью нуклевидными обломками. Среди типологически выраженных ядрищ представлены радиальный нуклеус и два плоскостных нуклеуса параллельного способа расщепления, выполненные на гальках либо на сколах, сохранивших галечную поверхность. На двух плоскостных нуклеусах фиксируется ортогональный прием скалывания (рис. 2, *5*). На обоих нуклеусах только одна из ударных площадок специально оформлена, в качестве второй ударной площадки служила поверхность слома, не несущая следов дополнительной подправки. Негативы сколов на поверхности расщепления указывают на то, что утилизация нуклеусов была направлена на получение как укороченных отщепов, так и более удлиненных сколов, покрывающих всю длину фронта скалывания.

Анализ дорсальной поверхности сколов свидетельствует о присутствии как радиального, так и параллельного расщепления. В индустрии сколов преобладают укороченные массивные отщепы с однонаправленными (39 %) или конвергентными (21 %) дорсальными огранками и гладкими остаточными ударными площадками. Значительную часть от всех сколов (43 %) составляют сколы декортикации и отщепы с естественными ударными площадками.

Больше половины коллекции каменных артефактов горизонта составляют отходы производства: обломки, осколки – 112 экз. и чешуйки – 33 экз.

Орудийный набор комплекса представлен 10 изделиями, что составляет 15 % коллекции без учета отходов производства. К ним относится продольное выпуклое скребло, оформленное на массивном укороченном отщепе дорсальной чешуйчатой ретушью. Зубчатые орудия, 2 экз. (рис. 2, *4*), выполнены на крупных отщепах, рабочее лезвие которых оформлено дорсальной крупнофасеточной ретушью на продольных краях изделий. Также среди сколов с вторичной обработкой были найдены четыре отщепа с нерегулярной чешуйчатой ретушью на дорсальной плоскости и два фрагмента сколов с вентральной ретушью.

Горизонт 2. Суглинок легкий палевый и красновато-палевый, уплотненный с единичными включениями мелкого щебня, как правило, сильно выветрелого, и дресвы. В отложениях отмечаются мелкие обломки охристых рассыпающихся копролитов. Слой характеризуется включением оскольчатых «глин», которые представляют собой алевритистые глины сизовато-серого цвета, их происхождение связано с процесом выветривания известняков, в массиве которых выработана пещера [Зенин А.Н., Ульянов, 2007]. В основании слой становится более рыхлым на изученном участке и переходит в отложения, заполняющие пространство между крупными обломками известняка в нижележащем глыбовом горизонте.

Археологическая коллекция горизонта включает 231 экз. Большую ее часть составляют отходы производства (72 %): обломки, осколки – 117 экз., чешуйки – 46 экз.

В целом данная коллекция демонстрирует характеристики, схожие с комплексом вышележащего горизонта. Первичное расщепление представлено двумя нуклевидными обломками, двумя техническими сколами и некрупными массивными отщепами (64 экз.). Анализ дорсальных поверхностей сколов свидетельствует о присутствии в индустрии паралельного плоскостного и радиального расщепления. Среди огранок дорсальных поверхностей сколов преобладают однонаправленная (38 %), бинаправленная (12 %) и конвергентная (23 %) огранки. Среди остаточных ударных площадок сколов доминируют гладкие варианты. На половине сколов сохранилось от 30–100 % галечной корки.

Орудийный набор составляет 16 % (11 экз.) от типологически значимой коллекции горизонта 2 и представлен скреблами, остроконечником, сколами и фрагментами сколов с нерегулярной ретушью. Два продольных скребла с прямым (рис. 2, *1*), в другом случае с выпуклым, лезвием оформлены дорсальной чешуйчатой ретушью на массивных укороченных отщепах. Поперечное выпуклое скребло (рис. 2, *2*) выполнено на небольшом отщепе чешуйчатой ступенчатой ретушью; проксимальная часть скола, покрытая галечной коркой, образует естественный обушок. Ретушированный остроконечник подлистовидной формы оформлен чешуйчатой ступенчатой сильномодифицирующей ретушью на сколе со смещенной осью скалывания (рис. 2, *3*). Орудийный набор дополняют два укороченных отщепа с нерегулярной чешуйчатой ретушью, три фрагмента скола с ретушью на дорсале, один фрагмент орудия с вентральной ретушью и обломок с нерегулярной крупнофасеточной ретушью.

Полученная в ходе полевых работ коллекция артефактов свидетельствует о том, что материалы двух горизонтов слоя 5 демонстрируют схожие технико-типологические черты и относятся к одной среднепалеолитической традиции. Имеющийся археологический материал свидетельствует о преобладании процесса первичной обработки на стоянке (на что указывает присутствие нуклеусов, множества отходов производства: обломков, мелких отщепов, сколов декортикации) в рамках радиального и плоскостного расщепления, нацеленного на получение неудлиненных массивных сколов с гладкой ударной площадкой. В орудийном наборе комплекса присутствуют как орудия с тщательно оформленным лезвием, так и орудия с нерегулярной ситуационной ретушью. Предметов, ярко демонстрирующих леваллуазское расщепление, в ходе проведенных работ обнаружено не было, несмотря на то, что в рамках предыдущих этапов исследования леваллуазский компонент был обозначен как основная характеристика индустрии слоя [Derevianko, Zenin, 1997]. Данное обстоятельство может быть связано со спецификой конкретного участка работ и немногочисленностью коллекции артефактов.

Благодарности. Коллектив авторов выражает признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Зенин А.Н. Специфические элементы процесса осадконакопления в пещере Страшная // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 96–101.

Зенин А.Н., Кандыба А.В. Археологические исследования в пещере Страшная в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопре-

дельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 141–145.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 94–99.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: [б.и.], 1973. – Ч. 2. – С. 3–54.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition though the Example of the Altai Cave and Open air Site // Suyanggae and Her Neighbours. – Chungju, 1997. – P. 241–255.

References

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition though the Example of the Altai Cave and Open air Site. In *Suyanggae and Her Neighbours*. Chungju, 1997, pp. 241–255.

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Vasil'ev S.K., Shalagina A.V. Rezul'taty polevyh issledovanij peshhery Strashnaja v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 94–99 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Muratov V.M., Ovodov N.D., Fridenberg E.O. Peshhera Strashnaja – novyj pamjatnik paleolita Altaja. In *Materialy po arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Novosibirsk: [s.n.], 1973, pt. 2, pp. 3–54 (in Russ.).

Zenin A.N. Specificheskie elementy processa osadkonakoplenija v peshhere Strashnaja. In *Problemy paleoekologii, geologii i arheologii paleolita Altaja.* Novosibirsk, 1998, pp. 96–101 (in Russ.).

Zenin A.N., Kandyba A.V. Arheologicheskie issledovanija v peshhere Strashnaja v 2006 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. I, pp. 141–145 (in Russ.).

Zenin A.N., Ul'janov V.A. Stratigraficheskie issledovanija v peshhere Strashnaja, In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 105–109 (in Russ.).

УДК 903.21+552.086

Н.А. Кулик, Т.И. Нохрина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

Каменное сырье из позднепалеолитического местонахождения Шикаевка-2

В публикации приводятся результаты петрографического анализа сырья, из которого изготовлены артефакты местонахождения Шикаевка-2, расположенного в западной части Западно-Сибирской равнины. При первичном определении порода для изготовления каменных предметов сначала названа В.Т. Петриным кремнем, а затем – зелено-красной яшмой южноуральского происхождения. Г.Н. Матюшин также полагал, что артефакты Шикаевки-2 – из южноуральской яшмы, наиболее близкие выходы которой находятся на южном берегу оз. Карабалыкты (Абзелиловский р-н Республики Башкортостан). Трактовке этого каменного сырья как импортного материала и основанным на этом заключениям о путях миграции древнего населения препятствуют, во-первых, отсутствие сравнения с материалом из возможных местных источников каменного сырья, особенно галечного; во-вторых, неоднозначность самого термина «яшма». Именно этим объясняется необходимость более тщательного петрографического изучения материала артефактов из позднепалеолитического памятника Шикаевка-2. Было проанализировано 30 артефактов. Все они изготовлены из однотипной тонкозернистой высококремнистой породы (твердость H = 6,5–7,0), хорошо просвечивающей в тонких краях сколов и заусенцах, цветовые разности которой связаны взаимными переходами. Ни макроскопически, ни под бинокулярной лупой не наблюдалось контрастных цветовых сочетаний, которые можно было бы отнести к «красно-зеленым», «сургучно-зеленым», и отчетливо «зеленых» и «серовато-синих». Наличие среди яшм Урала радиоляриевых разностей требует петрографического сопоставления каменного сырья артефактов из местонахождения Шикаевка с кремнистым сырьем предполагаемых источников. Прежде всего, необходимо изучение галечного каменного сырья р. Тобол и ее притоков вблизи местонахождения (в т.ч. в отложениях террас), поскольку без этих исследований делать вывод об импорте каменного сырья и направлении миграции изготовителей артефактов – некорректно, даже в случае соответствия каменного сырья артефактов Шикаевки «яшмам» южноуральских источников.

Ключевые слова: *поздний палеолит, Шикаевка-2, каменное сырье, петрография, тонкозернистая высококремнистая порода, радиоляриты.*

N.A. Kulik, T.I. Nokhrina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

Stone Raw Material from the Late Paleolithic Location Shikaevka-2

The Results of the petrographic analysis of raw materials the artifacts from location Shikayevka-2 in the western part of the West Siberian Plain are given in the publication. At first the definition of stone raw materials was called by V.T. Petrin flint. Then he named it a green-red jasper of the South Ural origin. G.N. Matyushin also believed that the artifacts from Shikayevka-2 were made of the South Ural jasper which closest ways out are found on the southern coast of the Karabalykty lake (the Abzelilovsky district of the Republic of Bashkortostan). Such interpretation of these stone raw material as import and the conclusions about ways of migration of the ancient population is based in the first, for lack of comparison with material of possible local sources of stone raw materials, especially pebble; secondly, in ambiguity of the term "jasper". This explains the need for a more careful petrographic study of raw material artifacts of late Paleolithic location Shikayevka-2. We studied 30 artifacts. All of them are made of similar fine-grained high-silicon rocks (hardness H = 6,5–7,0), well translucent in thin edges chipping and burrs, color difference which are bound together with transitions. We didn't observe contrasting color combinations, which could be attributed to the "red-green", "wax green" and distinctly "green" and "slate blue" neither macroscopically nor under binocular magnifying glass. Existence among jaspers of the Urals the differences of Radiolarias demands the petrographic comparison of stone raw materials of artifacts of Shikayevka location to siliceous raw materials of the sources assumed by them. First of all, studying of

pebble stone raw materials of the Tobol River and its inflows near location is necessary (including in deposits of terraces) as without these researches it is incorrect to draw a conclusion about import of stone raw materials and the direction of migration of manufacturers of artifacts, even in case of compliance of stone raw materials of artifacts of Shikayevka to "jaspers" of the Southern Ural sources.

Keywords: *Late Paleolithic, Shikaevka-2, stone raw material, petrography, highly fine-grained siliceous rocks, radiolarite.*

Характеризуя каменное сырье археологических изделий, исследователи в первую очередь ориентируются на легко определимые признаки, среди которых окраска и текстура породы играют решающую роль. Это особенно характерно для Урала, где среди археологов традиционным стало употребление термина «яшма» применительно ко всякой плотной кремнистой породе, иногда с привязкой к району ее нахождения, например, «ташбулатовская яшма», «калканская яшма» [Мосин, Никольский, 2008, с. 29]. Именно особенности окраски и сложения уральских яшм, использованных в качестве каменного сырья, положены в основу определения отправного пункта, вернее, территории, откуда могли проникать группы населения на территорию Южного Зауралья в позднем палеолите [Матюшин, 1976, с. 161]. Ю.Б. Сериков полагает, что заселение Среднего Зауралья также могло происходить и с территории Южного Урала – вдоль восточного склона Уральского хребта на север, о чем, по его мнению, свидетельствуют находки из яшмы на Гаринском местонахождении [2000, с. 68]. Однако трактовка этого каменного сырья как импортного материала и основанные на этом заключения о путях миграции древнего населения упираются в две неопределенности. Первая – отсутствие сравнения с материалом возможных местных источников каменного сырья, особенно галечного. Вторая – неоднозначность самого термина «яшма». Даже в геологическом употреблении [Геологический словарь, 1973, с. 448] он включает в себя такое количество разнородных признаков, что допускает нестрогое его применение к разным породам, общим для которых являются лишь высокая кремнистость и плотное сложение. Последние для «настоящих яшм» обусловлены криптокристаллическим характером кварца (с редкой и лишь незначительной примесью халцедона); макроскопически для них характерны интенсивная, часто контрастная, окраска и непросвечивание в тонких краях сколов и заусенцах. Отмеченные неопределенности, в случае невозможности непосредственного сравнения местного каменного сырья и материала артефактов, вызывают необходимость более тщательного петрографического изучения последних.

Такое исследование было проведено для позднепалеолитического памятника Шикаевка-2 (Варгашинский р-н Курганской обл.) (рис. 1). Местонахождение локализовано в правобережье р. Тобол, в 10–12 км от нее, на западном берегу оз. Слободчиково. Здесь, в основании лессовидных отложений, являющихся покровными для надпойменных террас рек Сибири, были обнаружены кости мамонта. Стационарные работы на объекте проводились в 1972–1973 гг. под руководством В.Т. Петрина [Петрин, Смирнов, 1975; Петрин, 1986, с. 23–34]. Была вскрыта площадь 741 м^2. По костям мамонта получена дата 18 050 ± 95 лет (СОАН-2211). При раскопках было обнаружено 35 каменных предметов, в т.ч. артефакты геометрической формы, и 311 костей животных, большинство из которых (227 экз.) принадлежат двум особям мамонтов. Полностью изучить местонахождение костей мамонтов (Шикаевка-1 и -2) и оценить его масштаб было невозможно, поскольку они находились в пределах заселенной части одноименной деревни.

Рис. 1. Схема расположения позднепалеолитического местонахождения Шикаевка-2.

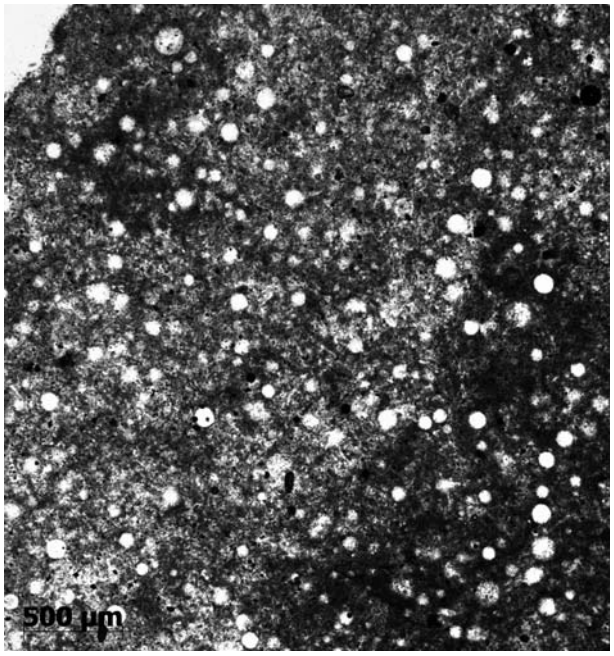


Рис. 2. Шлиф радиолярита без анализатора.

При первичном определении порода для изготовления каменных предметов сначала названа В.Т. Петриным кремнем [Петрин, Смирнов, 1975, с. 78], а затем зелено-красной яшмой южноуральского происхождения [Там же, с. 80]. Г.Н. Матюшин полагал, что артефакты Шикаевки-2 изготовлены «из сургучно-зеленой, зеленой и серовато-синей южноуральской яшмы» [1976, с. 161]. По его мнению, наиболее близкие выходы такой породы находятся на южном берегу оз. Карабалыкты (Абзелиловский р-н Республики Башкортостан) [Там же].

Петрографическое изучение проводилось на 30 артефактах, морфологическая характеристика части из них отражена в работах В.Т. Петрина [Петрин, Смирнов, 1975, Петрин, 1986, с. 30–33]. По окраске породы артефакты можно разделить на две основные группы, связанные между собой переходными разностями. Причем контрастных цветовых сочетаний, которые можно было бы отнести к «красно-зеленым», «сургучно-зеленым», и отчетливо «зеленых» и «серовато-синих» ни макроскопически, ни под бинокулярной лупой не наблюдалось.

Наиболее многочисленной (19 экз.) оказалась группа артефактов из каменного сырья серой окраски. Среди них 8 экз. имеют полосчатую текстуру с чередованием серых и темно-серых прослоев, соотношение мощностей которых и детали текстурного узора позволяют уверенно предположить, что шесть артефактов (№ 10, 12, 17, 31, 33, 35)* изготовлены из одного камня. Серые прослои обладают хорошим светло-серым просвечиванием в заусенцах, как и неполосчатая серая порода артефакта № 16. Порода четырех неполосчатых серых артефактов имеет зеленоватый оттенок и слабое зеленовато-серое просвечивание. Еще 5 экз. – светло-серой до желтовато-бесцветной породы, близкой к неполосчатой серой разности, имеет бесцветное или чуть-чуть желтоватое просвечивание, как у халцедона.

В сером полосчатом артефакте № 30 темно-серый прослой местами имеет коричневатый оттенок, и порода приближается по цветовым характеристикам к сырью второй группы артефактов (11 экз.) – коричневых или также полосчатых, в которых нерезкие коричневые полосы-слои чередуются с серыми, имеющими слабый зеленоватый оттенок и светло-серое или чуть зеленоватое просвечивание. Микроскопически коричневая, до сургучно-коричневой, окраска породы под бинокуляром обнаруживает отчетливый оранжевый оттенок, хорошее желто-оранжевое просвечивание в заусенцах и тонком крае сколов. Артефакты № 4, 13, 34, а также с большой вероятностью № 3 из такой полосчатой оранжево-коричневой, очень слабо зеленовато-серой породы, судя по текстурному рисунку, происходят от одного нуклеуса**. Вероятно, именно это цветовое сочетание в свежих, неизбежно влажных, артефактах могло восприниматься предшествующими исследователями как «сургучно-зеленое» и даже «красно-зеленое». Артефакты № 9, 25, 27 с одинаковыми сургучно-коричневыми и серыми без зеленоватого оттенка полосами также получены от одного нуклеуса***.

Таким образом, уже при бинокулярном исследовании можно заключить, что все артефакты изготовлены из однотипной тонкозернистой высококремнистой породы (твердость H = 6,5–7,0), хорошо просвечивающей в тонких краях сколов и заусенцах, цветовые разности которой связаны взаимными переходами.

Общим признаком является также присутствие очень мелких круглых включений – псевдоморфоз по палеонтологическим остаткам. В шлифах последние определены канд. геол.-мин. наук О.Т. Обут как радиолярии, в связи с чем порода должна быть отнесена к радиоляритам (рис. 2), которые в классификации высококремнистых пород с аутигенным кремнеземом (силицитов) относятся к биогенным образованиям [Фролов, 1992, с. 277]. Вместе

*Порядковые номера артефактов соответствуют позициям 7, 11, 22, 26, 27 на рис. 17 [Петрин, 1986].

**Порядковые номера артефактов соответствуют позициям 10, 20, 25, 18 на рис. 17 [Петрин, 1986].

***Порядковые номера артефактов соответствуют позициям 8, 3, 14 на рис. 17 [Петрин, 1986].

с тем значительное содержание халцедона, в который погружены радиолярии, явная слоистость породы с темно-серыми прослоями, богатыми непрозрачным пелитовым материалом и примесь рудного минерала свидетельствуют о значительном участии абиогенного кремнистого осадка, приближая породу к кремнистым сланцам, кремням и радиоляриевым яшмам. Однако хорошее просвечивание породы в тонком крае и ее преимущественно халцедоновый состав не позволяют отнести ее к яшмам в классическом понимании этого термина.

Наличие среди яшм Урала радиоляриевых разностей, равно как и отнесение породы к яшмам предшественниками с большим опытом работы на Южном Урале, требует для определенности в этом вопросе петрографического сопоставления каменного сырья артефактов местонахождения Шикаевка с кремнистым сырьем предполагаемых ими источников. В той же мере (и в первую очередь) необходимо изучение галечного каменного сырья р. Тобол и ее притоков вблизи местонахождения (в т.ч. в отложениях террас), поскольку без этих исследований делать вывод об импорте каменного сырья и направлении миграции изготовителей артефактов – некорректно, даже в случае соответствия каменного сырья артефактов Шикаевки «яшмам» южноуральских источников.

Благодарности. Авторы выражают благодарность канд. геол.-мин. наук О.Т. Обут (Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН) за проведенный палеонтологический анализ.

Список литературы

Геологический словарь: в 2 т. – М.: Недра, 1973. – Т. 2: Н–Я. – 456 с.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 196 с.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 142 с.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Открытие палеолитического памятника в Зауралье // Вопр. археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1975. – Вып. 13. – С. 75–85.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. пед. ин-т, 2000. – 430 с.

Фролов В.Т. Литология. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992. – 336 с.

References

Frolov V.T. Litologiya. Moscow: Moscow Univ. Press, 1992, 336 p. (in Russ.).

Geologicheskii slovar'. Moscow: Nedra, 1973, vol. 2, 456 p. (in Russ.).

Matyushin G.N. Mezolit Yuzhnogo Urala. Moscow: Nauka, 1976, 368 p. (in Russ.).

Mosin V.S., Nikol'skii V.Yu. Kremen' i yashma v material'noi kul'ture naseleniya kamennogo veka Yuzhnogo Urala. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008, 196 p. (in Russ.).

Petrin V.T. Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoi ravniny. Novosibirsk: Nauka, 1986, 142 p. (in Russ.).

Petrin V.T., Smirnov N.G. Otkrytie paleoliticheskogo pamyatnika v Zaural'e. In *Voprosy arkheologii Urala*. Sverdlovsk: Ural Univ. Press, 1975, iss. 13, pp. 75–85 (in Russ.).

Serikov Yu. B. Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ya. Nizhnii Tagil, 2000, 430 p. (in Russ.).

УДК 598.2:551.79

Н.В. Мартынович[1], С.В. Маркин[2], К.А. Колобова[2]

[1]Музей Мирового океана
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: martynovichn@mail.ru

Новые материалы по птицам из Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай): раскопки 2012–2015 годов

В статье приводятся новые материалы по фауне птиц из голоценовых (слои 1–4) и неоплейстоценовых (слои 5, 6) отложений опорного памятника сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая – пещеры Чагырской (раскопки 2012–2015 гг.), а также суммируются данные по авифаунистическим материалам из этого местонахождения 2009 г. раскопок. Указано более 40 видов 17 семейств околоводных, водоплавающих, лесостепных и скальных птиц. Только в неоплейстоценовых горизонтах найдены характерные для неоплейстоцена Северо-Западного Алтая белая куропатка, саджа и клушица, указывающие на существование тундростепей и сухих степей.

Ключевые слова: *голоцен, неоплейстоцен, тундростепи, Северо-Западный Алтай, авифауна, саджа.*

N.V. Martynovich[1], S.V. Markin[2], K.A. Kolobova[2]

[1]World Ocean museum
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: martynovichn@mail.ru

New Data about Birds in the Chagyrskaya Cave (Northwest Altai): 2012–2015 Excavations

This paper presents a new bird fauna data of the Holocene (1–4) and Neopleistocene (5, 6) layers of Middle Paleolithic regional key-site – the Chagyrskaya cave (excavations 2012–2015). Also ornithological data obtained in 2009 excavations was summarized. There were identified more than 40 species of 17 families of waterfowl, aquatic, steppe and rocky birds. Only in Neopleistocene layers willow grouse, Pallas sand grouse and chough, typical for Neopleistocene of Northwestern Altai and indicating the existence of tundra-steppe and dry steppe were found.

Keywords: *Holocene, Neopleistocene, tundra-steppe, Northwest Altai, ornithofauna, Pallas sand grouse.*

В 2012–2015 гг. в ходе раскопок пещеры Чагырской – известного археологического и палеонтологического памятника в бассейне р. Чарыш в Северо-Западном Алтае была получена коллекция костей птиц, состоящая из 187 фрагментов. Ниже приведены результаты предварительного определения полученных материалов, а также суммируются данные по определениям костей птиц из этого местонахождения начиная с 2009 г.

Пещера Чагырская, 2014 г., подъемный материал (два фрагмента)

Галка (*Corvus monedula*) – 2/1 (проксимальный фрагмент плечевой с отверстием от когтя хищной птицы, полная левая локтевая)

Пещера Чагырская, 2014, 2015 гг., слой 2 (87 фрагментов)

Кряква *(Anas platyrhunchos*) – 2/1 (sad) (две кости от молодой птицы)

Чирок-трескунок (*Anas querquedula*) – (дистальный фрагмент левой локтевой)

Чирок-свистунок (*Anas crecca*) – 3/1 (вилочка, проксимальный фрагмент правой лопатки, дистальный фрагмент левого тибиотарзуса)

Ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) – 1/1 (дистальный фрагмент правой плечевой)

Перепел (*C. coturnix*) – 1/1 (правый карпометакарпус)

Тетерев (*Tetrao tetrix*) – 1/1 (фрагмент левого карпометакарпуса)

Коростель (*Crex crex*) – 9/2 (фрагмент таза – 1, 4 фрагмента тарзометатарзусов, проксимальный фрагмент плечевой, проксимальный фрагмент бедренной, дистальный фрагмент локтевой)

Травник/щеголь (*Tringa totanus/erythropus*) – 1/1 sad (дистальный фрагмент левого тибиотарзуса от молодой особи)

Бекас/дупель (*Gallinago* sp.) – 4/1 (два фрагмента правого карпометакарпуса, проксимальный фрагмент правой лопатки, дистальный фрагмент правой плечевой)

Сизый голубь (*Columba livia*) – 3/1 (фрагмент таза, проксимальный фрагмент левой локтевой, дистальный фрагмент правой локтевой)

Стриж (*Apus apus*) – 1/1 (почти полный левый тибиотарзус)

Сова ушастая (*Asio otus*) – 1/1 (проксимальный фрагмент левой плечевой)

Галка (*Corvus monedula*) – 21/3 (есть кости от взрослых и молодых особей)

Ворона черная/серая (*Corvus corone/cornix*) – 1/1 (дистальный фрагмент левого тибиотарзуса от молодой птицы)

Желна (?) (*Dryocopos martyus*) – 1/1 (дистальный фрагмент левой бедренной).

Большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*) – 1/1 (проксимальный фрагмент правой бедренной)

Мелкие воробьиные (Passeriformes) – 23 фрагмента трубчатых (есть ласточки, дрозды)

Птицы, ближе не определимые (Aves indet.) – 13 фрагментов позвонков, трубчатых

Пещера Чагырская 2014, 2015 гг., слой 3 (50 фрагментов)

Кряква *(Anas platyrhunchos*) – 1/1 (дистальный фрагмент левого тибиотарзуса).

Шилохвость/свиязь (*A. acuta/penelope*) – 1/1 (дистальный фрагмент левой локтевой)

Свиязь (*Anas* cf. *penelope*) – 1/1 (дистальный фрагмент правой бедренной)

Красноголовый нырок (*Aythya ferina*) – 1/1 (полный левый карпометакарпус)

Ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus)* – 2/1 (проксимальный фрагмент плечевой, дистальный фрагмент тарзометатарзуса)

Пустельга обыкновенная (*Falco tinnunculus*) – 1/1 (дистальный фрагмент правого коракоида)

Перевозчик (*Actitis hypoleucos*) – 1/1 (полная правая плечевая кость)

Коростель (*Crex crex*) – 5/2 (проксимальная часть левого коракоида, два дистальных фрагмента правых плечевых, 1 неполный карпрометакарпус, 1 тибиотарзус)

Сизый голубь (*Columba livia*) – 1/1 sad (проксимальный фрагмент правой плечевой)

Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) – 1/1 (полная правая бедренная)

Стриж (*Apus apus*) – 1/1 (1 полная правая локтевая)

Галка (*Corvus monedula*) – 14/2 (есть кости от молодых особей)

Мелкие воробьиные (Passeriformes) – 12 (есть кости от ласточек, дроздов)

Птицы, ближе не определимые (Aves indet.) – 8

Пещера Чагырская, 2014 г., слой 5, горизонты 1–5 (34 фрагмента)

Кряква *(Anas platyrhunchos*) – 1/1 sad (почти полный правый тарзометатарзус)

Чирок-трескунок (*Anas querquedula*) – 1/1 (проксимальный фрагмент правого карпометакарпуса)

Большой крохаль (*Mergus merganser*) – 1/1 (почти полный левый тарзометатарзус)

Перепел (*C. coturnix*) – 1/1 (проксимальная часть правого карпометакарпуса)

Серая куропатка (*Perdix perdix*) – 1/1 (полный правый карпометакарпус)

Глухарь (*Tetrao urogallus*) – 1/1 симфиз вилочки

Сизый голубь (*Columba livia*) – 1/1 (правая плечевая без головки)

Саджа *(Syrrhaptes paradoxus*) – 1/1 (почти полный правый тарзометатарзус)

Кулик (Charadriidae indet.) – 1/1 (дистальный фрагмент левого карпометакарпуса мелкого кулика)

Стриж белопоясничный (*Apus* cf. *pacificus*) – 2/1 (полный правый коракоид, полная правая плечевая)

Сова болотная/ушастая (*Asio flammeus/otus*) – 1/1 (почти полный левый коракоид)

Галка (*Corvus monedula*) – 1/1 (полная локтевая голоценовой сохранности)

Клушица (*P. pyrrhocorax*) – 2/1 (дистальный фрагмент правого тибиотарзуса, дистальный фрагмент правого тарзометатарзуса)

Врановые (Corvidae indet.) – 2 фрагмента трубчатых

Дрозд (*Turdus sp.*) – 1/1 (проксимальный фрагмент правой плечевой)

Мелкие воробьиные (Passeriformes) – 14 (есть ласточки, дрозд)

Птицы, ближе не определимые (Aves indet) – 3 (шейные позвонки неворобьиной птицы)

Птицы из Чагырской пещеры (раскопки 2009–2015 гг.)

Таксон	№ слоя					
	1	2	3	4	5 (1–5)	6а, б, в
Гусь (*Anser* sp.*)*					+	
Кряква *(Anas platyrhunchos*)		+		+	+	+
Чирок-трескунок (*Anas querquedula*)		+			+	
Чирок-свистунок (*Anas crecca*)		+			+	+
Свиязь (*Anas* cf. *penelope*)			+			
Шилохвость/свиязь (*Anas acuta/penelope*)	+		+			+
Красноголовый нырок (*Aythya ferina*)			+			
Большой крохаль (*Mergus merganser*)					+	
Пустельга обыкновенная (*Falco tinnunculus*)			+	+	+	+
Беркут (*Aquila chrysaetos)*					+	+
Тетеревятник (*Accipiter gentilis*)			+			
Перепелятник (*Accipiter nisus*)		+				
Серая куропатка (*Perdix perdix*)		+	+		+	
Перепел (*Coturnix coturnix*)		+			+	
Белая куропатка (*Lagopus lagopus*)						+
Тетерев (*Tetrao tetrix*)		+			+	+
Глухарь (*Tetrao urogallus*)					+	
Коростель (*Crex crex*)		+	+	+	+	+
Погоныш (*Porzana porzana*)			+			
Перевозчик (*Actitis hypoleucos*)			+		+	
Фифи/черныш (*Tringa glareola/ochropus*)					+	
Травник/щеголь – (*Tringa tetanus/erythropus*)		+				
Бекас/дупель (*Gallinago* sp.)				+		
Большой кроншнеп (*Numenius arquata*)		+				
Саджа *(Syrrhaptes paradoxus*)					+	+
Сизый голубь (*Columba livia*)		+	+		+	+
Сова болотная/ушастая (*Asio flammeus/otus*)					+	
Сова болотная (*Asio flammeus*)					+	
Сова ушастая *(Asio otus*)		+				
Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*)			+			
Стриж белопоясничный (*Apus cf pacificus*)		+	+		+	+
Желна (*Dryocopos martyus*)?		+				
Большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*)		+				
Седой дятел *(Picus canus)*				+		
Ласточки (Hirundinidae gen. indet.)		+	+	+	+	+
Воронок (*Delichon* cf. *urbica)*				+	+	+
Свиристель (*Bombicilla garrulus*)		+				
Ворон (*Corvus corax*)						+
Ворона серая/черная (*Corvus cornix/corone)*		+				+
Галка (*Corvus monedula*)		+	+		+	+
Клушица (*P. pyrrhocorax*)					+	
Дрозд (*Turdus philomelos/ruficlollis*)					+	+
Рябинник (*Turdus* cf. *pilaris)*		+				
Овсянка (*Emberiza* sp.)				+		+
Снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*)					+	
Passeriformes indet.		+	+	+	+	+
Aves indet.		+	+	+	+	+

Пещера Чагырская, 2013 г., слой 6а (горизонты 1–3), 6б (горизонты 1, 2), 6в (14 фрагментов)

Утка (Anatidae indet.) – 1/1 (неполный дистальный фрагмент левого тарзометатарзуса)

Белая куропатка (*Lagopus lagopus*) – 2/1 (неполный проксимальный фрагмент коракоида, неполный дистальный фрагмент левого тарзометатарзуса)

Ворон (*Corvus corax)* – 1/1 (фаланга пальца стопы)

Мелкие воробьиные (Passeriformes indet) – 9 (есть кости ласточек)

Птица (Aves indet) – 1/1 (фаланга пальца стопы)

Обсуждение. Первые материалы по птицам голоценового (слои 1–4) и неоплейстоценового (5, 6) возраста из этого памятника были опубликованы несколько лет назад [Мартынович, Маркин, 2013, с. 109–114]. Первое знакомство с палеорнитологической коллекцией показало, что пещера Чагырская, как и большинство карстовых полостей на Алтае, включающих палеолитические культуросодержащие отложения, не отличается большим видовым разнообразием пернатых, также она бедна и костными остатками птиц. В качестве объедков они заносились в пещеру хищными птицами, скорее всего филинами. Было обнаружено несколько костей с характерными отверстиями «проколов» от когтей, фрагменты со следами кислотной эрозии от пищеварительных соков.

Несмотря на малочисленность остеологической коллекции, была выявлена свойственная для низкогорных ландшафтов авифауна, в которой хорошо «отбивались» неоплейстоценовые горизонты, содержащие характерные для неоплейстоцена Северо-Западного Алтая птиц – специфических врановых (клушица), белых куропаток и очень интересного представителя Центрально-Азиатской фауны – саджу (*Syrrhaptes paradoxus*).

Саджа, или копытка, – это стайная, меньше среднего размера, птица из близкого к голубям отряда рябков (Pteroclidiformes), в настоящее время заселяет равнинные участки сухих степей и полупустынь Поволжья, Средней Азии, Казахстана, Монголии. По югу Алтая саджа держится солончаковых или лессовых степей с редкой травянистой растительностью [Сушкин, 1938, с. 274]. Для этого вида характерны периодически повторяющиеся массовые инвазии, залеты на несвойственные ей в экологическом, ландшафтном отношении территории. Так, например, в 1863 г. стаи этих птиц достигли северной части Западной Европы (Англия, Голландия), в России – Архангельска [Рябкообразные …, 1993, с. 32–35].

Находки этого вида в неоплейстоценовых отложениях нескольких пещер в лесостепной зоне Северо-Западного Алтая (наряду с Чагырской – Денисова, Окладникова, Страшная пещеры) приводит к умозаключению, что этот элемент коллекции не случаен и может служить индикатором распространения в неоплейстоцене в регионе сухих, возможно опустыненных степей [Мартынович, 2010, с. 210].

В голоценовых отложениях отсутствуют кости вышеупомянутых белых куропаток, саджи и клушицы. Фауна птиц этого времени более представительная (около 80 % всей коллекции), ее разнообразие выше за счет куликов, пастушковых, дятлов, мелких воробьиных. Несколько видов водоплавающих, в том числе редко попадающий в палеорнитологические коллекции из сибирских пещерных памятников гусь (*Anser* sp.) и набор характерных куликов (*Actitis, Tringa*) отражают, по всей видимости, близкое к реке местоположение пещеры.

В *таблице* приведен список таксонов птиц по слоям с 2009 г. раскопок. В настоящее время найдено более 40 видов из 17 семейств околоводных, водоплавающих, лесных, лесостепных, скальных, тундростепных птиц, а также обитателей сухих степей.

Список литературы

Мартынович Н.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии в плейстоценовых авифаунах Алтая // Орнитология в Северной Евразии: мат-лы XIII Междунар. орнитолог. конф. Северной Евразии. Тез. докл. – Оренбург, 2010. – С. 210.

Мартынович Н.В., Маркин С.В. Палеорнитологические материалы из пещеры Чагырская в Северо-Западном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 109–114.

Рябкообразные. Голубеобразные. Кукушкообразные. Совообразные / Э.И. Гаврилов, В.П. Иванчев, А.А. Котов. – М.: Наука, 1993. – С. 32–35. – (Птицы России и сопредельных регионов; т. 5).

Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. – М.; Л., 1938. – Т. 1. – С. 273–275.

References

Martynovich N.V. Ptitsy zonal'nykh stepei i pustyn' Tsentral'noi Azii v pleistotsenovykh avifaunakh Altaya. In *Ornitologiya v Severnoi Evrazii: materialy XIII Mezhdunarodnoi ornitologicheskoi konferentsii Severnoi Evrazii. Tezisy dokladov.* Orenburg, 2010, p. 210 (in Russ.).

Martynovich N.V., Markin S.V. Paleornitologicheskie materialy iz peshchery Chagyrskaya v Severo-Zapadnom Altae. In *Problems of archaeology, ethnography. Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, pp. 109–114 (in Russ.).

Ryabkoobraznye. Golubeobraznye. Kukushkoobraznye. Sovoobraznye / E.I. Gavrilov, V.P. Ivanchev, A.A. Kotov. – Moscow: Nauka, 1993, pp. 32–35 (Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov; vol. 5) (in Russ.).

Sushkin P.P. Ptitsy Sovetskogo Altaya i prilezhashchikh chastei Severo-Zapadnoi Mongolii. Moscow; Leningrad, 1938, vol. 1, 320 p. (in Russ.).

УДК 903.2

В.Е. Медведев[1], И.В. Филатова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Неолитические комплексы у села Шереметьево (по материалам исследований 1958–1959 годов)

Впервые в научный оборот введены материалы, полученные в результате изысканий 1958–1959 гг. под руководством А.П. Окладникова у с. Шереметьево на правом берегу р. Уссури, а также дана их научная интерпретация с учетом современного уровня знаний по неолиту юга Дальнего Востока. Морфологический и типологический анализ каменного инвентаря позволил соотнести его в основном с неолитическим временем. Культурно-хронологический анализ керамики определил ее принадлежность в первую очередь к нижнеамурским археологическим культурам (мариинской, малышевской, кондонской и вознесеновской) и культурно-хронологическому типу эпохи неолита (петропавловскому). Для каждого керамического комплекса были установлены аналогии с другими неолитическими памятниками Нижнего Приамурья. В составе коллекции также вычленены материалы, коррелирующие с периодом среднего неолита сопредельной с Приамурьем и Приуссурьем территории Приморья. Полученная информация позволила не только определить район с. Шереметьево как «транзитную» зону, где происходили культурные контакты неолитического населения юга Дальнего Востока, но и расширить представление об ареалах носителей различных нижнеамурских и приморских культурных традиций.

Ключевые слова: *юг Дальнего Востока, Уссури, Шереметьево, неолит, археологические культуры, артефакты, «транзит».*

V.E. Medvedev[1], I.V. Filatova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Amur State University of Humanities and Pedagogy
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Neolithic Complexes Near Sheremetyevo Village (Based on the Investigations of the Years 1958–1959)

The article represents previously unpublished materials, obtained in the expeditions of A.P. Okladnikov in the years 1958–1959 near Sheremetyevo village on the right bank of Ussuri river. The scientific interpretation that is given in this article corresponds to the current level of knowledge on the Neolithic of southern Far East. Morphological and typological analysis of stone tools has allowed us to relate them mainly to the Neolithic Age. Cultural and chronological analysis of ceramics showed that it primarily belongs to the Lower Amur archaeological cultures (Mariinsk, Malyshevo, Kondon and Voznesenovskoye cultures) and to the cultural-chronological type ("Petropavlovsky type") of Neolithic Age. The analogies for each ceramic complex were found in materials of other Neolithic sites of the Lower Amur. The collection also includes the materials which correlate with the period of the Middle Neolithic of Primorye, the territory which borders the Amur and Ussuri regions. The obtained information has allowed not only to identify the Sheremetyevo area as a "transit" zone, where the cultural contacts of the Neolithic population of the south of the Far East can be seen, but also to expand our knowledge of the habitats of different tribes of Lower Amur and cultural traditions of Primorye.

Keywords*: south of Russian Far East, Ussuri river, Sheremetyevo, Neolithic Age, archeological cultures, artifacts, "transit".*

Село Шереметьево расположено на правом берегу р. Уссури в Вяземском р-не Хабаровского края. Первые сведения о находках неолитического облика здесь были получены еще в середине XIX в. Детальное обследование археологических древностей в окрестностях села, включая известные ранее

петроглифы, было организовано А.П. Окладниковым в 1958–1959 гг. После создания Дальневосточной археологической экспедиции АН СССР «…впервые были широко осуществлены разведочные исследования в долине р. Уссури, где открыт ряд памятников различного времени…» [Окладников, Деревянко, 1973, с. 39]. Согласно «Списку объектов археологии, принятых на государственную охрану и включенных в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Хабаровского края, по состоянию на 01 января 2013 г.», под руководством А.П. Окладникова в 1958 г. было обнаружено восемь местонахождений, семь из которых датируются неолитическим временем [Объекты …, 2013, с. 231]. На одном из них, названном А.П. Окладниковым, по данным коллекционных записей, Шереметьево-1*, изыскательные работы были продолжены в следующем 1959 г. В течение чуть более двух недель здесь велись раскопки двух землянок («землянка 1» и «землянка 2»), которые были полностью исследованы. Всего на поселении отмечены следы-западины пяти жилищ.

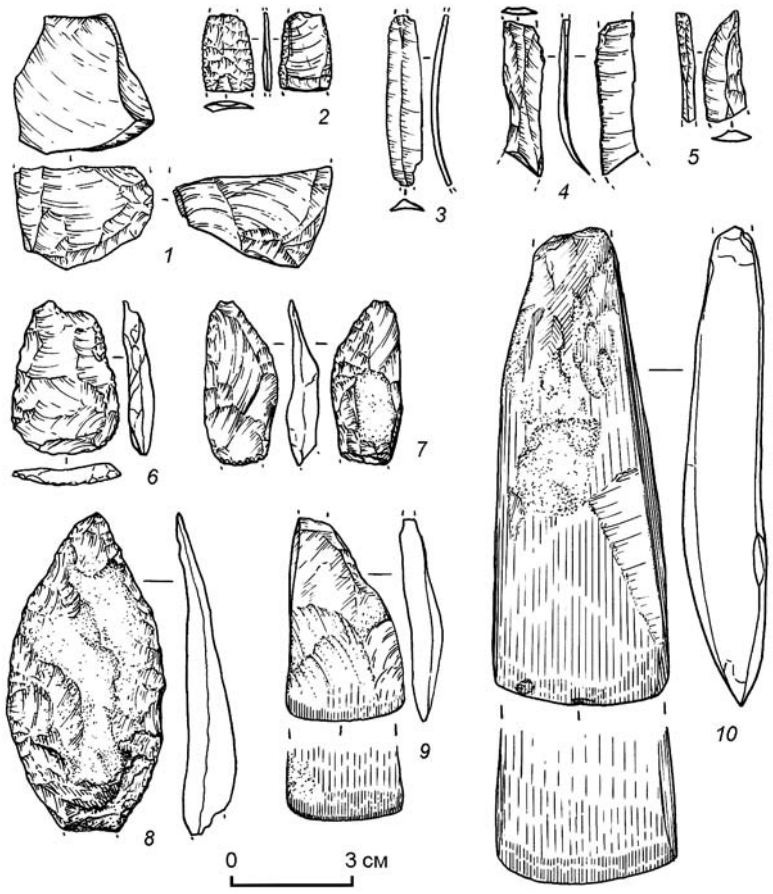


Рис 1. Изделия из камня. Неолитическое поселение у с. Шереметьево (художник Ю.В. Табарева).

1 – нуклеус; *2* – обломок наконечника стрелы; *3*, *4* – ножевидные пластинки; *5* – проколка; *6* – скребок; *7* – нож; *8* – наконечник дротика; *9*, *10* – тесла. *1–3*, *5*, *6* – из раскопок «землянки 2»; *4*, *7*, *10* – сборы при зачистке разреза (1958 г.); *8*, *9* – из раскопок «землянки 1».

В целом в ходе разведочных и раскопочных работ 1958–1959 гг. получен довольно представительный материал, иллюстрирующий сложный культурно-хронологический характер древностей района. Однако результаты этих изысканий не были отражены в печати; в научной литературе есть только отдельные упоминания о керамике с «амурской плетенкой» и «со спиральным орнаментом» и о каменных изделиях [Окладников, 1971, с. 52; Окладников, Деревянко, 1973, с. 139, 158]. Опубликованы с кратким определением лишь отдельные обломки сосудов кондонской культуры среднего неолита [Медведев, 2003, с. 167, рис. 1, *1–3*]. В 2005 г. И.Я. Шевкомудом в окрестностях с. Шереметьево была проведена археологическая разведка, зафиксирована значительная группа памятников, как уже известных, так и вновь открытых, включая неолитические [2006]. Наша цель – ввести в научный оборот археологические материалы, полученные почти 60 лет назад, и дать характеристику с учетом современного их видения.

В составе коллекции, которая в настоящее время хранится в фондах Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), находится всего 1 653 ед. изделий из камня и керамики.

Каменный инвентарь (рис. 1) представлен орудиями (120 ед.) и их обломками (63 ед.), заготовками орудий (19 ед.), а также материалами первичного расщепления: нуклеусами и нуклевидными изделиями (17 ед.), гальками со сколами и колотыми гальками (45 ед.), дебитажем (отщепами и сколами – 186 ед.); пластинчатым комплексом: ножевидными пластинами и их обломками (12 ед.), пластинчатыми отщепами и сколами (24 ед.). Всего – 486 ед.

Основная часть орудийного набора связана с обработкой различных материалов. Это изготов-

*По современным данным, это поселение обозначено как «Шереметьево. Поселение-10». Расположено оно в 0,9 км к ЮЮЗ от юго-западной (верхней по Уссури) окраины села [Объекты …, 2013, с. 231].

ленные оббивкой и шлифовкой топоры и тесла, их обломки и заготовки (всего 89 ед.), а также землеройные орудия. Есть также скребки и скребла (44 ед.), подретушированные ножи (9 ед.) и проколки (7 ед.). Находки орудий, связанных с охотой и рыбной ловлей, немногочисленны. К первым относятся бифасы – наконечники стрел и дротика, их обломки и заготовки (всего 8 ед.). Ко вторым – грузила (всего 5 ед.), в т.ч. желобчатые, обломок и заготовка орудий для глушения рыбы. Инструментарий представлен отбойниками и ударными орудиями (15 ед.), двумя пестами, обломком куранта, а также наковальнями (4 ед.), точилами (12 ед.) и лощилами (8 ед.). Часть из названных орудий – комбинированные. Доминирующие виды сырья – алевролит и песчаник. Использовались также кремни и кремнистые сланцы, кварц, кварциты, яшмоиды, халцедоны, туфы, базальты и гранитоиды.

Относительно культурно-хронологической принадлежности каменного инвентаря можно предположить, что пластинчатый комплекс связан с мариинской и кондонской культурами, орудия-бифасы – с малышевской, а шлифованные тесла – с вознесеновской.

Коллекция керамики (1 167 ед.) включает несколько разновременных культурно-хронологических комплексов: неолит (ранний, средний, поздний), палеометалл (в основном польцевская культура и Средневековье). Большая часть найденных фрагментов (967 ед.) относится к эпохе неолита (рис. 2).

Период раннего неолита представлен обломками глиняных сосудов мариинской культуры (24 ед.), раннего комплекса малышевской (5 ед.) и раннего варианта кондонской (8 ед.) и петропавловского культурно-хронологического типа (4 ед.). Для мариинского комплекса характерны фрагменты венчиков (17 ед.), орнаментированных вдавлениями гребенчатого штампа, который мог быть нанесен и на верхний край, единично – врезанными желобками. В целом мариинская керамика сопоставима с юго-западными материалами (памятники Петропавловка-Остров, Амурский Санаторий, Казакевичево) и относится к позднему этапу развития гончарной традиции. Ранние малышевский и кондонский комплексы – это фрагменты прямых или отогнутых наружу венчиков (4 и 7 ед. соответственно) с оттисками гребенчатого и фигурного штампов в виде ромбов. Основное различие – в особенностях оттисков «гребенки»: у «малышевцев» они крупнее и правильной формы. Кроме того, для кондонских венчиков типично утолщение внешнего или внутреннего бортика. Сходные с шереметьевскими образцы ранней малышевской керамики представлены в Малышево-1, Амурском Санатории и Казакевичево, ранней кондонской – в Князе-Волконском-1, Кондон-Почте. Керамика выделенного недавно нами петропавловского типа – верхняя часть и три венчика – с гребенчатыми оттисками по обрезу устья, венчику, горловине и стенкам аналогичны выявленным на одноименном памятнике, а также в Амурском Санатории и Казакевичево.

К периоду среднего неолита относится керамика развитого комплекса малышевской (253 ед.) и позднего варианта кондонской (365 ед.) культур. Для малышевского комплекса типичны верхние части сосудов

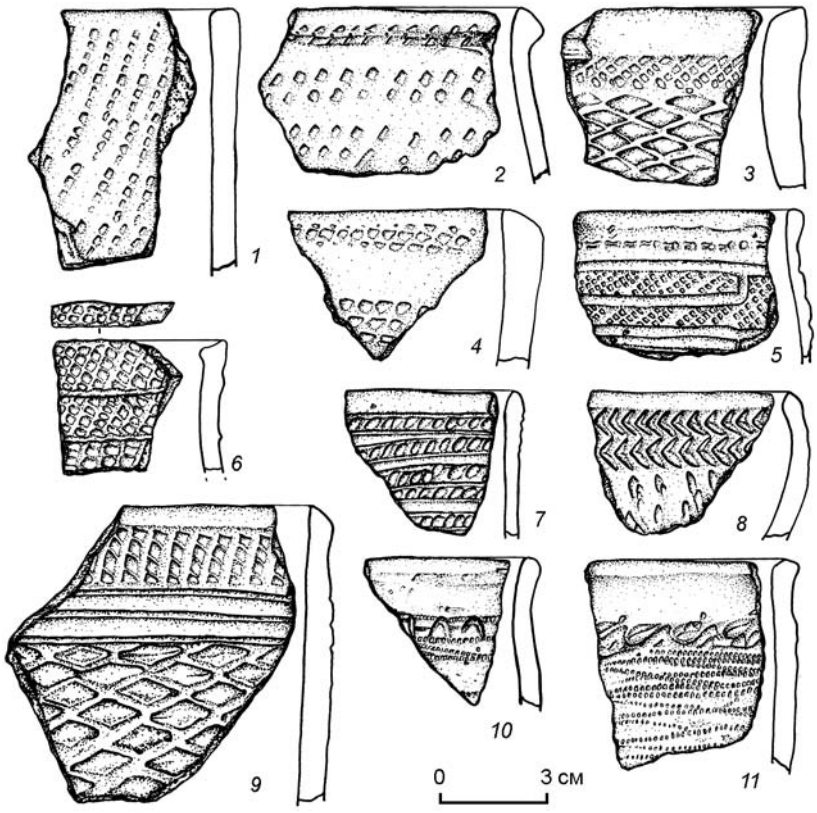


Рис. 2. Керамика. Неолитическое поселение у с. Шереметьево (художник Ю.В. Табарева).

1, 2 – мариинская; *3, 5, 8* – малышевская (ранний (*3*) и развитый (*5, 8*) комплексы); *4, 7, 9* – кондонская (ранний (*4*) и поздний (*7, 9*) варианты); *6* – петропавловский культурно-хронологический тип; *10, 11* – вознесеновская культура.

1, 2, 4–9 – «землянка 1»; *3, 10, 11* – «землянка 2».

(13 ед.), венчики (42 ед.) и стенки (177 ед.), украшенные в основном оттисками гребенчатого штампа и отступающей лопаточки (угольчатые, скобковидные). Декор находит прямые аналоги в материалах поселений Гася, Вознесенское, Сучу. Придонные стенки донцев (21 ед.) не украшались. Развитый кондонский вариант представлен верхними частями (32 ед.) и венчиками (66 ед.), стенками (215 ед.) и донцами (57 ед.). В орнаментике доминируют «каннелюры», а также овальные оттиски отступающей лопаточки, обрамленные прочерченными желобками. И те и другие могли быть нанесены на поверхность одиночно или в сочетании с ромбами самых разных вариаций. Сходные экземпляры имеются в коллекции керамики кондонской культуры эпонимного памятника Кондон-Почта.

Поздний неолит представлен керамикой вознесеновской культуры (130 ед.): венчики (16 ед.) и стенки (103 ед.), декорированные в основном вертикальным зигзагом, нанесенным зубчатым колесиком, иногда в сочетании со спиральным или меандровым узором из прочерченных желобков. Есть также обломки от сосудов с «личинами», в т.ч. окрашенные красной краской. Донца (11 ед.) не декорировались. Вознесеновская керамика типична для развитого варианта гончарной традиции и имеет прямые аналогии с материалами поселений у с. Вознесенского и Кондон-Почты.

Помимо нижнеамурских, в составе керамической коллекции Шереметьево присутствуют фрагменты (141 ед.) глиняных сосудов (в т.ч. 18 верхних частей, 26 венчиков, 97 стенок) с довольно ярко выраженными признаками комплексов, имеющих иное – южное, приморское – происхождение (возможно, веткинской культуры). По декоративным признакам выделяются две группы: 1) с оттисками различных штампов (гребенчатого, фигурного); 2) с веревочными или шнуровыми оттисками. Судя по характеру материала, можно говорить о взаимном влиянии носителей приамурских и приморских культурных традиций, а о Шереметьево – как о еще одном пограничном или «транзитном» памятнике между соседними ареалами Приамурья и Приморья. Шереметьевские артефакты важны еще тем, что среди них имеются изделия мариинской культуры раннего неолита, фиксирующие в настоящее время ее крайние юго-западные пределы.

Введение в научный оборот археологических материалов, полученных почти 60 лет назад, а также их интерпретация с учетом современного уровня знаний значительно дополняют и расширяют наши представления о неолитическом времени на территории южной части российского Дальнего Востока.

Список литературы

Медведев В.Е. Академик А.П. Окладников и неолит Нижнего Приамурья: развитие идей // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С 164–171.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) Хабаровского края: альбом / сост. А.В. Дыминская, Л.Б. Шокурова, М.К. Янкевич, А.Р. Ласкин. – Хабаровск: М-во культуры Хабаровского края, 2013. – 248 с.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

Шевкомуд И.Я. Отчет о полевых археологических исследованиях в Ульчском, Хабаровском и Вяземском районах Хабаровского края. – Рукопись. – Хабаровск, 2006 // Архив Хабаровского краевого краевед. музея.

References

Medvedev V.E. Akademik A.P. Okladnikov i neolit Nizhnego Priamur'ja: Razvitie idej. In *Problemy arheologii i paleoekologii Severnoj, Vostochnoj i Central'noj Azii: materialy mezhdunarodnoj konferencii "Iz veka v vek", posvjashhennoj 95-letiju so dnja rozhdenija A.P. Okladnikova i 50-letiju Dal'nevostochnoj arheologicheskoj ekspedicii RAN*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, pp. 164–171 (in Russ).

Ob'ekty kul'turnogo nasledija (pamjatniki istorii i kul'tury) Khabarovskogo kraja: al'bom. A.V. Dyminskaja, L.B. Shokurova, M.K. Jankevich, A.R. Laskin (eds.). Khabarovsk: Ministerstvo kul'tury Khabarovskogo kraja, 2013, 248 p. (in Russ).

Okladnikov A.P. Petroglify nizhnego Amura. Leningrad: Nauka, 1971, 336 p. (in Russ).

Okladnikov A.P., Derevianko A.P. Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973, 440 p. (in Russ).

Shevkomud I.Ya. Otchet o polevyh arheologicheskih issledovanijah v Ul'chskom, Khabarovskom i Vjazemskom rajonah Khabarovskogo kraja. Manuscript. Khabarovsk, 2006. *Arhiv Khabarovskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeja* (in Russ).

УДК 902/903.02

В.Е. Медведев[1], Ю.Б. Цетлин[2], Е.В. Волкова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии РАН
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Предварительные результаты технико-технологического изучения керамики новопетровской и громатухинской культур Приамурья*

В статье приведены результаты всестороннего изучения небольших керамических коллекций из памятников Новопетровка-2 и Громатуха. Изучение керамики включало анализ размеров сосудов, естественной структуры форм, сферы использования посуды, исходного пластичного сырья, состава формовочной массы, приемов изготовления сосудов, механической и термической обработки изделий и их декорирования. Установлено, что гончарные традиции обитателей Новопетровского и Громатухинского поселений были во многом сходными (доминирование традиции использования «горного» ила, широкое использование форм-основ и последующего выбивания, близкие режимы термической обработки сосудов). Тем не менее имеющиеся различия определенно указывают на более развитый характер новопетровского гончарства. Это проявляется во введении в формовочную массу различных органических растворов, расположении лоскутов широкими лентами по кольцевой траектории, развитым налепным орнаментом сосудов при отсутствии случаев технологического декора. На этой основе высказано мнение о большей близости громатухинских гончарных традиций к осиповским. В то же время у новопетровских гончаров еще не фиксируется переход от глиноподобного к глинистому пластичному сырью и широкое применение минеральных примесей при составлении формовочной массы, что характерно для носителей более поздней мариинский культуры.

Ключевые слова: *нижний и средний Амур, керамика, неолит, громатухинская и новопетровская культуры, гончарные традиции.*

V.E. Medvedev[1], Yu.B. Tsetlin[2], E.V. Volkova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology RAS
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Preliminary Results of Technical and Technological Pottery Investigation of Novopetrovka and Gromatuha Cultures from Amur Basin

The paper is dedicated to the results of all-round investigation of two small ceramic collections from Novopetrovka-2 and Gromatuha sites. Ceramic study includes vessels size, natural structure of shapes, plastic raw materials, pottery pastes, modes of vessels' construction, mechanical and thermal treatment of vessels, and pottery decoration. Pottery traditions of Novopetrovka-2 and Gromatuha population were close by the using of mountain silt as a plastic raw material, convex-form molds, beating of vessels with paddle, and firing regimes. But some differences show more developed level of Novopetrovka-2 pottery traditions included the using of various organic solutions in pottery paste, grouping the clay patches in wide circle band, developed added sculptural decoration with absolute absence of technological decoration. These facts drew to the conclusion that Gromatuha pottery traditions were closer to Osipovka ones. At the same time Novopetrovka potters did not turn yet to the use of natural clays and mineral temper as Mariinskaya culture potters.

Keywords: *Low and Middle Amur-river, ceramics, Neolithic Age, Gromatuha and Novopetrovka cultures, pottery traditions.*

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-06-00246А.

К западу от ареала осиповской культуры начального неолита, занимавшей бассейн нижнего Амура, распространялись памятники новопетровской (бассейн среднего Амура) [Деревянко, 1970] и громатухинской (бассейн верхнего и среднего Амура) археологических культур. Судя по результатам радиоуглеродного датирования, все эти культуры какое-то время сосуществовали друг с другом и именно с их носителями связано появление первой глиняной посуды на территории российского Дальнего Востока. В настоящее время осиповская культура датируется XIII–X тыс. до н.э. [Цетлин, Медведев, 2015, с. 298], громатухинская культура – серединой XIII – первой половиной VI тыс. до н.э., а новопетровская культура – первой половиной X – концом VI тыс. до н.э. [Медведев, Филатова, 2014, с. 111]. А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко высказывалось мнение о том, что формирование громатухинской культуры можно объяснить продвижением на запад носителей осиповской культуры [Окладников, Деревянко, 1977, с. 166].

Предварительные результаты всестороннего изучения небольших коллекций керамики из раскопок 1960-х гг. поселений Новопетровка-2 (обломки от 17 сосудов) и Громатуха (фрагменты от 12 сосудов), хранящихся в фондах ИАЭТ СО РАН*, представлены ниже. Предварительный характер приводимых данных объясняется ограниченным количеством изученного материала. Анализ керамики проводился в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [1999].

Поселение Новопетровка-2. Коллекция керамики включает 11 стенок, пять венчиков и один обломок плоского днища сосудов. По толщине стенок керамика делится на две группы: тонкую – 6–7 мм (12 сосудов) и средней толщины – 8–10 мм (6 сосудов). В шести случаях удалось определить примерный диаметр сосудов (12 см – один сосуд, 17 см – один, 21 см – 2, 25 см – 2 сосуда) и два вида естественной структуры форм: губа + предплечье + тулово + основание тулова и губа + щека + предплечье + тулово + основание тулова (не выделено). Четырнадцать сосудов использовались для приготовления горячей пищи и два – для хранения продуктов.

Для изготовления посуды гончары использовали преимущественно «горный» ил – 11 сосудов, очень грубый суглинок – 4 сосуда и по одному сосуду были сделаны из равнинного ила и илистой глины. В формовочную массу добавлялся только органический раствор двух видов: один оставляет в изломе бесцветные глянцевые пленки (11 сосудов), второй – черные глянцевые пленки, сохраняющиеся после вторичного нагрева образцов до 850 °С (5 сосудов), в одном случае была введена органическая примесь неясного происхождения.

Конструирование всех сосудов осуществлялось на форме-основе двумя видами лоскутного налепа: наиболее примитивным – размазыванием формовочной массы по форме-основе (12 сосудов) и более организованным – расположением лоскутов по кольцу в виде широкой (около 5–6 см) ленты (4 сосуда). Внешняя поверхность сосудов выбивалась гладкой колотушкой прямо на форме-основе. В качестве прокладки, препятствующей прилипанию формовочной массы к форме-основе, использовалась кожа (7 случаев), либо поверхность основы посыпалась очень мелким остроугольным песком (3 случая). Обработка внешней поверхности сосудов часто осуществлялась еще на этапе конструирования емкости путем выбивания колотушкой – 9 случаев, в пяти случаях отмечено заглаживание ее каменной галькой и в одном случае – каким-то мягким материалом.

Термическая обработка изделий производилась в основном путем их длительного обжига в восстановительной среде (11 сосудов); реже применялся неполный окислительный обжиг с быстрым или медленным остыванием изделий (4 сосуда); в двух случаях длительный восстановительный обжиг завершался короткой выдержкой изделий в окислительной среде. Помимо этого, в пяти случаях отмечено обваривание горячих сосудов в особом органическом растворе.

Изученная керамика характеризуется единством орнамента. На 11 сосудах отмечено создание налепных валиков длиной около 6 см и шириной 4 мм, на которые примерно через каждые 6–7 мм наносились поперечные или наклонные насечки (рис. 1).

Подводя итоги, следует отметить достаточно высокую близость гончарных традиций новопетровских гончаров и потребителей посуды. Это прежде всего выражается в декоре сосудов. Некоторые особенности, указывающие на внутреннюю культурную неоднородность населения, проявляются в различных навыках отбора исходного пластичного сырья, введении в формовочную массу разных органических растворов, применении двух видов лоскутного налепа, разных «прокладок», отдельных различиях в приемах термической и послеобжиговой обработки сосудов. Несмотря на отмеченную неоднородность, можно с уверенностью говорить о принадлежности этого населения к одной культурной группе.

*Авторы выражают благодарность академику А.П. Деревянко за возможность работать с коллекциями.

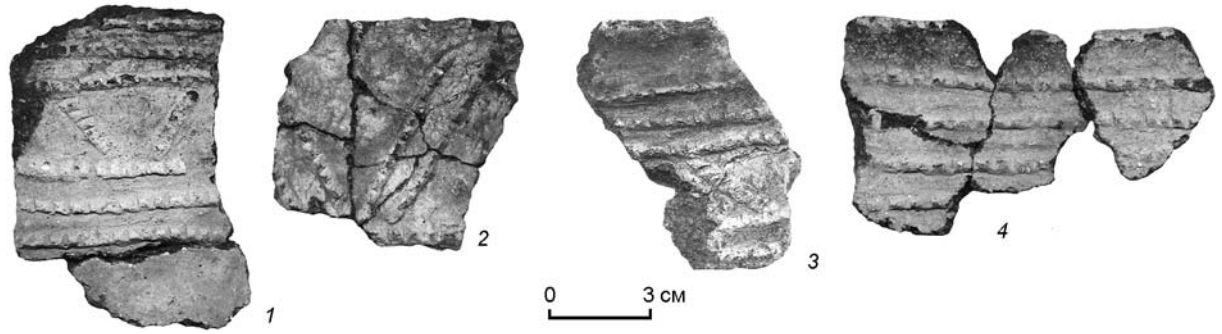


Рис. 1. Керамика поселения Новопетровка-2.
1–3 – жилище 6; *4* – жилище 8.

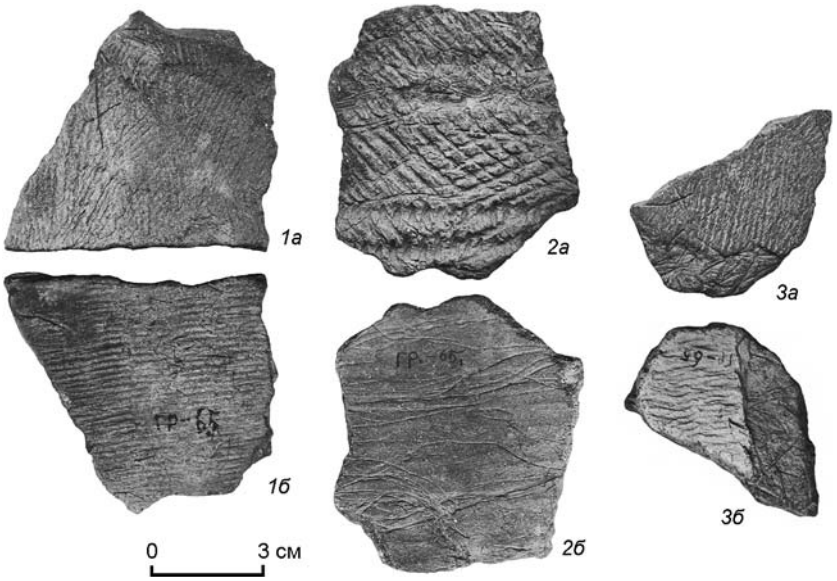


Рис. 2. Керамика поселения Громатуха.
1–3а – внешняя поверхность сосудов; *1–3б* – внутренняя поверхность сосудов.

Поселение Громатуха. Изученные материалы этой стоянки ограничиваются 12 обломками стенок разных сосудов, один обломок включает небольшую часть плоского дна. По толщине стенки можно разделить на ряд групп: очень тонкие – до 5 мм (1 экз.), тонкие – 6–7 мм (3 экз.), средние – 8–10 мм (7 экз.) и толстые – более 1 см (1 экз.). В двух случаях удалось выяснить примерный диаметр сосудов: 28 и 35 см. Естественную структуру форм установить не удалось. Сосуды использовались в шести случаях для приготовления пищи и в пяти – для ее хранения.

В качестве исходного пластичного сырья гончары применяли равнинный ил (3 сосуда), илистую глину (1 сосуд) и «горный» ил (8 сосудов). Формовочная масса девяти сосудов не имела никаких искусственных добавок, а у трех сосудов в исходное пластичное сырье («горный» ил) была введена немного подсушенная растительная органика в очень большой концентрации (около 1:1–2).

Конструирование сосудов во всех случаях производилось наиболее примитивным видом лоскутного налепа – тонким размазыванием порций формовочной массы по форме-основе с последующим выбиванием или прокатыванием гладкой лопаточкой. Зафиксировано, что в трех или четырех случаях форма-основа была плетеной и покрывалась прокладкой из кожи. Два сосуда были изготовлены в форме-емкости и выдавлены пальцами.

Внешняя поверхность у трех сосудов заглажена твердым ребристым орудием, возможно раковиной, и у шести сосудов – прокатана цилиндрическим веревочным штампом (3 случая) и плоской лопаткой, обмотанной веревкой (также 3 случая). На внутренней поверхности зафиксированы следы кожаной прокладки, заглаживания пальцами, прокатывания цилиндрическим веревочным штампом, отпечатки узелков от плетеной формы-основы.

Термическая обработка сосудов производилась путем длительного низкотемпературного обжига в восстановительной среде (9 сосудов) и неполного обжига в окислительной среде с медленным остыванием (3 сосуда).

Восемь сосудов имели на своей внешней поверхности только технологический декор, выпол-

ненный рельефным прокатыванием или заглаживанием, три сосуда были покрыты разнообразными гребенчатыми, гладкими или веревочными отпечатками (рис. 2) и, кроме того, на внешней поверхности двух сосудов отмечены следы красной охры.

При значительной общей близости, зафиксированные гончарные традиции обитателей поселения характеризуются некоторым разнообразием. Оно проявляется в навыках отбора пластичного сырья, составе формовочной массы, использовании для изготовления сосудов разных форм-моделей, деталях обработки поверхности сосудов, режимах обжига. Все это свидетельствует об известной культурной неоднородности носителей этих традиций. Хочется обратить внимание на случаи добавления подсушенной растительной примеси в формовочную массу трех громатухинских сосудов, изготовленных из «горного» ила. Само по себе это явление крайне любопытное, поскольку может отражать факт приспособления (адаптации) гончаров, делавших прежде сосуды из равнинного ила, в котором такая растительная примесь присутствует в естественном состоянии, к новому исходному пластичному сырью.

Предварительные выводы. Во-первых, гончарные традиции обитателей поселений Новопетровка-2 и Громатуха были во многом сходными (доминирование традиции использования «горного» ила, широкое использование форм-основ и последующего выбивания, близкие режимы термической обработки сосудов). Во-вторых, имеющиеся различия определенно указывают на более развитый характер новопетровского гончарства. Это проявляется во введении в формовочную массу различных органических растворов, расположении лоскутов широкими лентами по кольцевой траектории, развитом налепном орнаменте сосудов при отсутствии случаев технологического декора. В то же время у новопетровских гончаров еще не фиксируется переход от глиноподобного к глинистому сырью и широкое применение минеральных примесей при составлении формовочной массы, что характерно для носителей мариинский культуры. В-третьих, все эти обстоятельства позволяют высказать мнение о большей близости громатухинских гончарных традиций к осиповским.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. − Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. − С. 5–109.

Деревянко А.П. Новопетровская культура среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. − 168 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. л.н.) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум 29–31 окт. 2013 г. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 298–312.

References

Bobrinsky A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Ped. Univ., 1999, pp. 5−109 (in Russ.)

Derevianko A.P. Novopetrovskaya kul'tura srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1970, 204 p. (in Russ.).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Keramika epohi neolita Nizhnego Priamur'ja (ornamental'nyj aspect). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 168 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Derevianko A.P. Gromatukhinskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1977, 288 p. (in Russ.).

Tsetlin Yu.B., Medvedev V.E. Goncharstvo osipovskoj kul'tury Priamur'ja (11–13 tys. l.n). In *Sovremennye podhodi k izucheniju drevnej keramiki v arheologii. Mezhdunarodnyj simpozium 29–31 okt. 2013*. Moscow: IA RAS, 2015, pp. 298–312 (in Russ.).

УДК 902/903.02

В.Е. Медведев[1], Ю.Б. Цетлин[2], Е.В. Волкова[2], О.А. Лопатина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии РАН
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

О протогончарстве на Дальнем Востоке России (Приамурье)*

Статья содержит сводку данных сравнительного изучения гончарных традиций у носителей осиповской, мариинской и раннего этапа малышевской археологических культур российского Дальнего Востока (Приамурья). Изучение керамики проведено по полной программе, включая технологию, формы, орнамент и сферу использования сосудов, хотя и с разной степенью детальности. Установлено, что этнокультурный состав носителей всех трех культур был неоднороден; обоснована высокая культурная близость носителей мариинской и малышевской культур и меньшее их сходство с носителями древнейшей осиповской культуры. В соответствии с закономерностями общей эволюции гончарного производства, традиции осиповской культуры относятся к 1-й – 3-й стадиям, а традиции мариинской и малышевской культур – к 4-й и 5-й стадиям протогончарного производства.

Ключевые слова: *Приамурье, керамика, неолит, осиповская, мариинская малышевская культуры, гончарные традиции.*

V.E. Medvedev[1], Yu.B. Tsetlin[2], E.V. Volkova[2], O.A. Lopatina[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology RAS
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

On Proto-Pottery Production in the Russian Far East (Amur Region)

The paper summarizes the data on ancient pottery traditions comparative study of the Osipovo, Mariinsk, and Malyshevo archaeological cultures owners from the Neolithic Age located at the Low Amur region. Ceramic investigation included pottery technology, shapes, decoration, and use of vessels but with various details. In the result of the study it became clear that the population of each three cultures was heterogeneous. But the population of Mariinsk, and Malyshevo cultures were much more close than these cultures and Osipovo inhabitants. By the general mechanism of pottery production evolution the pottery traditions of Osipovo culture belong to first–third stages, and the tradition of Mariinsk, and Malyshevo cultures are typical to 4–5th stages of the proto-pottery production.

Keywords: *Low Amur region, pottery, Neolithic age, Osipovo, Mariinsk, Malyshevo cultures, pottery traditions.*

Российский Дальний Восток является одним из регионов Восточной Азии, где еще в эпоху позднего плейстоцена впервые на Земном шаре зародилось гончарное производство, традиции которого продолжали непрерывно развиваться на протяжении всего неолита и в последующее время [Derevianko, Medvedev, 2006; Медведев, 2005; Шевкомуд, Яншина, 2012].

Ниже изложены результаты специального изучения 111 сосудов древнейшей осиповской культуры начального неолита, которая относится к XIII–IX тыс. до н.э. (Гася – 31 экз., Госян – 17 экз., Осиповка-1 – 63 экз.), 83 сосудов мариинской культуры раннего неолита (VIII–VII тыс. до н.э.; Сучу – 75 экз., Петропавловка-Остров – 8 экз.) и 43 сосудов малышевской культуры начала среднего неолита (2-я половина VII – рубеж IV–III тыс. до н.э.; Малышево-1 – 33 экз., Амурский Санаторий – 5 экз., Шереметьево – 5 экз.). Всего всестороннему анализу с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики подверглись обломки от 237 сосудов.

Историко-культурный подход сформировался в 1970-е гг. благодаря исследованиям А.А. Бобринского [1978, 1999] и его школы. Суть его состоит

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-06-00246А.

в том, что трудовая деятельность гончара всегда имеет системно-организованный характер, который отражается в конкретных культурных традициях в области изготовления, распространения и использования глиняной посуды [Цетлин, 2012, с. 37–48]. В условиях доремесленного гончарного производства различия в культурных традициях гончаров отражают культурные особенности состава местного населения в целом.

Изучение керамики велось по четырем направлениям: определение форм сосудов, техники и технологии, типа орнамента и сферы их использования в быту.

Размеры сосудов. Для осиповской культуры имеются данные только по одному сосуду, диаметр которого равен примерно 22 см. Диаметр венчика 60 % сосудов мариинской культуры – от 11 до 20 см, более крупные изделия составляют около 30 %. Для малышевской культуры, напротив, характерны достаточно крупные сосуды с диаметром венчика больше 20 см.

Естественная структура форм. Для носителей всех трех культур наиболее характерны высокие сосуды с 4-частной естественной структурой «губа + предплечье + тулово + основание тулова». Сосуды мариинской и малышевской культур более разнообразны: имеются 3-частные сосуды со структурами «губа + тулово + основание тулова» и «губа + щека + предплечье + тулово + основание тулова», но соотношение сосудов этих структур различно. Важно подчеркнуть, что на более поздней керамике появляется такой конструктивный элемент, как «щека» – приспособление для слива содержимого.

Использование сосудов. Посуда всех трех культур использовалась и для приготовления горячей пищи, и хранения продуктов. Однако с течением времени доля сосудов, применявшихся для хранения продуктов, возрастала, а для приготовления пищи на огне – напротив, уменьшалась. Примечательно, что малышевское население для каждой сферы быта преимущественно использовало сосуды с разной естественной структурой, т.е. можно говорить о начале специализации посуды.

Исходное пластичное сырье. Для изготовления сосудов гончары осиповской культуры в основном использовали равнинный ил (46 %), реже «горный» ил (25 %), и еще реже – смесь этих илов (18 %), что говорит о контакте между двумя группами населения – носителями данной культуры. Гончары двух других культур применяли в качестве сырья уже не илы, а настоящие природные глины, что сильно отличает их от более раннего населения. Причем для носителей мариинской культуры были характерны преимущественно глины со слабой ожелезненностью и высокой пластичностью, а для гончаров малышевской культуры – глины со средней ожелезненностью и пластичностью. Все это указывает на определенные культурные особенности этих групп населения.

Формовочная масса. Здесь различия между носителями древнейшей осиповской культуры и более поздних культур еще более заметны. Осиповские гончары использовали в готовом виде природное илистое сырье и добавляли в него только специальные органические растворы (в 60 % случаев). Гончары мариинской и малышевской культур вводили в формовочную массу не только органический раствор, но и минеральные примеси, причем различные. Так, для мариинской гончарной традиции было характерно использование шамота (дробленой керамики) в различной концентрации, а для малышевской – использование дресвы (т.е. пережженного дробленого камня).

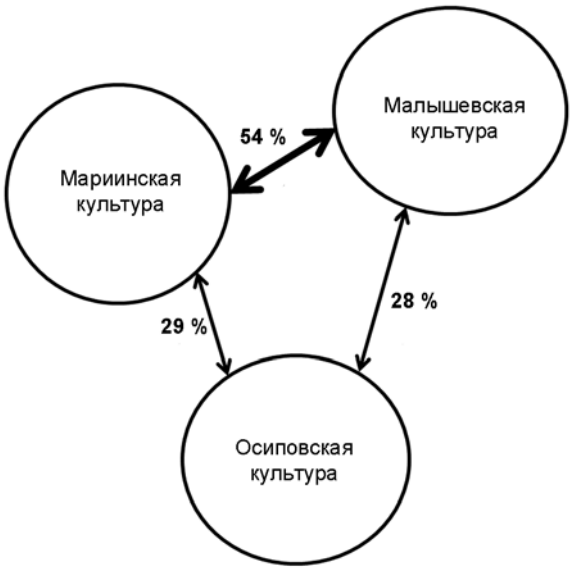
Следует подчеркнуть, что часть носителей наиболее поздней малышевской культуры начали применять сложный смешанный рецепт – введение в формовочную массу и дресвы, и шамота (12 % случаев), которые дублируют друг друга по функциональному назначению – повышают огнестойкость посуды. Это может свидетельствовать о начале процесса смешения носителей мариинской и малышевской культур.

Конструирование сосудов. Отметим, что из-за сильной фрагментированности керамики это лишь выборочные данные.

Установлено, что гончары всех трех культур делали сосуды лоскутным налепом, либо на формах-основах с последующим выбиванием колотушкой, либо в формах-емкостях. Причем осиповские и малышевские гончары использовали как формы-основы, так и формы-емкости с преобладанием первых, а мариинские гончары – только формы-основы. Применение гончарами осиповской и малышевской культур форм-основ и форм-емкостей говорит о сложном и, возможно, отчасти родственном составе носителей этих культур.

Обработка поверхности сосудов. Поверхность осиповских сосудов подвергалась бороздчатому заглаживанию травой (37 %) или специальным гребенчатым штампом (55 %), реже – прокатыванию рельефным штампом (8 %). Большинство мариинских сосудов заглаживались каменной галькой (69 %) и реже – мягкой кожей (31 %). Малышевские сосуды также в основном заглаживались кожей (66 %), но здесь уже появляется лощение внешней поверхности (около 25 %), хотя, возможно, бытового характера.

Разные традиции обработки поверхности, придающие сосудам различный внешний облик, также указывают на культурные особенности этих групп населения.



Связи культур по гончарным традициям.

Термическая обработка сосудов. Гончары всех трех культур применяли два различных режима обжига сосудов и один вид послеобжиговой обработки. Так, осиповские и малышевские гончары большинство сосудов подвергали длительному низкотемпературному обжигу в восстановительной среде (не более 500 ºС), а затем небольшая часть изделий (22–24 %) выдерживалась короткое время в окислительной среде при высокой температуре (около 750 ºС). Мариинские гончары для всех сосудов использовали оба режима обжига. Небольшая часть сосудов после обжига подвергалась обвариванию в специальном органическом растворе с целью придания им темного цвета. Причем доля таких

Общая периодизация истории гончарства

Вид производства	Стадия производства	Формовочная масса		Способ придания сосудам прочности и влагонепроницаемости
		Состав	Концентрация	
Сложные неогончарные производства	Третья	Смесь нескольких неожелезненных глин + специальные минеральные и/или органические добавки	50 ± 25 % 50 ± 25 %	Двукратный обжиг при температуре 900–1400 °С
Простые неогончарные производства	Вторая	Одна глина или смесь нескольких глин	100 %	Полный обжиг с медленным подъемом температуры (> 650°С) и медленным остыванием
	Первая			Неполный обжиг с медленным подъемом температуры (> 650°С) и медленным остыванием
Археогончарные производства	Третья	Глина + органические и/или минеральные добавки	60–90 % 10–40 %	Полный обжиг с медленным подъемом температуры (> 650°С) и медленным остыванием
	Вторая			Неполный обжиг с медленным подъемом температуры (> 650°С) и быстрым остыванием
	Первая			Неполный обжиг с медленным подъемом температуры (< 650 °С) и быстрым остыванием
Протогончарные производства	Пятая	Глина + органические и/или минеральные добавки	40–60 % 40–60 %	Неполный обжиг с быстрым подъемом температуры (470–650 °С)
	Четвертая	Глина + органические и/или минеральные добавки	10–50 % 50–90 %	
	Третья	Ил + органика	60–90 % 10–40 %	
	Вторая	Ил + органика	90 % 10 %	Длительный обжиг (< 450–470 °С) Короткий обрядовый обжиг (< 650 °С) Введение органических растворов
	Первая	Илистое пластичное сырье	100 %	
Догончарные производства	Третья	Ил + органика	60–90 % 10–40 %	Короткий обрядовый обжиг (< 650 °С)
	Вторая	Ил + органика	90 % 10 %	Введение органических растворов
	Первая	Ил или органические материалы	100 %	Без искусственных добавок

сосудов возрастает от осиповской к малышевской культуре. И короткая выдержка сосудов в окислительной среде при высокой температуре, и обваривание сосудов, судя по данным этнографии, имели магический характер, связанный с ритуальным очищением изделий перед их использованием в быту.

Декорирование сосудов. Основная масса осиповских сосудов имели технологически декорированную поверхность, и меньше чем на половину сосудов наносился гребенчатый (28 %) или ямчатый (17 %) орнамент. Почти все сосуды мариинской культуры покрыты разнообразным, главным образом гребенчатым, орнаментом (94 %). На сосудах малышевской культуры он также преобладает (55 %), значительно реже встречаются отпечатки гладкого штампа (16 %), ямчатый и фигурный орнаменты (по 10 %) и другие.

Проведенное исследование позволяет прийти к некоторым общим выводам.

1. Судя по разнообразию гончарных традиций, общность носителей осиповской культуры сложилась на основе двух различных культурных групп, бытовавших на Дальнем Востоке в конце плейстоцена.

2. Носители мариинской культуры также были в культурном отношении неоднородны. С одной стороны, их гончарные традиции близки к осиповским, а с другой – заметно более развиты, что обусловлено влиянием каких-то других групп населения.

3. Неоднородны были и носители малышевской культуры. В их состав входили создатели мариинской культуры, с которыми они смешивались на раннем этапе, и представители какой-то другой группы местного населения.

4. Использование лоскутного налепа у носителей всех трех культур не было связано с их этнокультурным родством, а отражало общую закономерность формирования традиций конструирования сосудов у древнего населения Дальнего Востока.

5. Общий ход эволюционного развития гончарных традиций характеризуется не только переходом гончаров от илов к глинам, но и переходом от технологически декорированного к собственно декорированному состоянию поверхности сосудов и постепенным ростом разнообразия орнамента на посуде.

6. Сравнительный анализ гончарных традиций всех трех культур показал близкое сходство этих традиций у носителей мариинской и малышевской культур и значительно меньшее, но примерно одинаковое сходство их традиций с традициями осиповской культуры (см. *рисунок*).

Опираясь на выявленные А.А. Бобринским закономерности общей эволюции гончарного производства, гончарство осиповской культуры относится к 1-й – 3-й стадиям, а мариинской и малышевской культур – к 4-, 5-й стадиям протогончарного производства, которое характеризуется переходом от илистого сырья к природным глинам, от готовых природных составов к искусственно созданным формовочным массам и от длительного низкотемпературного обжига в восстановительной среде к неполному высокотемпературному окислительному обжигу (см. *таблицу*).

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 5–109.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия. Гипотезы. Проблемы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234–267.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 270 с.

Derevianko A.P., Medvedev V.E. Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin) // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory. – Oxford: Archaeopress, 2006. – P. 123–150. – (BAR Internat. Ser; N 1540).

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 pp. (in Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: State Ped. Univ., 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Derevianko A.P., Medvedev V.E. Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin). In *Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory.* Oxford: Archaeopress, 2006, p. 123–150 (BAR Internat. Ser.; No. 1540).

Medvedev V.E. Neoliticheskie kul'tury Nizhnego Priamur'ya. In *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e. Otkrytiya. Gipotezy. Problemy*. Vladivostok: Dal'nauka, 2005, pp. 234–267 (in Russ.).

Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. Nachalo neolita v Priamur'e: poselenie Goncharka-1. St. Petersburg: MAE RAS, 2012, 270 p. (in Russ.).

Tsetlin Y.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podkhoda. Moscow: IA RAN, 2012, 270 p. (in Russ.).

УДК 903.2

В.И. Молодин, М.С. Нестерова, Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: msnesterova@gmail.com

Керамические комплексы эпохи неолита из памятника Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)

В статье представлены предварительные результаты статистического, планиграфического и технологического анализа керамики эпохи неолита из многослойного памятника Венгерово-2. По составу формовочных масс и особенностям орнамента выделено три группы керамики. Первая группа имеет морфологическое и орнаментальное сходство с керамикой бобрыкинской культуры. Вторая группа с отступающе-накольчато-прочерченной орнаментацией аналогична керамическим комплексам артынской культуры. К третьей относится керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией. Выделены «смешанные» черты в орнаментации и рецептуре керамического теста у второй и третьей групп. Появление «смешанных» комплексов свидетельствует о взаимодействии населения с различными гончарными традициями (отступающе-накольчато-прочерченной и гребенчато-ямочной).

Ключевые слова: *неолит, керамические комплексы, орнаментальные традиции, Барабинская лесостепь.*

V.I. Molodin, M.S. Nesterova, L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: msnesterova@gmail.com

Neolithic Ceramic Complexes from the Site Vengerovo-2 (Baraba Forest-Steppe)

The article represents preliminary results of statistic, planigraphic and technological analysis of the Neolithic ceramic from the multilayer site Vengerovo-2. Basing on the molding composition and the analysis of ornament there were distinguished three groups of pottery. The first group has morphological and ornamental resemblance to the ceramic of Boborykino culture. The second group has retreating-pricked-gouged pottery which is similar to the ceramic of Artyn culture. And the third group has the ceramic with the comb-pit ornament. There were picked out "mixed" traits in ornament and formulation of the ceramic paste of the second and the third groups. The appearance of the ceramic complexes with "mixed" characteristics testifies the interaction of the population with different pottery traditions (retreating-pricked-gouged and comb-pit).

Keywords: *the Neolithic, ceramic complexes, ornamental traditions, Baraba forest-steppe.*

На сегодняшний день в лесостепной Барабе известно около двух десятков неолитических памятников, представленных стоянками, поселениями с остатками жилых и хозяйственных конструкций и могильниками (полную сводку см.: [Бобров, Марочкин, 2012, табл. 1]). Степень их изученности неравномерна, что затрудняет решение многих вопросов хроностратиграфии и культурогенеза в эпоху неолита на данной территории. В этом отношении особенно интересны памятники, где встречаются разные группы керамики, ассоциируемые с неолитическими культурами Барабинской лесостепи.

Многослойный комплекс Венгерово-2 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. На сегодняшний день здесь изучены материалы эпохи неолита, развитой бронзы, переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, Средневековья и этнографического времени.

К неолитическому периоду функционирования относятся два погребально-ритуальных комплекса и грунтовая могила [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Они локализованы в центральной части памятника, на краю террасы и получили наименование Венгерово-2А. Тем не менее значительное количество керамики эпохи неолита рассредоточе-

но по всей исследованной площади (более 1800 м^2) и не связано напрямую с функционированием упомянутого могильника. Планиграфическому и статистическому анализу этих материалов посвящена данная статья. Отметим, что фрагменты керамики из погребальных комплексов Венгерово-2А (рвов, ям и погребений) в этой выборке не учитывались.

Всего в керамической коллекции памятника Венгерово-2 насчитывается около 180 фрагментов, орнаментация, морфология и особенности технологии изготовления которых позволяют относить их к периоду неолита.

Среди них обнаружено 18 фрагментов венчиков и 90 орнаментированных фрагментов тулова, которые условно можно разделить на три группы (рис. 1, *1–14*). Небольшие размеры и низкая степень сохранности остальных предметов коллекции не позволяют однозначно отнести их к какой-либо группе. Тем не менее характерный состав теста со значительным присутствием органики не оставляет сомнения в их принадлежности к этим комплексам. Планиграфический анализ показывает, что керамика неолитического времени встречается на всей исследованной площади, вытянутой на 220 м вдоль террасы, что свидетельствует о ее активном использовании населением в этот хронологический период (рис. 2, *I*).

К 1-й группе относятся фрагменты четырех толстостенных сосудов (см. рис. 1, *1*, *2*). Зафиксирован один рецепт формовочной массы: глина + шамот + органический раствор. На некоторых фрагментах фиксируются следы формовки лоскутным налепом. Аналогичная посуда изучена на соседнем памятнике Автодром-2/2 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012], а также в неолитическом комплексе памятника Тартас-1 [Молодин и др., 2016]. Ее однозначная культурная атрибуция на сегодняшний день еще остается под вопросом, однако отмечается морфологическое и орнаментальное сходство с керамикой боборыкинской культуры [Ковалева, Зырянова, 2010].

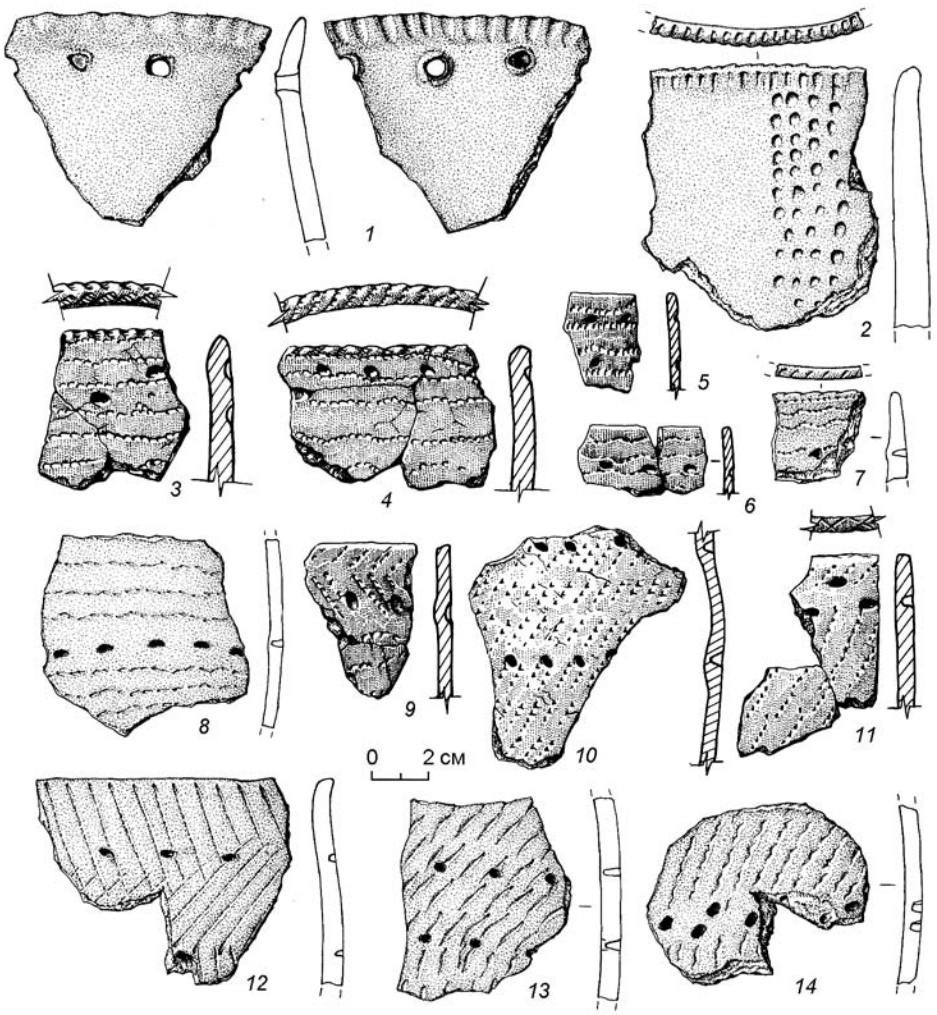


Рис. 1. Фрагменты керамики эпохи неолита из памятника Венгерово-2.
1, 2 – фрагменты керамики 1-й группы; *3–9* – фрагменты керамики 2-й группы; *10–14* – фрагменты керамики 3-й группы.

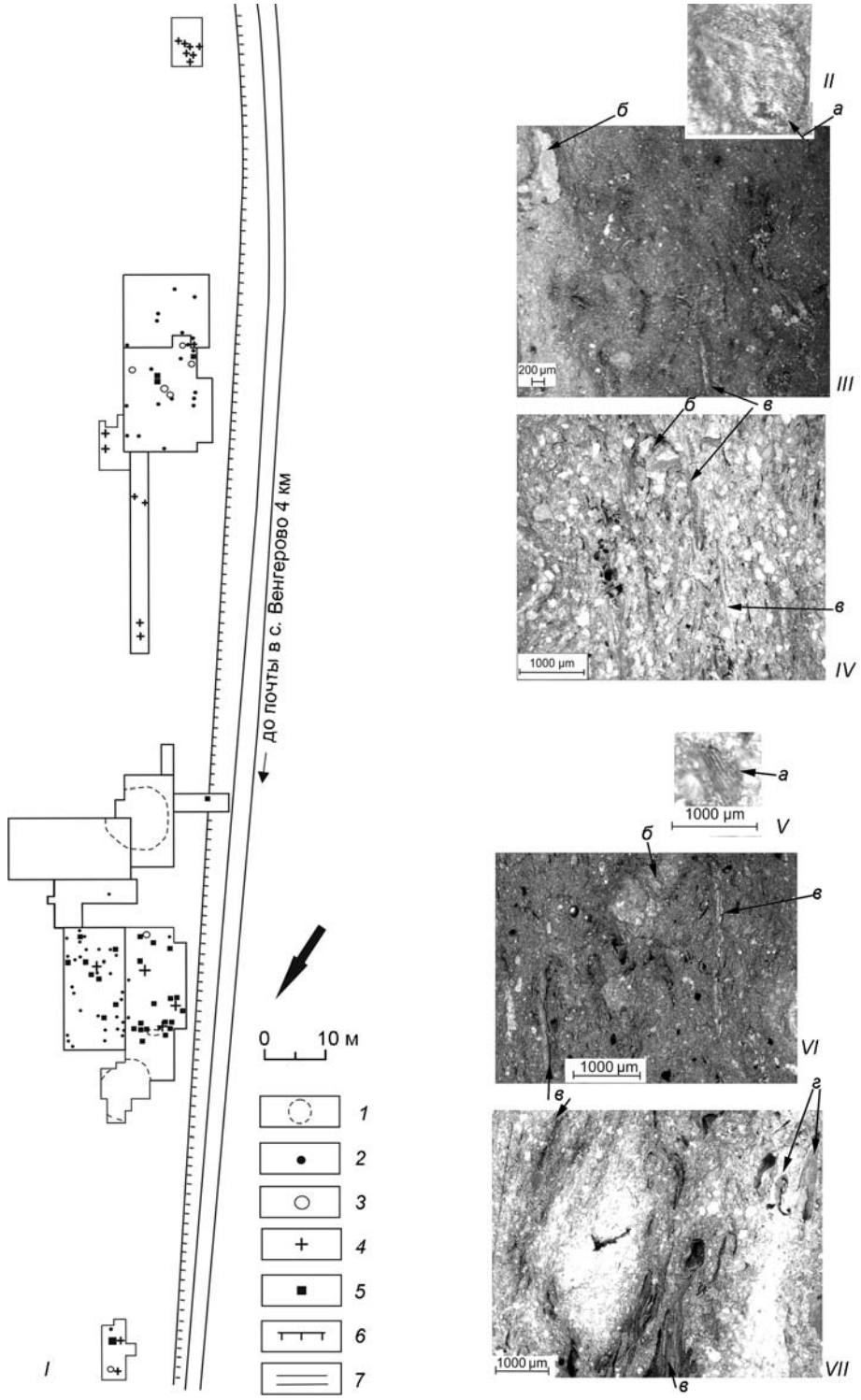


Рис. 2. План исследованных участков памятника Венгерово-2 и микрофотографии изломов фрагментов керамики эпохи неолита.

I – план памятника Венгерово-2 с указанием местонахождений керамики эпохи неолита; *II–IV* – микрофотографии изломов фрагментов керамики 2-й группы (формовочная масса: глина + шамот + органика); *V* – микрофотография излома фрагмента керамики 3-й группы (участок со следами выгоревшей околоводной растительности); *VI* – микрофотография излома фрагмента керамики 3-й группы (формовочная масса: глина + шамот + органика); *VII* – микрофотография излома фрагмента керамики 3-й группы (формовочная масса: глина + песок + шамот + органика).

1 – условные границы погребально-ритуальных комплексов Венгерово-2А; *2* – мелкие фрагменты керамики; *3* – фрагменты керамики 1-й группы; *4* – фрагменты керамики 2-й группы; *5* – фрагменты керамики 3-й группы; *6* – край террасы; *7* – Старый Московский тракт. *а* – следы выгоревшей жаберной крышки рыбы; *б* – шамот; *в* – следы выгоревшей органики растительного происхождения; *г* – следы выгоревшей раковины.

Ко 2-й группе относятся фрагменты с отступающе-накольчато-прочерченной орнаментацией при значительной роли ямочного компонента (см. рис. 1, *3–8*) Сырьем для изготовления данной посуды служил глинистый материал, собранный у водоемов. В глине зафиксированы следы выгоревших жаберной крышки и костей рыбы, раковины (рис. 2, *II–IV*). Выявлены рецепты формовочных масс: глина + шамот + органика с сырьем разной степени запесоченности; глина + шамот + песок + органика. Концентрация шамота – от единичных зерен до 15 %. Органика, судя по следам, растительного происхождения, добавлена всегда в довольно большом количестве.

В орнаментальной композиции преобладают волнообразные и прямые линии в сочетании с рядами одиночных или сдвоенных ямочных вдавлений полулунной формы. Волнообразный срез венчика сформирован за счет округлых вдавлений (см. рис. 1, *7*). Прямые аналоги данной посуды представлены на памятнике Автодром-2/1, расположенном в пределах видимости от исследуемого нами объекта, и относятся к артынской культуре [Бобров, Марочкин, 2011; Юракова, 2013].

Третья группа представлена керамикой с гребенчато-ямочной орнаментацией (см. рис. 1, *10–14*). Как и для посуды предыдущей группы, сырье собиралось у водоемов. В нем фиксируются следы выгоревшей околоводной растительности (рис. 2, *V*). Выделены следующие рецепты формовочных масс: глина + шамот + органика; глина + шамот + песок + органика; глина + песок + органика; глина + органика (рис. 2, *VI, VII*). При достаточно высоком сходстве, в т.ч. в характере органического материала, в этой группе выявлены образцы, изготовленные без примеси шамота. Наличие «чистых» рецептов при преобладании смешанных позволяет говорить о синкретичности адаптационных признаков.

В орнаментации преобладают ряды косых оттисков гребенчатого штампа, однонаправленных или формирующих «елочку», в сочетании с рядами ямочных вдавлений. Срез венчика зачастую орнаментирован косыми насечками или оттисками штампа (см. рис. 1, *11*). В орнаментальной схеме некоторых фрагментов присутствуют нехарактерные элементы: оттиски гладкого штампа (см. рис. 1, *13, 14*), «имитация» гребенчатого штампа отступающе-накольчатой техникой (см. рис. 1, *12*). Вместе с тем и в керамике артынского облика есть «смешанные» черты: на срезах венчика и в верхней части тулова некоторых сосудов встречены косые оттиски гребенчатого штампа (см. рис. 1, *3, 4, 9*). Также эти комплексы сближает идентичный орнаментир для нанесения ямочных вдавлений полулунной формы и расположение ямок в структуре орнаментального поля.

С точки зрения планиграфического распределения стоит отметить совместный характер залегания керамики 2-й и 3-й групп в культурном слое (рис. 2, *I*). Выделяется только юго-восточный участок памятника, где в 2016 г. было обнаружено скопление «чистой» артынской керамики, состоящее минимум из двух сосудов. В центральной же части памятника, несмотря на разрушенный характер неолитического культурного слоя, часть которого уничтожена не только в результате функционирования кротовского поселка, но и при строительстве Московского тракта, керамика с отступающе-накольчато-прочерченной и гребенчато-ямочной традициями орнаментации встречается почти повсеместно, без локальных скоплений.

Необходимо принимать во внимание, что во рвах, сопутствующих погребально-ритуальным комплексам Венгерово-2А, также встречена керамика, принадлежащая к данным орнаментальным традициям. Причем и в данном контексте гребенчато-ямочная керамика отличалась составом формовочных масс: в отличие от остального комплекса зафиксирован рецепт, в котором отсутствовал шамот [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016].

Проблема появления «смешанных» комплексов в позднем неолите Барабинской лесостепи и Среднего Прииртышья уже неоднократно поднималась исследователями (подробный анализ см.: [Юракова, 2015]). На сегодняшний день существуют три точки зрения на данную проблему: 1) рассмотрение «смешанных» комплексов в качестве этапа дифференциации урало-западносибирской неолитической общности без культурного разделения; 2) «смешанные» комплексы как самостоятельный эволюционный переходный этап развития неолитической культуры; 3) появление «смешанных» комплексов как результат взаимодействия культурных традиций [Там же, с. 106].

На наш взгляд, третья концепция на сегодняшний день является наиболее аргументированной. Один из авторов статьи уже высказывал предположение, что появление в Барабе комплексов с гребенчато-ямочной орнаментацией связано с притоком населения с севера и северо-запада [Молодин, 1977, с. 33]. О многокомпонентном составе керамического комплекса эпохи позднего неолита говорит и анализ материалов могильника Венгерово-2А, где смешанные черты фиксируются не только в орнаментации, но и в рецептуре формовочных масс [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Вместе с тем следует учитывать и тот факт, что именно с комплексами с гребенчато-ямочной керамикой впервые появляются металлические изделия [Молодин, 1977].

Вероятно, именно взаимодействие носителей двух гончарных традиций – отступающе-наколчато-ямочной и гребенчато-ямочной – отражает сложный процесс перехода от неолита к раннему бронзовому веку на территории Барабинской лесостепи, формируя одну из двух линий развития, зафиксированных на сегодняшний день [Молодин, 2010]. Таким образом, неолитический керамический комплекс Венгерово-2 является ярким примером подобного взаимодействия, которое проявлялось не только в смешении орнаментальных мотивов, но, что еще более важно, – в технологических заимствованиях.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. – Вып. 4. – С. 63–73.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юркова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. –2012. – № 3 (18). – С. 4–12.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Учеб. кн., 2010. – 308 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 168 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 30–46.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII (в печати).

Юракова А.Ю. Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2013. – № 3 (55), т. 4. – С. 90–96.

Юракова А.Ю. К вопросу о «смешанных» керамических комплексах в неолите Среднего Прииртышья и Барабы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2015. – № 1/3 (61). – С. 104–109

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaja kul'tura. In *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda*. St. Peterburg.; Moscow; Veliky Novgorod: IHMC RAS, 2011, vol. 1, pp. 106–108 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Neolit Baraby. In *Materialy nauchnoi sessii Instituta ekologii cheloveka SB RAS 2012 goda*. Kemerovo: IHE SB RAS Publ., 2012, iss. 4, pp. 63–73 (in Russ.).

Bobrov V.V. Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 2012, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura. Ekaterinburg: Ucheb. kn., 2010, 308 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 168 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Sovremennye predstavleniya ob epokhe bronzy Ob'-Irtyshskoi lesostepi (k postanovke problemy). In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Novosibirsk: Novosib. State Ped. Univ. Press, 2010, p. 61–76. (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* 2016, iss. 44/2, pp. 30–46.

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova J.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L S., Vasiliev S.K. Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII (in press) (in Russ.).

Yurakova A.Yu. Ornamental'naya traditsiya artynskoi pozdneneoliticheskoi kul'tury. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2013, No. 3 (55), vol. 4, pp. 90–96 (in Russ.).

Yurakova A.Yu. K voprosu o "smeshannykh" keramicheskikh kompleksakh v neolite Srednego Priirtysh'ya i Baraby. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2015, No. 1/3 (61), pp. 104–109 (in Russ.).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1], С. Хансен[2], Д.А. Ненахов[1], С. Райнхольд[2], Ю.Н. Ненахова[1], М.С. Нестерова[1], И.А. Дураков[1], Л.Н. Мыльникова[1], Л.С. Кобелева[1], С.К. Васильев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1*

Публикуются результаты анализа материалов второго неолитического комплекса, открытого на территории могильника Тартас-1 в 2015 г. Комплекс включает котлован каркасно-столбовой конструкции и ямы, в т.ч. хозяйственного назначения. Зафиксировано три горизонта обитания человека. Обнаружено большое количество костей и зубов животных – лося, лошади, волка, собаки, лисы, а также кости птиц и рыбы. В пределах комплекса выявлены два керамических сосуда. Специфическими технологическими чертами изготовления посуды являются: техника упорядоченного лоскутного налепа, использование формовочного шнура в верхней части сосуда, валик-наплыв по периметру. Оба изделия орнаментированы разнонаправленными диагональными рядами вытянутых овальных вдавлений, формирующими взаимопроникающие зоны. Зафиксирован богатый каменный материал – шлифованный топор, проколки, ножевидные пластины, скребки и пр.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, могильник Тартас-1, эпоха неолита и бронзы, боборыкинская культура.*

V.I. Molodin[1], S. Hansen[2], D.A. Nenakhov[1], S. Reinhold[2], Yu.N. Nenakhova[1], M.S. Nesterova[1], I.A. Durakov[1], L.N. Mylnikova[1], L.S. Kobeleva[1], S.K. Vasiliev[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2] German Archaeological Institute
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

New Information about Neolithic Complexes on the Site Tartas-1

The article describes the results of the second Neolithic complex materials analysis from the territory of the site Tartas-1. This complex includes a ditch of pile-frame dwelling and pits, among the pits there are ones of household function. There were fixed three horizons of man's habitation. There was found a great amount of bones and teeth of animals, such as an elk, a horse, a wolf, a dog, a fox, and also bones of fish and birds. In the borders of the complex there were found two ceramic vessels. Specific technological traits of vessel's production were marked out: technic of well-ordered rags, using of forming cord in the upper part of the vessel, roller-burl on the perimeter. Both items are ornamented by multi-directional diagonal row of elongated oval impressions, which form interpenetrating zones. There is also diverse stone material – scrapers, cultrate plates, piercings, polished ax, etc. This complex is a part of the settlement, which was discovered in the 2015.

Keywords: *Western Siberia, Baraba forest-steppe, Tartas-1 burial ground, Neolithic, Bronze Age, Boborikino culture.*

В 2016 г. продолжены исследования северо-восточного склона террасы памятника Тартас-1. Изучена новая конструкция – котлован подпрямоугольной формы с входом в восточной части как часть поселенческого комплекса, выявленного и раскопанного в 2015 г. [Молодин и др., 2015, с. 328, рис. 1, *1*]. Конструкция № 7 находится в 3,5 м от жилища № 6. Это полуземлянка каркасно-столбового типа. Размеры котлована 7,23 × 5,31 м. Глубина камеры колеблется от 0,2 до 0,5 м. Стенки отвесные, южная и северная –

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

частично разрушены современной дорогой. Стратиграфия и наблюдения за заполнением котлована позволяют говорить о трех этапах обитания жилищ. Об этом также явно свидетельствуют и планиграфия пола конструкции: на каждом горизонте зафиксированы элементы перестройки в виде столбовых ям, изменения формы очага и находки лежащих горизонтально крупных костей животных.

Всего выявлены 24 столбовые ямы, округлые в плане, диаметром от 0,1 до 0,3 м, глубиной от 0,04 до 0,1 м. Отмечены две ямы хозяйственного назначения (№ 1169, 1225).

На уровне верхнего горизонта, в центральной части конструкции, ближе к выходу (восточная стенка) обнаружен очаг, который менял свои очертания и глубину в зависимости от горизонта обитания. В итоге очажная яма имела вытянутую подпрямоугольную форму с пологими стенками и неровным дном за счет перестроек. Ее размеры 2,25 × 1,75 м, глубина 0,2–0,3 м.

На каждом горизонте обитания находились скопления костей рыбы, чешуи и жаберных крышек; большое количество костей животных: лося, лошади, волка, собаки и лисы. Обнаружены и орудия из костей животных (проколки из костей птицы и грифельной кости лося, подработанный с обеих сторон клык медведя, изделие из роговой пластинки, подработанная лопатка лося) (рис. 1, *10–15*).

Особую значимость представляет выявленная в комплексе керамика. Найдены два археологически целых сосуда, а также несколько фрагментов венчиков и придонных частей (рис. 1, *1*). Это плоскодонные изделия закрытого типа с расформованным в плоскую площадку венчиком, вытянутым по вертикали туловом, резко сужающимся к придонной части; по периметру дна фиксируется своеобразный наплыв (валик). На одном сосуде венчик отогнут наружу – за счет чего намечена шейка. Обнаруженная посуда была изучена при помощи бинокулярной микроскопии и петрографического анализа (рис. 1, *4–9*). В качестве исходного сырья (глина) использованы слабозапесоченные ожелезненные суглинки монтмориллонит-гидрослюдистого состава. Для образцов целого сосуда выявлено использование смеси двух глин, куда также входили хлорит-гидрослюдистые среднезапесоченные суглинки (рис. 1, *1, 7, 8*). Отмечен один рецепт формовочных масс: глина + песок + шамот + органический раствор. Характер последнего определить довольно сложно, хотя в образцах присутствует налет беловато-серого цвета (свидетельство использования органического раствора), мелкие растительные остатки, мелкие округлой формы образования из фосфатного материала (рис. 1, *4, 5*). Минеральная добавка составляла 21–31 %, что объясняется применением довольно жирного исходного сырья. На долю шамота приходилось 3–7 %, в образце второго сосуда зерна шамота – единичны (рис. 1, *6*). Формовка сосудов осуществлялась на форме-основе с использованием емкостного начина. В качестве строительного элемента выступает упорядоченный трехслойный лоскут. Верхняя часть сосуда формовалась отдельно двумя лентами из двухслойного лоскута, на верхний край накладывался тонкий витой шнур, который далее покрыл лентой из лоскутов, загибаемых внутрь сосуда. Подчеркнем, что на изломе всех венчиков фиксируются каналы от выгоревшего обвязочного шнура (рис. 1, *9*). Дно в форме лепешки также делалось лоскутной техникой, вкладывалось в готовую форму и примазывалось к тулову лоскутами, результатом чего становился валик по периметру.

Таким образом, специфическими технологическими чертами изготовления сосудов памятника Тартас-1 можно считать технику упорядоченного лоскутного налепа, использование формовочного шнура на верхней части сосуда, валик-наплыв по периметру дна как результат формовки.

Орнамент представлен сложной сюжетной композицией, покрывающей всю поверхность сосуда, включая дно. Композиционное построение асимметрично. Прослежены разнонаправленные диагональные ряды прочерченных линий, формирующих взаимопроникающие зоны. Срез венчика и валик (наплыв) по периметру дна орнаментированы косыми овальными вдавлениями палочки. Часть площади сосуда оставалась неорнаментированной, но тщательно заглаженной. Дно сосуда украшено прочерченной сеткой.

Полученный керамический комплекс имеет полные аналоги с посудой, обнаруженной при раскопках данного поселения в 2015 г. [Молодин и др., 2015, рис. 2, *4–11*]. В Барабинской лесостепи и на прилегающих территориях похожая керамика обнаружена на памятнике Автодром-2/2. Она отнесена авторами к боборыкинской культуре [Бобров и др., 2012, с. 4–13].

Сравнивая морфологию и выявленную технологию изготовления изделий с описаниями, предлагаемыми для памятников боборыкинской культуры, можно говорить как о сходстве, так и о различии. Форма, зафиксированная на Тартасе-1, считается характерной для сосудов Зауралья и Тоболо-Ишимья, особенно подчеркивается наличие валика по периметру дна [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 172, рис. 115; с. 199, рис. 137; 2016, с. 11; Кокшаров, Зырянова, 2011, с. 193, рис. 6; с. 195; Зах, 2009]. Аналогичный рецепт формовочных масс отмечается для керамики некоторых памятников [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 231–233], хотя основными примесями называются

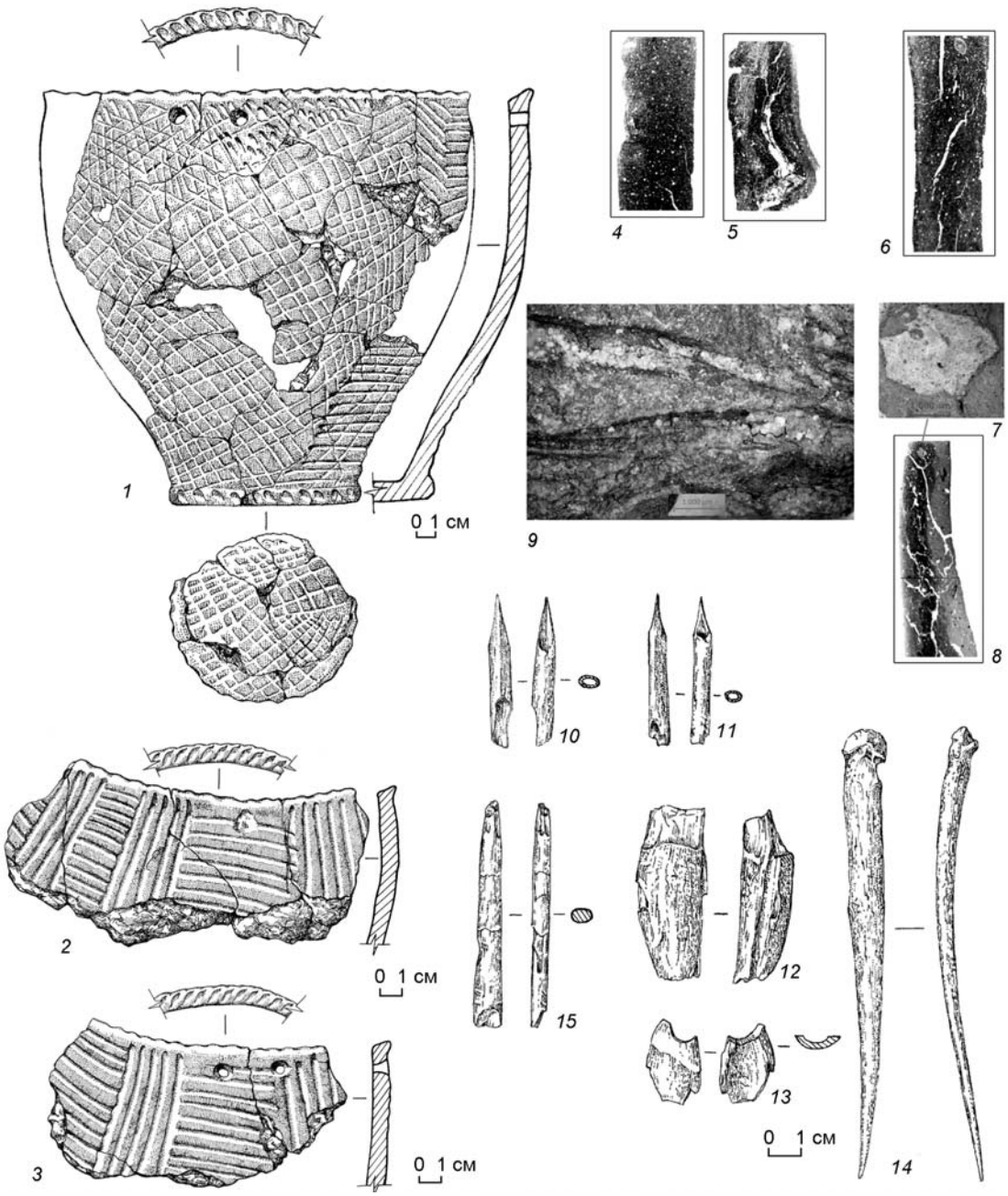


Рис. 1. Материал из неолитического комплекса памятника Тартас-1.
1 – керамический сосуд; *2*, *3* – фрагменты керамического сосуда; *4–6*, *8* – шлифы; *7*, *9* – микрофотография излома сосудов; *10*, *11*, *14*, *15* – проколки из кости; *12*, *13* – зуб медведя со следами подработки.

шамот, песок и органика (животного происхождения (в т.ч. лось?)). Однако нигде не отмечена лоскутная техника изготовления форм, а этот признак считается традиционным. Использование при формовке сосудов обвязочного шнура зарегистрировано лишь для материалов памятника Автодром-2/2 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, с. 7], где зафиксировано и наличие валика по периметру дна [Там же].

Таким образом, вопрос о принадлежности анализируемой посуды именно к боборыкинской культуре, с нашей точки зрения, следует считать открытым.

В комплексе обнаружено 153 изделия из камня. К орудиям можно отнести 114 экз. Преобладают изделия на пластинах (73 экз.) (рис. 2, *7–14*), большая часть которых представлена вкладышами. Особенностью комплекса является оформление вкладышей и перфораторов крутой притупляющей вентральной ретушью по обеим латералям. Представительна категория скребков на отщепах (27 экз.) (рис. 2, *17–24*), полуокруглой, округлой, веерообразной формы. Их характеризует чаще всего крутой рабочий край, оформленный краевой ретушью с дор-

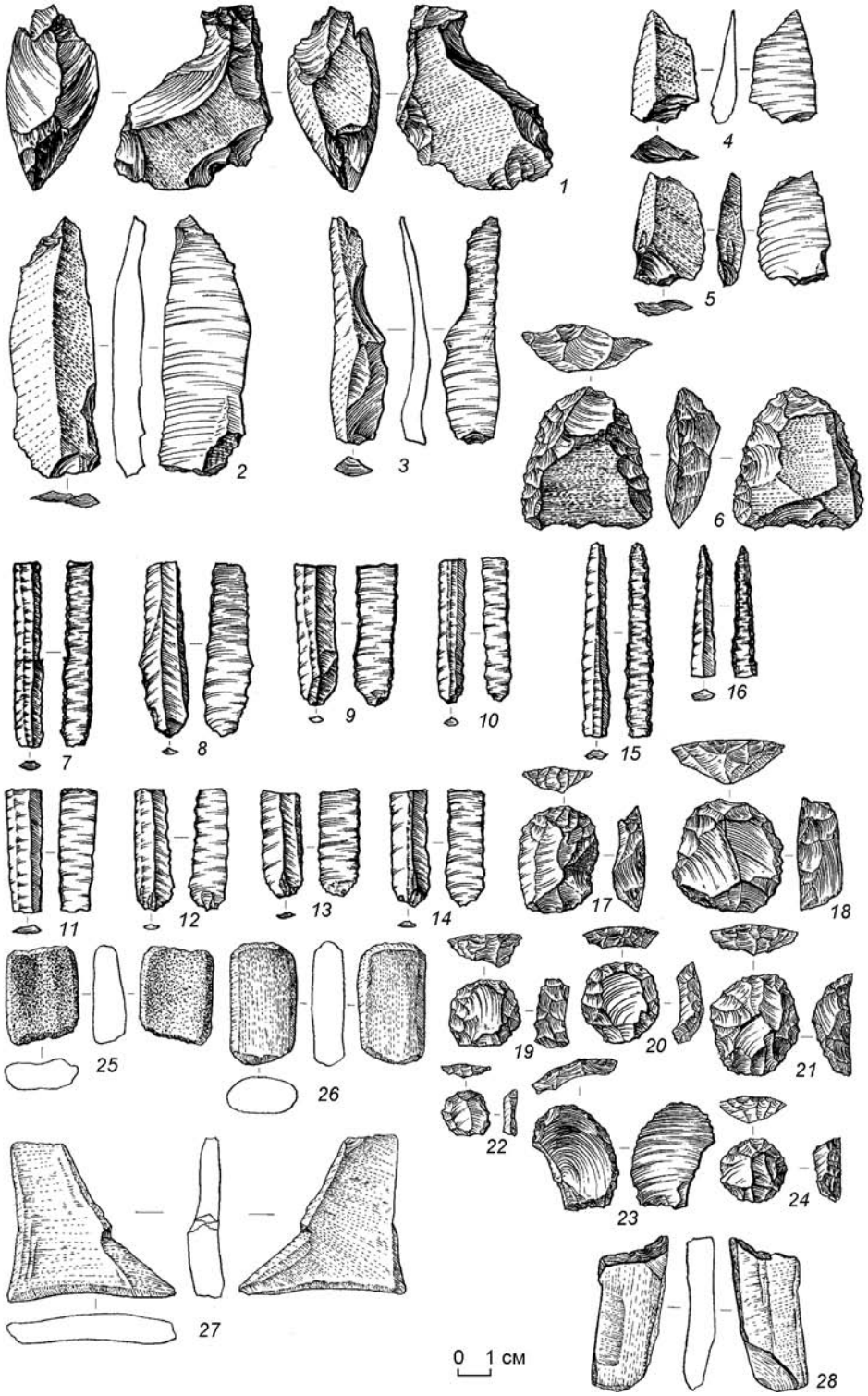


Рис. 2. Каменный инвентарь из неолитического комплекса памятника Тартас-1.
1–5 – сколы со шлифованного орудия; *6* – шлифованный топорик; *7–14* – ножевидные пластины; *15, 16* – проколки; *17–24* – скребки; *25–28* – абразивы.

сала, занимающий от ⅓ до полной окружности. Выделяется серия концевых и боковых скребков крупных размеров с высоким рабочим краем. Среди абразивов встречаются фрагменты плиток, прямоугольные и овальные бруски, обработанные по всей площади, а также оселки с многочисленными следами заточки разных инструментов (рис. 2, *25–28*). В заполнении конструкции обнаружен шлифованный топор подтреугольной формы с обработанными крупными снятиями боковыми гранями и утон-

чающими сколами на обушке (рис. 2, *6*). Также встречаются крупные обломки со шлифованных топоров (рис. 2, *1–5*) и каменные проколки (рис. 2, *15–16*). К отходам производства и техническим сколам можно отнести отщепы без следов утилизации, чешуйки и т.д.

Следовательно, каменная индустрия характеризуется как пластинчатая (63 %) при большом значении вкладышевой техники. Использование в качестве заготовки отщепов связано с оформлением разнообразных скребков (24 %). Преобладает отжимная техника скола, вместе с тем особенности профиля некоторых пластин позволяют предполагать и удар мягким отбойником [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2014, с. 32]. Подобное процентное соотношение в орудийном комплексе характерно и для зауральских комплексов боборыкинской культуры [Ковалева, Зырянова, 2010; Зах, 2009], и для памятника Автором-2/2 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012].

Вокруг котлована жилища № 7 выявлена система округлых и довольно глубоких ям, заполненных серой мешаной супесью. В большинстве из них находки отсутствуют. В яме № 1229 обнаружена лопатка лося и обломки костей рыбы. В яме № 1240 найдена часть развала керамического сосуда (см. рис. 1, *2, 3*), аналогичного изделиям из комплекса; фрагмент челюсти и длинная кость лапы собаки. По глубине данные ямы значительно мельче объектов, относящихся к конструкции № 6. Вероятно, они находились в процессе подготовки, однако так и не были введены в эксплуатацию.

Для определения хронологической позиции комплекса отобрана серия проб для проведения радиоуглеродного анализа в высокорейтинговой лаборатории Германии. Стратиграфические параметры объекта надежно определяются андроновскими (федоровскими) захоронениями, впущенными в культурный слой поселения: ямы № 1165, 1240 оказалась перекрыты погребениями № 641 и 655.

Таким образом, по объему уже полученной и потенциальной научной информации исследуемый неолитический комплекс представляет собой совершенно уникальное явление для понимания историко-культурных процессов, происходивших в Западной Сибири в каменном веке.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесостепного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Учеб. кн., 2010. – 308 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Проблемы интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья в контексте новейших открытий // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 5–20.

Кокшаров С.Ф., Зырянова С.Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопр. археологии Урала: сб. науч. тр. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – С. 185–198.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 326–331.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 26–37.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Koksharov S.F., Zyryanova S.Yu. Neoliticheskie kompleksy poseleniya Geologicheskoe XVI. In *Voprosy arkheologii Urala: sbornik nauchych. trudov.* Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 2011, pp. 185–198 (in Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura. Ekaterinburg: Ucheb. kniga, 2010, 308 p. (in Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Problemy interpretatsii boborykinskoi kul'tury Srednego Zaural'ya v kontekste noveishikh otkrytii. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016, No. 3 (34), pp. 5–20 (in Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasil'ev S.K. Original'nyi proizvodstvennyi kompleks na pamyatnike Tartas-1 (Barabinskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. – Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2015, vol. XXI, pp. 326–331 (in Russ.).

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Tekhnika otzhima v kamennom veke: obzor anglo- i russkoyazychnoi literatury. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2014, vol. 13, iss. 5: Arkheologiya i etnografiya, pp. 26–37 (in Russ.).

Zakh V.A. Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesostepnogo Tobolo-Ishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 2009, 320 p. (in Russ.).

УДК 903(571.53)»627»+903(571.53)»633»

А.Г. Новиков[1, 2], О.И. Горюнова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Иркутский государственный университет
E-mail: as122@yandex.ru

Новые археологические объекты раннего голоцена Приольхонья

В научный оборот вводятся материалы новых археологических объектов раннего голоцена Куркут III, Бурлюк I и Нуга I, расположенных на побережье оз. Байкал. Проведен культурно-хронологический анализ этих комплексов и предложена их датировка. Установлено, что по номенклатурному набору и типологии инвентаря они аналогичны широкому кругу мезолитических поселений Приольхонья хронологического охвата 9,8–7,3 тыс. л.н. Наличие характерных типологических форм орудий позволило сузить датировку: для комплекса Бурлюк I – в пределах 9,3–7,3 тыс. л.н. (10,5–8,2 тыс. кал. л.н.), а для Куркута III – в пределах 8,0–7,3 тыс. л.н. (8,8–8,2 тыс. кал. л.н.). Полученные материалы значительно расширили базу данных по мезолитическим комплексам региона и подтвердили планиграфические особенности концентрации материалов отдельными пятнами – скоплениями, за пределами которых находки единичны.

Ключевые слова: *Приольхонье, оз. Байкал, ранний голоцен, мезолит.*

A.G. Novikov[1, 2], O.I. Goriunova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Irkutsk State University
E-mail: as122@yandex.ru

New Early Holocene Archaeological Sites from the Olkhon Region

This article introduces materials from several Early Holocene archaeological sites located on the shore of Lake Baikal: Kurkut III, Burliuk I, and Nuga I. We undertake a cultural-chronological analysis of these complexes and outline their dates. Basing on a formal and typological analysis of materials from these sites, we propose that analogues exist in a wide range of Mesolithic contexts from the Olkhon region, dating to the period from 9800–7300 BP. The presence of several characteristic artifact types enables us to suggest a more narrow range of dates between 9300–7300 BP (10500–8200 cal BP) for the Burliuk I complex, and 8000–7300 BP (8800–8200 cal BP) for Kurkut III. Materials uncovered at these sites considerably expand the amount of data available on the Mesolithic complexes of the region and underscore the rarity of concentrations of archaeological finds – as opposed to isolated artifacts – dating to this period.

Keywords: *Olkhon region, Baikal Lake, Early Holocene, Mesolithic.*

Приольхонье (западное побережье оз. Байкал от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка) в настоящее время является одним из опорных геоархеологических районов для изучения культурных комплексов раннего голоцена Прибайкалья. С этим периодом в истории региона ассоциируются мезолитические комплексы. Благодаря междисциплинарным исследованиям многослойных геоархеологических объектов на территории Приольхонья (Берлога, Итырхей, Саган-Нугэ, Кулары III и др.) стало возможным стратиграфически расчленить культурные комплексы разных периодов раннего голоцена, дать предварительную характеристику и предложить схему их периодизации [Горюнова, Новиков, 2000; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006]. Серия радиоуглеродных дат по этим объектам дала возможность более точно оценить возраст ряда культурных событий и рубежей.

Тематические исследования, проведенные в Приольхонье в последние годы, позволили выявить новые геоархеологические объекты с комплексами раннего голоцена. Ввод этих материалов в научный оборот и предварительная их датировка являются целью предлагаемой статьи.

Археологический объект Нуга I находится в 248 км к СВ от г. Иркутска и в 68 км к СВ от

пос. Сахюртэ (Маломорская речная станция), в северо-восточной части одноименного залива западного побережья оз. Байкал. Местонахождение обнаружено отрядом Иркутской экспедиции ЛО ИА АН СССР (Л.П. Хлобыстин) в 1959 г. Сборы материалов проводились отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ) в 1984, 1991 и 1994 гг. (П.Е. Шмыгун, О.И. Горюнова). Стоянка предварительно была отнесена к неолиту. Шурфовочные работы впервые проведены отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН (А.Г. Новиков, О.И. Горюнова) в 2014 г. В результате работ выявлено два культурных слоя, датируемых неолитом и мезолитом. Культурный слой сохранился узкой полосой вдоль побережья. Площадь вскрытия – 6 м^2. Сводный стратиграфический разрез включает:

1) дерн (0,05 м);

2) серую супесь (0,05–0,04 м);

3) черную гумусированную супесь (0,06 м), I культурный слой;

4) бурую прослойку супеси (0,03–0,04 м);

5) черную гумусированную супесь (0,08–0,12 м), II культурный слой. В подошве слоя отмечены морозобойные клинья.

Ниже – желтая щебенистая супесь с грубообломочным материалом.

К раннему голоцену относится комплекс II культурного слоя, содержащий 39 изделий из камня. Находки представлены призматическими пластинами (10 экз.), отщепами (15 экз.) и сколами (краевой и 5 пластинчатых). В числе орудий – угловой резец на призматической пластине, концевые скребки на пластинчатых сколах (3 экз.), дисковидный скребок на сколе кварца, скребок на отщепе, скребловидное орудие и первичный скол с краевой ретушью.

Археологический объект Бурлюк I находится в 4 км к СЗ от пос. Сахюртэ (Маломорская речная станция), у одноименного мыса на северо-западном побережье Куркутского залива Малого моря оз. Байкал. Объект обнаружен П.П. Хороших в результате разведки 1921–1923 гг.; подъемные сборы проведены отрядом Иркутской экспедиции ЛО ИА АН СССР в 1959 г. Шурфовочные работы впервые выполнены Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (О.И. Горюнова) в 1991 г. В результате в береговой зоне выявлено три культурных слоя, датированных неолитом – бронзовым веком. В 2015 г. отрядом Российско-Канадской археологической экспедиции ИГУ (А.Г. Новиков) на пологой площадке в 120 м от побережья, на высоте 13–14 м от современного уровня оз. Байкал выявлен мезолитический комплекс. Площадь вскрытия – 16 м^2. Артефакты располагались одним пятном – скоплением, за пределами которого находки единичны.

Стратиграфический разрез в месте раскопа включает:

1) дерн (0,04–0,05 м);

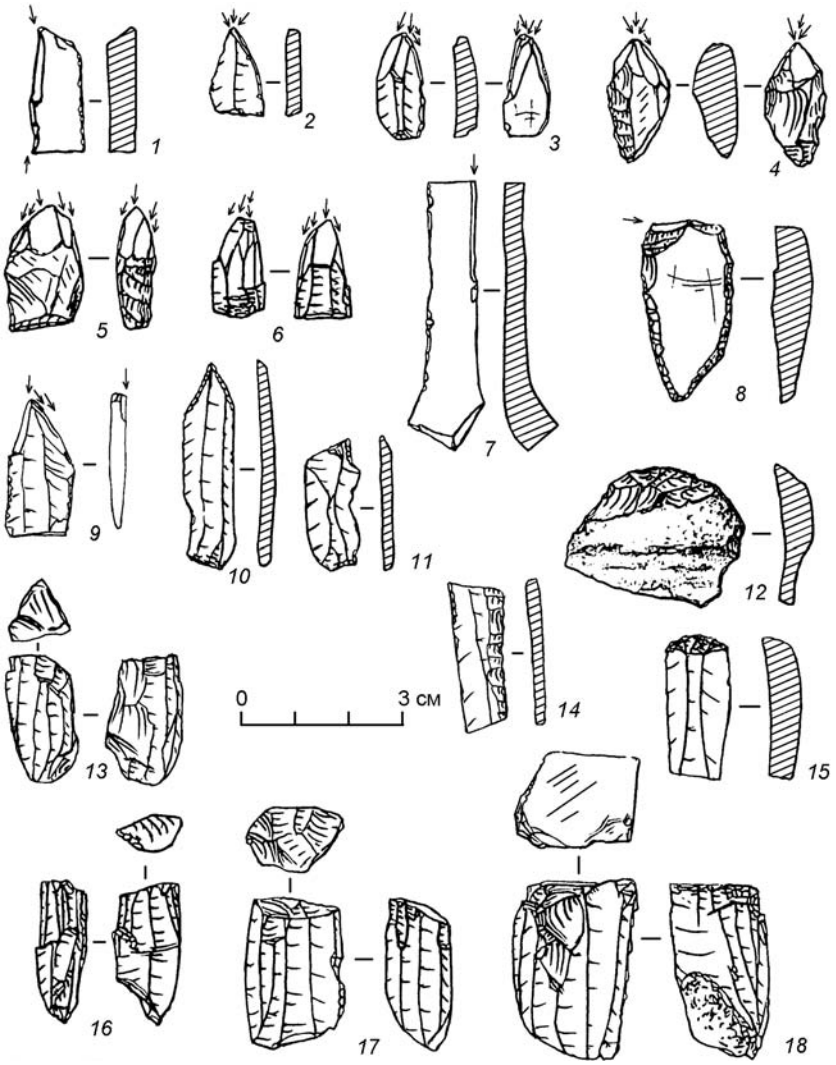
2) серая супесь (0,12–0,15 м), культурный слой.

Ниже – пачка песков и супесей желтого цвета с пятнами ожелезнения (сартанские отложения). Мощность рыхлых отложений – до 0,50 м.

Обнаруженные артефакты представлены изделиями из камня (193 экз.). Среди них преобладают призматические пластины и их обломки (87 экз., включая 11 микроформ), отщепы (82 экз., включая 29 микроформ). Пластинчатые сколы составляют 5 экз. В числе изделий – призматический одноплощадочный циркумфронтальный нуклеус.

Среди орудий доминируют резцы (4 экз.) и скребки (4 экз.). Резцы угловые – на пластинчатом сколе и на призматической пластине; срединные – на пластинах (2 экз.). Скребки преимущественно концевые на пластинчатых сколах (2 экз.), один – на призматической пластине. Отмечен скребок с округлым лезвием на отщепе. В числе орудий – две проколки (на пластинчатом сколе и на призматической пластине) и три резчика (на краевом сколе и два – на призматических пластинах). Часть призматических пластин (4 экз.) с локальной ретушью. Отмечен отщеп с ретушью.

Археологический объект Куркут III находится в бухте Западный Куркут (Куркутский залив Малого моря оз. Байкал), в 3 км к СЗ от пос. Сахюртэ (Маломорская речная станция). Впервые хронологически разновременный археологический материал зафиксирован в прибрежной части бухты в 1956 г. экспедицией ИГУ (П.П. Хороших, Э.Р. Рыгдылон, В.В. Свинин). В дальнейшем подъемные сборы проводились различными отрядами академических и вузовских подразделений: в 1959 г. – Иркутской экспедицией ЛО ИА АН СССР, в 1963 г. – отрядом ЛО ИА АН СССР (Л.П. Хлобыстин), в 1974–1976 гг. – отрядами КАЭ ИГУ (Н.А. Савельев, О.И. Горюнова). Шурфовочные работы впервые проведены Куркутским отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (О.И. Горюнова) в 1997 г. В результате в береговой части бухты зафиксировано четыре культурных слоя, датируемых от неолита до периода современной этнографии. Дальнейшие работы того же отряда в 2004, 2006 и 2013 гг. выявили в центральной, удаленной от побережья, части бухты (высота расположения 1,7–4,0 м над современным уровнем оз. Байкал) бескерамический комплекс. Он фиксируется отдельными пятнами в раскопах № 2 и № 3 2006 г. и № 2 и № 6 2013 г. Общая площадь вскрытия – 103 м^2.



Каменный инвентарь мезолитического комплекса стоянки Куркут III.

Наиболее полный стратиграфический разрез в этой части бухты представлен в раскопах 2013 г.:

1) дерн (0,03–0,04 м);

2) светло-серая супесь (0,05–0,12 м), вглубь бухты – выклинивается;

3) бурая супесь (0,10–0,16 м), I (II)* культурный слой, вглубь бухты сливается с нижележащим слоем;

4) черная гумусированная почва (0,05–0,16 м); подошва разбита морозобойными клиньями. II (V) культурный слой.

Ниже – желтая щебенистая супесь.

К подошве черной гумусированной супеси привязан комплекс каменных изделий, датируемый мезолитом. Находки располагались скоплениями, за пределами которых их количество единично. Всего в комплексе зафиксировано 1720 артефактов. Первичное расщепление характеризуется нуклеусами (15 целых и 6 заготовок) и сколами различной морфологии (1521 экз.). В числе последних 1005 отщепов и кусков кремня (среди них 222 микроформы), 3 подживляющих скола с фронта нуклеуса, 150 пластинчатых, 19 краевых, 28 первичных сколов и 316 призматических пластин (целых и в обломках). Все нуклеусы одноплощадочные (см. *рисунок, 13, 16–18*). Преобладают призматические монофронтальные (9 экз.). Один нуклеус – бифронтальный. Среди конических нуклеусов (5 экз.) один – со сходящимися латералями.

Набор орудий (178 экз.) включает 12 скребков, скребловидное орудие, 2 комбинированных орудия (скобель-скребок и скобель-резчик), 4 проколки (3 из них – на призматических пластинах; см. *рисунок, 10, 11*), 5 резчиков (см. *рисунок, 14*), 18 резцов, 3 орудия с выемкой на пластинах, 2 скобеля на отщепах, вкладыш с краевой ретушью на призмати-

*В скобках дана общая нумерация культурных слоев этой стоянки.

ческой пластине, ретушированные сколы (краевой, первичный и 16 пластинчатых), 19 отщепов, 90 призматических пластин с краевой ретушью и 3 обломка орудий.

Среди резцов (см. *рисунок, 1–9)* преобладают угловые на призматических пластинах (6 экз.). Отмечены 5 срединных (2 из них – многофасеточные), 4 полиэдрических, поперечный на пластинчатом сколе и 2 нуклеуса-резца.

Скребки (см. *рисунок, 12, 15)* – преимущественно с округлым лезвием на отщепах (8 экз.), остальные (4 экз.) – концевые на пластинах.

Таким образом, рассмотренные комплексы из объектов Куркут III, Бурлюк I и Нуга I по номенклатурному набору и типологии инвентаря аналогичны широкому кругу мезолитических поселений Приольхонья хронологического охвата 9,8–7,3 тыс. л.н. (11,0–8,2 тыс. кал. л.н.) [Горюнова, Новиков, 2000; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006; Новиков, Горюнова, Вебер, 2014]. Их объединяет отсутствие керамики, наличие призматических нуклеусов, концевых скребков, большое количество призматических пластин и орудий из них (угловые резцы, вкладыши с краевой ретушью, орудия с выемками, резчики и др.). Наличие в комплексе Бурлюк I срединных и срединных многофасеточных резцов позволяет сузить его датировку в пределах 9,3–7,3 тыс. л.н. (10,5–8,2 тыс. кал. л.н.). Комплекс Куркута III, содержащий многофасеточные полиэдрические резцы и нуклеусы-резцы, может быть сопоставлен с объектами позднего–финального мезолита Приольхонья: VIII–VII слои Итыркея, VIII–VI слои Саган-Нугэ, IV–III слои Кулары III, XI слой Улан-Хады. Радиоуглеродные даты по этим комплексам – в пределах 8,0–7,3 тыс. л.н., или 8,8–8,2 тыс. кал. л.н. [Горюнова, Новиков, 2000; Воробьева, Горюнова, Новиков, 2006; Новиков, Горюнова, Вебер, 2014].

Полученные новые материалы по раннему голоцену Приольхонья значительно расширили базу данных по мезолитическим комплексам региона. Исследования подтвердили планиграфические особенности концентрации археологических материалов мезолитических комплексов отдельными пятнами – скоплениями, за пределами которых находки единичны.

Список литературы

Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г. Культурно-хронологическая периодизация и палеоэкологическая обстановка раннего голоцена Приольхонья // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 189–191.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2000. – С. 51–57.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В. Мезолитический комплекс геоархеологического объекта Саган-Заба II (оз. Байкал) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 117–124.

References

Goriunova O.I., Novikov A.G. Beskeramicheskie kompleksy Priolkhonya (oz. Baikal). In *Arkhaicheskie i traditsionnye kultury Severo-Vostochnoi Azii. Problemy proiskhozhdeniya i transkontinentalnykh svyazei*. Irkutsk: State Univ. Press, 2000, pp. 51–57 (in Russ.).

Novikov A.G., Goriunova O.I., Weber A.W. Mezoliticheskii kompleks geoarkheologicheskogo obekta Sagan-Zaba II (oz. Baikal). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2014, vol. 13, iss. 5: Arkheologiya i etnografiya, pp. 117–124 (in Russ.).

Vorobieva G.A., Goriunova O.I., Novikov A.G. Kulturno-khronologicheskaya periodizatsiya i paleoekologicheskaya obstanovka rannego golotsena Priolkhonya. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. 1, pp. 189–191 (in Russ.).

УДК 902.01

К.К. Павленок[1, 2], К.А. Колобова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Опыт изучения техники скола по материалам стоянки Кульбулак

В ходе раскопок отложений слоя 2 на стоянке Кульбулак в 2007–2011 гг. были выделены культурные слои верхнего палеолита 2.1 и 2.2, существенную роль в которых играет мелкопластинчатый компонент. Для определения техники, используемой при изготовлении сколов, проводился атрибутивный анализ продуктов расщепления с акцентом на изучении морфологии проксимальных зон изделий. В результате зафиксировано значительное увеличение доли линейных и точечных площадок, а также доли изделий с редуцированными площадками в слое 2.1 по сравнению с показателями более древнего слоя 2.2. Это свидетельствует, что основное изменение в технике скола между индустриями двух слоев касается более широкого использования навыков краевого скалывания («верхнепалеолитической техники скола»), главным образом при изготовлении пластинок.

Ключевые слова: *каменный век, Узбекистан, каменное производство, верхнепалеолитическая техника скола.*

K.K. Pavlenok[1, 2], K.A. Kolobova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Study of Flaking Technique Based on the Kulbulak Site Materials

Upper Paleolithic cultural layers 2.1 and 2.2 were identified during the excavation of lithological layer 2 at Kulbulak site (Uzbekistan) in 2007–2011. Bladelet production constitutes an essential part in both industries. Attributive analysis of the knapping products, with a focus on the study of the blank's proximal zone morphology, was made to determine the flaking technique used in the manufacture of blanks. As a result, the significant increase in the proportion of blanks with linear and spot platforms, as well as in the proportion of products with reduced platforms, was recorded in a layer 2.1 as compared with the older layer 2.2. This result indicates that the significant difference between the industries of two layers of Kulbulak site consists in increased use of Upper Paleolithic flaking technique, mainly for the production of bladelets.

Keywords: *stone age, Uzbekistan, lithic production, Upper Paleolithic flaking technique.*

Новейший этап в изучении каменного века Узбекистана ознаменован значительными переменами в интерпретации культурного наполнения регионального верхнего палеолита. Комплексное изучение многослойной стоянки Кульбулак в 2007–2011 гг. позволило выявить совершенно новые культуродиагностирующие черты ископаемых комплексов, относящихся к данному периоду. В ходе раскопок отложений литологического слоя 2 на стоянке были выделены культурные слои верхнего палеолита 2.1 и 2.2, существенную роль в которых играет мелкопластинчатый компонент. При изучении этих археологических материалов было зафиксировано изменение ряда значимых типологических и технологических параметров от более ранней каменной индустрии (из слоя 2.2) к более поздней (из слоя 2.1) [Колобова, 2014, с. 15; Колобова, Флас, Деревянко и др., 2013, с. 20; Павленок К.К., 2011, с. 17; Павленок К.К., Колобова, Павленок Г.Д., 2012, с. 70].

Однако такой значимый для определения технологического контекста ископаемых каменных индустрий параметр, как используемая техника скола, ранее не являлся объектом отдельного рассмотрения. Первый этап в этой области исследования предполагает атрибутивную обработку коллекций сколов-заготовок с акцентом на изучении морфологии проксимальных зон изделий с помощью ба-

зовых качественных и количественных признаков [Павленок Г.Д., Павленок К.К., 2013, с. 34]. К ним относятся: тип ударной площадки, разновидность редукции рабочей кромки, максимальная ширина и толщина площадки.

Эмпирическую базу исследования составили 3070 экз. сколов, 796 экз. принадлежит культурному слою 2.2 и 2279 экз. – культурному слою 2.1. Из анализа были исключены снятия с разрушенными и забитыми площадками.

В выборке из культурного слоя 2.2 насчитывается 509 отщепов, 166 пластин, 121 пластинка.

Ударные площадки отщепов в почти половине случаев гладкие, 35 % площадок двухгранные или многогранные, фасетированные единичны, также отмечаются точечные и линейные (в сумме 7,5 %). Остаточные площадки пластин также в половине случаев гладкие (45,8 %), часты двух- и многогранные (39,2 %); линейные и точечные в сумме составляют 8,4 %. Среди площадок у пластинок доминируют гладкие; фиксируется большое количество сколов с точечными и линейными площадками – 24,8 %, а также с двухгранными площадками – 10,7 %.

При изготовлении отщепов рабочие кромки не подправлялись в 94,9 % случаев. Площадки, на которых фиксируются следы редукции, подправлялись при помощи перебора карниза (2,8 %), абразива (0,4 %) и обратной редукции (2 %). Для остаточных ударных площадок пластин также не характерна частая подправка рабочей кромки (88,4 % площадок не подработаны). В тех случаях, когда подправки фиксируются, применялся перебор карниза (4,9 %), обратная редукция (4,3 %) и абразивная обработка (2,4 %). В тех редких случаях, когда фиксируется подправка на пластинках, использовались абразивная обработка и перебор карниза.

Среди отщепов присутствуют снятия с площадками шириной от 2 до 64 мм, но значения с 9 до 22 мм составляют 68 % выборки, они образуют «статистическое плато», без резких пиков и падений. Площадки шириной от 5 до 24 мм имеют пластин 85 %, изделия за пределами этого диапазона распределены очень неравномерно. Половина пластин имеет площадки от 8 до 14 мм. Девяносто пять процентов пластинок обладают площадками, ширина которых составляет от 3 до 11 мм, «статистическое плато» фиксируется на отрезке от 5 до 10 мм и включает в себя 78 % сколов.

Толщина площадок отщепов изменяется от 1 до 16 мм, присутствуют и единичные снятия с более крупными площадками. Статистическое плато фиксируется в диапазоне от 4 до 9 мм, в него вписывается 70 % сколов. Значения толщины площадок у пластин варьируют от 2 до 11 мм, за приделами этого диапазона всего несколько изделий. Площадки толщиной 3–7 мм имеют 70 % сколов. Практически все пластинки по этому показателю укладываются в диапазон от 1 до 5 мм, с небольшим «плато» на отметках 3–4 мм.

Состав выборки сколов из слоя 2.1. представлен 1257 отщепами, 512 пластинами, 510 пластинками.

Ударные площадки (табл. 1) отщепов проявляют доминирование гладких (52,5 %) при значительном количестве двухгранных и многогранных (21,2 %), и присутствии точечных и линейных (9,9 %). Ударные площадки пластин преимущественно гладкие (55,3 %). Также многочисленны дву- и многогранные площадки (18,8 %), точечные и линейные (18 %). У пластинок в рассматриваемой индустрии доминируют гладкие (44,1 %) многочисленны точечные и линейные (39 %).

Редукция площадки (табл. 2). У 97,2 % отщепов ударные площадки не редуцированы. В тех случаях, когда подправка наличествует, фиксируются

Таблица 1. **Распределение сколов-заготовок в соответствии с типологией ударных площадок. Стоянка Кульбулак**

Тип ударной площадки	Тип скола							
	Пластины		Пластинки		Отщепы	Всего		
	сл. 2.2	сл. 2.1	сл. 2.2	сл. 2.1	сл. 2.2	сл. 2.1	сл. 2.2	сл. 2.1
Гладкая	76	283	67	225	244	660	387	1168
Двугранная	31	46	13	34	95	157	139	237
Многогранная	34	50	4	17	83	109	121	176
Фасетированная	2	10	2	3	7	12	11	25
Линейная	12	68	24	143	31	91	67	302
Точечная	2	24	6	56	7	33	15	113
Первичная	9	31	5	32	42	195	56	258
Всего	166	512	121	510	509	1257	796	2279

Таблица 2. **Распределение сколов-заготовок в соответствии с типом редукции ударной площадки. Стоянка Кульбулак**

Редукция ударной площадки	Тип скола							
	Пластины		Пластинки		Отщепы		Всего	
	сл. 2.2	сл. 2.1	сл. 2.2	сл. 2.1	сл. 2.2	сл. 2.1	сл. 2.2	сл. 2.1
Абразивная обработка	4	22	8	74	2	2	14	98
Обратная редукция	7	11	0	2	10	7	17	20
Снятие карниза	8	30	3	50	14	26	25	106
Отсутствует	147	449	110	384	483	1222	740	2055
Всего	166	512	121	510	509	1257	796	2279

применение приема перебора карниза (2,1 %) и обратная редукция (0,6 %). Для пластин данного комплекса также не свойственна частая подправка рабочей кромки – 87,6 % сколов не несут подобных следов. На ударных площадках оставшихся сколов зафиксировано применение приема перебора карниза (5,9 %), приема обратной редукции (2,2 %) и абразивной обработки (4,3 %). Несколько чаще редуцировались площадки пластинок.

Только 6,7 % площадок отщепов имеют ширину до 6 мм, 74 % сколов имеет площадки шириной от 7 до 24 мм. Семьдесят один процент пластин в коллекции имеет площадки от 5 до 14 мм. У пластинок ширина площадок варьирует от 2 до 12 мм достаточно равномерно, но основная масса располагается в диапазоне от 4 до 8 мм.

Значения толщины площадок отщепов варьируют от 1 до 32 мм, однако значимый удельный вес (каждое значение более 5 %) имеют сколы с площадками от 2 до 12 мм. Основная масса пластин, за исключением нескольких экземпляров, имеет площадки от 1 до 13 мм; 75 % сколов имеют площадки от 2 до 7 мм. Диапазон толщины площадок пластинок – от 1 до 8 мм. Основная их масса (78 %) – это снятия с площадками от 1 до 3 мм.

В результате проведенного анализа удалось зафиксировать определенные изменения в морфологии проксимальных зон сколов-заготовок различных категорий между индустриями слоев 2.1 и 2.2 стоянки Кульбулак. Доля линейных и точечных площадок у пластин в слое 2.1 повышается в два раза по сравнению с нижележащим слоем, что свидетельствует о распространении приемов краевого скалывания. Значительно снижается удельный вес подготовленных (двуи многогранных, фасетированных) площадок. В категории отщепов отмечаются те же тенденции. Распространение краевого скалывания подтверждается и увеличением в слое 2.1 доли пластинок с редуцированными ударными площадками более чем в 2 раза (с 9,1 % в слое 2.2 до 24,7 % в слое 2.1). Показательно, что изменение размеров площадок сколов в индустриях двух слоев прослеживается не только на уровне типологии (линейные и точечные площадки против гладких), но и в конкретных значениях ширины и толщины. В частности, изменяются значения ширины («статистическое плато» в слое 2.2 – от 5 до 10 мм; в слое 2.1 – от 4 до 8 мм) и толщины (в слое 2.2 – от 3 до 4 мм; в слое 2.1– от 1 до 3 мм) площадок у основной массы пластинок.

Результаты исследования позволяют заключить, что основное изменение в технике скола между индустриями слоев 2.2 и 2.1 стоянки Кульбулак касается более широкого использования навыков краевого скалывания («верхнепалеолитической техники скола») [Нехорошев, 1999, с. 30]. Основное применение эти навыки получили при изготовлении пластинок. Результаты исследования пополняют новыми данными наши представления о производственной практике обитателей стоянки Кульбулак на разных этапах верхнего палеолита.

Список литературы

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–25.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европейский Дом, 1999. – 173 с.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Ударные техники скола в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. – С. 28–37.

Павленок К.К. Технологии обработки камня в верхнем палеолите Западного Тянь-Шаня (по материалам

стоянки Кульбулак): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2011. – 26 с.

Павленок К.К., Колобова К.А., Павленок Г.Д. Верхний палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня: технологический анализ материалов стоянки Кульбулак // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. – С. 62–73.

References

Kolobova K.A. Verkhnii paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: doct. sc (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014, 38 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Flas D., Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I, Krivoshapkin A.I. The Kulbulak Bladelet Tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, vol. 54, No. 2, pp. 2–25.

Nekhoroshev P.E. Tekhnologicheskii metod izucheniya pervichnogo rasshchepleniya kamnya srednego paleolita. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 1999, 173 p. (in Russ.).

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K. Udarnye tekhniki skola v kamennom veke: obzor anglo- i russkoyazychnoi literatury. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2013, vol. 12, iss. 7: Arkheologiya i etnografiya, pp. 28–37 (in Russ.).

Pavlenok K.K. Tekhnologii obrabotki kamnya v verkhnem paleolite Zapadnogo Tyan'-Shanya (po materialam stoyanki Kul'bulak): cand. sc (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2011, 26 p. (in Russ.).

Pavlenok K.K., Kolobova K.A., Pavlenok G.D. Verkhnii paleolit Severo-Zapadnogo Tyan'-Shanya: tekhnologicheskii analiz materialov stoyanki Kul'bulak. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 5: Arkheologiya i etnografiya, pp. 62–73 (in Russ.).

УДК 903.2

Н.А. Рудая, А.И. Кривошапкин, А.В. Шалагина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nrudaya@gmail.com

Итоги палинологического изучения отложений пещеры Страшной в 2014–2015 годах*

Пещера Страшная находится в Краснощековском р-не Алтайского края. В стратиграфическом разрезе памятника выделено 13 литологических слоев общей мощностью около 10 м. Слои 1 и 2 отнесены к голоцену, остальные – к плейстоцену. Всего в верхней пачке плейстоценовых отложений выделено 19 горизонтов залегания артефактов. Для слоев 3, 5 и 6 пещеры проведено радиоуглеродное датирование по костям и углям, которое показало, что хронологические рамки накопления слоев укладываются в интервал от 19 до 40 тыс. л.н. (хотя некоторые даты выходят за эти пределы). В 2014–2015 гг. из слоев 1–5 на палинологический анализ было отобрано 55 образцов. Голоценовые слои содержат сведения не только о естественной растительности в окрестностях пещеры, но и о антропогенно нарушенной растительности непосредственно рядом с пещерой. Палинологическое изучение плейстоценовых слоев дало новую информацию о возможностях статифицирования отложений.

Ключевые слова: *палеолит, палинология, пещера Страшная, Алтай.*

N.A. Rudaya, A.I. Krivoshapkin, A.V. Shalagina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nrudaya@gmail.com

Results of Pollen Study in Strashnaya Cave in 2014–2015

Archaeological site Strashnaya Cave is located in Krasnotschekovskii district of Altai region. The stratigraphical structure of the site includes 13 lithological strata about 10 m thick. Strata 1 and 2 relate to Holocene, strata 3–13 – to Pleistocene. In the upper part of Pleistocene 19 horizons of lithic artifacts are found. Radiocarbon dating for strata 3, 5 and 6 reveals the chronological interval of 19–40 kyr BP; however, several dates are infinite. In 2014–2015, 55 samples were collected for pollen study from strata 1–5. Holocene strata reflect not only natural vegetation in the surrounding of the cave, but anthropogenic activity as well. Pollen data from Pleistocene allow to divide some substrata based on the pollen composition.

Keywords: *Palaeolithic, pollen study, Strashnaya Cave, Altai.*

Пещера Страшная находится в Краснощековском р-не Алтайского края. Пещера расположена в западной части Алтайской горной страны в среднем течении р. Иня (бассейн р. Чарыш), ниже впадения в неё р. Тигирек. Территория характеризуется резко континентальным климатом с суровой, ветреной и продолжительной зимой, довольно жарким летом и достаточным атмосферным увлажнением. Выдаваясь далеко на запад, широтно расположенные хребты Колыванский, Тигирекский, Коргонский и другие первыми из горных поднятий Алтая встают на пути влажных западных ветров, принимая на себя большое количество осадков, но не создают климатического барьера, а дают возможность проникать влажным ветрам вглубь горной страны. Высокая влажность в сочетании с оптимальными температурами создает по нижним склонам хребтов благоприятные условия для мощного развития лесной и луговой растительности, обеспечивая широкое распространение черневой тайги. Преобладают осиново-пихтовые леса с участием в травяном покрове неморального высокотравья. Большие площади среди черневой тайги занимают высокотравные лесные луга и производные кустарниковые сообщества [Давыдов, Бочкарева, Черных, 2011; Огуреева, 1980].

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В стратиграфическом разрезе памятника выделено 13 литологических слоев общей мощностью около 10 м. Слои 1 и 2, представленные легкими и средними суглинками, отнесены к голоцену, остальные – к плейстоцену [Зенин А.Н., Ульянов, 2007]. Всего в верхней пачке плейстоценовых отложений, представленной преимущественно легкими суглинками (слои 3–10), выделено 19 горизонтов залегания артефактов. Слои 11–13 сложены тяжелыми суглинками и в археологическом отношении стерильны, а зафиксированные в них единичные артефакты приурочены к понорам.

Для слоев 3, 5 и 6 пещеры проведено радиоуглеродное датирование по костям и углям [Кривошапкин, Зенин В.Н., Шалагина, 2014]:

Слой	Дата, л.н. (BP)	Номер образца	Датированный материал
3-1-а	19 150±80	OxA-V-2359-19	Кость
3-1-б	43 650±650	OxA-15804	Кость
	44 050±700	OxA-15805	Кость
	>51 800	OxA-15803	Кость
5 (I)	34 780±725	AA30754	Уголь
	> 41 000	AA- 38321	Кость
5 (II)	> 41 000	AA-38232	Кость
6 (III)	35 200±1300	AA-37184	Кость

В 2014–2015 гг. из слоев 1–5 (разрезы по квадратам 319, Е17-18 и Ж18) на палинологический анализ было отобрано 55 образцов. Образцы (по 50–100 г сухого веса) обработаны по сепарационной методике Гричука [Пыльцевой анализ, 1950], объединенной с методом обработки палинологических проб по [Faegri, Iversen, 1989]. Перед сепарированием осадка в тяжелой жидкости к нему добавляли плавиковую кислоту для удаления силикатов. Подсчет пыльцевых зерен и спор проводился с помощью светового микроскопа с 400-кратным увеличением. Палинологические диаграммы построены в программе Tilia (рис. 1–3).

Описание палинологических диаграмм дается по выделенным в [Зенин А.Н., Ульянов, 2007] литологическим слоям.

Слой 1. В образцах слоя доминирует травянистая пыльца. Ведущую роль играет семейство астровых (Asteraceae), относительно высокое обилие у семейств маревые (Chenopodiaceae), осоковые (Cyperaceae) и у пыльцы полыни (*Artemisia)*. Участие пыльцы древесных незначительно и представлено в основном пыльцой сосен (*Pinus sylvestris, P. sibirica*) и березы. Во всех трех изученных разрезах в слое присутствует незначительное количество оболочек яиц власоглава (*Trichuris* sp.).

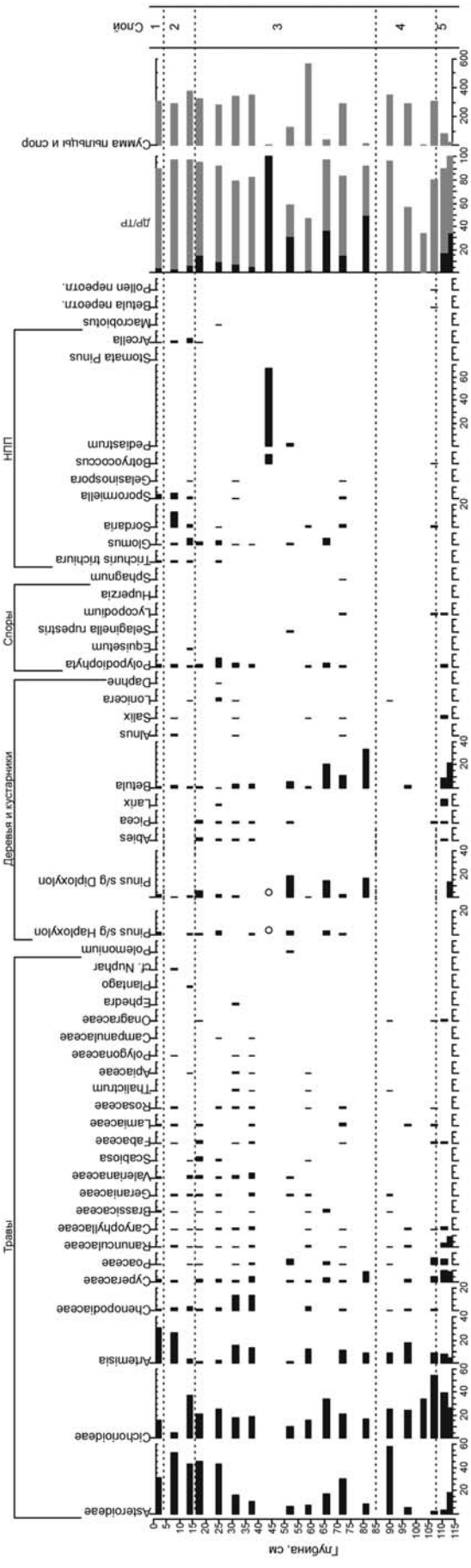


Рис. 1. Палинологическая диаграмма пещеры Страшной. Разрез стенки по линии Е, квадраты 17, 18 (отобрано в 2014 г.).

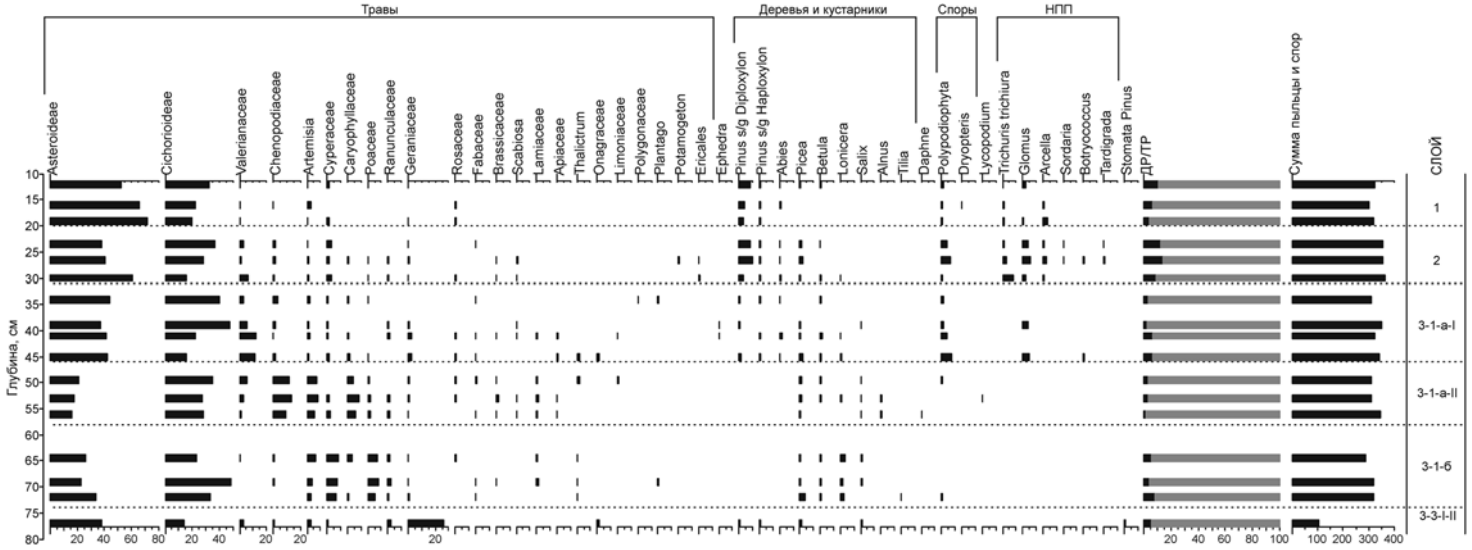


Рис. 2. Палинологическая диаграмма пещеры Страшной. Разрез стенки по линии Ж, квадрат 18 (отобрано в 2014 г.).

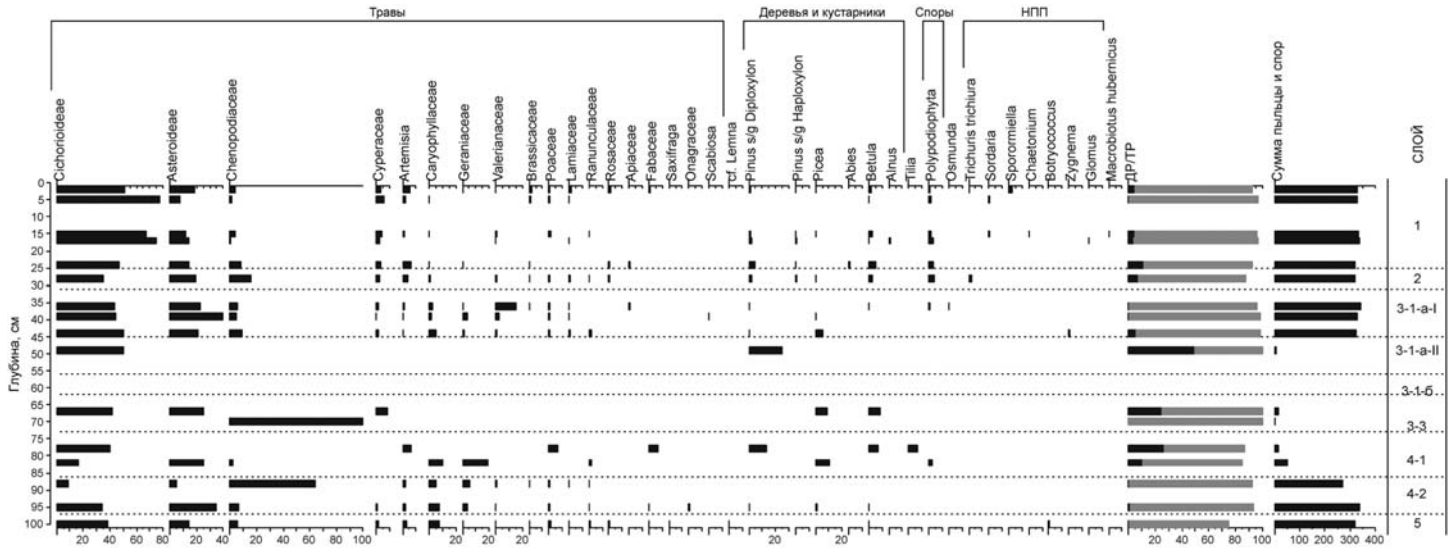


Рис. 3. Палинологическая диаграмма пещеры Страшной. Разрез стенки по линии З, квадрат 19 (отобрано в 2015 г.).

Слой 2. Палинологическая композиция слоя напоминает слой 1. Доминирует пыльца астровых, полыней, осоковых и маревых; процент участия маревых и осоковых немного выше, чем в слое 1. Увеличивается доля пыльцы семейства валерьяновых (Valerianaceae) и спор папоротников. Среди непыльцевых палиноморф увеличивается процент яиц власоглава, хламидиоспор гриба *Glomus* и цист амебы *Arcella*. Появляются споры копрофильных грибов *Sordaria*-type и *Sporormiella*-type.

Вероятно, слои 1 и 2 отражают не только (или не столько) естественную растительность в окрестностях пещеры, сколько антропогенно нарушенную растительность непосредственно рядом с пещерой.

Слой 3. В целом слой характеризуется доминированием травянистой пыльцы из астровых, маревых, полыней. Подгоризонт 3-1-а-I на диаграмме квадрата Ж18 (рис. 2) заметно отличается от подгоризонта 3-1-а-II процентным соотношением травянистых таксонов. В подгоризонте 3-1-а-I заметно выше процент валерьяновых и папоротников, а в подгоризонте 3-1-а-II увеличивается доля полыней, маревых и гвоздичных, зато полностью исчезают сосны и пихта. Это подтверждает, что стратиграфическая граница между этими отдельностями проведена обосновано. А вот различия между подгоризонтами 3-1-а-II и 3-1-б незначительны (рис. 2). Образцы из других выделенных подгоризонтов единичные и не позволяют делать какие-либо особенные выводы. Непыльцевые палиноморфы представлены в основном спорами гриба *Glomus*. В верхней части слоя в квадрате Е17-18 разреза 2014 г. встречены яйца власоглава, что может свидетельствовать либо о перемешивание осадка между слоями, либо о неправильно проведенной границе между слоями 2 и 3.

Слой 4. Палинологическая композиция слоя сходна со всеми вышележащими слоями. Также доминируют астровые (с преобладанием цикориевых), полыни, маревые. На диаграмме квадрата Е17-18 2014 г. (рис. 1) слой отчетливо отличается от вышележащего слоя 3 отсутствием древесной пыльцы.

В ходе полевого сезона 2016 г. отобрана 31 проба из слоев 5–13, что позволит получить полную палинологическую характеристику отложений пещеры Страшной. Также из разных точек пещеры и вокруг нее отобраны поверхностные палинологические пробы для того, чтобы проанализировать насколько адекватно отражается состав современной растительности в соответствующих субрецентных спектрах. Проанализированная субрецентная проба 2015 г., отобранная на 20 м ниже пещеры, показывает доминирование пыльцы семейства сосновых, что адекватно отражает горно-таежный характер растительности хребта Тигирекский. Результат будущего исследования поверхностных проб из пещеры поможет понять, действительно ли в окружающей пещеру растительности прошлых эпох преобладали травянистые виды, а лес находился на большем расстоянии, чем сегодня или палинокомплексы пещерных отложений неадекватно отражают современный им растительный покров.

Список литературы

Давыдов Е.А., Бочкарева Е.Н., Черных Д.В. Краткая характеристика природных условий Тигирекского заповедника // Тр. Тигирекского заповедника, 2011. – Вып. 4. – С. 7–19.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 54–56.

Огуреева Г.Н. Ботаническая география Алтая. – М.: Наука, 1980. – 190 с.

Пыльцевой анализ. – М.: Гос. изд-во геол. лит., 1950. – 571 с.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – [S.l.]: Blackburn Press, 1989. – 328 p.

References

Davydov E.A., Bochkareva E.N., Chernyh D.V. Kratkaja harakteristika prirodnyh uslovij Tigirekskogo zapovednika. In *Trudy Tigirekskogo zapovednika*, 2011, vol. 4, pp. 7–19 (in Russ.).

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. [S.l.]: Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. Rezul'taty polevyh issledovanij peshhery Strashnaja v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 54–56 (in Russ.).

Ogureeva G.N. Botanicheskaja geografija Altaja. Moscow: Nauka, 1980. 190 p. (in Russ.).

Pyl'cevoj analiz. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geologicheska literatury, 1950, 571 p. (in Russ.).

Zenin A.N., Ul'janov V.A. Stratigraficheskie issledovanija v peshhere Strashnaja. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 105–109 (in Russ.).

УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан)*

В статье представлена сборная коллекция двусторонне обработанных раннепалеолитических орудий с местонахождений, расположенных в среднем течении р. Дарвагчай. Дана подробная технико-типологическая характеристика и описание данных изделий, а также проведен первичный анализ. На основании этого сделано заключение, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических типов и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий.

Ключевые слова: *местонахождения, каменные изделия, ранний палеолит, рубило, сколы, ретушь, двусторонняя обработка.*

A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan)

The article presents a collection of two-sided treated early Paleolithic tools from the sites located in the middle reaches of the river Darvagchay. A detailed techno-typological characteristics and description of the tools was given, and also the primary analysis was conducted. On this basis the conclusion is made that the territory to the West of the Caspian sea is a zone of the early Paleolithic industries with bifacial handled tools proliferation. At the same time there are few classic types biface, dominated by partial biface. Technological characteristics of raw materials, as well as different forms of initial billets caused a wide variety of morphological forms and accordingly, the low standardization of these tools.

Keywords: *sites, stone tools, early Paleolithic, chops, chips, retouch, bilateral treatment.*

Дарвагчайский геоархеологический район географически расположен в среднем течении р. Дарвагчай (Кайтакский и Дербентский р-ны, Юго-восточный Дагестан). На берегах Геджухского водохранилища к настоящему времени обнаружена целая серия местонахождений с раннепалеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014а, с. 76].

В ходе многолетних стационарных и разведочных исследований экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН в юго-восточной части Дагестана в бассейне р. Дарвагчай обнаружено более 10 памятников палеолита. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий охватывает огромный период от нижнего до начала верхнего палеолита. В тоже время, ашельская эпоха в данных археологических материалах представлена, как правило, единичными находками ручных рубил. Наиболее ранние

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории отмечены в слое 8 памятника Дарвагчай-1 и в аналогичных отложениях местонахождений Дарвагчай-залив-2 и -4. Другие бифасы известны из подъемных сборов на местонахождениях Дюбекчай, Дарвагчай-карьер и Чумус-Иниц.

Дарвагчай-1 – 2 экз. Рубило ассиметрично-миндалевидной формы выполнено на плоской гальке из песчаника (10,7 × 6.5 × 2,7 см). Орудие средне окатанное, основание сохраняет галечную корку, дистальная часть тщательно оформлена с двух сторон плоскими сколами и краевой ретушью. Лезвия слабоизвилистые, острие тонкое, четко выраженное.

Рубильце миниатюрных размеров (5,2 × 3,1 × × 1,9 см), в качестве заготовки использовался кремневый желвак желто-коричневого цвета. Орудие средне окатанное, ассиметрично-подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание. Обе стороны оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью.

Дарвагчай-залив-1 – 5 экз. Первое орудие выполнено на гальке из серо-зеленого песчаника крупных размеров (18,5 × 9,0 × 5,4 см). Изделие средне окатанное, имеет симметричную, удлиненную, двояковыпуклую, миндалевидную форму и линзовидное сечение, оформлено по всему периметру. Полностью оббита одна сторона, на небольшом участке в центральной части другой стороны сохранена галечная корка. Продольные края выпуклые, извилистые обработаны с двух сторон сколами, острие четко выражено. Наиболее тщательно оформлено основание – уплощающими сколами и выравнивающей ретушью.

Второе рубило выполнено на плоской, гальке из серо-коричневого окремненного известняка (11,6 × 8,0 × 2,9 см). Изделие сильно окатанное, треугольной формы, частично оформленное. Максимальная толщина и ширина приходятся на необработанное основание орудия, слабовыпуклые лезвия и острый дистальный край подготовлены разнонаклонными, широкими сколами.

Другое рубило, крупных размеров (18,0 × × 8,8 × 3,0 см), выполнено на плоской, удлиненной гальке из серо-коричневого окремненного известняка. Орудие средне окатанное, подтреугольной формы, имеет частичную двустороннюю обработку. Половина изделия оформлена сколами, хорошо выраженное острие дополнительно подправлено ретушью, другая половина покрыта галечной коркой.

Следующее рубило изготовлено на обломке гальки из серо-зеленого песчаника (9,7 × 6,8 × 3,7 см). Орудие подтреугольной формы имеет частичную отделку и выглядит незаконченным. Продольное сечение двояковыпуклое, обе стороны грубо оформлены крупными и средними сколами, дополнительная подправка ретушью отсутствует.

Последнее изделие миниатюрных размеров, отнесено к категории рубильц (4,4 × 3,0 × 1,9 см). В качестве заготовки использовалась галька из коричневато-серого кремня. Орудие слабо окатанное, подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание. Обе стороны оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью. Основание массивное, выпуклое, представлено в виде необработанного края гальки.

Дарвагчай-залив-4 – 8 экз. Первое рубило крупных размеров выполнено из песчаника темно-серого цвета (17,5 × 8,2 × 4,0 см). Изделие сильно окатанное, имеет симметричную, копьевидную форму и двояковыпуклое сечение, обработано по всему периметру плоскими сколами. Дистальный конец орудия является наиболее плоской частью изделия и напоминает дистальные окончания ланцетовидных рубил (рис. 1, *1*).

Второе рубило наиболее тщательно оформлено, это также самое крупное и массивное изделие

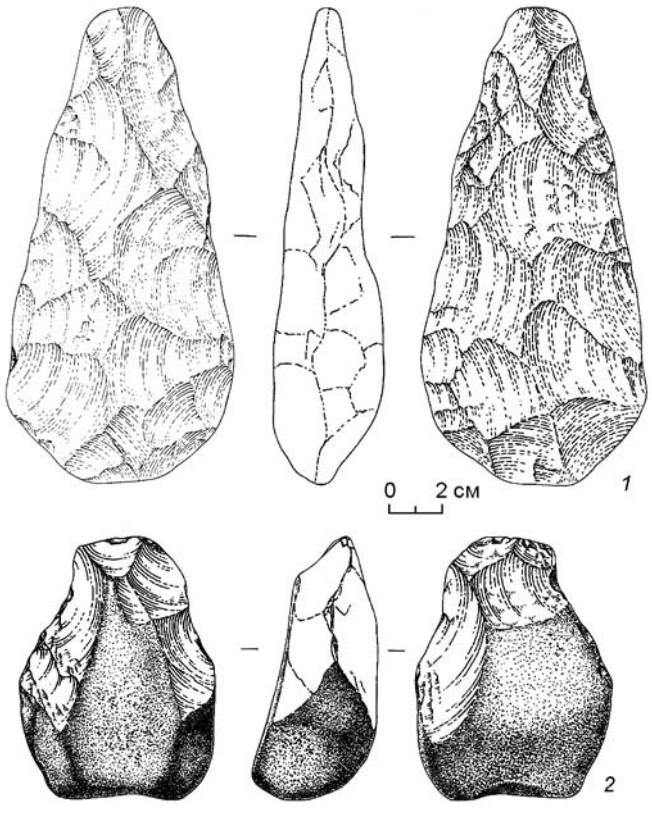


Рис. 1. Рубила. Дарвагчай-залив-4.

в коллекции, выполнено на гальке из серо-коричневого окремненного известняка (20,5 × 10,0 × 5,4 см). Орудие средне окатанное, имеет симметричную двояковыпуклую миндалевидную форму и линзовидное сечение, обработано по всему периметру сколами и крупной ретушью. Максимальная ширина и толщина приходятся на середину орудия. Лезвия выпуклые с извилистой кромкой, дистальный конец заужен боковыми сколами с двух сторон, не образует четко выраженного острия. По этому признаку изделие может быть определено как рубило с «плечиками». Основание орудия укороченное, в плане имеет форму правильной дуги.

Следующее рубило подготовлено на удлиненной, плоской гальке из песчаника (13,6 × 8,3 × × 3,2 см). Орудие сильно окатанное имеет частичную отделку, по морфологии его можно отнести к миндалевидным формам, поперечное сечение плоско-выпуклое. Нижняя сторона плоская, что в большей степени обусловлено уплощающей оббивкой, верхняя сторона угловато-выпуклая на большей части ее сохранена галечная корка. Тщательнее всего оформлена дистальная часть, основание не обработано.

Очень выразительно другое изделие, выполненное в форме пиковидного орудия. Это крупное массивное орудие, изготовлено на гальке из серовато-желтого песчаника (18,6 × 9,9 × 6,8 см). Орудие грубо оформлено крупными и средними сколами. Основным рабочим элементом его является хорошо выделенное острие, имеющее треугольное поперечное сечение. Продольные края прямые, грубо обработанные крупными сколами. Широкое массивное основание представляет собой необработанный край гальки.

Другое рубило выполнено на кремневой гальке коричневого цвета (9,5 × 7,3 × 4,5 см). Изделие округлой формы, плоско-выпуклое в сечении. Края, сужающиеся к дистальному краю, грубо оббиты крупными сколами. Полностью двусторонней обработке подверглась дистальная часть, представленная в виде короткого поперечного лезвия. Более половины орудия, включая массивное основание, не обработано (рис. 1, *2*).

Последнее рубило изготовлено на небольшой гальке из желтовато-серого кремня (7,5 × 5,4 × × 3,4 см). Орудие подтреугольной формы, плоско-выпуклое, широкие плоскости обработаны сколами, одна боковая грань и острие дополнительно оформлены средней ретушью, массивная пятка галечная.

В коллекции присутствуют еще два бифасиально обработанных орудия. Это небольшие кремневые гальки, частично оформленные с двух сторон сколами и естественным основанием. В обоих случаях дистальный край приострен. Типологически данные изделия можно отнести к проторубилам.

Дарвагчай-залив-2. Рубильце выполнено на продолговатой кремневой гальке серовато-розового цвета (7,0 × 4,3 × 2,7 см). Орудие не окатанное, имеет овальную форму и плоско-выпуклое поперечное сечение. Максимальная толщина и ширина приходятся на необработанное основание. Лезвия разных очертаний сходятся к хорошо выраженному, тонкому острию (рис. 2, *2*).

Дарвагчай-карьер-1. Рубило изготовлено из тонкозернистого серо-черного песчаника (11,1 × 8,7 × 3,5 см). Орудие сильно окатанное, миндалевидной формы с широким закругленным основанием и узким дистальным краем, который был обломан в древности. В сечениях изделие линзовидное, двояковыпуклое, тщательно оформленное по всему периметру плоскими сколами и эпизодической ретушью. Лезвия и основание слабоизвилистые, в проксимальной части сохранен небольшой участок галечной корки (рис. 2, *1*).

Чумус-иниц. Рубило изготовлено из крупного блока известняка, имеет сильно выветренные и сглаженные поверхности, покрыто карбонатной коркой (17,6 × 11,0 × 7,0 см). В средней части

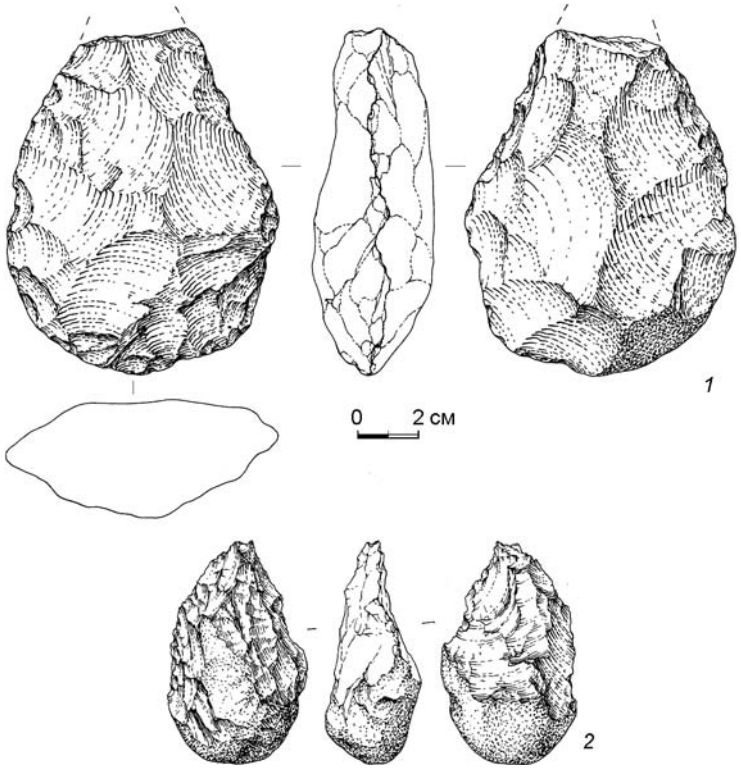


Рис. 2. Рубила. Дарвагчай-карьер-1 (*1*) и Дарвагчай-залив-2 (*2*).

и основании орудие имеет максимальную ширину и толщину. В поперечном сечении изделие двояковыпуклое, обе стороны оформлены разновеликими сколами, дополнительная подправка ретушью отсутствует. Продольные края слабоизвилистые, массивное основание частично оформлено крупными поперечными сколами, дистальный край сильно уплощен удлиненными сколами, направленными от острия вдоль длинной оси орудия.

Дюбекчай. Рубило крупных размеров изготовлено на плоском желваке из окремненного известняка бежево-серого цвета (15,5 × 11,2 × 5,3 см). Орудие средне окатанное, округлой формы, в сечениях двояковыпуклое. Обе стороны частично оббиты широкими сколами. Лезвия извилистые, дополнительно оформлены крупной эпизодической, выравнивающей ретушью. Дистальный конец орудия приострен мелкой двусторонней ретушью. Основание грубо оббито сколами, в результате чего была образована крупная выемка, которая имеет дополнительную подправку крутой, односторонней ретушью.

Раннепалеолитические комплексы, в которых были обнаружены бифасиально обработанные орудия, сформировались на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня, являвшиеся непосредственной составляющей слоя, в котором залегали каменные артефакты. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, несмотря на то, что наибольшее количество артефактов выполнено из кремня, все макро изделия изготовлены из песчаника и известняка. Кремень плохого качества, трещиноватый, не дающий правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне и слабо окатанная.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В тоже время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы [Рыбалко, 2014б, с. 132]. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий.

Список литературы

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014а. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань: Отечество, 2014б. – Т. I. – С. 128–132.

References

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography,* Antropology of *Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014a, vol. XX, pp. 73–76 (in Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda*. Kazan, 2014b, vol. I, pp. 128–132 (in Russ.).

УДК 902/904

А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Каменная индустрия финала среднего палеолита с местонахождения Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные

Статья посвящена результатам исследований среднепалеолитического комплекса Дарвагчайского геоархеологического района, артефакты которого дополняют фактический материал изучаемого культурно-хронологического диапазона на территории Северо-Восточного Кавказа. Обнаруженная коллекция каменного инвентаря памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Технико-типологические особенности каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике палеолита Приморского Дагестана. Данные исследования финального этапа среднего палеолита позволяют приблизиться к решению проблемы появления и развития человека современного физического типа. Это дает возможность не только реконструировать культурно-исторический процесс на данной территории в неоплейстоцене, но решить проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита Кавказа и Арало-Каспийского бассейна в целом.

Ключевые слова: *Северо-Восточный Кавказ, средний палеолит, леваллуазское расщепление, неоплейстоцен.*

A.G. Rybalko, A.V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Final Middle Paleolithic Stone Industry from the Darvagchai-Zaliv-1 Site (South Eastern Dagestan): The New Data

This article presents the archaeological data on the Final Middle Paleolithic complex from the Darvagchai geoarchaeological area. These data supplement the factual material of this cultural and chronological range at the territory of North Eastern Caucasus. The Levallois knapping technique and typical Middle Paleolithic tool assemblage characterize the lithic material of this cultural chronological complex from the Darvagchai-zaliv-1 site. The special technical and typological character of the lithic industry with strongly marked Levallois traits supposes the specific character of the Paleolithic in Seaside Dagestan. This study of the Final Middle Paleolithic allows standing closer to solution to problem of appearance and development of the modern human type. It allows reconstructing the cultural and historical process at this territory during Neo-Pleistocene and solving out the problem of content and boundaries of the cultural chronological Paleolithic epochs in the Caucasus and Aral-Caspian Basin generally.

Keywords: *North Eastern Caucasus, Middle Paleolithic, Levallois technology, Neo-Pleistocene.*

Стоянка Дарвагчай-залив-1 (42°07′36,7″ с.ш., 048°01′51,2″ в.д.) открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива в районе селения (кутана) Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н, Республика Дагестан) [Деревянко, Зенин В.Н., Лещинский и др., 2007].

Памятник расположен на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы [Деревянко, Зенин В.Н., Рыбалко и др., 2009а]. Верхняя часть террасы имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в преде-

лах 154–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. Склон местами задернован, покрыт луговой растительностью и редким кустарником. В нижней части склона, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного ракушняка (бакинского возраста), переходящих в структурный уступ высотой до 4–5 м. Данные ракушняки являются своеобразным стратиграфическим репером позволяющим коррелировать геологические разрезы в долине р. Дарвагчай.

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, результатом которых явилось обнаружение четырех разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [Деревянко, Зенин В.Н., Рыбалко и др., 2009б].

Каменные артефакты рассматриваемого культурно-хронологического комплекса были обнаружены на верхней, распаханной части террасы на территории, непосредственно примыкающей к памятнику. По своим технико-типологическим характеристикам полученные археологические материалы были отнесены к финальному этапу среднего палеолита [Там же].

В 2016 г. после проведения сельскохозяйственных работ был проведен тщательный осмотр участка, содержащего материалы данного культурно-хронологического комплекса, в результате чего был собран подъемный материал.

Коллекция состоит из 63 артефактов, в том числе нуклеусы – 20 экз., сколы – 42 экз. и один отбойник, представляющий собой плоскую гальку крупных размеров со следами забитостей.

Нуклеусов насчитывается 20 предметов.

Самую многочисленную группу составляют одноплощадочные монофронтальные ядрища параллельного принципа скалывания в количестве 11 предметов. Нуклеусы средних и крупных размеров, ударные площадки слегка скошены, в 7 случаях образованы одним снятием, в остальных сохраняют естественную поверхность. Фронты скалывания в основном слегка выпуклые и содержат негативы многочисленных, часто заломистых снятий среднего размера. Латерали и основания несут следы незначительной подправки мелкими сколами. Контрфронт в большинстве случаев покрыт галечной коркой и только в единственном случае обработан центростремительными снятиями, еще в одном случае контрфронтом является естественная поверхность разлома тела ядрища по трещине.

Два нуклеуса представлены двуплощадочными монофронтальными ядрищами крупного размера, кубовидной формы. Противолежащие ударные площадки скошены и оформлены мелкими снятиями. Слегка выпуклые фронты скалывания сохраняют негативы параллельных встречных, часто заломистых снятий. Латерали, как и контрфронты, дополнительного оформления не имеют.

Двуплощадочный бифронтальный нуклеус встречного принципа раскалывания среднего размера, кубовидной формы. Плоские противолежащие ударные площадки образованы единичными снятиями. Плоские фронты скалывания несут негативы параллельных мелких снятий.

Леваллуазские ядрища представлены тремя предметами крупных размеров, овальной формы. Все они являются сильно истощенными. Ударные площадки удалены последними снятиями. Фронты скалывания плоские, сохраняют негативы последних целевых снятий. Латерали оформлены мелкими сколами со стороны фронта скалывания. Контрфронты во всех случаях сохраняют естественную поверхность.

Конусовидный нуклеус крупного размера, овальной формы. Ударная площадка галечная. Сильно выпуклый фронт скалывания сохраняет негативы центростремительных снятий среднего размера.

Также единичными экземплярами в коллекции представлены радиальное двустороннее ядрище подтреугольной формы с негативами снятий среднего размера и обломок нуклеуса, фрагментированный в ходе снятия технического скола, в результате чего более подробное его определение затруднено.

Индустрия сколов насчитывает 42 предмета, включая три фрагмента. Первичных сколов 3 экз., предметы средних размеров с фасетированными остаточными ударными площадками. Вторичные сколы насчитывают 9 экз. У двух крупных предметов остаточные ударные площадки являются фасетированной и неопределимой. Вторичные сколы средних размеров насчитывают семь предметов, из которых пять укороченных имеют естественные (1), гладкие (2) и точечные (1) ударные площадки. Два последних скола удлиненных пропорций имеют гладкие ударные площадки. Отщепов в коллекции 28 экз. Крупных предметов 3 экз., остаточная площадка в двух случаях гладкая, в одном фасетированная. Огранка дорсала определима в двух случаях как параллельная однонаправленная. Отщепов средних размеров 16 экз., из них удлиненных снятий 6, все остаточные ударные площадки гладкие. У семи укороченных сколов ударные площадки определимые в четырех случаях, из которых три гладкие и одна естественная. Огранка дорсала в основном параллельная однонаправленная, лишь только два предмета обладают ортогональной и конвергентной огранками. Мелкие отщепы насчитывают 9 экз., все укороченные, из них 6 с гладкой ударной площадкой, 3 с естественной и 1 с фасети-

рованной. Огранка дорсала у 5 предметов параллельная однонаправленная, у 3 – ортогональная и у 1 – параллельная бинаправленная.

Также в индустрии сколов присутствует одна мелкая пластина с гладкой остаточной ударной площадкой и параллельной бинаправленной огранкой дорсала.

Орудийный набор представлен шиповидным орудием, выполненным на укороченном отщепе средних размеров. Используя естественную приостренную форму заготовки, рабочий элемент оформлен на дистальном крае путем нанесения дорсальной крутой мелкофасеточной ретуши.

Полученная коллекция артефактов позволяет сделать несколько выводов. В качестве сырья использовались окремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков, галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. По своим технико-типологическим характеристикам материалы данного культурно-хронологического комплекса соответствуют финальному этапу среднего палеолита. Об этом свидетельствует комплекс данных, включающих типологический состав нуклеусов и орудий, характер первичного расщепления, а также применяемую технику скола. По совокупности признаков, в первую очередь, по наличию хорошо развитой леваллуазской техники, а в орудийном наборе таких своеобразных изделий как скребла-ножи на пластинчатых заготовках и отсутствию бифасиальных изделий, данный комплекс наиболее близок инвентарю нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан), которые по данным абсолютного датирования имеют возраст (открытая дата) более 43700 л.н. [Анойкин, Лунева, Ахтерякова и др., 2011, Деревянко, Амирханов, Зенин В.Н. и др., 2012].

Учитывая, что в представленной каменной индустрии памятника Дарвагчай-залив-1 полностью отсутствуют позднепалеолитические типы орудий и нуклеусов, можно предположить о немного более древнем возрасте комплекса в пределах хронологического интервала 50-60 тыс. л.н.

Особенности распределения каменного материала в геологическом горизонте, его качественная и количественные составляющие, позволяют определить данный культурно-хронологический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1, как многократно посещаемую кратковременную мастерскую-поселение.

Список литературы

Анойкин А.А., Лунева Д.Е., Ахтерякова А.В., Борисов М.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 4–9.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 78–79.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А. Археологические материалы финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 (по материалам подъемных сборов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – Т. XV. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – Т. XV. – С. 106–111.

References

Anoikin A.A., Luneva D.E., Akhteryakova A.V., Borisov M.A. Issledovaniya mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Tinit-1 (Yuzhnyi Dagestan) v 2011 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 4–9 (in Russ.).

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Zenin V.N., Leshchinskii S.V., Kulik N.A., Zenin I.V. Issledovaniya rannego paleolita v Yuzhnom Dagestane. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 78–79 (in Russ.).

Derevianko A.P., Zenin V.N., Rybalko A.G., Anoikin A.A. Arkheologicheskie materialy finala srednego paleolita stoyanki Darvagchai-zaliv-1 (po materialam pod"emnykh sborov). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009a, vol. XV, pp. 96–101 (in Russ.).

Derevianko A.P., Zenin V.N., Rybalko A.G., Leshchinskii S.V., Zenin I.V. Darvagchai-zaliv-1 – novyi mnogosloinyi pamyatnik v Yuzhnom Dagestane. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009b, vol. XV, pp. 106–111 (in Russ.).

УДК 902.21

Е.П. Рыбин[1, 2], А.М. Хаценович[1, 3], Б. Гунчинсурэн[4], Р.А. Шелепаев[3, 5], Д. Одсурэн[4], Ц. Болорбат[4], Г. Маргад-Эрдэнэ[4], А.Ю. Попов[3, 6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Институт истории и археологии АН Монголии
[5]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[6]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
E-mail: rybep@yandex.ru

Роль специфического каменного сырья в освоении среднего течения реки Селенги палеолитическими популяциями*

Бассейн р. Селенги и ее притоков являлся в палеолите одним из наиболее заселенных регионов Центральной Азии. Недавние геохимические и петрографические исследования указали на то, что толща силицитов, пригодных для использования при расщеплении, вместе с вмещающими ее пермскими отложениями, пересекает правые притоки среднего течения р. Селенги. В этих долинах известно свыше 70 палеолитических местонахождений, каменные индустрии которых основаны на этой разновидности сырья. Обнаружение здесь в результате разведок новых памятников начального и раннего верхнего палеолита Худжиртын-1, -2 и Арцтын-Гол-1 дает возможность очертить ареал этих индустрий. Полученные данные позволяют говорить о том, что сырьевой фактор являлся одним из определяющих при освоении человеком данного региона.

Ключевые слова: *Северная Монголия, палеолит, силицит, каменная индустрия.*

E.P. Rybin[1, 2], A.M. Khatsenovich[1, 3], B. Gunchinsuren[4], R.A. Shelepaev[3, 5], D. Odsuren[4], Ts. Bolorbat[4], G. Margad-Eredene[4], A.Yu. Popov[3, 6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]Novosibirsk State University
[4]Institute of History and Archaeology MAS
[5]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[6]A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
E-mail: rybep@yandex.ru

The Significance of the Specific Stone Raw Material in Occupation of Middle Selenga by the Paleolithic Population

Basin of the Selenga River with tributaries was one of the most occupied region in the Paleolithic of Central Asia. The recent geochemical and petrographic research indicated that rock mass of high-quality cherts from Permian strata crosses the right tributaries of Selenga. More than 70 Paleolithic occurrences are known in the local valleys of the right tributaries of the Middle Selenga. Their lithic industries base on this type of raw material. When the new Initial and Early Upper Paleolithic sites of Khudzhirtyn-1, -2 and Artstyn-Gol-1 were found it gave an opportunity to define the areal of these industries. The new data allow supposing that raw material factor was the one of determinant in the occupation of this region by the human populations.

Keywords: *Northern Mongolia, Paleolithic, chert, lithic industry.*

*Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ № 14-06-00163А, 15-36-20820 мол_а_вед.

Бассейн среднего течения Селенги, исходя из насыщенности выявленных на настоящий момент стратифицированных палеолитических стоянок и памятников с поверхностным залеганием материала, являлся одним из самых заселенных регионов в Северной и Центральной Азии. На протяжении около 200 км в зоне его субширотного простирания на территории севера Центральной Монголии, от впадения в Селенгу ее левого притока р. Хануй-гол до впадения р. Орхон, известно более 70 палеолитических местонахождений, и список их по мере дальнейшего изучения продолжает увеличиваться. Столь высокая для Южной Сибири и Центральной Азии интенсивность обитания не может объясняться только стратегически выгодным географическим положением, позволяющим беспрепятственно перемещаться по долине главной реки и ее притоков. Не менее важным, а порой и детерминирующим фактором существования человеческих популяций и их поселенческой мобильности в эпоху палеолита было наличие в изучаемом регионе каменного сырья, пригодного для первичного расщепления и последующей обработки. В 2014 – 2015 гг. геохимическое и петрографическое изучение состава коллекций верхнепалеолитических памятников и свит, вмещающих толщи пород, расположенных в долинах притоков Селенги р. Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол, показали, что древний человек для раскалывания отбирал местные осадочные породы – силициты – на открытых источниках из толщи или в виде отдельностей по склонам гор [Рыбин, Шепелев, Хаценович, 2014].

Тулбурская свита, иногда называемая также «базальтовой», совместно с подстилающей ее харганской или «туффитовой» свитой, составляют верхнюю часть непрерывного разреза отложений пермской системы, который, в данном сегменте Центрально-Азиатского складчатого пояса, относится к хануйгольской серии Селенгинского вулканического пояса. Тулбурская свита представлена потоками базальтов, трахибазальтов, андезитов, их туфами, туфоалевролитами, с редкими слоями силицитов (кремнистых пород с небольшой долей обломочного материала). Харганская свита характеризуется схожим составом пород, однако в ее разрезе преобладают вулканогенно-осадочные породы. По мощности слои силицитов слагают первые проценты от всей мощности хануйгольской серии. Отложения хануйгольской серии прорваны силлами долеритов и монцонитов мощностью до 200 м. В районе распространения горизонты пород хануйгольской серии, как правило, имеют субширотное простирание, при субмеридиональной ориентировке долин рек. Тулбурская свита верхней перми распространена широтной полосой вдоль северного склона хребта Бурэн-Нуру от сомона Баян-Агт на западе до города Эрдэнет на востоке. Отложения свиты обнажаются от реки Балигийн-Гол на западе до реки Бухын-Гол на востоке (рис. 1).

Первый палеолитический памятник Доролж, относящийся к этому петрографическому району, был обнаружен в 1999 г. в устье р. Эгийн-Гол. В 2007 г. состоялись разведки отряда ИАЭТ СО РАН в западном направлении от р. Их-Тулбэрийн-Гол, по правым притокам р. Селенги – Балигийн-Гол, Хануй-Гол, Джаргалантийн-Гол, Унэгэдийн-Цаган-Гол. Всего было открыто 11 новых археологических пунктов, содержащих разновременные комплексы верхнего палеолита, и один пункт на р. Хануй-Гол, предположительно, со среднепалеолитическим компонентом [Гладышев и др., 2007]. Во всех вышеуказанных долинах были выявлены пластинчатые индустрии начального и раннего этапов верхнего палеолита.

Выявленная в 2014–2015 гг. связь палеолитических памятников с распространением отложений пермской системы, вмещающей толщу силицитов в долинах Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол, позволила сделать предположение о расселении верхнепалеолитических популяций по всем правым притокам р. Селенга. Стало ясно, что комплексы всех известных в описываемом в регионе палеолитических объектов базировались на одном и том же сырье, происходящем из пермских отложений. Исходя из этого, долины притоков Селенги, прорезающих пермские отложения, могли стать перспективным полигоном для обнаружения палеолитических комплексов. Для верификации этой гипотезы в течение 2015–2016 гг. были проведены геолого-археологические разведки. В 2015 г. был обследован левый борт долины р. Нарийн-Тулбэрийн-Гол. В 2016 г. направлением маршрута были выбраны притоки Селенги, расположенные к востоку от Их-Тулбэрийн-Гол – Арцтын-Гол и Худжиртын-Гол. В последней долине были обнаружены два палеолитических местонахождения.

Стоянки Худжиртын-1 и -2 расположены в среднем течении р. Худжиртын-гол, правого притока Селенги, в 14 км от места впадения. Расстояние между памятниками по прямой составляет 4 км. Широкая долина этой реки имеет меридиональное направление.

На правом и левом бортах долины выделяются полуцирки, сформированные склоновыми шлейфами. На одном из склонов по правому борту было обнаружено местонахождение Худжиртын-1 (49°17′00,2″ с.ш.; 103°15′52,3″ в.д.) с поверхностным залеганием артефактов, изготовленных из силицитов. Собранная коллекция, обладающая ви-

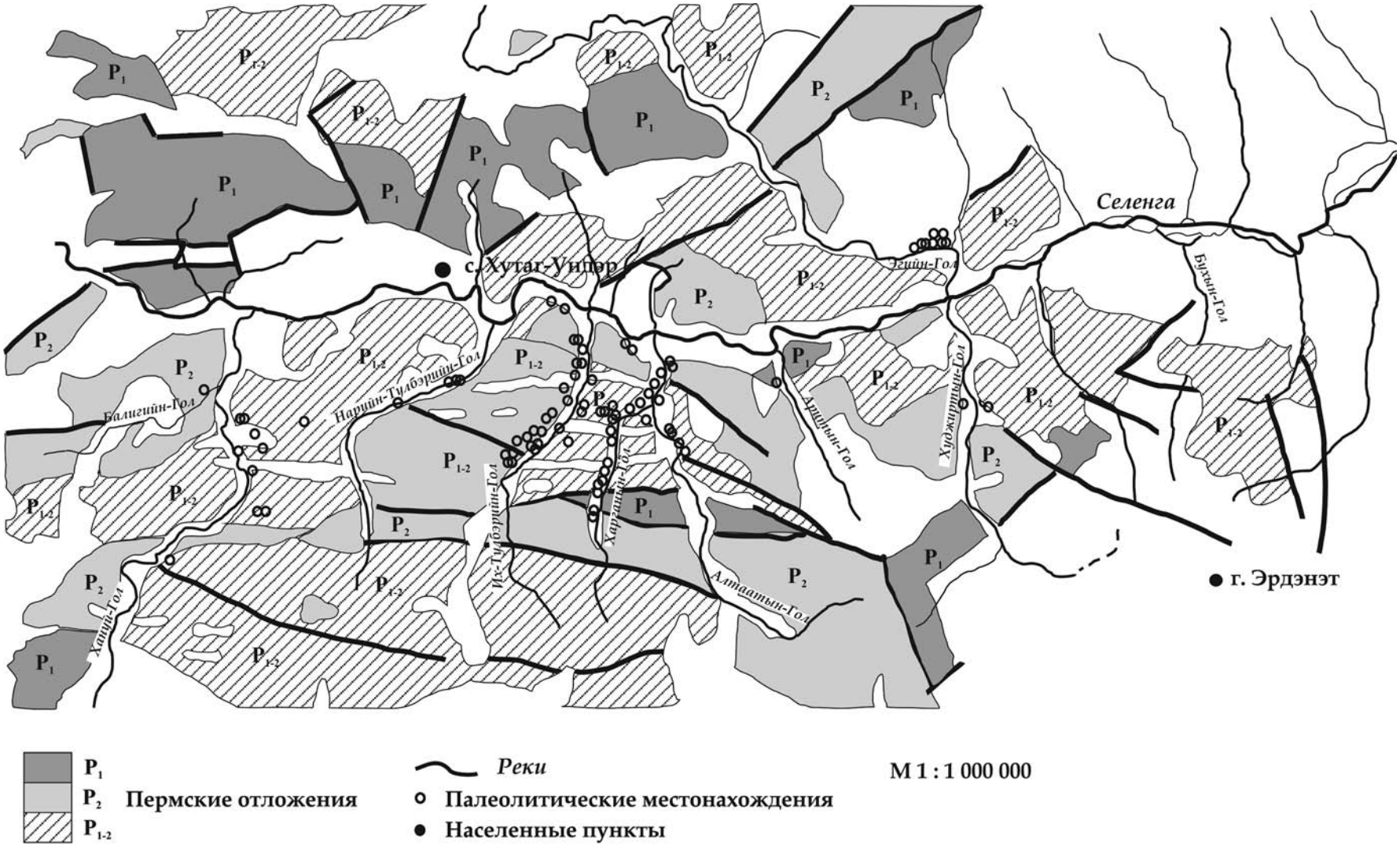


Рис. 1. Геологическая карта распределения пермских отложений и распространения палеолитических памятников в среднем течении р. Селенги (по: [Badarch et al., 1999]).

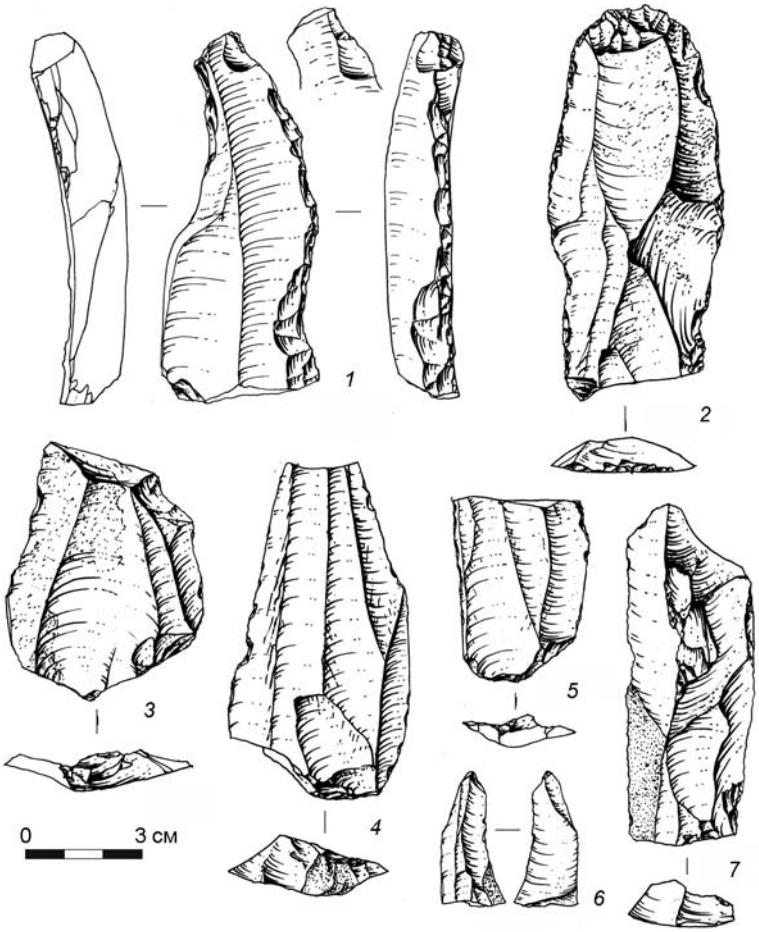


Рис. 2. Материалы разведочных работ.
1 – Худжиртын-1; *2–7* – Худжиртын-2.

дом, характерным для раннего верхнего палеолита, включала в себя сколы-заготовки: отщепы – 12 экз., пластинчатые отщепы – 2 экз., пластины – 12 экз. (ширина 20–30 мм, у 3 экз. – >30 мм). Орудия представлены тремя предметами, включающими две крупные ретушированные пластины, в том числе, и с резцовыми сколами (рис. 2, *1*), и ретушированный отщеп.

По левому борту долины, на локализованном участке пологого склона площадью около 50 кв. м., имеющем юго-восточную экспозицию и обращенном в сторону распадка ныне высохшего притока основной реки, на местонахождении Худжиртын-2 (49°16′01,7″ с.ш.; 103°40′52,7″ в.д.), были обнаружены каменные артефакты, изготовленные из силицитов, характерных для тулбурской свиты. Расположение памятника является типичным для поселенческих предпочтений палеолитических обитателей притоков Селенги. Подъемный комплекс памятника характеризуется наличием массивных пластин – 3 экз., два изделия относились к мелким пластинам. Также был обнаружен леваллуазский отщеп с выпуклой фасетированной площадкой и конвергентной огранкой дорсальной поверхности (рис. 2, *3*). Был найден концевой скребок на дистальном окончании крупной пластины с бипродольной огранкой (рис. 2, *2*).

На участке, возвышение которого относительно дна распадка составляет около 15 м, согласно падению склона, составляющего здесь около 15°, был заложен шурф размерами 2 × 1 м. При раскопках было выявлено 5 литологических слоев, вскрытая мощность достигала 170 см от дневной поверхности. Артефакты залегали в двух верхних слоях на глубину до 70 см.

Все обнаруженные артефакты имели свежую непатинизированную поверхность со следами карбонатной корки. В слое 1 было выявлено 8 артефактов: отщепы – 5 экз., пластины – 2 экз., пластинка. Наиболее многочисленный комплекс был представлен в слое 2. Всего было найдено 14 экз. артефактов. Более половины комплекса – 9 экз. – составляют крупные пластины и их фрагменты, отщепы – 4 экз., обломок 1 экз. В коллекции выделяются бипродольная остроконечная пластина с фасетированной площадкой (рис. 2, *4*), крупная полуреберчатая пластина (рис. 2, *7*), пластина с фасетированной ударной площадкой и эпизодической ретушью (рис. 2, *5*), срединный вентральный резец на пластине (рис. 2, *6*).

Учитывая относительно крутой угол падения склона в шурфе, можно предположить, что в этом месте произошло эрозионное срезание склона, выявившее залегавший ранее на значительной глубине культурный слой. Предварительно можно предположить, что в отложениях памятника содержатся два культурно-хронологических компонента – комплексы начального этапа верхнего палеолита с характерными бипродольными крупными пластинами (сл. 2) и раннего верхнего палеолита (сл. 1).

К западу относительно Худжиртын-Гол располагается еще один правый меридиональный приток Селенги – р. Барун-Нарийн-Гол (местным жителям она известна, как Арцтын-Гол). Здесь также было выявлено местонахождение с поверхностным залеганием материала Артцтын-Гол-1 (49°19′18,1″ с.ш.; 103°34′13,6″ в.д.), в коллекции которого присутствует 2 удлиненных пластины правильной формы и 4 отщепа.

Широкое распространение схожих каменных индустрий, обнаруживаемых в одних и тех же

геоморфологических локусах, основывавшихся на одном и том же каменном сырье, позволяет предположить существование в среднем течении Селенги взаимосвязанных популяций, основывавшихся при изготовлении артефактов на осознанном отборе разновидностей сырья, обладающих необходимыми для использовавшейся технологии свойствами. Основная часть этих комплексов относится к ранним стадиям верхнего палеолита, в некоторых случаях возможно предполагать и более ранний возраст объектов. Распространение подобных индустрий на таком же сырье фиксируется и в долине р. Хойт-Тамир-Гол в Центральной Монголии, где также присутствуют небольшие участки пермских отложений. Здесь известен стратифицированный памятник верхнего палеолита Цацын-Эрэг-2. Индустрия содержит леваллуазские острия, скошенные острия, нуклеусы-резцы, нуклеусы для производства крупных остроконечных пластин в бипродольной системе скалывания, характерные для начального верхнего палеолита [Simonet et al., 2012]. Показанная картина распределения специфических культурных традиций во взаимодействии с конкретным типом сырья подводит к предположению, что сырьевой фактор играл основополагающую роль в расселении человека с начального этапа верхнего палеолита Монголии и, вероятно, являлся одной из основных причин, обусловивших выраженную, по сравнению с соседними регионами, интенсивность заселения долин среднего течения Селенги, которые пересекают толщи силицитов в составе пермских отложений.

Список литературы

Гладышев С.А., Лбова Л.В., Рыбин Е.П., Эрдэнэ-Очир Н. Разведочные работы в бассейне реки Хануй-гол (Монголия, Булганский аймак) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 49–53.

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Хаценович А.М. Исследования источников каменного сырья палеолитических объектов долин рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 87–90.

Badarch G., Makhbadar Ts., Orolmaa B., Tomurtogoo O., Khosbayar P. Geological map of Mongolia. Scale 1:1000000. – Ulaanbaatar: Institute of Geology and Mineral Resources MAS, 1999.

Simonet A., Tseveendorj D., Goutas N., Magail J., Moulle P.-E., Arrellano A. Tsatsyn Ereg 2: campagne 2012 de la mission archeologique Monaco-Mongolie // Bul. de la Musee d'Anthropologie Préhistorique de Monaco. – 2012. – No. 52. – P. 113–123.

References

Badarch G., Makhbadar Ts., Orolmaa B., Tomurtogoo O., Khosbayar P. Geological map of Mongolia. Scale 1:1000000. Ulaanbaatar: Institute of Geology and Mineral Resources MAS, 1999.

Gladyshev S.A., Lbova L.V., Rybin E.P., Erdene-Ochir N. Razvedochnye raboty v basseine reki Khanui-gol (Mongoliya, Bulganskii aimak). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 49–53 (in Russ.).

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Khatsenovich A.M. Issledovaniya istochnikov kamennogo syr'ya paleoliticheskikh ob"ektov dolin rek Ikh-Tulberiin-Gol i Kharganyn-Gol v Severnoi Mongolii. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 87–90 (in Russ.).

Simonet A., Tseveendorj D., Goutas N., Magail J., Moulle P.-E., Arrellano A. Tsatsyn Ereg 2: campagne 2012 de la mission archeologique Monaco-Mongolie. *Bulletin de la Musee d'Anthropologie Préhistorique de Monaco*, 2012, No. 52, pp. 113–123.

УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1, 2], А.М. Хаценович[1, 3], Н. Звинс[4], Б. Гунчинсурэн[5], А.А. Анойкин[1, 3], В.М. Харевич[1], Ц. Болорбат[5], Д. Одсурен[5], Г. Маргад-Эрдэнэ[5], Д. Нойер[4], Н.А. Кулик[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Калифорнийский университет, США
[5]Институт истории и археологии АН Монголии
E-mail: rybep@yandex.ru

Новая культурная последовательность палеолитической стоянки Толбор-21 (Северная Монголия)*

Стоянка Толбор-21 расположена в Северной Монголии. В ходе раскопок 2016 г. исследовалась западная часть стоянки. В раскопе 2 были выявлены пять культурных горизонтов: от финала верхнего палеолита до начального верхнего палеолита, который здесь ранее не идентифицировался. В горизонте 3Б впервые для начального верхнего палеолита долины Толбора были выявлены структурированные кострища. При раскопках разведочной траншеи 1, в слое темно-коричневого суглинка (возможно, палеопочва), были обнаружены два артефакта – радиальный нуклеус и отщеп с фасетированной ударной площадкой. Глубина залегания артефактов составляет 6 м относительно дневной поверхности и 4,5 м относительно нижнего культурного слоя раскопа. Все известные в долине культурные комплексы ранее относились к различным этапам верхнего палеолита. Исходя из стратиграфического положения данных артефактов, можно предположить, что они относятся к наиболее древней в Северной Монголии культурной страте.

Ключевые слова: *палеолит, Монголия, стратиграфия, каменная технология, кострища.*

E.P. Rybin[1, 2], A.M. Khatsenovich[1, 3], N. Zwyns[4], B. Gunchinsuren[5], A.A. Anoikin[3], V.M. Kharevich[1], Ts. Bolorbat[5], D. Odsuren[5], G. Margad-Erdene[5], J. Noyer[4], N.A. Kulik[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]Novosibirsk State University
[4]University of California, USA
[5]Institute of History and Archaeology MAS
E-mail: rybep@yandex.ru

The New Cultural Sequence of the Tolbor-21 Paleolithic Site (Northern Mongolia)

Tolbor-21 site is situated in the Northern Mongolia. The goal of excavation campaign 2016 was to research the western part of this occurrence. Five cultural horizons were uncovered in the excavation area 2: from the Final Upper Paleolithic to the Initial Upper Paleolithic. The last one was not identified here before. Combustion structures with clear microstratigraphy from horizon 3B are first present in the strata of Initial Upper Paleolithic of the Tolbor valley. During the excavation of the test trench 1 the centripetal core and flake with facetted striking platform were found out into the layer of dark brown clay loam (possible paleosoil). Artifacts were buried at a depth of 6 m from the modern surface and 4,5 m from the lowermost cultural layer of the excavation area 2. Before this, all of the known cultural complexes in the valley were associated with the different stages of the Upper Paleolithic. Following on the stratigraphic position of these artifacts it can be supposed that they relate to the earlier cultural strata in the Northern Mongolia.

Keywords: *Paleolithic, Mongolia, stratigraphy, lithic technology, hearths.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

В долине р. Толбор, правого притока р. Селенга, расположенной на севере Монголии, известна одна из наиболее плотных концентраций палеолитических объектов в Центральной Азии. Этот небольшой регион предоставляет возможность комплексного исследования смены культурных традиций, поселенческих систем и стратегий мобильности в этой важной «транзитной» области востока Центральной Азии. Все изученные памятники представляли различные этапы верхнего палеолита.

Регулярные археологические раскопки на стоянке Толбор-21, открытой в 2011 г., проводились в 2014–2015 гг. В результате этих работ на раскопе 1, расположенном у восточного края местонахождения, были выявлены комплексы финального – раннего верхнего палеолита [Табарев и др., 2012; Рыбин и др., 2015].

Исследования 2016 г. были направлены на изучение планиграфии культурных остатков в различных частях обширного склонового шлейфа, где расположен Толбор-21, и выявление последовательности культурных слоев этих комплексов. На участке поверхности, прилегающей к склону эрозионного лога, являющегося западной границей памятника, был заложен раскоп 2, ориентированный по линии север-юг. Отложения мощностью до 170 см были вскрыты на площади 12 м^2. По линии запад-восток, в непосредственной близости от раскопа 1, была разбита траншея 1, имеющая ширину 1 м, разрезавшая ступеньками склон на глубину до 7 м. В 20 м к северу от раскопа 1, вверх по склону, была разбита траншея 2, имеющая те же характеристики.

В разрезе раскопа 2 было выявлено четыре литологических слоя, вскрытых на глубину до 170 см. В них было выделено 5 культурных горизонтов (описание дается по восточной стенке раскопа):

Слой 1 (0–10 см). Почва каштанового цвета. Включает в себя культурные остатки горизонта 1.

Слой 2 (10–60 см). Состоит из двух литологических страт – верхняя 2А, имеющая белесый цвет и сцементированную структуру, мощность составляет 10–15 см. В отложениях выявлен культурный горизонт 2А. Нижняя страта 2Б представляет собой светло-желтые лессовидные отложения мощностью ок. 40–45 см. Включает культурный горизонт 2Б.

Слой 3 (60–150 см). Ламинарные лессовидные отложения, сформированные прослойками алевритов, суглинков и песков толщиной от 1 до 10 см. В верхней части слоя располагается страта 3А мощностью 20 см, соответствующая культурному горизонту 3А. Генезис этих отложений связан с медленно проистекавшими склоновыми эрозионными процессами. Ниже залегает страта 3Б мощностью до 70 см. Формирование этих седиментов происходило в спокойном режиме осадконакопления. В верхней части этого литологического горизонта залегает комплекс культурного горизонта 3Б. Толщина культуросодержащих отложений этого подразделения колеблется от 20 до 30 см, основание культурного горизонта маркируется пятнами прокалов.

Слой 4 (150–170 см; видимая мощность). Лессовидные супесчаные солифлюциированные отложения, включающие в себя обломки и щебень.

Общее количество артефактов, полученных при раскопках 2016 г., превышает 5000 экз.

В отложениях слоя 1 был обнаружен маленький ассамбляж патинизированных артефактов.

Слой 2 представлен двумя культурными горизонтами. Комплекс горизонта 2А малочислен, в основном представлен аморфными сколами и единичными орудиями.

Значительно более многочисленна и типологически выражена индустрия горизонта 2Б. Первичное расщепление характеризуется доминированием производства небольших отщепов и мелких пластин, получавшихся при редукции плоскостных и подпризматических нуклеусов (рис. 1, *7*). Представлены мелкие подпризматические нуклеусы, направленные на производство пластинок и мелких пластин (рис. 1, *6*). Свидетельства микрорасщепления, помимо серии нерегулярных микропластинок, отсутствуют. В орудийном наборе, кроме ретушированных отщепов и скребел, изготовленных на отщепах (рис. 1, *8*), имеется серия орудий, изготовленных на пластинках – с притупленным краем, тронкированные и битронкированные трапециевидные формы (рис. 1, *1–3*). Присутствуют шиповидные орудия, скребки и струги (рис. 1, *4*, *5*).

Существенно увеличивается доля пластин в литологическом слое 3. В верхнем горизонте 3А представлены плоскостные двуплощадочные и одноплощадочные нуклеусы с субпараллельными негативами снятий коротких пластин и прямоугольных отщепов (рис. 1, *13*). Также найден центростремительный нуклеус (рис. 1, *15*). Следует отметить почти исключительно однонаправленную огранку пластинчатых сколов. В составе орудий имеются ретушированные сколы, шиповидные орудия, скребло, концевые скребки на пластинах и отщепах, острия (рис. 1, *11–13*). Присутствует серия орудий на пластинках – тронкированные, с притупленным краем, острие с притупленным краем (рис. 1, *10*, *16*).

В горизонте 3Б были выявлены два уровня залегания артефактов, связанные с двумя кострищами, расположенными горизонтально относительно угла падения склона. Перепад глубин между основания-

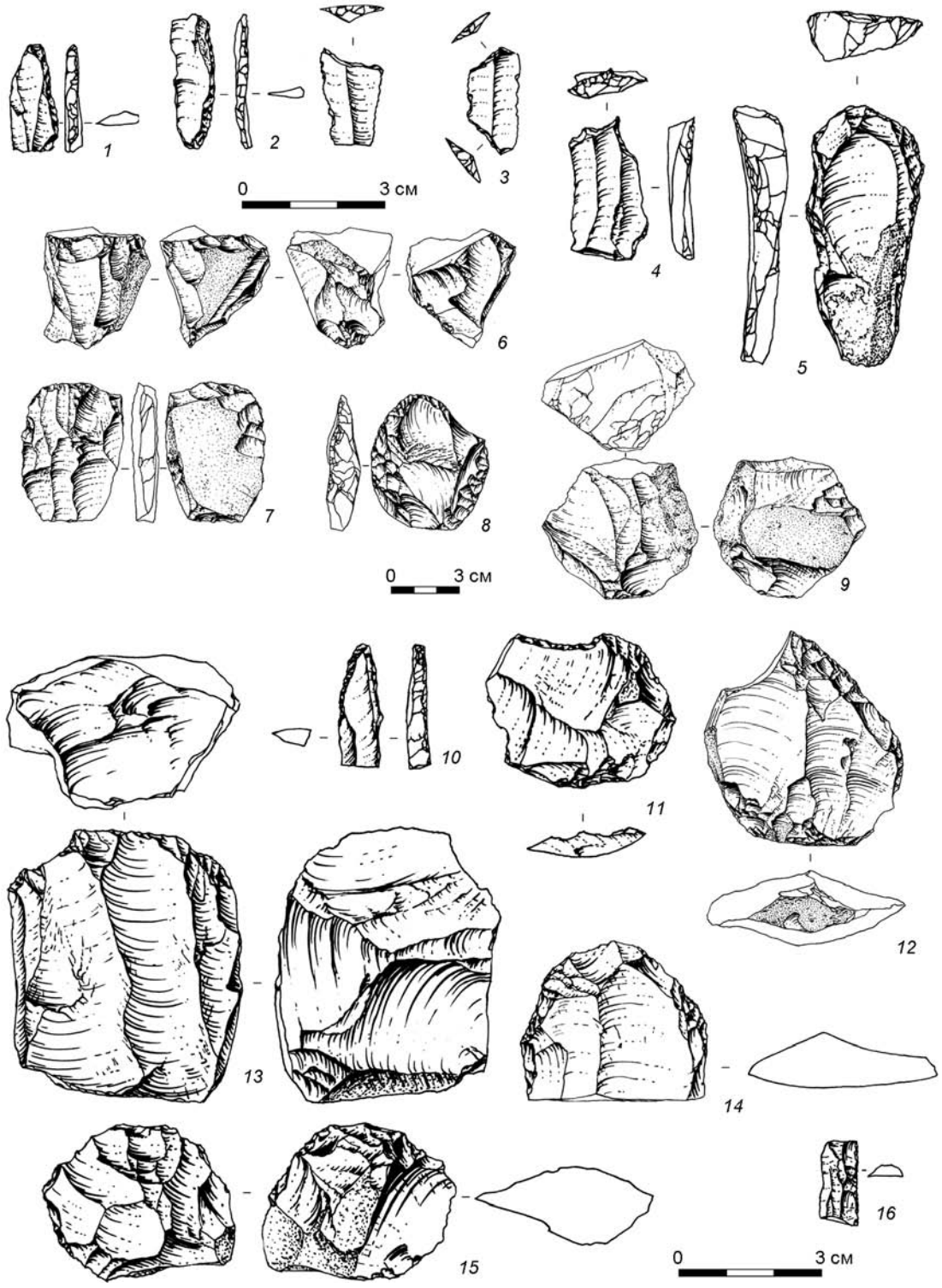


Рис. 1. Артефакты из раскопа 2. Толбор-21.
1–9 – археологический горизонт 2; *10–16* – археологический горизонт 3А.

ми кострищ составляет 5 см. Их мощность варьирует от 5 до 10 см, с ними связаны кости и артефакты, некоторые из которых испытали термическое воздействие, а также камни из местной породы, формирующие у одного из кострищ фрагментарную линию обкладки (?) с крупным приочажным камнем.

Заметные отличия по сравнению с верхними слоями наблюдаются и в характеристиках каменной индустрии. Среди пластин присутствуют крупные остроконечные формы с двугранными или фасетированными ударными площадками (рис. 2, *1*). Нуклеусы находятся в различных стадиях оформле-

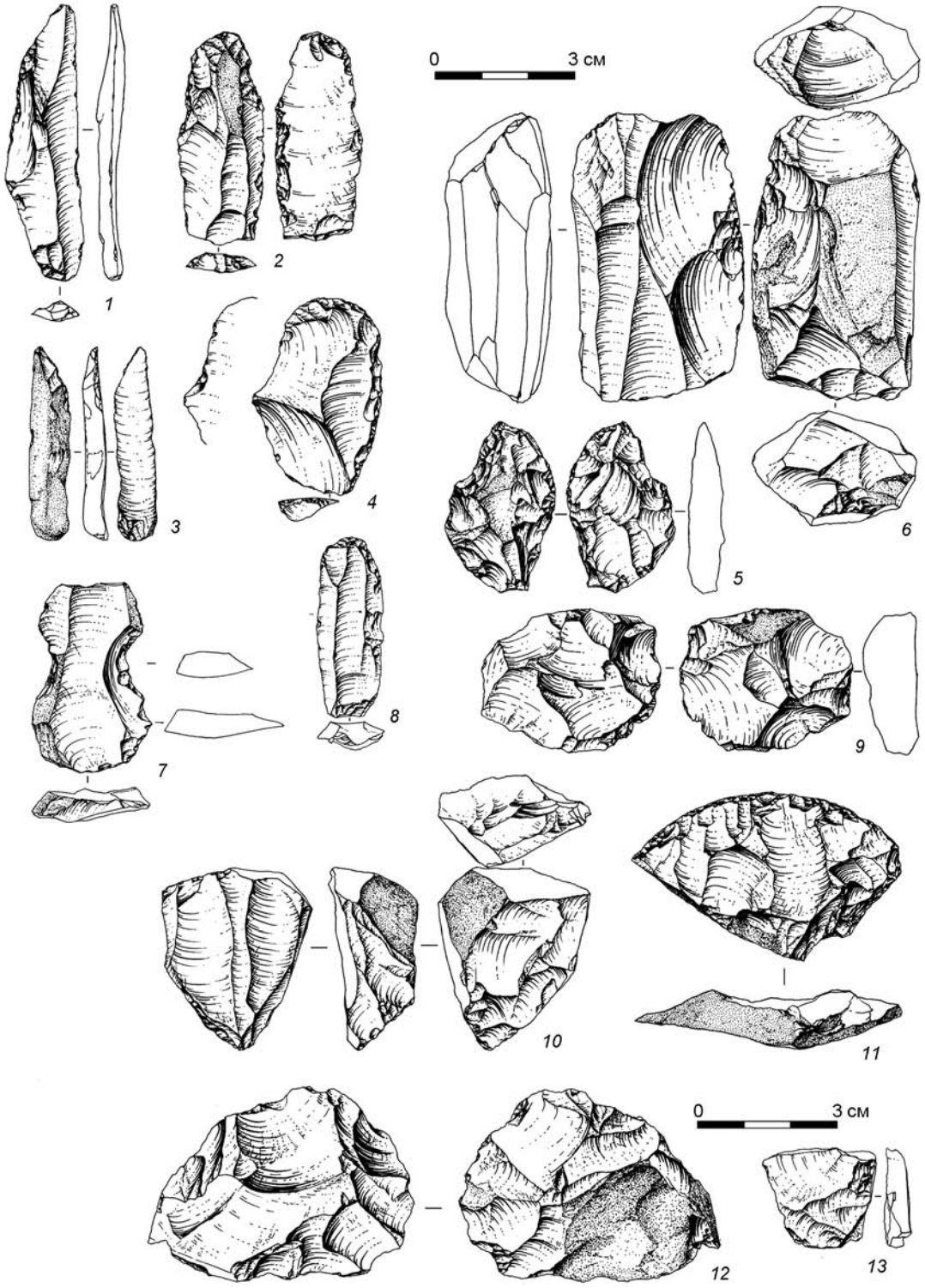


Рис. 2. Артефакты из раскопа 2. Толбор-21.
1–11 – археологический горизонт 3Б; *12, 13* – траншея 1, нижний горизонт.

ния, представляя собой как преформы, так и начало регулярного расщепления. Наиболее распространены бипродольные подпризматические нуклеусы, оставленные либо на стадии снятия регулярных заготовок, либо на конечной стадии утилизации (рис. 2, *6*, *10*). Эти нуклеусы обладают выпуклым фронтом, зачастую заходящим на торец ядрища, одна или две латерали обработаны двусторонними сколами или ретушью, на фронте фиксируются негативы встречных снятий крупных удлиненных пластин. Также здесь известны и центростремительные нуклеусы (рис. 2, *9*).

Заготовками для 45 % орудий послужили пластинчатые сколы. В составе орудийного набора, помимо «фоновых» типов орудий, таких как ретушированные сколы (включая массивную пластину «с перехватом» (рис. 2, *7*)) и шиповидные орудия, представлены скребла, концевые скребки на крупных пластинах (рис. 2, *2*, *4*, *8*). Некоторые типы орудий относятся к специфическим. Так, в заполнении кострища 1 был найден листовидный бифас и скребло-нож (рис. 2, *5*, *11*); в отложениях кострища 2 было выявлено скошенное острие с уплощением поперечного (дистального) края (рис. 2, *3*).

При раскопках разведочной траншеи 1, расположенной в непосредственной близости раскопа, в слое темно-коричневого суглинка (вероятная палеопочва) были обнаружены два артефакта. Глубина залегания артефактов составляет 6 м относительно дневной поверхности и 4,5 м относительно залегания нижнего культурного слоя раскопа. Первый предмет представляет собой двусторонний центростремительный нуклеус, второй является краевым сколом с фасетированной площадкой (рис. 2, *12*, *13*). Края артефактов неповрежденные, что говорит об их относительно быстром захоронении и отсутствии их значительной транспортировки естественными агентами.

Раскопки траншеи 2 в верхней части склона показали наличие здесь насыщенного культурного слоя, содержащего серийные выразительные артефакты. Этот участок памятника является очень перспективным для дальнейших исследований.

Колонка культурных отложений, изученная на раскопе 2, выглядит следующим образом: маленькая коллекция гор. 2А залегает в позднесартанских – раннеголоценовых супесях. Это литологическое подразделение представлено на большинстве памятников толборской долины. Горизонт 2Б может быть отнесен к периоду, непосредственно следующему за последним ледниковым максимумом (ок. 18–16 тыс. л.н.). Ассамбляж горизонта 3А обладает характерной ранневерхнепалеолитической однонаправленной пластинчатой технологией. Впервые на Толборе-21 выделяется комплекс начального верхнего палеолита с его типичной бипродольной редукцией подпризматических и торцовых нуклеусов с выделенным ребром латералью и наличием специфических для начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии орудийных форм, таких, как скошенное острие с подтеской и листовидный бифас. Вместе с тем, данный ассамбляж не может быть определен как классический начальный верхний палеолит, представленный в Северной Монголии комплексом горизонта 6-5 стоянки Толбор-4. Учитывая, что наиболее вероятный его возраст может быть в пределах 38000–39000 л.н., исходя из датировки аналогичного литологического подразделения из раскопок 2011–2015 гг., индустрия горизонта 3Б Толбора-21 может относиться к финалу начального верхнего палеолита.

Наиболее интригующей выглядит находка артефактов в слое возможной палеопочвы, залегающей в основании разреза склоновых отложений Толбора-21. Исходя из стратиграфического положения и морфологии единичных пока артефактов, можно предположить, что этот комплекс является древнейшим из известных ныне в Северной Монголии. Дальнейшие исследования должны конкретизировать высказанные здесь предположения.

Список литературы

Рыбин Е.П., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Хаценович А.М., Харевич В.М., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Одсурен Д., Павленок Г.Д., Шелепаев Р.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 152–156.

Табарев А.В., Гунчинсурэн Б., Гиллам Дж.К., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звин Н., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия (разведочные работы с использованием ГИС-технологий в 2011 г.) // Археологийн судлал. – 2012. – Т. XXXII. – С. 26–43.

References

Rybin E.P., Zwyns N., Gunchinsuren B., Khatsenovich A.M., Kharevich V.M., Bolorbat Ts., Anoikin A.A., Odsuren D., Pavlenok G.D., Shelepaev R.A. Issledovaniya mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Tolbor-21 (Severnaya Mongoliya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighhoring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 152–156 (in Russ.).

Tabarev A.V., Gunchinsuren B., Gillam J.K., Gladyshev S.A., Dogandzhich T., Zwyns N., Bolorbat Ts., Odsuren D. Kompleks pamyatnikov kamennogo veka v doline r. Ikh-Tulberiin-Gol, Severnaya Mongoliya (razvedochnye raboty s ispol'zovaniem GIS-tekhnologii v 2011 g.). *Arkheologiin sudlal*. – 2012, vol. XXXII, pp. 26–43 (in Russ.).

УДК 903.32

В.А. Ульянов[1, 2], М.Б. Козликин[1], Н.Е. Белоусова[1], М.В. Шуньков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: kmb777@yandex.ru

Строение плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры: разрез 2016 года*

В 2016 г. были возобновлены исследования плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры. С целью уточнения литолого-стратиграфической последовательности основного (юго-восточного) профиля раскопа к нему была сделана прирезка по линии квадратов Ж, вскрывшая литологические слои 9, 11, 12, 14, 19–22. Общая мощность разреза составила ок. 4 м. В результате раскопочных работ были определены особенности залегания литологических слоев, прослежен характер постседиментационных деформаций осадка в разрезе. В частности, выявлена тенденция к устойчивому падению слоев к юго-восточной стенке пещеры и возросшая роль вязкопластических деформаций инволюционно-просадочного генезиса. Установлены литологические аналоги отдельных слоев центрального зала в восточной галерее пещеры.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, рыхлые отложения, литологический слой, стратиграфия.*

V.A. Ulianov[1, 2], M.B. Kozlikin[1], N.E. Belousova[1], M.V. Shunkov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: kmb777@yandex.ru

The Structure of Pleistocene Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: The 2016 Excavation Profile

In 2016, studies of Pleistocene deposits in the Main Chamber of Denisova Cave have been resumed. In order to refine the lithological and stratigraphic sequence of the main (south-eastern) excavation profile, it has been extended by an additional cut along the G-squares line, which exposed lithological layers 9, 11, 12, 14, 19–22. The section reveals a total thickness of 4 m. Data resulted from the excavation works have made it possible to determine depositional characteristics of some layers, and to establish the fact indicating changes in the pattern of manifestation for the post-sediment deformations of the deposits in the section. Specifically, a tendency showing the continuous dipping of layers toward the south-eastern wall of the cave, as well as the increased role of visco-plastic deformations having the involutory and collapsible origin, have been recognized. In addition, lithological associations between some layers in the Main Chamber and East Chamber of the cave have been identified.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, loose sediments, lithological layer, stratigraphy.*

В полевом сезоне 2016 г. были возобновлены исследования плейстоценовых отложений центрального зала Денисовой пещеры. Ранее раскопом 1984, 1993–1995, 1997 гг. на этом участке пещеры была вскрыта плейстоценовая толща видимой мощностью до 4,5 м [Природная среда …, 2003]. В строении разреза выделено 14 основных литологических подразделений – слои 9–22. Некоторые слои (9, 11–14, 19, 22), судя по ряду текстурных изменений осадка, представлены несколькими стратиграфическими подразделениями. Линзовидные слои 15, 16, 18 имели локальное простирание и были зафиксированы только в разрезах 1984 г.

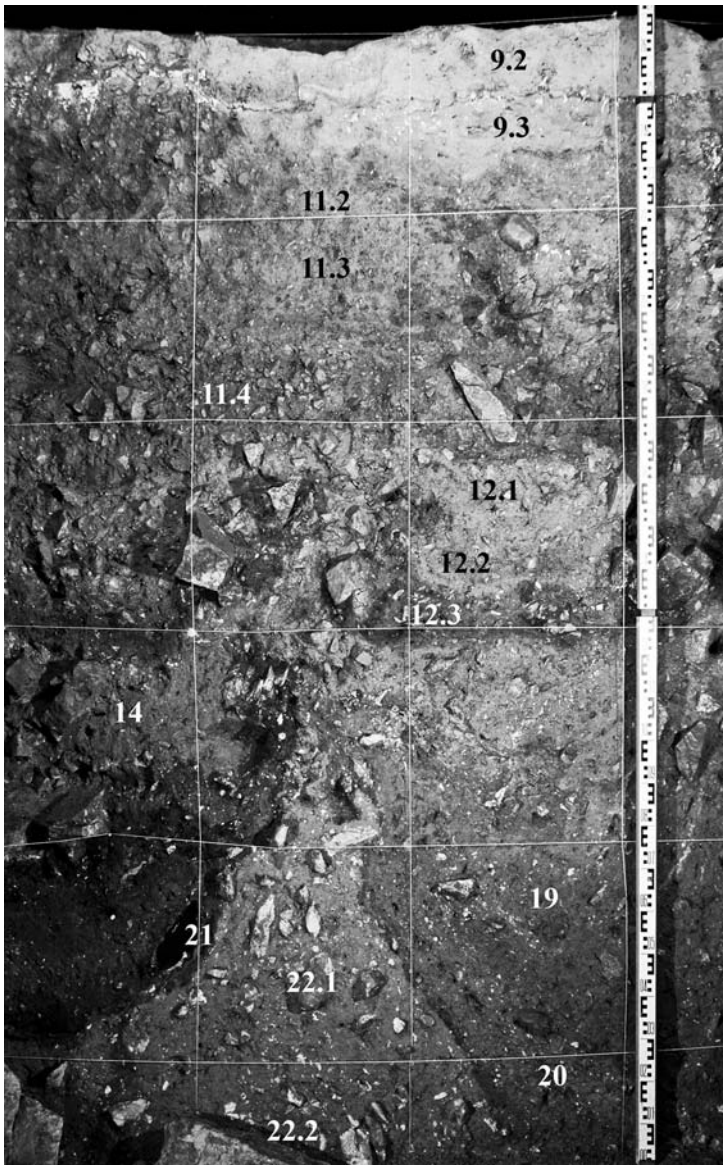
*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В связи с раскопочными работами последних лет в восточной галерее пещеры возникла необходимость в уточнении стратиграфической последовательности и литологических особенностей плейстоценовых отложений в центральном зале. С этой целью к юго-восточной стенке раскопа, по линии квадратов Ж-6–8, на участке с наиболее четкой стратиграфией была сделана прирезка 2,0 × 0,5 м. Мощность изученной толщи составила ок. 4 м.

В разрезе юго-восточной стенки сверху вниз выделена следующая последовательность осадков (см. *рисунок*).

Слой 9.2. Суглинок легкий, светло-палевый. Структура мелкозернистая, непрочная, при механическом воздействии легко разрушающаяся в пылеватую. В кровле слоя и в заполнителе ходов землероев изредка отмечены скопления белесых фосфатных стяжений. Нижняя граница четкая, карманообразная в соответствии с неровностями кровли подстилающих отложений и выступающих из них обломков. Мощность – 0,1–0,2 м.

Слой 9.3. Суглинок легкий, палевый, со слабым коричневым оттенком, пористый. Заполняет понижение в кровле подстилающего слоя 11. Насыщен (до 10 % проективной площади) мелким щебнем и дресвой. Обломочный материал имеет оглаженные ребра, покрыт белесой реактивной каймой. Нижняя граница неровная, карманообразная, проведена по резкому изменению цвета и структуры заполнителя, местами подчеркнута хорошо выраженной субгоризонтальной отмосткой из разноразмерного щебня. Мощность – 0,05–0,20 м.



Плейстоценовые отложения в центральном зале Денисовой пещеры. Юго-восточная стенка раскопа 2016 г.

Слой 11.2. Суглинок легкий, коричневый, с включениями аморфных пятен суглинков легких, серо-коричневых и буро-коричневых. Структура заполнителя непрочная, среднезернистая и чешуйчатая, при механическом воздействии переходящая в пылеватую. Обильно и неравномерно (20–50 % проективной площади) обогащен хаотически ориентированным обломочным материалом с включениями многочисленных частиц древесного угля, редкого сланцевого гравия, обломков трубчатых костей. Нижняя граница слоя условная, субгоризонтальная, проведена по изменению структуры заполнителя. Мощность – 0,15–0,25 м.

Слой 11.3. Суглинок легкий, палево-серый, одресвяненный. Структура заполнителя зернистая и чешуйчатая. Щебень преимущественно мелкий, изометричный, содержание достигает 20 % проективной площади. В краевых частях разреза доля крупного слабоуплощенного щебня возрастает до 40 %. Слой выделен в виде субгоризонтально залегающего линзовидного тела, выклинивающегося к восточному углу раскопа. Нижняя граница условная, проведена по кровле субгоризонтально залегающей мелкощебнистой отмостки, обогащенной включениями раздробленных до состояния крупнозернистого песка обломков костей красновато-охристого цвета. Мощность – 0,2–0,3 м.

Слой 11.4. Суглинок легкий, преимущественно серый, на участках обогащения древесным углем – темно-серый, одресвяненный. Структура заполнителя чешуйчатая, местами тонкоплитчатая.

Текстура нечеткая, линзовато-слоистая, подчеркнута неоднородностью цвета заполнителя. Отмечены линзовидные включения коричневато- и буровато-серого цвета. Содержание щебня – ок. 50 % проективной площади. Щебнистый материал разноразмерный, с заметной долей крупного и единичными включениями слабоуплощенных мелких глыб, ориентирован хаотически. Нижняя граница неровная, карманообразная, сильно деформированная, однако четко видна благодаря характерному темно-серому цвету заполнителя, резко контрастирующему с цветом заполнителя подстилающих отложений. Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 12.1. Суглинок легкий, светло-коричневый, с серым и охристым оттенками, сильно одресвяненный. Представлен линзовидным деформированным прослоем с чешуйчатой структурой и пористым заполнителем. Умеренно (20–30 % проективной площади) обогащен хаотически ориентированным обломочным материалом, преимущественно мелкого и среднего размера, изометричной формы, с острыми ребрами и слаборазвитой белесой реактивной каймой. Нижняя граница, как правило, четкая, резкая, подчеркнута включениями линз костного детрита ярко-охристого цвета. Мощность – 0,05–0,20 м.

Слой 12.2. Суглинок легкий, коричневый, с маломощным (2–4 см) буровато-коричневым прослоем в кровле, одресвяненный. Структура зернисто-пылеватая и мелкочешуйчатая. Обломочный материал преимущественно острогранный, покрыт слаборазвитой белесой реактивной каймой, неравномерно распределен по разрезу. В южной части разреза, где его содержание менее 20 % проективной площади, представлен мелким изометричным щебнем. В восточной части разреза содержание обломков возрастает до 40–50 % в основном за счет крупного уплощенного щебня. Нижняя граница, как правило, четкая благодаря сильному контрасту цвета заполнителя и подстилающих отложений, однако нерезкая, в виде постепенного перехода. Мощность – 0,05–0,15 м.

Слой 12.3. Суглинок средний, красно-коричневый и темно-бурый, опесчаненный, с умеренным (до 20 % проективной площади) содержанием дресвы и щебня. Структура мелкозернисто-пылеватая, слабопористая. Текстура деформированная линзовато-слоистая. Характерны включения мелкощебнистого материала, преимущественно оглаженного, с развитой белесой реактивной каймой, а также мелких непрочных обломков костей и обломков копролитов. Нижняя граница карманообразная и клиновидная, сильно деформированная, четкая, нерезкая, представляет собой зону цветового перехода мощностью ок. 1 см. Мощность слоя – 0,1–0,2 м.

Слой 14. Суглинок средний, серый с коричневатым оттенком, алевритистый, с плотной мелкозернистой структурой. Наиболее полно представлен в восточном углу раскопа, где отличается обильной (до 50 % проективной площади) насыщенностью крупнообломочным материалом. Глыбы и крупный щебень преимущественно невыветрелые, изометричной формы, ориентированы в толще слоя хаотически. Во включениях отмечены равномерно рассеянные редкие фрагменты разложившихся костей и копролитов. Нижняя граница неровная, сильно деформированная, четкая, проведена по резкому изменению цвета заполнителя при переходе к подстилающим отложениям; подчеркнута отмосткой из крупного щебня таблитчатой формы, ориентированного согласно простиранию нижней границы слоя. Мощность – 0,05–0,10 м.

Слой 19. Суглинок средний и легкий, слабо красно-коричневый, до бурого, опесчаненный и одресвяненный. Структура мелкокомковатая, пористая, рыхлая. Содержание обломочного материала – ок. 20 % проективной площади. Щебень преимущественно мелкий и средний, разнородный по степени выветрелости. Во включениях отмечена высокая насыщенность прочными невыветрелыми обломками костей крупных животных с коричнево-красной патиной на поверхности. Нижняя граница слоя четкая, резкая, подчеркнута хорошо выраженной многослойной отмосткой из оглаженного щебня, покрытого мощной (несколько миллиметров) белесой реактивной каймой. Мощность – 0,05–0,90 м.

Слой 20. Суглинок средний, темно-серый, со слабым коричневым оттенком. Структура слитная, уплотненная, текстура слоистая и линзовато-слоистая, сформированная линзовидными включениями суглинков охристых и цепочками хорошо выдержанных дресвяно-щебнистых прослоев. Насыщенность щебнистым материалом неоднородная: в сероцветных суглинках – до 20 % проективной площади, в щебнистых отмостках – до 40 %, а охристые суглинки содержат ок. 5 % обломков. Щебень преимущественно мелкий, с единичными включениями среднего, с оглаженными ребрами. Отмечены отдельные уплощенные острогранные обломки, ориентированные согласно простиранию слоя. Дресвянистый материал сильно выветрелый, оглаженный, покрыт мощной (2–4 мм) белесой реактивной каймой. Нижняя граница слоя, как правило, четкая, нерезкая, растащенная, линзовидная и пилообразная. Мощность – 0,05–0,30 м.

Слой 21. Суглинок средний, темно-серый, с интенсивным коричневым оттенком. Представлен тонким (1–3 см) линзовидно переслаивающимся го-

ризонтом, местами подстилаемым сильно деформированными линзовидными слойками (ок. 5 мм) суглинков черных, сажистых, с пылеватой структурой. Сероцветные суглинки активно реагируют с HCl и являются аналогом слоя 15 в восточной галерее [Ульянов, Козликин, Шуньков, 2015]. Суглинки черные, сажистые, похожи более всего на слой 16 в восточной галерее и так же, как этот слой, не реагируют с HCl.

Слой 22. Суглинок средний и тяжелый, желтоохристый, плотный, пластичный. Включает обломки известняков (от невыветрелых до полностью выветрелых, ожелезненных) и сланцевого гравия, мелких Fe-Mn новообразований (стяжений) и костного материала различной степени сохранности. Ранее, по ряду текстурно-структурных особенностей, слой 22 был разделен на три горизонта. В раскопе 2016 г. вскрыты горизонты 22.1 и 22.2, литологические характеристики которых соответствуют описанным стратотипам [Там же]. Вскрытая мощность – 0,30–1,05 м.

В результате раскопочных работ прошедшего полевого сезона прослежены устойчивое падение слоев к юго-восточной стенке пещеры и возросшая роль постседиментационных вязкопластических деформаций инволюционно-просадочного генезиса. Эти наблюдения позволили уточнить представленную ранее схему стратиграфического членения разреза. В частности, в строении разреза 2016 г. не выделены стратиграфические подразделения 9.1, 11.1, 11.5, 13 и 17.

Список литературы

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Строение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 157–160.

References

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulyanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Ulianov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Stroenie razreza plejstocenovyh otlozhenij v vostochnoj galeree Denisovoj peshhery (po dannym raskopok 2015 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 157–160. (in Russ.).

УДК 902.02

В.М. Харевич[1], Е.В. Акимова[1, 2], А.А. Вашков[3], И.В. Стасюк[1, 2], О.А. Горельченкова[2], Е.Н. Кукса[2], Е.А. Томилова[1], Н.А. Чащина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[3]Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края
E-mail: mihalich84@mail.ru

Раскопки стоянки Бюза II (Красноярское водохранилище)*

В 2016 г. совместным археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В.П. Астафьева были предприняты раскопки стоянки Бюза II, расположенной в северной зоне Красноярского водохранилища. Из раскопа, заложенного на неразрушенной части стоянки, получена представительная коллекция артефактов (ок. 2000 экз.), залегающих в слоях нижнего голоцена. На вскрытой площади выявлена каменная выкладка из обломков и плит порфира. Коллекция ядрищ включает в себя клиновидные и торцовые микронуклеусы и нуклеусы для мелких пластин. О наличии нуклеусов крупных форм свидетельствуют крупные пластины и материалы подъемных сборов 2014–2015 гг. В состав орудийного набора входят угловые, поперечный и вогнуторетушный резцы, долотовидные орудия, концевые скребки, скребловидное орудие, пластины и отщепы с ретушью. Наличие в разрезе только одного культурного слоя и совпадение типологического облика экспонированных материалов с материалами, полученными in situ, позволяет отнести их к одному комплексу. От известных на Енисее раннеголоценовых индустрий (средний слой Бирюсинской стоянки, слои 15–17 Пещеры Еленева и 5-й слой стоянки Большая Слизнева) комплекс Бюзы II отличается отсутствием мезолитических форм и сохранением традиции изготовления и использования крупных пластин. Комплекс стоянки Бюза II правомерно отнести к эпипалеолиту, истоки которого, видимо, следует искать в развитии комплексов кокоревской археологической культуры и финальнопалеолитических «индустрий мелких пластин».

Ключевые слова: *каменный век, ранний голоцен, мезолит, эпипалеолит, каменная индустрия, средний Енисей, Красноярское водохранилище.*

V.M. Kharevich[1], E.V. Akimova[1, 2], A.A. Vashkov[3], I.V. Stasiuk[1, 2], O.A. Gorelchenkova[2], E.N. Kuksa[2], E.A. Tomilova[1], N.A. Chashina[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
[3]Center of Cultural Heritage Maintenance of Krasnoyarsk Region
E-mail: mihalich84@mail.ru

Excavation of Buza II Site (Krasnoyarsk Reservoir)

In 2016 archaeological group of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS and V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University jointly undertook the excavations of the site Buza II (northern part of Krasnoyarsk reservoir). Being laid in the Early Holocene level, an impressive collection of artifacts (approximately 2000 items) was excavated from the pit on the undestroyed part of the site. Besides, there are packing of pieces and platforms of porphyry. The collection of cores includes wedge-shaped microcores, edge-faceted microcores and cores for small blades. Large blades and the collection of 2014–2015 artifacts indicate the existence of large cores on the site. The inventory includes angle, transversal burin and burin on concave retouched truncation, scaled piece, end scrappers, scrapper-like tools, blades and flakes with retouch. All the artifacts were discovered in the same cultural layer and typologically are the same with in situ materials, so it is possible to refer them to the one complex. Lacking of Mesolithic forms and "tradition" of making

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-11-24601е(р).

and using of large blades are distinguished archaeological complex Buza II from well-known Early Holocene industries (middle layer of Birusinka site, layers 15–17 of Eleneva cave, 5th layer of the site Bolshaya Slizneva). It allows us to use the term "Epipaleolithic" for Buza II site. Perhaps, the source of that term is in the development of archaeological complexes of Kokorevo archaeological culture and Final Pleistocene "industries of small blades".

Keywords: *Stone Age, Early Holocene, Mesolithic, Epipaleolithic, stone industry, middle Enisey, Krasnoyarsk reservoir.*

Стоянка Бюза II расположена в 50 км выше плотины Красноярской ГЭС по левому берегу залива Бюза, в 600 м выше его современного устья и, соответственно, ок. 1 км выше затопленного устья самой Бюзы. Широкая излучина реки огибает пологий (ок. 10°) коренной склон южной экспозиции. Высота первичного берегового уступа, как правило, не превышает 0,5 м. Размываемая береговая отмель юго-западной экспозиции имеет наклон более 10–15° с увеличением крутизны в восточной части склона.

Памятник был открыт в 2014 г. во время разведки в северной зоне Красноярского водохранилища. В 2014–2015 гг. были проведены рекогносцировочные работы, которые позволили определить границы памятника и выявить культурный слой, залегающий в отложениях раннего голоцена. Специфика подъемных сборов (всего более 700 экз.) позволяла предполагать комплексный характер поселения с участком-мастерской по изготовлению и расщеплению нуклеусов [Акимова, Харевич, Попова, 2016].

Раскопки стоянки были проведены отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с КГПУ им. В.П. Астафьева летом 2016 г. Общая вскрытая площадь составила 44 м^2.

Стратиграфический разрез памятника описан по шурфу (глубина 2,9 м) в южной части раскопа*.

В шурфе вскрывается переслаивание делювиальных (слои 2, 3, 5, 7, частично 9) и лессовидных отложений (слои 4, 6, 8), которые размещены на коллювиальных склоновых отложениях (слои 9, 10) и перекрыты современными почвенными образованиями (слои 1, 2). Отложения слоев 1–3 следует отнести к современному горизонту голоцена, при этом граница плейстоцена и голоцена, по всей видимости, проходит по подошве слоя 3.

Археологический материал приурочен к нижней части слоя 2 (светло-серая супесь) и кровле слоя 3 (пестроцветная, от серой до бурой супесь).

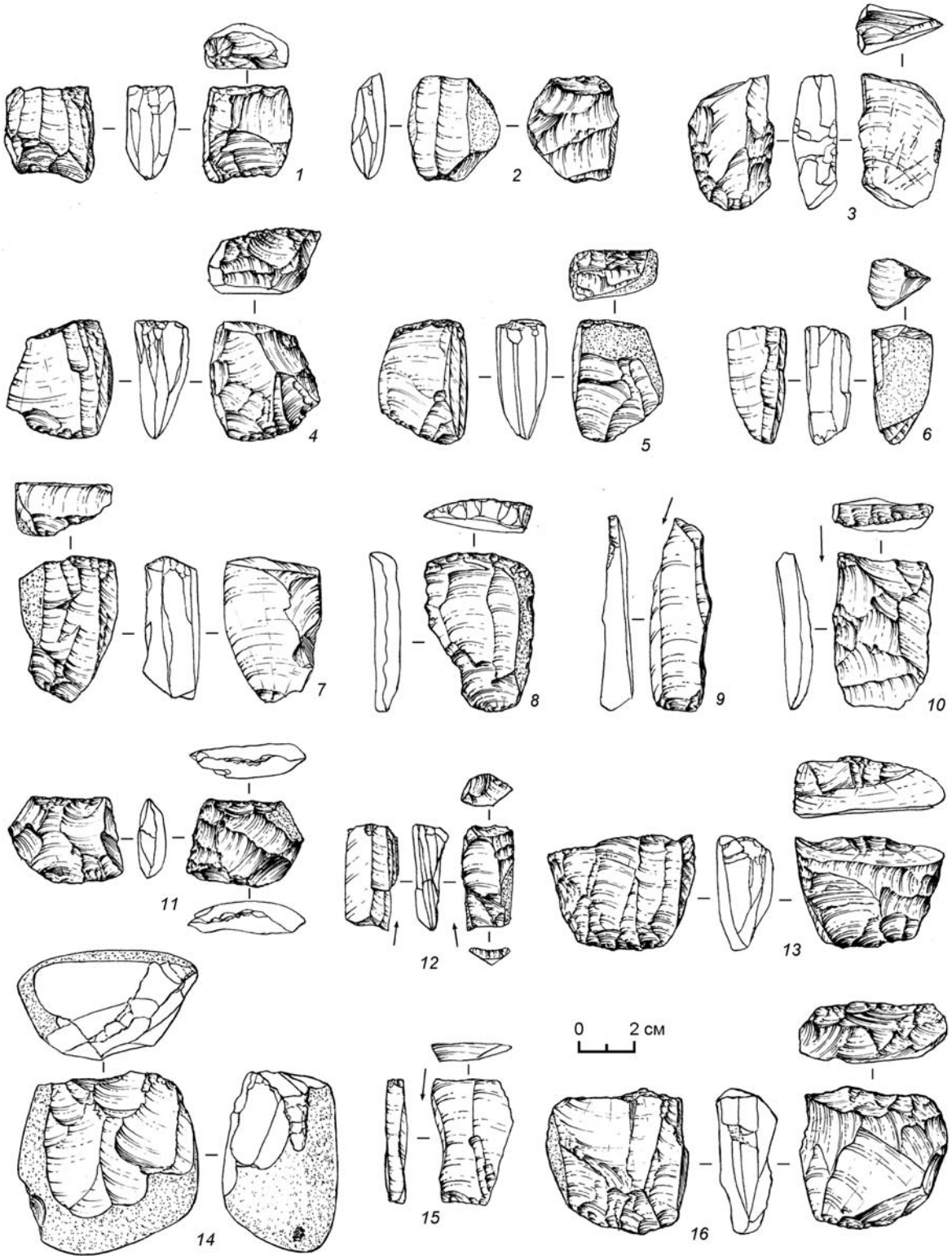
На вскрытой площади отмечаются определенные различия в сохранности культуросодержащего горизонта и планиграфической ситуации. В северной части раскопа (верхняя часть склона, вскрытого раскопом) отдельные предметы залегают преимущественно на ребре или с сильным уклоном, в южной (нижняя часть склона) – преобладают предметы в горизонтальном положении. Наибольшая плотность находок отмечена в подошве культурного слоя, достигая нескольких десятков предметов на один квадратный метр, в то время как в кровле найдены только немногочисленные мелкие отщепы. Отмечено компактное расположение снятий с одного нуклеуса, предметов из одного и того же сырья. В южной части раскопа культурный слой был частично размыт максимальным подъемом воды, вследствие чего археологический материал залегает непосредственно под оплывшим по склону дерном.

В западной части раскопа прослеживается цепочка разноразмерных обломков порфира розовато-серого цвета, установленных плашмя в соответствии с направлением уклона поверхности, или реже – углом с продавливанием грунта. Камни расположены непосредственно на прослое коры выветривания, маркируя тем самым низ культурного слоя. Артефакты, соответственно, располагаются как на уровне камней, так и выше их, ниже этого уровня найдены единичные предметы. Основная часть каменного инвентаря (нуклеусы и орудия) найдены между самими камнями, а также севернее и восточнее их.

В восточной части раскопа выявлена выкладка из разноразмерных обломков порфира. Учитывая небольшое сползание по склону, первоначальный диаметр конструкции должен был составлять ок. 0,8–0,9 м. В северной части выкладки камни расположены вертикально с наклоном к центру, очерчивая полуокружность, в южной – смещены и залегают в горизонтальном положении. В центральной части выделяется крупный плоский камень, установленный наклонно; менее крупные обломки, как правило, уложены плашмя. Между камнями отмечено рыхлое сероватое супесчаное заполнение, содержащее мелкие отщепы и микропластины. Мелкие отщепы обнаружены и под отдельными камнями. По контуру выкладки расположены нуклеусы на начальной стадии сработанности и концевой скребок на крупной пластине. При разборке конструкции были найдены фрагменты костей в очень плохой сохранности. Наиболее крупные обломки (не более 6 см) могли принадлежать животному крупнее северного оленя. За пределами

*См. статью А.А. Вашкова и др. «Геологические условия размещения стоянки Бюза II» в данном сборнике.

кладки костные остатки обнаружены не были. Следов искусственного углубления ниже уровня камней не найдено, однако под центральной частью конструкции выявлена неглубокая (до 5 см) линза, представляющая собой рыхлую порфировую россыпь, которая образовалась при разрушении нижней части камней, уложенных в основание кладки. Под всеми камнями, располагавшимися на поверхности слоя в раскопе, отмечен темно-бурый «след». Исключением являются камни в южной части ка-



Каменный инвентарь из культурного слоя стоянки Бюза II.

1–7, 12–14, 16 – нуклеусы; *8* – скребок; *9, 10, 15* – резцы; *11* – долотовидное орудие; *12* – резец на сработанном нуклеусе.

менной кладки, сползшие в процессе формирования отложений, которые перекрывают культурный слой – темно-бурая окраска здесь отсутствует.

Общее количество археологического материала, полученного в раскопе, с учетом промывки, насчитывает ок. 2 тыс. предметов, большую часть которых составляют мелкие отщепы и чешуйки.

Сырьевой базой стоянки являлись галечники Енисея и Бюзы, с некоторым преобладанием местных ресурсов. Использовались аргиллит, алевролит и песчаник различной степени окремненности, кварцит и яшмоиды, а также светлый пятнистый кремень, слабоокремненный известняк, эффузивы среднего или основного состава, афировые и черный базальты, пепловый туф (определение Ю.М. Махлаевой).

Среди нуклеусов преобладают морфологически разнообразные клиновидные формы (6 экз.) с одно- или двусторонней обработкой латералей (см. *рисунок, 1, 3–5, 13, 16*). Примечателен нуклеус, подготовленный на поперечно фрагментированном удлиненном сколе (см. *рисунок, 3*). Помимо завершенных изделий найдены три заготовки. Типологический ряд микронуклеусов дополняют торцовые ядрища (см. *рисунок, 6, 12*) (3 экз.), одно из которых было переоформлено в резец (см. *рисунок, 12*). Найдены нуклеусы для мелких пластин и пластинок (3 экз.), два из которых выбракованы на начальной стадии расщепления (см. *рисунок, 7, 14*), а один сильно сработан (см. *рисунок, 7*). В коллекцию также входят выбракованные на начальных стадиях расщепления одноплощадочный монофронтальный с широким выпуклым фронтом и одноплощадочный торцовый нуклеусы. Нуклеусы крупных форм на вскрытом участке не найдены, однако присутствие крупных пластин однозначно указывает на их наличие в системе первичного расщепления комплекса.

Орудийный набор не столь представителен, основную его часть составляют резцы (5 экз.): угловые на пластинах и отщепе, поперечный и вогнуторетушный на пластинах (см. *рисунок, 9, 10, 15*). Выполненные на отщепе и двусторонне обработанной заготовке долотовидные орудия имеют по два противолежащих лезвия (см. *рисунок, 11*), кроме того, найден диагональный обломок долотовидного орудия. В коллекцию также входят концевые скребки на обушковом сколе (см. *рисунок, 8*) и пластине, угловое острие на полуреберчатом сколе, скребловидное орудие на первичном отщепе, выемчатое орудие на отщепе и струг на выбракованном нуклеусе.

Остальную часть коллекции составляют отщепы, пластинки, пластины, микропластины, а также чешуйки, осколки, обломки и колотые гальки.

Сопоставив коллекцию экспонированного материала, собранную в 2014–2015 гг., с находками из раскопа, мы можем отметить между ними ряд общих черт. В первую очередь, это сочетание в одном комплексе крупнопластинчатых и клиновидных нуклеусов с мелкопластинчатыми ядрищами, имеющими прямые аналоги в финальнопалеолитических «индустриях мелких пластин» (Малтат, Конжул, Ближний Лог) [Акимова, 2011, с. 114–115]. Совпадают и основные типы орудийного набора. В обеих коллекциях найдены изделия, выполненные из одних и тех же галек и блоков горной породы. Все это, а также то, что в пройденном до цоколя шурфе выявлен только один культурный слой, позволяет утверждать, что экспонированная и стратифицированная коллекция принадлежат одному комплексу. По всей видимости, стоянка имела характер комплексного поселения с выделением различных зон. Судя по стратиграфическому положению находок, индустрию стоянки Бюза II следует датировать раннеголоценовым временем.

Число памятников раннеголоценового времени на Енисее невелико. Ближайший объект – ныне затопленная Бирюсинская стоянка, мезолитические слои которой характеризуются наличием таких специфических форм, как топоры и тесла с перехватом [Лисицын, 2000, с. 74–75]. К этому же времени относятся слои 15–17 пещеры Еленева, откуда получена представительная коллекция артефактов, связанных с изготовлением и использованием микропластин [Макаров, Мартынович, Оводов, 2009, с. 93–94]. Рубежом плейстоцена-голоцена датируется 5-й культурный слой стоянки Большая Слизнева, в котором отсутствуют мезолитические формы и крупные пластины [Вдовин и др., 1992, с. 31–32].

Таким образом, от других раннеголоценовых индустрий комплекс стоянки Бюза II отличает полное отсутствие каких-либо мезолитических черт и сохранение традиции изготовления и использования крупных пластин. Все это позволяет говорить о сохранении на Енисее палеолитической традиции в раннеголоценовое время. Комплекс стоянки Бюза II правомерно отнести к эпипалеолиту, истоки которого, видимо, следует искать в развитии индустрий кокоревской археологической культуры, характеризующихся сочетанием ядрищ для крупных пластин и микронуклеусов и широким распространением техники резцового скола [Абрамова, 1979, с. 167–174]. В то же время, наличие мелкопластинчатых форм сближает рассматриваемый комплекс с такими финальнопалеолитическими «индустриями мелких пластин», как Малтат, Конжул и Ближний Лог.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 199 с.

Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 7: Археология и этнография – С. 111–118.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Попова Н.Н. Стоянка Бюза-2 – новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище // Stratum plus. – 2016. – № 1. – С. 315–324.

Вдовин А.С., Ямских А.Ф., Ямских Г.Ю., Оводов Н.Д. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнева // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. Путеводитель Междунар. симп. – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 22–34.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Тр. ИИМК РАН. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – Т. II. – 230 с.

Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР: мат-лы науч. конф. – Красноярск, 2009. – С. 81–105.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 199 p. (in Russ.).

Akimova E.V. Pozdnii paleolit Krasnoyarskogo vodokhranilishcha. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2011, vol. 10, iss. 7, pp. 111–118 (in Russ.).

Akimova E.V., Kharevich V.M., Popova N.N. Stoyanka Byuza 2 – novyi pamyatnik rannegolotsenovogo vremeni na Krasnoyarskom vodokhranilishche. *Stratum plus*, 2016, No. 1, pp. 315–324 (in Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ya. In *Trudy IHMC RAS*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2000, vol. II, 230 p. (in Russ.).

Makarov N.P., Martynovich N.V., Ovodov N.D. Peshchera Eleneva – mnogosloinyi golotsenovyi pamyatnik na srednem Enisee. Kratkie itogi izucheniya. In *Peshchery: okhrana, istoriya issledovanii, kul'tura, turizm, sovremennoe sostoyanie i perspektivy nauchnykh issledovanii v peshcherakh na territorii byvshego SSSR*. Krasnoyarsk, 2009, pp. 81–105 (in Russ.).

Vdovin A.S., Yamskikh A.F., Yamskikh G.Yu., Ovodov N.D. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Bol'shaya Slizneva. In *Arkheologiya, geologiya i paleogeografiya paleoliticheskikh pamyatnikov yuga Srednei Sibiri. Putevoditel' Mezhdunarodnogo simpoziuma.* Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, pp. 22–34 (in Russ.).

УДК 902.22

В.М. Харевич[1], И.В. Стасюк[1, 2], Е.В. Акимова[1, 2], А.А. Вашков[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[3]РУП «НПЦ по геологии», Минск, Республика Беларусь
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Археологическое изучение стоянки Черемушки II (Красноярское водохранилище)*

Весной 2016 г. были проведены археологические исследования на стоянке Черемушки II в северной зоне Красноярского водохранилища. На сегодняшний день стоянка почти полностью разрушена, фрагмент культурного слоя был обнаружен в шурфе на береговой отмели. Среди немногочисленных отщепов и фрагментов микропластин найден выразительный резец на крупной пластине. Подъемный материал собран на береговой отмели. Здесь получено около 3,5 тыс. каменных артефактов (нуклеусы для крупных пластин, клиновидные микронуклеусы, скребла на крупных сколах, скребки на отщепах и пластинах, разнообразные галечные орудия, обломки и заготовки орудий) и костей мамонта, лошади, бизона и северного оленя. Характер каменного инвентаря позволяет отнести памятник к кокоревской археологической культуре и предварительно датировать его поздним этапом ее развития.

Ключевые слова: *Красноярское водохранилище, финал позднего палеолита, береговая абразия, культурный слой, каменная индустрия, кокоревская культура.*

V.M. Kharevich[1], I.V. Stasiuk[1, 2], E.V. Akimova[1, 2], A.A. Vashkov[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
[3]RUE "Scientific-Production Center of Geology", Minsk, Belarus

Archaeological Research on the Cheremushki II Site (Krasnoyarsk Reservoir)

In spring, 2016 there were archaeological researches on the Cheremushki II site, on the northern area of Krasnoyarsk reservoir. For today the site is almost destroyed but the part of cultural layer was founded in one of the three pits on the area of bank shoal. On the sandy clay bottom there were 20 archaeological items such as flakes, microblades and an obvious burin made on a flake-blade. Surface finds were recorded on the bank shallow. On the area about 3 500 stone tools were collected (cores for big flake-blades, wedge-shaped cores, side-scrapers on large flakes, end-scrapers, various pebble tools, blanks). A few faunal material represented with bones of bisons, horses, mammoth and reindeer. An inventory type allows to attribute the site to Kokorevo culture and date it at the late stage of Kokorevo culture.

Keywords: *Krasnoyarsk reservoir, final Late Paleolithic, coast erosion, cultural layer, stone industry, Kokorevo culture.*

Палеолит северной зоны Красноярского водохранилища изучен крайне неравномерно. За исключением Дербинского залива, где выявлено около 30 позднепалеолитических объектов, на этой территории известны в основном отдельные разрозненные пункты сборов археологического и фаунистического материала. В последние годы особое внимание обращено на район залива Черемушки, расположенный по правому берегу Красноярского водохранилища в зоне примыкания равнинной подтаежной зоны Чулымо-Енисейской котловины к отрогам Восточного Саяна. Многометровые рыхлые отложения, простирающиеся по обоим берегам, широкие открытые пространства не препятству-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-11-24601е(р).

ют волноприбойной деятельности водохранилища. В результате в этом районе прослеживается наибольшее разрушение берегов, образование линии высоких абразионных уступов.

До затопления Енисей в районе устья р. Черемушки делал крутую излучину к северу, образуя по правому берегу широкую террасированную долину, расчлененную логами, постоянными или временными водотоками. Сегодня водохранилищем уничтожены все уровни террас за исключением наиболее древних.

В 1987 г. в приустьевой части левого берега залива Н.Ф. Лисицын открыл позднепалеолитическое местонахождение, получившее название Черемушки. В береговом уступе был обнаружен культурный слой в виде угольков и расколотых костей, залегавший в светло-серой пылевидной супеси на глубине менее 1 м от дневной поверхности. Подъемная коллекция Н.Ф. Лисицына насчитывала более 700 предметов с абсолютным преобладанием мелких отщепов. В небольшом количестве найдены одноплощадочные монофронтальные нуклеусы на гальках, торцовые нуклеусы на осколках галек и типичные клиновидные микронуклеусы. Среди орудий Н.Ф. Лисицын выделял концевые скребки на отщепах и резцы, отмечая многообразие вариантов при небольшом наборе предметов [2000, с. 58]. После 1990 г. памятник не посещался, и предполагалось, что он полностью уничтожен водохранилищем.

В 2014 г. во время разведочных работ в приустьевой части и выше залива Черемушки была открыта небольшая группа памятников [Харевич и др., 2014]. Местонахождение Черемушки II по своему расположению соответствовало памятнику Н.Ф. Лисицына, открытому 27 лет назад.

В 2014–2015 гг. археологический материал был обнаружен в промоинах коричневого суглинка ниже кромки вторичного берегового уступа, а также в проплешинах и размывах на его поверхности. Единичные предметы встречены на всей протяженности участка вплоть до полосы прибоя. Всего собрано около 300 каменных изделий.

Основной целью работ 2016 г. было выявление участков с ненарушенным культурным слоем, получение артефактов *in situ* и образцов для датирования.

Разрез берегового уступа высотой 3,6 м вскрывает ритмичное переслаивание озерно-ледниковых и лессовидных отложений (слои 5–10), перекрытых делювиальными осадками (слои 3–4), в верхней части преобразованных современным почвообразовательным процессом (слои 1–2).

Современная почва (слои 1–2) имеет мощность до 0,32 м и представлена супесью черной, темно-серой, слабо пылеватой, рыхлой, пористой, комковатой, с многочисленными корневищами трав и древесных растений.

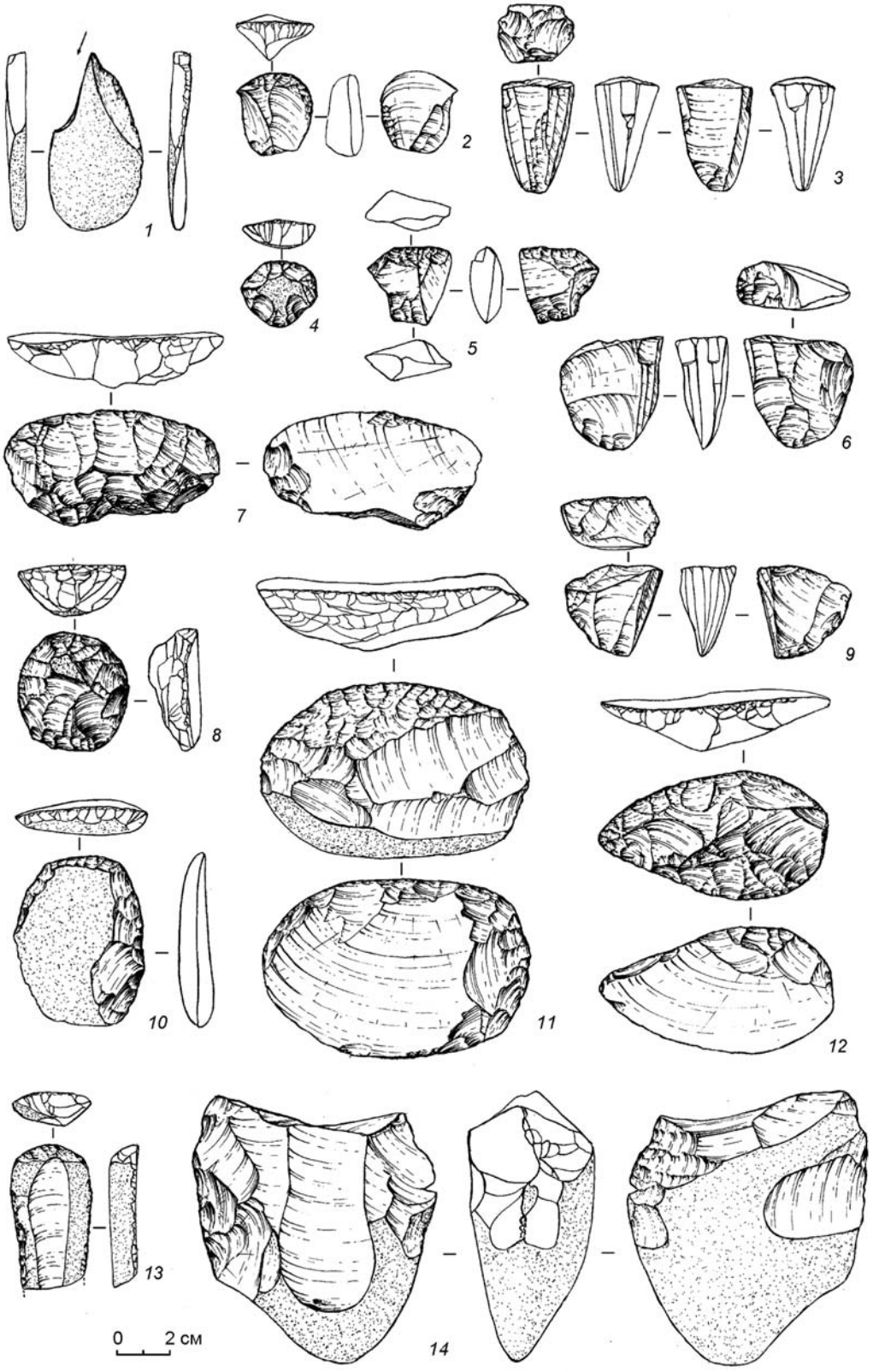
Деллювиальные отложения (слои 3–4) мощностью до 0,47 м представлены супесями легкими, пестрых окрасок – от серых, палево-серых до бурых, палево-бурых. Супеси рыхлые, мелкокомковатые, вниз по разрезу уплотняются. В слое 4 отмечается прослой супеси тяжелой темно-бурого цвета, толщиной 0,5–1,0 см. Этот прослой озерных осадков извилистый, выдержан по простиранию. Его формирование связано с заложением суффозионной западины, наличие которой отмечено в 3–10 м от расчистки берегового уступа. В северо-западном направлении, к центру западины, отмечено три прослоя озерных осадков.

Ниже по разрезу наблюдается переслаивание озерно-ледниковых и лессовидных отложений. Озерно-ледниковые осадки (слои 5, 7, 9, 10) представлены, как правило, супесями средними и тяжелыми, палево-серыми, палево-бурыми, буровато-желтыми. Супеси с признаками слоистости, пятнистые за счет неоднородной окраски отложений. Встречаются пятна марганцевых новообразований темно-серого цвета и пятна ожелезнений охристо-бурого цвета, которые зачастую образуют выдержанные по простиранию прослои мощностью до 1–3 см, часто фиксирующие подошву слоя. В слоях 9, 10 отмечается мелкоплитчатая текстура отложений. Это может свидетельствовать о незначительном перемещении этих осадков делювиальным процессом. Мощность слоев варьирует в пределах 0,33–0,64 м.

Лессовидные отложения (слои 6 и 8) представлены супесями легкими, слабо пылеватыми, серыми и палево-серыми, карбонатными, связными, однородными. В слоях отмечаются пятна ожелезнений охристо-бурого цвета диаметром до 2 см, в нижней части слоев эти пятна образуют выдержанные по разрезу прослои. В интервале 0,80–0,95 м от кровли слоя 6 встречается большое число раковин наземных холодолюбивых моллюсков диаметром до 1,0–1,5 мм. Слой 6 обладает максимальной по разрезу мощностью (1,1 м) и хорошо выдержан по всему верхнеплейстоценовому разрезу региона. Мощность слоя 8 незначительна – 0,15 м.

Непосредственно в береговом уступе археологический материал не зафиксирован.

Подъемный материал распределен неравномерно на участке протяженностью 110 м по линии С–Ю и 130 м по линии З–В. К западной и восточной границам участка концентрация находок уменьшается. Повышенная плотность мелкого материала отмечается в зонах аккумуляции продуктов волноприбойной деятельности на нижних кромках волноприбойных ступеней.



Каменный инвентарь позднепалеолитического местонахождения Черемушки II.
1 – резец; *2, 4, 8, 10, 13* – скребки; *3, 7, 9, 14* – нуклеусы; *5* – долотовидное орудие; *6, 11, 12* – скребла.
1 – культурный слой; *2–14* – подъемные сборы.

На береговой отмели было выполнено три шурфа, культурный слой обнаружен только в шурфе, заложенном с уровня средней ступени в восточной части памятника. Стратиграфический разрез демонстрирует непотревоженное залегание геологических слоев, начиная с гумусового горизонта современного почвенного комплекса, на локальном участке имеющего характерную для отрицательных форм рельефа чешуйчато-слойчатую текстуру. Ниже современных пляжевых отложений прослеживается супесь буроватая светлая с неравномерной окраской, соотносимая с нижней частью слоя 4 в разрезе берегового обнажения. Археологический материал обнаружен в нижней части слоя. Здесь найдено 17 мелких отщепов, 2 фрагмента микропластин и единственное орудие – косоретушный боковой резец на первичной пластине (см. *рисунок, 1*). Фаунистические остатки представлены небольшими осколками трубчатых костей и пластинкой из бивня мамонта очень плохой сохранности.

Общее количество артефактов, собранных на береговой отмели, составляет около 3,5 тыс. экземпляров с абсолютным преобладанием отщепов, сколов и колотых галек.

Группа нуклеусов, включая заготовки и обломки, насчитывает 50 экз. Преобладают клиновидные нуклеусы с треугольным фронтом и широкой овально-подтреугольной ударной площадкой (см. *рисунок, 7, 9*). В отдельных случаях фронт уплощен и сильно скошен на правую латераль. В одном экземпляре найден бифронтальный (кельтовидный) нуклеус (см. *рисунок, 3*). Крупные нуклеусы для пластин единичны (см. *рисунок, 14*), но многочисленны заготовки в виде оббитых галек, в т.ч. и с элементами параллельного расщепления.

Скребки (17 экз.), как правило, крупные, округлой формы, на отщепах с краевой или унифасиальной обработкой (см. *рисунок, 2, 4, 8, 10*), в единичных случаях – концевые на пластинах (см. *рисунок, 13*).

Скребла (10 экз.) крупные, изготовлены на массивных отщеповых и пластинчатых заготовках с краевым или унифасиальным оформлением дорсального фаса и локальной вентральной подработкой (см. *рисунок, 6, 11, 12*).

Долотовидные орудия (2 экз.) небольшого размера, с двусторонней обработкой, выполнены, очевидно, на случайных заготовках (см. *рисунок, 5*).

Ножевидные орудия на крупных пластинах, с мелкой краевой ретушью (6 экз.), как правило, по одному или обоим краям.

Единственный боковой косоретушный резец на широкой пластине найден в культурном слое (см. *рисунок, 1*); в подъемных сборах присутствуют предметы с продольным широким резцовым сколом, в т.ч. и в сочетании с серией плоских резцовых снятий со скосом на вентрале заготовки.

Как и в прежние годы, в сборах практически отсутствуют остроконечники. Единственный предмет – обломок крупного асимметричного унифаса с острым концом.

Многочисленна группа галечных орудий. Традиционно для Енисея она включает чопперы, отбойники, крупные колотые гальки со следами забитостей.

На некоторых изделиях присутствуют остатки окатанной поверхности более ранних сколов (см. *рисунок, 1, 14*), возможно свидетельствующих о вторичном использовании более древних предметов.

Таким образом, позднепалеолитическая стоянка Черемушки II, открытая почти 30 лет назад, на сегодняшний день уничтожена практически полностью. Культурный слой, зафиксированный в шурфе, по всей видимости, частично сохранился только на участке понижения рельефа в виде локальной западины (суффозионной котловины?) или тальвега небольшого лога. Характер каменного инвентаря позволяет отнести памятник к кокоревской археологической культуре и предварительно датировать его поздним этапом ее развития [Абрамова, 1979].

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы в северной зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 91–96.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseja. Kokorevskaja kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 200 p. (in Russ.).

Harevich V.M., Akimova E.V., Oreshnikov I.A., Stasjuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. Razvedochnye raboty v severnoj zone Krasnojarskogo vodohranilishha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, t. XX, pp. 91–96 (in Russ.).

Lisitsin N.F. Pozdnij paleolit Chulymo-Enisejskogo mezhdurech'ja. St. Petersburg: IIMC RAS Publ., 2000, 230 p. (Trudy IIMC RAS; vol. II) (in Russ.).

УДК 902.01

А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: chekhandrej@yandex.ru

Палеолитические местонахождения Северного Приаралья: материалы сборов 1998–1999 годов

Местонахождения Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 обнаружены совместной Российско-казахстанской экспедицией во время разведочных работ по исследованию территории северного побережья Аральского моря в Западном Казахстане в 1998–1999 гг. Преобладание аридных условий на территории Казахстана в плейстоцене затрудняло процесс активного осадконакопления. В результате большинство палеолитических памятников не имеет стратифицированного культурного слоя, и артефакты на таких объектах залегают на поверхности. В связи с тем, что в аридной зоне палеолитические местонахождения не перекрыты рыхлыми отложениями, основными источниками информации остаются коллекции каменного инвентаря. На основе петрографического и технико-типологического анализа можно сделать вывод о том, что пункты Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 представляют смешанные комплексы, основные материалы которых, вероятно, относятся к ранней стадии верхнего палеолита. В то же время часть коллекций на основе морфологических признаков может быть отнесена к более ранним этапам палеолита.

Ключевые слова: *Западный Казахстан, Северное Приаралье, поверхностное залегание артефактов, бифасиальные изделия, средний палеолит, верхний палеолит.*

A.M. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: chekhandrej@yandex.ru

Paleolithic Sites of the Northern Aral Sea Area: Materials of 1998–1999 Collecting

The locations Aral-A–D, Aral-1, -2, -4–6, -8 were found by the joint Russian-Kazakhstan expedition during the exploration works on the territory of the Aral sea northern coast in West Kazakhstan in 1998–1999. Predominance of arid conditions on Kazakhstan area in Pleistocene had complicated the process of active sedimentation. As a result of archaeological sites formed a special type – sites with the occurrence of surface artifacts. For the reason that in arid zone Paleolithic sites had not been overlapped by unconsolidated deposits, the main sources of information are the collections of stone artifacts. Thus, evaluating the results of the petrographic, technical and typological studies of Paleolithic collections of stone artifacts from the northern coast of the Aral Sea as a whole, it should be noted that the items Aral A-D, Aral-1, -2, 4–6, -8 are mixed complexes, basic materials of which are likely to refer to the final stage of the middle – upper Paleolithic and probably Mesolithic and Neolithic. At the same time part of the collection on the basis of morphological traits can be attributed to the earlier stages of the Paleolithic.

Keywords: *West Kazakhstan, Northern Aral Sea area, shallow depth of artifacts, bifacial tools, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic.*

На территории Казахстана открыто и исследовано большое количество местонахождений, относящихся к различным этапам древнекаменного века. Преобладание аридных условий на территории Казахстана в плейстоцене затрудняло процесс активного осадконакопления, в результате чего подавляющая часть палеолитических памятников не имеет стратифицированного культурного слоя, и артефакты на данных объектах залегают на поверхности.

В аридной зоне палеолитические местонахождения, как правило, дислоцируются у различного типа водных источников, часть которых не функционирует в настоящее время или вблизи выходов исходного сырья для изготовления артефактов. Со-

четание первого и второго факторов способствовали тому, что древние популяции многократно посещали одно и то же место в течение длительного времени и ценность таких местонахождений исключительно велика [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 1998, с. 166].

Так, среди основных направлений изучения древнейших этапов заселения человеком территории Казахстана и Центральной Азии в целом актуальным является исследование палеолитических памятников с поверхностным залеганием археологического материала.

Подобными объектами являются палеолитические местонахождения Северного побережья Аральского моря Арал A-D, Арал-1, -2, -4–6, -8, обнаруженные совместной Российско-казахстанской экспедицией, производившей в 1998–1999 гг. разведочные работы по исследованию территории северного побережья Аральского моря в Западном Казахстане. В связи с тем, что из-за крайне ограниченных сроков исследований детальное изучение указанных пунктов не представлялось возможным, сбор археологического материала производился выборочно; предпочтение отдавалось наиболее выразительным изделиям [Деревянко и др., 1999, с. 48].

Поскольку палеолитические местонахождения, расположенные в аридной зоне, не перекрыты рыхлыми отложениями, основными источниками информации остаются коллекции каменного инвентаря. Поэтому для разделения артефактов смешанных комплексов наиболее действенным оказывается корреляция нескольких показательных признаков. Сюда входят: распределение коллекции по исходному сырью, сохранность поверхности артефактов (петрографический анализ) и технико-типологический анализ [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 1998, с. 168–169].

Каменное сырье, использованное на местонахождениях Северного Приаралья Арал A-D, Арал -1, -2, -4–6, -8, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников.

Как правило, для обоснования хронологического деления каменных материалов в смешанных комплексах поверхностного залегания, при отсутствии сопутствующих и перекрывающих рыхлых отложений, используется степень сохранности поверхности артефактов, зависящая от длительности воздействия на них факторов выветривания. Проведенный для характеристики каменного сырья петрографический анализ изделий с палеолитических местонахождений Северного Приаралья позволил установить, насколько правомерно здесь использование этого критерия [Чеха, Кулик, 2014].

Так, петрографический анализ показал, что очень часто на одном и том же артефакте проявлена разная степень дефляции, причем не только поверхностей разных сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой поверхности. Это означает, что степень выветривания, в т.ч. степень дефляции, артефактов из серого кварцитовидного средне-крупнозернистого кварцевого песчаника, на исследуемых местонахождениях не может быть использована для их возрастной стратификации [Чеха, Кулик, 2014, с. 69].

Поскольку на местонахождениях Северного Приаралья Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 использовалась единая сырьевая база, а пункты сборов расположены в непосредственной близости по отношению друг к другу, мы склонны относить их к единому палеолитическому комплексу. Таким образом, собранный на этих пунктах археологический материал далее рассматривается нами как единая коллекция.

Первичное расщепление характеризуется преобладанием одноплощадочных моно-, двуфронтальных, реже двуплощадочных двуфронтальных вариаций плоскостного и объемного принципов скалывания. Единично представлено торцовое расщепление.

В орудийном наборе главенствующее положение занимают двусторонне обработанные изделия. При работе с коллекциями, двусторонне обработанные изделия были разделены на три группы. В первую группу вошли изделия начальной стадии оформления. Для них характерны становление формы, грубая черновая отделка крупными сколами, оставляющими глубокие негативы, наличие необработанных участков и вспомогательных ударных площадок на продольных краях предметов. Во второй группе, куда входят изделия заключительной стадии оформления, наблюдается совершенно противоположная картина. Здесь преобладающее число орудий симметричные, двояковыпуклые в сечении. Сколы оформления, покрывающие обе плоскости, средних размеров, уплощенные. В некоторых случаях боковые края изделий дополнительно подработаны эпизодическими мелкими фасетками. В третью группу вошли фрагменты двусторонне обработанных изделий, разбитые на три подгруппы: проксимальные, медиальные и дистальные части.

В плане формообразования в анализируемой коллекции двусторонне обработанные изделия представлены округлыми, овальными, подтреугольными, листовидными разновидностями. В то же время встречаются атипичные (угловатые) формы.

Заметим, что по ряду признаков, особенно морфологии и характеру оформления, у двусторонне обработанных изделий местонахождений Север-

ного Приаралья Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 прослеживается определенное сходство с материалами сопредельных Мугоджарских комплексов [Деревянко и др., 2001].

Для скребел и скребков данной коллекции заготовками служили, как правило, крупные продольные и поперечные отщепы, крупные обломки. Большинство изделий однолезвийные, представлены концевыми, боковыми либо угловыми формами. Несколько уступают им зубчато-выемчатые изделия, как в комбинированных, так и в индивидуальных типологических формах. Также встречаются шиповидные изделия, ножи, в одном экземпляре присутствует лимас.

Преобразование исходных заготовок в орудийные формы осуществлялось оббивкой, ретушью и выемчатым снятием (анкошем). Преобладающим приемом изготовления орудий является ретушь. Во всех случаях ретушь характеризуется по углу наклона как крутая либо полукрутая, по форме фасеток как чешуйчатая, по размеру как разнофасеточная, варьирующая в пределах средне-, мелкофасеточной. У большинства орудий ретушь нанесена со стороны дорсала.

Также для оформления орудий достаточно широко использовалась оббивка. Данный прием вторичной обработки применялся при оформлении скребловидных изделий.

При помощи выемчатого снятия формировались выемчатые орудия. Данный прием также применялся для выделения рабочего участка у орудий с «шипом».

Таким образом, основываясь на технико-типологическом анализе исследуемых местонахождений, можно сделать вывод о том, что большая часть изделий рассматриваемых комплексов, сочетающая средне- и верхнепалеолитические черты в технико-типологическом облике инвентаря, соотносится с концом среднего – начальной стадией верхнего палеолита. Об этом свидетельствует как первичное расщепление, представленное вариативными полюсными и торцовым ядрищами, так и орудийным набором, где достаточно широко представлены изделия верхнепалеолитического облика. В то же время не стоит исключать возможности отнесения части артефактов к более раннему времени.

Список литературы

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. – Туркестан: Мирас, 1998. – С. 165–196.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 46–50.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 136 с.

Чеха А.М., Кулик Н.А. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 63–72.

References

Chekha A.M., Kulik N.A. Kamennoe syr'e paleoliticheskikh mestonakhozhdenii Severnogo Priaral'ya (po materialam punkta Aral-1). In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2014, vol. 13, iss. 5: Arkheologiya i etnografiya, pp 63–72 (in Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Tajmagambetov Zh.K. Metodika izucheniya i informativnost' paleoliticheskikh pamyatnikov poverkhnostnogo zaleganiya v aridnoj zone Tsentral'noj Azii. In *Kamennyj vek Kazakhstana i sopredel'nykh territorij*. Turkestan, 1998, pp. 165–196 (in Russ.).

Derevianko A.P., Tajmagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Zenin V.N., Iskakov G.T. Paleoliticheskie mestonakhozhdeniya severnogo poberezh'ya Aral'skogo morya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. 1999, vol. 5, pp. 46–50 (in Russ.).

Derevianko A.P., Tajmagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N. Ashel'skie kompleksy Mugodzharskikh gor (Severo-Zapadnaya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 135 p. (in Russ.).

УДК 902.01

А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Особенности орудийного набора слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье*

В ходе широкомасштабных археологических работ на территории Северного Приангарья, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, в 2010–2011 гг. проведены исследования, в т.ч. и на памятниках в устье р. Кутарей. В данной статье приводится анализ ранее неопубликованной коллекции каменного инвентаря слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей. Два культурных горизонта слоя 3 существенно отличаются друг от друга. В составе орудийного набора горизонта 1 больший удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы, а также массивные и шлифованные формы, в то время как в индустрии горизонта 2 последние практически отсутствуют. В целом, каменный инвентарь слоя 3 обладает чертами, характерными для эпохи неолита – бронзового века региона. Особую значимость данные материалы приобретают в контексте проблематики изучения региона (компрессионный характер отложений, преимущественно стояночный характер памятников).

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, бронзовый век, каменный инвентарь, компрессионный характер отложений, спасательные раскопки.*

A.N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

The Characteristic of Stone Tools Industries of Layer 3 Ust′-Kutarey Site in North Angara Region

During the large-scale archaeological works in 2010–2011 connected with renewal of Boguchany hydroelectric power station construction in the territory of North Angara region sites in Kutarey river were investigated. This work contains detailed analyses of stone tools of layer 3 Ust'-Kutarey site. The horizon 1 is more saturated of stone tools forms as retouching bladelets, points, oval bifaces, massive forms as polished adzes, fassonaged axes, bits. While in horizon 2 these forms aren't almost presented. In general, stone industry of layer 3 have characteristic of Neolithic – Bronze age of North Angara region. Taking into account the stratigraphic situation (layers with "compression" character, technogenic interruption) it is too early to make more detailed conclusions about cultural and chronological interpretation of this materials. In this situation it seems perspective to investigate ceramic complexes, planigrapfic situation, and to compare this materials with other Ust'-Kutarey microregion sites and adjacent territories.

Keywords: *North Angara region, Neolithic, Bronze age, stone tools, layers with "compression" character, rescue archaeological excavations.*

Стоянка Устье Реки Кутарей расположена на левом берегу р. Ангары в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. Памятник располагается на террасе высотой от 5 до 10 м от уреза воды. С запада терраса ограничена урезом реки Ангара, а с юго-востока устьем р. Кутарей.

Памятник открыт в 1974 г. Кежемским отрядом САЭ КГПИ под руководством Н.И. Дроздова. В последствии памятник изучался в 2010 г. в рамках проекта исследования памятников историко-культурного наследия Красноярского края в районе затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС Партинским археологическим отрядом ИАЭТ СО

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

РАН под руководством А.Н. Савина (с учетом геоморфологических особенностей и характера распространения археологического материала, выявленного на основании подъемных сборов в осыпях техногенных нарушений, заложен раскоп общей площадью 1 021 м^2, глубиной 0,5–1,5 м, и серия рекогносцировочных раскопов общей площадью 108 м^2) [Савин, 2011, с. 9].

В стратиграфии памятника было выделено четыре культурных слоя. Наиболее перспективным для изучения является слой 3 (насыщен артефактами, имеет наилучшую сохранность по сравнению со слоем 2), содержащий изделия из камня и фрагменты керамики, всего ок. 25 000 артефактов. Каменная индустрия слоя насчитывает 19 406 артефактов. По характеру залегания артефактов в данном слое условно было выделено два горизонта [Там же, с. 12].

Орудийный набор горизонта 1 составляет 290 артефактов (5 %*). Значительная его часть представлена микропластинками с ретушью (12 экз.) на медиальных фрагментах с вентральной плоской чешуйчатой, как правило, однорядной краевой ретушью на одном или двух (4 экз.) продольных краях, с альтернативной ретушью (2 экз.); пластинками с ретушью (23 экз.), среди которых проксимально-медиальных фрагментов – 3 экз; медиальных – 17 экз; медиально-дистальных – 2 экз. и 1 целый артефакт; вентральной ретушью – 13 экз., дорсальной – 3 экз., бифасиально обработаны – 6 экз., ретушь преимущественно полукрутая или плоская чешуйчатая одно-двурядная краевая. Две пластинки с притупленным краем оформлены крутой краевой чешуйчатой ретушью, одна пластинка с ретушью утилизации (см. *рисунок, 1–4*).

Пластины с ретушью (8 экз.) обработаны также по одному или двум продольным краям одно-, двурядной чешуйчатой ретушью, у одной пластины имеются следы шлифовки на дорсальной поверхности; ретушь утилизации отмечена на одном сколе.

Вкладыши немногочисленны, составляют 3 экз.

Имеются два ножа, изготовленные на пластинах, один – шлифованный с выпуклым лезвием (оформлено полукрутой многорядной субпараллельной ретушью), второй нож с естественным обушком, оформлен крупной краевой полукрутой ретушью (см. *рисунок, 10, 11*).

Также единичными экземплярами представлены остроконечники с вентральной (2 экз.) и дорсальной (1 экз.) параллельной отжимной распространенной ретушью (см. *рисунок, 7*).

Отдельную категорию составляют проколки (3 экз.): на пластинках (2 экз.) – одна из них обработана бифасиально стелющейся параллельной отжимной покрывающей ретушью, у второй оформлено только жальце; еще одна проколка изготовлена на бифасиально обработанной заготовке (см. *рисунок, 5–6*).

Представительную серию составляют скребки (см. *рисунок, 9, 16, 19*): концевые на отщепах (12 экз.), двойные концевые на отщепах (5 экз.), концевые на пластинах (4 экз.), двойные концевые на пластинах (1 экз.); на технических сколах концевые (3 экз.): полуреберчатый, краевой и подправка площадки, один скребок имеет выраженный «носик» (см. *рисунок, 19*). Также имеется один микроскребок на отщепе размером 16,3 мм, оформленный крутой чешуйчатой ретушью (см. *рисунок, 20*). Почти все скребки имеют широкий выпуклый рабочий край, как правило, с подправкой в виде ступенчатой отвесной ретуши, у двух отмечаются следы активного использования в виде заполировки рабочего края, три экземпляра с оббивкой по вентральной стороне. Категория представлена как целыми изделиями, так и фрагментами (14 экз. на отщепах и 3 экз. на пластинах).

Отдельную категорию составляют скребла (6 экз.), изготовленные преимущественно на отщепах и плитках, продольные.

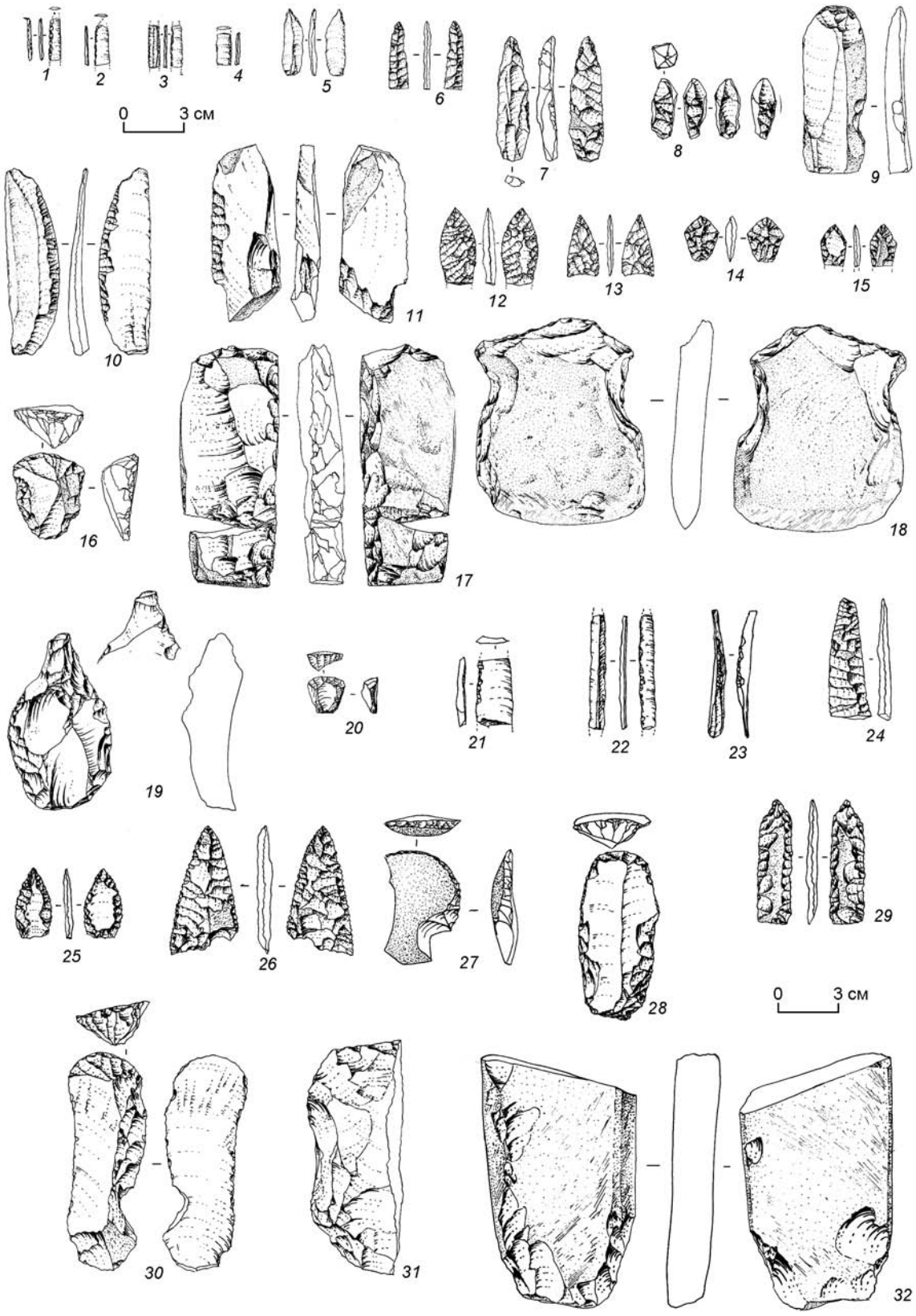
Широко представлены наконечники стрел (9 экз.), их фрагменты (16 экз.) и заготовки (7 экз.): овальный с черешковым насадом (1 экз.), овальные с прямым насадом (4 экз.), треугольный с вогнутым насадом (3 экз.), обработанные отжимной параллельной стелющейся покрывающей ретушью (см. *рисунок, 12–15*). Один из наконечников ромбовидной формы отличается небольшим размером (17,5 мм), обработан чешуйчатой краевой ретушью (см. *рисунок, 15*).

Представительную категорию составляют листовидные и овальные бифасы (5 экз.), их фрагменты (23 экз.) и заготовки (16 экз.). Они, как правило, обработаны крупной параллельной/субпараллельной отжимной ретушью, имеют плоско-выпуклое или прямое сечение.

Довольно значимую категорию представляют тесла (см. *рисунок, 17*) и их фрагменты (13 экз.). Характерной особенностью является шлифовка, переоформление разной степени и оббивка по одному из продольных краев. Все тесла изготовлены из силицитов, что может говорить об избирательности сырья для тех или иных категорий орудий.

Наряду с теслами, характерную для периода неолита-бронзового века региона категорию составляют топоры (2 целых экз. и 1 фрагмент) с «ушками» или цапфами (см. *рисунок, 18*). Один

*Здесь и далее указан % от технически значимого дебитажа горизонта.



Каменный инвентарь памятника Устье Реки Кутарей, слой 3.

1–20 – горизонт 1; *21–32* – горизонт 2.

1–4 – ретушированные микропластины; *5, 6* – проколки; *7* – остроконечник; *8* – объемный многофасеточный резец-дриль; *9, 16, 19* – скребки; *10, 11* – ножи; *12–15* – наконечники стрел; *17* – тесло; *18* – цапфенный топор; *20* – микроскребок; *21, 24* – ретушированные пластинки; *22, 23* – ретушированные микропластины; *25, 26* – наконечники стрел; *27, 28, 30* – скребки; *29* – проколка; *31* – фрагмент бифасиального орудия; *32* – тесло.

сделан из плитки сланцевой породы в технике фасонажа по всему периметру отдельности, с выделением цапф и пришлифовкой лезвия. Другой изготовлен из зернистого песчаника, полностью фасонирован. Морфологически наиболее близкие изделия найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и VI уровней отложения культуры) [Липина, Лохов, Медведев, 2013, с. 88, 94].

Единичными экземплярами представлены долотовидное, выемчатое орудие, терочник.

Отдельно следует отметить объемный многофасеточный резец-дриль (1 экз.) (см. *рисунок, 8*). В сочетании с развитой микропластинчатой технологией, орудия такого типа, согласно последним исследованиям, ряд авторов относит к мезолитической традиции. В качестве ближайших аналогов можно выделить материалы культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова I, где представлена серия подобных орудий [Томилова и др., 2014, с. 82, 96]. Также изделия такого типа известны на территории Якутии, Континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [Слободин, 2001, с. 35, 56].

В коллекции также присутствуют абразивные плитки (3 экз.), используемые в качестве инструментов для пришлифовки.

Остальную часть орудийного набора составляют фрагменты (10 экз.) и заготовки (2 экз.) бифасиальных орудий, фрагменты неопределимых орудий (32 экз.)

Отщепы с ретушью представлены 30 артефактами. Ретушь в большинстве случаев дорсальная краевая чешуйчатая. Также в коллекции присутствуют 14 сколов с ретушью утилизации.

Орудийный набор горизонта 2 составляет 95 экз. (3 %) и отличается от горизонта 1, прежде всего, отсутствием массивных рубящих форм, таких как топоры и тесла.

В данном горизонте также представлены микропластинки (10 экз.) и пластинки с ретушью (5 экз.) (см. *рисунок, 21–24*), ретушированные пластины (3 экз), одна пластинка-вкладыш(см. *рисунок, 24*), один остроконечник на пластине.

В коллекции широко представлены скребки (см. *рисунок, 27, 28, 30*): концевые на отщепах (10 экз.), двойные концевые на отщепах (1 экз.), концевые на пластинах (3 экз.), двойные концевые на пластинах (1 экз.), на технических сколах концевые (3 экз.), двойные на технических сколах (2 экз.) в основном с широким выпуклым/слабовыпуклым лезвием. Также у большинства орудий данной категории отмечается подправка в виде ступенчатой отвесной чешуйчатой ретуши и заполировка поверхности рабочего края.

В орудийном ансамбле выделены наконечники стрел (7 экз.), их заготовки (1 экз.) и фрагменты (3 экз.): овальные с прямым насадом (3 экз.), треугольные с вогнутым насадом (2 экз.), один – треугольный с черешком, один наконечник цэпаньского типа (см. *рисунок, 26*). Категория листовидных/овальных бифасов представлена лишь единичными фрагментами (4 экз.) и заготовками (1 экз.).

Индустрия горизонта также отличается небольшим количеством тесел (2 экз.) (см. *рисунок, 32*), рубящие орудия представлены лишь одним фрагментом, скребел только 2 экз.: продольно-поперечное и бифасиально обработанное с оформленным местом для крепления (струг?) (см. *рисунок, 30*).

В индустрии горизонта также выделен один терочник и пять экземпляров абразивных плиток (одна с желобком).

Остальную часть орудийного набора составляют фрагменты (1 экз.) и заготовки бифасиальных орудий, фрагменты неопределимых орудий (12 экз.).

Отщепы с ретушью также немногочисленны (10 экз.), еще 3 экз. с ретушью утилизации.

Исходя из приведенного анализа, можно заключить, что два культурных горизонта слоя 3 существенно отличаются друг от друга. Горизонт 1 более насыщен орудийными формами (290 экз.), в нем бóльший удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы, а также массивные и шлифованные формы (рубящие орудия, тесла), в то время как в индустрии горизонта 2 последние практически отсутствуют. В целом, каменный инвентарь слоя 3 обладает чертами, характерными для эпохи неолита-бронзового века региона. Принимая во внимание ситуацию компрессионного характера отложений и техногенные нарушения, делать более детальные выводы о культурно-хронологической принадлежности комплекса преждевременно. Перспективными представляются детальное изучение керамических комплексов памятника и планиграфический анализ, сопоставление с памятниками Кутарейского участка (Гора Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный).

Список литературы

Липина Е.А., Лохов Д.А., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 71–101.

Савин А.Н. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье реки Кутарей 2010 г. (Кежемский район Красноярского края). – Новосибирск, 2011. – Т. I. – 175 с.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

References

Lipina E.A., Lokhov D.A., Medvedev G.I. O kamennykh toporakh "s ushkami" – tsapfennykh toporakh Severnoi Azii. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya*, 2013, No. 1 (2). pp. 71–101 (in Russ.).

Savin A.N. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh stoyanki Ust'e Reki Kutarei 2010 g. (Kezhemskii raion Krasnoyarskogo kraya). Novosibirsk, 2011, vol. I, 175 p. (in Russ.).

Slobodin S.B. Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla. Magadan: Northeast complex research inst. of the FEB RAS, 2001, 202 pp. (in Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.N., Mikhlaeva Yu.M., Gorel'chenkova O.A., Kharevich V.M., Oreshnikov I.A. Mnogosloinaya stoyanka Ust'-Kova I v Severnom Priangar'e: itogi issledovaniya 2008–2011 gg. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya*, 2014, vol. 8, pp. 82–99 (in Russ.).

УДК 572

Т.А. Чикишева, А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: chikisheva@ngs.ru

Палеопатологическая характеристика нижней челюсти из верхнепалеолитического местонахождения Афонтова Гора II

Работа посвящена результатам палеопатологического изучения нижней челюсти девушки, обнаруженной на палеолитическом местонахождении Афонтова Гора II в Красноярском крае. Были изучены патологии зубной системы и проведено антропоскопическое обследование рельефа внешней поверхности костной ткани. Результаты одонтологического анализа позволили в первом приближении реконструировать состав диеты погребенной, который характеризовался низким уровнем углеводов и высоким содержанием животного протеина. Выявленные в результате остеологического анализа патологические изменения на костных фрагментах позволили предположить наличие у изучаемого индивида проблем с иммунитетом, связанных с наследственным фактором. Они могли стать причиной ямочной гипоплазии эмали постоянных зубов, наблюдаемой у погребенной, и предполагаемого на основании остеологических данных хронического воспаления слюнных желез (сиалоаденита).

Ключевые слова: *Афонтова Гора II, верхний палеолит, сиалоаденит, палеопатология, гипоплазия эмали.*

T.A. Chikisheva, A.V. Zubova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: chikisheva@ngs.ru

Palaeopathological Characteristics of the Lower Jaw from Upper Paleolithic Location Afontova Gora II

The article is devoted to the results of paleopathological investigation of the lower jaw from Afontova Gora II Upper Paleolithic site. Dental pathologies and the outer relief of bone surfaces were investigated. The results of analysis brought to the conclusion about high level of animal proteins in the individual's food, and low level of carbohydrates. Hereditary immune disorders were also suggested, based on pathological changes in the outer structures of teeth enamel and surfaces of the jaw bone. These disorders might be the cause of pit enamel hypoplasia and sialadenitis.

Keywords: *Afontova Gora II, Upper Paleolithic, sialadenitis, paleopathology, dental enamel hypoplasia.*

В работе представлены новые результаты палеоантропологического изучения нижней челюсти, обнаруженной в 2014 г. на верхнепалеолитической стоянке Афонтова Гора II. Челюсть датируется в пределах хронологического периода 15–11 тыс. л.н. Археологический слой, в котором она залегала, относится к афонтовской культуре [Деревянко и др., 2014].

Результаты предыдущих исследований позволили определить, что челюсть принадлежала женщине в возрасте 14–15 лет, и ее остеологические характеристики типичны для человека современного вида. Размеры обсуждаемой находки ближе к современным подросткам аналогичного биологического возраста, чем к верхнепалеолитическим образцам [Чикишева и др., 2016].

В комплексе с нижней челюстью было обнаружено пять зубов, на основании анализа морфологических особенностей которых был выделен южносибирский одонтологический комплекс эпохи верхнего палеолита. Он представляет собой автохтонную для южной части Западной Сибири антропологическую формацию, и главной его особенностью является отсутствие морфологической дифференцированности по отношению к современным одонтологическим комплексам западного и восточного ствола.

Целью настоящей работы является описание и интерпретация патологических характеристик нижней челюсти Афонтова Гора-2. Предлагаемые к обсуждению данные могут быть использованы

для реконструкции образа жизни девушки, которой принадлежала челюсть, и ее адаптивного статуса.

Для каждого костного фрагмента было проведено антропоскопическое обследование, учитывавшее соответствие характеристик изучаемой челюсти анатомической норме, особенности развития рельефа в местах прикрепления мышц. С целью выявления возможных васкулярных реакций, которые могли бы свидетельствовать о наличии патологии, анализировалось строение внешней поверхности костной ткани.

Одонтологические находки были обследованы на предмет наличия на них травматических повреждений, кариеса, зубного камня и гипоплазии эмали. Первые три показателя являются индикаторами состава диеты [Бужилова, 2005, с. 43–52], последний – маркером метаболических нарушений различной этиологии [Грошиков, 1985, с. 39–45].

Набор маркеров палеодиеты на нижней челюсти Афонтова Гора-2 типичен для охотников-собирателей эпохи верхнего палеолита. На сохранившихся зубах отсутствует кариес, отложения зубного камня незначительны по объему и локализованы в труднодоступных участках зубной системы, самоочистка которых в результате употребления жесткой, плохо обработанной пищи затруднительна. На премоляре очень умеренные его следы зафиксированы в области прилегания мягких тканей на лингвальной и вестибулярной сторонах зуба, на молярах небольшие отложения наблюдаются на межзубных поверхностях, прилежащих к контактным фасеткам. В комплексе это свидетельствует о низкоуглеводной диете с преобладанием мясной пищи в рационе. Прижизненные сколы эмали зубов отсутствуют, также отсутствуют свидетельства использования зубов в хозяйственной деятельности.

Интерес вызывают гипопластические поражения в виде множественных небольших ямок, наблюдаемые на всех пяти зубах Дефекты коронки имеют форму полукруглых углублений, покрытых эмалью. На премоляре они фиксируются на всей лингвальной поверхности коронки. Область поражения начинается на уровне режущего края и заканчивается на верхнем крае шейки зуба, в месте его сужения. С вестибулярной стороны пораженные участки расположены в мезио-вестибулярном и дисто-вестибулярном отделах, центральная часть вестибулярной стороны имеет нормальную эмаль.

На первых молярах гипоплазия локализуется на лингвальной стороне коронки, на уровне 2–3 мм от жевательной плоскости метаконида. Серьезные дефекты наблюдаются на вторых нижних молярах, особенно на левом, где ямки наблюдаются на всей жевательной поверхности, лингвальной и вестибулярной стенках коронки. Самые сильные поражения зафиксированы на протоконида и гипоконида (рис. 1). Цвет эмалевого покрова в области поражений не изменен, его поверхность гладкая. Патологической стертости не наблюдается. Срок формирования гипопластических повреждений соответствует возрастному интервалу от 0–6 месяцев до 6,5–7,0 лет [Goodman, Armelagos, Rose, 1989].

Рис. 1. Левый второй моляр с гипоплазией на жевательной поверхности протоконида и вестибулярной стенке гипоконида (дистальная норма).

В палеоантропологических исследованиях гипоплазия эмали рассматривается как порок развития, вызванный пищевыми стрессами [Goodman, Rose, 1991]. Однако в качестве маркера стресса может рассматриваться только линейная гипоплазия эмали. Точечная или ямочная гипоплазия является наследуемой патологией, которая может иметь как самостоятельный статус, так и быть ассоциированной с другими наследственными заболеваниями. Она может наследоваться как сцепленно с полом, так и по аутосомно-доминантному или аутосомно-рецессивному типу [Беляков, 1993; Акуленко и др., 2009; Персин, Елизарова, Дьякова, 2003, с. 139–146]. Клиническая форма поражений, наблюдаемых у девушки из Афонтовой Горы, в большей степени соответствует формам с аутосомным типом наследования [Персин, Елизарова, Дьякова, 2003, с. 153].

Среди вероятных патологических изменений на костных фрагментах из Афонтовой Горы, прежде всего, отметим асимметрию в развитии подъязычных ямок (fovea sublingualis) – мест прилега-

Рис. 2. Правая ветвь нижней челюсти со следами реактивных изменений.

ния подъязычных слюнных желез. Ямка на правой половине челюсти заметно шире и глубже, чем на левой, и на ее поверхности заметны следы воспаления в виде небольшой порозности. Поднижнечелюстная ямка (fovea submandibularis), которая также является местом прилегания одной из слюнных желез (поднижнечелюстной), имеет следы порозности на обеих половинах челюсти. Такая реакция костной ткани может быть связана с воспалением слюнных желез, называемым в современной медицине сиалоаденитом.

Результаты обследования позволяют предполагать, что сиалоаденит спровоцировал также воспалительный процесс у «истока» правой челюстно-подъязычной мышцы. Об этом свидетельствуют следы порозности на участке челюстно-подъязычной линии правой стороны челюсти (linea mylohyoidea) – в месте прикрепления челюстно-подъязычной мышцы (m. mylohyoideus), примыкающем к поднижнечелюстной ямке.

Наружная поверхность обеих ветвей челюсти видоизменена. Она покрыта чешуйчатыми наплывами костной ткани (рис. 2). Принимая во внимание изменения реактивного характера в местах прилегания к внутренней поверхности челюсти подъязычных и поднижнечелюстных слюнных желез, мы предположили, что воспалительный процесс, вызванный сиалоаденитом, распространился также и на околоушные железы. Они располагаются на боковой поверхности нижней челюсти у заднего края жевательной мышцы. Возможно, что именно это стало причиной смерти индивида, в противном случае, учитывая его молодой возраст, можно было предполагать быструю физиологическую регенерацию костной ткани после излечения воспалительного процесса.

Причины воспаления слюнных желез могли иметь двоякую природу. Острые формы этого заболевания обычно вызываются травмами, слюнокаменной болезнью или инфекциями [Персин, Елизарова, Дьякова, 2003, с. 247–258]. Однако в некоторых случаях причиной сиалоаденита становится первичное аутоимунное расстройство, связанное с наследственным фактором [Щербина, Косачева, Румянцев, 2010]. В условиях палеоантропологического исследования крайне сложно найти обоснование какому-либо из вариантов, поскольку при отсутствии мягких тканей даже сам диагноз сиалоаденита остается в значительной мере гипотетическим. Однако комбинация вероятного системного поражения желез с несовершенным амелогенезом (гипоплазией эмали), начальные проявления которого формируются в период прекращения защиты организма ребенка материнским иммунитетом, на наш взгляд может свидетельствовать о наличии у девушки из Афонтовой Горы врожденных нарушений иммунной системы.

Результаты антропоскопического обследования нижней челюсти девушки, обнаруженной на палеолитическом местонахождении Афонтова Гора II, позволили сделать вывод о низком содержании углеводов в рационе ее питания и о наличии у нее наследственного нарушения метаболизма, спровоцировавшего ямочную гипоплазию эмали постоянных зубов. Распределение патологических изменений на костных фрагментах позволяет также гипотетически предполагать наличие хронического воспаления слюнных желез (сиалоаденита) и первичного иммунодефицитного синдрома.

Список литературы

Акуленко Л., Тактаров В., Петрин А., Ильяшенко Л., Захарова О., Богомазов Е. Медицинская и клиническая генетика для стоматологов: учебник для вузов. – М.: Гэотар-Медиа, 2009. – 400 с.

Беляков Ю.А. Стоматологические проявления наследственных болезней и синдромов. – М.: Медицина, 1993. – 256 с.

Бужилова А.П. *Homo sapiens*: История болезни. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.

Грошиков М.И. Некариозные поражения тканей зуба. – М.: Медицина, 1985. – 176 с.

Деревянко А.П., Славинский В.С., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Цыбанков А.А., Деев Е.В., Рыбалко А.Г., Стасюк И.В., Харевич В.М., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Дудко А.А., Ломов П.К. Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных тер-

риторий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 431–434.

Персин Л.С., Елизарова В.М., Дьякова С.В. Стоматология детского возраста. – М.: Медицина, 2003. – 640 с.

Чикишева Т.А., Слепченко С.М., Зубова А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Дроздов Н.И., Лысенко Д.Н. Антропологическая характеристика нижней челюсти и первого шейного позвонка (атланта) с местонахождения Афонтова Гора II // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 150–157.

Щербина А.Ю., Косачева Т.Г., Румянцев А.Г. Первичные иммунодефицитные состояния: вопросы диагностики и лечения // Вопр. гематологии, онкологии и иммунопатологии в педиатрии. – 2010. – Т. 9, № 2. – С. 23–31.

Goodman A.H., Armelagos G.J., Rose J.C. Enamel hypoplasias as indicator of stress in three prehistoric populations from Illinois // Human Biology. – 1989. – N. 52. – P. 515–528.

Goodman A.H., Rose J.C. Dental enamel hypoplasias as indicator of nutritional status // Advances in Dental Anthropology / eds. M.A. Keeley, N.Y. Larsen. – Wiley Liss., 1991. – P. 279–294.

References

Akulenko L., Taktarov V., Petrin A., Il'yashenko L., Zakharova O., Bogomazov E. Meditsinskaya i klinicheskaya genetika dlya stomatologov: uchebnik dlya vuzov. Moscow: Geotar-Media, 2009, 400 p. (in Russ.).

Belyakov Yu.A. Stomatologicheskie proyavleniya nasledstvennykh boleznei i sindromov. Moscow: Meditsina, 1993, 256 p. (in Russ.).

Buzhilova A.P. *Homo sapiens*: Istoriya bolezni. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005, 320 p. (in Russ.).

Chikisheva T.A., Slepchenko S.M., Zubova A.V., Slavinskii V.S., Tsybankov A.A., Drozdov N.I., Lysenko. D.N. An Upper Paleolithic Human Mandible and a First Cervical Vertebra from Afontova Gora II. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 150–157.

Derevianko A.P., Slavinskii B.C., Chikisheva T.A., Zubova A.V., Slepchenko S.M., Zol'nikov I.D., Lysenko D.N., Drozdov N.I., Tsybankov A.A., Deev E.V., Rybalko A.G., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Artem'ev E.V., Galukhin L.L., Bogdanov E.S., Stepanov N.S., Dudko A.A., Lomov P.K. Novye antropologicheskie nakhodki epokhi paleolita so stoyanki Afontova Gora II (predvaritel'noe opisanie, kratkii stratigraficheskii i arkheologicheskii kontekst). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 431–434 (in Russ.).

Goodman A.H., Armelagos G.J., Rose J.C. Enamel hypoplasias as indicator of stress in three prehistoric populations from Illinois. *Human Biology*, 1989, No. 52, pp. 515–528.

Goodman A.H., Rose J.C. Dental enamel hypoplasias as indicator of nutritional status. In *Advances in Dental Anthropology*, M.A. Keeley, N.Y. Larsen (eds.).Wiley Liss., 1991, pp. 279–294.

Groshikov M.I. Nekarioznye porazheniya tkanei zuba. Moscow: Meditsina, 1985, 176 p. (in Russ.).

Persin L.S., Elizarova V.M., D'yakova S.V. Stomatologiya detskogo vozrasta. Moscow: Meditsina, 2003, 640 p. (in Russ.).

Shcherbina A.Yu., Kosacheva T.G., Rumyantsev A.G. Pervichnye immunodefitsitnye sostoyaniya: voprosy diagnostiki i lecheniya. *Voprosy gematologii, onkologii i immunopatologii v pediatrii*, 2010, vol. 9, No. 2, pp. 23–31 (in Russ.).

УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1, 2], А. Абдыканова[3], М. Крайцарж[4], А.И. Кривошапкин[1, 2], К.А. Колобова[1], М.Е. Романенко[2], С. Алишер-кызы[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан
[4]Институт геологии, Варшава, Польша
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году*

Памятник Обишир-5 является одним из ключевых раннеголоценовых объектов в западной части Центральной Азии. Он был обнаружен в 1965 г. и исследовался в течение пяти полевых сезонов археологическим отрядом, возглавляемым У.И. Исламовым. Ранее исследователь предполагал, что это однослойный объект, где представлена эпипалеолитическая индустрия, хронологические рамки существования которой 9–8 тыс. л. до н.э. и которая характеризуется микропластинчатым расщеплением, доминированием в орудийном наборе пластинок и микропластин с альтернативной и вентральной ретушью, концевых скребков, единичных сегментов, чопперов и чоппингов. На настоящий момент, судя по геологическому строению отложений, на памятнике выделяется пять литологических слоев, к каменному веку относятся четыре слоя от максимума последнего оледенения до раннего голоцена. Между археологическими комплексами, содержащимися в каждом литологическом слое стоянки, прослеживаются технико-типологические различия, как в первичном расщеплении, так и в орудийных наборах.

Ключевые слова: *мезолит, эпипалеолит, западная часть Центральной Азии, микропластинчатое расщепление, микропластина.*

S.V. Shnayder[1, 2], A. Abdykanova[3], M. Krajcarz[4], A.I. Krivoshapkin[1, 2], K.A. Kolobova[1], M.E. Romanenko[2], S. Alisher-kyzy[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyzstan
[4]Institute of Archaeology, Warsaw, Poland
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

The Results of Archaeological Excavations at the Obishir-5 Site in 2016

Obishir-5 is a one of the Early Holocene key-sites in the western part of Central Asia. It was discovered in 1965 and investigated within five field seasons by archaeological team lead by U. Islamov. Previously researcher suggested that the site is one-layered object represented by epipaleolithic industry dated back 9–8 BC with microlithic technology. The industry dominated by bladelets and microblades with alternate and ventral retouch in tool kit, unitary segments, choppers and choppings. Currently, based on the geological sediments structure there are revealed five lithological layers – four of them belong to Stone Age from LGM to Early Holocene. Every layer has archaeological materials, which show dinstinct technical and typological differences in primary reduction and tool set.

Keywords: *Mesolithic, Epipaleolithic, western part of Central Asia, microblade flaking, microblade.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

На современном этапе исследований проведена ревизия материалов ключевых памятников финального плейстоцена – раннего голоцена западной части Центральной Азии, была уточнена атрибуция многих индустрий, пересмотрен генезис ряда комплексов. На основе полученных данных было предложено выделять три линии развития – туткаульскую, триалетскую и эпипалеолитическую [Шнайдер, 2015, с. 16–17]. На данный момент малоизученными остаются материалы эпипалеолитической линии, в историографии приводится лишь общая характеристика ее комплексов. Одним из ключевых памятников эпипалеолитической линии развития является Обишир-5 (юг Кыргызстана). Объект был обнаружен экспедицией под руководством У.И. Исламова в 1965 г. и изучался им в течение 1966–1967, 1969–1971 гг. и в 1973 г. Исследователем было выделено три культурных горизонта, которые, согласно его мнению, обладали схожими технико-типологическими характеристиками. Таким образом, при интерпретационных построениях он их рассматривал в совокупности. В каменном инвентаре стоянки У.И. Исламов выделял значительную роль микропластинчатого расщепления, в орудийном ансамбле отмечал доминирование пластинок и микропластин с альтернативной и вентральной ретушью, концевых скребков, также выделял единичные экземпляры сегментов, чопперов и чоппингов. На основании технико-типологических характеристик исследователь предполагал хронологические рамки существования данной индустрии в пределах 9–8 тыс. л. до н.э. [Исламов, 1980, с. 119].

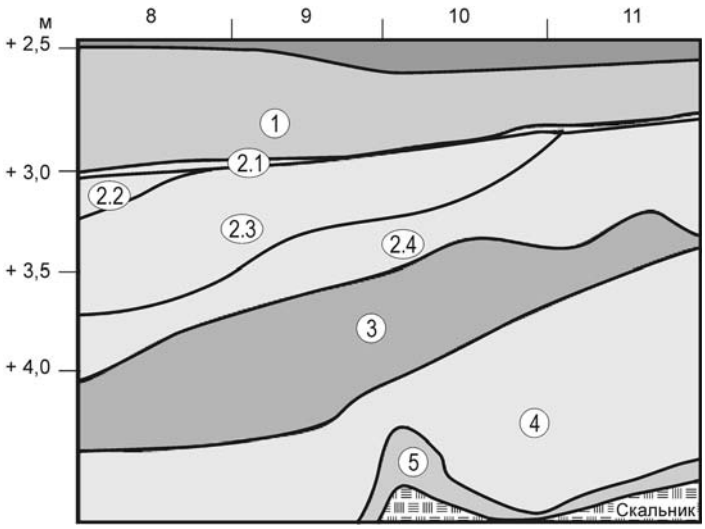


Рис. 1. Стратиграфия памятника Обишир-5 (по линии S/8–11).

Силами российско-кыргызской экспедиции под руководством А.И. Кривошапкина в 2015 г. были возобновлены археологические раскопки на памятнике Обишир-5 с целью уточнения стратиграфической ситуации на объекте, отбора образцов на абсолютное датирование и получения археологической коллекции для сопоставления с материалами У.И. Исламова. Данная статья демонстрирует основные результаты раскопок стоянки, полученные в 2016 г.

Общая площадь, вскрытая раскопом 2016 г., составила 4 м^2. Описание стратиграфии разреза стоянки (составлено М. Крайцарж и М.Е. Романенко) представлено сверху вниз (рис. 1).

Слой 1 – суглинки от светло-серого до серо-коричневого цвета с средне- и крупнозернистыми обломками известняка (хаотичной текстуры). Слой включает фрагменты керамики, кости, кострища и антропогенные ямы. Нижняя граница слоя резкая, эрозионная. Истинная мощность до 0,5 м.

Слой 2 состоит из прослоев 2.1–2.4, которые имеют наклон в юго-западном направлении. Прослои 2.1 и 2.2 состоят из суглинков светло-коричневого цвета разных оттенков; в них присутствует небольшое количество обломков известняка. Границы прослоев резкие, наклонные, в прослое 2.2 эрозионные. Отложения состоят из лессовидного материала, образованы за счет коллювиальной деятельности, проходящей под воздействием талой/дождевой воды. Истинная мощность прослоев до 0,9 м. Прослои 2.3 и 2.4 – пылеватые суглинки от светло-коричневато-серого до темно-коричневого цвета с обилием мелко- и среднезернистых обломков известняка (слойчатой структуры) и мелкой гальки (0,5–10,0 см). Прослои содержат многочисленные каменные артефакты. Границы прослоев наклонные, эрозионные, неясные. Отложения образованы за счет коллювиальной деятельности. Стоит отметить, что наличие мелкой гальки показывает временный разрыв в коллювиальном осадконакоплении. Истинная мощность прослоев до 0,9 м.

Слой 3 – суглинок от кремового до желтовато-коричневого цвета с малым количеством мелко- и среднезернистых обломков известняка (хаотичная текстура); нижняя эрозионная граница, отмеченная крупнозернистыми обломками известняка, наклонена к югу. Отложения образованы за счет коллювиальной деятельности. Отметим, что четкий наклон данного слоя и ориентация камней, располагающихся послойно, согласно наклону слоя, указывает на солифлюкцию в качестве основного процесса массового движения. Истинная мощность слоя до 0,5 м.

Слой 4 – суглинок от кремового до желтовато-коричневого цвета с малым количеством мелко-

и среднезернистых обломков известняка (хаотичная текстура). Нижняя граница слоя, переходящая в слой 5, размыта. Данный слой залегает *in situ* и состоит из лессового материала и обломков известняка, аккумулированных морозным выветриванием под скальными породами. Истинная мощность слоя до 1,1 м.

Слой 5 – плотный суглинок от кремового до желтовато-коричневого цвета, массивной текстуры, почти без обломков известняка. Слой встречается только во впадинах скальной породы. Из-за малого количества обломков известняка и цвета слой 5 может рассматриваться как типичный лесс. В связи с тем, что слой был вскрыт толь-

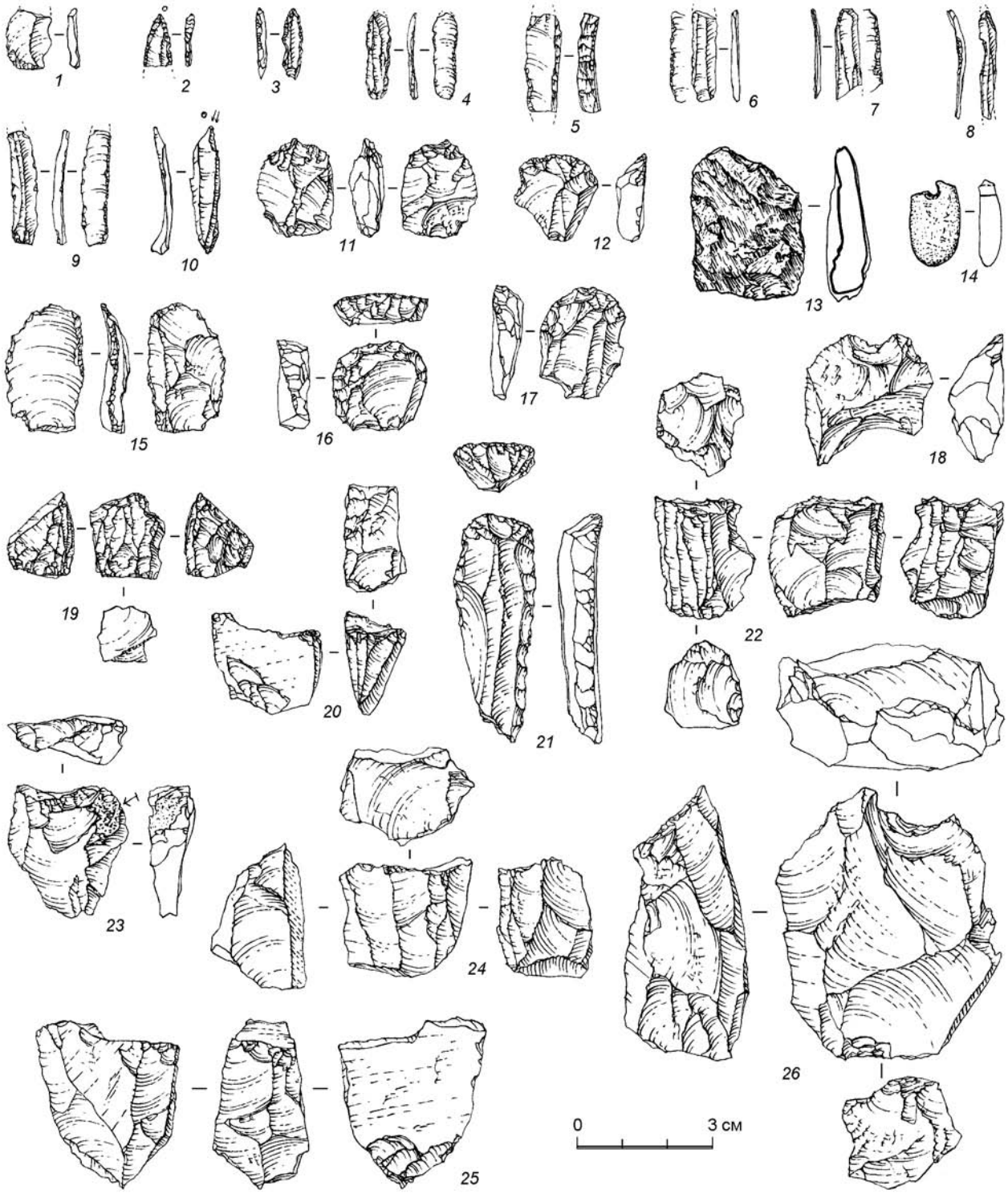


Рис. 2. Каменные артефакты памятника Обишир-5.

ко на небольшом участке, данная интерпретация может быть изменена в будущем. Истинная мощность слоя до 0,15 м.

Мезолитические материалы обнаружены в слоях 2–4.

Коллекция слоя 2 насчитывает 618 экз., бóльшую ее часть составляют отходы производства – 250 экз. (40 %).

Нуклевидных изделий в комплексе насчитывается 9 экз., из них типологически определимых изделий – 8 экз., они представлены призматическими (5 экз.) (рис. 2, *19, 22*) и торцовыми (3 экз.) нуклеусами для пластинок и микропластин.

Технических сколов имеется 37 экз., среди них представлены краевые сколы (22 экз.), сколы подправки фронта расщепления (5 экз.), сколы латеральной подправки (4 экз.), а также сколы подправки ударной площадки, реберчатые и полуреберчатые сколы. Индустрия сколов представлена отщепами – 166 экз., пластинами – 9 экз., пластинками – 67 экз. и микропластинами – 76 экз.

Орудийный набор представлен 92 экз. Наиболее многочисленной категорией являются микропластины с вентральной ретушью (20 экз.) (рис. 2, *6, 7, 9*) и дорсальной ретушью (10 экз.), а также скребки (20 экз.) (рис. 2, *16*). Помимо этого в коллекции выделены долотовидные изделия (4 экз.) (рис. 2, *11*), пластинки с притупленным краем (3 экз.), острия (3 экз.) (рис. 2, *2, 3*), проколки (2 экз.), выемчатые изделия (2 экз.) (рис. 2, *8*) и резец (рис. 2, *10*). Также в комплексе представлены отщепы с дорсальной преднамеренной ретушью (4 экз.); пластинки (17 экз.) и отщепы (4 экз.) с ретушью утилизации.

Особого внимания заслуживают обнаруженные в полевом сезоне 2016 г. подвеска, выполненная из талькита (рис. 2, *14*), и фрагмент шлифованного орудия из серпентинита (рис. 2, *13*).

Для слоя 2 был проведен радиоуглеродный анализ, для кровли была получена дата 8 248 ± 69 л.н. (PLD-31652), для подошвы – 10 644 ± 73 л.н. (PLD-31 753)*.

Коллекция каменных артефактов слоя 3 насчитывает 314 экз., из них отходы производства составляют 148 экз. (47 %). В индустрии слоя выделено 2 экз. призматических нуклеусов для пластинок и микропластин. Технических сколов в коллекции насчитывается 17 экз., среди которых представлены краевые сколы (13 экз.), латеральный скол, полутаблетка, скол подправки фронта расщепления и скол подправки терминальной части нуклеуса. Индустрия сколов представлена отщепами – 59 экз., пластинчатых заготовок выделено 81 экз. (из них пластин – 4 экз., пластинок – 21 экз., микропластин – 56 экз.).

Орудийный набор насчитывает 39 экз. Основную часть коллекции составляют микропластины с дорсальной ретушью (6 экз.), вентральной ретушью (4 экз.) и концевые скребки (9 экз.) (рис. 2, *21*). Также в индустрии представлены долотовидные орудия (3 экз.), пластинка с притупленным краем (рис. 2, *5*), проколка и выемчатое орудие. В категории сколов с ретушью выделяются отщепы (5 экз.), пластинка, отщепы с ретушью утилизации (3 экз.) и пластинки с ретушью утилизации (5 экз.).

В коллекции каменных артефактов слоя 4 памятника Обишир-5 насчитывается 226 экз., из общего количества отходы производства составляют 145 экз. (64 %).

В индустрии выделено 9 экз. нуклевидных изделий, из них 5 экз. типологически определимых ядрищ – торцовые нуклеусы для пластинчатых заготовок (2 экз.) (рис. 2, *20, 25*), призматический нуклеус для пластинок (рис. 2, *24*), а также бипродольный (рис. 2, *26*) и радиальный нуклеусы для отщепов. Технических сколов в комплексе выделяется 11 экз., среди них представлены краевые сколы (5 экз.), сколы подправки дуги скалывания (5 экз.), скол латеральной подправки (рис. 2, *23*). В индустрии сколов представлены отщепы (24 экз.), пластины (2 экз.) (рис. 2, *1*), пластинки (28 экз.) и микропластины (7 экз.).

Орудийный набор индустрии насчитывает 9 экз. и представлен проколками (2 экз.), скребками (3 экз.) (рис. 2, *12, 17*) и пластинкой с ретушью (рис. 2, *4*), выемчатым орудием (рис. 2, *18*) и отщепами с ретушью (2 экз.) (рис. 2, *15*).

Проведенный предварительный технико-типологический анализ каменной индустрии памятника Обишир-5 демонстрирует, что при получении пластинок и микропластин из слоев 2, 3 и 4 использовались различные техники скола. Так, комплекс признаков, отмеченный для пластинок и микропластин слоев 2, 3, указывает на то, что они были получены посредством техники отжима. Заготовки обладают прямоугольной формой скола, продольной огранкой дорсальных поверхностей, трапециевидным поперечным сечением, прямым латеральным профилем. Проксимальная зона характеризуется точечными и линейными ударными площадками с вентральным карнизом, которые несут сле-

*АМС-датирование было осуществлено в рамках исследовательского проекта «Формирование кочевых обществ древней Евразии: сравнительное изучение» университета Кокушикан в Японии под руководством профессора К. Онума. Калибровка была сделана по базе INTCAL13 [Reimer et al., 2013] и OxCal, версия 4.2.

ды абразивной обработки, на сколах практически не отмечается изъяна и имеются следы воздействия, угол сопряжения ударной площадки и дорсальной поверхности всегда прямой.

Пластинки и микропластины слоя 4 демонстрируют следующие признаки: метрические характеристики не стандартизированы, форма сколов угловатая, преобладает многогранное сечение, доминируют сколы с изогнутым в медиальной части латеральным профилем, преобладают гладкие ударные площадки, которые не всегда несут следы редукции. В целом комплекс продемонстрированных характеристик указывает на то, что они были получены посредством ударной техники.

Таким образом, предварительные результаты полевых исследований памятника Обишир-5 позволяют полностью пересмотреть его культурно-хронологическую интерпретацию. На данный момент он определяется как единственный многослойный объект в западной части Центральной Азии, включающий культуросодержащие финальноплейстоценовые-раннеголоценовые комплексы. Дальнейшее изучение индустрий позволит зафиксировать изменения в технологии расщепления, технике скола, технологии изготовления и функциональности хроно- и культуромаркирующих типов каменного инвентаря на рубеже геологических эпох.

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980. – 147 с.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 26 с.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55. – P. 1869–1887.

References

Islamov U.I. Obishirskaya kul’tura. Tashkent: Phan, 1980, 147 p. (in Russ.).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 2013, vol. 55, pp. 1869–1887.

Shnaider S.V. Tutkaul’skaya liniya razvitiya v mezolite zapadnoy chasti Central’noy Azii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2015, 26 p. (in Russ.).

УДК 902.01

М.В. Шуньков[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Т.Б. Мамиров[3], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы в Тарбагатайском районе Республики Казахстан в 2016 году*

В 2016 г. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан была проведена археологическая разведка в Восточно-Казахстанской обл. Одним из участков работ стала восточная часть Тарбагатайского р-на, расположенная на юге Зайсанской впадины и севере Тарбагатайского хребта. В ходе работ стратифицированных объектов не найдено. При обследовании долин рек Еспе и Кандысу выявлено пять новых местонахождений. Наиболее интересно местонахождение Еспе-3, представляющее собой мастерскую на выходах сырья. Комплекс Еспе-3 содержит каменные артефакты, относящиеся к периодам от среднего палеолита до неолита. Немногочисленные каменные артефакты обнаружены на местонахождениях Еспе-1, -2, Тайбакан и Шолакбулак.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, Тарбагатайский р-н, разведочные работы, палеолит, поверхностные сборы.*

M.V. Shunkov[1, 2], Zh.K. Taymagambetov[3], A.A. Anoikin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], T.B. Mamirov[3], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey in the Tarbagatai Region of the Republic of Kazakhstan in 2016

The Joint Russian-Kazakhstan expedition of IAET SB RAS and National Museum of Republic of Kazakhstan carried out the archaeological survey in the East Kazakhstan area. One of the focal areas was Eastern part of Tarbagatai region situated in the South of Zaisan depression and North of Tarbagatai ridge. Stratified occurrences were not found in the course of survey. When the valleys of Espe and Kandysu Rivers had been investigated five new sites were found. The most interesting Espe-3 site represents the workshop near the open source of stone raw material. Complex of Espe-3 contains lithics chronologically determined by the span from the Middle Paleolithic to Neolithic. Lithic artifacts were obtained in small amount at the occurrences of Espe-1, -2, Taibakan and Sholakbulak.

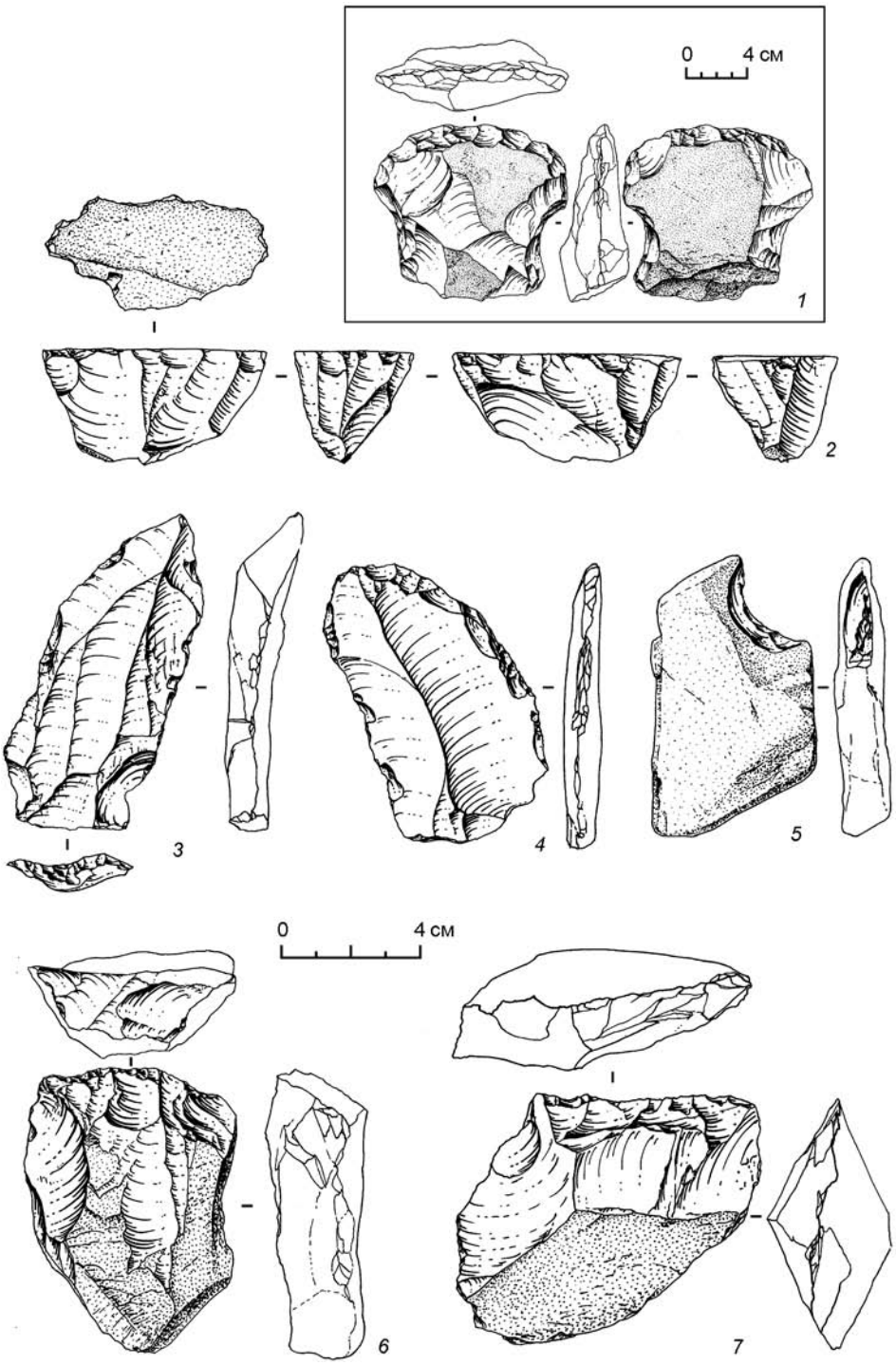
Keywords: *Eastern Kazakhstan, Tarbagatai region, surveys, Paleolithic, surface collection.*

В сентябре 2016 г. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены масштабные разведочные работы на территории Восточно-Казахстанской обл. Одним из участков проведения работ стала восточная часть Тарбагатай-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

ского р-на, находящаяся на стыке Зайсанской впадины с северными отрогами Тарбагатайского хребта.

Зайсанская впадина представляет собой обширный глубокий межгорный прогиб, поверхность которого характеризуется равнинным слабоувалистым рельефом, в ряде мест нарушенным поднятием отдельных сопок и возвышенностей. Южная часть впадины занята плоскими наклонными аллювиально-пролювиальными и аллювиально-озерными равнинами континентальных дельт, образовавшихся в приустьевых участках рек Кандысу, Бугаз и др. Участок, расположенный к северо-западу от хребта Тарбагатай, представляет собой переходную область от его отрогов к казахстанским пенепленам и мелкосопочникам [Геология ..., 1967, с. 420–426].



Каменные артефакты местонахождения Еспе-3 (художник М.Е. Медовикова).
1 – топор; *2*, *6*, *7* – нуклеусы; *3* – пластина; *4* – скребло; *5* – выемчатое орудие.

В исследуемом районе четвертичные отложения распространены на значительной территории, однако они имеют небольшую мощность, как правило, не превышающую нескольких метров, а зачастую и менее метра. Средне- и верхнечетвертичные отложения представлены буровато-серыми или желтовато-серыми щебнистыми суглинками [Там же, с. 213–218].

В связи с незначительным развитием чехла рыхлых отложений основное внимание при разведочных работах было уделено поиску памятников с поверхностным залеганием артефактов. Наиболее надежным поисковым признаком для обнаружения таких объектов можно считать приуроченные к водотокам выходы сырья, расположенные, как правило, у подножий относительно крупных возвышенностей. Источником сырья, видимо, служил содержащийся в четвертичных отложениях обломочный материал, состав и размеры которого зависят от расстояния переноса. Именно в такой ситуации был найден археологический материал на местонахождениях Еспе-1–3.

Река Еспе протекает по слабохолмистой, иногда террасированной равнине, где небольшой чехол плейстоценовых осадков покрывает палеоген-неогеновые отложения. Наиболее представительны материалы местонахождения Еспе-3, расположенного на правом берегу реки, в ее среднем течении, у подножия горы Толгай. Абсолютная высота ок. 800 м. Находки зафиксированы на пологих (3–10°) склонах, в их средней части, на высоте от 20 до 30 м над урезом реки. На отдельных участках склон расчленен ложками и промоинами временных водотоков с обнажениями по бортам. Поверхность склонов покрыта обломочным материалом с включением галечника. Сырьевой состав обломочника разнообразен, присутствует каменный материал высокого качества – различные ороговикованные породы, кремни и алевролиты. В верхней части склона зафиксирована пестроцветная толща с кристаллами гипса, на более низких уровнях покров сложен красновато-коричневым суглинком с многочисленными включениями щебня.

Археологический материал залегает широкой полосой вдоль склона, не образуя скоплений. На относительно высоких участках находки отсутствуют. Единичные, скорее всего перемещенные, предметы найдены у подножия.

Коллекция артефактов насчитывает 65 экз. Набор типологически выраженных ядрищ состоит из 9 экз. Три нуклеуса утилизированы в системе плоскостного параллельного расщепления. Один из них оформлен на окатанной плитке сырья; ударная площадка, скошенная к естественному контрфронту, подготовлена серией крупных снятий. Фронт несет негативы коротких и удлиненных сколов среднего и мелкого размера (см. *рисунок, 6*). Два нуклеуса подготовлены на крупных гальках, имеют естественную ударную площадку; фронт образован негативами разноразмерных снятий (см. *рисунок, 7*).

Плоскостное продольно-поперечное скалывание представлено фрагментом ядрища, расколовшегося по естественной трещине. Сохранившийся фрагмент (фронт с латеральными участками) имеет две смежные специально подготовленные площадки.

Один из нуклеусов, оформленный на небольшом валуне, предназначен для получения крупных коротких заготовок с использованием встречного параллельного расщепления. Ударные площадки изделия естественные, скошенные.

Ядрище типа комбева представлено крупным массивным первичным отщепом, с вентральной поверхности которого одним снятием был удален ударный бугорок.

Торцовые ядрища (2 экз.), оформленные на окатанных плитках, обладают скошенной или прямой гладкой ударной площадкой и мелкими короткими негативами снятий на узком фронте.

Объемное расщепление представлено небольшим ядрищем (см. *рисунок, 2*) с дугой скалывания по всему периметру естественной ударной площадки. Фронт изделия несет негативы коротких и удлиненных мелких снятий.

Небольшой серией (9 экз.) представлены слабо окатанные обломки плитчатого сырья со сколами апробации.

Индустрия сколов насчитывает 43 экз. (с учетом изделий со следами вторичной обработки). Технические сколы (9 экз.) включают крупные удлиненные массивные снятия естественных ребер с отдельностей плитчатого сырья. Отщепы (33 экз.) преимущественно первичные и вторичные (25 экз.), среднего и крупного размера, короткие и укороченные, с гладкой и естественной остаточной ударной площадкой. Отщепы без естественной поверхности (8 экз.) имеют такие же морфометрические показатели. Их дорсальная огранка продольная, одно- или бинаправленная. Единственная в коллекции пластина – остроконечная, с продольной однонаправленной огранкой и фасетированной остаточной ударной площадкой. Возможно, она является продуктом леваллуазской технологии расщепления (см. *рисунок, 3*).

Орудийный набор насчитывает 6 экз. Изделия на сколах представлены отщепом с ретушью и диагональным выпуклым дорсальным скреблом (см. *рисунок, 4*). Еще три орудия – выемчатые, с глубоким ретушированным анкошем. Изделия оформ-

лены на небольших окатанных плитках (см. *рисунок, 5*). Кроме того, найден крупный бифасиально обработанный топор с перехватом (см. *рисунок, 1*), выполненный на уплощенной гальке.

Каменные артефакты местонахождения Еспе-3 изготовлены преимущественно из качественного плиточного сырья окремненной породы серого или черного цвета. Исключение составляет топор с перехватом, выполненный из крупнозернистого материала. Все артефакты патинированы, цвет патины варьирует от светло-серого до буроватого. Изделия различаются по степени сохранности поверхности – от легкой оглаженности ребер до ячеистого выветривания граней.

Состав коллекции подъемного материала, в котором преобладают продукты первичного расщепления, свидетельствует о том, что Еспе-3 представляет собой мастерскую на выходах сырья. Источником сырья являлся залегающий на поверхности склона обломочный материал, в составе которого присутствуют отдельности высококачественных, пригодных для системного расщепления пород. Типологический облик находок указывает на разновременность комплекса. В нем можно выделить среднепалеолитический (?), верхнепалеолитический и неолитический компоненты.

Менее представительны материалы местонахождения Еспе-1, расположенного в 4 км ниже по течению от предыдущего пункта, на левом берегу р. Еспе. В этом месте на склоне и у бровки невысокого (до 3 м) террасовидного уступа собрана небольшая (10 экз.) коллекция каменных артефактов. Среди находок – небольшой желвак со сколами апробации сырья, конусовидный нуклеус для получения микропластин, четыре отщепа, краевой скол и три отщепа с ретушью. Сырьем для этих изделий служили небольшие гальки темно-серой и черной окремненной породы. Обращает на себя внимание разная степень сохранности поверхности артефактов – от легкой светлой патины до оглаженности ребер, что свидетельствует, скорее всего, о разновременности комплекса. На местонахождении Еспе-2, расположенном на левом берегу р. Еспе напротив пункта Еспе-3, были собраны единичные отщепы.

В иной ситуации залегал археологический материал на местонахождениях Тайбакан и Шолакбулак, расположенных в среднем течении р. Кандысу. Местонахождение Тайбакан приурочено к правому берегу одноименного ручья в месте его выхода из ущелья в долину р. Кандысу. Несколько отщепов и плоскостной параллельный нуклеус найдены на возвышенностях перед гранитными горами. Абсолютная высотная отметка местонахождения составляет 1050 м, а превышение над ур. реки – ок. 200 м. Единичные артефакты найдены в низовьях руч. Шолакбулак на 10–15-метровом террасовидном уступе левобережного склона.

Таким образом, в ходе разведочных работ 2016 г. в Тарбагатайском р-не впервые обнаружены местонахождения археологического материала палеолитического облика. Вместе с тем, судя по геоморфологической ситуации и характеру осадконакопления в плейстоцене, этот район мало перспективен для поиска стратифицированных палеолитических объектов.

Список литературы

Геология СССР. – Москва: Недра, 1967. – Т. XLI: Восточный Казахстан. – Ч. I. – 471 с.

References

Geologiya SSSR. Moscow: Nedra, 1967, vol. XLI: Vostochnyi Kazakhstan, pt. I, 471 p. (in Russ.).

УДК 902.21

М.В. Шуньков[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
E-mail: anui1@yandex.ru

Комплексы экспонированных артефактов со стоянок Ушбулак-1 и Ушбулак-2 (по результатам работ в 2016 году)*

В результате разведочных работ в 2016 г. на территории Восточно-Казахстанской обл., в северо-восточной предгорной части Шиликтинской долины, в местности Ушбулак было обнаружено два новых палеолитических памятника. Массовый археологический материал зафиксирован в русле руч. Восточный (памятник Ушбулак-1). В результате подъемных сборов получена коллекция из 1477 каменных артефактов. Отчетливо прослеживается пластинчатая направленность индустрии. Пластины производились преимущественно с широкофронтальных ядрищ встречного параллельного скалывания и с торцовых нуклеусов. Наличие среди изделий нуклеусов-резцов, полуреберчатых и реберчатых сколов, «полутаблеток», концевых скребков, тронкированных изделий, ножей, изделий с подтеской дистального окончания и пластин с ретушью позволяет отнести комплекс находок к начальному этапу верхнего палеолита. Небольшая коллекция подъемных сборов по двум бортам руч. Северный (памятник Ушбулак-2) предварительно отнесена к развитому верхнему палеолиту.

Ключевые слова: *Казахстан, верхний палеолит, подъемные сборы, каменная индустрия, пластинчатое расщепление, технические сколы, орудия.*

M.V. Shunkov[1, 2], Zh.K. Taymagambetov[3], A.A. Anoykin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
E-mail: anui1@yandex.ru

Assemblages of Surface Artifacts from Ushbulak-1 and Ushbulak-2 Sites (Based on 2016 Research Data)

As a result of the 2016 field survey, two new Paleolithic sites associated with creeks in the Ushbulak area were discovered in the northeastern foothills of the Shiliktinskaya Valley. Abundant archaeological remains were recorded in the watercourse of Vostochny creek (the Ushbulak-1 site). Field survey yielded a collection of lithic artifacts including 1477 specimens. The lithic industry clearly reveals a tendency toward the blade-oriented production. Blades were predominantly removed from cores with a wide working surface and narrow-faceted cores. The availability of burin-cores, semi-crested and crested blades, semi-'tablets', end-scrapers, truncated pieces, knives, pieces with the trimmed distal end, a variety of retouched blades suggest that the basic assemblage of finds can be attributed to the Initial Upper Paleolithic. A small collection of surface finds identified on both sides of the Severny creek (the Ushbulak-2 site) was tentatively dated to the developed Upper Paleolithic.

Keywords: *Kazakhstan, Upper Paleolithic, surface collection, lithic industry, laminar knapping, technical flakes, tools.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Совместной Российско-казахстанской экспедицией в ходе масштабных разведочных работ 2016 г. на территории Восточно-Казахстанской обл. была исследована восточная часть Шиликтинской долины (Зайсанский р-н) недалеко от границы с КНР. Долина длиной 80 км и в шириной 30 км представляет собой симметричную в поперечном профиле и асимметричную в продольном межгорную впадину – область молодого кайнозойского опускания. С трех сторон ее окружают горные массивы: на юге и западе – Тарбагатай, на востоке – Сауыр, на севере – Манырак. Хребет Сауыр представляет собой резко асимметричное поднятие с коротким (5–7 км) крутым южным склоном и длинным (25–30 км), более пологим северным. Граница юго-западных склонов хребта с Шиликтинской впадиной довольно резкая, в виде серии тектонических уступов, однако их сглаживают предгорные шлейфы южных подножий, образующие обширную наклонную равнину с мощной толщей рыхлых отложений [Геология …, 1967, с. 11].

В северо-восточной предгорной части долины, в 5 км на север от с. Карасай находится ферма Ушбулак, получившая свое название благодаря расположенным поблизости трем ручьям (рис. 1). В ходе разведочных работ было обследовано среднее и верхнее течение ручьев. Самая мощная пачка рыхлых отложений сохранилась в окрестностях руч. Восточный, отличающегося от других наименьшей силой водотока. Он бьет из-под небольшого вытянутого в северо-западном направлении скального останца, который ограничен с двух сторон логами и хорошо выделен в рельефе. В верхнем течении ручей имеет борта высотой 5–10 м с наклоном от 10 до 60° на разных участках.

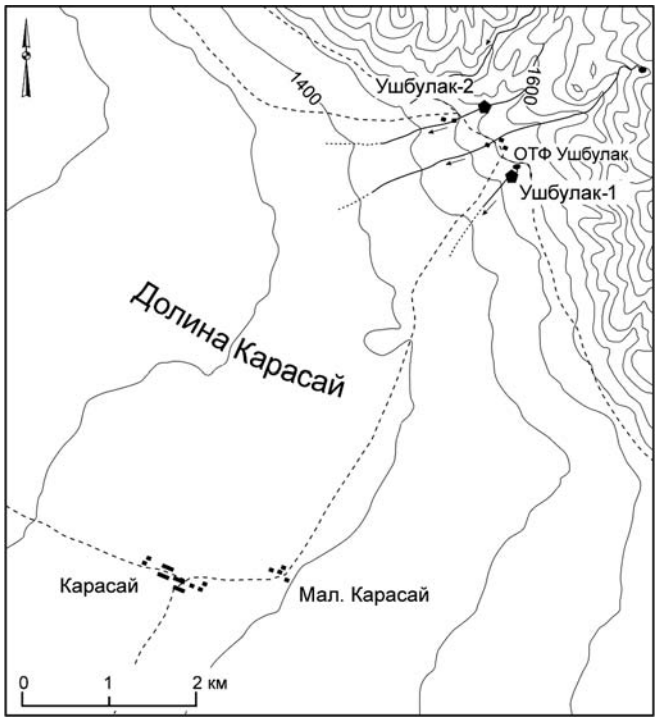


Рис. 1. Ситуационный план окрестностей памятников Ушбулак-1 и Ушбулак-2.

Массовый археологический материал зафиксирован непосредственно в русле водотока, на отрезке длиной 100 м, начиная от истока. Каменные изделия залегают относительно равномерно, без выраженных скоплений, с постепенным снижением концентрации вниз по течению (наибольшее число находок приходится на первые 50 м). Сортировка артефактов по размерам не прослеживается. Подавляющее большинство изделий залегают в горизонтальном положении и не имеют механических повреждений поверхности. Некоторые находки отличаются большей степенью окатанности и сглаженности граней. Дальнейшие работы на памятнике, поучившем наименование Ушбулак-1, показали наличие нескольких стратифицированных археологических комплексов.

В результате подъемных сборов на объекте получена коллекция из 1477 каменных артефактов (табл. 1). В коллекции представлены все категории дебитажа – от преформ нуклеусов и блоков сырья со сколами апробации до законченных изделий с вторичной обработкой. В целом археологический материал с технологической и типологической точек зрения выглядит однородным, вместе с тем в нем присутствует ряд изделий, выпадающих из основного контекста индустрии – микронуклеусы для пластинок со следами использования техники отжима, а также крупные изделия с грубой бифасиальной обработкой.

Анализ основной части индустрии отчетливо демонстрирует ее пластинчатую направленность. Количество пластинчатых заготовок вдвое превышает число отщепов. Пластины служили основной заготовкой для изготовления орудий. Практически все ядрища также предназначены для получения удлиненных заготовок. Судя по типологическому ряду нуклеусов (табл. 2), включающему 13 разновидностей (не считая пренуклеусов, галек со сколами апробации и фрагментов), основная масса пластин производилась с широкофронтальных ядрищ в технике встречного параллельного скалывания (рис. 2, *Б, 1*). На получение пластин и пластинок было направлено также расщепление торцовых нуклеусов. Эти наблюдения хорошо согласуются с морфологией удлиненных сколов, среди которых доминируют изделия с однонаправленной и встречной параллельной огранкой. Для них характерны гладкие ударные площадки, часто имеющие подработку кром-

Таблица 1. **Состав каменной индустрии экспонированного комплекса стоянки Ушбулак-1**

Категория, изделие	Кол-во	%	Категория, изделие	Кол-во	%
Нуклевидные	38	2,6	Пластины	583	39,5
Нуклеусы	24	1,6	шириной ≥ 60 мм	2	0,1
Пренуклеусы	10	0,7	шириной 40–59 мм	34	2,3
Фрагмент нуклеуса	1	0,1	шириной 20–39 мм	387	26,2
Нуклевидный обломок	1	0,1	шириной 13–19 мм	152	10,3
Гальки со сколами	2	0,1	Пластинки	8	0,5
Технические сколы	137	9,3	Пластинчатые отщепы	62	4,2
Первичные отщепы	22	1,5	крупные (длиной ≥ 50 мм)	39	2,6
Вторичные отщепы	29	2,0	средние (длиной 30–46 мм)	23	1,6
Вторичные пластины	18	1,2	Отщепы	314	21,3
Фронтальные	9	0,6	крупные (длиной ≥ 50 мм)	105	7,1
Реберчатые	4	0,3	средние (длиной 30–46 мм)	160	10,8
Полуреберчатые	23	1,6	мелкие (длиной ≤ 29 мм)	49	3,3
Естественно-краевые	4	0,3	Сколы леваллуа	1	0,1
Краевые пластины	19	1,3	Фрагменты отщепов	174	11,8
«Полутаблетки»	7	0,5	Обломки, осколки	168	11,4
Заныривающие	2	0,1	*Всего*	1477	100,0

Таблица 2. **Состав категории нуклевидных форм из экспонированного комплекса стоянки Ушбулак-1**

Категория, тип	Кол-во	%
Радиальные	2	5,3
двуфронтальные	2	5,3
Параллельные, с широким фронтом	13	34,2
одноплощадочные однофронтальные для отщепов	2	5,3
двуплощадочные однофронтальные ортогональные для отщепов	2	5,3
двуплощадочные однофронтальные встречные, для пластинчатых отщепов	2	5,3
двуплощадочные однофронтальные встречные, для пластин	5	13,2
двуплощадочные однофронтальные встречные, со смещением площадок, для пластин	2	5,3
Параллельные, торцовые	3	7,9
одноплощадочный однофронтальный для пластин	1	2,6
одноплощадочные однофронтальные для пластинок	2	5,3
Преформы для параллельных ядрищ	7	18,4
Подпризматические	1	2,6
Нуклеусы-резцы	2	5,3
Микронуклеусы	7	18,4
торцовые одноплощадочные однофронтальные	2	5,3
подризматические	1	2,6
клиновидные (заготовки)	3	7,9
фрагмент нуклеуса	1	2,6
Нуклевидные обломки	1	2,6
Гальки со сколами	2	5,3
Всего	38	100,0

ки. Особого внимания среди ядрищ для пластин и пластинок заслуживают изделия со смещенным вектором скалывания (рис. 2, *Б, 2*) и нуклеусы-резцы (рис. 2, *Б, 3*), которые являются одними из руководящих типов для индустрий начальной поры верхнего палеолита на территории Алтая и Монголии [Деревянко и др., 2007; Славинский, Рыбин, Белоусова, 2016]. Для получения отщепов служили единичные одноплощадочные однофронтальные параллельные формы и радиальные двуфронтальные нуклеусы.

С набором нуклеусов и сколов хорошо соотносятся технические снятия преимущественно в виде пластин. Среди них следует отметить пред-

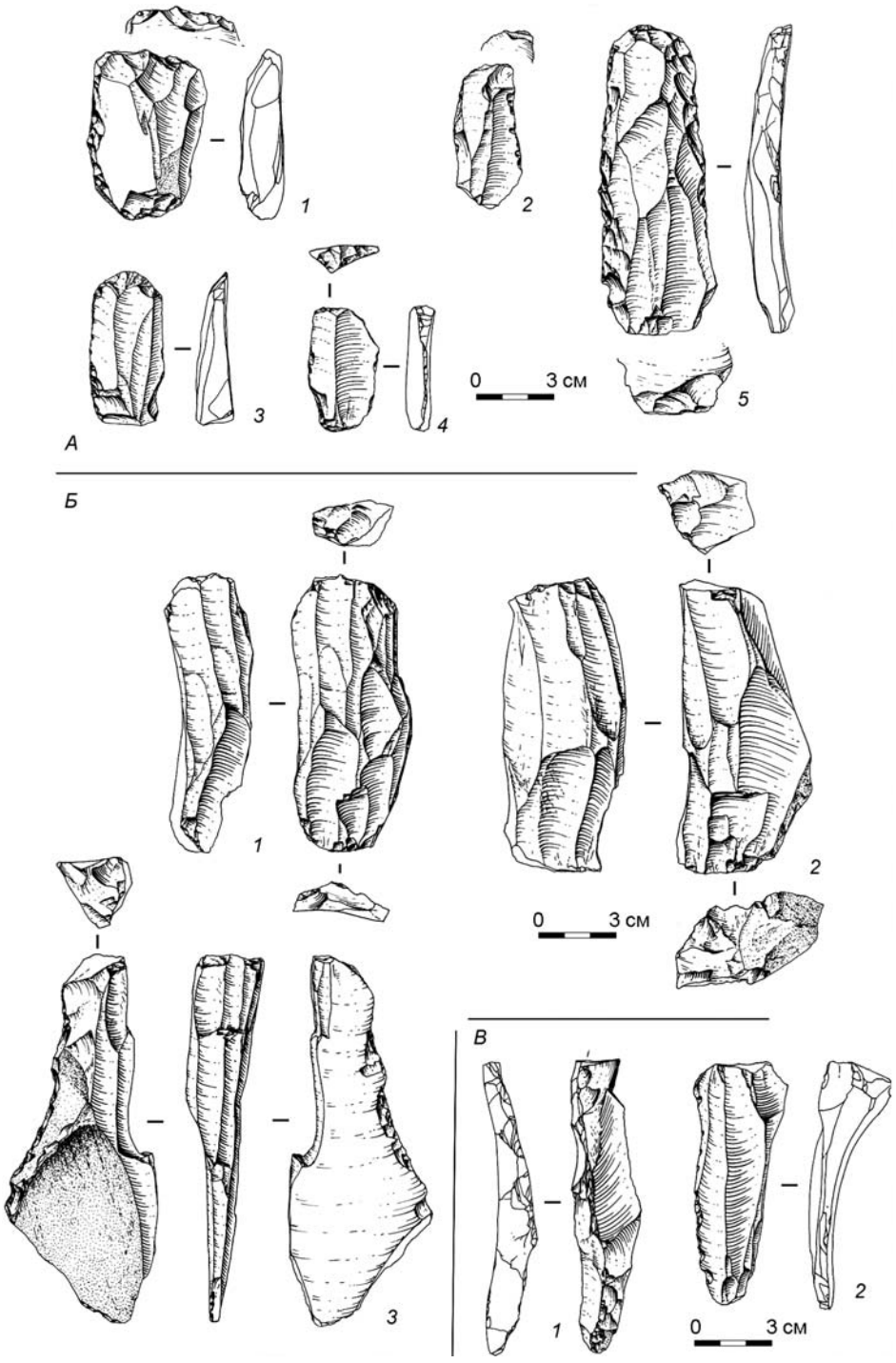


Рис. 2. Артефакты из экспонированного комплекса стоянки Ушбулак-1.

А – орудия: *1* – тронкированно-фасетированное изделие; *2* – поперечный резец; *3, 4* – концевые скребки; *5* – концевой скребок с подтеской основания;

Б – нуклеусы: *1* – бипродольный; *2* – бипродольный со смещением площадок; *3* – нуклеус-резец;

В – технические сколы: *1* – реберчатая пластина; *2* – заныривающий скол.

ставительную серию крупных полуреберчатых и реберчатых снятий (рис. 2, *В, 1*), заныривающих сколов (рис. 2, *В, 2*), а также нескольких «полутаблеток». Эти изделия, как правило, связаны с верхнепалеолитическим объемным пластинчатым расщеплением.

Орудийный набор включает 22 типа изделий (табл. 3), не считая неидентифицируемых фрагментов. Общий вид инвентаря определяют тщательно оформленные орудия на пластинах – концевые скребки (рис. 2, *А, 3, 4*), в т.ч. с подтеской основания (рис. 2, *А, 5*), тронкированные изделия, ножи, изделия с под-

Таблица 3. **Состав категории орудийных форм из экспонированного комплекса стоянки Ушбулак-1**

Категория, тип	Кол-во	%
Скребла	2	3,4
продольные прямые	1	1,7
поперечные прямые	1	1,7
Скребки	7	12,1
концевые на пластинах	4	6,9
концевые на пластинах, с подтеской основания	1	1,7
концевые на пластинчатых отщепах	2	3,4
Тронкированные пластины	2	3,4
Тронкированно-фасетированное изделие	1	1,7
Ножи	5	8,6
с ретушированным лезвием	2	3,4
с ретушью утилизации	3	5,2
Резцы	3	5,2
угловые	2	3,4
поперечный	1	1,7
Струг	1	1,7
Перфоратор/проколка	1	1,7
Сколы с вентральной подтеской	2	3,4
Изделия с бифасиальной обработкой	3	5,2
Выемчатые	2	3,4
с ретушированными анкошами	2	3,4
Зубчато-выемчатые	2	3,4
Комбинированное орудие	1	1,7
скребло+нож	1	1,7
Пластины с подтеской дистального кончика	3	5,2
Пластины с интенсивной ретушью	5	8,6
Пластины с нерегулярной ретушью	8	13,8
Отщепы с нерегулярной ретушью	8	13,8
Фрагменты орудий	2	3,4
Всего	58	100,0

теской дистального окончания, пластины с регулярной и эпизодической ретушью. Их морфология и приемы оформления позволяют отнести основную часть находок к начальному этапу верхнего палеолита. Такую атрибуцию подтверждает также присутствие тронкированно-фасетированного изделия (рис. 2, *А, 1*), струга, нескольких резцов, включая один поперечный (рис. 2, *А, 2*), а также наличие нескольких скребел среднепалеолитической морфологии.

Таким образом, основная часть подъемного материала с памятника Ушбулак-1 демонстрирует черты, присущие индустриям начального этапа верхнего палеолита. Редкие изделия, выпадающие из этого контекста, скорее всего, соответствуют более поздним этапам каменного века.

Обследование двух других водотоков выявило нестратифицированные артефакты по двум бортам руч. Западный и отсутствие археологического материала в окрестностях руч. Большой. Коллекция сборов у руч. Западный насчитывает девять изделий, в т.ч. краевой скол, два укороченных и четыре удлиненных отщепа с продольной и ортогональной огранкой и гладкой ударной площадкой, один мелкий фрагмент скола. Единственное орудие – скребок высокой формы с обработкой трех четвертей периметра – выполнено на небольшом массивном отщепе. Этот памятник, получивший наименование Ушбулак-2, предварительно отнесен к поздним этапам верхнего палеолита.

Результаты подъемных сборов в 2016 г. показали перспективность дальнейшего исследования стоянки Ушбулак-1 – первого многослойного стратифицированного объекта на территории Восточного Казахстана, археологические материалы которого принадлежат к нескольким этапам верхнего палеолита, включая начальный.

Список литературы

Геология СССР. Восточный Казахстан. Геологическое описание / ред. В.П. Нехорошев. – М.: Недра, 1967. – Т. 41, ч. 1. – 467 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е. Вариабельность среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий обработки камня на стоянке Кара-Бом, Горный Алтай (на основе применения метода ремонтажа) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 4, № 1. – С. 39–50.

References

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen J.W., Tseveendorj D., Gunchinsuren B. The technology of early Upper Paleolithic lithic reduction in Northern Mongolia: The Tolbor-4 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 29, pp. 16–38.

Geologiya USSR. Vostochnyi Kazakhstan. Geologicheskoe opisanie. V.P. Nekhoroshev (ed.). Moscow: Nedra, 1967, vol. 41. pt. 1, 467 p. (in Russ.).

Slavinsky V.S., Rybin E.P., Belousova N.E. Variation in Middle and Upper Paleolithic reduction technology at Kara-Bom, the Altai Mountains: refitting studies. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, No 1, pp. 39–50.

УДК 902.01

М.В. Шуньков[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
E-mail: anui1@yandex.ru

Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане*

В 2016 г. на стоянке Ушбулак-1 проведены разведочные вскрышные работы (шурфы 1–3). Основным являлся шурф 1 (траншея), располагавшийся на левом берегу ручья. В стратиграфическом разрезе выделено семь литологических слоев, в шести из которых содержался археологический материал. Общее количество артефактов, полученных в шурфах на левом берегу ручья (шурфы 1, 3), составляет 681 экз. В коллекции предварительно выделено три основных культурно-хронологических комплекса: голоценовый (слой 1), верхнепалеолитический (слои 2–4) и начальной поры верхнего палеолита (слои 6, 7). Шурф 2 заложен на правом борту ручья. Обнаруженные здесь артефакты относятся к поздним этапам верхнего палеолита. Результаты работ на памятнике Ушбулак-1 свидетельствуют, что он является многослойной стоянкой, наиболее ранние слои которой относятся к начальным этапам верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Казахстан, верхний палеолит, культурный слой, многослойная стоянка, первичное расщепление, орудия.*

M.V. Shunkov[1, 2], Zh.K. Taimagambetov[3], A.A. Anoykin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
E-mail: anui1@yandex.ru

New Multistratified Upper Paleolithic Site Ushbulak-1 in Eastern Kazakhstan

In 2016, a field survey and uncovering works were carried out at the site of Ushbulak-1 (test pits 1–3). Test pit 1 (a trench), produced on the left bank of the creek, was a principal one. The exposed profile has revealed 7 lithological layers, 6 of them contained archaeological evidence. The test pits excavated on the left bank of the creek (test pits 1 and 3) have yielded a total of 681 specimens. Three major cultural and chronological assemblages can be tentatively recognized, dating back to stages as follows: Holocene (layer 1); Upper Paleolithic (layers 2–4) and the Initial Upper Paleolithic (layers 6, 7). Test pit 2 was produced on the right bank of the creek. The profile section resulted from excavation works reveals a different sequence composition of loose sediments. The artifacts recovered from this area should be dated to the late Upper Paleolithic. A general assessment of Ushbulak-1 makes it possible to draw a conclusion that it is a multistratified open-air site, with the earliest layers dating back to the Initial Upper Paleolithic.

Keywords: *Kazakhstan, Upper Paleolithic, occupation layer, multistratified site, primary flaking, tools.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В 2016 г. на стоянке Ушбулак-1* на нескольких участках выполнены разведочные вскрышные работы. По левому борту ручья примерно в 15 м от его истока была заложена траншея шириной 1 м и общей протяженностью 9 м (шурф 1), ориентированная перпендикулярно склону и пройденная несколькими ступенями на общую глубину до 6 м.

Полученный разрез четвертичных отложений имеет следующее строение (сверху вниз).

Слой 1. Современная почва (гумус), сильно биотурбирована. Выделено два горизонта: собственно гумус с редкой дресвой и обломками гранита (мощность – до 0,8 м) и темно-серая пылеватая легкая супесь с включениями дресвы (мощность – до 0,4 м). Содержит археологический материал (культуросодержащий слой 1). Общая мощность – до 1,1 м.

Слой 2. Супесь светло-серая, насыщена дресвой гранитных пород, сильно сцементирована. Содержит единичные каменные артефакты (культуросодержащий слой 2). Мощность – до 0,3 м.

Слой 3. Супесь пятнистая, от светло-коричневого и палевого до светло-серого и белесого оттенков, обильно насыщена дресвой гранитных пород, сильно биотурбирована. Содержит единичные каменные артефакты (культуросодержащий слой 3). Мощность – до 0,3 м.

Слой 4. Супесь светло-серая, обильно насыщена дресвой гранитных пород, плотная. Отложения разбиты тонкими вертикальными трещинками усыхания. Распространены ориентированные субвертикально тонкие линзы ожелезнения. Содержит каменные артефакты (культуросодержащий слой 4). Мощность – до 0,8 м.

Слой 5. Супесь серая, пылеватая, с включениями кварцитового песка в виде линз и пятен, невыдержанных по мощности и простиранию. Распространены ориентированные субвертикально линзы ожелезнения. Мощность – до 1,3 м.

Слой 6. Толща переслаивающихся охристых песков и светло-серых легких суглинков, обильно насыщена дресвой. Прослои тонкие (5–10 см), залегают субгоризонтально. Встречаются отдельные обломки сильно выветрелого гранита небольшого размера. Содержит каменные артефакты (культуросодержащий слой 5). Мощность – до 0,8 м.

Слой 7. Пески охристые, серые и серо-коричневые, с включением мелких и средних обломков выветрелого гранита. Слоистость не выражена. Содержит каменные артефакты (культуросодержащий слой 6). Вскрытая мощность – до 0,3 м. Нижняя граница вскрытых отложений находится на 0,5 м ниже уровня воды в ручье на данном участке.

В 18 м ниже по течению ручья от шурфа 1, на его левом берегу, был заложен шурф 3 площадью 1,0 × 0,5 м, пройденный на глубину до 0,5 м (до уровня воды) и вскрывший нижнюю часть пачки отложений слоя 6.

Общее количество артефактов, полученных в шурфах 1 и 3, составляет 681 экз., из них 617 предметов найдено в шурфе 1 (табл. 1–3). По составу и морфологии каменных артефактов, а также согласно их стратиграфической позиции в разрезе, предварительно можно выделить три основных культурно-хронологических комплекса: голоценовый (слой 1), верхнепалеолитический (слои 2–4) и начальной поры верхнего палеолита (слои 6, 7).

Среди материалов начальной стадии верхнего палеолита из нижних слоев 6, 7 (598 экз.) присутствуют нуклеусы для пластин с противолежащими и смещенными относительно друг друга площадками; многочисленные реберчатые, полуреберчатые и «заныривающие» технические сколы; концевые скребки на крупных пластинах, в т.ч. с подтеской основания; тронкированные пластины и остроконечник с выделенным черешком (см. *рисунок*). Практически все типологически выраженные нуклеусы ориентированы на производство пластин. Среди сколов удлиненные заготовки составляют более 70 %, огранка дорсала преимущественно параллельная и субпараллельная, однонаправленная и встречная. Ударные площадки, за редким исключением, гладкие. На большом количестве сколов фиксируются различные приемы подправки карниза, включая пикетаж. С набором нуклеусов хорошо согласуются технические сколы. Среди них большинство также соответствует пластинчатому объемному и полуобъемному расщеплению – реберчатые и полуреберчатые, заныривающие и краевые пластинчатые сколы. В целом данный набор изделий по своей морфологии, а также по соотношению основных разновидностей дебитажа, его размерности, типу огранки сколов и остаточных ударных площадок совпадает с комплексом подъемного материала с этого памятника, в котором присутствуют и такие характерные для начального верхнего палеолита формы, как нуклеусы-резцы.

Находки, зафиксированные в слоях 2–4, видимо, соответствуют одной из поздних стадий верхнего палеолита. От нижнего комплекса находок их отделяет значительный временной интервал, на что указывает почти полутораметровая толща стерильных в археологическом плане отложений (слой 5), а также принципиально иной облик каменной индустрии. В этой коллекции единственный

*См. статью «Комплексы экспонированных артефактов со стоянок Ушбулак-1 и Ушбулак-2 (по результатам работ 2016 года)» в настоящем сборнике.

Таблица 1. **Состав каменной индустрии стоянки Ушбулак-1 (шурфы 1 и 3)**

Категория, тип	Археологический слой 6		Археологический слой 5		Археологический слой 4		Археологический слой 3		Археологический слой 2		Археологический слой 1		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Нуклевидные	2	1,6	9	1,9	2	3,1	1	12,5	–	–	–	–	14	2,1
Нуклеусы	–	–	4	0,8	1	1,5	–	–	–	–	–	–	6	0,9
Преформы	–	–	3	0,6	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,4
Фрагменты нуклеусов	1	0,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,1
Нуклевидные обломки	1	0,8	2	0,4	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,4
Гальки со сколами	–	–	–	–	1	1,5	1	12,5	–	–	–	–	1	0,1
Технические сколы	17	13,8	41	8,6	12	18,5	1	12,5	1	20,0	–	–	72	10,6
Первичные отщепы	3	2,4	4	0,8	3	4,6	1	12,5	–	–	–	–	11	1,6
Вторичные отщепы	3	2,4	3	0,6	3	4,6	–	–	1	20,0	–	–	10	1,5
Вторичные пластины	2	1,6	5	1,1	1	1,5	–	–	–	–	–	–	8	1,2
Фронтальные	4	3,3	11	2,3	3	4,6	–	–	–	–	–	–	18	2,6
Реберчатые	–	–	1	0,2	1	1,5	–	–	–	–	–	–	2	0,3
Полуреберчатые	2	1,6	12	2,5	1	1,5	–	–	–	–	–	–	15	2,2
Естественно-краевые	–	–	2	0,4	–	–	–	–	–	–	–	–	2	0,3
Краевые пластины	2	1,6	1	0,2	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,4
Заныривающие	1	0,8	2	0,4	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,4
Пластины	21	17,1	135	28,4	4	6,2	–	–	1	20,0	–	–	161	23,6
шириной 40–59 мм	2	1,6	13	2,7	1	1,5	–	–	–	–	–	–	16	2,3
шириной 20–39 мм	11	8,9	77	16,2	1	1,5	–	–	–	–	–	–	89	13,1
шириной 13–19 мм	8	6,5	41	8,6	1	1,5	–	–	1	20,0	–	–	51	7,5
Пластинки	–	–	4	0,8	1	1,5	–	–	–	–	–	–	5	0,7
Пластинчатые отщепы	11	8,9	43	9,1	11	16,9	1	12,5	–	–	1	20,0	67	9,8
крупные (длиной ≥50 мм)	6	4,9	16	3,4	2	3,1	1	12,5	–	–	1	20,0	26	3,8
средние (длиной 30–46 мм)	5	4,1	25	5,3	7	10,8	–	–	–	–	–	–	37	5,4
мелкие (длиной ≤ 29 мм)	–	–	2	0,4	2	3,1	–	–	–	–	–	–	4	0,6
Отщепы	15	12,2	66	13,9	8	12,3	2	25,0	–	–	4	80,0	95	14,0
крупные	5	4,1	23	4,8	4	6,2	–	–	–	–	1	20,0	33	4,8
средние	9	7,3	37	7,8	4	6,2	2	25,0	–	–	3	60,0	55	8,1
мелкие	1	0,8	6	1,3	–	–	–	–	–	–	–	–	7	1,0
Сколы леваллуа	–	–	1	0,2	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,1
Фрагменты отщепов	13	10,6	52	10,9	8	12,3	1	12,5	–	–	–	–	74	10,9
Обломки, осколки	44	35,8	128	26,9	20	30,8	2	25,0	3	60,0	–	–	197	28,9
Всего	123	100,0	475	100,0	65	100,0	8	100,0	5	100,0	5	100,0	681	100,0

Таблица 2. **Состав нуклевидных форм стоянки Ушбулак-1 (шурфы 1 и 3)**

Категория, тип	№ археологического слоя				Всего
	6	5	4	3	
Параллельные, с широким фронтом	–	4	1	–	5
одноплощадочные однофронтальные для пластинчатых отщепов	–	–	1	–	1
двуплощадочные однофронтальные встречные, для пластин	–	1	–	–	1
двуплощадочные однофронтальные встречные, со смещением площадок, для пластин	–	2	–	–	2
четырехплощадочные двуфронтальные ортогональные, для отщепов	–	1	–	–	1
Преформы для параллельных ядрищ	–	3	–	–	3
Нуклевидные обломки / фрагменты нуклеусов	2	2	–	–	4
Гальки со сколами	–	–	1	1	2
Всего	2	9	2	1	14

Таблица 3. **Состав орудийных форм стоянки Ушбулак-1 (шурфы 1 и 3)**

Категория, тип	№ археологического слоя			Всего
	6	5	4	
Скребла	–	1	–	1
продольные прямые	–	1	–	1
Скребки	2	4	–	6
концевые на пластинах	2	3	–	5
концевые на пластинах, с подтеской основания	–	1	–	1
Тронкированные пластины	1	1	–	2
Резцы	–	1	–	1
угловые ретушированные	–	1	–	1
Перфораторы/проколки	1	–	–	1
Пластины с подтеской дистала	–	1	–	1
Остроконечники с выделенным черешком	–	1	–	1
Выемчатые	1	–	–	1
с ретушированными анкошами	1	–	–	1
Зубчато-выемчатые	–	1	–	1
Комбинированные	–	2	–	2
скребок + анкош ретушированный	–	1	–	1
скребло + нож	–	1	–	1
Пластины с ретушью	1	4	–	5
Отщепы с ретушью	–	1	–	1
Пластины с эпизодической ретушью	2	2	–	4
Отбойник	–	–	1	1
Всего	8	19	1	28

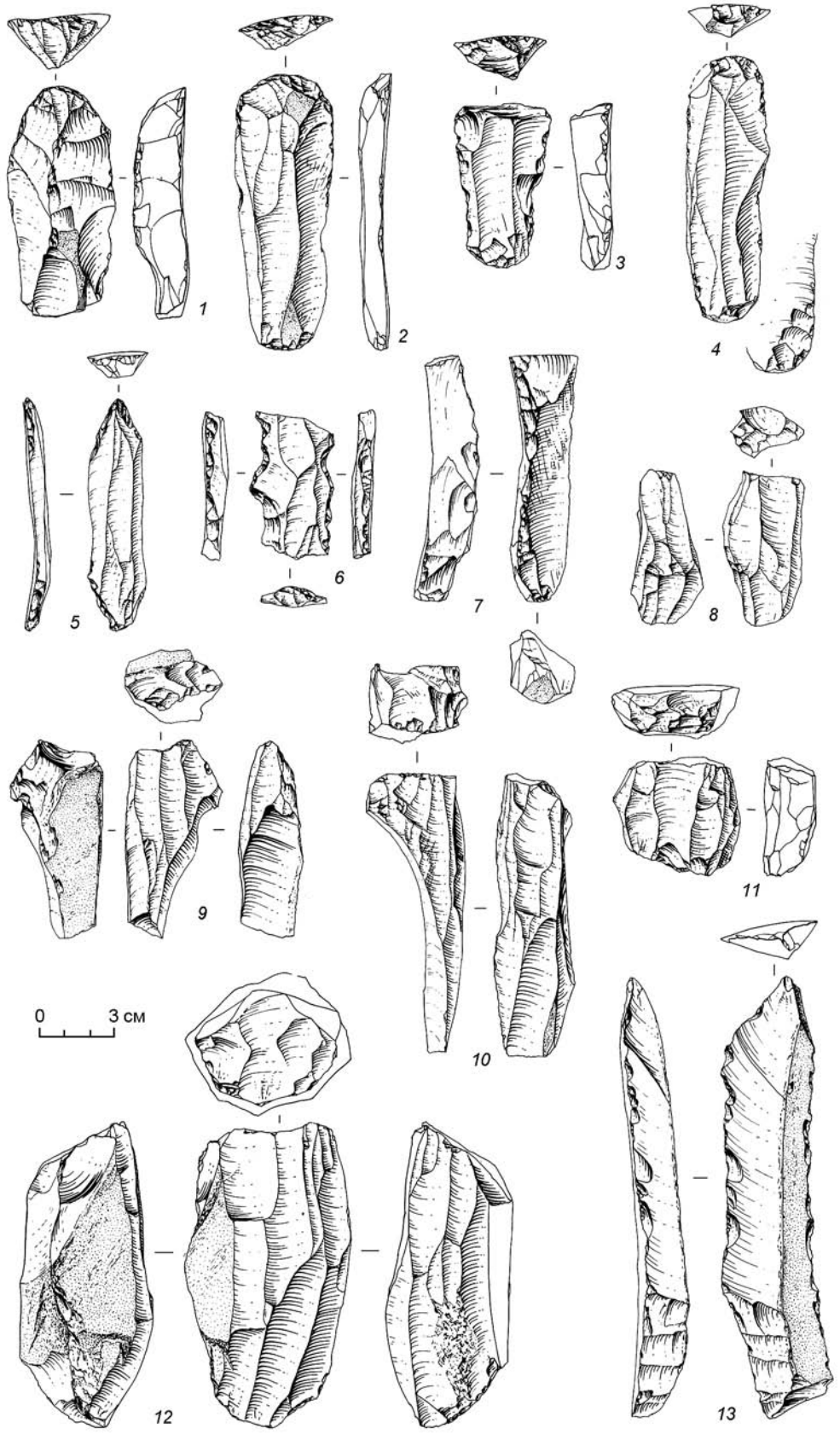
типологически выраженный нуклеус предназначен также для производства удлиненных заготовок. Однако доля пластинчатого расщепления здесь существенно меньше, чем в нижних культурных подразделениях; значительно выше процент отщепов, меньше размеры сколов, на них реже фиксируются приемы подправки карниза. Отсутствие в коллекции ярких орудийных форм не позволяет пока точно соотнести ее с определенным периодом верхнего палеолита.

Верхний немногочисленный комплекс из слоя 1, согласно своему залеганию в гумусовом горизонте современной почвы, а также находкам фрагментов керамики, невыразительных каменных артефактов и остатков современной фауны, относится к голоцену.

Шурф 2 (2 × 1 м) заложен между шурфами 1 и 3 в средней части склона правого борта ручья и ориентирован длинной осью перпендикулярно его течению.

Стратиграфический разрез шурфа 2 имеет следующее строение (сверху вниз).

Слой 1. Современные склоновые отложения (осыпь) с маломощным дерновым слоем – супесь серая, сухая, пылеватая, содержит редкие отдельности щебня и дресвы. Мощность – до 0,4 м.



Каменные артефакты со стоянки Ушбулак-1 (рисунки М.Е. Медовиковой).

1–3 – археологический слой 6; *4–13* – археологический слой 5.

1, 2, 4 – скребки; *3* – тронкированная пластина; *5* – остроконечник с черешком; *6* – зубчато-выемчатое орудие; *7, 9, 10, 13* – технические сколы; *8, 11, 12* – нуклеусы.

Слой 2. Супесь светло-серая, лессовидная, плотная. Содержит редкий обломочный материал мелкого и среднего размера и единичные каменные артефакты (культуросодержащий слой 1). Мощность – до 0,3 м.

Слой 3. Супесь желтовато-серая, пылеватая. В незначительном количестве содержит дресву, мелкий щебенчатый материал и единичные каменные артефакты (культуросодержащий слой 2). Мощность – до 0,4 м.

Слой 4. Песок светло-коричневый, обильно насыщенный дресвой и щебнем. Содержит единичные каменные артефакты (культуросодержащий слой 3). Мощность – 0,1 м.

Слой 5. Толща пестроцветных суглинисто-супесчаных отложений преимущественно светло-коричневого и коричневого цвета с нечеткими пятнами красноватых и зеленоватых оттенков. Содержит хаотично залегающий слабоокатанный разноразмерный (до 0,2 м) обломочный материал. Вскрытая мощность – до 0,7 м.

В шурфе 2 обнаружено девять артефактов. В культуросодержащем слое 1 найдено три предмета: одноплощадочный однофронтальный нуклеус для отщепов, массивный нуклевидный обломок и средний отщеп. В культуросодержащем слое 2 найден массивный фронтальный технический скол и три отщепа – крупный и два средних. В культуросодержащем слое 3 зафиксировано небольшое одноплощадочное однофронтальное ядрище для пластинок и фронтальный технический скол средних размеров. Эти материалы, вероятнее всего, следует отнести к поздним этапам верхнего палеолита.

Таким образом, памятник Ушбулак-1 является многослойной стоянкой, наиболее ранние слои которой относятся к начальной стадии верхнего палеолита. Судя по составу каменной индустрии, материалы из слоев 6, 7 соответствуют стоянке-мастерской около выходов сырья, располагавшейся в береговой зоне пресноводного озера. В последующие периоды верхнего палеолита и в раннем голоцене это место неоднократно посещалось древним человеком.

Результаты разведочных работ 2016 г. на стоянке Ушбулак-1 показали, что в настоящее время она является наиболее перспективным в регионе объектом для изучения верхнего палеолита, начиная с его ранних этапов.

УДК 902.01

М.В. Шуньков[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], В.А. Ульянов[4], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование палеолитического местонахождения Курчум (Южный Алтай) в 2016 году

В ходе работы совместной Российско-казахстанской экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан на территории Восточно-Казахстанской обл. проведено обследование палеолитического местонахождения Курчум в районе Бухтарминского водохранилища. В результате работ был составлен подробный топографический план памятника, выполнена детальная геоморфологическая характеристика местонахождения, определены его границы и собран археологический материал. Судя по геоморфологической ситуации, технико-типологическому облику и сохранности каменных артефактов, подъемные комплексы памятника соответствуют широкому хронологическому диапазону от нижнего до верхнего палеолита. В 3 км от местонахождения Курчум в схожей геоморфологической ситуации был зафиксирован новый памятник – Куйган. Здесь артефакты позднепалеолитического облика также имеют поверхностное залегание и связаны с выходами качественного кремнистого сырья.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, Курчум, Куйган, геоморфология, палеолит, подъемный материал, каменные артефакты.*

M.V. Shunkov[1, 2], Zh.K. Taymagambetov[3], V.A. Ulianov[4], A.A. Anoikin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[4]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: anui1@yandex.ru

Investigation of the Paleolithic Occurrence of Kurchum (Southern Altai) in 2016

The Joint Russian-Kazakhstan expedition of IAET SB RAS and National Museum of Republic of Kazakhstan investigated the Paleolithic occurrence of Kurchum near the Bukhtarma reservoir. It was able to plot the topography of site in detail, closely characterize geomorphology, determine the boundaries of the occurrence and collect the archaeological assemblage during the survey. Geomorphology, technological typological character and preservation of the artifacts evidence that surface complexes correspond to the broad chronological range from the Lower to Upper Paleolithic. 3 km apart from the Kurchum occurrence the new Kuigan site was found in the similar geomorphological situation. Artifacts of Late Paleolithic character were found on the surface and associated with the outcrops of high-quality chert.

Keywords: *Eastern Kazakhstan, Kurchum, Kuigan, geomorphology, Paleolithic, surface collection, lithic artifacts.*

В 2016 г. в рамках разведочных работ на территории Восточно-Казахстанской обл. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан было вновь обследовано палеолитическое местонахождение Курчум [Шуньков и др., 2015]. В число основных задач при работах на памятнике входила детальная топографическая съемка объекта (рис. 1), его геоморфологическая характеристика, а также сбор палеолитического материала и уточнение границ его распространения.

Местонахождение Курчум расположено на правом борту Бухтарминского водохранилища, в 4 км к северо-востоку от места впадения в него р. Курчум и в 2 км к юго-западу от горы Актобе. В геоморфологическом отношении исследуемая территория приурочена к зоне сочленения северной окраины межгорной Зайсанской впадины с денудационным среднегорьем Южного Алтая.

Участки концентрации археологического материала тяготеют к верхней части пологого (2–4°) макросклона, протянувшегося на расстояние ок. 2,5 км от западного подножия горы Актобе к долине р. Иртыш, в настоящее время затопленной Бухтарминским водохранилищем. Несмотря на незначительные уклоны, рельеф макросклона характеризуется густым эрозионным расчленением, формирующим на отдельных участках бедленд. Большая часть эрозионных форм представлена суходольными логами шириной от 50 до 150 м и глубиной от 3 до 5 м, с плоскими или слабовогнутыми днищами. Пологие (4–5°) борта логов имеют вогнутый поперечный профиль и плавно переходят в водораздельные увалы шириной от 30 до 100 м, с округлой вершиной. Эти увалы перекрыты маломощным (менее 1 м) чехлом рыхлых отложений, лежащим на выветрелых осадочных породах палеозоя.

Наиболее крупные эрозионные формы, берущие начало на склонах Актобе, в средней и нижней частях макросклона формируют русловые врезы шириной до 3–4 м и глубиной до 1–2 м. В нижней части макросклона мощность рыхлых отложений увеличивается до 8–12 м. Здесь отложения представлены в основном красноцветными осадками палеогена в виде эрозионно-денудационных останцов с плоскими вершинами.

Современное рельефообразование в значительной степени определено ландшафтно-климатическими условиями района. Годовая сумма осадков менее 300 мм, при почвенной испаряемости более 1100 мм/год [Гидрогеология …, 1971], обуславливает развитие пустынных и полупустынных ландшафтов, распространение солончаков, малую водность рек, слабую интенсивность склоновых процессов. Медленное дефлюкционное смещение возможно только в весеннее время в течение двух–четырех недель, при этом преобладает линейная дефлюкция [Воскресенский, 1968]. Несомкнутость растительного и дернового покровов определяет возникновение делювиального смыва при выпадении кратковременных осадков и приводит к выносу мелкоземистой составляющей, в то время как средне- и крупнообломочная фракция остается на месте и формирует на поверхности грубообломочную отмостку.

Таким образом, характерной особенностью этого участка является то, что хорошо развитая эрозионная сеть, освоившая, в том числе, участ-

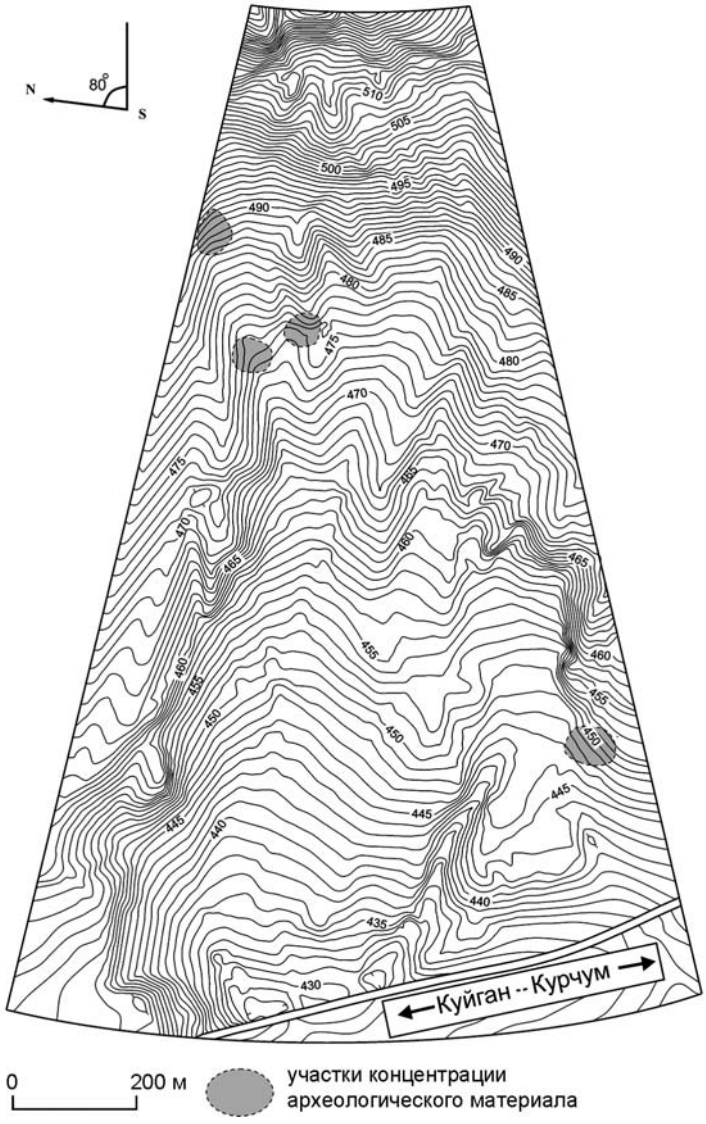


Рис. 1. Топографический план местонахождения Курчум.

ки выходов на поверхность коренных пород, явно не соответствует слабой интенсивности современных денудационных процессов, т.е. существующий ныне рельеф является унаследованным от обстановки гораздо более активного проявления флювиальной деятельности.

Другая характерная особенность – наличие разубоженной галечно-щебнистой отмостки, повсеместно присутствующей на поверхности песчано-глинистых осадков, как правило, обедненных грубообломочным материалом. Поверхностным залеганием характеризуются также обнаруженные скопления археологического материала среди формирующих отмостку обломков. Обломочный материал пестрого петрографического состава: жильный кварц, эффузивы, песчаники, алевролиты. В большом количестве отмечены кварцевые гальки хорошей окатанности, что свидетельствует об их длительном флювиальном транзите.

Основным источником формирования галечных россыпей региона являлись пестроцветные палеоген-неогеновые отложения, широко распространенные в пределах Южного Алтая и испытавшие размыв после неотектонической активизации в неоген-четвертичное время [Великовская, 1964; Геологическая карта …, 1976; Геология …, 1967; Новиков, 2004; Поздний кайнозой …, 1973]. Изучение разрезов красноцветных отложений, расположенных вблизи участка локализации палеолитического материала, подтвердило, что в них содержатся прослои мелкого галечника пестрого петрографического состава. Однако вся галька осадочных и эффузивных пород отличается предельной степенью физического и химического выветривания и не могла служить сырьем для изготовления артефактов.

Другим источником галечного сырья могли являться аллювиально-озерные и аллювиально-пролювиальные отложения плейстоцена, широко распространенные в северной части Зайсанской впадины [Геологическая карта …, 1976; Геология …, 1967]. В частности, в 1 км к юго-востоку от местонахождения Курчум в рельефе хорошо читается ровная пологонаклонная аккумулятивная поверхность, сложенная аллювиально-пролювиальными осадками средне-позднеплейстоценового возраста [Геологическая карта …, 1967] и примыкающая к подножию юго-западного склона Актобе приблизительно на том же гипсометрическом уровне, на котором обнаружен палеолитический материал. Несомненно, первоначально эта поверхность аллювиально-пролювиальной аккумуляции была распространена на более широкой площади, занимая и территорию местонахождения.

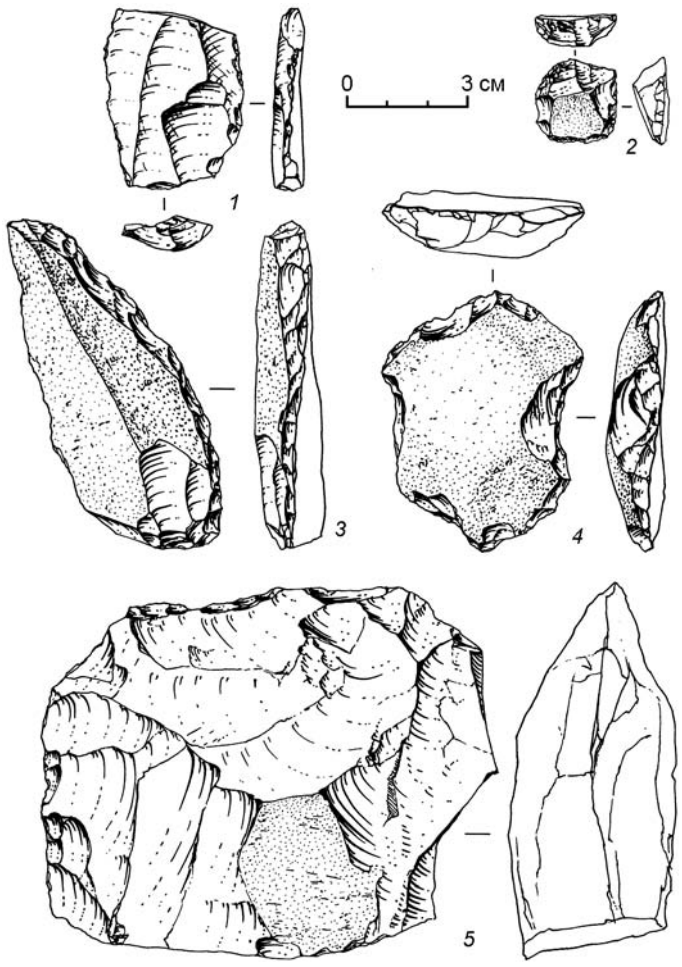


Рис. 2. Каменные артефакты из местонахождений Курчум (*1, 3, 5*) и Куйган (*2, 4*).

1– пластина; *2* – скребок; *3, 5* – скребла; *4* – выемчатое орудие.

Таким образом, возраст каменных артефактов местонахождения Курчум не может быть древнее возраста аллювиально-пролювиального чехла, содержащего галечное сырье, а точнее – не может быть древнее возраста эрозионной поверхности, на которой оказался экспонирован являющийся сырьем галечный материал. Формирование этой густо расчлененной эрозией поверхности связано, вероятнее всего, с плювиальными этапами среднего – позднего плейстоцена.

Нами не обнаружено коренных выходов петрографических разностей, использовавшихся для изготовления орудий, однако, исходя из особенностей геологического строения исследуемого участка, мы можем предполагать их местное происхождение. Гора Актобе представляет собой достаточно крупное (приблизительно 6 × 3 км в плане) субвулканическое тело, сложенное гранит-порфирами,

туфолавами и вулканическими брекчиями позднекаменноугольно-раннепермского интрузивного комплекса [Там же]. Этот вулканический шток прорывает осадочные породы калбинской свиты (серпуховский ярус раннего карбона), представленной песчаниками и глинистыми алевролитами. Возможно, коренными источниками сырья служат глинистые алевролиты калбинской свиты, подвергшиеся метаморфизму в приконтактовой зоне плутона Актобе, впоследствии размытые и переотложенные в средне-позднеплейстоценовое время.

Палеолитическая коллекция 2016 г. насчитывает 13 экз. Нуклеусы (2 экз.) представлены радиальным бифронтальным изделием на небольшом валуне и двуплощадочным бифронтальным параллельным плоскостным ядрищем на плитчатой отдельности сырья. Ударные площадки гладкие, фронты несут негативы разноразмерных коротких снятий.

Сколы представлены крупной полуреберчатой пластиной, пластинами (3 экз.), одна из которых имеет фасетированную площадку (рис. 2, *1*), и крупными короткими отщепами (3 экз.).

Орудия – 4 экз., в т.ч. массивное скребло с обушком, подготовленное на плитчатой отдельности сырья с обработкой трех четвертей периметра (рис. 2, *5*). Второе скребло – диагональное выпуклое дорсальное на крупном первичном пластинчатом сколе (рис. 2, *3*). Два зубчатых орудия оформлены на крупных массивных отщепах.

В целом коллекция местонахождения характеризуется содержанием разновременных артефактов, соответствующих хронологическому диапазону от нижнего до верхнего палеолита [Шуньков и др., 2015]. Сохранность поверхности изделий также разная – от легкой оглаженности и патины на таких изделиях, как пластины, до сильного ячеистого выветривания на массивных сколах и скреблах.

В ходе установления границ распространения археологического материала на памятнике Курчум, в 3 км севернее был выявлен еще один участок с поверхностным залеганием каменных артефактов палеолитического времени – местонахождение Куйган. Здесь находки залегали в схожей геоморфологической ситуации, на склоновом участке красноцветных отложений, образуя узкий шлейф протяженностью ок. 0,3 км.

В коллекции (33 экз.) представлены небольшие (3–6 см) желваки высококачественной кремнистой породы со сколами апробации – 8 экз. Мелкие первичные (11 экз.) и вторичные (2 экз.) сколы, снятые с таких же желвачков, и мелкие отщепы (4 экз.). Две пластины с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной одно- или бинаправленной огранкой. Обломки и осколки расщепленного сырья (4 экз.). Орудия представлены микроскребком, оформленным крутой ретушью по периметру (рис. 2, *2*), и выемчатым орудием с ретушированным анкошем на крупном первичном отщепе (рис. 2, *4*).

Судя по технико-типологическим характеристикам каменной индустрии, местонахождение Куйган является мастерской на выходах окремненного качественного сырья, функционировавшей на заключительных этапах палеолита.

Список литературы

Великовская Е.М. Плиоценовые отложения Юго-Западного Алтая и Зайсанской котловины. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1964. – 80 с.

Воскресенский С.С. Геоморфология СССР. – М.: Выс. шк., 1968. – 368 с.

Геологическая карта Казахской ССР. Масштаб 1:500 000. – [Б.м.], 1976.

Геология СССР. – М.: Недра, 1967. – Т. XLI: Восточный Казахстан. – Ч. I: Геологическое описание. – 467 с.

Гидрогеология СССР. – М.: Недра, 1971. – Т. XXXVII: Восточный Казахстан. – 308 с.

Новиков И.С. Морфотектоника Алтая. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 313 с.

Поздний кайнозой Казахстанского Прииртышья. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – 143 с.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Павленок К.К., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Харевич В.М. Стоянка-мастерская Курчум – новый палеолитический памятник на Южном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 183–186.

References

Geologicheskaya karta Kazakhskoi SSR. Scale 1:500 000. [S.l.], 1976 (in Russ.).

Geologiya USSR. Moscow: Nedra, 1967, vol. XLI: Vostochnyi Kazakhstan, pt. I: Geologicheskoe opisanie, 471 p. (in Russ.).

Gidrogeologiya USSR. Moscow: Nedra, 1971, vol. XXXVII: Vostochnyi Kazakhstan, 308 p. (in Russ.).

Novikov I.S. Morfotektonika Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 313 p. (in Russ.).

Pozdnii kainozoi Kazakhstanskogo Priirtysh'ya. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR, 1973, 143 p. (in Russ.).

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok K.K., Anoikin A.A., Rybalko A.G., Harevich V.M. Stojanka-masterskaja Kurchum – novyj paleoliticheskij pamjatnik na Juzhnom Altae. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 183–186 (in Russ.).

Velikovskaya E.M. Pliotsenovye otlozheniya Yugo-Zapadnogo Altaya i Zaisanskoi kotloviny. Moscow: State Univ. Publ., 1964, 80 p. (in Russ.).

Voskresenskii S.S. Geomorfologiya SSSR. Moscow: Vysshaya shkola, 1968, 368 p. (in Russ.).

УДК 902.01

М.В. Шуньков[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], В.А. Ульянов[4], А.А. Анойкин[1, 2], К.К. Павленок[1, 2], В.М. Харевич[1], М.Б. Козликин[1], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: anui1@yandex.ru

Рысак – новый комплекс палеолитических местонахождений в Южном Алтае

Одним из результатов разведочных работ совместной Российско-казахстанской экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан в 2016 г. на территории Восточно-Казахстанской обл. стало открытие палеолитических местонахождений Рысак-1, -2 на северной окраине Зайсанской впадины. Пункт Рысак-1 представляет собой котловину небольшого сезонно пересыхающего озера, на солончаковой поверхности которого была собрана небольшая коллекция каменных артефактов – преимущественно отщепов. Согласно геоморфологической ситуации, возраст этого местонахождения не может быть древнее позднего плейстоцена. Пункт Рысак-2 расположен в 3 км восточнее пересохшего озера. Археологические материалы, представленные массивными галечными орудиями, были собраны у подножия небольшого останца. Возраст артефактов может находиться в широком хронологическом диапазоне от нижнего до верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, Зайсанская впадина, Рысак, геоморфология, палеолит, подъемный материал, каменные артефакты.*

M.V. Shunkov[1, 2], Zh.K. Taimagambetov[3], V.A. Ulyanov[4], A.A. Anoykin[1, 2], K.K. Pavlenok[1, 2], V.M. Kharevich[1], M.B. Kozlikin[1], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[4]M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: anui1@yandex.ru

Rysak – a New Paleolithic Locality in Southern Altai

As a result of the 2016 field survey carried out by a joint Russia-Kazakhstan expedition, including IAET SB RAS and the National Museum of the Republic of Kazakhstan, in the East Kazakhstan region, Paleolithic localities Rysak-1 and Rysak-2 were discovered in the northern periphery of the Zaysan depression. The locality of Rysak-1 is a basin of a small ephemeral lake, where a small collection of lithic artifacts was gathered on the lake's saline surface, showing a prevalence of flakes. Based on a geomorphological situation, this locality cannot be dated earlier than the Late Pleistocene. The locality of Rysak-2 is situated in 3 km to the east of the dry lake. Archaeological evidence represented by large pebble tools was collected at the base of a small inselberg. The artifacts can be dated within a broad time range, spanning from the Lower to Upper Paleolithic.

Keywords: *East Kazakhstan, Zaysan depression, Rysak, geomorphology, Paleolithic, surface finds, lithic artifacts.*

В 2016 г. в ходе разведочных работ на территории Восточно-Казахстанской обл. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан была обследована северная окраина Зайсанской впадины. В результате работ открыто два пункта с по-

верхностным залеганием археологического материала неподалеку от зимовья Рысак.

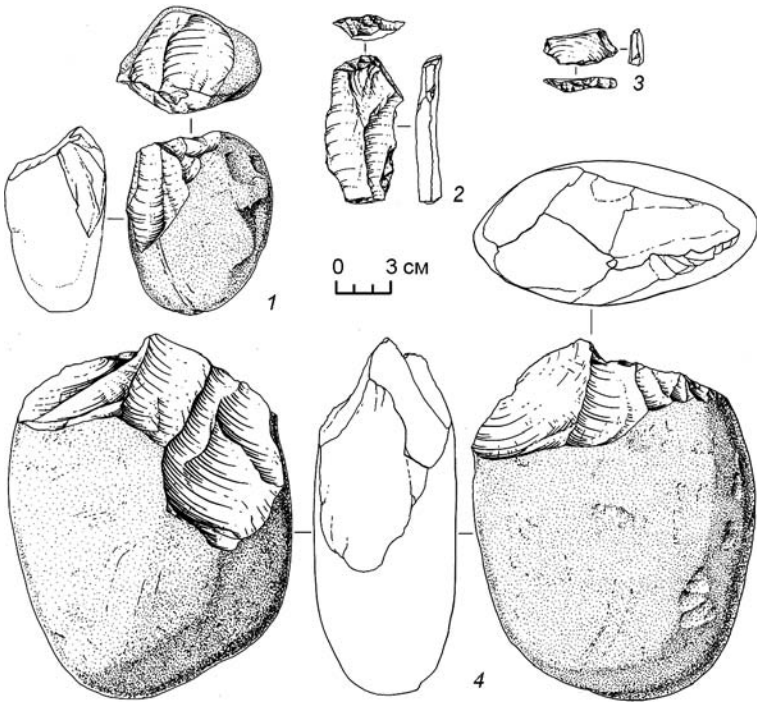
Местонахождение Рысак-1 расположено в 11,5 км к юго-западу от вершины горы Акжал с абсолютной высотой 1170,3 м и в 20,5 км к северу от вершины горы Караберик с абсолютной высотой 691,9 м. В геоморфологическом отношении эта территория приурочена к зоне сочленения южной окраины низкогорья Южного Алтая и северной окраины Зайсанской впадины. В окрестностях местонахождения Рысак эта зона имеет вид серии субширотно ориентированных структурно-тектонических террасовидных ступеней шириной от 200 до 500 м и высотой от 40 до 80 м, последовательно снижающихся в направлении с севера на юг до уровня поверхности Зайсанской впадины. Уступы структурных ступеней сложены сильно дислоцированными осадочными породами палеозоя, имеют четкую морфологическую выраженность и весьма слабо освоенную эрозией выровненную поверхность, изредка рассеченную долинами крутосклонных распадков с теснинообразными поперечными профилями. При выходе на равнину распадки смогли сформировать только слабо выраженные конусы выноса, несмотря на значительные перепады высот и большие значения уклонов тальвегов. Эти признаки свидетельствуют об относительной молодости эрозионного расчленения и, соответственно, о недавних тектонических подвижках, вовлекших краевые блоки северного обрамления Зайсанской впадины в совместное с Южным Алтаем тектоническое поднятие.

Рельеф примыкающей к подножию фаса Южного Алтая северной окраины Зайсанской впадины ровный, со слабым уклоном в южном направлении, к центру впадины. Непосредственно на контакте с фасом Южного Алтая на поверхность почти повсеместно выходят песчано-глинистые отложения северозайсанской серии мел-палеогенового возраста, в различной степени подвергшиеся размыву. Ближе к центру впадины они перекрыты четвертичными озерными и озерно-аллювиальными осадками преимущественно среднего и позднего плейстоцена [Геологическая карта …, 1976]. Местами на ней встречаются возвышающиеся на 20–25 м группы островершинных или плосковершинных эрозионно-денудационных останцов, сложенных пестроцветными породами эоцен-олигоцена и бронированных аллювиально-озерными и аллювиально-пролювиальными отложениями среднечетвертичного возраста, что свидетельствует о более высоких уровнях уреза оз. Зайсан в относительно недавнем геологическом прошлом. Из литературных источников известно о выделении на равнине Северного Призайсанья до пяти террасовых уровней оз. Зайсан [Геология …, 1967; Гидрогеология …, 1971; Поздний кайнозой …, 1973].

Малые уклоны поверхности в сочетании с вязким песчано-глинистым субстратом предопределяют повсеместное заболачивание во влажное время года. В сухое время года эфемерные озерца и болота превращаются в глинистые такыры и пухлые солончаки с мощной (до нескольких сантиметров) солевой коркой на поверхности. Жесткие аридные условия обуславливают скудное развитие растительности и широкое распространение полупустынных ландшафтов. Характерной особенностью лишенных растительности участков является наличие разубоженной галечно-щебнистой отмостки. Мелко- и среднеразмерные галька и щебень повсеместно лежат как на твердой поверхности песчано-глинистых такыров, так и на рыхлой бугристой поверхности пухлых солончаков. Такое же поверхностное залегание характерно для обнаруженных каменных артефактов.

Местонахождение Рысак-1 локализовано в котловине сезонно пересыхающего озера с плановыми размерами 180 × 80 м и глубиной ок. 1,5 м. Подобные сезонно пересыхающие озера в Казахстане имеют местное название *сор*. В засушливое время года днище озера представляет собой корковый солончак, в котором под поверхностной солевой коркой мощностью ок. 1 см находятся обильно насыщенные водой сероцветные супеси с включениями частично минерализованных растительных остатков. От Северозайсанской равнины озеро отшнуровано пологосклонным валом шириной по основанию около 15–20 м, протяженностью ок. 100 м и относительным превышением 1,5–2,5 м над поверхностью прилегающих солончаков. Вал в своей приповерхностной части сложен умеренно гумусированными сероцветными пылеватыми аструктурными супесями и является своеобразной подпрудной дамбой, обеспечивающей существование озера. Как и прибортовые части озера, он густо порос тростниковой и древесно-кустарниковой растительностью высотой до 3–4 м, что резко контрастирует с окружающим полупустынным ландшафтом. Отмечено значительно менее интенсивное развитие солончаков в озерной котловине местонахождения Рысак-1 по сравнению с примыкающей к ней поверхностью Северозайсанской равнины. Кроме того, приповерхностные рыхлые отложения на этом местонахождении представлены не красноцветными глинистыми осадками, а преимущественно сероцветными песками и супесями. Очевидно, их накопление было связано с деятельностью водотоков, долины которых до сих пор сохранились в рельефе южного фаса горного обрамления Зайсанской впадины.

Коллекция каменных артефактов, собранных на солончаке пересохшего озера, насчитывает



Каменные артефакты местонахождений Рысак-1 (*2, 3*) и Рысак-2 (*1, 4*).
1 – нуклеус; *2* – скребок; *3* – скол леваллуа; *4* – чоппинг.

23 экз. Категория нуклеусов представлена одноплощадочным монофронтальным параллельным плоскостным ядрищем, оформленным на небольшой гальке. Скошенная ударная площадка подготовлена одним сколом, фронт несет серию негативов мелких коротких снятий.

Остальная часть коллекции, характеризующая первичное расщепление, включает сколы (вторичные отщепы среднего размера – 2 экз., мелкие отщепы – 9 экз., пластину) и мелкие осколки – 10 экз., в т.ч. с участками ретуши – 2 экз. Фрагмент скола с выпуклой фасетированной площадкой является, возможно, леваллуазским снятием (см. *рисунок, 3*). Концевой скребок оформлен на пластине с помощью крутой дорсальной ретуши (см. *рисунок, 2*).

В ближайших окрестностях местонахождения Рысак-1 не удалось обнаружить эффузивные породы, служившие каменным сырьем для палеолитических изделий. Вероятно, ведущим аттрактивным фактором для человека являлись ландшафтные особенности этого участка, обусловленные его гидрологией и геоморфологией. До сих пор он выглядит своеобразным ландшафтным оазисом среди окружающей его солончаковой полупустыни. Несомненно, в менее аридных климатических обстановках на месте современного сора существовал постоянный пресноводный или слабоминерализованный водоем, подпитываемый стекавшими с гор потоками. На основании среднепозднеплейстоценового возраста отложений, слагающих поверхность Северозайсанской равнины в окрестностях местонахождения Рысак [Геологическая карта …, 1976], время образования озера как формы рельефа можно ориентировочно отнести к позднему плейстоцену, что согласуется с технико-типологическим обликом обнаруженной здесь индустрии.

Местонахождение Рысак-2 расположено в 3 км восточнее пункта Рысак-1. Небольшая коллекция (5 экз.) каменных артефактов собрана у подножия останца пестроцветных пород эоцен-олигоцена. Она включает нуклеус начальной стадии расщепления – крупную удлиненную гальку с подготовленной двумя сколами скошенной ударной площадкой, с которой на широкую плоскость гальки было произведено несколько сколов (см. *рисунок, 1*); чопперы, оформленные на крупных уплощенных гальках округлой (2 экз.) и подпрямоугольной (1 экз.) формы, и чоппинг (см. *рисунок, 4*) на массивном округлом валуне мелкозернистой осадочной породы. Исходное галечное сырье в изобилии встречается на местонахождении в экспонированном виде. Малочисленность коллекции и отсутствие стратиграфического контекста не позволяют пока соотнести обнаруженные артефакты с определенным этапом палеолита.

Список литературы

Геологическая карта Казахской ССР. Масштаб 1:500 000. – [Б.м.], 1976.

Геология СССР. – М.: Недра, 1967. – Т. XLI: Восточный Казахстан. – Ч. I: Геологическое описание. – 467 с.

Гидрогеология СССР. – М.: Недра, 1971. – Т. XXXVII: Восточный Казахстан. – 308 с.

Поздний кайнозой Казахстанского Прииртышья. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – 143 с.

References

Geologicheskaya karta Kazakhskoi SSR. Scale 1:500 000. [S.l.], 1976 (in Russ.).

Geologiya USSR. Moscow: Nedra, 1967, vol. XLI: Vostochnyi Kazakhstan, pt. I: Geologicheskoe opisanie, 471 p. (in Russ.).

Gidrogeologiya USSR. Moscow: Nedra, 1971, vol. XXXVII: Vostochnyi Kazakhstan, 308 p. (in Russ.).

Pozdnii kainozoi Kazakhstanskogo Priirtysh'ya. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR, 1973, 143 p. (in Russ.).

УДК 903.01

М.В. Шуньков[1, 2], А.Ю. Федорченко[1], М.Б. Козликин[1], Н.Е. Белоусова[1], Г.Д. Павленок[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: kmb777@yandex.ru

Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года

Коллекция разнообразных украшений и орудий из кости, найденных в слое 11 центрального зала Денисовой пещеры в 2016 г., включает 26 изделий. Для производства украшений использовались мягкий поделочный камень, трубчатые кости животных и птиц, зубы травоядных и хищных млекопитающих, бивень мамонта и раковины пресноводных моллюсков. Технология изготовления костяных орудий и предметов неутилитарного назначения состояла из нескольких этапов: подбора сырья, получения заготовки, обработки строганием, скоблением, шлифовкой, сверления и полировки. Ряд специфических для ранней поры верхнего палеолита приемов (шлифовка, сверление, резание, полировка) применялся в этой индустрии как при изготовлении предметов из кости и бивня, так и для обработки мягкого камня. Костяные орудия представлены острием и фрагментами игольников или рукоятей. Украшения из слоя 11 включают плоские и объемные бусины, бусы-пронизки, подвески с кольцевой нарезкой или одним сверленным отверстием, бляшки с двумя отверстиями, орнаментированную пластину. Трасологический анализ выявил на поверхностях этих изделий следы утилизационного износа, указывающие на длительное использование. Морфологическая и функциональная вариабельность украшений из слоя 11 отражает разнообразие способов персональной орнаментации, указывает на существование предпочтений и традиций использования этих предметов.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, начало верхнего палеолита, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, костяные украшения, бусы, подвески, каменные украшения.*

M.V. Shunkov[1, 2], A.Yu. Fedorchenko[1], M.B. Kozlikin[1], N.E. Belousova[1], G.D. Pavlenok[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: kmb777@yandex.ru

Bone Tools and Ornaments from the Early Upper Paleolithic Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: 2016 Collection

The paper presents the results provided by technical research focused on bone tools and ornaments recovered from layer 11 in the Main Chamber of Denisova Cave in 2016. The manufacture of ornaments involved the use of a great variety of materials: soft gemstones, tubular bones of animals and birds, teeth of herbivorous and carnivorous mammals, ivory, as well as shells from freshwater clams. Production techniques employed for manufacturing bone tools and non-utilitarian objects included several stages: selecting a raw material; obtaining a half-finished product; processing by shaping, scraping, grinding, drilling and polishing. A number of processing methods (grinding, drilling, cutting, polishing), being specific for the early Upper Paleolithic period, were utilized in this industry for producing objects from bone and ivory, as well as for soft stones working. Bone tools are represented by a point and fragments of needle cases or by hafts. According to their function, the ornaments from layer 11 can be classified into various types: flat and dimensional beads; holed beads; pendants with the circular grooves or with one drilled hole; plaques with two holes; an ornamented plate. The use-wear analysis has enabled the identification of the wear traces on the surfaces of the studied products, suggesting utilization and indicating the long-term use. The abundance, morphological and functional variability of the ornaments from layer 11 reflect an exceptional diversity of the methods used for personal ornamentation, implying the existence of preferences and traditions in the use of these objects.

Keywords: *Mountain Altai, Denisova cave, experimental use-wear analysis, technological analysis, early Upper Palaeolithic, bone ornaments, beads, pendants, stone ornaments.*

Коллекция разнообразных украшений и орудий из кости, найденных в слое 11 центрального зала Денисовой пещеры в 2016 г., включает 26 изделий. Согласно данным литологии и стратиграфии, результатам абсолютного и биостратиграфического датирования, археологические материалы из слоя 11 относятся к ранней стадии верхнего палеолита. Способы производства этих изделий изучались на основе технологического и экспериментально-трасологического методов. Для анализа и фиксации следов обработки применялись микроскопы МБС-10, Olympus BHM и зеркальная фотокамера Canon EOS 7D с объективом EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM. Фаунистические определения выполнены д-ром биол. наук А.К. Агаджаняном, петрографические определения – канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик.

В коллекции костяных артефактов утилитарного назначения выделены острие и два фрагмента предметов (игольников или рукоятей) из диафиза трубчатой кости. Острие узкой вытянутой формы (49,5 × 13,0 × 6,5 мм) изготовлено из ребра млекопитающего размера *Canis lupus* (рис. 1, *1*). Поперечное сечение артефакта подпрямоугольное, на лицевых поверхностях зафиксированы следы строгания – нерегулярные длинные борозды-линии, параллельные оси орудия. В дистальной части острия отмечены признаки деформации – поперечный излом, полученный в результате сильного изгиба. Орнаментированный предмет (37,7 × 14,8 × 7,1 мм) из кости конечности крупного млекопитающего размера *Capreolus pygargus* имеет цилиндрическую форму и овальное округлое сечение, обусловленные морфологией кости (рис. 1, *2*). На первом этапе изготовления произведено освобождение диафиза путем кругового разрезания. Плоскость надреза расположена под углом 90º к поперечной оси. Лицевые поверхности предмета покрыты геометрическим орнаментом – параллельными длинными поперечными насечками, прорезанными во встречном направлении каменным орудием с V-образным лез-

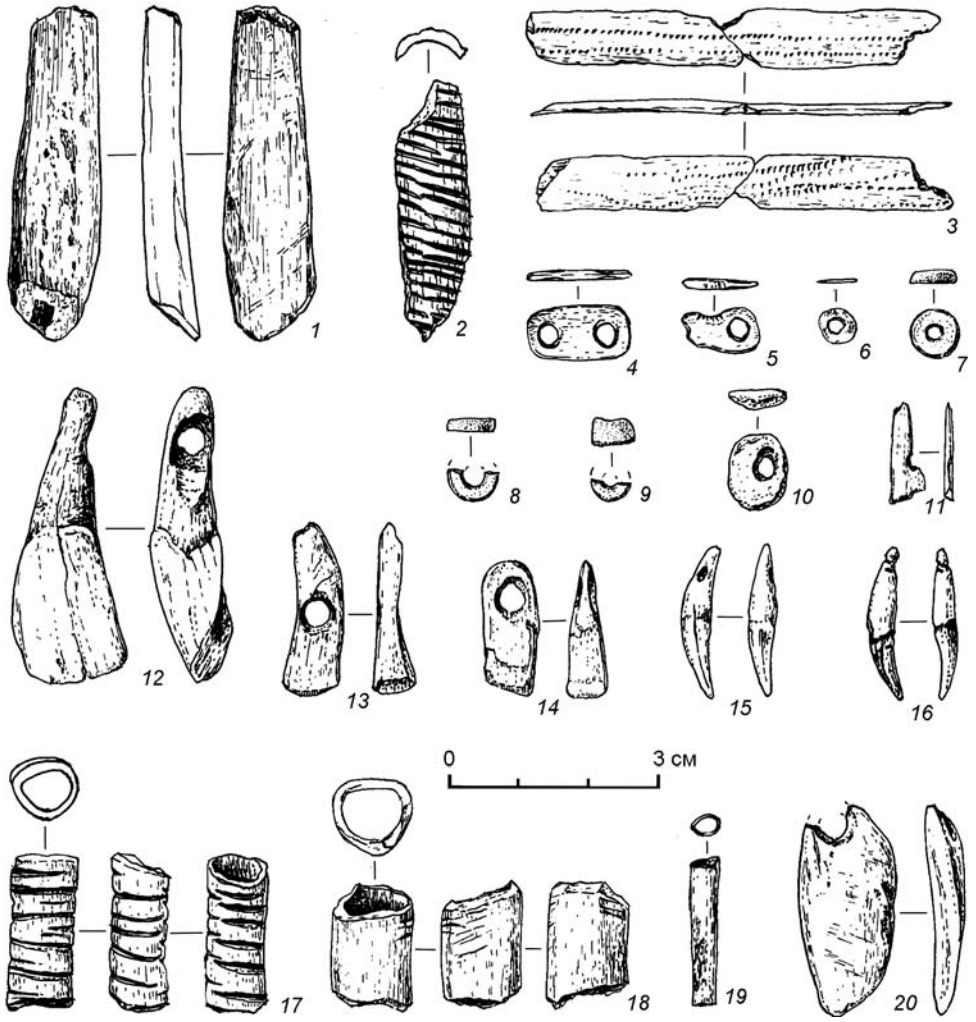


Рис. 1. Костяные орудия (*1, 2, 17*) и украшения из бивня (*3–6, 20*), камня (*7, 9–11*), скорлупы яйца птицы (*8*), зубов животных (*12–16*) и трубчатых костей (*18, 19*) из слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры.

1 – острие; *2, 17* – игольники/рукояти; *3* – диадема; *4–10* – бусины; *11–16, 20* – подвески; *18, 19* – пронизки.

вием. Морфология каналов указывает на возвратно-поступательную кинематику инструмента обработки. Всего на поверхности изделия зафиксировано 20 рядов из частично замкнутых линий. Ширина линий – 0,6–1,0 мм, глубина – 0,5–0,6 мм, расстояние между бороздами – 0,4–1,6 мм. Второй предмет (31,7 × 16,3 × 4,2 мм) из кости крупной птицы размера *Tetrao urogallus* по форме, поперечному сечению и следам обработки аналогичен предыдущему артефакту (рис. 1, *17*; 2, *4*). На сохранившемся торце орудия сформирована фаска, скошенная на 45° к продольной оси. Оба предмета повреждены в результате продольной/поперечной деформации.

Коллекцию украшений составляют изделия из бивня мамонта (9 экз.), зубов животных (5 экз.), мягкого камня (4 экз.), кости (3 экз.), скорлупы (1 экз.) и раковины моллюска (1 экз.). Уникальна орнаментированная пластина из бивня мамонта, прямоугольной формы (61,4 × 8,5 × 1,6 мм), с уплощенно-линзовидным поперечным сечением и прямым профилем (см. рис. 1, *3*). Заготовкой для украшения послужил удлиненный скол, снятый с бивня в продольном направлении. Сначала изделие было обработано строганием, далее осуществлялась абразивная подготовка, применявшаяся для удаления неровностей рельефа, выравнивания краев, получения профиля определенной формы и формирования гладкой ровной поверхности. На микроуровне следы шлифовки имеют вид регулярных параллельных борозд или линий. О применении абразива свидетельствует своеобразная ступенчатая с плавными переходами огранка изделия, отчетливо прослеженная на микроуровне. На обеих сторонах пластины отмечены следы орнаментации – серия углублений треугольной формы со сторонами 0,4–0,6 мм, сгруппированных в две–шесть линий, параллельных продольной оси изделия. Следы орнамента частично перекрыты следами износа – заполировкой, стертостью и неглубокими разнонаправленными рисками. Фрагмент второй пластины из бивня (13,5 × 8,5 × 2,0 мм) обладает схожей морфологией и набором следов обработки и износа, но не имеет орнамента. По аналогии с находками из палеолитических памятников Восточной Европы и Северной Азии [Питулько, 2015] бивневые пластины из слоя 11 Денисовой пещеры предварительно могут интерпретироваться как фрагменты диадем или нашивных нагрудных пластин.

Набор изделий из бивня мамонта включает также подвеску, бусину и две бляшки. Заготовками для этих изделий послужили сколы, снятые с бивня в продольном или тангенциальном направлениях. В коллекции 2016 г. зафиксировано три таких скола. Подвеска (см. рис. 1, *20*; 2, *2*) вытянутой шестиугольной формы (32,0 ×24,5 ×4,0 мм) имеет линзовидное сечение, слегка изогнутый профиль и одно биконическое отверстие в верхней части (d = 4,6 мм). Плоские бляшки (см. рис. 1, *4, 5*; 2, *6*) с двумя биконическими отверстиями на противоположных краях имеют форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами (15,9 × 8,0 × 1,6 мм) или приплюснутого с боков овала (12,0 × 6,7 × 1,8 мм). На поверхности изделий прослежены следы абразивной обработки – параллельные ряды тонких рисок-борозд, расположенные диагонально или перпендикулярно продольной оси предмета. Боковые грани выровнены и плавно заглажены шлифовкой и полировкой. На длинной боковой грани одной бляшки отмечено шесть коротких насечек. На ее короткой грани в месте слома зафиксированы следы заглаженности и заполировки, указывающие, вероятно, на ремонт и повторное использование изделия после его поломки. Бусина из бивня мамонта (5,9 × 5,8 × 0,6 мм) имеет уплощенно-линзовидное поперечное сечение и отверстие диаметром 2,5 мм (см. рис. 1, *6*). Лицевые стороны и края предмета тщательно обработаны полировкой, практически полностью скрывшей следы первоначальной формообразующей подготовки.

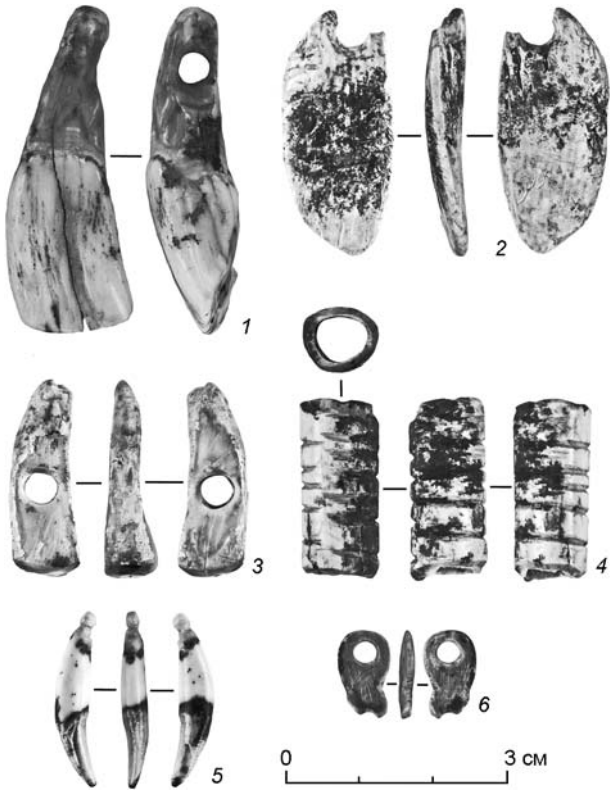


Рис. 2. Украшения из зубов животных (*1*, *3*, *5*), бивня (*2, 6*) и костяное орудие (*4*) из слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры.

1–3, 5 – подвески; *4* – игольник/рукоять; *6* – бусина.

Наиболее распространенным типом украшений являются пять подвесок из зубов млекопитающих –

Bison priscus, *Martes*, *Crocuta spelaea* или *Ursus sp.* Размеры подвесок: длина – 20,5–42,1 мм; ширина – 4,8–16,8 мм; толщина – 3,5–11,4 мм. Три изделия (см. рис. 1, *12–14*; 2, *1, 3*) имеют биконическое отверстие в корневой или медиальной части (d = 4,2; 3,6; 3,8 мм). Одна подвеска (см. рис. 1, *15*) обладает сквозным отверстием (d = 1,7–2,4 мм) от двустороннего продавливания каменным инструментом. Использование подобного приема продиктовано морфологическими особенностями заготовки – наличием полости внутри зуба. Процессу перфорирования изделий предшествовали утончение и уплощение места сверления путем скобления или строгания. Еще одна подвеска (см. рис. 1, *16*; 2, *5*) имеет следы крепления в виде серии коротких кольцевых нарезок (l = 0,6–2,0 мм; h = 0,3–0,4 мм), расположенных в проксимальной части.

Тремя экземплярами представлены пронизки из трубчатых костей птиц – *Turdus sp.* и *Lyrurus tetrix* (см. рис. 1, *18, 19*). Размеры изделий: длина – 18,3–22,6 мм, ширина – 4,3–12,0 мм и толщина – 3,6–11,8 мм. Производство пронизок начиналось с освобождения эпифизов путем глубокого кругового разрезания трубчатой кости с последующим сломом. Плоскости надрезов расположены под углом 70–90º относительно поперечной оси изделия. Одна из пронизок имеет следы нарезок, сгруппированные по три блока из шести коротких незамкнутых линий. Ширина линий – 0,8–1,4 мм, глубина – 0,6–0,7 мм, расстояние между каналами – 1,0–3,1 мм. На отдельных участках поверхности двух пронизок прослежена серия неглубоких пробных надрезов.

Морфологически устойчивую серию изделий образуют три бусины округлой формы из талька и пирофиллита желтоватого, молочно-белого и голубовато-зеленого цветов (см. рис. 1, *7, 9, 10*). Заготовками каменных бусин служили сколы или небольшие гальки. Эти изделия имеют уплощенный подпрямоугольный или односторонне выпуклый профиль. Диаметр каменных бусин – 7,3–11,0 мм, толщина – 1,8–3,0 мм. Биконически просверленное отверстие (d = 2,9; 3,2; 1,9 мм) расположено в центре или немного смещено к одному из краев изделия. Еще одна подвеска (см. рис. 1, *11*) подпрямоугольной формы (15,0 × 4,8 × 1,3 мм) изготовлена из темно-зеленого антигорита. Изделие имеет биконическое отверстие (d = 1,9 мм), смещенное к одному из краев, со следами пришлифовки и полировки.

Бусина округлой формы (см. рис. 1, *8*) из скорлупы крупной птицы с биконическим отверстием в центре (размеры изделия – 7,1 × 7,0 × 2,0 мм; диаметр отверстия – 2,5 мм). Лицевые стороны бусины сохраняют естественную поверхность, боковые грани – пришлифованы. В коллекции украшений имеется также заготовка подвески (10,8 × 14,6 × 4,1 мм) из раковины пресноводного моллюска *Corbicula tibetesis* со следами коротких сколов по одному из краев.

Производство костяных изделий и персональных украшений у верхнепалеолитических обитателей Денисовой пещеры опиралось на чрезвычайно богатую сырьевую базу, в составе которой разновидности мягкого камня, трубчатые кости животных и птиц, зубы травоядных и хищных млекопитающих, бивень мамонта, раковины пресноводных моллюсков, скорлупа яиц крупных птиц. Источники некоторых видов сырья удалены от пещеры на большое расстояние. Технология изготовления большинства украшений состояла из нескольких этапов, включавших подбор сырья, получение заготовки, обработку строганием, скоблением/шлифовкой, сверление и полировку. Некоторые специфические для ранней стадии верхнего палеолита приемы – шлифовка, сверление, резание, полировка – использовались как при изготовлении предметов из кости и бивня, так и для обработки мягкого камня.

Украшения из слоя 11 включают плоские и объемные бусины, бусы-пронизки, подвески с кольцевой нарезкой или одним сверленным отверстием, бляшки с двумя отверстиями, орнаментированную пластину. Существенно различаются способы крепления украшений – через одно или два сверленных или продавленных отверстия, с помощью кольцевой нарезки или путем незначительного изменения исходной морфологии предмета (пронизки). Поверхности большинства этих изделий несут следы утилизационного износа, связанного, скорее всего, с их длительным использованием. Морфологическая и функциональная вариабельность украшений из слоя 11 Денисовой пещеры отражает разнообразие способов персональной орнаментации и указывает на существование предпочтений и традиций использования этих предметов.

Список литературы

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – Вып. 2. – С. 141–161.

References

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. Iskusstvo Yanskoi stoyanki: diademy i braslety iz bivnya mamonta (predvaritel'nyi analiz kollektsii). In *Arkheologiya Arktiki.* Yekaterinburg: Delovaya pressa, 2014, vol. 2, pp. 141–161 (in Russ.).

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 902/904

В.В. Бобров[1, 2, 3], Н.Н. Моор[3], И.А. Плац[2], А.В. Фальман[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
E-mail: archaeology@kemsu.ru

Исследования поселения постандроновского времени Ложка-6 (предварительные итоги)*

В статье рассматриваются материалы поселения Ложка-6 в Венгеровском р-не Новосибирской обл., выявленные в ходе раскопок 2010–2016 гг. В результате исследований получена значительная коллекция предметов эпохи поздней бронзы. Керамический комплекс поселения подразделяется на две группы, аналоги которых имеются в поселенческих материалах пахомовских поселений Прииртышья и могильниках восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи. Выявлено, что на поселении Ложка-6 доминирует бытовая посуда (группа А), ритуальная посуда (группа Б) составляет всего 10,3 %. Анализ остеологической коллекции позволил установить ярко выраженную пастушеско-скотоводческую направленность хозяйственной деятельности пахомовцев Барабинской лесостепи с небольшой ролью охоты. Охарактеризованы объекты, исследованные в ходе раскопок. Некоторые особенности поселения Ложка-6 позволяют предполагать его принадлежность к восточному варианту пахомовской культуры.

Ключевые слова: *поселение Ложка-6, керамические комплексы, поздняя бронза, пахомовская культура, Барабинская лесостепь.*

V.V. Bobrov[1, 2, 3], N.N. Moor[3], I.A. Plats[2], A.V. Falman[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
[3]Kemerovo State University
E-mail: archaeology@kemsu.ru

The Researches of the Postandronovo Period Settlement Lozhka-6 (Preliminary Results)

The article examines the materials of the settlement Lozchka-6 in Vengerovo district of Novosibirsk region obtained during excavation of 2010–2016. As a result of research a significant collection of the Late Bronze Age was received. The ceramic complex of the settlement is divided into two groups, which have analogies with the materials of the Irtysh district Pakhomovo settlements and burial grounds of east variant of Pakhomovo culture in the Baraba forest-steppe. It was revealed that on the settlement Lozchka-6 the household utensils dominate (group A), while the sacral utensils (group B) make only 10,3 %. The analysis of osteological collection has allowed us to establish strongly pronounced pastoral and cattle breeding orientation of economic activity of Pakhomovo culture population of the Baraba forest-steppe with a small role of hunting. The objects investigated during the excavation were characterized. Some features of the settlement Lozchka-6 suggest the east variant of the Pakhomovo culture.

Keywords: *the settlement Lozchka-6, ceramic complexes, the Bronze Age, pakhomovsky culture, Baraba forest-steppe.*

Пахомовская культура Барабинской лесостепи исследована по материалам погребальных и культовых комплексов Гришкина Заимка, Старый Сад и Тартас-1, которые позволили исследователям предположить существование восточного варианта пахомовской культуры [Молодин и др., 2015, с. 58–59]. Памятник Ложка-6 является единственным исследованным поселением пахомовской

*Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

культуры на территории Барабы [Бобров, Моор, 2015, с. 193–196]. Поселение расположено на второй надпойменной террасе озера Большая Ложка. Памятник открыт В.В. Бобровым в 2008 г. и исследуется Кузбасской археологической экспедицией на протяжении полевых сезонов 2010–2016 гг. Всего вскрыто 494 м^2.

В результате исследования памятника был получен представительный комплекс артефактов – 25 109 предметов (включая малоинформативные категории находок). Из них: фрагменты венчиков – 739 экз., тулова – 7 176 экз., дна и придонной части сосудов – 215 экз., фрагменты костей животных – 8 519 экз., обожженная глина – 7 736 экз., изделия геометрической формы из глины – 622 экз., пряслице – 1 экз., глиняные литейные шишки – 3 экз., песчаник – 69 экз., охра – 8 экз., изделия из камня – 8 экз., шлак – 5 экз., фрагменты литейных форм из глины и камня – 2 экз., бронзовые изделия – 4 экз., изделия из кости – 2 экз.

Керамический комплекс памятника Ложка-6 (из раскопок 2010–2015 гг.) проанализирован по сокращенной программе статистической обработки керамики В.Ф. Генинга [Генинг, 1973]. Выборка составила 1 208 фрагментов сосудов. Керамическая посуда представлена двумя типами плоскодонных сосудов – банками и горшками. Фрагментарность керамической коллекции затрудняет выявление их соотношения.

Зону венчика украшают наклонные (25,4 %) и вертикальные (10,7 %) оттиски гладкого штампа, «елочка», выполненная оттисками гладкого (6,2 %) либо гребенчатого (3,1 %) штампа, в сочетании с ямками (15,4 %). Реже ямки сочетаются с сеткой, выполненной оттисками гладкого (5,2 %) или гребенчатого (0,6 %) штампов, либо с зигзагом, выполненным гладким (1,2 %) или гребенчатым (1,5 %) штампом. Также встречаются ряды наклонных оттисков гребенки (8,6 %), каплевидные оттиски (3,3 %), диагональные ряды косых оттисков (0,7 %), вдавления пальцем (0,7 %). Небольшая часть сосудов в зоне венчика декорирована заштрихованными треугольниками (2,2 %), выполненными гребенчатым штампом и треугольными орнаментирами (4,5 %). Роль разделителей между зоной венчика и тулова выполняют каннелюры (7,6 %), валики (1,4 %), горизонтальные линии, выполненные оттисками гребенчатого штампа (1,7 %). Срез венчика орнаментирован в единичных случаях.

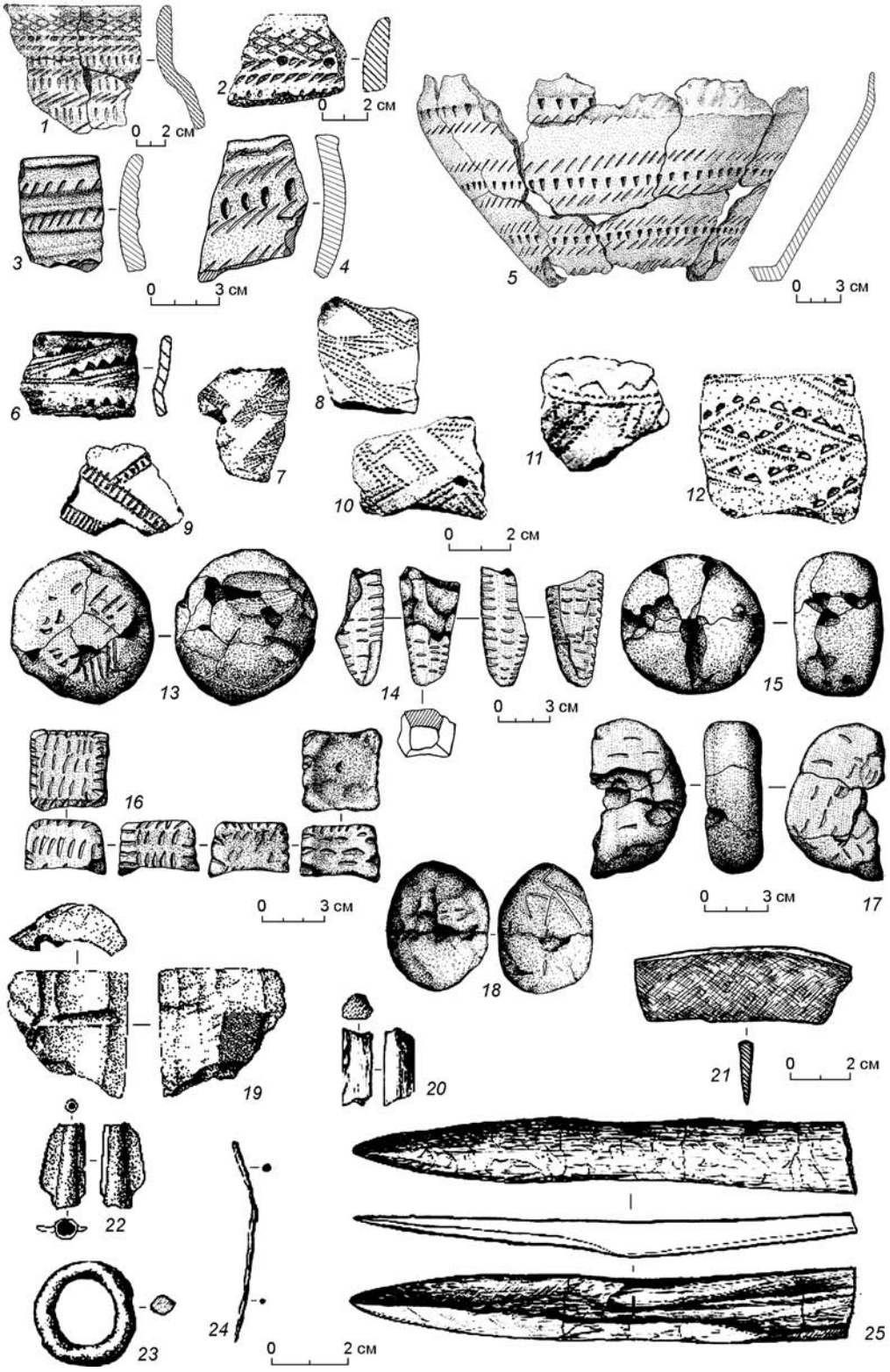
Зона тулова. Доминирующими орнаментальными мотивами являются ряды наклонных (23 %) и вертикальных (12,6 %) оттисков гладкого штампа, ямки (9,5 %), «елочка», выполненная гладким (9,3 %) и гребенчатым (8,8 %) штампами, ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа (7,5 %). Реже встречаются каннелюры (4,9 %), треугольные орнаментиры (4,4 %), сетка, выполненная оттисками гладкого штампа (4,4 %), вдавления пальцем (2,9 %), каплевидные оттиски (2,7 %), вертикальные оттиски, выполненные гребенчатым штампом (2,5 %). В единичных случаях встречаются такие орнаментальные мотивы как горизонтальные линии (1,6 %), заштрихованные меандры (1,2 %) защипы (1,1 %), сетка, выполненная гребенчатым штампом (1 %), заштрихованные треугольники (0,7 %), выполненные гребенчатым штампом, зигзаг, выполненный оттисками гребенчатого (0,7 %) и гладкого (0,6%) штампов, валики (0,6 %), ромбы (0,1 %).

Придонная часть. Большая часть фрагментов не орнаментирована (65,5 %). Среди орнаментальных мотивов, встречаются ряды вертикальных (20 %) либо наклонных (9,5 %) оттисков гладкого штампа, реже ямки, треугольные орнаментиры, ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа, сетка, выполненная гребенчатым штампом, каплевидные оттиски (по 1 %).

Типологически керамика памятника Ложка-6 делится на две группы. Группа А (1 084 экз.) представлена бытовой посудой, характеризующейся монотонным орнаментом, использованием различных техник нанесения орнамента с преобладанием гладкого штампа, разнообразием элементов декора (см. *рисунок, 1–5*). Группа Б представлена ритуальной посудой (124 экз.). Для нее характерен геометризм в орнаментации, использование таких мотивов, как заштрихованные треугольники, ромбы, ленты, меандры, треугольные оттиски, зигзаги. Преобладающая техника нанесения орнамента – гребенчатый штамп (см. *рисунок, 6–12*).

Керамический комплекс памятника Ложка-6 по взаимовстречаемости групп и декору сосудов имеет аналоги в материалах пахомовских поселений Прииртышья [Корякова, Стефанов, 1981]. На поселении Пахомовская Пристань доля «нарядной» посуды составляет не более 1/3 [Костомаров, 2010, с. 79], в то время как на поселении Ложка-6 – 1/10. В культовых комплексах пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 зафиксировано подобное отличие от ситуации в Тоболо-Иртышье, где доминирует «нарядная» керамика [Молодин и др., 2012, с. 232–233]. Ближайшие аналоги керамики группы Б поселения Ложка-6 происходят из могильников восточного варианта пахомовской культуры (Старый Сад, Гришкина Заимка) [Молодин и др., 2015].

Заметим, что сосуды пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье орнаментировались бордюрами из «скобок» [Корочкова, 2009, с. 79]. В керами-



Материалы эпохи поздней бронзы с поселения Ложка-6.

1–4 – фрагменты керамической посуды группы А; *5* – керамический сосуд группы А; *6–12* – фрагменты керамической посуды группы Б; *13–18* – изделия из глины; *19* – литейная форма из талька; *20* – фрагмент рукояти орудия из кости; *21* – фрагмент бронзового ножа; *22* – бронзовый наконечник стрелы; *23* – кольцо из бронзы; *24* – проколка из бронзы; *25* – костяной наконечник стрелы.

ческом комплексе поселения Ложка-6 этот мотив не встречается.

В результате исследования памятника Ложка-6 обнаружены бронзовые и костяные изделия (см. *рисунок, 20–25*). Интерес вызывают фрагменты литейных форм из серого талька и глины, используемые для отливки втульчатых орудий, шлак, литейные шишки (см. *рисунок, 19*). Таким образом, можно предполагать наличие бронзолитейного производства на поселении.

На памятнике Ложка-6 исследованы 2 ямы округлой формы. В ямах обнаружены изделия из глины, имеющие геометрическую форму: куб, диск, призма с насечками на поверхности, шары (см. *рисунок, 13–18*). В одной из ям зафиксированы фрагменты сосудов и костей животных. Глиняные диски и шары известны по материалам поселений пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Корочкова, 2009]. На памятнике Тартас-1 обнаружен культовый комплекс, в котором исследованы серии ям с фрагментами сосудов и костями животных [Молодин и др., 2012]. Ямы с глиняными шарами обнаружены на городище Чича-1 [Марченко, 2009].

В 2016 г. на памятнике Ложка-6 продолжено исследование восточной части жилища. Вскрыто 100 м^2. Жилище имеет подпрямоугольную форму, с коридорообразным выходом, направленным в сторону водоема. Глубина котлована достигает 30 см. По выявленной системе столбовых ям можно предполагать каркасно-столбовую конструкцию сооружения наземного типа, что позволяет говорить о стационарном характере поселения.

М.М. Девяшиным (канд. биол. наук, мл. науч. сотр. лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН) был проведен анализ остеологической коллекции памятника Ложка-6 по материалам 2010–2014 гг. Из них определимыми до вида оказались 742 фрагмента костей животных. Большинство костей принадлежало крупному рогатому скоту (41,4 %), лошади (38,3 %), мелкому рогатому скоту (16 %), а также собаке (0,4 %). Кости диких животных составляют меньшинство: лось (3,5 %), дикий кабан (0,1 %), косуля (0,1 %), заяц (0,1 %); медведь (0,1 %). На большинстве поселений пахомовской культуры Тоболо-Иртышья (Ново-Шадрино VII, Пахомовская Пристань, Усть Китерьма I, IV) на долю диких животных приходится около 1/3 костей [Костомаров, 2010, с. 94–97]. Можно констатировать ярко выраженную пастушеско-скотоводческую направленность хозяйственной деятельности пахомовцев Барабинской лесостепи с незначительной ролью охоты.

Таким образом, анализ материала памятника Ложка-6 подтверждает его принадлежность к пахомовской культуре. Особенностью является то, что на памятнике Ложка-6 значительно преобладает бытовая посуда, «парадная» посуда составляет 10,3 %. Упрощенность мотивов и композиции бытовой посуды не позволяет выделить орнаментальные особенности данного керамического комплекса по отношению к материалам пахомовских поселений Тоболо-Иртышья на сравнительном уровне. Возможно, к специфике поселенческих комплексов пахомовской культуры Барабы будет относиться различие в количественном соотношении двух групп керамики. Анализ остеологической коллекции также показал отличие хозяйственной деятельности обитателей поселения Ложка-6 от пахомовцев Тоболо-Иртышья. На предварительном уровне можно обозначить принадлежность поселения к восточному варианту пахомовской культуры.

Список литературы

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты исследования памятника Ложка-6 в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 193–196.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–137.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.

Корякова Л.И., Стефанов В.И. Городище Инберень-4 на Иртыше // СА. – 1981. – № 2. – С. 178–187.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 168 с.

Марченко Ж.В. Глиняные шары // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 231–244.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–237.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1. – С. 47–60.

References

Bobrov V.V., Moor N.N. Rezul'taty issledovaniya pamyatnika Lozhka-6 v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnoqraphy, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 193–196 (in Russ.).

Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. *Sovetskaya archeologia*, 1973, No. 1, pp. 114–137 (in Russ.).

Korochkova O.N. Pakhomovskaya kul'tura epokhi pozdnei bronzy. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 3, pp. 75–84 (in Russ.).

Koryakova L.I., Stefanov V.I. Gorodishche Inberen'-4 na Irtyshe. *Sovetskaya archeologia*, 1981, No. 2, pp. 178–187 (in Russ.).

Kostomarov V.M. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoi Sibiri: kul'turnaya atributsiya, khronologicheskaya i territorial'naya lokalizatsiya: dis. … cand. sc. (history) dissertation abstract. Tyumen', 2010, 168 p. (in Russ.).

Marchenko Zh.V. Glinyanye shary. In *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. 3, pp. 231–244 (in Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Vasil'eva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Sal'nikova I.V. Ritual'nye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 231–237 (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Garkusha Yu.N., Selin D.V. Pogrebal'nye kompleksy epokhi pozdnei bronzy vostochnogo varianta pakhomovskoi kul'tury (pamyatnik Grishkina Zaimka, Baraba). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, No. 1, pp. 47–60 (in Russ.).

УДК 903.22

Л.А. Бобров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: spsml@mail.ru

Казахский топор *балта* из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (анализ и результаты междисциплинарных исследований)*

В статье рассмотрен плоскообушный боевой топор с орнаментированным удлиненно-треугольным клинком, хранящийся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ). Данный образец ударно-рубящего оружия был подарен цесаревичу Николаю Александровичу Романову казахами Акмолинской области в 1890 г. На основании анализа конструкции и декоративного оформления установлено, что топор был изготовлен казахскими оружейниками в период со второй половины XVIII в. до 1880-х гг. Топоры подобного типа были известны среди казахских кочевников под названием «балта». Проведенные междисциплинарные экспериментальные испытания показали, что удары «балта» обладали мощным рубящим и ударно-дробящим эффектом. Они представляли значительную угрозу для воинов противника, не имеющих защитного вооружения или облаченных в стеганный на вате панцирь.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Казахстан, ударно-рубящее оружие, боевой топор, балта.*

L.A. Bobrov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: spsml@mail.ru

Kazakh Ax "Balta" from the Collection of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Analysis and the Interdisciplinary Research Results)

The article deals with a battle-ax, which is stored in the collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). The ax has a flat butt. The surface is decorated with ornament. This weapon was given to Prince Nikolai Alexandrovich Romanov by Kazakhs of Akmola region in 1890. The analysis of the ax design and decoration was held in the present publication. This analysis showed that the ax was made by Kazakh masters of the second half of the 18th century – the 80s of the 19th century. Axes of this type Kazakh nomads called "Balta". Interdisciplinary experimental tests showed that the blows of axes "Balta" had a strong chopping and crushing effect. They represented a greater threat to the soldiers without armor, as well as for the soldiers dressed in armor made of cotton and fabrics.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, slashing weapon, battle-ax, "Balta".*

В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) хранится богато орнаментированный боевой топор (№ 313-119), определенный сотрудниками музея как казахский «топорик *айбалта*». Фотографии и прорисовки данного образца ударно-рубящего оружия были опубликованы А.Х. Маргуланом и К.С. Ахметжаном [Маргулан, 1986, с. 165, 166, 167, 175; Ахметжан, 2007, с. 121, рис. 100, *1*, с. 123, рис. 102, *8*]. Однако в обоих случаях изображения не были сопровождены подробным описанием его конструкции и системы оформления, а сам топор не становился объектом специального научного исследования, основанного на комплексном анализе источников.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Целью настоящей статьи является типологический анализ, а также датировка и атрибуция топора № 313-119 из собрания МАЭ. Особенности его боевого применения могут быть уточнены с помощью междисциплинарного метода предметной научно-исторической реконструкции.

По материалу изготовления боек топора относится к классу железных, по способу насада на топорище к отделу проушных, по форме сечения к группе плоскообушных. На основании особенностей конструкции и декоративного оформления он может быть определен, как плоскообушный боевой топор с орнаментированным удлиненно-треугольным клинком с широким слабоизогнутым лезвием (рис. 1, 2).

Общая длина топора – 83,0 см. Длина бойка – 21,6 см (в том числе клинка – 13,3 см), ширина слабоизогнутого лезвия – 14,8 см. Полотно клинка плавно сужается от лезвия к уплощенной шейке и переходит в насад с плоским оттянутым вниз обухом. Треугольный проух закрыт металлической пластиной.

Большая часть бойка покрыта густым растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике набивной серебряной насечки с чернением. По краю бойка пропущена серебряная зубчатая лента. Основу композиции формирует трехлепестковый цветочный бутон, замкнутый в четыре овальных и сердцевидных «картуша», образованных вьющимися побегами с округлыми «почками» и длинными листьями с вырезным краем. Внешний сердцевидный «картуш» венчает еще один бутон, прорастающий растительными побегами, заполняющими собой шейку и щечки бойка. Угловые стороны клинка украшены изображениями трехлепестковых бутонов на тонком стебле в обрамлении листьев с вырезным краем (рис. 2). Декоративный эффект достигается за счет контрастного цветового решения (светлый серебряный рисунок на темном фоне), а также сложного комбинированного орнамента на поверхности клинка и насада.

Металлическая пластина, прикрывающая проух бойка, также покрыта растительным орнаментом, представляющим собой прорастающий трехлепестковый бутон в обрамлении листьев различных форм и размеров. Поверхность цветка и листьев дополнена редким «жемчужником».

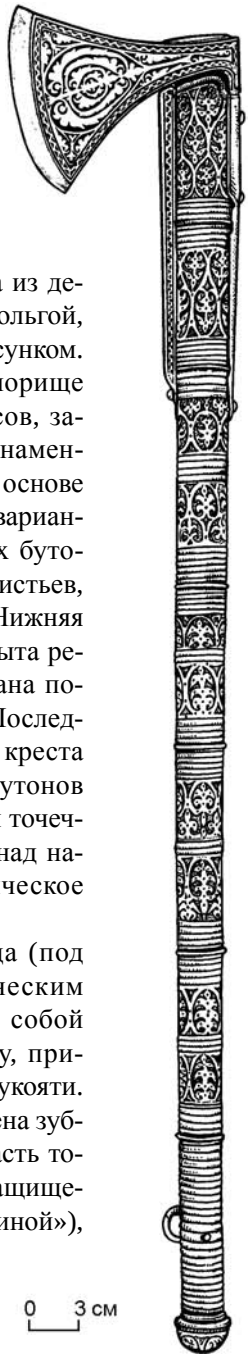


Рис. 1. Боевой топор *балта* из собрания МАЭ (№ 313-119).

Рукоять топора выполнена из дерева и обтянута серебряной фольгой, украшенной трафаретным рисунком. Рельефные пояски делят топорище на десять разновеликих ярусов, заполненных растительным орнаментом в овальных «картушах». В основе композиции – разнообразные варианты прорастающих цветочных бутонов в окружении стеблей и листьев, усыпанных «жемчужником». Нижняя часть топорища сплошь покрыта рельефными поясками и увенчана полусферическим навершием. Последнее украшено изображением креста и четырех трехлепестковых бутонов с «жемчужником». Фон убран точечным орнаментом. В рукоять над навершием вставлено металлическое кольцо для кожаного темляка.

Передняя часть топорища (под клинком) усилена металлическим «отрезом» представляющим собой плоскую железную пластину, прибитую встык к поверхности рукояти. Поверхность «отреза» украшена зубчатым орнаментом. Задняя часть топорища (под обухом бойка) защищена железной планкой («пожилиной»),

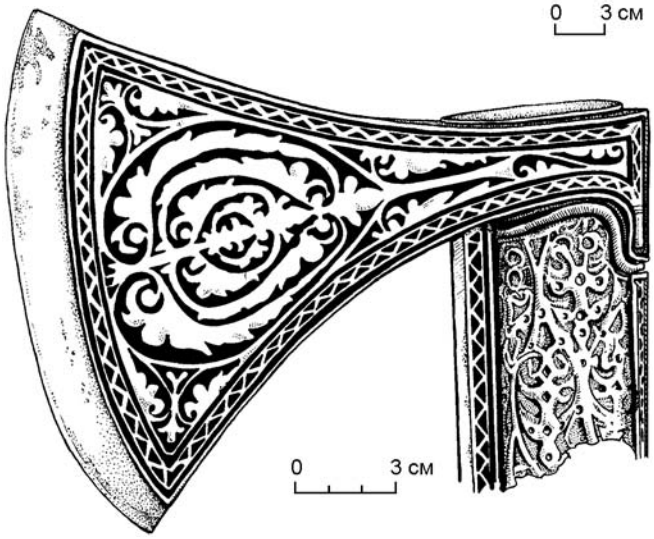


Рис. 2. Боек боевого топора из собрания МАЭ (№ 313-119).

поверхность которой покрыта комбинированным орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу. «Отрез» и «пожилина» крепятся к рукояти с помощью заклепок с полусферическими шляпками.

Рассматриваемый топор был подарен цесаревичу Николаю Александровичу казахами Акмолинской обл. в 1890 г. В феврале 1896 г. он поступил в собрание МАЭ и позднее был определен как «топорик *айбалта*». Анализ конструкции и системы оформления бойка и топорища позволяет уточнить атрибуцию и время изготовления топора.

Боевые топоры с широким (более 10 см) удлиненно-треугольным клинком были, в целом, не характерны для комплекса ударно-рубящего оружия тюркских и монгольских кочевников раннего и развитого Средневековья. Резкий рост их популярности среди номадов Центральной Азии пришелся на период позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Шереметьев, 2016, с. 136].

По своей конструкции топоры рассматриваемого типа занимают промежуточное положение между узколезвийными («бронебойными») топорами с удлиненно-треугольным клинком (казахск. *шакан*) и широколезвийными топорами с удлиненно-трапециевидным клинком. От первых они отличаются большей шириной лезвия, а от вторых формой клинка [Бобров, 2015, с. 107–113].

Ближайшие аналоги топора № 313-119 из МАЭ происходят из российских и казахстанских музейных собраний. Все они имеют клинок удлиненно-треугольной формы со слабоизогнутым лезвием, плоский оттянутый вниз обух, рукоять, усиленную железными «отрезами» и «пожилинами», а также схожее декоративное оформление [Бобров, Сальников, 2015, с. 30–33]. Топоры серии соотносятся с комплексом вооружения казахских воинов XVIII–XIX вв. Таким образом, особенности конструкции и декоративного оформления позволяют атрибутировать топор из МАЭ как изделие казахских мастеров. При этом определение топора из МАЭ как *айбалта* представляется не совсем точным, т.к. концы лезвия его бойка не загнуты в сторону рукояти (как на секирах *айбалта*, обладавших «месяцевидным» С-образным лезвием), а направлены от топорища. Данный факт позволяет отнести образец из МАЭ к категории боевых топоров, известных среди казахов под названием *балта* [Бобров, Шереметьев, 2016, с. 136]. Конструкция и система оформления топора позволяют локализовать время его изготовления второй половиной XVIII – 80-ми гг. XIX в.

Важным направлением изучения вооружения Средневековья и Нового времени является его анализ в контексте междисциплинарных исследований. Для проведения экспериментальных испытаний была изготовлена копия боевого топора из МАЭ. Выполненная реконструкция стала объектом различных научных экспериментов, целью которых было изучить особенности боевого применения топоров подобного типа.

Функциональный анализ *балта* показал, что его конструкция была тщательно продумана мастером. Оттянутый вниз обух и металлическая пластина на проухе обеспечивают надежное крепление бойка на рукояти даже при самом сильном ударе. Длина топорища позволяет использовать данное оружие в конном строю как против всадников, так и против пеших вражеских воинов. Наиболее эффективным, является вертикальный проносной удар, наносимый по голове, плечам и верхним конечностям противника. При этом рельефная поверхность обкладки рукояти повышает сцепление кисти и топорища, а полусферическое навершие и темляк препятствуют выскальзыванию оружия из руки на завершающем этапе проносного удара. Железный «отрез» под клинком и «пожилина» под обухом бойка надежно защищают топорище от рубящих ударов оружия противника. Кроме того, заточенный «отрез» не позволяет врагу ухватиться за рукоять, чтобы отвести удар боевого топора.

Эксперименты подтвердили эффективность топоров *балта* в качестве оружия, ориентированного на поражение противника, не имеющего защитного вооружения или облаченного в стеганный на вате панцирь. Широкое лезвие топора позволяет наносить бездоспешным воинам противника глубокие рубленые раны. Кроме того, удачный удар топора *балта* способен прорубить клепаные и сварные кольца кольчужного доспеха, а в отдельных случаях и железные пластины «куяка» центральноазиатского образца. Даже если клинок не прорубает железный доспех, он сминает и деформирует панцирное покрытие, травмируя тело и дробя кости. Подобная универсальность топоров *балта* предопределила их популярность в казахском комплексе вооружения XVIII – середины XIX в., когда традиционный доспех постепенно выходил из широкого военного обихода у большинства народов Центральноазиатского региона.

Список литературы

Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. – Алматы: Алматыкітап, 2007. – 216 с.

Бобров Л.А. Казахские боевые узколезвийные топоры «шакан» XVIII–XIX вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 4. – С. 106–113.

Бобров Л.А., Сальников А.В. Широколезвийные топоры «балта» из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 6. – С. 29–35.

Бобров Л.А., Шереметьев Д.А. Казахский топор «балта» из фондов Российского Этнографического музея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, вып. 3. – С. 133–139.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алматы: Онер, 1986. – Т. 1. – 256 с.

References

Akhmetzhan K.S. Etnografiya tradizionnogo vooruzheniya Kazakhov. Almaty: Almatykitap, 2007, 216 p. (in Russ.).

Bobrov L.A. Kazakhskie boevye uzkolezviinye topory «shakan» XVIII–XIX vv. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, No. 4, pp. 106–113 (in Russ.).

Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. Shirokolezviinye topory «balta» iz fondov Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2015, vol. 7, No. 6, pp. 29–35 (in Russ.).

Bobrov L.A., Sheremet'ev D.A. Kazakhskii topor «balta» iz fondov Rossiiskogo Etnograficheskogo muzeya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Istoriya, filologiya, 2016, vol. 15, iss. 3, pp. 133–139 (in Russ.).

Margulan A.Kh. Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. Almaty: Oner, 1986, vol. 1, 256 p. (in Russ.).

УДК 903.22

Л.А. Бобров[1], Ю.А. Филиппович[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: spsml@mail.ru

О некоторых особенностях конструкции и покроя ламеллярных бармиц чжурчжэньских шлемов «цзиньского типа» второй половины XII – первой трети XIII века*

На основе комплексного анализа вещественных и изобразительных источников реконструирован ранее не известный тип чжурчжэньской ламеллярной бармицы второй половины XII – первой трети XIII в. По своей конструкции она может быть отнесена к категории «глухих» бармиц, прикрывавших шею и горло воина, а также все лицо, кроме глаз. Проведенные междисциплинарные экспериментальные испытания показали, что «глухая» бармица достаточно надежно защищала лицо и шею владельца шлема от рубящих ударов оружия противника и при этом обеспечивала хороший обзор. Главными недостатками «глухой» ламеллярной бармицы являлись отсутствие эффективной системы вентиляции, что, вероятно, затрудняло дыхание панцирника, а также общая громоздкость конструкции, которая в некоторых случаях затрудняла быстрые повороты и наклоны головы воина.

Ключевые слова: *Восточная Азия, империя Цзинь, чжурчжэни, защитное вооружение, шлем, бармица.*

L.A. Bobrov[1], Y.F. Filippovich[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: spsml@mail.ru

Some Features of the Design and Shape of the Plate to Protect the Neck and Face on the Helmets of Jurchen Jin Empire Soldiers in the Second Half of the 12th Century – the First Third of the 13th Century

After a comprehensive analysis of real and pictorial sources, we restored design and shape (a plate of protection of the face and neck) for the helmet, which Jurchen soldiers used in the second half of the 12th century – the first third of the 13th century. Protection of iron plates (lamellar barmitsa) covered the neck and throat of the warrior, and the whole face except the eyes. Interdisciplinary experimental tests showed that such armor reliably protect the face and neck of the warrior from chop enemy weapons and provided a good overview. The main drawback of such protection was poor ventilation, which may have made it difficult to breath. In addition, the cumbersome structure sometimes prevents fast pan and tilt head.

Keywords: *Asia, Jin empire, Jurchen, defensive armament, helmet, barmitsa.*

Исторический период, охватывающий X – первую треть XIII в., является важным этапом в эволюции комплекса защитного вооружения народов континентальной Восточной Азии. Ремесленники китайских империй Северная Сун (960–1127) и Южная Сун (1127–1279), киданьской империи Ляо (907–1125), чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234), тангутского государства Си Ся (1038–1227) добились выдающихся результатов в изготовлении различных видов доспехов из железа и органических материалов. Одним из самых развитых комплексов защитного воору-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

жения в регионе во второй половине XII – начале XIII в. обладали чжурчжэни, которые наладили стандартизированное массовое производство весьма совершенных типов корпусных панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей [Бобров, Худяков, 2003, с. 88–90, 111–114, 122–124; Артемьева, Прокопец, 2012].

Средневековый чжурчжэньский доспех изучается давно и плодотворно, однако многие вопросы исследованы еще в недостаточной степени. К их числу относятся и особенности конструкции и покроя различных панцирных элементов. Реконструкции, выполненные на основе исключительно археологических материалов, к сожалению, не всегда находят подтверждение в ходе дальнейших исследований [Артемьева, Прокопец, 2012]. В данной связи, важную роль в ходе изучения чжурчжэньского доспеха, играет комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников. Кроме того, особенности ношения, хранения и боевого применения панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей, могут быть уточнены с помощью междисциплинарного метода предметной научно-исторической реконструкции.

Одним из самых ярких элементов чжурчжэньского доспеха рассматриваемого периода является шлем, т.н. «цзиньского типа» [Бобров, 2007, 2008]. Отличительными особенностями подобных наголовий является низкая полусферическая или сфероконическая цельнокованая (реже клепаная) тулья с коротким навершием, обручем и большой налобной пластиной подпрямоугольной формы. Последняя приклепывалась к тулье таким образом, что нижний край налобника находился значительно ниже края купола шлема [Там же]. Частыми элементами оформления таких наголовий являются ивовидные выпуклости на налобнике (в форме нахмуренных бровей) и широкий обруч. Подобные шлемы массово выпускались в мастерских империи Цзинь и, вероятно, государства Восточное Ся (1215–1233). В настоящее время известно более 30 таких шлемов, которые происходят с территории Приморья, Северного Китая и Южной Монголии [Артемьева, Прокопец, 2012, с. 129–131; Бобров, 2007, 2008]. Монгольские кочевники принесли данные шлемы на территорию Средней и Западной Азии. После разгрома чжурчжэньских государств шлемы «цзиньского типа» и их дериваты продолжали применяться воинами империи Юань, Чагатайского ханства, Хулагуидского Ирана и др. В комплексе вооружения панцирников Минского Китая, а также маньчжур они сохранились вплоть до XVII в. включительно [Бобров, 2008, с. 108–110; Бобров, Худяков, 2003].

Важным элементом шлемов «цзиньского типа» являлась бармица, выполненная из железных пластин или органических материалов. Как правило, в научных исследованиях бармицы чжурчжэньских шлемов реконструируются в виде прямоугольного сегмента ламеллярной брони, состоящей из трех рядов железных пластин. Согласно традиционному варианту реконструкции, подобная бармица защищала шею и уши воина, оставляя открытым лицо и горло [Артемьева, Прокопец, 2012, с. 131; Бобров, Худяков, 2003, с. 173, табл. 4, рис. 18, 20]. Китайские изобразительные материалы позволяют уточнить особенности конструкции бармиц шлемов «цзиньского типа».

Целью настоящей статьи является реконструкция покроя, системы оформления, а также особенностей ношения и боевого применения «глухого» типа бармиц шлемов «цзиньского типа» XII – первой трети XIII в. Основой для реконструкции служат материалы вещественных и изобразительных источников.

Особое значение для нашей темы имеют цветные картины, росписи и барельефы, датированные периодом правления династии Южная Сун (1127–1279), изображающие воинов тяжеловооруженной чжурчжэньской конницы. Так, в частности, они зафиксированы на свитке «Жуйинь ту», иллюстрирующем походную колонну цзиньских войск. Данное изображение отличается подробностью в изображении деталей, которые хорошо коррелируют с материалами вещественных источников. Чжурчжэньские латники на картине одеты в железные ламеллярные доспехи с длинными подолом и наплечниками. Руки некоторых всадников прикрыты ламеллярными наручами. На головах – различные модификации цельнокованых и клепаных шлемов «цзиньского типа» (рис. 1). Кони прикрыты ламеллярной попоной, которая, судя по ее черному цвету, выполнена из лакированных кожаных пластин. Конская маска состоит из железного налобника с поперечным пластинчатым гребнем и кожаных (?) ламеллярных нащечников.

Значительный интерес для нашей темы, представляет изображенная на картине «глухая» ламеллярная бармица цзиньских шлемов. В большинстве случаев, она закрывает не только шею и уши, но также горло и все лицо, кроме глаз. Верхний край пластин бармицы доходит до середины носа или до верхней губы воина. Смотровой вырез – сплошной, прямоугольной формы, без перемычки на переносице. Край бармицы отделан кожаной полосой. В некоторых случаях, можно предполагать, что лицевая часть бармицы выполнена отдельно от пластинчатой защиты шеи и горла (рис. 1).

Для проведения экспериментальных испытаний была изготовлена копия шлема «цзиньского»

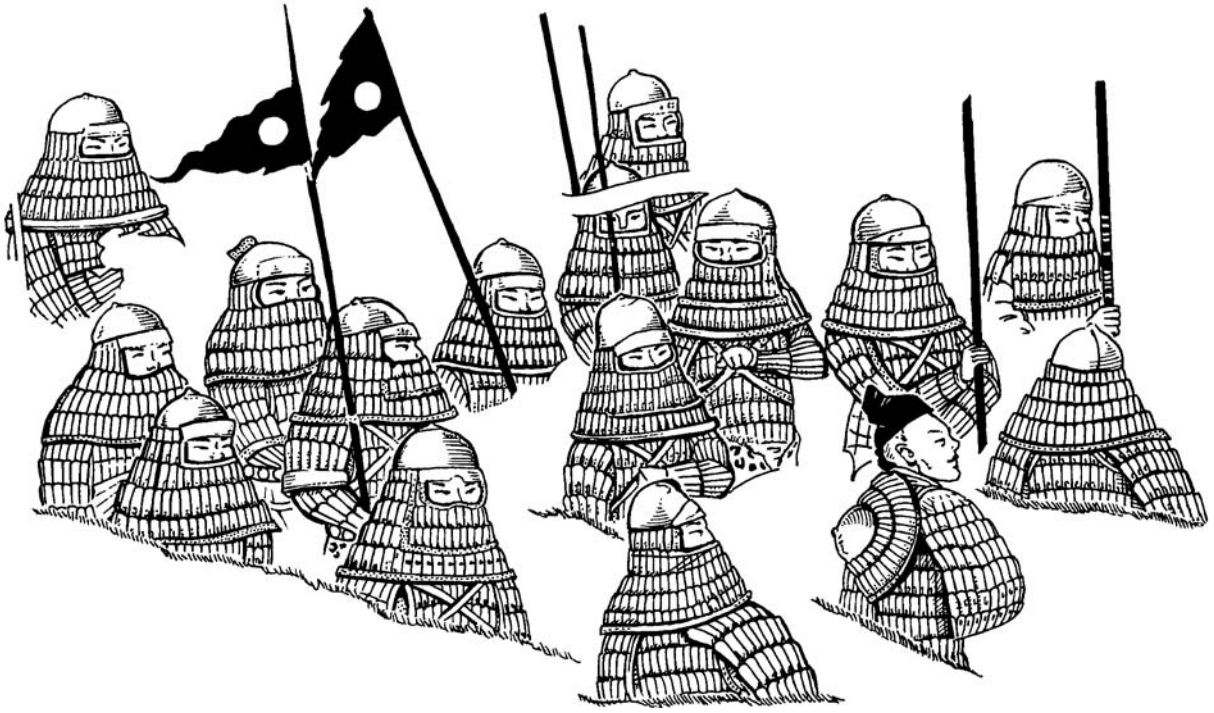


Рис. 1. Чжурчжэньские воины в шлемах с «глухими» ламеллярными бармицами. Фрагмент картины «Жуйинь ту» неизвестного художника эпохи династии Южная Сун (1127–1279). Прорисовка Л.А. Боброва.

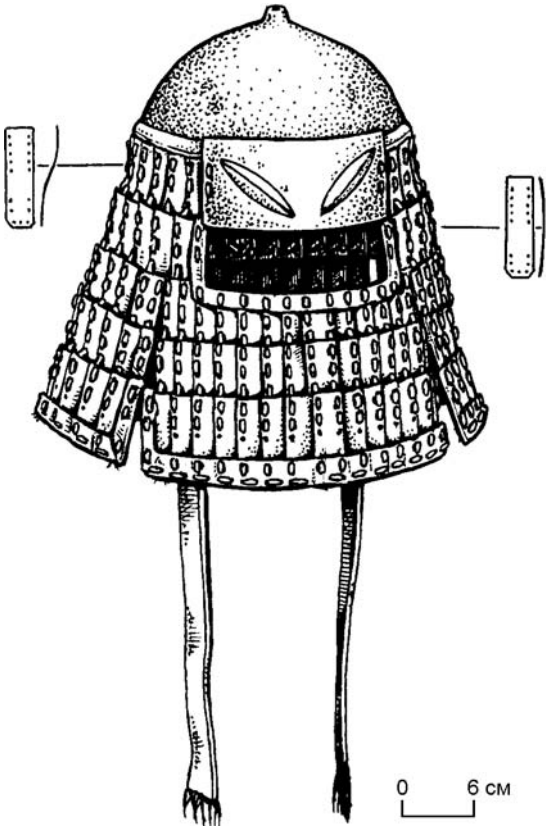


Рис. 2. Реконструкция шлема «цзиньского типа» с «глухой» ламеллярной бармицей. Рисунок Л.А. Боброва.

типа с «глухой» ламеллярной бармицей. Всего было выполнено три варианта бармицы, составленных из трех основных типов стандартизированных ламеллярных пластин применявшихся чжурчжэньскими оружейниками второй половины XII – первой трети XIII в. При этом было учтено качество металла, размеры, система оформления и способы соединения пластин между собой. Выполненная реконструкция стала объектом различных научных экспериментов, целью которых было изучить особенности изготовления, ношения и боевого применения ламеллярных бармиц подобного типа.

Исходя из размеров чжурчжэньских пластин можно предположить, что затылочная часть бармицы состояла из 4–5, а лицевая из трех рядов пластин, соединенных кожаными ремешками (что соответствует изображениям на упомянутой выше сунской картине). В некоторых случаях могла применяться укороченная бармица из четырех и двух рядов соответственно. Верхний ряд панцирного сегмента изготовлялся из изогнутых S-образных пластин, благодаря которым остальные броневые полосы размещались к тулье шлема под небольшим углом, что усиливало защитные свойства бармицы, облегчало ношение и повышало комфортность эксплуатации наголовья. Нижний край бармицы частично закрывал плечи, верхнюю часть груди и спины воина. Вероятно, в середине затылочной

и лицевой части бармицы находилась центральная пластина, от которой веером расходились остальные пластины. Края бармицы, во избежание пореза и для лучшего соединения панцирных полос, обтягивались полосой мягкой кожи. Не исключено, что для удобства ношения бармица снабжалась боковыми разрезами (рис. 2). В момент отсутствия непосредственной опасности, шлем мог носиться на затылке и спине воина (см. рис. 1).

В ходе экспериментальных испытаний установлено, что «глухая» ламеллярная бармица, в комбинации с налобной пластиной шлема, обеспечивала хороший обзор и достаточно надежно защищала лицо воина от стрел и рубящих ударов противника. Однако, при этом она увеличивала вес наголовья, несколько затрудняла дыхание и, в некоторых случаях, мешала быстрым поворотам и наклону головы. Вероятно, по данной причине, наряду с «глухими» бармицами, чжурчжэнями продолжали применяться их облегченные открытые аналоги. Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, ламеллярные бармицы рассматриваемого образца продолжали применяться воинами Чингизидских государств вплоть до XIV в. включительно [Горелик, 2002, с. 76, рис. 22].

Список литературы

Артемьева Н.Г., Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 129–142.

Бобров Л.А. Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. – Казань: АН РТ, 2007. – С. 267–287.

Бобров Л.А. Шлем «цзиньского типа» из Внутренней Монголии // Военная археология. – 2008. – Вып. 1. – С. 106–115.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. – Новосибирск: РТФ; НГУ, 2003. – С. 66–212.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М: Вост. горизонт, 2002. – 84 с.

References

Artem'eva N.G., Prokopets S.D. Zashchitnoe vooruzhenie chzhurchzhen'skogo voina. *Rossiiskaya arkheologiya*, 2012, No. 1, pp. 129–142 (in Russ.).

Bobrov L.A. Shlemy «tszin'skogo» tipa: konstruktivnye osobennosti i voprosy evolyutsii. In *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuchi*. Kazan': AN RT, 2007, pp. 267–287 (in Russ.).

Bobrov L.A. Shlem «tszin'skogo tipa» iz Vnutrennei Mongolii. *Voennaya arkheologiya*, 2008, iss. 1, pp. 106–115 (in Russ.).

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Evolyutsiya zashchitnogo vooruzheniya chzhurchzhenei i man'chzhurov v periody razvitogo i pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii epokhi pozdnego Srednevekov'ya.* Novosibirsk: RTF; Novosibirsk State Univ., 2003, pp. 66–212 (in Russ.).

Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. Moskow: Vostochniy gorizont, 2002, 84 p. (in Russ.).

УДК 903.023

К.А. Борзых, Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: k.borzukh@gmail.com

Особенности морфологии сосудов раннего железного века Новосибирского Приобья*

Целью данной работы является выявление морфологических особенностей сосудов. Рассмотрены 76 изделий из курганных могильников большереченской культуры раннего железного века: Новый Шарап-1, Новый Шарап-2, Милованово-2 и Милованово-8. Для этого использовался комплекс методик, включающий «Программу статистической обработки керамики из археологических раскопок» В.Ф. Генинга, метод вычисления общей пропорциональности форм А.А. Бобринского и метод анализа форм Х.А. Нордстрёма. Сделан вывод о сходстве морфологических традиций указанных памятников, подтвержденный комплексом использованных методик. На общем фоне выделяются изделия памятника Новый Шарап-1, большинство из них принадлежит к одной и той же категории, преобладают сосуды «привычных» форм, что говорит о культурной устойчивости комплекса и отсутствии динамического развития, выявленного на остальных памятниках. Также выделены группы изделий, выполненные в одной морфологической традиции.

Ключевые слова: *ранний железный век, большереченская культура, морфологическая традиция, указатели форм, общая пропорциональность форм.*

K.A. Borzykh, L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: k.borzukh@gmail.com

Morphological Peculiarities of Novosibirsk Ob Region Vessels in Early Iron Age

The purpose of this article is to detect morphological peculiarities of vessels. We considered 76 objects from burial mounds Early Iron Age Bolsherechye culture: Novyy Sharap-1, Novyy Sharap-2, Milovanovo-2 and Milovanovo-8. We used a set of methods, including "Program of the statistical processing of ceramics from the archaeological excavations" of V.F. Gening, the calculating general proportionality of shapes method of A.A. Bobrinsky and the shapes analysis method of H.A. Nordström. It's concluded about similarity of morphological traditions of these sites, confirmed by set of methods used. On the general background products of Novyy Sharap-1 are allocated, most of them belong to the same category, predominate vessels of "habitual" shapes. That shows the cultural fixity of the complex and absence of dynamic evolution, detected on other sites. Also, the groups of products were allocated made in the same morphological tradition.

Keywords: *Early Iron Age, Bolsherechye culture, morphological tradition, pointers of shapes, general proportionality of shapes.*

В VIII–VI вв. до н.э. на территории Новосибирского Приобья складываются культуры скифо-сибирского круга. При четко выраженном культурном единстве локальные регионы имели свои особенности. Например, каждой группе населения присущи индивидуальные устойчивые черты, как в технологии и орнаментации сосудов, так и в морфологии. Это позволяет делать выводы о культурной и хронологической принадлежности археологических памятников.

Цель данной работы – выявление морфологических особенностей сосудов памятников больше-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

реченской культуры Новосибирского Приобья (материалы опубликованы: [Троицкая, Бородовский, 1994]). Для анализа взято четыре курганных могильника: Новый Шарап-1 и Новый Шарап-2, расположенные на левом берегу Оби, Милованово-2 и Милованово-8 – на правом. Выбор посуды из погребальных комплексов объясняется ее устойчивостью к внутренним изменениям и внешним влияниям, продолжительным сохранением традиций формообразования, а также наличием в коллекциях достаточного количества археологически целых сосудов.

В работе использованы: «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» В.Ф. Генинга [Генинг, 1973], метод вычисления общей пропорциональности форм А.А. Бобринского [Цетлин, 2012, с. 160–164], метод анализа форм Х.А. Нордстрёма [Nordström, 1972]. Для исследования были отобраны 76 археологически целых сосудов из указанных памятников.

Морфологический анализ форм сосудов из памятника Новый Шарап-1 (НШ-1) проведен на 23 сосудах из восьми курганов [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXI, с. 151]. В коллекции представлено 9 образцов с горловиной (40 %), 14 – без горловины (60 %). По высотному указателю выделяются сосуды средней высоты (83 %). По высотно-горловинному указателю (для сосудов с горловиной) 67 % составляют сосуды со средней высотой горловины. По широтно-горловинному указателю сосуды распределяются следующим образом: 44 % – широкогорлые, 56 % – с горловиной средней ширины. По профилировке шейки выделяются изделия с очень слабопрофилированной шейкой (89 %). По высотному указателю тулова превалирует посуда округлых форм (83 %). Низкое плечико имеют 30 % сосудов, среднее – 26 %, высокое – 35 %, очень высокое плечо – 9 % (2 шт.). По указателю выпуклости плечика 43 % составляют изделия с очень сильновыпуклыми плечиками. Основная масса посуды относится к категории широкодонных сосудов (95 %) (см. *таблицу*).

Просчеты форм сосудов на памятнике Новый Шарап-2 (НШ-2) проведены на 16 сосудах из трех курганов [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXVI, с. 156], из них 11 изделий с горловиной (69 %), 5 – без горловины (31 %). По высотному указателю 62 % составляют сосуды средней высоты. Среди сосудов преобладают изделия со средней высотой горловины (55 %). По широтно-горловинному указателю посуда распределяются следующим образом: 64 % – широкогорлые, 27 % – горловина средней ширины. Выделяются изделия с очень слабопрофилированной (55 %), слабопрофилированной шейкой (36 %). Большинство из них (56 %) – приплюснутые, 38 % – округлые, 56 % изделий – со средними плечиками. При этом выявлены сосуды всех степеней выпуклости плечика: преобладают слабовыпуклые – 30 % и очень сильновыпуклые – 25 %. Основная масса сосудов (72 %) имеет широкое дно (см. *таблицу*).

Морфологический анализ форм сосудов из памятника Милованово-2 (М-2) проведен на 12 сосудах из двух курганов [Там же, табл. XXIX, с. 159]. Из них – 8 сосудов с горловиной (67 %), 4 – без горловины (33 %). По соотношению основных пропорций изделия средней высоты – 58 %. Сосуды с горловиной средней высоты составляют 50 %, низкогорлые – 38 %. Выделяются сосуды с широкой горловиной (76 %). По профилировке шейки 50 % составляют очень сильно профилированные изделия. По высотному указателю тулова: приплюснутые – 42 %, округлые – 58 %. Сосуды с плечиками средней высоты – 42 %. По указателю выпуклости плечика 50 % слабовыпуклые, 33 % очень сильновыпуклые. Основную массу составляют широкодонные сосуды (66 %) (см. *таблицу*).

Морфологический анализ форм сосудов из памятника Милованово-8 (М-8) проведен на 25 сосудах из двух курганов [Там же, табл. XLVI, XLVII, с. 176–177] (17 сосудов с горловиной (68 %), 8 – без горловины (32 %)). По высотному указателю 88 % составляют изделия средней высоты. Из 17 сосудов с горловиной 82 % имеют горловину средней высоты, 59 % – широкогорлые. Выделяются слабопрофилированные сосуды (41 %). По высотному указателю тулова: приплюснутые – 48 %, округлые – 52 %. Изделия со средними плечиками – 40 %, с низкими – 28 %. По указателю выпуклости плечика выделяются сосуды всех степеней выпуклости, преобладают сосуды со слабовыпуклыми плечиками – 44 %. По ширине днища: основную массу составляют широкодонные изделия (79 %) (см. *таблицу*).

На основе представленных данных можно сделать вывод, что сосуды, включенные в выборку, распределяются по определенным категориям. По высотному и высотно-горловинному указателям – на всех памятниках преобладают сосуды средних пропорций. По широтно-горловинному указателю – сосуды с широкой горловиной. На всех указанных памятниках преобладают изделия с широким дном. В связи с этим можно говорить о морфологической схожести комплексов. На этом фоне выделяется керамический комплекс памятника Новый Шарап-1 – при вычислении указателей форм большая часть изделий относится к одной определенной категории (см. *таблицу*).

Этот же вывод подтверждают результаты вычисления общей пропорциональности форм. Де-

Указатели форм и категории сосудов, %

Памятник*	Указатель	Категория				
		Очень малый	Малый	Средний	Большой	Очень большой
НШ-1	ФА Высотный		4	83	13	
НШ-2			19	62	19	
М-2			25	58	17	
М-8			8	88	4	
НШ-1	ФБ Высотно-горловинный		22	67	11	
НШ-2			9	55	36	
М-2			38	50	12	
М-8			12	82	6	
НШ-1	ФВ Широтно-горловинный			56	44	
НШ-2			9	27	64	
М-2			12	12	76	
М-8			6	35	59	
НШ-1	ФГ Профилировка шейки	89	11			
НШ-2		55	36		9	
М-2		25			25	50
М-8		35	41	24		
НШ-1	ФД Высота тулова		9	83	4	4
НШ-2			56	38	6	
М-2			42	58		
М-8			48	52		
НШ-1	ФЕ Высота плечика		30	26	35	9
НШ-2			31	56	13	
М-2		8	25	42	25	
М-8		4	28	40	24	4
НШ-1	ФЖ Выпуклость плечика	9	35	4	9	43
НШ-2		13	30	6	6	25
М-2		17	50			33
М-8		12	44	12	4	28
НШ-1	ФИ Ширина днища			5	95	
НШ-2				14	72	14
М-2				12	66	12
М-8		5		11	79	5

*НШ-1 – Новый Шарап-1; НШ-2 – Новый Шарап-2; М-2 – Милованово-2; М-8 – Милованово-8.

монстрация полученных данных в виде диаграммы (рис. 1) показывает особое место памятника Новый Шарап-1, в котором преобладают сосуды привычных форм, что говорит об устойчивости морфологической традиции. Комплексы памятников Новый Шарап-2, Милованово-2, Милованово-8 – смешанные, в них присутствуют как сосуды «привычных» форм, так и «формы-подражания». Таким образом, можно констатировать изменения, происходящие в гончарной технологии, которые могут быть обусловлены как внутренним развитием, так и внешним влиянием.

Новые данные, не отмеченные ранее, выявлены и при анализе категорий изделий изучаемых коллекций (см. *таблицу*). В керамических комплексах каждого памятника выделяются ряды сосудов, относящиеся к одной категории внутри указателей.

На памятнике Новый Шарап-1 таких рядов четыре. Три ряда включают в себя по два сосуда: I ряд – № 1 и 9*; II ряд – № 2 и 4, III ряд – № 17 и 33 [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXI, с. 151].

Четвертый ряд состоит из семи сосудов: № 3, 5–7, 10–12 [Там же]. Три сосуда из этого ряда нахо-

*Здесь и далее нумерация сосудов дана по нумерации их в табл.: [Троицкая, Бородовский, 1994].

дились в одной могиле (кург. 13, мог. 1), один в другой могиле этого же кургана (кург. 13, мог. 4), еще два в могилах курганов, расположенных в непосредственной близости друг от друга (кург. 12 и кург. 14).

На памятнике Милованово-8 выявлено две последовательности: I ряд – сосуды № 3 и 7 (в могилах одного кургана: кург. 3, мог. 2 и мог. 8 соответственно), II ряд – № 6 и 8 (в могилах соседних курганов: кург. 4, мог. 3 и кург. 3, мог. 11) [Там же, табл. XLVII, с. 176].

На памятнике Новый Шарап-2 выявлен один ряд: сосуды № 18 и 26 (кург. 2, мог. 2 и мог. 3) [Там же, табл. XXVI, с. 156], как и в коллекции Милованово-2: сосуды № 4 и 9 (кург. 1, мог. 11 и мог. 3) [Там же, табл. XXIX, с. 159].

Наличие таких рядов демонстрирует бытование одной «школы», т.е. сосуды одного ряда произведены в рамках одной морфологической традиции. А нахождение морфологически схожих сосудов в одной могиле, в могилах одного кургана, либо в курганах, расположенных в непосредственной близости друг от друга, подтверждает изготовление сосудов в определенный отрезок времени (времени функционирования «школы»).

Эти выводы дублируются и прорисовками «полускелетов» сосудов: на графиках четко видно, что изделия одного ряда (при приведении их к единой высоте) имеют практически одинаковый профиль, с небольшими отклонениями (рис. 2).

В результате проделанной работы можно сделать следующие выводы. Рассмотренные комплексы разделились на две группы: в керамической коллекции памятника Новый Шарап-1 основную массу составляют изделия привычных форм, что свидетельствует об устойчивости гончарной традиции и более ранней хронологической позиции памятника.

Коллекции памятников Новый Шарап-2, Милованово-2 и Милованово-8 демонстрируют смешение различных морфологических традиций, указывают на происходящие изменения. Но при этом формы сосудов, помещенных в погребения, соответствуют основ-

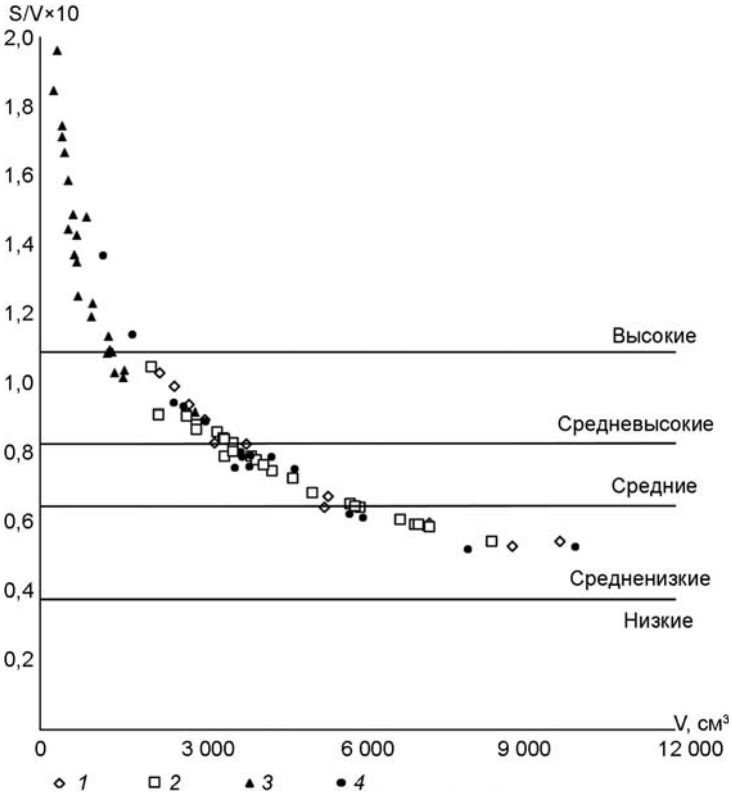


Рис. 1. Классы форм сосудов по общей пропорциональности.
1 – Милованово-2; *2* – Милованово-8; *3* – Новый Шарап-1; *4* – Новый Шарап-2.

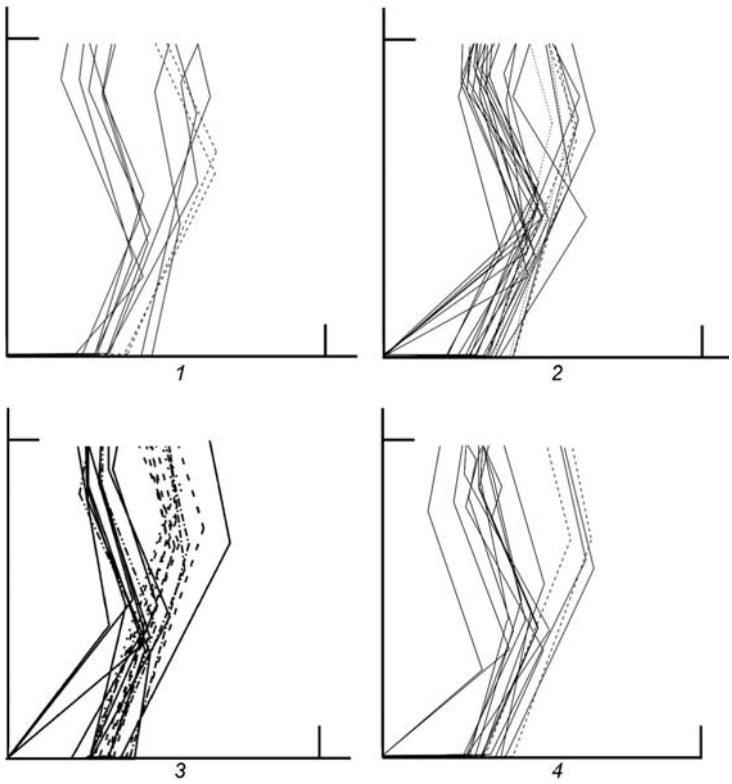


Рис. 2. «Полускелеты» керамических сосудов, приведенных к одной высоте (пунктиром выделены сосуды одного «ряда»).
1 – Милованово-2; *2* – Милованово-8; *3* – Новый Шарап-1; *4* – Новый Шарап-2.

ным культурообразующим пропорциям (средняя высота тулова и широкое дно) и схожи по этим указателям с изделиями из других памятников. Также подтверждается тезис о более медленном изменении и сохранении традиций формообразования погребальной посуды.

Список литературы

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 379 с.

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. Early Nubian Cultures from the Fifth and the Fourth Millennia B.C. – Stockholm: Almgwist and Wiksell, 1972. – 200 p.

References

Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1973, No. 1, pp. 114–135 (in Russ.).

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. Early Nubian Cultures from the Fifth and the Fourth Millennia B.C. Stockholm: Almgwist and Wiksell, 1972, 200 p.

Troitskaya T.N., Borodovsky A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.).

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda. Moscow: Institute of archeology RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.).

УДК 903. 2

А.Ю. Борисенко[2], Ю.С. Худяков[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: aborisenko2@mail.ru

Бронзовые бляшки с изображением антропоморфных личин из Чуйской долины*

В статье анализируются находки бронзовых подвесных бляшек, на которых изображены мужские лица. Они были изучены в ходе экспедиционной поездки в собрании музея «Раритет» в столице Кыргызстана Бишкеке. Некоторые из них показаны с усами и бородой, в сферических головных уборах с выступом на куполе. Вероятно, подобным образом изображены металлические шлемы. Данные археологические находки были в последние годы обнаружены в Чуйской долине. В статье рассмотрены основные события истории изучения бронзовых бляшек с антропоморфными личинами на территории Южной Сибири и Восточной Европы. Прослежены подобные находки в памятниках культуры енисейских кыргызов на территории Саяно-Алтая. Находки из Чуйской долины свидетельствуют о наличии схожих предметов декоративного искусства в культурах средневековых кочевников Минусинской котловины, степного Алтая и Тянь-Шаня.

Ключевые слова: *бронзовые подвесные бляшки, изображения мужских бородатых лиц, шлемы, Чуйская долина, Республика Кыргызстан.*

A.Yu. Borisenko[2], Yu.S. Khudyakov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: aborisenko2@mail.ru

The Bronze Plaques with the Anthropomorphous Guises Images from the Chuy Valley

The findings of bronze suspended plaques with depicted male faces on them are analyzed in the article. They were studied in the course of expeditionary trip to Kyrgyztan, in the composition of «Rarity» museum in Bishkek. Some of them are shown with the moustache and beard, in the spherical head-dresses with prominence on the dome. Probably, the metallic helmets are depicted in such way. These archaeological findings were found out in recent years in the Chuy Valley. The main events of bronze plaques with anthropomorphous guises studying history in the territories of Southern Siberia and Eastern Europe are considered in the article. The similar findings are traced in the monuments of the Yenisei Kyrgyz culture in the territory of the Sayan and Altai Mountains. Findings from the Chuy Valley testify the presence of similar objects of decorative art in the cultures of medieval nomads of the Minusinsk Hollow, steppes of Altai region and Tian Shan.

Keywords: *bronze suspended plaques, images of male bearded faces, helmets, Chuy Valley, Republic of Kyrgyzstan.*

В числе предметов торевтики, характерных для культур тюркоязычных кочевых этносов Саяно-Алтая, Западной Сибири и Казахстана VIII–X вв., енисейских кыргызов и кимаков, встречаются бронзовые подвесные бляшки, на которых изображены анфас антропоморфные личины. Среди них имеются бронзовые, позолоченные сбруйные бляхи сердцевидной формы, украшенные растительным орнаментом, в центральной части которых размещено барельефное изображение человеческого лица с узкими глазами, прямым носом, приоткрытым ртом, узкими усами, концы которых загнуты к верху. Од-

*Работа проведена по программе «Задание № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части Государственного задания Минобрнауки России».

ним из первых в 1861 г. обратил внимание на подобные бляхи и бляшки с изображением антропоморфных личин В. Радлов [Король, 2008, приложение 10, табл. VIII, 2–7, 21; XI, 10]. В конце XIX в. Д.А. Клеменц обратил внимание на находки таких блях в Минусинской котловине, оказавшихся в собрании Минусинского музея [1886, табл. XI, 10]. Одна из сердцевидных орнаментированных блях с антропоморфной личиной была опубликована известным ученым из Финляндии А.М. Талльгреном [1917, pl. IX, 18]. Через несколько десятилетий, в 1930-х гг. к изучению южносибирских блях с личинами обратился другой исследователь, А. Сальмони, который отметил на этих изображениях иранское и китайское влияние [Кызласов, Король, 1990, с. 126]. В середине XX в. находки подобных бляшек со Среднего Енисея и Алтая были приведены в книгах Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева [Евтюхова, 1948, с. 72; рис. 142, 143; Киселев, 1949, с. 359; рис. 3]. С.В. Киселев считал, что это были изделия южносибирского производства. Об этом свидетельствует «кыргызская техника» и распространение в Саяно-Алтае [Киселев, 1949, с. 360]. В 1990 г. бляхи и бляшки с антропоморфными личинами из памятников культуры енисейских кыргызов в Южной Сибири были проанализированы Л.Р. Кызласовым и Г.Г. Король. Они классифицировали их на восемь групп, датировали эти изделия IX–X вв., отнесли к кыргызской и сросткинской культурам [Кызласов, Король, 1990, с. 126–129]. В дальнейшем Г.Г. Король уточнила стилистические особенности некоторых групп блях и бляшек с антропоморфными личинами, хронологию их бытования в пределах IX – XI вв., привела аналогии им из Восточной Европы [Король, 2008, с. 95–113]. В статье Д.Г. Савинова отмечено наличие схожих сердцевидных блях и подвесных бляшек с антропоморфными личинами в кыргызской и сросткинской культурах [1978, с. 223–224]. Отдельные находки бляшек с антропоморфными личинами IX–X вв. из Минусинской котловины были рассмотрены одним из авторов настоящей статьи в качестве предметов, связанных с отправлением религиозных культов енисейских кыргызов и кимаков [Худяков, 1987, с. 67–68; рис. 1–5; 1998, с. 55, рис. 7, 47; 2015а, с. 51, 54; рис. 10, 47; 2015б, с. 146–148].

В ходе экспедиционной поездки в августе 2016 г. в Кыргызстан авторам настоящей статьи удалось исследовать несколько бронзовых подвесных бляшек с изображением антропоморфных личин в собрании частного музея «Раритет» в г. Бишкеке*. Четыре наиболее хорошо сохранившиеся и выразительные антропоморфные бляшки из состава изученной коллекции являются объектом анализа в данной статье.

Все исследуемые бляшки были найдены современными собирателями на территории Чуйской долины. Точное местонахождение этих находок неизвестно. Они могут происходить с поверхности средневековых городищ или кочевнических захоронений. Все они литые, барельефные с петлями и отверстием для подвешивания в их верхней части. У первой бляшки петля расположена в той же плоскости, что и сама личина. У остальных трех бляшек петли расположены перпендикулярно антропоморфной личине.

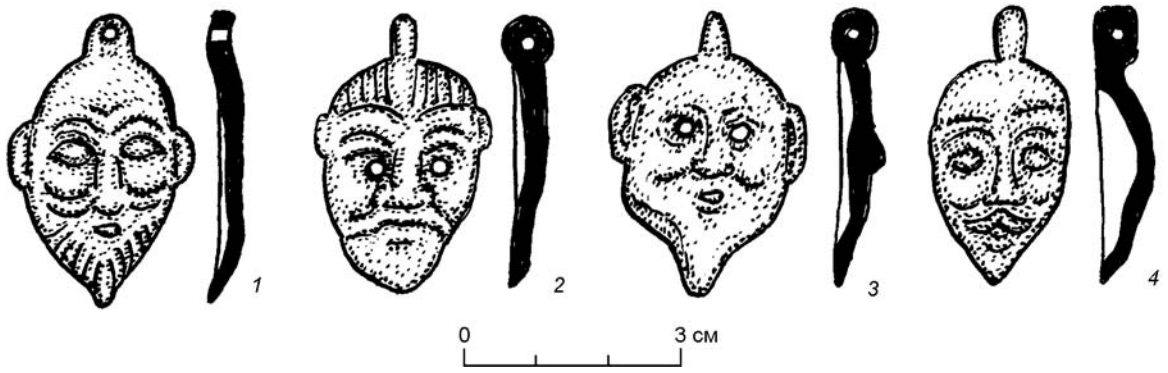
У первой бляшки выделена лобная часть головы сферической формы, угловатая морщина на лбу, дуговидные брови, миндалевидные глаза, прямой нос, щеки, маленький рот. По сторонам головы показаны выступающие над щеками уши полуовальной формы. На нижней части бляшки наклонными полосками показана борода с приостренным концом (см. *рисунок, 1*).

У второй бляшки также выделена сферическая передняя часть головы, на которой нанесены вертикальные полосы. Вероятно, таким образом показаны зачесанные в сторону затылка волосы, или, возможно, головной убор. Ниже, с обеих сторон головы выделены маленькие, полуовальной формы уши. Ниже лба изображены широкие дуговидные брови и маленькие округлые глаза. Между ними выделен крупный нос с широкими ноздрями, ниже которого показаны большие, широкие усы. Под усами показана нижняя губа. Нижняя часть бляшки завершается овальным подбородком. Возможно, что лицо должно быть с бородой, но волосы на бороде никак не выделены (см. *рисунок, 2*).

Третья бляшка, по сравнению с остальными подвесками, выглядит несколько необычно. У нее показан невысокий сферический лоб, по сторонам выступают непропорционально большие уши полуовальной формы с выделенными ушными раковинами, на лицевой части бляшки намечены маленькие брови и округлые глаза, прямой нос, щеки и маленький рот с приоткрытой, полуовальной нижней губой. В нижней части бляшки выделена выступающая бородка, треугольным клинышком (см. *рисунок, 3*).

Четвертая бляшка, как и две предыдущих, имеет перпендикулярно расположенную петлю для подвешивания на сферической верхней части. В отличие от других бляшек, у этой подвески не выделены уши. В центральной части бляшки показаны круп-

*Выражаем искреннюю признательность владельцу В.В. Кадырову за возможность исследовать материалы этого музея.



Бронзовые бляшки с изображением антропоморфных личин из Чуйской долины (из собрания музея «Раритет»).

ные, дуговидные брови, миндалевидные глаза, прямой нос, щеки. Ниже показаны неширокие, вероятно, подстриженные, усы со слегка загибающимися кверху концами, приоткрытый рот с полуовальной нижней губой и острый подбородок. Вероятно, он воспроизведен с невыделенной острой бородкой (см. *рисунок*, *4*).

Поскольку все бляшки были обнаружены в Чуйской долине вне археологических комплексов, для определения хронологии их бытования и культурной принадлежности необходимо обратиться к аналогиям на сопредельных территориях в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона. В 1940-х гг. С.В. Киселев отнес подобные бляшки, наряду с изображениями всадников с оружием, к IX–X вв. [Киселев, 1949, с. 358, 360]. Л.Р. Кызласов и Г.Г. Король высказались в пользу датировки бляшек с антропоморфными личинами в пределах VIII–X вв. Они отметили находки подобных подвесок в памятниках IX–X вв. на Алтае [Кызласов, Король, 1990, с. 127, 129]. В дальнейшем Г.Г. Король отнесла некоторые бляшки с личинами в Саяно-Алтае к VIII–X вв., а в целом к IX–XI вв. [2008, с. 95, 104]. Судя по датированным аналогиям из археологических памятников Саяно-Алтае, исследуемые бляшки с антропоморфными личинами можно с определенной долей уверенности отнести к завершающему периоду эпохи раннего Средневековья, к IX–X вв. н.э.

В свое время А. Сальмони высказывал удивление по поводу изображения на подобных бляшках европеоидных лиц с густыми бородами. Как было отмечено выше, он высказал предположение, что в антропоморфных бляшках из Южной Сибири прослеживается североиранское влияние, переданное китайцами, но в то же время предполагал, что местом их происхождения может быть Минусинская котловина [Киселев, 1949, с. 358; Кызласов, Король, 1990, с. 126]. Позднее С.В. Киселев высказался в пользу того, что предметы, изготовленные кыргызскими мастерами в X в., могли «оживляться и проникновением позднетанских, сунских, а также среднеазиатских произведений» [1949, с. 360]. В работе Л.Р. Кызласова и Г.Г. Король бляшки с антропоморфными личинами отнесены к памятникам «тюхтятской культуры», однако изображенные на них «большеглазые» лица, напомнили им «портреты согдийцев» [1990, с. 127]. В книге Г.Г. Король среди выделенных ею групп бляшек с антропоморфными личинами некоторые отнесены к разным средневековым тюркским этносам Саяно-Алтая и сопредельных районов [2008, с. 109]. Ею отмечены находки подобных бляшек в Восточной Европе [Там же, с. 112–114]. Поиск аналогий бляшкам с антропоморфными личинами из Чуйской долины дает основания для того, чтобы отметить подобные находки в составе предметных комплексов культур енисейских кыргызов и кимаков IX–X вв. [Савинов, 1978, с. 223–224].

Городские и ремесленные центры Чуйской долины могли быть местами, где схожие подвесные бляшки начали изготавливаться в начале эпохи раннего Средневековья [Король, 2008, с. 102–103]. В последующий период изготовление подобных бляшек было освоено енисейскими кыргызскими и кимакскими мастерами. Они получили широкое распространение в культурах этих тюркоязычных этносов. В эпоху Кыргызского каганата, в IX–X вв., такие бляшки, используемые енисейскими кыргызскими воинами, получили широкое распространение во всем Центрально-Азиатском регионе, включая Притяньшанье.

Список литературы

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. – (МИА; № 9).

Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох; атлас. – Томск: [Тип. «Сибирской газеты»], 1886. – 21 табл.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Савинов Д.Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX–X вв. // Тюркологич. сб. 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 209–225.

Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 65–75.

Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. – 120 с.

Худяков Ю.С. Искусство древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2015а. – 98 с.

Худяков Ю.С. Бляшки с антропоморфными личинами из междуречья Оби и Иртыша из собрания Великой Северной экспедиции // Aus Sibirien-2015: науч.-информ. сб. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015б. – С. 146–148.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservés chez le Dr. Karl Hedman à Vasa. – Helsingfors: Sosieté Finlandais d'archaeologie, 1917. – 93 p.

References

Evtukhova L.A. Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kirgizov (khakasov). Abakan: Khakasskiy nauchno-issledovatelskiy institute yazyka, literatury i istorii, 1948, 110 p. (in Russ.).

Kiselev S. V. Drevnyaia istoria Yujnoi Sibiri. *Materiali i issledovania po arkheologii SSSR.* Moscow; Leningrad, 1949, No. 9, 364 p. (in Russ.).

Klemenc D. Drevnosti Minusinskogo muzeia. Pamiatniki metallicheskikh epoch. Atlas. Tomsk: [Tip. «Sibirskoi gazety»], 1886, 21 tabl. (in Russ.).

Korol G.G. Iskusstvo srednevekovikh kochevnikov Evrazii. Moscow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 232 p. (in Russ.).

Kizlasov L.R., Korol G.G. Dekorativnoie iskusstvo srednevekovikh khakasov kak istoricheskii istochnik. Moscow: Nauka, 1990, 216 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Shamanizm i mirovie religii u kirgizov v epokhu srednevekovia. In *Tradicionnie verovania i bit narodov Sibiri. XIX – nachalo XX v.* Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 65–75 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Iskusstvo srednevekovikh kochevnikov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii: ucheb. posobie. Novosibirsk: Novosib. State Univ. Press, 1998, 120 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Iskusstvo drevnikh i srednevekovikh kochevnikov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii: ucheb. posobie. Novosibirsk: Novosib. State Univ. Press, 2015a, 98 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Bljashki s antropomorfnimi lichinami iz mejdurechia Obi i Irtisha iz sobrania Velikoi Severnoi expedicii. In *Aus Sibirien-2015. Nauchno-informacionnii sbornik*. Tumen: Tumen. State Univ. Press, 2015, pp. 146–148 (in Russ.).

Savinov D.G. Etnokulturnie sviazi eniseiskokh kirgizov i kimakov v IX–X vv. In *Turkologicheskii sbornik 1975*. Moscow: Nauka, 1978, pp. 209–225 (in Russ.).

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquitiés préchistoriques de Minoussinsk conservés chez le Dr. Karl Hedman à Vasa. Helsingfors: Sosieté Finlandais d'archaeologie, 1917, 93 p.

УДК 902/904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Особенности состава золотой и серебряной фольги эпохи раннего железа из Южной Сибири*

Активное использование фольги и листового золота и серебра на территории Южной Сибири в эпоху палеометалла делает актуальными исследования по определению качества и состава этих драгоценных металлов с помощью современных естественно-научных методов, включая энергодисперсионный анализ. Изучение состава металла у образцов изделий с золотым и серебряным покрытием из наиболее репрезентативных памятников различных регионов Южной Сибири (Горный Алтай – Берель; Верхнее Приобье – Березовый Мыс) и сравнение его с ранее известными данными из Тувы и Северо-Западного Алтая позволяют отчетливо выделять определенную технологическую традицию обработки самородков драгоценных металлов (золота и серебра). В соответствии с полученными ранее автором данными, серебряные предметы такого качества бытовали на юге Западной Сибири на протяжении достаточно длительного времени, начиная с эпохи поздней бронзы и до раннего Средневековья.

Ключевые слова: *золотая и серебряная фольга, эпоха раннего железа, хуннское время, Южная Сибирь, энергодисперсионный анализ, самородное золото и серебро.*

A.P. Borodovsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Peculiarities of the Composition of the Golden and Silver Foil Referred to the Early Iron Age in Southern Siberia

The active use of foil and leaf gold and silver on the territory of Southern Siberia in the Iron Age makes it relevant to study the quality and makeup of these precious metals by modern scientific methods, including the energy-dispersive analysis. The composition examination of the metal contained in the samples of gilded and silvery things from the most representative monuments of various regions of Southern Siberia (Gorny Altai – Berel; the Upper Ob region – Berezovy Mys) and its comparison with the previously known data from Tuva, North-Western Altai allows identifying how long the technological tradition of processing nuggets of precious metals was preserved.

Keywords: *gold and silver foil, Early Iron Age, Xiongnu time, Southern Siberia, energy-dispersive analysis, gold and silver nuggets.*

Введение

Фольгой является тонкий листовой цветной металл с различными стандартами толщины от 0,0001 до 0,5 мм. Этим характеристикам может соответствовать и листовое золото малых сечений. Для более ранних исторических периодов эти «стандарты» еще более разнообразны, что позволяет проводить достаточно условную границу между листовым металлом и фольгой. С технологической точки зрения среди способов оформления изделий фольгой из драгоценных металлов (золота, серебра) следует выделять еще накладывание ее на какую-то основу и покрытие различных поверхностей. В качестве образцов для исследования состава и качества металла золотой и серебряной фольги были использованы уникальные предметы эпохи раннего железа с территории Горного Алтая (Берель) и Верхнего Приобья (Березовый Мыс).

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Материалы и методы

Определение состава золотой и серебряной фольги производилось путем мультиэлементного анализа на электронном микроскопе Hitachi TM 3000 с приставкой для энергодисперсионного анализа Brulcer Quantax 70 (оператор М.М. Игнатов). Материалом для исследований являлись изделия из пазырыкского курганного могильника Берель на Горном Алтае и культового кулайского места Березовый Остров в лесостепном Приобье. Целью исследований являлся не только материаловедческий анализ состава драгоценных металлов, но и установление роли самородного серебра и золота в изготовлении из них фольги в эпоху раннего железа на юге Западной Сибири.

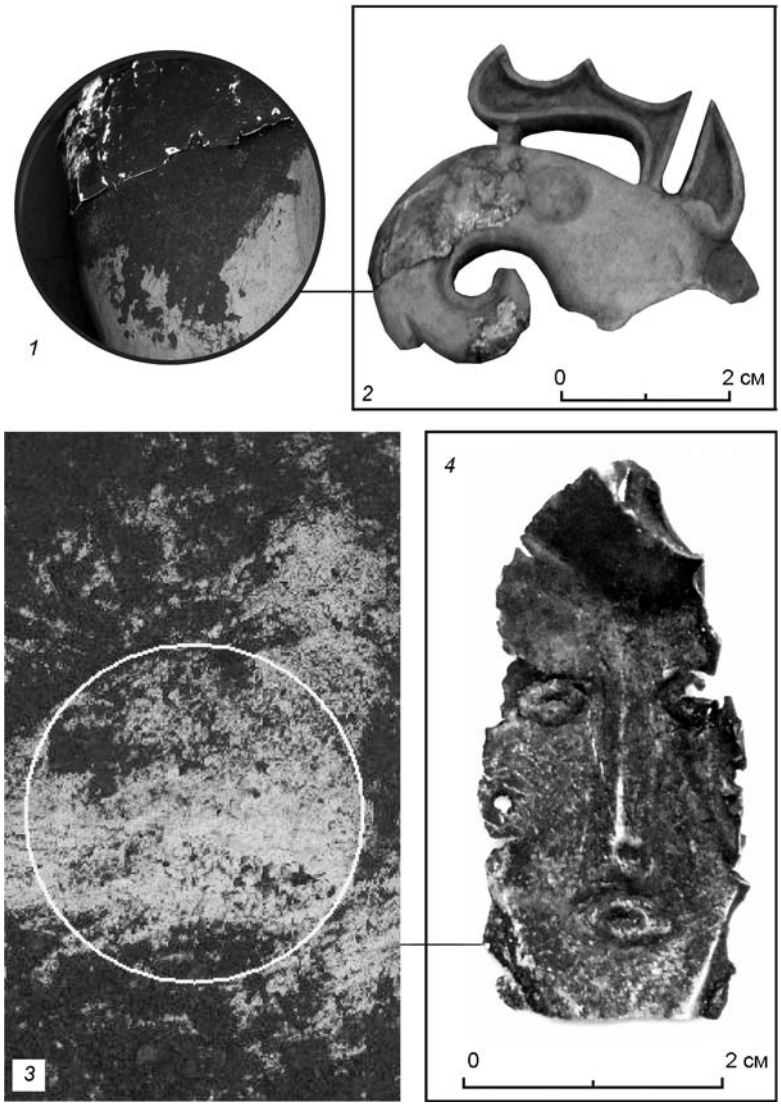
Золотая фольга на окончании рогового псалия из Берели достаточно плотно прилегает к органической основе (см. *рисунок, 1, 2*). Эта особенность позволяет поставить вопрос о технологических способах не только получения золотой фольги в эпоху раннего железа на территории Южной Сибири, но и о приемах ее накладки на различные органические поверхности, включая рог. При этом важно подчеркнуть, что толщина золотой фольги из Берели и ее эластичность существенно отличаются от сусального золота, которым покрываются различные поверхности. Изучение золотой фольги с помощью электронного микроскопа Hitachi TM 3000 при 15 кратном увеличении (см. *рисунок, 1*) позволило выявить определенную неровность ее поверхности и многочисленные порывы. Под слоем золотой фольги отчетливо прослеживается клеевая основа. Такая особенность вполне соответствует технологии листового золочения, включающей нанесение металла на клеевую основу органического происхождения. Учитывая близкое происхождение (органическое) возможной клеевой основы для золочения и рогового псалия, определение его состава не проводилось, поскольку еще два замера энергодисперсионным методом на псалии из Берели, проведенные как на чистой роговой поверхности, так и на окрашенном участке, возможно, с использованием киновари, зафиксировали лишь незначительные различия в их качественном составе.

Покрытые золотом роговые поверхности псалия из Берели, как и на целом ряде предметов, практически вплотную контактировали с прокрашенными участками, что являлось технологическим и художественным отражением целостности декоративной отделки поверхности.

Обсуждение результатов

Анализ качества сплава, из которого была изготовлена золотая фольга покрытия обломка одного из роговых псалиев с головой рогатого грифона из кург. 36 Берели (Б 36-56), позволил установить, что сплав включал 83 % золота, 13,1 % серебра и лишь 1 % меди. Такие материаловедческие характеристики позволяют с полным основанием предполагать, что это покрытие было изготовлено из самородного золота, возможно алтайского происхождения. Сравнение качества золотой фольги из Берели с образцами из синхронных пазырыкских погребальных комплексов (Ак-Алаха-2, Верх-Кальджин II, VI) плоскогорья Укок и из северо-западных предгорий Алтая (Ханкаринский Дол), исследованными при помощи рентгеноспектрального анализа, позволило установить целый ряд особенностей. Во-первых, золотая фольга эпохи раннего железа Горного Алтая отличается достаточно значительной разнопробностью [Щербаков, Рослякова, 2000, с. 185; Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007, с. 203; Тишкин и др., 2014, с. 122, 123]. Во-вторых, большинство образцов золотой фольги пазырыкского времени с плоскогорья Укок имеют в сравнении с покрытием из фольги на Берели более низкое содержание золота (от 44,0 до 75,5 % или от 60 до 70 %) [Малахов и др., 2000, с. 170; Щербаков, Рослякова, 2000, с. 185]. Аналогичный низкопробный состав (58–71 % золота) характерен и для фольги из северо-западных предгорий Алтая [Дашковский, Юминов, 2012]. В качестве сравнительных данных можно привести еще более позднюю золотую фольгу гуннского времени из кург. 20 и 31 Ноин-Улы в Монголии, исследованную методом атомно-абсорбционной спектроскопии [Шацкая, Деревягина, Глазырина, 2011, с. 153]. Она имеет в своем составе от 71,0 до 77,5 % золота. Состав листового золота, из которого изготовлены поясные бляхи с изображением голов драконов из Яломана II хуннского времени (вторая половина I в. н.э.), определенный с помощью рентгенофлуоресцентным анализом – 74,4, 76,65 % [Тишкин, 2010, с. 44], в сравнении с золотым покрытием из Берели (кург. 36) демонстрирует более низкое содержание благородного металла. В-третьих, высокое содержание золота (82–90 %), близкое к самородному, содержится в фольге из кург. 4 некрополя Бугры в северо-западных предгорьях Алтая [Тишкин и др., 2014, с. 123].

На юге Горного Алтая (плоскогорье Укок) только один образец золотой фольги (конский нахвостник из Ак-Алахи-2) наиболее близок по составу к фольге из Берели. Он содержал 96 % золота. Также следует упомянуть и о сходном по составу единичном образце из Ханкаринского Дола (кург. 9), количество золота в котором составляло 80–84 %. Однако в целом состав всех образцов фольги раз-



Образцы золотой фольги эпохи раннего железа из Горного Алтая и Верхнего Приобья.

1 – расположение золотой фольги на роговом изделии (псалии) из кург. 36 Берельского некрополя (раскопки З. Самашева); *2* – фрагмент рогового псалия с золотой фольгой из кург. 36 Берельского некрополя; *3* – поверхность серебряной фольги личины из Березового Мыса; *4* – серебряная личина из Березового Мыса (раскопки С.Г. Рослякова).

личного сечения соответствуют самородному золоту, в котором серебро составляет до 43 %.

В связи с этим следует рассмотреть еще один образец – серебряную личину из Березового Мыса эпохи раннего железа [Росляков, 2015, с. 172, 173, рис. 3, *10*] (см. *рисунок, 3, 4*). Предмет изготовлен из листового металла, близкого к толстой фольге, которая, судя по загнутости своих внешних краев, могла прилегать к какой-то органической поверхности. Несмотря на «кулайскую» принадлежность, серебряная личина из Березового Мыса имеет близкое стилистическое сходство с более поздними средневековыми бронзовыми литыми изделиями, широко распространенными в лесной зоне Западной Сибири, включая и Верхнее Приобье [Бородовский, 2015]. Анализ состава серебряной личины из Березового Мыса позволил установить, что она также изготовлена из самородного металла. Сплав изделия содержал серебра до 90,3 %, а меди – всего 1,3 %. Сравнение состава золотой фольги личины из Березового Мыса с серебряной фольгой хуннского времени из могильника Аймырлыг в Туве позволил отнести ее к группе высокопробного серебра, серебро-медного сплава. В двух образцах фольги из Аймырлыга (исследованных ранее методом рентгеноспектрального анализа в Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии СО РАН на микрозонде «Camebax Micro») содержание серебра составляло от 71,2 до 99,4 %, что также позволяет считать их произведенными из самородного металла [Бородовский и др., 2005, с. 30, табл. 3, образец 36; табл. 4; с. 43, табл. 6]. Серебряные предметы такого качества бытовали на юге Западной Сибири на протяжении достаточно длительного времени – с эпохи поздней бронзы и до раннего Средневековья.

Заключение

Таким образом, состав исследованных различными естественно-научными методами (энергодисперсионного и рентгеноспектрального анализов) образцов золотой и серебряной фольги эпохи раннего железа и хуннского времени из Южной Сибири – с территории Верхней Оби (Березовый Мыс), Горного Алтая (Берель) и Тувы (Аймырлыг) свидетельствует о том, что фольга производилась преимущественно из самородного металла. Такая особенность вполне соответствует выявленной ранее тенденции обработки самородных драгоценных металлов на территории Сибири [Бородовский и др., 2005, с. 74; Зайков и др., 2016, с. 101, рис. 5; с. 102].

Список литературы

Бородовский А.П. Средневековая металлическая личина из окрестностей Новосибирска как часть транскультурного предметного комплекса Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1. – С. 92–96.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 86 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 202–206.

Дашковский П.К., Юминов А.М. Включения минералов платиновой группы в золотых изделиях из могильника Ханкаринский Дол (Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 50–55.

Зайков В.В., Яблонский Л.Т., Дашковский П.К., Котляров В.А., Зайкова Е.В., Юминов А.М. Микровключения платиноидов группы самородного осмия в древних золотых изделиях Сибири и Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 1. – С. 93–103.

Малахов В.В., Власов А.А., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Краевская И.Л., Цыбуля С.В., Степанов В.Г. Вещественный состав находок из «замерзших» захоронений пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 162–175.

Росляков С.Г. Новые открытия в урочище Березовый Мыс // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 2015. – С. 168–174.

Тишкин А.А. Предметы торевтики хуннуского времени из памятника Яломан II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 40–45.

Тишкин А.А., Зайков В.В., Хворов П.В., Зайкова Е.В. Результаты анализа части золотых находок из кургана № 4 памятника Бугры (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 1 (9). – С. 115–126.

Шацкая С.С., Деревягина И.А., Глазырина Н.Ф. Результаты исследований металлических изделий 20-го и 31-го курганов // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый Ноин-Улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – С. 134–149.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 179–187.

References

Borodovskii A.P. The Medieval Metal Face from Novosibirsk Region as an Item of the Transcultural Material Complex in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2015, vol. 43, iss.1, pp. 92–96.

Borodovskii A.P., Obolenskii A.A., Babich V.V., Borisenko A.S., Mortsev N.K. Drevnee serebro Sibiri. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 86 p. (in Russ.).

Dashkovskii P.K., Tishkin A.A., Khavrin S.V. Rezul'taty spektral'nogo analiza metallicheskikh izdelii iz mogil'nika pazyrykskoi kul'tury Khankarinskii Dol (Severo-Zapadnyi Altai). In *Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami*. Barnaul: Altay State Univ., 2007, pp. 202–206 (in Russ.).

Dashkovskii P.K., Yuminov A.M. Vklyucheniya mineralov platinovoi gruppy v zolotykh izdeliyakh iz mogil'nika Khankarinskii Dol (Altai). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 50–55 (in Russ.).

Malakhov V.V., Vlasov A.A., Ovsyannikova I.A., Plyasova L.M., Kraevskaya I.L, Tsybulya SV., Stepanov V.G. Veshchestvennyi sostav nakhodok iz "zamerzshikh" zakhoronenii pazyrykskoi kul'tury. In *Fenomen altaiskikh mumii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 162–175 (in Russ.).

Roslyakov S.G. Novye otkrytiya v urochishche Berezovyi Mys. In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh*. Novosibirsk: State Ped. Univ., 2015, pp. 168–174 (in Russ.).

Shatskaya S.S., Derevyagina I.A., Glazyrina N.F. Rezul'taty issledovanii metallicheskikh izdelii 20-go i 31-go kurganov. In *Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Tsevendorzh D. Dvadtsatyi Noin-Ulinskii kurgan*. Novosibirsk: Infolio, 2011, 184 p. (in Russ.).

Shcherbakov Yu.G., Roslyakova N.V. Sostav zolotykh i bronzovykh izdelii, istochniki metallov i sposoby ikh obrabotki. In *Fenomen altaiskikh mumii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 179–187 (in Russ.).

Tishkin A.A. Predmety torevtiki khunnuskogo vremeni iz pamyatnika Yaloman II (Tsentral'nyi Altai). In *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii*. Barnaul: Azbuka, 2010, pp. 40–45 (in Russ.).

Tishkin A.A., Zaikov V.V., Khvorov P.V., Zaikova E.V. Rezul'taty analiza chasti zolotykh nakhodok iz kurgana № 4 pamyatnika Bugry (severo-zapadnye predgor'ya Altaya). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*. 2014, No. 1 (9), pp. 115–126 (in Russ.).

Zaykov V.V., Yablonsky L.T., Dashkovsky P.K., Kotlyarov V.A., Zaykova E.V., Yuminov A.M. Platinoid Microinclusions of a Native Osmium Group in Ancient Gold Artifacts from Siberia And the Urals as a Source of Geoarchaeological Information. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, iss. 1, pp. 93–103.

УДК 902

Д.П. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: volk-d@yandex.ru

Среднебелое, городище-1 – новый памятник михайловской археологической культуры в Западном Приамурье

В статье приведено описание городища, обнаруженного автором в 2013 г. в Ивановском р-не Амурской обл. Анализ планиграфических особенностей памятника, керамического материала, полученного из шурфа, позволили соотнести выявленный объект с памятниками михайловской археологической культуры (бэй шивэй) на территории Западного Приамурья. Появление в Западном Приамурье в VII в. мохэского населения, мигрировавшего из Маньчжурии, привело к переселению бэй шивэй в северном и северо-западном направлениях. Сложные взаимоотношения аборигенов и мигрантов вынудили первых возводить городища. Традиционные городища михайловской культуры были округлой в плане формы. Под влиянием культуры мохэ население бэй шивэй стало строить городища прямоугольной в плане формы, каковым является Среднебелое, городище-1.

Ключевые слова: *Западное Приамурье, михайловская культура, бэй шивэй, мохэ, городище.*

D.P. Volkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: volk-d@yandex.ru

Srednebeloe, Fortress-1 – the New Site of Mikhaylovskaya Archeological Culture in the Western Priamurie

The article provides the description of a fortress discovered by the author in Ivanovka District of Amur Region. The analysis of peculiarities of the site's plans and of ceramic remains found in a shovel test pit made it possible to refer the fortress to Mikhaylovkaya archeological culture of the Western Priamurie. The appearance in the West Priamurie in the VII century the population of Mohe migrated from Mangzhu, has resulted in resettlement Bai Shiwei in the north and north-west direction. The complex relationship of aboriginal and migrant settlers forced to erect the first a fortress. The traditional culture Mikhailovskaya fortresses were round in the plan form. Under the influence of culture Mohe a Bei Shiwei Bay population began to build fortress of rectangular shape, like the Srednebeloye, fortress-1.

Keywords: *Western Priamurie, Mikhaylovkaya archeological culture, Mohe, Bei Shiwei, fortress.*

Памятники археологии михайловской культуры на территории Западного Приамурья впервые были исследованы Е.И. Деревянко в 1967–1968 гг. на Михайловском городище. Изначально городище отнесли к мохэской культуре [Деревянко Е.И., 1975, с. 87].

Исследования в долине р. Буреи С.П. Нестеровым новых памятников михайловской группы (Сухие Протоки-1, -2; Букинский Ключ-1, -2; Большие Симичи, Безумка), анализ их материалов позволили исключить данную группу из мохэской культуры и выделить её в михайловскую культуру (III–X вв.) [1998, с. 103].

Основным критерием определения михайловских памятников являются характерные керамические сосуды с вафельным (ложно текстильным) орнаментом и своеобразным венчиком в форме «рассечённого» валика.

К настоящему времени в Амурской обл. обнаружены десятки памятников михайловской археологической культуры, в том числе и укрепленные городища. Выявление и исследование новых памят-

ников позволяет расширить представление о рассматриваемой археологической культуре.

Памятник Среднебелое, городище-1 выявлен в 2013 г. археологическим отрядом под руководством Д.П. Волкова в ходе работ по археологическому обследованию территории проектируемого строительства магистрального газопровода «Сила Сибири» на территории Амурской обл. Памятник расположен на поверхности береговой террасы левого берега р. Белая (левый приток р. Зея) в ее среднем течении, в 22 км выше мохэского Троицкого могильника [Деревянко Е.И., 1977].

Городище имеет квадратную форму, ориентированную углами по сторонам света. С четырех сторон, за исключением западного угла, внутренняя часть окружена тремя валами (внутренний, центральный и внешний) и двумя рвами, расположенными параллельно друг другу. На юго-западной и частично северо-западной сторонах внешний вал не зафиксирован, что, возможно, связано с его разрушением современной пашней (рис. 1).

Внутренний вал опоясывает городище по всему периметру, имеет разрыв в южном углу, четкие прямые контуры и более прямые углы по отношению к другим валам. Возвышается над внутренним пространством городища на высоту до 1 м. Центральный вал имеет разрывы в северо-западной и юго-восточной сторонах, а также в южном углу. Имеет плавные очертания и скругленные углы. Внешний вал – плавный, с закругленными углами, не имеет разрывов. Параметры валов различны. Высота внутреннего и центрального валов относительно внутреннего пространства городища 0,8–1 м. Ширина внешнего вала, по отношению к внутреннему и центральному, снижается своеобразной ступенью-уступом и имеет высоту 0,3 м по отношению к внутренней площади городища. Высота внутреннего и центрального валов относительно дна прилегающего рва – 1,5 м, относительно второго (внешнего) рва с юго-восточной, северо-восточной и северо-западной сторон – 1,8 м. По верху валы имеют уплощенную поверхность, ширина колеблется от 0,5 до 3,7 м, на широких участках отмечаются незначительные прогибы. Рвы городища плавные, имеют округлое основание по дну с оплывшими углами, колеблются по ширине от 0,8 до 3,5 м. Вход в городище представлен широким проходом (до 9 м) между валов и рвов в виде прямоугольного проёма оконтуренного с двух сторон поднятиями на валах и пересыпкой рвов. Внутренняя часть городища ровная с общим плавным понижением поверхности в сторону реки в северо-восточном направлении. На внутренней части городища зафиксировано 15 округлых западин диаметром от 5 до 8 м, глубиной до 1,5 м, расположенных рядами по 3–4 западины и одна западина размером 1,5 × 2 м, глубиной 0,5 м. Площадь внутренней части 1700 м^2. Общая площадь городища, вместе с внешними сооружениями, 4600 м^2.

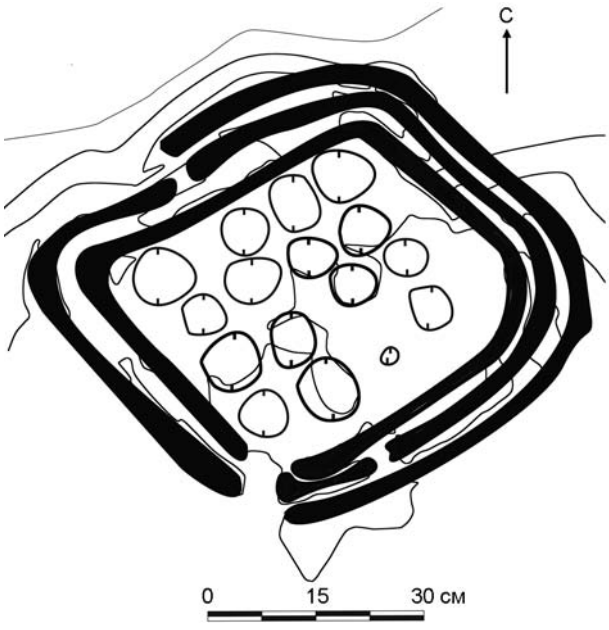


Рис. 1. План памятника Среднебелое, городище-1.

Заложенный на памятнике шурф позволил получить датирующий археологический материал – фрагменты керамической посуды. Коллекция археологического материала, обнаруженного в шурфе, состоит из 80 керамических фрагментов сосудов, 5 из которых фрагменты венчиков. Венчики имеют прямую кромку, слегка отогнутый наружу край, налепной рассеченный валик, в некоторых случаях оформленный косой насечкой (рис. 2, *1*) или прямыми округлыми вдавлениями (рис. 2, *2*, *3*). Прилегающая к венчику горловина и стенки тулова покрыты ложно-текстильным (вафельным) орнаментом. Фрагменты стенок сосудов идентичны, имеют толщину от 0,4 до 0,5 см, ложно-текстильный (вафельный) орнамент на лицевой стороне (рис. 2, *5*–*9*), на отдельных фрагментах зафиксированы следы лощения. В качестве отощителя в керамическом тесте использован песок мелкого размерного ранга, частицы которого четко фиксируются на сломе фрагментов. Следов нагара ни на одном из выявленных фрагментов не зафиксировано.

Анализируя полученный археологический материал, форму городища, особенности расположения на местности, следует отметить, что данный археологический объект наиболее сопоставим с памятниками археологии на территории Западного Приамурья, относящимися к михайловской археологической культуре, датируемой периодом раннего средневековья (II–III вв. н.э.) [Деревянко Е.И.,

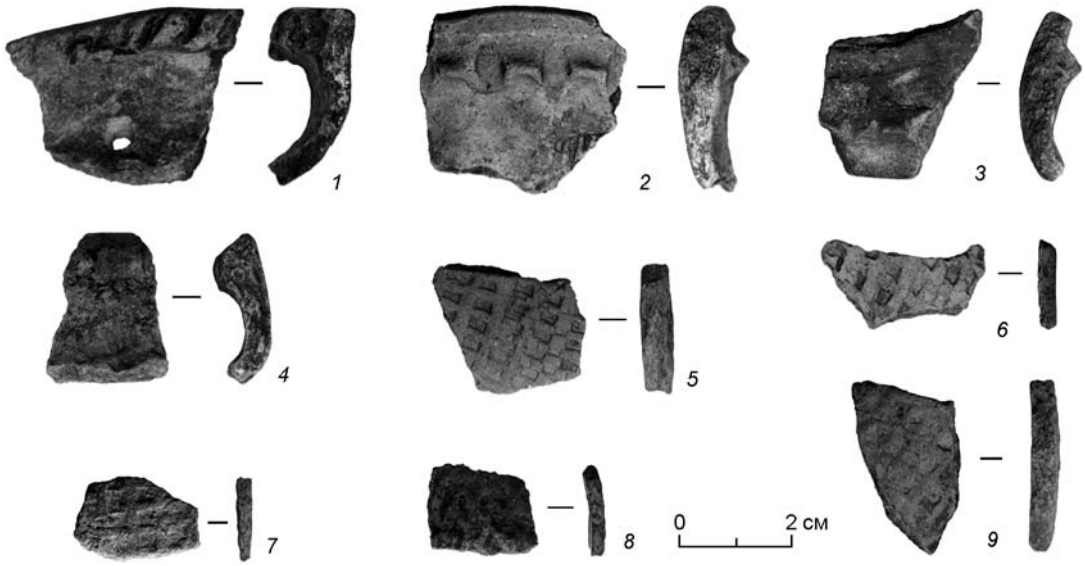


Рис. 2. Фрагменты керамики, выявленные на памятнике Среднебелое, городище-1.
1–4 – фрагменты венчиков сосудов; *5–9* – фрагменты стенок сосудов.

1969; 1972; 1975, с. 52–87; Древности Буреи, 2000, с. 135; История Амурской области, 2008, с. 77–90].

Михайловцы в Западном Приамурье появились ранее других средневековых племён региона [Нестеров, 1998, с. 42]. Основной регион распространения михайловской археологической культуры – юго-восточная часть Западного Приамурья (современная территория юга Архаринского, Бурейского, Михайловского р-нов в бассейне р. Амур) [История Амурской области, 2008, с. 78]. Преобладающая часть памятников – долговременные поселения и временные стоянки. Выявленные в Приамурье городища михайловской археологической культуры располагаются севернее и северо-западнее основной массы памятников в долинах рек Завитая, Горбыль, Томь, Белая (среднее и верхнее течение рек) [Деревянко Е.И., 1975, с. 52; Волков, Кудрич, Савченко, 2007; Болотин, Литовченко, Зайцев, 1995].

Анализ появившихся данных позволяет предположить, что михайловцы, первоначально проживая в южных, благоприятных для земледелия и животноводства районах Западного Приамурья, под давлением пришлых мохэ вынужденно сдвинулись на север и северо-запад [Нестеров, 2001, 2002], о чем косвенно свидетельствует практически полное отсутствие укреплённых городищ на юге и их наличие на севере-северо-западе. С учетом имеющихся данных их переселение, по всей видимости, происходило вверх по рекам Бурея и Завитая с дальнейшим переходом на Горбыль, Томь, Белую, имеющие близко расположенные друг от друга истоки. Население михайловской культуры, приняв участие в формировании троицкой группы мохэ, в VIII в. переняли у них конструкцию городищ подквадратной в плане формы вместо округлых (Михайловское городище на р. Завитой, Амаранка на р. Горбыль) или овальных (Иришкино городище на р. Бурее), что и демонстрирует Среднебелое, городище-1.

Список литературы

Болотин Д.П., Литовченко Г.П., Зайцев Н.Н. Новое раннесредневековое городище на территории Амурской области // Обзор результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995. – С. 242–244.

Волков Д.П., Кудрич О.С., Савченко Т.П. Михайловские городища на реке Горбыль в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 207–210.

Деревянко Е.И. Мохэское городище на р. Завитой: [Михайловское городище] // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1969. – № 11. – Вып. 3. – С. 86–92.

Деревянко Е.И. Городище на реке Завитой // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1972. – Ч. 1. – С. 208–317.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала 20 в. / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.

Нестеров С.П. Краткий очерк этнокультурной истории народов Приамурья // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2001. – Вып. 3. – С. 143–146.

Нестеров С.П. Пути и время миграции хэйшуй мохэ в Западном Приамурье // История и культура Востока Азии: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 дек. 2002 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. I. – С. 90–94.

References

Bolotin D.P., Litovchenko G.P., Zaitsev N.N. Novoe rannesrednevekovoe gorodishche na territorii Amurskoi oblasti. In *Obzor rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu*. Novosibirsk, 1995, pp. 242–244 (in Russ.).

Derevianko E.I. Mokheskoe gorodishche na r. Zavitoi: [Mikhailovskoe gorodishche]. *Izvestiya SO AN SSSR. Serya obshchestvennykh nauk,*1969, No. 11, iss. 3, pp. 86–92 (in Russ.).

Derevianko E.I. Gorodishche na reke Zavitoi. In *Materialy po arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1972, pt. 1, pp. 208–317 (in Russ.).

Derevianko E.I. Mokheskie pamyatniki Srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1975, 250 p. (in Russ.).

Derevianko E.I. Troitskii mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.).

Drevnosti Burei / S.P. Nesterov, A.V. Grebenshchikov, S.V. Alkin, D.P. Bolotin, P.V. Volkov, N.A. Kononenko, Ya.V. Kuz'min, L.N. Myl'nikova, A.V. Tabarev, A.V. Chernyuk. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 352 p. (in Russ.).

Istoriya Amurskoi oblasti s drevneishii vremen do nachala 20 v. / ed. A.P. Derevianko, A. P. Zabiyako. Blagoveshchensk, 2008, 424 p. (in Russ.).

Nesterov S.P. Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 184 p. (in Russ.).

Nesterov S.P. Kratkii ocherk etnokul'turnoi istorii narodov Priamur'ya. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii.* Blagoveshchensk: Amur State Univ., 2001, iss. 3, pp. 143–146 (in Russ.).

Nesterov S.P. Puti i vremya migratsii kheishui mokhe v Zapadnom Priamur'e. In *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Novosibirsk, 9–11dekabrya 2002 g.)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, vol. I, pp. 90–94 (in Russ.).

Volkov D.P., Kudrich O.S., Savchenko T.P. Mikhailovskie gorodishcha na reke Gorbyl' v Amurskoi oblasti. In *Problems of Arhaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 207–210 (in Russ.).

ДК 903.054.393

П.В. Волков[1, 2], С.Г. Скобелев[1, 2], О.А. Митько[2], О.В. Андреев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Следы боевого применения на лезвии палаша из погребения кыргызского могильника Коя-2*

В эпоху чаа-тас в погребениях енисейских кыргызов, хоронивших своих умерших по обряду трупосожжения, длинноклинковое оружие не фиксируется. Лишь со второй половины IX в. среди погребального инвентаря встречаются палаши и сабли, в большинстве целенаправленно поврежденные. К настоящему времени на территории Минусинской котловины и Тувы в погребениях IX–XIV вв. найдено 19 экземпляров этого оружия, имеющих различные формы деформации. При объяснении причин повреждения оружия высказано несколько гипотез. Одна из них основана на предположении о помещении на погребальный костер не боевого оружия, а его копии. С целью проверки данной гипотезы на основе трасологического анализа было изучено лезвие палаша из погребения кыргызского могильника Коя-2. Микроскопическое обследование поверхности артефакта выявило характерные следы точечной смятости лезвия клинка. Установлено, что такого рода деформации могли образоваться от силового воздействия на изучаемый предмет аналогичного по твердости и характеру формы клинка рубящего оружия. Это может свидетельствовать о боевом назначении палаша, который использовался при контакте с аналогично вооруженным противником.

Ключевые слова: *Южная Сибирь, енисейские кыргызы, палаш, сабля, погребальный костер, преднамеренное повреждение, трасологический анализ.*

P.V. Volkov[1, 2], S.G. Skobelev[1, 2], O.A. Mitko[2], O.V. Andreev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

The Traces of Combat Use on the Roadsword Blade from Kyrgyz Bureal Koya-2

The buried tombs of Yenisei Kyrgyz connect with the custom of cremation (in the era of Chaa-Tas). The long-knite weapons are not fixed in the tombs until the second half of the IX. Among the funerary equipment were found swords and sabers that were damaged purposefully. To the present date, in the territory of Minusinsk depression and Tuva IX–XIV centuries burials 19 specimens of this weapon were found, with different forms of deformation. There are several hypotheses in explaining the reasons for the damage of weapons. One of them is based on the assumption that the weapons from the funeral fire tombs are not weapons of war, but its copy. In order to test this hypothesis on the basis of the use-wear analysis the blade of broadsword from Kyrgyz cemetery burial Koya-2 was studied. Microscopic examination of the artifact surface revealed traces of very specific damages of the blade. Such deformation could be caused by the force action of a similar in hardness and shape of the blade slashing weapons on the object. This may indicate the broad sword combat assignment, that has been used in real war contact with like-armed enemy.

Keywords: *South Siberia, the Yenisei Kyrgyz, sword, saber, pyre, intentional damage, use-wear analysis.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

К настоящему времени военное дело енисейских кыргызов исследовано достаточно полно и всесторонне. В литературе представлены анализ состава и организации войск, материалы, касающиеся эволюции основных видов вооружения и комплекса боевых средств. При этом классификационные схемы различных категорий защитного и оборонительного вооружения кыргызов, в основном основанного на железоделательной технологии, служат типологическими матрицами при изучении военного искусства и оружия средневековых народов всей степной полосы Евразии [Худяков, 1980, 1986, 1997].

Большинство предметов вооружения енисейских кыргызов обнаружено в их погребальных памятниках, что дает основание рассмотреть сопроводительный инвентарь в контексте специфических особенностей их поминально-погребальной обрядности с выходом за рамки чисто оружиеведческой тематики. Многочисленные материалы раскопок памятников средневековой археологии и историко-этнографические аналогии позволяют реконструировать отдельные элементы практической сферы погребального обряда, выделяя последовательность действий, совершаемых при подготовке тела к захоронению, его сожжении и сооружении курганных насыпей, сопровождавшихся рядом реальных и символических действий, связанных с запретами, дарами, траурными установками и предписаниями. Среди всего комплекса вооружения, сопровождавшего воинов на погребальном костре, палаш и сабля выступали как одно из самых ярких культурно-семантических явлений вещного мира. Их присутствие в погребениях отражало как общекультурные идеи, так и индивидуальные особенности, связанные со многими обстоятельствами, характерными для умершего, в том числе нюансами его смерти [Евглевский, 2002, с. 316].

В Хакасско-Минусинской котловине и Туве с середины IX в. и до конца XIV в. среди погребального инвентаря енисейских кыргызов фиксируется целенаправленно поврежденное длинноклинковое оружие. К настоящему времени известно о 19 палашах и саблях, имеющих различные формы деформации. Из них 9 экз. обнаружено в закрытых комплексах и 10 экз. относится к случайным, депаспортизированным, находкам.

При этом отмечаются самые различные формы деформации. Чаще всего клинок сгибали пополам или в три раза, благодаря чему на нем сохраняются обоймы ножен, сгоревших на погребальном костре. Отмечены случаи сворачивания «в кольцо» и повреждение рукояти. На экземплярах длинноклинкового оружия из «частных» коллекций, которые были «отреставрированы» находчиками, также фиксируются следы двух-трех поперечных изгибов, однако классифицировать их форму не представляется возможным. Отдельно стоит отметить палаш из случайных находок на территории Минусинской котловины, согнутый в четырех местах [Худяков, 1980, с. 39]. Его длина 80 см и согнуть клинок в четыре раза можно было лишь в том случае, если он откован из мягкого (черного) железа, или после отпуска металла на постепенно остывающем погребальном костре.

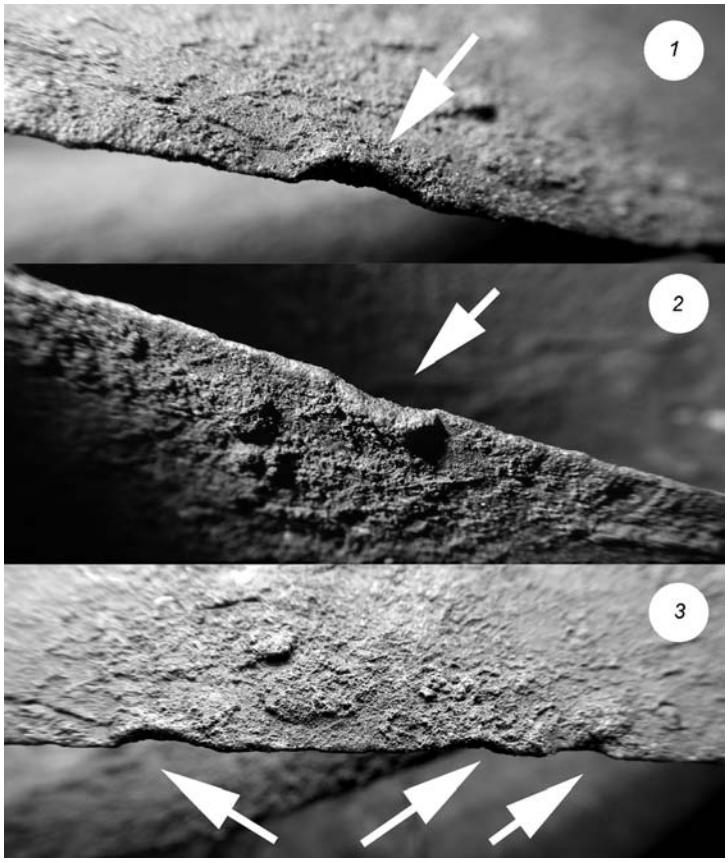
Необходимо отметить, что, как и на западе евразийского континента, обряд ритуальной порчи оружия возникает у енисейских кыргызов в период их наивысшего военного, экономического и политического подъема. Дорогой и престижно значимый клинок перестает быть достоянием только лишь знати и может помещаться в погребение вместе с умершим хозяином.

В отношении причин деформации клинкового оружия и его ритуальной символики исследователями предложено несколько версий, рассматриваемых в качестве рабочих гипотез. Среди них – страх перед мертвым, символическая «смерть» клинка, уменьшение размеров для помещения в могильную яму и одно из проявлений принципа «pars pro toto» (часть вместо целого).

Последняя гипотеза формируется на основе предположения о сопровождении мертвого на погребальном костре не боевым оружием, а его облегченной копией. Такое предположение вполне уместно, поскольку в этот период в Европе хорошо сработанный меч стоил целое состояние [Кардини, 2000, с. 94]. В эпоху чаа-тас (VI–VIII вв.) длинноклинковое оружие отсутствует в захоронениях, как и в предшествующее таштыкское время, для которого характерна замена предметов погребального инвентаря вотивными копиями, на что указывают находки преднамеренно сломанного лука и древков стрел, с которых заранее были сняты втульчатые наконечники [Киселев, 1949, с. 239]. Данный дорогостоящий вид оружия ближнего боя появляется в захоронениях енисейских кыргызов с началом их последней войны с уйгурами и походов в Центральную Азию, т.е. в период наивысшего военно-политического подъема.

Для выявления возможных следов его боевого применения нами было изучено лезвие палаша из погребения кыргызского могильника Коя-2. Памятник расположен на территории Шушенского р-на Красноярского края у д. Нижняя Коя. Характеристика могильника и его захоронений, сведения о составе погребального инвентаря, включая детальное описание самого палаша, приведены в отдельной публикации одного из авторов настоящей

статьи. Общая длина палаша 89 см, длина клинковой части 77 см, цельнокованый черен в длину имел 10,8 см. Стоит отметить, что на данном изделии ладьевидное перекрестие имеет несколько необычную форму. Его суженные концы ребрами направлены на противника, что создает большую устойчивость от прямых ударов и в немалой степени защищает руку воина. Также заметна незначительная орнаментация в виде насечек на лицевой стороне перекрестия. Сохранились деформированные обоймы ножен. Судя по сохранившейся заклепке на черене, палаш имел деревянную рукоять толщиной не менее 2 см. В погребении он находился в согнутом виде в небольшой ямке вместе с иными полноразмерными железными предметами сопроводительного инвентаря, часть которых также была повреждена. По типологии Ю.С. Худякова палаш относится к группе II, типу 2 (плоские с обоюдоострым острием и ладьевидным перекрестием) [Худяков, 1980, с. 36].



Следы деформации лезвия при 10-кратном увеличении (*1*, *2*) и характер группирования следов в зоне гарды клинка (*3*).

Микроскопическое обследование поверхности артефакта с помощь микроскопа Альтами СМ0745, проведенное в рамках подготовки данной публикации, позволило выявить точечные следы деформации лезвия клинка в ближайшей зоне к эфесу. Выводы, сделанные на базе этого изучения с использованием методов экспериментально-технологического и трасологического анализа, дали основания для определения вероятной причины повреждения изучаемого оружия. Установлено, что такого рода дефекты могли образоваться от силового воздействия на изучаемый предмет аналогичного по твердости и характеру формы лезвия клинка рубящего оружия. В этом отношении характерны следы смятости лезвия, ориентированные на одну из плоскостей клинка (см. *рисунок, 1, 2*). В целом, следы отмечаемых повреждений артефакта сгруппированы в зоне, прилегающей к рукояти палаша (см. *рисунок, 3*). Это обычная ситуация для длинноклинкового оружия ближнего боя, когда удары противника во избежание возникновения эффекта рычага принимаются частью клинка, расположенной близко к рукояти. С учетом изложенных обстоятельств можно говорить о неоднократном использовании данного оружия в оборонительном/наступательном действии в эпизоде боевого контакта с аналогично вооруженным противником.

Таким образом, относительно характера сопроводительного инвентаря, представленного в кыргызских погребениях длинноклинковым оружием, наиболее вероятным является предположение о помещении в них изделий, изготовленных для реального использования в качестве боевого оружия. Что касается деформации самого лезвия клинка, то, как показывают эксперименты с моделями длинноклинкового оружия, его можно было согнуть как до помещения на погребальный костер, так и после свершения обряда трупосожжения.

Список литературы

Евглевский А.В. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX–XIV в.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: Донецк. нац. ун-т, 2002. – Т. 1. – С. 291–336.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 352 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – 1949. – № 9. – 364 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

References

Evglevskii A.V. Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya sabli v pogrebal'nom obryade (po materialam kochevnikov Vostochnoi Evropy 2-i pol. IX–XIV v.). In *Strukturno-semiotcheskie issledovaniya v arkheologii.* Donetsk: State Univ., 2002, vol. 1, pp. 291–336 (in Russ.).

Kardini F. Istoki srednevekovogo rytsarstva. Sretensk: MTsIFI, 2000, 352 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986, 268 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, 160 p. (in Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1949, No. 9, 364 p. (in Russ.).

УДК 903.53

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Росписи в погребальных камерах эпохи кофун Японии и естественно-научные методы исследований пигментов*

В работе представлен материал, характеризующий курганы периода кофун, имеющие декоративное оформление погребальных камер. Традиция росписи погребальных камер существовала с конца IV до начала VII в. на значительной территории Японского архипелага, именно в это время создавались «декорированные кофуны» (со:сёку кофун). В конце VII – начале VIII в. были созданы «кофуны с фресками» (хэкига кофун, кофуны Такамацудзука и Китора). Для оформления погребальной камеры применялись разные техники: гравировка; использование пигмента; создание гравировки, на которую наносился пигмент. Росписи создавались ограниченным набором красок, для изготовления которых применялись, в основном, минеральные пигменты, подтверждением чему служат результаты исследований естественно-научными методами. Материалом для пигментов служили минералы, глины, уголь, которые могли добываться поблизости.

Ключевые слова: *Япония, эпоха кофун, погребальная камера, росписи, фрески, естественно-научные методы в археологии, археология.*

I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Decoration of the Burial Chambers of the Kofun Period, Japan, and the Natural-Science Research Methods of the Pigments

The article presents the material characterizing the mounds of the kofun period with the decoration of the burial chambers. The tradition of painted burial chambers existed since the end of IV to the beginning of VII century over the extensive area of the archipelago, during this time a "decorated tomb" (sōsyoku kofun) was created. At the end of VII – beginning of VIII century was created a "mural painting tomb" (hekiga kofun, Takamatsuzuka kofun and Kitora kofun). Different techniques were used for the decoration of the burial chamber: engraving; painting pigments; engraving followed by paint pigments. As evidenced by the results of natural-science analysis, the decorations were made with the limited set of paints, mainly from mineral pigments. The materials for the pigments were the minerals, clay, and coal which could be mined nearby.

Keywords: *Japan, the Kofun period, burial chamber, decorated tomb, murals, archaeology.*

В числе курганов эпохи кофун Японии (III–VII вв. н.э.) особую группу составляют кофуны, имеющие декоративное оформление погребальных камер. Учитывая отсутствие обычая наскальной живописи, росписи погребальных камер кофунов представляют один из древнейших видов изобразительного искусства Японии. Традиция росписи камер кофунов в работах отечественных исследователей [Воробьев, 1980; Чан Су Бу, 1988; Мещеряков, Грачев, 2010] находит свое отражение в обзорном виде, в рамках данной работы планировалось представить основные характеристики декорированных кофунов и кофунов с фресками и итоги исследований естественно-научными методами пигментов, используемых в росписях погребальных камер.

«Декорированные кофуны» (*со:сёку кофун*) внешне имеют традиционное оформление насыпи (круглые, квадратные, квадратно-круглые и т.д.).

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

Каменные погребальные камеры, как правило, горизонтального типа, оформлены росписями или гравировкой (резным орнаментом) в виде геометрических фигур, антропоморфных и зооморфных изображений, растений, оружия и орудий [Хиросэ, 2015, с. 54]. Традиция создания росписей в погребальных камерах получила распространение с конца IV в., большая часть декорированных кофунов датируются VI в. н.э., строительство самых поздних декорированных кофунов относится к началу VII в.

К общей группе декорированных кофунов относят и «кофуны с фресками» (*хэкига кофун*), которых на сегодняшний день обнаружено два: кофун Такамацудзука и кофун Китора (пос. Асука, преф. Нара, оба имеют круглую форму насыпи). Фрески кофуна Такамацудзука представляют изображение духов-защитников четырех сторон света (*сидзин*, корейское наименование – *сасин*), 16 фигур мужчин и женщин, расположенных группами по четыре фигуры, и «карту» звездного неба на потолочной плите [Хиросэ, 2015, с. 57]. В погребальной камере кофуна Китора также имеется изображение *сидзин*, двенадцати знаков китайского зодиака и «карты» звездного неба. Время строительства кофунов с фресками датируется концом VII – началом VIII в. [Хиросэ, 2015, с. 56]. Тема классических буддийских мотивов имеет прямые аналогии с когурёсскими курганами, на кофунах с фресками были применены ранее не используемые в декорированных кофунах пигменты.

Численность декорированных кофунов составляет примерно 600 памятников [Кутицу, 2014, с. 19]. Среди общего числа кофунов эта группа курганов составляет не более 0,5 %.

Традиция росписи погребальных камер получила распространение практически на всей территории бытования культуры кофун, от районов современной префектуры Мияги на севере, до юга о-ва Кюсю [Акаи, 2011, с. 159]. Однако примерно 60 % декорированных кофунов сконцентрированы на территории о-ва Кюсю – префектуры Фукуока, Сага, Кумамото, Миядзаки.

При создании декоративного оформления применялись следующие техники нанесения изображения: гравировка (как на каменных саркофагах, так и на стенах погребальных камер), использование красящего пигмента, и создание гравировки, на которую затем наносился пигмент.

Росписи, как правило, представлены геометрическими орнаментами, такими как узор из дуг и прямых линий (*тёккумон*), круги, концентрические круги, соединяющиеся треугольники. Считается, что узор *тёккумон* создавался в качестве магических знаков, которые должны были сдерживать злых духов, круги и концентрические круги символизировали зеркала, также являющиеся защитными символами [Цурута, 2002, с. 190]. Реже встречаются антропоморфные изображения, зооморфные (как правило, изображения лошадей), лодки, оружие, орудия, жанровые сцены [Кумамотокэн…, 1984, с. 395–405].

Расцвет традиции украшения погребений приходится на VI в., однако следует отметить, что единичные случаи нанесения защитных символов встречаются в погребениях, начиная с позднего периода яёй. Для примера, на крышке саркофага из каменных плит одного из погребений памятника Сэнъю (преф. Кагава, о-в Сикоку) были нанесены многочисленные линии, среди которых различается изображение личины. [Сэнъю..., 1986, с. 12]. К наиболее ранним памятникам периода кофун, имеющим декоративное оформление, относится курган О:бару (г. Таймэй, преф. Кумамото), время строительства которого датируют IV в. [Кумамотокэн…, 1984, с. 17]. Изображение плывущего в лодке человека выгравировано на одной из плит каменного саркофага.

Помимо археологических методов изучения, начиная с 80-х гг. XX в., в целях изучения и сохранения росписей стали применяться естественно-научные методы исследований: рентгеноструктурный анализ и рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) проводились в декорированных кофунах различных регионов и кофуне Такамацудзука [Кофун…, 2014, с. 6]. Фрески кофуна Такамацудзука также исследовались методом нейтронно-активационного анализа (НАА) для определения концентрации элементов [Томидзава, 1994, с. 382]. Результаты исследований позволяют делать выводы о составе применяемых пигментов (см. *таблицу*).

Исследования фресок кофуна Такамацудзука также подтвердило использование золотой и серебряной фольги [Цурута, 2006, с. 206]. Применение новых пигментов для создания фресок кофуна Такамацудзука, расширение цветовой гаммы, сюжетные мотивы, уровень мастерства свидетельствует о близости технологии создания с фресками стен главного храма Хорю-дзи, в росписи которых принимали участие мастера с корейского полуострова [Джарылгасинова, 2007, с. 106]. Вместе с принятием буддизма появилась и новая «школа» живописи, которая в кофунах проявила себя только в двух случаях.

Однако остается открытым вопрос о применявшихся органических материалах для создания пигментов. На кофуне Такамацудзука предполагается использование известного в то время красителя из плодов цезальпинии (*Caesalpinia sappan*) в качестве источника красного пигмента, гарцинии морелла (*Garcinia morella*) – для изготовления пиг-

Пигменты, используемые в росписях погребальных камер декорированных кофунов и кофунов с фресками*

Цвет	Пигмент	Декорированные кофуны Кюсю (III–VI вв.)	Кофун Такамацудзука (конец VII – начало VIII в.)
Красный	киноварь	**	+
»	свинцовый сурик		+
»	железный сурик	+	+
Желтый	желтая охра	+	+
Зеленый	окись меди		+
»	минералы (селадонит – в декорированных кофунах, малахит – на кофуне Такамацудзука)	+	+
Голубой	минералы (азурит, лазурит)		+
Белый	известняк (кальцит)		+
»	белая глина (каолин)	+	
Черный	уголь	+	+
»	почва, глина	+	

*По данным: [Цурута, 2002, с. 47; 2006, с. 207; Кофун…, 2014, с. 7].

**В декорированных кофунах встречаются примеры использования киновари для окрашивания внутренней части саркофагов (кофун Фудзиноки (г. Икаруга, преф. Нара) и др. [Морисита, 2006, с. 40]).

мента желтого цвета [Цурута, 2006, с. 207]. Однако исследования органических материалов на кофунах с фресками проводились крайне ограничено.

Итоги исследований пигментов (см. *таблицу*) указывают на применение в декорированных кофунах материалов, которые могли добывать в ближайших местностях, и в редких случаях использовались привезенные с других территорий минералы.

Интересной особенностью декорированных кофунов является применение красного пигмента, на сегодняшний день насчитывается 129 погребений, где использовался только красный пигмент [Цурута, 2006, с. 204]. Встречаются курганы, где окрашивали красным пигментом только внутреннюю поверхность каменного саркофага (кофун Фудзиноки). Результаты исследований пигмента показали, что помимо киновари для окрашивания внутренней стороны саркофага использовался краситель, изготовленный с применением пыльцы сафлора красильного (*Cárthamus tinctórius*) [Морисита, 2006, с. 40].

Следует отметить, что в росписях погребальных камер применялись, как правило, минеральные пигменты, глина и уголь, существуют свидетельства применения пигментов растительного происхождения, однако эта проблема требует дополнительного изучения. И если росписи кофунов Такамацудзука и Китора имеют аналоги с росписями когурёсских курганов по изображаемым сюжетам и применяемым пигментам, то декорированные кофуны, если и были привнесены в качестве традиции в средний период эпохи кофун (IV в. н.э.) как элемент погребального обряда, получили собственное местное развитие и в применении местных материалов для создания пигментов, и в развитии техники создания орнамента.

Список литературы

Акаи Т. Нихон ни окэру хэкига кофун сондзай ими (К вопросу о кофунах с фресками Японии) // Нара дайгаку дайгакуин кэнкю: нэнпо. – 2011. – № 16. – С. 157–168 (на яп. яз.)

Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. – М.: Наука, 1980. – 344 с.

Джарылгасинова Р.Ш. Немеркнущая красота росписей государства Когурё // Восточная коллекция. – 2007. – № 4 (31). – С. 98–107.

Кофун хэкига-но ходзон кацуё: ни кансуру кэнто:кай. Со:сёку кофун ва:кингу гуруппу хо:кокусё (Общество по сохранению фресок кофунов. Сообщения рабочей группы декорированных кофунов) [Электронный ресурс] // URL: http://www.bunka.go.jp/seisaku/bunkashingikai/kondankaito/takamatsu_kitora/hekigahozon_kentokai/15/pdf/shiryo_2.pdf (дата обращения: 25.05.2016) (на яп. яз.).

Кумамотокэн со:сёку кофун (Декорированные кофуны префектуры Кумамото). – Кумамото: Кумамотокэн кё:икуиинкай, 1984. – 397 с. (на яп. яз.).

Кутицу Н. Со:сёку кофун-но окарэта «канкё:» то ходзон-но рэкиси // Ходзон кагаку (Обстоятельства обнаружения декорированных кофунов и история сохранения). – 2014. – № 53. – С. 19–31 (на яп. яз.).

Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии: Учеб. пособие для вузов. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.

Морисита К. Нара бонти хокубу-но кофун (Кофуны северной части равнины Нара) // Ямато-но кофун I. – Киото: Дзимбунсёин, 2006. – С. 25–46 (на яп. яз.).

Сэнъю исэки тё:са хо:кокусё (Сообщения об исследованиях памятника Сэнъю). – Дзэнцудзи: Дзэнцудзи кё:икуиинкай, 1986. – 40 с. (на яп. яз.).

Томидзава Т. Ко:когаку, дзимбун-кагаку ни окэру хо:сяка бунсэки (Нейтронно-активационный анализ в археологии и гуманитарных дисциплинах) // Radioisotopes. – 1994. – Vol. 43, No. 6. – P. 380–384 (на яп. яз.).

Хиросэ К. Кофун ню:мон (Справочник по кофунам). – Токио: Гэнтося, 2015. – 174 с. (на яп. яз.).

Цурута Э. Ганрё:-но рэкиси (История пигментов) // Эногу ко:дза. – 2002. – Vol. 75, No. 4. – P. 189–199 (на яп. яз.).

Цурута Э. Кофун хэкига-но ганрё: ни цуйтэ. Со:сёку кофун оёби Такамацудзука кофун-но хэкига-о тю:син тоситэ // Сикидзай кё:каиси. – 2006. – Vol. 79. – P. 203–209 (на яп. яз.).

Чан Су Бу. Период кофун в Японии // Очерки тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – С. 117–138.

References

Akai T. Nihon ni okeru hekiga kofun sondzai imi. *Nara daigaku daigakuin kenkyu: nenpo*, 2011, No. 16, pp. 157–168 (in Japan.).

Chan Su Bu. Period kofun v Yaponii. In *Ocherki tikhookeanskoi arkheologii*. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1988, pp. 117–138 (in Russ.).

Dzharylgasinova R.Sh. Nemerknushchaya krasota rospisei gosudarstva Kogure. *Vostochnaya kollektsiy*, 2007, No. 4 (31), pp. 98–107 (in Russ.).

Hirose K. Kofun nyūmon. Tokyo: Gentosha, 2015, 174 p. (in Japan.).

Kofun hekiga-no hozon katsuyō nikansuru kentō kai. Sōshoku kofun wākingugurūpu hōkoku sho. URL: http://www.bunka.go.jp/seisaku/bunkashingikai/kondankaito/takamatsu_kitora/hekigahozon_kentokai/15/pdf/shiryo_2.pdf (25.05.2016) (in Japan.).

Kuchitsu N. So:seku kofun-no okareta "kankyo:" to hodzon-no rekisi. *Hodzon kagaku*, 2014, No. 53, pp. 19–31 (in Japan.).

Kumamotoken so:seku kofun. Kumamoto: Kumamotoken ke:ikuiinkai, 1984, 397 p. (in Japan.).

Meshcheryakov A.N., Grachev M.V. Istoriya drevnei Yaponii: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: Natalis, 2010. 544 p. (in Russ.).

Morisita K. Nara bonti khokubu-no kofun. In *Yamato-no kofun I*. Kioto: Dzimbunsyoin, 2006, pp. 25–46 (in Japan.).

Senyū iseki hatteru chōsa hōkokusho. Zentsūji: Zentsūji shi kyōiku iin kai, 1986, 40 p. (in Japan.).

Tomizava T. Kōkogaku, jinbun kagaku ni okeru hōsha ka bunseki. *Radioisotopes*, 1994, vol. 43, No. 6, pp. 380–384 (in Japan.).

Tsuruta E. Ganryō no rekishi. *Enogu kōza.* 2002, vol. 75, No. 4, pp. 189–199 (in Japan.).

Tsuruta E. Kofun hekiga no ganryō ni tsuite. Sōshoku kofun' oyobi 'Takamatsu tsuka hekiga kofun' no hekiga o chūshin toshite. *Japan Society of Colour Material*, 2006, vol. 79, pp. 203–209 (in Japan.).

Vorob'ev M.V. Yaponiya v III–VII vv. Moscow: Nauka, 1980, 344 p. (in Russ.).

УДК 902/904

С.В. Горохов, А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

Артиллерийское вооружение Умревинского острога*

Одним из ключевых факторов, определивших успешное освоение территории Сибири и Дальнего Востока в конце XVI – XVIII в., было использование огнестрельного вооружения русскими служилыми людьми. В ряду прочих видов огнестрельного вооружения важное место занимала артиллерия. Существует внушительный корпус письменных источников об артиллерии русских в Сибири, однако археологические находки носят единичный характер. В статье приводится обзор обнаруженных артиллерийских ядер и подробно анализируются находки из окрестностей Умревинского острога, включая клад артиллерийских ядер. Авторы приходят к выводу, что на вооружении сибирских крепостей стояли устаревшие артиллерийские орудия с нестандартизированными по нормам XVII–XVIII вв. калибрами, что является нормой для военного дела в Европе в целом. Анализ коллекции артиллерийских ядер из окрестностей Умревинского острога позволил существенно уточнить его историю и выявить факты ведения боевых действий в первой половине XVIII в., что не нашло отражения в известных письменных источниках.

Ключевые слова: *Сибирь, Умревинский острог, артиллерия, артиллерийское ядро, клад артиллерийских ядер.*

S.V. Gorokhov, A.P. Borodovsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com

Artillery Armament of Umrevinsky Ostrog

One of the key factors that determined successful development of the territory of Siberia and the Far East at the end of the 16–18th centuries was use of fire weapons by the Russian service class people. One of the most important types of fire weapons was artillery. There is an impressive set of written sources depicting the Russian artillery in Siberia but the archeological findings are very few. The article reviews the discovered cannon balls and thoroughly analyzes objects found in the vicinity of the Umrevinsky Ostrog, including a treasury of cannon balls. The authors conclude that the Siberian fortresses were armed with outdated artillery weapons with calibers not standardized according to the norms of the 17–18th centuries, which is regarded as a norm for the European military arts on the whole. The analysis of the cannon balls collection found in the vicinity of the Umrevinsky Ostrog allowed significantly specifying the history of the fortress and revealing the facts of military action in the first half of the 18th century, that was not reflected in the known written sources.

Keywords: *Siberia, Umrevinsky Ostrog, artillery, cannon ball, treasury of cannon balls.*

Артиллерийское вооружение являлось важным фактором военно-политической обстановки в Сибири и на Дальнем Востоке в период первоначального освоения данных территорий Российским государством в конце XVI – XIX в. Существует обширный корпус письменных источников, в которых отразились различные аспекты военного дела в Сибири, связанные с огнестрельным оружием. По объективным причинам археологические материалы по данной тематике весьма скудны, но все же способны дать новую информацию об исторической действительности, связанной с военным делом. Настоящая статья посвящена анализу предметного комплекса Умревинского острога, относящегося к артиллерийскому вооружению.

Русская артиллерия в Сибири и на Дальнем Востоке не становилась предметом специального исследования, источниковую базу которого составили бы археологические материалы. Это является следствием общего невнимания к данной про-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

блематике, которое проявляется в поверхностном описании обстоятельств обнаружения артиллерийских ядер и их основных характеристик – калибра и материала, из которого изготовлены ядра. Если не принимать в расчет коллекцию артиллерийских ядер из Умревинского острога, то в половине случаев (5 из 10), когда сообщается об обнаружении артиллерийских ядер, не указывается их калибр (см. *таблицу*).

Всего в результате археологических исследований сибирских острогов (по опубликованным данным) было обнаружено не менее 28 артиллерийских ядер (в действительности обнаружено больше, однако их точное количество не приведено для Березова [Визгалов, Пархимович, 2010, с. 393]) и ни одного артиллерийского ствола. Из этого количества 18 артиллерийских ядер происходит из окрестностей Умревинского острога. Между тем, сам факт наличия или отсутствия артиллерии является достаточно важным обстоятельством при реконструкции истории того или иного острога, так как радикально влияет на обороноспособность.

Спустя 300 лет после основания Умревинского острога в 300 м к северу от него, на территории приусадебного участка у дома лесника (в настоящее время ориентир утрачен, так как дом сгорел) было обнаружено скопление 15 железных ядер, диаметр которых составляет 4,2 см. По количеству артиллерийских ядер и обстоятельствам залегания данный клад не имеет аналогов в сибирской археологии.

Относительно обстоятельств формирования клада можно выдвинуть три версии: 1) в «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов описывает эпизод, когда следовавший с военными припасами к Е. Хабарову некто дворянин Зиновьев зарыл военные припасы в землю в Тугирском остроге [Словцов, 1886, с. 49, 50]. Возможно, что клад артиллерийских ядер из окрестностей Умревинского острога так же был целенаправленно зарыт для сохранности, а позже, по неизвестной причине, забыт; 2) ядра были похищены, спрятаны (закопаны) и впоследствии забыты; 3) у русских первопроходцев существовала традиция устанавливать на новых землях крупные деревянные кресты и закапывать при этом в землю различные предметы. Возможно, формирование клада ядер связанно именно с этой традицией. Более предпочтительными представляются первая и вторая версии, так как артиллерийские ядра являются достаточно ценными изделиями, принадлежащими государству и предназначенными для ведения боевых действий. Их использование не по назначению не могло приветствоваться царской администрацией.

Летом 2003 г. местный житель передал А.П. Бородовскому железное ядро диаметром 6,4 см и пояснил, что нашел его в 1970-х гг. в р. Обь во время рыбалки напротив стен острога. По рассказам местных жителей еще одно ядро диаметром около 5 см было найдено в 4 км южнее острога, на правом берегу р. Обь. Еще одно железное ядро диаметром 10,25 см было найдено жителями с. Ташара в окрестностях с. Сарачевка (Мошковский р-н Новосибирской области) и передано А.П. Бородовскому.

Находки артиллерийских ядер вблизи Умревинского острога свидетельствуют о том, что на вооружении острога одновременно или в разное время стояли артиллерийские орудия различных калибров. Находки ядер в окрестностях острога, но на значительном удалении от него являются признаками того, что артиллерия в данном регионе применялась не только как крепостная, но и как полевая.

Можно определить примерное время появления на вооружении Умревинского острога артиллерий-

Артиллерия острогов в Сибири и на Дальнем Востоке по данным археологии

Острог/город	Ядра, шт.	Диаметр, см	Источник
Албазинский	1	9,5	Сухих, 1978, с. 142
Березов	+	–	Визгалов, Пархимович, 2010, с. 393
Верхотурье	1	2,5	Корчагин, 1998, с. 75
	1	3,5	Там же
	1	5	Святов, Старков, Чаиркин, 1998, с. 155
Красноярский	1	–	Николаева, 1963, с. 120
	1	–	Тарасов, 2003, с. 412
Саянский	1	–	Скобелев, 1989, с. 170
Стадухинский	1	–	Алексеев, 1996, табл. 87, *2*
Тобольск	1	3,5	Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2010, с. 208
Умревинский	15	4,2	Бородовский, Горохов, 2009, с. 88
	1	5	Там же
	1	6,4	Там же
	1	10,25	Там же

ского вооружения. Известно, что до 1730–1734 гг. острог был безбашенным [Бородовский, Горохов, 2009, с. 44, 50, 51, 86]. Это значит, что артиллерии на его вооружении не было. Также известно, что посетивший Умревинский острог в 1734 г. Г.Ф. Миллер отметил факт отсутствия в Умревинском остроге артиллерии [Миллер, 1750]. Следовательно артиллерия появилась на вооружении Умревинского острога после 1734 г. Возможно, что реконструкция острога, связанная с возведением двух башен, была приурочена к планировавшемуся прибытию артиллерийских орудий. Факт наличия или отсутствия артиллерии напрямую влияет на архитектуру башен, в которых должны быть предусмотрены специальные бойницы, что необходимо учитывать при разработке графических и натурных реконструкций Умревинского острога.

Сам факт строительства двух башен в период с 1730 по 1734 гг. и поступление на вооружение острога артиллерии говорит о том, что в конце 1720-х – начале 1730-х гг. в регионе складывалась ситуация, грозившая перерасти в вооруженный конфликт. Признаками ведения боевых действий служат находки в непосредственной близости от острога двух артиллерийских ядер, которые могли оказаться здесь в результате артиллерийской стрельбы, а также одного ядра вблизи современного с. Сарачевка. Факты ведения боевых действий в окрестностях Умревинского острога в известных письменных источниках отсутствуют. Это добавляет еще один штрих к истории Умревинского острога и региона Верхнего Приобья в целом.

Обзор археологической коллекции артиллерийских ядер Сибири в целом и Умревинского острога в частности подтверждает данные письменных источников о том, что на вооружении крепостей в XVII–XVIII вв. находились артиллерийские образцы устаревших моделей, признаком чего служит большое разнообразие калибров, большая часть из которых не соответствует стандартам XVII–XVIII вв. Такая ситуация не является спецификой Сибири – она так же характерна для государств Европы и их колоний. Как показал опыт изучения коллекции артиллерийских ядер Умревинского острога, данный вид источников при определенных обстоятельствах позволяет существенно уточнить историю оборонительных сооружений, на вооружении которых состояла артиллерия.

Список литературы

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск: [Б.и.], 1996. – 152 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. – 244 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Березовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 389–396.

Корчагин П.А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 67–80.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Тобольский посадский острог XVII в. (по результатам археологических исследований Чукманского раскопа в 2008–2009 гг.) // Культура как система в историческом аспекте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 205–209.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел. – СПб., 1750. – 510 с.

Николаева И.Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1963. – С. 115–123.

Святов В.Н., Старков А.В., Чаиркин С.Е. Археологические исследования в г. Верхотурье в 1997 г. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 144–157.

Скобелев С.Г. Раскопки Саянского острога в целях создания музея под открытым небом // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1989. – С. 169–170.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886.

Сухих В.В. Землянки Албазинской крепости // Археологич. мат-лы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: [Б.и.], 1978. – С. 138–144.

Тарасов А.Ю. Исследования в Красноярском крае // Археологические открытия 2002 г. – М.: Наука, 2003. – С. 411–412.

References

Alekseev A.N. Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii. Novosibirsk, 1996, 152 p. (in Russ.).

Borodovsky A.P., Gorokhov S.V. Umrevinskii ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002-2009 gg. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ.; Novosibirsk State Pedagogical Univ. Press, 2009, 244 p. (in Russ.).

Korchagin P.A. Kompleksnye istoriko-arkheologicheskie issledovaniya KAE PGU v Verkhotur'e. In *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniya g. Verkhotur'ya.* Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1998, pp. 67–80 (in Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova T.V. Tobol'skii posadskii ostrog XVII v. (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovanii Chukmanskogo raskopa v 2008–2009 gg.). In *Kul'tura kak sistema v istoricheskom aspekte: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii.* Tomsk: Agraf-Press, 2010, pp. 205–209 (in Russ.).

Miller G.F. Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proizoshedshikh v nem del. St. Petersburg, 1750, 510 p. (in Russ.).

Nikolaeva I.B. Raskopki na territorii byvshego Krasnoyarskogo ostroga. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii, etnografii i istorii Krasnoyarskogo kraya*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1963, pp. 115–123 (in Russ.).

Skobelev S.G. Raskopki Sayanskogo ostroga v tselyakh sozdaniya muzeya pod otkrytym nebom. In *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoi rabote muzeev.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Univ. Publ., 1989, pp. 169–170 (in Russ.).

Slovtsov P.A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova, 1886 (in Russ.).

Sukhikh V.V. Zemlyanki Albazinskoi kreposti. In *Arkheologicheskie materialy po drevnei istorii Dal'nego Vostoka SSSR*. Vladivostok, 1978, pp. 138–144 (in Russ.).

Svyatov V.N., Starkov A.V., Chairkin S.E. Arkheologicheskie issledovaniya v g. Verkhotur'e v 1997 g. In *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniya g. Verkhotur'ya.* Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1998, pp. 144–157 (in Russ.).

Tarasov A.Yu. Issledovaniya v Krasnoyarskom krae. In *Archaeological discoveries 2002 g.* Moscow: Nauka, 2003, pp. 411–412 (in Russ.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Berezovsky kreml': nekotorye rezul'taty i perspektivy arkheologicheskikh issledovanii. In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo.* Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Publ., 2010, iss. 8, pp. 389–396 (in Russ.).

УДК 902+903.2; 903.5; 903.7

А.Е. Гришин[1], Ж.В. Марченко[1, 2], М.С. Кишкурно[2], Г.И. Галямина[3], Л.В. Назарова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Дом детского творчества «Центральный», Новосибирск
E-mail: artem-grishin@mail.ru

Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобье (работы 2016 года в Кудряшовском бору)*

В 2016 г. продолжено изучение разновременных памятников Крохалёвка-5, -11 (Кудряшовский археологический район, Новосибирское Приобье). Изучены 49 разноплановых археологических объектов, в т.ч. 11 погребений. Из них три могилы относятся к некрополю эпохи бронзы. В могилах обнаружены предметы из капа в виде стилизованной головы медведя. Аналоги есть в одиновских могильниках Барабы, один обнаружен ранее на Крохалёвке-5 (1998 г.). В другом комплексе найден баночный сосуд крохалёвского керамического типа (по характеристике Н.В. Полосьмак). Декор в накольчатой технике, присутствует ряд ямок, «ложнотекстильные» оттиски не отмечены. Следы погребальной практики могил этой группы указывают на параллели в кротовской культуре. Однозначная культурная атрибуция данных комплексов эпохи бронзы пока затруднена.

Ключевые слова: *Новосибирское Приобье, некрополь эпохи бронзы, Крохалёвка-5, -11, одиновская, кротовская археологические культуры, крохалёвский керамический тип.*

A.E. Grishin[1], Zh.V. Marchenko[1, 2], M.S. Kishkurno[2], G.I. Galyamina[3], L.V. Nazarova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Center of Additional Education "Central", Novosibirsk
E-mail: artem-grishin@mail.ru

New Bronze Age Burial Complexes in the Novosibirsk Ob' River Basin (Researches in the Kudryashovsky Pine-Forest in 2016)

In 2016 the field researches were continued on the Krokhalevka-5, -11 sites (Kudryashovskiy archaeological region, the Novosibirsk Ob' River Basin). Forty-nine different archaeological objects were investigated including 11 burials. Three graves were attributed to the Bronze Age (the first group). In the graves two art objects were found (one – in 1998). They were produced from burr of birch. Both have form of a stylized bear's head. Similar objects were also found in the Odino necropolises of the Baraba forest-steppe: Sopka-2/4A, Abramovo-11. Vessels of the Krokhalevo ceramic type were also excavated in these burials. These pots have no "textile" traces. Funerary practices remind the Krotovo Culture rite. The cultural identification of these burial complexes is difficult due to the presence of different cultural markers in burial practice and artifacts on the necropolis.

Keywords: *Novosibirsk Ob' River basin, Bronze Age necropolis, Krokhalevka-5, -11 sites, Odino Culture, Krotovo Culture, the Krokhalevo ceramic type.*

В 2016 г. продолжено комплексное изучение памятников Крохалёвка-5, -11 Кудряшовского археологического района – одной из крупнейших археологических концентраций памятников в лесной и лесостепной полосе Западной Сибири. Сосредоточение разновременных и разноплановых объек-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

тов на ограниченной территории кромки крупного бора у древнего рукава Оби дает широкий культурно-хронологический срез. За период почти полувекового исследования сибирскими учеными на этих памятниках было зафиксировано наличие некрополей шести культурно-хронологических горизонтов и двух масштабных поселенческих периодов. На новом этапе изучения нами реализуется стратегия отбора образцов для широко спектра междисциплинарных исследований. Так, формируется антропологическая, остеологическая, ихтиологическая коллекции, отбираются образцы грунта и органических материалов из наиболее показательных стратиграфических разрезов, со дна и из заполнения объектов, пополняется фонд древнего и современного фонового материала для изотопного анализа. Кроме того, работы носят спасательный характер, т. к. памятники находятся в зоне хозяйственной деятельности.

В текущем году на площади 88 кв. м исследовано 49 разновременных объектов, в. т.ч. 11 погребений. Из них 3 отнесены к «первой» группе эпохи бронзы (по: [Гришин, Марченко, Гаркуша и др., 2014, с. 150–152]). Остановимся подробнее на информа-

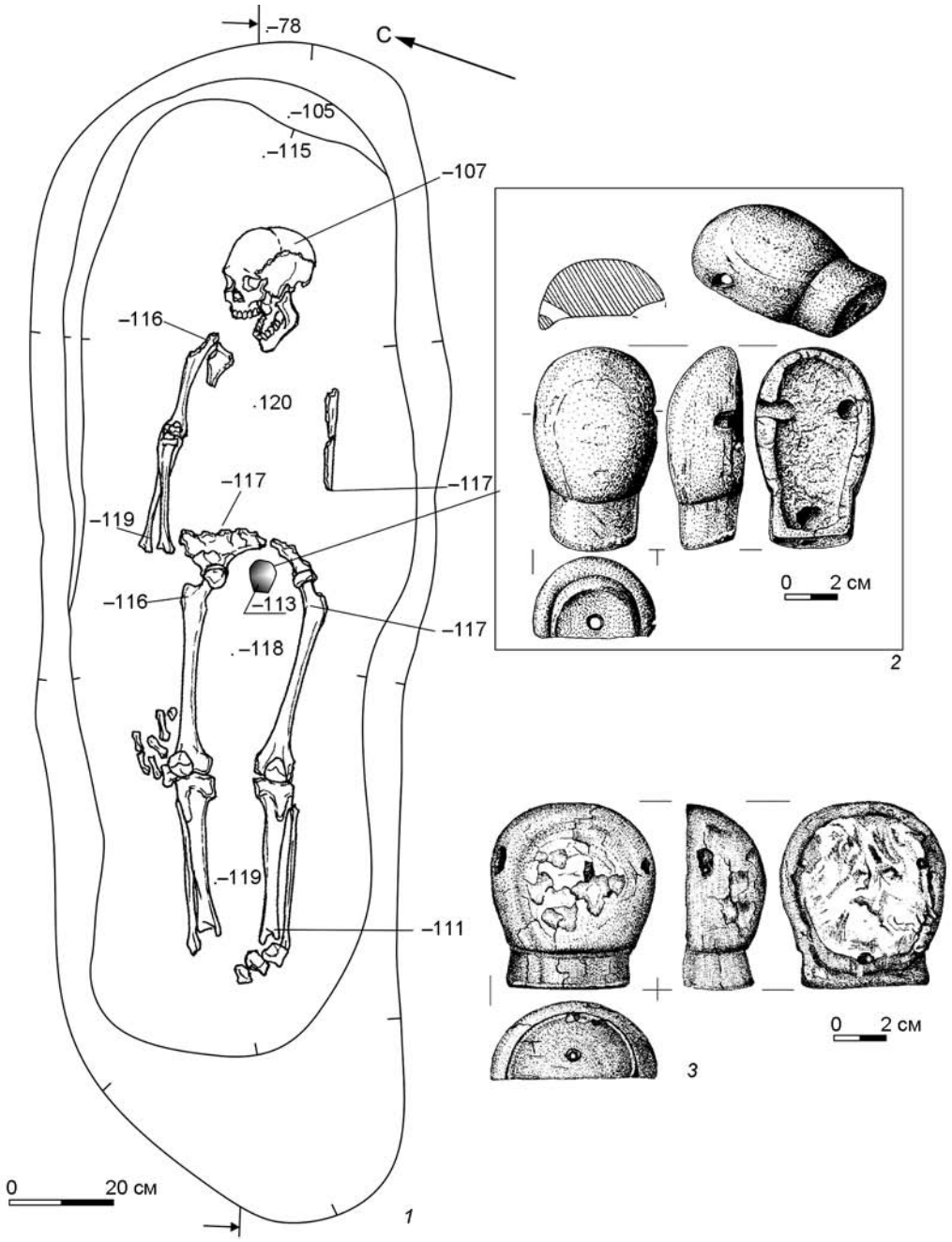


Рис. 1. План погребения № 36 (*1*), «пряжки» из капа из погребения № 36 (*2*) и погребения 3 кургана 124 (*3*) (по: [Галямина, 2015]).

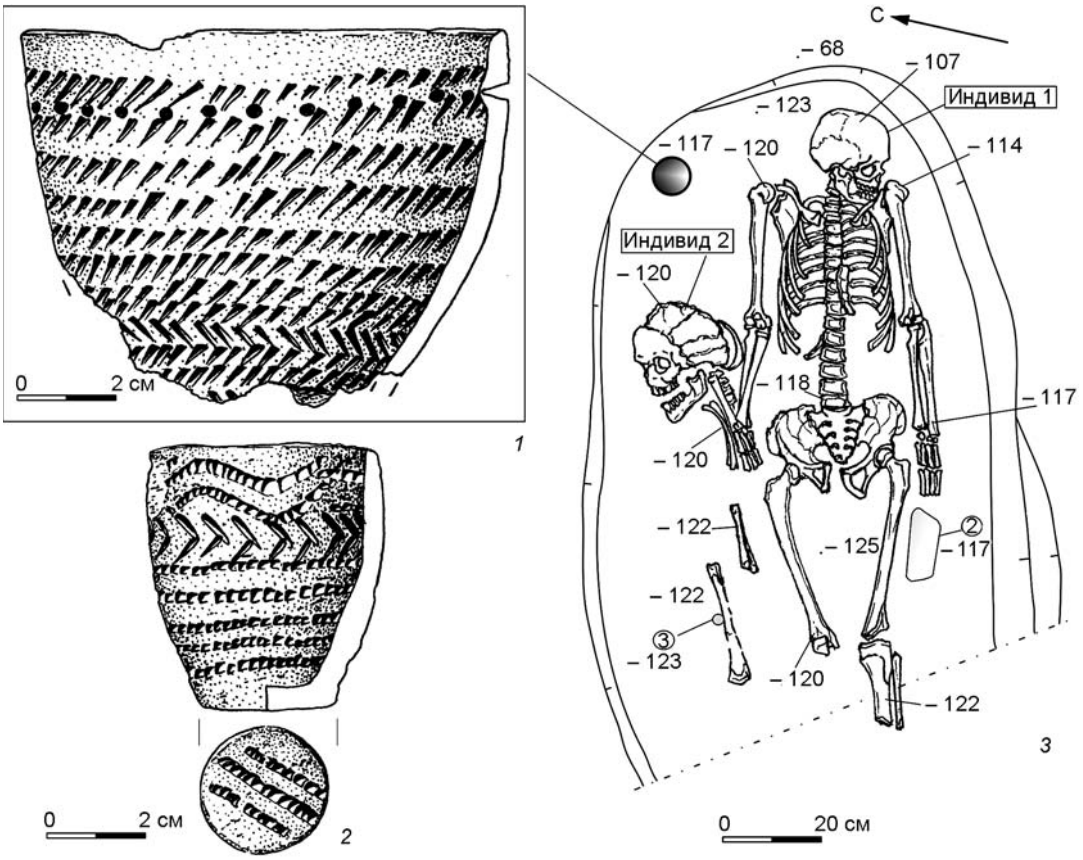


Рис. 2. План погребения № 41 (*3*), сосуды из погребения № 41 (*1*) и погребения № 40 (*2*).

ции, которая важна для понимания культурно-хронологической позиции этой могильной группы.

Из комплекса № 36, где захоронен мужчина 40–45 лет, происходит оригинальное изделие из капа или сувели (рис. 1, *1*, *2*)*. Оно находилось между крыльями подвздошных костей таза, над крестцом. Предмет имеет выпукло-вогнутый профиль, продиктованный формой сырья. Длина предмета – 7,2–7,7 см, ширина – 3,5–4,7 см, общая толщина – 2,8 см. Цвет изделия насыщенно черный, равномерный. Внешняя поверхность гладкая, заполированная. Оформлены три сквозных отверстия диаметром 0,4–0,9 см. Два из них симметрично расположены по краям овальной части, одно – в торце прямоугольной части. С мужчиной 30–35 лет, захороненным в соседнем ряду (курган 125, погр. 3), на расстоянии 4 м к юго-западу от комплекса № 36, найден еще один аналогичный предмет (рис. 1, *3*) [Галямина, 2015]. Он располагался на крыле подвздошной кости таза. Общая морфология и размеры изделия (7,4 × 4,9–6,3 см) очень близки характеристикам, приведенным выше. Очевидно, что обе приобские находки продолжают ряд подобных изделий из одиновских некрополей Барабы: Сопки-2/4А и Абрамово-11 [Молодин, 2012, с. 169–171]. Высокий уровень стандартизации изделий и сходство обстоятельств их обнаружения указывает на один культурно-ритуальный контекст их бытования (статусная мужская поясная гарнитура в виде головы медведя [Там же; Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000]).

В ходе работ этого года увеличилась коллекция керамических сосудов из могил, что принципиально для культурной интерпретации некрополя. В изголовной части погребения женщины с ребенком (№ 41) устьем вниз располагался баночный сосуд (рис. 2, *1*, *3*). Нижняя часть сосуда разрушена более поздним сооружением. Вдоль венчика нанесен рад ямок, остальная сохранившаяся часть изделия орнаментирована горизонтальными рядами косых насечек палочкой. Отпечатков ткани не зафиксировано, как и на других изделиях из этой группы могил.

Этот и опубликованные нами ранее сосуды из погребений «первой» группы [Гришин, Марченко, Гаркуша и др., 2014, рис. 2, *2*; Марченко, Гришин, Кишкурно и др., 2015, рис. 2, *4*] вполне

*Выражаем благодарность М.В. Мороз и О.Л. Швец за реставрацию находок и М.Е. Медовиковой и Ю.Н. Гаркуше за оформление иллюстрации.

вписываются в ту часть крохалёвской керамической традиции, в которой «ложнотекстильные» отпечатки присутствуют не всегда и часть сосудов напоминают одиновские образцы (баночные формы, накольчатая техника, орнаментир палочка, использование рядов «жемчужин» и ямок) [Полосьмак, 1978]. Отметим, что фрагменты керамики со следами «ложного текстиля» пока встречались в заполнении закрытых погребальных комплексов Крохалёвки-5, -11 только в качестве случайных мелких фрагментов или залегали в культурном слое. Эпохально синхронные материалы Кузнецкой котловины указывают на самостоятельность «ложнотекстильной» и «накольчатой» групп керамики [Бобров, 1992, с. 9–10]*.

Следы погребальной практики «первой» группы эпохи бронзы нами уже кратко приводились в публикации по памятникам [Гришин, Марченко, Гаркуша и др., 2014, с. 150–152]**. Теперь можно добавить, что сосуды помещаются в изголовной части камер как вверх, так и вниз устьем. В одном случае дно намеренно пробито. Причем керамические ёмкости используются сравнительно часто – они есть в трех из девяти комплексов.

Таким образом, в описанной «первой» группе могил бронзового века прослеживается совмещение ритуальных элементов и предметов, характерных для кротовской (поза умершего вытянуто на спине, прямоугольная каменная плитка рядом с головой [Молодин, Гришин, 2016]), одиновской традиции (фигурные изделия из капа, предмет в районе кисти) и керамики крохалёвского типа (по: [Полосьмак, 1978]). В свете имеющейся терминологической ситуации мы пока не можем однозначно атрибуцировать эту могильную группу с помощью только одного известного культурно-хронологического таксона. Подобная ситуация объясняется отчасти контактным характером Приобья, уже неоднократно отмеченным, в т.ч. и на материалах погребальных памятников (напр.: [Молодин, Дураков, 2013]). Кроме того, для населения степного и лесостепного Обь-Иртышья в эпоху бронзы характерна дискретность культурного пространства по некоторым параметрам. В историографии это выражается в объединении археологических культур в разном сочетании и порядке, и постоянно инициирует дискуссию о принадлежности некоторых памятников к тем или иным ареалам.

В целом, массив эпохи бронзы на изучаемом некрополе неоднороден. Для контраста упомянем, что из могил других эпохально синхронных групп на Крохалёвке-5, -11 происходят и иные керамические образцы. Так, в этом году в могиле № 40 в изголовье ребенка обнаружен миниатюрный сосуд, лежащий на боку (рис. 2, *2*). Это банка высотой 4,9 см, диаметр по устью – 4,5 см. Орнаментир (палочка), приемы (отступающий накол, протаскивание) и мотивы декора (горизонтальные линии, зигзаг) указывают на определенный самусьский колорит изделия (напр. [Молодин, Глушков, 1989, рис. 32, *2*]). В этих группах могил зафиксированы и три факта помещения сосудов рядом с изголовной стенкой камеры. В одном случае можно предположить позицию емкости вниз устьем. Причем для украшения двух из этих емкостей использовались гребенчатые орнаментиры (один сосуд не декорирован). При детальном рассмотрении культурная атрибуция этих могил и связанных с ними емкостей тоже не однозначна и требует накопления полевых данных.

Тем актуальнее уже начатое ^{14}C датирование представленных здесь комплексов Крохалёвки-5, -11, так как позиции эпохально синхронных археологических культур в последнее время значительно пересмотрены в сторону удревнения [Молодин, Епимахов, Марченко, 2013], а для крохалёвских «ложнотекстильных» комплексов Кузнецкой котловины рамки уже предложены (конец III – первая четверть II тыс. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2016, с. 111]).

Список литературы

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалёвская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 4 (42). – С. 108–112.

Галямина Г.И. Отчет «Исследования курганного могильника Крохалёвка-5 в Коченевском районе Новосибирской обл. в 1997 г.» – Новосибирск, 2015 / Архив НПЦ НСО.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новый этап исследования памятников Крохалёвка-5, -11 (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 149–153.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по па-

*Именно «ложнотекстильные» памятники кемеровские коллеги предлагают связать с крохалёвской культурой, а остальным еще предстоит подобрать обозначение [Бобров, Марочкин, 2016, с. 108].

**На данный момент к группе отнесены два соседствующих ряда из 9 могил.

мятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 297–302.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. –Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры.– 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 84–101.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13; вып. 3: Археология и этнография. – С. 136–167.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23–36.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалёвка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–46.

References

Bobrov V.V. Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' v epokhu bronzy: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1992, 41 p. (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Krokhalevskaya kul'tura rannei bronzy na territorii Kuznetskoi kotloviny (spetsifika material'nogo kompleksa i khronologiya). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: History*, 2016, No. 4 (42), pp. 108–112 (in Russ.).

Galyamina G.I. Otchet "Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Krokhalevka-5 v Kochenevskom raione Novosibirskoi obl. v 1997 g.". Novosibirsk, 2015. In *Archiv Nauchno-proizvodstvennogo tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Novosibirskoi oblasti* (in Russ.).

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Novyi etap issledovaniya pamyatnikov Krokhalevka-5, -11 (Novosibirskoe Priob'e). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 149–153 (in Russ.).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Kishkurno M.S., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Novye dannye po pamyatnikam Krokhalevskogo arkheologicheskogo mikroraiona (Novosibirskoe Priob'e). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 297–302 (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A. Pogrebeniya epokhi rannei – razvitoi bronzy mogil'nika Ordynskoe-1 (novaya versiya istoriko-kul'turnoi interpretatsii). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4, pp. 84–101 (in Russ.).

Molodin V.I., Epimakhov A.V, Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoi Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: History and Philology*, 2014, vol. 13, iss. 3: *Archaeology, and Ethnology*, pp. 136–167 (in Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1989, 168 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Oktyabr'skaya I.V., Chemyakina M.A. Obraz medvedya v plastike zapadnosibirskikh aborigenov epokhi neolita i bronzy. In *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 23–36 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Keramicheskii kompleks poseleniya Krokhalevka–4. In: *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1978, pp. 36–46 (in Russ.).

УДК 903.5

И.А. Дураков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: idurakov@yandex.ru

К вопросу о появлении формовки по пластичной модели на юге Западной Сибири*

В статье прослежено применение литейного приема «формовка по восковой модели» на памятниках эпохи ранней бронзы Западной Сибири. Впервые рассмотрен вопрос о времени проникновения этих технологий литья на вышеозначенную территорию. Представлены результаты трасологического анализа бронзовых предметов, происходящих из «закрытых» комплексов раннебронзовых культур, отлитых с использованием данного приема, а также предметов, выполненных по комбинированным моделям, сочетающим «жесткие» и пластичные элементы конструкции. На основе полученных результатов и наличия следов развитого бронзолитейного производства, отмечаемого на ряде памятников одиновской культуры (Тартас-1, Старый Тартас-5), выдвинуто предположение, что производство исследованных бронзовых изделий осуществлялось ее носителями и может быть определено как эпохальное для региона явление. Сделан вывод, что время появления в Сибири литья по восковой модели, с учетом калиброванных радиоуглеродных дат одиновских памятников Барабы, следует отнести к периоду не позднее середины III тыс. до н.э.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха бронзы, бронзолитейное производство, формовка по восковой модели.*

I.A. Durakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: idurakov@yandex.ru

To the Question about the Appearance of Moulding on Plastic Model in the South of Western Siberia

The article traced the use of the casting device of the wax model molding on the early bronze age monuments in Western Siberia. First the time of the casting penetration on the territory was considered. There are presented the results of an investigative analysis of bronze objects originating from the "closed" complexes of the early bronze cultures cast using this technique, as well as items made on models that combine "hard" and plastic construction elements. On the basis of the obtained results and the presence of a developed bronze production trace observed in the number of odino culture monuments (Tartas-1, Old Tartas-5), we suggested that the production of bronze objects was carried out by its representatives and can be defined as a landmark for the region phenomenon. We concluded that the time of appearance in Siberia of the injection on the wax model, taking into account calibrated radiocarbon dates Baraba odino monuments, should be attributed to the period no later than mid-III Millennium BC.

Keywords: *Western Siberia, bronze age, bronze casting, the wax model moulding.*

Формовка по восковой модели является одним из самых изученных литейных приемов. Его различные варианты подробно описаны как в археологической, так и в специальной технической литературе [Лурье, Ляпунова, Матье и др., 1940, с. 87, 204–205; Mohen, 1990, p. 161–162, fig. 48; Davey, 2009, p. 147–148]. В качестве материала модели в древности использовали не только воск и сало. Учитывая легкоплавкость этих материалов (температура плавления пчелиного воска 61–64 °С, бараньего жира – 45 °С, говяжьего – 40–45 °С) [Справочник металлиста, 1959, с. 67], применяли также смеси глины и органических соединений (сала, воска, шерсти, льна, сажи, сусла) [Рубцов, Бала-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

бин, Воробьев, 1959, с. 266–267]. Поэтому такой способ правильнее было бы назвать литьем по пластичной модели.

Случаи нахождения обломков форм, полученных по пластичной модели единичны, поэтому их применение в древних производствах прослеживается чаще всего по косвенным признакам: следам лепки, подрезки и заглаживания пластичного материала, перешедшими на отливку [Davey, 2009, p. 147–148].

Возникновение данного вида литья предположительно связывают с иранским нагорьем и датируют временем ранее IV в. до н.э. [Davey, 2009, p. 152]. В Месопотамии использование пластичных моделей прослежено несколько позже – в начале 3 тыс. до н.э. [Penniman, 1975, p. 144; Mille, 2006], в это же время они появляются в северной Индии [Marshall, 1931, p. 345; Krishnan, 1976] и Южной Европе [Davey, 2009, p. 153]. Египетское производство знало восковые модели минимум с начала периода Древнего царства [Garland, Bannister, 1927, p. 39–54].

Вопрос о времени проникновение этих технологий литья в Северную Азию до последнего времени не рассматривался. Однако находки целой серии отлитых по пластичным моделям предметов, происходящих из «закрытых» комплексов раннебронзовых культур Западной Сибири, позволяют обратиться к этой проблеме.

Наибольший интерес представляет массивный наконечник копья, найденный в погребении № 24 одиновской культуры могильника Преображенка-6 [Молодин, 2013, с. 310–313, рис. 3, 4]. Изделие относится к разряду КД-8 сейминско-турбинских вильчатых наконечников копий. Отливка носит явные следы формовки по восковой модели в виде перешедших на нее следов лепки и деформации пластичного материала, прослеживающихся на ребрах жесткости «вилки» пера и петельке у основания втулки. Наличие хорошо сохранившихся литейных швов указывает на то, что модель была извлекаемой, а форма предназначалась к многократному использованию.

В составе коллекции сейминско-турбинских бронз Центральной Барабы встречаются изделия, выполненные по комбинированным моделям, сочетающим «жесткие» и пластичные элементы конструкции. Как правило, пластичные детали дополняют, усложняют или усовершенствуют «жесткую» модель, в качестве которой часто используется ранее выполненная отливка иногда со следами использования или поломки. Примером такого изделия может служить кельт из Старого Тартаса-1 [Молодин, Дураков, Софейков и др., 2012, с. 227–228].

Его форма была изготовлена по комбинированной модели: ее основной корпус представлял собой кельт сейминско-турбинского типа разряда К-4, на который были налеплены тонкие жгуты пластичного материала, вероятнее всего воска. На получение рельефа именно таким способом указывают перепады его толщины и глубины в местах расплющивания жгутов при их прикреплении к поверхности модели, а также характерные утолщения при наложении концов жгутов друг на друга.

Литье по выплавляемым или выжигаемым моделям с потерей формы также было известно, но применялось очень ограниченно. Например, таким способом изготовлены две спиралевидные бронзовые серьги из погребения могильника Абрамово-11, три бронзовые и пять золотых серег из захоронений № 208, 278, 285, 287 могильника Сопка-2 [Молодин, 2012, с. 164–165, рис. 79, *3–5*, 183, *3–5*, 229, *1–8*]. Судя по сохранившимся следам, стерженьки этого типа серег отливались по пластичным моделям в неразъемных формах. На использование такой техники указывают перепады толщины стерженьков, обычно образующиеся при раскатывании пластичной массы в тонкий жгут, и отсутствие литейных швов. Этот способ изготовления, видимо, был достаточно эффективен, так как просуществовал очень длительное время и встречается в материалах последующей кротовской культуры [Молодин, Дураков, 2013, с. 92, рис. 7, *2–5*; 13, *2*].

Наличие следов развитого бронзолитейного производства, отмечаемого на ряде памятников одиновской культуры (Тартас-1, Старый Тартас-5) [Молодин, Новикова, Гришин и др., 2006, с. 425–426; Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2013], позволяет утверждать, что производство вышеописанных изделий осуществлялось ее носителями и может быть определено как эпохальное для региона явление.

Таким образом, время появления в Сибири литья по восковой модели, с учетом калиброванных радиоуглеродных дат одиновских памятников Барабы, следует отнести к периоду не позднее середины III тыс. до н.э. Одиновским литейщикам были известны оба основных типа такого литья: по выплавляемой либо выжигаемой модели с потерей формы и по извлекаемой модели с сохранением формы. Однако основной сферой применения пластичных моделей было получение разъемных форм, видимо, в силу серийного характера производства.

Список литературы

Лурье И.М., Ляпунова К.С., Матье М.Э., Пиотровский Б.Б., Флиттнер Н.Д. Очерки по истории техники Древнего Востока. – М.; Л.: АН СССР, 1940. – 352 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской културы. – 219 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4 (56). – С. 84–101.

Молодин В.И., Дураков И.А., Софейков О.В., Ненахов Д.А. Бронзовый кельт турбинского типа из центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 226–230.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Поселение одиновской культуры Старый Тартас-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 282–287.

Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабецкий В.П. Изучение памятника эпохи развитой бронзы Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 422–427.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году. Основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206–211.

Рубцов Н.Н., Балабин В.В., Воробьёв М.И. Литейные формы. – М.: Машгиз, 1959. – 557 с.

Справочник металлиста. – М.: Машгиз, 1959. – Т. 3. – 560 с.

Davey C.J. The early history of lost-wax casting // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond. – London: Archetype Publ., 2009. – P. 147–154.

Garland H., Bannister C.O. Ancient Egyptian Metallurgy. – London: Charles Griffiths & Co Ltd, 1927. – 214 p.

Krishnan M.V. Cire Perdue Casting in India. – New Delhi: Kanak Publications, 1976. – 100 p.

Marshall J. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. – London: Arthur Probsthain, 1931. – Vol. 1. – 730 p.

Mille B. On the origin of lost-wax casting and alloying in the Indo-Iranian world // Metallurgy and Civilisation: 6th International Conference on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys. – Beijing: Univ. of Science and Technology, 2006.

Mohen J.P. Metallurgie prehistorique: Introduction a la paleometallurgie. – Paris: Masson, 1990. – 230 p.

Penniman T.K. A note on specimens in the Pitt Rivers Museum illustrating cire perdue casting // Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. – Oxford: Oxford Univ. Press. 1975. – P. 143–148.

References

Davey C.J. The early history of lost-wax casting // Metallurgy and Civilisation: Eurasia and Beyond. London: Archetype Publ., 2009, p. 147–154.

Garland H., Bannister C.O. Ancient Egyptian Metallurgy. London: Charles Griffiths & Co Ltd, 1927, 214 p.

Krishnan M.V. Cire Perdue Casting in India. New Delhi: Kanak Publications, 1976, 100 p.

Lur'e I.M., Lyapunova K.S., Mat'e M.E., Piotrovskii B.B., Flittner N.D. Ocherki po istorii tekhniki Drevnego Vostoka. Moskow; Leningrad: AN SSSR, 1940, 352 p. (in Russ.).

Marshall J. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. London: Arthur Probsthain, 1931, vol. 1, 730 p.

Mille B. On the origin of lost-wax casting and alloying in the Indo-Iranian world. In *Metallurgy and Civilisation. 6th International Conference on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys.* Beijing: Univ. of Science and Technology, 2006.

Mohen J.P. Metallurgie prehistorique: Introduction a la paleometallurgie. Paris: Masson, 1990, 230 p.

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kultury, 219 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Seiminsko-turbinskie bronzy v «zakrytykh» kompleksakh odinovskoi kul'tury (Barabinskaya lesostep'). In *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, pp. 309–324 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A. Pogrebeniya epokhi rannei – razvitoi bronzy mogil'nika Ordynskoe-1 (novaya versiya istoriko-kul'turnoi interpretatsii). In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4 (56), pp. 84–101 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Sofeikov O.V., Nenakhov D.A. Bronzovyi kel't turbinskogo tipa iz tsentral'noi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVIII, pp. 226–230 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Myl'nikova L.N., Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Efremova N.S., Novikova O.I., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N., Mosechkina N.N., Vasil'eva Yu.A. Arkheo-

logicheskie issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2011 godu. Osnovnye rezul'taty. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 206–211 (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A. Poselenie odinovskoi kul'tury Staryi Tartas-5. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 282–287 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikova O.I., Grishin A.E., Garkusha Yu.N., Marchenko Zh.V., Rybina E.V., Pilipenko A.S., Labetskii V.P. Izuchenie pamyatnika epokhi razvitoi bronzy Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pp. 422–427 (in Russ.).

Penniman T.K. A note on specimens in the Pitt Rivers Museum illustrating cire perdue casting. In *Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1975, pp. 143–148.

Rubtsov N.N., Balabin V.V., Vorob'ev M.I. Liteinye formy. Moscow: Mashgiz, 1959, 557 p. (in Russ.).

Spravochnik metallista. Moscow: Mashgiz, 1959, vol. 3, 560 p. (in Russ.).

УДК 902/904

Н.С. Ефремова, В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ens77@mail.ru

Один из сюжетов обрядовых действий в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1)*

Статья посвящена обнаруженным на могильнике Тартас-1 керамическим сосудам андроновской (федоровской) культуры, расположенным вне погребений. Выявлено два варианта локализации подобных находок – в ямах и непосредственно на уровне материка. Приведенный круг аналогий демонстрирует достаточно широкое распространение данного явления в пространстве и во времени. По-видимому, рассматриваемые объекты являются следами погребально-поминальных тризн. По мнению исследователей, подобные сосуды можно интерпретировать неоднозначно: как следы поминальной тризны, жертвоприношение духам либо как сопроводительную пищу для умершего, оставленную по прошествии определенного времени. Не исключено, что к этому же ритуалу относятся фрагментарно представленные в ямах сосуды, помещенные туда по принципу «часть вместо целого».

Ключевые слова: *могильник, керамика, эпоха бронзы, андроновская культура, погребальный обряд, сосуд.*

N.S. Efremova, V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ens77@mail.ru

One of the Topics of the Ritual Action in the Funerary Practices of the Andronovo (Fedorovo) Culture (on the Materials of the Tartas-1 Burial Ground)

This article analyzes the detection of burial ceramic vessels, which located outside the burial in the Tartas-1. We identified two finds localization variants – in the pits and on the level of the continent. This demonstrates the widespread phenomenon in the space-chronological aspect. Apparently, the objects under consideration are traces of burial and funeral rituals. According to researchers, the vessels can be interpreted ambiguously: as a memorial funeral feast, as a sacrifice to the spirits or as accompanying food left behind after a certain time. It is possible that the same rituals are presented in fragmentary vessels, placed in the holes as a «part for the whole».

Keywords: *burial, ceramics, Bronze Age, Andronovo culture, funeral rites, vessel.*

Керамические сосуды представляют наиболее массовую категорию в погребальном инвентаре многих археологических культур. Не является исключением и андроновская культурно-историческая общность, в погребальную практику которой обязательным элементом входит наличие в захоронении керамической посуды. Этот постулат подтверждают и материалы могильника Тартас-1, расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Памятник исследуется под руководством акад. В.И. Молодина с 2004 г. Помимо керамических сосудов, обнаруженных в погребениях андроновской (федоровской) культуры, как правило, археологически целых, располагавшихся на дне могильной ямы в области головы погребенного, отмечен целый ряд объектов, локализованных в непосредственной близости от захоронений, и, вероятно, имеющих прямое отношение к последним. К ним относится, прежде всего, керамика, найденная вне могил: кроме погребений, на некрополе обнаружено

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

внушительное количество ям различного размера и конфигурации, по-видимому, связанных с погребальными обрядами носителей зафиксированных на памятнике культур. На настоящий момент исследовано более тысячи подобных объектов, значительная часть которых отнесена к андроновской (федоровской) культуре. Ряд ям содержал в заполнении или на дне остатки керамических сосудов, которые, судя по контексту, были помещены туда специально. При этом нередко в яме находились лишь отдельные фрагменты сосудов – одного или нескольких, развалы встречались гораздо реже.

На площади могильника отмечено два варианта расположения сосудов вне погребений:

1) сосуды в ямах;

2) сосуды, стоящие на уровне материка (по сути, они были также помещены в специальные ямы, только менее глубокие).

Первый вариант можно проиллюстрировать сосудом из ямы № 983 (рис. 1). Яма имела неправильную подовальную форму и размеры 1,33 × 1,11 м, глубина от уровня материка – до 0,35 м. На дне ямы обнаружен развал керамического сосуда – слабопрофилированного горшка, который орнаментирован горизонтальными рядами наклонных насечек, выполненных гребенчатым штампом. Облик сосуда позволяет однозначно отнести яму к андроновской (федоровской) культуре.

Наиболее ярким примером второго варианта может служить керамический сосуд, обнаруженный вблизи погребения № 593 – объект 2 (рис. 2). В процессе зачистки траншеи был обнаружен сосуд горшковидной формы, стоящий на материке вверх дном. Донышко сосуда обнаружено в развале, венчик археологически целый, *in situ* сохранилась также часть тулова. Сосуд профилирован, диаметр его по венчику составляет 16 см, по шейке – 14 см. Орнаментация сосуда выполнена по классической для андроновской (федоровской) культуры схеме. От края венчика до шейки он украшен рядом треугольников (вершинами вверх), выполненных мелкозубчатым штампом. Под ними идет фриз ра-

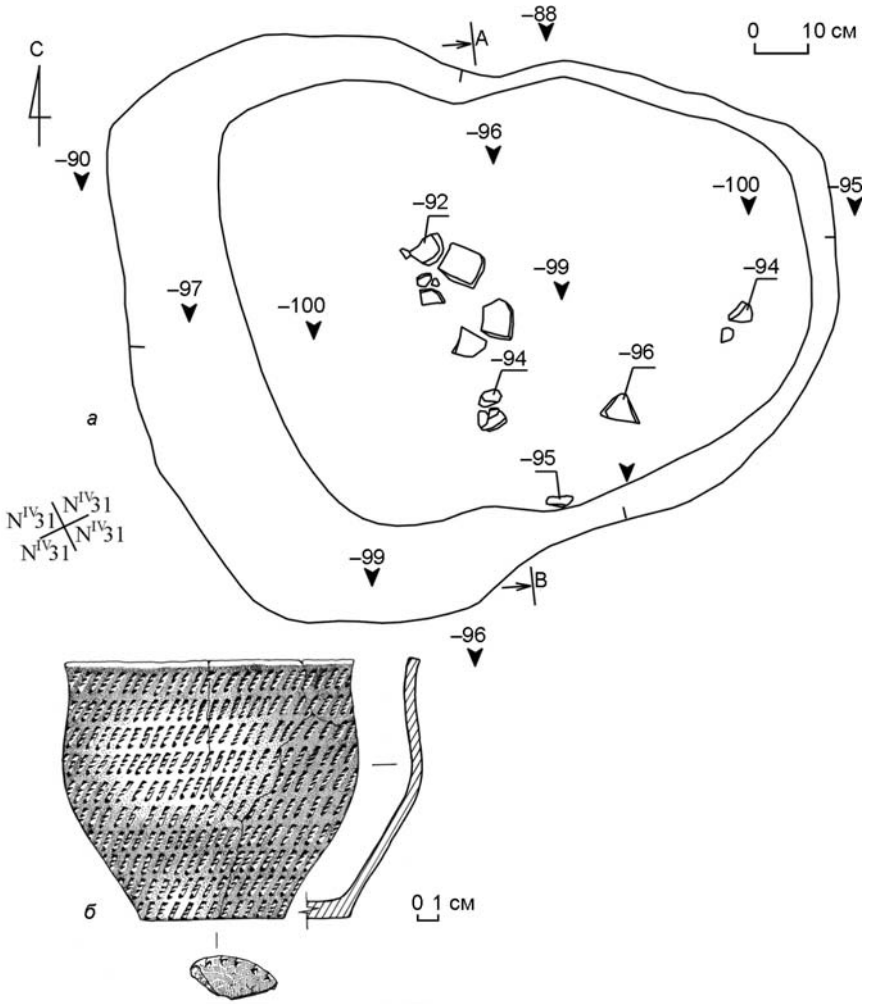


Рис. 1. Могильник Тартас-1, яма 983.
а – план; *б* – керамический сосуд.

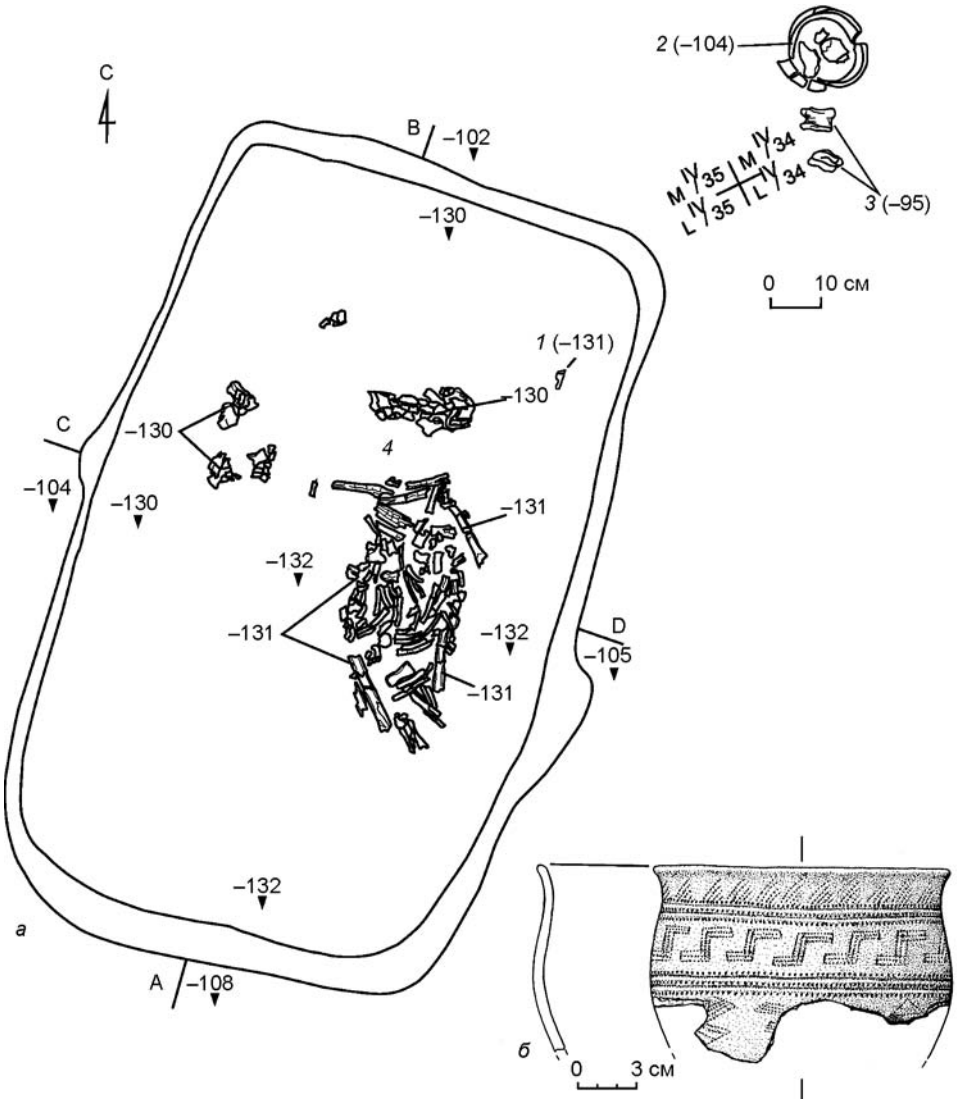


Рис. 2. Могильник Тартас-1.

а – план погребения 593; *б* – керамический сосуд (объект 2).

1 – фрагменты керамики; *2* – керамический сосуд (объект 2); *3* – альчики (объект 2); *4* – кости человека. A–B, C–D – линии разреза.

зомкнутого меандра, выполненного тем же штампом и отделенного от других орнаментальных зон рядом наколов мелкозубчатого штампа и каннелюрами шириной около 0,3 см.

При выборке заполнения сосуда найден фрагмент бересты, на котором лежала согнутая подковообразно бронзовая проволока с шаровидным утолщением на одном конце (сережка?). Рядом с развалом обнаружены два астрагала крупного копытного. Характерный сосуд позволяет однозначно отнести объект к андроновской (федоровской) культуре. К этой же культуре относится и погребение № 593, расположенное в 0,4–0,5 м от объекта. По-видимому, можно говорить о едином комплексе (рис. 2).

Отличительной особенностью рассматриваемого объекта является *расположение* сосуда: можно констатировать, что в процессе обрядовых действий он был установлен именно вверх дном. Данный случай не единичен, хотя в научной литературе рассматривалась андроновская посуда, помещенная непосредственно в погребения. Подобные варианты известны в могильниках Рублево VIII, Боровое, Лисаковский и ряде других. Данный феномен связывается исследователями с захоронениями женщин, выполнявших при жизни ритуальные (шаманские?) функции [Сотникова, 2015, с. 267–268]. Переворачивание или даже порча предметов могли свидетельствовать о связи последних с потусторонним миром. Так, например, в древней Индии при проведении ритуала исключения человека из общества основным моментом являлось опрокидывание сосуда, причем дефектного [Балакин, 1998, с. 207]. Возможно, этой причиной

объясняется и большой процент развалов археологически целых сосудов. Кроме того, часто в ямах находятся только единичные фрагменты сосудов – одного или нескольких (например, ямы № 979, 988). Не исключено, что здесь фиксируются следы ритуала симпатической магии – принесение в жертву части вместо целого. Интересно, что перевернутые сосуды как явление отмечены не только на погребальных памятниках, но и на поселениях, например, в материалах ирменской культуры, где они тоже имеют неординарную интерпретацию [Новикова, Шнеевайсс, 2002]. Пожалуй, особенно ярким проявлением обрядовой практики являются эпизоды, зафиксированные в значительном количестве на памятнике Сопка-2 на ритуальных комплексах южных хантов [Молодин, 1990].

Расположение сосудов на уровне материка или глубже обуславливается исключительно глубиной ям, которые выкапывались от уровня древней дневной поверхности в процессе ритуальных действий. Поскольку площадь некрополя потревожена систематической распашкой, границы таких ям в погребенной почве уловить практически невозможно, учитывая мощность пашенного слоя, следы проявления ритуала можно обнаружить только на уровне материка.

Почему жертвенная пища вынесена за пределы сакрализованного погребального пространства? Если сосуды в захоронении могли служить для обеспечения погребенного пищей «в дорогу», для путешествия в загробный мир, то керамика вне могильных ям являлась, скорее всего, остатками тризны либо «передачей» ушедшему, возможно, отправленной по прошествии определенного времени. Так, помещение керамических сосудов в насыпь сарматского кургана, равно, как и в заполнение рва или могильной ямы, интерпретируется исследователями как ритуальное кормление духов или тризна, тогда как посуда из самого погребения трактуется как приношение умершему [Краева, 2015, с. 91].

Ритуал оставления жертвенной пищи вне погребений известен во многих культурах и прослеживается даже в рамках рассматриваемого могильника – в переходное от бронзы к железу время (фрагменты керамики обнаружены в ямах пахомовской культуры – № 1009, относящейся к ритуальному комплексу; № 1053, относящейся к одно-культурному кургану; и др.; на уровне материка был найден развал сосуда пахомовской культуры (объект 3/2015), внутри которого обнаружен фрагмент кости животного). В андроновской традиции подобный обряд отмечен и на сопредельных территориях, в частности, в Кулундинской степи. Так, в межкурганном пространстве могильника Рублево VIII найдены отдельно стоящие сосуды, большинство из которых отнесены к расположенным вблизи погребениям. Отмечены как одиночные сосуды, так и группы по два-три, а в одном случае – семь горшков. На этом же памятнике зафиксирован участок с семнадцатью отдельно стоящими сосудами, который интерпретируется исследователями как особая ритуальная площадка, связанная с погребальной обрядностью древнего населения [Кирюшин и др., 2003, с. 73]. Присутствие следов ритуальных действий в пределах некрополя, но вне могильного пространства является, по мнению исследователей, отличительной чертой алтайских андроновских погребальных памятников [Бобров, 2014, с. 272]. По-видимому, можно говорить о существенном расширении ареала проявления этой особенности и, в частности, включить в него Барабинскую лесостепь. В хронологическом отношении наличие керамики вне погребений, в насыпях курганов, отмечено и для периода поздней бронзы, в материалах ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 133]. Сходные ритуалы имели место и вне территории Западной Сибири. Так, по мнению В.В. Отрощенко, длинные курганы срубной культуры и валы в межкурганном пространстве могли использоваться как святилища [Отрощенко, 1990, с. 7]. В числе прочих объектов, над уровнем материка здесь фиксировались следы кострищ и тризн, а также, по-видимому, площадки для проведения ритуалов, где также имела место керамика [Там же, с. 10].

Таким образом, зафиксированный на могильнике Тартас-1 феномен вынесения жертвенной пищи за пределы сакрализованного погребального пространства, учитывая орнаментацию сосудов и локализацию ритуальных ям и объектов, является частью погребально-поминального ритуала носителей андроновской (федоровской) культуры. Широкое распространение подобного явления в пространственно-хронологическом диапазоне может свидетельствовать об устойчивых идеологических представлениях древнего населения региона, связанных с погребально-поминальной обрядностью.

Список литературы

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск: Наука, 1998. – 288 с.

Бобров В.В. Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 268–278.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 62–85.

Краева Л.А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самар. науч. вестн. – Самара: Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2015. – № 3. – С. 90–96.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 128–140.

Новикова О.И., Шнеевайсс Й. Контекст местонахождения сосудов как свидетельство обрядовых действий (по материалам поселения Чича-1) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 109–111.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 5–17.

Сотникова С.В. Андроновские (федоровские) погребения с перевернутыми сосудами: к реконструкции представлений о роли женщины в мифоримуальной практике // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 267–271.

References

Balakin Yu.V. Uralo-sibirskoe kul'tovoe lit'e v mife i rituale. Novosibirsk: Nauka, 1998, 288 p. (in Russ.).

Bobrov V.V. Osobennosti andronovskogo pogrebal'nogo obryada v vostochnykh raionakh areala kul'tury. In *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014, pp. 268–278 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Pozdnyakova O.A., Shamshin A.B. Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Kulundinskoi stepi v epokhu bronzy. In *Aridnaya zona yuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzy.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003, pp. 62–85 (in Russ.).

Kraeva L.A. Bytovoe i sakral'noe ispol'zovanie keramiki u sarmatov Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana. *Samarskii nauchnyi vestnik.* Samara: State Univ. of Social Sciences and Education Press, 2015, No. 3, pp. 90–96 (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kul'tovye pamyatniki ugorskogo naseleniya lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya (po dannym arkheologii). In *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov.* Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 128–140 (in Russ.).

Novikova O.I., Schneeweiß J. Kontekst mestonakhozhdeniya sosudov kak svidetel'stvo obryadovykh deistvii (po materialam poseleniya Chicha-1). In *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2002, pp. 109–111 (in Russ.).

Otroshchenko V.V. Ideologicheskie vozzreniya plemen epokhi bronzy na territorii Ukrainy (po materialam srubnoi kul'tury). In *Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, 1990, pp. 5–17 (in Russ.).

Sotnikova S.V. Andronovskie (fedorovskie) pogrebeniya s perevernutymi sosudami: k rekonstruktsii predstavlenii o roli zhenshchiny v miforimual'noi praktike. In *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovanii*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, pp. 267–271 (in Russ.).

УДК 902.672 (904)

С.В. Жилич[1, 3], Ю.Н. Гаркуша[1], Н.А. Рудая[1, 2], А.В. Новиков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: snezhy@yandex.ru

Городище Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): первые результаты палинологического исследования*

Представлены первые результаты палинологического анализа образцов культурного слоя из городища Усть-Войкарское, предварительно датированных серединой – концом XVII в. Культурные слои были сформированы органическими отложениями (обломки древесины, щепа, опила и др.). Спорово-пыльцевые спектры иллюстрируют горизонтальное распределение палиноморф в различных частях жилых построек и межжилищного пространства. Растительность на территории поселения испытывала значительную антропогенную нагрузку и была, в основном, рудеральной. Отмечено использование трав в разном виде, а также лапника ели для различного рода покрытий пола внутри помещений. Отмечается стабильное присутствие спор копротрофных грибов. Также обнаружены яйца паразитического червя толстого кишечника человека – возбудителя трихоцефалеза.

Ключевые слова: *палинологический анализ, непыльцевые палиноморфы, городище Усть-Войкарское, Нижнее Приобье.*

S.V. Zhilich[1, 3], Yu.N. Garkusha[1], N.A. Rudaya[1, 2], A.V. Novikov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: snezhy@yandex.ru

The Ust-Voykar Fortified Settlement (the Lower Ob Region): First Results of the Palynological Research

The study presents the first results of the palynological analysis of the samples taken from the cultural layer at the Ust-Voykar fortified settlement. The samples were preliminarily dated to the mid–late 17th century. The cultural layers were formed by organic deposits (fragments of timber, wood chips, sawdust, etc.). The spore-pollen spectra illustrate the horizontal distribution of the palynomorphs in various parts of dwellings and in the space between the dwellings. Vegetation which grew in the territory of the settlement was subjected to significant anthropogenic impact and was mainly ruderal. The use of herbs in different forms as well as branches of fir trees for various types of floor covering inside the dwellings was confirmed. A stable presence of the spores from the coprotrophic fungi has been observed. The eggs of the whipworm have also been found.

Keywords: *palynological analysis, non-pollen palynomorphs, Ust-Voykar fortified settlement, Lower Ob region.*

Городище Усть-Войкарское (Нижнее Приобье) приурочено к левобережной пойме р. Горная Обь, являющейся рукавом р. Малая Обь (65° 40.774′ с.ш., 64° 38.392′ в.д.). В наши дни русло Горной Оби находится на удалении ок. 0,5 км от места расположения памятника. Поселение занимает южную часть останца террасы, который в период традиционного половодья фактически превращается в полуостров. С севера месторасположение памятника имеет четкую границу со смешанным лесом. Его территория свободна от древесной растительности и покрыта высоким травостоем. На низких заболоченных

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

участках вдоль южной и восточной подошвы террасы распространены заросли ивы и болотные сообщества.

Согласно современному районированию поселенческий комплекс расположен на северной границе таежной зоны [Национальный атлас России, 2008, с. 328–331].

Археологическими исследованиями охвачена, главным образом, наиболее возвышенная часть памятника – верхняя площадка холма, тяготеющего к южному окончанию террасы. Эта часть во время половодья располагается над урезом воды на 7–9 м. Холм имеет искусственное происхождение и сложен, в основном, накопленными органическими культурными отложениями, сформированными из обломков древесины, щепы, опила и других остатков деревообработки, а также травянистых прослоек. Повсеместно фиксируемая с глубины ок. 40 см от поверхности многолетняя мерзлота обусловила хорошую сохранность органических культурных и природных остатков, в т.ч. пыльцы растений.

Согласно порубочным датам, полученным по образцам из ряда построек, исследованных на верхней площадке холма, основной массив древесины был заготовлен в середине – второй половине – конце XVII в. [Гурская, 2008, с. 218, 225]. В настоящее время отсутствуют дендродаты для всех исследованных в этой части городища построек. Однако особенности планиграфии поселения и стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что время появления подавляющей части исследованных строений относится к этому периоду.

В данной работе представлены результаты палинологического анализа образцов, отобранных на памятнике. Палинологический анализ материалов из Усть-Войкарского городища ранее не проводился, и в целом, археоботанические данные из памятников средневекового населения севера Западной Сибири оцениваются как малочисленные [Косинцев, 2006, с. 232]. Рассмотренные образцы, в большинстве своем, приурочены к определенным функциональным зонам внутри жилых построек №№ 7 и 9, находящихся на верхней площадке холма [Гаркуша, Новиков, 2015; Новиков и др., 2015] (рис. 1). Упомянутые постройки, сохранившиеся в виде развалин, имели сходную схему организации внутреннего пространства, при которой очаг находился в центре помещения.

Отбор образцов происходил после демонтажа деревянных покрытий пола из смежных горизонтов. Образцы (обр.) 1–10 происходят из постройки № 7: обр. 1, 2, 5, 9, 10 отобраны из срединной части помещения; обр. 4 и 7 взяты на участке перед дверным проемом; обр. 3, 6, 8 происходят из участков вдоль наружных стен жилища, конструктивно отделенных внутренними стенами от его центральной части.

К постройке № 9 имеют отношения обр. 11, 12, 14: первые два отобраны в центре помещения, последний – под настилом нар. Образцы 13, 15 отобраны снаружи строения.

Обработка образцов проводилась по стандартной методике для торфяных отложений [Faegry, Iversen, 1989], поскольку субстрат был представлен, в основном, разлагающимися древесными остатками. В образцах определены пыльца травянистых и древесных растений, споры и непыльцевые палиноморфы (НПП) – остатки водорослей, яйца микроскопических животных, споры грибов, мельчайшие частички угля и др. (рис. 2).

Особенность интерпретации спорово-пыльцевых спектров в данном случае – анализируется не вертикальная колонка, а горизонтальное распределение палиноморф в различных частях постройки. Поскольку образцы отобраны из помещений, то предполагается, что внутри жилищ возможности для естественного распространения пыльцы (ветром) были ограничены. Подразумевается, что она была занесена человеком (на одежде и обуви, с предметами быта и т.д.) и животными.

Во всех палиноспектрах доминирует пыльца трав, доля пыльцы деревьев достигает максимума в обр. 10 и 11 (40 %), в большей части образцов (9 из 15) она составляет ок. 20 %. Среди древесных растений преобладает пыльца березы (*Betula* sect. *Albae*) и сосны обыкновенной (*Pinus* sg. *Diploxylon*), присутствует небольшое количество пыльцы ели (*Picea*, до 4 %). Не представлена пыльца лиственницы (*Larix sibirica*), отличающаяся слабой способностью к консервации [Pisaric et al., 2001]. При этом известно, что в качестве строительного материала она широко использовалась жителями этого поселения [Гурская, 2008, с. 216].

В 11 образцах в незначительных количествах присутствует пыльца ивы (*Salix*) и единичные зерна ольховника (*Duschekia fruticosa*) (последние не указаны на диаграмме). В группе трав доминируют пыльца полыни (*Artemisia*), злаков (Poaceae) и маревых (Chenopodiaceae), но их содержание в образцах сильно варьирует: полынь – от 30 до 65 %, злаки – от 7 до 45 %, маревые – от 3 до 16 %. Во многих образцах встречаются пыльцевые зерна жимолости (*Lonicera*) и кипрея (Onagraceae). В небольших количествах присутствуют споры плаунов (Lycopodiophyta) и сфагновых мхов (*Sphagnum*). Из НПП в образцах определены и подсчитаны: угольки, споры копротрофных грибов, ооциты реснитчатых червей, зе-

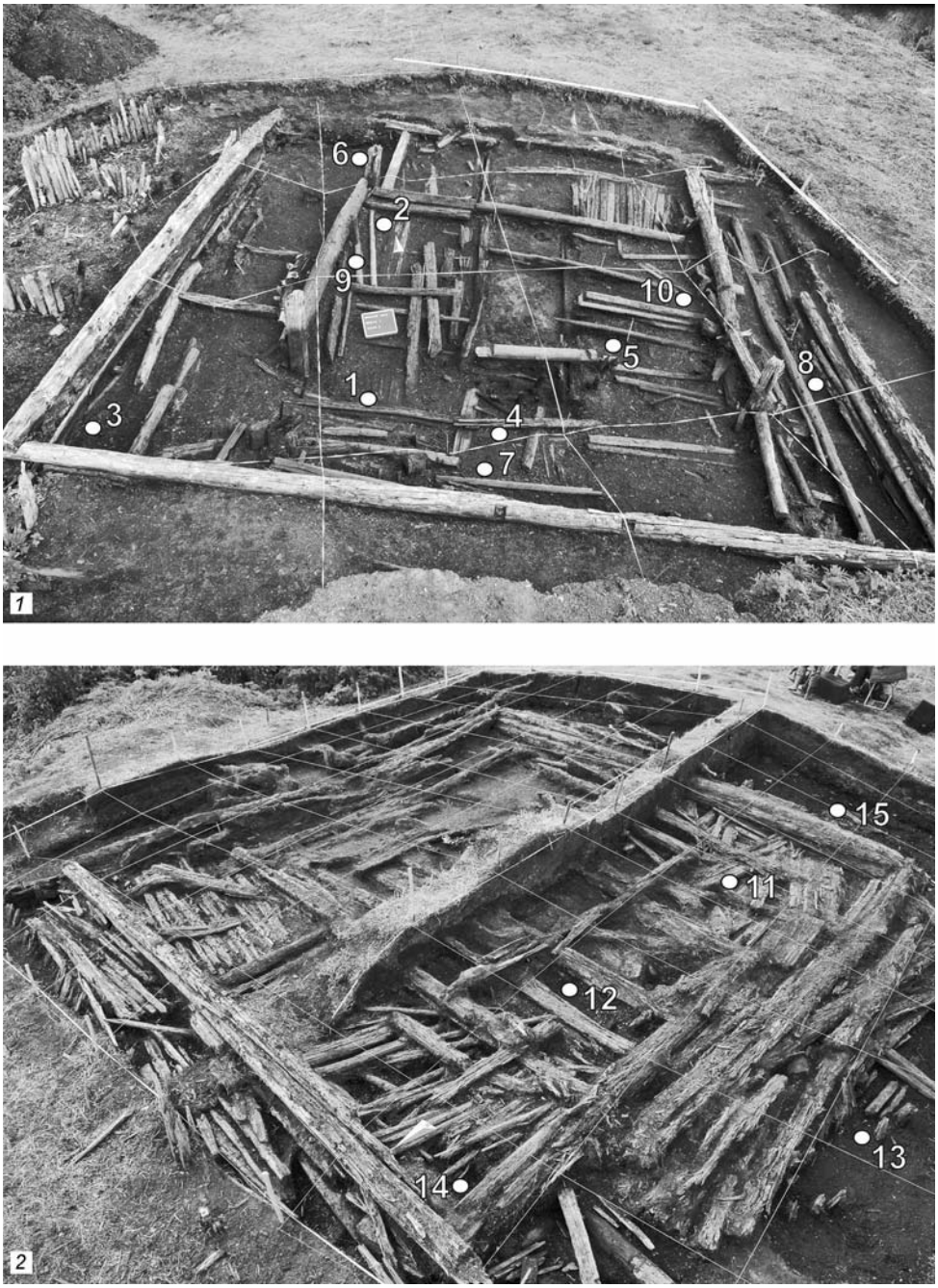


Рис. 1. Места отбора проб для палинологического анализа на территории городища Усть-Войкарское.
1 – постройка № 7, вид с юга; *2* – постройка № 9, вид с северо-запада.

леные водоросли (*Spirogira*), устьица ели и яйца власоглава – кишечного паразита человека.

По результатам кластерного анализа (CONISS) обр. 13 и 15, происходящие из межжилищного пространства, выделяются в отдельный кластер (рис. 2). В этих образцах, характеризующих растительность на территории поселения, доминирует пыльца полыни (40 %), маревых (18 %) и злаков (до 15 %). Доля пыльцы березы, сосны и ели очень мала (суммарно менее 20 %). Полынь и маревые относятся к рудеральной (сорной) растительности и могут рассматриваться как пыльцевые индикаторы антропогенной нагрузки [Рябогина, Якимов, 2010, с. 193].

Палиноспектры образцов из внутренних частей помещений демонстрируют большее представительство пыльцы злаков по сравнению с образцами из межжилищного пространства. Это связано с использованием в качестве подстилок внутри помещений скошенных трав, а также изготовленных из них циновок. Подобная практика подготовки спальных мест на нарах или непосредственно

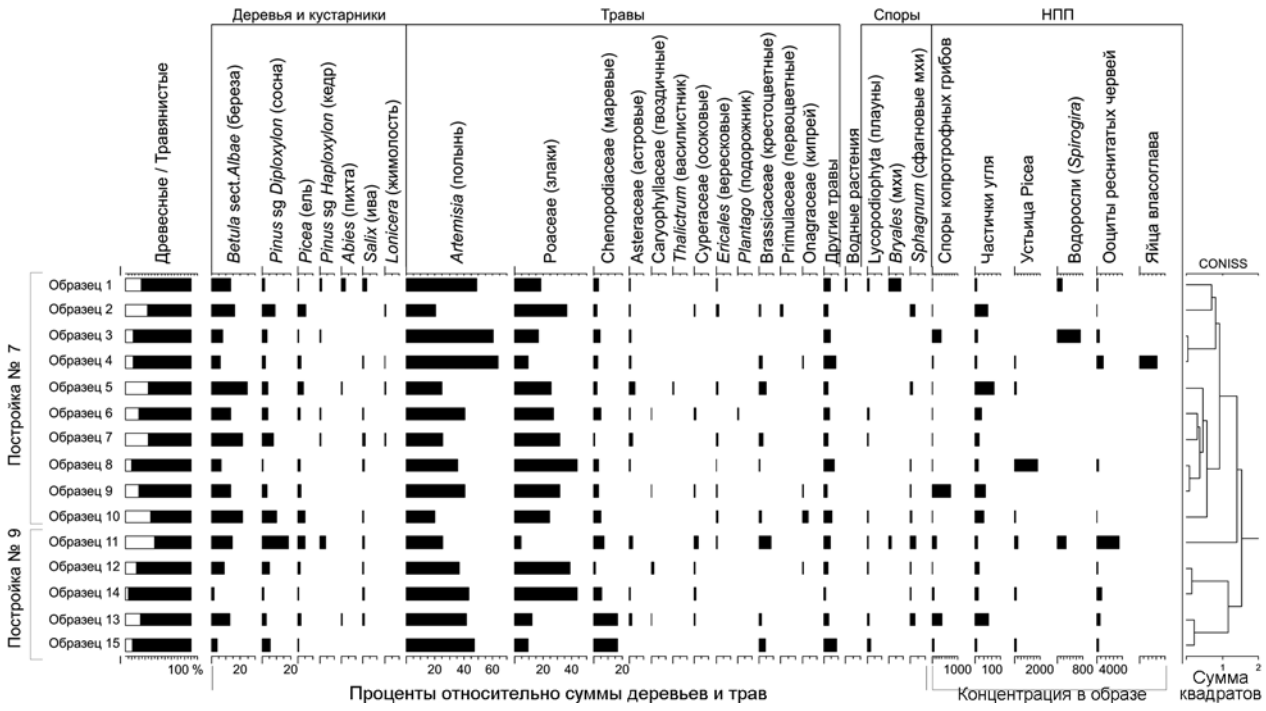


Рис. 2. Палинологическая диаграмма образцов из построек № 7 и 9 Войкарского городка.

на полу жилища, вне зависимости от наличия деревянного настила, широко представлена и в других поселениях коренных жителей севера Западной Сибири (см., например: [Кардаш, 2013, с. 108, 117, 118]).

Вероятно, в этом же качестве использовался и лапник ели, что объясняет наличие значительного количества ее устьиц в пространстве между внешними и внутренними стенами в постройке № 7 (обр. 8). Устьица, структуры, участвующие в газообмене и расположенные на поверхности хвои, имеют тенденцию отлагаться локально (не более 20 м от места отбора образца) и не переноситься на большие расстояния [Sweeney et al., 2004].

Пыльца из образцов содержала большой процент деформированной или разорванной пыльцы, что может говорить о непостоянных условиях консервации в мерзлоте и периодическом оттаивании заполнения построек. Об этом же свидетельствуют обнаруженные в препаратах зеленые водоросли и ооциты реснитчатых червей, обычно встречающиеся в водоемах, но также и в увлажненных почвах.

Частички угля присутствовали во всех образцах. Наибольшая их концентрация отмечена в центральной части постройки № 7, организованной вокруг очага (обр. 2, 5), и с внешней стены постройки № 9 (обр. 13).

Отмечается постоянное присутствие спор копротрофных грибов, которые развиваются исключительно на экскрементах животных, главным образом травоядных [Храмцов, Стефанович, 2011, с. 42]. При этом копролитов в данных образцах не обнаружено. Вероятно, споры грибов попали внутрь помещений вместе со скошенными травами: известно, что споры многих копротрофов оседают в траве [Там же]. Не исключено, что наличие данной группы грибов быть связано с пребыванием собак, костные останки которых и копролиты встречены на поселении; материалы Надымского городка, другого городища коренных жителей Нижнего Приобья, свидетельствуют и о периодическом пребывании собак в домах [Косинцев, 2006, с. 213, 219].

Отметим наличие в обр. 4 (участок между очагом и дверным проемом в постройке № 7) яиц кишечного паразита человека – власоглава человеческого (*Trichocephalus trichiurus*) – возбудителя трихоцефалёза, характеризующегося поражением желудочно-кишечного тракта.

Перспектива проведения дальнейших исследований связана с реконструкцией растительных сообществ, произрастающих вокруг поселения в период его существования, и установлением уровня антропогенной нагрузки. Для этого необходимо дальнейшее палинологическое изучение непрерывного разреза и поверхностных проб с прилегающей к поселению территории.

Список литературы

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Ниж-

нее Приобье): архитектурные особенности, археолого-этнографические параллели // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГАХА, 2015. – Т. X, Ч. 1. – С. 51–61.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2013. – 380 с.

Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 272 с.

Национальный атлас России. – М.: Роскартография, 2008. – Т. 2: Природа и экология. – 495 с.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 365–369.

Рябогина Н.Е., Якимов А.С. Палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: анализ возможностей и методика работ // ВААЭ. – 2010. – № 2. – С. 186–200.

Храмцов А.К., Стефанович А.И. Микология. – Минск: БГУ, 2011. – 45 с.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – Chichester: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Pisaric M.F.J., MacDonald G.M., Cwynar L.C., Velichko A.A. Modern pollen and conifer stomates from north-central Siberian lake sediments: their use in interpreting late Quaternary fossil pollen assemblages // Arctic, Antarctic, and Alpine Research. – 2001. – Vol. 33, No. 1. – P. 19–27.

Sweeney Ch.A. A key for the identification of stomata of the native conifers of Scandinavia // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2004. – Vol. 128, No. 3–4. – P. 281–290.

References

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. Chichester: The Blackburn Press, 1989, 328 p.

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Ob odnom iz tipov derevyannykh postroek gorodishcha Ust'-Voikarskoe (Nizhnee Priob'e): arkhitekturnye osobennosti, arkheologo-etnograficheskie paralleli. In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina.* Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arkhitekturno-khudozhestvennaya akademiya, 2015, vol. X, pt. 1, pp. 51–61 (in Russ.).

Gurskaya M.A. Dendrokhronologicheskaya datirovka arkheologicheskikh obraztsov drevesiny gorodishcha Ust'-Voikarskogo (Severo-Zapadnaya Sibir'). In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe*. Yekaterinburg; Chelyabinsk: Rifei, 2008, pp. 212–231 (in Russ.).

Kardash O.V. Poluiskii mysovoi gorodok knyazei Taishinykh. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2013, 380 p. (in Russ.).

Khramtsov A.K., Stefanovich A.I. Mikologia. Minsk: Beloruss. State Univ. Press, 2011, 45 p. (in Russ.).

Kosintsev P.A. Ekologiya srednevekovogo naseleniya severa Zapadnoi Sibiri. Ekaterinburg, Salekhard: Ural State Univ. Press, 2006, 272 p. (in Russ.).

Lapteva E.G. Razvitie rastitel'nosti i klimata vostochnogo sklona Urala vo vtoroi polovine pozdnego neopleistotsena i v golotsene: cand. sc. (geography) dissertation abstract. Moskow, 2007, 24 p. (in Russ.).

Natsional'nyi atlas Rossii. Moscow: Roskartografiya, 2008, vol. 2: Priroda i ekologiya, 495 p. (in Russ.).

Novikov A.V., Garkusha Yu.N., Novikova O.I., Kenig A.V., Moroz M.V. Gorodishche Ust'-Voikarskoe (Voikarskii gorodok): prodolzhenie issledovanii v 2015 godu. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 365–369 (in Russ.).

Pisaric M.F.J., MacDonald G.M., Cwynar L.C., Velichko A.A. Modern pollen and conifer stomates from north-central Siberian lake sediments: their use in interpreting late Quaternary fossil pollen assemblages. *Arctic, Antarctic, and Alpine Research*, 2001, vol. 33, No. 1, pp. 19–27.

Ryabogina N.E., Yakimov A.S. Palinologicheskie i paleopochvennye issledovaniya na arkheologicheskikh pamyatnikakh: analiz vozmozhnostei i metodika rabot. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2, pp. 186–200 (in Russ.).

Sweeney Ch. A. A key for the identification of stomata of the native conifers of Scandinavia. *Review of Palaeobotany and Palynology*, 2004, vol. 128, No. 3–4, pp. 281–290.

УДК 903

Н.Н. Зайцев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gorashapka@ngs.ru

Лук эпохи позднего Средневековья из коллекции Амурского областного краеведческого музея

Археологические исследования памятников неолита, раннего железного века и Средневековья в Западном Приамурье позволили установить виды дальнобойного метательного оружия, которое охотники и воины использовали для охоты и военного дела. Для неолита и раннего железного века – это каменные, реже железные и костяные наконечники стрел, защитные пластины при стрельбе из лука. И только в эпоху Средневековья начинают встречаться костяные накладки на лук, которые позволяют выполнить их реконструкцию. Сохранившийся в Амурском областном краеведческом музее лук Гантимура, который датируется минимум XVII в., позволяет представить не только внешний вид как с натянутой тетивой, так и без нее, но и детально изучить его конструкцию и этапы изготовления. Рентгеноскопия лука показала его сложное устройство с применением различных материалов: дерева, кости, кожи, бересты. Асимметричные плечи лука, М-образная форма с натянутой тетивой, размеры позволили его отнести к лукам монгольского типа.

Ключевые слова: *Амурская область, музей, лук Гантимура, XVII век, монгольский тип.*

N.N. Zaitsev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gorashapka@ngs.ru

The Late Middle Ages Bow from the Amur Regional Local History Museum Collection

Archaeological research of the Neolithic, Iron Age and Middle Ages sites in the Western Priamurie allowed to establish kinds of long-range projectile weapons, which the hunters and warriors used. For the Neolithic and the Early Iron Age there are stone, iron and more rarely bone arrowheads, the protective plates at archery. It was only in the Middle Ages when bone plates begin to appear on the bow, which allow us to make the reconstruction. The bow of Gantimur from Amur Museum, which dates back to the XVII century, not only allows us to submit a form with strained bowstring, but also to conduct without it, and a detailed study of its structure and stages of production. X-rays showed complicated structure of the bow with the use of different materials: wood, bone, leather, birch bark. The asymmetric shoulders with a tight bowstring form of the letter M, its dimensions have allowed to attribute bow to Mongolian type.

Keywords: *Amur region, museum, bow of Gantimur, XVII century, the Mongolian type.*

Лук у древнего населения, проживавшего на территории Амурской области, был важнейшим оружием дальнего боя на протяжении длительного периода времени. Подтверждением этому служат частые находки наконечников стрел, изготовленных из различных материалов (камень, кость, металл) и относящихся к различным эпохам, начиная с эпохи неолита [Деревянко, 1987, с. 50–63].

При раскопках средневековых захоронений также довольно часто находят колчанные крючки, наконечники стрел, костяные кольца для предохранения пальца при стрельбе из лука. На могильнике у с. Прядчино Благовещенского р-на Амурской обл. был обнаружен колчан для стрел. Несколько реже встречаются фрагменты костяных накладок сложносоставных луков, которые, безусловно, представляют определенный интерес для оружиеведов. Наибольшее количество фрагментов костяных накладок на лук обнаружено в могилах мохэ на Троицком могильнике раннего средневековья [Деревянко, 1977, с. 128, 191, 193, 195]. Судя по их форме и размерам, они являются

срединными. Наличие в троицкой коллекции кроме прямых накладок пластины с расширяющимися концами говорит о том, что срединная часть мохэского лука усиливалась или двумя боковыми накладками, или тремя, когда к ним добавлялась фронтальная. В китайских летописях сохранилось сообщение о том, что луки мохэ обклеивались рогом и были длиной «три фута и два дюйма» (96,5 см) [Бичурин, 1998, с. 96].

Что касается луков, то на территории Западного Приамурья не известно ни одного случая нахождения этого вида оружия в более или менее целом виде, что давало бы возможность судить о его устройстве. Это и понятно, так как он являлся очень дорогим оружием, который передавали по наследству, и только знатные особы могли быть захоронены с ним. К тому же кислые почвы Амурской обл. не способствуют сохранности органических материалов.

В этой связи большое значение для оружиеведения имеет лук, хранящийся в Амурском областном краеведческом музее, по нашему мнению, относящийся к периоду позднего средневековья. В 1938 г. он был передан музею Алексеем Катанаевым, потомком эвенкийского князя Гантимура. Передавая музею семейную реликвию, он рассказал и ее историю.

Когда Гантимур переселился из Маньчжурии в Приамурье, на р. Ингоде жил род его уже умершего сына Катаная, который возглавляла вдова. Она была в ссоре с Гантимуром и поэтому не последовала за ним, а осталась со своим родом на р. Ган / Ханьхэ, притоке р. Аргунь. Однако вскоре там случилась засуха, начался голод и вдова решила все-таки переселиться на русскую сторону. Но маньчжурские власти воспротивились этому. Тогда она обратилась за помощью к жителям Албазинского острога. В ответ на ее просьбу приказчик Албазина Никифор Романович Черниговский послал на р. Ган отряд в 300 человек, который вывел род Катаная на левую сторону Аргуни. Здесь он расселился, не пожелав сливаться с родом Гантимура.

Среди семейных реликвий в роду Катаная хранилось монгольское седло, отделанное серебром, и старинный боевой лук с налучьем и колчаном. Седло вдова обменяла на хлеб в Маньчжурии, а лук, переходивший из поколения в поколение к старшему рода, оказался у А. Катанаева [Новиков-Даурский, 1961, с. 99–100; Артемьев, 1990, с. 155].

Этот музейный предмет интересен тем, что дает нам представление о метательном оружии коренного населения Верхнего и Среднего Амура периода Средневековья и позволяет судить о его устройстве. Для выяснения его конструкции, данный лук был исследован в рентгеновских лучах, что позволило получить информацию о его устройстве.

Кибить лука состоит из цельной деревянной основы. Дерево, предположительно береза, имеет плотную структуру. Длина кибити в прямом виде составляет 1740 мм. Толщина колеблется от 4,5 мм в центральной части до 8–9 мм в середине плеч и 27 мм в концевых частях основы (рис. 1, *3, 5*). Ширина основы варьирует от 29 мм в центре до 40 мм в концевых частях плеч и 8–9 мм на концах лука. Конструкция концевых частей лука, длина которых 277 и 278 мм, высота 27 мм, имеет сложную форму. Конец кибити сделан в форме трапеции, фронтальная и тыльная сторона которой увеличивается к центру основы: фронтальная – от 6 до 16 мм, тыльная – от 9 до 18 мм (рис. 2, *1*). Торцы основы срезаны под углом 85–95° по отношению к тыльной стороне.

От торцевой части трапециевидная форма сохраняется на расстоянии 144 мм, затем переходит в шестиугольную и далее в треугольную форму. Концы лука имеют незначительную вогнутость с фронтальной стороны. Форма концевых частей обеспечивала большую жесткость, которая умень-

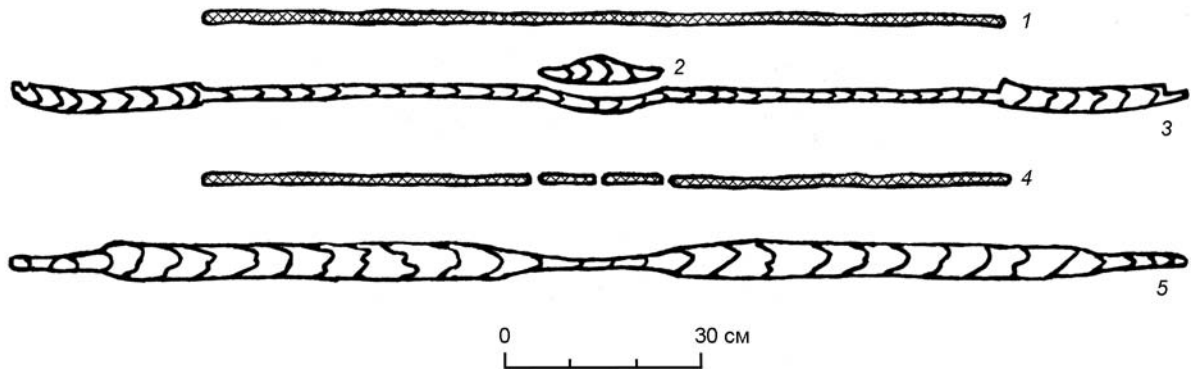


Рис. 1. Схема лука.

1 – фронтальная костяная накладка; *2* – срединная ладьевидная деревянная деталь; *3* – деревянная кибить (вид сбоку); *4* – роговые накладки с тыльной стороны; *5* – вид на кибить с фронтальной стороны.

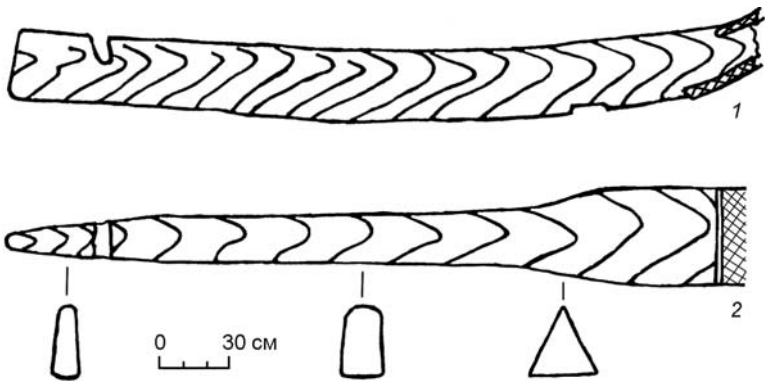


Рис. 2. Концевой фрагмент кибити лука.
1 – вид сбоку; *2* – с фронтальной стороны.

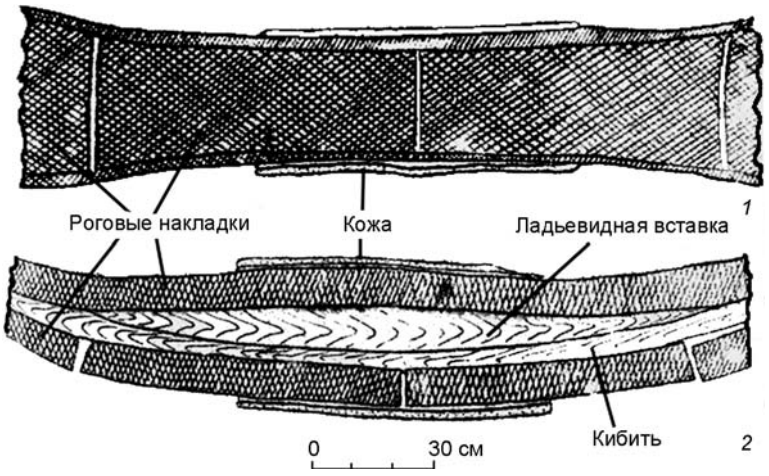


Рис. 3. Разрез срединной части лука.
1 – вид с тыльной стороны; *2* – с фронтальной стороны.

гической культуры позднего средневековья близ с. Кани-Курган Благовещенского р-на.

Плечи лука имеют сложную форму: от уплощенного эллипса у концов до округлой в центральной части. Деревянная основа лука для прочности и повышения упругости оклеена фронтальной роговой накладкой и четырьмя тыльными (рис. 1, *1*, *4*). Длина тыльных накладок плеч лука 553 и 544 мм. Накладки врезаны в специальный паз у концевых частей лука и образуют шиповое соединение. От концевых торцов накладки врезаются на расстоянии 282 и 283 мм; фронтальная – на расстоянии 295 и 297 мм.

Рукоять лука состоит из основы, с фронтальной стороны которой наклеена ладьевидная деревянная деталь, по всей видимости, предназначающаяся, во-первых, для придания срединной части выпуклой формы, во-вторых, для увеличения жесткости рукояти и предварительного напряжения деталей лука (рис. 1, *2*; рис. 3, *2*). С фронтальной стороны на нее еще наклеена роговая накладка, с тыльной – две длиной 79 и 75 мм (рис. 3, *1*). По верху накладки рукоять обтянута лосиной кожей шириной 78 мм и толщиной 2 мм. Шов проходит по центру спинки лука.

шалась в месте перехода в треугольную форму по мере понижения ее высоты (рис. 2, *2*).

На расстоянии 32 мм от торцов лука, на концевых частях имеются ушки в виде арочных вырезов для закрепления тетивы. Они расположены под углом 15° от центра лука. Ширина одного выреза 7 мм, глубина 9 мм, ширина второго ушка не установлена из-за сломанной верхней части, глубина 8 мм. С тыльной стороны концевых частей на расстоянии 227 и 231 мм от торца имеются вырезы глубиной до 1 мм, длиной 11,5 и 16 мм и шириной 32 мм для крепления деталей (отсутствующих в настоящее время), по-видимому, приподнимающих тетиву от тела лука и гасящие ее колебания при стрельбе. В качестве данного приспособления использовались альчики, уплощенные с одной стороны для лучшего прилегания к основе. По устному сообщению проф. Б.С. Сапунова, он их видел на луке, когда был сотрудником краеведческого музея (1964–1971 гг.). Подобные предметы известны из могильника владимировской археоло-

Места соединения роговых накладок с основой лука у концевых частей обмотаны сухожилиями и по верху оклеены берестой. У рукояти поверх бересты в месте соединения тыльных плечевых накладок лук оклеен змеиной кожей, фрагмент которой сохранился на одной из боковых сторон центральной части лука.

В настоящее время лук хранится в спущенном состоянии. Кибить выгнута в сторону фронта. Роговые накладки, особенно фронтальная, имеют глубокие трещины, отслоения рогового слоя, что лишает возможности привести его в боевое положение и указать размеры и кинематические данные в этой статье, но можно предположить, что длина его в рабочем состоянии была немногим больше метра. Лук Гантимура асимметричный и, видимо, имел М-образную форму. На одном конце его угол между рогом и плечом на 8–10° больше угла на другом. При стрельбе стрела устанавливалась в верхней части перехвата, т.е. делила тетиву на два разных по величине отрезка, больший из которых смещал

стрелу в полете от объекта прицеливания. Чтобы уравнять рычаги, верхний угол между плечом и рогом увеличивался.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Амурском областном музее хранится сложносоставной рефлексирующий лук монгольского типа. По сообщению Б.С. Сапунова, он видел в музее налучье, колчан и несколько стрел к этому экспонату, а лук имел тетиву. В настоящее время все это утрачено, и мы не имеем возможности их исследовать.

Согласно исследованию А.Р. Артемьева, «процесс изготовления таких луков занимал от одного до трех лет. Материалом служило высококачественное дерево. Амурские гиляки, например, использовали молодой ясень или березу. Сначала деревянные детали вымачивали, потом высушивали и, нагрев на медленном огне, под углом присоединяли рога к кибити. Места соединений тщательно обматывали кожаной нитью. Заготовки хранили в таком положении не менее года. Затем следовала сборка лука: к деревянным частям прикрепляли специально изготовленные пластины из рога. После этого лук натягивали в обратную сторону и постепенно стягивали в кольцо. В таком состоянии лук оставляли приблизительно на год, чтобы увеличить его рефлексирующую силу. Для гашения вибрации, возникающей в момент выстрела, рога у лука Гантимура намеренно утолщены, таким образом достигалась их полная жесткость, обеспечивающая высокую скорость полета стрелы» [Артемьев, 1990, с. 155–156].

Список литературы

Артемьев А.Р. Лук князя Гантимура // Вестн. ДВО АН СССР. – 1990. – № 5. – С. 155–159.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын Баспасы, 1998. – Т. 2. – 352 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 224 с.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки, статьи, воспоминания. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. – 192 с.

References

Artemiev A.R. Luk knjazja Gantimura. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya akademii nauk SSSR*, 1990, No. 5, pp. 155–159 (in Russ.).

Bichurin N.Ja. Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. Almaty: Zhalyn Baspasy, 1998, vol. 2, 352 p. (in Russ.).

Derevianko E.I. Troickij mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.).

Derevianko E.I. Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ja. Novosibirsk: Nauka, 1987, 224 p. (in Russ.).

Novikov-Daurski G.S. Istoriko-arheologicheskie ocherki, stat'i, vospominanija. Blagoveshhensk: Amurskoe kniznoe izdatel'stvo, 1961, 192 p. (in Russ.).

УДК 572

А.В. Зубова, В.И. Молодин, Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: zubova_al@mail.ru

Первые результаты сравнительного анализа одонтологических характеристик популяций одиновской культуры: к вопросу о южных миграциях

В работе представлены первые результаты изучения одонтологических материалов одиновской культуры III тыс. до н.э. из могильников Тартас-1 и Преображенка-6, проведенного с целью проанализировать степень влияния миграций с юга на состав одиновских популяций. В серии из могильника Тартас-1 встречен почти полный набор «южных» признаков, статистически она сближается с выборкой из могильников Кара-тепе и Геоксюр в Туркмении. Отдельные «южные» фены встречены и в Преображенке-6, но здесь они появляются опосредованно, через контакты с другими одиновскими группами. Исследование будет продолжено на материалах самого представительного могильника одиновской культуры Сопка-2/4а. Полученные результаты позволяют предполагать, что реконструируемая миграция не была массовой и не оказала серьезного влияния на дальнейшее развитие автохтонной составляющей одиновских популяций.

Ключевые слова: *одиновская культура, Преображенка-6, Тартас-1, одонтология, маркеры архаики, Кара-тепе, Геоксюр.*

A.V. Zubova, V.I. Molodin, T.A. Chikisheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: zubova_al@mail.ru

Comparative Dental Morphology of Odino People: the First Results: to the Question of Southern Migrations

The main goal of the research was the detailed analysis of non-metric dental traits in two samples of Odino archaeological culture (III thousand years BC). Almost full set of southern traits was found in the sample from Tartas-1 burial ground. Statistically this group is close to the Turkmenian series from Kara-tepe and Geoksiur sites. This is the real evidence of southern influence on the biological features of Odino People. Some traits were observed also in Preobrazhenka-6 series where they have appeared through the contacts with the other Odino groups. The research will be continued based on the materials from Sopka-2/4a, the greatest Odino burial ground. The data obtained allow the suggestion that the migration reconstructed was not massive. Most likely it was the infiltration of individuals.

Keywords: *Odino culture, Preobrazhenka-6, Tartas-1, dental anthropology, archaic traits, Kara-tepe, Geoksiur.*

Одиновская археологическая культура эпохи ранней – развитой бронзы существовала в Барабинской лесостепи в первой четверти III тыс. до н.э. [Молодин, 2012, с. 194]. Погребальные комплексы этой культуры были изучены на некрополях Сопка-2/4а, Преображенка-6 и Тартас-1 [Молодин, 2012; Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007]. Радиоуглеродные даты одиновских захоронений свидетельствуют о длительном периоде существования культуры, охватывающем практически все третье тысячелетие до н.э. [Молодин, 2012; Молодин и др., 2012; Marchenko et al., 2015; Марченко и др., 2016].

Генезис носителей одиновских традиций по результатам археологических и палеоантропологических исследований связывается с населением предшествующей усть-тартасской культуры эпохи раннего металла [Молодин, 2010; Чикишева, 2012, с. 178]. Однако в составе инвентаря одиновских погребений памятника Сопка-2/4а был встречен ряд предметов, прямые аналоги которых зафиксированы в памятниках энеолита и бронзы юга Средней

Азии. Предполагалось, что эти предметы появились в Барабинской лесостепи транзитным путем, поскольку ни антропологические, ни палеогенетические исследования ранее не фиксировали следов южных миграций в составе одиновского населения [Молодин, 2012, с. 190] из-за методического несовершенства применяемых методов.

Опубликованная ранее серия из некрополя Сопка-2/4а [Чикишева, 2012] была изучена по полной краниологической программе, но сопоставлена с другими сериями, в т.ч. и среднеазиатскими, по стандартному набору признаков, дифференцирующая сила которых в первую очередь связана с разделением европеоидных и монголоидных комплексов. Различия европеоидных компонентов в составе сравниваемых популяций на этом фоне нивелируются, и среднеазиатские группы эпохи бронзы, относящиеся к южной ветви большой европеоидной расы, статистически объединяются с восточно-европейскими сериями [Там же, рис. 13–15]. При одонтологическом обследовании этой серии [Чикишева, 2012] был использован стандартный протокол, применявшийся российскими антропологами начиная с 60-х гг. XX в. [Зубов, 1968]. Он направлен в основном на дифференциацию восточных и западных комплексов, и его разрешающих возможностей недостаточно для надежной идентификации наличия или отсутствия биологического влияния мигрантов из Средней Азии на состав одиновских групп.

Палеогенетическое изучение одиновского населения проводилось только на основе данных митохондриального генома [Пилипенко, 2010]. Его информационные возможности не позволяют полностью реконструировать историю популяции и ограничиваются анализом генетических комплексов, передающихся по женской линии. Выявление новых компонентов, привнесенных мигрантами-мужчинами, выходит за пределы возможностей митохондриального анализа.

Целью данной работы стал расширенный анализ одонтологических серий одиновской культуры из могильников Тартас-1 (21 индивид) и Преображенка-6 (26 индивидов) для более полного рассмотрения вопроса о возможном влиянии населения Средней Азии на состав одиновского населения Барабинской лесостепи. Вторым ее этапом станет повторное изучение могильника Сопка-2/4а, анализ материалов новых захоронений могильника Тартас-1 и осмысление всего массива одонтологического материала одиновской культуры.

Материалы и методы

Серии были обследованы по комплексной одонтологической программе, включающей три категории признаков. Первую из них составляли стандартные маркеры восточного и западного ствола, дифференцирующие европеоидные и монголоидные группы (лопатообразность верхних резцов, дистальный гребень тригонида, коленчатая складка метаконида, бугорок Карабелли, C5, 2med(II), 6M1, 4M1, 4M2 и некоторые другие [Зубов, 1968, 2006; Зубов, Халдеева, 1989, 1993; Turner, Nichol, Scott, 1991; Scott, Turner, 1997]). Вторую – маркеры южносибирского палеолитического комплекса, во многом определяющие одонтологическую специфику автохтонных неолитических популяций юга Западной Сибири (лингвальная ямка верхних центральных резцов, лопатообразность нижних клыков, дополнительные бугорки нижних премоляров, цингулюм, передние и задние ямки нижних моляров [Зубова, 2013; Зубова, Чикишева, 2015а, б]). Третью – признаки, дифференцирующие южноевропеоидные группы (вестибулярная выпуклость верхних резцов, передняя ямка и гребень эпикриста верхних моляров, гребень эпикристид нижних моляров, Tami [Зубов, 2006]).

Частота каждого признака определялись методом индивидуального подсчета, для суммарных серий, включающих в себя мужчин, женщин, детей и индивидов с неопределенной половой принадлежностью. Статистическое сравнение серий выполнялось на основе тригонометрически преобразованных частот, методом главных компонент (программа Statistica for Windows 6.0.).

В качестве сравнительных данных были использованы палеоантропологические серии эпох мезолита – ранней бронзы из нескольких географических регионов – лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины [Зубова, 2010, 2013, 2016; неопубликованные данные], лесостепной зоны Западной Сибири [Зубова, Чикишева, 2015б], Байкальского региона (неопубликованные данные А.В. Зубовой) и Средней Сибири (неопубликованные данные А.В. Зубовой). В качестве эталонного комплекса, характеризующего население юга Средней Азии, была использована суммарная одонтологическая серия из могильников Кара-тепе и Геоксюр, поскольку это единственная среднеазиатская группа, обследованная по полному набору параметров (неопубликованные данные А.В. Зубовой).

Результаты и обсуждение

Одонтологические характеристики серий из могильников Преображенка-6 и Тартас-1 продемонстрировали очень высокий уровень сходства (табл. 1). В их составе доминирует общий компонент, который характеризуется повышенной частотой лопатообразности верхних резцов,

Таблица 1. **Частоты некоторых одонтологических признаков в сериях одиновской культуры**

Признак	Преображенка-6		Тартас-1	
	n (N)	%	n (N)	%
Лопатообразность (2+3) I^1	11 (14)	78,60	6 (8)	75,0
Лопатообразность (1) I^1	0 (14)	0,00	1 (8)	12,5
Лопатообразность (2+3) I^2	9 (11)	81,80	8 (10)	80,0
Вестибулярная выпуклость I^1	0(11)	0,00	0 (7)	0,0
Вестибулярная лопатообразность ^{I1}	1 (10)	10,00	0 (6)	0,0
Лингвальная ямка I^1	0 (11)	0,00	0 (5)	0,0
Пальцевидные гребни I^1	2 (11)	18,18	1 (6)	16,7
Пальцевидные гребни $C^в$	0 (8)	0,00	1 (9)	11,1
Дистальный дополнительный гребень $C^и$	5 (8)	62,50	6 (9)	66,7
Мезиальный дополнительный гребень $C^в$	0 (8)	0,00	1 (9)	11,1
Лингвальный наклон коронки I^1	0 (7)	0,00	0 (6)	0,0
Дополнительный дистальный бугорок M^1	9 (15)	60,00	8 (11)	72,7
Бугорок Карабелли (2–5) M^1	3 (16)	18,80	3 (14)	21,4
Косой гребень M^1	1 (9)	11,10	4 (13)	30,8
fa M^1	0 (10)	0,00	1 (10)	10,0
fp M^1	0 (8)	0,00	2 (11)	18,2
1eo тип 3	3 (7)	42,86	0 (4)	0,0
1me/1eo тип 1	3 (6)	50,00	0 (1)	0,0
1me/1eo тип 3	2 (6)	40,00	1 (1)	100,0
1Pr (II)	0 (5)	0,00	1 (4)	25,0
Редукция гипоконуса (3, 3+) M^2	9 (15)	60,00	10 (17)	58,8
Лопатообразность (2+3) I_1	1 (6)	16,70	1 (7)	14,3
Лопатообразность (2+3) $C_н$	4 (11)	36,36	6 (8)	75,0
Дополнительный дистальный гребень $C_н$	1 (9)	11,10	3 (8)	37,5
Дополнительный мезиальный гребень $C_н$	1 (9)	11,10	0 (8)	0,0
Дополнительные мезиальные бугорки P_1	0 (8)	0,00	0 (10)	0,0
Дополнительные дистальные бугорки P_1	0 (8)	0,00	0 (10)	0,0
Цингулюм P_1	0 (8)	0,00	0 (11)	0,0
Цингулюм M_1	0 (16)	0,00	1 (14)	7,1
fa M_1	1 (12)	8,33	2 (9)	22,2
fp M_1	0 (15)	0,00	0 (13)	0,0
Центральный бугорок M_1	0 (16)	0,00	1(13)	7,7
6 M_1	5 (18)	27,80	2(16)	12,5
Протостилид (2–5) M_1	0 (16)	0,00	0 (16)	0,0
Ямка протостилида	11 (16)	68,80	11 (16)	68,8
tami M_1	1 (16)	6,30	1 (16)	6,3
Дистальный гребень тригонида M_1	1 (16)	6,30	5 (13)	38,5
Эпикристид	1 (16)	6,30	2 (12)	16,7
Коленчатая складка метаконида M_1	4 (10)	40,00	2 (8)	25,0
$4M_2$	8 (13)	61,50	8 (13)	61,5
$5M_2$	5 (13)	38,50	3 (13)	23,1
1 med/1 prd тип 1	3 (5)	60,00	0 (1)	0,0
1 med/1 prd тип 2	1 (5)	20,00	1 (1)	100,0
1 med/1 prd тип 3	1 (5)	20,00	0 (1)	0,0
2 med (II)	1 (9)	11,10	1 (6)	16,7
2 med (III)	7 (9)	77,78	4 (6)	66,7

Таблица 2. **Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов**

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Вестибулярная выпуклость I^1	0,20	0,12
Лингвальная ямка I^1	–0,72	–0,30
Дистальный дополнительный гребень $C^в$	–0,61	0,31
Мезиальный дополнительный гребень $C^в$	–0,49	–0,04
Лингвальный наклон коронки I^1	–0,53	–0,09
Передняя ямка M^1	–0,19	0,90
Задняя ямка M^1	0,11	0,58
Лопатообразность (2+3) I_1	–0,88	0,05
Лопатообразность (2+3) $C_н$	–0,88	0,09
Дополнительный дистальный гребень $C_н$	–0,69	–0,01
Дополнительный мезиальный гребень $C_н$	–0,66	–0,25
Дополнительные дистальные бугорки P_1	–0,60	–0,37
Цингулюм M_1	–0,82	–0,01
Эпикристид M_1	–0,32	0,83
Центральный бугорок M_1	–0,08	0,88
Лопатообразность I^1	–0,77	–0,01
Бугорок Карабелли M^1	0,21	0,24
$6M_1$	–0,14	0,26
$4M_2$	0,34	0,19
Дистальный гребень тригонида M_1	–0,45	0,15
Коленчатая складка метаконида M_1	–0,49	–0,08

6-бугорковых нижних моляров, коленчатой складки метаконида, ямок протостилида. Также здесь часто встречается дополнительный дистальный гребень верхних клыков, C5 на верхних первых молярах. С умеренной частотой отмечен бугорок Карабелли, редукция гипоконуса. Понижен процент 4-бугорковых нижних вторых моляров, в единичных случаях встречен Tami. Из набора маркеров восточной направленности заметные различия наблюдаются только по частоте дистального гребня тригонида на нижних молярах, которая намного выше в Тартасе-1, чем в Преображенке-6.

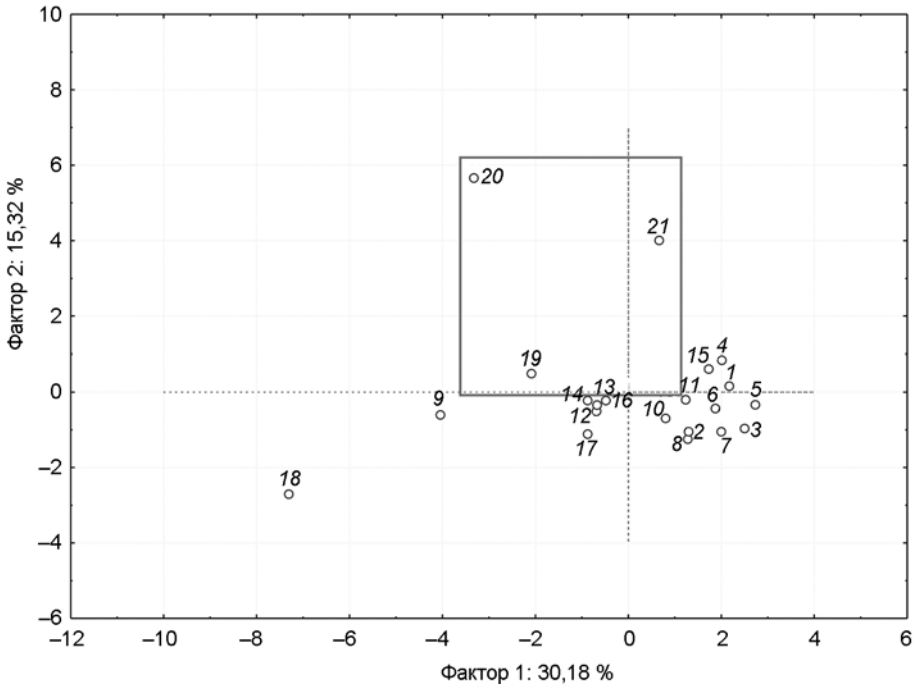
Что касается южных маркеров, то их распределение неравномерно. В Преображенке-6 присутствует только эпикристид, тогда как в группе из Тартаса-1 фиксируется практически полный набор признаков. Здесь отмечен эпикристид на нижних первых молярах, эпикриста на первых верхних молярах, передние и задние ямки на этих зубах. Не была встречена только вестибулярная выпуклость верхних резцов.

При статистическом сопоставлении одиновских серий с синхронным и более ранним населением Евразии частоты «южных» маркеров определяют дифференциацию серий в пространстве второго фактора (табл. 2). Они резко отделяют от общей совокупности серию энеолита – ранней бронзы Туркмении из могильников Кара-тепе и Геоксюр и одиновцев Тартаса, расположенных в области максимальных положительных координат (см. *рисунок*). Различия между этими группами определяются первым фактором, в составе которого большая нагрузка приходится на маркеры восточного ствола и южносибирского палеолитического комплекса (табл. 2).

Серия из Преображенки-6, хотя и демонстрирует на графике сдвиг в область положительных координат второго фактора, расположена намного ближе к западносибирскому населению эпохи неолита – бронзы, чем серия из Тартаса-1 (см. *рисунок*).

Выводы

Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что связи между населением Барабинской лесостепи и носителями земледельческих культур эпохи ранней бронзы Средней Азии, вероятнее всего, не ограничивались только культурными или торговыми контактами. В одонтологических материалах из могильника Тартас-1 присутствуют явные свидетельства влияния южных мигрантов на состав популяции. Отдельные признаки такого влияния встречены также и в серии из Преображенки-6, но, судя по их малому количеству и отсутствию биологической консолидированности, здесь



Положение одиновских серий по отношению к синхронному и более раннему населению Евразии.

1 – мезолит Карелии (Южный Олений Остров); *2* – мезолит Украины (Васильевка-1, -3); *3* – неолит Украины (Вовниги-1); *4* – неолит Украины (Вовниги-2); *5* – неолит северо-запада Восточно-Европейской равнины (Караваиха, Модлона, Погостище); *6* – рязанская неолитическая культура (Фомино); *7* – ямная культура Калмыкии; *8* – катакомбная культура Калмыкии; *9* – кузнецко-алтайская культура (Солонцы, Усть-Иша, пещера Каминная, Лебеди-2, Васьково-4); *10* – население Омского Прииртышья эпохи позднего неолита – раннего бронзового века (Окунево-5, -7); *11* – Ростовка; *12* – елунинская культура; *13* – неолит Барабинской лесостепи (Венгерово-2а); *14* – окуневская культура (Верх-Аскиз); *15* – афанасьевская культура Горного Алтая; *16* – серовская культура; *17* – глазковская культура; *18* – неолит Средней Сибири; *19* – Преображенка-6; *20* – Тартас-1; *21* – население Туркмении IV–III тыс. до н.э. (Кара-тепе, Геоксюр).

они скорее появляются опосредованно, через контакты с другими одиновскими популяциями.

Поскольку характеристики автохтонного компонента в составе обеих серий абсолютно доминируют и не демонстрируют серьезных изменений в связи с динамикой южных признаков, то можно говорить о том, что реконструируемая миграция не была массовой. Скорее речь идет об эпизодическом включении в их состав отдельных индивидов южного происхождения.

Основываясь на концепции английского археолога М. Звелебила, выделившего семь основных видов миграционного движения [Zvelebil, 2000], можно предположить, что в анализируемом случае мы имеем дело с вариантом «d», «Infiltration», когда происходит медленное проникновение небольших групп, преимущественно специалистов, в регион, где они занимали особую социальную или экономическую нишу (бродячие кузнецы, медники, кожевники и т.п.). Генетически это движение может не оставлять видимых следов [Ibid., p. 57–58; Корякова, Молодин, 2010, с. 133–134]. К сказанному следует добавить, что при такой модели возможны различия в проявлениях одонтологических новаций в сериях из хронологически и территориально различающихся памятников.

Дополнительным методическим результатом проведенного исследования стало очередное подтверждение факта необходимости коррекции исследовательских программ, используемых большинством современных российских одонтологов. Сведение их к описанию стандартного набора признаков, используемого затем для сравнения любых палеоантропологических материалов, вне зависимости от их географического и хронологического происхождения, ведет к существенной редукции информационных возможностей изучаемых серий.

Список литературы

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 232 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Зубова А.В. Население ямной культурно-исторической общности в свете одонтологических данных // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 85–95.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения маркеров архаики в одонтологических комплексах населения Евразии эпохи неолита // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4 (26). – С. 107–127.

Зубова А.В. Состав мезолитического и неолитического населения лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины по одонтологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 96–106.

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015а. – Т. 43, № 4. – С. 138–146.

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015б. – Т. 43, № 3. – С. 116–127.

Корякова Л.Н., Молодин В.И. Культурная вариативность: старая проблема в новое время // III Северный археологический конгресс. Доклады. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 110–141.

Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: археологические и изотопные данные // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3. – С. 164–178.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е. Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка-2/4А (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Древние культуры степей Евразии и их связь с цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – Кн. 2. – С. 237–242.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 339–344.

Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариабельности мтДНК: автореф. дис. … канд. биол. наук. – Новосибирск, 2010. – 16 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Marchenko Z.V., Orlova L.A, Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. – 2015. – Vol. 57, N 4. – P. 595–610.

Scott G.R., Turner C.G. The anthropology of modern human teeth: Dental morphology and its variation in recent human populations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 382 p.

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropol. – N.Y.: Wiley-Liss, 1991. – P. 13–31.

Zvelebil M. The social contexts of the agricultural transition in Europe // Archaeogenetics: DNA and the population prehistory of Europe. – Cambridge: McDonald Institute, 2000. – P. 57–80.

References

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita-rannego zheleza. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 468 p. (in Russ.).

Korjakova L.N., Molodin V.I. Kul'turnaja variativnost': staraja problema v novoe vremja. In *III Severnyj arheologicheskij kongress. Doklady.* Ekaterinburg; Hanty-Mansijsk: Izd. dom "IzdatNaukaServis", 2010, pp. 110–141 (in Russ.).

Marchenko Z.V., Orlova L.A, Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results. *Radiocarbon*, 2015, vol. 57, No. 4, pp. 595–610.

Marchenko Z.V., Panov V.S., Grishin A.E., Zubova A.V. Rekonstruktsiia i dinamika struktury pitaniia odinovskogo naseleniia Barabinskoi lesostepi na protiazhenii III tys. do n.e.: arkheologicheskie i izotopnye dannye. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016, No. 3, pp. 164–178 (in Russ.).

Molodin V.I. Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Chemiakina M.A., Pozdniakova O.A. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniia pamiatnika Preobrazhenka-6 v Barabinskoi lesostepi. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 339–344 (in Russ.).

Molodin V.I., Marchenko Zh.V., Orlova L.A., Grishin A.E. Khronologiia pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury pamiatnika Sopka-2/4A (Lesostepnaia polosa Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ia). In *Drevnie kul'tury stepei Evrazii i ikh sviaz' s tsivilizatsiiami*. St. Petersburg: IHMC RAS, Periferiia, 2012, vol. 2, pp. 237–242 (in Russ.).

Pilipenko A.S. Rekonstruktsiya protsessov formirovaniya naseleniya Baraby epokhi bronzy metodami analiza variabel'nosti mtDNK: cand. sc. (biol.) dissertation abstract. Novosibirsk, 2010, 16 p. (in Russ.).

Scott G.R., Turner C.G. The anthropology of modern human teeth: Dental morphology and its variation in recent human populations. Cambridge: Univ. Press, 1997, 382 p.

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System. In *Advances in Dental Anthropol*. N.Y.: Wiley-Liss, 1991, pp. 13–31.

Zubov A.A. Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1968, 199 p. (in Russ.).

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-Onlain, 2006, 72 p. (in Russ.).

Zubov A.A., Khaldeeva N.I. Odontologiya v sovremennoi antropologii. Moscow: Nauka, 1989, 232 p. (in Russ.).

Zubov A.A., Khaldeeva N.I. Odontologiya v antropofenetike. Moscow: Nauka, 1993, 224 p. (in Russ.).

Zubova A.V. Naselenie yamnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti v svete odontologicheskikh dannykh. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2 (13), 85–95 (in Russ.).

Zubova A.V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniya markerov arkhaiki v odontologicheskikh kompleksakh naseleniya Evrazii epokhi neolita. *Vestnik antropologii*, 2013, No. 4 (26), pp. 107–127 (in Russ.).

Zubova A.V. Dental Anthropology of the Mesolithic and Neolithic Populations of the Eastern European Forest-Steppe Zone. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 96–106.

Zubova A.V., Chikisheva T.A. The Morphology of Human Teeth from Afontova Gora II, Southern Siberia, and Their Status Relative to the Dentition of Other Upper Paleolithic Northern Eurasians. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015a, vol. 43, No. 4, pp. 138–146.

Zubova A.V., Chikisheva T.A. Nonmetric Dental Trait Distribution in the Neolithic Populations of Southwestern Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015b, vol. 43, No. 3, pp. 116–127.

Zvelebil M. The social contexts of the agricultural transition in Europe // Archaeogenetics: DNA and the population prehistory of Europe. Cambridge: McDonald Institute, 2000, p. 57–80.

УДК 902.01

Д.А. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nightliro@bk.ru

Влияние вулканической активности на общество эпохи дзёмон, Японский архипелаг*

Важным фактором, оказавшим серьезное воздействие на окружающую среду, жизнь и культуру людей эпохи дзёмон (16 500–2 350 л.н.), была высокая сейсмическая активность. Вулканическое происхождение Японских островов и связанные с этим катастрофические извержения, землетрясения и цунами приводили к существенным изменениям экологии и ландшафта. Вулканические слои являются превосходными маркерами, позволяющими проследить границы между отдельными стадиями в развитии эпохи дзёмон. Кроме того, они дают уникальную возможность произвести корреляцию различных культурных элементов по всей стране и используются в качестве основы для датировки археологических памятников. Проблема драматического воздействия вулканов на природу и древнее общество является самостоятельным и динамично развивающимся направлением в изучении культур позднего плейстоцена и голоцена, распространенных в зоне всего «Тихоокеанского огненного кольца».

Ключевые слова: *Японский архипелаг, эпоха дзёмон, вулканическая активность, стихийные бедствия, археология.*

D.A. Ivanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nightliro@bk.ru

Volcanic Activity and its Influence on Jōmon Society (Based on Archaeological Sites Located on Japanese Archipelago)

The important factor, that had a major influence on the environment, human beings and culture of Jōmon period (16 500–2 350 B.P.), was a high level of seismic activity. The volcanic nature of Japanese archipelago and associated with this cataclysmic eruption, disaster earthquakes and tsunami resulted to significant environment and landscape changes. Volcanic ash layers are excellent markers which let us trace the boundaries between stages within Jōmon period. Also they provide a unique opportunity to make a correlation of various cultural elements throughout the country and are used as base for archaeological sites dating. The problem of volcanic activity dramatic impact on the nature and ancient society is the independent and dynamic developing field in the study of the Late Pleistocene and the Holocene cultures, which were located around the "Pacific Ring of Fire".

Keywords: *Japanese archipelago, Jōmon period, volcanic activity, natural disasters, archaeology.*

По данным Агентства Метеорологии и Вулканологии на 2013 г., на территории Японии от Хоккайдо до Окинавы известно 99 действующих вулканов, большинство из которых начало формироваться в раннем плейстоцене.

В эпоху дзёмон влияние сейсмической активности, с показателем ИВА-3 – ИВА-7, было так же велико, как и в предшествующий период, и особенно заметно для районов северной, центральной и прежде всего южной Японии. В период перехода от позднего палеолита к изначальному дзёмону, произошло несколько извержений с показателем ИВА-5 – ИВА-6, в том числе извержение вулкана Товада (слой То-Н, север Тохоку), с датой 15 500 л.н.* [Machida, 2002].

Масштабная катастрофа с показателем ИВА-7, произошедшая на юге Японии – о-ва Осуми (преф. Кагосима), связана с извержением подвод-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

**Здесь и далее по тексту используются калиброванные даты.

ного вулкана Кикай и образованием слоя тефры Акохоя (слой K-Ah), с датой 7 300 л.н. Протяженность кальдеры Кикай 19 км, площадь распространения вулканического пепла – более 170 км², слой тефры зафиксирован на территории от юго-запада о. Кюсю до северо-востока о. Хонсю. Ближе к эпицентру толщина слоя пепла доходит до 40–60 см, в других частях о. Кюсю и о. Сикоку – ок. 20 см [Suzuki, 2007].

Уникальным примером поселенческого комплекса начального дзёмона, на котором зафиксированы последствия катастрофических изменений, является памятник Уэнохара (преф. Кагосима). Стратиграфические данные представлены 15 слоями, среди которых выделяются прослойки тефры Сакурадзима-Сацума (слой Sz-S) и тефры Кикай-Акохоя (слой K-Ah): *слой № 10* – тефра Сацума (слой P14), 13 000 – 12 800 л.н; *слой № 9* – культурный слой Уэнохара (район № 4), 12 800 л.н. (первая половина начального дзёмона); *слой № 8* – тефра Сакурадзима (слой P13), 10 300 л.н.; *слои № 7–6* – культурный слой Уэнохара (район № 3), 9 500 – 7 400 л.н. (вторая половина начального – первая половина раннего дзёмона); *слой № 5* – тефра Кикай-Акохоя (слой K-Ah) – 7 300 л.н.; *слой № 4* – культурный слой, датированный поздним-финальным дзёмоном [Machida, Sugiyama, 2002; Suzuki, 2007]

Данные по вулканологии и археологии показали значительный разрыв между керамическими культурами до и после извержения вулкана Кикай. Непосредственно перед извержением на территории о. Кюсю была распространена местная гончарная традиция, представленная сосудами стилей Минами Кюсю кайгара-мон и Осигата-мон. Исходя из того, что эти типы керамики не были зафиксированы в культурном слое над слоем K-Ah, существует мнение об их уничтожении в результате извержения. Исследователи также сходятся во мнении, что керамическая традиция, представленная стилями Тодороки и Собата, была привнесена из соседних регионов. Вероятно, в результате извержения население культуры начального дзёмона либо полностью погибло, либо переселилось в северо-западную часть о. Кюсю, где опустошения и разрушения от землетрясений и цунами были не такими мощными.

Ярким примером вулканической активности на территории северной Японии является вулкан Товада. Кальдера диаметром ок. 11 км сформировалась в результате двух десятков извержений («эпизодов»), девять из которых произошли в период от позднего палеолита до исторического периода, в том числе четыре с показателем ИВА-4 – ИВА-6.

В период 15 500–15 000 л.н. произошло крупное извержение («эпизод L») с показателем ИВА-6, сопровождавшееся мощным пирокластическим потоком (40 км³) и формированием слоя пемзы и пепла Хатинохэ (слой To-H). В результате формирования кальдеры пирокластические отложения были обнаружены на территории преф. Аомори, Иватэ и Акита. Слой тефры To-H был зафиксирован на памятниках Одай Ямамото (16 500–14 900 л.н.) и Тё:дзякубо (некалиброванная дата 13 960–10 400 л.н), которые относятся к первой половине изначального дзёмона [Nakamura et al., 2001].

Переходом от середины к финальной фазе начального дзёмона датируется крупное извержение «эпизод E», представленное слоями пемзы Нанбу и пепла Каймори (9 200 л.н.). По данным объема пирокластических потоков (ок. 0,54 км³) индекс вулканической активности представлен показателями 4-5. Последствия извержения фиксируются на материалах памятника Татэхира, преф. Аомори. Археологические находки представлены фрагментами остродонной керамики стиля Тэра-но-Сава. Керамика датируется первой половиной – серединой начального дзёмона. Во время разбора котлована одного из жилищ был зафиксирован плотный слой пемзы Нанбу (слой To-Na), который перекрывал культурный слой, относящийся к середине начального периода.

В период между ранним и средним дзёмоном, наряду с «дзёмонской трансгрессией», значительное влияние на изменения окружающей среды оказало извержение вулкана Товада с индексом ИВА-5. Объем излившейся магмы составил ок. 2,5 км³. Извержение Тю:сэри (слой To-Cu) было одним из крупных и масштабных в постледниковый период. Слои тефры To-Cu фиксируются на территории от полуострова Симокита (север преф. Аомори) до г. Рикудзэнтаката (юг преф. Иватэ) и горной цепи Дэва (центральная часть преф. Ямагата). По слою To-Cu получены даты ок. 6 200–5 900 л.н., что позволило отнести его к середине раннего дзёмона [Kudo, Sasaki, 2007].

По данным стратиграфии и хронологии керамических стилей, информация о существовании керамики стиля Энто: до образования слоя To-Cu не подтверждена. Непосредственно над тефрой To-Cu зафиксирован культурный слой, представленный стилем Нижний Энто:. Поскольку такие стратиграфические связи были засвидетельствованы на обширной территории, исследователи считают, что извержение «эпизода C» стало причиной возникновения стиля Энто:. На раковинной куче Васэда и на памятнике Омотэдатэ (преф. Аомори) были найдены образцы керамики со специфическим узором, выполненным бамбуковой палочкой и шнуром, перекрытые слоем To-Cu. В настоящее время известно не больше 30 памятников с керами-

кой Васэда и Омотэдатэ. Вероятно, традиция стилей Васэда и Омотэдатэ появилась незадолго до «эпизода С» и была уничтожена в результате извержения.

На севере г. Аомори на памятнике Саннай Маруяма после слоя тефры То-Cu отмечается формирование крупного поселения с керамикой стиля Нижний Энто:. Согласно данным споро-пыльцевого анализа, комплекс развивался внутри экосистемы обширных каштановых лесов. С другой стороны, у подножья г. Хаккода (юг г. Аомори), где пока не найдено следов жизнедеятельности людей эпохи дзёмон, на данном этапе наблюдаются резкие изменения в экосистеме, исчезают буковые леса и появляются широколиственные леса, представленные японским дубом. Таким образом, извержение «эпизода С» привело к существенным изменениям не только экосистемы северных районов Тохоку, но и к большим изменениям внутри дзёмонского общества [Korekawa…, 2014].

Во времена эпохи дзёмон на территории Японского архипелага произошло множество извержений, однако не всегда они были столь разрушительными, как, например, в случае с извержением Кикай или Товада. Тем не менее, извержения с индексом ИВА-3 и меньше, безусловно, оказывали влияние на людей, вынуждая их переселяться в другие районы. Вероятность подобных перемещений подтверждается на основе преемственности и общности стилей керамики эпохи дзёмон.

Список литературы

Korekawa Archaeological Institution. Jōmon Adaptation: to Jōmon Transgression and Towada Volcanism. – Hachinohe: Korekawa Jōmon Museum, 2014. – 48 p. (in Japan.).

Kudo T., Sasaki H. High-precision Chronology of Eruption Products During the Post-caldera Stage of Towada Volcano, Northeast Japan // Journal of Geography. – 2007. – Vol. 116 (5). – P. 653–663 (in Japan.).

Machida H. Impact of Tephra Forming Eruption on Human Beings and the Environment // Global Environmental Research. – 2002. – Vol. 6. – P. 61–68.

Machida H., Sugiyama S. The Impact of the Kikai-Akahoya Explosive Eruption on Human Societies. // Natural Disasters and Cultural Change. – London: Routledge, 2002. – P. 313–325.

Nakamura T., Taniguchi Y., Tsuji S., Oda H. Radiocarbon Dating of Charred Residues on the Earliest Pottery in Japan // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43 (2B). – P. 1129–1138.

Suzuki T. Tephra Studies on Quaternary Explosive Eruptions in Japanese Island // The Quaternary Research. – 2007. – Vol. 46 (3). – P. 283–292.

References

Korekawa Archaeological Institution. Jōmon Adaptation: to Jōmon Transgression and Towada Volcanism. Hachinohe: Korekawa Jōmon Museum, 2014, 48 p. (in Japan.).

Kudo T., Sasaki H. High-precision Chronology of Eruption Products During the Post-caldera Stage of Towada Volcano, Northeast Japan. *Journal of Geography*, 2007, vol. 116 (5), pp. 653–663 (in Japan.).

Machida H. Impact of Tephra Forming Eruption on Human Beings and the Environment. *Global Environmental Research*, 2002, vol. 6, pp. 61–68.

Machida H., Sugiyama S. The Impact of the Kikai-Akahoya Explosive Eruption on Human Societies. In *Natural Disasters and Cultural Change*. London: Routledge, 2002, pp. 313–325.

Nakamura T., Taniguchi Y., Tsuji S., Oda H. Radiocarbon Dating of Charred Residues on the Earliest Pottery in Japan. *Radiocarbon*, 2001, vol. 43 (2B), pp. 1129–1138.

Suzuki T. Tephra Studies on Quaternary Explosive Eruptions in Japanese Island. *The Quaternary Research*, 2007, vol. 46 (3), pp. 283–292.

УДК 903.022(571.150)

К.Ю. Кирюшин[1], Н.Н. Серёгин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Археологические исследования на «Бирюзовой Катуни» в 2016 году*

В сентябре 2016 г. археологической экспедицией АлтГУ продолжены исследования на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» в Алтайском р-не Алтайского края. В ходе работ на выявленном комплексе Бирюзовая Катунь-12 зафиксирована конструкция, представлявшая собой подквадратную ограду с более крупными плитами по периметру и заполнением из мелких камней. Какие-либо находки не обнаружены. После проведения раскопок объект музеефицирован на территории парка «Перекресток миров». Выявленное сооружение не имеет точных аналогов в известных материалах археологических исследований на территории Алтая. Предварительно изученный комплекс может быть отнесен к позднему Средневековью – этнографическому времени и интерпретирован как культовый объект, связанный с реализацией ритуальной практики.

Ключевые слова: *культовый объект, позднее Средневековье, этнографическое время, археологический парк, карстовая полость, Алтайский край.*

K.Yu. Kiryushin[1], N.N. Seregin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Archaeological Research on «Biryuzovaya Katun» in 2016

The archaeological expedition of Altai State University continued research on the territory of «Biryuzovaya Katun» in Altai district of the Altai Krai in September 2016. During the works on the complex Biryuzovaya Katun-12 the square enclosure with larger plates on the perimeter and filling of small stones were excavated. After the excavation the object was reconstructed in the park «Crossroads of the Worlds». The revealed structure has no exact parallel in the known materials of archaeological research in Altai. Preliminarily the studied complex can be attributed to the late Middle Ages – ethnographic time and interpreted as a cult object associated with the implementation of ritual practice.

Keywords: *cult object, the later Middle Ages, ethnographic time, archaeological park, caverns, Altai Krai.*

Археологический парк «Перекресток миров» начал историю своего существования в мае 2005 г., когда между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и Алтайским государственным университетом был заключен договор о сотрудничестве. В рамках этого договора сотрудниками университета проводились работы по интеграции археологического наследия туркомплекса в сферу туризма. На протяжении нескольких сезонов парк «Перекресток миров» являлся базой для проведения археологических исследований на Нижней Катуни [Кирюшин и др., 2013]. Кроме раскопок организовывались разведочные мероприятия, которые способствовали получению важных сведений. Так, летом 2007 г. на р. Усть-Уба впервые на территории Алтайского края документально зафиксирована наскальная руническая надпись [Кирюшин, Горбунов, Даньшин, 2007]. Осенью 2012 г. на перевале меж-

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

ду реками Тавдушка и Усть-Уба (Устюба) выявлен культовый объект бурханистов – куре [Кирюшин, Тишкин, Семибратов, 2012].

К настоящему времени на территории «Бирюзовой Катуни» выявлено 16 памятников археологии, из которых на восьми проведены исследования. Работы по выявлению и изучению объектов историко-культурного наследия в этой местности продолжаются. Результатам исследования одного из них посвящена данная публикация.

В сентябре 2016 г. археологической экспедицией АлтГУ были продолжены исследования на территории особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» в Алтайском р-не Алтайского края. Проведение изысканий в этой части региона имеет особое значение не только для детализации исторических процессов в различные хронологические периоды, но и для включения памятников культурного наследия в сферу туризма [Кирюшин и др., 2013].

Изученный объект, получивший порядковое обозначение Бирюзовая Катунь-12, расположен около скального выхода на р. Катунь, напротив большой Тавдинской (Талдинской) пещеры, справа от грота Ихтиандра и от памятника Н.К. Рериху. Данный объект до раскопок представлял собой сильно задернованное скопление камней, часть из которых визуально фиксировалась на поверхности (рис. 1, *1*). Зачистка насыпи объекта и выборка площади раскопа позволила выявить каменную конструкцию, представлявшую собой подквадратную ограду (рис. 1, *2, 3*) с более крупными плитами по периметру (рис. 1, *4*; 2, *3*) и заполнением из мелких камней (рис. 2, *1*). Общая высота конструкции, сооруженной из нескольких слоев небольших камней, составила до 0,4 м (рис. 2, *2*). Южная часть объекта оказалась разрушена в результате антропогенного воздействия на памятник. В ходе раскопок этой части сооружения на различной глубине обнаружено значительное количество консервных банок и других бытовых отходов. Кроме того, разрушение объекта могло быть частично связано с корнями растущего рядом дерева (рис. 1, *4*).

Проведенная зачистка площади объекта по уровню ниже залегания камней позволила выявить некоторое затемнение почвы в северной части раскопа. По предполагаемым границам пятна была произведена выборка грунта до уровня скального цоколя, показавшая отсутствие каких-либо сооружений.

После проведения раскопок объекта культурного наследия Бирюзовая Катунь-12 раскоп был рекультивирован, а зафиксированная каменная конструкция перенесена на территорию парка «Перекресток миров» и музеефицирована в соответствии с выявленными параметрами памятника (рис. 1, *5*). Можно констатировать, что сооружение, исследованное в 2016 г., пополнит серию подготовленных к туристическому показу археологических объектов на территории парка «Перекресток миров» [Кирюшина, 2010].

Отсутствие находок существенно снижает возможности для определения даты и осуществления историко-культурной интерпретации объекта Бирюзовая Катунь-12. Вместе с тем, в расположении исследованного объекта и его конструкции прослеживаются некоторые особенности, которые необходимо рассмотреть более подробно.

Ранее отмечалось, что археологический микрорайон «Бирюзовая Катунь» характеризуется рядом показательных черт, обусловленных наличием в этом районе карстовых полостей [Кирюшин, 2009, с. 105]. Также указывалось на то, что особенности данного комплекса объектов связаны с представлениями древнего населения о священности местности, что фиксируется не только в археологическом, но также в этнографическом и фольклорном материале [Кирюшин, Кирюшина, Семибратов, 2014].

Культовый объект Бирюзовая Катунь-12 находится справа от грота Ихтиандра, который является своеобразным памятником природы (рис. 1, *6*). Это крупный скальный выход у р. Катунь с тремя вертикальными колодцами, один из которых имеет большую карстовую полость, расположенную у воды. Вертикальные колодцы являются своего рода пещерами-«ловушками», описанными в научной литературе. Зимой, когда их заносит снегом, они представляют угрозу для животных и человека. К сожалению, они опасны не только зимой. Последний трагический случай зафиксирован в мае 2004 г.

Примером особого отношения к таким карстовым полостям служит Айдашинская пещера, в которой имелось два входа – вертикальный и горизонтальный. Материалы, полученные в результате исследования данного комплекса, свидетельствуют о проведении культовых, обрядовых действий, которые связаны с приношением даров богам, духам на протяжении длительного времени – от неолита и до Средневековья [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980].

Как отмечают исследователи, в расположении культовых комплексов в пещерах горно-лесного Урала прослеживается определенная закономерность [Чаиркин, 2004, с. 26]. Культовые пещеры часто дислоцируются возле глубоких омутов и (или) больших островов в русле рек. Такие места почитались манси; считалось, что именно здесь обитает дух речных вод. Вероятно, расположение объекта Бирюзовая Катунь-12 связано с представлением коренного населения Алтая о сакральном статусе подземной полости. Именно это обстоятельство могло определить выбор места для организации культового сооружения.

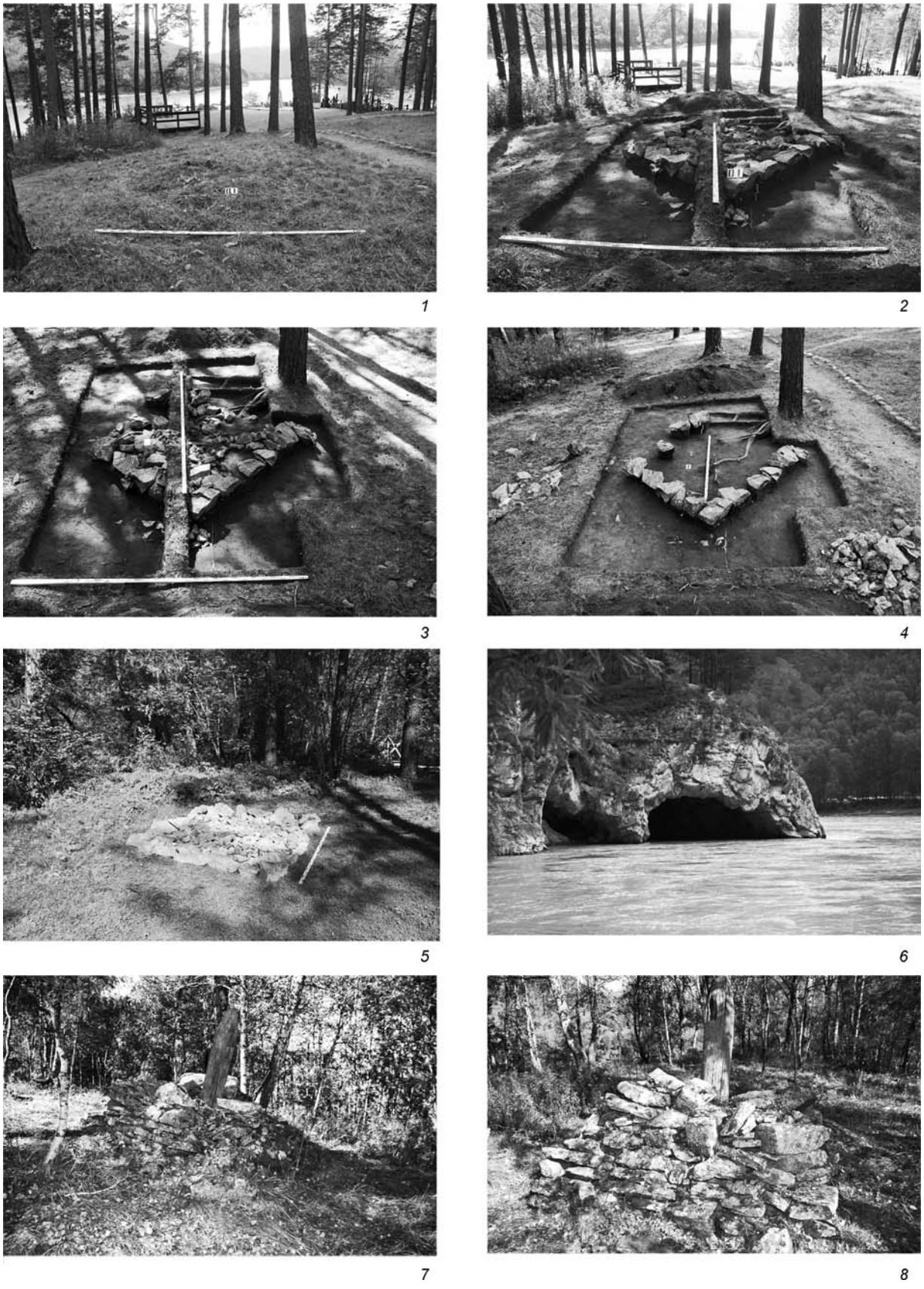


Рис. 1. Ритуальный объект Бирюзовая Катунь-12.

1 – общий вид до проведения раскопок; *2, 3* – зачистка насыпи объекта и выборка площади раскопа; *4* – крупные плиты по периметру объекта; *5* – подготовленный к туристическому показу объект Бирюзовая Катунь-12 на территории археологического парка «Перекресток миров»; *6* – грот Ихтиандра; *7, 8* – бурханистский культовый объект начала XX в. – куре.

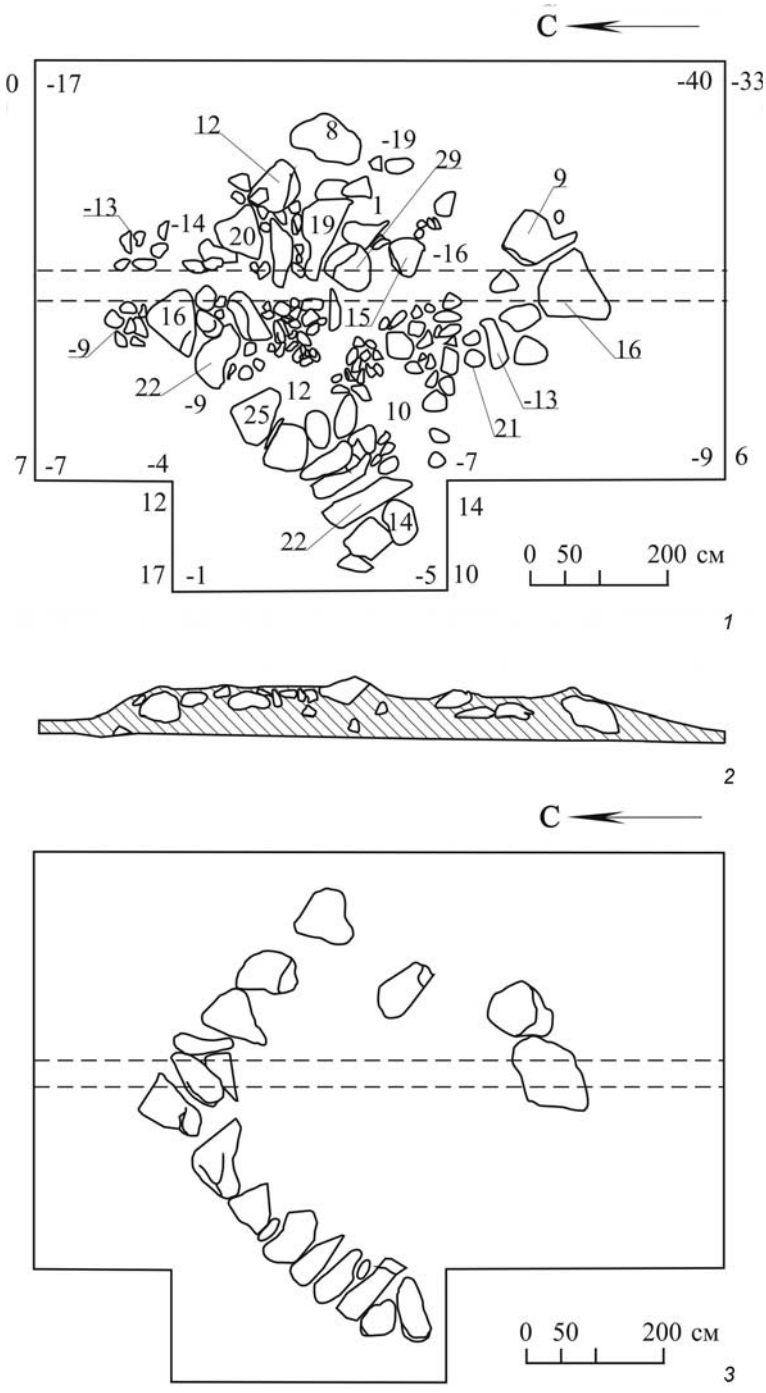


Рис. 2. Ритуальный объект Бирюзовая Катунь-12.

1 – план культового объекта; *2* – разрез насыпи; *3* – план подквадратной конструкции из крупных плит по периметру объекта.

В конструкции исследованного культового объекта Бирюзовая Катунь-12 прослеживаются некоторые черты сходства с культовыми и поминальными сооружениями, исследованными на территории туркомплекса в 2005–2012 гг. В 2005 г. на второй надпойменной террасе левого берега Катуни выявлена сильно разрушенная прямоугольная ограда Бирюзовая Катунь-2 [Кирюшин и др., 2013, с. 42–44, рис. 21]. Исследованный в 2016 г. комплекс органично вписывается в серию этих памятников. Прослеживается весьма интересная «линия» сооружений, занимающих разные высотные отметки. Из них культовый объект бурханистов куре занимает самую высокую отметку на перевале, Бирюзовая Катунь-2 – промежуточную у склона горы на второй надпойменной террасе, а Бирюзовая Катунь-16 – самую низкую на скальном выходе у карстовых провалов около Катуни. В этой «линии» прослеживается еще одна закономерность – в направлении от перевала к берегу реки уменьшается высота кладки объектов. Кладка культового объекта бурханистов – куре – сложена из восьми-девяти рядов каменных плит (рис. 1, *7, 8*), Бирюзовой Катуни-2 – из четырех-пяти рядов, а Бирюзовая Катунь-16 представляет собой ограду из более крупных плит по периметру и заполнением из мелких камней (рис. 1, *2–4*). Таким образом, выявляется серия объектов, которая, скорее всего, отражает представление коренного населения Алтая о делении окружающего мира на Верхний, Средний и Нижний. Можно предположить, что различные объекты в этой «линии» связаны с обрядовыми действиями, посвященными соответственно богам, духам Верхнего, Среднего и Нижнего мира.

Приходится констатировать, что зафиксированная в ходе раскопок конструкция, несмотря на отдельные черты сходства с тюркскими оградками VI–X вв. и бурханистскими культовыми объектами начала XX в., не имеет точных аналогов в опубликованных материалах археологических исследований на территории Алтайского края и Республики Алтай. Предварительно изученный комплекс может быть отнесен к позднему Средневековью – этнографическому времени и интерпретирован как культовый объект, связанный с реализацией ритуальной практики. Более точная атрибуция памятника будет возможна в ходе последующего сравнения его конструктивных характеристик с имеющимися сведениями об особенностях культового строительства населения Алтая в позднее Средневековье – этнографическое время.

Список литературы

Кирюшин К.Ю. Специфика археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь» в сравнении с синхронными памятниками сопредельных территорий // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. – 2009. – № 4/1. – С. 101–105.

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Археология, этнография, устная история. – Барнаул: БГПУ, 2007. – Вып. 3. – С. 57–59.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П. Культовый объект «куре» в северных предгорьях Алтая (к вопросу о специфике археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь») // Вестн. Алт. науки. – 2014. – № 2–3 (20–21). – С. 177–181.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие Бирюзовой Катуни (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – 222 с.

Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Культовый объект бурханизма в предгорьях Алтая // Методика исследования культовых комплексов. – Барнаул: Пять плюс, 2012. – С. 37–42.

Кирюшина Ю.В. Археологические парки в системе культурного наследия России // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. Право. Филология и искусствоведение. Философия, социология и культурология. Экономика. – 2010. – № 2/1. – С. 138–142.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор // Культовые памятники Горно-Лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 24–38.

References

Chairkin S.E. Peshhery Urala: obshhij obzor. In *Kul'tovye pamjatniki Gorno-Lesnogo Urala*. Yekaterinburg: UrO RAN, 2004, pp. 24–38 (in Russ.).

Kirjushin K.Ju. Specifika arheologicheskogo mikrorajona «Birjuzovaja Katun'» v sravnenii s sinhronnymi pamjatnikami sopredel'nyh territorij. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta.* Ser.: Istorija. Politologija, 2009, No. 4/1, p. 101–105 (in Russ.).

Kirjushin K.Ju., Gorbunov V.V., Dan'shin O.V. Runicheskaja nadpis' s reki Ust'-Uba (Altajskij rajon Altajskogo kraja). *Polevye issledovanija v Verhnem Priob'e i na Altae 2006 g. Arheologija, jetnografija, ustnaja istorija.* Barnaul: BGPU, 2007, iss. 3, pp. 57–59 (in Russ.).

Kirjushin K.Ju., Kirjushina Ju.V., Semibratov V.P. Kul'tovyj ob'ekt «kure» v severnyh predgor'jah Altaja (k voprosu o specifike arheologicheskogo mikrorajona «Birjuzovaja Katun'»). *Vestnik Altajskoj nauki*, 2014, No. 2–3 (20–21), pp. 177–181 (in Russ.).

Kirjushin K.Ju., Kirjushina Ju.V., Semibratov V.P., Kirjushin Ju.F., Gorbunov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie Birjuzovoj Katuni (opyt integracii v sferu turizma). Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013, 222 p. (in Russ).

Kirjushin K.Ju., Tishkin A.A., Semibratov V.P. Kul'tovyj ob'ekt burhanizma v predgor'jah Altaja. In *Metodika issledovanija kul'tovyh kompleksov*. Barnaul: Pjat' pljus, 2012, pp. 37–42 (in Russ.).

Kirjushina Ju.V. Arheologicheskie parki v sisteme kul'turnogo nasledija Rossii. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Pedagogika i psihologija. Pravo. Filologija i iskusstvovedenie. Filosofija, sociologija i kul'turologija. Ekonomika, 2010, No. 2/1, pp. 138–142 (in Russ.).

Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N. Ajdashinskaja peshhera. Novosibirsk: Nauka, 1980, 208 p. (in Russ.).

УДК 903.5

Л.С. Кобелева, И.А. Дураков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

Литейные формы позднеирменской культуры*

В работе представлены результаты технологического и трасологического анализа литейных форм позднеирменской культуры Западной Сибири переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Выделены две основные традиции их изготовления. Первую характеризуют следующие признаки: изготовление форм на модельной плите с последующей тщательной обработкой их поверхности, использование сложных многокомпонентных формовочных масс, тщательный обжиг форм. Все выявленные признаки находят аналогии или в ирменских материалах, или в предшествующих культурах Барабы. Исходя из этого сделано предположение, что это местная производственная традиция, восходящая к культурам развитой бронзы. Вторая традиция предполагает изготовление форм без подмодельной плиты и, как следствие, неровную поверхность разъема, крепление створок при помощи глиняной обмазки с последующим обжигом, изготовление литниковой чаши отдельно от формы, использование в качестве формовочного материала глины без каких-либо искусственных добавок, замену обжига просушкой формы на воздухе. Отсутствие аналогий в ирменских памятниках позволяет говорить об инокультурном влиянии красноозерской и берликской культур.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, переходный период от бронзового века к железному, позднеирменская культура, бронзолитейное производство, литейные формы.*

L.S. Kobeleva, I.A. Durakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

Late Irmen Culture Molds

The article presents the results of technological and investigative analysis of Western Siberia Late Irmen culture molds in the transitional period from the bronze age to the early iron age. Two main manufacturing traditions are divided. The first is characterized by the following features: fabrication of forms on the model plate with subsequent careful treatment of the surface; the use of complex multi-component molding compositions; a thorough roasting of forms. All of the signs find their analogs in Baraba Irmen or earlier cultures materials. On this basis we made the assumption that it is the local production tradition dating back to the developed bronze cultures. The second tradition assumes: production of forms without model plate and as a consequence uneven surface of the connector, mounting the valves with a clay coating and subsequent firing, making the gating of the bowl; use clay as a molding material without any artificial additives; replacement of kiln drying forms on the air. The lack of analogies in Irmen monuments indicates transcultural influence of krasnozyorskoye and berlik cultures.

Keywords: *Western Siberia, the transition from the Bronze to Iron Ages, Late Irmen culture, bronze casting, molds.*

Все литейные формы этого периода найдены крупными скоплениями на территории производственных участков поселений. К настоящему времени коллекция учтенных нами форм составляет 1 437 экземпляров. Большая часть из них – 1 219 происходит с городища Чича-1 [Молодин и др., 2009, с. 213–230], 20 таких изделий найдено на поселении Омь-1 [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 61, рис. 10, *1–5*], 150 получено с поселения Линёво-1 [Кобелева, Мыльникова, Дураков, 2005, с. 347; Зах, 1997, рис. 29, *13, 18*], 38 форм найдено на поселении Берёзовый Остров-1 [Мыльникова и др., 2006, с. 454, рис. 2, *2–8, 10*; Мыльникова, Дураков, 2008], 5 – на поселении Туруновка-4.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В позднеирменской культуре использовались как керамические, так и каменные литейные формы. Однако применение каменных форм было очень ограничено. Нами учтено всего четыре таких изделия: три формы найдены на поселении Линёво-1, одна – на территории городища Чича-1. Все остальные формы керамические.

При визуальном и бинокулярном исследовании образцов керамических форм удалось сделать некоторые выводы о методах их формовки. Выделяются два основных способа изготовления.

Первый предполагает модельную формовку с формированием разъема створок при помощи подмодельной плиты. Модель укладывалась на плиту. В некоторых случаях на плоскости разъема прослеживаются отпечатки древесной структуры, указывающее на использование в качестве подмодельной плиты деревянной дощечки. Формовочный материал накладывался крупными лоскутами, из которых формовалась створка формы. Формовочная масса обрезалась и выравнивалась так, чтобы придать оборотной стороне заданную форму. Рабочая камера, разъем и спинка формы тщательно заглаживались и уплотнялись руками, палочкой или плоской стороной ножа. В некоторых случаях следы этих инструментов фиксируются на внешней поверхности форм [Мыльникова, Дураков, 2008, рис. 4, *3а*]. Створки формы крепились, видимо, при помощи обвязки или зажимов. Разъем при этом способе получался ровный, со сторонами, лежащими строго в одной плоскости, оборотная сторона гладкая округлая, в некоторых случаях с неглубоким желобком.

Состав используемой при изготовлении этих форм формовочной массы очень стабилен. Выявлено восемь вариантов рецептур:

глина + шамот + яичная скорлупа (Омь-1);

глина + яичная скорлупа (Омь-1, Туруновка-4);

глина + кость + органика (Омь-1);

глина + кость (Омь-1, Туруновка-4);

глина + песок + кость (Омь-1);

глина + шамот + органика растительного происхождения (Омь-1);

глина + органика растительного происхождения (Чича-1, Омь-1, Линево-1, Туруновка-4, Берёзовый Остров);

глина + песок (Чича-1, Омь-1, Берёзовый Остров);

Следует отметить, что рецепт глина + органика зафиксирован на всех памятниках изучаемого периода: Чича-1, Линёво-1, Омь-1, Берёзовый Остров, Туруновка-4 – и, видимо, является основным [Кобелева, Мыльникова, Дураков, 2005, с. 350; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 61].

После изготовления формы тщательно обжигались. Зафиксировано два режима обжига. Первый характеризуется обжигом на открытом огне в окислительном режиме. Второй предполагает обжиг в закрытых резервуарах, соответственно изломы таких форм имеют темную окраску. При заливке металла происходил повторный обжиг изделия, что фиксируется в изломе в виде красной полосы вдоль рабочих камер.

Описанный метод изготовления форм известен на территории Барабы с кротовского времени. Например, таким образом изготовлены формы с могильника Сопка-2 [Молодин, 1985, рис. 28, *1*, *5*].

Второй способ изготовления реконструируются следующим образом. Сначала формовалась нижняя створка, которая вылепливалась в виде длинной глиняной ленты. В полученную таким образом заготовку вдавливалась модель будущего изделия. В результате вокруг рабочей камеры образовывался бугорок вытесненной формовочной массы, а разъем формы приобретал характерную выпуклую неровную поверхность. Створка подсушивалась, после чего в нее снова вставлялась модель и сверху кусками накладывалась глина, из которой формовалась вторая часть формы.

Поверхность разъема второй створки полностью определялась конфигурацией первой, поэтому он чаще всего имел вогнутую форму с характерными карнизиками – наплывами формовочной массы за край нижней створки. Такой способ формовки приводил к определенному своеобразию разъемов и позволяет даже при беглом осмотре различить первую (нижнюю) и вторую (верхнюю) створки.

Формы, изготовленные вышеописанным способом, требуют осторожной сушки, т.к. при неравномерной усадке или малейшем короблении створки не будут подходить друг к другу. С другой стороны при сборке формы практически исключается смещение створок вдоль плоскости разъема.

Собранную форму обмазывали слоем глины, в ее верхней части вылепливали литниковую чашу в виде массивной воронки, имевшей вид усеченной пирамиды или цилиндра. Воронки вылепливались из цельного куска глины, после чего в них продавливался или протыкался канал для подачи металла в рабочую камеру формы.

Следы обмазки в виде тонкого частично отслоившегося слоя глины, прослеживаются практически на всех формах этого типа. Крупные створки скрепляли лентой формовочной массы, налепленной вдоль стыковочного шва. Кроме укрепления монолитности частей формы, такая обмазка препятствовала утечке металла в щель между неплотно подогнанными створками.

Данный способ формовки и крепления створок встречается только в некоторых комплексах городища Чича-1, для других памятников позднеирменской культуры он не характерен и, видимо, является привнесенным. Данные производственные традиции типичны для памятников иткульской культуры Зауралья [Бельтикова, 1988, с. 112]. Встречаются они и на территории Северного Казахстана и Прииртышья [Ермолаева и др., 1998, с. 41–43, рис. 1, *2–3*].

Таким образом, судя по изученным материалам можно говорить о двух существовавших в центральной Барабе бронзолитейных традициях. Отличия между ними прослеживаются по целому ряду технологических и культурных признаков: устройство плавильных печей, форма тиглей, изготовление литейных форм, способ крепления их створок.

Первая традиция металлообработки характеризуется следующими признаками:

1) изготовление форм на модельной плите с последующей тщательной обработкой их поверхности;

2) использование сложных многокомпонентных формовочных масс;

3) тщательный обжиг форм.

Все выявленные признаки находят аналогии или в ирменских материалах, или в предшествующих культурах Барабы. Исходя из этого можно предположить, что это местная производственная традиция, восходящая к культурам развитой бронзы.

Вторая производственная традиция металлообработки отличается следующими признаками:

1) изготовление форм без подмодельной плиты и, как следствие, неровная поверхность разъема, крепление створок при помощи глиняной обмазки, изготовление литниковой чаши отдельно от формы;

2) использование в качестве формовочного материала глины без каких-либо искусственных добавок;

3) замена обжига просушкой формы на воздухе.

Отсутствие аналогий в ирменских памятниках наводит на мысль о инокультурном влиянии. Большая часть форм, изготовленных в этой производственной традиции, встречается на городище Чича-1, как правило, в комплексах со значительными включениями материалов красноозерской и берликской культур.

Список литературы

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 103–117.

Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на семипалатинском правобережье Иртыша // Вопр. археологии Казахстана. – Алматы, 1998. – С. 36–45.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Литейные формы и техническая керамика поселения Линёво-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 347–351.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 185 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Василевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачёва М.И., Феденёва И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Производственная площадка поселения Березовый Остров-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы: сб. науч. трудов. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 56–68.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Кобелева Л.С., Савин А.Н., Сяткин В.П., Мыльников В.П. Работы на памятнике Берёзовый Остров в 2007 году // Проблемы археологии этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 450–455.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племён Барабы. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

References

Bel'tikova G.V. Pamyatnik metallurgii na ostrove Malyi Vishnevyi. In *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri*. Sverdlovsk: Ural State Univ., 1988, pp. 103–117 (in Russ.).

Ermolaeva A.S., Ermolenko L.N., Kuznetsova E.F., Teplovodskaya T.M. Poselenie drevnikh metallurgov VIII–VII vv. do n.e. na semipalatinskom pravoberezh'e Irtysha. In *Voprosy arkheologii Kazakhstana*. Almaty, 1998, pp. 36–45 (in Russ.).

Kobeleva L.S., Myl'nikova L.N., Durakov I.A. Liteinye formy i tekhnicheskaya keramika poseleniya Linevo-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, pp. 347–351 (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 185 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Parzinger H., Krivonogov S.K., Kazanskii A.Yu., Chemyakina M.A., Matasova G.G., Vasilevskii A.N., Ovcharenko A.S., Grishin A.E., Ermakova N.V., Dergacheva M.I., Fedeneva I.N., Nekrasova O.A., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Zubova A.V., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V., Pilipenko A.S., Romashchenko A.G., Kulikov I.V., Kobzev V.F., Novikova O.I., Vasil'ev S.K., Schneeweiß I., Privat K., Boldyrev V.V., Drebushchak V.A., Drebushchak T.N., Derevyanko E.I., Borodovskii A.P., Bourgarit D., Reiche I., Kuz'minykh S.V., Marchenko Zh.V. Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. 3, 248 p. (in Russ.).

Myl'nikova L.N., Chemyakina M.A. Traditsii i novatsii v goncharstve drevnikh plemen Baraby. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 200 p. (in Russ.).

Myl'nikova L.N., Durakov I.A. Proizvodstvennaya ploshchadka poseleniya Berezovyi Ostrov-1. In *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy: sbornik nauchnih trudov.* Barnaul: Kontsept, 2008, pp. 56–68 (in Russ.).

Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Mzhel'skaya T.V., Kobeleva L.S., Savin A.N., Syatkin V.P., Myl'nikov V.P. Raboty na pamyatnike Berezovyi Ostrov v 2007 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, pp. 450–455 (in Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikrorayona). Novosibirsk: Nauka, 1997, 132 p. (in Russ.).

УДК 903.5 (510)

С.А. Комиссаров[1, 2], А.И. Соловьев[1], Н.Ш. Николаева[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: sergai@mail.ru

Гробница Цао Сю и ее значение для исследования погребальных комплексов Китая эпохи Троецарствия*

В статье предварительно рассмотрены сведения о раскопках в Салипу (г. Лоян) гробницы Цао Сю, одного из видных генералов эпохи Троецарствия, который был погребен в 228 г. Проведено сопоставление с мавзолеем в Сигаосюэ (г. Аньян), который авторы считают принадлежавшим Цао Цао и датируют 220 г. Основные конструктивные особенности и принципы организации двух могильных комплексов совпадают, что является еще одним, хотя и косвенным подтверждением связи аньянского мавзолея с фактическим основателем династии Вэй. Отдельные отличительные черты (например, строительство защитного экрана от злых духов) рассмотрены как особенности погребального обряда и соответствующей ему архитектуры переходного периода, которая уже не полностью воспроизводит конструкцию восточноханьских погребений. Эти характеристики затем закрепляются в архитектурной традиции Китая.

Ключевые слова: *археология Китая, переходный период, погребальные комплексы, эпоха Троецарствия, гробницы клана Цао.*

S.A. Komissarov[1, 2], A.I. Soloviev[1], N.Sh. Nikolaeva[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: sergai@mail.ru

The Tomb of Cao Xiu and its Meaning for Investigations of the China Burial Complexes in three Kingdoms' Epoch

In the article the authors preliminary examine the data about excavations of the Tomb of Cao Xiu (at Salipu, near Loyang) who was one of the prominent generals in the Three Kingdoms' Epoch and who was buried in 228 AD. It was compared with the data from Mausoleum at Xigaoxue (Anyang) where, for our mind, a famous Cao Cao was buried in 220 AD. The main constructive characteristics and principals of organization of these two burial complexes are similar, and it may confirm once more the connection of Anyang's Mausoleum with the name of real founder of Wei Dynasty. Some characteristic features (f. e., a building of protective screen against evil ghosts) are treated as peculiarities in transitional period of funeral rites and corresponding (to them) architecture, and they didn't reproduce complete construction of East Han period's burials. These characteristics were fixed later in the architectural tradition of China.

Keywords: *archaeology of China, transitional period, burial complexes, Three Kingdoms' epoch, the tombs of Cao Clan's members.*

Эпоха Троецарствия, в ходе которой осуществляется переход от заключительного этапа существования древней империи Хань к формированию на территории Северного Китая новых государственных объединений, представляет собой особый этап в культурной истории страны. Однако выделить его характерные черты довольно трудно, поскольку большинство памятников (погребений), относимых к этой эпохе, было жестоко разграблено еще в раннем Средневековье. Не оправдала надежд в этом плане и недавно обнаруженная в Сигаосюэ (г. Аньян) могила Цао Цао, фактического основателя и правителя царства Вэй. Грабители извлекли из погребения практически весь значи-

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-01-00477а.

мый инвентарь, поэтому датировка и атрибуция могилы стали предметом оживленной дискуссии (см.: [Комиссаров, Соловьев, Николаева, 2014]). Тем ценнее оказалось открытие гробницы одного из видных военачальников эпохи Троецарствия и члена правящего клана Цао Сю, которую обнаружили в апреле 2009 г. в ходе строительства скоростной магистрали Ляньюньган–Хоргос. Гробница расположена к юго-востоку от д. Салипу (уезд Мэнцзинь, г. Лоян); она примыкает к грандиозному некрополю Маншань (всего более 970 захоронений, в т.ч. восемь захоронений восточночжоуских ванов, пять императорских мавзолеев династии Восточная Хань, пять – династии Западная Цзинь, четыре – династии Северная Вэй и т.д.) [Маншань.., б.г.]. Расположение рядом с восточноханьскими императорскими могилами подчеркивает высокий статус погребенного (Цао Сю).

Конструкция могилы соответствует параметрам, принятым в ханьское время для погребения наиболее важных чиновников. Насыпь и надмогильные сооружения не выявлены. Могила построена из кирпича; погребальная камера, к которой ведет наклонный коридор-дромос с небольшим переходом, делится на переднюю и заднюю комнаты, с боковыми помещениями, с одной дополнительной камерой с северной стороны и двумя – с южной; их соединяют арочные проходы и перекрывают сводчатые потолки (описание в основном приводится по: [Цао Сю..., б.г.; Сянцзе…, 2010]) (см. *рисунок*). Общая длина могильной ямы (по оси восток – запад) составляет 50,6 м, ширина (по оси север – юг) – 21,1 м, глубина – 10,5 м; длина дромоса достигает 35 м, а ширина – 9 м. Стены и своды выложены из крупных кирпичей прямоугольной и клиновидной формы, размером в плане до 46 × 10 см. Могила была ограблена еще в эпоху Средневековья (всего выявлено шесть грабительских лазов, причем самый ранний относится к династии Тан, а самый поздний – к современности), поэтому скелеты погребенных сохранились плохо. Установлено, что один из них принадлежит мужчине в возрасте ок. 50 лет, второй – 40-летней женщине; судя по фрагментам костей, возможно, в одной из боковых камер был еще и третий скелет.

Несмотря на разграбление, в разных камерах удалось обнаружить ряд представительных вещей, на основании которых и было сделано заключение о характере и возрасте захоронения. Среди них: позолоченный бронзовый («драконоголовый») крючок для пояса, бронзовая гиря в форме 8-лепесткового цветка, нефритовая подвеска в виде цикады, керамический сосуд с четырьмя противолежащими друг другу ушками на плечиках и др. Общий облик вещей соответствует предполагаемой дате могилы (первая треть III в.). Кроме того, в описании упоминаются бронзовые ложечки, гвозди и дверная ско-

Общий вид раскопа могилы Цао Сю. Фото Чжан Сяоли (по: [Ancient..., 2010]).

ба, железные крючки и нож, керамические чашки. Главная же находка – это личная печать чиновника: бронзовый квадрат со стороной 2 см, на лицевой стороне которого почерком «сяо чжуань» рельефно нанесены два иероглифа, а именно «Цао Сю», который, очевидно, и был «хозяином» могилы. Вряд ли такую важную регалию, как личная печать, стали бы подбрасывать в чужую могилу.

Небольшая по объему, но насыщенная событиями биография Цао Сю входит в состав «регулярной» династийной истории [Чэнь Шоу…, б.г.]. Будучи членом клана Цао, он пользовался благосклонностью Цао Цао, который определил его в помощники к своему сыну Цао Пи, будущему основателю династии Вэй. Поэтому он сделал успешную карьеру, начав службу старшим офицером в элитной кавалерийской части «Всадников, подобных тиграм и леопардам» и дослужившись в конечном счете до высшей воинской должности «дасыма» (главнокомандующий, маршал). После кончины императора он был одним из четырех регентов при наследнике [Crespigny, 2007, p. 49]. Цао Сю довольно удачно воевал против царства Шу и не слишком удачно – против царства У; в битве при Шитин (228 г.) потерпел сокрушительное поражение и в том же году скончался от последствий полученных ран.

Благодаря соединению летописных сведений с данными эпиграфики и археологии, у нас появляется точная атрибуция и дата обнаруженного захоронения. Естественно, сразу же было проведено сравнение его особенностей с мавзолеем в Сигаосюэ, приписанным Цао Цао, который, судя по письменным источникам, был построен всего на восемь лет раньше. Общая планировка и конструкция в целом одинаковы, но они соответствуют восточноханьским стандартам погребальной архитектуры (см.: [Варенов, Борисов, Ибрагимова, 2016]). Объединяет обе могилы широтная ориентация (по линии восток – запад), однако она встречается и у восточноханьских захоронений (хотя направление по линии север – юг у них преобладает). Представляется существенным отсутствие надмогильных структур, что связывается китайскими археологами с известной установкой вэйских правителей на «скромное (букв.: тощее) погребение». Достаточно скромно выглядит и сопроводительный инвентарь. Понятно, что самые богатые вещи унесены грабителями, но сохранившаяся частично керамическая и бронзовая посуда лишена каких-либо украшений и выглядит очень скромно; вряд ли ее поместили бы в могилу сановника (как до, так и после периода Троецарствия). Могила, найденная в Салипу, меньше по размерам, но это в принципе хорошо сочетается с более высоким общественным статусом «хозяина» могилы в Сигаосюэ (по нашему мнению, – Цао Цао), погребению которого полагалось быть более масштабным, чем погребению его подчиненных.

Имеющиеся отличия в конструкции можно считать указанием на появление нового качества в погребальном обряде переходного периода. Например, поперек коридора-прохода сохранились остатки кирпичной стенки (наиболее раннее, насколько нам известно, сооружение экрана («чжаоби» или «инби») против проникновения внутрь злых духов), которая стала впоследствии одной из характерных черт в китайской архитектуре, ее ярким примером стала знаменитая Стена девяти драконов [Кожанов, 2014, с. 101–102]. Выделяются и другие отличительные особенности данного погребального комплекса, но их хронологическая значимость пока не ясна. Она должна быть подтверждена или опровергнута дальнейшими исследованиями археологических памятников как данного, так и последующего периодов.

Список литературы

Варенов А.В., Борисов Д.Э., Ибрагимова Р.Р. Погребальные конструкции Восточной Хань и Троецарствия и проблема перехода от поздней древности к раннему средневековью по данным китайской археологии // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, вып. 4: Востоковедение. – С. 204–218.

Кожанов С.Т. Пять прогулок по Пекину: Материалы к лекциям. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. – 237 с.

Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Изучение мавзолея Цао Цао: проблемы и перспективы // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 4: Востоковедение. – С. 207–214.

Маншань линму цюнь [Некрополи Маншань] // Сайт «Байду байкэ» (крупнейшая электрон. энцикл. на кит. яз.). – URL: http://baike.baidu.com/view/ 1308246.htm (дата обращения 06.09.2016).

Сянцзе Цао Сю чжи му (Подробные разъяснения по поводу могилы Цао Сю) // Хэнань жибао. – 20.05.2010. – С. 13.

Цао Сю му (Могила Цао Сю) // Сайт «Байду байкэ» (крупнейшая электрон. энцикл. на кит. яз.). – URL: http://baike.baidu.com/item/%E6%9B%B9%E4% BC%91%E5%A2%93/2036792?fr=aladdin (дата обращения 06.09.2016).

Чэнь Шоу. Саньго чжи: Цао Сю чжуань (Записки о Трех царствах: Биография Цао Сю) // Электрон. б-ка «The Chinese Text Project». – URL: http://ctext.org/text.pl?node=602363&if=en (дата обращения 06.09.2016).

Ancient General's Tomb Found // Xinhua wang: News. – 17.05.2010. – URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2010-05/17/c_13299080.htm (дата обращения 06.09.2016).

Crespigny R., de. A biographical dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). – Leiden; Boston: Brill, 2007. – 1348 p.

References

Ancient General's Tomb Found. In *Xinhua wang: News*, 17.05.2010. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2010-05/17/c_13299080.htm

Cao Xiu mu (The Tomb of Cao Xiu). *Site of "Baidu baike"* (largest electronic encyclopedia in Chinese). URL: http://baike.baidu.com/item/% E6%9B%B9%E4%BC%91%E5%A2%93/2036792?fr=aladdin (in Chin.).

Chen Shou. Sanguo zhi (Records of the Three Kingdoms). In *Digital library "The Chinese Text Project"*. URL: http://ctext.org/text.pl?node=602363&if=en (in Chin.).

Crespigny R., de. A biographical dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). Leiden; Boston: Brill, 2007, 1348 p.

Komissarov S.A., Soloviev A.I., Nikolaeva N.Sh. Izuchenie mavzoleya Tsao Tsao: problemy i perspektivy. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Series: History, philology, 2014, vol. 13, iss. 4: Vostokovedenie, pp. 207–214 (in Russ.).

Kozhanov S.T. Pyat' progulok po Pekinu: Materialy k lektsiyam. Novosibirsk: State Univ. Press, 2014, 237 p. (in Russ.).

Mangshan lingmu qun (Necropolises of Mangshan). In *Site of "Baidu baike"* (largest electronic encyclopedia in Chinese). URL: http://baike.baidu.com/view/ 1308246.htm (in Chin.).

Varenov A.V., Borisov D.E., Ibragimova R.R. Pogrebal'nye konstruktsii Vostochnoi Khan' i Troetsarstviya i problema perekhoda ot pozdnei drevnosti k rannemu srednevekov'yu po dannym kitaiskoi arkheologii. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo Universiteta.* Series: History, philology, 2016, vol. 15, iss. 4: Vostokovedenie, pp. 204–218 (in Russ.).

Xiangjie Cao Xiu zhi mu (Detailed explanations about the Tomb of Cao Xiu). In *Henan Daily*, 20.05.2010, p. 13 (in Chin.).

УДК 904.5

М.А. Корусенко[1], Ю.В. Герасимов[1], А.А. Бондарев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Омское региональное отделение Русского географического общества
E-mail: ngajapti@yandex.ru

Исследования могильника Льнозавод-4 в 2016 году: предварительные итоги

В статье представлены некоторые результаты изучения могильника у д. Льнозавод в Муромцевском р-не Омской обл. Памятник исследовался в 1982 и 1996 гг., но полученные материалы не были опубликованы. В 2016 г. раскопками были изучены 10 погребальных комплексов из состава памятника. Полученные материалы подтвердили датировку могильника, предложенную предыдущими исследователями. Нашими работами были установлены некоторые особенности устройства погребальных сооружений, зафиксированы следы погребальных практик, оставшихся вне поля зрения наших предшественников. Особый интерес представляют выявленные свидетельства поминальных циклов в виде фрагментов черепов лошадей. Получена важная информация для изучения процессов этно- и культурогенеза, определивших современную этническую картину в регионе.

Ключевые слова: *археологические памятники, могильники, Тарское Прииртышье, позднее Средневековье, этногенез, этнографо-археологические комплексы Западной Сибири.*

M.A. Korusenko[1], Yu.V. Gerasimov[1], A.A. Bondarev[2]

[1]Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
[2]Omsk branch of the Russian geographical society
E-mail: ngajapti@yandex.ru

The Lnozavod-4 Burial Ground Research in 2016: Preliminary Results

In the article are presented some research results of burial ground near the village Lnozavod in Muromtsevsky district of Omsk region. This site was explored in 1982 and 1996 but materials of that investigations were not published. In 2016 ten funeral complexes were excavated from burial ground. Received materials confirmed the dating of a burial ground which was offered by previous researchers. In result of excavations we defined some special features of funeral constructions configuration and fixed some funeral practices markings which were unnoticed by our predecessors. During the excavations skulls of horses were found which are evidences of funeral cycles as revealed. Moreover in result of investigations important information for studying of processes of ethnogenesesis and culture genesis was received which have determined modern ethnic picture in the region.

Keywords: *archaeological sites, burial ground, Tara Priirtyshje, late Middle Ages, ethnogenesis, ethnographic and archaeological complexes of Western Siberia.*

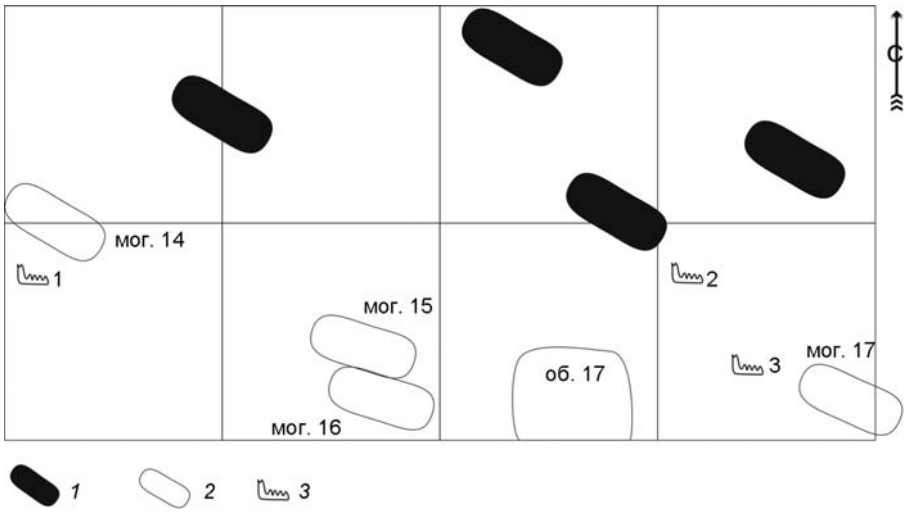
В полевом сезоне 2016 г. авторами настоящей статьи выполнялись раскопки могильника Льнозавод-4, расположенного в Муромцевском р-не Омской обл. Памятник был открыт С.В. Глинским в 1980 г., а в 1982 г. исследован Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством А.И. Соловьева [Соловьев, 1983, с. 1–2]. В результате работ было вскрыто 40 погребений, которые по особенностям погребального обряда и сопроводительному инвентарю были датированы концом XVII – началом XVIII в.; могильник предварительно атрибутирован как южно-хантыйский [Там же, с. 26]. Позже эти определения были подтверждены в монографии, посвященной анализу археологического материала Барабинской лесостепи позднего Средневековья [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 175].

В 1996 г. О.Е. Гришаевой были раскопаны две крупные насыпи из состава могильника [Гришаева, 1997, с. 3]. На основе полученных данных автор определила исследованные объекты по аналогии с атрибуцией А.И. Соловьева [Там же, с. 11]. Полу-

ченные материалы до настоящего времени не введены в широкий научный оборот. Кроме того, использованная авторами работ методика раскопок памятника отдельными насыпями обусловила упущение ряда важных аспектов структуры памятника, отражающих специфику погребального ритуала автохтонного населения Тарского Прииртышья. Между тем, материалы памятника представляются достаточно важными для разработки проблематики этнографо-археологических комплексов Западной Сибири, которая является одним из приоритетных направлений фундаментальных исследований. Указанные соображения определили актуальность новых исследований памятника с применением современных методик.

В 2015 г. отрядом Барабинско-Тарской археолого-этнографической экспедиции были выполнены рекогносцировочные работы на археологических памятниках в окрестностях д. Льнозавод, одной из целей которых было определение перспектив продолжения исследований могильника Льнозавод-4. Актуальность дальнейшего изучения памятника была связана с особенностями методики выполненных ранее исследований, с одной стороны, и отсутствием опубликованных материалов, с другой. По результатам работ 2015 г. были определены участки для раскопов широкой площадью, а в полевом сезоне 2016 г. эти работы были выполнены. В настоящей работе представлены некоторые результаты полевых изысканий и предварительных камеральных исследований, характеризующие некоторые особенности погребальной практики коренного населения региона XVII–XVIII столетий.

Памятник расположен в среднем течении р. Тара, на коренной террасе правого берега, в пограничье ландшафтных зон южной тайги и северной лесостепи. В 2015 г. был снят подробный инструментальный план памятника с раскопанными объектами, анализ которого позволил определить наиболее перспективные участки памятника для дальнейших исследований. Нами были выделены две площадки, на которых и были размечены раскопы. Задачей исследования было получение информации о сложении комплекса, ранних этапах его истории, выявление культового места и оценка перспективности изучения данных объектов в рамках научно-исследовательской программы Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Раскоп № 1 расположен в северо-западной части памятника, в его границах было исследовано 6 погребений, основная часть – в 1980-х гг. Раскоп № 2 был разбит в южной, прибрежной части могильника; здесь были изучены 4 погребения (см. *рисунок*). К сожалению, намогильные сооружения на площади раскопа № 2 выявить не удалось, поскольку, как показали наши работы, на этой территории выполнялись какие-то земляные работы (раскопки – ?), скорее всего, во второй половине 1990-х гг. При этом был полностью искажен микроландшафт поверхности, но по неясным причинам не были выявлены и исследованы погребения. Все изученные могилы на обеих площадках характеризуются схожими чертами. Умершие захоронены в ямах под невысокими насыпями подовальной формы, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Сопровождающего инвентаря не обнаружено ни в одном из объектов; в одном случае (мог. 9) детское погребение было перекрыто деревянными плахами. В другом случае (мог. 16) зафиксированы следы проведения необычного



План расположения погребений и костных останков в раскопе № 2 2016 г.

1 – могилы старых раскопов; *2* – могилы раскопа 2016 г.; *3* – челюсть животного.

постпогребального ритуала. В могиле был захоронен взрослый человек, скорее всего, мужчина, как и другие, по обряду ингумации, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Могильная яма прямоугольных очертаний, размерами 180 × 40 см, с вертикальными стенками, ровным дном, глубиной 35 см от уровня материка, инвентарь отсутствует. Яма была перекрыта продольно расположенными сосновыми плахами, под которыми обнаруживались фрагменты бересты. В ногах погребенного детали перекрытия оказались сильно обожжены, следы обугливания зафиксированы на костях ног, прокаленности – на дне ямы. Череп выявлен на левой стороне затылочной кости, лицевой частью обращен вверх. Кости плечевого пояса, ребра, позвонки грудного отдела лежали в беспорядке, при этом кости рук, ног, таза и поясничного отдела позвоночника сохранили анатомический порядок. Проведенные наблюдения позволяют предполагать сознательное вторжение в погребение по истечении довольно продолжительного времени после совершения захоронения. На что указывает характер разрушения костяка – все смещенные кости целы, что свидетельствует о том, что к моменту нарушения порядка связки скелета уже разложились. Возможно вторжение было предпринято с целью обезвредить конкретного умершего, тем более что в других исследованных погребениях следы постпогребальных ритуалов не выявлены.

Еще одним любопытным фактом стало обнаружение на площадке раскопа № 2 трех скоплений костей челюстей животных, из которых два явно приурочены к погребениям. Рассмотрим более подробно характеристики данных находок.

Три обнаруженных скопления костных остатков представляют собой сильно фрагментированные лицевые части черепов лошади (*Equus caballus* L.), они отчленены от мозговых частей черепов, отсутствуют и нижние челюсти. Ни в одном из трех скоплений морфологически не идентифицированы кости, происходящие от других животных, из других отделов скелета лошади.

Скопление № 1. Сохранились по три молочных щечных зуба с обеих сторон, молочные верхние резцы, фрагменты верхнечелюстных и межчелюстных костей, наиболее полно сохранилась левая верхнечелюстная кость – небная и боковая ее части. Задне-верхний конец кости имеет прямой, хотя и выветрелый, край – след отчленения лицевой части черепа рубящим ударом (острым металлическим орудием?). На внутренней поверхности кости также имеются следы косо направленных относительно продольной оси черепа рубящих ударов и/или порезов, которые наносились, минуя носовые кости, т.е. верхнюю поверхность лицевого черепа животного; остатков носовых костей при этом не обнаружено. Выветрелость и фрагментация костных фрагментов не позволяют однозначно оценить исходную – на момент захоронения – полноту захороненного отдела черепа, но благодаря меткам ударов можно предположить, что верхняя поверхность была частично или полностью удалена. Череп принадлежал жеребенку возрастом 6–12 месяцев.

Скопление № 2. Сохранились два полных ряда слабо стертых постоянных щечных (трех последних предкоренных и коренных) зубов. Не найдено ни одного фрагмента резцов, что, учитывая полную сохранность прочих зубов особи и при сравнении с двумя другими объектами, свидетельствует об отсутствии межчелюстных костей в момент захоронения и, возможно, преднамеренном их отчленении. Помимо зубов относительно полно сохранилась небная поверхность верхнечелюстных костей, лучше с левой стороны черепа. Выветрелость костных фрагментов не позволяет с уверенностью оценить исходную полноту костного свода носовой полости и механизм отчленения лицевого отдела черепа от мозгового и переднего конца лицевого черепа. Полный зубной ряд постоянных зубов при слабом стирании последнего коренного позволяет заключить, что возраст данной особи – ок. 4 лет.

Скопление № 3. Сохранились пять слабо стертых постоянных щечных зубов левого ряда и все шесть зубов правого ряда, резцы на стадии смены молочных постоянными, фрагменты верхнечелюстных костей. Небная поверхность более полна слева. Возраст особи ок. 4 лет, возможно чуть младше особи, представленной в скоплении № 2, о чем свидетельствует степень стертости зубов.

Найденные скопления костей обнаруживают прямые параллели в погребениях могильника Кыштовка-2, расположенного выше по течению р. Тара, где в 14 насыпях также были открыты либо фрагменты нижних челюстей, либо отдельные зубы лошадей [Молодин, 1979].

Характер остеологических остатков позволяет рассматривать их как поминальные жертвоприношения, совершенные после закрытия могилы, но до сооружения насыпи. Следует отметить, что в могильниках этой же эпохи, но расположенных ниже по течению р. Тара, подобные комплексы не зафиксированы, что позволяет оценивать их как локальные особенности погребальной практики, тяготеющие к территории Барабинской лесостепи.

На данном этапе анализа материалов можно высказать самые предварительные суждения. Вполне возможно, что данный элемент может быть связан с тюркской погребальной традицией, рассматриваемого периода он сохранился в виде такого «усеченного» варианта, но авторам кажется более вероят-

ным, что это как раз хантыйское «прочтение» этой традиции, и в рассматриваемых могильниках является скорее реминисценцией погребений черепов лошади, известных в погребениях развитого Средневековья (усть-ишимские курганы). Не противоречит сказанному и указание на место распространения выявленного феномена – Барабинская лесостепь.

Список литературы

Гришаева О.Е. Отчет о раскопках курганного могильника-II у д. Льнозавод по правому берегу р. Тара в Муромцевском районе Омской области в 1996 г. – Омск, 1997 // Арх. Музея народов Сибири Ом. фил. ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1, д. 67-1 (копия).

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Барабa в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Соловьев А.И. Исследования в Северо-западной Барабе в 1982 году – Новосибирск, 1983 // Арх. Музея народов Сибири Ом. фил. ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1, д. 19-1 (копия).

References

Grishaeva O.E. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika-II u d. L'nozavod po pravomu beregu r. Tara v Muromtsevskom raione Omskoi oblasti v 1996 g. Omsk, 1997. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri Omsk branch of IAET SB RAS*, F. VII-1, d. 67-1 (kopiya) (in Russ.).

Molodin V.I. Kyshtovskii mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1979, 181 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990, 262 p. (in Russ.).

Solov'ev A.I. Issledovaniya v Severo-zapadnoi Barabe v 1982 godu. Novosibirsk, 1983. In *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri Omsk branch of IAET SB RAS*, F. VII-1, d. 19-1 (kopiya) (in Russ.).

УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай)

В статье рассматривается компактная группа наскальных изображений, расположенная на 5-м участке местонахождения петроглифов Елангаш на Юго-Восточном Алтае. Несмотря на три монографические публикации петроглифов этого самого известного на Алтае петроглифического памятника, датировка его конкретных изображений и композиций не предпринималась. На основе анализа стилистических особенностей, воспроизведенных реалий (колчана, налучья, луков, стрижки коней), слабой патинизации автор выделяет группу петроглифов древнетюркской эпохи, выполненную в технике точечной выбивки. Как известно, такая техника создания наскальных изображений использовалась в эпоху раннего Средневековья достаточно редко. Самыми популярными образами в этой группе петроглифов являются всадники, олени, верблюды, а наиболее распространенный сюжет – сцены охоты всадников на диких животных.

Ключевые слова: *петроглифы, Юго-Восточный Алтай, Елангаш, древнетюркская эпоха, сцены охоты, изображения всадников.*

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Ancient Turkic Petroglyphs of Elangash (South-Eastern Altai)

In the article we considered a compact group of rock art images, located on the 5th sector of petroglyphic site Elangash in South-Eastern Altai. Despite three monographic publications of this one of the most famous petroglyphic site in Altai dating of the most images and compositions was not made. On the basis of stylistic features, reproduced details (quiver, case for a bow, bows, horses haircut), small sunburn of the picked images author identified a group of ancient Turkic petroglyphs, made in the picked technique. As is known, such technique of creating rock images was rarely used in the early Middle Ages. The most popular images of this group of petroglyphs are riders, deer, camels, and the most popular subject – scenes of hunting riders on wild animals.

Keyword: *petroglyphs, South-Eastern Altai, Elangash, ancient Turkic period, hunting scenes, images of riders.*

Авторы монографических исследований по петроглифам Елангаша отмечали, что этот памятник наскального искусства Юго-Восточного Алтая является на редкость многослойным, а установление и уточнение его хронологии – дело будущего, требующее кропотливого научного анализа и четкой хронологической классификации [Окладников и др., 1979, с. 9]. Они условно разделили петроглифы Елангаша на три большие хронологические группы: 1) досакскую, 2) сакскую, 3) тюркскую [Там же]. При этом датировка каких-либо изображений и композиций этого памятника не была приведена и конкретизирована. Петроглифы Елангаша опубликованы в нескольких монографиях [Окладников и др., 1979, 1980, 1982; Окладников, Окладникова, 1985]. Подавляющее большинство изображений этого местонахождения выполнены в технике выбивки и относятся к эпохе бронзы – раннего железного века.

Необходимо подчеркнуть, что проблема выделения наскальных рисунков древнетюркского периода, выполненных выбивкой, на петроглифических памятниках Алтая по-прежнему остается актуальной. Как известно, преобладающей и излюбленной техникой выполнения наскальных изображений в древнетюркскую эпоху была гравировка тонкими резными линиями. Выбитые же изображения этого времени выявлены в значи-

тельно меньшем количестве, либо исследователи затрудняются с их вычленением.

За прошедшее с момента публикации петроглифов Елангаша время исследованы и введены в научный оборот образцы наскальных изображений десятков новых местонахождений Российского и Монгольского Алтая. Благодаря воспроизведенным реалиям (колчанам, налучьям, прическам людей и стрижке коней и др.), сопутствующим тамгам, значительно меньшей патинизации по сравнению с ранними петроглифами, удалось обоснованно отнести те или иные группы выбитых или гравированных наскальных изображений к раннесредневековому периоду, выявить их характерные стилистические особенности. Это позволяет по-новому взглянуть на некоторые группы петроглифов Елангаша и их датировку.

Рассматриваемая нами группа наскальных изображений находится на вершине, а также на восточном склоне самого высокого скального выхода 5-го участка петроглифов Елангаша [Окладников и др., 1979, табл. 68, *1*; 79, *3*; 80, *1*; 81, *1*; 82, *5*; 88, *8*; 89, *4*; 1980, табл. 3, *1*]. Схематичность опубликованных прорисовок не позволяет в полной мере судить о вероятной датировке многих изображений. Именно поэтому я привожу фотографии некоторых, наиболее ярких, из них (рис. 1–3). Осмотр этих петроглифов, их копирование и фотографирование убеждают в том, что они были созданы в древнетюркскую эпоху. К указанному историческому периоду можно отнести по меньшей мере семь больших композиций и две отдельные фигуры всадников (на коне и на верблюде).

Приведем описание наиболее показательных петроглифов из этой группы. Частью большой композиции является динамичная сцена охоты двух всадников на оленя (рис. 1, *1*). Обращает на себя внимание изящное и реалистичное воспроизведение животных – бегущего оленя и галопирующих коней. Корпус всадников, стреляющих из лука, заметно наклонен вперед. Фигуры коней выполнены сплошной выбивкой, а оленя – контурной, за исключением шеи, которая выбита полностью. Позади оленя воспроизведена фигура олененка.

Близкая по стилю фигура оленя-марала (рис. 1, *3*) относится к еще одной композиции, включающей и других животных. Марал также реалистичен и показан бегущим.

Выбитая фигура всадника (рис. 1, *2*), входящая в единую композицию с изображениями козлов, также, несомненно, создана в эпоху Средневековья. Об этом говорит изображение галопирующего коня, налучья или колчана, разведенных рук всадника, одна из них держит повод, другая – отведена на круп. Не вызывает сомнений и раннесредневековая датировка другого одиночного всадника (рис. 1, *4*). На рисунке также различим колчан или налучье, стрижка гривы коня в виде трех зубцов. Всадник держит копье со знаменем или бунчук (рис. 1, *4*).

Еще одна сцена включает всадника, человека, ведущего на поводу верблюда, и нескольких животных – оленя, козла, верблюдов (рис. 2). Также как и в предыдущем случае, руки всадника разведены в стороны, в одной он держит повод, в другой – длинное клинковое оружие (меч-палаш?). Такое же оружие в руках пешего воина, ведущего верблюда. Мечи-палаши у обеих фигур выполнены в технике шлифовки.

Другая композиция включает в себя изображения нескольких верблюдов (рис. 3). Они довольно изящны и реалистичны – с длинными тонкими ногами, вытянутой изогнутой шеей, тонкой, поджарой

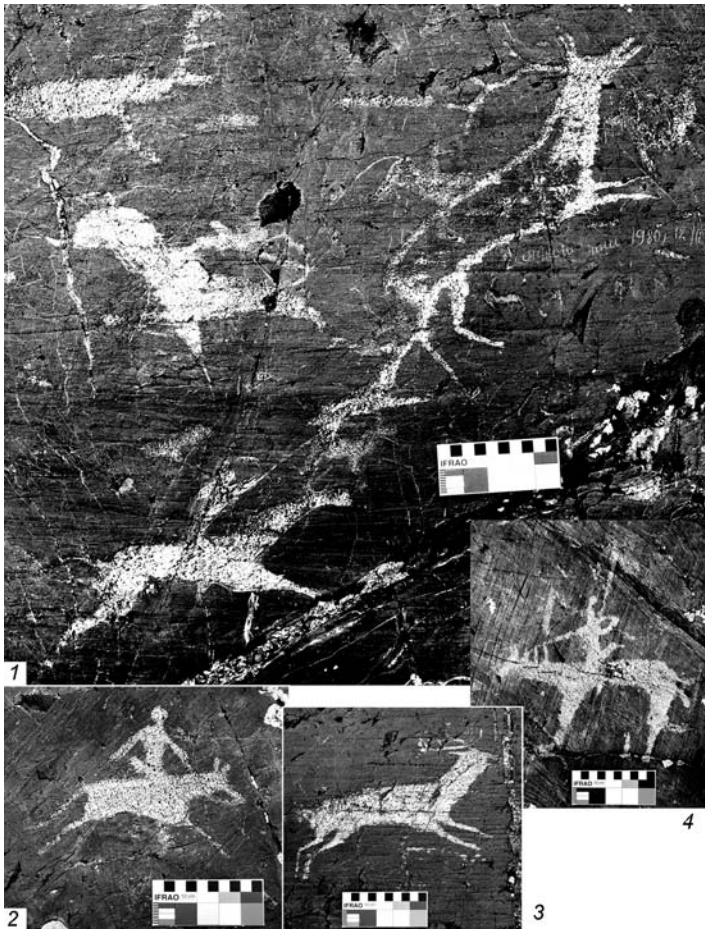


Рис. 1. Фрагменты композиций древнетюркского периода. Елангаш, 5-й участок.

1 – сцена охоты двух всадников на оленя; *2, 4* – фигуры всадников; *3* – изображение оленя.

Рис. 2. Сцена с всадником, верблюдами и человеком, ведущим за повод верблюда. Древнетюркский период. Елангаш, 5-й участок.

Рис. 3. Сцена с верблюдами. Раннескифский (?) и древнетюркский периоды. Елангаш, 5-й участок.

фигурой. Вероятно, можно согласиться с мнением наших предшественников о том, что фигуры верблюдов нижнего фриза этой композиции были созданы в раннескифский период, а изображения над ними были выбиты в подражание им в более позднее время [Окладников и др., 1980, с. 5]. По-видимому, это было сделано в эпоху раннего Средневековья. Необходимо также отметить, что верблюды нижнего фриза имеют такую же незначительную степень патинизации, что и выбитые выше них более схематичные фигуры. Это может свидетельствовать о том, что раннескифские изображения были полностью подновлены выбивкой и включены в состав новой композиции в древнетюркскую эпоху. Вместе

с тем необходимо отметить большое сходство елангашских верблюдов с изящными изображениями этих животных древнетюркской эпохи на памятнике Цагаан-Салаа I в Монгольском Алтае [Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999, рис. 5, *1, 3*; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 97, *10*].

Кроме уже указанных реалий (колчана и налучья), характерных для раннесредневековых всадников, на изображениях этой группы воспроизведены сложносоставные луки и наконечники стрел ромбической формы. У одного из лучников, вероятно, показана длинная коса. Исследователями уже подчеркивалась манера изображения раннесредневековых всадников без ног, которые, вероятно, вдеты в стремена и поэтому не показаны вовсе [Кубарев В.Д., 2009, с. 17]. Особенно это относится к галопирующим фигурам. Такая же особенность характерна и для рассматриваемых елангашских всадников. Контуры многих фигур намечены резными линиями, ими же часто воспроизведены отдельные элементы: луки, тетива, стрелы, повод. Все рассматриваемые композиции и отдельные изображения отличаются слабой степенью патинизации в сравнении с более ранними петроглифами эпохи бронзы и раннего железного века.

Территориально наиболее близки рассматриваемым елангашским изображениям многочисленные всадники тюркского времени в петроглифах Хар-Салаа III, у г. Шивээт-Хайрхан [Кубарев В.Д., 2009, рис. 268, 277, 278 и др.]; Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 2005, рис. 96] в Монгольском Алтае; Бош-Дага и Сыын-Чурека в Туве [Дэвлет, 2001, рис. 1], в наскальных рисунках Ешкиольмеса в Семиречье [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 50, 58, 60] и др. Они близки по стилю и воспроизведенным на них реалиям. Здесь также представлены динамичные сцены охоты на диких животных.

Компактное расположение рассматриваемой группы петроглифов Елангаша и их стилистическое единство может свидетельствовать о создании их в короткий временной промежуток одним и тем же мастером. Причем в некоторых случаях он использовал уже имеющиеся образы, подновлял их и дополнял новыми фигурами. Несомненно, что работу по атрибуции древнетюркских петроглифов как на уже известных, так и на новых петроглифических памятниках Алтая необходимо продолжить.

Список литературы

Дэвлет М.А. Два наскальных изображения средневековых воинов из Тувы // Вопр. военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – С. 76–78.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – С. 157–169.

Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 48 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А. Древние рисунки Кызыл-Кёля. – Новосибирск: Наука, 1985. – 148 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 136 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1980. – 140 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). – Новосибирск: Наука, 1982. – 149 с.

References

Devlet M.A. Dva naskal'nykh izobrazheniya srednevekovykh voinov iz Tuvy. In *Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v epokhu srednevekov'ya*. Novosibirsk: State Univ. Press, 2001, pp. 76–78 (in Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveet-Khairkhana (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 420 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorj D., Jacobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.).

Kubarev G.V., Tseveendorj D. Rannesrednevekovye petroglify Mon-gol'skogo Altaya In *Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: State Univ. Press, 1999, pp. 157–169 (in Russ.).

Mar'yashev A.N., Rogozhinskii A.E. Naskal'nye izobrazheniya v gorakh Eshkiol'mes. Alma-Ata: Gylym, 1991, 48 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A. Drevnie risunki Kyzyl-Kelya. Novosibirsk: Nauka, 1985, 148 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaya V.D., Skorynina E.A. Petroglify doliny reki Elangash (yug Gornogo Altaya). Novosibirsk: Nauka, 1979, 136 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaya V.D., Skorynina E.A. Petroglify Gornogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1980, 140 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaya V.D., Skorynina E.A. Petroglify urochishcha Sary-Satak (dolina r. Elangash). Novosibirsk: Nauka, 1982, 149 p. (in Russ.).

УДК 903.5 (510)

М.А. Кудинова[2], С.А. Комиссаров[1, 2], А.И. Соловьев[1], Н.Ш. Николаева[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего Средневековья*

В статье представлены сведения о раскопках в районе г. Сиань гробницы Виркака (Ши Цзюня), согдийца на китайской службе, жившего при династии Северная Чжоу (557–581 гг.). Даны краткое описание могилы, сохранившегося сопроводительного инвентаря, в первую очередь, каменного саркофага, украшенного рельефами на бытовые и религиозные (зороастрийские, буддийские, и, весьма вероятно, манихейские) темы. Сохранившаяся на одной из плит саркофага надпись на китайском и согдийском языках содержит информацию о захороненных в нем людях, а также позволяет точно датировать комплекс 580 г. Выявленные сюжеты иллюстрируют ситуацию взаимодействия различных религий в ходе интенсивного торгового и культурного обмена на Великом шёлковом пути. Интенсивный поиск новых идеологий обычно характерен для переходного периода (в данном случае – от древности к Средневековью).

Ключевые слова: *археология Китая, эпоха Южных и Северных династий (Наньбэйчао), династия Северная Чжоу, погребальные комплексы, согдийцы, Ши Цзюнь.*

M.A. Kudinova[2], S.A. Komissarov[1, 2], A.I. Soloviev[1], N.Sh. Nikolaeva[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

The Tomb of Sogdian Shi Jun (Wirkak) in the Context of Cross-Cultural Contacts of China in the Early Middle Ages

The article deals with some materials on the excavations of the tomb of Wirkak (Shi Jun), a Sogdian on a civil service in China in the period of Northern Zhou dynasty (557–581). Brief descriptions of the tomb, remained grave goods and the stone sarcophagus decorated with reliefs depicting social and religious (Zoroastrian, Buddhist and, more than possible, Manichean) scenes are presented. The bilingual inscription (in Sogdian and Chinese languages) on the one of stone slabs contains information about the people buried in the tomb and precisely dates the funerary complex back to the 580 AD. The motifs of carvings illustrate the situation of the interaction between different religions as a part of intensive commercial and cultural exchanges along the Silk Road. An active search for the new ideologies is typical for transitional periods (in this particular case – from the Antiquity to the Middle Ages).

Keywords: *Chinese archaeology, Northern and Southern dynasties (Nanbeichao), Northern Zhou dynasty, burial complexes, Sogdians, Shi Jun.*

Могила согдийца Виркака обнаружена в 2003 г. в районе Вэйян г. Сиань (пров. Шэньси), на расстоянии 2,2 км от могилы другого выходца из Западного края Ань Цзя (Цзе). Раскопки велись с июня по октябрь того же года [Ян Цзюнькай, 2003]. Их содержание и контекст обсуждались на конференции в Национальной библиотеке в Пекине в апреле 2004 г., по итогам которой выпущен сборник до-

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-01-00477а.

кладов [Bromberg, 2003]. Полный отчет о раскопках издан недавно их руководителем Ян Цзюнькаем [2014]. Материалы раскопок вошли в состав группы источников, связанных с погребальной обрядностью иранского происхождения (с зороастрийской или манихейской основой), которая постоянно пополняется в ходе исследований последнего десятилетия. Помимо опубликованных археологических памятников, упоминаются уже раскопанные, но еще не изданные могилы; привлекаются отдельные плиты со сходными изображениями в музеях США, Канады, Франции, Японии (см.: [Lerner, 2005, p. 1–3; Park Ah-Rim, 2009, p. 264–282]).

Архитектурная часть погребального комплекса представляет собой камеру с наклонным коридором-дромосом и прямоугольным саркофагом внутри, предназначенным для парного супружеского захоронения. Благодаря надписи на одной из плит саркофага на согдийском и китайском языках известны детали биографии покойных. Захороненный в склепе мужчина по имени Ши Цзюнь происходил из государства Ши в Западном крае, жил в Чанъани и получил должность *сабао* (водителя каравана, который также наделялся определенной политической властью) в Лянчжоу (на территории современного округа Увэй, пров. Ганьсу), где при династии Северная Чжоу имелось крупное согдийское поселение. В надписи отмечено, что его дед тоже был *сабао* в государстве Ши. Умер Ши Цзюнь в 579 г. в возрасте 86 лет. Нам известно его согдийское имя – Виркак, что, возможно, этимологизируется как «волк». Его супруга (согдийское имя Виюйсы) происходила из государства Кан (район современного Самарканда), умерла чуть позже в том же году; в 580 г. ее вместе с мужем похоронили в гробнице, построенной их сыновьями.

Общая длина комплекса составляет 47,26 м. Центром служит погребальная камера прямоугольной формы длиной 3,7 м, шириной 3,5 м, стены которой покрыты фресками. Однако они дошли до нас в плохой сохранности, установить содержание большинства росписей невозможно.

В склеп, где находились саркофаг и ложе, украшенные рельефами, росписью и позолотой, вели каменные ворота, расположенные напротив дромоса. Внутри саркофага обнаружены золотые кольца, монеты, серьга, позолоченная бронзовая пряжка и керамический светильник. Находки малочисленны, поскольку погребение ограблено. Оба тела были захоронены внутри саркофага, но скелеты не сохранились.

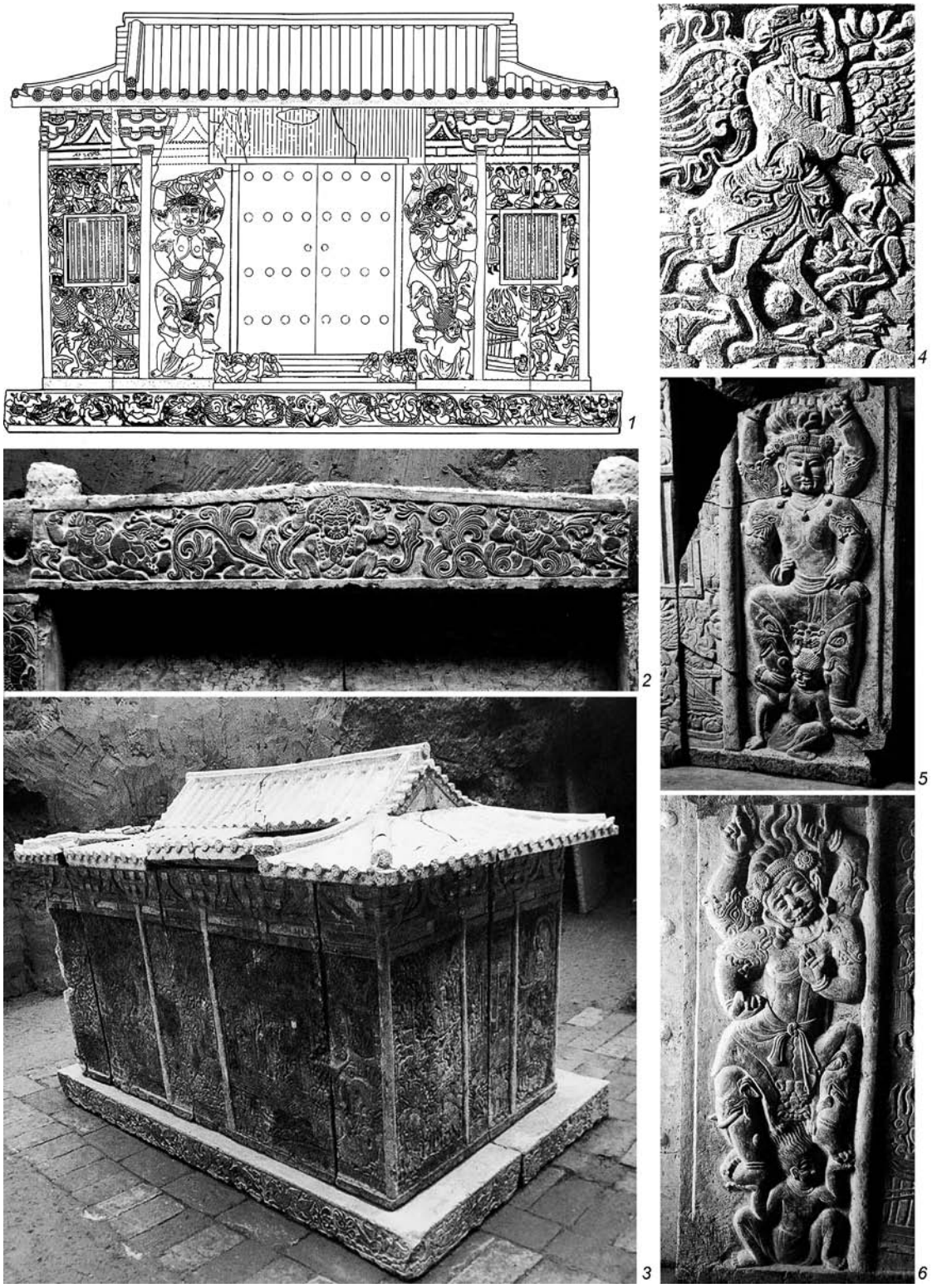
Именно саркофаг является наиболее информативным источником, поскольку украшен росписями и рельефами на бытовые и религиозные (зороастрийские, буддийские и, очень вероятно, манихейские) сюжеты. Его длина с востока на запад 2,46 м, ширина 1,55 м, высота – 1,58 м. Крышка выполнена в виде крыши дворца или храма (см. *рисунок*). Имитации кронштейнов-доугунов, черепичных дисков и других конструктивных элементов были позолочены [Ян Цзюнькай, 2003; Ян Цзюнькай, Сунь У, 2005, с. 4–7].

Стенки саркофага состоят из плит, вертикально поставленных на цоколь. Верхняя часть покрыта рельефами с зоо- и орнитоморфными изображениями. Южная стенка состояла из восьми таких блоков. В центре находились дверцы, над которыми располагалась плита перекрытия с надписью. По обе стороны от дверей в технике глубокого рельефа изображена пара четырехруких духов-охранников. По бокам от них вверху показаны музыканты, а внизу – фигуры людей с птичьими ногами перед жертвенным огнем.

Западная стенка саркофага составлена из двух плит, на которых представлены три сюжета: изображение проповедника и сидящих перед ним последователей, сцена рождения Виркака, картины охоты и шествия каравана. Интерпретации первого из трех рельефов неоднозначны. Ян Цзюнькай [2003] трактует его как сцену буддийской проповеди. Э. де ла Васьер видит здесь манихейский сюжет, указывая на такие детали образа учителя, как заостренная борода (ни одного изображения бородатого Будды не известно) и нетипичная для буддизма мудра (отчасти напоминающая мудры сасанидских рельефов). На основании этого он предполагает, что на плите изображен «Мони Гуан Фо» – «Мани как Будда Света» [la Vaissière, 2015, p. 97]. В таком случае данный рельеф, равно как и другие манихейские мотивы в украшении саркофага, свидетельствует о распространении манихейства в Китае в третьей четверти VI в., т.е. несколько раньше, чем считалось ранее (см.: [Лурье, 2013, с. 221; Панкова, 2013, с. 151]).

Сюжеты, связанные с изображением каравана, отражающие основное занятие и должность погребенного, исследованы Жун Синьцзяном, который сопоставил их с данными письменных источников. Он рассмотрел вопросы численности согдийских караванов, их этнический (помимо согдийцев их членами могли быть представители тюркских народов), гендерный (женщины редко путешествовали с караванами), социальный и возрастной состав [Жун Синьцзян, 2005; Rong Xinjiang, 2006; Жун Синьцзян, 2014].

Северная стенка составлена из четырех плит, на которых воспроизведены эпизоды путешествий и пиров супругов (возможно, имеющие отношение к их биографии), сцена торговли, а также буддийские божества гандхарвы (*фэйтянь*). Восточная



Каменный саркофаг из гробницы согдийца Ши Цзюня. Коллаж А.И. Соловьева по: [Ян Цзюнькай, Сунь У, 2005].
1 – южная стена саркофага; *2* – рельеф на перекладине дверной рамы; *3* – общий вид саркофага; *4* – фрагмент рельефа с изображением сцены жертвоприношения; *5, 6* – изображения духов-стражей дверей.

стенка состоит из двух плит, на которых изображен зороастрийский ритуал, гандхарвы и крылатые кони. В целом, рельефы восточной стенки показывают посмертное путешествие людей, погребенных в могиле, в загробный мир: божественный суд, переход через мост Чинват в иной мир и встречу с его обитателями. И в последний путь погребальный караван также ведет *сабао* Ши Цзюнь, провожае-

мый двумя зороастрийскими жрецами (у которых ритуальная повязка закрывает нижнюю часть лица) [Hansen, 2012, p. 147], что свидетельствует о его довольно высоком социальном статусе.

Основание саркофага украшено изображениями мифических существ (в т.ч. крылатых баранов), гандхарвов, четырехруких божеств, сцен охоты и т.д., выполненными в низком рельефе.

Даже краткий обзор информации, полученной при изучении могилы Ши Цзюня, свидетельствует о сравнительно спокойной обстановке на торговых путях в конце VI в., о чем говорит хотя бы почтенный (даже по нынешним меркам) возраст «хозяина» гробницы; о стабильности связей Китая с западными и северо-западными соседями. Но одновременно мы имеем свидетельство интенсивного духовного поиска, сопоставления и сочетания разных религиозных систем с целью получить новую идеологию, которая помогла бы лучше объяснить окружающий мир, широко распахнувший географические и культурные границы. На основе данных о погребениях людей, связанных с Западным краем происхождением и/или профессией (см.: [Комиссаров, Соловьев, Трушкин, 2016]), можно говорить о реальном мультикультурализме общества того времени. Ведь согдиец Виркак, с одной стороны, был встроен в структуру китайского социума, а с другой – сохранил свою иранскую систему ценностей, которую не только не скрывал, но и открыто манифестировал в сюжетах на внешних, обращенных к зрителям (как минимум к участникам траурной процессии) стенах саркофага. Более того, он был уверен в гарантированном последующем погребении своей жены в нормах привычного для него толерантного образа жизни – того образа, что получил развитие при династии Тан и был в дальнейшем резко пресечен всплеском местных национальных традиций.

Список литературы

Жун Синьцзян. Бэй Чжоу Ши Цзюнь му шиго соцзяньчжи Сутэ шандуй (Согдийский караван по материалам каменного саркофага из могилы Ши Цзюня из Северного Чжоу) // Вэньу. – 2005. – № 3. – С. 47–56 (на кит. яз.).

Жун Синьцзян. Ивэй Сутэ шоулиндэ Сылу шэнъя – Ши Цзюнь шиго тусян сумяо (Жизнь на Шёлковом пути одного из согдийских руководителей караванов по материалам изображений на каменном саркофаге Ши Цзюня) // Сычоу чжи лу (Шёлковый путь). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. – С. 45–50 (на кит. яз.).

Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Трушкин А.Г. Мультикультурализм в эпоху средневековья: К изучению могилы Юй Хуна (Тайюань, Китай) // Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – Вып. 9. – С. 6–14.

Лурье П.Б. О следах манихеизма в Средней Азии // Тр. Гос. Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. – Т. LXII: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. – С. 219–251.

Панкова С.В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Науч. обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1. – С. 125–158.

Ян Цзюнькай. Ши сюй Ань Цзя, Юй Хун му хоу югуань Чжун Си вэньхуа цзяолюдэ ю и чжунъяо фасянь: Сиань ю фасянь Бэй Чжоу гуйцзу Ши Цзюнь му (Еще одно важное открытие, связанное с культурными контактами Китая и Запада, после могил Ань Цзя и Юй Хуна: в Сиане нашли могилу северочжоуского аристократа Ши Цзюня) // Чжунго вэньу бао. – 26 сент. 2003 (на кит. яз.).

Ян Цзюнькай. Бэй Чжоу Ши цзюнь му (Могила Ши Цзюня из Северного Чжоу). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. – 372 с. (на кит. яз.).

Ян Цзюнькай, Сунь У. Сиань Бэй Чжоу Лянчжоу сабао Ши Цзюнь му фасянь цзяньбао (Краткий отчет о раскопках в районе Сианя могилы сабао Ши Цзюня, [жившего в] Лянчжоу [при династии] Северная Чжоу) // Вэньу. – 2005. – № 3. – С. 4–33 (на кит. яз.).

Bromberg C.A. Review: Étienne de la Vaissière and Érik Trombert. Les Sogdiens en Chine: Études thèmatiques 17. École française d'Extrême-Orient. Paris, 2005, 444 p., color and black-and-white ills. // Bull. of Asia Inst.: New Ser. – 2003. – Vol. 17. – P. 192–196.

Hansen V. The Silk Road: A New History. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2012. – 328 p.

La Vaissière É., de. Wirkak: Manichaean, Zoroastrian, Khurramî? On Bilingualism and Syncretism in Sogdian Funerary Art // Найрику Адзиа гэго но кэнкю (Исследование языков Внутренней Азии). – 2015. – Т. XXX. – С. 95–112.

Lerner J.A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China // Sino-Platonic Papers. – 2005. – No. 168. – P. 1–52+9 pl.

Park Ah-Rim. Koguryo Tomb Murals in the East Asian Funerary Art. – Seoul: Jimoondang, 2009. – 306 p.

Rong Xinjiang. The Sogdian Caravan as Depicted in the Relieves of the Stone Sarcophagus from Shi's Tomb of the Northern Zhou // Chinese Archaeology. – 2006. – Vol. 6. – P. 181–185.

References

Bromberg C.A. Review: Étienne de la Vaissière and Érik Trombert. Les Sogdiens en Chine: Études thèmatiques 17. École française d'Extrême-Orient. Paris, 2005, 444 p., color and black-and-white ills. *Bulletin of Asia Institute: New Series*, 2003, vol. 17, pp. 192–196.

Hansen V. The Silk Road: A New History. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2012, 328 p.

Komissarov S.A., Soloviev A.I., Trushkin A.G. Mul'tikul'turalizm v epokhu srednevekov'ya: K izucheniyu mogily Yui Khuna (Taiyuan', Kitai). *Vostokovednye issledovaniya na Altae (Oriental Studies in Altai)*. Barnaul: Altai State Univ. Press., 2016, iss. 9, pp. 6–14 (in Russ.).

La Vaissière É., de. Wirkak: Manichaean, Zoroastrian, Khurramî? On Bilingualism and Syncretism in Sogdian

Funerary Art. *Nairiku Ajia gego no kenkyuu (Studies on the Inner Asia languages)*, 2015, vol. XXX, pp. 95–112.

Lerner J.A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China. *Sino-Platonic Papers*, 2005, No. 168, pp. 1–52+9 pl.

Lur'e P.B. O sledakh manikheizma v Srednei Azii. *Trudy Gos. Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2013, vol. LXII: Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki, pp. 219–251 (in Russ.).

Pankova S.V. Izobrazheniya na kurgannykh plitakh u d. Podkamen' na severe Khakasii. *Nauchnoye obozrenie Sayano-Altaya (Scientific overview on Sayano-Altay)*, 2013, No. 1, pp. 125–158 (in Russ.).

Park Ah-Rim. Koguryo Tomb Murals in the East Asian Funerary Art. Seoul: Jimoondang, 2009, 306 p.

Rong Xinjiang. The Sogdian Caravan as Depicted in the Relieves of the Stone Sarcophagus from Shi's Tomb of the Northern Zhou. *Chinese Archaeology*, 2006, vol. 6, pp. 181–185.

Rong Xinjiang. Bei Zhou Shi Jun mu shiguo suojianzhi Sute shangdui (The Sogdian Caravan observed from the Stone Sarcophagus in Shi Jun's Tomb of the Northern Zhou). *Wenwu (Cultural Relics)*, 2005, No. 3, pp. 47–56 (in Chin.).

Rong Xinjiang. Yiwei Sute shoulingde Silu shengya – Shi Jun shiguo tuxiang sumiao (A life of one of Sogdian caravan's leaders at Silk Road according the images on the Stone Sarcophagus of Shi Jun). In *Sichou zhi lu (Silk Road)*. Beijing: Wenwu Publ., 2014, pp. 45–50 (in Chin.).

Yang Junkai. Bei Zhou Shi Jun mu (Tomb of Shi Jun of Northern Zhou). Beijing: Wenwu Publ., 2014, 372 p. (in Chin.).

Yang Junkai. Shi xu An Jia, Yu Hong mu hou youguan Zhong Xi wenhua jiaoliude you yi zhongyao faxian: Xian you faxian Bei Zhou guizu Shi Jun mu (One more important discovery connected with Chinese-Western cultural exchange was made after discovery in Xian the tombs of An Jia and Yu Hong, it was the tomb of Shi Jun, aristocrat in the dynasty of Northern Zhou). *Zhongguo wenwu bao (Newspaper on the Chinese cultural relics)*, 26.09.2003 (in Chin.).

Yang Junkai, Sun Wu. Xian Bei Zhou Liangzhou sabao Shi Jun mu faxian jianbao (A brief report on the excavations at Xian the tomb of sabao Shi Jun who lived in Liangzhou at the time of Northern Zhou dynasty). *Wenwu (Cultural Relics)*, 2005, No. 3, pp. 4–33 (in Chin.)

УДК 902/904

Е.А. Миклашевич

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Исследование памятников наскального искусства хребта Оглахты в 2016 году

Представлены основные результаты полевых исследований памятников наскального искусства комплекса Оглахты (Хакасия) в 2016 г. Анализ изображений древнейшего пласта на одном из участков памятника Оглахты Берег показал, что некоторые стилистические различия разных групп петроглифов объясняются не культурно-хронологическими причинами, а особенностями индивидуальной манеры «художников» в пределах одной эпохи. На памятнике Бадалажкин Лог выявлены новые композиции с характерными для Оглахты «отмеченными» особой разрисовкой фигурами коней. Традиционно эта серия относилась к раннему этапу скифо-сибирского звериного стиля. Однако некоторые из обнаруженных фигур заполнены извилистыми линиями, характерными для более поздней тесинской культуры, и сопровождаются антропоморфными фигурами, также имеющими тесинские признаки. Высказано предположение, что первые композиции с «отмеченными» конями появились на скалах Оглахты на раннем этапе тагарской культуры, а в более поздние периоды яркий образ и понятный сюжет воспроизводились в подражание, видоизменяясь в соответствии с канонами своего времени.

Ключевые слова: *наскальное искусство, Оглахты, минусинский стиль, «отмеченные» кони, скифо-сибирский звериный стиль.*

E.A. Miklashevich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Investigation of Rock Art Sites at the Oglakhty Ridge in 2016

The paper presents the main results of field investigations of rock art complex within the mountainous massive of Oglakhty (Khakassia) in 2016. Analysis of the earliest imagery at one of the locations at the coastal cliffs showed that some of the stylistic differences between various groups of petroglyphs can be explained not by cultural or chronological reasons, but they reflect the individual artistic manners within the same period. At the Badalazhkin Log site new compositions have been revealed with a very typical for Oglakhty figures of "marked" horses (with distinctive decoration of their bodies). Traditionally, this series refers to the early stage of the Scythian-Siberian animalistic style. However, some of the newly discovered horse figures are decorated with the sinuous lines, that are typical for the later Tes' culture, and horses are accompanied by human figures, also showing the Tes' features. The assumption is proposed that the very first compositions with the "marked" horses rendered on the Oglakhty rocks at the early stage of the Tagar culture, while during the later periods these vivid images and understandable subject continued to be replicated with some minor alterations in accordance with the canons of this or that period.

Keywords: *rock art, Oglakhty, Minusinsk style, "marked" horses, Scythian-Siberian animalistic style.*

В 2016 г. было продолжено исследование комплекса памятников наскального искусства, локализующихся в пределах горного массива (хребта) Оглахты, который расположен на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в Боградском р-не Республики Хакасии. Задачами работы в этом сезоне были: продолжение разведок и уточнение индексации памятников; разработка базы данных археологических объектов в Оглахты; обследование береговой линии на предмет поиска сохранившихся от затопления петроглифов; факсимильное копирование ряда плоскостей, находящихся под угрозой разрушения (по заказу Государственного природного заповедника «Хакасский»); документирование плоскостей с наскальными изображениями на разных памятниках и участках.

Продолжение планомерного обследования всей территории горного массива позволило выявить новые местонахождения [Миклашевич, 2015а], а также уточнить локализацию и границы местонахождений, исследовавшихся в прошлом. В результате мы решили отказаться от цифровой системы обозначений памятников этого комплекса (Оглахты I, II, III и т.д.), начатой Я.А. Шером [1980, с. 154–158], продолженной в экспедиции Б.Н. Пяткина [Советова, Миклашевич, 1999, с. 50–51] и нами [Миклашевич, 2015б]. Выяснилось, что границы некоторых местонахождений обозначены неверно, некоторые разные памятники на самом деле представляют один и тот же и т.д. За основной критерий для выделения отдельных памятников мы приняли топографические особенности горного массива. Обозначения для памятников носят топонимический характер: названия гор, логов и т.д. По топографическим же особенностям выделяются и отдельные участки в составе сложных памятников. Так, например, все местонахождения береговой линии (Оглахты I, II, VII, IX) теперь объединены в один памятник под названием «Оглахты Берег», разделенный на участки, которые нумеруются с юга на север, отделяясь друг от друга логами, прорезающими береговую линию.

В 2016 г. было продолжено обследование памятников Оглахты Берег, Абрашкин Лог, Большой Лог, предпринято разведочное обследование памятников Черёмуховый Лог, Чёртов Лог и Бадалажкин Лог. Везде были найдены новые изображения, определена локализация (сняты координаты) ранее известных плоскостей, произведено частичное документирование, определено состояние сохранности.

При обследовании петроглифов береговых утесов пополнилась коллекция изображений древнейшего пласта недавно открытого участка I (ранее условно обозначенного как Оглахты IX [Миклашевич и др., 2015]) (рис. 1). Плоскости с петроглифами находятся выше максимального уровня воды в водохранилище; некоторые из них доступны, другие находятся высоко на отвесных утесах и могут быть только сфотографированы из лодки с помощью телеобъектива. Среди них изображения лосей, быков, дикой лошади и др. Все они относятся к самым ранним изображениям в наскальном искусстве Минусинской котловины и тем не менее различаются между собой по стилистическим, иконографическим и технологическим особенностям. Сопоставление изображений одного участка, выявление общего и особенного у разных изображений показывают, на наш взгляд, то, что эти различия объясняются не культурно-хронологическими причинами, а демонстрируют «авторский почерк» (ср. напр. рис. 1, *3* и *4*), особенности индивидуальной манеры разных «художников» в пределах одной эпохи. Л.В. Зоткиной было продолжено трасологическое изучение технологических особенностей выбивки изображений древнейшего пласта на участках I, II и IV, что в дальнейшем поможет подтвердить или опровергнуть это предположение. На участке IV (Оглахты I по Я.А. Шеру, незатопленная часть) выявлены новые изображения минусинского стиля, представляющие собой, вероятно, эскизы: неполные контурные фигуры животных, выполненные редкой выбивкой и «штрихами», а также силуэтная фигура быка (?), выполненная способом протира по кальцитовому натеку.

Проведено предварительное обследование местонахождения Бадалажкин Лог (лог, начинающийся от берега, разделяющий местонахождения Оглахты I и II, по Я.А. Шеру), которое показало, что к нему относятся документированные ранее Оглахты III [Sher et al., 1994] и Оглахты VIII [Советова, Миклашевич, 1999, с. 50; Советова, 2005, рис. 13, 30А], а кроме того, имеются и другие плоскости, не фиксировавшиеся ранее.

Среди них встречаются сцены с характерными для многих местонахождений Оглахтинского хребта изображениями «отмеченных» коней [Советова, 2005, с. 36–44], выполненными в специфическом хорошо узнаваемом стиле. Анализу этих изображений посвящены работы многих авторов. Что касается датировки, то Я.А. Шер отнес их к раннему этапу звериного стиля, сравнив по некоторым признакам с изображениями аржано-майэмирской серии, для которой предположил даты X–VIII вв. до н.э. [Шер, 1980, с. 243–249]. Н.Л. Членова отнесла оглахтинских коней с разрисованными туловищами к концу VI – V в. до н.э. по сходству с аналогичным изображением на тагарском кельте этого времени, орнаментам и фигурам на тагарских ножах и по изображению котлов «скифского типа» вместе с подобными конями на Апкашевской писанице [Членова, 1981, с. 86, 87]. Фигуры коней в некоторых композициях в Бадалажкином Логу при общем сходстве с другими изображениями оглахтинской серии заполнены не такими правильными клетками, зигзагами, треугольниками и «солярными знаками» на бедре, как в известных изображениях на береговых скалах [Sher et al., 1994 (Oglakhty I: 10, 45, 56a, 100)] и Апкашевской писаницы [Членова, 1981, рис. 6], а извилистыми линиями (рис. 2, *1*; см. также [Советова, 2005, рис. 13]), больше напоминающими заполнение туловищ животных и «лабиринты» в изображениях тесинской культуры. Антропоморфные фигуры в композициях с этими конями также имеют некоторые черты, присущие изображениям человека на плитах тесинских курганов. Это представляется довольно странным,

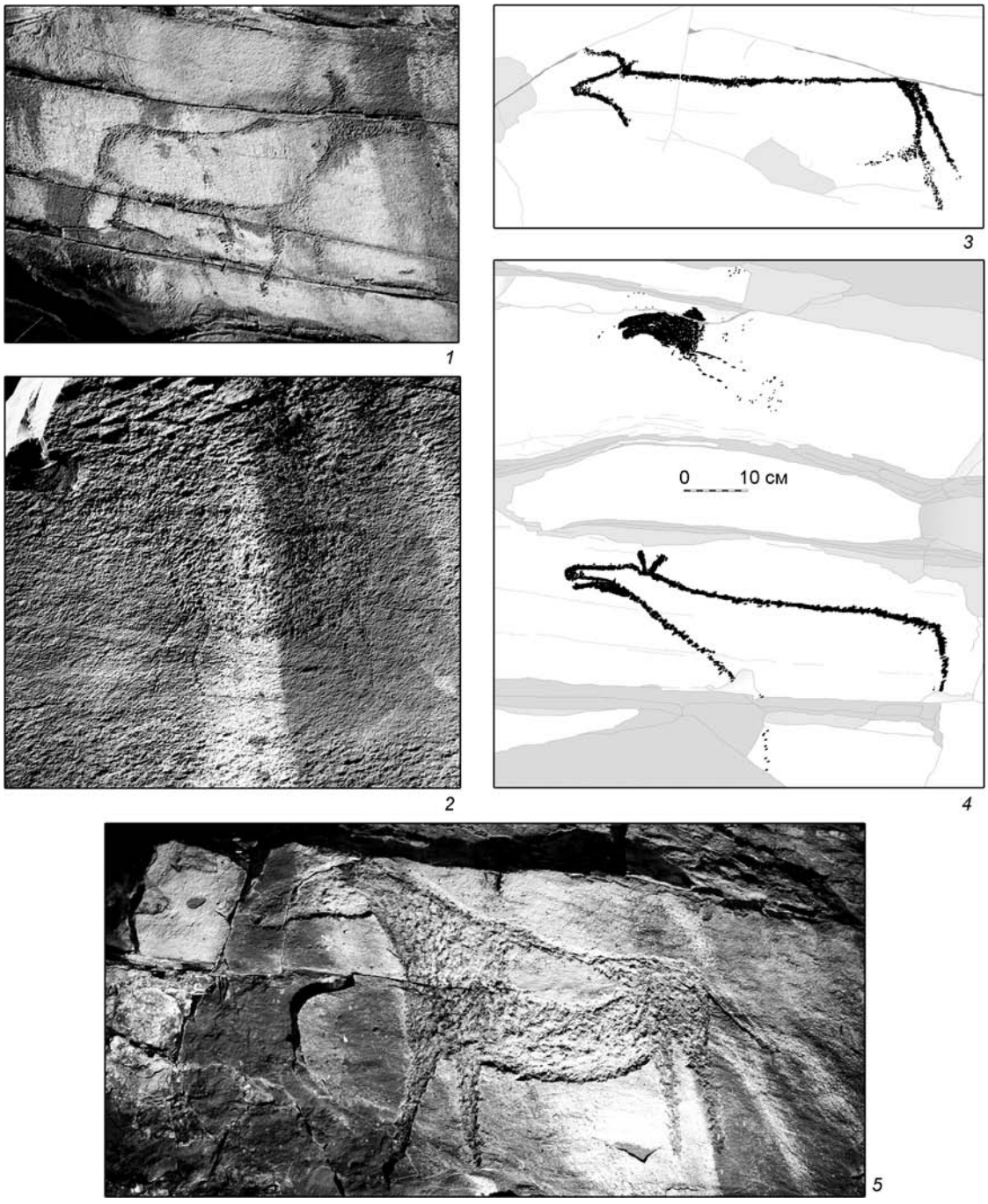


Рис. 1. Изображения древнейшего пласта памятника Оглахты Берег, участок 1.

т.к. многие «классические» изображения серии обладают несомненно очень ранними признаками, включая даже нахождение в одной композиции с типично «карасукскими» фигурами [Sher et al., 1994 (Oglakhty III: 5)]. При этом для других подобных фигур коней убедительной выглядит датировка, предложенная Н.Л. Членовой.

Думается, что надо продолжить источниковедческий анализ этой интереснейшей и очень важной серии, тщательно уточняя детали каждого изображения и каждой композиции, сравнивая технику разных изображений, чтобы выявить нужное ядро в композициях-палимпсестах, и т.д. К сожалению, большинство самых выразительных композиций этой серии находилось на береговых скалах, и после затопления Красноярским водохранилищем они утрачены. Однако есть возможность уточнить и некоторые из них, используя эстампажи А.В. Адрианова, фотографии Я.А. Шера и фрагменты скальных блоков, выпиленные А.Н. Липским. Есть надежда, что при дальнейших разведках Оглахтинского хребта будут найдены и другие по-

добные композиции, которые, может быть, помогут прояснить проблему датировки всей серии. Пока же можно высказать следующее предположение. Возможно, первые композиции с «отмеченными» конями действительно появились на скалах Оглахты на самом раннем этапе развития тагарской культуры. Это были крупные по размерам, привлекающие внимание своей необычностью фигуры. И, видимо, их было много. Вполне вероятно, что они производили сильное впечатление на «художников» тагарской культуры более поздних этапов ее развития, а также других последующих эпох, и те продолжали воспроизводить яркий образ и понятный сюжет, несколько видоизменяя их в соответствии с канонами своего времени. На скалах Бадалажкина Лога мы встретили петроглифы явно более поздние, включая даже хакасские рисунки, в которых совершенно отчетливо выражено подражание классическим образцам тагарских разрисованных коней.

Продолжено документирование наскальных рисунков местонахождения Абрашкин Лог. Здесь, кроме большого количества поздних изображений,

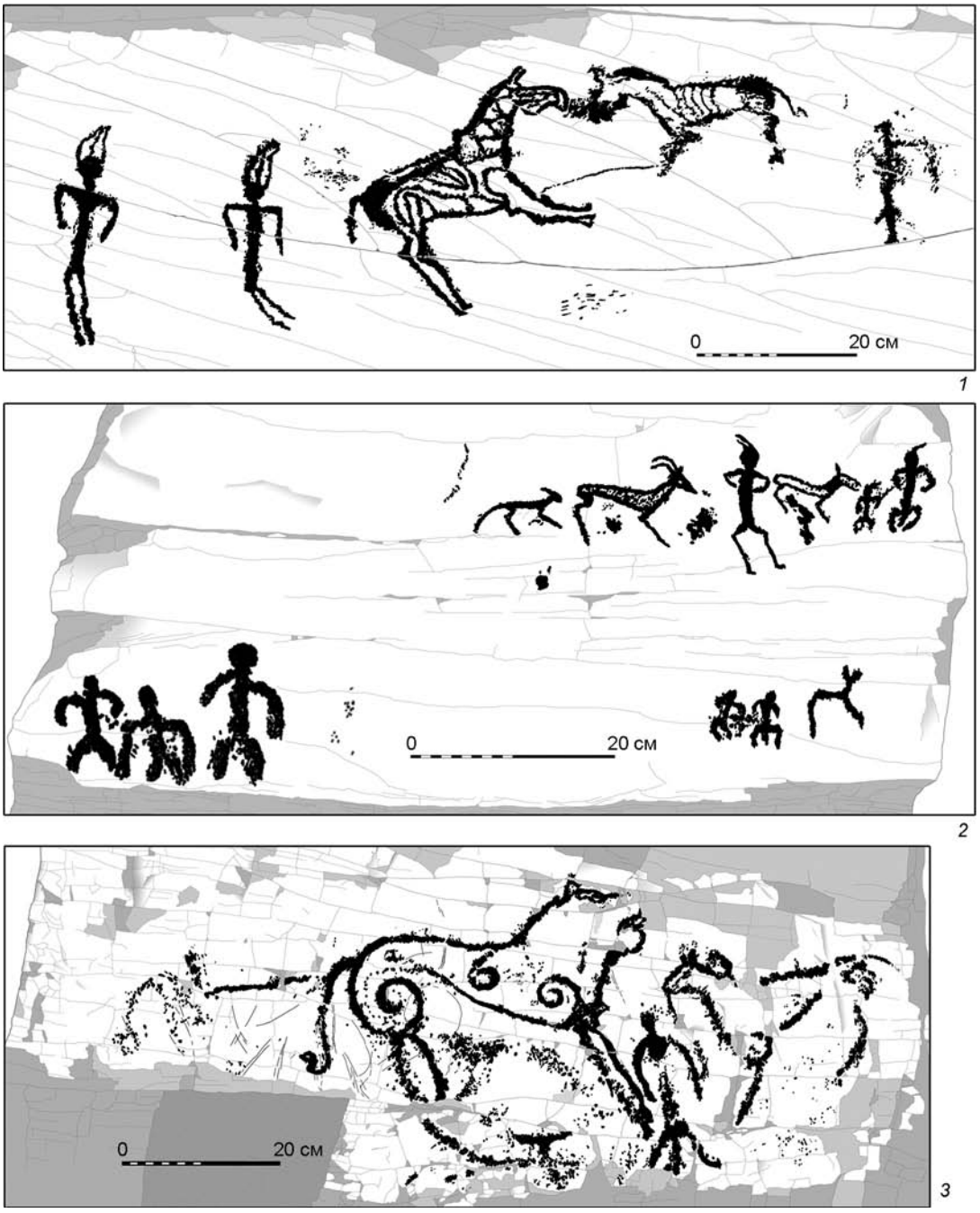


Рис. 2. Изображения раннего железного века.
1 – Оглахты Бадалажкин Лог; *2, 3* – Оглахты Абрашкин Лог.

включая тамги, выявлена интересная серия изображений тагарской и тесинской культур (рис. 2, *2, 3*). Среди них фигуры оленей, козлов, коней, волков и других хищников, украшенные завитками-волютами и выполненные в другом стиле, чем вышеописанные «отмеченные» кони (хотя и здесь можно видеть отголоски сюжета «господин коней»). Этот пласт изображений представляет развитый этап звериного стиля [Шер, 1980, с. 249–251] и имеет многочисленные аналогии на других памятниках Минусинской котловины. Вместе с тем, например, изображение хищника с головой льва (рис. 2, 3), которому можно найти некоторые аналогии в торевтике, в наскальном искусстве ранее не встречалось.

В целом, очередной полевой сезон исследований в горном массиве Оглахты принес много новых находок и подтвердил перспективность изучения этого грандиозного комплекса памятников наскального искусства.

Список литературы

Миклашевич Е.А. Новые местонахождения наскального искусства в горном массиве Оглахты (Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015а. – Т. XXI. – С. 303–307.

Миклашевич Е.А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Науч. обозр. Саяно-Алтая. Археология. – № 1 (9). – 2015б. – С. 54–77.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л., Зоткина Л.В., Солодейников А.К., Техтереков А.С. Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 г. // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2015. – № 1 (61). – Т. 3. – С. 55–65.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кем. гос. ун-та, 1999. – С. 47–74.

Членова Н.Л. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1981. – С. 80–94.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Siberie du Sud 1. – Paris: Diffusion de Boccard, 1994. – 156 p.

References

Chlenova N.L. Tagarskie loshadi (o svyazyakh plemen Yuzhnoi Sibiri i Srednei Azii v skifskuyu epokhu). In *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)*. Moscow: Nauka, 1981, pp. 80–94 (in Russ.).

Miklashevich E.A. New rock art sites in the mountainous massif of Oglakhty (Khakasia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015a, vol. XXI, pp. 303–307 (in Russ.).

Miklashevich E.A. The Oglakhty rock art complex: informational potential and research perspectives. In *Sayan-Altay Scientific Review. Archaeology*. No. 1 (9), 2015b, pp. 54–77 (in Russ.).

Miklashevich E.A., Bove L.L., Zotkina L.B., Solodeynikov A.K., Tekhterekov A.S. Investigation of the most ancient petroglyphs on the coastal rocks of Oglakhty (Khakasia) in 2014. *Kemerovo State Univ. Bull.*, 2015, No. 1 (61), vol. 3, pp. 55–65 (in Russ.).

Sher J.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.).

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Siberie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994, 156 p.

Sovetova O.S. Petroglify tagarskoj epohi na Enisee (sjuzhety i obrazy). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2005, 140 p. (in Russ.).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Hronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneenisejskih petroglifov. In *Archeologija, ethnografija i muzejnoe delo*. Kemerovo: State Univ., 1999, pp. 47–74 (in Russ.).

УДК 902/904

Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Исследование археологических комплексов у горы Бычиха и горы Туран на среднем Енисее

Для археологии Минусинской котловины актуальной задачей является комплексное исследование расположенных в береговой зоне Енисея и его притоков (ныне Красноярского водохранилища и его заливов) археологических микрорайонов, связанных с доминирующей высотой (горой), где концентрируются памятники разного типа (погребения, поселения, наскальные рисунки, эпиграфика, производственные площадки, культовые места и т.д.) и разных периодов. Водохранилище, с одной стороны, уничтожило тысячи источников информации, но с другой стороны – выявило то, что было скрыто в почве. В частности, в периоды понижения уровня воды можно проследить остатки размытых поселений и других памятников на дне водохранилища. Анализ подъемного материала добавляет существенную информацию к культурно-хронологическим колонкам каждого микрорайона. Большое значение имеет подробное исследование наскальных рисунков на доминирующих высотах и изображений на плитах могильников, а их атрибуция уточняется путем корреляции с датировками памятников других типов. Подобные комплексные исследования представлены на примере двух среднеенисейских территорий: у горы Бычиха и горы Туран.

Ключевые слова: *Минусинская котловина, Бычиха, Туран, археологический микрорайон, Красноярское водохранилище, наскальное искусство, поселения, курганы.*

E.A. Miklashevich, L.L. Bove

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Investigation of the Archaeological Complexes in the Vicinity of Bychikha and Turan Mountains at the Middle Yenisei

One of the topical tasks for archeology of the Minusinsk Basin is a complex study of the archaeological microdomains which are located in the coastal zone of the Yenisei and its tributaries (now Krasnoyarsk reservoir and its gulfs), connected with a dominant height (mountain) and contain numerous sites of various types (burials, settlements, rock art, epigraphy, workshops, places of worship, etc), dated to various periods. The reservoir, on the one hand, destroyed thousands of information sources, but on the other hand it revealed what was hidden in the soil. In particular, during the periods of drawdown of the water level at the bottom of the reservoir one can see the remains of settlements and other monuments. Analysis of the occasional findings adds significant information to the cultural-chronological column of each microdomain. Of a great importance is a detailed study of rock art imagery at the dominating mountains and on the kurgan slabs, while their attribution can be verified via the correlation with datings for objects and sites of other types. The paper presents such complex studies on the example of two Middle Yenisei microdomains: areas in the vicinity of the mountains of Bychikha and Turan.

Keywords: *Minusinsk basin, Bychikha, Turan, archaeological microregion, Krasnoyarsk reservoir, rock art, settlements, kurgans.*

В археологии Минусинской котловины большое значение имеет метод изучения локального микрорайона, выделяющегося обилием и концентрацией памятников разных эпох на одной территории. Именно он, впервые реализованный С.А. Теплоуховым у с. Батени, позволил исследователю разработать классификацию археологических культур Минусинской котловины. Этому же методу

следовал и М.П. Грязнов при выборе объектов для спасательных раскопок в ложе будущего водохранилища Красноярской ГЭС. «Красноярская экспедиция чаще всего сосредоточивала свои работы на нескольких таких территориальных местоположениях, с тем, чтобы наиболее полно изучить топографические и стратиграфические взаимосвязи памятников разного вида и различных эпох» [Грязнов и др., 1980, с. 3]. Таких микрорайонов было исследовано несколько (в т.ч. и у горы Бычиха и горы Туран); однако «комплексность» исследования была относительной: раскапывались, как правило, лишь погребальные памятники разных эпох; гораздо реже исследовались ритуальные объекты и поселения; целенаправленные поиски поселений не практиковались; не изучались зоны природопользования и хозяйственной деятельности; в «комплекс» не включались памятники наскального искусства и эпиграфики (они изучались отдельно); не привлекали внимания изображения на плитах оград курганов (за исключением работы Д.Г. Савинова [1976]).

Водохранилище уничтожило тысячи археологических памятников, в т.ч. недоисследованных и невыявленных. Ушли под воду или разрушились от переработки берегов наскальные рисунки, рунические надписи, курганы, грунтовые могилы, поминальники, поселения, мастерские и т.д. Изменились ландшафты археологических микрорайонов береговой зоны. С другой стороны, водохранилище как бы обнажило то, что было скрыто в почве. Когда уровень воды понижается, и на поверхность выходят отмели и островки, то на них можно видеть размытые водой и занесенные песком разнообразные каменные конструкции, обломки плит, зернотерок, артефакты и бесчисленное количество фрагментов керамики. Последние маркируют места расположения древних поселений, а по типам керамики и других находок можно определить периоды их функционирования. Это, конечно, очень фрагментированная, но все-таки ценная информация.

Изучение археологических комплексов на берегах Енисея необходимо продолжать на понастоящему комплексной основе. Большое количество памятников сохранилось на незатопленной территории; многие микрорайоны связаны с доминирующими высотами (горой, горным массивом), на которых имеются памятники наскального искусства, сейчас интенсивно изучаемые; много ценной информации исследователи получают, выявляя связывающие наскальные и погребальные памятники рисунки на плитах курганов; проводятся разведки и раскопки в зоне переработки берегов и периодически обнажающегося дна. Сочетание полевой экспедиционной работы с изучением неопубликованных материалов раскопок в архивах и музеях позволяет выявить и систематизировать всю имеющуюся информацию по отдельным комплексам и соотнести данные по культурно-хронологической атрибуции разных типов памятников. Такая работа, первоначально инициированная необходимостью определения археологического контекста изучаемых петроглифов и рисунков на курганных камнях, проведена нами в Краснотуранском р-не Красноярского края для двух микрорайонов: у горы Бычиха и у горы Туран. Собранные сведения о проведенных ранее раскопках разновременных погребальных памятников были дополнены результатами разведок и документирования изображений на скалах и курганных плитах, составлены планы сохранившихся могильников, локализованы затопленные памятники, собран подъемный материал на остатках поселений в период сброса воды в водохранилище и т.д. В результате составлены археологическая карта для комплекса памятников у горы Бычиха и база данных (с координатами) памятников разных типов для горы Туран и ее окрестностей. Подчеркнем, что и в том, и в другом случае учтены не только те памятники, которые можно увидеть сейчас, но и те, что находились на затопленной территории.

Гора Бычиха находится в 15 км от Енисея, на правом берегу его притока р. Сыды, которая после затопления превратилась на этом участке в Сыдинский залив. На горе находится памятник наскального искусства, известный по А.В. Адрианову как Сыдинская писаница, к настоящему времени полностью нами документированный. На обширной террасе южнее горы вплоть до с. Сыда до затопления располагались многочисленные курганы афанасьевской, окуневской, карасукской, тагарской, тесинской, таштыкской культур, частично раскопанные С.В. Киселёвым и М.П. Грязновым, а также чаа-тас и андроновское поселение. Наиболее древние памятники в южной части могильного поля затоплены полностью, другие расположены на периодически затапливаемой территории третьи от затопления не пострадали. Для сохранившейся части могильного поля (более 150 курганов) составлен план, идентифицированы курганы, раскопанные С.В. Киселёвым, полностью документированы изображения на курганных плитах [Миклашевич, Бове, 2015]. В период понижения уровня воды на дне залива обнажились каменные конструкции двух могильников подгорновского этапа тагарской культуры (рис. 1, *1*), на одном из угловых камней зафиксировано изображение человека в горизонтальном положении

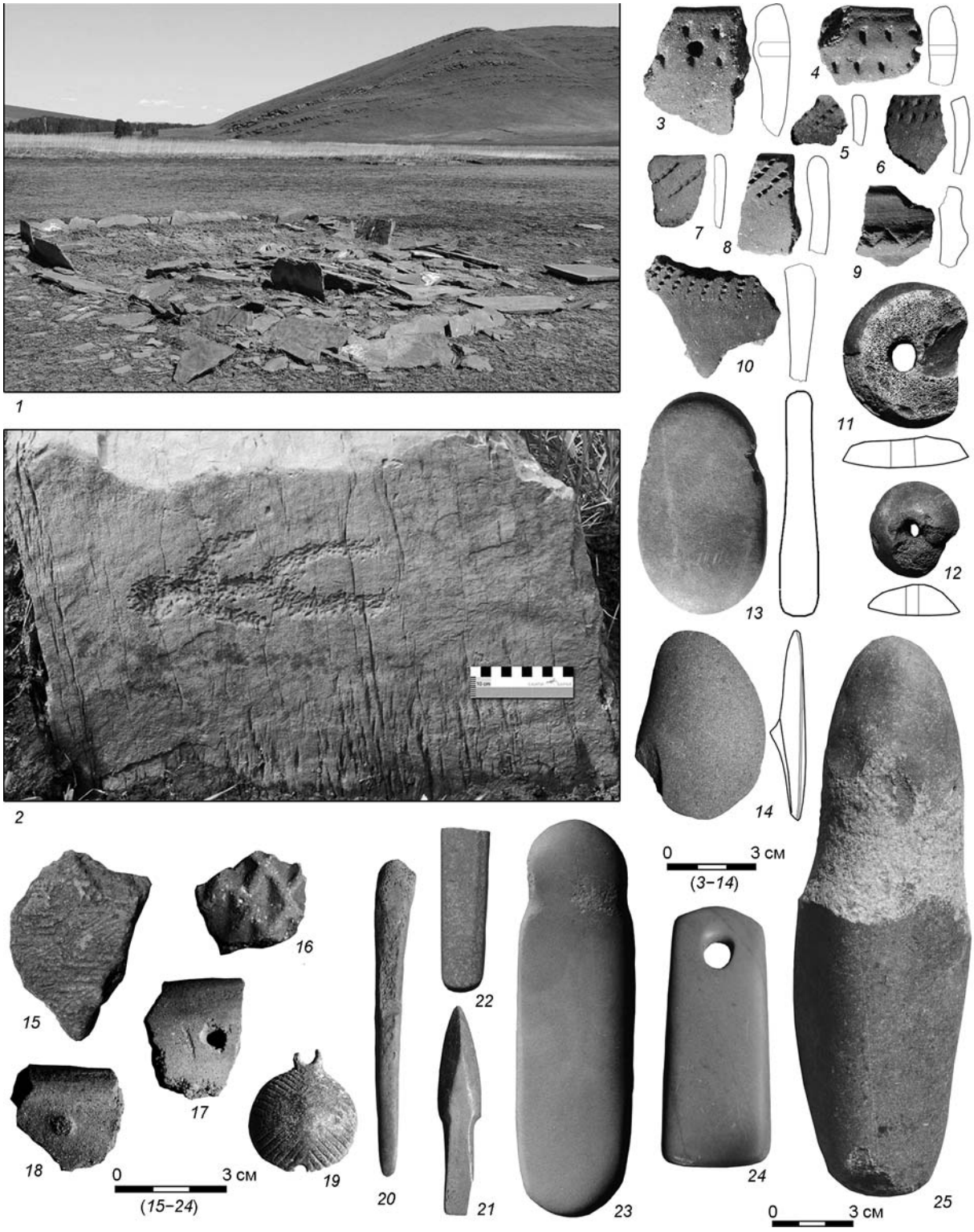


Рис. 1. Археологические памятники у горы Бычиха.

1 – обнажившиеся из-под воды ограды подгорновских курганов (на заднем плане – гора Бычиха, Сыдинская писаница); *2* – изображение человека на угловом камне кургана; *3–14* – подъемный материал, собранный на размытом поселении; *15–25* – подъемный материал, собранный на «кольцевом городище».

3–10, *15–18* – керамика, *11*, *12*, *20*, *21* – кость, *13*, *14*, *22–25* – камень, *19* – металл.

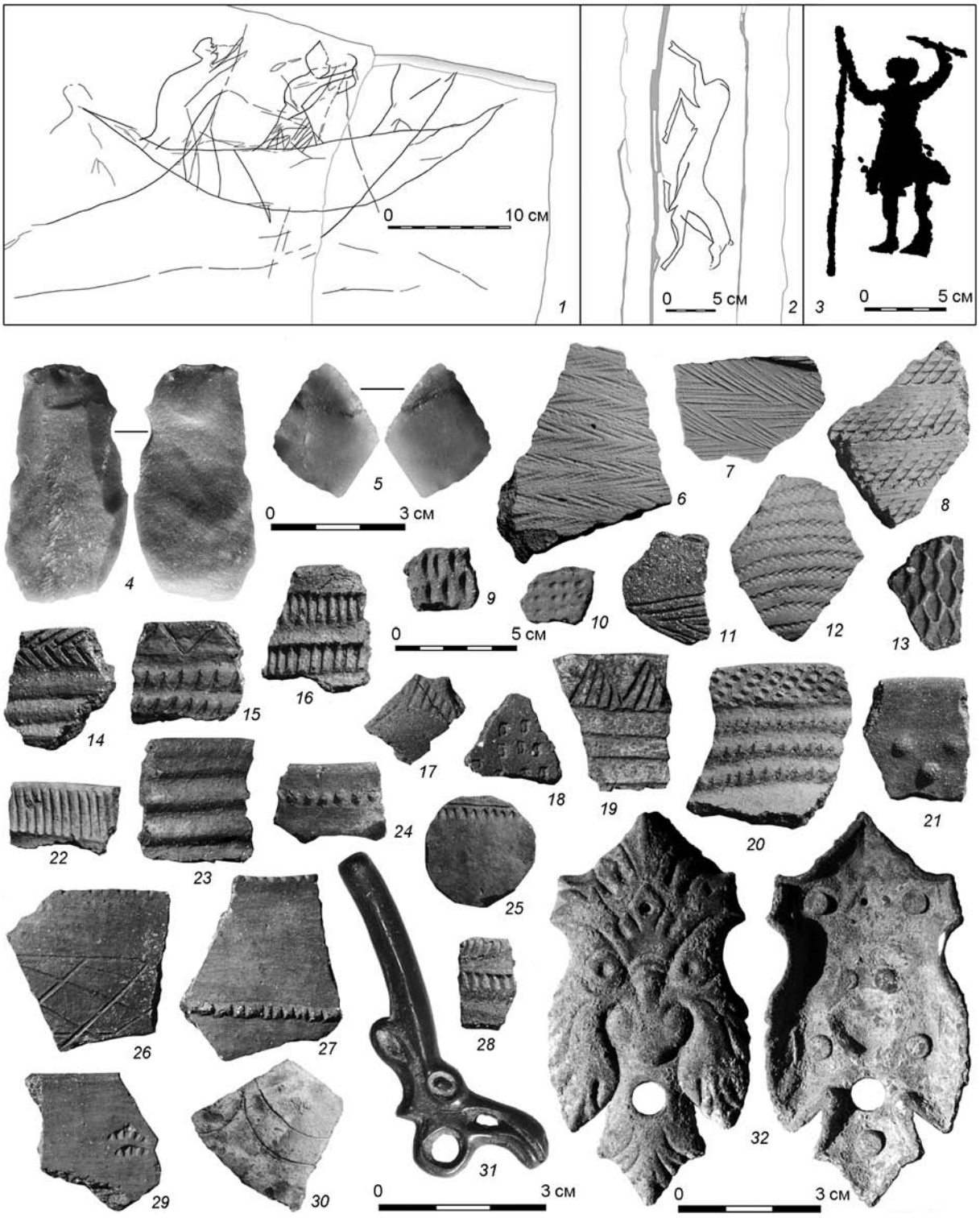


Рис. 2. Археологические памятники горы Туран и в ее окрестностях.

1, 2 – гравировки на плитах оград тагарских курганов; *3* – наскальный рисунок (Туранская писаница); *4–32* – подъемный материал, собранный на размытом поселении к северо-западу от горы.

4, 5 – камень, *6–30* – керамика, *31, 32* – металл.

(рис. 1, *2*). К юго-востоку от этих могильников, у самой линии отступившей на время воды, обнаружен участок, на котором попадались фрагменты керамики; бóльшей частью простые неорнаментированные черепки, однако были и фрагменты венчиков, и орнаментированные (рис. 1, *3–10*). Керамика относится к разным периодам: от начала тагарской культуры до таштыкской (включитель-

но). О том, что это остатки размытого поселения, а не просто принесенная водой керамика из разрушенных погребений, свидетельствуют находки обломков зернотерок и курантов, каменное грузило (?) и лощило (?), а также костяные «пряслица» (рис. 1, *11–14*). Обнаруженный участок, видимо, лишь северная периферия поселения, бóльшая часть которого находится под водой.

Другое поселение находится в 7 км к востоку от первого, на берегу р. Узы, притока Сыды, тоже на затапливаемом участке. Его обнаружил в период спада воды краевед И.И. Ботвич: «городище имеет вал в форме круга диаметром около 180 м ... по всему внутреннему периметру укреплен вкопанными на ребро плитками песчаника, перекрывающими друг друга внахлест, причем через каждые 0,8–1,0 м были перпендикулярно вкопаны плитки, которые торцом упираются во внутренний ряд плиток, выполняя роль контрфорсов и делая конструкцию более прочной. …Внутренняя территория городища усеяна огромным числом фрагментов керамической посуды, обломками каменных зернотерок и костями домашних животных» [2008, с. 38]. Наш осмотр этого объекта показал существование огромного каменного кольца, четко прослеживающегося, но сейчас представляющего собой просто развал плит песчаника. Внутри него действительно очень большое количество подъемного материала. Керамика, в основном, неорнаментированная, а фрагменты венчиков, придонной части, подставок кубков говорят о том же возрасте, что и керамика первого поселения (тагарская/тесинская/таштыкская). Однако были найдены и отличающиеся от основной массы стертый черепок афанасьевского сосуда и фрагмент с «вафельным» орнаментом (рис. 1, *15, 16*). Среди других интересных артефактов: точильные камни, костяные лощило, наконечник стрелы и подвеска, бронзовая бляшка, стеклянная бусина, фрагменты железных изделий, а также большое количество камней со следами обработки и использования (рис. 1, *19–25*).

Гора Туран и территория вокруг нее – место расположения большого количества тагарских могильников с многочисленными изображениями на плитах курганов. Раскопки курганов у северного подножия горы на территории, которая должна была быть затоплена, проводились А.Д. Грачом в 1963–1964 гг. Работы по копированию рисунков на плитах могильников, расположенных и под горой, и в ее внутренней долине, проводились в то же время Д.Г. Савиновым [1976], а в конце 1970-х – начале 1980-х гг. продолжены Б.Н. Пяткиным и Т.В. Николаевой. Именно Б.Н. Пяткин предпринял комплексное изучение памятников Турана: полное копирование всех рисунков на плитах, поиски изображений на скалах, выявление рунических надписей, раскопки нескольких курганов и одного жилища. Петроглифы и рунические надписи на береговых скалах копировал в 1904 г. А.В. Адрианов; после него Туранскую писаницу искали другие исследователи, но найти не смогли. Предположительно она была разрушена каменоломней, и в любом случае потом затоплена водохранилищем. Как оказалось, на склонах Турана в разных местах есть еще много других наскальных рисунков (рис. 2, *3*). Очень перспективно новое документирование изображений на плитах курганов, т.к. современные методы позволяют существенно уточнить детали изображений, особенно гравированных, и выявить новые (рис. 2, *1, 2*). В период сброса воды удалось локализовать местонахождение могильников, раскопанных А.Д. Грачом. Среди занесенных песком разрушенных оград там тоже выявлены многочисленные изображения на плитах. На обнажившейся отмели к югу от могильного поля на очень большой площади отмечено наличие остатков размытого поселения. Здесь собран богатый подъемный материал (рис. 2, *4–32*): огромное количество фрагментов керамики разных периодов (афанасьевской, окуневской, карасукской, тагарской, таштыкской культур и др.); зернотерки целые и в обломках, даже в комплекте с курантами; кремневые пластины и обломок наконечника стрелы; каменные орудия; астрагалы со следами обработки; фрагменты костяных и железных изделий; и мн.др. Большой интерес представляют тагарское бронзовое изделие в виде головки лося (рис. 2, *31*) и необычная бляха в виде стилизованного лица (рис. 2, *32*), датировка которой неясна, но по составу металла (94–98 % цинка, 2–5 % меди)* она скорее всего относится к современности. В целом, комплексное исследование этой территории позволяет соотносить разные виды источников по одной эпохе, заставляет искать «отсутствующие звенья», находить дополнительные подтверждения либо опровержения той или иной атрибуции, в частности наскальных рисунков и т.д.

*Выражаем благодарность С.В. Хаврину и А.А. Тишкину, осуществившим анализы металла этого изделия, а также многим другим коллегам, принявшим участие в обсуждении атрибуции находки.

Список литературы

Ботвич И.И. Кольцевые городища в долине реки Сыда // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. – Абакан, 2008. – С. 37–39.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / под ред. М.П. Грязнова. – Новосибирск: Наука, 1980. – 168 с.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. – № 3 (63). – Т. 1. – С. 52–64.

Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1976. – С. 57–72.

References

Botvich I.I. Koltsevye gorodishha v doline reki Syda. In *Aktual'nye problemy istoricheskogo kraevedenija v Sibiri*. Abakan, 2008, pp. 37–39 (in Russ.).

Grjaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minjaev S.S., Pshenicyna M.N., Khudjakov J.S. Kompleks arheologicheskih pamjatnikov u gory Tepsej na Enisee / ed. M.P. Grjaznov. Novosibirsk: Nauka, 1980, 168 p. (in Russ.).

Miklashevich E.A., Bove L.L. Issledovanie izobrazhenij na kurgannyh plitah mogil'nikov pod goroj Bychiha. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvenogo universiteta*, 2015, No. 3 (63), vol. 1, pp. 52–64 (in Russ.).

Savinov D.G. K voprosu o hronologii i semantike izobrazhenij na plitah ograd tagarskih kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan). In *Juzhnaja Sibir' v skifo-sarmatskuju epohu*. Kemerovo: State Univ. Press, 1976, pp. 57–72 (in Russ.).

УДК 903.2

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: msnesterova@gmail.com

Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)*

В статье рассмотрены система застройки и принципы организации жилого пространства на поселении кротовской культуры эпохи бронзы Венгерово-2 (Барабинская лесостепь), исследованном на большой площади (1800 м^2). Выявлена двухрядная овальная структура организации поселка. Предложена гипотеза о строительстве домов по заранее намеченному плану, в рамках единого архитектурного ансамбля. За пределами жилых конструкций обнаружен ряд столбовых ям, окружающих поселок. Размеры ям, форма их разреза, расстояние и взаиморасположение позволяют интерпретировать их как следы забора. Выявленная структура имела полифункциональное назначение, но не выполняла военно-защитную функцию.

Ключевые слова: *кротовская культура, забор, котлованы жилищ, структура поселка.*

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova, N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: msnesterova@gmail.com

Features of the Settlement Structure on the Site Vengerovo-2 of the Krotovo Culture (Baraba Forest-Steppe)

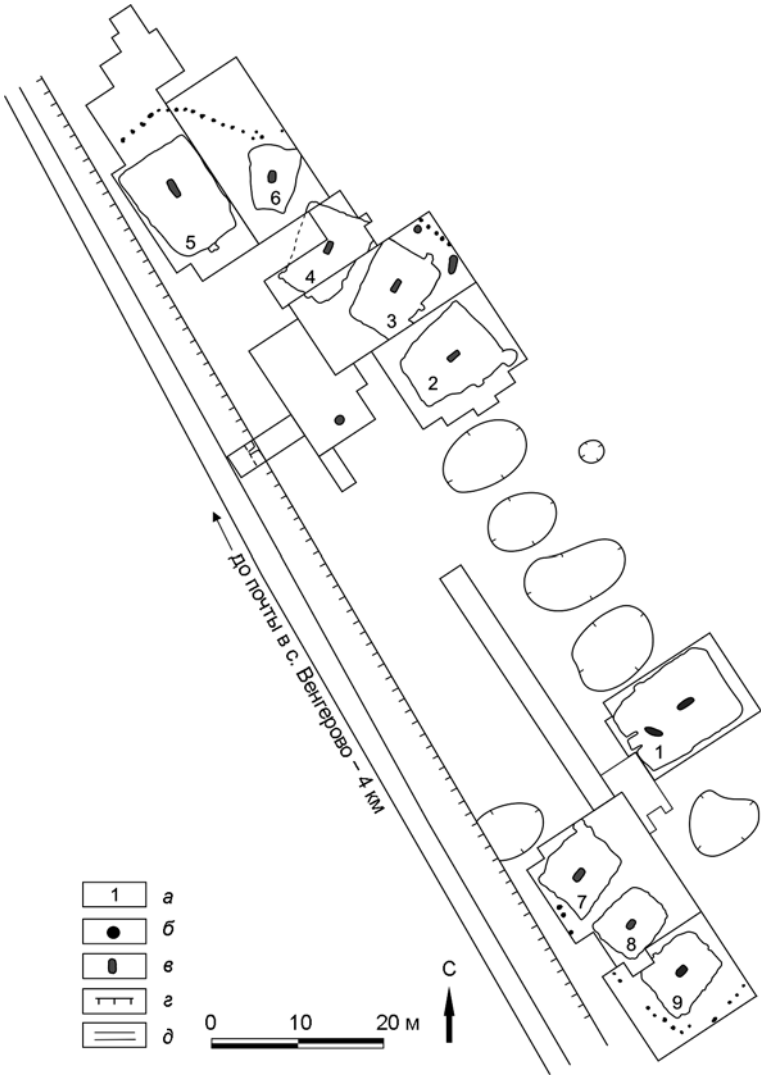
The article describes the construction system and principles of the organization of living space on the Vengerovo-2 settlement of the Krotovo culture, Bronze Age (Baraba forrest-steppe). There was investigated the area of 1800 square meters. It was determined that the settlement had two-row oval structure. It is supposed that the building of houses was held according to prearranged plan as a single architectural ensemble. Outside of dwellings there were found a number of postholes, which surrounds the settlement. Their size, profiles, distance between them and reciprocal position consider that there was a fence. The uncovered construction had multifunctional purpose, but it didn't have protective function.

Keywords: *Krotovo culture, fence, dwelling's ditches, settlement structure.*

Исследование системы застройки и принципов организации жилого пространства в первую очередь требует проведения раскопок на достаточно больших площадях, включающих как жилые и хозяйственные сооружения, так и межжилищное пространство. На поселении Венгерово-2 вскрыто 1800 м^2 площади. Практически полностью исследовано девять жилых комплексов, а также значительная часть межжилищного пространства (см. *рисунок*).

Выявлена двухрядная овальная структура организации поселка. Котлованы жилищ подпрямоугольной и трапециевидной формы располагались двумя параллельными рядами, ориентированными по линии СЗ – ЮВ, вдоль края второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. С северо-западной стороны «улица» замыкалась самым крупным жилищем (№ 5). Котлованы площадью от 48 до 130 м^2 были ориентированы в зависимости от их расположения в овальной структуре поселка (см. *рисунок*). Часть западин первого ряда, ближнего к краю террасы, была практически полностью уничтожена в процессе антропогенного воздействия. Остатки двух конструкций первого ряда обнаружены в 2012 г., три жилища в юго-восточной

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 16-01-18030.



Ситуационный план памятника Венгерово-2 с указанием раскопанных участков.

а – номер котлована жилища; *б* – столбовые ямы, окружающие поселок; *в* – очаги; *г* – край террасы; *д* – Старый Московский тракт.

части поселка – в 2015–2016 гг. (№ 7–9). Котлованы первого ряда по площади практически вдвое меньше жилищ второго ряда, который, вероятно, состоял из десяти котлованов. Пять из них исследованы полностью (№ 1–4, 6).

Входы у конструкций зафиксированы только в двух случаях. У жилища № 1 он был выделен двумя материковыми останцами, направленными внутрь камеры, а у жилища № 5 представлял собой небольшой тамбур. В обоих случаях они обращены внутрь поселка и находятся в торцевой стене камеры. Косвенные данные о расположении входа дает анализ заполнения и степени прокаленности разных участков очага. В жилищах № 4, 6 значительно прокалена северо-западная и северная стенки очажных устройств, в жилищах № 7–9 – юго-западная. Возможно, это связано с расположением входа: распределение воздушных потоков создавало необходимую тягу для поддержания огня и усиливало процессы горения в противоположной от входа части очага. Эта версия подтверждается результатами анализа особенностей очагов в жилищах № 1, 5, где расположение входов известно. Таким образом, можно предположить, что входы во всех конструкциях были обращены к центральной части поселка.

За пределами котлованов построек № 3, 5, 6 был выявлен ряд столбовых ям. Они окружали котлованы с северо-восточной и северной сторон, удаляясь от них на расстояние от 2 до 4 м (см. *рисунок*). В 2015–2016 гг. в противоположной части поселка, с юго-восточной и южной стороны за котлованами № 7–9, на расстоянии 2–3 м от них также обнаружены столбовые ямы. Всего на сегодняшний день исследовано 38 аналогичных по конструкции ям, окружающих поселок.

Большинство столбовых ям диаметром 10–15 см, глубиной 15–30 см имеют прямые или отвесные стенки, конусообразное сужение в нижней части, ровное дно. Расстояние между столбовыми ямами варьирует в пределах 1,0–1,5 м. В некоторых случаях можно предполагать перестройку или подновление столба. В средней части заполнения некоторых ям на глубине около 10 см от уровня материка встречаются фрагменты керамики. Вероятно, это следы забутовки врытого столба. Реконструкция процесса по материалам кротовского поселения Саранин II предложена И.Г. Глушковым и А.П. Бородовским [1988].

Выявленную на поселении Венгерово-2 конструкцию можно считать забором. Однако более детальное его воссоздание носит гипотетический характер.

Забором было обнесено практически все поселение, даже со стороны водоема, о чем говорит наличие столбовых ям у жилищ № 7–9, расположенных у береговой черты. Между рядом столбовых ям и стенками котлованов культурный слой отличался гумусированностью и насыщенно-черным цветом, в нем обнаружено большое количество керамики.

Поселок состоял минимум из 17 построек. Вероятно, еще не менее пяти сооружений на краю террасы не сохранились до нашего времени. Расстояние между ямами забора в северо-западной и юго-вос-

точной частях поселка вдоль края террасы составляет 127 м. Ширина – не менее 40 м. Предполагаемая площадь поселка, учитывая его овальную форму, составляет не менее 3770 м^2.

Соблюдение овальной двухрядной структуры, ориентация построек и их взаиморасположение позволяют предполагать, что дома строились по заранее намеченному плану, как единый архитектурный ансамбль. Из структуры выпадает только сооружение № 6, отличающееся меньшими размерами. Возможно, оно было пристроено позже, об этом говорит и расположение столбовых ям у северной стенки забора: не исключено, что имело место расширение территории поселка с перенесением забора на более удаленное расстояние.

Исследователи уже неоднократно отмечали разнообразие планировки кротовских поселений [Стефанова, 1988, с. 54–55]. Так, поселение Инберень X площадью 15 × 20 м состояло из двухкамерного жилища, окруженного рвом и деревянной оградой [Стефанова, 1985]. На поселении Черноозерье IV общей площадью порядка 300 м^2 исследованы два жилища [Генинг, Стефанова, 1982]. На Черноозерье VI к кротовскому пласту относятся однадве постройки и трапециевидная площадка со рвом площадью около 800 м^2 [Стефанова, 1988, с. 55]. Поселение Саранин II включало четыре жилища, расположенных вдоль террасы на протяжении около 60 м [Глушков, 1984]. На нарушенном могильником эпохи бронзы и Средневековья поселении Преображенка III изучено пять жилищных комплексов [Молодин, 1977, с. 50–51]. Таким образом, только в двух случаях исследователи отметили наличие вокруг поселков ровиков, окружающих постройки и обширные площадки, интерпретируемых как следы изгороди [Стефанова, 1988, с. 54]. Н.К. Стефанова трактует их как загоны для скота [Там же, с. 72]. О.Н. Корочкова считает наличие изгороди, возведенной по периметру поселения, характерной особенностью прииртышских кротовских поселков [2010].

Для ташковской культуры Зауралья, эпохально синхронной кротовской, характерны поселки с круговой или овальной планировкой, площадью от 1 до 3 тыс. м^2 (Ташково II, ЮАО XIII, Иска III и др.) [Ковалева, 1988; Ковалева, Рыжкова, 1999; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000]. Авторы связывают появление подобных поселений с влиянием южного скотоводческого населения и выработкой системы социальной регуляции [Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 80–81], объясняя кольцевую планировку воспроизведением модели Вселенной [Ковалева, Рыжкова, 1999, с. 217].

На наш взгляд, овальная планировка и обнесение забором поселения Венгерово-2 имели полифункциональное назначение. Однако выявленный забор вряд ли мог выполнять военно-защитную функцию. Наиболее вероятным представляется предположение о стойловом содержании скота в зимнее время во внутренней части поселка. Возможно, для этого использовалась площадь между внешними стенками жилищ и забором, которая могла перекрываться навесом, что позволяло защитить животных от осадков и нападения хищников. Этим объясняется насыщенность культурного слоя органикой на данном участке.

Значительный остеологический материал из памятников кротовской культуры позволил одному из авторов сделать вывод о многоотраслевом характере хозяйственной деятельности, основу которой составляло скотоводство [Молодин, 1985, с. 73]. Из домашних копытных встречаются кости лошадей, коров и овец-коз. В остеологической коллекции поселения Венгерово-2 также существенное место занимают кости овцы-козы и лошади (определения выполнены канд. биол. наук С.К. Васильевым). Существование придомного стойлового скотоводства отмечено и для синхронных ташковской [Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 79] и елунинской культур [Грушин, 2008, с. 25].

Таким образом, на сегодняшний день памятник Венгерово-2 – крупнейший изученный раскопками поселок кротовской культуры, отличающийся овальной планировкой и наличием забора. Наличие подобных сооружений свидетельствует о достаточно высокой социальной организации общества, поскольку их единовременное возведение представляет собой весьма трудоемкий процесс [Борзунов, 2011, с. 225].

Список литературы

Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – Вып. 9. – С. 170–238.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 53–64.

Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1984. – С. 33–57.

Глушков И.Г., Бородовский А.П. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1988. – С. 26–41.

Грушин С.П. Поселение Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2008. – № 4/2. – С. 22–35.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 29–47.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В. Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притоболье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. – С. 216–219.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское Озеро XIII. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 160 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралюриздат, 2010. – 103 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 168 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 54–62.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 53–75.

References

Borzunov V.A. U istokov oboronnogo zodchestva severa Evrazii: problema neoliticheskikh ukreplenii Zapadnoi Sibiri. In *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State Univ. Press, 2011, iss. 9, pp. 170–238 (in Russ.).

Gening V.F., Stefanova N.K. Chernoozer'e IV – poselenie krotovskoi kul'tury. In *Arkheologicheskie issledovaniya severa Evrazii*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1982, pp. 53–64 (in Russ.).

Glushkov I.G. Krotovskaya kul'tura na Irtyshe (po materialam poseleniya Saranin II). In *Problemy etnicheskoi istorii tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Omsk: State Univ. Press, 1984, pp. 33–57 (in Russ.).

Glushkov I.G., Borodovskii A.P. Khozyaistvenno-bytovye kompleksy poseleniya Saranin II (rekonstruktivnaya model'). In *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy drevnei istorii Zapadnoi Sibiri*. Tobol'sk: State Ped. Institute Press, 1988, pp. 26–41 (in Russ.).

Grushin S.P. Poselenie Berezovaya Luka: rekonstruktsiya sistemy zhizneobespecheniya. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, No. 4/2, pp. 22–35 (in Russ.).

Korochkova O.N. Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu pozdnei bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ya). Ekaterinburg: Uralyurizdat, 2010, 103 p. (in Russ.).

Kovaleva V.T. Tashkovskaya kul'tura rannego bronzovogo veka Nizhnego Pritobol'ya. In *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988, pp. 29–47 (in Russ.).

Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V. Poseleniya s kol'tsevoi planirovkoi v Nizhnem Pritobol'e (tashkovskaya kul'tura). In *Kompleksnye obshchestva Tsentral'noi Evrazii v 3–1 tys. do n.e.: regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modelei*. Chelyabinsk: State Univ. Press, 1999, pp. 216–219 (in Russ.).

Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V., Shamanaev A.V. Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe Ozero XIII. Yekaterinburg: Ural State Univ. Press, 2000, 160 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 168 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russ.).

Stefanova N.K. Novyi pamyatnik krotovskoi kul'tury na Irtyshe. In *Arkheologicheskie issledovaniya v raionakh novostroek Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 54–62 (in Russ.).

Stefanova N.K. Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e. In *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri.* Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988, pp. 53–75 (in Russ.).

УДК 903.2

В.И. Молодин[1, 2], Л.Н. Мыльникова[1, 2], М.С. Нестерова[1], Н.С. Ефремова[1], К.А. Борзых[1, 2], Д.В. Селин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: msnesterova@gmail.com

Поселение кротовской культуры Венгерово-2: новые открытия*

В 2016 г. на памятнике Венгерово-2 исследованы котлованы двух жилищ эпохи развитой бронзы. Жилище № 4 имеет площадь около 127 м^2, № 9 – 67 м^2; оба строения трапециевидной формы, ориентированы длинными сторонами по линии СВ – ЮЗ. Очаги подпрямоугольной формы расположены в центре котлованов. Морфологически они идентичны объектам, изученным ранее на поселении. Отмечено своеобразие очага из жилища № 4, обусловленное структурой заполнения и большим количеством находок в нем. В ходе исследования были обнаружены изделия из фрагментов керамики, керамические «фишки» – фигурки водоплавающих птиц, погремушка в виде головки медведя.

Ключевые слова: *эпоха развитой бронзы, кротовская культура, Барабинская лесостепь, котлованы жилищ.*

V.I. Molodin[1, 2], L.N. Mylnikova[1, 2], M.S. Nesterova[1], N.S. Efremova[1], K.A. Borzykh[1, 2], D.V. Selin[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: msnesterova@gmail.com

The Settlement Vengerovo-2 of the Krotovo Culture: New Data

During 2016 field-season there were investigated two dwelling's pits of the Middle Bronze Age on the site Vengerovo-2. Dwelling No. 4 has an area of about 127 sq. m, No. 9 – about 67 sq. m, both dwellings are trapezoidal in shape, and the long sides of the dwellings are oriented northeast-southwest. In the center of the pits rectangular hearths are located. Morphologically they are identical to the objects which have been studied previously on the settlement. The hearth from the dwelling No. 4 is remarkable because of the filling composition and a large number of findings in it. During the investigation there were found ceramic fragments, figured ceramic "dibs" in the shape of waterfowl, the rattle crafted as bear's head.

Keywords: *the Middle Bronze Age, Krotovo culture, Baraba forest-steppe, dwelling's pits.*

Изучение поселения кротовской культуры Венгерово-2 велось в южной и центральной частях памятника. В результате работ 2016 г. вскрыта площадь 377,5 м^2. Исследовано жилище № 9, завершены раскопки сооружения № 4 (рис. 1, *1, 2*), а также участка межжилищного пространства в центре древнего поселка.

Котлованы жилищ трапециевидной формы ориентированы длинными сторонами по линии СВ – ЮЗ. Стенки наклонены к полу, углублены в материк на 0,05–0,28 м. Южная (жилище № 9) и северная (жилище № 4) стенки шире противоположных почти на 1 м. Пол относительно ровный, с некоторым понижением к центру котлована. Размеры жилища № 4 – 127 м^2, жилища № 9 – 67 м^2. Как и в исследованных ранее котлованах, столбовые ямы диаметром 0,15–0,30 м и глубиной 0,15–0,37 м находились внутри конструкции, располагаясь двумя рядами. Впервые на материалах котлована № 9 зафиксированы следы перестройки: южная стенка (точнее, ее часть) была отодвинута на 1 м, в результате чего образовались «материковые нары».

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

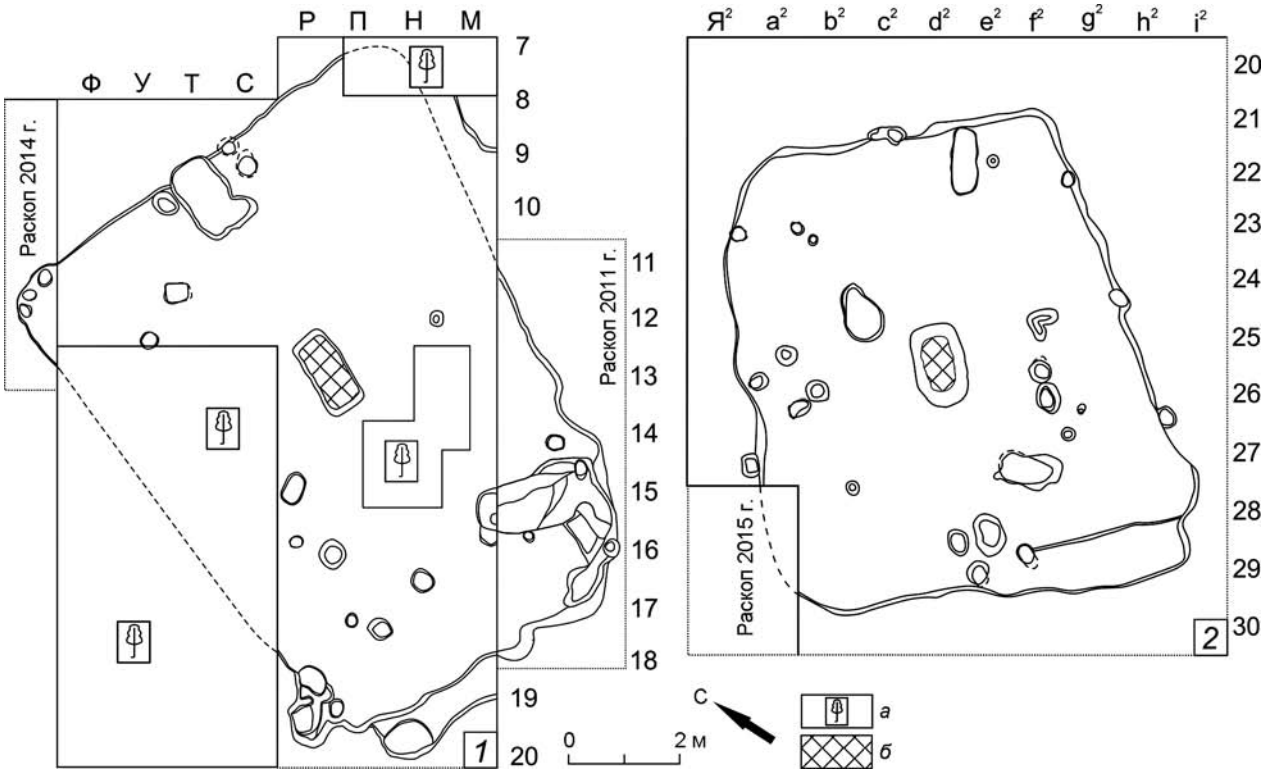


Рис. 1. Планы котлованов жилищ на поселении Венгерово-2.
1 – котлован жилища № 4; *2* – котлован жилища № 9.
а – нераскопанные участки, занятые деревьями; *б* – очаги.

Очаги в исследованных жилищах располагались в центре котлованов. Объекты разбирались горизонтами по 3–5 см. Кроме того, была выполнена промывка грунта, что позволило существенно увеличить количество обнаруженных кальцинированных костей животных и рыбы, в т.ч. определимых до вида.

Очаг в жилище № 9 представлял собой подпрямоугольную яму со скругленными углами, размерами 1,47 × 0,92 м. Мощность заполнения очага, включая прокаленный слой, достигает 0,35 м. Продольный стратиграфический разрез и погоризонтная выборка позволили установить следующие особенности функционирования объекта. Верхняя часть заполнения, вероятно, связана с обрушившейся кровлей жилища (либо очаг был засыпан специально). Уровень, на котором разводили и постоянно поддерживали огонь, находился на глубине около 0,15 м; с этим же горизонтом связаны находки из заполнения очага (ножевидная пластина, чешуйка, лощила и абразивы на фрагментах керамики, глиняные «лепешки», «фишки», керамические шарики и их обломки). В центральной части очага фиксируется участок, связанный с максимально интенсивными и длительными процессами горения, что обусловило появление насыщенной углистой линзы и формирование на дне очага слоя спекшейся прокаленной глины. Мешанный, неоднородный характер нижней части заполнения объекта с включением прокаленных участков и фрагментированных кальцинированных костей свидетельствует о периодической чистке очага. Вероятно, золу выгребали в специальную околоочажную яму. Дальнейшее использование золы могло быть связано с ее химическими свойствами. В этнографической литературе имеются свидетельства применения золы/щелока для обработки шкур [Курбатов, 1997], а также в медицинских и гигиенических целях (см., напр.: [Кадырова, 2004; Ермакова, Повод, 2007]).

Очаг в жилище № 4 (размеры 1,66 × 0,9 × 0,36 м) морфологически идентичен объектам, изученным ранее на поселении [Нестерова, 2015, с. 11]. Однако особенности его заполнения позволяют ставить вопрос об иной модели функционирования и другом назначении устройства. Речь идет о наличии мощной гомогенной золистой мелкодисперсной прослойки светло-серого цвета (до 0,15 м), а также о формировании в двух противоположных сторонах очага, под золистым слоем, насыщенно-черных углистых линз. Вероятно, эти участки были связаны с процессами горения без доступа кислорода, что привело к отсутствию под ними прокала, тогда как в остальной части очажного устройства

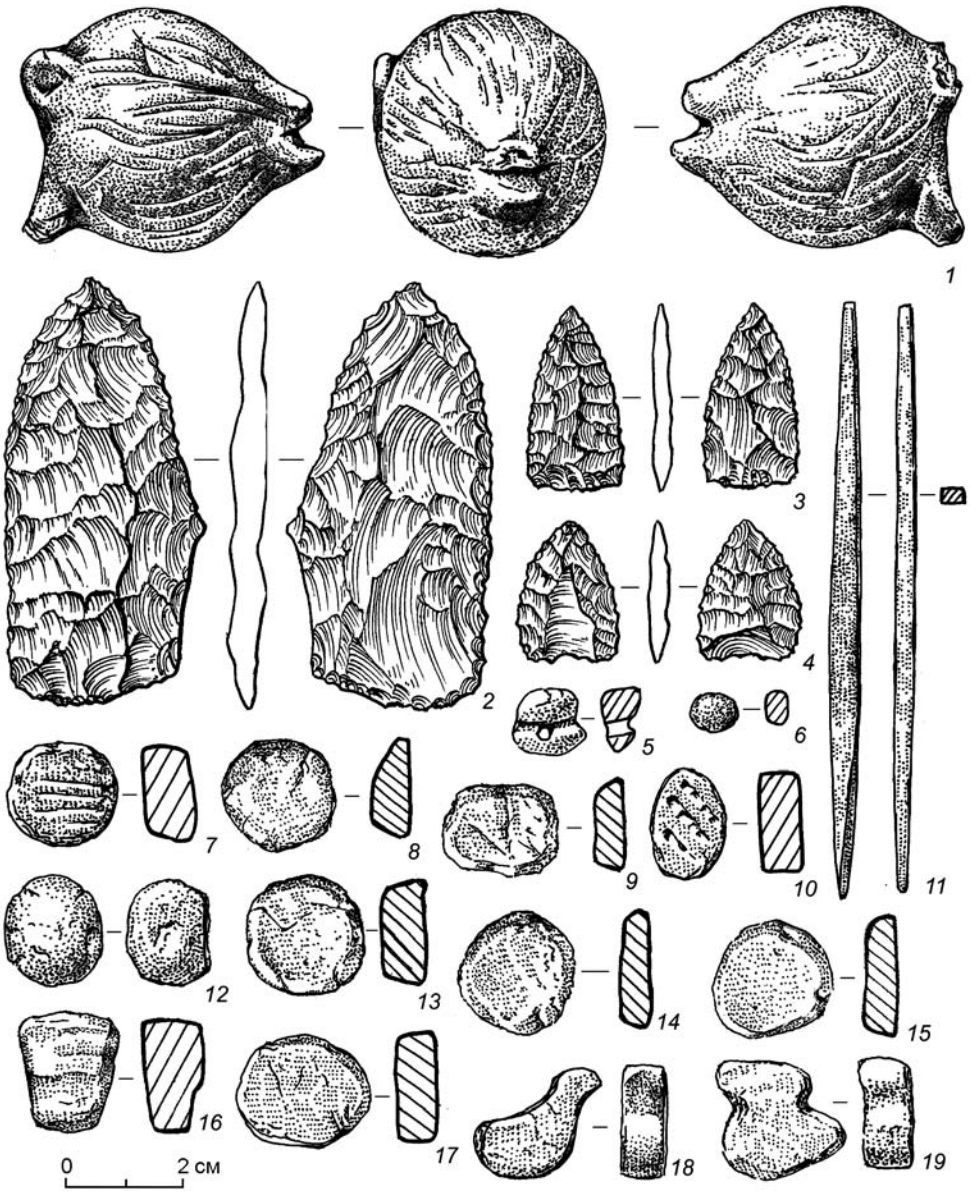


Рис. 2. Находки с поселения Венгерово-2.

1 – погремушка; *2* – нож; *3, 4* – наконечники стрел; *5* – бусина; *6, 12* – шарики; *7–10, 13–17* – «фишки»; *11* – стамеска; *18, 19* – фигурные «фишки».

1, 6–10, 12–19 – глина; *2–5* – камень; *11* – бронза.

мощность прокала достигает 0,10 м. Вероятно, зола из этого очага не убиралась, а намеренно накапливалась. В пользу отсутствия чисток данного теплотехнического устройства говорит и значительное количество находок на уровне горения огня: 2 скола, скребок, 4 литейные формы на фрагментах керамики, 4 «фишки», 18 лощил, 12 керамических шариков, 6 изделий из глины, «лепешка» из глины. Однозначно интерпретировать особенности функционирования объекта пока не представляется возможным. Тем не менее стоит отметить, что очаги с мощными золистыми линзами и кальцинированной костной массой часто связывают с медеплавильными операциями. Например, подобные устройства были изучены на поселении Горный [Каргалы, 2002, с. 71–83].

Основными находками на всех поселениях кротовской культуры являются фрагменты керамики, изделия из стенок сосудов, каменные орудия (рис. 2, *1–19*). В котловане жилища № 4 основная часть фрагментов керамики была сосредоточена с северной и восточной сторон очага, а также в юго-восточной и южной части жилища. Керамический комплекс отражает характерные для памятника орнаменты.

В котловане № 9 фрагменты керамики большими скоплениями располагались в северной и северо-западной частях жилища. Особый интерес

представляет скопление (объект 6) в северном углу жилища, состоящее из фрагментов от 4–5 сосудов. Организация орнамента, отмеченная на некоторых из них, ранее не фиксировалась на поселении.

В данном скоплении найдена погремушка – головка медвежонка, вылепленная из глины. Изображение головы передано реалистично, с некоторой долей стилизации (рис. 2, *1*). Четко проработана открытая пасть зверя, округлые ушки, глаза намечены короткими штрихами. В кротовской манере обработки поверхности сосудов по всей площади погремушки нанесены расчесы зубчатым инструментом, имитирующие, вероятно, шерсть животного. Внутри изделия находятся камушки или глиняные шарики. На месте шеи налепом выполнена миниатюрная рукоять. Изделие до сих пор издает соответствующие звуки.

Находки погремушек – явление известное, но достаточно редкое. Наиболее древним из изученных на сегодняшний день предметов является глиняная погремушка из второго неолитического святилища у с. Вознесенского (малышевская культура) на р. Амуре [Медведев, 2005, рис. 11, 12]. По мнению В.Е. Медведева, функция изделия была ритуальной [Там же, с. 48]. В Сургутском краеведческом музее хранится погремушка калинкинской культуры из селища Моховая-83, датируемая VI (V)–III вв. до н.э. Изделие имеет ромбовидную в плане форму и округлое поперечное сечение. Внутри находятся восемь округлых глиняных шариков [Сургутский краеведческий музей…, 2011, с. 39, фото 71].

Для эпохи бронзы Сибири погремушка из глины, демонстрирующая образ медведя, – явление уникальное. Поражает мастерство древнего скульптора, которому удалось создать настоящее художественное произведение с элементами реализма и стилизации в передаче персонажа. Следует подчеркнуть, что образ медведя был сакральным у носителей западносибирских культур эпохи бронзы, что особенно проявилось в пластическом и декоративно-прикладном искусстве одиновской культуры, близкой кротовской по хронологии и территории распространения [Молодин, 2012].

Как и ранее, в жилищах № 4, 9 представлена коллекция изделий, выполненных из фрагментов керамики. Можно выделить несколько основных категорий: диски, овалы диаметром от 1,5 до 11,0 см, бруски подпрямоугольной и подквадратной формы, пряслица, абразивы, лощила, литейные формы (рис. 2, *6–10, 12–17*). В жилище № 9 среди подобных изделий найдены две фигурные «фишки», изображающие водоплавающих птиц (рис. 2, *18, 19*). Подобные изделия известны на памятниках Урала эпохи неолита – бронзы [Сериков, 2007, рис. 5, *7, 8*].

Большое значение имеет находка в межжилищном пространстве у котлована № 9 бронзового изделия – стамески (рис. 2, *11*), используемой обычно для мелких работ (прорезание отверстий, резьба по кости и дереву [Мыльников, 1999, с. 23]). Это второе изделие из металла, обнаруженное на памятнике.

Каменный инвентарь представлен как отходами производства (отщепы, чешуйки, сколы), так и немногочисленными орудиями (ножевидные пластины со следами вторичной обработки и утилитарной ретушью, скребки, наконечники стрел, нож с бифасиальной обработкой). Среди каменных изделий присутствует бусина со следами разнонаправленного сверления (рис. 2, *5*). В целом подобный состав каменного инвентаря является типичным как для поселений, так и для могильников кротовской культуры [Стефанова, 1988; Молодин, Гришин, 2016].

Таким образом, полученные материалы пополнили коллекцию предметов кротовской культуры и предоставили новую информацию для ее характеристики и осмысления.

Список литературы

Ермакова Е.Е., Повод Н.А. Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 183–194.

Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2004. – 23 с.

Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология. – 184 с.

Курбатов В.А. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919–1997). – СПб.; Псков, 1997. – Т. I. – С. 367–373.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Нестерова М.С. Очаги в поселенческих комплексах эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 22 с.

Сериков Ю.Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Учен. зап. Нижнетагил. гос. социально-пед. акад. Общественные науки. – Нижний Тагил, 2007. – С. 18–37.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 53–75.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – 152 с.

References

Ermakova E.E., Povod N.A. Traditsii v narodnoi gigiene i meditsine komi yuga Tyumenskoi oblasti. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2007, No.7, pp. 183–194 (in Russ.).

Kadyrova L.M. Narodnye meditsinskie znaniya sibirskikh tatar Omskogo Priirtysh'ya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 2004, 23 p. (in Russ.).

Kargaly. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, vol. II: Gornyi – poselenie epokhi pozdnei bronzy. Topografiya, litologiya, stratigrafiya. Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniya. Otnositel'naya i absolyutnaya khronologiya, 184 p. (in Russ.).

Kurbatov V.A. Dannye etnografii v rekonstruktsii russkogo srednevekovogo kozhevennogo proizvodstva. In *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii. Pamyati V.D. Beletskogo (1919–1997)*. St. Petersburg; Pskov, 1997, vol. I, pp. 367–373 (in Russ.).

Medvedev V.E. Neolithic Cult Centers in the Amur River Valley. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2005, vol. 24, iss. 4, pp. 40–69.

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2012, vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Myl'nikov V.P. Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, 232 p. (in Russ.).

Nesterova M.S. Ochagi v poselencheskikh kompleksakh epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka Zapadnoi Sibiri: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2015, 22 p. (in Russ.).

Serikov Yu.B. Glinyanaya plastika Urala v epokhi neolita – bronzy. *Uchenye zapiski Nizhnetagil'skoi gosudarstvennoi sotsial'no-pedagogicheskoi akademii. Obshchestvennye nauki*. Nizhny Tagil, 2007, pp. 18–37 (in Russ.).

Stefanova N.K. Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e. In *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1988, pp. 53–75 (in Russ.).

Surgutskii kraevedcheskii muzei. Arkheologicheskoe sobranie: katalog. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, 2011, 152 p. (in Russ.).

УДК 902. 2

В.И. Молодин[1, 2], Д.А. Ненахов[1], Д.В. Селин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас)

В последние годы Западносибирским археологическим отрядом в Венгеровском р-не Новосибирской обл. было открыто несколько археологических памятников: Галечное-1, -2, Государево Озеро-1, Юлино-1. Большинство памятников, как впервые открытых, так и ранее известных, находятся в аварийном состоянии вследствие природных и антропогенных воздействий – обрушения берегов, распашки полей, появления проселочных дорог, силосных ям и пр. Результат – потеря интереснейших археологических материалов. Во время полевых работ сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН проводят мониторинг археологических объектов, расположенных близ с. Старый Тартас. В 2014–2016 гг. собран заслуживающий внимания подъемный материал, который дополняет уже имеющийся по Барабинской лесостепи. Анализ найденных изделий позволит расширить и углубить наши представления об археологии Центральной Барабы.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, кротовская культура, байрыкская культура, саргатская культура, большереченская культура.*

V.I. Molodin[1, 2], D.A. Nenakhov[1], D.V. Selin[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Archaeological Monitoring in Vengerovo District of Novosibirsk Region (near the Village Stary Tartas)

In recent years several archaeological sites have been discovered in Vengerovo district of Novosibirsk region by the West Siberian archaeological detachment: Galechnoe-1, -2, Gosudarevo ozero-1, Yulino-1. Most of the sites, newly or previously discovered, are in poor condition due to natural and anthropogenic impacts – caving of shores, ploughing of fields, appearance of country roads and silo pits, etc. And the result of it is the loss of the most interesting archaeological materials. During the field season employees of the Institute of archaeology and ethnography of SB RAS conduct monitoring of the archaeological sites located near the village of Stary Tartas. The material that deserves attention and expands the existent collections from Baraba forest-steppe was collected from the surface during 2014–2016. Found articles enlarge our understanding of the archeology of central Baraba.

Keywords: *Baraba forest-steppe, krotovo culture, bayryk culture, sargat culture, bolsherechye culture.*

Западносибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции уже десятки лет ведутся активные полевые работы в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Ежегодно от местного населения поступают сигналы об археологических находках и новых найденных объектах. Нами проводится необходимый комплекс охранных мероприятий на памятниках и осуществляется мониторинг объектов, значительная часть которых поставлена на учет. На 1998 г. в Венгеровском р-не было зафиксировано более 130 археологических памятников [Молодин, Новиков, 1998, с. 13–64]. Несмотря на многолетние масштабные работы, в данном районе встречаются и ранее не известные памятники. Так, в 2014–2015 гг. были обнаружены новые местонахождения – Галечное-1, -2, Государево Озеро-1, Юлино-1 (рис. 1). В данной работе впервые вводится в научный оборот подъемный материал, полученный на этих объектах.

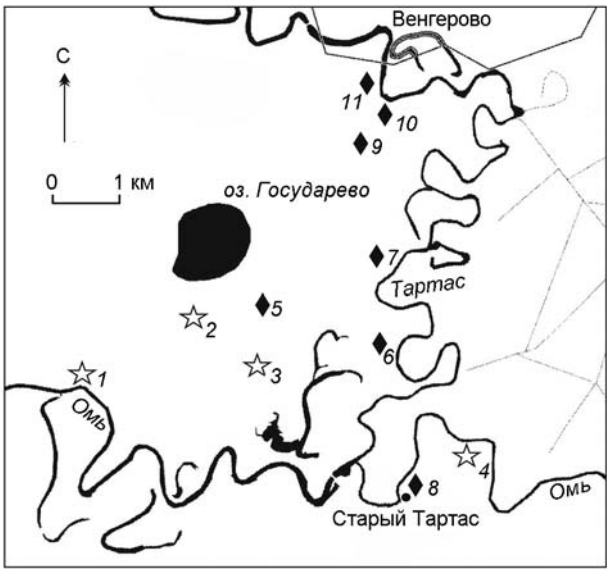


Рис. 1. Карта с указаниями новых памятников в районе с. Старый Тартас.

1 – Галечное-1; *2* – Государево Озеро-1; *3* – Юлино-1; *4* – Старый Тартас-1.

В нынешнем полевом сезоне был продолжен мониторинг поселения Юлино-1, обнаруженного в 2014 г. Оно представлено слабо выраженными западинами, расположенными на правом берегу старицы р. Оми, на второй надпойменной террасе, в 4,5 км к югу от с. Венгерово [Ненахов, Ковыршина, 2014]. Котлованы № 1, 2 продолжают разрушаться проселочной дорогой. Между котлованами в колее были обнаружены обломки каменных изделий и фрагменты керамики. Керамика орнаментирована наклонными рядами крупнозубчатого гребенчатого штампа и чередующимися ямочными

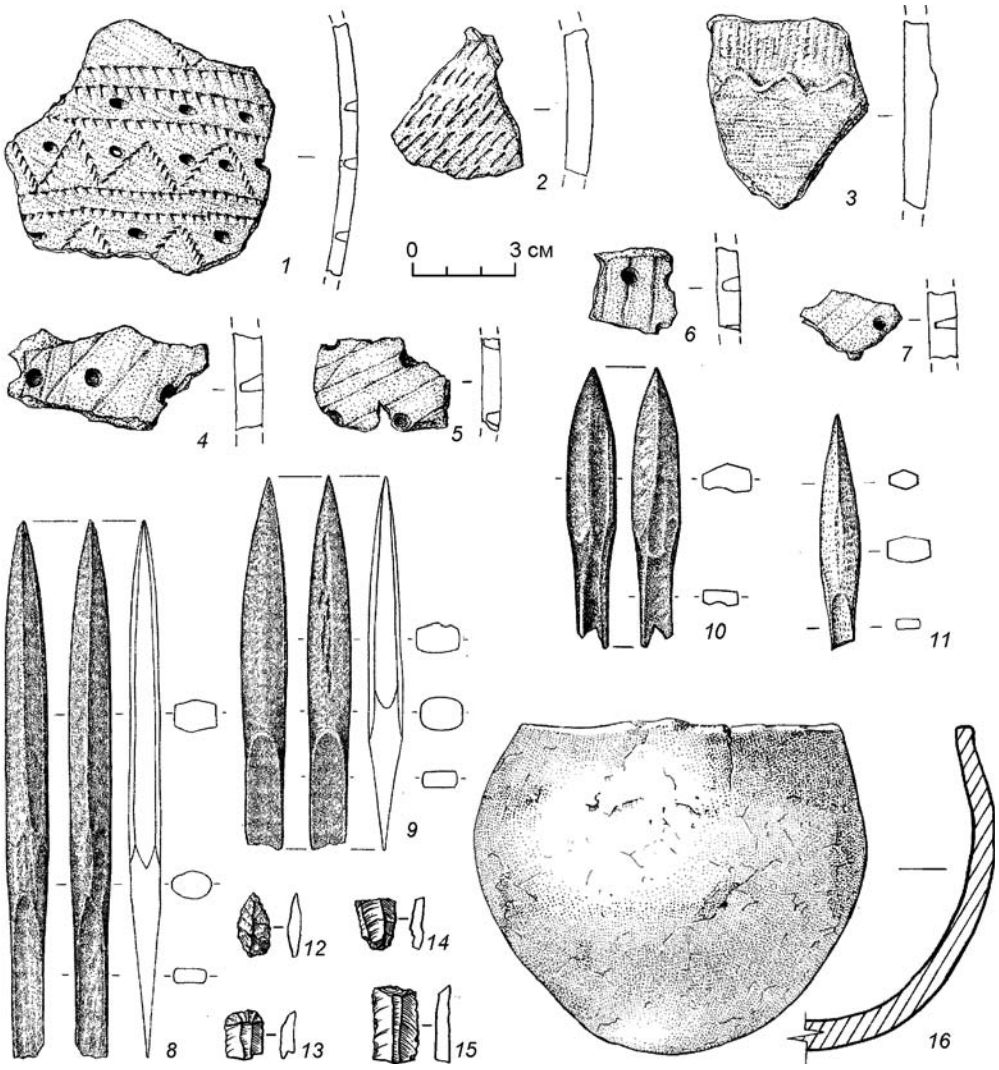


Рис. 2. Материалы памятников Старый Тартас-1, Тартас-1, Юлино-1, Государево Озеро-1.

1–7 – фрагменты керамических сосудов; *8–12* наконечники стрел; *13, 14* – скребки на пластине; *15* – пластина; *16* – сосуд.

1–7, 16 – керамика; *8–11* – кость; *12–15* – камень.

1–3, 11 – Старый Тартас-1; *4–7, 13–15* – Юлино-1; *8–10* – Тартас-1; *12* – подъемный материал с террасы высохшего рукава р. Оми; *16* – Государево Озеро-1.

вдавлениями; на срезах венчиков орнамент нанесен гребенчатым штампом (рис. 2, *4–7*). Каменные орудия представлены обломками ножевидных пластин, концевым скребком на пластине и пр. (рис. 2, *13–15*). Такой предметный набор широко распространен в комплексах эпохи неолита – бронзы Западной Сибири. Ближайшие аналогии прослеживаются на поселении Старый Тартас-5 (ранний комплекс) [Молодин и др., 2013], что позволяет предварительно отнести его к артынской неолитической культуре [Бобров, Марочкин, 2011].

Сама вышеуказанная терраса тоже заслуживает особого внимания. Практически по всей своей протяженности она активно используется для сельскохозяйственных нужд (заготовка сена, кормовые и хлебные поля). Вдоль бывшего русла накатана дорожная колея, в которой периодически на разных участках террасы встречается археологический материал: каменные сколы, отщепы, фрагменты керамики, не поддающиеся точной диагностике. В этом отношении показательна находка листовидного бесчерешкового каменного наконечника стрелы с прямым, слегка скошенным насадом и бифасиальной обработкой (рис. 2, *12*), который был обнаружен на краю данной террасы, в 200 м к востоку от памятника Юлино-1.

Не раз привлекало внимание исследователей и многослойное поселение Старый Тартас-1, расположенное в пойме на левом берегу р. Оми у с. Старый Тартас. Береговая линия террасы интенсивно разрушается вследствие ежегодных паводков [Молодин, Новиков, 1998, с. 56; Молодин, Мыльникова, Гришин, 2005]. При осмотре размытых участков этого поселенческого комплекса (2014–2015 гг.) обнаружены десятки фрагментов керамики, принадлежащей к разным хронологическим периодам. Наиболее представительным материалом является байрыкская и кротовская посуда. К байрыкской культуре относятся более десяти фрагментов стенок сосудов. Элементы орнаментации достаточно разнообразны. Чаще других встречаются неглубокие овальные конические ямки, образующие горизонтальные ряды. Также распространены оттиски крупнозубчатого гребенчатого штампа, нанесенные наклонно и образующие мотив «елочка». Отмечена орнаментация рядами насечек (рис. 2, *1, 2*).

Интересна керамика кротовской культуры. Орнамент нанесен преимущественно гребенчатым штампом в технике «шагания». Отмечены ряды неглубоких овальных вдавлений, один из фрагментов украшен волнистым налепным валиком. Сохранилась часть горловины со скругленным верхним краем, который оформлен короткими насечками (рис. 2, *3*). Еще одна великолепная находка – бронзовый кельт турбинского типа [Молодин и др., 2012]. Также было найдено два пряслица. Керамическое пряслице слегка приплюснутое, округлое в плане, со сквозным отверстием размером 3,6 × 1,4 см. Орнаментировано оно по всей площади небольшими круглыми вдавлениями (рис. 3, *11*). Второе пряслице выполнено из кости животного, также округлое в плане и слегка приплюснуто, размером 4,0 × 1,2 см (рис. 3, *12*). Такие пряслица массово встречаются в материалах раннего железного века, но в целом имеют широкий культурный и хронологический диапазон [Полосьмак, 1987, с. 87].

Среди находок обращает на себя внимание костяной черешковый наконечник стрелы (см. рис. 2, *11*), по своим параметрам напоминающий наконечники кротовской культуры [Молодин, 1985, с. 50–51, рис. 21, *8, 9*]. Ближайшие аналоги встречаются в погребениях кротовской культуры на могильнике Тартас-1 (см. рис. 2, *8–10*) [Молодин, 2005; 2006].

Памятник Галечное-1 обнаружен в 2014 г. Поселение находится на правом берегу р. Оми, на второй надпойменной террасе и оставлено носителями саргатской культуры. Расстояние до с. Венгерово от памятника – 7,5 км, до с. Старый Тартас – 4,76 км, до трассы с. Венгерово – р.п. Чаны – 3,68 км. Поселение находится в аварийном состоянии из-за разрушения культурного слоя грунтовой дорогой и многолетней распашкой поля. В связи с этим достаточно сложно определить его границы; южную границу маркирует береговая линия, а северная, западная и восточная определяются условно отсутствием подъемного материала на пашне. Собранная коллекция представлена костями животных, фрагментами керамики, пряслицами и фрагментами железных предметов. Превалируют фрагменты керамики, относящиеся к саргатской культуре. Горловины сосудов свидетельствуют о том, что емкости имели преимущественно плавно отогнутый наружу верхний скругленный или слегка уплощенный край. Срез горловины нередко орнаментировался насечками и гребенчатым штампом, образующими ряд или мотив сетки. Насечки и оттиски гребенчатого штампа составляют основу орнаментации стенок посуды. Они чаще всего нанесены наклонно и образуют горизонтальные ряды, иногда мотив «елочки». Отмечается наличие округлых конических ямок и «жемчужин», встречающихся как отдельно, так и в сочетании друг с другом (рис. 3, *1–6*). Абсолютные аналоги данной группе керамики известны на территории Барабинской лесостепи, в частности на поселении Ложка-4 [Полосьмак, 1987, с. 46].

К числу находок можно отнести и несколько фрагментов керамических блюд-алтариков. Изделия орнаментированы прочерченной техни-

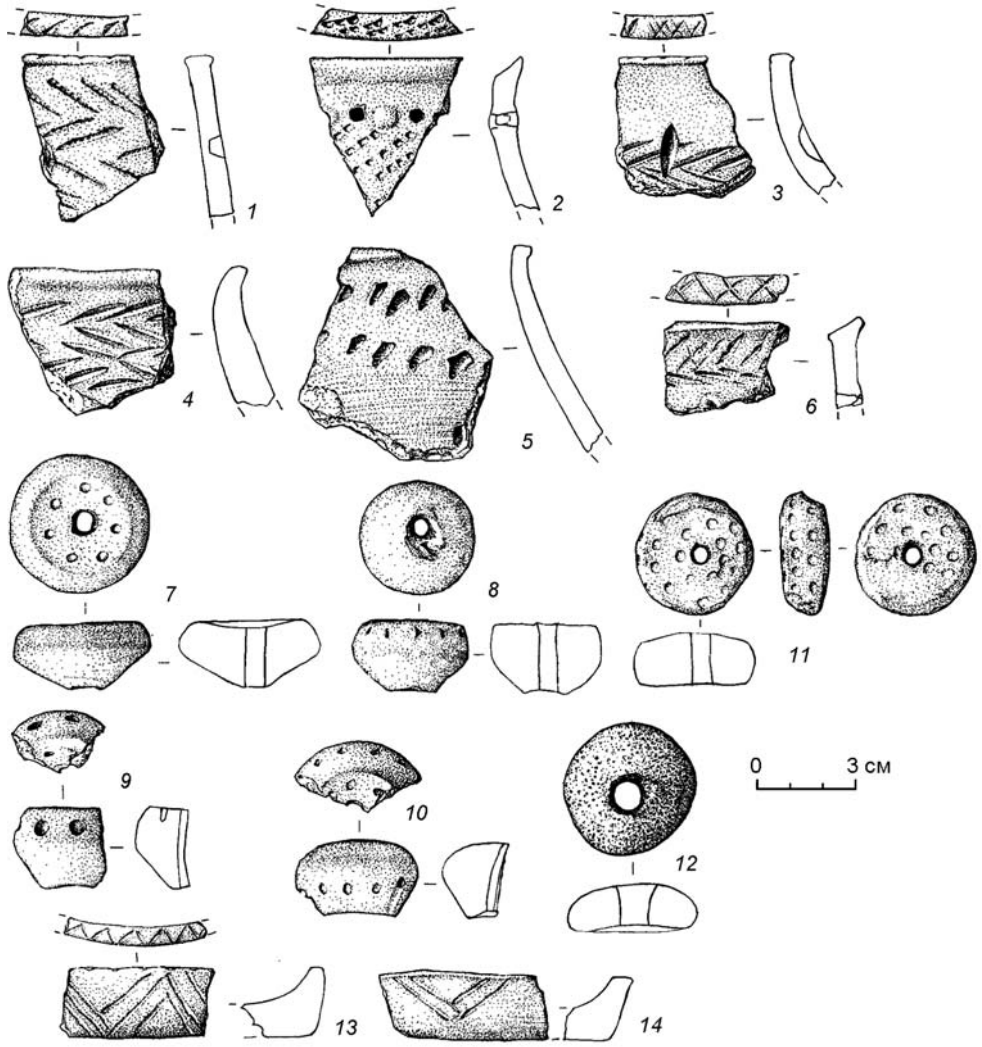


Рис. 3. Материал памятников Галечное-1, Старый Тартас-1.
1–6 – фрагменты керамических сосудов; *7–12* – пряслица; *13, 14* – блюда-алтарики.
1–11, 13–14 – керамика; *12* – кость.
1–10, 13, 14 – Галечное-1; *11, 12* – Старый Тартас-1.

кой. На одном из алтариков орнамент прочерчен в форме зигзага, сверху и снизу дополненного рядом треугольников. На стенке второго изделия также прослеживаются прочерченные треугольники вершиной вниз. У обоих алтариков стенки орнаментированы по всему периметру (рис. 3, *13, 14*). Изделия по форме относятся к типу округлых, подтип – без бортика с округлым дном. Эти предметы прекрасно характеризуют особенности местного производства культур раннего железного века в Барабинской лесостепи [Полосьмак, 1984; 1987, с. 87].

В коллекции присутствуют четыре керамических пряслица. Два из них фрагментированные (рис. 3, *9, 10*), а два целые, хорошей сохранности (рис. 3, *7, 8*). Все четыре изделия имеют в центре сквозное отверстие. Орнамент представлен небольшими круглыми и треугольными вдавлениями. Пряслица по форме напоминают усеченный конус с вогнутым и орнаментированным основанием и уплощенной вершиной. Подобные пряслица в Барабинской лесостепи являются одной из наиболее многочисленных категорий поселенческого и погребального инвентаря для культур раннего железного века (большереченской и саргатской) [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 34; Полосьмак, 1987].

К погребальным комплексам относится памятник Государево Озеро-1. Это одинокий курган, скорее всего, саргатской культуры. Расположен на высокой террасе Государева озера, в 6,52 км к югу от с. Венгерово. Насыпь кургана имеет внушительные размеры: диаметр – 30 м, высота – в среднем 1,70 м. Скорее всего, принадлежал к категории элитных. По периметру насыпи визуально читается углубление наподобие ровика. Центральная часть насыпи обезображена современной

ямой, при сооружении которой был выброшен целый сосуд саргатской культуры (см. рис. 2, *16*). Сложившаяся ситуация требует проведения охранных раскопок на памятнике.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях сезона 2004 г. в Венгеровском районе Новосибирской области: в 2 т. Новосибирск, 2005. Т. I // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях сезона 2005 г. в Венгеровском районе Новосибирской области: в 3 т. Новосибирск, 2006. Т. I // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308.

Молодин В.И., Дураков И.А., Софейков О.В., Ненахов Д.А. Бронзовый кельт турбинского типа из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 226–230.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е. Новые данные по многослойному поселению Старый Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 406–409.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Поселение одиновской культуры Старый Тартас-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 282–287.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1998. – 139 с.

Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н. Поселение эпохи бронзы Юлино-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 244–246.

Полосьмак Н.В. Глиняные блюда саргатской культуры // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология: Тез. докл. II археол. конф. – Кемерово, 1984. – С. 127–128.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaya kul'tura. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda.* St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: IHMC RAS, 2011, vol. 1, pp. 106–108 (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 202 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh sezona 2004 g. v Vengerovskom raione Novosibirskoi oblasti: v 2 t. Novosibirsk, 2005, vol. I. *Arkhiv IAET SB RAS. F. 1. Op. 1. D. 29* (in Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh sezona 2005 g. v Vengerovskom raione Novosibirskoi oblasti: v 3 t. Novosibirsk, 2006, vol. I. *Arkhiv IAET SB RAS. F. 1. Op. 1. D. 308* (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Sofeikov O.V., Nenakhov D.A. Bronzovyi kel't turbinskogo tipa iz Tsentral'noi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 226–230 (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Grishin A.E. Novye dannye po mnogosloinomu poseleniyu Staryi Tartas-1 (Barabinskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, vol. XI, pt. 1, pp. 406–409 (in Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A. Poselenie odinovskoi kul'tury Staryi Tartas-5. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 282–287 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1998, 139 p. (in Russ.).

Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N. Poselenie epokhi bronzy Yulino-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: 2014, vol. XX, pp. 244–246 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Glinyanye blyuda sargatskoi kul'tury. Skifo-sibirskii mir: Iskusstvo i ideologiya. In *Tezisy dokladov Vtoroi arkheologicheskoi konferentsii.* Kemerovo, 1984, pp. 127–128 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 143 pp. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 pp. (in Russ.).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1, 2], Ю.Н. Ненахова[1, 2], Л.Н. Мыльникова[1, 2], И.А. Дураков[1, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Раскопки на памятнике Старый Московский Тракт-3

Западносибирским отрядом в рамках работ по исследованию погребально-поминальных комплексов эпохи неолита раскопана насыпь кург. № 1 объекта культурного наследия Старый Московский Тракт-3. Памятник расположен в 3,48 км на юго-восток от центра с. Венгерово, в березовом лесу. Был разбит раскоп площадью 81 м². В его границах изучено несколько объектов. Один из них оказался остатком межевого столба конца XIX – начала XX в., остальные – ямами. В центральной части раскопа исследовано одно погребение. Захоронение было нарушено еще в древности. Найдены обломки длинных костей и костей черепа. Инвентарь представлен бронзовым наконечником стрелы. По результатам проведенных исследований можно говорить о том, что центральное захоронение и само курганное сооружение относятся к раннему железному веку. Эти объекты находятся на участке поселенческого комплекса более раннего времени, вероятно, эпохи ранней бронзы, к которой и относятся ямы.

Ключевые слова: *Венгеровский р-н, памятник Старый Московский Тракт-3, Западносибирский отряд, эпоха бронзы, ранний железный век.*

V.I. Molodin[1, 2], Y.N. Nenakhova[1, 2], L.N. Mylnikova[1, 2], I.A. Durakov[1, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Excavations on the Site Stary Moskovsky Trakt-3

The mound No. 1 of the object of cultural heritage Stary Moskovsky Trakt-3 was investigated by West Siberian detachment in the frames of the Neolithic burial-memorial complexes finding project. The site is situated in 3.48 km southeast from the center of the village Vengerovo, in a birch forest. The excavation area comes to 81 m². Several objects were studied in its borders. One of them is the boundary post remain of the end of XIX – beginning of the XX centuries, the others are pits. In the central part of the excavation area there was found the burial. It was disturbed in ancient times. There were found fragments of long bones and skull bones. The implements are represented by the bronze arrow point. The results of the research show that the central burial and the mound construction belong to the Early Iron Age. These objects are located in the area of the settlement complex of the earlier time, probably the Early Bronze Age. The pits also are referred to this earlier period.

Keywords: *Vengerovo district, the site Stary Moskovsky Trakt-3, West Siberian detachment, Bronze Age, Early Iron Age.*

В рамках поиска погребально-поминальных комплексов эпохи неолита Западносибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН исследована насыпь кург. № 1 памятника Старый Московский Тракт-3, расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл.

Памятник открыт В.И. Молодиным в 1997 г. Была зафиксирована одиночная насыпь в березовом лесу, в 80 м к северо-западу от края второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. Насыпь представляла собой уплощенный холм диаметром 10 м и высотой 20–25 см от уровня современной поверхности, окруженный по пери-

метру небольшим (~ 1,5 м длиной) ровиком глубиной не более 10 см [Молодин, Новиков, 1998, с. 54]. В 2002 г. этот объект культурного наследия был включен в список памятников археологии Новосибирской обл. как памятник местного (регионального) значения. Поселение осматривалось сотрудниками НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл. Д.Е. Ануфриевым (2005 г.), А.О. Князевым (2010 г.), а также начальником отдела археологии НПЦ В.А. Суминым (2014 г.). Последним были проведены осмотр, сверка имеющейся документации с современным состоянием, уточнение местоположения с использованием спутниковой навигации, топографическая съемка и фотодокументирование. По уточненным данным, памятник расположен в 3,48 км на юго-восток от центра с. Венгерово, на пологом северо-восточном склоне второй надпойменной террасы р. Тартас, в 1,67 км на северо-восток от автомобильного моста через р. Тартас, в 49 м к северо-востоку от насыпной грунтовой автодороги (Старый Московский тракт), в березовом лесу [Сумин, 2015, с. 1]. В.А. Суминым отмечено, что в настоящее время ровик, ранее зафиксированный вокруг насыпи № 1, не прослеживается, сама же насыпь имеет овальную форму, размеры 9,41 × 8,78 м и высоту 0,35 м. В 75 м на северо-восток от нее зафиксировано еще два аналогичных сооружения. Площадь выявленного объекта культурного наследия составляет 2344,59 м² [Там же, с. 14]. Подъемного материала ни в 1997, ни в 2014 г. обнаружено не было, датировка и культурная принадлежность памятника оставались не ясными.

Памятник исследовался как составляющая археологического комплекса Венгерово-2 и находится с ним в единой сетке условных координат. Визуально курганный холм читался достаточно четко. Данная территория оказалась сильно залесена, что в некоторой степени осложнило раскопки. Был разбит раскоп общей площадью 81 м^2, по возможности максимально включающий насыпь кургана и захватывающий пространство вокруг него.

За методическую основу раскопок данного объекта были приняты общие правила исследования памятников курганного типа. Территория, на которой проводились работы, была поделена на четыре сектора системой из двух бровок. Для более тщательного изучения и фиксации материала раскоп был поделен на квадраты размером 1 × 1 м (рис. 1).

В стратиграфическом отношении показательна бровка по линии СЗ – ЮВ, которая дает полное представление о формировании насыпи. Современная поверхность – дерново-гумусированный слой, нарушенный в нескольких местах антропогенным воздействием. Дерн подстилал слой гумусированной пестрой темно-серой (светло-серой с белесо-серым оттенком) супеси. Под ним прослеживался слой пестрой мешаной темно-серой, светло-серой с белесо-серыми линзочками супеси (непосредственно насыпь кургана). Отчетливо отбивался слой погребенной почвы (плотная белесо-серая супесь), в центральной части раскопа нарушенный захоронением раннего железного века. Заполнение последнего включало пеструю мешаную серо-коричневую, серую с вкраплениями линз черного и белесо-серого цвета супесь. На уровне засыпки погребения, справа и слева, в двух местах отмечены линзы погребенного дерна. Справа, вплотную к линзе находится материковый выкид (мешаная оранжево-серо-желтая супесь). Материк же на данном участке террасы представлен суглинком оранжево-красного цвета.

При разборе насыпи обнаружено несколько орнаментированных фрагментов керамики (рис. 2, *5–8*), позволяющих судить о хронологии культурного слоя, на котором была возведена насыпь.

В границах раскопа зафиксировано и исследовано несколько объектов (см. рис. 1). Объект № 1 представлен небольшим скоплением неорнаментированных фрагментов керамики, обнаруженным после снятия дерна в секторе 2. Скопление залегало в линзе черной супеси, вероятнее всего, возникшей при сформировании лесопосадочной или противопожарной полосы. Фрагменты керамики были явно переотложены.

Объект № 2 расположен в секторе 1. Он был зафиксирован сразу после снятия первого горизонта в виде пятна оранжевого цвета с черным окаймлением: так проявились следы межевого столба конца XIX – начала XX в.

Яма № 1 расположена в секторе 4. На уровне материка фиксировалась в виде пятна округлой формы. Заполнение ямы представлено однородной белесо-серой супесью. После выборки ее размеры составили по верхнему абрису 0,43 × 0,46 м, по нижнему – 0,35 × 0,34 м, глубина от уровня материка – 0,07 м. При зачистке на поверхности пятна найден обломок ножевидной пластины (рис. 2, *4*). Необходимо отметить, что на втором горизонте в кв. $Г_3/28^1$, в непосредственной близости от данной ямы, найден обломок шлифованного изделия (рис. 2, *1*).

Яма № 2 расположена в секторах 2, 3. На уровне материка читалась в виде пятна округлой формы. Заполнение ямы имело многослойную структуру. Яма сложной конфигурации была значительно вытянута по линии СЗ – ЮВ. После выборки размеры ее составили по верхнему абрису 1,83 × 1,82 м. На поверхности пятна в секторе 2, в кв. $Б_3/25^1$, найден каменный скребок (рис. 2, *3*). В процессе

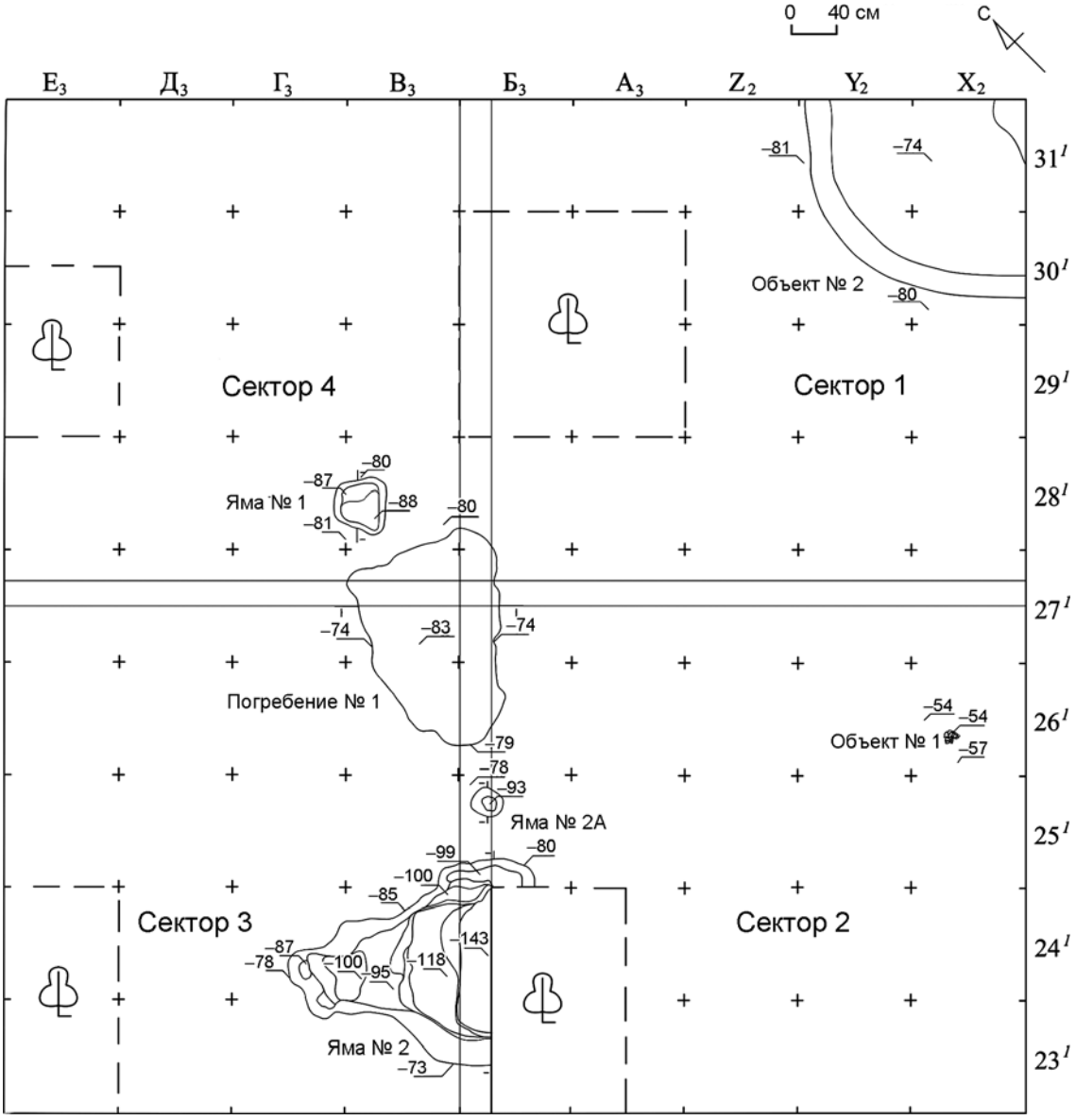


Рис. 1. План раскопа памятника Старый Московский Тракт-3.

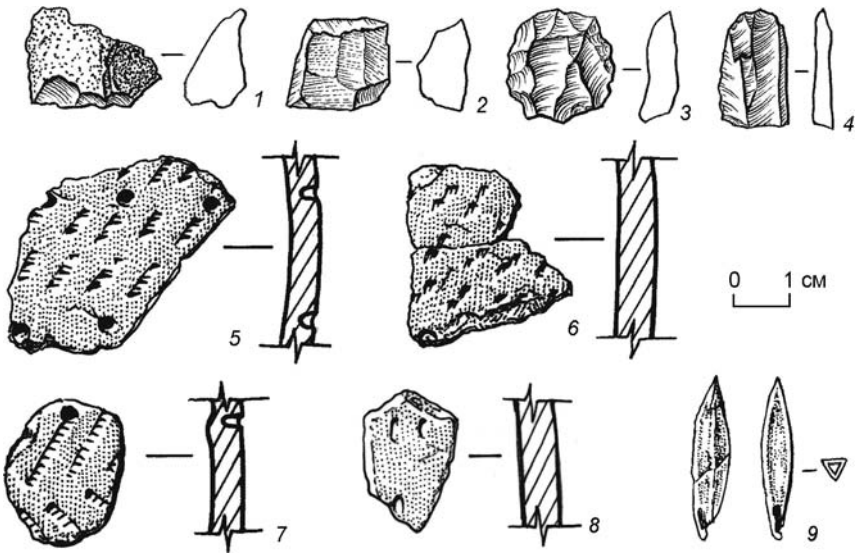


Рис. 2. Находки. Памятник Старый Московский Тракт-3.
1, 2 – обломки шлифованных изделий из камня; *3* – скребок (камень); *4* – ножевидная пластина (камень); *5–8* – фрагменты керамики; *9* – бронзовый наконечник стрелы.

выборки заполнения обнаружено несколько фрагментов неорнаментированной керамики и каменная «чешуйка». Над этим пятном на втором горизонте был обнаружен обломок нуклеуса (рис. 2, *2*). При зачистке периметра данной ямы в кв. $Б_3/25^1$ локализовалось пятно округлой формы, явно относящееся к данному объекту, – яма № 2А. После выборки заполнения (белесо-серая супесь) размеры ее составили по верхнему абрису 0,26 × 0,29 м, по нижнему – 0,13 × 0,12 м, глубина от уровня материка – 0,15 м. По всей видимости, эта яма являлась столбовой.

Погр. № 1 расположено в центральной части раскопа. Пятно овальной формы локализовалось после снятия третьего горизонта и имело размеры 1,04 × 1,78 м. Заполнение могильной ямы представлено в виде мешаной пестрой черно-серой, серо-коричневой супеси с вкраплениями черной и белесо-серой супеси.

После выборки заполнения размер могильной ямы по верхнему абрису составил 1,21 × 1,89 м, по нижнему – 1,09 × 1,82 м. На дне погребения найдены обломки черепа (теменная часть) и длинной кости человека, лежащие в беспорядке. У юго-западной стенки могилы найден фрагмент бронзового наконечника стрелы (рис. 2, *9*). При разборе бровки по линии СЗ – ЮВ в кв. $Г_3/27^1$ на уровне второго горизонта найден осколок длинной кости скелета человека. Очевидно, что данное курганное сооружение относится непосредственно к этому погребению. По найденному инвентарю (например, по фрагменту бронзового наконечника стрелы; рис. 2, *9*) его можно отнести к раннему железному веку. Аналогичные предметы известны на памятниках раннего железного века на территории Среднего Притоболья [Матвеева, 1993, с. 34, 37, 49, 75].

Судя по стратиграфической ситуации, выявленные ямы № 1, 2А не связанны с погр. № 1, а, скорее всего, составляют единое целое с более ранним комплексом, представленным ямой № 2.

Таким образом, в результате проведенных работ можно однозначно говорить о том, что центральное захоронение и само курганное сооружение датируются ранним железным веком и, по всей видимости, принадлежат к саргатской культуре. Погребальный комплекс был сооружен на территории более древнего поселения, которое, судя по керамике и каменному инвентарю, относится к ранней поре бронзового века. Более полно подобные материалы представлены на поселении Венгерово-3, относимом В.И. Молодиным к гребенчато-ямочной культурной традиции (байрыкские комплексы) [Молодин, 1977, с. 43–49]. Вероятно, что это периферия поселенческого комплекса данного времени, распространяющегося к северо-западу от исследованного объекта.

Список литературы

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1993. – 175 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1998. – Вып. 3. – 140 с.

Сумин В.А. Отчет по результатам работ по предварительному определению границы территории объектов археологического наследия в 2015 году. – Новосибирск, 2015.

References

Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na srednem Tobole. Novosibirsk: Nauka, 1993, 175 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 173 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1998, iss. 3, 140 p. (in Russ.).

Sumin V.A. Otchet po rezul'tatam rabot po predvaritel'nomu opredeleniyu granitsy territorii ob'ektov arkheologicheskogo naslediya v 2015 godu. Novosibirsk, 2015 (in Russ.).

УДК 902.2

В.И. Молодин[1, 2, 3], С. Хансен[4], И.А. Дураков[1, 3], С. Райнхольд[4], Л.С. Кобелева[1, 2], Ю.Н. Ненахова[1, 2], Д.А. Ненахов[1], М.С. Демахина[1, 3], Д.В. Селин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
[4]Германский археологический институт
E-mail: idurakov@yandex.ru

Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1*

Публикуются результаты полевых исследований 2016 г. разновременного памятника Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Он включает в себя погребальные, ритуальные и хозяйственные комплексы – от эпохи неолита до позднего Средневековья. Изучено 52 захоронения, относящихся к разным хронологическим периодам: неолиту, ранней, поздней и развитой бронзе, Средневековью. Зафиксирована стратиграфическая ситуация перекрытия могилой андроновской (федоровской) культуры погребения одиновского времени. Для исследованных андроновских (федоровских) погребальных комплексов подтверждаются характерные особенности погребального обряда – взаимосвязь двух устойчивых вариантов погребального ритуала – трупосожжения и трупоположения, иногда сочетающихся в одном захоронении. Отмечено сосуществование двух типов организации сакрального пространства могильника: захоронения, обособленные округлым или полукруглым ровиком, и погребения, расположенные рядами параллельно друг другу. Продолжено изучение ранее выявленного святилища и, возможно, связанного с ним некрополя пахомовской культуры. Зафиксировано два вида поминально-погребальных сооружений этого времени.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха бронзы, погребение, одиновская, андроновская (федоровская), пахомовская культуры.*

V.I. Molodin[1, 2, 3], S. Hansen[4], I.A. Durakov[1, 3], S. Reinhold[4], L.S. Kobeleva[1, 2], Yu.N. Nenakhova[1, 2], D.A. Nenakhov[1], M.S. Demahina[1, 3], D.V. Selin[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State Pedagogical University
[4]German Archaeological Institute
E-mail: idurakov@yandex.ru

Recent Archaeological Discoveries in the Site Tartas-1

The article is devoted to the field results of the multi-chronological site Tartas-1 (Vengerovo district, Novosibirsk region). It includes burial grounds, ritual and settelment complexes from the Neolithic to the Late Medieval Time. In 2016 52 graves of different chronological periods (Neolithic, Early, Middle and Late Bronze Ages and Medieval Time) were excavated. The stratigraphic position of two burials was remarked (overlap of the Andronovo (Fedorovo) culture grave by the Odino culture grave). All studied the Andronovo (Fedorovo) burials confirmed the main features of burial rite which were marked before. It's an inhumation body and cremated bones into the burial pit. Sometimes both burial practices were found in one grave. This year co-existence of two burial area organization types on the site was noted. One group was surrounded by circle or semi-circle moats. Other group was located in parallel rows. The investigation of sanctuary and the burial ground of Pakhomovo Culture possibly related to it was continued this year. The two types of funeral-burial constructions of this culture were studied.

Keywords: *Western Siberia, Bronze Age, burial, Odinovo, Andronovo (Fedorovo) and Pakhomovo cultures.*

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-01-18012е.

В 2016 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно со специалистами Германского археологического института продолжили исследования памятника Тартас-1, расположенного на высокой надпойменной террасе правого берега р. Тартас в 2,5 км от д. Старый Тартас Венгеровского р-на Новосибирской обл.

С момента его открытия прошло 13 лет, за эти годы на объекте вскрыто более 22 тыс. м^2 сплошной площадью и исследовано 690 разновременных захоронений, включающих комплексы практически всех открытых в регионе культур, начиная с неолита и заканчивая поздним Средневековьем.

Исследования 2016 г. велись в центральной части некрополя, а также на восточном и западном краях занимаемой им надпойменной террасы. Изученная площадь составила 2 400 м^2, исследовано 52 захоронения и 190 сопровождающих их ритуальных ям.

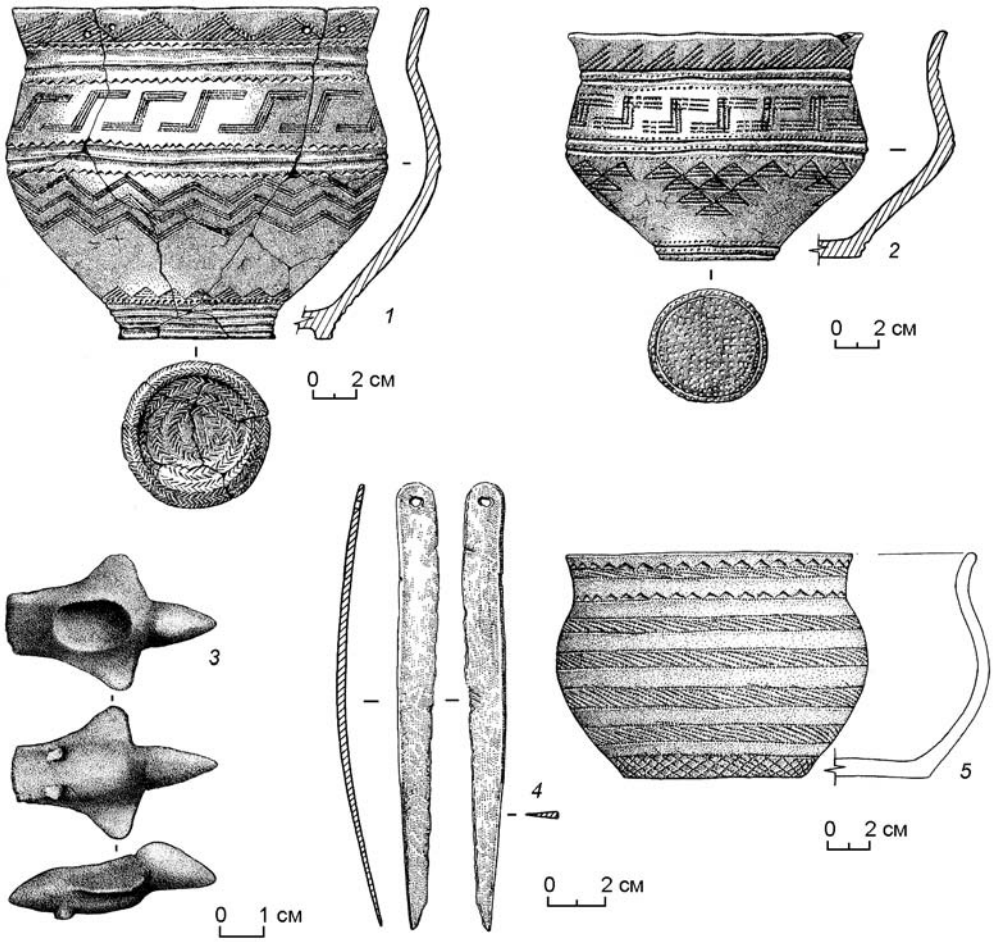
Наиболее древними захоронениями, обнаруженными в 2016 г., являются погребение № 644, культурно-хронологическое определение которого пока затруднено, и захоронение № 661 одиновской культуры. Оба они расположены в северо-восточной части могильника у самого края террасы, в то время как остальные одиновские комплексы тяготеют к ее центральной и западной частям [Молодин, Хансен и др., 2010, с. 263–264]. Из-за выявленной уникальной стратиграфической ситуации особо следует отметить погребение № 661. Зафиксировано, что это захоронение перекрыто могилой № 660 андроновской (федоровской) культуры. Погребенный в одиновской могиле был положен на спину, в вытянутом положении с несколько приподнятой верхней частью туловища. В погребении № 661 обнаружены фрагменты керамического сосуда, пастовая бусина, 2 костяные накладки и одношипный наконечник стрелы. Подобные наконечники характерны для кротовских и одиновских памятников Барабы [Молодин, 2012, с. 149–151, рис. 216–218; Молодин, Гришин, 2016].

Основной массив исследованных за текущей год погребальных комплексов (38 захоронений) относится к андроновской (федоровской) культуре (см. *рисунок*, *1*, *2*). Как и в предыдущие годы, это грунтовые могилы, представленные трупосожжениями и трупоположениями, иногда сочетающимися в одном захоронении (№ 655, 676). Зафиксировано два типа организации погребального пространства. Первый характеризуется ограничением околомогильной площадки сплошным или прерывистым рвом круглой, подовальной или многоугольной формы. Комплексы такого типа чаще всего встречаются в центральной части могильника [Молодин, Ефремова и др., 2013, с. 261–262]. В полевом сезоне 2016 г. данная ситуация зафиксирована на погребально-поминальном комплексе № 13 (погр. № 639).

Второй тип организации сакрального пространства предполагает расположение могил рядами, вытянутыми с юга на север вдоль восточного края занимаемой могильником террасы. Этот способ является для данного памятника основным и неоднократно уже был описан [Там же, с. 262–263].

Выявленным в 2016 г. новшеством можно считать отделение этих рядов от остальной части могильника длинными рвами или цепочкой вытянутых ям. Ситуация прослежена на участке у восточного края террасы, где двумя рядами располагались 10 погребений (погр. № 670–673, 677 и № 676, 678, 686–688). Девять из них были ограблены в древности еще до того, как тела погребенных полностью разложились. В результате часть перемещенных костей конечностей и позвоночника сохранилась в сочленении.

Выявленные следы ограбления однотипны и производились, вероятно, примерно в одно время. Прослеживаются грабительские шурфы в виде прямоугольных вытянутых траншей, пересекающих могилу в районе головы погребенного и выходящих за пределы ее южной стенки. Грабители, по всей видимости, знали о плотном расположении могильных ям и старались одним шурфом пересечь сразу несколько захоронений, что им и удалось в двух случаях (погр. № 672, 673 и 687, 688). Несмотря на сильную степень разрушенности могил в этой части некрополя, получены интересные научные данные. Например, в непосредственной близости от могил № 676 и 678 на уровне материка, в слое с выброшенными из могил мелкими кальцинированными костями трупосожжения, найдено бронзовое изображение птицы (ворон?). Изделие отлито в виде объемной скульптуры, показана округлая головка с мощным клювом и короткие распростертые крылья (см. *рисунок*, *3*). На спине находится овальное углубление, на брюшке маленькими бугорками оформлены лапки. На конце хвоста птицы заметны следы удаленного литника. Литейные швы на изделии отсутствуют, отливка, видимо, выполнена по восковой выплавляемой модели с потерей формы. На это же указывают и хорошо сохранившиеся следы лепки и разглаживания пластичного материала модели. Углубление на спине птицы продавлено большим пальцем руки, в результате чего на ее поверхности остался отпечаток ногтя. Лапки тоже оформлены при помощи ногтевых защипов. Изделие уникально, аналоги его нам неизвестны, эта находка ставит целый комплекс проблем и нуждается в специальном анализе.



Материалы из объектов могильника Тартас-1.

1, 2 – керамические сосуды из погребений андроновской (фёдоровской) культуры; *3* – бронзовое изображение птицы (траншея 279); *4* – бронзовый нож (ППК № 16); *5* – керамический сосуд из погр. № 684 пахомовской культуры.

Продолжено изучение ранее выявленного некрополя пахомовской культуры [Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2014, с. 219–221, рис. 1]. Исследованный в этом году участок содержал 9 захоронений. Зафиксировано два вида поминально-погребальных сооружений этого времени. Первый представляет собой комплекс, сочетающий погребение и ритуальную яму или несколько ям. Подобным образом было оформлено сакральное пространство четырех захоронений, два из них совершены по обряду ингумации (№ 685, 690), два (№ 684, 689) являются кенотафами. Все рассматриваемые комплексы содержали керамику эпохи поздней бронзы (см. *рисунок*, *5*). Этот тип захоронений имеет абсолютные аналогии с материалами расположенного неподалеку от Тартаса-1 могильника Старый Сад.

Второй тип погребально-поминальных комплексов представлял собой сложную систему. Основой его является окружающий два захоронения (№ 674, 675) овальный ров, разомкнутый в восточной части. С севера к комплексу пристроен еще один ров, широкой дугой охватывающий еще одну могильную яму (№ 659). К нему, в свою очередь, примыкает четвертая могила (№ 667), также окруженная дугообразным рвом. Синхронность всего сооружения документируется находкой обломков одного и того же сосуда черкаскульского типа на дне рва основного сооружения и прижатого к нему рва с захоронением № 659. Все найденные здесь погребенные кремированы. Комплекс датируется находкой бронзового ножа из ямы, примыкающей ко рву (см. *рисунок*, *4*). Ранние экземпляры таких ножей найдены на памятниках предскифского и раннескифского времени и датируются периодом не ранее VIII–VI вв. до н.э. [Итина, 1992, с. 41–43, табл. 4, *13, 14*]. Это еще раз подтверждает позднюю дату пахомовских древностей восточного ареала, где они, по сути, относятся уже к переходному времени от бронзы к железу.

Следует отметить, что выявленный пахомовский могильник находится в непосредственной близости от наиболее крупных сооружений святилища, относящегося к этой же культуре [Молодин, Кобелева и др., 2013]. В ходе раскопок прошедше-

го полевого сезона было продолжено исследование этого культового комплекса. На его территории выявлены два теплотехнических сооружения. Они представляют собой округлые ямы диаметром 0,84–0,94 и глубиной 0,33–0,39 м. Их стенки были обмазаны глиной. Вдоль границы объектов четко фиксируется слой прокаленной почвы, толщиной 0,08–0,13 м. В их заполнении обнаружены фрагменты керамики, кости животных, древесный уголь и округлые известковые желваки.

Кроме охарактеризованных выше комплексов также исследованы несколько захоронений периода Средневековья.

Список литературы

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31–46. – (Сер. Археология СССР; т. 10).

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 260–264.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Ковыршина Ю.Н. Погребения пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 219–222.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.Л., Ковыршина Ю.Л., Нестерова М.С. Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–266.

References

Itina M.A. Rannie saki Priaralya. In *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya.* Moscow: Nauka, 1992, 494 p. (Serya: Arkheologiya SSSR; vol. 10) (in Russ.).

Molodin V.I. Pamjatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov odinovskoy kul'tury). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamjatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov krotovskoj kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Kovyrshina Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Nagler A., Myl'nikova L.N., Hansen S. Variativnost' pogrebal'nogo obryada andronovskoy (fedorovskoy) kul'tury na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 260–264 (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Kovyrshina Yu.N. Pogrebenia pakhomovskoy kul'tury na mogil'nike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 219–222 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Myl'nikova L.N., Nagler A., Novikova O.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Solov'ev A.I., Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.L., Nesterova M.S. Tartas-1 – Otkrytiya 2010 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 262–266 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Myl'nikova L.N., Hansen S. Kul'tovye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na mnogosloinom pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 265–269 (in Russ.).

УДК 903.27

В.И. Молодин[1, 2], Д.В. Черемисин[1, 2], К. Кретан[3], Л.В. Зоткина[1, 2], Ж.-М. Женест[4], В.П. Мыльников[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный центр первобытного искусства, Франция
[4]Министерство культуры и коммуникаций Франции
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-французской экспедиции в 2016 году*

В 2016 г. на памятнике Калгутинский рудник были продолжены трасологические и экспериментальные исследования, в результате систематизированы все выделенные трасологические признаки изображений. Для документирования петроглифов применялась макрофотография, прорисовка фигур на прозрачную пленку с использованием лупы с 5-кратным и бинокулярного микроскопа с 20-кратным увеличением. Осуществлено ГИС-картографирование ансамбля петроглифов и фотограмметрия отдельных фигур. Были обнаружены новые изображения, фигуративные и не составляющие определенных фигур линии, в т.ч. гравированная фигура лошади. Также проведены работы по уточнению наиболее значимых, ранее открытых на Укоке изображений, осуществлена их фото- и видеофиксация на современные носители.

Ключевые слова: *петроглифы, трасология, фотограмметрия, макрофотография, Калгутинский рудник.*

V.I. Molodin[1, 2], D.V. Cheremisin[1, 2], C. Cretin[3], L.V. Zotkina[1, 2], J.-M. Geneste[4], V.P. Mylnikov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Center of Prehistory, France
[4]Ministry of Culture and Communications, France
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

The Ukok Plateau Rock Art Research by Russian-French Expedition in 2016

The experimental and traceological researches on the rock art site of Kalgutinsky Rudnik were carried on during 2016. Previous results, including traceological features revealed before on several representations, were systemized. The documenting of petroglyphs assumed macro photo, tracing on transparencies with magnifying glass x5 and binocular microscope x20, and also photogrammetry and GIS technologies. A number of figures and nonfigurative lines were revealed, including an engraved horse. The figures discovered before were precised and captured on photo and video.

Keywords: *petroglyphs, traceology, photogrammetry, macro photo, Kalgutinsky Rudnik.*

Одной из главных целей, которую ставила перед собой российско-французская экспедиция в 2016 г., – подготовка коллективной монографии с рабочим названием «Наскальные изображения Горного Алтая (плато Укок, Россия)». Работа призвана аккумулировать данные, полученные сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН в 1990-е гг. и лишь частично введенные в научный оборот (см.: [Молодин, Черемисин, 1993, 1995, 1997, 2007; Черемисин, Слюсаренко, 1994; Molodin, Cheremisin, 1999, 2002; Молодин и др., 2004; и др.]), а также данные ис-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

следований российско-французской экспедиции памятника Калгутинский рудник в последние четыре года [Черемисин и др., 2014, 2015].

По-прежнему, главным исследовательским полигоном стал памятник Калгутинский рудник, на котором был выявлен древнейший пласт наскальных изображений юга Алтая, отнесенный авторами к концу плейстоцена [Молодин, Черемисин, 1999]. Местонахождение Калгутинский рудник представляет собой скальный массив риолита общей высотой 150 м. Рельеф скальных выходов и их сглаженная поверхность является результатом движения ледника.

Ансамбль был разделен на три участка на основании естественных геоморфологических особенностей объекта: зоны с изображениями представляют собой скальные выходы, отделенные друг от друга естественными впадинами. Каждый участок находится на более высоком ярусе по сравнению с предыдущим. Первый – самый нижний, второй, в центральной части возвышенности, разделен на три ансамбля (2a, 2b, 2c), третий расположен на вершине массива.

В 2016 г. были применены следующие методы. Трасология и эксперимент направлены на изучение особенностей макрорельефа поверхности петроглифов. В ходе работ этого сезона были установлены некоторые новые характеристики линейных следов, обнаруженных на скалах в прошлом году. Была проведена систематизация всех известных на данный момент трасологических признаков, указывающих на применение создателями изображений различных техник и орудий. Кроме того, сопостав-

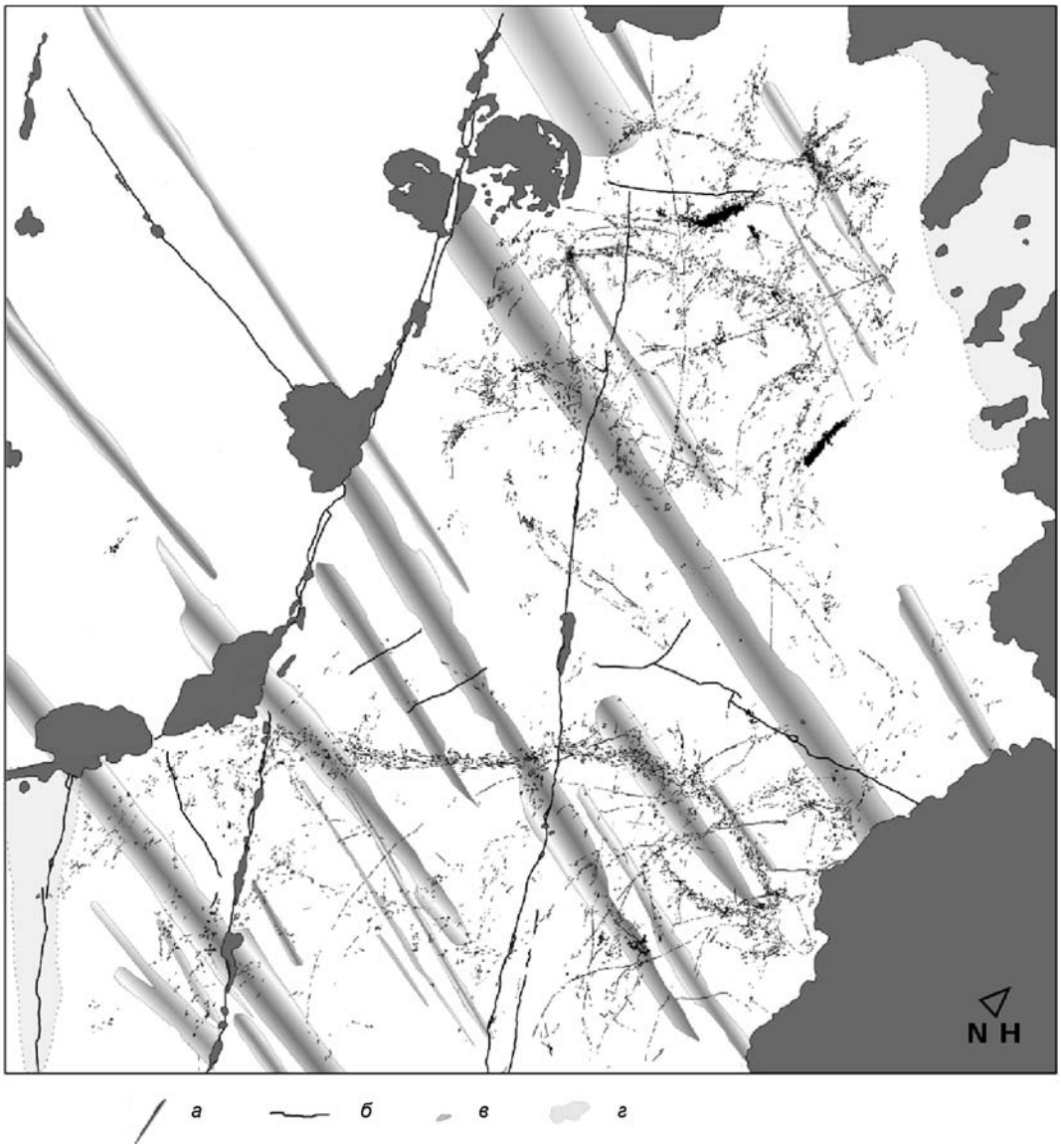


Рис. 1. Прорисовка изображений с участка 1 памятника Калгутинский рудник с учетом естественных изменений скальной поверхности.

а – борозда (углубление в скале), оставленная ледником; *б* – трещина; *в* – лишайники; *г* – зона распространения лишайника.

лялись не только экспериментальные и трасологические данные, но и информация о естественных изменениях скальной поверхности, которые свидетельствуют о специфике ее деградации в результате выветривания.

Для документирования изображений, кроме фотографии общих видов петроглифов, применялась макрофотография. Этот прием позволяет зафиксировать детали в масштабе 1:1, что важно для визуализации трасологических признаков, по которым можно судить об особенностях использовавшихся для создания петроглифов техник и орудий. Прорисовка на прозрачную пленку с использованием лупы с увеличением в 5 раз и бинокулярного микроскопа (со штативом на прорезиненном основании) с увеличением в 20 раз. Эта техника фиксации дает возможность не только показать все детали изображений, но и выявить характеристики, указывающие на использование той или иной техники, например, тонкие линейные следы, не всегда заметные невооруженному глазу.

Фотограмметрия в зависимости от масштаба (общий вид памятника, общий вид изображений, детали изображений) позволяет решать различные исследовательские задачи. Благодаря полученной в прошлые годы трехмерной реконструкции зоны 2 Калгутинского рудника было зафиксировано точное расположение ранее известных и вновь открытых изображений. Фотограмметрия отдельных петроглифов дает представление о контексте, рельефе блоков, на которых они расположены. 3D-реконструкции отдельных деталей позволяют получить информацию о макрорельефе в среднем с точностью до 1 см, что необходимо для сопоставления экспериментальных и археологических данных в контексте технологического исследования. Кроме того, координаты каждого изображения были зафиксированы в системе ГИС, и отмечены на обобщающей схеме.

Зафиксировано современное состояние 42 плоскостей с изображениями, которых было обнаружено в общей сложности ок. 120. Первый участок насчитывает 22 плоскости с 49 изображениями (включая не идентифицированные линии), второй – 13 поверхностей с 33 изображениями, и третий участок – 7 плоскостей с 38 петроглифами.

Калгутинские наскальные изображения, определенные В.И. Молодиным и Д.В. Черемисиным

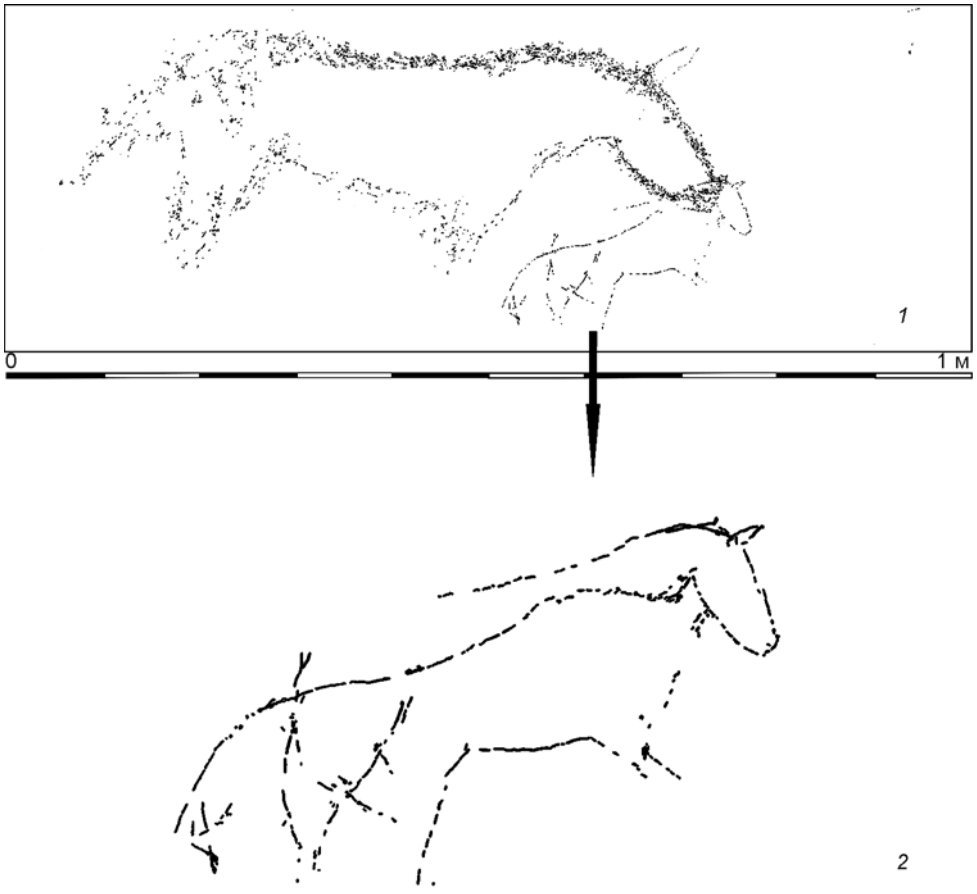


Рис. 2. Прорисовки изображений лошадей с участка 1 памятника Калгутинский рудник.
1 – изображение-«фантом» лошади и гравированное изображение лошади; *2* – гравированное изображение лошади.

[1999] как относящиеся к эпохе плейстоцена, выполненные в своеобразной архаичной манере, расположены следующим образом: 9 на первом участке, 4 – на втором, 1 – на третьем. В ходе обследования местонахождения в 2016 г. были обнаружены новые изображения, а также не фигуративные, неопределимые линии. Особый интерес представляют парциальное изображение лошади, где показаны голова и часть крупа животного, выполненного в технике прошлифовки, в сочетании с гравированными изображениями, в т.ч. фигуры лошади, и разнонаправленными линиями (рис. 1, *1*, *2*). Фиксация сюжета произведена двумя независимыми исследователями, с применением различной аппаратуры, и результаты полностью совпали. Выявленная композиция имеет поразительно близкие аналогии с одним из сюжетов палеолитических изображений на открытых плоскостях памятников ансамбля Фож Коа в Португалии [Baptista, Gomes, 1995, est. XV; Baptista, 1999, p. 60, 85]. С нашей точки зрения, выявленная манера нанесения изображений, равно как и иконографическое сходство, являются дополнительной аргументацией в пользу палеолитического возраста данного пласта Калгутинских рисунков.

В итоге проведенных исследований можно говорить о большом разнообразии петроглифов Калгутинского рудника, как в стилистическом плане (архаичный, скифо-сибирский, схематичный стили), в плане детализации и формального анализа (прерывающиеся и непрерывные контуры, фигуры с анатомическими деталями и без них, силуэтные и контурные, полные и парциальные, схематичные и реалистичные изображения), так и в технологическом плане (пикетаж, гравировка, прошлифовка, сочетание техник). Несмотря на большое разнообразие указанных критериев, именно они позволяют на данном этапе сопоставлять изученные изображения и, в некоторых случаях, выявлять сходства и различия между ними.

При обследовании верхней части горы с рисунками обнаружен небольшой курган, сложенный из крупных валунов. Полы кургана дернованы. По своему положению и конструктивным особенностям курган более всего напоминает древнетюркский, исследованный в 1991 г. Д.Г. Савиновым на могильнике Бертек-34 [Савинов, 1994].

Кроме исследований, проведенных на памятнике Калгутинский рудник, произведены работы по уточнению наиболее значимых, ранее открытых на Укоке изображений, осуществлена их фото- и видеофиксация на современные носители.

При обследовании левого берега р. Музды-Булак, в 900 м от магистральной дороги через Укок, на склоне террасы обнаружено несколько сланцевых валунов с наскальными изображениями, получившими название Музды-Булак III. Хронологически памятник, вероятно, не древнее периода раннего железа.

Авторы считают, что российско-французский коллектив имеет все шансы успешно реализовать задуманный научный проект.

Список литературы

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 256 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Великолепные лошади блестящих скал Алтая // Природа. – 1993. – № 9. – С. 55–61.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Периодизация наскальных изображений плоскогорья Укок (Юго-Западный Алтай) // Наскальное искусство Азии: Тез. докл. междунар. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – Вып. 1. – С. 24–25.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы эпохи бронзы плоскогорья Укок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 247–252.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы Укока // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 91–101.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 104–123.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Х., Кретан К. Исследование петроглифов Калгутинского рудника в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 314–317.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Х., Кретан К., Женест Ж.-М., Деллануа Ж.-Ж., Раванель Л., Делин Ф. Исследование петроглифов Российского Алтая в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 441–445.

Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бертекская писаница // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 49–60.

Baptista A.M. No tempo sem tempo. A arte dos caçadores paleolíticos do Vale do Côa. – Outubro, 1999. – P. 186.

Baptista A.M., Gomes M.V. Arte rupestre do vale do Côa. 1. Canada do Inferno. Primeiras impressões // Dossier Côa. – Porto, 1995. – P. 45–118.

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Old and New Arguments Regarding the Dating and Periodization of Petroglyphs of the Gorno Altay Region // XII Intern. Rock Art Congress. Program. May 23–31, 1999. – Ripon, Wisconsin, 1999. – P. 175–176.

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Les plus anciens pétroglyphes du plateau d`Ukok (Altaï, Russie) et leurs analogies en Asie centrale et en Europe occidentale // L`art Paléolithique à l`Air libre, le paysage modifié par l`image (Tautavel–Campôme, 7–9 octobre 1999). – Carcassone: GAEP&GÉOPRÉ, 2002. – P. 227–233.

References

Baptista A.M. No tempo sem tempo. A arte dos caçadores paleolíticos do Vale do Côa. Outubro, 1999, p. 186.

Baptista A.M., Gomes M.V. Arte rupestre do vale do Côa. 1. Canada do Inferno. Primeiras impressões In *Dossier Côa*. Porto, 1995, pp. 45–118.

Cheremisin D.V., Sljusarenko I.Ju. Bertekskaja pisanica. In *Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny (Gornyj Altaj, ploskogor'e Ukok).* Novosibirsk: Nauka, 1994, pp. 49–60 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Plisson H., Cretin C. Issledovanie petroglifov Kalgutinskogo rudnika v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 314–317 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Plisson H., Cretin C., Geneste J.-M., Delannoy J.-J., Ravanel L., Deline Ph. Issledovanie petroglifov Rossijskogo Altaja v 2015 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 441–445 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Velikolepnye loshadi blestjashhih skal Altaja. In *Priroda*. 1993, No. 9, pp. 55–61 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Periodizacija naskal'nyh izobrazhenij ploskogor'ja Ukok (Jugo-Zapadnyj Altaj). In *Naskal'noe iskusstvo Azii: Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, iss. 1, pp. 24–25 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Petroglify epohi bronzy ploskogor'ja Ukok. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, vol. 3, pp. 247–252 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevnejshie naskal'nye izobrazhenija ploskogor'ja Ukok. Novosibirsk: Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Old and New Arguments Regarding the Dating and Periodization of Petroglyphs of the Gorno Altay Region. In *XII Intern. Rock Art Congress. Program. May 23–31, 1999*. Ripon, Wisconsin, 1999, pp. 175–176.

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Les plus anciens pétroglyphes du plateau d`Ukok (Altaï, Russie) et leurs analogies en Asie centrale et en Europe occidentale. In *L`art Paléolithique à l`Air libre, le paysage modifié par l`image (Tautavel–Campôme, 7–9 octobre 1999)*. Carcassone: GAEP&GÉOPRÉ, 2002, pp. 227–233.

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Petroglify Ukoka. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 4 (32), pp. 91–101 (in Russ.).

Molodin V.I., Polos'mak N.V., Novikov A.V., Bogdanov E.S., Sljusarenko I.Ju., Cheremisin D.V. Arheologicheskie pamjatniki ploskogor'ja Ukok (Gornyj Altaj). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 256 p. (in Russ.).

Savinov D.G. Mogil'nik Bertek-34. In *Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny (Gornyj Altaj, ploskogor'e Ukok)*. Novosibirsk: Nauka, 1994, pp. 104–123 (in Russ.).

УДК 903.074

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Деревянные лопаты раннего железного века (Алтай и сопредельные территории)

Статья посвящена междисциплинарному исследованию одной из категорий хозяйственно-бытовых деревянных предметов – лопат. В погребениях раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях Монголии и Казахстана обнаружены различные типы деревянных лопат, археологически целых и во фрагментах. Этот факт свидетельствует об их широком распространении в пространстве и применении в быту. Трасологический анализ следов обработки показал, что большинство этих изделий изготовлены «на скорую руку», вероятно, потому, что потребность в их использовании была велика. Технико-технологический и сравнительно-типологический анализы выявили преемственность традиций в выборе материала, инструментария и приемов и способов изготовления лопат.

Ключевые слова: *ранний железный век, Алтай и сопредельные территории, дерево, технология изготовления лопат.*

V.P. Mylnikov

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

The Early Iron Age Wooden Shovels (Altai and Neighboring Regions)

Article is devoted to a cross-disciplinary research of one of economic categories and household wooden objects – shovels. In early Iron Age burials in Altai and cross-border regions in Mongolia and Kazakhstan various types of wooden shovels and their fragments was found. This fact demonstrates their wide circulation in space and application in life. The early Iron Age shovels surface traceological analysis has shown that the majority of these products are made "quickly". Technic-technological and comparative-typological analyses of artifacts have shown continuity of traditions of the choice of materials, tools and receptions and ways of their production.

Keywords: *early Iron Age, Altai and neighboring regions, tree, shovels manufacturing techniques.*

Деревянные лопаты – малоизученная категория хозяйственно-бытовых предметов носителей культур раннего железного века Северной Азии. Все лопаты найдены в погребениях. У археологических артефактов сильно изношенные рабочие части (лезвия) с неровными краями, что позволяет высказать предположение о том, что лопатами не только выгребали почву из могильных ям, но могли ровнять стенки и дно, а также засыпать погребенных и погребальные сооружения. Видовое разнообразие этого инструмента говорит о том, что деревянные лопаты могли широко использоваться в жизни населения. Об этом свидетельствует их достаточно широкое распространение во времени и пространстве. Как показывают этнографические источники, являясь хозяйственным инвентарем, они использовались для разнообразных бытовых и производственных нужд: как орудия для земляных и снежных работ; в кухонном хозяйстве; для отбора породы в рудном деле и т.п.

Все деревянные лопаты раннего железного века изготовлены из одной заготовки – массивной деревянной плахи. Составных (рукоять и рабочая часть отдельно) нет. Одна из археологически целых лопат из кург. 11 могильника Берель в Казахском Алтае состоит из трех частей, соединенных между собой при помощи комбинации пар отверстий с желобками

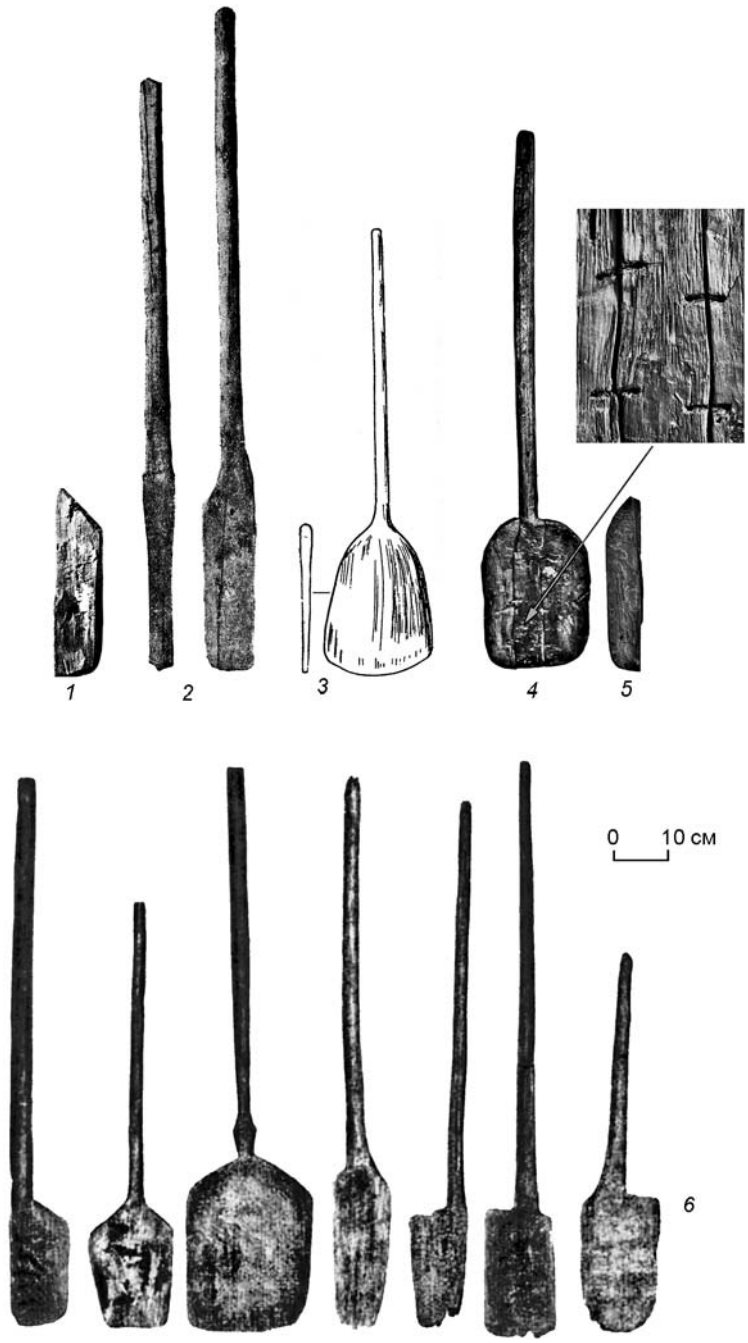


Рис. 1. Деревянные лопаты скифского времени Алтая и русских крестьян.
1 – кург. 1, Пазырык; *2* – кург. 2, Пазырык; *3* – кург. 1, Туэкта; *4, 5* – кург. 11 – Берель; *6* – этнографические лопаты русского населения.

и толстых жил (сыромятных ремешков), – следы давнего капитального ремонта.

Лопаты скифского времени (рис. 1, *1–5*) найдены в курганах могильников Пазырык, Туэкта, Юстыд, Берель на Алтае, Саглы-Бажи в Туве [Руденко, 1953, с. 28–29; 1960, с. 112–113; Щукин, Баркова, Завитухина, 1975, с. 64; Кубарев, 1991, с. 24; BEREL – БЕРЕЛ, 2000, с. 27; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001, с. 24; Самашев, Мыльников, 2004, с. 110–111].

Обломок рабочей части лопаты обнаружен в *Пазырыке-1* [Грязнов, 1950, с. 20, табл. IV, *3*]. Сохранившаяся длина – 35 см, ширина – 8,5 см, толщина – 2,7–3,0 см.

В *Пазырыке-2* найдены две лопаты между бревнами наката. Одна из них короткая (общая длина – 115 см), другая длинная (127 см). Рабочие части обеих лопат узкие (обломаны): у короткой длина 12 см, у длинной – 35–38 см. Рукояти прямые, круглые в поперечном сечении, диаметром 5 см. Лопасти у обоих инструментов сработаны и сломаны [Руденко, 1953, с. 28–29, рис. 4].

Во время раскопок могильника *Туэкта* в могильных ямах курганов не было найдено ни кольев, ни колотушек, ни молотов, как в Пазырыкских захоронениях. Это обстоятельство побудило С.И. Руденко высказать мысль о том, что пазырыкцы рыли тяжелый гранитно-глинистый грунт для погребений в курганах Туэкты исключительно лопатами [1960, с. 112]. Он пишет: «В засыпке кургана первого найдены обломки семи деревянных лопат и несколько обломков их рукояток». Форма их рабочих частей отличается от пазырыкских тем, что они короче и расширяются книзу [Там же, с. 113, рис. 61]. Размеры рабочей части – 19 × 22 см. У некоторых проработаны боковые бортики высотой 5 мм для захвата большего количества грунта. В отличие от пазырыкских, рабочие части не плоские, а слегка выгнутые. Толщина у рукояти 3,5 см, у конца – 1,0–1,5 мм. Нижняя часть (лезвие) у большинства сильно сработана, о чем свидетельствуют выщерблены, вмятины и сколы. Рукояти лопат короткие, длиной от 0,5 до 1,0 м, в поперечном разрезе – круглые, диаметром 4–5 см.

Технико-технологический анализ показал, что почти все лопаты изготовлены из массивных березовых досок (плах), полученных путем раскола массивных стволов дерева при помощи клиньев. Плоскости досок отесывались теслом для удаления остроребрых продольных следов раскола. Затем производилась разметка будущего изделия. Первоначальное грубое выявление формы предмета производилось небольшим плотницким топориком. Рабочая часть (совок) и рукоять осторожно выравнивались легким (лицовочным) теслом. Окончательная доработка рукояти (придание ей округ-

лости и гладкости) производилась лезвием ножа при помощи операции стружения. Сравнительно-типологический анализ показал, что у лопат из пазырыкских курганов рабочая часть прямоугольная и плоская, из туэктинских – подтрапециевидная с овальными краями. Рукояти всех лопат округлые, диаметром 4–5 см, длиной 50–130 см, длина рабочей части – 22–38 см, ширина – 12–22 см, толщина – 2,7–3,5 см.

С точки зрения изучения технологии изготовления внимания заслуживают две лопаты хорошей сохранности, найденные во время раскопок кург. 11 на могильнике *Берель* (целая и фрагмент рабочей части). Археологически целый экземпляр лопаты (рис. 1, *4*) обнаружен в погребальной камере, у северной стенки между плитками алевролита, он был положен лицевой плоскостью рабочей части на грунт на уровне середины нижнего венца. Концом рукояти лопата была ориентирована на восток. От частого употребления в работе с плотным грунтом рабочая плоскость деревянного инструмента раскололась на три части и была восстановлена при помощи несложного ремонта. Вдоль трещин просверлены пять пар сквозных отверстий диаметром 0,25 см: три слева и два справа на расстоянии 2,2–2,5 см друг от друга. Для того чтобы жилы, пропущенные в эти отверстия и стягивавшие разломанные части, не выступали наружу и не мешали работе с грунтом, между отверстиями на обеих плоскостях прорезаны желобки глубиной и шириной 0,25–0,30 см. При помощи этих отверстий и сухожилий сломанные части лопаты жестко соединялись между собой. Возле основания рукояти на рабочей части справа прорезано овальное отверстие размером 1,0 × 1,5 см. Назначение его неизвестно. Справа на участке рабочей плоскости зафиксированы следы инструмента с плоским тупым лезвием длиной 0,4 см и шириной 0,3 см. На расстоянии 22 см от конца рукояти обнаружено поперечное вдавление глубиной и шириной 0,4 см. Еще три небольших поперечных вдавления фиксируются в разных частях рукояти. После визуального осмотра (в рамках трасологического анализа) высказано предположение о том, что эти следы могли оставить два деревообрабатывающих инструмента – долото или тесло.

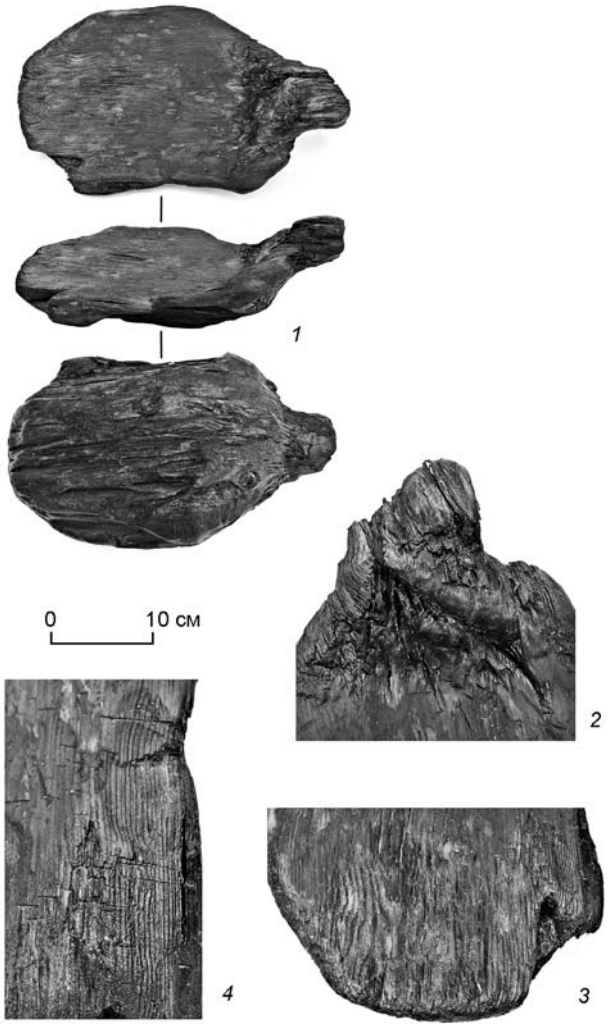


Рис. 2. Деревянная лопата гуннского времени. Кург. 31, могильник Ноин-Ула, Северная Монголия. Раскопки Н.В. Полосьмак.

1 – внешний вид лопаты в трех проекциях; *2* – фрагмент начала рукояти; *3* – лезвие рабочей части; *4* – следы лезвий ножа и стамески на лицевой плоскости.

Вторая лопата представлена фрагментом (рис. 1, *5*).

Гуннская лопата (рис. 2). Обнаружена при раскопках кург. 31 на могильнике гуннского времени Ноин-Ула в Северной Монголии. Массивная рабочая часть лопаты без рукояти (совок) найдена в мокрой илистой глине. Древесина разбухла от долгого нахождения во влажной среде и, наверняка, значительно увеличилась в размерах. Длина от начала рукояти – 30,2 см. Наибольшая сохранившаяся длина совка – 24,5 см, ширина – 20 см, толщина – 3,5–4,0 см. Ширина боковых граней – 13 см, ширина передней грани – 9 см. Длина обломка рукояти – 5 см, предполагаемый диаметр рукояти – 5,5–6,5 см. Толщина совка у обломанной рукояти – 6,0–7,5 см, у рабочего края – 2,5 см. Изготовлена из серединной части ствола сосны обыкновенной. Заготовка была получена в результате скола при помощи клиньев боковых частей бревна. На обеих поверхностях совка сохранились полустертые отпечатки лезвий орудий деревообработки – предположительно, топора и тесла с тонким уплощенным лезвием.

Рабочая часть лопаты (совок) имеет шесть граней. Обработана наспех, без особой тщательности. Верхняя плоскость довольно гладкая, ниж-

няя – сильно изношена и по всей длине покрыта рядом глубоких остроребрых трещин-выемок. Лопатой, без сомнения, долго работали, применяя ее и в качестве ударного инструмента для рыхления грунта. В месте перехода рабочей части в толстую рукоять сохранились остатки массивного сучка. Очевидно, он и послужил причиной излома орудия.

Сравнительно-типологический анализ показывает, что традиции изготовления деревянных лопат консервативны. Они фиксируются на этнографических материалах. Лопаты раннего железного века Алтая по технологическим и морфологическим признакам близки подобным орудиям русских крестьян (см. рис. 1, *6*). Русские мастерили их преимущественно из цельной заготовки – ствола осины и березы. Для этого использовали инструментарий, функционально близкий применявшемуся мастерами раннего железного века: малый плотницкий топорик, большой русский хозяйственный нож с широким и толстым клинком (косарь, «бабий топор»), нож для строгальных работ.

Благодарности. Выражаю сердечную признательность чл.-кор. РАН Н.В. Полосьмак за любезно предоставленный археологический материал гуннского времени.

Список литературы

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 85 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. (Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ «Берел», 2004. – 312 с. (на англ., рус. яз.).

Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: ОФ «Берел», 2001. – 108 с.

Щукин М.Б., Баркова Л.Л., Завитухина М.П. Древняя Сибирь. Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII в. до н.э. – XIII в. н.э.». – Л.: Аврора, 1975. – 135 с.

BEREL – БЕРЕЛ: альбом / З. Самашев, Г. Базарбаева, Г. Жумабекова, С. Сунгатай. – Алматы: Обществ. фонд поддержки истор.-археол. памятников и культурного наследия «Берел», 2000. – 56 с.

References

BEREL – БЕРЕЛ / Z. Samashev, G. Bazarbaeva, G. Zhumabekova, S. Sungatay. Almaty: Obshchestvennyy fond podderzhki istoriko-arkheologicheskih. pamyatnikov i kulturnogo naslediya «Berel», 2000, 56 p. (in Russ. and Kasah.).

Gryaznov M.P. Pervyy Pazyrykskiy kurgan. Leningrad: State Hermitage Museum, 1950, 85 p. (in Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1953, 402 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 359 p. (in Russ.).

Samashev Z.S., Faizov K.Sh., Bazarbaeva G.A. Arkheologicheskie pamyatniki i paleopochvy Kazakhskogo Altaya. Almaty: OF «Berel», 2001, 108 p. (in Russ. and Kasah.).

Samashev Z.S., Mylnikov V.P. Derevoobrabotka u drevnikh skotovodov Kazakhskogo Altaya. (Materialy kompleksnogo analiza derevyannykh predmetov iz kurgana 11 mogilnika Berel). Almaty: OF «Berel», 2004, 312 p. (in Eng., Russ. and Kasah.).

Shchukin M.B., Barkova L.L., Zavitukhina M.P. Drevnyaya Sibir. Putevoditel po vystavke «Kultura i iskusstvo drevnego naseleniya Sibiri. VII v. do n.e. – XIII v. n.e.». Leningrad: Avrora, 1975, 135 p. (in Russ.).

УДК 903.076

В.П. Мыльников[1], М.Н. Дараган[2]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии НАНУ
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Скифские деревянные футляры-шкатулки для хранения инструментов для рукоделия*

Плетение изделий из растительных волокон и шерсти на дощечках – древнейший вид ручного ткачества. Найденные в женских погребениях Степной Скифии V–IV вв. до н.э. уникальные наборы предметов рукоделия и шкатулки для инструментов (греческий импорт), выполненные из дерева, являются ярким показателем развития уровня деревообрабатывающего ремесла как в самой Древней Греции, так и далеко за ее пределами. Найденные в 30-х гг. прошлого столетия наборы для рукоделия впервые стали объектом междисциплинарных исследований, проводившихся украинскими и российскими специалистами разных научных направлений. Особый интерес был проявлен к шкатулке с предметами для ручного ткачества на дощечках, обнаруженной в погребении у с. Булгаково. Хорошая сохранность уникальных деревянных материалов позволила выполнить их подробный технико-технологический анализ. Изучены формы и параметры артефактов, исследованы следы лезвий деревообрабатывающих инструментов. На основе полученных данных выделены стадии производственного цикла плотницкого ремесла по изготовлению футляров-шкатулок, определены основные операции и набор инструментов, необходимый для обработки дерева и изготовления предметов ткачества.

Ключевые слова: *Степная Скифия, скифское время, футляры-хранилища для ручного ткачества, технология обработки дерева.*

V.P. Mylnikov[1], M.N. Daragan[2]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology NANU
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Scythian Wooden Cases Caskets for Storage of Needlework Instruments

An ancient form of handweaving is the products weaved out of vegetable fibers and wool on small planks. A wooden unique sets of items and crafts boxes for instruments from V–IV centuries BC Steppe Scythia female burials is a clear indicator of the woodworking industry development level in ancient Greece and far beyond. Founded in the 30's of last century needlework sets were subjected to interdisciplinary research Ukrainian and Russian specialists from different scientific fields for the first time. Particular line was shown to the casket with objects for handweaving on small planks found in burial from Bulgakovo village. Unique wooden materials of good safety allowed carrying out their detailed technical and technological analysis. Forms and parameters of artifacts have been studied. The traceology of woodworking tools traces edgesis have been investigated. On the basis of the obtained data stages of production cycle of carpenter's craft on production of cases caskets are allocated, the main transactions and the tool kit necessary for handling of a tree and production of objects of weaving are determined.

Keywords: *Steppe Scythia, Scythian time, cases storages for handweaving, processing technology of tree.*

В фондах Государственного Эрмитажа хранится уникальная коллекция деревянных предметов из женских погребений Степной Скифии V–IV вв. до н.э., исследованных в 1934 г. В коллекции присутствуют археологически целый экземпляр деревянного футляра-шкатулки, фрагменты

*Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки РФ, полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

боковых стенок и деталей разной величины и профилей других шкатулок, предметы декора, украшавшие эти шкатулки, деревянный сосуд, веретена и другие мелкие предметы, а также их фрагменты.

К коллекции приложены три сопроводительные записки. «Институт археологии Шапошникова». «Ку П 1934, 1/8-14. Кавказ и Кубанская область». «Ингульская археологическая экспедиция АН УССР. Начальник Олимпиада Гавриловна Шапошникова. Николаевская обл., Баштанский р-н. К. № 5, п. № 2. у с. Булгакова. Глубина около 4 м от погребенной почвы (в суглинке). IV в. до н.э.»

Несколько лет назад специалисты из Института археологии НАН Украины впервые детально проанализировали материалы коллекции и опубликовали результаты своих исследований [Дараган, Буравчук, 2013]. Основное внимание было уделено изучению деревянных коробочек-шкатулок. По заключению исследователей, все они без исключения являются предметами греческого импорта. Весной текущего года представилась возможность изучить данную коллекцию при помощи подробного технико-технологического анализа. Особое внимание было уделено шкатулке из женского погребения скифского времени у с. Булгаково, поскольку ее достаточно хорошая сохранность, в отличие от других материалов, позволила определить практически все параметры и выявить особенности изготовления данной категории предметов, уточнить их функциональную принадлежность.

Шкатулка представляет собой прямоугольную коробочку с тремя одинаковыми по размерам отделениями квадратной формы и тремя рядами крышек разной функциональности. Коробочка вырезана из отдельной заготовки, вероятно из толстой плахи, искусным мастером с большим опытом работы, владевшим всеми секретами мастерства столяра и резчика по дереву. Изделие деформировано. Древесина пересохла, тонкие участки стенок и крышек дали трещины и отслоились. Один торец разрушен в результате воздействия огня (сплющен и слегка обуглен). Тонкие стенки гнезда замочка разломились на несколько маленьких фрагментов. Размеры коробочки: общая длина – 20,8 см; ширина по целому торцу – 8 см; общая высота – 2,7 см; толщина боковых и торцевых стенок – 0,8–0,9 см; толщина дна – 0,2–0,3 см; толщина стенок-перегородок – 0,6–0,7 см. Размеры квадратных отделений – 5,8–6,0 см. Глубина отделений от основания второй крышки до дна – 1,7 см. В середине центрального отделения в лицевой стенке прорезано сквозное прямоугольное отверстие размерами 2,5 × × 1,6 см для части внутреннего металлического замочка, куда, очевидно, вставлялся ключ. Это отверстие сверху в торце стенки шкатулки прорезает очень узкая глубокая глухая щель для тела замочка длиной 8,1 см, шириной 0,25 см, глубиной 2,4 см (рис. 1, *1*). Исследователи предполагают, что метал-

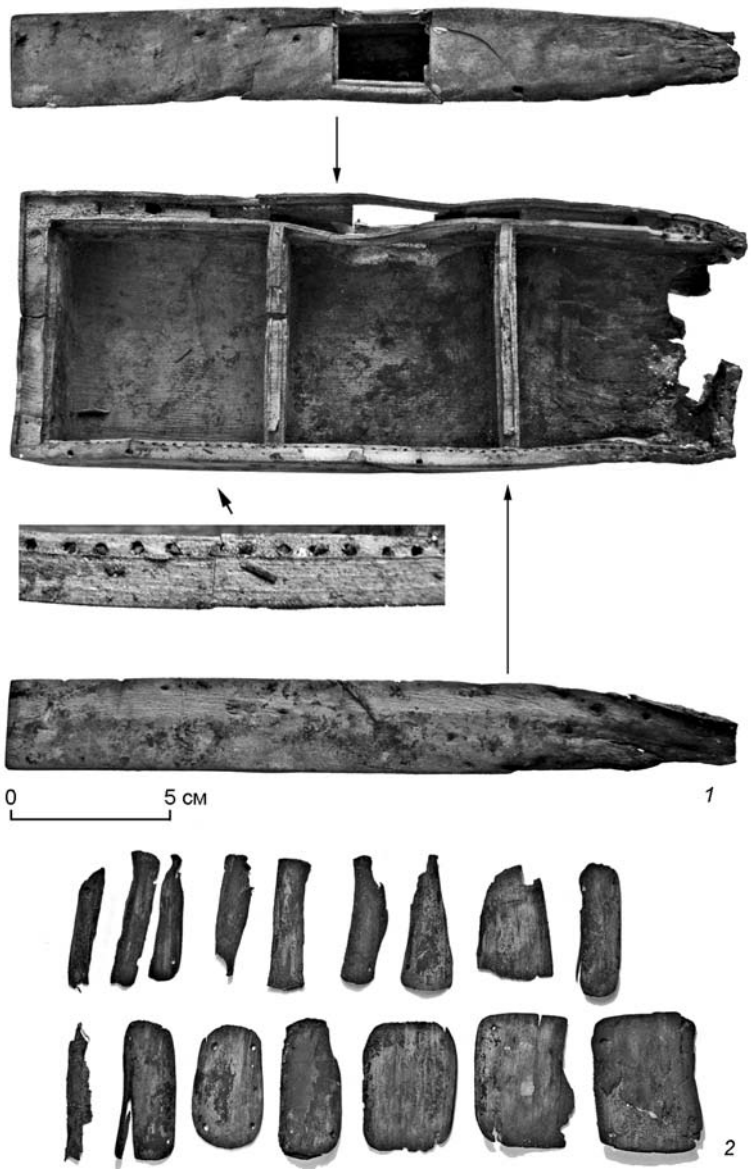


Рис. 1. Шкатулка для хранения инструментов для ручного ткачества. Женское погребение скифского времени у с. Булгаково в Баштанском р-не Николаевской обл. Фонды Государственного Эрмитажа.
1 – коробочка с тремя отделениями, гнездо под внутренний замок и остатки деревянных гвоздиков для крепления кожаного шарнира; *2* – разделители нитей.

лический замок был вынут или утерян еще до помещения в могилу. Об этом говорит отсутствие следов окислов металла в гнезде и в местах крепления замка к стенке. О типе и особенностях устройства замка ничего не известно [Там же, с. 481].

Сопоставление с аналогичными предметами из соседних регионов позволяет высказать предположение о том, что замочек и другие металлические части (петли больших крышек) могли быть изготовлены из бронзы или железа и имели устройство, подобное замкам и деталям греческих шкатулок и ларцов, происходящих из синхронных погребений Северного Причерноморья [Сокольский, 1971, с. 130–131].

Отделения шкатулки закрывались тремя рядами крышек. Они вырезаны из тонких дощечек. Крышки сохранились фрагментарно, однако крупные фрагменты со следами обработки и частицами органики дают возможность провести их технико-технологический анализ.

Первый ряд – основная верхняя крышка (рис. 2, *1*). На лицевой стороне крышки стамеской и резаком была выбрана древесина под углубленную площадку с бортиками-бордюрами по краям. Сохранившаяся длина – 17 см, ширина – 8 см, толщина по бортикам – 0,6 см. Бортики шириной 1 см. Глубина выборки под площадку – 0,2 см. По краям узкого бортика и посередине просверлены пары отверстий для металлических шарниров крышки. Оборотная сторона гладкая.

Крышка могла крепиться к стенке коробочки при помощи трех металлических шарниров простейшего типа, подобных обнаруженным в погребениях Северного Причерноморья [Сокольский, 1971, рис. 41].

Второй ряд – промежуточная крышка (рис. 2, *2*). Вторая крышка предположительно вставная (вдвижная). Она накрывала три малых, каждая из которых закрывала свое отделение квадратной формы.

Сохранился большой фрагмент одной из сторон крышки. Вторая сторона и торцы отсутствуют. На лицевой стороне – углубленная площадка с бортиками по периметру, как на верхней крышке. Наибольшая длина крышки – 16 см, ширина – 6,5 см. Сохранился один из бортиков длиной 1 см, шириной (толщиной) 0,5 см. Вся площадка покрыта мелкими остатками приклеенной тонко выделанной кожи черного цвета. Оборотная сторона по периметру тоже имеет углубленную площадку и бордюр с округлым желобом посередине, прорезанным во всю длину. Ширина желоба – 0,6 см, глубина – 0,25 см. Высота бордюра – 0,25 см. У внутреннего края желоба –тонкая прямоугольная выборка на всю длину, шириной и глубиной 0,1 см. Функциональное назначение желоба – предположительно, обеспечение плотного накрывания кожаного шарнира, на котором крепились маленькие крышечки.

Третий ряд – три малых крышки. Крышечки дошли до нас во фрагментах и имеют неудовлетворительную сохранность, как и большие. Одна крышечка сохранилась лучше других (рис 2, *3*). Она представляет собой тонкую квадратную пластину с углубленной на 0,2 см площадкой на лицевой

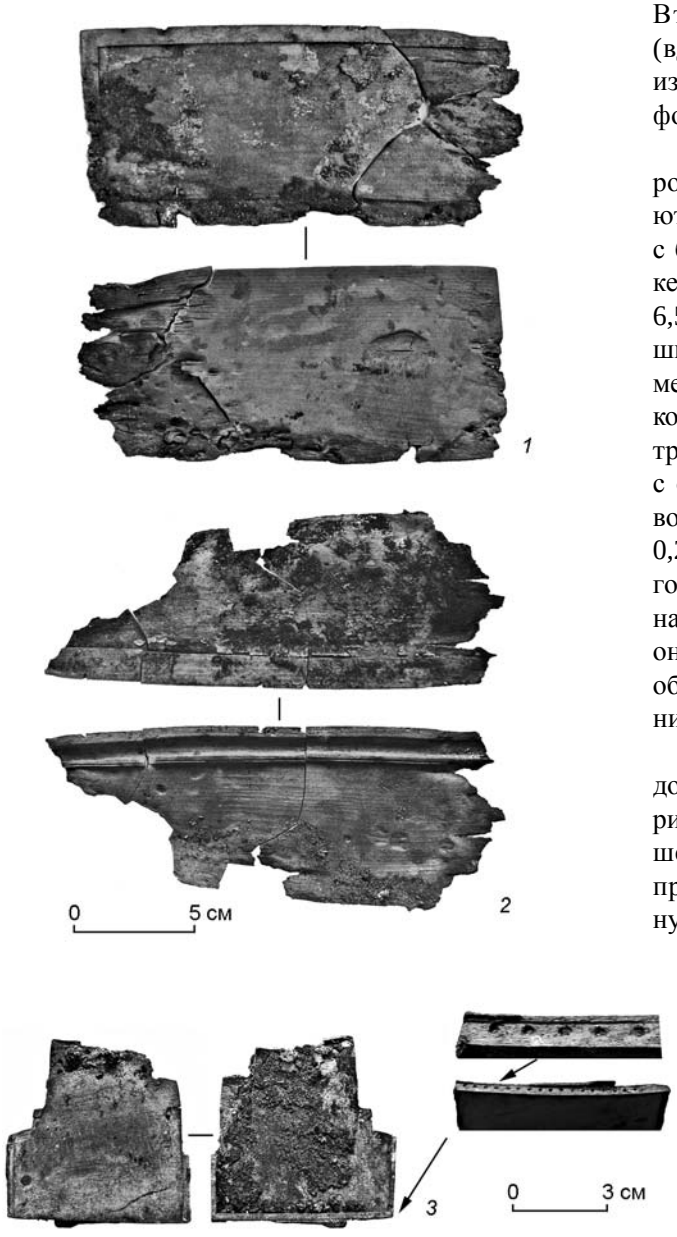


Рис. 2. Шкатулка для хранения инструментов для ручного ткачества. Женское погребение скифского времени у с. Булгаково в Баштанском р-не Николаевской обл. Фонды Государственного Эрмитажа.
1 – верхняя крышка (лицевая и оборотная стороны); *2* – промежуточная крышка (лицевая и оборотная стороны); *3* – малая крышка (лицевая и оборотная стороны; гнезда для гвоздиков, прикреплявших кожаный шарнир).

стороне и бортиками шириной 0,2 см. По двум сторонам тонкой стамеской прорезаны канавки шириной 0,2 см, глубиной 0,1 см. Полностью сохранился один из торцов крышечки, по которому определены ее параметры. Длина и ширина крышечки – 0,65 см, толщина по бортику – 0,35–0,4 см. На углубленной площадке сохранились фрагменты наклеенной тонко выделанной кожи.

Обследование стенки коробочки, на которой крепилась верхняя крышка, и торцов малых крышек позволяет реконструировать способ крепления последних. На торце стенки тончайшим сверлом проделано (провернуто) порядка 60–70 глухих отверстий диаметром не более 1 мм, в которых сохранились остатки деревянных гвоздиков (шпеньков). Точно такие же отверстия сохранились на торцах малых крышечек (рис. 2, *3*). При помощи множества тончайших гвоздиков крышечки вначале крепились к краю тонкой кожаной полоски. Другой край полоски прибивался гвоздиками к торцу стенки коробочки. Таким образом получался мягкий, эластичный, но достаточно упругий шарнир, позволяющий всегда держать крышечки закрытыми.

Содержимое шкатулки. В отделениях шкатулки найдены целые и во фрагментах 23 маленькие тончайшие дощечки – подпрямоугольные пластиночки с заоваленными углами (см. рис. 1, *2*). Размеры дощечек: длина: – 0,39–0,45 см, ширина – 0,22–0,30 см, толщина – около 1 мм. По углам каждой симметрично относительно друг друга просверлены по четыре сквозных отверстия диаметром от 1,0 до 2,5 мм. Древесина деградировала, она пересушена и сплющена. На поверхностях наиболее целых экземпляров при увеличении видны следы вторичной обработки – лощения. Дощечки служили в качестве разделителей нитей для ручного ткачества тесьмы, поясков, лент для лямок и оторочек одежды с узорами. По диаметру сквозных отверстий дощечки подразделяются на три типа, соответствующих толщине нити [Дараган, Буравчук, 2013, с. 483].

Примерный технико-технологический цикл изготовления шкатулки мог быть следующим.

Использованный инструментарий: топор, тесло, стамески, нож (резак), сверло (шило-провертка).

Стадии: изготовление отдельных заготовок для коробочки, общей крышки, промежуточной крышки, крышечек трех отделений; последовательное изготовление каждой детали шкатулки.

Операции. Первичная обработка древесины. Первая стадия: раскол, отеска, лицовка, разметка полости коробочки с тремя отделениями и фигурных углублений для внутреннего замка. Вторая стадия: резьба (выемка древесины из углублений отделений и площадок на крышечках), выемка древесины из пазов для внутреннего замка, из мелких канавок для крепления кожаного шарнира и гнезд для плотного прилегания крышечек друг к другу и к бортикам коробочки; сверление (проворачивание шести глухих отверстий диаметром 2 мм для крепления трех металлических шарниров верхней крышки к торцу коробочки и множества мельчайших отверстий диаметром 1 мм для крепления крышечек отделений по одному из бортиков коробочки и по торцам крышечек отделений). Вторичная обработка древесины. Лощение и полировка (шлифовка внешних и внутренних поверхностей тонкими абразивами для заглаживания и удаления следов первичной обработки); окраска; лакировка.

Комплексный анализ артефакта из уникальной коллекции деревянных предметов греческого импорта из женских погребений Степной Скифии показал высокий уровень развития ремесла по изготовлению сложных деревянных предметов малого размера. Степень сохранности следов обработки дерева позволяет судить о мастерстве деревообработчиков, их высоком классе и тончайшем инструментарии. Выявленный технико-технологический цикл обработки дерева с перечнем стадий и операций дает основание предполагать существование у греческих столяров V–IV вв. до н.э. ремесленного производства предметов для ручного ткачества.

Благодарности. Авторы сердечно благодарят заведующего отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, хранителя скифских ценностей д-ра ист. наук А.Ю. Алексеева за возможность работы с уникальными материалами.

Список литературы

Дараган М.Н., Буравчук О.Е. Наборы для рукоделия из погребений Степной Скифии // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 474–484.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1971. – 287 с. – (МИА; № 178).

References

Daragan M.N., Buravchuk O.Ye. Nabory dlya rukodeliya iz pogrebeniy Stepnoy Skifii. In *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noyabrya 2013 g.)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013, pp. 474–484 (in Russ.).

Sokolskiy N.I. Derevoobrabatyvayushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomorya. Moscow: Nauka, 1971, 287 p. (in Russ.).

УДК 903.26

В.П. Мыльников[1, 2], Е.В. Степанова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Государственный Эрмитаж
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Погребальный стол из кургана 1 могильника скифского времени Туэкта*

Находки деревянных погребальных лож открытого типа скифского времени известны со времени первых раскопок академика В.В. Радлова в 1865 г. у с. Катанда на Алтае. С тех пор ложа обнаружены на Алтае во многих погребениях. Осуществлена их подробная классификация, проведено детальное технико-технологическое исследование каждого предмета. Погребальный стол на высоких ножках, с узкой длинной столешницей, найденный С.И. Руденко в могильной яме кург. 1 могильника Туэкта во внутреннем срубе возле колоды с погребенным, отличается от остальных не только формой, но и технологией изготовления. Новые исследования технологии деревообработки принесли дополнительные данные для пополнения багажа информации об источнике.

Ключевые слова: *Алтай, скифское время, погребальные ложа из дерева, технология изготовления, конструктивные особенности.*

V.P. Mylnikov[1, 2], E.V. Stepanova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]State Hermitage Museum
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Funeral Table From Scythian Time Burial Ground 1 of Tuekta

Studying of Scythian time wooden funeral beds wass conducted since the academician V.V. Radlov first excavation in 1865 at Katanda village in Altai. The funeral table on high legs with a narrow long table-top was found by S.I. Rudenko in burial ground 1 of Tuekta sepulchral hole of a barrow in an internal felling near a block with buried differs from the others not only in a form but also in manufacturing techniques. The special researches for a woodworking technology conducted this year gave us new additional data for replenishment of completeness of a source information. The new functional mission of this subject at commission of ritual actions is revealed during a funeral ceremony.

Keywords: *Altai, Scythian time, wooden funeral beds, manufacturing techniques, design features.*

Историческая справка

Погребальные ложа открытого типа – самый разнообразный по форме, материалу и исполнению вид погребального инвентаря. Их конструктивные особенности, сложность и качество изготовления зависели от социального ранга усопшего и мастерства деревообработчиков [Руденко, 1953, с. 43–46; Кубарев, 1987, с. 21–23; 1991, с. 31; Марсадолов, 1997]. Функциональное предназначение – место для размещения тела усопшего.

В 1865 г. во время раскопок Большого Катандинского кургана на Южном Алтае академик В.В. Радлов в срубе на дне могилы обнаружил «…два стола на четырех ножках. На каждом из этих столов лежал скелет головой на восток, без каких-либо украшений. Столы были очень тщательно обработаны топором, но не струганы, а по краям их шел рант высотой приблизительно в 1 дюйм. Доска, рант и ножки в форме усеченного конуса были сделаны из цельного куска дерева. Вокруг ножек северного стола были укреплены мед-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

ные ободы вершка в 2,5 шириной» [1989, с. 444, табл. 6, *8*; с. 448].

Из этого описания трудно понять, каковы были истинные размеры и форма столов. Однако даже эти скудные данные показывают, что в конструктивных особенностях столов из Большого Катандинского кургана много общего с основными деталями и устройством стола, найденного и подробно описанного С.И. Руденко в начале 50-х гг. прошлого столетия при раскопках кург. 1 могильника Туэкта в Центральном Алтае. «…Большой и массивный стол длиной 220 см, шириной 60 см, на высоких, 90 см … с перехватом посредине» ножках [1960, с. 115–116, табл. 54, *2*] по периметру был оформлен невысоким (5 см) бортиком из реек. «При внимательном осмотре этого стола в деталях становится совершенно ясным, что мастер не впервые делал такой стол и придерживался при этом определенных столярных правил при внешней отделке…» [Там же].

Результаты исследования

Весной этого года, во время инвентаризационных работ в фондах Государственного Эрмитажа, этот уникальный стол был изучен в плане методики обработки древнего дерева. Стол состоит из 11 основных деталей: две длинные плахи лежака, две длинные рейки бортика, одна короткая поперечная рейка-бортик, две скрепляющие доски-поперечины и четыре фигурные разнопрофильные ножки, круглые в сечении (рис. 1). Кроме этого в коллекции присутствуют несколько клиньев разного профиля и размеров, с помощью которых крепились к длинным основным плахам поперечины и ножки.

Плахи столешницы. Длина – 233,0–233,5 см, ширина – 28,5–29,5 см, 29,5–34 см, толщина – 6,0–6,5 см. Лицевые стороны плах тщательно отесаны мелкой выравнивающей отеской (лицовкой). Каждая имеет по два подквадратных сквозных отверстия размерами 8 × 7 см. Одно отверстие асимметричное, размерами 7,5 × 9,5 см, с наклонной стенкой. На каждой длинной плахе вдоль одного из краев прорезаны по четыре глухих прямоугольных гнезда размерами 1 × 3 см, глубиной 3–5 см; одно – на коротком торце, и три – вдоль периметра на расстоянии 6–8 см от края.

Оборотные стороны плах отесаны не так тщательно. Края их слегка закруглены. На расстоянии 37,0–37,5 см на глубину 3,5 см вырублены углубления-лежаки для скрепляющих поперечных досок. Размеры углублений – 19,0 × 20,5 и 18 × 20 см.

Доски-поперечины. Отесаны менее тщательно, чем длинные плахи. Размеры: длина – 62,0 × 18,5 и 65,0 × 20,5 см, толщина – 3,5–4,5 см. Боковые грани с оборотной стороны закруглены. На концах досок прорезаны сквозные подквадратные отверстия размерами 6,5 × 7,0 и 6,5 × 7,5 см.

Рейки-бортики. Длинные рейки. Длина – 228 см, ширина (высота) – 4,5–5,0 см, толщина – 3 см. По узкой грани стамесками прорезаны сквозные отверстия для крепления реек к доскам при помощи длинных клиньев. Размеры отверстий – 1,0 × 3,5 см. Нижняя грань плоская, верхняя закруглена.

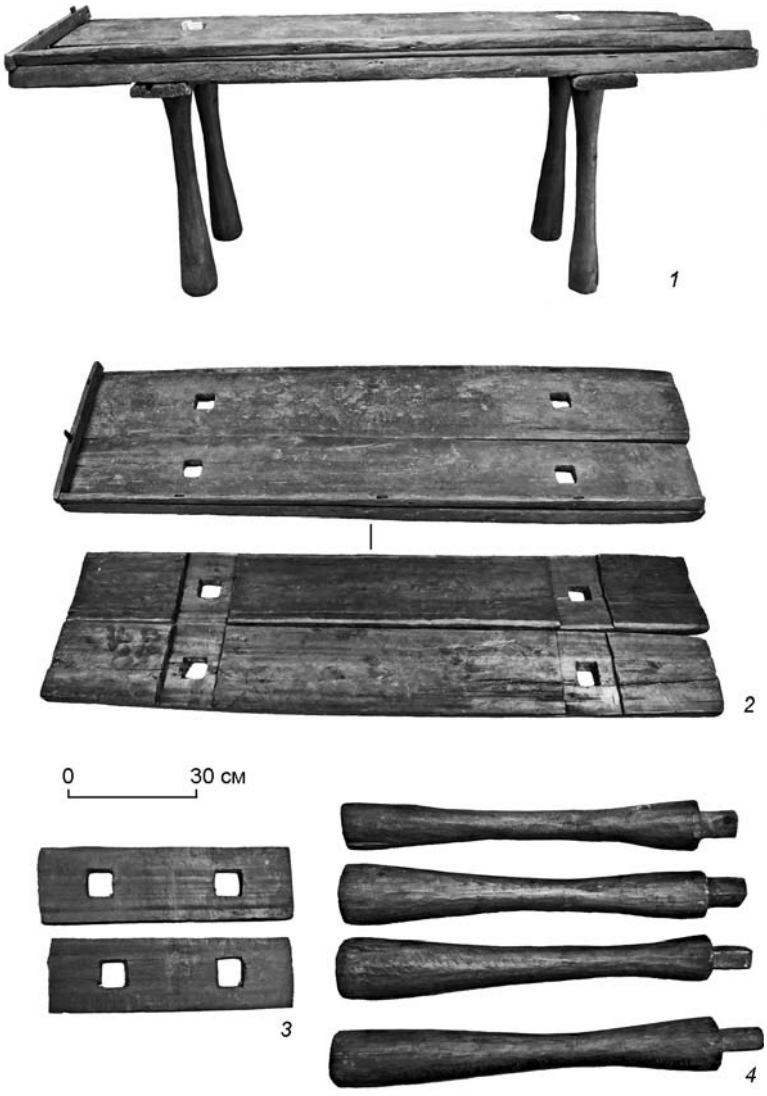


Рис. 1. Стол из погребения в кург. 1 могильника Туэкта. Фонды Государственного Эрмитажа.

1 – стол в сборе (май 2016 г.); *2* – столешница, лицевая и оборотная стороны; *3* – соединительные доски, лицевая и оборотная стороны; *4* – ножки стола.

Короткая рейка. Длина – 61 см. Ширина – 5 см, толщина – 2,2 см. Вдоль узкой грани стамесками прорезаны два сквозных отверстия размерами 2,8–3,0 × 1,0 см. На широкой боковой – одно глухое углубление 1,0 × 0,5 см. Его назначение неясно. Сохранились несколько оригинальных клиньев размерами 8,5 × 2,0 × 0,9 см.

Ножки. Ажурные ножки с массивными основаниями вверху и внизу, круглые в сечении, с прямоугольными шипами на одном из оснований. Очень тщательно, равномерно со всех сторон отесаны теслом и остругани ножом. Остругани так, что диаметр каждой из них симметрично уменьшается к середине. Длина ножек от нижнего основания до начала шипов – 79–81 см. Диаметр основания вверху – 11,0–12,5 см, внизу – 11,5–12,5 см. Диаметр серединной части – 6,0–6,4 см. Размеры шипов – 4,0–4,9 × 4,5–6,3 × 9,4–10,0 см.

Клинья для закрепления ножек. Большие толстые: длина – 9 см, ширина – 5,5 см, толщина – 1,0–2,5 см. Клиновидные узкие длинные: длина – 6,5–8,0 см, ширина 1,3–3,0 см, толщина – 0,7–1,2 см. Широкие короткие: длина – 4,8–6,0 см, ширина – 4,5–5,0 см, толщина – 0,7 × 1,5 см.

Общая высота стола со столешницей, поперечными досками и бортиками – 89–91 см.

Трасологический анализ следов обработки показал, что при изготовлении стола и его составляющих использовался набор инструментов: топор, тесло, стамески, нож, деревянный молоток-киянка.

Выделены основные стадии и операции изготовления предмета.

Стадии: выполнение заготовок столешницы и ножек из стволов лиственницы; грубая обработка заготовок с выявлением формы и параметров изделия; чистовая обработка и доводка до готовности.

Первичные операции. Доски стола и поперечины. Рубка топором ствола дерева; раскол ствола на плахи при помощи клиньев; грубая отеска плах топором и теслом; разметка будущих изделий; первичное выявление формы изделия топором и теслом.

Бортики-рейки. Изготовление широкой доски-заготовки при помощи топора и тесла. Раскол доски на узкие длинные рейки. Прорезание (пробивание) сквозных узких прямоугольных отверстий в ребрах реек для соединения с досками столешницы.

Ножки стола. Отбор заготовок соответствующего диаметра для изготовления круглых в сечении массивных ножек, постепенно сужающихся к середине. Грубая отеска теслом, выравнивание округлостей, разметка абриса сужения к середине и шипа посередине торца каждой ножки. Изготовление примерно одинаковых по размеру шипов на торце каждой ножки при помо-

1

2

3

Рис. 2. Материалы для сравнительного анализа.

1 – стол из погребения в кург. 1 могильника Туэкта (по: [Руденко, 1960, табл. LIV, *2*]); *2* – патологоанатомический стол конца XIX – начала XX в. (http://andreas-zarus.livejournal.com/75685.html); *3* – современный патологоанатомический стол BASIC, мод. 33301 (http://www.8a.ru/firms/a1824.php).

щи тесла, долота и ножа. Осторожная отеска теслом с пропорциональным захватом древесины с двух торцов к середине для выявления формы сходящихся вершинами конусов («перехват посередине»).

Вторичные операции. Доски стола и поперечины. Тонкая отеска теслом всех плоскостей плах, подправка лицевой поверхности досок столешницы (выравнивание, лицовка) стамесками (долотом). Пробивание долотом (стамесками) сквозных квадратных отверстий для шипов вставных ножек и глухих узких прямоугольных отверстий для шипов, соединяющих рейки-бортики с досками столешницы по краям. Отеска реек теслом и подправка стамесками.

Ножки стола. Направленная к центру каждой ножки тонкая отеска теслом для придания необходимой формы. Окончательное выравнивание поверхностей ножек лезвием остро заточенного ножа мелкими строгающими движениями (стружение).

Первичная сборка всех составляющих стола и подгонка деталей. Изготовление соответствующих клиньев для прочного соединения шипов ножек с плахами столешницы и поперечными досками. Вбивание клиньев в узкие щели между шипами и торцами сквозных отверстий в досках. Прикрепление при помощи тонких узких шипов бортиков-реек по периметру столешницы.

Предположения и выводы

Все найденные при раскопках курганов пазырыкской культуры деревянные ложа-кровати имели ножки высотой от 25 до 41 см [Кубарев, 1987, с. 195, 199; 1991, с. 29–30; Полосьмак, 2001, с. 296, табл. IX, *б*]. Ложе-стол из кург. 1 могильника Туэкта разительно отличается и качеством выполнения, и высотой ножек. По мнению С.И. Руденко, он мог использоваться в двух качествах: при жизни – «обеденный стол», а после смерти хозяина – погребальное ложе, «…для того чтобы положить на него тело умершего до того времени, пока не будет изготовлен саркофаг-колода, что требовало известного времени» [1960, с. 115–116]. Он утверждал, что «…каково бы ни было назначение этого большого стола, он, во всяком случае, принадлежал племени с прочной оседлостью, но не кочевого» [Там же].

На этот счет возникают вполне логичные сомнения. Если второе предположение С.И. Руденко о функциональном предназначении стола можно обосновать, то первое весьма сомнительно. У современных обеденных столов максимальная высота ножек 75–80 см. Чтобы сидеть за высоким – 81 см (ножки) + 7 см (толщина столешницы) + 5 см (высота бортиков) – туэктинским обеденным столом, нужны были и очень высокие сидения – кресла или стулья, а таковых пока в кочевнических культурах нигде не обнаружено.

Поиск всевозможных аналогов и сопоставление с ними параметров стола из Туэкты-1 привели нас ко вполне логичному, на наш взгляд, заключению: данный предмет по своим характеристикам имеет большое сходство с патологоанатомическими столами конца XIX – начала XX в. и с современными (рис. 2). Данный стол мог быть использован в качестве патологоанатомического для совершения медицинских и ритуальных действий, связанных с бальзамированием или мумификацией тела умершего. И по окончании или во время погребального обряда был помещен вместе с покойным в могилу.

Список литературы

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: матлы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 96–99.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

References

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka, 1987, 300 p. (in Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russ.).

Marsadolov L.S. Sotsialnye rangi kurganov kochevnikov Altaya VI–IV vv. do n.e. In *Sotsialno-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1997, pp. 96–99 (in Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: Infolio-press, 2001, 336 p. (in Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika. Moscow: Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS SSSR, 1953, 402 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS SSSR, 1960, 359 p. (in Russ.).

УДК 902

Л.Н. Мыльникова, Д.В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
Алтайский государственный университет
E-mail: selin@epage.ru

Молочение как горячий способ вторичной обработки поверхности сосуда*

Молочение является одним из способов обработки поверхности для придания сосудам влагонепроницаемости. Этот прием получил широкое распространение в современном гончарстве в силу своей простоты и доступности. Он представляет собой окунание обожженных изделий в молоко или молочные продукты и последующее их дожигание в обжиговом устройстве. Важным результатом процесса молочения является получение декоративного цвета поверхности изделий. Отличительный признак молочения – наличие равномерно покрывающего всю внутреннюю и внешнюю поверхность изделия темно-коричневого налета, тогда как при обваривании или кипячении молока в посуде полученный налет мозаичен и покрывает только одну из сторон сосуда. Возникнуть подобный технологический прием мог, скорее всего, в обществах, разводящих крупный и мелкий рогатый скот и имеющих излишки молочной продукции.

Ключевые слова: *этнография, гончарство, обработка поверхности, обжиг.*

L.N. Mylnikova, D.V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
Altai State University
E-mail: selin@epage.ru

Milky Glazing as a Way of Hot Vessel Surface Treatment

Milky glazing is one of the ways to make the surface of ceramic vessel moisture-proof. This technique became so widely spread in modern pottery making for its simplicity and availability. The process itself consists of dipping the already fired ceramics into the milk or dairy produce and refiring it again in the roaster. An important result of this milky glazing process is connected with a special decorative color of the pottery surface. The hallmark of the milky glazing on ceramics is the existence of a dark-brown thin coating, which evenly covers the inner and the outer surfaces of the vessel. At the same time when the milk was just boiled in the pot this thin coating appears only on the inner surface. Such kind of a pottery technique could have been developed most probably in a society of cattle- or sheep and goats breeders, who had a surplus of dairy produce.

Keywords: *ethnography, pottery, surface treatment, firing.*

Этнографические данные по гончарству являются неотъемлемой частью изучения древней керамики. Решение ряда историко-культурных проблем было бы невозможно без этнографических материалов (см. напр.: [Бобринский, 1980, 1991, 1999; Цетлин, 1999, 2010; и др.]). Несмотря на широкий круг опубликованных источников по этнографическому гончарству (см.: [Цетлин, 2015]), некоторые аспекты гончарной технологии остаются не полностью освещенными. К таковым относится один из методов придания водонепроницаемости сосуду – молочение, используемое в современном гончарном

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 213-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

деле (см. *рисунок*). Широкое распространение оно получило, по нашему мнению, в силу трех обстоятельств:

1) простота и доступность применения этого технологического приема;

2) придание водонепроницаемости изделию;

3) получение светло-коричневого цвета поверхности посуды (декоративный эффект).

Молочение зафиксировано нами в с. Венгерово (Венгеровский р-н, Новосибирская обл.), у гончара Александра Тофилевича Верниковского, 48 лет. К настоящему моменту в с. Венгерово работает один гончар, тогда как согласно переписи 1911 г. в селе существовал гончарный завод [Список населенных мест…, 1911]. А.Т. Верниковский начал заниматься гончарством в зрелом возрасте, первые навыки получил в Омской обл. у местных гончаров, после чего уехал в Чехословакию, где продолжил осваивать гончарную технологию у чехов и литовцев. Затем он вернулся в Венгерово, где производит керамические изделия как для личного пользования, так и для продажи. Мастер использует в качестве исходного сырья смесь красной и белой глины, закупая их на Урале и в Омске. Перед смешиванием глины дополнительно обрабатываются. Для конструирования сосуда мастер применяет ножной круг с электрическим мотором. Для обжига изделий используется муфель и специально изготовленная печь для восстановительного обжига. После придания прочности посуда подвергается дополнительной обработке поверхности – молочению в комбинации с другими способами (вощение, полировка).

Керамическая посуда, подвергнутая процессу молочения.
1 – после молочения до термической обработки; *2* – после молочения и термической обработки.

Описание процесса молочения. После первоначального обжига перед началом процесса изделие должно остыть. В качестве сырья для молочения может быть использовано как коровье, так и козье молоко (или молочные продукты (кефир)), иногда с примесями (сахар). Молоко должно быть как можно более жирным, т.к. от этого будет зависеть насыщенность цвета поверхности посуды. Однако если молоко будет очень жирным, то при использовании посуды в быту (приготовление пищи, мытье и др.) получившееся покрытие начнет слазить. Кроме этого, от типа сырья будет зависеть получаемый цветовой оттенок на поверхности посуды.

После выбора и подготовки сырья для молочения остывшее изделие полностью окунается в подготовленный заранее материал на 1–2 минуты. Затем сосуд извлекается и сохнет в течение 10 минут, после чего процесс «купания» повторяется. Двойное окунание необходимо для придания посуде определенного цветового оттенка – светло-коричневого. После «купания» дно изделия вытирается от молока, чтобы оно в дальнейшем не «пригорало». Сгустки молока на поверхности сосуда также убираются, чтобы не образовывались черные пятна.

Далее посуда помещается в обжиговое устройство (муфельная печь), где нагревается до 300°. Температура поднимается постепенно, чтобы избежать растрескивания изделий. Как только температура достигает пика, то начинается постепенное ее снижение до 185°, после чего изделия можно извлекать из печи. Процесс постепенного понижения температуры в обжиговом устройстве необходим для получения правильного цветового оттенка: если достать сосуд раньше, то окраска получится неравномерной. Если же посуда простоит слишком долго, то поверхность изделия станет черной. Точное время термического воздействия не указывается, оно будет зависеть от того цветового эффекта, который хочет получить гончар. После дожигания посуда вынимается из обжигового устройства и остывает, затем поверхность может быть дополнительно обработана смесью пчелиного воска, растительного масла и канифоли.

Для изучения древнего гончарства важно зафиксировать следы, оставленные тем или иным технологическим приемом на сосуде. Для корректной

интерпретации необходимо соотнести полученные данные с экспериментальными или этнографическими образцами. Трасологические признаки, по которым можно определить молочение, к настоящему моменту не выделены. В нашем случае можно использовать не экспериментальные образцы, а непосредственно посуду, изготовленную гончаром с использованием этого приема.

Таким образом, следы молочения характеризуются следующими признаками:

1) наличие на внешней и внутренней поверхности изделия налета;

2) налет представляет собой слой темно-коричневого цвета с небольшим блеском, равномерно покрывающий всю поверхность сосуда;

3) в углублениях на поверхности сосуда фиксируются «затеки» темно-коричневого или черного налета;

4) в изломе черепка налет проникает в его структуру на 0,5–0,1 мм.

Отличительной чертой молочения является наличие покрывающего всю внутреннюю и внешнюю поверхность изделия однородного темно-коричневого налета, тогда как при обваривании или кипячении молока в посуде полученный налет мозаичен и покрывает только одну из сторон сосуда.

Таким образом, молочение является одним из приемов обработки поверхности сосуда для придания ему влагонепроницаемости. В современном гончарстве используется наравне с обвариванием, вощением и др. Важным результатом применения этого способа является придание декоративного эффекта поверхности изделия. Получаемый цветовой оттенок может варьировать при изменении гончаром сырья для молочения (например, козье молоко – темно-коричневый оттенок, коровье молоко – светло-коричневый).

Использование молока и молочных продуктов в целях обработки поверхности известно в гончарной технологии русских [Цетлин, 2012, с. 125], однако для нее характерно воздействие только на внутреннюю часть изделия (молоко наливали в изделие и кипятили), тогда как молочение направлено на обработку всей поверхности посуды. Молочение как технологический прием могло возникнуть, скорее всего, в обществах, разводящих крупный и мелкий рогатый скот и имеющих излишки молочной продукции для использования их в гончарстве.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. – М.: Наука, 1980. – С. 57–59.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. до н.э.). – М.: Наука, 1991. – 214 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.

Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Издание Томской губернской статистической комиссии. – Томск: Изд-во Типографии Губернского Управления, 1911. – 189 с.

Цетлин Ю.Б. Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 110–141.

Цетлин Ю.Б. Фундаментальные проблемы изучения древнего гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 229–245.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

Цетлин Ю.Б. Гончарство Мордовии по этнографическим данным // Самарский науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 96–105.

References

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak istochnik informatsii o protsessakh smesheniya drevnego naseleniya. In *Tezisy dokladov sovetskoi delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoi arkheologii*. Moscow: Nauka, 1980, pp. 57–59 (in Russ.).

Bobrinskiy A.A. Goncharnye masterskie i gorny Vostochnoi Evropy (po materialam II–V vv. do n.e.). Moscow: Nauka, 1991, 214 p. (in Russ.).

Bobrinskiy A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: State Ped. Univ. Press, 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Spisok naselennykh mest Tomskoi gubernii na 1911 god. Izdanie Tomskoi gubernskoi statisticheskoi komissii. Tomsk: Izdatelstvo Tipografii Gubernskogo Upravleniya, 1911, 189 p. (in Russ.).

Tsetlin Yu.B. Osnovnye napravleniya i podkhody k izucheniyu organicheskikh primesei v drevnei keramike. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva.* Samara: State Ped. Univ. Press, 1999, pp. 110–141 (in Russ.).

Tsetlin Yu.B. Fundamental'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya.* Moscow: Inst. of Archaeology RAS, 2010, pp. 229–245 (in Russ.).

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda. Moscow: Inst. of Archaeology RAS, 2012, 430 p. (in Russ.).

Tsetlin Yu.B. Goncharstvo Mordovii po etnograficheskim dannym. *Samarskii nauchnyi vestnik,* 2015, No. 4 (13), pp. 96–105 (in Russ.).

УДК 903.3

А.Л. Нестеркина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Новые данные о происхождении традиционной системы отопления (кан) на Корейском полуострове

В статье рассматривается проблема происхождения традиционной системы отопления корейского жилища – кана. Ранее считалось, что каны получают распространение на Корейском полуострове в эпоху раннего Средневековья: их появление связано с культурой государств Когурё и Пэкче. Находка кана в жил. 1 памятника Йульмунни I позволяет по-новому подойти к решению вопроса об истоках и развитии кана. Йульмунни I представляет собой типичное поселение культуры чундо раннего железного века. Оно расположено в городе Чхунчхон (провинция Канвондо Республики Корея). Конструкция кана и археологические находки из жил. 1 Йульмунни I находят аналогии в крауновской культуре Российского Приморья. По собранному с пола жилища древесному углю получены 4 абсолютные даты. Они позволяют датировать жилище временным диапазоном I в. до н.э. – I в. н.э. Материалы археологических исследований поселения Йульмунни I свидетельствуют о крауновском происхождении отопительной системы типа кан на Корейском полуострове.

Ключевые слова: *Корейский полуостров, Приморье, жилище, кан, ранний железный век, культура чундо, крауновская культура.*

A.L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

New Data on the Origin of Traditional Heating System (Kang) in the Korean Peninsula

The article deals with the problem of the origin of the traditional Korean house heating system called kang. Previously it was thought that the kangs were spread in the Korean Peninsula in the early Middle Ages: their appearance is connected with the culture of Koguryo and Baekje. The find of kang's remains in the dwelling No. 1 of the Yulmun-ri I site gives a new approach to the question of the origin and development of kang. Yulmun-ri I is a typical settlement which belongs to the Jungdo culture of the Early Iron Age. The settlement is located in the city of Chuncheon (Gangwon-do Province, Republic of Korea). The construction of the kang and archaeological materials from the dwelling no. 1 of the Yulmun-ri I site show close similarities to Krounovka culture of the Russian Maritime Region (Primorie). From the charcoal which was gathered from the floor of the dwelling 4 absolute dates were obtained. They allow to date the dwelling construction within time range 1st century BC – 1st century AD. The archaeological research data from the Yulmun-ri I settlement suggests the origin of the heating system of kang in the Korean Peninsula from Krounovka culture.

Keywords: *Korean Peninsula, Russian Maritime Region (Primorie), dwelling, kang, Early Iron Age, Jungdo culture, Krounovka culture.*

В эпоху Средневековья на территории российского и зарубежного Дальнего Востока получает распространение система отопления теплым воздухом – кан. Она представляет собой канавки, расположенные вдоль стенок жилища. С одного конца такой канавки находился очаг-топка, другой конец канавки выводился за пределы жилища. Поверх канавки укладывались плоские камни [Загорулько, 1992, с. 14; Артемьева, 2008, с. 38].

Жилища с каном характерны для многих культур и народов Дальнего Востока (ханьцев, когурё, мохэ, бохайцев, чжурчжэней). В Корее кан с течением времени даже становится неотъемлемой чертой местной домостроительной традиции [Джарылга-

синова, 1979, с. 220]. Однако вопрос о происхождении и развитии отопительной системы типа кана в Восточной Азии пока не находит однозначного ответа. Существует мнение, что «кан возник в дальневосточной части своего ареала, в среде таких культур, как кроуновская, тхэсонри (Корея), верхняя сяцзядянь (Маньчжурия)» [Бродянский, 1985, с. 49; Артемьева, 2008, с. 40].

Данное утверждение, на наш взгляд, содержит немало спорных моментов. Сведения о находках жилищ с каном на памятнике Тхэсонни отсутствуют [Пукхан мунхвауджок.., 1999, с. 164, 173]. На севере Корейского полуострова остатки канов зафиксированы в жилищах памятника Тэпхённи, однако культурная атрибуция данного комплекса не однозначна. Жилища с каном приурочены к горизонту 2, содержащему когурёскую керамику, поэтому не исключена их принадлежность к культуре Когурё [Пукхан мунхвауджок.., 1999, с. 205, 207]. Есть также краткое упоминание о находке одноканального одноколенного кана в жил. 1 на стоянке Седжунни, но подробное описание объекта и иллюстрации отсутствуют, равно как и надежная датировка данного комплекса [Вострецов, Жущиховская, 1990, с. 78]. Культура верхнего слоя сяцзядянь известна, преимущественно, по погребальным комплексам со своеобразной керамикой и изделиям из бронзы. Достоверной информации о канах на памятниках этой культуры также нет [Баринова, 2013, с. 127-131]. Таким образом, на сегодняшний день наиболее вероятным представляется теория кроуновского происхождения восточноазиатского кана.

Ближайшей аналогией кроуновским материалам на территории Корейского полуострова являются памятники типа *чундо*. Данные комплексы получили распространение на территории северо-восточной и центральной Кореи в раннем железном веке (вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Памятники культуры *чундо* исследованы, преимущественно, по материалам поселений. До недавнего времени в жилищах типа *чундо* каны не были известны. В свете данных обстоятельств большой интерес представляют результаты работ на памятнике Йульмунни 75-2 (Йульмунни I).

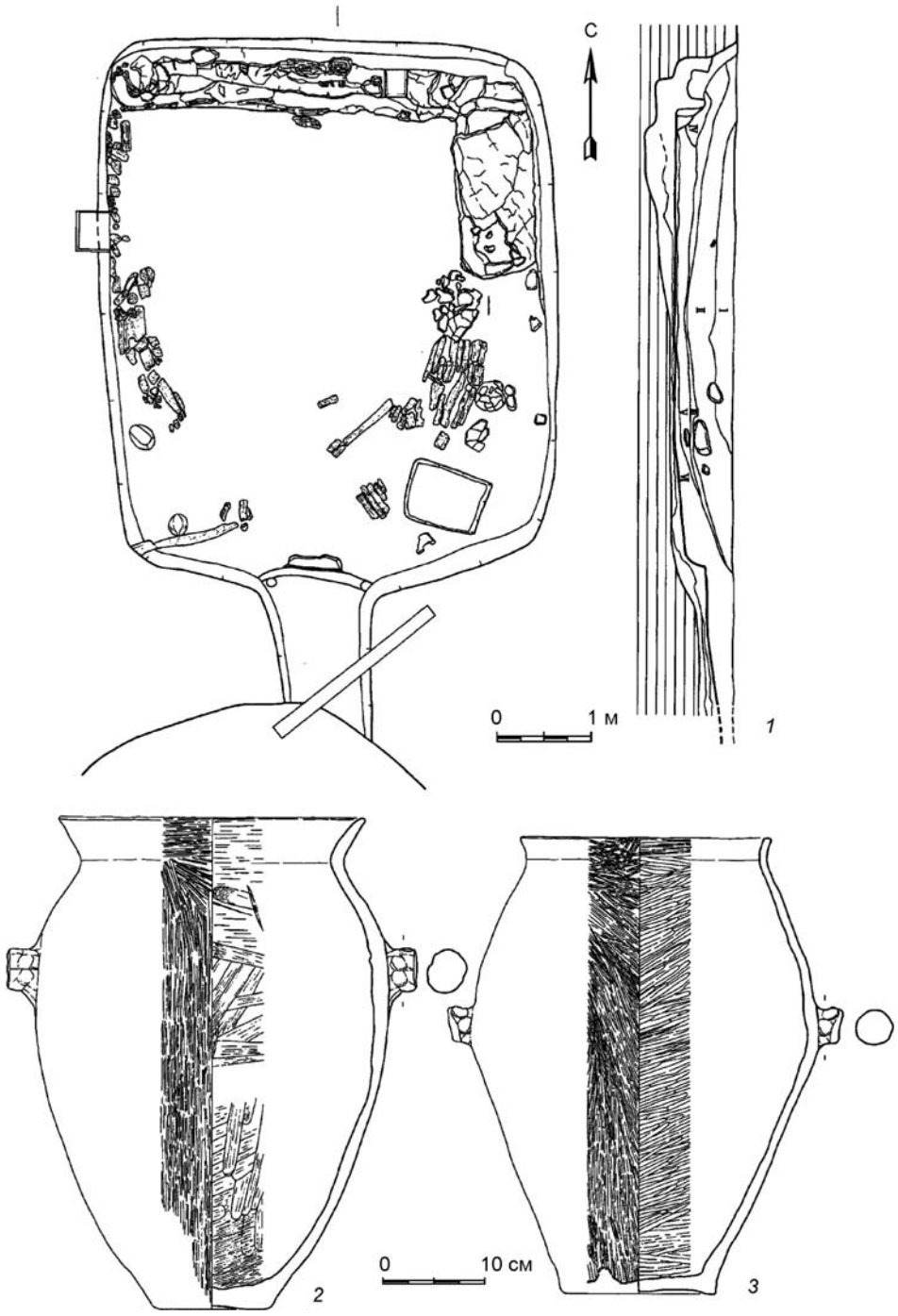
Памятник Йульмунни I расположен в центральной части Корейского полуострова. Он занимает территорию на севере г. Чхунчхон (пров. Канвондо Республики Корея). Это поселение, приуроченное к долине, сформировавшейся на месте слияния рек Пукханган и Соянган. Здесь в ходе разведочных работ, проводившихся Институтом культурного наследия *емэк* в 2005 г., выявлены контуры котлованов 21 жилища. В 2006 г. полностью исследовано археологическими раскопками одно из них (жил. 1) (см. *рисунок, 1*).

Жилище 1 имеет котлован подпрямоугольной в плане формы, размерами 5,6 × 4,3 м, глубиной 0,53 м, ориентированный продольной осью по линии север – юг. В южной, короткой, стенке котлована расположен четырехугольный в плане тамбур-вход (2,15 × 1,2 м), частично разрушенный результате строительства перекрывающего его жил. 2. Не исключена возможность того, что постройка имела дополнительный котлован, но по имеющимся данным установить его наличие не представляется возможным. Судя по большому количеству древесного угля на полу постройки, она разрушена в результате пожара. На полу сделана подсыпка из утрамбованного грунта. Столбовые ямки на полу жилища не прослежены. Вероятно, основание столбов каркаса жилища не было заглублено в грунт.

В жил. 1 зафиксирована система отопления типа двухколенного (Г-образного) глиняного кана. Сохранность кана удовлетворительная. Он состоит из печи с топкой, дымохода и выходного отверстия дымохода с трубой. Печь расположена в северо-восточной части котлована жилища, вдоль его стенки. Ее размеры 2,00 × 0,72 м, высота в пределах 0,5 м. На южном конце западной стенки печи имеется топка (0,28 × 0,19 м), оформленная поставленными на ребро каменными плитками. Верхняя часть печи, по-видимому, использовалась также для приготовления пищи: она выложена обмазанными глиной каменными плитками, на которые устанавливались керамические сосуды. Дымоход расположен вдоль северной стенки котлована жилища. Он одноканальный, стенки сложены из глины, длиной 4,3 м, шириной 0,2 м. Выходное отверстие дымохода находится в северо-западном углу котлована жилища. Изначально здесь располагалась дымовая труба. О ее наличии свидетельствуют остатки карбонизированной древесины в заполнении выходного отверстия. Судя по форме древесных остатков, функцию дымовой трубы выполняло бревно с полой сердцевиной. Основание трубы сложено размещеными под разными углами керамическими сосудами и обмазано глиной [Чхунчхон Йульмунни…, 2008, с. 13–15, 26–34].

Система отопления типа кана зафиксирована в жилищах кроуновской культуры Приморья на поселениях Киевка, Сопка Булочка и др. На пос. Киевка в 3 из 6 раскопанных жилищ (жил. 1, 3 и 4) найдены одноканальные двухколенные (Г-образные) каны, сложенные из каменных плиток [Вострецов, Жущиховская, 1990, с. 75, 76]. Аналогичный по форме С-образный глиняный кан выявлен в жил. 15б на Сопке Булочке [Древние памятники..., 2006, с. 45].

Находки на полу жил. 1 пос. Йульмунни I включают керамику типа *чундо*, керамический сосуд ханьского (лоланского) типа, каменные и железные изделия. Большая часть найденных здесь керами-



Жилище 1 поселения Йульмунни I.

1 – план и стратиграфия; *2, 3* – керамические сосуды (по: [Чхунчхон Йульмунни…, 2008]).

ческих сосудов относится к керамике типа *чундо*. Из собранных фрагментов реконструировано 6 сосудов. Два из них относятся к категории горшковидных сосудов с ручками-«пеньками» [Чхунчхон Йульмунни…, 2008, с. 64–66] (см. *рисунок, 2, 3*). Подобные сосуды типичны для культуры *туаньцзе* и крауновской культуры.

Комплекс железных изделий включает чугунный литой кельт, нож без рукояти, подтреугольный плоский наконечник стрелы с выемкой в основании и 3 аморфных фрагмента железных предметов [Чхунчхон Йульмунни…, 2008, с. 78–81]. Металлические артефакты также демонстрируют тесную связь с памятниками крауновской культуры Приморья (Крауновка-1, Киевка и др.).

По образцам древесного угля, собранным с пола жил. 1, методом AMS-датирования получены 4 определения абсолютного возраста жилища: 1955 ± 20 л.н.

(40 лет до н.э. – 90 лет н.э.) (PLD-7617); 1870 ± 25 л.н. (70–220 лет н.э.) (PLD-7618); 2010 ± 40 л.н. (120–80 лет до н.э.) (KR06-081); 1950 ± 40 л.н. (50 лет до н.э. – 130 лет н.э.) (KR06-082) [Чхунчхон Йульмунни…, 2008, с. 159–164]. Все полученные даты укладываются в период I в. до н.э. – I в. н.э. Таким образом, археологические материалы и абсолютные даты жил. 1 поселения Йульмунни I однозначно свидетельствуют о принадлежности данного объекта ко времени распространения культуры *чундо* в бассейне р. Пукханган.

Находка жилища с каменно-земляным двухколенным (Г-образным) каном на поселении культуры *чундо* Йульмунни I в центральной части Корейского полуострова позволяет по-новому рассмотреть вопрос о происхождении корейских канов. Ранее считалось, что каны распространяются на Корейском полуострове в эпоху Средневековья: в Северной Корее их появление связано с Когурё, в Южной Корее – с культурой раннего Пэкче. Однако материалы жил. 1 пос. Йульмунни I имеют более раннюю датировку: они относятся к раннему железному веку. Кроме того, эти материалы находят многочисленные аналогии в кроуновской культуре Российского Приморья. Все сказанное выше дает возможность сделать предварительный вывод о кроуновском происхождении традиционной отопительной системы типа кан на Корейском полуострове.

Список литературы

Артемьева Н.Г. Происхождение и эволюция традиционной системы отопления (кан и ондоль) народов Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2008. – Вып. 1 (5). – С. 38–45.

Баринова Е.Б. Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 420 с.

Бродянский Д.Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 46–50.

Вострецов Ю.Е., Жущиховская И.С. К вопросу о канах на памятниках кроуновской культуры Приморья // КСИА. – 1990. – Вып. 199. – С. 74–79.

Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. – М.: Глав. ред. вост. лит., 1979. – С. 216–227.

Древние памятники Южного Приморья. Отчет о раскопках на Сопке Булочке в 2005 г. / А.П. Деревянко, Ким Бонгон, В.Е. Медведев, Ким Ёнмин, Хон Хёну, И.В. Филатова, В.А. Краминцев, О.С. Медведева, Хам Сантхэк, А.Л. Субботина. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культур. наследия Республики Корея, 2006. – 361 с.

Загорулько А.В. Традиционное жилище корейцев: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Москва, 1992. – 25 с.

Пукхан мунхваюджок пальгуль кэбо (Сообщения о раскопках памятников культуры Северной Кореи). – Сеул: Гос. ин-т культур. наследия Республики Корея, 1999. – 643 с. (на кор. яз.).

Чхунчхон Йульмунни юджок I. Чхунчхон Йульмунни 75-2-понджи чханго синчхук пуджи-нэ юджок сигульчоса погосо (Памятник Йульмунни I в г. Чхунчхон. Отчет об археологических разведках на в зоне новостроек в квартале Йульмунни 75-2 в г. Чхунчхон) / Чон Ёну, Сим Джэён, Хон Сонъик, Ли Суджин, Ли Сангиль, Кан Хёнджон, Ким Соён. – Чхунчхон: Ин-т культурного наследия емэк, 2008. – 196 с. (на кор. яз.).

References

Artemyeva N.G. Proiskhozhdenie i evolyutsiya traditsionnoi sistemy otopleniya (kan i ondol') narodov Dal'nego Vostoka. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2008, iss. 1 (5), pp. 38–45 (in Russ.).

Barinova E.B. Etnokul'turnye kontakty Kitaya s narodami Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e. Moscow: IEA RAS Publ., 2013. 420 p. (in Russ.).

Brodyanskii D.L. Krounovsko-khunnskie paralleli. In *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi*. Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 46–50 (in Russ.).

Cheong Yeon-Woo, Sim Jae-Yoaun, Hong Sung-Ik, Lee Su-Jin, Lee Sang-Gil, Kang Hyeon-Jeong, Kim So-Yeong. Chuncheon Yulmun-ri yudzhok I. C Chuncheon Yulmun-ri 75-2-pondzhi chkhango sinchkhuk pudzhine yudzhok sigul'chosa pogoso (Pamyatnik Yulmun-ri I v gorode Chuncheon. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na v zone novostroek v kvartale Yulmun-ri 75-2 v gorode Chuncheon). Chuncheon: Yemeak Institute of Cultural Properties, 2008, 196 p. (in Kor.).

Derevianko A.P., Kim Bong-Geon, Medvedev V.E., Kim Young-Min, Hong Hyung-Woo, Filatova I.V., Kramintsev V.A., Medvedeva O.S., Hahm Sang-Taek, Subbotina A.L. Drevnie pamyatniki Yuzhnogo Primor'ya. Otchet o raskopkakh na Sopke Bulochke v 2005 godu. Seoul: IAET SB RAS, National Research Institute of Cultural Heritage Republic of Korea Publ., 2006, 361 p. (in Russ.).

Dzharylgasinova R.Sh. Zhilishche koreitsev. In *Tipy traditsionnogo sel'skogo zhilishcha narodov Yugo-Vostochnoi, Vostochnoi i Tsentral'noi Azii*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1979, pp. 216–227 (in Russ.).

Pukkhan munkhvayudzhok pal'gul' kebo. Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage Republic of Korea Publ., 1999, 643 p. (in Kor.).

Vostretsov Yu.E., Zhushchikhovskaya I.S. K voprosu o kanakh na pamyatnikakh krounovskoi kul'tury Primor'ya. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1990, iss. 199, pp. 74–79 (in Russ.).

Zagorulko A.V. Traditsionnoe zhilishche koreitsev: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1992, 25 p. (in Russ.).

УДК 902/904

С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Территориальные группы населения урильской культуры Приамурья*

Археологические исследования в Приамурье показали, что в начале раннего железного века, связанного с появлением здесь носителей урильской культуры в конце II тыс. до н.э., данный регион становится однокультурным. При этом к западу и к востоку от гор Малого Хингана существовали разные по облику поздненеолитические культуры, соответственно, осиноозёрская и вознесеновская. Анализ этнокультурной обстановки в до- и послеурильское время показал, что первый период раннего железного века был единственным, когда случилось культурное объединение двух регионов Приамурья. Однако, как показали исследования гончарства урильской культуры, уже на раннем этапе переселения из Маньчжурии, когда два миграционных потока разъединили протоурильский конгломерат, их развитие в Приамурье стало самостоятельным из-за разделения горами Малого Хингана. В результате выделение общих элементов урильской культуры раннего периода позволит провести поиск истоков данной культуры в Маньчжурии и Северном Китае.

Ключевые слова: *Приамурье, Маньчжурия, Малый Хинган, урильская культура, ранний железный век, пути миграции.*

S.P. Nesterov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

The Territorial Population Groups of Urilskaya Culture in Priamurie

Archaeological studies in the Amur region have shown that at the beginning of the early Iron Age, with the emergence of Urilskaya culture carriers at the end of II thousands BC, this region became one-cultural. At the same time to the west and east of the mountains of the Maliy Khingan there were two different late Neolithic cultures Osinoozerskaya and Voznesenovskaya. An analysis of the ethnocultural situation before and after uril time has shown that the first period of the Early Iron Age was the only period when there was the cultural union of the two regions of Priamurie. However, as Urilskaya culture pottery researches have shown at an early stage of migration from Manchuria, where two migratory flows have separated protourilsky conglomerate, their development in the Priamurie has become autonomous due to the separation of the mountains of Maliy Khingan. As a result, the identification of common elements of the early period Urilskaya culture will allow searching the origins of this culture in Manchuria and North China.

Keywords*: Priamurie, Manchuria, Maliy Khingan, Urilskaya culture, the Early Iron Age, migration paths.*

Археологические исследования в Приамурье показали, что поздненеолитическая эпоха в бассейне Амура накануне появления здесь населения урильской культуры была представлена разными культурами: в Западном Приамурье – осиноозёрской [Окладников, Деревянко А.П., 1973], в Восточном Приамурье – вознесеновской [Шевкомуд, 2004]. Границей между ними являлись горы Малого Хингана, которые также осложняли обитателям контакты между собой и по долине р. Амур, которая «…то прорезает хребты поперек, то резко, иногда под прямым углом, изгибается и идет по продольным долинам». «Горы особенно дики» в средней части прорыва протяженностью в 50 км. «Береговая

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Начало раннего железного века в Приамурье: происхождение урильской культуры (XII–II вв. до н.э.)»

полоса в высокую воду исчезает в узких ущельях, горные откосы круто спускаются прямо в воду. Амур резко суживает свое русло и без всяких рукавов быстро стремится между горами» [Сементовский, 1959, с. 30, 50–52].

Вряд ли горы Малого Хингана в урильское время перестали быть препятствием для устойчивого общения обитателей Западного и Восточного Приамурья. Если носители относительно единой протоурильской культуры пришли в Приамурье из Маньчжурии минимум двумя путями, на что указывают конечные точки миграции, то они обязательно должны были оказаться отделены друг от друга горами в силу естественной географической ситуации в данном регионе. И пока нет данных, что они общались через эту горную страну. Хотя такая возможность могла существовать по воде Амура. Хинганская труба длиной 150 км, являясь серьезным препятствием, все же была проходима вниз по течению, но трудна для подъема вверх.

На втором этапе раннего железного века культурное единство населения Приамурья опять прекращается. В восточной части Приамурья довольно рано (в VII–V вв. до н.э.) урильская культура сменяется польцевской [Деревянко А.П., 1976, с. 160–161]. Возможно, происхождение последней связано с эволюционным культурным развитием урильских обитателей региона. В то же время, на северо-востоке Нижнего Приамурья обнаружены сопровождающие польцевскую культуру комплексы с керамикой кольчёмского типа. Она очень близка к урильской, но датируется по ^{14}C около рубежа эр. И.Я. Шевкомуд предположил, что на окраинах польцевского культурного мира происходит некоторая консервация урильских традиций [2015, с. 170]. Это может свидетельствовать о том, что в формировании польцевской культуры могли принять участие и пока неизвестные пришлые племена.

В западной же части Приамурья урильское население доживает до II в. до н.э., когда сюда с территории Забайкалья приходят прототалаканские племена. В результате синтеза урильских аборигенов и пришлых прототалаканцев формируется талаканская культура [История Амурской области…, 2008, с. 59–76]. Ретроспективный метод позволяет предположить, что пришлые забайкальцы были монголоязычными. Талаканская культура в III в. н.э. эволюционирует в михайловскую, а население этого района Приамурья китайские летописи называют северной группой (бэй) шивэй и относят к монголоязычным племенам [Материалы по истории…, 1984, с. 135]. Кто были по языку носители урильской культуры, пока окончательно не установлено.

История населения Приамурья в постурильское время может свидетельствовать о том, что, несмотря на распространение урильской культуры по всему Приамурью, она территориально, видимо, также была разделена на две локальные группы.

А.В. Гребенщиков выделил в общих границах гончарства урильской культуры два локальных варианта – западный и восточный. При этом, по его мнению, «это не нарушает той общей культурной однородности, которая устанавливается в среде обитателей Приамурья на начальном этапе раннего железного века [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, с. 73–74]. В данном случае могли сказаться не только территориальная изолированность западных и восточных урильцев друг от друга, но и влияние гончарства культур позднего неолита: осиноозёрского – на западе и вознесеновского – на востоке. Если элементы последнего прослеживаются в урильской керамике, то влияние осиноозерской керамической традиции на керамику урильской культуры достоверно не определено.

Возможно, косвенными данными о связи урильских обитателей Западного Приамурья с предшествующим населением осиноозёрской культуры можно считать шлифованные каменные орудия – тесла, долото, которые были встречены на поселении Урильский Остров на Амуре и на временной стоянке Сухие Протоки-2 на р. Бурее [Деревянко А.П., 1973, с. 197, 258; Древности Буреи, 2000, с. 250]. Хотя использование шлифованных орудий могло быть связано с отсутствием в Приамурье доступного источника меди и других цветных металлов для производства бронзы, с производством которой урильцы были знакомы хорошо. Об этом свидетельствуют находки бронзовых предметов на ранних урильских памятниках – лапчатые подвески с Урильского Острова и Букинского Ключа-1, пронизки и обломок ножа с Сухих Проток-2 [Деревянко А.П., 1973, с. 288, табл. XV, *8*; Древности Буреи, 2000, с. 78, рис. 31, *5*, *6*; Нестеров, Дураков, Шеломихин, 2008], нож с памятника Усть-Ульма на р. Селемдже [Деревянко А.П., Зенин, 1995, с. 5–6]. Причем бронзовые предметы демонстрируют контакты урильцев с карасукским миром Центральной Азии в XII–X вв. до н.э.

Отсутствие в Приамурье источников для бронзолитейного производства, видимо, заставило новых обитателей Приамурья шире использовать шлифованные каменные орудия, а также стало одной из причин наиболее раннего для востока Азии освоения выплавки железа и белого чугуна из болотной железной руды. Но даже из железа они делали коленчатые ножи карасукского типа и похожие

на бронзовые кельты из чугуна [Древности Буреи, 2000, с. 78, рис. 31]. Нужно заметить, что наиболее ранние находки урильских железных изделий пока связаны с западной группой. На востоке они приурочены к среднему и позднему этапам культуры (памятники Кочковатка, жил. 1, Максим Горький), но зато здесь очень много шлифованных орудий [Деревянко А.П., 1973, с. 198].

Нельзя исключать того, что именно разделение протоурильской культуры на две территориальные группы в дальнейшем привело к различному финальному сценарию их существования. Важно то, что в западной и восточной части Приамурья история населения, объединенного в этнокультурном аспекте, но разъединенного территориально, на втором этапе раннего железного века пошла по пути разделения культур. И связи польцевского населения и с западноурильскими, а затем и с талаканскими обитателями были редкими, возможно, опосредованными.

Таким образом, горы Малого Хингана оставались тем естественным барьером, который препятствовал этнокультурным контактам и до, и во время бытования населения урильской культуры, и в последующие исторические периоды, когда в Западном Приамурье с III в. н.э. распространяется михайловская культура бэй шивэй, а в Восточном с IV–V вв. – найфельдская группа хэйшуй мохэ [История Амурской области…, 2008, с. 77–91; Дьякова, 1984, с. 40–60].

Урильская культура Приамурья, несмотря на возможный симбиоз ее происхождения на территории Маньчжурии и Северного Китая на начальном этапе своего территориального разделения должна была иметь одинаковые хозяйственно-культурные элементы. В этом плане показательна керамика. Сравнительный анализ форм и орнамента посуды с раннеурильских памятников Приамурья (Сухие Протоки-2, Урильский Остров, Букинский Ключ-1, Рыбное Озеро, Кочковатка, жил. 2, 3) с материалами памятников Китая позволит установить возможное место исхода протоурильцев. А даты этих памятников помогут синхронизировать их с известными из китайских летописей политическими, культурными и экологическими событиями начала чжоуского времени XII–X вв. до н.э. и определить степень их влияния на миграцию протоурильского населения в Приамурье. Особо нуждается в изучении история исхода легендарных сушэней с низовьев Хуанхэ на север Китая, видимо, вдоль побережья Жёлтого моря и далее в Маньчжурию, т.к. именно их миграция могла способствовать переселенческим процессам, в т.ч. и населения западной и южной части Маньчжурии [Окладников, Деревянко А.П., 1973, с. 289–290].

Возможные пути миграции протоурильского населения вверх по р. Нонни в Западное Приамурье и вниз по р. Сунгари в Восточное Приамурье говорят о том, что начальной точкой расхождения двух групп должен был быть район впадения р. Нонни в Сунгари. Таким образом, перспективными районами поиска элементов культуры протоурильского населения являются западные и южные районы пров. Цзилинь, Ляонин и Хэбэй, восточные территории Внутренней Монголии. Это тот регион Азии, где протоурильский этнокультурный конгломерат приобрел черты материальной культуры (в гончарстве, хозяйственном укладе земледельцев и свиноводстве, облике орудий труда из камня и бронзы), которые были присущи носителям урильской культуры на начальном этапе их проживания в Приамурье, в т.ч. и на китайском правобережье (например, стоянка Хайцинь на р. Чжули в Саньцзяне пров. Хэйлунцзян, ок. 3 000 л.н. [Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001, с. 64–65]).

Поиск этих элементов урильской культуры в предшествующих или синхронных ей археологических культурах (верхнего слоя Сяцзядянь, ситуаньшань, байцзинбао и др.) указанных выше районов Китая является основной задачей исследования на современном этапе.

Список литературы

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племён Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I–III). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.

Древности Буреи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Материалы по истории кочевых народов группы. – М.: Наука, 1984. – 486 с.

Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 32–42.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Осиноозёрская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). – Владивосток: Ин-т истории, археологии

и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973. – Т. 9. – С. 33–42.

Сементовский В.Н. Река Амур: (очерк природы). – М.: Гос. изд-во географ. лит., 1959. – 88 с.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. –156 с.

Шевкомуд И.Я. Неолит-палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы регион. науч. конф. (Владивосток, 18–20 нояб. 2013 г.). – Владивосток, 2015. – С. 140–176.

References

Derevianko A.P. Rannij zheleznyj vek Priamur'ja. Novosibirsk: Nauka, 1973, 356 p. (in Russ.).

Derevianko A.P. Priamur'e (I tysjacheletie do nashej jery). Novosibirsk: Nauka, 1976, 384 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Zenin V.N. Paleolit Selemdzhi (po materialam stojanok Ust'-Ul'ma I–III). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, 160 p. (in Russ.).

Drevnosti Burei. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 352 p. (in Russ.).

Dyakova O.V. Rannesrednevekovaja keramika Dal'nego Vostoka SSSR kak istoricheskij istochnik IV–X vv. Moscow: Nauka, 1984, 206 p. (in Russ.).

Grebenshhikov A.V., Derevianko E.I. Goncharstvo drevnih plemjon Priamur'ja (nachalo jepohi rannego zheleza). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 120 p. (in Russ.).

Istorija Amurskoj oblasti s drevnejshih vremen do nachala XX veka. Blagoveshhensk, 2008, 424 p. (in Russ.).

Materialy po istorii kochevyh narodov gruppy dunhu. Moscow: Nauka, 1984, 486 p. (in Russ.).

Nesterov S.P., Durakov I.A., Shelomihin O.A. Rannij kompleks uril'skoj kul'tury s Bukinskogo kljucha na reke Buree. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 4, pp. 32–42 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Derevianko A.P. Osinoozjorskaja kul'tura na Srednem Amure. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istorija, arheologija, etnografija, filologija)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of Far-East of FEB AS USSR, 1973, vol. 9, pp. 33–42 (in Russ.).

Sementovskiy V.N. Reka Amur: (ocherk prirody). Moscow: Gos. izd-vo geograf. lit., 1959, 88 p. (in Russ.).

Shevkomud I.Ja. Pozdnij neolit Nizhnego Amura. Vladivostok: FEB RAS, 2004, 156 pp. (in Russ.).

Shevkomud I.Ja. Neolit-paleometall v Nizhnem Priamur'e – koncepcija paleokul'turnogo razvitija. In *Pervobytnaja arheologija Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnyh territorij Vostochnoj Azii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija*: materialy regionalnoy hauchnoy konferentsii (Vladivostok, 18–20 noyabrya 2013 g.). Vladivostok, 2015, pp. 140–176 (in Russ.).

УДК 903.5(571.122)

А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша, А.В. Зубова, Д.В. Поздняков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское)*

В статье характеризуется неординарный объект – парное мужское погребение, обнаруженное в очаге жилища № 11 на городище Усть-Войкарское. Погребенные – мужчины в возрасте 35–40 и 40–45 лет. Морфологические особенности черепов позволяют с уверенностью отнести обоих индивидов к представителям европеоидной расы. Отсутствие на костях скелетов следов термического воздействия свидетельствует о том, что после совершения погребения очаг не использовался по прямому назначению. На основании высокой степени совпадения индивидуальных морфологических характеристик зубной системы сделано предположение о принадлежности погребенных к одной близкородственной группе. Предполагаемая дата совершения погребения первая треть – середина XVII в.

Ключевые слова: *Приполярье, городище Усть-Войкарское, погребение, антропология, одонтология.*

A.V. Novikov, Yu.N. Garkusha, A.V. Zubova, D.V. Pozdnyakov

Institute of Archaeology and Ethnography RAS
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Double Burial in the Hearth of a Dwelling (The Ust-Voykar Fortified Settlement)

The study describes an unusual object – a double male burial discovered in the hearth of dwelling No. 11 in the Ust-Voykar fortified settlement (the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). The buried were the males 35–40 and 40–45 years old. The morphological features of their skulls make it possible to confidently identify both individuals as Caucasian. The absence of traces of thermal impact on the bones of the skeletons indicates that after the burial the hearth was not used for its intended purpose. Based on the high degree of coinciding individual morphological traits of dental system, it is suggested that the buried belonged to a closely related group. The estimated date of the burial is first third – mid of the 17th century.

Keywords: *Sub-polar region, Ust-Voykar fortified settlement, burial, anthropology, odontology.*

В истории полевых исследований городища Усть-Войкарское (остяцкий Войкарский городок, по мнению авторов первых исследований на памятнике [Брусницына, 2003; Федорова, 2006]) неординарным событием в контексте планиграфии поселения является обнаружение преднамеренного погребения двух человек на площади жилой постройки № 11 (приводится нумерация, принятая с 2012 г.), совершенного внутри очага, но без признаков кремации (см. *рисунок*).

Очажное устройство, послужившее своеобразным саркофагом, имело прямоугольную форму длиной ок. 3 м и шириной ок. 0,9 м. Оно располагалось в центральной части дома каркасно-столбовой конструкции, узкой частью напротив входного проема, выполненного в восточной стене. Таким образом, конструкция была ориентирована по линии восток – запад.

Очажная конструкция представляла собой раму, собранную из плах при помощи комбинации различных способов углового соединения: использованы как жесткий способ при помощи вырубов-замков, так и соединение встык. Западные окончания плах располагались встык со стеной постройки.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Постройка № 11 городища Усть-Войкарское. Общий вид погребения с востока.

Удалось проследить два венца; на примере архитектурных особенностей других построек городка не стоит исключать, что в этом или ином виде очаг в данном месте может продолжаться и вглубь заполнения строения. С внешней стороны по периметру стенки очага укреплялись колами. Не исключено, что они также могли являться и основой для надочажной конструкции.

Под костровое место был определен участок длиной 2,36–2,40 м, отделенный поперечной, установленной на ребро доской. С продольными стенками она соединялась встык и фиксировалась колышками.

Расположение очажной конструкции предопределило и ориентацию размещения умерших по линии восток – запад: тела были уложены на циновку, изготовленную из пучков травы, и головами были направлены на запад.

Ширина конструкции не способствовала свободному положению здесь останков двух взрослых людей. Останки первого индивида (скелет «А») располагались вплотную к южной стенке очага, на левом боку; ноги были согнуты в коленях, при этом правая голень подтянута к тазу. Правая рука согнута в локте и вытянута вперед, левая согнута и направлена к лицевой части черепа: фаланги пальцев упирались в глазницы.

Второй погребенный (скелет «Б») располагался вплотную к северной стенке очага и останкам первого, на спине с приподнятыми плечами, вытянуто. Судя по расположению костей скелета «Б», левая рука погребенного была согнута в локте таким образом, что предплечье располагалось вплотную к туловищу. Лучевые кости скелета «Б» были расположены на грудной клетке. Правая рука располагалась вдоль туловища погребенного «Б», но была незначительно согнута в локте.

Кости голеностопа сохранились *in situ* только у правой ноги погребенного «А». В восточной части заполнения, на 10–12 см выше уровня расположения останков, обнаружено компактное скопление частей голеностопного сустава и фаланги пальцев стопы.

Под обоими погребенными сохранились фрагменты верхней одежды и деталей обуви. Поверх скелетов погребенных они не уцелели. В настоящее время эти находки реставрируются, проводятся работы по реконструкции кроя.

Отсутствие следов термического воздействия как на останках, так и на сопутствующих предметах, свидетельствует о том, что после совершения погребения очаг не использовался по прямому назначению. Слой, под которым были погребены тела, состоял, в основном, из измельченной древесины: щепы, опила – того, что является основной составляющей культурных отложений как за пределами построек, так и внутри них. Отходы деревообработки были перемешаны с уже остывшими на тот моментами угольками, золой. Вероятно, засыпка производилась предварительно выбранным заполнением этого же очага. В заполнении встречены единичные разрозненные мелкие фрагменты костей животных. Непосредственно над останками погребенного «А», вдоль скелета залегал кусок древесины длиной ок. 0,5 м. Над скелетами обнаружены части металлической проволоки и железного ножа, вероятно, не имеющих непосредственного отношения к погребенным.

Скелеты принадлежат двум взрослым мужчинам (скелет «А» – 35–40 лет, скелет «Б» – 40–45 лет). На черепах обоих индивидов сохранились остатки волосяного покрова. В обоих случаях волосы коротко стриженные, тонкие, мягкие, светло- и темно-каштанового цветов. Следов скальпирования не обнаружено. Морфологические особенности черепов позволяют с уверенностью отнести обоих индивидов к представителям европеоидной расы. Мозговая капсула характеризуется мезо- и брахикранией с низким или средней высоты сводом, вертикально поставленной, выпуклой лобной чешуей и слабо выраженным рельефом надглазничной области. Лицевой отдел низкий, средней ширины, резко профилированный на горизонтальных уровнях. Носовой отдел характеризуется достаточно высоким, хорошо моделированным переносьем и сильно выступающими носовыми косточками.

У обоих индивидов кости посткраниального скелета довольно крупные, массивные, с крупными эпифизами и хорошо выраженным мышечным рельефом. На части суставных поверхностей костей верхних конечностей скелета 1 отмечаются патологические изменения в виде складчатости и вдавлений костной пластинки.

Одонтологические характеристики погребенных позволяют отнести их к западному одонтологическому стволу. У обоих индивидов отсутствует лопатообразность верхних резцов и дистальный гребень тригонида на первых нижних молярах, которые имеют 5-бугорковое строение. Вторые нижние моляры 4-бугорковые. Также у обоих присутствует диастема между верхними центральными резцами, у старшего индивида бугорок Карабелли на первых верхних молярах. В целом это типичные признаки среднеевропейского одонтологического типа, свидетельствующие о европейском происхождении погребенных. Необычно для представителей этого типа наблюдаемое у обоих погребенных присутствие вестибулярного цингулюма на вторых и третьих нижних молярах и бугорка протостилида на третьих молярах нижней челюсти.

Высокая степень совпадения индивидуальных морфологических характеристик зубной системы свидетельствует о принадлежности погребенных к одной близкородственной группе, однако точную степень родства необходимо будет уточнить генетическими методами.

Патологии зубной системы свидетельствуют об одинаковом составе диеты, включающей высокую долю углеводов, и о подверженности обоих индивидов пищевым стрессам в детском возрасте. При этом младший из двоих мужчин испытывал более частые и сильные пищевые стрессы, чем старший.

Для получения представления об относительной хронологии описанного погребального комплекса необходимо отметить, что непосредственно на развалинах постройки № 11 были последовательно возведены жилые дома – постройки № 9А и 9 (№ 6 – по нумерации Н.В. Федоровой [Федорова, 2006, с. 14]). Подготовка площадки для строительства новых сооружений характеризовалась следующими этапами: демонтаж внешних стен и внутренних опорных столбов ранней постройки до определенного уровня, сохранение отдельных элементов внутренней планировки, выравнивание подсыпкой измельченной древесины уровня поверхности для следующего яруса деревянного пола. Новые дома, расположенные в границах, близких тем, которые занимало предшествующее сооружение, были построены уже с использованием срубных технологий [Гаркуша, 2016], но с сохранением основных принципов внутренней планировки. Так, для размещения очага в новых постройках было использовано то же место, что и в постройке № 11, при этом были восприняты его основные конструктивные параметры. Дно нового очага превышало уровень расположения останков на 12–16 см и было сформировано слоем супеси, что позволило им избежать термического повреждения. Дендродаты, полученные по образцам из северной стены, свидетельствуют о том, что постройка № 9 (по нумерации Н.В. Федоровой – № 6) была сооружена не ранее 1678 г. [Гурская, 2008, с. 219]. Таким образом, предполагаемое время появления этого погребения вряд ли позднее первой трети – середины XVII в.

На исследованной площади памятника ранее уже были отмечены случаи, когда в пространстве очага сохранились свидетельства о совершении различных обрядовых действий. Так, в постройке № 11 (по нумерации Н.В. Федоровой), расположенной у подножия холма, при последовательном разборе ярусов очажной конструкции под одним из них был обнаружен скальп, снятый с головы человека: «Скальп неплохо сохранился, волосы черного цвета, фиксируются остатки кожи» [Федорова, 2007]. Отметим ранний возраст этого комплекса: согласно имеющимся дендродатам эта постройка могла появиться в начале XIV в. [Гурская, 2008, с. 221–222]. В уже упомянутой постройке № 9, поверх заполнения очага было обнаружено погребение собаки [Новиков, Гаркуша, 2016].

Вопрос об этнической атрибуции населения городища в разные периоды его существования остается нерешенным. Однако северо-таежная зона Нижнего Приобья, к которой приурочено место расположения памятника, определяется исследователями как исторический ареал интенсивных контактов угорского и самодийского населения

[Мартынова, 1998, С. 88–89]. Тем не менее неординарность контекста обнаружения парного погребения, вкупе с европеоидным типом захороненных, затрудняет его интерпретацию с привлечением известных примеров из погребальной практики коренных жителей Нижнего Приобья.

Список литературы

Брусницына А.Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: мат-лы VI Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 45–52.

Гаркуша Ю.Н. Об одном из типов «остяцких» жилых строений в Нижнем Приобье (по материалам археологического исследования городища Усть-Войкарское в 2015 г.) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и иск-ва, 2016. – Т. XI. – С. 27–34.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. – 235 с.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вестн. угроведения. – 2016. – № 2 (25). – С. 120–134.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Салехард, 2006. – Вып. № 4 (41). – С. 11–17.

Федорова Н.В. Раскопки Войкарского городища в 2007 году. – URL: http://yamalarchaeology.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=108

References

Brusnitsyna A.G. Gorodishche Ust'-Voikarskoe. Nachalo izucheniya. In *Ugry: materialy VI Sibirskogo Simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri"*. Tobol'sk, 2003, pp. 45–52 (in Russ.).

Fedorova N.V. Voikarskii gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 gg. *Nauchnyi vestnik*, Salekhard, 2006, No. 4 (41), p. 11–17 (in Russ.).

Fedorova N.V. Raskopki Voikarskogo gorodishcha v 2007 godu (in Russ.). URL: http://yamalarchaeology.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=108 (in Russ.).

Garkusha Yu.N. Ob odnom iz tipov «ostyatskikh» zhilykh stroenii v Nizhnem Priob'e (po materialam arkheologicheskogo issledovaniya gorodishcha Ust'-Voikarskoe v 2015 g.). *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet arkhitektury, dizaina i iskusstva, 2016, vol. XI, pp. 27–34 (in Russ.).

Gurskaya M.A. Dendrokhronologicheskaya datirovka arkheologicheskikh obraztsov drevesiny gorodishcha Ust'-Voikarskogo (Severo-Zapadnaya Sibir'). In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe*. Yekaterinburg; Chelyabinsk: Rifei, 2008, pp. 212–231 (in Russ.).

Martynova E.P. Ocherki istorii i kul'tury khantov. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS Press, 1998, 235 p. (in Russ.).

Novikov A.V., Garkusha Yu.N. Voprosy interpretatsii pogrebenii domashnikh sobak na gorodishche Ust'-Voikarskoe. *Vestnik ugrovedeniya*, 2016, No. 2 (25), pp. 120–134 (in Russ.).

УДК 902/904

А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша, О.И. Новикова, А.В. Кениг, М.В. Мороз

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское в 2016 году*

Стационарные исследования на городище Усть-Войкарское (Шурышкарский р-н ЯНАО) ведутся с перерывами с 2003 г. В 2016 г. продолжено изучение двух законсервированных объектов на участках раскопов предыдущих лет – жилых построек № 7 и 9, и начаты исследования на новом участке, где были выявлены остатки срубной постройки № 10. Установлено, что особенностью домостроительства является длительное и непрерывное освоение площадок, выбранных для строительства жилых построек. Отмечены регулярные реконструкции жилых строений. В случае с каждой конкретной постройкой зафиксировано, что на определенном этапе ее развития происходила замена каркасно-столбовой конструкции на срубную. Спецификой каркасно-столбовых построек являлось наличие центрального помещения. В двух постройках под основанием передних стен располагались массивные плахи с личинами.

Ключевые слова: *Приполярье, городище Усть-Войкарское, Войкарский городок, традиционная архитектура, мерзлота, деревянные постройки.*

A.V. Novikov, Yu.N. Garkusha, O.I. Novikova, A.V. Kenig, M.V. Moroz

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Preliminary Results of the Studies at the Ust-Voykar Fortified Settlement in 2016

Stationary studies at the Ust-Voykar fortified settlement (Shuryshkar District of the the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) has been intermittently conducted since 2003. In 2016, the study of two conservated buildings – dwellings No. 7 and 9 – was continued, and a new area began to be investigated. The remains of logwork structure No. 10 were found in the new area. It has been established that the specific feature of house building was long and continuous development of the areas selected for dwelling construction. Regular rebuilding of dwellings has been detected. It has been established that at a certain stage of development in each particular building, frame-and-pillar structure was replaced by logwork structure. The specific trait of the frame-and-pillar buildings was the presence of the central room. Heavy half-beams with the carved anthropomorphic masks were placed under the bases of front walls in two buildings.

Keywords: *Sub-polar region, Ust-Voykar fortified settlement, Voykarsky gorodok, traditional architecture, permafrost, wooden buildings.*

На городище Усть-Войкарское, расположенном в Приполярье (Шурышкарский р-н ЯНАО), раскопки ведутся с перерывами, начиная с 2003 г. (см. например: [Брусницына, 2005; Новиков и др., 2015]). По мнению авторов первых исследований, это поселение отождествляется с известным по письменным источникам с рубежа XVI–XVII вв. остяцким Войкарским городком [Федорова, 2006].

В 2016 г. исследования велись на трех участках памятника, общая площадь раскопов составила 217 м^2. Было продолжено изучение построек № 7 и 9 (приводится нумерация построек, приня-

*Работы выполнены за счет гранта РГНФ № 16-01-18077е.

тая с 2012 г.), и начаты работы на новом участке – на юг вдоль бровки западного склона холма, где были обнаружены остатки очередной постройки № 10. Возраст исследованных нами сооружений предварительно можно соотнести с XVII – первой половиной XVIII в. [Новиков и др., 2015, с. 368].

Постройка № 7. В процессе демонтажа конструкции и выборки заполнения отмечено, что все изменения в архитектуре, фиксируемые на разных уровнях, в целом, происходили в границах, обозначенных наиболее поздним срубным сооружением [Гаркуша, Новиков, 2015]. Изменения коснулись как конструкции наружных стен, так и внутреннего устройства жилища. При этом сохранялись основные планировочные решения (рис. 1).

Важным показателем такой преемственности является неизменное местоположение очажной конструкции с выдерживанием ее основных параметров. Она представляла собой размещенный в центре дома сруб длиной ок. 3 м и шириной 0,9–1,0 м. Сооружение уходит вглубь слоя щепы на 0,65–0,70 м и насчитывает 9 венцов. С большей вероятностью это является признаком длительного и беспрерывного существования жилой постройки в этой части поселения. В исходном виде, вероятнее всего, очаг представлял собой наземную срубную конструкцию в 1–2 венца, заполненную грунтом. Аналогии этому неоднократно отмечены в средневековых археологических и этнографических материалах севера Западной Сибири (см., например: [Чернецов, 1949, с. 25; Кардаш, 2009, с. 56; 2013, с. 58, 108]). По мере развития постройки, накопления отходов деревообработки, происходило наращивание очажной конструкции.

Изменения в конструкции дома не затронули также расположение входного проема: он располагался в серединной части южной стены и был ориентирован вглубь площадки холма. Снаружи к входу вел коридор.

Установлено, что срубному жилищу предшествовало слабо углубленное каркасно-столбовое сооружение. Наружные стены были сформированы из вертикально установленных досок, нижним концом опирающихся на грунт. Посредством установки вертикальных столбов и укладки между ними плах, зафиксированных с обеих сторон жердями, выделена центральная часть помещения размером 4,5 × 5,0 м. Вход внутрь маркировался промежутком в стене шириной ок. 1,5 м.

Пол, как во внутреннем помещении, так и за его пределами, был выстлан досками и подтесанными жердями, размещенными на лагах.

Обнаружена выходящая за пределы северной стены канава, стенки которой выложены досками. Близкая по расположению и исполнению конструкция, названная сливом, была отмечена ранее в постройке № 8 (по нумерации Н.В. Федоровой) [Федорова, 2006, с. 15].

Уходящий вглубь очаг и проступающие из слоя детали очередного яруса пола свидетельствуют о том, что исходный уровень строительства жилища еще не выявлен. При этом разница между позднейшим и достигнутым ярусами деревянных полов достигла 0,7–0,8 м.

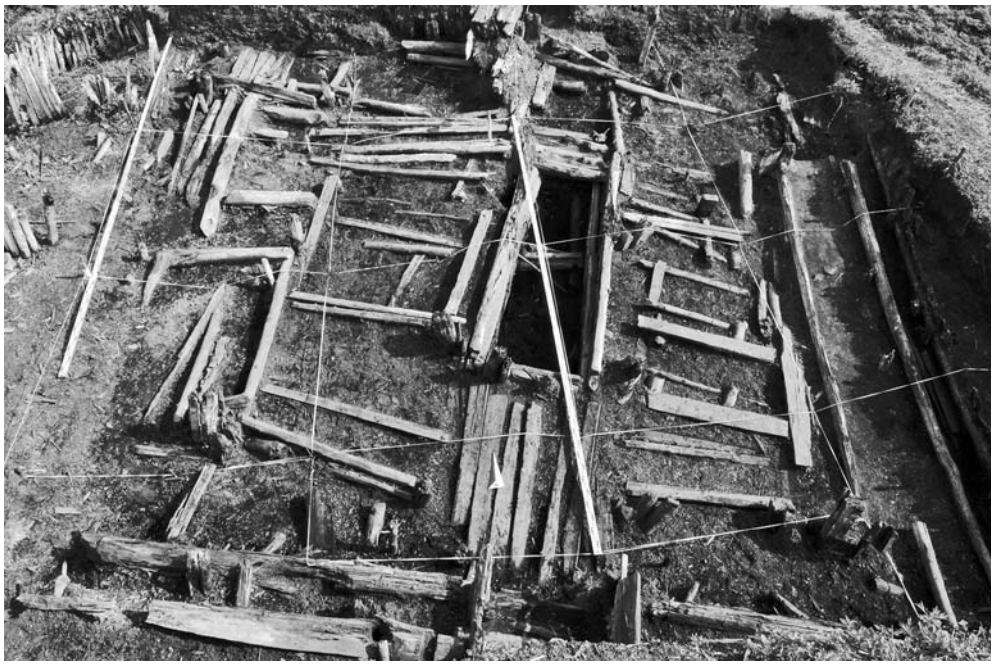


Рис. 1. Постройка № 7 городища Усть-Войкарское, вид с юга.

Необходимо отметить, что из исследованного строительного уровня постройки № 7 происходит ряд наборов предметов, задействованных при исполнении определенных обрядов, либо как минимум имеющих неутилитарную функцию. Так, в заполнении северной части очага (за кострищем) находилось скопление деревянных изображений рыб. На северном участке настила, окружающего центральное помещение, отдельными скоплениями были сосредоточены миниатюрные вырезанные из дощечек стилизованные изображения, относимые к игровому набору «тосъ-чер-вой» [Кардаш, 2009, с. 186], берестяная маска, используемая в «медвежьем празднике», реалистичная деревянная модель сабли, объемные изображения медведя и других животных.

При демонтаже конструкции № 7 в основании ее южной стены с дверным проемом была выявлена массивная плаха с барельефной антропоморфной личиной. Длина плахи 2,74 м, она лежала изображением вверх (рис. 2).

Рис. 2. Плаха с личиной, лежавшая под нижним венцом южной стены постройки № 7.

Постройка № 9. В 2016 г. завершено исследование постройки № 9, срубного жилища, основные архитектурные особенности которого охарактеризованы ранее [Новиков и др., 2015, с. 367–368; Гаркуша, 2016]. Установлено, что данная постройка сооружена на остатках другого сруба (№ 9А), при этом его нижний венец был использован как опора деревянного настила для нар, выстроенных вдоль боковых стен. Дверной проем располагался в восточной стене сруба, его основание зафиксировано на уровне второго венца. Отметим, что проемы в обоих строениях (а в постройке № 9 он был выполнен также в восточной стене) располагались по одной линии. Преемственность между жилищами наблюдалась не только в расположении и устройстве дверных проемов, но и в организации внутреннего пространства: место расположения очага оставалось неизменным, а его конструкции – сходными. В основании восточной стены (с дверным проемом) постройки № 9А была также найдена массивная плаха с антропоморфной личиной, обращенной вверх. Длина плахи 2,42 м.

После частичного демонтажа срубных построек № 9 и 9А установлено, что они располагались поверх развалин другого жилого строения – № 11 (рис. 3).

Рис. 3. Постройка № 11 городища Усть-Войкарское с парным погребением в очаге, вид с востока.

Рис. 4. Постройка № 10 (на переднем плане) и комплекс построек № 9, 9А, 11 на городище Усть-Войкарское, вид с юга.

При этом наблюдалось явственное конструктивное отделение по вертикали выявленной постройки от последующей (№ 9А). Вместе с тем сохранилась преемственность во внутренней планировке: в расположении очага, его облике, размещении и устройстве нар.

Постройка № 11, как и № 7, являлась каркасно-столбовой с выделенным внутренним помещением. Длина внешних стен, набранных из вертикально установленных досок, – ок. 7 м. Внутренний контур, открытый с восточной стороны, образован стенами, построенными в технике «заплот»: древесина из горизонтального стенового набора устанавливалась в продольные пазы угловых и серединных столбов. Длина стен составила 4,0–4,25 м.

Пол между наружными и внутренними стенами, а также внутри центрального помещения был покрыт деревянным настилом, уложенным на лаги. При этом настил по периметру незначительно превышал уровень пола в центральном помещении.

Особенностью данной постройки является использование сруба очажной конструкции для захоронения останков двух человек*.

Постройка № 10. Новое строение располагалось на расстоянии ок. 2 м к югу от комплекса сооружений № 9, 9А и 11 (рис. 4).

Это был сруб, рубленный «в обло» и «в чашу» – окончания бревен выходили за пределы постройки, а замковые вырубы-чаши были ориентированы вверх. От строения сохранились 2–3 венца. Расстояния между вырубами определили размер помещения: 4,15 × 4,70 м. Продольные стыки между бревнами венцов прокладывались мхом.

В середине восточной стены, обращенной к внутренней части холма, в бревне 2-го венца было выполнено основание входного проема, предусматривающего установку двери. Снаружи к входу примыкал коридор.

Слева, при входе в помещение, располагался чувал, остатки которого представлены каркасом из жердей и скоплением глиняной обмазки. Его наличие позволяет классифицировать постройку как жилое помещение. В основании чувала находилось углубление диаметром ок. 1 м, заполненное суглинком; место было огорожено деревянной рамой.

Интерьер дома дополняют нары – настил из досок разной ширины, опирающихся на лаги из об-

*См. статью А.В. Новикова и др. «Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское)» в данном сборнике.

рубков крупных бревен разной длины. Боковины нар фиксировались колами. Ширина настила, который располагался вдоль западной и северной стен, возвышаясь над уровнем деревянного пола, составила 1,5 м.

Состояние данного сооружения позволяет предположить, что строение было демонтировано. Затем произошло разрушение чувала: скопление обмазки перекрывает стены и распространяется за их пределы.

И в этом случае в основании располагались остатки другого сруба, представленного бревнами северной и западной стены 1-го венца.

В ходе исследований 2016 г. было обнаружено 893 индивидуальных находки – целые изделия, их фрагменты, заготовки. Для всех артефактов из органики, во избежание появления плесени и грибка, деформации и иссушения предметов, были проведены меры по предварительной полевой консервации. Особенно важно было осуществить консервацию крупногабаритных деревянных изделий с антропоморфными личинами. Они были максимально очищены от загрязнений, промыты водой, покрыты 5%-м раствором антисептика (лизоформин) и в мокром виде упакованы в полиэтилен для предотвращения доступа воздуха и высыхания.

Таким образом, исследования 2016 г. позволили существенно детализировать имеющиеся данные о технологиях домостроительства северных хантов, получить уникальную археологическую коллекцию деревянной объемной скульптуры, фрагментов тканей и берестяных изделий.

Список литературы

Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV–XIX веках (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.). // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. – Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедия, 2005. – С. 22–32.

Гаркуша Ю.Н. Об одном из типов «остяцких» жилых строений в Нижнем Приобье (по материалам археологического исследования городища Усть-Войкарское в 2015 г.) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусства, 2016. – Т. XI. – С. 27–34.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): архитектурные особенности, археолого-этнографические параллели // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. архитектур.-художеств. акад., 2015. – Т. X, ч. 1. – С. 51–61.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Нефтюганск: Магеллан, 2013. – 380 с.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 365–369.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Вып. № 4 (41). – Салехард, 2006. – С. 11–17.

Чернецов В.Н. Зеленая горка близ Салехарда // КСИА. – 1949. – Вып. XXV. – С. 67–74.

References

Brusnitsyna A.G. Voikarskii gorodok v XV-XIX vekakh (po rezul'tatam raskopok 2003 i 2004 godov). In *Yamal mezhdu proshlym i budushchem: prioritety razvitiya*. Ekaterinburg: Salekhard: RA ARTmediya, 2005, pp. 22–32 (in Russ.).

Chernetsov V.N. Zelenaya gorka bliz Salekharda. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1949, iss. XXV, pp. 67–74 (in Russ.).

Fedorova N.V. Voikarskii gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 godov. In *Nauchnyi vestnik*. Salekhard, iss. № 4 (41), 2006, pp. 11–17 (in Russ.).

Garkusha Yu.N. Ob odnom iz tipov «ostyatskikh» zhilykh stroenii v Nizhnem Priob'e (po materialam arkheologicheskogo issledovaniya gorodishcha Ust'-Voikarskoe v 2015 g.). In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet arkhitektury, dizaina i iskusstva, 2016, vol. XI, pp. 27–34.

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Ob odnom iz tipov derevyannykh postroek gorodishcha Ust'-Voikarskoe (Nizhnee Priob'e): arkhitekturnye osobennosti, arkheologo-etnograficheskie paralleli. In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arkhitekturno-khudozhestvennaya akademiya, 2015, vol. X, pt. 1, pp. 51–61 (in Russ.).

Kardash O.V. Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2009, 360 p. (in Russ.).

Kardash O.V. Poluiskii mysovoi gorodok knyazei Taishinykh. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2013, 380 p. (in Russ.).

Novikov A.V., Garkusha Yu.N., Novikova O.I., Kenig A.V., Moroz M.V. Gorodishche Ust'-Voikarskoe (Voikarskii gorodok): prodolzhenie issledovanii v 2015 godu. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 365–369 (in Russ.).

УДК 902.2

Д.В. Папин[1, 2], А.А. Редников[2], А.С. Федорук[2]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
E-mail: papindv@mail.ru

Материалы эпохи поздней бронзы поселения Енисейское-10

Период изучения памятников эпохи поздней бронзы Алтая составляет более чем сто лет. Наиболее известные коллекции сформировались в фондах Бийского краеведческого музея и не раз становились предметом исследования. В современной археологии региона эпохи поздней бронзы актуальны проблемы генезиса и соотношения позднебронзовых культур, которые невозможно решить без получения качественных археологических материалов. В результате раскопок поселения Енисейское-10 (Бийский р-н Алтайского края) были получены новые данные о домостроительстве, хозяйственной деятельности, соотношении ирменской и корчажкинской культур. Проведенное исследование показало высокие информативные возможности памятника при решении узловых проблем эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири и перспективность дальнейших археологических раскопок.

Ключевые слова: *Алтай, эпоха поздней бронзы, корчажкинская и ирменская культура, поселение Енисейское-10.*

D.V. Papin[1, 2], A.A. Rednikov[2], A.S. Fedoruk[2]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
E-mail: papindv@mail.ru

Late Bronze Age Materials from Settlement Yenisei-10

The study of the monuments of Altai Late Bronze Age has more than one hundred year period. The most famous collection was formed in the Bijsk regional museum funds and became the subject of research. Actual problems of modern archeology in the region Late Bronze Age are the genesis and correlation of late crops that cannot be solved without the qualitative archaeological materials. As a result of the excavations at settlement Yenisey-10 (Biysk district of Altai region) new data were obtained on the dispensation of economic activity, and the relationship between Irmen and Korchazhkinskaya cultures. Studies have shown high informative possibilities of the monument with the solution of key problems of late Bronze Age south of Western Siberia and the prospect of further archaeological excavations.

Keywords: *Altai, Late Bronze Age, Korchazhkinskaya and Irmen culture, settlement Yenisey-10.*

История изучения археологического микрорайона около села Енисейское Бийского р-на Алтайского края насчитывает сто лет. Данный комплекс памятников датируется разным временем: от эпохи неолита до Средневековья. Настоящая статья посвящена объектам, относимым к периоду эпохи поздней бронзы. Первые находки стали поступать в фонды Бийского краеведческого музея (БКМ) еще в 20-е гг. XX в., благодаря деятельности его сотрудников М.Д. Копытова и С.М. Сергеева. Отправной точкой в научном исследовании микрорайона являются работы М.П. Грязнова в 1924–1925 гг. В рамках Алтайской экспедиции Государственного Русского Музея им было проведено обследование окрестностей села. Ранее выявленные местными краеведами стоянки Енисейское и Енисейская Коммуна-2 М.П. Грязнов идентифицировал как памятники последнего этапа бронзовой эпохи Алтая [Грязнов, 1930, с. 6]. Впоследствии эти объекты посещались директором БКМ Б.Х. Кадиковым и его сотрудниками, таким образом в фондах сформировалась довольно значительная керамическая коллекция. Впервые она была представлена в работе М.П. Грязнова «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» [1956, с. 27] при характеристике карасукского этапа на Верхней Оби, но наиболее полно опубликована в работе В.И. Матющенко в качестве еловских древностей [1974, с. 14, рис. 18–20]. На современном этапе объекты археологического наследия осматривались М.Б. Козликиным [Козликин, 2007], а в 2007 г. – сотрудником НПЦ «Наследие» Алтайского края Н.Ю. Кунгуровой

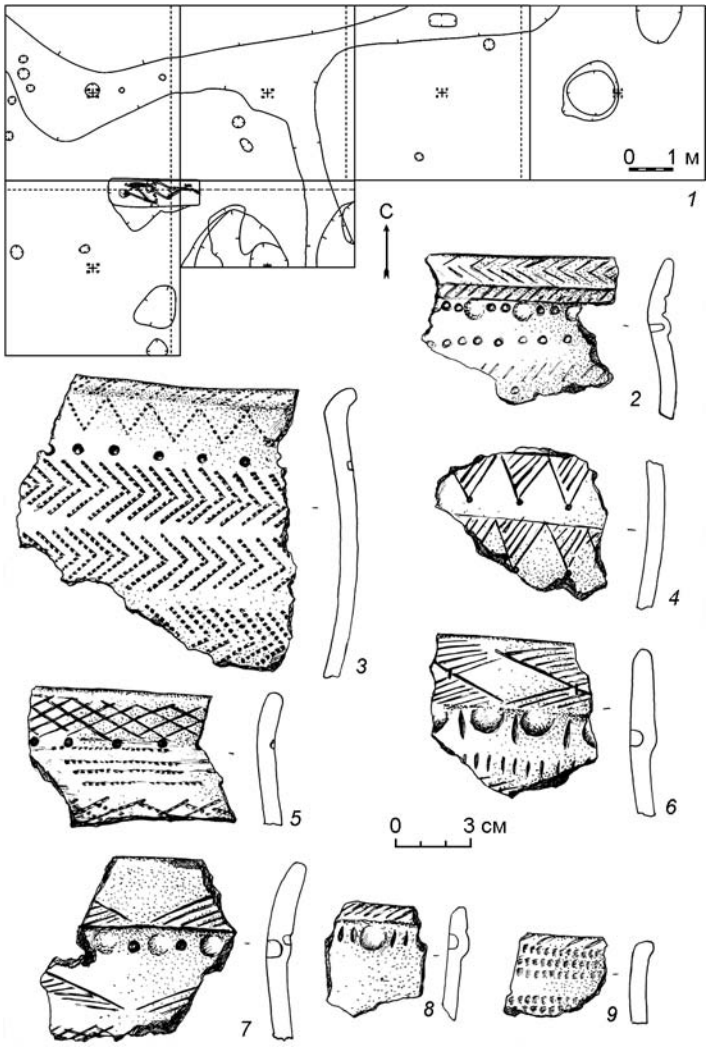
и на государственный учет было поставлено «Енисейское 10, поселение» содержащее материалы эпохи поздней бронзы [Кунгурова, 2009].

В июле 2016 г. совместной археологической экспедицией Барнаульской лаборатории археологии СО РАН, Лабораторией междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета и исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета проводилось полевое изучение объекта археологического наследия «Енисейское 10, поселение». Памятник располагается в Бийском р-не Алтайского края в 2,5 км к западу от фермы с. Енисейское на краю высокой надпойменной террасы. В настоящее время визуально фиксируется не менее трех округлых в плане западин диаметром 11–17 и глубиной до 0,4 м. Памятник расположен на краю соснового бора, по его территории проходит несколько грунтовых дорог и противопожарная траншея.

На свободном от деревьев участке, непосредственно примыкающем к южной части визуально фиксируемой западины, нами был заложен раскоп общей площадью 88 м^2. После вскрытия верхних наносных песчаных отложений в северной, прилегающей к западине части раскопа выявлен край котлована сооружения (см. *рисунок, 1*). В результате был изучен южный край сооружения, включая его юго-западный угол. Размеры изученной части по линии север – юг – до 3,1 м, по линии запад – восток – до 13 м. Глубина – до 0,95 м. Исследованная часть конструкции позволяет определить сооружение как крупную полуземлянку подквадратной или подпрямоугольной в плане формы с четко выраженными углами. Раскопом исследовано 17 ям, большая часть которых связана с конструкцией сооружения. В центральной части южной стены котлован имеет небольшое расширение (1,2 м), переходящее в канавку шириной 0,5–0,8 м, ведущую в южном направлении. Назначение данного объекта пока остается не выясненным. В западном краю изученной части котлована, на 0,1 м выше дна сооружения, обнаружено обугленное дерево – плаха, возможно, связанная с периодом существования сооружения. Полученные в ходе исследования котлована материалы представлены ирменской и корчажкинской керамикой, что позволяет надежно датировать сооружение эпохой поздней бронзы.

С достаточной долей условности, исходя из примерных размеров котлована, его глубины и формы, в самых общих чертах можно предположить, что сооружение представляет собой полуземлянку с каркасно-столбовой или срубно-каркасной конструкцией стен. Подобные сооружения, в целом, типичны для ирменских памятников региона.

К юго-востоку от юго-восточного угла сооружения выявлена крупная яма округлой в плане формы диаметром 1,3 и глубиной до 0,58 м от современной дневной поверхности. Материалов в заполнении не обнаружено. К востоку от юго-восточного угла исследована часть еще одной крупной ямы диаметром 0,8–1,0 и глубиной до 0,66 м от современной дневной поверхности. Наибольший интерес вызывает исследованная менее чем в 2 м к югу от котлована могила (см. *рисунок, 1*). Размеры могильной ямы 2,3 × 1,2–1,3 м, ориентация – запад – восток. В могиле обнаружен скелет женщины в вытянутом положении головой на запад. Туловище немного повернуто на юг, левая рука перекрывала грудную клетку и кистью соединялась с кистью правой руки. Правая нога подогнута, лежала на боку, левая нога более распрямлена, в районе малой берцовой кости пере-



Материалы поселения Енисейское-10.

крывала правую ногу. Скелет хорошей сохранности, лежал в анатомическом порядке, за исключением мелких костей фаланг рук. Интересная деталь – череп отделен от туловища, верхние позвонки (атлант и следующий) в погребении отсутствовали. Инвентаря в погребении не обнаружено. Единственная находка – плоская речная галька округлой формы, лежавшая между ног, у левого колена погребенной. Однако подобные гальки часто встречаются в более глубоких слоях речной террасы, на которой расположен памятник. До проведения дополнительных исследований мы затрудняемся в культурной и хронологической идентификации захоронения.

Помимо указанных объектов, выявлены и частично исследованы две крупные ямы, связанные с более ранним периодом существования памятника. Диаметр одной из ям составляет ок. 2,5 м, а глубина достигает 1,05 м. Заполнение ям существенно отличается от перекрывающего их культурного слоя поселения эпохи поздней бронзы. В заполнении ям найден один развал керамического сосуда и ряд фрагментов керамики, предположительно относящихся к периоду раннего бронзового века (см. *рисунок, 9*). На площади раскопа также сделаны находки подобной керамики, однако они единичны, в отличие от ирменской и корчажкинской посуды, представленной как развалами сосудов, так и отдельными фрагментами. К раннему же периоду существования памятника необходимо отнести два каменных наконечника стрел, а также отдельные каменные изделия (скребки, отщепы), найденные в культурном слое.

Раскоп, заложенный через дорогу от основного на склоне террасы, оказался связан с зольником. Находки были представлены фаунистическим материалом и керамикой ирменского облика, а также двумя аморфными сильно корродированными железными предметами.

Переходя к характеристике керамического комплекса, необходимо обратить внимание на два важных планиграфических наблюдения. Первое – это то, что находки корчажкинской керамики находились на периферийной части котлована, что можно объяснить выкидом при сооружении ирменского жилища, а второе – то, что в зольнике представлена только ирменская керамика. В целом, выделяются две культурные традиции: корчажкинская, для которой характерно использование ямочно-гребенчатой орнаментации (см. *рисунок, 3, 5*), и ирменская, с ее традиционным геометризмом и применением в области шейки жемчужника с разделителем (см. *рисунок, 2, 4, 6–8*), вместе с тем в ней появляются черты, характерные для переходного времени от бронзы к железу (см. *рисунок, 8*). Отметим, что описанный комплекс хорошо коррелируется с данными из публикации В.И. Матющенко [1974, с. 14, рис. 18–20].

Полученные материалы актуализируют вопросы, связанные с соотношением и генезисом корчажкинских и ирменских древностей, а также эволюцией культурных традиций в переходный период от бронзы к железу. Сделанные наблюдения позволяют предположить первичность корчажкинского компонента и более позднюю хронологическую позицию ирменской культуры. Таким образом, проведенное на поселении Енисейское-10 исследование показало высокие информативные возможности памятника при решении узловых проблем эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири и перспективность дальнейших археологических раскопок.

Список литературы

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. – Новосибирск, 1930. – С. 3–11.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. – 160 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 48).

Козликин М.Б. Новые археологические памятники из окрестностей села Енисейского // Изв. Бийск. отделения Рус. географ. об-ва. – Бийск: Изд-во Бийск. пед. гос. ун-та им. В.М. Шукшина, 2007. – Вып. 28. – С. 154–157.

Кунгурова Н.Ю. Группа памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа Енисейское-10 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2009. – Вып. 17. – С. 281–287.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 12. – С. 195.

References

Grjaznov M.P. Drevnie kul'tury Altaja. Novosibirsk, 1930, pp. 3–11 (in Russ.).

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka. Moscow; Leningrad, 1956, 160 p. (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR; No. 48) (in Russ.).

Kozlikin M.B. Novye arheologicheskie pamjatniki iz okrestnostej sela Enisejskogo. *Izvestija Bijskogo otdelenija Russkogo geograficheskogo obshhestva*. Bijsk: Biysk Pedagogical State Univ. named after V.M. Shukshin Press, 2007, iss. 28, pp. 154–157 (in Russ.).

Kungurova N.Ju. Gruppa pamjatnikov jepohi pozdnej bronzy – rannego zheleza Enisejskoe-10. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja : materialy regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferenzii*. Barnaul, 2009, iss. 17, pp. 281–287 (in Russ.).

Matjushhenko V.I. Drevnjaja istorija naselenija lesnogo i lesostepnogo Priob'ja. Chast' 4. Elovsko-irmenskaja kul'tura. *Iz istorii Sibiri*, Tomsk, 1974, iss. 12, 195 p. (in Russ.).

УДК 902.2

Г. Парцингер[1], В.И. Молодин[2], Й. Фассбиндер[3], Л.С. Кобелева[2], А. Гасс[1], И. Хофманн[3], Д.А. Ненахов[2]

[1]Фонд Прусского культурного наследия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе*

В статье представлены результаты работ совместной российско-германской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН и Фонда Прусского культурного наследия Германии. В полевом сезоне 2016 г. были проведены археолого-геофизические исследования на ряде археологических памятников Венгеровского р-на Новосибирской обл. При помощи цезиевого магнитометра Smartmag SM4G-Special измерялось околокурганное пространство (т.н. периферия) курганов саргатской культуры. Целью исследования было выявление наличия или отсутствия объектов, сопутствующих захоронениям (рвы, валы, схроны, поминальники, захоронения или ямы различного характера за пределами курганов). В результате исследования изучена периферия курганов саргатской культуры на четырех памятниках общей площадью ок. 2,8 га. Обнаружены различные элементы конструкции, принадлежащие к периферии кургана: двойные рвы, погребения по кругу, погребения во внутренних рвах и наличие рва подквадратной формы. Все перечисленные объемы, за исключением подквадратных рвов, на территории Центральной Барабы для курганов саргатской культуры науке уже известны и могут быть обозначены как типичные составные конструкции саргатского кургана. На территории Усть-Тартасского курганного могильника было выявлено наличие, вероятно, грунтового могильника, имеющего, возможно, более широкие хронологические рамки, чем присутствующие там курганы.

Ключевые слова: *ранний железный век, курган, саргатская культура, Барабинская лесостепь, периферия кургана, геофизика, магнитометрия.*

H. Parzinger[1], V.I. Molodin[2], J. Fassbinder[3], L.S. Kobeleva[2], A. Gass[1], I. Hofmann[3], D.A. Nenakhov[2]

[1]Prussian Cultural Heritage Foundation
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Ludwig Maximilian University of Munich
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Preliminary Results of the Research of the Periphery of the Big Mounds of Sargat Culture in Central Baraba

The article outlines the results of joint Russian-German expedition works of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS and the Prussian cultural heritage foundation, Germany. During the field season 2016 there were conducted archaeological-geophysical researches on the range of archaeological sites in Vengerovo district of Novosibirsk region. The space near the burial mounds, so called periphery of the mounds of Sargat culture, was measured with the help of cesium magnetometer Smartmag SM4G-Special. The aim of the research was the detection of presence or absence of attendant objects (ditches, barrages, caches, memorial places, burials or pits of various purposes out of mound borders). Total area of 2,8 ha of the Sargat culture mounds periphery was investigated. There were found different elements of constructions, which belong to periphery of the mound: such as double ditches, circle burials, burials in inner ditches and presence

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

of square-shape ditch. All these elements, except square-shape ditch are well-known for the Sargat culture mounds and can be signed as typical parts of construction of Sargat mounds on the territory of Central Baraba. On the territory of Ust'-Tartas mound cemetery burial ground was found that probably has wider time frames than mounds on the cemetery.

Keywords: *Early Iron Age, kurgan/burial mound, sargat culture, Baraba forest steppe, periphery, geophysics, magnetometry.*

Летом 2016 г. совместная российско-германская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Фонда Прусского культурного наследия Германии проводила археолого-геофизические исследования на ряде археологических памятников Венгеровского р-на Новосибирской обл. Измерения охватывали околокурганное пространство (т.н. периферию) курганов саргатской культуры с целью выявления наличия или отсутствия объектов, сопутствующих захоронениям (рвы, валы, схроны, поминальники, захоронения или ямы различного характера за пределами курганов). Подобные целенаправленные исследования уже имели место в Барабе на памятниках Погорелка-2, Сергино, Яшкино-1. В текущем полевом сезоне измерения проводились на курганных могильниках Венгерово-6, Государево озеро-1, Тартас-2 и Усть-Тартасский.

Могильник Венгорово-6 находится на правой, второй надпойменной террасе р. Тартас, в 5 км к северу от места впадения р. Тартас в р. Омь. Был открыт В.И. Соболевым в 1973 г. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 22]. Еще два ранее не зафиксированных кургана были выявлены здесь в 2003 г. [Дейч, Софейков, 2004, с. 394]. Могильник представляет собой курганную цепь длиной ок. 230 м, ориентированную с юго-запада на северо-восток и состоящую из четырех курганов.

Могильник Государево озеро-1 выявлен в 2015 г. как одиночный курган. Памятник располагается на правом берегу второй надпойменной террасы р. Омь, в 500 м к югу от оз. Государево. Центральная часть кургана уничтожена «П-образным» разрезом неизвестного предназначения. Поскольку в нижней части южной и западной стенок данного «разреза» хорошо видны следы выкида из могильной ямы, но дальнейшие «работы» не проводились, то грабительский характер «П-образного» разреза исключается.

Могильник Тартас-2 был обнаружен в 2003 г. [Дейч, Софейков, 2004]. Он располагается на правой, второй надпойменной террасе р. Тартас, в 300–550 м от правого берега реки. Памятник представляет собой как минимум две курганные группы по 3–4 кургана в каждой, ориентированных вдоль террасы с северо-северо-востока на юго-юго-запад.

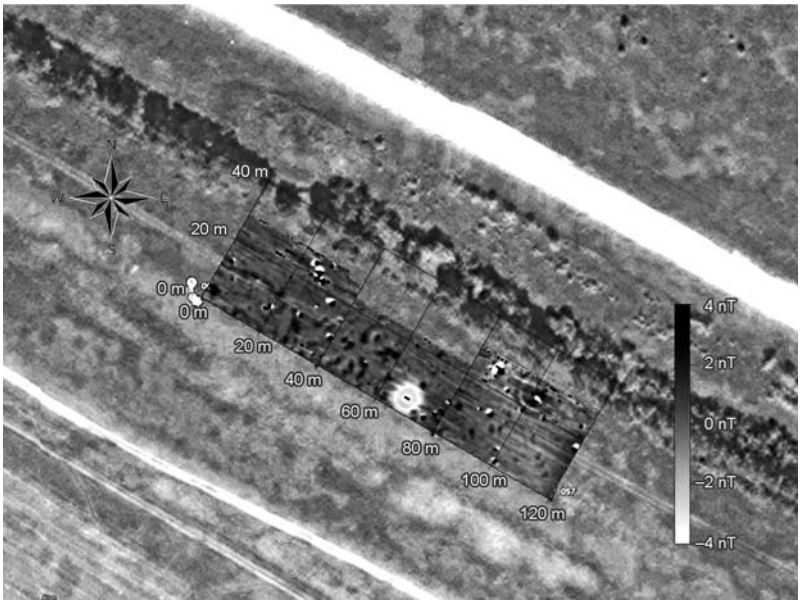
Усть-Тартасский могильник – один из наиболее известных памятников саргатской культуры в Западной Сибири. Могильник расположен между с. Венгерово и оз. Большой Чуланкуль вдоль края северной террасы урочища Таи. Впервые некрополь упоминается В.М. Флоринским в 1889 г. [Флоринский, 1889, с. 46–48; Чугунов, 1897, с. 139]. На протяжении 1895–1896 гг. памятник исследовался С.М. Чугуновым [Томская губерния, 1897, с. 41–42; Чугунов, 1897, с. 139; Томская губерния, 1898, с. 100–103; Чугунов, 1898, с. 219–225]. Два кургана близ оз. Большой Чуланкуль были изучены в 1982 г. Д.Г. Савиновым и Н.В. Полосьмак [Троицкая, Автушкова, 2010, с. 51].

Геофизические измерения проводились пошагово с применением цезиевого магнитометра Smartmag SM4G-Special в конфигурации total-field, способного производить до 10 измерений сигнала в секунду при чувствительности в ±10 пикотесла в сочетании с высоким пространственным разрешением порядка 25 × 25 см, как на горизонтальной, так и на наклонной поверхности [Fassbinder, 2009, с. 13; Fassbinder et al., 2015, с. 82]. При составлении итоговой магнитограммы рассчитывались и вычитались естественно-природные временные вариации актуального магнитного поля Земли и уровень сигнала коэффициента «шума» различных пород почвы.

На могильнике Венгерово-6 магнитограмма, охватившая 8 880 м^2, показала остатки раскопок кургана № 1 [Молодин и др., 2011]. В 53 м к юго-западу от него четко выделился курган, видимый на современной поверхности. В центральной части его было выявлено пятно погребения со следами ограбления. Северо-восточнее от центральной камеры, практически примыкая к ней, наблюдается еще одно захоронение без следов ограбления. В радиусе 9 м от центра прослеживаются погребения по кругу (ок. 9 шт.). Подобная практика сочетания рва и погребений встречается на территории распространения саргатской культуры и довольно хорошо известна [Полосьмак, 1987, с. 10–12, рис. 4, 5; Матвеева, 1994, с. 72, рис. 43].

В 95 м северо-восточнее от кургана № 1 был выявлен курган малых размеров, также видимый на современной поверхности.

Могильник Государево озеро-1 исследовался небольшой площадью в 2 560 м^2 вокруг кургана, находившегося в аварийном состоянии. Видимая на поверхности округлая в плане насыпь кургана на магнитограмме оказалась подовальной. Ее размеры по оси север – юг достигали 35,4 м, а по оси запад – восток 44 м.



Магнитограмма части Усть-Тартасского могильника.

Размер квадратов 40 × 40 м; цезиевый магнитометр Scintrex Smartmag SM4G-Special; уровень магнитного поля в Венгерово на август 2016 г. ок. 58.840 ± 20 нТл; динамика ± 40 нТл на 256 оттенков серого; частота съемки 50 × 12,5 см; интерполяция 25 × 25 см (магнитная проспекция Й. Фассбиндера).

На расстоянии 11 м севернее от подножия кургана магнитограмма показала подпрямоугольную аномалию размером 4,4 × 3,9 м, ориентированную по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Является ли данная аномалия археологическим объектом или же речь идет о следах современной сельскохозяйственной деятельности, сказать однозначно, опираясь на данные магнитометрии, невозможно.

На могильнике Тартас-2 исследовалась периферия трех находившихся на пашне курганов общей площадью 12 800 м^2. Магнитограмма могильника позволила выявить, кроме трех видимых, еще два, полностью распаханных кургана. Особо выделяется самый северный курган с центральным погребением, опоясанным подквадратным рвом.

Усть-Тартасский могильник исследовался небольшой полосой вдоль края террасы площадью в 3 440 м^2. Отправной точкой послужил большой курган (высота 2,0–2,5 м, диаметр ок. 35 м), стоящий в 4 км юго-восточнее с. Венгерово, вдоль т.н. «Московского тракта». Курган располагался частично в лесополосе вдоль трассы, что сделало невозможным проведение на нем геофизических измерений. С другой стороны лесополосы, на краю террасы, в 103 м юго-восточнее от большого кургана визуально фиксировался следующий курган несколько меньших размеров (высота ок. 1,5 м, диаметр ок. 20 м). Площадь исследования охватила пространство между этими двумя курганами (см. *рисунок*). Поскольку сам большой курган, расположенный западнее, находился в лесополосе, то измерялась лишь его юго-западная периферия, находящаяся на краю террасы. Никаких конструкций здесь выявлено не было. На восточном же кургане магнитограмма показала наличие центрального погребения со следами ограбления и двух рвов, опоясывающих его. Диаметр внутреннего рва составлял ок. 9,5 м, внешнего – ок. 14,6 м. Между этими двумя курганами был выявлен еще один курган, полностью распаханный и не видимый на поверхности. Курган представлял собой центральное погребение и окружающий его ров диаметром ок. 7,5 м. Кроме того, в межкурганном пространстве, вдоль края террасы удалось выявить как минимум семь рядов грунтовых могил от двух до пяти в ряд. Ряды ориентированы по линии запад – восток, а один ряд, самый северо-западный – по линии северо-запад – юго-восток. Грунтовые погребения на магнитограмме представляли собой подпрямоугольные конструкции более серого цвета, по сравнению с окружающими их почвами. Возможно, часть могил исчезла в ходе эрозии края террасы, а часть уничтожена лесопосадкой. По своей структуре и местонахождению грунтовый могильник на периферии больших курганов саргатской культуры напоминает разновременные грунтовые могильники, известные на территории Центральной Барабы, такие как Сопка-2 [Молодин, 2012, рис. 7] или Тартас-1.

Таким образом, с помощью геофизических исследований удалось изучить периферию курганов саргатской культуры на четырех памятниках общей площадью ок. 2,8 га. Были выявлены различные элементы конструкции, принадлежащие к периферии кургана: двойные рвы, погребения по кругу, погребения во внутренних рвах и ров подквадратной формы. Все перечисленные элементы, за исключением подквадратных рвов, на территории Центральной Барабы для курганов саргатской культуры науке известны и могут быть обозначены как типичные составляющие конструкции саргатского кургана.

Кроме того, на территории Усть-Тартасского курганного могильника было выявлено наличие, вероятно, грунтового могильника, имеющего, воз-

можно, более широкие хронологические рамки, чем присутствующие там курганы.

Список литературы

Дейч Б.А., Софейков О.В. Охранные работы в Новосибирской области // АО 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 394–395.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Сальникова И.В., Борзых К.Л. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерово-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 188–194.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Томская губерния. Производство археологических исследований // ОАК за 1895 год. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1897. – С. 41–44.

Томская губерния. Производство археологических раскопок и разведок // ОАК за 1896 год. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1898. – С. 94–103.

Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 51–61.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. – Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1889. – 72 с.

Чугунов С.М. Собранные С.М. Чугуновым сведения о курганах в Каинском округе Томской губернии // ОАК за 1895 год. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1897. – С. 138–140.

Чугунов С.М. Отчет С.М. Чугунова о раскопках его, в 1896 году, в Каинском уезде Томской губернии // ОАК за 1896 год. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1898. – С. 219–225.

Fassbinder J.W.E. Geophysikalische Prospektionsmethoden – Chancen für das archäologische Erbe // Toccare – Non Toccare. ICOMOS. Hefte des Deutschen Nationalkomitees. – München: Siegl, 2009. – No. 47. – S. 8–30.

Fassbinder J.W.E., Gass A., Hofmann I., Belinskij A.B., Parzinger H. Early Iron Age kurgans and their periphery: Latest findings and interpretations from the northern Caucasus // Виртуальная археология (эффективность методов). Мат-лы Второй Междунар. конф., состоявшейся в Гос. Эрмитаже 1–3 июня 2015 г. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – С. 81–88.

References

Chugunov S.M. Sobrannye S.M. Chugunovym svedeniya o kurganakh v Kainskom okruge Tomskoi gubernii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1895 god*. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1897, pp. 138–140 (in Russ.).

Chugunov S.M. Otchet S.M. Chugunova o raskopkakh ego, v 1896 godu, v Kainskom uezde Tomskoi gubernii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1896 god*. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1898, pp. 219–225 (in Russ.).

Deich B.A., Sofeikov O.V. Okhrannye raboty v Novosibirskoi oblasti. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2003 goda*. Moscow: Nauka, 2004, pp. 394–395 (in Russ.).

Fassbinder J.W.E. Geophysikalische Prospektionsmethoden – Chancen für das archäologische Erbe. – In *Toccare – Non Toccare. ICOMOS. Hefte des Deutschen Nationalkomitees*. München: Siegl, 2009, No. 47, pp. 8–30.

Fassbinder J.W.E., Gass A., Hofmann I., Belinskij A.B., Parzinger H. Early Iron Age kurgans and their periphery: Latest findings and interpretations from the northern Caucasus. In *Virtual'naya arkheologiya (effektivnost' metodov). Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii, sostoyavsheisya v Gosudarstvennom Ermitazhe 1–3 iyunya 2015 goda*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2015, pp. 81–88. (in Russ.).

Florinskii V.M. Topograficheskie svedeniya o kurganakh Zapadnoi Sibiri. Tomsk: Tip. Mikhailova i Makushina, 1889, 72 p. (in Russ.).

Matveeva N.P. Rannii zheleznyi vek Priishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 152 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Sal'nikova I.V., Borzykh K.L. Avariinye raskopki mogil'nika sargatskoi kul'tury Vengerovo-6. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 188–194 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 144 p. (in Russ.).

Tomskaya guberniya. Proizvodstvo arkheologicheskikh issledovanii. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1895 god*. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1897, pp. 41–44 (in Russ.).

Tomskaya guberniya. Proizvodstvo arkheologicheskikh raskopok i razvedok. In *Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1896 god*. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1898, pp. 94–103 (in Russ.).

Troitskaya T.N., Avtushkova A.L. Ust'-Tartasskii mogil'nik (po materialam raskopok S.M. Chugunova). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2010, No. 2 (13), pp. 51–61 (in Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 184 p. (in Russ.).

УДК 572

Д.В. Поздняков[1], О.В. Батанина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный медицинский университет
E-mail: dimolka@gmail.com

Антропологическая характеристика средневекового населения Новосибирского Приобья (по материалам памятника Санаторный-3)

Изучена серия представителей басандайской культуры из могильника Санаторный-3. По своим морфологическим особенностям рассматриваемая группа сближается с населением сросткинской культуры Верхнего Приобья. Наличие тенденции к долихокрании, вероятнее всего, можно объяснить контактами с населением Кузнецкой котловины, где сходная тенденция отмечается в материалах могильника Торопово-1. По своим морфологическим характеристикам серия неоднородна. Наиболее вероятными исходными компонентами послужили группы, для одной из которых были характерны долихокрания и широкое, достаточно профилированное лицо, для второй – мезо-брахикранная черепная коробка и уплощенный, высокий лицевой отдел. Только женская часть серии из памятника Санаторный-3 обнаруживает достаточное сходство с населением, оставившим могильники Басандайка и Санаторный-1. Мужская же группа ближе всего к сериям из погребений сросткинской культуры Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: *краниология, морфологическая характеристика, палеоантропологическая серия, басандайская культура, Верхнее Приобье.*

D.V. Pozdnyakov[1], O.V. Batanina[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State Medical University
E-mail: dimolka@gmail.com

Anthropological Characteristics of Medieval Population from Novosibirsk Ob Basin (Based on the Monument Sanatornyi-3)

A series of Basandayka culture representatives of burial Sanatornyi-3 was studied. According to its morphological features the group is moving closer to the population of the Upper Ob Srostki culture. There is a tendency to dolichocrania that most likely can be attributed to contacts with the population of the Kuznetsk basin, where a similar trend is observed in materials of repository Toropovo-1. According to its morphological characteristics series is heterogeneous. The most likely source components became the groups one of which was characterized by dolichocrania and wide enough profiled face, and the second – meso brahikranial skull and flattened, high face front. Only the female part of the series of the monument Sanatornyi-3 detects a sufficient similarity with the population who left mounds Basandayka and Sanatornyi-1. Men as a group are closest to the series of Srostki culture burials of the Upper Ob and the Kuznetsk Basin.

Keywords: *craniology, morphological characteristics, paleoanthropological series, Basandayka culture, Upper Ob.*

С 2010 по 2014 г. в Искитимском р-не Новосибирской обл. проводились раскопки курганного могильника Санаторный-3 под руководством С.Г. Рослякова. Памятник находится на правом берегу Новосибирского водохранилища. Могильник представляет собой группу из 29 насыпей, вытянутых по линии с юга на север. Памятник относится к басандайской культуре Верхнего Приобья и датируется XII–XIV вв. [Росляков, Пилипенко, 2015]. Наибольшее сходство по погребальному обряду

и составу инвентаря обнаруживается с памятником Санаторный-1, располагающимся рядом [Савинов, Новиков, Росляков, 2008].

Общая краниологическая серия состоит из семи мужских и четырнадцати женских черепов. Приведены ее средние размеры (см. *таблицу*).

Мозговой отдел мужских черепов из могильника Санаторный-3 в среднем характеризуется мезокранией. При средней величине продольного диаметра и малой поперечного свод черепа невысокий. По высотно-продольному указателю серию черепов можно отнести к ортокранным, а по высотно-поперечному – к метриокранным. Лобная чешуя прямая, нешироkая в месте наибольшего сужения височных линий; коронарный диаметр может быть отнесен к средним величинам. Размеры углов и высоты поперечного изгиба лба попадают в пограничные значения между монголоидными и европеоидными значениями [Гохман, 1961]. Сочетание высотно-продольного (ВПИ) и затылочно-теменного (ЗТИ) индексов, а также параметры лобно-сагиттального индекса (ЛСИ) относятся к величинам, свойственным монголоидной расе [Беневоленская, 1988, 1991].

Охарактеризовать лицевой отдел данной серии черепов с точки зрения вертикальной профилировки непросто, поскольку измерения были произведены только на двух черепах. Исходя из измерений и визуальной оценки, лицевой отдел ортогнатный, с тенденцией к альвеолярной мезогнатии. Углы горизонтальной профилировки лица как на верхнем, так и на зигомаксиллярном уровне характеризуют-

Средние размеры краниологической серии из погребений первой половины II тыс. н.э. могильника Санаторный-3

Признак (шифр по Мартину)	Мужчины		Женщины	
	x	n	x	n
1. Продольный диаметр	181,7	6	182	4
8. Поперечный диаметр	134,8	6	136	3
8:1. Черепной указатель	74,32	6	76,29	3
17. Высотный диаметр от базиона	130,67	6	124,5	2
17:1. Высотно-продольный указатель	72,05	6	70,73	2
20. Высотный диаметр от пориона	116,2	5	114,13	4
5. Длина основания черепа	104,92	6	103	2
9. Наименьшая ширина лба	91,57	7	92,67	12
10. Наибольшая ширина лба	118,17	6	116,7	10
9:10. Лобный указатель	78,02	6	79,85	10
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,71	6	68,26	2
32. Угол профиля лба от назиона	83,6	5	87,50	2
28:27. Затылочно-теменной указатель	94,61	7	93,15	3
40. Длина основания лица	99	2	–	0
45. Скуловой диаметр	137,17	6	126	2
48. Верхняя высота лица	71,33	3	65,22	10
DC. Дакриальная ширина	20,78	6	19,98	5
DS. Дакриальная высота	10,8	5	7,95	4
DS:DC. Дакриальный указатель	53,34	5	41,09	4
SC. Симотическая ширина	9,12	5	7,78	8
SS. Симотическая высота	3,86	5	3,06	8
SS:SC. Симотический указатель	43,28	5	40,14	8
51. Ширина орбиты от максиллофронтале	42,26	6	41,38	9
52. Высота орбиты	32,57	6	32,98	10
52:51. Орбитальный указатель	77,05	6	79,49	10
54. Ширина носа	24,9	7	24,03	10
55. Высота носа	52,26	5	49,18	10
54:55. Носовой указатель	48,4	5	49,13	10
77. Назомалярный угол	144,91	7	145,18	11
Zm. Зигомаксиллярный угол	133,95	6	138,68	6
72. Общий угол профиля лица	90	2	85,5	2
74. Угол альвеолярной части лица	72,5	2	75	2
75 (1). Угол выступания носа	19,0	3	12,5	2

ся мезопрозопией. Следует отметить, что у черепа из погребения 2 кургана № 22 при большом назомалярном угле (148,3) зигомаксиллярный попадает в малые величины (123,6) и имеет европеоидное значение. Ещё одно исключение составляет череп из погребения 2 кургана № 6, для которого характерны гиперплатинопия в назомалярном отделе и гиперплатигнатия в зигомаксиллярном.

Лицевой отдел черепов данной серии характеризуется, в среднем, большой величиной скулового диаметра при средней высоте. Ширина лица в верхнем отделе может быть отнесена к большим величинам, в среднем – находится на границе средних и больших величин. Носовое отверстие имеет среднюю высоту и ширину, что обуславливает мезориннную форму носа. Судить об особенностях серии, с точки зрения показателей угла выступания носа, также затруднительно, поскольку он измерен только на двух черепах. Данные свидетельствует о малой величине угла. Переносье на уровне дакрионов характеризуется средней высотой и шириной. Симотические показатели характеризуются большой шириной и средней высотой переносья. Орбиты среднешироки (от максиллофронтале) и могут быть отнесены к широким от дакриона, невысокие, мезоконхные по орбитному указателю. По дакриальному орбитному указателю – хамэконхные.

Сохранность женской части серии очень плохая, поэтому для некоторых измерительных параметров число наблюдений невелико.

Мозговой отдел женских черепов можно охарактеризовать как мезокранный, но следует учесть, что продольные и поперечные измерения было возможно произвести на четырех черепах. При довольно больших продольном и поперечном диаметрах, высота свода черепа попадает в категорию малых величин. По высотно-продольному диаметру серию можно назвать ортокранной. С точки зрения высотно-поперечного диаметра черепа имеют пограничные величины между тапейнокранией и метриокранией. Лобная чешуя прямая, среднеширокая в месте наибольшего сужения височных линий и широкая в коронарной части. Угловые и высотные размеры лобной кости относятся к пограничным между европеоидными и монголоидными величинами, несколько смещаясь к последним. Сочетание ВПИ и ЗТИ, а также параметров ЛСИ также являются пограничными между монголоидными и европеоидными значениями.

Лицевой отдел женских черепов характеризуется средним скуловым диаметром. В данной серии лицевой отдел имеет значительную уплощённость на орбитальном и зигомаксиллярном уровне, наблюдается платипрозопия. Исключение составляют черепа из курганов № 8 (погребение 2), № 16 (погребение 4), № 24 (погребение 1), у которых зигомаксиллярный угол соответствует европеоидным значениям. По углам вертикальной профилировки черепа ортогнатны по общему профилю лица, но, подобно черепам из мужской серии, имеют тенденцию к мезогнатии в альвеолярной области. Для женской серии характерен средневысокий и среднеширокий нос, мезоринный по указателю. В отличие от мужской серии, угол выступания носа попадает в очень малые величины. Переносье среднеширокое и невысокое между дакриальными точками; носовые косточки в месте их наибольшего сужения среднеширокие и выступающие, симотический указатель имеет большую величину. Орбиты широкие, а их высота находится на границе малых и средних значений. По указателю они мезоконхны.

На уровне индивидуальных данных отмечается неоднородность мужской серии. Достоверные различия наблюдаются по длине черепной коробки, черепному, высотно-продольному и высотно-поперечному указателям. В среднем, серия может быть охарактеризована как мезокранная, но среди шести черепов два являются мезокранными, два – долихокранными и два – брахикранными. Следует отметить существенную дифференциацию величин поперечного диаметра: встречаются очень малые (134) и очень большие (154) размеры. Та же тенденция прослеживается и для высотных параметров. Средние показатели сочетания ЗТИ и ВПИ говорят о монголоидности мужской серии, но черепа из курганов № 6 и 19 с точки зрения ЗТИ попадают в европеоидные значения. Значительная неоднородность наблюдается и в измерениях поперечной высоты и угла изгиба лба: черепа из курганов № 20 и 23 демонстрируют значения, характерные для европеоидных групп, в то время как для остальных присущи монголоидные или пограничные величины.

Средние показатели верхней высоты лица представлены средними величинами, но два из трех черепов высоколицые, а череп из кургана № 23 – с низким лицом, при этом показатели верхней и средней ширины лица однородны для всей серии.

Носовой отдел в рассматриваемой серии отличается разнородностью показателей: в среднем отмечается мезориния, но в индивидуальных показателях она встречается только у черепа из кургана № 6 (погребение 2). Два черепа могут быть охарактеризованы как хамеринные и два – как лепторинные.

По углам горизонтальной профилировки серия в целом однородна, за исключением черепов из курганов № 20 и 22, у которых значения назомалярного угла смещаются по своим показателям в сторону большей профилированности.

Внутренняя неоднородность отмечается и в женской части серии. Различия наблюдаются в строении как мозгового, так и лицевого скелетов. В целом, отмечается та же тенденция, что и в мужской части серии.

Касаясь вопроса происхождения группы и исходных морфологических компонентов, можно предположить, что для одного из них были характерны долихокранные мозговые капсулы с характреным для европеоидов строением лобной кости, а также широким и достаточно профилированным, ортогнатным лицом. Второй компонент характеризовался мезо-брахикранной черепной коробкой и уплощенным, высоким ортогнатным лицевым отделом.

По своим морфологическим особенностям рассматриваемая группа сближается с группами, относимыми к сросткинской культуре Верхнего Приобья [Поздняков, 2006]. Наличие тенденции к долихокрании, особенно в мужской части группы, вероятно, можно объяснить контактами с населением Кузнецкой котловины, где сходная тенденция отмечается в материалах могильника Торопово-1 [Поздняков, 1999].

Важно отметить, что по сравнению с другими памятниками басандайской культуры только женская часть серии из памятника Санаторный-3 обнаруживает достаточное сходство с населением, оставившим могильники Басандайка [Ким, 1986] и Санаторный-1 [Поздняков, 2006]. Мужская же группа из памятника Санаторный-3 ближе по своим параметрам к сериям из более ранних погребений – курганов сросткинской культуры Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины.

Список литературы

Беневоленская Ю.Д. Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа) // Историческая динамика этнической и расовой дифференциации народов Азии. – М.: Наука, 1988. – С. 39–50.

Беневоленская Ю.Д. Признаки черепного свода как маркеры различных уровней дифференциации рас // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. – СПб.: Наука, 1991. – С. 126–152.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопр. антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.

Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Томск, 1986. – 30 с.

Поздняков Д.В. Антропологические характеристики населения Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово I) // Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово I). – Кемерово, 1999. – С. 186–207.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Росляков С.Г., Пилипенко С.А. Исследования курганного могильника Санаторный 3 в Новосибирском Приобье // Археологические открытия 2010–2013 годов. – 2015. – С. 717–718.

Савинов Д.Г., Новиков С.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008.– 424 с.

References

Benevolenskaya Yu.D. Rasovaya differentsiatsiya na territorii Azii (po stroeniyu lobnogo otdela cherepa). In *Istoricheskaya dinamika etnicheskoi i rasovoi differentsiatsii narodov Azii*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 39–50 (in Russ.).

Benevolenskaya Yu.D. Priznaki cherepnogo svoda kak markery razlichnykh urovnei differentsiatsii ras. In *Novye kollektsii i issledovaniya po antropologii i arkheologii*. St.Petersburg: Nauka, 1991, pp. 126–152 (in Russ.).

Gokhman I.I. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlya rasovoi diagnostiki. *Voprosi Antropologii*, 1961, iss. 8, pp. 88–98 (in Russ.).

Kim A.R. Antropologicheskii sostav i voprosy proiskhozhdeniya korennogo naseleniya severnykh predgorii Altaya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Tomsk, 1986, 30 p. (in Russ.).

Pozdnyakov D.V. Antropologicheskie kharakteristiki naseleniya Kuznetskoi kotloviny v epokhu razvitogo srednevekov'ya (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo I). In *Ilyushin A.M. Naselenie Kuznetskoi kotloviny v epokhu razvitogo srednevekov'ya (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo I)*. Kemerovo, 1999, pp. 186–207 (in Russ.).

Pozdnyakov D.V. Paleoantropologiya naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekov'ya (vtoraya polovina I – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 136 p. (in Russ.).

Roslyakov S.G., Pilipenko S.A. Issledovaniya kurgannogo mogil'nika Sanatornyi 3 v Novosibirskom Priob'e. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 godov*, 2015, pp. 717–718 (in Russ.).

Savinov D.G., Novikov S.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 424 p. (in Russ.).

УДК 572

А.В. Слепцова[1], А.В. Зубова[2]

[1]Институт проблем освоения Севера СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Sleptsova_1993@mail.ru

Стоматологическое здоровье раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1)*

Изучена серия представителей бакальской культуры из могильника Устюг-1 с территории Притоболья на предмет динамики стоматологических заболеваний. В ходе обследования 28 индивидуумов были проанализированы частоты кариеса, заболеваний пародонта, эмалевой гипоплазии, зубного камня, абсцессов, прижизненных сколов эмали. Состав патологий зубной системы позволяет предполагать у населения комплексный состав диеты с умеренным присутствием углеводов и преобладанием животного протеина, обусловленный усилением роли охоты и собирательства в хозяйстве. У женщин в серии ниже, чем у мужчин, частота зубного камня. При сравнении бакальской группы с популяциями раннего железного века фиксируются существенные различия палеопатологического статуса зубной системы. Данные по саргатской культурно-исторической общности свидетельствуют о большей подверженности ее населения пищевым стрессам, чем представителей серии из могильника Устюг-1.

Ключевые слова: *зубочелюстные патологии, кариес, гипоплазия, зубной камень, асбцесс, Западная Сибирь, раннее Средневековье.*

A.V. Sleptsova[1], A.V. Zubova[2]

[1]Institute of the Problems of Northern Development SB RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Sleptsova_1993@mail.ru

Stomatological Health of the Early Middle Ages Population in Tobol River Region (Materials of Ustyug-1 Burial Ground)

The publication is devoted to studying of dental diseases dynamics in group of the Bakal archeological culture from the Ustyug-1 burial site, located in Tobol river region. The source of investigation was 28 individuals. The main method of the article is based on determines of caries, periodontal diseases, linear enamel hypoplasia, dental calculus, abscess and enamel fractures frequencies. Frequency of dental pathologies allow us to suggest a complex composition of the diet. A low level of carbohydrates in the group's diet was observed. The frequency of dental calculus was higher in men than in women. The serious differences between Early Middle Age group (Ustyug-1) and Early Iron Age groups were fixed. The population of Sargat culture shows a higher level of food stresses.

Keywords: *dental-and-jaw pathologies, caries, hypoplasia, dental calculus, abscess, West Siberia, Early Middle Ages.*

Могильник Устюг-1, расположенный в среднем течении р. Тобола, на территории Заводоуковского р-на Тюменской обл., исследован Н.П. Матвеевой в 2009–2012 гг. [Матвеева, 2012; 2014]. Основная часть погребений могильника датируется IV–V вв. н. э. и относится к бакальской культуре, единичные погребения относятся к эпохе энеолита, бронзовому и раннему железному векам.

Ранее состояние здоровья населения, оставившего могильник Устюг-1, исследовалось в специальной работе [Слепченко, Пошехонова, 2014]. Результаты этого исследования показали, что состояние здоровья людей, погребенных в могильнике Устюг-1, было удовлетворительным, о чем свидетельствует небольшое число патологий. Отсутствие воспалительных проявлений на костях показывает

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №16-06-00315 А.

приемлемое санитарное состояние места жительства популяции и достаточно высокую сопротивляемость инфекциям.

Основной целью данной работы является анализ зубочелюстных патологий, характеризующий помимо общего уровня стресса также состав рациона питания раннесредневекового населения Притоболья. Ее актуальность обусловлена отсутствием данных о состоянии зубочелюстной системы в раннесредневековых группах Западносибирской лесостепи, затрудняющим анализ динамики антропоэкологической ситуации в эпоху Великого переселения народов.

Серия бакальской культуры из могильника Устюг-1 включает в себя зубы 28 индивидов, из них 9 мужчин, 7 женщин и 8 детей. Пол 4 погребенных установить не удалось. Для каждого индивида фиксировалось наличие кариеса, заболеваний пародонта, эмалевой гипоплазии, зубного камня, прижизненных сколов эмали, абсцессов, ореховидных вздутий.

В исследуемой выборке почти не встречен кариес (см. *таблицу*). Отмечено всего два случая. Один из них – пришеечный кариес, во втором случае поражена жевательная поверхность зуба. Причины этого заболевания достаточно разнообразны и отчасти обусловлены генетической предрасположенностью [Бужилова, 1998].

В исследуемой выборке зафиксировано 8 случаев заболеваний пародонта, проявляющихся в обнажении корней зубов, отклонении зубов от их первоначального положения в челюсти, следов воспалительной реакции на костях челюстей. В шести случаях развитие заболевания привело к появлению апикальных абсцессов.

Об условиях жизни населения Притоболья можно судить по степени встречаемости такой патологии, как эмалевая гипоплазия. Формирование гипоплазии происходит в период роста и формирования зубной системы и может, таким образом, отражать влияние внешней среды на организм в этот период [Бужилова, 1998]. Заболевание зафиксировано у 5 индивидов, но выраженность гипопластических поражений слабая, что говорит об умеренном влиянии негативных факторов на пищевой рацион или состояние здоровья обследованных погребенных.

Зубной камень, образующийся из остатков пищи, отмерших эпителиальных клеток, бактерий, солей фосфора, железа и кальция был зафиксирован только у 7 индивидов – 25,0 % выборки, что заметно ниже, чем средние показатели у населения юга Западной Сибири эпох раннего железного века и бронзы [Зубова, 2007, Марченко и др., 2016, Зубова, Марченко, Гришин, 2016]. При этом частоты зубного камня в исследуемой группе у мужчин значительно выше, чем у женщин.

Зафиксирован единичный случай ореховидных вздутий (костных разрастаний) на внутренней стороне нижней челюсти.

У 11 индивидов – 40,7 % выборки – зафиксированы прижизненные сколы эмали. В основном они располагаются по краям жевательной поверхности зубов и представляют собой как мелкие повреждения (1–2 мм), так и более крупные, затрагивающие большую часть коронки, иногда и корня. Один такой пример можно наблюдать у индивида 94-36 (см. *рисунок*). С левой стороны верхней челюсти поперечный раскол моляра зуба привел к периодонтиту с образованием обширного абсцесса.

Сравнить полученные данные с группами эпохи раннего железа и Средневековья удалось не по всему комплексу признаков. Как правило, публиковались данные по частотам кариеса, согласно которым показатель, наблюдаемый в серии из Устюга, очень низкий. Аналогично низкая частота наблюдалась у предшествующего населения саргатской культуры, Д.И. Ражевым был зафиксирован только один случай поражения патологией (из 2598 зубов) [Ражев, 2009]. В целом низкая частота кариеса свойственна большинству групп эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья с территории Сибири, привлеченных для сравнения. Это отличает их от населения эпохи раннего железного века европейской части России, где кариес встречен в 20,7 % у ранних сармат и в 12,8 % случаев у поздних [Суворова, 2008].

Зубочелюстные патологии серии из могильника Устюг-1

Название признака	Мужчины		Женщины		Суммарно	
	n/N	%	n/N	%	n/N	%
Кариес	1(9)	11,1	0(7)	0,0	2(28)	7,1
Заболевания пародонта	4(9)	44,4	4(7)	57,1	8(23)	34,8
Гипоплазия эмали	3(9)	33,3	2(7)	28,6	5(28)	17,9
Абсцесс	5(9)	55,6	1(7)	14,3	6(23)	26,1
Зубной камень	5(9)	55,6	1(7)	14,3	7(28)	25,0
Сколы эмали	6(9)	66,7	4(7)	57,1	11(28)	39,3
Ореховидные вздутия	1(9)	11,1	0(7)	0,0	1(23)	4,3

Множественные сколы эмали, абсцессы, прижизненная потеря зубов.

Анализ средневековых серий из таежной зоны Западной Сибири с VIII до начала XX в., проведенный Д.И. Ражевым, М.П. Рыкун и Е.О. Святовой в отдельной работе [2011], показал, что в выборках VIII – начала XII в. (Зеленый Яр, Сайгатинский 1, 3, 6, Нех-урий 3.5, Усть-Балык) и конца XII–XVI в. (Бедеревский Бор I, II, Сайгатинский 1, 3, 4, Зеленый Яр, Усть-Балык) процент индивидов с зубами, пораженными кариесом, также невелик. Достоверный же скачок кариозных поражений – до 50 % наблюдается в выборках XVII – начала XX в. (Бедеревский Бор II, Усть-Балык, Надымский городок, Варгананджино), что связано с освоением Сибири и импортом легкоусваиваемых углеводов и сахара. В поздних выборках русского населения (Верхотурье, Ревда, Каменск-Уральский) процент пораженных зубов достигает 77,8 %. [Ражев, Рыкун, Святова, 2011].

Данных по частотам эмалевой гипоплазии намного меньше. Для западносибирской лесостепи они имеются только для населения эпохи бронзы – раннего железного века [Зубова, 2007; Зубова, Марченко, Гришин, 2016; Марченко и др., 2016], по сравнению с которыми группа, оставившая могильник Устюг-1, выглядит относительно благополучно. У саргатского населения, ранних и поздних сарматов, а так же скифского населения Европейской части России, для которых также были опубликованы данные, частота патологии может достигать более чем 70 %. [Перерва, 2002; Суворова, 2008; Ражев, 2009]

Распространенность зубного камня в серии также выгодно отличает ее от популяций эпохи раннего железного века, по сравнению с которыми она минимальна. Так у носителей саргатской культуры частота этой патологии в некоторых группах достигает 100 % [Зубова, неопубликованные данные]. Эти данные могут свидетельствовать об изменениях и различиях в технологиях приготовления пищи.

Та же закономерность выявляется при сравнении частот заболевания пародонта. Частота заболевания в исследуемой серии сопоставима с серией из могильника Ростовка [Зубова, Марченко, Гришин, 2016], где частота патологии низка даже для эпохи бронзы (42,9 %). В сериях эпохи раннего железного века она намного выше: у саргатцев может достигать 85,7 %, превышает отметку в 80,0 % в сериях пазырыкской культуры [Молодин и др., 2003] и достигает 100 % в группах ранних и поздних сарматов [Суворова, 2008]. Для средневекового населения Западной Сибири данных о заболевании нет.

Частота апикальных абсцессов, которые являются следствием заболеваний пародонта, в серии из Устюга типична для сибирских групп VIII–XII вв. [Ражев, Рыкун, Святова, 2011], но ниже, чем в выборках XVII – начала XX в., где она достигает 60–70 % [Там же, с. 110].

Результаты проделанного анализа позволяют сделать ряд выводов о палеоэкологии популяций Устюг-1 и составе ее диеты. Низкие частоты кариеса, заболеваний пародонта и зубного камня свидетельствуют о преобладании в рационе популяции мясной пищи и о достаточно грубой технологии ее обработки. Они сближают серию из Устюга с некоторыми популяциями эпохи бронзы [Зубова, Марченко, Гришин, 2016] и могут свидетельствовать о переходе бакальского населения от системы питания саргатской общности, основанной на потреблении продуктов животноводства, в особенности молочных, кисломолочных изделий [Матвеева и др., 2005], к более традиционному для Западной Сибири рациону, подразумевающему в большей степени использование продуктов охоты и собирательства.

Список литературы

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. – М., 1998.

Зубова А.В. Некоторые палеопатологические характеристики населения Западной Сибири эпох развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2007. – Т. XIII. – С. 244–248.

Зубова А.В., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи (одонтологические данные) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 164–178.

Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: Археологические и изотопные данные // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 107–115.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни западносибирского населения в раннем железном веке. – Новосибирск: СО РАН, 2005. – 228 с.

Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. // AB ORIGINE. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012. – Вып. 4. – С. 38–75.

Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2011–2012 гг. // AB ORIGINE. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2014. – Вып. 6. – С. 26–58.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Интеграционные проекты СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – Вып. 1. – 286 с.

Перерва Е.В. Патология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 2002. – С. 141–151.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. – Ектеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.

Ражев Д.И., Рыкун М.П., Святова Е.О. Стоматологическое здоровье средневекового населения лесной зоны Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 103–115.

Слепченко С.М., Пошехонова О.Е. Патологические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4. – С. 87–95.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10 (предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С. 87–95.

References

Buzhilova A.P. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh. In *Istoricheskaya ekologiya cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovanii*. Moscow, 1998 (in Russ.).

Marchenko Zh.V., Panov V.S., Grishin A.E., Zubova A.V. Rekonstruktsiia i dinamika struktury pitaniia odinovskogo naseleniia Barabinskoi lesostepi na protiazhenii III tys. do n.e.: Arkheologicheskie i izotopnye dannye. *Vestnik arckheologii, antropologii i etnografii*, 2016, vol. 3 (34), pp. 107–115 (in Russ.).

Matveeva N.P., Larina N.S., Berlina S.V., Chikunova I.Yu. Kompleksnoye issledovaniie yslovii zhizni zapadnosibirskogo naseleniya v rannem zheleznom veke. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 228 p. (in Russ.).

Matveeva N.P. Mogil'nik Ustyug-1 po raskopkam 2009–2010 gg. In *AB ORIGINE*. Tyumen: State Univ. Press, 2012, vol. 4, pp. 38–75 (in Russ.).

Matveeva N.P. Mogil'nik Ustyug-1 po raskopkam 2011–2012 gg. In *AB ORIGINE*. Tyumen: State Univ. Press, 2014, vol. 6, pp. 26–58 (in Russ.).

Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Polos'mak N.V., Shul'gina E.O., Nefedova M.V., Kulikov I.V., Damba L.D., Gubina M.A., Kobzev V.F. Naselenie Gornogo Altaya v ehpohu rannego zheleznogo veka kak ehtnokul'turnyj fenomen: proiskhozhdenie, genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arheologii, antropologii, genetiki). Integracionnye proekty IAET SB RAS, iss. 1. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2003, 286 p. (in Russ.).

Pererva E.V. Patologiya pozdnich sarmatov iz mogilnikov Esaulovskogo Aksaya. In *OPUS Mezhdistsiplinarniie issledovaniia v archrkheologii.* Moscow: IA RAS, 2002, pp. 141–151 (in Russ.).

Razhev D.I. Bioantropologiya naseleniya sargatskoi obshchnosti. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2009, 492 p. (in Russ.).

Razhev D.I., Rykun M.P., Svyatova E.O. Stomatologicheskoe zdorov'e srednevekovogo naseleniya lesnoi zony Zapadnoi Sibiri. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2011, No. 1 (14), pp. 103–115 (in Russ.).

Slepchenko S.M., Poshekhonova O.E. Patologicheskie proyavleniya na paleoantropologicheskom materiale rannesrednevekovogo mogil'nika Ustyug-1. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2014, No. 4, pp. 87–95 (in Russ.).

Suvorova N.A., Malashev V.Yu., Yablonskii L.T. Odontologicheskaya kharakteristika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya po materialam mogil'nika Pokrovka-10 (predvaritel'noe soobshchenie). *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAS Publ., 2008, pp. 87–95 (in Russ.).

Zubova A.V. Nekotorye paleopatologicheskie harakteristiki naseleniya Zapadnoj Sibiri ehpoh razvitoj i pozdnej bronzy. In *Problems of Arhaeology, Ethnography, Anthropology of Neighbour Territories*, 2007, vol. XIII, pp. 244–248 (in Russ.).

Zubova A.V., Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Struktura pitaniya nositelei odinovskoi kul'tury Barabinskoi lesostepi (odontologicheskie dannye). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2016, No. 3 (34), pp. 164–178 (in Russ.).

УДК 903.225

А.И. Соловьев[1, 2], Е.А. Соловьева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Томский государственный университет
E-mail: easolovievy@mail.ru

Новые находки «асимметричных топоров» и некоторые аспекты технологии производства

В статье рассматриваются два топора из частной коллекции (Москва), которые дополняют линейку топоров с асимметричным сечением, выделенную авторами по материалам музеев Сибири. Оба экземпляра относятся к ранее выделенному III типу изделий. Вместе с тем один из них представляет собой новый, самостоятельный его вариант. На основе визуальных наблюдений рассматривается технологический аспект изготовления бойков данного типа. Выделяются два варианта размещения стальной пластины кромки лезвия на теле топора – сбоку у нижней кромки и между пластинами, образующими тело топора. Рассматриваются композиционные приемы ковки изделий, в т.ч. и многочастные схемы, которые, по всей видимости, являлись приоритетными. Обращается внимание и на буквенно-цифровую маркировку одного из предметов, которая представляется позднейшей инновацией.

Ключевые слова: *топор, тип, кузнечная ковка, технологическая схема, аббревиатура.*

A.I. Solovyev[1, 2], E.A. Solovyeva[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Tomsk State University
E-mail: easolovievy@mail.ru

New Findings of «Asymmetric Axes» and Several Aspects of their Production Technology

This article is studying two axes from a private collection (Moscow), which could supplement the group of axes with asymmetric section marked out by authors on the Siberian museums materials. Both items belong to marked out earlier III type of products. At the same time one of them represents new independent variant. On the basis of visual observations the technological aspect of production of axes of this type is considered. Two variants of placement of a steel plate on an axe body edge are marked out – sideways at the lower edge and between the plates forming the axe body. Composition methods of forging are considered including multipart schemes which, most likely, had the priority. The attention to alphanumeric marking of one of objects is paid. The last could be considered as the latest innovation.

Key words: *axe, type, forge forging, technological scheme, abbreviation.*

Минувшей весной нам удалось ознакомиться еще с двумя топорами из группы с асимметричным полуклиновидным сечением, типологическая характеристика которых приведена в предыдущем выпуске настоящего сборника. Один из этих экземпляров относится к третьему из выделенных типов и хорошо вписывается в характеристики его первого «узколезвийного» подтипа. Это крупное массивное «утюгообразное» изделие с длинной и широкой, односторонне заточенной рабочей частью, заканчивающейся вытянутым вперед острым, фактически уже колющим носком (в данном случае обломанным) и оттянутой назад пяткой; с трубчатым массивным проухом, зауженным к носку; массивной ударной площадкой обуха, усиленной наварной металлической пластиной. Одна сторона изделия представляет собой плоскость, другая имеет стандартный для топора рельеф. На теле бойка вблизи наружного отверстия проуха читаются две грани, образующие слабое ребро, которое постепенно переходит в закругление трубки.

С этой стороны боек, как и ряд изделий данного типа, декорирован прямыми линиями с зубчатыми насечками, расположенными с обеих сторон обуш-

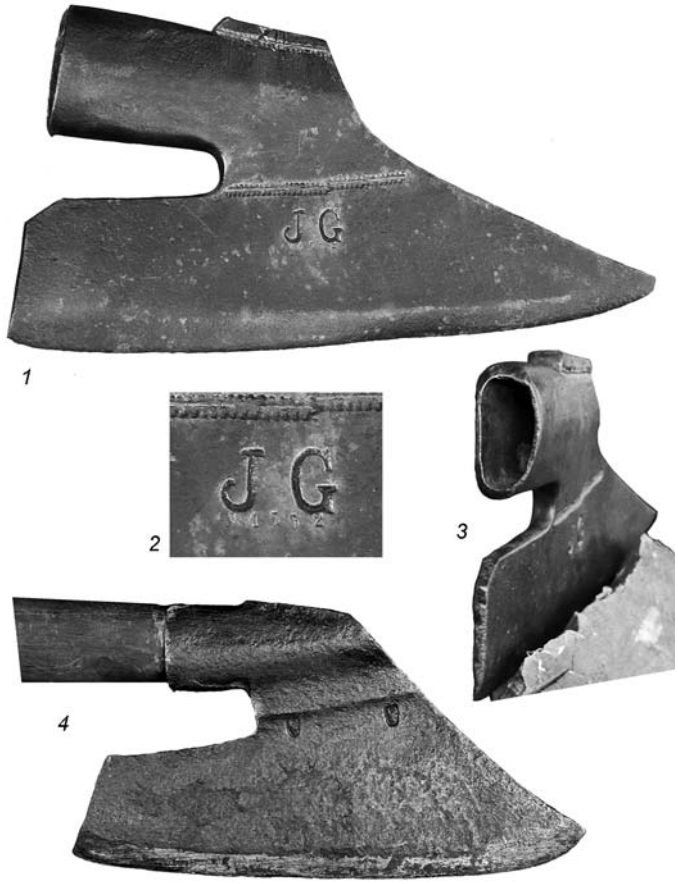


Рис. 1. Топоры III типа группы «асимметричного сечения» (из частной коллекции).

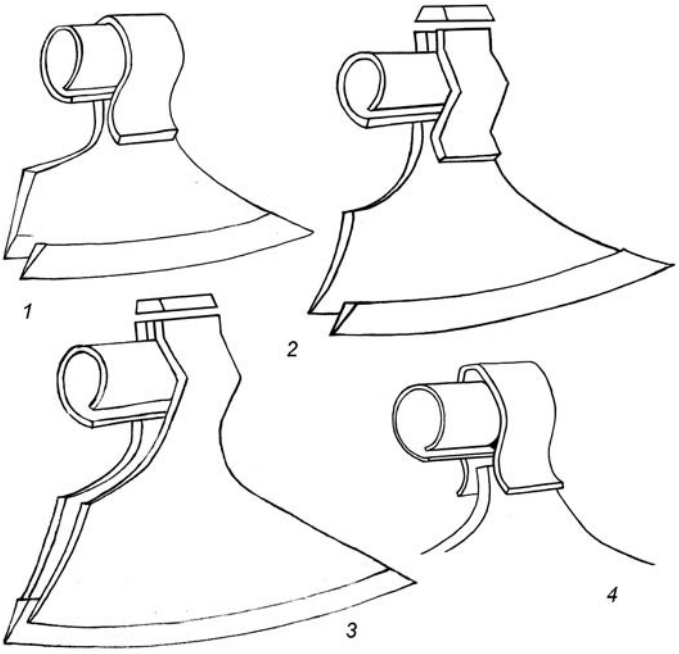


Рис. 2. Варианты технологических схем производства топоров группы с «асимметричным сечением».

ной части – внизу в области перехода к лезвию и сверху – у основания наварной площадки. Помимо них на теле топора неровно выбиты буквы JG и цифры 1652 (рис. 1, *1–3*).

Второй топор заметно меньше и легче. Безусловно, относясь к тому же самому типу, он имеет ряд заметных отличий, которые позволяют рассматривать его как самостоятельную разновидность в рамках подтипа. Прежде всего, различается профиль изделия. Торец передней стороны заметно вогнут, что вместе с дугообразной формой лезвия делает носок топора приподнятым и сравнительно с другими экземплярами данного типа менее острым и вытянутым. Верхняя грань пятки несколько скошена вниз, на «выпуклой» стороне бойка ниже проуха заметно рельефное ребро, под которым «прочеканены» два полуэллиптических знака. Обратная сторона бойка, плоская и не имеет следов орнаментации. Топор снабжен прямой деревянной рукоятью, сделанной, по словам хозяина, недавно (рис. 1, *4*). Данный экземпляр подвергался расчистке, которая позволила рассмотреть некоторые нюансы технологии его производства. Упомянутое ребро на рельефной стороне может поведать об одном технологическом «секрете» изготовления данного бойка. Втулка проуха, сварочный шов которой хорошо заметен на нижней ее части, сгибалась из отдельного листа металла (рис. 1, *4*). Вокруг нее петлеобразно загибалась верхняя четверть заготовки топора, формируя, таким образом, его обушную часть. Участок этой самой пластины, который смыкался с лезвийной частью, проковывался и кузнечным способом сваривался с ней. Ребро под обухом на рельефной стороне бойка и обозначает границу петли и место кузнечной сварки (рис. 2, *1*). Такая производственная схема хорошо известна меж средневековых изделий черной металлургии европейской части страны и Сибири [Молодин, Соловьев, 1977, с. 105–106]. Впрочем, возможны и многочастные монтажные схемы. Так, пластина, из которой формировался обух, могла быть заведомо короткой и представлять собой подобие скобы, между свободными концами которой зажималась отдельно откованная лезвийная часть изделия, к которой, в свою очередь, приваривалась стальная основа рабочей части (рис. 2, *4*). Еще одним вариантом, на который указывают материалы некоторых более крупных топоров данного типа, могла быть

схема, согласно которой обух сваривался из четырех частей: втулка, уплощенная заготовка лезвия, которая соответствует предполагаемому абрису изделия; дополнительная короткая изогнутая металлическая пластина, которая должна огибать втулку и формировать проух с противоположной – рельефной стороны (рис. 2, *2*).

Происхождение предметов осталось неизвестным. Назначение их, по информации владельца, связано с протеской углов массивных венцов срубов, для чего изделиям якобы и придан асимметричный профиль. Но тогда следует признать необходимым наличие пары топоров с различным (правым и левым) расположением уплощенной стороны. Иначе возможна протеска только одной из сторон каждого угла. Однако вся известная нам совокупность изделий, независимо от типа, имеет плоскость с одной и той же – левой – стороны. Да и по данным о нескольких аналогичных изделиях, которыми поделился с нами хозяин вышеописанных бойков, все они имеют тождественную асимметрию.

При таком сугубо производственном назначении изделий несколько странным кажется конструкция заостренного носка. Столь же излишним кажется и усиление обуха, изрядно утяжеляющего орудие и требующего значительных физических усилий при работе с ним. К сожалению, мы не имели возможности провести дополнительные исследования образцов на предмет выявления баланса изделия, определения центра тяжести, центра удара, и ряда других характеристик, которые необходимы, согласно теории ручных ударных орудий В.А. Желиговского и В.П. Горячкина, для определения механических свойств топоров, особенностей работы ими и КПД [Желиговский, 1936].

Визуальные наблюдения над некоторыми образцами крупных изделий этого типа, хранящимися в Колпашевском и Новосибирском краеведческом музеях, позволяют прийти к выводу о существовании еще одного технологического приема изготовления таких топоров, когда тело бойка ковалось из двух металлических полос, между которыми помещалась труба втулки и пластина высокоуглеродистой стали, предназначенная для создания рабочей кромки (рис. 2, *3*). Косвенным указанием на это служит уже упомянутое наличие двух плоскостей, образующих слабо выраженную грань, которая и является своего рода «реликтом» боковой пластины-заготовки, согнутой а этом месте для удобства образования полости проуха. Последняя, как уже упоминалось, могла быть и короткой (рис. 2, *2*).

Для ковки рабочей кромки лезвия использовался и более простой прием т.н. «бокового навара», когда стальная пластина присоединялась к одной из сторон железной основы. Отметим, что оба метода формирования рабочей кромки имели приблизительно одинаковое распространение. С позиций схемы создания тела бойка из двух половинок вполне логичным выглядит усиление обуха дополнительной наварной пластиной, ибо площадь соединения заготовок в этом месте весьма невелика, а значит и столь же невысока и прочность этого узла. Следовательно, именно здесь и надо было его укрепить.

На правой боковой стороне наварной пластины обуха у самого крупного из осмотренных нами бойков заметен знак в виде косого креста и двух вертикальных линий. Последний может быть прочитан как римская цифра XII. С высокой степенью вероятности его следует считать аутентичным. Дополнительным основанием для такого заключения может служить известная «перекличка сюжетов». А именно тот факт, что на обухе другого топора, на этот раз из фондов Новосибирского государственного краеведческого музея, на правой стороне обуха бойка, примерно на том же самом месте в аналогичной технике нанесен косой крест, который также может быть прочитан как римская цифра, на этот раз – X. Касаясь представляемого материала, нельзя обойти вниманием буквенно-цифровую символику, неровно выбитую на щековице одного из бойков (см. рис. 1, *1*, *2*). При всех тех интерпретационных возможностях, которые дарит соблазн считать цифры датой производства изделия, от этой мысли следует отказаться. И не в последнюю очередь из-за стилистики их написания, явно отличной от норм, которые демонстрирует столь массовый вещественный исторический источник, как нумизматический материал, сохранивший нанесенные на металл хронологические маркировки. Можно, конечно, возразить, что в одном случае речь идет о рельефе, а в другом – о глубокой чеканке. Но слишком уж различны визуальные характеристики знаков, да и в допетровское время, на которое, как будто, указывает дата, система летосчисления была иной, и использовались в ней, помимо всего прочего, буквенные обозначения.

Немало вопросов вызывают и заглавные буквы, которые как будто свидетельствуют о западноевропейском происхождении бойка независимо от того, являлись ли они сиглями, клеймом мастера или же монограммой хозяина. Впрочем, трактовка литер как знака мастера выглядит весьма уязвимо, прежде всего, с позиции серийности изделий. Вместе с тем аббревиатура JG (Юлиус Готфрид) известна в мире оружия. Она принадлежит известной немецкой оружейной компании, основанной в Гамбурге в 1856 г., много позже той даты, что обозначена на изделии. Собственно, к этому времени то-

пор как боевое оружие уже практически прекратил свое существование.

Что касается сиглей – общепонятного эпиграфического сокращения слова, – то традиция их нанесения связана, в первую очередь, со знаковым и статусным белым оружием. Но, если с позиций клинковой эпиграфики подходить к истолкованию выбитых на щековице букв, то при известном допущении и доле фантазии в них можно распознать символы Иисуса или же в ином варианте – Иисуса и Девы-матери (Gentrix) (см. напр.: [Дрбоглав, 1984, табл. II]). Но это допущение тоже выглядит малоубедительным в силу ряда причин, обсуждение которых выводит нас за рамки, установленные для данной публикации. Отметим лишь упадок традиции христианской эпиграфики на оружии уже в развитом европейском Средневековье, не говоря о Новом времени. Хотя, конечно, можно допустить и исключения. В целом же чеканка букв выглядит более четкой и свежей, чем рисунок орнамента, что позволяет предполагать их более позднее совместное с цифрами происхождение. Весьма вероятно, что эти знаки были сделаны уже в наши дни с целью повышения маркетинговой привлекательности изделия. Что же касается его происхождения, то, учитывая весь круг ранее рассмотренных находок, его, на наш взгляд, следует связывать с русским производством. Хотя допустима и его принадлежность зарубежному искателю счастья, которых немало бродило по стране и находилось на государевой службе накануне и после петровских реформ. Нельзя, наверное, не учитывать и возможности его позднего происхождения, связанного с западными окраинами Российского государства. Тема же вероятностного использования данных изделий планируется к рассмотрению в следующей публикации.

Список литературы

Дрбоглав Д.А. Загажки латинских клейм на мечах IX–XIV веков. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 149 с.

Желиговский В.А. Эволюция топора и находки на метрострое // По трассе I очереди Московского метрополитена. – Л., 1936. – С. 138–148.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1977. – С. 105–120.

References

Drboglav D.A. Zagazhki latinskih klejm na mechah IX–XIV vekov. Moscow: State Univ. Press, 1984, 149 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Solov'ev A.I. Klassifikacija toporov mogil'nika Kyshtovka-2. In *Arheologija Uzhnoj Sibiri*. Kemerovo: State Univ. Press, 1977, pp. 105–120 (in Russ.).

Zheligovskij V.A. Evoljucija topora i nahodki na metrostroe. In *Po trasse I ocheredi Moskovskogo metropolitena*. Leningrad, 1936, pp. 138–148 (in Russ.).

УДК 903.225

А.И. Соловьев, Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: easolovievy@mail.ru

Прыжок священного оленя*

В статье рассматриваются некоторые варианты иконографии образа оленя в искусстве скифского времени с позиции особенностей воспроизведения «стандартных» для зрителя поз животного. Последние связываются с характером поведенческих норм изображаемого объекта. Особое внимание уделяется весьма специфическому положению тела животного, которое в кругу специалистов обычно характеризуется как «олень на цыпочках» или «поза внезапной остановки». Авторам удалось наблюдать поведение встревоженного оленя, который, будучи застигнут врасплох, продемонстрировал прыжковую реакцию, визуальные формы которой полностью соответствовали стандарту позы «олень на цыпочках». Сделано предположение о том, что если в художественных композициях фигуры оленей в аналогичных позах расположены друг над другом, то речь идет не просто о мультиплицированном «умножении» воображаемых свойств животного, а еще и о динамике движения, отражающей в совокупности фрагментов стадию перемещения сакрального животного вверх – к небесным сферам.

Ключевые слова: *образ, олень, поза, скифское искусство, священный, прыжок.*

A.I. Solovyev, E.A. Solovyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: easolovievy@mail.ru

The Jumping of Sacred Deer

This article reviews several variants of deer image iconography in Scythian time art from the position of reproduction of animal poses, "standard" for the viewer as usually considered. The last ones are connected with the nature of represented object behavioral norms. Special attention is paid to very specific position of an animal body which is usually characterized as "a deer on tiptoe" or "a pose of a sudden stop" by the experts. Authors managed to observe behavior of an alarmed deer who has been overtaken unawares and has shown jumping reaction which is very close to a standard pose "deer on tiptoe". The authors suppose that in art compositions where figures of deer in a similar pose are located one above another, it is not just about the geared-up "multiplication" of the imagined properties of an animal but also can be the representation of the movement dynamics reflecting in total fragments a stage of the sacred animal movement up to heavenly spheres.

Keywords: *image, position, jumping, deer, sacred, Scythian art.*

Вряд ли стоит доказывать, что из числа представителей животного царства олень является одним из самых популярных и знаковых персонажей в сюжетах искусства скифского мира. Животное изображается в профильных ракурсах в нескольких основных позициях, особенности которых определяются положением головы, шеи и ног относительно туловища. В том случае, когда голова и шея вытянуты вперед, а согнутые в коленях ноги как бы смыкаются копытами между собой и плотно прижаты к животу, положение тела интерпретируется как поза отдыха. Когда же при прочих равных характеристиках копыта и голени передних и задних ног оказываются на расстоянии от живота, олень воспринимается уже скачущим существом, движение которого вперед как бы подчеркивают закинутые назад рога. За такими фигурами даже закрепилось образное определение – «поза летящего галопа». Впрочем, и первая из вышеупомянутых позиций при известных допусках может также трактоваться как воплощение одной из фаз движения. Еще один из распространенных сюжетов связан с изображением тела животного с «перекрученным» торсом и «вывернутым» крупом и закинутыми за спину задни-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

ми ногами, при этом кончики копыт направлены к рогам. Такой образ связан преимущественно со сценами «терзания» – борьбы животных. Не разбирая специально подобные сцены, ибо содержание их выходит за рамки нашей темы, отметим, что возможное прочтение такой специфической позы копытного может быть связано с моментом «вставания», т.е. когда, например, животное из положения «на боку» пытается быстро вскочить. В одной из фаз движения оно «выворачивает» корпус и, опираясь на копыта передних ног, приподнимает его переднюю часть, в то время как круп и задние ноги еще лежат на боку на земле. Такую «разносность» конечностей в художественных нормах того времени можно воспроизвести только, «перекрутив» туловище животного и изобразив его круп с обратной стороны в положении, когда задние ноги оказываются над спиной. Зачастую в близкой позе, только вытянув вперед передние конечности, лежат (отдыхают) и домашние питомцы, и их дикие (когтистые, клыкастые, копытные, рогатые и даже одно- и двугорбые) сородичи. Собственно, разница между такой позой «свободного отдыха» и позой «подъема» будет в изображении положения передних ног. В одном случае они, будучи параллельны «земле», окажутся в целом соосны туловищу, а в другом будут располагаться под некоторым углом к нему. С позиции сцен борьбы представителей животного царства, отмеченные отличия можно трактовать как разные стадии «поверженности» копытных – от частичного до полного «подчинения» противнику его жертвы, либо, наоборот, мощного сопротивления и даже преодоления его гнетущей силы – своего рода «подъема с колен». Впрочем, данная тематика, хотя и представляет определенный семантический интерес, уже выходит за рамки данной статьи. Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что все упомянутые позы копытных так или иначе связаны с кинематикой движения и отражают его динамику.

Среди популярных сюжетов искусства скифского времени есть еще один, который резко отличается от упомянутых. И прежде всего тем, что как будто передает образ оленя в статике, очевидность которой подчеркивается выпрямленными и как бы безвольно свисающими ногами с острыми, направленными вниз, кончиками копыт. Своеобразие позы породило немалое число образных определений, используемых при ее описании: «поза внезапной остановки», «олень на цыпочках», «животное в жертвенной позе» и пр. Последнее появилось при явном сходстве как будто безжизненной позы животного с тем положением, которое принимают шкуры копытных (в частности, лошади, а в иных районах и северного оленя), вывешиваемые после жертвоприношения на конце поднятого вверх шеста или ветвях деревьев. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока отметим, что в данном сюжете мы сталкиваемся с многочисленностью интерпретаций и ситуацией, когда вопросов оказывается больше, чем ответов, когда легче констатировать факт, нежели его убедительно объяснить. Впрочем, можно пополнить копилку таких гипотез еще одной, которая, возможно, послужит своего рода «опорным камнем» для дальнейших реконструкций мировоззренческого плана.

Некоторое время назад в парке «Двух тысяч оленей» (г. Нара, Япония) авторам довелось наблюдать необычное, на взгляд жителя современного мегаполиса, поведение животного. На опушке хвойного редколесья, у кромки пологого склона горы мирно дремал, поджав ноги и подвернув голову к брюху, крупный рогатый олень. Легкий ветерок играл звуками парка, создававшими привычный животному звуковой фон и одновременно глушившими шаги человека. При нашем приближении он вскинул голову и вскочил на ноги. А затем началось нечто совершенно неожиданное и трудновообразимое. Вместо того, чтобы решительно направиться навстречу человеку в поисках лакомства, как это бывает с доместицированными обитателями парковых зон, или же, наоборот, стремительно, ломая сучья, ринуться прочь, олень насторожился. А затем легко и пружинисто оторвался от земли, буквально взмыв в воздух. И на мгновение, застыв в самой высокой точке своего прыжка, олень опустился на землю практически на том же самом месте. «Техника» этого прыжка была такова, что толчок был совершен одновременно всеми четырьмя ногами. В воздухе туловище животного приняло горизонтальное, параллельное земле положение, голова была высоко поднята, ноги свободно свисали, острые кончики копыт были направлены вниз, т.е. олень принял ту самую позу «внезапной остановки». Может быть, нам бы и не удалось так подробно рассмотреть все эти детали, если бы едва приземлившийся рогатый красавец опять, словно спортсмен с поверхности батута, не «взлетел» бы обратно в воздух. А потом еще, еще и еще. Олень, как мячик, перемещался в пространстве. Порой казалось, что он вообще не касается земли. Толчки его ног были столь стремительны, что казалось, что они совсем утратили способность сгибаться и глаза наблюдателя фиксировали лишь момент и позу «зависания». Встревоженное животное явно искало причину своего беспокойства и пути к отступлению. Движения оленя ускорились, и в какой-то момент даже возник стробоскопический эффект, который был настолько силен, что почудилось, будто олень повис в воздухе

и медленно, волнообразно поплыл в нем к зеленым кустам горного склона. Лучи солнца, пробившиеся сквозь кроны деревьев, «брызнули» на его туловище и, смешавшись с пятнами на шкуре, огнем зажгли его рыжую шерсть. По телу покатились (инициированные колебательными движениями прыжков) волны солнечного света, очертили в легкой пыли шлейф движения и даже золотой ореол вокруг зверя. Казалось, будто он танцует по солнечному лучу. Так продолжалось несколько секунд, которые показались целой вечностью. Затем он застыл, прислушиваясь и отыскивая глазами причину своей тревоги. И когда тихо подошел второй автор данной статьи, волшебный танец возобновился. Меж тем, животное понемногу удалялось от невольных зрителей, и в какой-то момент траектория его прыжков изменилась, перейдя в горизонтальную плоскость. Рогач определил направление угрозы. Затрещали ветви, и он легким стремительным галопом исчез в кустах. Сказка закончилась, волшебное видение пропало.

Вероятно, в древности люди, которые были гораздо ближе к природе, чем наши современники, неоднократно наблюдали похожие формы поведения встревоженного животного. Вполне возможно, высота прыжков застигнутого врасплох оленя и их амплитуда могли быть абстрагированы мифологическим сознанием от прагматики поиска источника угрозы и определения путей спасения в привычных формах стремительного бегства. И более того, могли восприниматься как прямая апелляция к небесным сферам и даже как свидетельство непосредственной связи рогатого представителя животного мира с верхним солнечным миром. Мифологический потенциал такого значимого для архаического мировоззрения сюжета не мог ускользнуть от внимания и, соответственно, взгляда мастеров, воплощавших в художественных образах его постулаты. Рискнем высказать предположение, что эффект «мультипликации», хорошо известный для изобразительного искусства эпохи раннего железного века, когда в композиции фигуры оленей в «позе внезапной остановки» расположены друг над другом, вопреки как будто очевидной для нас статичности поз, подчеркивает, наоборот, динамику движения, отражая в каждом фрагменте стадию перемещения вверх – навстречу солнцу или иным лучезарным мирам.

У нас пока нет достоверных данных о непосредственном использовании оленей в погребальной практике представителей разных культур скифского мира, исключая, пожалуй, «маскировку» под упомянутых животных коней из пазырыкских курганов. В археологии и этнографии северного пояса Северной Азии известны примеры, когда оба этих животных выступали алломорфами друг друга. Хотя большинство этих случаев относится к гораздо более позднему и даже этнографическому времени, можно предполагать, что истоки этого явления уходят глубоко в пласты времени, тем более, что солнечные или небесные ипостаси животных, судя по изобразительным материалам раннего железного века, могли совпадать. Также можно констатировать, что в обрядовой сфере баланс ценностного «веса» животного зависел от приоритетного отношения человеческого коллектива к конкретному представителю фауны и реальной возможности обеспечить его наличие для нужд ритуала. Можно, конечно гипотетически, предполагать и существование некоего обряда аналогичного вывешивания шкуры и в раннем железном веке. Отыскать подтверждение или опровержение данного тезиса можно только при комплексных раскопках могильников сплошными площадями, включая межкурганное и прилегающее пространство, которые в необходимых масштабах еще не проведены. Поэтому пока можно отталкиваться только от неясных упоминаний Геродота об установке чучел коней и людей близ царских курганов причерноморских скифов. При пока гипотетическом наличии в погребальной практике ритуала, связанного с использованием животного, знаковым для нас оказывается не сам финал обряда вывешивания, а его непосредственный ход, когда сценография акта поднятия вверх шкуры сакрального, «жертвенного» (?) животного мистически становится тождественной повторению его «прыжка» к небесам и имитацией его доступными средствами.

УДК 902.01

Н.Ф. Степанова[1], Д.Ю. Рыбаков[2]
[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Томский государственный университет
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности

Статья посвящена изучению материалов городища Тимирязево III (Томское Приобье), относящегося к финальному этапу кулайской культурно-исторической общности (III–IV вв. н.э.). Исследования памятника продолжаются несколько лет, получен керамический комплекс, включающий 267 сосудов. Проведен технико-технологический анализ 37 фрагментов от разных сосудов. Выявлены культурные традиции в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Установлено, что 57 % сосудов изготовлено из ожелезненного сырья (из слабоожелезненного – 43 %, среднеожелезненного – 14 %) и 43 % из неожелезненного. Основные различия между керамикой разных групп связаны с исходным сырьем. По составу формовочных масс выделяются два сосуда, рецепты изготовления которых включали дресву и шамот. При изготовлении остальных сосудов добавлялась дресва. Полученные данные близки результатам изучения керамики с поселенческого комплекса Рюзаково, что служит основанием для предположения о преемственности керамических традиций в рамках локального томского варианта кулайской культурно-исторической общности.

Ключевые слова: *кулайская культурно-историческая общность, Томское Приобье, керамика, исходное сырье, формовочные массы, культурные традиции.*

N.F. Stepanova[1], D.Yu. Rybakov[2]
[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Tomsk State University
E-mail: nstepanova10@mail.ru

The First Results of the Technical and Technological Analysis of the Ancient Settlement Timiryazevo III Ceramics of the Kulay Cultural and Historical Community

The article is devoted to studying of the ancient settlement Timiryazevo III materials in the Tomsk Priobie relating to a final stage of kulay cultural and historical community (the III–IV centuries AD). The researches of a monument proceed some years, the ceramic complex including 267 vessels is received. The technical and technological analysis of 37 fragments from different vessels is carried out. The cultural traditions in a choice of plastic raw material and preparation of pottery paste are revealed. It is established that 57 % of vessels are made of ferruginated raw materials (from low ferruginated – 43 %, mid ferruginated – 14 %) and 43 % from not ferruginated. The main differences between ceramics of various groups are connected with plastic raw material. On structure of pottery paste 2 vessels with the recipes including scree and chamotte are allocated. At production of other vessels the scree was added. The obtained data are close to studying results of ceramics from a settlement complex of Ryuzakovo that forms the basis for the assumption of ceramic traditions continuity within local Tomsk variety of kulay cultural and historical community.

Keywords*: kulay cultural and historical community, Tomsk Priobie, ceramics, plastic raw material, pottery paste, cultural traditions.*

В западносибирской археологии раннего железного века проблема кулайской культуры и кулайской культурно-исторической общности является одной из наиболее актуальных и дискуссионных, в частности, существует несколько точек зрения, связанных с процессом ее формирования, во мно-

гом остается неясным характер взаимодействия кулайцев с местным населением регионов, охваченных миграционными процессами в ранний период. Для изучения этих проблем актуальны результаты исследования керамики. В данной работе представлены первые итоги изучения одного из керамических комплексов финального этапа существования кулайской культурно-исторической общности (III–IV вв. н.э.) с городища Тимирязево III, проведенного в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [1978, 1999].

Городище Тимирязево III находится в Томском Приобье, топографически привязано к краю второй левобережной террасы р. Томи, возвышающейся над поймой на 16–18 м. Большая часть территории покрыта сосновым бором. Городище расположено на северной окраине пос. Тимирязево. Оно выявлено В.И. Матющенко в ходе разведочных работ 1954 г. В 1973 г. Л.М. Плетневой была проведена глазомерная съемка памятника. Согласно плану 1973 г. городище первоначально было однокамерным. Укрепление состояло из рва неправильной многогранной формы. На внутренней площадке располагалось 17 западин размером 5 × 5–7 × 8 м. Следы еще четырех, частично разрушенных, западин были зафиксированы по склону террасы. Позднее системой из трех рвов и двух валов к городищу был прирезан участок длиной ок. 85 м. Новая линия укреплений охватывала старую лишь частично. На территории прирезанной второй площадки располагалось 16 западин размером 6–7 × 12–13 м.

Л.М. Плетневой на городище был заложен раскоп площадью 363 м^2, в результате было исследовано четыре жилищных западины. Мощность заполнения котлованов составила 0,3–1,2 м, а в межжилищном пространстве 0,6–0,9 м. По материалам раскопок городище было отнесено к кулайской культуре и датировано IV–V вв. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 98].

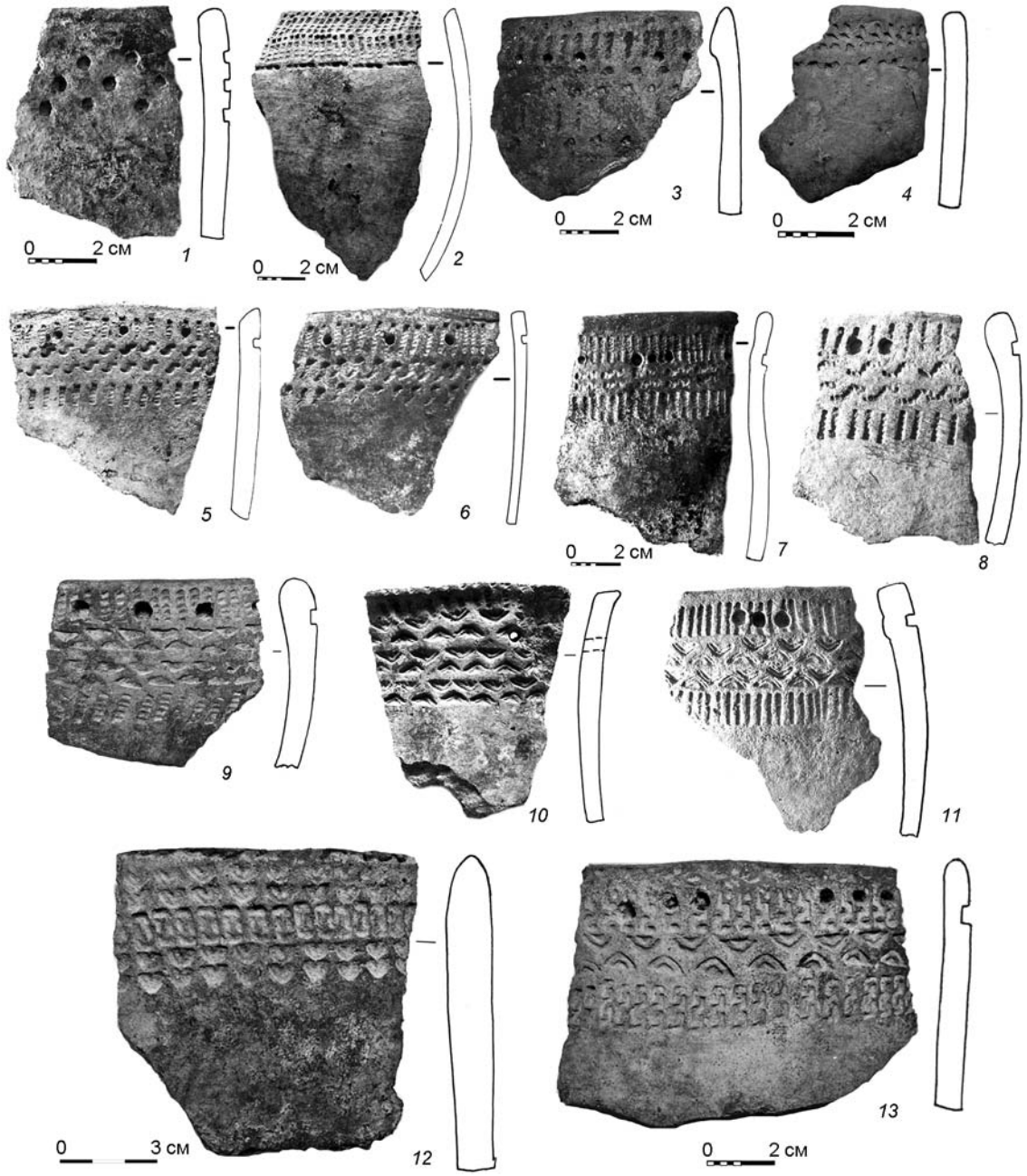
В 2009 г. Д.Ю. Рыбаковым были проведены раскопки на внутренней площадке памятника, которые включали часть межжилищного пространства и визуально фиксируемую западину № 19. В 2013 г. в результате раскопок исследована часть внутренней площадки, а также участок системы фортификации в западной части памятника. Всего исследовано 188 м^2 культурного слоя памятника. По материалам раскопок получен керамический комплекс, который включает венчики от 267 сосудов. Ранее одним из авторов был проведен подробный статистический анализ морфологии и орнаментики керамического комплекса городища Тимирязево III [Рыбаков, 2016]. Учитывая, что вся керамика Томского Приобья конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. обнаруживает общие орнаментальные черты, дифференцированные локальными особенностями каждого конкретного памятника, было выделено 7 групп керамики. Керамический комплекс городища Тимирязево III включает 5 из них, но одна группа (№ 6), состоящая из керамики без орнамента, крайне малочисленна (0,7 % от общего количества).

Известно, что наиболее информативным культурно-хронологическим источником для большинства западносибирских памятников является керамика. Однако, как правило, при ее изучении исследователи обращают основное внимание на внешние признаки – морфологию и орнамент. Технико-технологические исследования керамики раннего железного века с территории Томского Приобья пока проведены только для одного памятника [Рыбаков, Степанова, 2013]. В данной статье представлены результаты технико-технологического анализа другого керамического комплекса – с городища Тимирязево III, характеризующего финальный этап кулайской культурно-исторической общности.

Основная задача исследования керамики с городища Тимирязево III сводилась к выявлению специфики культурных традиций на следующих ступенях производственного процесса: отбор исходного сырья, подготовка формовочных масс. В рамках поставленной задачи рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; выявление местных и неместных традиций по этим направлениям и признаки их смешения. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались свежие изломы и поверхности образцов. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин фрагменты сосудов дополнительно были нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850° С.

Проведен технико-технологический анализ 37 образцов из четырех групп.

К *группе 1* (см. *рисунок*, *1–3*) относятся 7 фрагментов керамики, большая часть которых изготовлена из слабоожелезненной глины (71,5 %), меньшая – из неожелезненной (28,5 %). Зафиксировано два рецепта: глина + дресва + органика (86 %) и глина + дресва + шамот + органика (14 %). Необходимо особо подчеркнуть, что в слабоожелезненное сырье добавлен ожелезненный шамот с дресвой. Основной рецепт первый. Различия сводятся к размерности и концентрации дресвы. В целом концентрация дресвы колеблется от 1 : 3–4 до 1 : 5. Выделяется один сосуд, в котором зафиксирована только мелкая дресва (до 1 мм) в концентрации 1 : 5.



Керамика с городища Тимирязево III.
1–3 – группа 1; *4* – группа 3; *5–8* – группа 4; *9–13* – группа 7.

К *группе 3* (см. *рисунок*, *4*) относится 1 сосуд, изготовленный из ожелезненной глины, в которую добавлены дресва и органика.

Группа 4 (см. *рисунок*, *5–8*) представлена 9 образцами. Сосуды этой группы изготовлены из неожелезненной (67 %) и слабоожелезненной глины (33 %). Зафиксирован один рецепт: глина + дресва + органика. Различия сводятся к размерности и концентрации частиц (концентрация колеблется от 1 : 4 до 1 : 5). Выделяются 2 сосуда, где размерность частиц не превышает 1 мм, а в остальных случаях размер их колеблется от 1 до 2–3 мм.

Группа 7 (см. *рисунок*, *9–13*) включает 20 образцов, которые по ожелезненности исходного сырья могут быть разделены на три группы: 1) из неожелезненной глины (39 % сосудов); 2) слабоожелезненной (39 % сосудов); 3) среднеожелезненной (22 %). Для каждой группы зафиксировано несколько источников получения сырья. Зафиксировано два рецепта: глина + дресва + органика (95 %) и глина ожелезненная + глина неожелезненная + дресва + шамот (5 %). Шамот из неожелезненного сырья. Как и в предыдущих группах, зафиксированы различия по размерности и концентрации частиц

(концентрация от 1 : 3 до 1 : 5). Выявлено 3 сосуда (15 %) с дресвой размерами до 1 мм.

В целом на памятнике 57 % сосудов изготовлены из ожелезненого сырья (из слабоожелезненного – 43 %, среднеожелезненного – 14 %) и 43 % – из неожелезненного. Необычным для городища оказалось среднеожелезненное сырье. Сравнивая результаты исследований керамики по группам между собой, необходимо отметить различие традиций в выборе исходного сырья: в четвертой преобладает неожелезненное (67 %), в первой – слабоожелезненное (71,5 %), в седьмой – ожелезненное (61 %), которое подразделяется на слабо- и среднеожелезненное. В третьей группе один сосуд из среднеожелезненного сырья.

По составу формовочных масс между группами нет заметных различий. В целом выделяются всего 2 сосуда со смешанными рецептами (по одному из первой и седьмой групп), которые отражают смешение культурных традиций, связанные со смешением населения через брачные контакты. Учитывая, что всего в 5,5 % сосудов выявлен шамот, можно считать, что традиция его использования неместная для городища Тимирязево III.

Проведен сравнительный анализ полученных результатов исследования керамики городища Тимирязево III и поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое). Выявлены некоторые различия. В первой группе керамики с памятника Тимирязево III часть сосудов изготовлены из слабоожелезненных глин, а на Рюзаково только из неожелезненных. Отмечаются различия и по составу естественных примесей, что свидетельствует о разных источниках получения сырья. В четвертой группе одинаково преобладают неожелезненные глины, но из ожелезненных на Тимирязево, в отличие от Рюзаково, зафиксированы только слабоожелезненные. Для обоих памятников из минеральных примесей характерно добавление дресвы.

Подводя итог, необходимо отметить преимущественное использование неожелезненного и слабоожелезнного сырья, а также наличие устойчивой традиции применения в качестве минеральных примесей дресвы. Смешение традиций отмечается, но незначительное. Полученные результаты изучения керамики с городища Тимирязево III в целом близки данным с Рюзаково и, видимо, отражают преемственность культурных традиций в рамках локального томского варианта кулайской культурно-исторической общности. В связи с тем, что исследование керамических коллекций из Томского Приобья только начато, сложно сказать, является ли использование неожелезненного и слабоожелезненного сырья особенностью для кулайской керамики или же это связано с местными особенностями глин. Исследования на сопредельных территориях, в частности на Алтае, показывают, что использовалось, в основном, среднеожелезненное сырье [Степанова, 2015]. В связи с этим дальнейшие исследования керамики очень перспективны и могут иметь значение для изучения взаимодействия населения в рассматриваемую эпоху.

Список литературы

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 244 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – Разд. 1. – С. 5–109.

Рыбаков Д.Ю. Статистический анализ керамического комплекса городища Тимирязево III и его культурно-хронологический контекст // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2016. № 4 (42). – С. 157–161.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 86–90.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

References

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. Tomsk: Univ. Press, 1983, 244 p. (in Russ.).

Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinskij A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya)*. Samara: State Pedagogical Univ. Press, 1999, pt. 1, pp. 5–109 (in Russ.).

Rybakov D.Yu. Statisticheskij analiz keramicheskogo kompleksa gorodishcha Timiryazevo III i ego kul'turno-hronologicheskij kontekst. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, No. 4 (42), pp. 157–161 (in Russ.).

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulajskoj keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Duhovoe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, No. 2 (22), pp. 86–90 (in Russ.).

Stepanova N.F. Kul'turnye tradicii v vybore iskhodnogo syr'ya i mineral'nyh primesej pri izgotovlenii keramiki po materialam gornyh, predgornyh, stepnyh i lesostepnyh rajonov Altaya. *Samarskij nauchnyj vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95 (in Russ.).

УДК 902.01

А.В. Табарев
Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olmec@yandex.ru

Погребальные маски в доиспанских культурах юго-западной Колумбии

Одним из специфических археологических маркеров высокого статуса погребенных в доиспанских культурах юго-западной части современной Колумбии служат погребальные маски, выполненные из металла или керамики. В качестве примера в статье рассматриваются уникальные комплексы могил № 47 и 51 некрополя Коронадо (департамент Вальe-дель-Каука) (культура йотоко, 200 г. до н.э. – 200 г. н.э.) и керамические маски с антропоморфной, орнитоморфной и зооморфной (летучая мышь) символикой. Образы птиц и летучей мыши являются для древних культур Северных Анд (Колумбия, Эквадор, Венесуэла) и доколумбовой Америки в целом одними из диагностичных признаков принадлежности покойного к группе служителей культа (шаманы). Проведенный детальный анализ особенностей погребального инвентаря позволяет не только четко идентифицировать могилы представителей нескольких групп племенной элиты (касики, шаманы), но и обозначить различия в атрибутике последних, связанные со специфическими ролями (птицы – свет, летучие мыши – мрак) в ритуальной практике.

Ключевые слова: *Колумбия, Коронадо, погребения, маски, символика.*

A.V. Tabarev
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olmec@yandex.ru

Burial Masks in the Pre-Hispanic Cultures of Southwestern Colombia

Burial masks made from metal or ceramic could be recognized as one of the specific archaeological markers for the high status of buried persons in the pre-Hispanic cultures of the southwestern part of modern Colombia. As an example, unique complexes of tombs No. 47 and 51, Coronado necropolis (Department Valle del Cauca) (Yotoco culture, 200 BC – 200 AD), and ceramic masks with anthropomorphic, ornitomorphic, and zoomorphic symbolism are examined. The images of birds and bats in the ancient cultures of Northern Andes (Colombia, Ecuador, and Venezuela) and Pre-Columbian Americas in whole are one of the diagnostic features which link the buried persons with the rank of shamans. The performed analysis of the peculiarities of the burials assemblage allows not only identifying the tombs of various social groups (caciques, shamans), but to indicate the differences in the attributes of the shamans, connected with the specific roles (birds – light, bats - darkness) in ritual practice.

Keywords: *Colombia, Coronado, burials, masks, symbolism.*

В ходе поездок в Колумбию в 2010–2013 гг. (музеи городов Кали, Попаян, Пальмира, Дарьен, Перейра) нам удалось поработать с коллекциями погребального инвентаря нескольких археологических культур юго-западной части этой страны. Особую ценность для нас представляли материалы, иллюстрирующие сложные процессы социального расслоения и выделение различных групп племенной элиты в доиспанский период. Таким материалам-маркерам (каменная и деревянная скульптура, мегалитические гробницы, керамическая пластика, золотые украшения) мы посвятили несколько специальных публикаций [Табарев, 2013а, б, 2014, 2015].

Одним из специфических археологических маркеров особого статуса являются также погребальные маски, выполненные из металла (золото, его сплавы с медью и платиной) или керамики. Если золотые изделия широко представлены в публикациях и музейных каталогах [Calima y Malagana, 2005], то керамические маски известны отечественным специалистам гораздо меньше. В настоящей публикации в качестве наглядного примера их информативности и ритуального символизма мы рассматриваем маски из погребений некрополя Коронадо.

Памятник Коронадо находится на территории муниципалитета Пальмира (департамент Вальe-

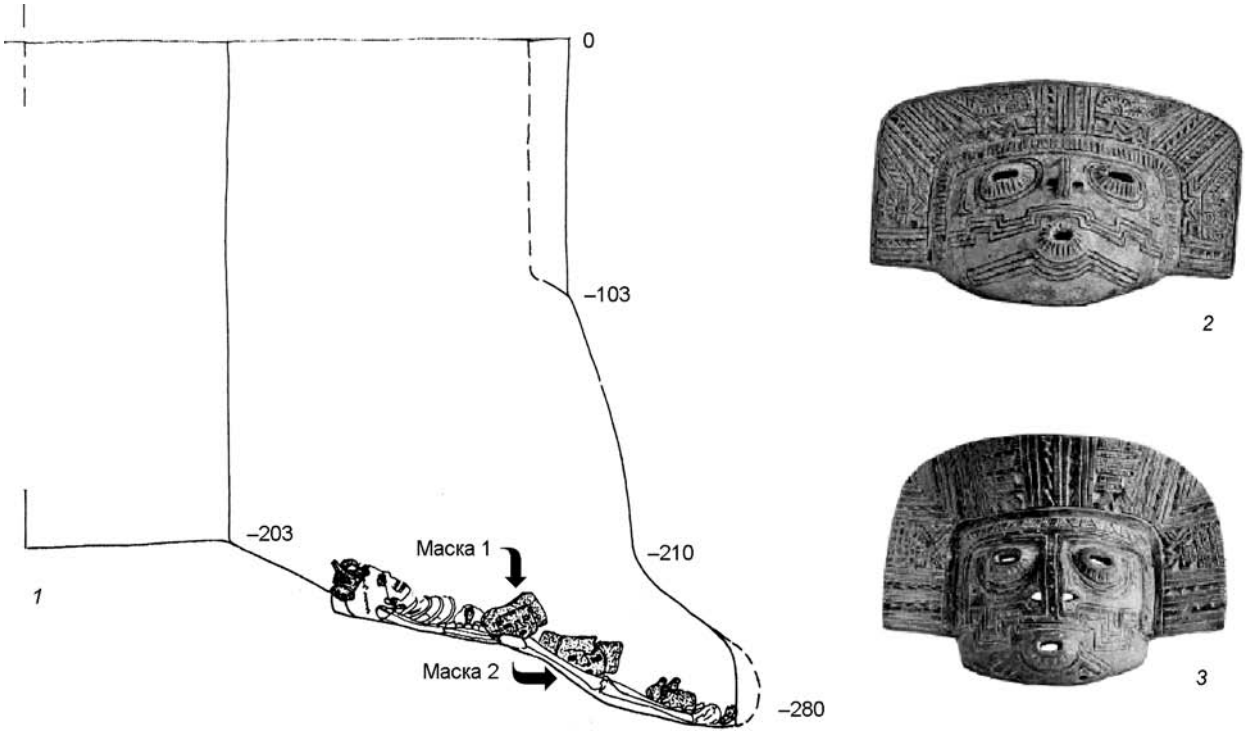


Рис. 1. Некрополь Коронадо, могила № 47.
1 – общий вид погребения с указанием положения керамических масок; *2, 3* – керамические маски (фото автора).

дель-Каука). В процессе интенсивных исследований, проводившихся колумбийскими археологами в конце 1990-х гг., было найдено более 120 грунтовых погребений. На основе серии радиоуглеродных дат возраст некрополя оценивается в пределах 200 г. до н.э. – 200 г. н.э., что совпадает с финалом культуры илама и началом культуры йотоко*. По особенностям конструкции и сопровождающему инвентарю специалисты выделяют погребения индивидуумов с высоким социальным уровнем (касики и шаманы), средним, простые и детские.

Особый интерес вызывают два погребальных комплекса – могилы № 47 и 51. В них отсутствуют характерные для подавляющего большинства погребений морские раковины, миски, куранты и терочники. Нет и украшений из золота, которые, как правило, указывают на погребения вождей (касиков).

Могила № 47 отличается значительной глубиной (почти 3 м) и относится к типу конструкций с вертикальным входом и боковой камерой с наклонной поверхностью (примерно 18°) для размещения погребенного и сопровождающего инвентаря (рис. 1, *1*). Скелет находился в вытянутом положении, покойный был молодым мужчиной, череп которого имеет следы искусственной деформации; инвентарь включал несколько сосудов, украшения из кварца, лидита и керамики. Поверх костей таза и с левой стороны от тела находились две антропоморфные керамические маски (30 × 25 см) со сложным рисунком, который включает геометрические узоры на лице и изображения птиц на головном уборе. Обратим внимание на то, что орнитоморфной символикой отмечен и небольшой сосуд, найденный с правой стороны от черепа, а еще один сосуд, но уже с антропоморфной символикой, находился на грудной клетке на уровне сердца. Примечательна мимика масок – губы сложены в «трубочку», как будто персонаж издает протяжный звук, пьет или дует (рис. 1, *2, 3*).

Конструкция могилы № 51 несколько иная – погребальная камера находится прямо под вертикальным ходом на глубине 2,3 м под деревянным перекрытием (рис. 2, *1*). Несмотря на частичную кремацию, основные характеристики погребения фиксируются отчетливо – покойный (взрослый мужчина) был помещен на горизонтальную поверхность в вытянутом состоянии в сопровождении двух изящных сосудов (в районе таза и ступней), а также двух масок в изголовье. Одна из них (зооморфная) закрывала череп, а вторая (фрагментированная антропоморфная, губы также в «трубочку») положена с правой стороны (рис. 2, *2, 3*).

Зооморфная маска (изображение летучей мыши) представляет исключительную ценность и являет-

*Илама (700 г. до н.э. – рубеж эр), йотоко (рубеж эр – 900 г. н.э.) [Rodriguez, 2007].

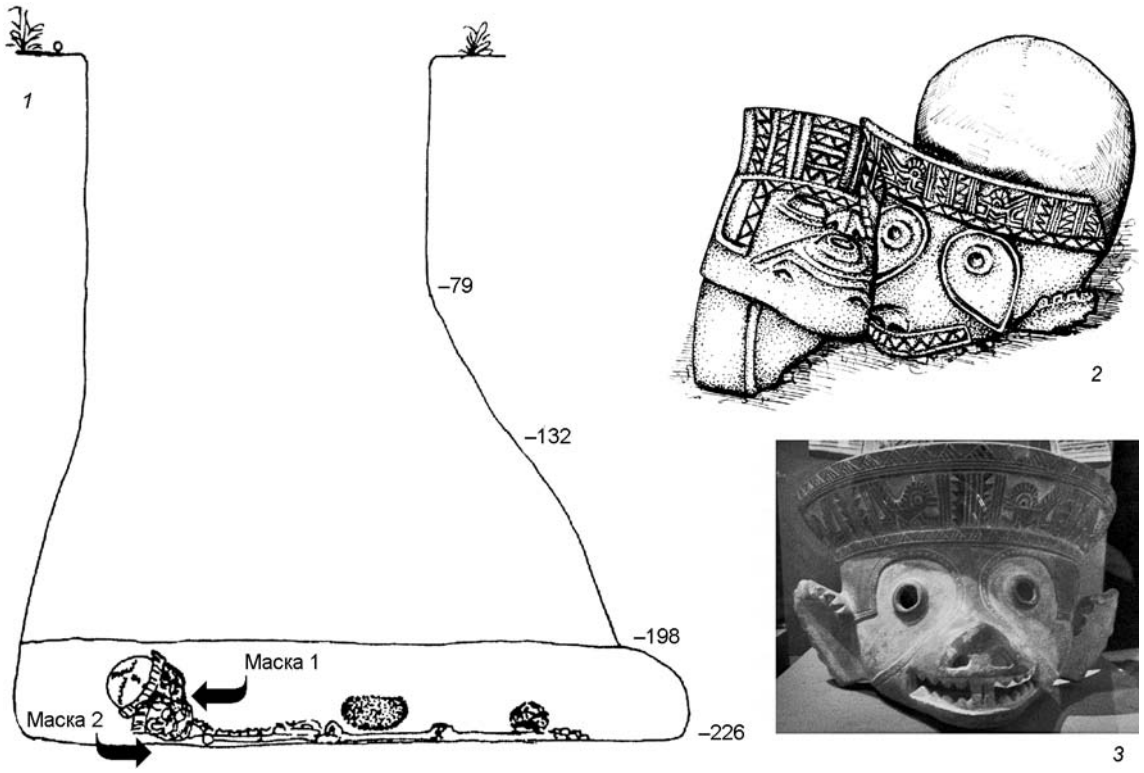


Рис. 2. Некрополь Коронадо, могила № 51.
1 – общий вид погребения; *2* – положение масок у черепа (прорисовка Ю.В. Табаревой); *3* – маска летучей мыши (фото автора).

ся отправной точкой для целого набора сюжетов – технологического (особенности изготовления); этнографического (аналогии в культуре аборигенного населения); мифологического (символика цвета, орнамента и композиции) и социального (статус покойного). Два последних мы комментируем в настоящей публикации.

Во-первых, образ летучей мыши широко присутствует в искусстве и мифологии Северных Анд (Венесуэла, Колумбия, Эквадор), не уступая кошачьим хищникам и рептилиям. Более того, в ряде случаев при детальном рассмотрении персонажи, выполненные в форме фигурок, подвесок, браслетов и диадем, демонстрируют отличительные признаки именно летучих мышей, а не ягуаров и крокодилов: например, золотые украшения муисков и тайрона (XI–XV вв.) с зооморфной символикой [Острирова, 2012; Benson, 1997; Plazas, 2014] или золотые антропоморфные подвески типа «дарьен», известные на территории Колумбии от рубежа эр до XIII–XIV вв. [Falchetti, 2008].

Отметим, что на территории Северных Анд в настоящее время проживает несколько видов вампиров (летучих мышей), в т.ч. и обыкновенный вампир (*Desmodus rotundus*), питающийся кровью млекопитающих и человека*. Его ближайший родственник – гигантский вампир (*Desmodus draculae*) – обитал в Южной Америке в плейстоцене и начале голоцена, так что первые обитатели континента явно были с ним знакомы**.

Во-вторых, могилы № 47 и 51 некрополя Коронадо, как уже было отмечено выше, отличаются по инвентарю, как от простых погребений, так и от погребений касиков. Колумбийские специалисты трактуют их как погребения другой элитной группы – шаманов [Rodríguez, Blanco, Clavijo, 2007], и именно керамические маски являются основным аргументом этой версии. По археологическим материалам древних культур юго-западной части Колумбии (керамические фигурки, погребальные украшения), атрибутика касиков и шаманов существенно отличается. Касики выделяются бóльшим количеством украшений (как правило, из золота) [Табарев, 2014], а шаманы – отсутствием золота, но обязательным наличием ритуальной атрибутики. Зооморфная символика касиков – ягуары и крокодилы, шаманов – летучие мыши, змеи и только на третьем месте ягуар. Ритуальная практика шаманов связана с регулярными перевоплощениями (грим, маски, костюмы) и путешествиями в иные миры. В этих путешестви-

*Другие названия – десмод, большой кровосос.
**Кости гигантского десмода были впервые обнаружены в пещере Монагас на севере Венесуэлы в 1988 г.

ях их сопровождают помощники, например, птицы, на что может указывать орнаментика на керамических масках и символика сосудов в могиле № 47. Смерть же знаменует окончательный переход в иную ипостась. Об этом красноречиво свидетельствует положение керамических масок в могиле № 51 – антропоморфное изображение разбито, а зооморфное «срастается» с лицом.

В более широком культурном и хронологическом контексте (тропическая и субтропическая части доколумбовой Америки) образ летучей мыши традиционно связан с понятиями смерти, ночи и жертвоприношений. Один из ярких примеров – ночной демон Тинтин (El Tintin) в фольклоре индейцев прибрежных районов Эквадора (провинции Эсмеральдас, Манаби и Санта-Элена). Другой – Камазотц (Camazotz), бог пещерного и подземного миров, повелитель летучих мышей, впервые появляющийся, судя по иконографии, в культуре сапотеков (Оахака, Мексика) и фигурирующий в эпосе «Пополь-Вух» под именем Кама Соцем, хозяина «Дома Летучих Мышей».

Таким образом, детальное рассмотрение погребального инвентаря в доиспанских культурах юго-западной части Колумбии позволяет не только четко определить представителей нескольких групп племенной элиты (касики, шаманы), но и обозначить различия в атрибутике последних, связанные, возможно, со специфическими ролями (птица – свет, летучая мышь – мрак) в ритуальной практике.

Список литературы

Острирова Е.С. Образ правителя в культуре Тайрона (Колумбия) // Ойкумена. – 2012. – № 3. – С. 23–32.

Табарев А.В. Гостеприимные боги Сан-Агустина. Записки археолога о поездках в Колумбию // Латинская Америка. – 2013а. – № 4. – С. 83–96.

Табарев А.В. Воины, стражи, телохранители: тема оружия в каменной скульптуре комплекса Сан-Агустин, Колумбия // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Тр. Четвертой Междунар. науч.-практ. конф. 15–17 мая 2013 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2013б. – Ч. IV. – С. 233–240.

Табарев А.В. Золотые маски малаганских вождей: особенности погребального инвентаря в древних культурах Колумбии // Золотой мост древностей. – Владивосток: ДВФУ, 2014. – С. 98–121. – (Тихоокеанская археология; вып. 29).

Табарев А.В. Каменные и деревянные изваяния в культуре мантенья-уанкавилка, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 405–408.

Benson E.P. Birds and Beasts of Ancient America. – Gainesville: Univ. Press of Florida, 1997. – 162 p.

Calima y Malagana. Art and Archaeology in Southwestern Colombia. – Bogotá: Asociación Pro Calima, 2005. – 304 p.

Falchetti A.M. The Darien Gold Pendants of Ancient Colombia and the Isthmus // Metropolitan Museum Journal. – 2008. – Vol. 43. – P. 39–73.

Plazas C. El humano-murciélago en el Área Intermedia Norte. Distribución, formas y simbolismo: Tesis para optar por el grado de Doctora en Antropología. – México: Centro de Investigaciones en Docencia y Humanidades del Estado de Morelos, 2014. – 303 p.

Rodríguez C.A. Alto y Medio Cauca Prehispánico. – Miami: Syllaba Press, 2007. – 198 p.

Rodríguez C.A., Blanco S., Clavijo A. Rituales funerarios y chamanismo en el cementerio de Coronado (siglos III a.C. a III d.C.) // Territorio ancestral, rituals funerarios y chamanismo en Palmira prehispánica, Valle del Cauca. – Bogotá, 2007. – P. 81–138.

References

Benson E.P. Birds and Beasts of Ancient America. Gainesville: Univ. Press of Florida, 1997, 162 p.

Calima y Malagana. Art and Archaeology in Southwestern Colombia. Bogotá: Asociación Pro Calima, 2005, 304 p.

Falchetti A.M. The Darien Gold Pendants of Ancient Colombia and the Isthmus. *Metropolitan Museum Journal*, 2008, vol. 43, pp. 39–73.

Ostrirova E.S. Obraz pravitelja v kul'ture Tajrona (Kolumbija). *Ojkumena*, 2012, No. 3, pp. 23–32 (in Russ.).

Plazas C. El humano-murciélago en el Área Intermedia Norte. Distribución, formas y simbolismo: Tesis para optar por el grado de Doctora en Antropología. México: Centro de Investigaciones en Docencia y Humanidades del Estado de Morelos, 2014, 303 p.

Rodriguez C.A. Alto y Medio Cauca Prehispánico. Miami: Syllaba Press, 2007, 198 p.

Rodríguez C.A., Blanco S., Clavijo A. Rituales funerarios y chamanismo en el cementerio de Coronado (siglos III a.C. a III d.C.). In *Territorio ancestral, rituals funerarios y chamanismo en Palmira prehispánica, Valle del Cauca*. Bogotá, 2007, pp. 81–138.

Tabarev A.V. Gostepriimnye bogi San-Agustina. Zapiski arheologa o poezdkah v Kolumbiju. *Latinskaja Amerika*, 2013a, No. 4, pp. 83–96 (in Russ.).

Tabarev A.V. Voiny, strazhi, telohraniteli: tema oruzhija v kamennoj skul'pture kompleksa San-Agustin, Kolumbija. In *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy: Trudy Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 15–17 maja 2013*. St. Petersburg: Voenno-istoricheskij muzej artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svjazi, 2013b, pt. IV, pp. 233–240 (in Russ.).

Tabarev A.V. Zolotye maski malaganskih vozhdej: osobennosti pogrebal'nogo inventarja v drevnih kul'turah Kolumbii. In *Zolotoj most drevnostej*. Vladivostok: Far Eastern Federal Univ. Press, 2014, pp. 98–121 (Tihookeanskaja arheologija; iss. 29) (in Russ.).

Tabarev A.V. Kamennye i derevjannye izvajanija v kul'ture manten'ja-uankavilka, Ekvador. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 405–408 (in Russ.).

УДК 902.01

А.В. Табарев[1], Ю.В. Табарева[1], Д.А. Иванова[1], Й. Каномата[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Университет Тохоку, Сендай
E-mail: olmec@yandex.ru

Археология архипелага Рюкю: период раковинных куч*

Археологические материалы архипелага Рюкю свидетельствуют о существенной специфике процессов культурогенеза на данной территории, начиная со времени первоначального заселения в позднем палеолите (32–30 тыс. л.н.) и вплоть до X–XI вв. н.э. Это проявляется в различных моделях приморской адаптации, характере и времени технологических инноваций, а также в постоянных контактах с соседними регионами. Особое место в периодизационной схеме архипелага Рюкю занимает период «Культуры раковинных куч» (от 10 тыс. л.н. до 1100 г. н.э.), с которым связано появление местных и импортных («культура собата») керамических стилей, возможное проникновение технологий рисосеяния с юга («Южный путь»), активизация торговли предметами престижной экономики («Путь раковин»), оформление племенной элиты и развитие погребальных ритуалов.

Ключевые слова: *Рюкю, Окинава, период раковинных куч, керамика собата, погребения.*

A.V. Tabarev[1], Yu.V. Tabareva[1], D.A. Ivanova[1], Y. Kanomata[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Tohoku University, Sendai
E-mail: olmec@yandex.ru

Archaeology of Ryukyu Archipelago: Shellmound Period

Archaeological materials of Ryukyu Archipelago demonstrate the significant peculiarities of cultural processes on this territory starting from the time of initial peopling in the Late Paleolithic (32–30,000 BP) and up to the Middle Ages (X–XI centuries). This is manifested in the different scenarios of maritime adaptation, in the character and time of technological innovations along with the permanent cultural contacts with the neighboring regions. Special place in the Ryukyu archaeological periodization belongs to the time of "Shell mound culture" (10,000 BP – 1100 AD). This was the time of the appearance of local and import (Sobata culture) ceramic styles, possible penetration of rice culture from the South ("Southern Route"), intensification of prestige items trade ("Trail of Shells"), institutionalization of tribal elites, and the development of burial rituals.

Keywords: *Ryukyu, Okinawa, shellmound period, Sobata pottery, burials.*

Острова Рюкю – субтропическая часть территории Японского архипелага, протянувшаяся на 1200 км от Кюсю до Тайваня (рис. 1) и насчитывающая 98 островов. С археологической точки зрения, это уникальный полигон для разработки как локальной (особенности культурогенеза), так и региональной (миграции, контакты) проблематики. В публикациях отечественных специалистов древние культуры этих территорий пока освещены в весьма предварительном виде [Моисеев, 2009]. Авторы настоящей статьи начали работу по систематическому изучению археологических материалов данных территорий (коллекции, музейные экспозиции, участие в раскопках) и возможностей привлечения самого широкого спектра естественнонаучных дисциплин к их анализу [Иванова, Табарев, Табарева, 2015].

Известно, что пилотные раскопки на островах Рюкю произвел еще в 1904 г. один из пионеров японской археологии Рюдзо Тории (раковинная куча Кабира) [Тории, 1905], затем последовали работы на памятниках Огидо (А. Матсумура в 1919 г.), Иха (К. Ояма в 1920 г.), Гусуку-дакэ (С. Комаки в 1926 г.) и Сатихидзя (С. Шимада в 1932 г.), однако первая пе-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

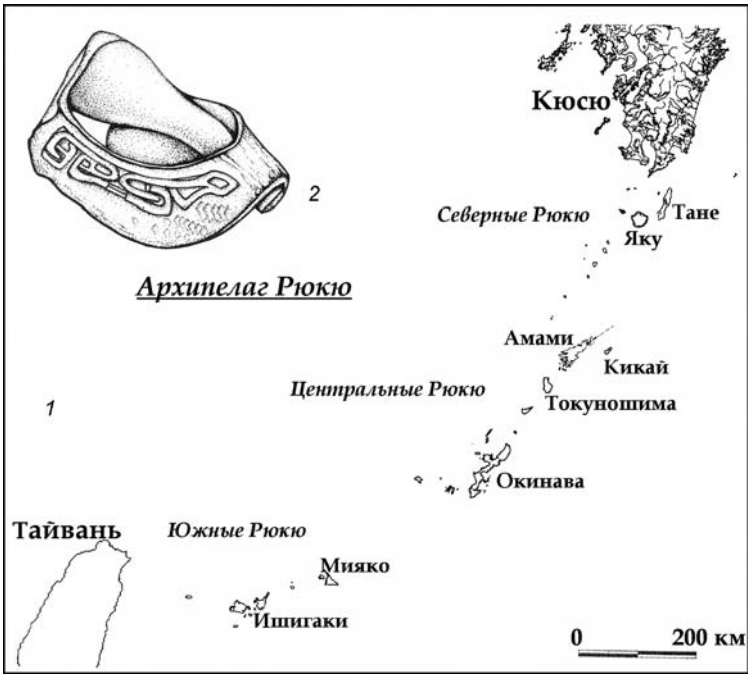


Рис. 1. Архипелаг Рюкю.

1 – архипелаг Рюкю; *2* – украшенная резьбой раковина из некрополя Хирота, о-в Тане (прорисовка Ю.В. Табаревой).

риодизационная схема была сформулирована лишь в середине 1950-х гг.

На сегодняшний день специалисты выделяют три основных периода в развитии культур на архипелаге: палеолит (32–10 тыс. л.н.), период «Культуры раковинных куч» (от 10 тыс. л.н. до 1100 г. н.э.) и период крепостей гусуку (1100–1609 гг. н.э.) [Pearson, 2013]. В свою очередь, время «Культуры раковинных куч» подразделяется на четыре периода: начальный (10 000–3500 л.н.), ранний (3500–2500/2400 л.н.), средний (2400–2100 л.н.) и поздний (2100–900/1100 л.н.) [Takamiya et al., 2015].

Эта модель принципиально отличается от принятой для основной части архипелага (дзё:мон-яёй-кофун), она связана с особенностями культурной динамики на островах Рюкю. В первую очередь, эти особенности проявлялись в ином сценарии процессов приморской адаптации, в активных контактах культур архипелага с островными и прибрежными регионами азиатского континента, в интенсивном обмене предметами престижной экономики. Одним из важнейших предметов такого обмена были тихоокеанские раковины (*Tricornis latissimus, Patella optima, Lithoconus litteratus, Oliva mustelina* и др.), традиционно использовавшиеся для изготовления различных украшений (браслетов, подвесок, бус, диадем, музыкальных инструментов). Для описания этого феномена существует специальный термин – «Путь раковин» («Trail of Shells»). Этот путь связывал культуры архипелага с культурами Кюсю и Хонсю, а на юге – с культурами Тайваня и Филиппин.

Для начального периода «Культуры раковинных куч» активность контактов можно продемонстрировать также на примере керамического комплекса. Основная его часть представлена стилями ябути и агарибару с остродонными сосудами и ногтевидным орнаментом, а позднее – гутикава, камино и омонавасэнтэй с плоскодонной посудой и геометрическим орнаментом, происхождение которых напрямую связано с островом Кюсю. Наряду с этим проявляется и совершенно иной керамический стиль – «стиль собата» – круглодонные и остродонные сосуды с прочерченными орнаментами – часть японских и зарубежных специалистов рассматривают его корейское происхождение и находят даже элементы северовьетнамского влияния (культура да-бат) [Ito, 2003; Pearson, 2013].

В последнее время в научных дискуссиях появился термин «культура собата», с которым связывают не только характерную керамику, но и специфический каменный инструментарий, соответствующий критериям т.н. «тропического пакета» (простота, кратковременность использования) [Tabarev, Kanomata, 2015], а также развитые технологии мореплавания*. На сегодняшний день к культуре собата относят ок. 50 памятников, выделенных на территории южной части Корейского полуострова, на острове Кюсю и архипелаге Рюкю вплоть до острова Окинава (например, памятник Иреибару).

С архипелагом Рюкю связана также оригинальная гипотеза о возможности интродукции рисосеяния на Японские острова с юга («Южный путь», «Океанский путь», «Новый океанский путь»), в т.ч. и «сухого рисосеяния» на основе *Oryza sativa javanica*, культивируемого в Индонезии, на Филиппинах, на Шри-Ланке, в южной части полуострова Индостан и отличающегося от исторически возделываемого в Японии *O. sativa japonica*. Археологические данные эти гипотезы пока не подтверждают. Например, на поселении Надзакибару остатки зерен риса датируются как минимум VIII–IX вв. н.э. Другой пример – раковинная куча Такатикутибару, II–IV вв. н.э. Раскопки на площади более 300 м^2

*Эта концепция, в частности, обсуждалась в рамках международного симпозиума «An Archaeological View on Innovations», состоявшегося в Университете Тохоку (г. Сендай, Япония) в июне 2016 г.

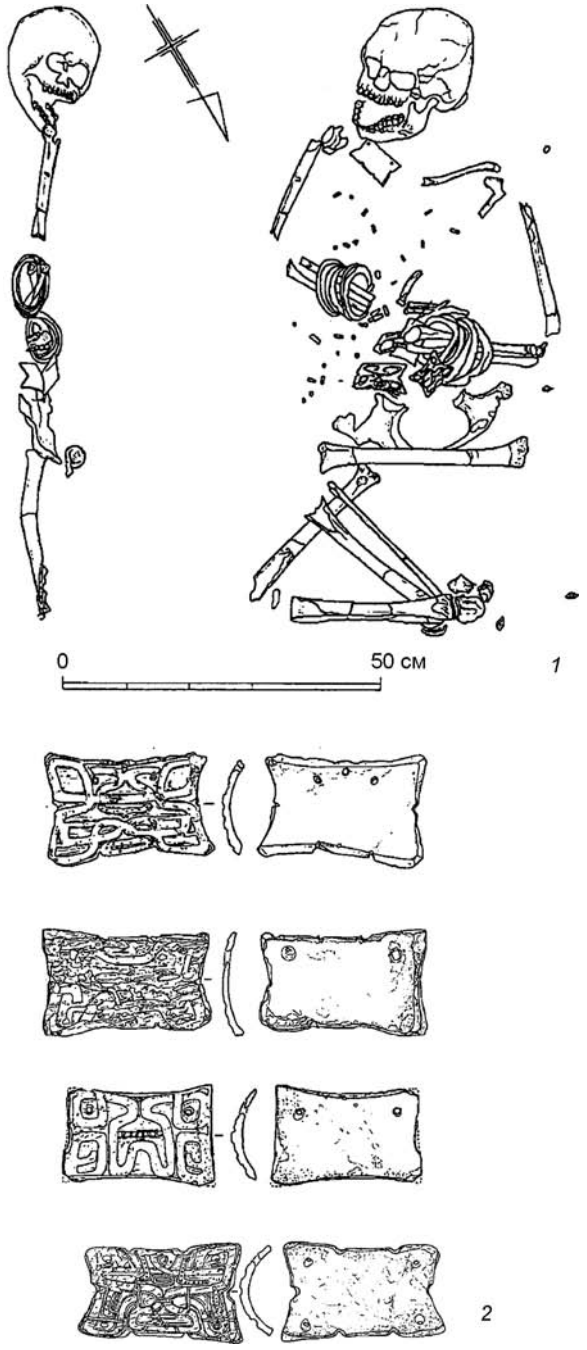


Рис. 2. Некрополь Хирота (остров Тане).
1 – погребение № 11; *2* – подвески из раковин с символикой дракона (прорисовки Ю.В. Табаревой).

дали обильный материал, указывающий на собирательство (моллюски, орехи), но не на земледелие. Более того, обитатели островов Рюкю варьировали с акцентами в промыслах в зависимости от колебаний климата, переходя то на прибрежное собирательство и морепродукты, то на внутриостровную охоту и собирательство.

Исключительный интерес в контексте межрегиональных контактов культур архипелага Рюкю и иллюстрации престижных технологий представляют погребальные комплексы, как единичные, так и целые некрополи, известные как минимум с середины начального периода. Среди них есть уникальные, например, дюнные некрополи Хирота и Ториномине на острове Тане (рис. 2).

Раскопки на некрополе Хирота (1955–1959 гг.) позволили зафиксировать ок. 90 погребальных комплексов (157 индивидуумов), относящихся к рубежу – первым векам нашей эры, что соответствует эпохам яёй и кофун на основной части Японского архипелага [Танэгасима…, 2003]. Погребения, по всей видимости, принадлежали представителям племенной элиты, что подтверждается большим количеством (44 тыс.) украшений из раковин (браслеты, подвески, бусы), уникальными для этого времени свидетельствами искусственной черепной деформации и ритуальным удалением 1–2 передних зубов (у 85 % погребенных). Специфический орнамент на подвесках (dragon-shape) указывает на явные связи с прибрежными территориями Китая, а стеклянные бусы – с Юго-Восточной Азией, тогда как общие антропологические характеристики сближают погребенных с дзё:монским населением Японского архипелага.

Таким образом, контакты архипелага Рюкю на протяжении периода «Культуры раковинных куч» (от 10 тыс. л.н. до 1100 г. н.э.) демонстрируют широчайший географический охват (Корейский полуостров, основная часть Японского архипелага, остров Тайвань, побережье Китая, Филиппины, Индонезия, Юго-Восточная Азия), а археологические и антропологические материалы содержат исключительно важную (для всего тихоокеанского региона) информацию.

Благодарности. Авторы благодарят японских коллег Х. Такамия (Центр исследований тихоокеанских островов, Университет Кагосима), Ш. Ито (Университет Сейнан Гакуин, Фукуока) за помощь и консультации по различным сюжетам археологических исследований на островах Рюкю.

Список литературы

Иванова Д.А., Табарев А.В., Табарева Ю.В. Конструктивные особенности жилищ культуры дзёмон: от Хоккайдо до Окинавы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 241–245.

Моисеев В.Г. О происхождении населения островов Рюкю: интеграция краниометрических и краниоскопических признаков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 146–152.

Танэгасима Хирота исэки (памятник Хирота, о-в Танэгасима). – Токио: Синъё:ся, 2003. – 414 с., 234 вкл. (на яп. яз.).

Торий Р. Окинава сёто:-ни дзю:кё сэси сэндзи дзинмин-ни цуйтэ (О народах, проживавших на островах Окинава) // То:кё: дзинруйгаку дзасси (Журнал Токийского антропологического общества). – 1905. – № 227. – С. 235–244 (на яп. яз.).

Ito S. The Position of the Ryukyu Jomon Culture in the Asia-Pacific Region // Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin. – 2003. – Vol. 23. – P. 63–66.

Pearson R. Ancient Ryukyu: An Archaeological Study of Island Communities. – Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 2013. – 396 p.

Tabarev A.V., Kanomata Y. Tropical Package: Peculiarities of the Lithic Industries of the Most Ancient Cultures, Coastal Ecuador, Pacific Basin // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2015. – Vol. 43, No. 3. – P. 64–76.

Takamiya H., Hudson M.J., Yonenobu H., Kurozumi T., Toizumi T. An Extraordinary Case in Human History: Prehistoric Hunter-Gatherer Adaptation to the Islands of the Central Ryukyus (Amami and Okinawa Archipelagos), Japan // The Holocene. – 2015. – P. 1–15.

References

Ito S. The Position of the Ryukyu Jomon Culture in the Asia-Pacific Region. Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin, 2003, vol. 23, pp. 63–66.

Ivanova D.A., Tabarev A.V., Tabareva Y.V. Konstruktivnye osobennosti zhilishch kul'tury dzemon: ot Hokkaido do Okinavy. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2015, vol. XXI, pp. 241–245 (in Russ).

Moiseev V.G. O proiskhozhdenii naseleniya ostrovov Ryukyu: integratsiya kraniometricheskikh i kranioskopicheskikh priznakov. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 4, pp. 146–152 (in Russ.).

Pearson R. Ancient Ryukyu: An Archaeological Study of Island Communities. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 2013, 396 p.

Tabarev A.V., Kanomata Y. Tropical Package: Peculiarities of the Lithic Industries of the Most Ancient Cultures, Coastal Ecuador, Pacific Basin. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 3, pp. 64–76.

Takamiya H., Hudson M.J., Yonenobu H., Kurozumi T., Toizumi T. An Extraordinary Case in Human History: Prehistoric Hunter-Gatherer Adaptation to the Islands of the Central Ryukyus (Amami and Okinawa Archipelagos), Japan. *The Holocene*, 2015, pp. 1–15.

Tanegashima Hirota iseki (Hirota Site, Tanegashima). Tōkyō: Shinyosha, 2003, 414 p., 234 pl. (in Japan.).

Torii R. Okinawa shotō ni jūkyo seshi senjū jinmin ni tsuite (On the indigenous people who lived in the Okinawa islands). Tōkyō: Jinruigaku Zasshi, 1905, No. 227, pp. 235–244 (in Japan.).

УДК 902.2

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, М.П. Черная

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Итоги раскопок исторического центра города Тары в 2016 году*

Статья посвящена итогам археологических исследований 2016 г. в историческом центре Тары, которые стали продолжением раскопок предыдущих лет в острожной части города, на предполагаемом месте расположения крепостной стены. Впервые удалось зафиксировать объект in situ – сгоревшую избу XVII в., что позволило воссоздать внутреннюю планиграфию и бытовую обстановку жилища. Помимо этого исследованы две избы XVIII в., в одной из которых сохранилась «мебель» – скамьи и стол из тесаных полубревен, а также основание глинобитной печи. В ходе раскопок частично выявлен объект, который предварительно можно интерпретировать как крепостную башню (вероятнее всего, Тобольскую) и пороховой погреб под ней. Это наиболее перспективный объект исследований в следующем сезоне. Получен весьма представительный материал по истории города, хозяйственным занятиям жителей, их быту и духовной культуре.

Ключевые слова: *Сибирь, город, Тара, крепость, архитектура, культура.*

S.F. Tataurov, S.S. Tikhonov, M.P. Chernaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: TatSF2008@rambler.ru

In a Shadow of Fortress Walls (the Results of Excavations of the Historic Center of Tara in 2016)

The article is devoted to results of 2016 archaeological researches in a cautious part of the historic center of Tara. During excavation the territory the cautious part of the town has been explored which directly adjoined to the fortress wall. For the first time for all years of excavation it was succeeded to record, practically in not disturbed view, the burned-down log hut of the 17th century that has allowed to recreate internal planigraphy of the dwelling and household implements of its inhabitants. In addition, there were investigated two huts of XVIII centuries – in one of which is preserved "furniture" – benches and tables of hewn semi-logs and base of mud oven. During excavations it was succeeded to enter the fortress tower (most likely, Tobolsk) and a powder keg under it, and the next year it will become the main object of researches. During excavation very representative material on history of town, economic occupations of inhabitants, their life and spiritual culture was received.

Keywords: *Siberia, town, Tara, fortress, architecture, culture.*

Исследования исторического центра современного г. Тары – места расположения Тарской крепости – в 2016 г. совместной экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Томского государственного университета, при участии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Омского государственного педагогического университета стали продолжением раскопок предыдущих лет в острожной части города. Общая площадь раскопа составила 150 м^2. Основной задачей этого сезона были поиски и изучение крепостных объектов в острожной части Тары. В стенке раскопа, обращенной к коренному берегу Иртыша, удалось зафиксировать сооружения, которые предварительно можно соотнести с фортификацией города. Предположительно, это одна из башен, вероятнее всего, Тобольская, и пороховой погреб под ней. Эти сооружения станут основными объектами работ в следующем полевом сезоне.

В культурном слое толщиной до 2,0–2,5 м были найдены многочисленные находки: гончар-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

ная и лепная, в т.ч. чернолощеная, керамика, фрагменты фарфоровой посуды китайского и русского производства, монеты XVII–XIX вв., изделия из железа, кожи, стекла, дерева, скопления слюды, костей животных, жаберные крышки и челюсти крупных рыб и т.д. Вещевой комплекс хорошо соотносится с находками прошлых лет, хотя имеет некоторые особенности. Например, остатки кожаной обуви встречались намного реже, чем на других изученных участках Тарской крепости. В ходе раскопок на разных глубинах были расчищены остатки жилых и хозяйственных построек нескольких строительных горизонтов, датирующихся в диапазоне от XVII до начала XX в. Хорошей сохранности этих объектов (3–5 и более венцов) а также предметов из органических материалов способствовал имевший большую влажность мощный слой навоза. Сохранность предметов и построек обеспечивали и слои щепы, образовавшиеся при строительстве.

Остатки избы XVII в. в г. Тара.

Главным событием раскопок стало открытие великолепно сохранившихся остатков (нижние венцы, пол, часть печи) избы XVII в. (см. *рисунок*). Постройка срублена в лапу, имела небольшие, обычные для однокамерных построек, размеры – 3,0 × 2,6 м. Ориентирована изба по сторонам света, вход находился с западной стороны у южной стены. Дверь открывалась вовнутрь. Выявленная постройка является археологически документированным хронологическим репером в стратиграфической колонке памятника. Для датировки избы определяющее значение имеет то обстоятельство, что этот закрытый комплекс сохранился *in situ* после большого пожара. Найденные в избе монеты («чешуйки») Алексея Михайловича позволяют датировать избу второй половиной XVII в. Пожар, в котором сгорела постройка, был настолько сильным, что ее владельцы даже не пытались его потушить. Возгорание произошло изнутри, на что указывает целостность внешней части венцов сруба, тогда как изнутри они обгорели полностью. Очагом пожара, видимо, была печь, которая занимала почти половину пространства избы. Горизонт с избой перекрывал слой супесчаной почвы, которой засыпали пожарище. Непотревоженность закрытого комплекса избы доказывает расположение предметов: посуда, ларь, бочка – на своих первоначальных местах. Центральным местом избы в прямом и переносном смысле была печь, сложенная из тонкого слабообожженного кирпича. Следует обратить внимание на то, что городские печи, как показали раскопки в Таре и других городах, зачастую были кирпичными, в отличие от глинобитных печей сельских поселений, в т.ч. в Тарском Прииртышье XVIII–XIX вв. [Татауров, Черная, 2014; Черная, 2015]. Размеры кирпича Тарской избы XVII в. 26 × 12÷14 × 6 см – очень близки к плинфе, но форма тяготеет к современным пропорциям этого строительного материала. Судя по расположению кирпичей, у печи была труба, т.е. изба топилась по-белому. Печь имела довольно высокое подпечье – не менее 0,5 м, где стояла корчага. Примечательно содержимое корчаги: она была заполнена корнеплодами, возможно, репой. Это редкая и необычная для археологического памятника XVII в. находка. Корнеплоды сохранились только потому, что во время пожара влага выпарилась, они обуглились. На некоторых корнеплодах даже сохранились хвостики. Это обстоятельство можно интерпретировать двояко: 1) как обеспечение хорошей сохранности плодов, которые в течение года держали в погребе перед тем, как принести в избу и приготовить пареную репу; 2) в корчаге были свежесобранные плоды, а, значит, пожар произошел осенью – ранней зимой.

В противоположном от входной двери юго-восточном углу избы находился ларь, где стояли горшки, в которых, вероятнее всего, хранились продукты. Два горшка имеют следы починки в виде берестяной оплетки. В юго-западном углу рядом с печью зафиксированы бондарные клепки –

остатки небольшого бочонка. Кухонная посуда – как целые горшки, так и их фрагменты – найдена практически по всей площади избы. Столовой утвари – деревянных тарелок, ложек, ковшей – не обнаружено, видимо, она сгорела во время пожара.

Обращает на себя внимание тесная застройка как в крепостной, так и в острожной частях города: расстояние между постройками не превышало одного метра, а то и соседние могли практически примыкать друг к другу. Такая теснота являлась причиной частых пожаров в городе. Воевода князь Мещерский отписывал в Москву о пожаре 1669 г.: город «згорел Божьей волей», поскольку «дворы были тесны гораздо и улицы были узки». Во время этого пожара сгорело 360 дворов, приказная изба, воеводский дом и другие постройки [Цветкова, 1994].

В предыдущих раскопах в острожной части жилых комплексов XVII в. выявлено не было, что можно объяснить разрушением нижних строительных горизонтов более поздней застройкой. Практически каждое жилище имело подполье или погреб, глубиной до двух метров, которые прорезали более ранний культурный слой. Описанная выше изба XVII в. оказалась чуть в стороне от постройки XVIII в., хотя всего в 0,4 м от нее.

В сезоне 2016 г. исследовано две избы XVIII в. размерами 5 × 5 м, ориентированные по сторонам света. Срубы соединены в лапу, в обоих сооружениях выявлено по пять венцов. В одной избе сохранилась «мебель» из тесаных полубревен – две пристенные лавки и стол, а также деревянное основание глинобитной печи. Судя по наличию кирпича, печь имела трубу, следовательно, топилась по-белому. Из находок интересен набор из пяти железных двузубых вилок, которые лежали рядом с небольшим блюдцем, покрытым зеленой поливой. В Тарском краеведческом музее есть две бронзовые двузубые вилки европейского производства. Характер обработки железных вилок указывает на их кустарное производство, возможно, они были изготовлены в Таре.

Во второй избе XVIII в. находился глубокий (ок. 2 м) срубный подпол с двойным полом, что является свидетельством использования его в летнее время в качестве холодильника. В предыдущие годы раскопок такие ледники были найдены в погребах, стоявших «на отлете» – отдельно от жилой постройки. Это первый, выявленный в Таре, случай совмещения жилого помещения и погреба-холодильника.

Из результатов сезона 2016 г. следует отметить комплекс из двух ям для гончарного производства. Одна из них представляла собой обычное глинище диаметром ок. 8 и глубиной до 3 м. Рядом была выкопана прямоугольная трехступенчатая яма для промывки песка. Она заполнялась песком, который в течение определенного времени промывался до полного удаления илистых примесей. Постоянное военное положение города вынудило его жителей добывать глину и обрабатывать песок непосредственно рядом со своими жилищами.

Археологические исследования в 2016 г. позволили вплотную подойти к крепостной стене города в его острожной части, что станет основной целью исследований в последующие годы. Открытые объекты показали особенности застройки Тары жилыми и хозяйственными комплексами, планиграфию первоначальной застройки данной части города. Собранные в ходе работ коллекции обогатили наши знания по хозяйственным занятиям, условиям проживания, бытовому обустройству жителей города, их внешнему виду.

Наши работы дали толчок разработке Федеральной программы по культурно-туристическому развитию города. Предполагается, что в ближайшие годы г. Таре будет возвращен статус исторического поселения, проведены работы по музеефикации Тарской крепости и фортификационных сооружений, исследованных нами в предыдущие полевые сезоны.

Список литературы

Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 292–294.

Цветкова Г.В. Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. – Омск: Ом. книж. изд-во, 1994. – С. 3–43.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске: историко-археологическая реконструкция. 1660–1760-е гг. – Томск: Издат. дом «Д-Принт», 2015. – 276 с. (с ил.).

References

Chernaya M.P. Voevodskaya usad'ba v Tomske: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya. 1660–1760-e gg. Tomsk: "D-Print" Publ., 2015, 276 p. (in Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Usad'ba na territorii Tarskoi kreposti: itogi issledovaniy 2011–2014 godov In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2014, vol. XX, pp. 292–294 (in Russ.).

Tsvetkova G.V. Gorod na reke Arkarke. In *Tarskaya mozaika*. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994, pp. 3–43 (in Russ.).

УДК 904

Л.В. Татаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Планиграфия и система жизнеобеспечения деревни Ананьино XVII–XIX веков

Русская деревня Ананьино основана в XVII в. Восемь лет автором проводятся археологические исследования на этом памятнике. На базе полученных материалов сделаны реконструкции ландшафта и жилищ в раскопанной части деревни. В 2016 г. было завершено определение границ поселения. Протяженность деревни вдоль берега одноименного озера составила 500 м, ширина 30–50 м. Дома построены близко друг к другу, фасадной частью к озеру. Задворки огорожены частоколами. Удобное расположение деревни и природная среда способствовали ведению традиционных для русских отраслей хозяйства: земледелия и скотоводства, что отражено в археологическом материале. В процессе раскопок в 2016 г. зафиксировано большое скопление керамики. Это свидетельствует о развитом домашнем ремесле.

Ключевые слова: *русская деревня, археология, планиграфия, система жизнеобеспечения, керамика.*

L.V. Tataurova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Planigraphy and Life Support System of the Village Ananyino during 17–19 Centuries

The Russian village Ananyino was founded in the 17th century. Author conducts archaeological researches on this archaeological site during last eight years. According to the received materials the reconstruction of a landscape and dwellings in the dug-out part of the village are made. In 2016 delimitation of the settlement has been complete. Village extent along the coast of the lake has made 500 meters, width of 30–50 m. Houses stood a front part to the lake, and are built closely to each other. Boondocks are fenced with palings. The convenient arrangement of the village and the environment promoted maintaining traditional for the Russian branches of economy: agriculture and cattle breeding that is reflected in archaeological material. In the course of excavation in 2016 the big congestion of ceramics is recorded. It testifies the developed level of house craft.

Keywords: *russian village, archaeology, planigraphy, life support system, ceramic.*

Деревня Ананьино (Тарский р-н Омской обл.) основана русскими стрельцами и казаками в первой четверти XVII в. и располагалась на берегу одноименного озера, старицы реки Иртыш, имевшего первоначально татарское название Айяк. Свое русское наименование она получила от имени Тарского стрельца Анания Тимофеева, который первым начал осваивать земли у оз. Айяк под пашни [Крих, 2014, с. 87]. В 2005 г. автором начато археологическое исследование памятника, которое было продолжено в 2010–2015 гг. Раскопками в юго-западной части деревни изучено пять жилищных комплексов, представленных избами-связями, построена ландшафтная модель памятника и трехмерная реконструкция раскопанных объектов [Татаурова и др., 2016; Быков, Татаурова, Светлейший, 2016], определена северо-восточная граница поселения [Татаурова, 2015].

Цель работ – выяснение юго-восточного края деревни. Для этого был разбит раскоп, примыкающий с северо-запада к изученному в 2005, 2010–2011 гг. участку памятника (открытый лист № 774). Общая его площадь составила 196 м^2. Предполагалось, что в этой части деревни, за жилым комплексом, расположены хозяйственные постройки. Однако, в процессе изучения выяснилось,

что здесь не было хозяйственных комплексов, зато найдены остатки частоколов, сооруженных в разное время, и скопление керамики за одним из частоколов в северо-восточной части раскопа, протянувшееся более чем на 6 м. Анализ стратиграфии показал уменьшение мощности культурного слоя и практически полное его исчезновение у юго-восточной стенки, особенно на северо-восточном краю исследованной площади.

Один из частоколов, ориентированный, как и жилища, с СЗ на ЮВ, зафиксирован еще в раскопе 2010 г. Он, вероятно, ограничивал какую-то хозяйственную площадку. Другой, в противоположной СВ стороне раскопа, образовывал прямой угол и отделял межжилищное пространство раскопанных в 2011 г. двух домов от задворок, куда выбрасывали мусор. Именно за границей частокола было зафиксировано большое скопление керамики, много костей животных и основная масса находок бытового инвентаря: железные ножницы (рис. 1, *1*), четырехрожковый светец (рис. 1, *6*), ножи (рис. 1, *4*), рыболовные крючки (рис. 1, *2*, *3*), сундучный крючок, половинка чернолощеного сливочника (рис. 1, *11*), пять глиняных грузил (рис. 1, *9*, *10*), а также монета середины XVIII в. и др. Кроме этого, в раскопе найдены два целых костяных наконечника стрел (рис. 1, *7*), заготовка и черешок еще двух наконечников, калачевидное кресало (рис. 1, *8*), кресальные кремни, железная подпружная пряжка (рис. 1, *5*), гвозди различного назначения, деревянная клепка и т.д.

Полученные материалы 2016 г. в совокупности с данными прошлых лет, на основе которых выполнена ландшафтная модель местности и сделана трехмерная реконструкция раскопанных построек, позволяют рассмотреть планиграфию поселения и организацию системы жизнеобеспечения. Так, анализ ландшафтной модели дал возможность оценить размеры деревни. Ее протяженность вдоль берега озера (с СВ на ЮЗ) составила 500 м, что подтверждается археологическими исследованиями, а площадь ок. 16 га [Татаурова, 2015, с. 415]. Место, где построена деревня, выбрано не случайно. Оно было хоть и очень компактным, но самым вы-

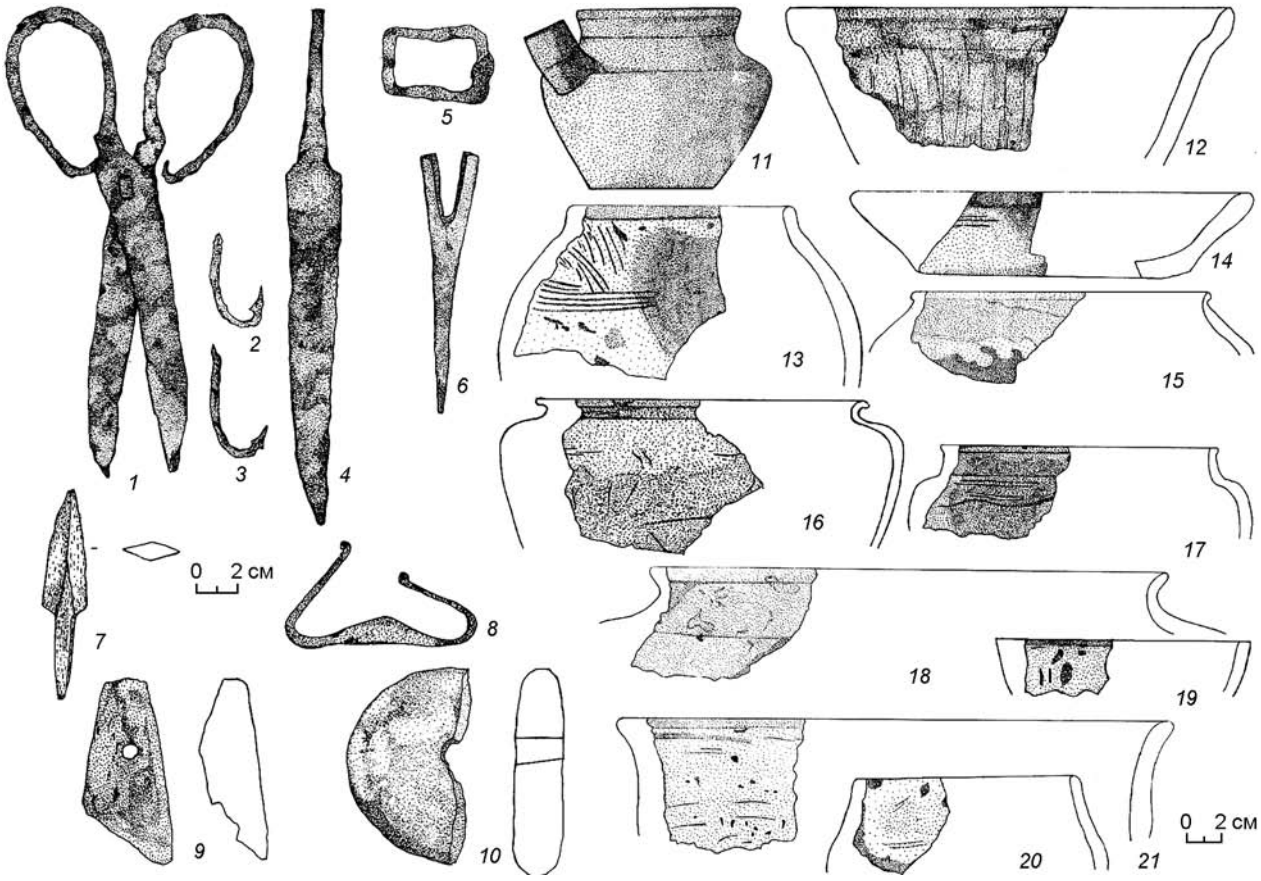


Рис. 1. Поселение Ананьино I. Инвентарный комплекс и керамика из раскопа 2016 г.

1 – ножницы; *2*, *3* – рыболовные крючки; *4* – нож; *5* – подпружная пряжка; *6* – светец; *7* – наконечник стрелы; *8* – кресало; *9*, *10* – грузила; *11–21* – керамическая посуда.

1–6, *8* – железо, *7* – кость, *9–21* – глина.

Рис. 2. Поселение Ананьино I. Весеннее обводнение территории.
1 – вид на памятник со стороны иртышской поймы; *2* – вид с поселения на участок, где располагалось кладбище.
Фото Л.В. Татауровой, 2016 г.

соким в окружающем пойменном ландшафте, поэтому не затапливалось в период весеннего половодья (рис. 2). Озерная и речная пойма (р. Иртыш в 2 км к югу от памятника), расположенная с трех сторон от поселения до самой иртышской террасы, использовалась под пашни, для выпаса скота и сенокосов [Крих, 2014, с. 87, 88]. К северо-востоку, в полукилометре от деревни, на речке Пятой (Пятовой) была сооружена мельница, упоминание о которой есть в письменных источниках. Мельница построена в 1698 г. и принадлежала конному казаку Семену Иванову Неупокоеву. Она предназначалась для личных нужд семейства Неупокоевых. Как сказано в описании мельниц Тарского уезда 1705 г.: «… а мелет он Семен на той своей мельнице всякого хлеба про свою домовую нужду четвертей по три и по семи в год в московскую меру, а постороннего молотья никогда хлеба не молывал» [Татаурова, Крих, 2015, с. 484]. Поскольку речка Пятова была мелка и летом пересыхала, а зимой насквозь про-

мерзала, мельница работала лишь в весеннее время «наборною снежною водою». [Там же]. Правда, найти место расположения мельницы пока не удалось [Татауров, 2016].

Ограниченность удобного пространства для строительства жилья способствовала тому, что жилища размещали близко друг к другу, хотя их площадь в среднем составляла ок. 60 м^2. По данным письменных источников максимальное количество 27 дворов зафиксировано в 1787 г. [Крих, 2014, с. 89]. Дома располагались вдоль берега, фасадной, северо-западной стороной к озеру, образуя одну улицу. Ширина ее, судя по результатам раскопок 2016 г., ок. 30–50 м. С юго-востока улицу ограничивали частоколы. Скорее всего, с этой стороны проходила и дорога в деревню.

Анализ археологических материалов и коллекций позволил рассмотреть практически все элементы системы жизнеобеспечения, которая сложилась в удобной для ведения различных отраслей хозяйства экологической нише [Татаурова, Крих, 2015, с. 483–485]. Особо стоит остановиться на керамическом комплексе как маркере структуры питания и домашнего ремесленного производства посуды. На памятниках русского населения керамика составляет 90 % всех находок. Как правило, это посуда, изготовленная деревенскими умельцами для своих нужд и потребностей односельчан, о чем автор уже неоднократно писал. Керамический комплекс с поселения Ананьино уникален разнообразием форм, которые восстанавливаются по большому числу археологически целых сосудов, найденных в 2011 г. в массивном скоплении в одном из жилищ, в 2016 г. – в скоплении на задворках (рис. 1, *11–21*). Преобладающим типом были горшки – универсальная форма, являющаяся архетипом в славянской культуре (рис. 1, *13, 15–18, 20*). По археологическим материалам Ананьино выделено семь морфологических групп горшков [Сопова, 2016]. Другие типы представлены ладками (рис. 1, *12*), квашенками (рис. 1, *21*), сковородами (рис. 1, *14*), мисками (рис. 1, *19*). Практически вся посуда изготовлена без гончарного круга, или с минимальным его использованием. Особого внимания заслуживает чернолощеный сливочник (рис. 1, *11*). Это изделие, наряду с китайским фарфором, фрагменты которого нередки в культурном слое памятника, можно считать статусным предметом, связанным с культурой чаепития [Татауров, 2011]. Из археологически целых форм сливочников, найденных в предыдущие годы раскопок, – два красноглиняных, изготовленных на гончарном круге, и, вероятно, купленных на рынке в г. Таре; остальные – чернолощеные, в т.ч. и с орнаментом [Татаурова, 2014, с. 187, рис. 1, *17*]. В сливочниках подавали молоко (сливки) к чаю.

Проведенные исследования позволили выявить площадь поселения и понять обусловленность его формирования на этом участке берега озера. Положительными были и природные условия, позволившие построить привычную для русских систему жизнеобеспечения, в основе которой было земледелие и скотоводство. На это указывают данные карпологии, сельскохозяйственный инвентарь и многочисленные кости домашних животных. Дополнительными отраслями хозяйства были рыболовство и охота. Развитым было домашнее ремесло, в т.ч. гончарство. Невыясненным осталось расположение хозяйственного комплекса: мест для содержания скота, ремесленных мастерских, амбаров.

Список литературы

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестн. Ом. гос. аграр. ун-та, 2016. – № 3 (23). – С. 185–192.

Крих А.А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2014. – № 4 (4). – С. 86–90.

Сопова К.О. Основные направления развития морфологии керамических сосудов на территории Омского Прииртышья (по материалам археологических комплексов русского населения) // Молодёжь третьего тысячелетия: сб. науч. статей. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – С. 833–835.

Татауров Ф.С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Ом. фил. Рос. гос. торг.-экон. ун-та, 2011. – С. 180–189.

Татауров Ф.С. Реконструкция природного окружения и жизнеобеспечения западносибирской русской деревни XVII–XVIII века // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016.

Татаурова Л.В. Орнаменты на посуде русских сибиряков XVII–XVIII веков // Архаическое и традиционное искусство Сибири: проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 186–188.

Татаурова Л.В. Исследования русского комплекса XVII–XIX вв. Ананьино I в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 413–416.

Татаурова Л.В., Быков Л.В., Светлейший А.З., Орлов П.В. Создание ландшафтных моделей местности и трехмерная реконструкция археологических памятников // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар.

науч. конгресс, 18–22 апр. 2016 г. – Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Геодезия, геоинформатика, картография, маркшейдерия», 2016. – Т. 2. – С. 124–129.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37, № 3. – С. 479–490.

References

Bykov L.V., Tataurova L.V., Svetleishiy A.Z. Trekhmernaya rekonstruktsiya arkheologicheskikh pamyatnikov i ob'ektov na osnove dannykh distantsionnogo zondirovaniya i global'nykh navigatsionnykh sputnikovykh system. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2016, No. 3 (23), pp. 185–192 (in Russ.).

Krikh A.A. Etnosotsial'naya istoriya russkogo naseleniya d. Anan'ino v XVII–XIX vv. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriya: Istoricheskie nauki, 2014, No. 4 (4), pp. 86–90 (in Russ.).

Sopova K.O. Osnovnye napravleniya razvitiya morfologii keramicheskikh sosudov na territorii Omskogo Priirtysh'ya (po materialam arkheologicheskikh kompleksov russkogo naseleniya). In *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnykh stateiy.* Omsk: State Univ. Press, 2016, pp. 833–835 (in Russ.).

Tataurov F.S. Shkoly, osnovnye tsentry proizvodstva i kharakter rasprostraneniya farfora iz arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk: Omsk Branch of PRUE Press, 2011, pp. 180–189 (in Russ.).

Tataurov F.S. Rekonstruktsiya prirodnogo okruzheniya i zhizneobespecheniya zapadnosibirskoi russkoi derevni XVII–XVIII veka. In *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv.* Tyumen': Tyumen State Univ., 2016 (in Russ.).

Tataurova L.V. Ornamenty na posude russkikh sibiryakov XVII–XVIII vekov. In *Arkhaicheskoye i traditsionnoye iskusstvo Sibiri: problemy nauchnoi i khudozhestvennoy interpretatsii*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 186–188 (in Russ.).

Tataurova L.V. Issledovaniya russkogo kompleksa XVII–XIX vv. Anan'ino I v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 413–416 (in Russ.).

Tataurova L.V., Bykov L.V., Svetleishii A.Z., Orlov P.V. Sozdanie landshaftnykh modelei mestnosti i trekhmernaya rekonstruktsiya arkheologicheskikh pamyatnikov. In *Interekspo GEO-Sibir'-2016. XII Mezhdunarodnyi nauchnyi kongress, 18–22 aprelya 2016 goda,* Novosibirsk: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Geodeziya, geoinformatika, kartografiya, marksheideriya», 2016, vol. 2, pp. 124–129 (in Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. Sistema zhizneobespecheniya sibirskoy derevni Anan'ino v XVII–XVIII vv. (po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam). *Bylye gody*, 2015, vol. 37, No. 3, pp. 479–490 (in Russ.).

УДК 904

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: semchi957@gmail.ru

Исследования микротопографии Тарской крепости и ее окрестностей в 2016 году

В 2016 г. кроме археологических раскопок Тарской крепости были проведены работы по изучению ее микротопографии, выявлению места расположения Бухарской слободы, анализу расположения дорог, по которым путники подходили к воротам крепости. Автор считает, что Бухарская слобода – место компактного проживания татар (сибирских, казанских, бухарских). Она начала формироваться во время строительства крепости, когда тарским татарам, не состоящим в войске, запретили жить внутри нее. Бухарские купцы в это время построили поселение отдельно от них. После царских указов 1645–1678 гг. юридический статус бухарцев изменился, и они могли жить вместе с единоверцами. Вместе с созданием крепости начала складываться сеть дорог вокруг Тары. Основные пути сохранились до наших дней. Это позволяет соотнести дороги к Тарской крепости с естественными препятствиями и с современными улицами.

Ключевые слова: *Тарская крепость, Бухарская слобода, микротопография, археолого-исторические объекты.*

S.S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: semchi957@gmail.ru

Research of Tara Fortress and its Surroundings Microtopography in 2016

In 2016, besides the archaeological site of Tara fortress, studies on its microtopography were carried out, identifying places of Bukhara sloboda location, roads, which brings travelers to the gates of the fortress. The author believes that Bukhara sloboda was a place of compact residence of the Tatars (Siberians, Kazans, Bukharians). It began to take shape during the construction of the fortress, when Tara's Tatars, not consisting in the army, were banned to live inside the fortress. Bukhara's merchants at the time lived separately from them. After the tsar's decrees of 1645–1678 the legal status of Bukhara changed, and they could live together with fellow believers. Together with the creation of fortress began to form a network of roads around Tara. The main ways survived. This makes it possible to correlate the road to Tara fortress with natural obstacles and with modern streets.

Keywords: *Tara fortress, Bukhara sloboda (settlement), microtopography, archaeological and historical objects.*

Тара – первая русская крепость в Среднем Приртышье – была основана в 1594 г. князем Андреем Васильевичем Елецким как опорный пункт для борьбы с ханом Кучумом. После строительства в 1716 г. Омской крепости Тара потеряла военное значение, став торговым городом. За 400 с лишним лет ее существования в историческом центре Тары сформировался мощный культурный слой, содержащий остатки деревянных строений (жилых, хозяйственных, военных), погребения первых жителей крепости, многочисленные изделия из металла, кости, дерева, кожи и т.д. С 2007 г. по настоящее время археологи Омского филиала ИАЭТ СО РАН (руководитель проекта – С.Ф. Татауров) совместно со специалистами Томского государственного университета (М.П. Черная) ведут работы в Таре. Полученные материалы позволяют решать не только вопросы археологического характера, но и задачи, связанные с особенностями ее микротопографии и расположением исторических районов.

В 2016 г. были продолжены работы по выявлению, изучению и картографированию археоло-

го-исторических объектов Тары [Тихонов, 2015, с. 420–423] и начато изучение дорог, которые могли вести к Тарской крепости.

Был проведен анализ картографических материалов (чертеж Тары, составленный С.У. Ремезовым в конце XVII в., планы Тары и ее окрестностей 1737 и 1747 гг.) и рисунка Тарской крепости, сделанный Люрсениусом в 1734 г. Эти материалы были сопоставлены с современными планами Тары. Были использлваны электронные ресурсы, находящихся на электронных сервисах Яндекс-карты, Wikimapia, Google Earth, Panoramio. Это позволило уточнить границы крепости, в том числе и естественные (склон террасы, буераки, по которым были проложены дороги в пойму). Были сняты GPS-координаты поворотных точек стен крепости.

Были опрошены старожилы города Тары (рождения 1930–1955 гг.), и уточнена устная информация о месте жительства татар города Тары, об освоении тарчанами поймы правого берега р. Аркарка в конце XIX – первой половине XX в., расположению мостов и дорог к Таре в это же время. Получены сведения о наличии деревянных конструкций на глубине свыше 2 м на улице Казанской в подгородной части Тары на берегу Аркарки (возможно, надолбы середины XVIII века?).

Предполагалось, что будет поведена шурфовка по правому берегу Аркарки для поиска объектов XVII в. К сожалению, высокий уровень Иртыша в половодье не позволил этого сделать. Однако, были определены участки, которые практически не затапливаются даже в этот период.

Археологическими раскопками пока затронута только часть Тарской крепости [Татауров, Черная, 2014, с. 292–294; 2015, с. 409–412], и это позволило соотнести расположение объектов крепости с современными строениями. Что касается подгорной части Тары, то здесь в XIX в. располагались дома простых тарчан и Бухарская слобода – место компактного проживания татар. Но на картах и рисунках XVIII в. показано, что татарские юрты и юрты приезжих бухарцев располагались в другом месте – на правом берегу р. Аркарки ниже крепости. Накопленные материалы позволяют снять это противоречие. Из текста «Наказа князю Андрею Елецкому…» ясно, что в составе княжьей рати были служилые татары, которые могли жить в крепости, и были татары «тутошних волостей», т.е. татары тарские, которым в крепости селиться было нельзя «чтоб и[м] людей государевых не смечать» [Наказ князю Андрею Елецкому…, 1999, с. 348]. Вероятно, они и поселились под горой на левом берегу р. Аркарка в районе, где позже проложили ул. Нерпинскую. Бухарцы же и как иностранные подданные, и как временные жители в XVII в. в крепости жить не могли и жили другом месте – на правом берегу Аркарки ниже крепости. Это место их проживания показано на источниках начала – первой половины XVIII в. В конце XVII в. в Тарском Прииртышье появляются выходцы из Бухарии, которые не являлись купцами, занимались сельским хозяйством и жили двумя анклавами в деревнях по правому берегу Иртыша ниже и выше Тары. Вероятно, после указов Михаила Федоровича 1645 г. и Петра I 1687 г. [Корусенко, 2011, с. 33] происходят изменения в юридическом статусе приезжих бухарских купцов, а также осевших в деревнях бухарцев, и они получают возможность подселится к татарам, жившим вне крепости на берегу Аркарки. По сведениям некоторых информантов, русская администрация не разрешала татарам селиться на горе, и они получили такую возможность только после установления Советской власти. Возможно, что эта традиция не пускать татар на гору берет начало с самого основания Тары.

Прежнее место проживания бухарских купцов становится непригодным для обитания из-за изменения гидрологического режима Иртыша. Известно, что в первой половине XVIII в. из поймы на террасу из-за высоких разливов Иртыша переселились жители некоторых русских деревень (Нюхаловка, Старое Шуево, Изюк) и исчезли некоторые татарские юрты – Отрау-аул, Бюрют-аул, Кулук-аул.

Перейдем к дорогам, по которым можно было пройти последние версты, и подойти к воротам Тары. Полагаю, что речной путь к самой Таре был только один: он начинался от устья Аркарки и заканчивался у моста, по которому проходила дорога к Верхним юртам (современное с. Екатериновка). О наличии судоходства близ крепости свидетельствует уже упомянутый «Наказ…»: «…татар прибрать в судах с пищальми…», и «… послать … стрельцов на Ямыш … и соли привезти в стругех…» [Наказ князю Андрею Елецкому…, 1999, с. 351–352]. Кроме того, изображение парусных судов у моста через Аркарку есть на рисунке Люрсениуса. Наконец, Г.Ф. Миллер и его спутники в 1734 г. прибыл в Тару на дощаниках по воде.

Встает вопрос, могли ли по Аркарке ходить крупные суда в XVII–XVIII в.? После взгляда на современную Аркарку напрашивается однозначный отрицательный ответ. Но один из информантов рассказал, что когда в середине 1990-х гг. строили автодром ДОСААФ, то стройматериалы завозили к месту строительства на баржах по Аркарке. По сведениям автора, в Тарском отряде Иртышского речного пароходства были в это время двадцатитонные баржи, длиной около 20 м, что сопоставимо с длиной дощаников и насадов XVII–XVIII вв.

И, следовательно, они могли подниматься вверх по Аркарке на 2 км до крепости.

Сухопутная дорога к Верхним юртам (Старая Екатерининская дорога) начиналась от моста на Аркарке, и шла по пойме (по речной дюне) к переправе на Иртыше. Но она была проходима только в сухое время года. Дорога к северу (соответствует современной ул. Советская) шла вдоль террасы р. Иртыш и выводила к д. Чекрушево и далее вниз по Иртышу. Никаких препятствий на ней нет. К западу от этой дороги находилось болото, показанное на старых картах и частично сохранившее до наших дней вблизи межрайонной больницы. С юга дорогу к Таре преграждала р. Аркарка, выходящая в пойму Иртыша примерно в 1 км южнее крепости. Возможно, что через речку на ее левый берег путники переправлялись в районе Калашникова мостика, с выходом на современные улицы 8 марта и 4 линия. Затем дорога вела по правому берегу безымянного притока Аркарки в обход Тихвинского кладбища. Далее можно было идти к южным стенам крепости (район Пятницкой церкви и начала ул. Чернышевского). Эта дорога совпадает с современной ул. Избышева. Потом был возможен спуск по небольшому ложку к месту пересечения современных улиц Омская и Матросова. Другой путь вел к северным стенам крепости. Он мог совпадать с современной ул. 40 лет ВЛКСМ и выходил в пойму к ул. Нерчинской и Бухарской слободе. Возможно, что существовала еще одна дорога под террасой правого берега Иртыша. В этом случае необходимо было переправиться через Аркарку в месте ее выхода в пойму (здесь сейчас построена дамба, в которой проложена труба для стока) и идти к подгородной части Тары и мосту на Старой Екатерининской дороге.

Вышеприведенные выводы основаны на изучении топографии Тары и естественных преград в виде логов и речек, расположении улиц (сетка застройки к середине XVIII в. уже сформировалась и совпадает с современной). Кроме того известно, что сеть путей сообщений и расположение переправ весьма и весьма традиционна и может сохранятся в течение столетий.

Естественно, предположения нуждаются в подтверждениях, полученных с помощью археологии.

Список литературы

Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 248 с.

Наказ князю Андрею Елецкому с товарищам, отправленными в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ним // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. 1. – С. 347–353.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 292–294.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Тарские «городни» (итоги раскопок исторического центра Тары в 2015 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 409–412.

Тихонов С.С. Археолого-исторические объекты Тары и их картографирование // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 420–423.

References

Korusenko S.N. Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka. Omsk: “Nauka” Publ. House, 2011, 248 p. (in Russ.).

Nakaz knyazyu Andreyu Eletskomu s tovarishcham, otpravlennymi v Sibir’ dlya postroeniya goroda na reke Tare, s prilozheniem opisi poslannogo s nim. In *Miller G.F. Istoriya Sibiri*. 2-e izdanie, dopolnennoe. Moskow: “Vostochnaya literatura” RAN Publ., 1999, vol. 1, pp. 347–353 (in Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Usad’ba na territorii Tarskoi kreposti: itogi issledovanii 2011–2014 godov. In *Problem of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2014, vol. XX, pp. 292–294 (in Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Tarskie «gorodni» (itogi raskopok istoricheskogo tsentra Tary v 2015 godu). In *Problems of Archaeology, Ethnography, anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2015, vol. XXI, pp. 409–412 (in Russ.).

Tikhonov S.S. Arkheologo-istoricheskie ob”ekty Tary i ikh kartografirovanie. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2015, vol. XXI, pp. 420–423 (in Russ.).

УДК 902.01

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: khudjakov@mail.ru

Фрагмент доспеха из музея Башня Бурана в Кыргызстане

В статье анализируется фрагмент защитного пластинчато-кольчатого доспеха из Кыргызстана. Он включает девять полос, состоящих из железных прямоугольных пластин с тремя округлыми отверстиями вдоль узких сторон, которые соединены между собой с помощью колец в несколько рядов. В предшествующий период эта находка была обнаружена в Шамсинском ущелье к югу от с. Бурана, расположенного в Чуйской долине. В настоящее время этот фрагмент доспеха экспонируется в музее Башня Бурана в Республике Кыргызстан. По сохранившейся части защитного покрытия его трудно отнести к воинскому панцирю. Высказано предположение о том, что рассматриваемый фрагмент доспеха может представлять собой часть защитного покрытия попоны боевого коня. Подобные конские панцирные попоны применялись тяжеловооруженными конными воинами некоторых тюркских и монгольских кочевых народов в течение периодов развитого и позднего Средневековья.

Ключевые слова: *Кыргызстан, Чуйская долина, музей Башня Бурана, ущелье Шамси, пластинчато-кольчатый доспех, защитная попона.*

Yu.S. Khudyakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: khudjakov@mail.ru

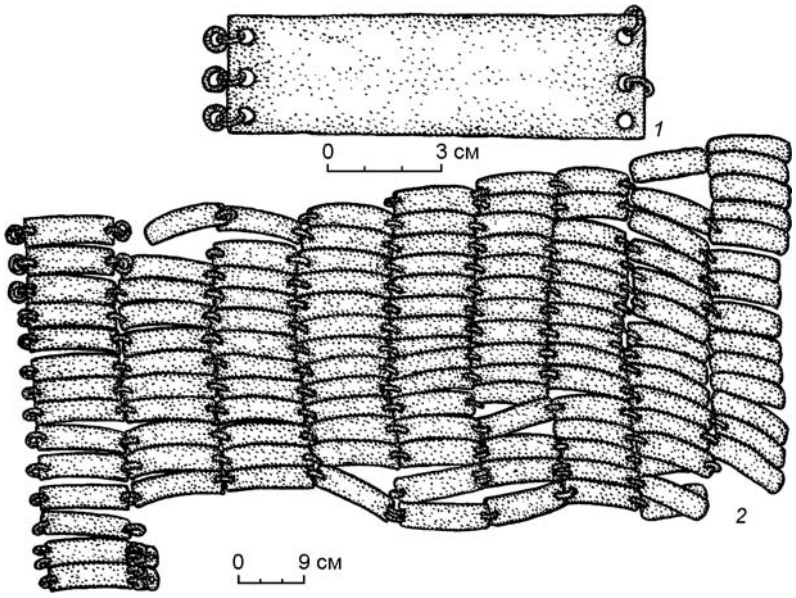
The Fragment of Armour from the Burana Tower Museum in Kyrgyzstan

The fragment of defensive plated and chainmail armour from Kyrgyzstan is analyzed in the article. It includes five stripes, composed of iron rectangular plates with three rounded apertures along narrow sides, which are joined by the rings in several rows. In proceeding period this finding was discovered in Shamsi Ravine to the South from the Burana Village, located in the Chuy Valley. At the present time this fragment of armour exhibits in the Burana Tower museum in the Republic of Kyrgyzstan. Based on extant part of defensive covering it is difficult to refer it to military armour. It is suggested in the article that considered fragment of armour can represent a part of defensive covering of horsecloth of militant horse. Similar horse armour horsecloths were used by heavy mounted warriors of the several Turkic and Mongolian nomadic people in the course of periods of the High and Late Middle Ages.

Keywords: *Kyrgyzstan, Chuy Valley, the Burana Tower museum, Shamsi Ravine, plated and chainmail armour, defensive horsecloth.*

Среди находок предметов вооружения из археологических памятников древних и средневековых кочевых и оседлых народов Тянь-Шаня и Семиречья, хранящихся в музейных коллекциях в разных городах и некоторых сельских населенных пунктах на территории Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины в Республике Кыргызстан, достаточно широко представлены разнообразные виды наступательного оружия дистанционного боя. Значительно реже в собраниях музеев имеются предметы вооружения ближнего боя и средства индивидуальной металлической защиты воинов.

Большая информативная коллекция находок средневекового оружия хранится в музее Башня Бурана, который находится в с. Бурана, к югу от г. Токмак, в Чуйской долине Кыргызстана. В предыдущие годы российскими и кыргызскими археологами и специалистами по истории военного дела древних и средневековых кочевых народов, принимавшими участие в реализации проекта по изучению истории вооружения и военного дела



Принадлежности защитного покрытия из музея Башня Бурана.
1 – пластина; *2* – фрагмент доспеха.

древних и средневековых кочевых этносов Центрально-Азиатского историко-культурного региона от Тянь-Шаня до Саяно-Алтая, была изучена представительная коллекция вооружения средневекового населения Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана [Худяков, 2013]. Среди изученных в собрании Буранинского музея предметов средневекового железного оружия в количественном отношении преобладают железные черешковые наконечники стрел разных форм [Худяков и др., 2013, с. 215–219]. Значительная часть подобных находок в предшествующие десятилетия была найдена исследователями из Кыргызстана на поверхности расположенного в непосредственной близости от данного населенного пункта Буранинского городища [Табалдиев, Солтобаев, 1995, рис. 3, *1–8*; 4, *8*]. Этот памятник некоторыми современными кыргызскими учеными был соотнесен с известным по арабским и персидским источникам городом Баласагуном, существовавшим в Притяньшанье в эпоху развитого Средневековья [История…, 1984, с. 311]. Некоторые из находок предметов средневекового оружия были обнаружены в Чуйской долине за пределами городища, но в окрестностях этого археологического памятника. Отдельные наконечники стрел были в прошлом найдены учеными и любителями старины в ущелье Шамси, или Шамши, которое расположено в горах, к югу от с. Бурана [Худяков и др., 2013, с. 215].

Помимо предметов вооружения дистанционного боя, в экспозиции музея Башня Бурана экспонируется довольно значительный фрагмент железного пластинчатого защитного доспеха, изучение которого для истории средневекового оружия на территории Кыргызстана должно представлять вполне самостоятельный научный интерес. По сведениям, полученным автором настоящего сообщения от сотрудников Буранинского музея, данная археологическая находка происходит из расположенного южнее современного с. Бурана Шамсинского горного ущелья. К сожалению, каких-либо конкретных сведений об обстоятельствах обнаружения этого фрагмента защитного покрытия в музее не сохранилось.

Данный фрагмент защитного покрытия включает девять наборных полос, состоящих из вытянутых железных панцирных пластин. Каждая такая полоса, видимо, сохранилась не полностью, а частично. Об этом можно судить по тому, что полосы включают от 11 до 15 таких железных деталей. Пластины имеют вытянутую прямоугольную форму, с округлыми отверстиями, расположенными вдоль каждой из узких сторон данной защитной детали (см. *рисунок*, *1*). В эти отверстия продеты железные клепанные кольца. На большей части сохранившихся соседних полос пластины соединены между собой с помощью только одного ряда железных колец. Значительно реже в отверстия продето по два-три кольца. Они образуют небольшие, узкие полоски кольчужного защитного покрытия между полосами, состоящими из названных выше пластинчатых деталей. Длина каждой отдельной железной пластины 11 см, ширина 3,1 см. Общая площадь сохранившегося фрагмента доспеха составляет примерно 99 × 45 см (см. *рисунок*, *2*). Вероятнее всего, защитное покрытие, к которому относится изучаемый фрагмент панцирной попоны, должно было располагаться на предохраняемой поверхности таким образом, чтобы прямоугольные пластины размещались горизонтально. При этом пластины длинной стороной должны были частично перекрывать друг друга, согласно конструктивным особенностям, характерным для ламинарных доспехов.

Определение хронологии и культурной принадлежности данного памятника встречает определенные сложности. Прямых аналогий этой находке в изученных средневековых комплексах на территориях Тянь-Шаня, Семиречья, а также в археологических памятниках, расположенных на сопредельных территориях Центральной Азии,

выявить не удалось. Однако если судить по форме панцирных пластин и соединительных колец, а также способу их соединения в составе рассматриваемого фрагмента доспеха, данная деталь защитного покрытия может относиться к комплексам вооружения оседлого городского или кочевого населения Чуйской долины в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона в периоды развитого и позднего Средневековья. Согласно реконструкции воинского и конского доспеха, которая предложена М.В. Гореликом для защитного вооружения крымского татарского тяжеловооруженного всадника, подобные прямоугольные пластины, соединенные в вертикальные ряды, скрепленные между собой узкими полосками кольчужного плетения, составляли защитное покрытие конского доспеха [Gorelik, 1995, p. 16]. Близкие по конструктивным особенностям горизонтально расположенные и скрепленные между собой железные пластины прямоугольной формы входили в состав наручей, покрытия плеч и бедер крымского татарского панцирного всадника. Они входили в состав комбинированного пластинчато-кольчатого доспеха конного воина эпохи позднего Средневековья [Ibid.]. Схожие по конструкции покрытия плеч и бедер, составленные из горизонтально расположенных прямоугольных или зубчатых пластин, частично перекрывавших друг друга, были реконструированы этим исследователем в составе панцирных доспехов конных и пеших воинов из состава войск Тимура Тамерлана, кочевых узбеков и персидских воинов XIV–XVI вв. [Gorelik, 1995, p. 17, *a*, *b*, *c*]. Согласно реконструкции М.В. Горелика, горизонтально расположенные железные пластины прямоугольной формы, скрепленные между собой, входили в состав защитного покрытия нагрудных и корпусных панцирей русских воинов XVI в. [Gorelik, 1995, p. 19, *b*]. В составе панцирей якутских тяжеловооруженных конных воинов XVI–XVII вв. железные прямоугольные, горизонтально расположенные пластины размещались ниже покрытия корпуса [Gorelik, 1995, p. 21, *b*].

Судя по сохранившейся части исследуемого шамсинского панцирного доспеха, его вряд ли можно отнести к некоторой части металлического защитного покрытия тяжеловооруженного пешего или конного средневекового воина. Если согласиться с высказанным выше предположением, что данный фрагмент располагался в составе защитного покрытия таким образом, чтобы панцирные пластины находились в его составе горизонтально, частично перекрывая друг друга своими длинными сторонами, то его трудно отнести к какой-либо части воинского панцирного доспеха. По своей длине рассматриваемый фрагмент превышает необходимые габариты корпусного защитного покрытия воина и не соответствует другим составным частям ламеллярного и пластинчатого доспеха панцирного всадника или пехотинца. Представленное в его составе расположение рядов прямоугольных панцирных пластин дает основания для предположения, согласно которому данный фрагмент должен относиться к защитному покрытию попоны боевого коня. Он может представлять собой некоторую часть нагрудника или накрупника в составе конского защитного покрытия. В настоящее время можно предварительно высказать предположение, что найденный фрагмент мог относиться к конскому доспеху панцирного всадника эпохи развитого или позднего Средневековья [Gorelik, 1995, p. 16].

Трудно сформулировать убедительное предположение о том, при каких обстоятельствах данная часть защитной попоны могла оказаться в Шамсинском ущелье, где эта находка была обнаружена, перед тем как была передана на хранение в Бураниинский музей. Возможно, данная составная часть конского доспеха была утеряна кыргызским тяжеловооруженным всадником, сражавшимся верхом на защищенном боевом коне в ходе боевого столкновения, либо оказалась в этой местности в результате каких-либо иных событий – трудно определить. Однако известно, что в Средние века панцирные доспехи, принадлежавшие тяжеловооруженным воинам, в т.ч. кыргызским батырам, очень высоко ценились, поэтому вряд ли подобная часть доспеха могла быть просто утеряна. Вероятно, всадник, утерявший данную часть конского доспеха, в силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств не смог вернуться, чтобы ее подобрать и в дальнейшем продолжать использовать для защиты своего боевого коня.

Список литературы

История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. I. – 798 с.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Предметы вооружения из погребений Центрального Тянь-Шаня (первая половина II тыс. н.э.) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 108–124.

Худяков Ю.С. Проект «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в Средние века» // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 7–10.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., Акматов К.Т. Коллекция железных наконечников стрел в собрании древностей музея Башня Бурана в Кыргыз-

стане // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 214–220.

Gorelik M.V. Warriors of Eurasia from the VIII century BC to XVII century AD. – Stockport: Montvert Publications, 1995. – 45 p.

References

Gorelik M.V. Warriors of Eurasia from the VIII century BC XVII century AD. Stockport: Montvert Publications, 1995, 45 p.

Istoria Kirgizskoi SSR. S drevneishikh vremen do serediny XIX v. Frunze: Kyrgyzstan, 1984, vol. I, 798 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Proekt «Istoria voennogo dela narodov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii». In *Voennoie delo srednevekovykh narodov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, pp. 7–10 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Tabaldiev K.Sh., Akmatov K.T. Kollekcia jeleznykh nakonechnikov strel v sobranii drevnostei muzeja Burana v Kyrgyzstane. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoria, filologia*, 2013, vol. 12, iss. 5: Archeologia i etnografia, pp. 214–220 (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Predmety voorujenia iz pogrebenii Centralnogo Tian-Shania (pervaia polovina II tys. n.e.). In *Voennoie delo i srednevekovaia arkheologia Centralnoi Azii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, pp. 108–124 (in Russ.).

УДК 903.2

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2], Ж. Орозбекова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Находка двузубой вилки из Кыргызстана*

В статье изучена находка железной двузубой вилки из коллекции археологических предметов, обнаруженных на территории Чуйской долины Кыргызстана, которая хранится в собрании историко-археологического музея Кыргызско-Российского Славянского университета в г. Бишкеке. В составе комплекса предметов средневековых культур Тянь-Шаня и Семиречья эта находка единична. Однако подобные бытовые предметы были довольно широко распространены в культуре енисейских кыргызов и относятся к эпохам раннего и развитого Средневековья. Их находят в кыргызских курганах на территории Южной Сибири, которые относятся к концу I – началу II тыс. н.э. Высказано предположение о том, что данная двузубая вилка могла оказаться в Чуйской долине в результате военных походов енисейских кыргызских воинов в погоне за уйгурами.

Ключевые слова: *железная вилка, Чуйская долина, культура енисейских кыргызов, археологические памятники, эпохи раннего и развитого Средневековья.*

Yu.S. Khudyakov[1, 2], A.Yu. Borisenko[2], Zh. Orozbekova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

The Finding of Bidentate Fork from Kyrgyzstan

In the article the finding of iron bidentate fork from collection of archaeological objects is examined, discovered in the territory of the Chuy Valley of Kyrgyzstan. It is kept in collection of historical and archaeological museum of Kyrgyz Russian Slavic University in the city of Bishkek. This finding is single in composition of the medieval cultures objects complex of Tian Shan and Zhetysu. However, similar household objects were widespread in the culture of the Yenisei Kyrgyz people. They are related to the era of the Early and High Middle Ages. They are found out in the Kyrgyz burial mounds in the territory of Southern Siberia, that are related to the end of the 1st – the beginning of the 2nd millennium A.D. We made a suggestion in the article that this bidentate fork could be found in the Chuy Valley as a consequence of military campaigns of the Yenisei Kyrgyz warriors in chase of the Uyghurs.

Keywords: *iron fork, Chuy Valley, the Yenisei Kyrgyz culture, archaeological monuments, era of the Early and High Middle Ages.*

Одной из актуальных задач в деле сохранения и изучения богатого и разнообразного историко-культурного наследия Республики Кыргызстан является пополнение фондов музеев страны археологическими находками, которые были обнаружены на ее территории собирателями и любителями древностей. В последние годы большая информативная коллекция весьма ценных археологических предметов, обнаруженных в ходе полевых исследований, была приобретена сотрудниками историко-археологического музея Кыргызско-Российского Славянского университета в г. Бишкеке**. В составе данной коллекции представлены разнообразные бронзовые и железные изделия,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

**Выражаем искреннюю признательность заведующему историко-археологического музея Кыргызско-Российского Славянского университета Д.В. Лужанскому за возможность изучить эту интересную находку.

относящиеся к культурам разных кочевых этносов, проживавших в древности и Средневековье на территории Иссык-Кульской котловины Кыргызстана. Среди этих находок имеются бронзовые кинжалы, наконечники копий и стрел, кельты и боевые топоры, которые относятся к культурам древних номадов Притяньшанья развитого бронзового и раннего железного веков [Ставская и др., 2013, с. 11–15]. В числе средневековых предметов вооружения в этом собрании имеется находка железного втульчатого наконечника копья, которую можно отнести к комплексу вооружения кыргызских воинов эпохи развитого Средневековья. Некоторая часть находок получена сотрудниками данного университета в результате полевых исследований на археологических памятниках в окрестностях с. Жаркынбаево на оз. Иссык-Куль [Там же, с. 11–14, 18]. Наряду с известными предметами вооружения, воинского и конского снаряжения древних и средневековых номадов, которые представлены в каталоге, в этом музейном собрании есть некоторые редкие находки, которые археологам ранее на территории Кыргызстана не встречались.

Двузубая вилка из Кыргызстана.

В составе коллекции предметов вооружения и воинского снаряжения средневековых номадов, которые до настоящего времени не введены в научный оборот, имеется несколько железных наконечников стрел из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины. В числе предметов вооружения дистанционного боя средневековых номадов, находящихся в собрании этого историко-археологического музея, с которым удалось ознакомиться авторам статьи в ходе его посещения во время экспедиционных поездок в Кыргызстан в предшествующие годы, имеются археологические находки, аналоги которых есть в культурах средневековых кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии [Худяков и др., 2012; Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2013]. При изучении археологических коллекций в этом музее авторами данной статьи была осмотрена и исследована довольно редкая для культур средневековых кочевников на территории Кыргызстана археологическая находка – железная двузубая черешковая вилка.

В недавнем прошлом этот предмет был приобретен сотрудниками музея у одного из современных собирателей древностей в Кыргызской Республике. Местонахождение, с которого происходит данная вещь, точно не установлено. Однако известно, что она была обнаружена на современной поверхности Иссык-Кульской котловины Кыргызстана [Ставская и др., 2013, с. 76]. Вероятно, это могло быть одно из средневековых поселений или городищ в этой котловине. Данное изделие можно отнести к категории «случайных находок», хотя вполне возможно, что оно было обнаружено современными собирателями в результате целенаправленных поисков древних вещей.

Рабочая часть исследуемой вилки представляет собой удлиненный, округлый в сечении, железный стержень, который завершается в верхней части двумя удлиненными зубцами. Один из этих зубцов сохранился полностью. Он слегка отогнут в сторону второго зубца, верхний конец которого частично обломан. Противоположный конец вилки оформлен в виде черешка с заостренным нижним концом. Вероятно, в период, когда вилка использовалась по своему прямому назначению, черешок был укреплен в деревянной или костяной рукояти. Длина зубцов вилки 4,7 см, ширина вилки 1,1 см, длина стержня 4,2 см, длина черешка 3 см (см. *рисунок*).

Среди весьма многочисленных и разнообразных предметов различных культур древнего и средневекового кочевого и оседлого, городского и сельского населения, обнаруженных в результате раскопок и сборов на территории Чуйской долины Кыргызстана, аналогичных данному предмету изделий выявить не удалось. В то же время в результате многолетнего изучения предметного комплекса культур средневековых номадов Южной Сибири и Центральной Азии были обнаружены очень похожие предметы, назначение которых определено как вилки.

Довольно близкие по форме, или очень похожие двузубые находки были выявлены в процессе изучения предметного комплекса культуры енисейских кыргызов, относящегося к эпохам раннего и развитого Средневековья. Одним из авторов настоящей статьи подобное изделие было выявлено в составе сопроводительного инвентаря одного из курганов кыргызских воинов, изученных в долине р. Табат, в южной части Минусинской котловины. Двузубая вилка с рифленым стержнем и шипастым перекрестьем была обнаружена в составе сопроводительного инвентаря енисей-

ского кыргызского всадника на памятнике Тербен-Хол монгольского времени [Худяков, 1982, с. 202, рис. 145, *1*]. Однако, согласно предположению, высказанному в начале 1980-х гг. И.Л. Кызласовым, подобные черешковые двузубые вилки были характерны для культуры енисейских кыргызов, начиная с периода IX–X вв., т.е. с эпохи Кыргызского Великодержавия, когда, после разгрома войск Уйгурского каганата, кыргызы завоевали весь обширный регион Центральной Азии [Кызласов, 1983, с. 62]. Подобные железные двузубые вилки в некоторых случаях украшенные серебряной аппликацией, продолжали использоваться енисейскими кыргызами и на протяжении нескольких последующих столетий в течение предмонгольского и монгольского времени [Кызласов, 1981, рис. 74, 16; Кызласов, 1983, с. 62]. Особое значение этим двузубым вилкам в качестве показателя высокого культурного уровня и «цивилизованности» использовавшего их кыргызского населения долины Среднего Енисея, придавал Л.Р. Кызласов. В одной из своих статей он полемически заявил, что в «средневековье, когда европейские короли и бароны, предводители дружин викингов и славянские князья разрывали мясо и дичь руками, используя лишь ножи, в Южной Сибири люди в VIII–IX вв. пользовались при трапезе двузубыми вилками, имея их даже в походном инвентаре» [Кызласов, 1994, с. 12].

Судя по исследуемой находке из Чуйской долины Кыргызстана, очень похожей на изделия енисейских кыргызов, подобные предметы находились в повседневном быту в завершающий период раннего и начале эпохи развитого Средневековья не только среди тех групп кыргызов, которые населяли в это время территорию Саяно-Алтайского нагорья, но и у некоторой части средневекового населения Тянь-Шаня и Семиречья. Вполне возможно, что подобные предметы использовали те кыргызские воины, которые в эпоху распространения Кыргызского Великодержавия на весь Центрально-Азиатский историко-культурный регион участвовали в военных походах в Восточное Притяньшанье. Из средневековых китайских источников известно, что в эпоху возвышения Кыргызского каганата, в IX–X вв. военные отряды кыргызских воинов в погоне за бежавшими в Восточный Туркестан уйгурами и другими телесскими племенами достигли Тянь-Шаня в пределах современного Восточного Туркестана [Бичурин, 1998, с. 363–365; Кюнер, 1961, с. 57].

В то же время нельзя исключить, что под влиянием непосредственных культурных контактов с енисейскими кыргызами, побывавшими на Тянь-Шане во время военных походов войск Кыргызского каганата в погоне за уйгурами и другими телесскими племенами, подобные вилки стали употребляться средневековым карлукским населением Чуйской долины.

Вполне вероятно, что находка из Чуйской долины могла входить в состав предметов повседневного обихода одного из местных карлукских жителей среднеазиатских владений Караханидов, которые контактировали с воинами Кыргызского каганата в период его наивысшего могущества в конце I тыс. н.э.

Список литературы

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Т. I. – 390 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 200–207.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIVвв. // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1983. – Вып. Е 3–18. – 128 с.

Кызласов Л.Р. Сибирь: на границе прошлого с грядущим // Страницы истории и современность. – Абакан; М., 1994. – Вып. 1. – С. 9–21.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961. – 392 с.

Ставская Л.Г., Джунушалиева Г.Д., Плоских В.М., Лужанский Д.В. Историко-археологический музей КРСУ. – Бишкек: ОФ «Музеолог», 2013. – 94 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 239 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Изучение оружейных коллекций в музеях Таласской долины Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 354–357.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т. Изучение изображений воинов на петроглифических памятниках Прииссыккулья и средневековых предметов вооружения в музейных собраниях Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 306–309.

References

Bichurin N.Y. Sobranie svedenii o narodakh, obitavchikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Almaty: Jalin baspasi, 1998, vol. I, 390 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Kirgizy na Tabate. Novosibirsk: Nauka, 1982, 239 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova J. Izuchenie orujeinykh kollekcii v muzeiakh Talasskoi dolini

Kyrgyzstana. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 354–357 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Borisenko A.Yu., Akmatov K.T. Izuchenie izobrajeniy voinov na petroglificheskikh pamyatnikakh Priissikkulia i srednevekovikh predmetov voorujenia v muzeinykh sobraniakh Kyrgyzstana. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 306–309 (in Russ.).

Kyzlasov I. L. Askizskaia kultura (srednevekovie khakasi X–XIV vv.). In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekovia. Arkheologia SSSR.* Moskow: Nauka, 1981, pp. 200–207 (in Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaia kultura Yujnoi Sibiri X–XIV vv. In *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* Moscow: Nauka, 1983, vol. E 3–18, 128 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Sibir: na granice proshlogo s griaduchim. In *Stranicy istorii i sovremennost.* Abakan; Moscow, 1994, vol. 1, pp. 9–21 (in Russ.).

Kuner N.V. Kitaiskie izvestiya o narodakh Yujnoi Sibiri, Centralnoy Azii i Dalnego Vostoka. Moskow: Vostochnaya Literatura Publ., 1961, 392 p. (in Russ.).

Stavskaya L.G., Djunushaliyeva G.D., Ploskikh V.M., Lujanskiy D.V. Istoriko-arkheologicheskii muzei KRSU. Bichkek: OF «Muzeolog», 2013, 94 p. (in Russ.).

УДК 902

Ю.С. Худяков[1, 2], А.Ю. Борисенко[2], О.А. Солтобаев[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына
E-mail: khudjakov@mail.ru

Железные наконечники стрел из музея имени В.А. Лапко в селе Новониколаевка в Кыргызстане*

В статье исследуются железные наконечники стрел из собрания историко-краеведческого народного музея им. В.А. Лапко в с. Новониколаевка Чуйской обл. Республики Кыргызстан. Все исследуемые стрелы были в разное время обнаружены в с. Новониколаевка и его окрестностях. По сечению и форме пера наконечники из состава исследуемой коллекции классифицированы на несколько групп и типов. В результате изучения подобных наконечников из памятников средневековых кочевников на сопредельных территориях Центрально-Азиатского региона удалось обосновать хронологию и определить функциональное назначение разных типов стрел из состава изучаемой коллекции. Все стрелы из данной коллекции отнесены к эпохе развитого Средневековья. Среди них выделены бронебойные наконечники и стрелы, которые предназначены для поражения противников, не защищенных металлическими доспехами.

Ключевые слова: *Кыргызстан, Чуйская область, Новониколаевка, народный музей, эпоха Средневековья, коллекция оружия, железные наконечники стрел.*

Yu.S. Khudyakov[1, 2], A.Yu. Borisenko[2], O.A. Soltobaev[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Kyrgyz National University
E-mail: khudjakov@mail.ru

The Iron Tips of Arrows from the V.A. Lapko Museum in the Novonikolayevka Village in Kyrgyzstan

In the article the iron tips of arrows from collection of historical and V.A. Lapko regional ethnographical popular museum in the Novonikolayevka village in the Chuy Region of the Republic of Kyrgyzstan are examined. All the arrows were discovered at different times in the Novonikolayevka village and it outskirts. Tips from the composition of studied collection are classified of several groups and types. We were able to ground the chronology and determine the functional purpose of different types of arrows from the composition of studied collection as a consequence of studying of similar tips from the medieval nomads monuments in the contiguous territories of Central Asian region. All the arrows from this collection are related to the era of the High Middle Ages. The amour-piecing tips and arrows among them are singled out, that are meant for shooting against the enemies, unprotected with the metallic armour.

Keywords: *Kyrgyzstan, Chuy Region, Novonikolayevka, popular museum, era of the Middle Ages, collection of weapon, iron tips of arrows.*

В ходе экспедиционной поездки летом 2016 г. в северо-западной части Чуйской обл. Республики Кыргызстан авторами данной статьи были осмотрены некоторые древние памятники и археологические находки из музейной коллекции поблизости от расположенных в этом районе населенных пунктов.

Во время посещения с. Новониколаевка были изучены предметы вооружения древнего и средне-

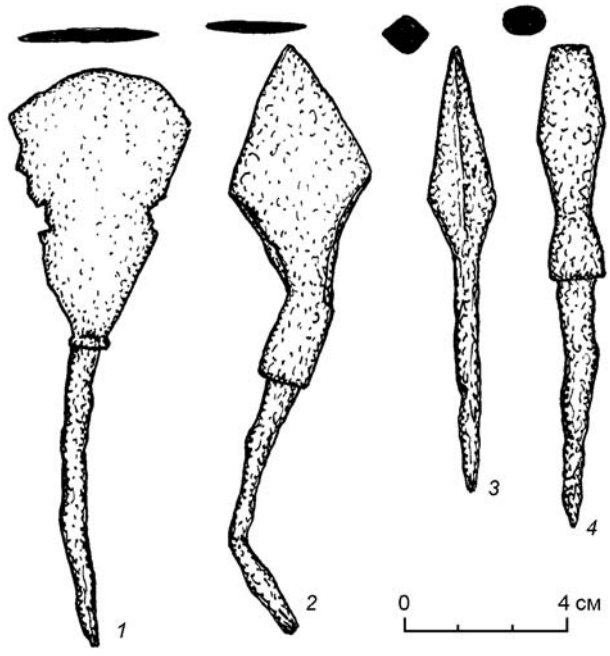
*Работа выполнена по проекту «История военного дела древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии» по договору 25.01.16, поддержанному Межгосударственной корпорацией развития.

векового населения Кыргызстана в историко-краеведческом народном музее, названном в честь его основателя, краеведа В.А. Лапко, который работал учителем истории в средней школе этого села. С 1963 г. он организовал местных школьников для осмотра археологических памятников и сбора подъемного материала [Табалдиев, 2016, с. 356–357].

Среди различных предметов бронзового и железного оружия, которые хранятся в этом музейном собрании, представлено несколько железных предметов, которые могут быть отнесены к вооружению средневековых кочевых этносов Чуйской долины. К их числу относятся железные наконечники стрел, сабля, наконечники и обломанная втулка копий, конический вток, проушный топор. В экспозиции и во дворе музейного комплекса установлены оригинальные антропоморфные каменные изваяния, которые могут относиться к культуре древних тюрок.

В составе изучаемой коллекции обнаружено несколько железных наконечников стрел, которые удалось исследовать. По сведениям, полученным от местных жителей, все эти находки были обнаружены в черте с. Новониколаевка и его окрестностях.

По материалу изготовления все наконечники из состава анализируемой коллекции относятся к одному классу – железных. По способу насада все они входят в один отдел – черешковых наконечников. По сечению пера среди них выделяется несколько групп.



Железные наконечники стрел из музея им. В.А. Лапко в с. Новониколаевка.

1 – группа I, тип 1; *2* – группа I, тип 2; *3* – группа II, тип 1; *4* – группа III, тип 1.

Группа I. Плоские наконечники. Представлена двумя типами.

Тип 1. Секторные. Включает 1 экземпляр. Длина пера 5 см, ширина 3,1 см, длина черешка 5,3 см. Наконечник с округлым острием, секторным пером, пологими плечиками, выделенным упором, удлиненным черешком (см. *рисунок*, *1*).

Подобные наконечники с плоским в сечении пером секторной формы были обнаружены в памятниках кочевников эпохи развитого Средневековья, в могильниках Секи I, Туура-Суу, Чап XI–XIV вв. на Тянь-Шане [Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 109; Табалдиев, 1996, с. 120; рис. 38; 40, *7*]. Плоские секторные наконечники встречаются в составе сопроводительного инвентаря в памятниках енисейских кыргызских воинов монгольского времени на территории Минусинской котловины и Тувы [Худяков, 1997, с. 9]. В этот же период использовали для стрельбы стрелы с плоскими секторными наконечниками и кыргызские кыштымы [Худяков, Ким, 2001, с. 60]. Значительно раньше, в течение завершающего периода эпохи раннего Средневековья, приняли на вооружение стрелы с железными плоскими наконечниками секторной формы кочевники Забайкалья [Худяков, 1991, с. 36]. Вероятнее всего, в Притяньшанье подобные стрелы могли быть привнесены монгольскими воинами в эпоху завоеваний Великой Монгольской империи. В этот период они были одной из наиболее распространенных форм плоских наконечников стрел монгольских воинов [Там же, с. 111]. В монгольскую эпоху они стали применяться повсеместно на сопредельных территориях Центральной Азии, а также в Саяно-Алтае и Казахстане [Худяков, 1997, с. 47, 66, 82, 96, 108].

Тип 2. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экземпляр. Длина пера 4,4 см, ширина 2,5 см, длина черешка 4,8 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками, выделенной шейкой с упором, удлиненным черешком. Шейка и верхняя часть черешка отогнуты в одну сторону, нижний конец черешка отогнут в противоположную сторону (см. *рисунок*, *2*).

Подобные наконечники стрел с плоским, удлиненно-ромбическим пером применялись кочевниками Тянь-Шаня в эпоху развитого Средневековья. Наконечник такой формы был обнаружен в составе сопроводительного инвентаря воина, погребенного в могильнике Бел-Саз I на Тянь-Шане [Табалдиев, Солтобаев, 1995, с. 109–110; рис. 5, *6*; Табалдиев, 1996, с. 120]. В Центрально-Азиатском регионе подобные стрелы с плоскими удлиненно-ромбическими наконечниками появились на вооружении еще у хуннских воинов и древних номадов Саяно-Алтая [Худяков, 1986, с. 32–33, 54, 73, 92]. В эпоху ранне-

го Средневековья близкие по форме стрелы изредка применялись древними тюрками, кимаками, курыканами, байырку и шивэй [Худяков, 1986, с. 147, 186; Худяков, 1991, с. 12, 36, 54]. В эпоху развитого Средневековья плоские удлиненно-ромбические наконечники были на вооружении у киданей, восточных кыпчаков и монголов [Худяков, 1991, с. 76, 113; Худяков, 1997, с. 109]. Вполне вероятно, что на Тянь-Шань такие наконечники были принесены монгольскими воинами в период завоевания Средней Азии Монгольской империей в XIII в.

Группа II. Четырехгранные наконечники. Представлена одним типом.

Тип. 1. Удлиненно-ромбические. Включает 1 экземпляр. Длина пера 3,5 см, ширина пера 1,2 см, длина черешка 4,2 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, без упора, с удлиненным черешком (см. *рисунок*, *3*).

Железные бронебойные наконечники с четырехгранным в сечении пером стали применяться на Тянь-Шане в хунно-сяньбийскую эпоху воинами кенкольской культуры [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84–85]. Отдельные находки железных четырехгранных стрел в этом регионе относятся к культуре западных тюрок [Борисенко и др., 2006, с. 78]. В памятниках кочевников эпохи развитого Средневековья подобных наконечников не выявлено [Табалдиев, 1996, рис. 38]. Очень близкие по конструкции четырехгранные наконечники стрел удлиненно-ромбической формы были найдены на поверхности Буранинского городища и в его окрестностях и экспонируются в музее Башня Бурана. Это памятник определен как средневековый город Баласагун. Вероятнее всего эти наконечники должны относиться ко времени существования этого города в эпоху развитого Средневековья [Худяков и др., 2013, с. 218–219].

Схожие по конструктивным особенностям четырехгранные в сечении бронебойные наконечники в Центрально-Азиатском регионе впервые стали использоваться хуннскими воинами [Худяков, 1986, с. 31]. В эпоху раннего Средневековья близкие по конструктивным особенностям четырехгранные наконечники стрел были на вооружении у древних тюрок, уйгуров, кимкаков, енисейских кыргызов [Худяков, 1980, с. 91–92; Худяков, 1986, с. 146, 171, 186]. В эпоху развитого Средневековья подобные наконечники были на вооружении у монгольских воинов и кочевников Тувы [Худяков, 1991, рис. 62, 12; Худяков, 1997, с. 48].

Группа III. Линзовидные наконечники. Представлена одним типом.

Тип 1. Боеголовковые томары. Включает 1 экземпляр. Длина пера 4,2 см, ширина 1,3 см, длина черешка 4,5 см. Наконечник с тупым острием, выделенной боевой головкой с пологими плечиками, укороченной шейкой с упором, удлиненным черешком (см. *рисунок*, *4*).

Железные наконечники стрел с близким по форме, овальным в сечении пером, однако несколько иной, удлиненно-ромбической формы стали употребляться на Тянь-Шане западными тюрками в эпоху раннего Средневековья [Борисенко и др., 2006, с. 78]. В последующую эпоху развитого Средневековья на территории Кыргызстана применялись наконечники с линзовидным в сечении пером боеголовковой формы [Табалдиев, 1996, с. 120; Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2014, с. 200]. В средневековых памятниках Притяньшанья боеголовковые наконечники с тупым острием ранее не встречались.

В памятниках средневековых кочевников Центрально-Азиатского региона, включая Саяно-Алтай, подобные наконечники встречались достаточно редко. В хунно-сяньбийское время стрелы с линзовидными в сечении наконечниками и тупым острием употреблялись кочевниками кокэльской культуры в Туве [Худяков, 1986, с. 71]. В эпоху раннего Средневековья подобные стрелы в комплексах кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии не зафиксированы. В период развитого Средневековья наконечники с линзовидным в сечении пером, различных форм, были на вооружении у киданей, монголов, уйгуров и восточных кыпчаков [Худяков, 1991, с. 75, 114; Худяков, 1997, с. 81–82, 109]. Вероятно, исследуемый наконечник из Чуйской долины, судя по широкому распространению стрел с линзовидным сечением пера, можно отнести к эпохе развитого Средневековья.

Изученная коллекция железных стрел из собрания историко-краеведческого музея в с. Новониколаевка содержит разнотипный набор наконечников, большая часть которых может быть отнесена к комплексу боевых средств населения Притяньшанья в эпоху развитого Средневековья. В этот исторический период на территории Чуйской долины и всего Среднеазиатского региона происходили драматические события военной истории, связанные с завоевательными походами войск Монгольской империи и образованием Чагатайского улуса.

Список литературы

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Вооружение западных тюрок // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. – С. 70–86.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древне-

го населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш. Народный музей им. Лапко // Энисайдык данакер этнограф: Хакас элинин чыгаан этнографы, тарых илимдеринин доктору, профессор Виктор Яковлевич (Астайбек) Бутанаевдин 70 жылдык мааркесине арналган жыйнак. – Бишкек: MaxPrint басмасы, 2016. – С. 355–359.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Предметы вооружения из погребений Центрального Тянь-Шаня (I половина II тысячелетия н.э.) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 108–124.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Коллекция средневекового оружия из музея «Манас ордо» в Таласской долине Кыргызстана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 197–208.

Худяков Ю.С. Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., Акматов К.Т. Коллекция железных наконечников стрел в собрании древностей музея Башня Бурана в Кыргызстане // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 214–220.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – С. 50–75.

References

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Voorujenie zapadnykh turok. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoria, filologia*, 2006, vol. 5, iss. 3: Archeologia i etnographia, pp. 70–86 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Voorujenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Voorujenie srednevekovykh kochevnikov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986, 268 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Voorujenie centralno-azuatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekovia. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Voorujenie kochevnikov Yujnoi Sibiri i Centralnoi Azii v epokhu razvitogo srednevekovia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, 169 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova J. Kollekcia srednevekovogo orujia iz muzeya Manas Ordo v Talasskoi doline Kyrgyzstana. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoria, filologia.* 2014, vol. 13, iss. 5: Archeologia i etnographia, pp. 197–208 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Tabaldiev K.Sh., Akmatov K.T. Kollekcia jeleznykh nakonechnikov strel v sobranii drevnostei muzeia Bachnia Burana v Kirgizstane. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoria, filologia*, 2013, vol. 12, iss. 5: Archeologia i etnographia, pp. 214–220 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Kim S.A. Voorujenie kyrgyzskikh kyshtymov. In *Voprosy voennogo dela i demographii Sibiri v epokhu srednevekovia*. Novosibirsk: State Univ. Press, 2001, pp. 50–75 (in Russ.).

Kojomberdiev I.K., Khudyakov Yu.S. Complex voorujenia kenkolskogo voina. *Voennoie delo drevnego naselenia Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 75–106 (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tien-Chania. Bichkek: Aibek, 1996, 256 p. (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Narodnii muzei im. Lapko. In *Enisaidik danaker etnograph: Khakas elinin chigaan etnographi, tarikh ilimderinin doktoru, professor Viktor Jakovlevich (Astaibek) Butanaevdin 70 jyldik maarakesine arnalgan jiinak.* Bishkek: MaxPrint basmasy, 2016, pp. 355–359 (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Predmety voorujenia iz pogrebenii Centralnogo Tien-Shania (I polovina II tisjacheletia n.e.). In *Voennoie delo i srednevekovaia arkheologia Centralnoi Azii*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, pp. 108–124 (in Russ.).

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1, 2], Ж. Орозбекова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Фрагмент кольчуги из памятника кенкольской культуры Акчий-Карасу в Кыргызстане

В статье анализируется фрагмент кольчуги, обнаруженный в предшествующие годы кыргызскими археологами на памятнике кенкольской культуры Акчий-Карасу в Кыргызстане. Приведена краткая история изучения кенкольских археологических памятников на территории Кыргызстана. Рассмотрены обнаруженные в кенкольских археологических комплексах разнообразные предметы наступательного и защитного вооружения. Проанализирована система соединения железных колец в составе исследуемого фрагмента кольчужного защитного покрытия из могильника Акчий-Карасу. Определена хронология использования кольчатых доспехов воинами кенкольской культуры в Среднеазиатском регионе.

Ключевые слова: *Кыргызстан, кенкольская культура, памятник Акчий-Карасу, древние кочевники, защитное вооружение, кольчуга.*

Yu.S. Khudyakov[1, 2], Zh. Orozbekova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

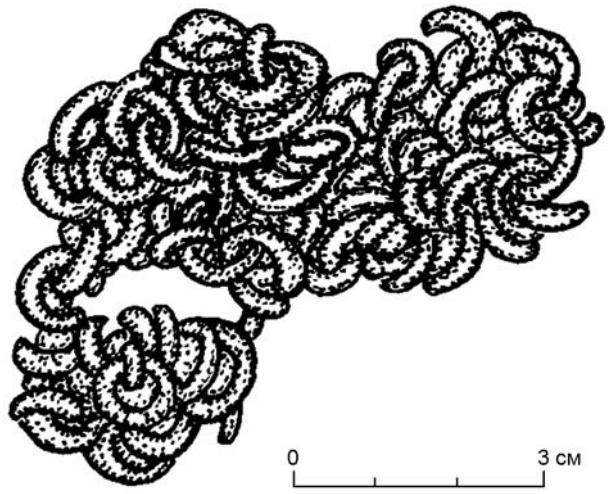
Fragment of Chain Armour from the Monument Akchi-Karasu of Kenkol Culture in Kyrgyzstan

In the article the finding of chain armour fragment is analyzed, discovered by the Kyrgyz archaeologists at the Kenkol culture monument Akchi-Karasu in Kyrgyzstan in the previous times. The primary events of history of Kenkol archaeological monuments studying in the territory of Kyrgyzstan are considered. The multifarious objects of offensive and protective armament are studied, discovered in Kenkol archaeological complexes. The finding of chain armour fragment from the Kenkol culture burial ground Akchi-Karasu are investigated, excavated by the Kyrgyz archaeologists in the previous times. The system of iron rings connections in the composition of investigated fragment of chain armour protective coating is analyzed. The chronology of annulated armour utilization by the Kenkol culture warriors in Central Asian region is determined.

Keywords: *Kyrgyzstan, Kenkol culture, monument Akchi-Karasu, ancient nomads, protective armament, chain armour.*

Одним из наиболее высокоразвитых оружейных комплексов среди кочевых племен Центрально-Азиатского региона в хунно-сяньбийскую эпоху обладали древние номады кенкольской культуры, памятники которой распространены на Тянь-Шане, в Семиречье, в Восточном Туркестане и некоторых районах Казахстана. В предшествующие десятилетия XX в. предметы вооружения из памятников кенкольской культуры неоднократно привлекали внимание отечественных исследователей. Некоторые находки оружия из Кенкольского могильника в Таласской долине были проанализированы А.Н. Бернштамом, который отнес этот памятник к культуре гуннов, мигрировавших с восточных районов Центральной Азии на территорию Среднеазиатского региона в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. [Бернштам, 1940, с. 29–30]. Исследователь отметил, что в процессе раскопок захоронений воинов, изученных в верховьях р. Талас, были обнаружены луки и стрелы [Бернштам, 1941, с. 45]. В дальнейшем им были изучены и другие погребальные памятники этой культуры, в кото-

рых были обнаружены некоторые виды оружия [Бернштам, 1952, с. 62]. Однако в 1956 г. археологические материалы кенкольской культуры иначе интерпретировал С.С. Сорокин, изучавший подбойные и катакомбные памятники Средней Азии. Он пришел к заключению, что они должны принадлежать не гуннам, а древним среднеазиатским кочевым племенам. В процессе этого исследования им были рассмотрены некоторые формы костяных наконечников стрел из кенкольских памятников [Сорокин, 1956, с. 10–14]. В дальнейшем изучением памятников кенкольской культуры занимался известный кыргызский археолог И.К. Кожомбердиев. В ходе проведенных им раскопок в разных районах Кыргызстана были обнаружены разнообразные предметы наступательного и защитного вооружения. Он датировал эти комплексы первой половиной I тыс. н.э. и предположил, что их появление связано с расселением в Среднеазиатском регионе гуннских кочевых племен. Результаты его и предшествующих исследований нашли отражение в обобщающем труде по истории Кыргызстана [История, 1968, с. 79–88]. Совершенно по-другому датировал кенкольские памятники А.К. Амброз, который отнес их началу эпохи раннего Средневековья и определил принадлежность данной культуры не гуннам, а древним тюркам в период существования в степях Евразии Первого Тюркского каганата [Амброз, 1981, с. 21–22]. В работах Ю.А. Заднепровского были рассмотрены проблемы этнической принадлежности носителей культур усуньского периода, в т.ч. кенкольской культуры. По его оценке в подбойных и катакомбных памятниках были погребены люди монголоидного и метисного расового облика, которые относились к усуньским и юэчжийским древним кочевым племенам [Заднепровский, 1971, с. 32–33]. Среди подбойных и катакомбных погребений Средней Азии им были выделены комплексы «катакомбной группы», которые, согласно его определению, распространены на Тянь-Шане, в Ферганской долине и Ташкентском оазисе [Заднепровский, 1975, с. 161–162]. Памятники кенкольского типа были исследованы и на территории Казахстана. Отдельные находки подобных археологических комплексов выявлены в степном Алтае [Уманский, 1978, с. 157–163]. В конце 1980-х гг. находки предметов вооружения из раскопок нескольких памятников кенкольской культуры на территории Кыргызстана были проанализированы в совместной обобщающей статье И.К. Кожомбердиева и одного из авторов настоящей статьи. В этой работе были исследованы некоторые предметы вооружения из могильника Акчий-Карасу [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78, 81–82, 84–85, 92–93, 95, 97]. В данной работе был предпринят опыт типологической классификации по формальным признакам различных видов наступательного оружия дистанционного и ближнего боя, а также средств индивидуальной металлической защиты, на основе которой был реконструирован комплекс вооружения кенкольского тяжеловооруженного конного воина [Там же, с. 78–101]. В статье было уделено внимание разным типам панцирей и кольчугам, которые имелись на вооружении у кенкольских воинов. Согласно заключению авторов статьи, плетение кольчатых доспехов производилось по системе, при которой в каждое кольчужное кольцо продевалось по четыре других кольца [Там же, с. 97–98; рис. 11, 7]. Наряду с небольшим фрагментом кольчуги, проанализированном в рамках комплекса вооружения кенкольского воина, в материалах из раскопок памятников кенкольской культуры на территории Притяньшанья представлены и другие подобные находки.



Фрагмент кольчуги из памятника Акчий-Карасу.

В составе коллекции предметов защитного вооружения из могильника Акчий-Карасу в Кыргызстане, который исследован И.К. Кожомбердиевым, наряду с изученными ранее деталями металлического защитного покрытия, имеется еще один, не привлекавшийся ранее для оружиеведческого анализа кольчужный обрывок, обнаруженный в процессе раскопок на этом памятнике. К сожалению, условия его обнаружения на этом могильнике выявить не удалось. Фрагмент представляет собой сравнительно небольшой, сильно поврежденный, спекшийся под воздействием коррозии обрывок кольчужного плетения. Судя по сохранившимся в его составе железным кольцам, они точно так же, как в составе ранее изученной части кольчужного доспеха, были соединены между собой по принципу четыре кольца в одно (см. *рису-*

нок). К сожалению, по данному небольшому фрагменту трудно определить, к какой именно части защитного кольчужного доспеха он мог относиться. Находка этого кольчужного обрывка свидетельствует о достаточно широком распространении кольчатых доспехов среди кенкольских воинов, которые применяли их для защиты, наряду с панцирными доспехами. Данная находка указывает на то, что кольчужные, так же как и панцирные доспехи, были представлены в погребениях кенкольских кочевников не единичными находками. Это свидетельствует о значительном распространении кольчатого защитного вооружения среди древних номадов Притяньшанья в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Не решен вопрос о месте изготовления кольчатых доспехов, которые использовались в качестве средств индивидуальной металлической защиты кенкольскими воинами. Вполне возможно, что кольчуги, как и другие виды наступательного и защитного вооружения, которые были в распоряжении древних кочевых воинов, изготавливались мастерами-оружейниками из городских и ремесленных центров Средней Азии, находившихся в зоне военно-политического влияния кенкольских племен.

Список литературы

Амброз А.К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. – Л., 1940. – Вып. 2. – 34 с.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе: Изд-во Комитета наук при Совете народных комиссаров Киргизской ССР. 1941. – Вып. IV. – 112 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – № 26. – 346 с.

Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. X. – С. 27–36.

Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 159–167.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. I. – 708 с.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 3–14.

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 129–163.

References

Ambroz A.K. Kochevnicheskie drevnosti Vostochnoi Evropi I Srednei Azii V–VIII vv. In *Stepi Evrazii v epolhu srednevekovia. Arlheologia SSSR*. Moskow, Nauka, 1961, pp. 10–23 (in Russ.).

Bernshtam A.N. Kenkolskii mogilnik. In *Archeologicheskie expedicii Gosudarstvennogo Ermitaja*. Leningrad, 1940, iss. 2, 34 p. (in Russ.).

Bernshtam A.N. Archeologicheskii ocherk Severnoi Kirgizii. Frunze: Komitet pri Sovete narodnyh komissarov Kirgizskoi SSR Publ., 1941, iss. IV, 112 p. (in Russ.).

Bernshtam A.N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Centralnogo Tian-Shania I Pamiro-Alaia. In *Materiali i issledovania po arkheologii SSSR*. Moskow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, No. 26, 346 p. (in Russ.).

Zadneprovskii Yu.A. ob etnicheskoi prinadlejnosti pamjatnikov kochevnikov Semirichja usunskogo perioda II v. do n.e. – V v. n.e. In *Strani i narodi vostoka*. Moscow: Nauka, 1971, iss. X, pp. 27–36 (in Russ.).

Zadneprovsii Yu.A. Opit regionalnoi klassifikacii pogrebalnikh pamjatnikov kochevnikov Srednei Azii drevnego perioda (II v. do n.e. – VI v. n.e.). In *Stranitci istorii i materialnoi kulturi Kirgizstana*. Frunze: Ilim, 1975, pp. 159–167 (in Russ.).

Istoria Kirgizskoi SSR. Frunze: Kirgizstan, 1968, vol. I, 708 p. (in Russ.).

Kojomberdiev I.K., Khudiakov Yu.S. Komplex voorujenia kenkolskogo voina. In *Voennoie delo drevnego naselenia Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 75–106 (in Russ.).

Sorokin S.S. O datirovke i tolkovanii Kenkolskogo mogilnika. In *Kratkie soobsheia Instituta istorii materialnoi kulturi*, 1956, iss. 64, pp. 3–14 (in Russ.).

Umanskii A.P. Pogrebenie epokhi velikogo pereselenia narodov na Charishe. In *Drevnie kulturi Altaia i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1978, pp. 129–163 (in Russ.).

УДК 903.2.393

Ю.С. Худяков[1, 2], К.Ш. Табалдиев[3], С.Г. Скобелев[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
E-mail: khudjakov@mail.ru

Железный наконечник стрелы редкой формы из Южного Кыргызстана*

В статье исследуется редкая для Кыргызстана находка плоского железного наконечника стрелы с железным шариком с двумя отверстиями – свистункой. Этот наконечник был обнаружен в Баткенской области на юге Кыргызской Республики. Схожие по конструкции железные наконечники с железными шариками-свистунками в предшествующие десятилетия были обнаружены в курганах енисейских кыргызов в Южной Сибири, которые датируются периодами развитого и позднего Средневековья. Находка наконечника стрелы с железным шариком может свидетельствовать о том, что предки современных кыргызов принесли с собой подобные стрелы, когда мигрировали на Тянь-Шань со Среднего Енисея. Судя по этой находке кыргызы, оказавшиеся на территории южной части современного Кыргызстана, продолжали использовать некоторые традиционные виды оружия в первой половине II тыс.

Ключевые слова: *Кыргызстан, Баткенская область, редкая находка, железный наконечник стрелы, железный шарик с отверстиями – свистунка.*

Yu.S. Khudyakov[1, 2], K.Sh. Tabaldiev[3], S.G. Skobelev[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Kyrgyz-Turkish Manas University
E-mail: khudjakov@ mail.ru

The Iron Tip of Arrow of the Rare Form from Southern Kyrgyzstan

In the article the finding, rare for Kyrgyzstan, of flat iron tip of arrow with the iron small balls with two apertures is researched. This tip was found out in Batken Region in the South of the Kyrgyz Republic. The iron tips of analogous construction, with the iron small balls, were found out in the burial mounds of the Yenisei Kyrgyz in Southern Siberia in the previous decades. They are dated by periods of the High and Late Middle Ages. The finding of tip of arrow with the iron small ball can testify that the ancestors of the modern Kyrgyz people brought with them the similar arrows, when they migrated to Tian Shan from the valley of middle Yenisei River. Judging by that finding the Kyrgyz people, appeared in the territory of southern part of modern Kyrgyzstan, continued to utilize some of traditional sorts of weapon in the 1st half of the 2nd millennium AD.

Keywords: *Kyrgyzstan, Batken Region, rare finding, iron tip of arrow, iron small ball with apertures.*

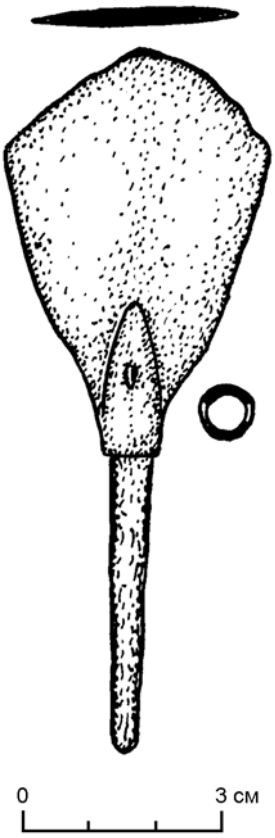
Во время пребывания в г. Бишкеке в сентябре 2015 г. авторам настоящей статьи, при деятельном содействии известного кыргызского археолога К.Ш. Табалдиева, удалось ознакомиться с достаточно редкой на территории современного Кыргызстана археологической находкой – железным черешковым наконечником стрелы, снабженным железным шариком-свистункой, который встроен в основание пера. Наконечник был обнаружен в окрестностях с. Ак-Турпак, в Баткенской области на юге Республики Кыргызстан местным жителем, любителем старины и руководителем туристической фирмы Х. Момуновым. Длина пера данного наконечника 6 см, ширина пера 3,8 см, длина черешка 4,5 см. Дли-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

на встроенного шарика 2,3 см, его поперечный диаметр 0,9 см. Наконечник с тупоугольным острием, плоским широким пером асимметрично-ромбической формы, с пологими плечиками, упором, встроенным в нижнюю часть пера, а также с полой, приостренной в верхней части, железной свистункой овальной формы с двумя узкими, щелевидными отверстиями (см. *рисунок*). Насколько известно, подобное изделие было обнаружено на территории Южного Кыргызстана впервые.

Ранее наконечники стрел с железными шариками с отверстиями неоднократно находили в ходе раскопок курганов культуры енисейских кыргызов на территории Минусинской котловины, которые относятся к эпохам развитого и позднего Средневековья. Железный трехлопастной наконечник стрелы удлиненно-ромбической формы с «цельносварной овальной полой свистулькой с тремя отверстиями» был обнаружен в кыргызском кургане № 6 с погребением по обряду кремации на могильнике Кизек-Тигей в долине р. Аскиз на юге Хакасии. В данном кургане эта находка была единственной [Кызласов, 1975, с. 198]. Железный трехлопастной овально-крылатый наконечник с овальным острием, широкими лопастями, выступающими крыльями, покатыми плечиками и встроенным шариком с отверстиями был случайно обнаружен в Минусинской котловине. В свое время он был отнесен Ю.С. Худяковым к эпохе развитого Средневековья [Худяков, 1980, с. 82; табл. 9]. Схематичные прорисовки трехлопастных стрел с железными шариками-свистунками из памятников Кизек-Тигей и Эйлиг-Хем III из Минусинской котловины и Тувы приведены в книге И.Л. Кызласова, вышедшей в свет в 1983 г. [Кызласов, 1983, табл. XIX, *1*, *2*]. По его мнению, подобные наконечники восходят к предшествующим «типам IX –X вв.» [Там же, с. 38].

Два железных трехлопастных наконечника удлиненно-шестиугольной формы и один трехлопастной наконечник удлиненно-треугольной формы с железными шариками-свистунками с округлыми отверстиями, три плоских наконечника асимметрично-ромбической и один шестиугольной формы с железными шариками-свистунками и отверстиями округлой и овальной формы были обнаружены в ходе раскопок в кыргызском кургане № 2 с захоронением по обряду кремации на могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III) в Туве. Они опубликованы в монографическом исследовании А.Д. Грача, Д.Г. Савинова, Г.В. Длужневской о енисейских кыргызах в центре Тувы [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 22, 23; табл. VIII, *2*, *3*, *6*, *19–21*]. Помимо наконечников стрел с железными свистунками в этом кургане были об-



Железный плоский наконечник стрелы со встроенной железной свистункой из с. Ак-Турпак в Южном Кыргызстане.

наружены обычные трехлопастные, трехгранно-трехлопастные и плоские железные наконечники разных форм [Там же, табл. VIII, *1*, *11*, *12*, *27*, *29*]. Данный памятник был отнесен к концу X – началу XI вв. [Там же, с. 44]. Еще два плоских наконечника стрелы с железными свистунками было найдено в процессе раскопок кыргызских курганов с погребениями по обряду кремации на позднесредневековом могильнике Коя I в долине одноименной реки в Минусинской котловине С.Г. Скобелевым [2015, с. 308–310]. Один из этих наконечников из раскопанного кургана № 7 на данном памятнике имеет плоское в сечении перо с пологим ребром жесткости по вертикальной оси, треугольным острием, крылатым пером, пологими плечиками, встроенной в нижнюю часть пера овальной железной свистункой с двумя парами отверстий и упором. Помимо этой находки в данном кургане были обнаружены и другие предметы сопроводительного инвентаря [Там же, с. 308]. Другой наконечник из кургана № 10 на могильнике Коя I имеет овальное острие, плоское овально-крылатое перо с вертикально расположенными боковыми сторонами и пологими плечиками, с упором и удлиненной

полой железной свистункой с округлыми отверстиями. В этом кургане, кроме данной находки, были и другие предметы сопроводительного инвентаря [Там же, с. 308–309]. По мнению автора раскопок, такие наконечники не предназначались для поражения противника в бою, а могли относиться к числу символических, парадных и ритуальных стрел, которые рассылались по подвластным землям для сбора воинов в состав войска, или символизировать передачу посланий и принятие вассальных отношений среди тюркских и монгольских народов Сибири [Там же, с. 309–410].

Среди находок стрел с железными свистунками с территории Саяно-Алтая прослеживается наибольшее сходство между наконечником из Ак-Турпака и стрелой с плоским пером и встроенной свистункой с отверстиями из кургана № 7 могильника Коя I. Отличие наблюдается только в наличии ребра жесткости и бóльшего количества отверстий на свистунке у наконечника с памятника Коя I [Там же, рис. 1]. Судя по приведенным выше аналогам из кыргызских памятников Саяно-Алтая, находка из Ак-Турпака должна относиться к культуре кыргызов, освоивших горы Тянь-Шаня в периоды развитого и позднего Средневековья. Согласно аналогам из раскопок разновременных кыргызских курганов Южной Сибири, железные наконечники стрел с железными свистунками впервые появились на вооружении у кыргызских воинов в Туве на рубеже I и II тыс. По мнению исследователей кыргызского памятника Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III), «цельнокованные металлические шарики-свистунки очевидно, появляются позже», в XI–XII вв., по аналогии с находкой из Кизек-Тигей, которая датирована этим же периодом [Кызласов, 1975, с. 198; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 22]. Вероятно, появление достаточно сложных в изготовлении, полых железных шариков с отверстиями – свистунок на наконечниках стрел было связано с развитием у енисейских кыргызов воинских традиций и культов в рамках военно-дружинной идеологии вследствие длительной войны с уйгурами в IX–X вв. В дальнейшем изготовление и применение железных свистунок получило некоторое распространение среди енисейских кыргызских воинов в первые века II тыс., в период существования кыргызских княжеств в Саяно-Алтае. Судя по находкам из могильника Коя I, такие наконечники стрел продолжали использоваться енисейскими кыргызскими лучниками вплоть до позднего Средневековья [Скобелев, 2015, с. 310]. Известно, что при объявлении войны енисейские кыргызы в эпоху позднего Средневековья посылали противникам в качестве символической угрозы свои стрелы [Бахрушин, 1955, с. 184]. В наборе оружия дистанционного боя енисейских кыргызских воинов в эту эпоху были на вооружении стрелы с железными наконечниками разных форм. Некоторые из наконечников стрел были снабжены костяными шариками с отверстиями – свистунками [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 58–59]. По мнению Ю.А. Плотникова, наличие в составе комплексов вооружения разных народов Сибири и Центральной Азии различных форм железных стрел с фигурными отверстиями в лопастях свидетельствует о стремлении «придать абрису наконечника сходство с личиной», тем самым этот вид оружия делается «всевидящим» [Плотников, 2001, с. 83–84]. Вполне возможно, что изготовление кыргызскими мастерами-оружейниками железных наконечников стрел со встроенными железными шариками-свистунками было продиктовано схожими представлениями. Обнаружение такого плоского железного наконечника с железной свистункой является важным свидетельством конструктивного сходства данного типа стрел в составе комплексов оружия дистанционного боя кыргызов Енисея и Тянь-Шаня.

Список литературы

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Науч. тр. Избр. работы по истории Сибири XVI–XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III, ч. 2. – С. 176–224.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 288 с.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М.: Фундамента-Пресс, 1998. – 84 с.

Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 193–211.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Археология СССР: Свод археологических источников. – М.: Наука, 1983. – Вып. Е3-18. – 128 с.

Плотников Ю.А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – С. 79–95.

Скобелев С.Г. Наконечники стрел крылатой формы с железными свистунками у енисейских кыргызов // Кыргызский и Караханидский каганаты: Благодатные знания и государство: Сб. мат-лов IV междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1000-летию Жусупа Баласагына, великого мыслителя и поэта эпохи Караханидов, 18–19 сентября 2015 г. – Бишкек: Maxprint, 2015. – С. 307–311.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

References

Bakhrushin S. V. Eniseiskie kirgizi v XVII v. In *Nauchnie trudi. Izbrannie raboti po istorii Sibiri XVI–XVII vv*. Moscow: AS USSR Publ., 1955, vol. III. iss. 2, pp. 176–224 (in Russ.).

Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Vzaimodeistvie turkskikh i mongolskikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekovie i Novoie vremia: Ucheb. posobie. Novosibirsk: State Univ. Press, 2010, 288 p. (in Russ.).

Grach A.D., Savinov D.G., Dlujnevskaya G.V. Enisejskie kyrgyzi v centre Tuvi (Eilig-Khem III kak istochnik po srednevekovoi istorii Tuvi). Moscow: Fundamenta-press, 1998, 84 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie enisejskih kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaya kultura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. In *Archeologia SSSR. Svod archeologicheskikh istochnikov*. Moscow: Nauka, 1983, iss. E3-18, 128 pp. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Kurgani srednevekovikh khakasov (askizskaia kultura). In *Pervobitnaia arkheologia Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1975, pp. 193–211 (in Russ.).

Plotnikov Yu.A. O naznachenii otverstii v lopastiakh strel. In *Voprosi voennogo dela i demographii Sibiri v epokhu srednevekovia*. Novosibirsk: State Univ. Press, 2001, pp. 79–95 (in Russ.).

Skobelev S.G. Nakonechniki strel krilatoi formi s jeleznimi svistunkami u eniseiskikh kyrgyzov. In *Kyrgyzskij i Karakhanidskii kaganati: Blagodatnie znania i gosudarstvo: Sbornik materialov IV mejdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjachennoi 1000-letiu Jusupa Balasagina, velikogo mislitelia i poeta epokhi Karakhanidov, 18–19 sentiabria 2015 g*. Bishkek: Maxprint, 2015, pp. 307–311 (in Russ.).

УДК 703.31.1

Д.В. Черемисин[1, 2], В.В. Казаков[2, 3], К.Б. Жумадилов[2] , В.С. Ковалев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: topsya@bk.ru

Картографирование петроглифов в долине реки Чаган (Южный Алтай)

Картографирование наскальных изображений невозможно без использования современных геоинформационных технологий. Программа построения интерактивной карты петроглифов долины р. Чаган с помощью компоненты Google Maps и программного интерфейса работы с ней Google Maps API реализована на памятнике Соок-Тыт. В результате создана база данных петроглифов комплекса, которая будет развиваться и пополняться. Предусмотрен режим ограниченного доступа к данным о петроглифах в целях их защиты. Другим результатом работ 2016 г. является моделирование участка местности с расположенной на нем скальной поверхностью с рисунками.

Ключевые слова: *Южный Алтай, Соок-Тыт, картографирование петроглифов, ГИС-технологии.*

D.V. Cheremisin[1, 2], V.V. Kazakov[2, 3], K.B. Zhumadilov[2], V.S. Kovalev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: topsya@bk.ru

Petroglyphs Mapping in Chagan Valley (Southern Altai)

Mapping of rock art is not possible without the use of modern GIS technologies. Construction of an interactive map of the petroglyphs of Chagan valley using components of Google Maps and software interface with Google Maps API was implemented on a monument Sook-Tyt. The result is a petroglyphs database, which will evolve and grow. A mode of limited access to data on petroglyphs in order to protect them is provided. Another result of the work in 2016 is a simulation plot terrain situated on a rocky surface it with drawings.

Keywords: *Southern Altai, Sook-Tyt site, mapping of petroglyphs, GIS technology.*

Из археологических памятников в предгорьях Южно-Чуйского хребта (Южный Алтай, Кош-Агачский р-н Республики Алтай) наиболее многочисленными являются петроглифы. Реки, берущие начало на ледниках, протекают в сторону Чуйской степи по полупустынной равнине, расположенной на высоте ок. 2 000 м над ур. м. С момента становления моделей природопользования, основанных на подвижном скотоводстве, эти пространства служили высокогорным пастбищем, благодаря ветрам и малоснежным зимам пригодным для развития отгонного скотоводства круглый год.

Названия многих урочищ данного района имеют археологическое содержание – это петроглифы Елангаша, Ирбисту, Ак-Кола, Кара-Оюка, Кускунура, курганы Кызыл-Джара и Талдуры. Известные географам с XIX в., петроглифы изучались здесь с 70-х гг. прошлого века. Для изучения петроглифов был создан Алтайский археологический отряд Института истории, филологии и философии СО РАН (Новосибирск). Под общим руководством академика А.П. Окладникова были проведены экспедиционные работы в течение 11 полевых сезонов с 1969 по 1979 г. [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 16].

Оценивая культурно-историческое значение памятника, исследователи отметили, что район, где расположены петроглифы, входил в зону становления самобытных культур, основой которых было кочевое скотоводство. Авторы датировали петроглифы начиная с эпохи бронзы (III–II вв. до н.э.)

до современности. Помимо многочисленных изображений эпохи бронзы, выделялся пласт рисунков эпохи раннего железного века, а также петроглифы древнетюркского времени («досакская», «сакская», «тюркская» хронологические группы) [Окладников и др., 1979, с. 9]. Исследования петроглифов в долине р. Елангаш были одной из первых попыток полного изучения материалов одного местонахождения в отечественной археологии. При этом важно, что сам памятник отличается дисперсностью, расположением скальных выходов с рисунками на большой площади, на разных берегах реки на протяжении нескольких километров.

Аналогичная ситуация зафиксирована в соседней с Елангашем долине р. Чаган. Разновременные петроглифы нанесены на скалы по берегам реки, на валуны, останцы и скальные выходы на высоких террасах на протяжении нескольких десятков километров. Практически все скальные выходы на пространстве до левого берега р. Ак-Кол несут на себе наскальные изображения разных эпох. Петроглифические памятники долины р. Чаган известны в археологической литературе под разными названиями – чаще всего упоминается скопление петроглифов, расположенное в 10 км от села Бельтир. Разными исследователями (Б.Х. Кадиков, С.И. Скрипин, В.А. Могильников, Е.А. Окладникова, В.Н. Елин, В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин) они ассоциировались с урочищами Кызыл-Джар, Ак-Кол, Кара-Оюк; иногда локальные названия объединялись общим – Чаганка [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 29, 51]. В ходе современных исследований удалось уточнить существование множества локальных памятников в длине р. Чаган на протяжении более двух десятков километров.

Одно из них, называемое местным населением Соок-Тыт, содержит наиболее многочисленные разновременные изображения, которые сконцентрированы на скалах, спускающихся к реке несколькими параллельными грядами. В ходе полевых исследований этого местонахождения сотрудниками ИАЭТ СО РАН и НГУ в 2016 г. была начата программа картографирования петроглифов р. Чаган. Современное изучение наскальных изображений требует использования достижений новейших геоинформационных технологий. Применение технологий ГИС в археологических исследованиях, а также в сфере культурного наследия на сегодняшний день сформировалось как самостоятельное междисциплинарное направление исследований.

ГИС не только реализует потребности картографирования данных в археологических исследованиях, но и решает задачи статистического, демографического анализа, выявления пространственных закономерностей. При этом, применение ГИС в археологии недостаточно развито, созданные проекты либо узкоспециализированы, либо давно не обновляются.

Для эффективного сохранения и представления данных о наскальных изображениях и их располо-

Рис. 1. Маркеры петроглифов местонахождения Соок-Тыт в интерфейсе разработанной информационной системы.

жении необходима развитая геоинформационная система, сопряженная с системой управления контентом, опубликованная в веб-доступе. При этом совершенная открытость баз данных по петроглифам Алтая в условиях отсутствия комплекса охранных мер (создания музеев-заповедников под открытым небом с режимом контролируемого культурного туризма) может привести к разрушению наиболее интересных образцов наскального искусства. Археологи не без оснований отказываются от публикации точных географических координат тех или иных исследованных петроглифических памятников – и компактных скоплений, возможно, относящихся к древним святилищам, и ансамблей изображений, рассредоточенных на большой площади.

Основными пользовательскими и техническими характеристиками создаваемой информационной системы должны быть следующие. Во-первых, необходим строгий режим доступа к просмотру информации в целях защиты памятников культуры от антропогенного воздействия. Режим доступа как к просмотру загруженного контента, так и процессу наполнения информацией предполагает добавление пользователей администратором системы вручную. Во-вторых, система должна хранить и отображать местоположения наскальных изображений на карте. В базе данных информационной системы предусмотрено хранение максимально подробной информации о петроглифах: фотография, описание изображенного сюжета, данные о технике нанесения фигур, графическая прорисовка, трехмерная модель, ссылки на публикации и т.п. В-третьих, информационная система должна предоставлять инструменты поиска и фильтрации

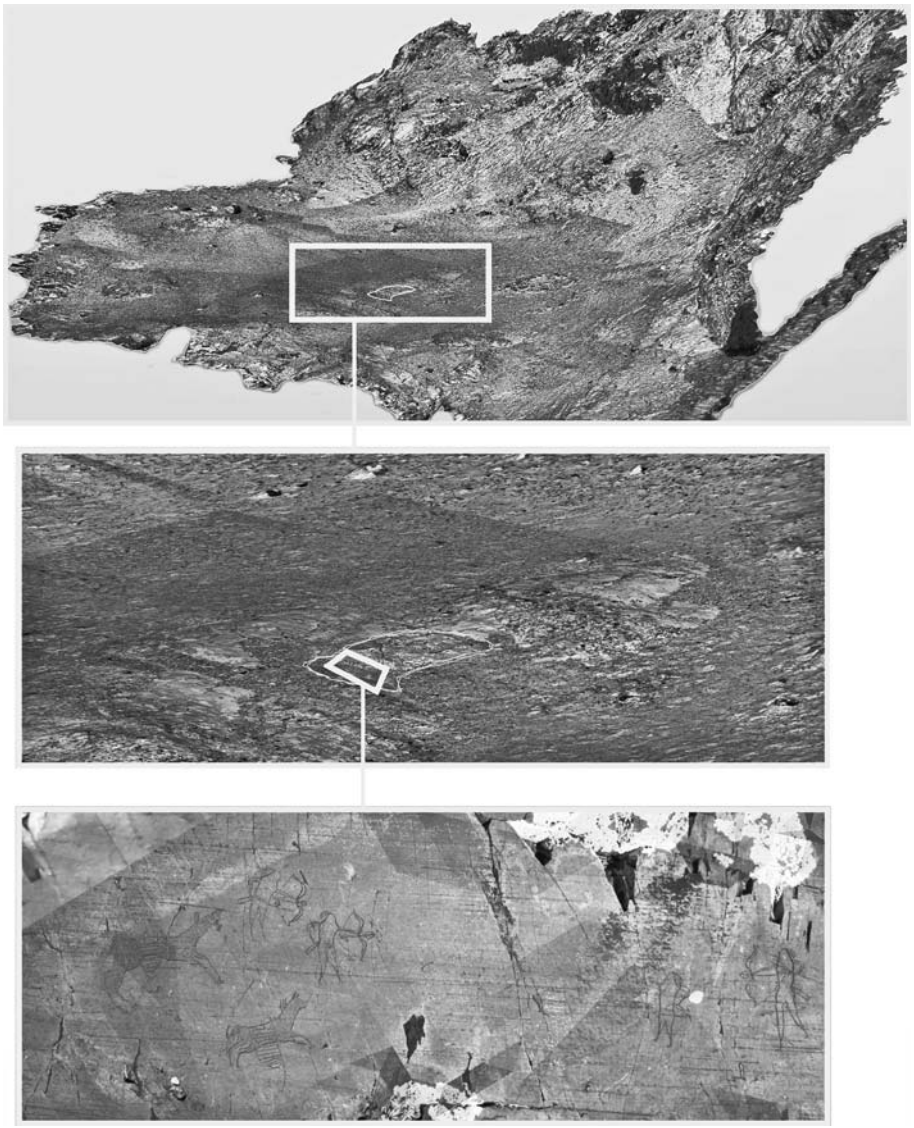


Рис. 2. Модель участка местности со скальной поверхностью с петроглифами, представленная в различных масштабах и проекциях.

по базе петроглифов на основе имеющихся атрибутов объектов: предусмотрен поиск по эпохам, по сюжетам, по технике нанесения фигур, по наличию разрушений, подновлений, палимпсестов и т.п.

Для создания такой информационной системы используется пул веб-технологий на основе сервера приложений с поддержкой языка программирования PHP и системы управления базами данных MySQL. Интерактивная карта реализована с помощью компоненты Google Maps и программного интерфейса работы с ней Google Maps API. В 2016 г. в систему была внесена информация о 100 петроглифах местонахождения Соок-Тыт на правом берегу р. Чаган, включая их местоположение, фотографии, описание и характеристики (рис. 1, 2). Одним из основных текущих направлений является поиск методов уточнения картографических данных для отдельных областей долины с возможностью отображать местоположения петроглифов на подробных географических картах, а также в трехмерном режиме представления рельефа местности.

На основе полученных данных о пространственном распространении петроглифов можно ставить вопросы о границах памятников наскального искусства, о связи петроглифов с другими компонентами археологического комплекса (в долине р. Чаган это курганы, стелы, места стоянок скотоводов), о наскальных «святилищах» и многие другие дискуссионные вопросы, связанные с интерпретацией петроглифов в контексте «археологических ландшафтов» (см., например: [Jacobson-Tepfer, Meacham, 2010; Буржуа и др., 2014]).

Список литературы

Буржуа Ж., Черемисин Д.В., Плетс Г., Дворников Э.П., Эбель А.В., Стихельбаут Б., Ван Хооф Л., Гейли В. Археологический ландшафт долины Джазатора (Алтай): памятники и петроглифы эпохи энеолита – этнографического времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 105–119.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: 1992. – 124 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 156 с.

Jacobson-Tepfer E., Meacham J. Archaeology and Landscape in the Mongolian Altai: An Atlas. – Redlands, California: ESRI Press, 2010. – 209 p.

References

Bourgeois J., Cheremisin D.V., Plets G., Dvornikov S.P., Ebel A.V., Stichelbaut B., van Hoof L., Gheyle W. Arheologicheskij landshaft doliny Dzhazatora (Altaj): pamjatniki i petroglify jepohi jeneolita – etnograficheskogo vremeni. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 4, pp. 105–119 (in Russ.).

Jacobson-Tepfer E., Meacham J. Archaeology and Landscape in the Mongolian Altai: An Atlas. Redlands, California: ESRI Press, 2010, 209 p.

Kubarev V.D., Matochkin E.P. Petroglify Altaja. Novosibirsk, 1992, 124 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Okladnikova E.A., Zaporozhskaja V.D., Skorynina E.A. Petroglify doliny reki Elangash (jug Gornogo Altaja). Novosibirsk: Nauka, 1979, 156 p. (in Russ.).

УДК 703.31.1

Д.В. Черемисин[1, 2], В.В. Казаков[2, 3], В.С. Ковалев[2], К.Б. Жумадилов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: topsya@bk.ru

3D-моделирование наскальных рисунков Алтая с помощью трехмерного сканирования и фотограмметрии*

Современные технические средства предоставляют возможность фиксировать и документировать объекты культурного наследия, в т.ч. наскальные изображения, в виде трехмерных моделей. 3D-модели скальных поверхностей с изображениями позволяют сохранить полную информацию о параметрах рельефа и нанесенного на него рисунка, что дает возможность проводить исследование в лабораторных условиях. Среди основных способов создания трехмерных моделей только метод сканирования с помощью структурированного подсвета позволяет получить наилучший результат применительно к петроглифам. Трехмерное сканирование на основе структурированного подсвета было использовано при изучении петроглифов на р. Чаган в 2016 г. За счет установки камер улучшенного разрешения удалось получить значительно более качественные модели по сравнению с предыдущим годом исследований.

Ключевые слова: *Алтай, копирование петроглифов, 3D-сканирование, фотограмметрия.*

D.V. Cheremisin[1, 2], V.V. Kazakov[2, 3], V.S. Kovalev[2], K.B. Zhumadilov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: topsya@bk.ru

Three-Dimensional Digital Imaging of Rock Art of 3D Scanning and Photogrammetry in the Altai Mountains

The modern development of technical means represents an opportunity to document objects of cultural heritage, including rock art, in the form of three-dimensional models. 3D models of rocky surfaces with images allow conserving the complete information about parameters of a relief and the figure applied on it that gives the chance to conduct a research in vitro. Among the main methods of receiving three-dimensional models only the structured-light 3D scanning method allows to receive the best result in relation to petroglyphs. Three-dimensional scanning on the basis of the structured light was used in case of a study of petroglyphs on the river Chagan in 2016. Due to installation of cameras of the improved resolution we succeeded to receive better quality of 3D models in comparison with previous year of researches.

Keywords: *Altai, documentation of petroglyphs, 3D scanning, 3D digital imaging, photogrammetry.*

Разновременные петроглифы Юго-Восточного Алтая сконцентрированы в долинах небольших рек, берущих начало на ледниках и впадающих в Чую. В высокогорье Алтая с древнейших времен сложились и развивались культуры, основанные на подвижном скотоводстве. Наиболее многочисленными археологическими объектами здесь являются петроглифы. В долине р. Чаган они выполнены в технике выбивки, гравировки, прошлифовки и непрерывным «ковром» покрывают скальные

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

плоскости по берегам реки. Древние пласты перекрыты более поздними, многие фигуры подновлены. Документация на современном этапе включает картографирование, копирование петроглифов различными способами, фото-фиксацию на цифровые камеры для дальнейшего лабораторного изучения полученной информации. Наиболее информативны сохраненные трехмерные модели петроглифов, позволяющие изучать формы выбивок и гравировок, проявлять тончайшие линии, работая с точными параметрами глубины и формы рельефа скальной поверхности.

Часто наскальные рисунки бывают слабо различимы на поверхности камня и видимы только при использовании бокового освещения, что требует от исследователя работы в узкие промежутки времени восхода и заката, либо в темное время суток с применением осветительных приборов. При создании трехмерной модели возможно моделировать боковое освещение в виртуальной сцене и выявлять петроглифы наилучшим образом. Существует несколько основных способов получения трехмерных моделей, среди которых фотограмметрия, лазерное сканирование и сканирование методом структурированного подсвета. Фотограмметрия – один из самых доступных методов трехмерного моделирования реальных объектов на основе набора цифровых фотографий, произведенных под разными углами относительно объекта. Такой метод, прежде всего, удобен тем, что из технического оснащения требует только наличия цифровой фотокамеры и компьютера со специализированным программным обеспечением. С помощью фотограмметрии можно получить относительно точные трехмерные модели предметов с автоматически сгенерированными текстурами (информацией о цвете точек модели) [Черемисин и др., 2015]. Однако такой метод сложно применить для моделирования слабовыраженного рельефа наскального рисунка. Во-первых, зачастую соотношение глубины фигуры к ее ширине и длине настолько мало, что не может быть различимо программным алгоритмом при обработке ее фотографий, и приходится ограничить зону съемки небольшими фрагментами исследуемого сюжета. Во-вторых, при фотосъемке петроглифов со значительным увеличением и под углом к скальной поверхности встает проблема малой глубины резкости изображаемого пространства, в результате чего только небольшая часть рисунка оказывается в зоне резкости. Этот факт также затрудняет работу программного алгоритма построения трехмерной модели или делает ее невозможной.

Лазерное сканирование основано на получении информации о расстоянии, пройденном сканирующим лазерным лучом прибора до каждой точки пространства вокруг прибора. Данная технология позволяет строить довольно качественные трехмерные снимки окружающего пространства, однако лазерные сканирующие устройства являются весьма дорогостоящими и, как правило, не ориентированы на съемку мелких объектов и поверхностей со слабым рельефом. В отличие от других методов, трехмерное сканирование с использованием структурированного подсвета выдает высокую скорость получения модели и может быть применимо к относительно мелким предметам и слабым рельефам. Однако для трехмерного сканирования требуются особые условия освещенности: в условиях открытых пространств работу приходится выполнять фактически в ночное время, либо использовать специальные светофильтры, снижающие негативный эффект дневного света.

В 2016 г. перед коллективом авторов стояла задача продолжения и развития темы создания и обработки 3D-моделей петроглифов Кош-Агачского р-на Республики Алтай (правый берег р. Чаган) и организации базы данных по объектам культурного наследия региона. Местонахождение петроглифов Соок-Тыт включает изображения разных эпох от бронзового века до современности, выполненные в различной технике [Окладникова, 1988; Черемисин, 2003, 2006; Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013], что позволяет опробовать технологии трехмерного сканирования для ряда различных типов скальных рельефов.

Для трехмерного сканирования использовался сканер RangeVision Standard с камерами улучшенного разрешения 5 Мп. После установки 5-мегапиксельных камер на второй зоне сканирования 3D-разрешение улучшилось с 0,23 мм до 0,12 мм. Таким образом, были получены следующие параметры сканирования: размер зоны сканирования 300 × × 225 × 225 мм; точность 3D-точки (среднеквадратичное отклонение) 0,05 мм; 3D-разрешение 0,12 мм; рабочее расстояние 0,52 м; разрешение камер 5 Мп; разрешение проектора 1280 × 800p; минимальное время создания одного снимка 15 с.

В рамках экспедиции 2016 г. коллективом авторов было выполнено трехмерное сканирование характерных петроглифов разных эпох, в т.ч. многофигурной композиции с изображением колесницы бронзового века (рис. 1).

К полученной модели колесницы был применен алгоритм для проявления рисунка, суть которого заключается в следующих шагах: 1) применить к полученной трехмерной модели поверхности алгоритм сглаживания рельефа; 2) наложить полученную сглаженную модель на оригинальную методом «вычитания» (рис. 2).

Рис. 1. Модель скальной плоскости с изображением колесницы, полученная при использования 3D-сканера на основе структурированного подсвета с камерами улучшенного разрешения.

Рис. 2. Модель скальной плоскости с изображением колесницы с выделением рисунка методом математического вычитания сглаженной модели из оригинальной.

Другим результатом полевых работ является построение трехмерной модели участка местности с расположенными на нем скальными поверхностями с петроглифами. 3D-модель собрана из нескольких фрагментов разного разрешения: общий план в среднем разрешении и отдельно скальные поверхности в высоком разрешении. На основе трехмерной модели был создан видеоролик с сюжетом «подлета»-приближения к скальной поверхности с рисунком.

При создании 3D-модели местности методом фотограмметрии было сделано 94 фотографии общего плана и 15 фотографий скальной поверхности отдельно. По полученным фотографиям созданы трехмерные модели в приложении Agisoft Photoscan Pro. Полученные фрагменты склеены в одну модель в том же приложении. С помощью приложения Autodesk 3D Max на основе созданной модели был создан видеоролик.

В результате осуществленных работ с применением 3D-сканера был разработан и развит способ получения качественных трехмерных моделей петроглифов за счет установки и применения камер улучшенного разрешения. Данная методика применялась для фиксации петроглифов, нанесенных на скалы различными способами, в частности в технике тонкой гравировки. Полученные результаты

пригодны для удаленного изучения наскальных сюжетов в лабораторных условиях.

Была успешно отработана методика фотограмметрии местности и созданы трехмерная модель участка местности и видеоролик на основе модели. Полученные результаты, помимо научной ценности, полезны в образовательных и научно-просветительских целях.

Список литературы

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158. – (Сб. МАЭ; т. XLII).

Черемисин Д.В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюка), Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57–63.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 501–504.

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жарикова М.В. Опыт трехмерного сканирования наскальных рисунков с помощью технологии структурированного подсвета // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 446–450.

Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 369–373.

References

Cheremisin D.V. Naskal'naya kompoziciya s izobrazheniem kolesnicy i "tancorov" iz Chaganki (Kara-Oyuka), Altaj. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003, No. 4, pp. 57–63 (in Russ.).

Cheremisin D.V. Issledovanie petroglifov yugo-vostochnogo Altaya v 2006 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. 1, pp. 501–504 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Kovalev V.S., Zharikova M.V. Opyt trehmernogo skanirovanija naskal'nyh risunkov s pomoshh'ju tehnologii strukturirovannogo podsveta. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 446–450 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Miklashevich E.A., Bove L.L. Dokumentirovanie naskal'nyh izobrazhenij Jugo-Vostochnogo i Central'nogo Altaja v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 369–373 (in Russ.).

Okladnikova E.A. Graffiti Kara-Oyuka, Vostochnyj Altaj. In *Material'naya i duhovnaya kul'tura narodov Sibiri. (Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii*; *vol. XLII)*. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 140–158 (in Russ.).

УДК 902.6 (516)

Д.П. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: danilo_petrovich@yahoo.com

Погребения китайских поселенцев на северных рубежах империи Хань*

В эпоху Хань часто происходили перемещения земледельческого населения с территории империи на северные порубежные земли. Здесь происходило смешение этносов, осваивались новые земли, распространялись новые идеи и веяния, появлялись и развивались города, росло население. Именно в эпоху Хань происходило активное освоение северных рубежей Китая, это важный период и для Центральной равнины, и для степной зоны приграничья. Таким образом, изучение эмигрантов из внутренних районов страны становится ключом к пониманию своеобразия эпохи и региона. Значительная часть историков в КНР подходит к исследованию вышеописанного на основании письменных источников. В последнее время количество археологических материалов III в. до н.э. – III в. н.э. в северных регионах растет. Локализуются районы поселения эмигрантов, возможна систематизация оставленных ими артефактов.

Ключевые слова: *Поздняя Хань, археология севера КНР, Западная Хань.*

D.P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: danilo_petrovich@yahoo.com

Chinese Settlers' Necropolises in Han Empire Nothern Frontiers

In the Han era agricultural population masses often moved from the empire territory to the north near-boundary lands. There was a mixture of ethnic groups, new lands exploring, new ideas and trends spreading, city appearing and developing, the population grew. In the Han era exactly northern China's frontiers were actively exploring, that's an important period for the Central Plain and for the border areas steppe zone. Thus, the immigrants from the country interior study are the key to understanding the era and region specificity. A considerable part of Chinese historians study the problem in terms of written sources. In recent years, the number of archaeological materials of the III BC – III century AD in northern regions was growing. Emigrants settlement areas have been localized, so their artifacts systematization is becoming possible.

Keywords: *Later Han, Northern Chinese archeology, Western Han.*

Так называемые «погребения переселенцев», очевидно, составляют особую группу захоронений, в которых покоятся останки как непосредственных переселенцев, так и их потомков [Цзян Лу, 2015, с. 137–143].

На процессы в северном приграничье очень сильно повлияло царствование императора У-ди. Нападавшие с севера сюнну были разбиты, так что контроль империи распространился за горы Иншань (совр. Внутренняя Монголия). Ганьсуйский коридор впервые прочно контролировался государями из Центральной равнины Китая. Однако вслед за пиком в своем развитии в империю пришел упадок, территория стала сокращаться. Но северные рубежи оказались сравнительно стабильными. Судя по письменным и археологическим данным, до конца периода Чжаньго этот район к северу от оборонительных стен царства Цинь был заселен кочевыми и полукочевыми племенами (частое обобщенное название – «северные ди»). Незадолго до завершения Чжаньго представители государств Чжао и Цинь начали постепенно проникать в северные районы. После провозглашения первой империи политика в отношении сюнну, которые стремительно набирали

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00477.

силу, стала куда более активной, выражаясь, в том числе, и в попытках колонизации. Генерал Мэн Тянь (ум. в 210 г. до н.э.) приводил к покорности население по течению Хуанхэ. Сыма Цянь сообщает, что для укрепления влияния в окрестностях Жёлтой реки было построено 44 укрепленных уездных города, куда начал переселяться народ. Но период правления Цинь над единым Китаем был недолгим, так что значительная часть переселяемых вернулась на прежние места в ходе смуты, последовавшей за крахом династии. Письменные источники сообщают, что в период Западной и Восточной Хань правительство вновь не раз организовывало масштабные переселения в приграничье. В особенности миграция на север активизировалась в годы правления У-ди. В ходе четырех больших кампаний с территории Центральной равнины переселялся, по некоторым данным, миллион человек. Кроме «хуася» (т.е. собственно китайцев) десятки тысяч покоренных сюнну и других иноплеменников также подверглись перемещению. Упоминания об этом находим в «Ханьшу». Политика империи определялась принципом «农牧并举 胡汉相杂», который можно перевести как «одновременное развитие скотоводства и земледелия, сосуществование варваров и ханьцев». Это находит свое отражение и в археологических памятниках (чаще всего – погребениях) III в. до н.э. – III в н.э. При анализе исследованных многомогильных захоронений ханьского времени (таковых около двух тысяч) становится ясно, что они распадаются на две категории [Ду Линьюань, 2011, с. 69–70]. Во-первых, захоронения переселенцев-«хуася» с Центральной равнины Китая. Географически распространены от Ганьсуйского коридора на западе до района совр. Пекина на востоке. Наибольшее количество памятников сконцентрировано в «четырёх округах Хэси» (совр. провинция Ганьсу) и «девяти округах Яньбянь». Характерные примеры: могильник Суньцзячжай в провинции Цинхай, могильники Налиньтаохай, Шацзиньтаохай, Булунао во Внутренней Монголии, могильники Юйлиньгучэнтань и Цзоумалян в Шэньси, Саньфэньгоу в провинции Хэбэй. Менее крупные группы ханьских погребений встречаются в городских округах Увэй, Ланьчжоу и Цзюцюань в провинции Ганьсу, захоронения на территории городских округов Гуюань и Учжун в Нинся-Хуэйском АР, в районе Баотоу и в Ордосе на территории Внутренней Монголии, в уезде Шосянь провинции Шаньси, в районах Хуайжоу и Чанпин на территории г. Пекин. Почти все вышеперечисленные погребения и некрополи были возведены в период I в. до н.э. – II в. н.э. Погребений начального этапа Западной Хань очень мало [Ду Линьюань, 2011, с. 70–71].

Особенности погребального обряда для периода Западной Хань следующие: яма с отвесными стенками, в погребении имеются следы деревянной конструкции, погребения в основном одинарные, в головах иногда есть следы сырцового кирпича. С приходом Восточной Хань произошли некоторые изменения. Помимо одинарных, распространяются парные погребения, внутримогильная конструкция нередко строится из кирпича, часто используются подбои. Ямы с отвесными стенками кое-где сохраняются, но их сравнительно немного. В погребениях позднего этапа Восточной Хань встречаются захоронения со множеством погребальных камер, выполненных из кирпича. Такой же обряд появился синхронно (или чуть раньше) на Центральной равнине. Общей для всех ханьских погребений является северо-западная ориентация умерших [Цзян Лу, 2015, с. 137–143]. Усопшие традиционно лежат на спине вытянуто. С конца Западной Хань появляются погребения супружеских пар. В период Восточной Хань распространяются семейные склепы. Сходные процессы с небольшой хронологической разницей происходили и на Центральной равнине. Что касается погребального инвентаря, то для завершающей фазы Западной Хань были характерны такие формы керамических сосудов как кувшины (壶), горшки (罐) и блюда (盘), в отдельных погребениях есть бронзовые изделия, элементы упряжи. В эпоху Восточной Хань погребальный инвентарь принципиально не меняется, увеличивается лишь разнообразие форм в тесном контакте с аналогичными процессами во внутренних районах империи. Таким образом, можно сказать, что в районе северных рубежей империи после кампаний У-ди сложилось устойчивое сообщество китайского населения (переселенцев и их потомков), которое, насколько можно судить по погребальному обряду, имело постоянные культурные контакты с исторической родиной. Местная «варварская» традиция, разумеется, все же имела определенное влияние. Так в ряде могил обнаруживается обряд принесения в жертву животных. Часть сопроводительных украшений и оружия также имеют явно не ханьское происхождение [Ду Линьюань, 2011, с. 70–71].

Как уже говорилось, до объединения Китая под властью первых империй северное порубежье заселяли племена, обобщенно именуемые «северные ди». Примечательно, что этот термин оказался долгоживущим. Например, в эпоху Троецарствия его применял Чжугэ Лян. Он оставил следующие свидетельства: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пу-

стыни, которые дают возможность для обороны» [Шульга, Мерзликин, 2016, с. 119–120].

После формирования ранней империи ареал «хуася» начал увеличиваться. На севере начались столкновения со складывающейся державой сюнну. Ордос по крайней мере на век превратился в поле боя между земледельческой и кочевой цивилизациями. Ханьские дипломаты предпринимали немало попыток привлечь царства Западного края к борьбе против сюнну. В ходе этой грандиозной миссии на территории Средней Азии образовался пояс вассальных по отношению к Китаю государств [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 212]. Естественно, что представители этих образований нередко ездили во внутренние регионы империи, где подчас и умирали. В то же время ханьские погребальные традиции распространялись и в среде вассалов в их исконных местах проживания. Сложилась группа памятников, в которых смешивались элементы погребального обряда «варваров» (курганная насыпь, захоронения в подбоях) и ханьцев (выпрямленные конечности у покойного и др.). Ориентация в таких синкретичных погребениях варьируется, преобладают одиночные захоронения, однако в поздних памятниках встречается и обычай парного погребения. В качестве примера можно привести могильник Даодуньцзы (Нинся-Хуэйский АР). Этот некрополь неоднократно привлекал интерес отечественных специалистов [Полосьмак, 1990, с. 101–107]. Часть погребений там (I в. до н.э.) может быть отнесена к наследию вассального государства Саньшуй. Основное население здесь составляли сюнну, капитулировавшие в ходе войн с Китаем. Погребения в основном одиночные, умершие зачастую лежат головой в северный сектор вытянуто на спине. Таким образом, на основании письменных свидетельств и особенностей погребального обряда можно предположить, что перед нами погребальный комплекс, в котором местная традиция начала испытывать влияние извне. Как политическое, так и культурное. Другой, более поздний пример представляет собой могильник Дабаодань (уезд Шэньму провинции Шэньси, КНР). Начало сопутствующему поселению и могильнику в значительной степени положил император Сюань-ди (74–48 гг. до н.э.), повелевший заселить в этот район покорившихся сюнну. Об этом есть сообщения в «Хоуханьшу». Точно также группу южных сюнну переселили в район Мэйцзи (ныне хошун Джунгар во Внутренней Монголии). Еще 9 погребений обнаружены в уезде Суйдэ (городского округа Юйлинь провинции Шэньси). Если рассматривать здесь погребальный обряд и сопроводительный инвентарь с точки зрения взаимоотношения этносов на закате империи Хань, то погребенные как минимум были тесно связаны с сюнну, а то и вовсе были таковыми [Ду Линьюань, 2011, с. 70–71].

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам: во-первых, в эпоху ранних империй заселение северных регионов стало куда активнее, чем прежде; во-вторых, в результате переселения происходило распространение погребального обряда ханьцев в приграничье; в-третьих, «варварские» и имперские традиции сильно смешивались, и порой сложно понять, принадлежит ли археологический объект номадам, принявшим подданство Китая, или же он оставлен переселенцами, которые подверглись местному культурному влиянию.

Список литературы

Ду Линьюань. Историческая проблема переселенцев в эпоху Хань по погребениям из Северного Китая // Археология и культурное наследие. – 2011. – №. 1. – С. 69–72 (на кит. яз.).

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). – М.: Восточная литература, 1994. – 326 с.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: 1990. – С. 101–107.

Цзян Лу. Этапы развития и специфика развития ханьских погребений на севере Китая // Фронт общественных наук (серия: региональная история и культура). – 2015. – № 10. – С. 137–143.

Шульга Д.П., Мерзликин А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. – Новосибирск: Омега Принт, 2016. – 148 с.

References

Du Linyuan. 杜林渊。汉代北部边疆地区移民墓葬反映的历史问题. (Historical issues of the northern border area Han immigrants' tombs). *考古与文物* (*Kaogu yu wenwu*), 2011, No. 1, pp. 69–72.

Jiang Lu. 蒋璐。北方地区汉墓的发展阶段及其特点 (Stage of development and features of northern Han tombs). 社会科学战线–区域历史与文化 (Shehui kexue zhanxian), 2015, No. 10, pp. 137–143.

Lubo-Lesnichenko E.I. Kitai na Shelkovom puti (Shelk i vneshnie svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaya). Moscow: Vostochnaya literatura, 1994, 326 p. (in Russ.).

Polos'mak N.V. Nekotorye analogi pogrebeniyam v mogil'nike u derevni Daodun'tszy i problema proiskhozhdeniya syunnuskoi kul'tury. Kitai v epokhu drevnosti. Novosibirsk: 1990, pp. 101–107 (in Russ.).

Shul'ga D.P., Merzlikin A.A. "Vertograd polkovodtsa" Chzhuge Lyana na styke distsiplin. Novosibirsk: Omega Print, 2016, 148 p. (in Russ.).

УДК 902.6

П.И. Шульга[1], И.Ю. Слюсаренко[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: slig1963@yandex.ru

Датировка погребальных комплексов на периферии пазырыкской культуры*

На основе комплексного рассмотрения данных дендрохронологии, радиоуглеродного анализа и археологического материала авторы приходят к выводу, что большинство захоронений на периферии ареала пазырыкской культуры относится к ее позднему этапу. В пользу этого говорит следующее: 1) почти все погребальные конструкции, исследованные на периферии культуры и включенные в древесно-кольцевую шкалу, датируются в рамках 326–275 гг. до н.э.; 2) инвентарь и погребальный обряд в указанных захоронениях, как правило, также имеет поздние черты. Из этого следует, что пазырыкцы распространились на всю территорию Горного Алтая примерно во второй половине IV – начале III в. до н.э. В последнее десятилетие в округе Алтай (Синьцзян, Китай) исследовано ок. 20 курганов с подхоронениями лошадей в различных сочетаниях со срубами и каменными ящиками. По инвентарю и особенностям погребального обряда они, как и обнаруженные в Монголии, также относятся к позднему этапу пазырыкской культуры.

Ключевые слова: *пазырыкская культура, дендрохронология, древесно-кольцевая шкала, радиоуглеродный анализ, инвентарный комплекс, погребальные памятники Укока, Северо-Западной Монголии, Синьцзяна.*

P.I. Shulga[1], I.Yu. Slyusarenko[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: slig1963@yandex.ru

Dating of Burial Complexes at the Pazyryk Culture Periphery

Basing on a comprehensive review of the dendrochronology, radiocarbon dating and archaeological material data, the authors conclude that the overwhelming burial grounds number in the Pazyryk culture areal periphery refers to its later stage. That is supported by the following points: 1) almost all of funerary structures, studied in peripheral regions and included to the tree-ring chronology, are dated within 326–275 years B.C.; 2) as a rule, inventory and funeral ritual in these burial grounds also have late features. Consequently Pazyryk people spread over the Altai Mountains entire territory about the second half of IV – beginning of III cc. B.C. Recently in Altay district (Xinjiang, China) about 20 tumuli with accompanying horse burials, wooden chambers and stone boxes in various combinations were investigated. According to the inventory and funeral rite peculiarities they refer to Pazyryk culture late stage, as tumuli found in North-West Mongolia.

Keywords: *Pazyryk, dendrochronology, tree-ring chronology, radiocarbon analysis, inventory complex, Ukok, North-West Mongolia, Xinjiang burial sites.*

Долгое время ареал исследований пазырыкской культуры, в основном, ограничивался Центральным Алтаем и прилегающим с юга участком Казахстана. В 1960–1970-х гг. пазырыкские курганы были выявлены в обширной Чуйской степи до границы с Монголией, а также по Аргуту с притоками и в верховьях Бухтармы, что позволило включить в пространство культуры элитные курганы из урочища Пазырык. В ходе масштабных разведок и раскопок 1980–1990-х гг. в сравнительно небольшом количестве собственно пазырыкские погребения с подхоронениями лошадей были найдены в северном направлении по Катуни до г. Горно-Алтайска, а также в северо-западном – по р. Песчаная и Ча-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

рыш на выходе из гор. В 1990-х гг. были исследованы курганы пазырыкской культуры на плато Укок, расположенном в контактной зоне народов Монголии, Синьцзяна (Китай), Горного Алтая и Казахстана. Вместе с тем предположение о значительном присутствии пазырыкцев в Туве не подтвердилось. В итоге, к концу XX столетия достаточно хорошо обозначились западные, северные и северо-восточные границы ареала пазырыкской культуры. Не определенными оставались лишь пределы распространения пазырыкцев на юг и юго-восток, хотя к тому времени появились некоторые данные об их наличии в Западной Монголии и на севере Синьцзяна (Китай) [Полосьмак, 1998; Варёнов, 1999]. В последнее десятилетие и на этих слабо изученных территориях были проведены значительные археологические работы, позволяющие уточнить границы пазырыкской культуры и определить хронологию памятников на ее периферии.

В Северо-Западной Монголии, на территории Баян-Ульгийского аймака с 2004 г. были выявлены десятки могильников пазырыкского облика (в т.ч. с балбалами), которые располагались вдоль гор Монгольского Алтая примерно на 200 км к югу от границы с Россией. За несколько лет в северной части аймака было вскрыто ок. 30 курганов пазырыкской культуры [Варёнов, Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2004; Молодин и др., 2012; Турбат, Жискар, Батсух, 2005; и др.]. В 2006–2013 гг. проводились масштабные разведки и раскопки на территории округа Алтай в Синьцзяне (Китай), прилегающего с юга к плато Укок [Синьцзян Алэйтай дицюй каогу…, 2015, с. 61–106]. Здесь на территории, простирающейся примерно на 200–250 км от границы с Россией, исследовано более 40 курганов, аналогичных или очень близких по погребальному обряду и инвентарю собственно пазырыкским захоронениям в срубах и кара-кобинским в каменных ящиках. Подхоронения лошадей обнаружены в 20 курганах на 6 могильниках в погребениях со срубами и с каменными ящиками. В 12 из этих могил, как и в Горном Алтае, имелась деревянная внутримогильная конструкция типа сруба или колоды, в которой находились останки одного-двух умерших, уложенных на правый бок, с подогнутыми ногами, головой в восточный сектор (рис. 1, *А*, *Б*). В головах, как правило, стояли характерные для пазырыкской культуры кувшиновидные и кринковидные сосуды (рис. 1, 2), а также деревянные блюда с крестцовыми костями овец и железными ножами на них. В украшениях часто использовалась золотая фольга (рис. 1, *Б*, *7*; 2, 5). У северной стенки могилы головой в восточный сектор захоранивались одна-две лошади с железными удилами в зубах или вовсе без каких-либо сбруйных деталей (см. рис. 1, *А*, *Б*). В шести курганах лошади сопровождали умерших, находившихся в каменных ящиках. Из них в четырех курганах люди и лошади ориентированы на запад, в чем проявилась особенность обряда местного населения. Инвентарь там был близок найденному в срубах. В одном из курганов обнаружено погребение коргантасского типа с черепами животных в головах, но человек уложен по пазырыкскому обряду с подогнутыми ногами головой на восток. Столь значительное разнообразие погребальной обрядности указывает на интенсивность процессов смешения пришлого и местного населения в южных предгорьях Алтая. Вероятно, собственно пазырыкцы далее на юг не расселялись, хотя близкий погребальный обряд и вещевой комплекс зафиксированы и значительно южнее на Тянь-Шане (см.: [Шульга, 2010, с. 82–91]).

Итак, исследованиями последних 10–15 лет установлено, что относительно плоскогорья Укок пазырыкские погребения с конскими подхоронениями встречены на 200–250 км к югу и юго-востоку в Западной Монголии и Синьцзяне, в т.ч. по обе стороны Монгольского Алтая. Соответственно, впервые появилась возможность учесть и проанализировать материалы по хронологии пазырыкской культуры в целом, включая ранее не известные погребальные комплексы.

Сравнительно недавно удалось связать построенную для позднепазырыкских курганов 446-летнюю «плавающую» дендрохронологическую шкалу с 2367-летней древесно-кольцевой хронологией «Монгун-Тайга»: почти все курганы пазырыкской культуры с изученной древесиной в верховьях Чуи, на плато Укок и в Восточном Казахстане были датированы с точностью до нескольких лет в рамках 326–275 гг. до н.э. [Слюсаренко, 2011, с. 249]. Ранее 446-летняя дендрошкала курганов получила календарную привязку путем радиоуглеродного датирования с использованием методики «wiggle-matching», которое определило период сооружения 33 курганов на указанной территории также последней четвертью IV – первой четвертью III в. до н.э. [Там же, с. 246].

В Северо-Западной Монголии методом дендрохронологии достаточно точно определено время сооружения двух курганов в могильниках Олон-Курин-Гол-6 и Олон-Курин-Гол-10, расположенных за хребтом Сайлюгем, в Баян-Ульгийском аймаке, примерно в 60 км к востоку от курганов по р. Ак-Алахе (Укок) и в 60–70 км к юго-западу от могильников по р. Уландрык (Чуйская степь). Они датированы 300 и 297 гг. до н.э. соответственно [Мыглан, Слюсаренко, Хойсснер, 2012, с. 519], что фактически совпадает со временем погребения умерших в Берели (кург. 11), в Уландрыке I, IV, Ташанте I, Барбургазы I, и находятся в рамках периода захоронений на Укоке.

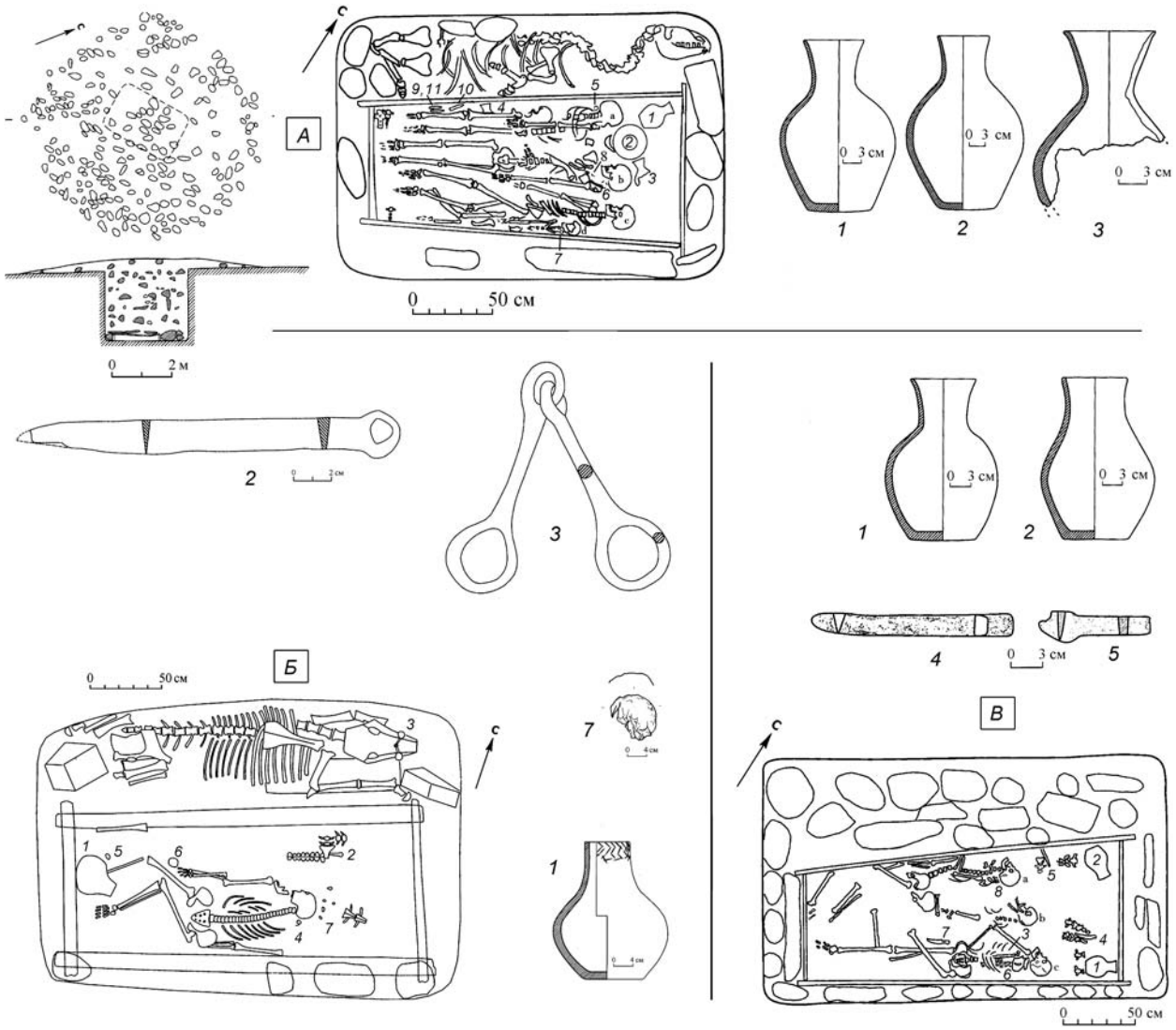


Рис. 1. Могильники Шанькоудяньчжань (*А*, *В*) и Тувасиньцунь (*Б*) (по: [Синьцзян Алэйтай дицюй каогу…, 2015]).
А, *1–3*; *Б*, *1*; *В*, *1*, *2* – керамика; *Б*, *2*, *3*; *В*, *4*, *5* – железо; *Б*, *7* – золото.

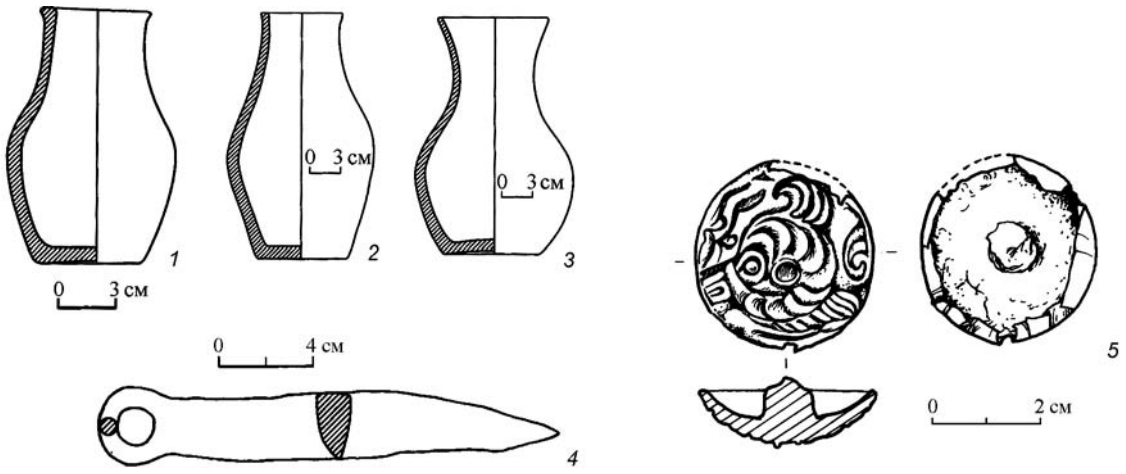


Рис. 2. Могильники Шанькоудяньчжань (*1–3*) и Тувасиньцунь (*4*, *5*) (по: [Синьцзян Алэйтай дицюй каогу …, 2015]).
1–3 – керамика; *4* – железо; *5* – золото, железо.

По другим курганам Монголии и Синьцзяна такие точные определения отсутствуют, но время их сооружения достаточно уверенно устанавливается по инвентарю и особенностям погребального обряда. Все кинжалы и чеканы там железные. Почти все ножи изготовлены также из железа, и часто имеют кольчатое навершие (см. рис. 1, *Б*, *2*; *В*, *4*, *5*; рис. 2, *4*). В Олон-Курин-Голе-10 (кург. 1) нож черешковый, что характерно для последующей эпохи. В том же погребении находился кинжал с прямым перекрестием [Молодин и др., 2012, рис. 142, 236]. Подобная картина и в других погребениях Монголии и Синьцзяна. Из опубликованных изделий имеется лишь один бронзовый нож из Синьцзяна. В конском снаряжении металлические изделия везде представлены лишь железными удилами. Для пазырыкской культуры и означенной территории почти полная замена бронзовых изделий железными является убедительным свидетельством поздней датировки. Часто у погребенных лошадей сбруйные детали вообще отсутствуют, что также характерно для финальных захоронений на окраинах пазырыкской культуры [Шульга, 2015, с. 63]. На позднее время сооружения курганов указывают и образы мифических существ из мерзлотных могил Монголии.

Почти все исследованные периферийные погребения по инвентарю относятся к позднему этапу развития пазырыкской культуры (IV–III вв. до н.э.), а по данным дендрохронологии и радиоуглеродного анализа подавляющее большинство из них совершались в рамках 326–275 гг. до н.э. На наш взгляд, этому предшествовал непродолжительный период экспансии пазырыкцев по всем направлениям из Центрального Алтая. Предположительной причиной этого, видимо, были относительно благоприятные климатические условия, приведшие во второй половине IV в. до н.э. к резкому увеличению населения и стад, нуждавшихся в новых пастбищах. Помимо предгорий Горного Алтая и верховий р. Бухтармы, в это время был освоен район р. Улаган (могильник Пазырык), а также высокогорные почти безлесные пастбища с суровым климатом на юго-востоке Алтая, включая Чуйскую степь и плато Укок. В достоверно поздних погребениях этих периферийных районов еще продолжают встречаться архаичные бронзовые изделия (детали сбруи, кинжалы, ножи), но они отсутствуют в пазырыкских погребениях на территории Северо-Западной Монголии и Синьцзяна. На этом основании можно предполагать, что встречающиеся на периферии погребения с архаичным инвентарем оставлены первыми выходцами из Центрального Алтая, еще сохранявшими предметы раннего облика. В Монголию и Синьцзян пазырыкцы, видимо, проникали позже, уже с освоенных территорий Укока и Чуйской степи.

Список литературы

Варёнов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 26–30.

Варёнов А.В., Ковалёв А.А., Эрдэнэбаатар Д. Разведка пазырыкских курганов в Северо-Западной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X., ч. 1. – С. 211–216.

Молодин В.И., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Мыльников В.П., Цэвээндорж Д., Парцингер Г. Археологические памятники на северо-западе Монголии. Результаты разведки российско-германско-монгольской экспедиции в 2004 году // Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: ИД Триумф принт, 2012. – С. 204–266.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Хойсснер К.-У. Дендрохронологический анализ древесины из пазырыкских курганов Северо-Западной Монголии // Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – Москва: ИД Триумф принт, 2012. – С. 507–523.

Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 337–343.

Синьцзян Алэйтай дицюй каогу юй лиши вэньцзи (Сборник статей по истории и археологии округа Алтай в Синьцзяне. Институт археологии и культурного наследия Синьцзяна). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – 498 с. (на кит. яз.).

Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 239–251.

Турбат Ц., Жискар П.Х., Батсух Д. Монгол Алтайд пазырыкийн булшийг анх удаа малтан судал-сан тухай // Алтай судлал. – 2005. – № 1. – С. 52–62 (на монг. яз.).

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье (VI–III вв. до н.э.). – Ч. II. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2015. – 322 с.

References

Molodin V.I., Slyusarenko I.Y., Garkusha Y.N., Myl'nikov V.P., Tseveendorzh D., Parzinger H. Arkheologicheskie pamyatniki na severo-zapade Mongolii. Rezul'taty razvedki rossiisko-germansko-mongol'skoi

ekspeditsii v 2004 godu. In *Molodin V.I., Parzinger H., Tseveendorzh D. Zamerzshie pogrebal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai)*. Moscow: Triumf print Publ., 2012, pp. 204– 266 (in Russ.).

Myglan V.S., Slyusarenko I.Y., Heussner K.-U. Dendrokhronologicheskii analiz drevesiny iz pazyrykskikh kurganov Severo-Zapadnoi Mongolii. In *Molodin V.I., Parzinger H., Tseveendorzh D. Zamerzshie pogrebal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai)*. Moscow: Triumf print Publ., 2012, pp. 507–523 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Pazyrykskie analogii v mogilakh Sin'tszyana. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. IV, pp. 337–343 (in Russ.).

Shulga P.I. Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye kompleksy. Khronologiya i periodizatsiya). Barnaul: Altai State Technical Univ. Press, 2010, 238 p. (in Russ.).

Shulga P.I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e (VI–III vv. do n.e.). Pt. II. Novosibirsk: State Univ. Press, 2015, 322 p. (in Russ.).

Slyusarenko I.Y. Datirovanie skifskikh drevnostei Evrazii: sovremennye tendentsii, dostizheniya, problemy, perspektivy. In *"Terra Scythica": Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica"*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, pp. 239–251 (in Russ.).

Turbat T., Giscard P.-H., Batsukh D. Mongol Altaid pazyrykiin bulshiig ankh udaa maltan sudal-san tukhai // Altai sudlal, 2005, No. 1, pp. 52–62 (in Mong.).

Varenov A.V. Skifskie materialy iz kitaiskoi chasti Altaya. In *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1999, pp. 26–30 (in Russ.).

Varenov A.V., Kovalev A.A., Erdenebaatar D. Razvedka pazyrykskikh kurganov v Severo-Zapadnoi Mongolii. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. X, pt. 1, pp. 211–216 (in Russ.).

Xinjiang Aleitai diqu kaogu yu lishi wenji (Collection of articles on the history and archeology of the Altai District, Xinjiang. Institute of Archaeology and cultural heritage of Xinjiang). Beijing: Wenwu chubanshe, 2015, 498 p. (in Chin.).

УДК 550.389.1 + 550.838 + 902.21

М.И. Эпов[1, 3], В.И. Молодин[2, 3], О.А. Позднякова[2], И.Н. Злыгостев[1], А.П. Фирсов[1], А.В. Савлук[1], А.С. Колесов[1], П.Г. Дядьков[1, 3]

[1]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Новосибирский государственный университет
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Опыт магнитометрического картирования археологических памятников с использованием беспилотных летательных аппаратов*

На археологических памятниках Новосибирской обл. сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН и Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН провели испытания новой аппаратурной разработки ИНГГ СО РАН – магнитометрического зонда, закрепленного на беспилотном летательном аппарате – квадрокоптере. Для определения возможностей нового оборудования работы проводились на разнотипных памятниках (грунтовые и курганные могильники, городища), где ранее уже была выполнена наземная магнитная съемка. В статье рассматриваются методические особенности проведенных исследований, а также результаты сравнения данных наземной и полетной съемки. Дается оценка перспектив применения новой технологии для изучения археологических памятников.

Ключевые слова: *археология, магнитометрия, беспилотный летательный аппарат.*

M.I. Epov[1, 3], V.I. Molodin[2, 3], O.A. Pozdnyakova[2], I.N. Zligostev[1], A.P. Firsov[1], A.V. Savluk[1], A.S. Kolesov[1], P.G. Dyadkov[1, 3]

[1]A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Novosibirsk State University
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

The Study of Archaeological Monuments Magnetic Survey Using Unmanned Aerial Vehicles

Research fellows of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS) and the Institute of Petroleum Geology and Geophysics of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (IPGG SB RAS) have tested newly developed hardware of the IPGG SB RAS, namely magnetometric probe mounted on quadcopter (unmanned aerial vehicle), at the archaeological sites of the Novosibirsk region. To determine the capabilities of the new equipment, operations were carried out at heterogeneous monuments (burial grounds and burial mounds, ancient settlements), where ground magnetic survey had been performed before. The article explores the methodological features of the studies and the results of comparison of aerial and ground survey data. It also assesses the prospects for the use of new technologies to explore archaeological sites.

Keywords: *archaeology, magnetometry, unmanned aerial vehicle.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН и Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН уже более 15 лет проводят комплексные археолого-геофизические исследования. В ходе совместной работы удалось успешно адаптировать к задачам археологической науки целый ряд аппаратурных разработок ИНГГ СО РАН, прежде всего в области электроразведки [Эпов и др., 2016]. В настоящее время инновационные проекты реализуются и в области магнитометрии. В 2014 г. в ИНГГ СО РАН разработан опытный образец аэрогеофизического комплекса с магнитометрическим каналом, размещенным на борту беспилотного летательного аппарата (БПЛА) мультироторного типа сверхлегкого класса. Была предложена и опробована методика низковысотной магнитной съемки с помощью БПЛА [Эпов и др., 2015].

Применение геофизических методов в археологии предполагает не только поиск, но и идентификацию археологических комплексов. Преимуществом метода магнитометрии является способность эффективно обнаруживать и распознавать археологические объекты без внешних признаков. При благоприятных условиях магнитная съемка позволяет получить фактически план памятника, и это может существенно изменить стратегию планирования и проведения раскопок. Больших успехов в этой области (в т.ч. и в Сибири) удалось достигнуть нашим немецким коллегам (см., например: [Becker, Faßbinder, 1999; Молодин и др., 2010]). Эффективность работы данного метода неоднократно подтверждена и нашими исследованиями (см., например: [Молодин и др., 2006; Эпов и др., 2016]).

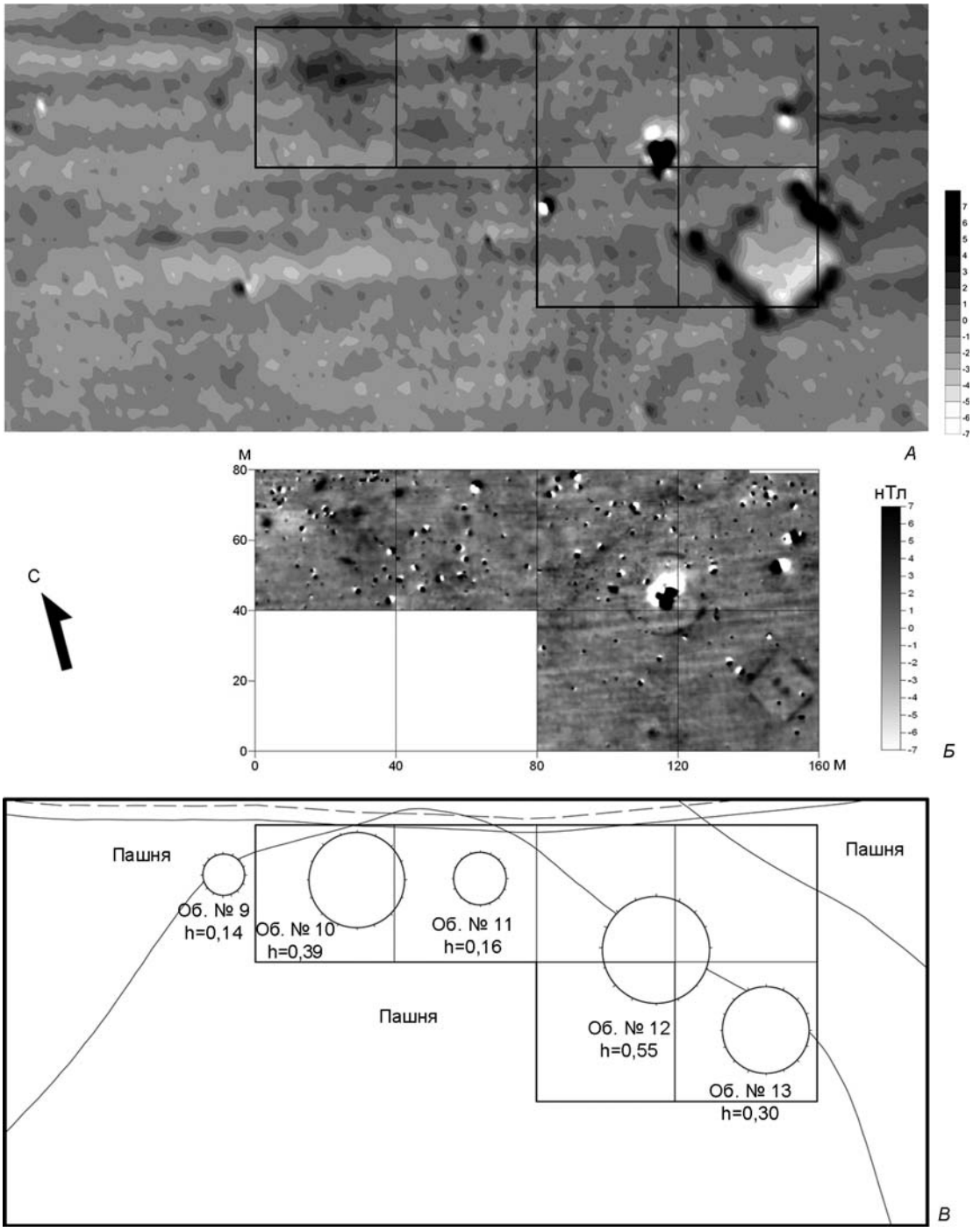
Перспективные с точки зрения наличия археологических комплексов участки, как правило, очень значительны по площади, и их магнитное картирование связано со значительными временными и трудовыми затратами. Проведение магнитной съемки с использованием БПЛА дает возможность исследовать их в короткие сроки, что очень существенно при проведении охранных работ, а также для усиления разведочной деятельности. Весьма востребованной может стать и возможность работы в труднодоступных для наземной съемки местах, например, на подтопленных или заросших участках археологических памятников.

Преимуществом новой аппаратурной разработки ИНГГ СО РАН является высокая частота замеров. На скорости ок. 18 км/ч измерения производятся 1600 раз в секунду, т.е. через каждые несколько миллиметров земной поверхности. Благодаря этому, при площадной съемке вероятность попадания в точки экстремумов магнитных аномалий существенно возрастает. Вместе с тем при работе на археологических памятниках существенное значение может иметь фактор высоты замера. Микроаномалии от большинства археологических объектов характеризуются очень небольшой амплитудой. При наземной съемке на высоте ок. 0,3 м она составляет в среднем 5–8 нТл. С увеличением высоты замера амплитуды таких аномалий довольно резко уменьшаются, а сами аномалии увеличиваются в размерах. В связи с этим очень важно было понять, насколько детальную карту можно получить по результатам полетной съемки, либо речь идет о выделении областей с повышенными магнитными значениями, которые в дальнейшем могут быть детализированы наземной съемкой.

Для того чтобы оценить возможности новой аппаратуры, необходимо было провести совместные работы на разнотипных археологических памятниках, где ранее уже была выполнена наземная магнитная съемка. При отборе учитывалось наличие хотя бы небольших проверочных раскопок, чтобы получить дополнительную информацию об особенностях внутреннего устройства археологических объектов (простое заполнение грунтом, следы горения и т.п.). Также необходимо было учесть и фактор контрастности магнитной восприимчивости грунтов в районе работ, поскольку совместные исследования показали, что он существенно влияет на эффективность магнитной съемки [Эпов и др., 2016]. В результате для проведения полевых испытаний был отобран ряд памятников на территории Новосибирского Приобья (Новопичугово-2) и Барабинской лесостепи (Тартас-1, Преображенка-2, Погорелка-2, Сергино-2, Аул-Кошкуль-1, Белая Грива).

Все археологические комплексы исследовались по единой методике, смоделированной еще до начала полевых работ. На каждом из памятников оценивались особенности площадки (рельеф, расположение и высота деревьев), чтобы наметить конфигурацию, размер и количество участков съемки, а также выбрать точку взлета-посадки БПЛА. По приемнику GPS определялись координаты углов намеченных участков, после чего формировалось полетное задание (количество и направление основных и вспомогательных профилей). В районе работ устанавливалась магнитовариационная станция МВ-07М для учета вариаций магнитного поля Земли.

После программирования полетной карты магнитная съемка происходила в автоматическом режиме. В ходе работы за процессом картирования осуществлялся постоянный контроль (высота, скорость, количество пройденных профилей, уровень заряда батареи). Высота датчика над землей составляла, в среднем, ок. 2 м, расстояние между профи-



Курганный могильник Погорелка-2. Участок работ по данным низковысотной магнитной съемки с помощью БПЛА (*А*), наземной магнитной съемки (*Б*) и тахеометрической съемки (*В*).

лями – 3 м. В результате были построены карты распределения модуля вектора магнитной индукции, после чего было произведено сравнение данных наземной и полетной съемки.

Хорошая корреляция данных отмечена по результатам работ на курганных могильниках Аул-Кошкуль-1 (древнетюркское время), Погорелка-2 (андроновская, саргатская культуры) и Белая Грива (предположительно эпоха железа). На памятниках Аул-Кошкуль-1 и Погорелка-2 наземная магнитная съемка была сделана немецкими коллегами в рамках программы сотрудничества Германского археологического института и ИАЭТ СО РАН [Молодин и др., 2010; Наглер и др., 2011]. В структуре большинства исследованных насыпей содержится обожженная глина, магнитная восприимчивость которой на порядок выше значений, типичных для обычных грунтовых объектов. Судя по все-

му, это обстоятельство положительно сказалось на характере результатов полетной съемки. На памятнике Аул-Кошкуль-1 удалось не только зафиксировать все сооружения, выявленные на участке наземной съемки, но и обнаружить еще как минимум один курган за его пределами. Зафиксированы результаты магнитного картирования такой насыпи на памятнике Погорелка-2 (объект № 12, саргатская культура) (см. *рисунок*)*.

Места локализации остальных распаханных курганов на карте полетной съемки памятника Погорелка-2 проявились в виде аморфных аномалий, малоконтрастных по отношению к фоновым значениям магнитного поля. В южной части аномалии сооружения № 12 отчетливо выделился ров (см. *рисунок*). Все аномалии, связанные с этими курганами, имеют очень малую амплитуду. Даже при наземной съемке они фиксируются очень слабо. Увеличение высоты замеров (даже при их большой частоте) не дает возможности получить четкую картину. Подобные проблемы возникают и при исследовании распаханных памятников другого типа (разновременный грунтовый могильник Тартас-1, городище саргатской культуры Сергино-2).

По итогам предварительной обработки данных можно положительно оценить перспективы использования метода высокочастотной магнитометрии на БПЛА для картирования рельефных поселенческих комплексов. В качестве объекта для таких исследований было выбрано сооружение на памятнике Преображенка-2, представляющее собой площадку с западинами, ограниченную валом и рвом [Молодин и др., 2006]. Кроме того на могильнике Погорелка-2 были опробованы возможности аэрокомплекса по обнаружению курганов в залесенной местности. Уже сейчас можно сказать, что степень детализации съемки достаточно высока, однако комплексную оценку полученных результатов еще предстоит провести.

Работы по использованию высокочастотной магнитометрии на БПЛА пока не имеют аналогов в практике мировых археолого-геофизических исследований. Первые испытания, проведенные в Западной Сибири, показали перспективность применения разработанного аэрокомплекса для магнитного картирования археологических памятников. К преимуществам новой аппаратуры однозначно можно отнести ее высокую производительность и большую плотность наблюдений. Однако из-за «плавающей» истинной высоты измерений эти преимущества пока не удается полностью реализовать, особенно при поиске небольших и неглубоких грунтовых объектов. По итогам проведенных исследований уже намечены технические решения по преодолению выявленных недостатков. В частности, установка дифференциальной системы GPS/ГЛОНАСС вместо приемника обычной конфигурации позволит более эффективно определять высоту полета и вводить в полетное задание функцию автоматического огибания рельефа. Для изучения археологических памятников это имеет решающее значение. Кроме того, установка дифференциальной системы навигации позволит уменьшить расстояние между профилями. Все это, безусловно, будет способствовать более успешной адаптации данного метода к задачам археологических исследований.

Список литературы

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Балков Е.В., Миненко М.И. Результаты геофизических исследований памятника Преображенка-2 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 434–439.

Молодин В.И., Фассбиндер Й.В.Е., Горка Т., Позднякова О.А., Чемякина М.А., Дураков И.А., Хансен С., Наглер А. Новый могильник древнетюркского времени Аул-Кошкуль-1 в Барабинской лесостепи: геофизические исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 7. – С. 46–56.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Эпов М.И., Фирсов А.П., Злыгостев И.Н., Дядьков П.Г., Савлук А.В., Вайсман П.А., Колесов А.С., Кулешов Д.А., Шеремет А.С., Цибизов Л.В. Магнитометрический комплекс на легких БПЛА для археологических исследований // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 30–31.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Бортникова С.Б., Позднякова О.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А. Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // Геология и геофизика. – 2016. – № 3. – С. 603–614.

Becker H., Faßbinder J.W.E. Magnetometry of a Scythian settlement near Cicah in the Baraba Steppe // Arhaeological Prospection. – München, 1999. – P. 168–172.

*Авторы выражают благодарность Е.В. Кравченко за предоставленные результаты тахеометрической съемки памятника Погорелка-2.

References

Becker H., Faßbinder J.W.E. Magnetometry of a Scythian settlement near Cicah in the Baraba Steppe. In *Arhaeological Prospection*. München, 1999, pp. 168–172.

Epov M.I., Firsov A.P., Zlygostev I.N., Dyad'kov P.G., Savluk A.V., Vaisman P.A., Kolesov A.S., Kuleshov D.A., Sheremet A.S., Tsibizov L.V. Magnitometricheskii kompleks na legkikh BPLA dlya arkheologicheskikh issledovanii. In *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 30–31 (in Russ.).

Epov M.I., Molodin V.I., Manshtein A.K., Balkov E.V., Dyad'kov P.G., Matasova G.G., Kazanskii A.Yu., Bortnikova S.B., Pozdnyakova O.A., Karin Yu.G., Kuleshov D.A. Mul'tidistsiplinarnye arkheologo-geofizicheskie issledovaniya v Zapadnoi Sibiri. *Russian Geology and Geophysics*, 2016, No. 3, pp. 603–614 (in Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A., Dyad'kov P.G., Manshtein A.K., Balkov E.V., Minenko M.I. Rezul'taty geofizicheskikh issledovanii pamyatnika Preobrazhenka-2 v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. I, pp. 434–439 (in Russ.).

Molodin V.I., Faßbinder J.W.E., Gorka T., Pozdnyakova O.A., Chemyakina M.A., Durakov I.A., Hansen S., Nagler A. Novyi mogil'nik drevnetyurkskogo vremeni Aul-Koshkul'-1 v Barabinskoi lesostepi: geofizicheskie issledovaniya. *Vestnik Novosibirsk State Univ. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2010, vol. 9, iss. 7, pp. 46–56 (in Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Hansen S. Andronovskii (fedorovskii) kurgan na mogil'nike Pogorelka-2 (Tsentral'naya Baraba). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 212–216 (in Russ.).

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 394.2

И.Ю. Аксенова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: a_history@mail.ru

Праздник «Сороки» у старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края в 1950–1960-е годы*

Статья посвящена анализу бытования обрядов праздника «Сороки», который относится в русском календаре к зимне-весеннему циклу, приходящемуся на период Великого поста. Автор дает характеристику обрядовых действий, связанных с изготовлением хлебобулочных изделий («жаворонки» или «сороки»), приводит тексты закличек весны, исполняемых детьми. В работе предпринята попытка выявления специфики обычаев и обрядов этого дня у потомков южнорусских переселенцев и соседствующих с ними старожилов в 1950–1960-е гг. Основой для написания статьи послужили собственные полевые материалы 2016 г., собранные на территории ряда сел Шипуновского, Усть-Пристанского, Поспелихинского, Мамонтовского районов Алтайского края. Автор применяет метод реконструкции, когда по его просьбе сельские жители восстанавливают рецептуру своих бабушек, демонстрируют приготовление «сороков».

Ключевые слова: *праздники, праздничная обрядность, православные традиции, интеграция, переселенческая культура, старожилы.*

I.Yu. Aksenova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: a_history@mail.ru

«Soroki» as Celebrated by the Old-timers and South Russian Immigrants to the Altai Territory in the 1950–1960s

In this article the analysis of the "Soroki" holiday rites, that refers to the winter-spring cycle in Russian calendar during the period of Great Lent, is represented. The author gives the characterization of the ritual activities related to manufacture of bakery products ("Zhavoronki" or "Soroki") and the spring songs texts sung by children. The work is an attempt to identify the nowadays specifics of the southern Russian immigrant descendants and the adjacent to them old-timers customs and rites in the 1950–1960-ies. The basis for this article served the author's 2016 field materials, collected in the territory of a number of villages Shipunovo, Ust-Pristan, Pospelikhia, Mamontovo districts of the Altai Territory. The author uses the reconstruction method, when the villagers restore their grandmother's recipe by author's request, demonstrating the "Soroki" cooking.

Keywords: *holidays, festive rites, Orthodox traditions, integration, emigrant culture, old-timers.*

В настоящее время применительно к территории Алтая практически отсутствуют публикации, посвященные конкретным однодневным праздникам, в частности, таким как «Сороки». Целью данной работы является рассмотрение календарной обрядности жителей Алтайского края на примере этого праздника. В задачи полевого сезона 2016 г. входило рассмотрение обычаев приготовления обрядовой выпечки и связанных с ней обрядовых действий; запись примеров народно-поэтических текстов («закличек»). В основу данного исследования положены полевые экспедиционные материалы автора, большая часть из которых была собрана в 2016 г. на территории ряда районов Алтайского края (Шипуновский, Усть-Пристанский, Мамонтовский, Поспелихинский). Ссылки на иные материалы экспедиций прошлых лет привлекаются в качестве подтверждения распространенности

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-01-18028е.

того или иного явления (рецептов выпечки, обрядовых действий, приговоров и пр.).

Русское население Алтайского края в этнографическом отношении неоднородно. Оно формировалось в течение длительного времени в ходе миграций из различных губерний европейской части страны и Сибири. Разрастаясь, селения разделялись на «края», где жили сибиряки-»старожилы» и «российские» переселенцы. Создавалось переплетение традиций, возникало взаимовлияние обычаев [Липинская, 1989, с. 113]. В связи с этим, рассматривая какой-либо компонент традиционной культуры населения Алтая, автор делает так, как это уже принято в сибирской этнографической литературе: указывает место выхода информатора (или его родителей, дедов).

«Сороки» – день сорока мучеников в Севастийском озере мучившихся (9/22 марта) [Воронина, 2011, с. 32]. На Алтае бытовали различные названия этого дня: «Сорóки» или «Сорóки», «Сорок святых», «Сорок сорокóв». В 1950–1960-е гг. этот праздник отмечался информаторами как небольшой, но значимый день, когда, по их мнению, прилетают сорок птиц: «Праздник такой “Сорок святых”. Это когда птицы прилетают, наименование им – “сороки”. Первые скворчики прилетают в конце марта, а потом уже остальные» (*воронежские переселенцы*, Р.Д. Сычева, с. Гуселетово, Романовский район).

Важным компонентом этого дня являлась выпечка. Стряпали «жáворонков», «жаворóнушков», «жаворынков», «птичек», «пташек», «кýликов», «куличéй» или «сорóк» (по названию самого праздника) (см. *рисунок*). Тесто для «жаворонков» замешивали пресное (*старожилы*), в некоторых местах делали «сдобину» с квашни (*переселенцы*, *старожилы*), использовали и кислое тесто, а глазки в основном делали из сушеной черемухи или же обозначали спичкой. Испечь старались максимально похожим образом на птичек: «Глазки проткнет спичкой, тут вот так носик сделает, куличик, тут крылышки вырежет, как вроде перышки» (*старожилы*, В.В. Кондрашова, с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район). «Баб Лена всегда пекла, они большие такие были, больше чем кресты на Средокрестье пеклись» (*вятские переселенцы*, В.В. Санников, с. Усть-Чарышская Пристань, Усть-Пристанский район). В этот день пекли также просвирки (*пензенские*, *украинские переселенцы*).

Обязательным являлся обычай запрятывания испеченных «жаворонков» утром в доме (за икону, «где близко»), на улице (в сене): «Мы их в полотенце сложили, прятали в сене, а другие идут искать» (*старожилы*, А.М. Кротова, с. Суслово, Мамонтовский район). Прятать могли как дети, так и взрослые. В одном случае прятали «жаворонков» с целью нахождения и поощрения нашедшего: «Ну, примерно, мама настряпала, спрятала. Кто первый найдет, получает подарок. Ну какой? Конфетку или комочек сахара» (*воронежские переселенцы*, Р.Д. Сычева, с. Гуселетово, Романовский район). В другом поиски птички расценивались как игра: «Берут, спрячут. Потом играют, наигрáются и съедят» (*пензенские переселенцы*, Т.Ф. Белевцева, с. Андреевка, Шипуновский район).

В некоторых семьях по выпечке гадали: «И вот спекет мать, помажет, денюжку положит, помешает их. Ну, каже: дочка иди, ну-ка, возьми просвирочку! Не попало мне – нету щастя» (*украинские переселенцы*, М.Ф. Рыбина, с. Черная Курья, Мамонтовский район). «А еще под головку “жаворонкам” закладывали копеечку. Кому попадет копеечка – тот будет счастливый» (*пензенские переселенцы*, Т.Ф. Белевцева, с. Андреевка, Шипуновский район).

Закликания, возникшие в глубокой древности и являвшиеся по своему генезису и сущности обрядовым жанром народного словесного творчества, сохранялись очень долго, пока сохранялись хотя бы в рудиментах обряды, с которыми они были связаны [Соколова, 1982, с. 13, 23–24]. В середине XX столетия, по свидетельствам информаторов, все еще бытовал обряд закликания весны детьми на возвышенных местах (на крыше дома, сарая).

Обращаясь к весне или к ее предвестникам – жаворонкам, дети просили их принести тепло, обильный уро-

«Сороки» для выпечки, реконструкция по просьбе автора. Село Качусово, Шипуновский р-н, полевые материалы автора, 2016 г.

жай, подбрасывая или поднимая вверх, не выпускали из рук.

Жаворонки, прилетите!
Крáсну вёсну принесите!
Нам зима надоела,
Всю капусту поела.
В кадушку …
Кшууу! улетела!

Записано от Т.А. Тарахненко (*старожилы*), с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район.

Прилетайте, жавороночки,
Нам зима надоела, весь хлебушек поела,
Сена все подобрала,
В короб …

Записано от Г.П. Шапошникова (*старожилы*), с. Озерки, Шипуновский район.

Жаворонушки, прилетите,
Красно лето принесите!
Нам зима надоела,
Весь хлеб поела!
Остались одни крошки,
И те поели кошки!

Записано от Т.Ф. Белевцевой (*пензенские переселенцы*), с. Андреевка, Шипуновский район.

Жаворонки, жавороночки,
Прилетите к нам,
Весну-красну
Принесите нам!

Записано от Хорошиловой В.А. (*старожилы)*, с. Боровое, Крутихинский район.

В этот день дети ходили в гости друг к другу со своими «жаворонками», хвастались, у кого лучше получилась испеченная «птичка». Были зафиксированы случаи, когда и взрослые приходили в гости со стихами и прибаутками, пели песни, учили соседских детей закличкам и песенкам (с. Озерки, Шипуновский район).

После игр и песнопений «жаворонков» надлежало съесть детям. В некоторых селах выпечку скармливали скотине: «У меня баба потом корове скармливала, овечкам. Зачем? Чтоб корова доилась и не болела, наверное» (*старожилы*, В.Ф. Вершинин, с. Тулата, Чарышский район). «Не съешь сам, так кошке отдашь» (переселенцы из Херсонской губернии, А.Т. Долженко, с. Калмыцкие Мысы, Поспелихинский район).

Таким образом, в середине XX в. обычаи и обряды праздника «Сороки» имеют все же некоторые отличия в названии, рецептуре, обрядах, исполняемых закличках у различных этнографических групп. Мы можем говорить о бытовании архаичных элементов в конце 1940 – середине 1950-х гг., сохранившихся в ряде обрядовых действий: залезание на возвышенность, на крышу, исполнение закличек весны, скармливание «жаворонков» домашним животным. В старожильческой среде «птичек» пекли больше из пресного теста (иногда сдобного), встречаются оригинальные названия выпечки у старожилов: «кулики», «куличи», не распространенные у переселенцев. Южнорусские переселенцы заводили практически повсеместно сдобное тесто (название выпечки: «жаворонки», «сороки» и т.д.), а также гадали, закладывая копеечки под «птичек», что не имеет аналогий у старожилов. Исполнение закличек вне дома (на улице, на крыше дома или сарая) было распространенным явлением и для старожилов, и для переселенцев, включая игры с «жаворонками» в сене. Приведенные в статье народно-поэтические тексты можно отнести к поздним приговорам, где сохранена форма закликания, главный лейтмотив заключается в ожидании весны, лета, тепла.

Информаторы, чье детство приходилось на 1950 – начало 1960-х гг., не всегда припоминали заклички на «Сороки», их воспоминания ограничивались информацией о выпечке и некоторых приметах (о прилете птиц). Таким образом, в это время в сибирской деревне уже наблюдалась потеря смыслов в обрядности этого дня.

Список литературы

Воронина Т.А. Русский праздник: от заговенья к разговинам // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: сб. статей и очерков. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 7–65.

Липинская В.А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 111–141.

Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – 336 с.

Соколова В.К. Закликания и приговоры в календарных обрядах // Обряды и обрядовый фольклор. – М.: Наука, 1982. – С. 11–25.

References

Lipinskaya V.A. Narodnye traditsii v sovremennykh kalendarnykh obryadakh i prazdnikakh russkogo naseleniya Altaiskogo kraya. In *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt.* Moscow: Nauka, 1989, pp. 111–141 (in Russ.).

Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt. Moscow: Nauka, 1989, 336 p. (in Russ.).

Sokolova V.K. Zaklikaniya i prigovory v kalendarnykh obryadakh. In *Obryady i obryadovyi fol'klor*. Moscow: Nauka, 1982, pp. 11–25 (in Russ.).

Voronina T.A. Russkii prazdnik: ot zagoven'ya k razgovinam. In *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyashchemu: sbornik statei i ocherkov.* Moscow: IEA RAS Publ., 2011, pp. 7–65 (in Russ.).

УДК 393.05

Ш.К. Ахметова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Похороны у казахов Новосибирской области (по материалам экспедиции 2016 года)

В статье вводятся в научный оборот новые материалы по похоронной обрядности, полученные в результате повторного, спустя 17 лет, обследования Купинского и Чистоозерного, а также Здвинского и Краснозерского районов Новосибирской обл. За это время численность казахского населения в этих районах резко сократилась в связи с общей демографической ситуацией. Низкая численность и дисперсное расселение должны были отразиться на сохранении традиционной культуры. Однако эти факторы почти не повлияли на мировоззрение и культуру казахов данного региона. Отличия в похоронной обрядности носят локальный характер и выражаются в сохранении некоторых древних элементов, утраченных в других сибирских регионах, но еще бытующих, согласно материалам экспедиции этого года, в Актогайском, Майском и Шербактинском районах Павлодарской обл.

Ключевые слова: *похоронная обрядность, казахи, мәйіт, дәуір, кладбище, могила, қонақ ас, жоқтау.*

Sh.K. Akhmetova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Kazakh Funeral of Novosibirsk Region (on the 2016 Expedition Materials)

In the article new materials for funereal rites are introduced into scientific circulation, as a result of repeated studies, 17 years later, the survey in Kupinsky, Chistoozernoe, Zdvinsk and Krasnozyorsky Districts of Novosibirsk Region. During this time, the number of Kazakh population there declined sharply in line with the overall demographic situation in these regions. The low number and geographical dispersion of population should have an impact on the preservation of traditional culture. However, these factors hardly affected the ideology and culture of the Kazakhs in the region. Local differences in the funeral rites are expressed in the preservation of some ancient elements lost in other Siberian regions, but still existing according to the materials of the this year expedition in Aktogay, Mayskoye and Sherbaktinskom areas of Pavlodar region.

Keywords: *funeral rites, Kazakhs, məyit, dəuir, cemetery, grave, konak ac, zhoktau.*

Этническое сознание продолжает определять развитие этнокультурных процессов у казахов Западной Сибири. Очередным подтверждением этому стали материалы археолого-этнографической экспедиции 2016 г. Спустя 17 лет мы вновь обследовали Купинский и Чистоозерный, а также Здвинский и Краснозерский районы Новосибирской обл. За это время численность казахского населения в этих регионах резко сократилась из-за высокой смертности, снижения рождаемости и миграции в Павлодарскую область, в Астану, Павлодар, Новосибирск. Причем эти факторы получили развитие в русле общей демографической ситуации в исследуемых районах. Наибольшее число казахов, по словам информаторов, проживает в с. Польяново – 30–40 человек, в с. Романовка – 20 и р.п. Чистоозерное приблизительно 40 человек. В других районах казахи рассредоточены по несколько дворов в разных селах. Например, в с. Лотошное Краснозерского района Новосибирской обл. насчитывается

всего 7–8 казахских дворов, в Купино 5–6 дворов, в некоторых селах Купинского района по 1–3 двора. При такой численности и дисперсном расселении следовало ожидать размывания традиционной культуры. Однако эти факторы незначительно отразились на мировоззрении и этнической культуре казахов исследуемого региона. В данной работе мы хотим рассмотреть похоронную обрядность, являющуюся наиболее устойчивым компонентом традиционной культуры.

В семейном комплексе традиционно-бытовой культуры похоронно-поминальная обрядность отличается большей консервативностью. Так же, как и в других регионах России и Казахстана, тело умершего человека (*мәйіт*) после первичного обмывания (*дәрет*) укладывают лицом в сторону Мекки на правой стороне (*оң жақ*) в отдельной комнате и отгораживают занавеской (*шымылдық*). Одежду полностью снимают. Ее могут сжечь или выбросить, если не захочет кто-нибудь забрать. На пол стелют ковер, который покрывают простыней. Тело также закрывают простыней. Дәрет мәйіту не делают только в с. Лянино Здвинского района. Вновь прибывшие и присутствующие по желанию могут заходить в комнату, чтобы посмотреть на него. Люди, не состоящие в родстве, приносят *бата* обычно по 500–1000 руб., дальние родственники по 1500–2000 руб., близкие родственники по цене стоимости барана – 5000 руб. Поскольку численность местных казахов очень мала, ориентируются на родственников. Лошадь или баранов в зависимости от количества родственных связей заранее покупают хозяева. Так же, как и в Омской обл., женщины могут принести отрезы тканей, конфеты с печеньем или пачку чая. Это не принято только в с. Лянино. Приехавшие издалека женщины, обняв хозяйку, оплакивают умершего с причитаниями (*көрісу*). Старые женщины иногда поют поминальную песню (*жоқтау*) при потере дочери или сына.

Вечером первого дня режут барана и дают *қонақ ас* – угощение в честь умершего в первую ночь после смерти, несмотря на мусульманский запрет первые три дня после смерти забивать животное, готовить и принимать пищу в доме умершего. В Чистоозерном районе считается, что в доме покойника кровь до подоконника держится в течение 7 дней. Тем не менее эта традиция устойчиво держится во всех регионах Западной Сибири, потому что казахи считают угощение для усопшего последним нравственным долгом живых перед ним, данью уважения к нему. *Қонақ ас* фактически сливается с обрядом *құзет*, который не противоречит нормам ислама. Обычно ночуют 10–15 пожилых людей. У тела женщины положено сидеть женщинам преклонного возраста, у тела мужчины должны сидеть мужчины. Мулла или кто-то из присутствующих должны читать молитвы. Но поскольку покойник изолирован в другой комнате, дверь в которую всегда закрыта, в настоящее время непосредственно у тела никто не сидит. Старшие с муллой время от времени заходят в комнату и смотрят в правильном ли положении находятся глаза, руки, ноги и голова мәйіта. В комнате всю ночь горит свет.

Несмотря на то, что могилу положено копать (*қабыр казу*) в день похорон, часто это делают за сутки. Связано это с тем, что казахское население Здвинского, Краснозерского и Купинского районов предпочитают хоронить на старом кладбище рода *төрт ұл* у исчезнувшего аула Тағаны. Казахи из р.п. Чистоозерное, с. Романовка и с. Польяново хоронят на кладбище рода козбағы козған арғын в Забулге и на родовом кладбище буран кулан кыпчаков Большой Куст, находящегося в Оконешниковском районе Омской обл. на границе с Новосибирской обл. Только зимой они хоронят на кладбище возле д. Лебяжье в 20 км от р.п. Чистоозерное. Из-за дальних расстояний для мужчин, вызвавшихся копать могилу (*қабыршы*), рядом с кладбищем режут барана и варят мясо в казане. В Купинском, Здвинском и Краснозерском районах приходится нанимать могильщиков. Копать могилу нанимают не только казахов, но и русских. Это местная специфика связана с недостатком казахского населения. Обычно нанимают от 6 до 10 человек. Каждому *қабыршы* платят от 500 до 1000 руб. Практика найма могильщиков характерна и для омских казахов. В условиях города среди работающего населения сложно найти столько добровольцев, что и вызвало инновации в этой сфере.

За день до погребения приносят из домика при кладбище или из дома, где были последние похороны, *табыт* – деревянные погребальные носилки, трапециевидно-прямоугольной формы, изнутри оцинкованные, без стенки с одного торца. В нем проводят обряд омовения, который совершается в соответствии с предписаниями ислама и строго по половому различию. Мужчин обмывают мужчины, женщин обмывают женщины. К телу допускаются уважаемые люди, в первую очередь это право предоставляется сватам. По данным экспедиции количество омывальщиков (*сүекке түсушілер*) обычно составляет от трех, когда не хватает людей, до пяти человек. Допущенные к телу люди обязаны чисто помыться и надеть чистую одежду, чтобы не осквернить покойника. По окончании жаназа омывальщиков одаривают. В Купинском и Краснозерском районах мужчинам дают

по 3 м вельвета на шапан, женщинам дают на платье (*көйлек*) по 3 м плюша. А также всем дают по 300–500 руб. В Чистоозерном районе женщинам дают по 2 м плюша, мужчинам вельвет или рубашки. Так же, как и в других регионах Западной Сибири и Казахстана, допущенным к обмыванию людям нельзя обсуждать покойника. Принято только хвалить. Это вызвано не только этическими нормами, но и страхом перед покойником.

При смерти мужчины имам стоит рядом с омывальщиками, дает советы и читает молитвы. Когда обмывают женщину, мулла руководит процессом за дверью и читает молитвы. Женщинам волосы моют, но не расчесывают. Если расчесывают волосы, то расческу выбрасывают вместе с мылом. По окончании процедуры омовения мәйіта одевают в саван (*ақірет*), раскроенный имамом. Узелки не завязывают. Потом заворачивают *мәйіта* в белую ткань, закрывая при этом лицо, и завязывают под головой, в поясе и в ногах. В саван кладут для дезинфекции толченую гвоздику. Поверх савана мәйіта заворачивают в плюш, потом в ковер или домотканый палас (*алаша*) и кладут в табыте перед муллой и аксакалами лицом в сторону Медины.

Имам со всеми присутствующими проводят *жаназа*. Молда спрашивает, есть ли у кого из присутствующих обиды на покойника, если есть, просит простить его или ее. Потом спрашивает, есть ли долги у покойного, тут сидят его дети и родственники, которые вернут его долг. Но если человек, у которого покойник занимал деньги, промолчит, то родственники усопшего имеют право не возвращать долг. Поэтому некоторые муллы формулируют иначе вопрос: если умерший кому-то задолжал, вот перед вами сидят дети – они отдадут долг. В с. Лянино на молитву жаназа женщины становятся с мужчинами только на похоронах женщины. Если умер мужчина, на молитву встают только мужчины.

В Купинском районе и в с. Лотошное Краснозерского района не проводят дәуір. По словам информаторов, дәуір проводил мулла Хусаин, который умер 30 лет назад. Положено было платить по стоимости 1/10 часть имущества. Но в конце 1980-х гг. народ обеднел и отказался от исполнения дәуіра. В с. Романовка и с. Польяново Чистоозерного района дәуір еще проводят. Мулле платят за его проведение 1500 руб.

Обряд *төртбұрыш* в обследованных районах не проводят в отличие от Омской и Тюменской обл. После того, как все уйдут с кладбища, в Чистоозерном районе мулла с одним из близких родственников мужского пола читают *талкын* – ответы, которые должен давать покойник на допрос ангелов Мункара и Нанкира. В с. Лянино Здвинского, с. Лотошное Краснозерского и Купинском районах талкын не читают.

Особенностью погребального обряда у казахов Здвинского, Краснозерского и Купинского районов является то, что на могилах женщин на кладбище Таганы доска в изголовье раздвоена на конце, а у мужчин завершается треугольником. Эта особенность характерна для представителей рода басентеин аргын, которую переняли представители других родов.

В Купинском, Краснозерском и Здвинском районах ткани на похоронах раздают не всем подряд, как в Омской обл. Принято дарить ткани тем, кто приехал издалека и омывальщикам. Чистоозерный район в этом отношении больше тяготеет к Омской обл. Во время похорон здесь женщинам раздают по 2 м парчи или китайской ткани вроде ворсалана, молодым женщинам дают атласные платки. Старшим мужчинам раздают по 2 м вельвета или *жайнамазы* – молельные коврики. Молодым мужчинам дают носовые платки с завязанными в уголке монетами по 1–2 руб., или тюбетейки.

Поминки проводят на третий, седьмой и сороковой дни. Ткани и жайнамазы дают только тем, кто пришел впервые и совершил бата. Всем остальным раздают носовые платки с монетами.

Похоронная обрядность казахов Новосибирской обл. в целом мало отличается от других регионов Западной Сибири. Отличия носят локальный характер и выражаются в сохранении некоторых древних элементов, утраченных в других сибирских регионах, но еще бытующих согласно материалам экспедиции этого года в Актогайском, Майском и Шербактинском районах Павлодарской обл. Это прежде всего көрісу и жоқтау. Влияние Павлодарской обл. выражается и в скромных одариваниях участников похорон и поминок в Купинском, Краснозерском и Здвинском районах.

УДК 339.1 (571.1) 09

Н.А. Березиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: warumbaum@gmail.com

Казаки Илимского воеводства в XVIII веке

В статье рассмотрены этносоциальные характеристики сибирских казаков в XVIII в. На широком круге источников, относящихся к истории Илимского уезда Иркутской губ., показана численность служилых людей, круг их военно-административных обязанностей, средства к существованию, способы комплектования и восполнения личного состава и материальное обеспечение. Выявлены конкретные механизмы предпринятой властью попытки растворить илимских казаков в массе податного населения. Несмотря на лишение всякого рода статусов, сибирские казаки по факту продолжали иметь положение особой этносоциальной группы в силу того, что выполняли широкий круг административно-политических, военно-полицейских и даже дипломатических задач.

Ключевые слова: *казаки, казачество, жизнеобеспечение, мировоззрение, возраст, этносоциальные особенности, империя, Илимск, Иркутск.*

N.A. Berezikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: warumbaum@gmail.com

The Cossacks of the Ilimsk Region in the XVIII Century

The author examines the social characteristics of the Siberian Cossacks in the XVIII century. The author uses a wide range of sources on the history of the Irkutsk province Ilimsk district (voevodship) and shows the number of service people, their military and administrative duties, livelihoods, ways of acquisition and replenishment of personnel, marital status and material security. The author states that Ilim Cossacks in the beginning of the XVIII century were an sustainable ethno-cultural group, and the government, pursuing a policy of imperial social unification, tried to dissolve the representatives of the Cossacks in the mass of tax-paying population. The author comes to the conclusion that despite of the deprivation of all kinds of statuses, siberian Cossacks in fact continued to have a privileged position in the ethno-social structure of Siberia due to the fact that they performed a wide range of administrative, political, military and even diplomatic tasks.

Keywords: *Cossacks, life sustenance, worldview, age, ethnosocial characteristics, empire, Ilimsk, Irkutsk.*

Сибирское казачество за свою историю претерпело множество изменений, которые касались его институционального положения. Реформы Петра I оставили отпечаток на данной группе населения. Главной линией этих преобразований было четкое разделение всего разнообразия народонаселения на податную и неподатную категории (конкретное проявление которого сводилось к обязанности уплаты или неуплаты подушной подати) [Брубейкер, Купер, 2002, с. 67–68]. Петром I была предпринята попытка упразднить казачество в Сибири со всеми его этносоциальными и этнокультурными особенностями и растворить его представителей в массе податного сельского населения [Лавринович, 2002, с. 127–128].

В этом плане казаки Илимского воеводства являют собой типичный пример судьбы сибирских казаков. Образование империи вело к всеобщей социально-политической и этно-территориальной унификации. В экономическом и управленческом плане Илимск с начала XVIII в. был тесно связан с Иркутском; он имел небольшой гарнизон со своей локальной спецификой. Несмотря на лишение всякого рода статусов, сибирские казаки фактически продолжали иметь привилегированное положение в сибирском социуме в силу того, что

выполняли широкий круг административно-политических, военно-полицейских и даже дипломатических задач [Быконя, 2007, с. 18–19].

Так, илимские казаки при необходимости вовлекались в военные операции по расширению восточных рубежей России в качестве руководителей среднего звена и рядовых. Кроме того, они имели отношение к непосредственному управлению низшими административно-территориальными единицами региона: осуществляли прием хлебных и ясачных пошлин, в случае острой потребности самостоятельно выращивали зерновые культуры, охотились за зверем, возводили речные судна и выполняли задачи по их экспедиции, восстанавливали дороги, искали беглецов, сопровождали заключенных, занимались различными промыслами, выполняли конфиденциальные поручения местных военных, а также занимались охраной государственных стратегических объектов.

Однако попытки властей унифицировать сибирское казачество и слить его с другими социальными группами не имели фактического успеха. Формально обладая тем или иным статусом городского или сельского населения, казаки реально не были подобны другим слоям сибирского общества. В XVIII в. казаки Илимского воеводства продолжали приобретать статус «казака» как по личному выбору, так и по праву рождения, они не платили подушных сборов, но находились на службе бессрочно, не обладая при этом особыми привилегиями. Хотя они не имели формальной воинской структуры с выборным казачьим предводителем, дружиной и уставом, тем не менее казаки оставались в полной мере организационно выстроенным слоем сибирского социума. Они «открывали» новые территории, описывая ранее не известные этносы, вносили земли в кадастр, проводили испытания в аграрной области, брали пробы и оценивали урожай зерновых, сопровождали Великую Северную экспедицию. Несмотря на неумолимую унификацию, сопровождавшую сибирских казаков весь XVIII в., они сумели сохранить свои самобытные черты и мировоззрение, сложившиеся в течение предыдущего столетия. Перемены в их социально-политическом и этнокультурном облике, в том числе способах жизнеобеспечения, были также значительны [Плотникова, 2014, с. 38–39].

Первое существенное преобразование, коснувшееся казаков Илимского воеводства в послепетровскую эпоху было связано с установлением верхней границы штатной численности. Вводимый новый штат казаков существенно сокращал их численность и даже ликвидировал отдельные группы. Так, в архиве разрядного стола Иркутской губ. в 1726 г. сделали полный перечень служилых людей Илимского уезда по старому штату. Всего он насчитывал 162 человека: 1 дворянина, 14 детей боярских, 16 пятидесятников, десятников, 10 конных казаков, 118 пеших казаков, два мельника и палач. По новому штату конные казаки, пятидесятники и десятники исключались (РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 2. Д. Л. 95) [Описание, 1988, с. 113–115].

Большая часть илимских казаков (78 человек) в 1730-х гг. занимались охраной объектов и сопровождением по Сибири приезжих чиновников. Расширение этого круга обязанностей у илимских казаков связано с Великой Северной экспедицией, а именно ее Камчатской частью. Для обеспечения деятельности академиков Сенат выпустил приказ в 1738 г. о создании драгунского полка и пехотного батальона из числа местного служилого населения, их родственников и «охочих» людей. Уже в феврале 1738 г. драгуны и солдаты общей численностью 25 человек, набранные из действующих илимских казаков, отправились с фурштатом в Иркутск в драгунский полк и пехотный батальон (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1231. Л. 4-14).

Именно с этого времени началась, по-видимому, штатная недостача казаков в Илимском уезде. На 1745 г. всего было 113 человек (36 из них приписаны к Братскому острогу, 77 – к Илимскому). Для восполнения штатной численности был проведен смотр казачьих детей в возрастном диапазоне между 13 и 25 годами. По итогам смотра новобранцы обязаны были явиться на службу с собственным ружьем, саблей (или палашом) и конем. Численная недостача казаков в Илимском воеводстве возникала постоянно на протяжении всего XVIII в. и была, вероятно, связана с отправкой казаков на северо-восточные окраины Сибири (РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 2. Д. 440. Л. 120; РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 2. Д. 468. Л. 73, 108; РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 2. Д. 532. Л. 26-29). Значительная часть уезжала в связи с нуждами Камчатской экспедиции.

По данным 1753 г. на службе состояло 5 детей боярских и 119 казаков. В самом Илимском остроге служило 8 человек (счетчики, городничий, сторожа, пожарный), охраной винокурен занималось 12 казаков, в караулах было 68 казаков. Аналогичную картину представляют и данные 1754 г. (подробнее см.: РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 2. 654. Л. 161–162).

В перечне казаков 1755 г. упоминаются казачьи старшины (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2001. Л. 51–52; РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2038. Л. 40–47). В 1756 г. 19 илимских казаков из списочного состава были отправлены в Охотск в дополнении к тем, кто уехал туда в 1750 г. Тогда же 63 казаков направили в даурские острожки на китайскую границу в связи с возобновлением военной активности соседей (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1.

Ч. 2. Д. 765. Л. 142-144). Было велено отобрать «добрых» казаков «с ружьем» и амуницией.

В связи с поступавшими с Амура «немирными... несходными с трактатом известиями» Иркутское губернское правление требовало у илимских воевод отчетов о боеспособности подведомственных им казаков и уровня их жизнеобеспечения. Например, учет 1756 г. касался 120 казаков (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. 2467. Л. 7–8. Л. 160–170). 7 человек были в возрасте 15–18 лет, 7 – 19–20 лет, 45 – 21–30 лет, 26 – 31–40 лет, 26 – 41–50 лет, 7 – 51–60 лет, 2 – старше 60 лет. Из них 39 человек находились на службе 1–5 лет, 28 – 6–15 лет, 33 – 16–25 лет, 17 – 26–35 лет и 3 – 36–40 лет. Среди казаков 21 умели читать и писать (20 %), а каждый из остальных 99 человек ответил, что «в грамоте не умеет» (80 %). 82 человека были женатыми или вдовцами, 38 – холостыми. 58 казаков (менее 50 %) имели оружие: 14 винтовок, 12 фузей, 52 палаша, 1 шпага и 1 сабля; остальные не имели никакого оружия. Известен также сходный отчет на 1761 г. (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2549. Л. 123-137).

Помимо формального учета списочного состава казаков был проведено обследование их здоровья. Всего воеводой было выявлено 8 казаков, которых отправили на дополнительный осмотр в Иркутск (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 765. Л. 115-117). По его результатам было принято решение оставить на службе пожилых казаков (троим из которых было 55, 62 и 67 лет соответственно): «Еще несколько времени службу при городе безнужно исправлять могут, затем и нет их желания к отставке» (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 764. Л. 115-117).

С середины 1760-х гг., с деятельности нового иркутского губернатора А.И. Бриля, положение казаков стало меняться в сторону унификации деятельности с замещением их должностей штатскими чиновниками. Ежегодно увольнялись пожилые казаки и на их место не назначались новые. Единоличное право увольнения получила Илимская воеводская канцелярия (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1260. Л. 18-21), в 1772 г. были объединены в одну штатную единицу все казаки Иркутской губ., а их пашенные угодья заменены на жалованье в виде муки и круп (РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1301. Л. 78-91). Ушло из официального словоупотребления «пятидесятник казачий» (их стали называть «урядниками») (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 49. Л. 2, 5).

Материальное положение казаков Илимского (с 1774 г. – Киренского) уезда не возвышало их среди прочего населения Иркутской губ. [Молодин, 2007, с. 100–101]. В частности, за ними числились большие долги по подушной подати, которые не могли быть покрыты с помощью действий приставов. Известно прошение местных властей 1780 г. о «прощении» недоимок казаков. Однако Сенат решился на это только в 1796 г., полностью освободив от подушной подати казаков Иркутской губ. [Шахеров, 2001, с. 96].

Таким образом, илимские казаки представляют собой типичный пример судьбы служилых людей, именовавшихся в XVII в. казаками: в век империи они трансформировались во вспомогательные отряды, приобщенные к административно-полицейским силам.

Список литературы

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 61–115.

Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века: демографо-сословный аспект. – Красноярск: Красноярск. гос. пед. ун-т, 2007. – 416 с.

Лавринович М. Создание социальных основ империи в XVIII веке: законодательные практики в отношении городского населения России и их западноевропейские источники // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 117–136.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога // Наука из первых рук. – 2007. – № 4 (16). – С. 100–101.

Описание Иркутского наместничества 1792 г. – Новосибирск: Наука, 1988. – 254 с.

Плотникова М.М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. – Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2014. – 191 с.

Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Очерки социально-экономической и культурной жизни. – Иркутск: Оттиск, 2001. – 264 с.

References

Brubeiker R., Kuper F. Za predelami “identichnosti”. *Ab Imperio*, 2002, No. 3, pp. 61–115 (in Russ.).

Bykonya G.F. Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX veka: demografo-soslovnyi aspekt. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Univ. Press, 2007, 416 p. (in Russ.)

Lavrinovich M. Sozdanie sotsial’nykh osnov imperii v XVIII veke: zakonodatel’nye praktiki v otnoshenii gorodskogo naseleniya Rossii i ikh zapadnoevropeiskie istochniki. *Ab Imperio,* 2002, No. 3, pp. 117–136 (in Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel’niki Ilimskogo ostroga. *Nauka iz pervykh ruk,* 2007, No. 4 (16), pp. 100–101 (in Russ.).

Opisanie Irkutskogo namestnichestva 1792 g. Novosibirsk: Nauka, 1988, 254 p. (in Russ.).

Plotnikova M.M. Formirovanie kollektivnoi identichnosti v gorodakh Vostochnoi Sibiri v kontse XVIII – nachale XIX v. Irkutsk: Irkutsk State Univ., 2014, 191 p. (in Russ.).

Shakherov V.P. Goroda Vostochnoi Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX vv. Ocherki sotsial’no-ekonomicheskoi i kul’turnoi zhizni. Irkutsk: Ottisk, 2001, 264 p. (in Russ.).

УДК 94 (470)

Ф.Ф. Болонев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bolonev@rambler.ru

Старообрядческое село Новая Брянь (Забайкалье): возникновение, рост населения (вторая половина XVIII – середина XIX века)

История возникновения русских населенных пунктов на территории Забайкалья связана с проблемой земледельческого освоения новых земель. Образование старообрядческого села Новая Брянь на необжитом месте имело свою особенность и явилось следствием насильственного переселения крестьян-старообрядцев из пределов Польши. Переведенные семьи старообрядцев первоначально подселили в уже существующие за Байкалом русские деревни. Но подобное поселение было плохо подготовлено и не до конца продумано. Вскоре оказалось, что в поселенных деревнях ощутим недостаток земли для наделения крестьян. В статье на архивных материалах прослежены появление первых семей из других селений в селе Новая Брянь и рост его населения на протяжении трех четвертей века. Выявлены главы семей, состав семей, количество домов, рост родовых кланов. Приведены факты хозяйственных достижений в хлебопашестве.

Ключевые слова: *переселение, старообрядцы, основание села Новая Брянь, семьи старообрядцев, рост населения, родовые кланы, землепашество, хлеб.*

F.F. Bolonev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: bolonev@rambler.ru

Old Believer Village Novaya Brjan (Transbaikalia) – Emergence, Growth of Its Population (Second Half of XVIII Century – Middle of XIX Century)

The history of Russian settlements in the Transbaikalia is related to the problem of new lands agricultural development. The formation of the Old Believer village Novaya Brjan on uninhabited place had its own peculiarity and was the result of forced resettlement of Old Believer peasants from Poland. Relocated Old Believer families initially settled in already existing Russian Baikal villages. But such a settlement was poorly prepared and not fully thought out. Soon it turned out that there was the lack of land for the peasants. On archival materials the article traced the emergence of the first families from other villages in the village of Novaya Brjan and the growth of its population in the past three quarters of a century. Heads of families, family composition, number of houses, the growth of clans were revealed and given the facts of economic achievements in arable farming.

Keywords: *relocation, Old Believers, the base of the village of Novaya Brjan, Old Believer family, population growth, ancestral clans, tillage, bread.*

История возникновения и образования с. Новая Брянь непосредственно связана с насильственным переселением большой группы русских старообрядцев из пределов Польши в 1764–1768 гг. История основания этого селения имеет свои особенности: оно населялось семьями, прежде поселенными в других русских деревнях Тарбагатайского ведомства, а именно: в Куйту-

не, Большом Куналее, Тарбагатае, Десятникове. Об этом свидетельствуют архивные данные, обнаруженные автором и опубликованные в ряде изданий. [Болонев, 1994, с. 116–126; Болонев, 2009, с. 298–313]. Затем несколько семей, в основном старообрядцев-поповцев, по ряду причин переселились в Новую Брянь.

Некоторые факты о таком перемещении посельщиков в новую деревню находим у М.М. Шмулевича. Поисками первопоселенцев, основателей этого села, занимались и местные краеведы, которые записали ряд преданий и родословных. Большую работу в этом плане вел учитель истории Новобрянской школы Сергей Викторович Иванов (ныне покойный). Ценная, богатая фактами рукопись по истории с. Новая Брянь подготовлена Созоном Ивлевичем Жерловым. Она написана очевидцем тех бурных событий с явной классовой позицией.

В данной статье предпринята попытка осветить некоторые страницы из истории заселения села на основе архивных материалов, обнаруженных в результате многолетних изысканий в архивах Улан-Удэ, Иркутска, Читы.

Русских поселений по Бряне речке до начала 40-х годов XVIII в. фактически не имелось. Первые упоминания о нескольких русских людях, поселившихся в тех местах, имеются в документе, опубликованном Е.М. Залкиндом и датированном 1749 г. Там говорится: «На Усь Бряни жительство имеет домом удинской обыватель Петр Лазарев. На Бряне речке жительство имеет домом удинской обыватель Никифор Жаркой». Как видим, это были деревни-однодворки.

Далее сообщалось, что «на Бряне речки заморские брацкие зайсан Улахан кулметцого роду и при нем юрт з двадцать жительство имеют, да башан брацкой» [Залкинд, 1965, с. 143–144].

Далее о заселении села привлечены данные архивов, которые удалось собрать на протяжении полувека, и другие источники.

25 сентября 1768 г. генерал-майор Петр Ивашев отправил доношение на имя императрицы из Нерчинска в Петербург, в котором были собраны сведения «о выведенных из Польши, отправленных в Сибирь на поселение российских людях, сколко где оных поселено». В документе перечислены все селения, где стали обустраиваться старообрядцы, и указано их количество в каждом селе. [Покровский, 1975, с. 109–112]. Но сведений о Новой Бряни не имеется. Следовательно, данного селения еще не существует.

Вероятно, переселения старообрядцев из других деревень и слобод в это село начались после 1768 г., и начало его освоения относится к концу 60-х годов XVIII в.

Первоначально собирать сведения о поселенных старообрядцах стало местное губернское начальство и иркутское духовенство. С 1784 г. лишенные священства и церкви старообрядцы начали просить генерал-губернатора Иркутского и Колыванского И.В. Якобия, чтобы он позволил «своим полномочием по необходимой нашей нужде содержать священников, кои находятся в Новгородском-Северском наместничестве Стародубской слободе...» [ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 40. Л. 115].

Как видим, старообрядцы не теряют связи с прежним местом жительства. 11 декабря 1794 г. обращение «по секрету» с подобной просьбой было направлено и генерал-майору Лариону Тимофеевичу. В декабре того же года Иркутское духовное начальство затребовало от поселенных старообрядцев сведения. Старообрядцы всех селений должны были ответить на 15 пунктов, основными из них были: 1) когда они приведены; 2) в какие места поселены; 3) сколько их мужского и женского пола и т.д. В следующем году крестьяне-старообрядцы всех 30 селений дали ответы протоиерею Ливерию Мордовскому. Они опубликованы [Болонев, 1992, с. 49–55].

В ведомости, написанной со слов посельщиков-старообрядцев, подписанной протопопом Ливерием Мордовским, в Новобрянской деревне было 34 дома, 96 лиц мужского пола и 116 – женского [Болонев, 2009, с. 314]. Согласно ведомости, составленной генерал-майором Ларионом Тимофеевичем в феврале 1795 г., подписанной земским исправником Иваном Фон Швейденом о заселении д. Новобрянской в документе сказано: «Поселение их сперва Тарбагатайского ведомства в разных селениях, а потом переведены на реку Брянь под названием Новобрянской деревни:

Переведены из Польши в 1765 г. число душ муж. п. 24, жен. п. 20.

По четвертой ревизии 1782 г. состояло душ муж. п. 28, жен. п. 26.

Ныне вновь рожденных число душ 30 муж. п. 44 жен. п.»

[Болонев, 2009, с. 311].

Архивные материалы дают нам не только статистические данные, но и открывают имена основателей села. По изысканиям М.М. Шмулевича известно, что «братья Никита и Анисим Шитовы (в других документах Шитины, Шитиковы. – **Ф.Б.**), Афанасий и Никифор Павловы, Федор Емельянов, Иван Афанасьев, Минай Иванов, Семен Леонов, Никифор Матвеев и его 6 сыновей построили пер-

вые дома на живописном берегу р. Брянки и основали новое селение – Новая Брянь».

Из приведенных выше материалов видно, что население увеличивается. Количество женщин значительно возросло. К 1851 г. из 67 семей, живущих в Новой Бряни, 58 были семейские [Шмулевич, 1985, с. 63].

Сведения о количестве семей старообрядцев, относящиеся к середине XIX в., приведенные М.М. Шмулевичем на основе архивных данных, вызывают сомнение. Нами в Государственном архиве Республики Бурятия найден документ «Список раскольников Новобрянского селения» за 1851 г. В списке названы имена и фамилии 129 глав семейств и приведено количество душ мужского и женского пола в каждой семье. В этом списке находим, что в клане Афанасьевых 8 семей, Матвеевых – 14 семей, Леоновых – 10 семей, Шитиных – 8 семей, Жерловых – 6 семей, Заиграевых – 11 семей. Только эти 6 родов дают 51 семью [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 2212. Л. 151–155].

Сопоставляя росписи Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви прихожанам разных селений, опубликованные в книге [Болонев, 2009, с. 298–308], находим, что большая часть староверов переселилась в село Новая Брянь из с. Куйтун (Афанасьевы, Емельяновы, Шитины, Ивановы, Кушнаревы, Тарабукины, Жерловы...), из Тарбагатая (Киселевы, Заиграевы), из Десятниково (Павловы, Вишняковы, Матвеевы), Плешивых из Куналея. Откуда прибыли Леоновы не известно.

Согластно записи ревизской сказки за 1811 г. из д. Старобрянской в д. Новобрянскую переселился Лаврентий Ставской. Ему 36 лет, его дети: Лука 17 лет, Иван 8 лет. В поданой им сказке он сообщил: «Я Ставской по прошедшей ревизии состоял в деревне Старобрянской, а в 1796 году перешел по желанию общества и по родству к отцу своему в написанную деревню Новобрянскую». Он переселился от старожилов и был приписан из д. Старобрянской от старообрядцев [ГАРБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. Л. 217].

Илья Иванов Афанасьев по 5-ой ревизии (1795 г.) состоял в слободе Куйтунской, но «по малоимению пахотной земли переселился по согласию общества в оную (Новую Брянь), в которой по нынешней 6-ой ревизии (1811 г.) желаю остаться в платеже государственных податей» [ГАРБ. Ф.44. Оп. 1. Д. 1. Л. 218].

Как видим крестьяне переселяются в Новую Брянь по желанию общества и по родству к отцу своему, а так же главным образом по «малоимению пахотной земли».

На новом месте земли хватало на всех. Крестьяне распахивают целину, сеют хлеб, излишки которого продают в казну. В документе Мухоршибирского волостного правления «О запроданном хлебе в Верхнеудинские запасные магазины и крестьянах запрадавших в казну хлеб» за 1811 г. читаем: «Новобрянской деревни крестьяне продали 120 пудов. За проданный хлеб мукою следующие деньги на раздачу продавцов получил 60 рублей сельский выборный Иван (фамилия не разобрана)». Перечислены имена и фамилии крестьян этого селения, продавшие хлеб: Никифор Павлов, Иван Ефимьев, Федот Заиграев, Прокопей Жерлов, Андрей Афанасьев, Тимофей Матвеев, Иван Марфин, С. Плешивой, Лаврентий Ставский, Иван Бадулин, Семен Леонов, Тарас Данилов, Иван Заиграев, Осип Гончаров, Николай Иванов, Иван Семенов, Иван Матвеев, Иван Тарабукин, Иван Шурыгин (ГАРБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 25. Л. 6). Данный список один из полных и содержит наиболее ранние сведения о крестьянах-первопоселенцах, которые с семьями перебрались на новое место жительства из разных селений Тарбагатайского ведомства и активно занялись хлебопашеством.

С ростом населения и развитием хлебопашества на р. Брянке появляются водяные мельницы. В 1818 г. в Верхнеудинском уезде Тарбагатайской вол. в с. Старая Брянь числилось государственных крестьян 86 душ мужского пола, 20 дворов и 2 мельницы, а в Новобрянской д. государственных крестьян уже было 181 душа мужского пола, 56 дворов и 3 водяных мельницы, кроме того в селе проживали ясашных 8 мужчин в трех дворах, пропитаных 9 мужчин и 3 двора (пропитанный – каторжный, уволенный от работ на свое пропитание) [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 19. Л. 155–160].

В 1840 г. в Старой Бряне три мельницы: у Андрея Тютрина на р. Брянке на одном поставе построена в 1820 г. без приговора общества; у Василия Шигина построена там же в 1825 г.; у Викула Солдатова построена там же в 1820 г. В с. Новая Брянь мельницы – у Елизара Леонова на р. Брянке (построена в 1820 г.), у Астафия Павлова (построена в 1830 г.), у Луки Ставкова (Ставского) (построена в 1825 г.) [ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1716. Л. 44].

Итак, мы вкратце расмотрели историю возникновения старообрядческого с. Новая Брянь, выявили семьи первых поселенцев, основателей села, проследили рост населения за три четверти века, начальное развитие хлебопашества и появление водяных мельниц. Впоследствии жители этого села прославились искусственным орошением полей и лугов и получением рекордных для Забайкалья урожаев.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 224 с.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Новосибирск: Февраль, 1994. – 148 с.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 340 с.

Залкинд Е.М. Начало русской колонизации бассейна р. Уды // Культура и быт народов Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. – Вып. 4. – С. 142–144.

Покровский Н.Н. К истории появления в Сибири забайкальских семейских и алтайских «поляков» // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. общест. наук. – 1975. – Вып. 2. – С. 109–111.

Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1985. – 286 с.

References

Bolonev F.F. Semeiskie. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd, 1992, 224 p. (in Russ.).

Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv. Novosibirsk: Fevral, 1994, 148 p. (in Russ.).

Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2009, 340 p. (in Russ.).

Pokrovskiy N.N. K istorii poyavleniya v Sibiri zabaikal'skikh semeiskikh i altaiskikh «polyakov». *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*, 1975, iss. 2, pp. 109–111 (in Russ.).

Shmulevich M.M. Ocherki istorii Zapadnogo Zabaikal'ya (XVII – seredina XIX v.). Novosibirsk: Nauka, 1985, 286 p. (in Russ.)

Zalkind E.M. Nachalo russkoi kolonizatsii basseina r. Udy. In *Kul'tura i byt narodov Buryatii*. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd., 1965, iss. 4, pp. 142–144 (in Russ.).

УДК 316.733

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: venariy@ngs.ru

Фольклорные традиции в контексте хакасской свадебной обрядности: этнокультурный и психологический аспекты

Статья посвящена изучению таких неординарных форм заключения брака у хакасов, как «состязания певцов» и «отгадывание загадок и остроумных мыслей». На основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, проанализированы место и роль этой соционормативной практики в культуре народа. В своей глубинной основе музыкально-поэтические произведения и малые формы фольклора отражают веру в магическую силу слова, обращенного как к природным явлениям, так и к представителям иных социальных групп – родам. В архаический период они, вероятно, составляли часть языческих обрядов, носивших сакральный характер, который со временем потерял свое первоначальное значение. Высокая степень развития языка в его экспрессивной и коммуникативной функции способствовала его широкой популярности в брачной обрядности. Песенное творчество способствовало успешному вхождению человека в чужой коллектив, установлению дружеских отношений.

Ключевые слова: *хакасы, традиционные представления, свадебная обрядность, фольклор, песни, загадки.*

V.A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: venariy@ngs.ru

Folk Traditions in the Khakas Wedding Ceremony Context: Etno-Cultural and Psychological Aspects

The article is devoted to the study of unusual forms of marriage that Khakasses have: "singer's competition" and "guessing riddles and witty thoughts." The place and role of this custom are considered and based on archival sources that are introduced for the first time in the scientific revolution. Music, and poetry and short forms of folklore reflect the belief in the magical power of words spoken as to natural phenomena, as well as to the representatives of social groups – clans. In the archaic period, probably, they were part of pagan rituals, which had sacred character, that eventually lost its original meaning. Vivid expression of feelings and emotions in the song contributed to the successful work of the person entering into the opponent's team, the establishment of friendly relations between the clans.

Keywords: *Khakasia, traditional ideas, wedding rituals, folklore, songs, riddles.*

В традиционной культуре хакасов особое место отводилось свадебной обрядности, в т.ч. различным формам заключения брака. Данная этнографическая тема привлекала внимание многих исследователей [Катанов, 1897, с. 56–86; 1907, с. 349–373; Патачаков, 1958, с. 78–87; Усманова, 1978; Наумова, 1980; Бутанаев, 1987; 2014, с. 47–80 и др.]. В представленных работах с различной степенью глубины освещались разнообразные аспекты соционормативной культуры хакасов, связанной с семьей и браком. Прежде всего, рассматривались традиционные формы семьи (большая патриархальная и малая индивидуальная) и внутрисемейные отношения, модели заключения браков (путем сватовства и уплаты калыма; посредством умыкания; по сговору; левират, соорат и др.). Детально изучалась обрядность, сопровождающая все этапы свадебного процесса и ее современное состояние. Следует отметить и то, что из всех ученых наиболее систематизировано и детально обозначенную тему изучил лишь доктор исторических наук, профессор В.Я. Бутанаев.

При этом он ввел в научный оборот обширный корпус собственных полевых и архивных материалов по данному вопросу. Несмотря на, казалось бы, полную и доскональную изученность этой проблематики, следует признать, что еще не все ее аспекты были рассмотрены. Как свидетельствуют обнаруженные новые архивные источники, совершенно не освещенными в литературе остались такие неординарные и архаические формы заключения браков, как посредством «состязаний певцов» и «отгадывания загадок и остроумных мыслей». Заметим, что среди всех упомянутых исследований, лишь в работе Н.Ф. Катанова [1907, с. 371–373] встречается сообщение о бытовании в прошлом подобной брачной нормы в культуре этого народа. Ученый, фиксируя данную традицию, писал, что «в те (далекие. – **В.Б.**) времена можно было жениться, только зная песни» [Там же, с. 371]. Наличие данного явления в соционормативной сфере хакасов полвека спустя нашло свое подтверждение в воспоминаниях хакасских стариков, записанных краеведом и внештатным сотрудником абаканского краеведческого музея* Н.С. Тенешевым (МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19). Таким образом, можем предположить, что к концу XIX в. эти способы заключения брачного союза постепенно уже вышли из обихода хакасов.

В период архивно-изыскательских работ, проведенных в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, была обнаружена уникальная этнографическая работа Н.С. Тенешева «Брак, семья, свадебные обряды и обычаи сагайцев. 1956 г.». Документ представлен в двух формах. Рукописный вариант на хакасском языке и его перевод на русский. Машинописная версия подготовлена на русском языке и состоит из 28 листов. Этнографические материалы были собраны в середине XX столетия непосредственно самим автором у сагайцев**. В них имеются весьма оригинальные сведения о системе брачных норм и институтов, внутрисемейных отношениях и обрядности, с ними связанной. Широко представлены произведения устного народного творчества. Обнаружены данные и по таким необычным формам заключения брака, осуществляемым при помощи «состязания певцов» и «отгадывания загадок и остроумных мыслей» (Там же).

В культуре хакасов особое место отводилось народному песенному творчеству. При этом оно могло как иметь музыкальное сопровождение, так и успешно обходиться без него. Принято считать, что изначально песенное исполнение в традиционных обществах обусловливалось, как правило, обрядовой ситуацией. Обычно оно происходило в переходные моменты бытия природы и человека. В природе это находило свое выражение в неизменной цикличности, и прежде всего, в последовательной смене сезонов. А непосредственно в жизни самого человека ключевыми пограничными состояниями были моменты его рождения, вступления в брак и смерти. Данные временные промежутки всегда сопровождались ритуалами. В них большое значение уделялось акустическому или звуковому сопровождению, включающему в себя помимо всего остального еще и пение. Ему придавали огромный сакральный смысл и воспринимали в качестве особого священнодейства, обладающего огромным магическим потенциалом. Очевидно, подобными мировоззренческими установками и была обусловлена древнехакасская традиция заключения браков посредством исполнения песен.

Согласно материалам Н.С. Тенешева, данный обычай был в большей степени распространен среди сагайцев и качинцев. При этом отмечается, что даже у обозначенных групп хакасов он встречался не у всех. Суть этого культурного явления заключалась в следующем. Родственники жениха и невесты предварительно договаривались о дате этого мероприятия. Место, где происходило это действие, было неизменным – дом родителей невесты. Заранее обговаривались условия песенного состязания: кто будет непосредственным исполнителем песен – сам жених и невеста, либо специально нанятые для этой цели певцы (МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 19. Л. 22).

В назначенный срок жених со своей свитой на самом лучшем коне, летом верхом, а зимой на санях выезжал свататься. С собой обязательно брались гостинцы – четыре–шесть кувшинов с аракой, мясо и мучные изделия. По дороге певец, чтобы освежить свою память и потренировать голос исполнял песни. При подъезде к *аал'у* – селению невесты останавливались. Песнопевец обращался к духам и трижды окроплял аракой в сторону усадьбы, где жила избранная девушка. Затем, приехав в назначенное место, гости приветствовали хозяев дома и передавали гостинец. С этого момента начиналось само песенное состязание. В случае победы стороны жениха невеста считалась высватанной, и мужчина мог смело брать ее в жены. Начинался свадебный пир. В ситуации же проигрыша жених и его родственники не имели права сесть за стол и ни с чем возвращались обратно к себе домой (Там же, л. 23).

---

*Ныне – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова.

**Сагайцы (хак. *сағайлар*), качинцы (хак. *хаастар*), кызыльцы (хак. *хызыллар*) – субэтнические группы хакасов.

Заключение брака посредством «отгадывания загадок и остроумных мыслей» по своему сценарию было сходно с предыдущим. Однако в процессе сватанья в нем участвовал только один жених, либо еще кто-то один из его близких родственников. И подарок при этом был гораздо меньших размеров. Все результаты этого состязания также полностью соответствовали вышеописанному (Там же, лл. 27–28).

Таким образом, традиционная свадебная обрядность хакасов и, главным образом, формы заключения брака отличались многообразием. Особое место в ней отводилось фольклорному достоянию в таких ее проявлениях, как песни и загадки. Они отражали веру в сакральную силу слова. Выступали в качестве своеобразного священного кода и во многом определяли символическую форму поведения людей.

Список литературы

Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 179–193.

Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. – Абакан: ООО «Журналист», 2014. – 316 с.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Тип.-лит. Импер. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Наумова О.Б. Хакасы (свадебная обрядность) // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 24–26.

Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. – 104 с.

Усманова М.С. Элементы традиционной обрядности в современной хакасской свадьбе // Полевые исследования Института этнографии. 1976.– М.: Наука, 1978. – С. 94–99.

References

Butanaev V.Ya. Svadebnye obryady khakasov v kontse 19 – nachale 20 v. In *Traditsionnye obryady i iskusstvo russkogo i korennogo narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 179–193 (in Russ.).

Butanaev V.Ya. Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya. Abakan: OOO «Journalist», 2014, 316 p. (in Russ.).

Katanov N.F. Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii. Kazan: [Tip.-lit. Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta], 1897, 104 p. (in Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St.-Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.).

Naumova O.B. Khakasy (svadebnaya obryadnost'). In *Semeinaya obryadnost' narodov Sibiri*. Moscow: Nauka, 1980, pp. 24–26 (in Russ.).

Patachakov K.M. Kultura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazei s russkim narodom (XVIII–XIX v.). Abakan: Khakas. kn. izd., 1958, 104 p. (in Russ.).

Usmanova M.S. Elementy traditsionnoi obryadnosti v sovremennoi khakasskoi svad'be. In *Polevye issledovaniya Instituta etnografii. 1976 g.* Moscow: Nauka, 1978, pp. 94–99 (in Russ.).

УДК 394.262.5 + 398.332.422

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olga-11100@yandex.ru

Святочный обряд «вождение Меланки» у сибирских украинцев*

У сибирских украинцев особенностью вечера накануне Нового года был обряд «вождение Меланки», который имел различные варианты исполнения и состав участников. Ключевой фигурой ритуала была молодая девушка, которую наряжали невестой (Меланкой) и водили по селу. Заходя в избы, пели щедровки. Меланку ждали в каждом доме, поскольку ее появление давало надежду на счастливый год, благополучие, здоровье, хороший урожай и приплод скота. Обряд демонстрировал связь с аграрными культами и репродуктивной магией, а также семантическую линию женского божества (женское исполнение обряда, присутствие персонажа козы). В селах сибирских украинцев «мэланковали» переселенцы из восточных и юго-восточных областей Украины. Таким образом, можно говорить о повсеместной, не только западноукраинской, традиции святочного обряда «вождения Меланки» у украинцев, в том числе переселившихся в южные районы Западной Сибири.

Ключевые слова: *сибирские украинцы, календарная обрядность, Святки, Новый год, «вождение Меланки», коза, культ плодородия, карнавальная свадьба.*

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olga-11100@yandex.ru

The Yule Ritual “Vozhdenie Melanki” of Ukrainians in Siberia

The article is reported about one of Ukrainian rites in Siberia. In the New Year’s Eve Siberian Ukrainians had the special rite, that had different options and list of participants – “vozhdenie Melanki” (Melanka’s driving). The main character of the ritual was a young girl (Melanka). Ritual performers dressed her as a bride and walked with her through the village, entering the houses with songs “schedrovky“ (carols). The peasants were waiting for her in each house, because her visit gave hope for a happy year, well-being, health, good harvest and livestock growth. The rite is associated with agrarian cults and reproductive magic. The semantics of ritual is connected with the worship of female deities (a girl – the protagonist character; goat – one of the images of rite). In the Siberian villages ritual “vozhdenie Melanki” has being practiced by migrants from eastern and south eastern regions of Ukraine. We can name the rite “vozhdenie Melanki” as ubiquitous (practiced not only by the western Ukrainians) for the Ukrainians, who settled in the southern regions of Western Siberia.

Keywords: *Siberian Ukrainians, calendar rites, Svyatki (Yule), New Year, “vozhdenie Melanki”, goat, fertility cult, carnival marriage.*

Святочной обрядностью, включавшей маскарады и гадания, начинался календарный год у большинства европейцев. Святками назывался период от Рождества Христова (6 января / 25 декабря по ст. ст.) до Крещения Господня (19 января / 6 января по ст. ст.) у русских, украинцев, белорусов и др. славянских народов. Обилие магических обрядов в святочный период объяснялось необходимостью обеспечить людей благополучием (подразумевавшим здоровье, сытость, хороший урожай, приплод скота и т.п.) на весь предстоящий год. Святочный период был насыщен прогностическими приметами, определявшими судьбу каждого месяца грядущего года; запретами, регламентирующими поведение людей, чтобы не нарушить ход времени, не упустить счастливой доли в пограничный период – на пороге старого и нового года. По этим причинам (наряду с представлениями о приходе

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-01-18028е.

на землю душ с того света и разгуле нечистой силы) святочные обряды являлись важной частью календарного цикла и практиковались в течение длительного периода; игровые формы маскарадов, колядований популярны и сегодня, хотя, в большинстве случаев, утратили ритуальный смысл.

Вечер накануне Нового года, являясь моментом перехода, был одной из трех ключевых дат святочного периода, наряду с Рождеством и Крещением. Именно предновогодний ритуально-обрядовый комплекс имел наибольшее число различий. Вариативность новогодней обрядности была характерна для различных групп восточнославянских народов. Региональные особенности сохранялись также в Сибири у переселенцев из различных областей Европейской России, Украины, Белоруссии и их потомков.

У сибирских украинцев особенностью вечера накануне Нового года был обряд, носивший название «вождение Меланки». 13 января (31 декабря ст. ст.) – день преподобной Мелании Римской, имя которой в народной этимологии толковали как «милая людям» [Фурсова, 2002, с. 161; Золотова, 2008, с. 320–321; 2012, с. 55–56]. Святочный обряд «вождения Меланки» (Мэланки, Маланки) на Украине в конце XIX – начале XX в. был подробно описан этнографом Б.М. Яцимирским [1914]. В разных областях Украины обряд имел различные варианты исполнения и состав участников [Там же, с. 46–77].

На юге Западной Сибири (в Новосибирской, Омской обл.) в ряде сел украинских переселенцев (из Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской, Волынской, Херсонской, Таврической губерний) обряд «вождения Меланки» исполнялся до середины XX в., в некоторых местах – до 1970-х гг.*. Воспоминания о нем были записаны от людей 1910–1930-хх гг. рождения, которые принимали участие в данном обряде либо были зрителями, наблюдавшими за «мэланкованием». Обряд имел локальные различия, порой существенные.

Один из локальных вариантов обряда был записан в с. Хапово Здвинского р-на Новосибирской обл. (ПМА). Обряд подробно описали несколько женщин 1920–1930-х гг. рождения – дети украинских переселенцев из Полтавской и Харьковской губерний. Согласно этим сведениям, в Хапово «водили Маланку»** до середины 1950-х гг. Среди жительниц села выбирали незамужнюю девушку 16–17 лет, «лицом милую», которая должна была исполнять роль Меланки. Девушку наряжали невестой: надевали сарафан, украшали лентами, бусами и цветами. На голову надевали венок из бумажных или тряпичных цветов с ниспадающими разноцветными лентами. Сопровождали Меланку девушки и женщины, мужчины «рождествовали» отдельно и на следующий (Васильев) день. Самодельные маскарадные костюмы надевали только женщины старшего возраста, утратившие репродуктивные возможности. Рядились преимущественно в мужика, старуху, старика, цыгана или цыганку. Единственным не антропоморфным персонажем в «свите Маланки» была коза, семантический образ которой мог быть связан с культом Великой богини (матери жизни) и приурочен к периодам солнцеворота [Майничева, 1998, с. 305]. Дети и молодежь в это же время в нарядной одежде ходили по селу, пели под окнами щедровки, но «не рядились, лиц не мазали». Масок никто не надевал. «Маланья» в сопровождении группы девушек-подружек,ряженых женщин и «козы» старалась зайти в каждый дом. Меланка становилась посреди избы, ее свита оставалась у порога. Все хором пели щедровку, а пропев, восклицали: «Маланья пришла боготб». Маланья кланялась хозяевам, которые одаривали колядующих пирогами, колбасой, конфетами. «Впустить Маланку в избу» считалось хорошей приметой, привлекающей семейное благополучие, здоровье, изобилие. В «Маланьин вечер» также смотрели на небо, пытаясь угадать, каким будет грядущий год: ясное и звездное сулило хороший урожай, счастливый год (ПМА: с. Хапово, с. Цветники, с. Светлое).

Таким образом, обряд достаточно отчетливо демонстрировал связь с аграрными культами и плодородием, а также семантическую линию женского божества (преимущественно женское исполнение обряда, присутствие персонажа козы). Демонстрация карнавальной свадьбы или невесты, очевидно, была направлена на усиление репродуктивной магии. В обряде, исполнявшемся в Хапово, «Маланку водили» без брачной пары. Отсутствие жениха, очевидно, может свидетельствовать о разлагающейся стадии обряда. Появление козы (не имевшей самостоятельной роли) в свите Меланки, с одной стороны, может быть поздним заимствованием карнавальной традиции «вождения козы» (например, у русских). С другой стороны, нельзя исключить возможность архетипического восприятия семантики образа козы как древнего женского божества.

*Согласно полевым материалам автора, а также д-ра ист. наук Е.Ф. Фурсовой и канд. ист. наук Т.Н. Золотовой.
**Местный диалект.

«Веселящаяся коза ассоциировалась с приходом Нового года, отмечавшего зимний солнцеворот» [Майничева, 1998, с. 305]. Учитывая время проведения и вполне конкретную направленность обряда «мэланкования», коза органично в него влилась, усиливая архаичный компонент праздника.

В некоторых локальных вариантах обряда (у сибирских украинцев в ряде сел Новосибирской и Омской обл.) присутствовала брачующаяся пара – невеста Меланка и жених Василь, разыгрывались свадебные интермедии. Известны случаи обрядового травестизма, когда женщина одевалась Васылем, а мужчина – Мэланкой [Золотова, 2008, с. 320; 2012, с. 59–60; Фурсова, 2002, с. 161–162]. Иногда все роли – мужские и женские – на шуточной свадьбе исполняли женщины. В селах Лянино, Цветники Здвинского р-на и Лотошное, Светлое Краснозерского р-на Новосибирской обл. (у потомков переселенцев из Киевской, Полтавской и Харьковской губ.) в канун Нового года (ст. ст.) выбирали самую красивую девушку и наряжали ее невестой, а женихом – женщину постарше, замужнюю. Жениха и невесту сопровождала группа девушек, молодых женщин и девочек-подростков, нарядно одетых, но без маскарадных костюмов. «Колядовщики» заходили в дома, пели щедровки, разыгрывали шуточную свадьбу (ПМА). Здесь сохранились некоторые элементы обряда «вождения Меланки», однако его основные участники – жених и невеста – представлены безымянными персонажами, имен Меланки и Василя информанты не называли.

Вероятно, рудиментами «мэланкования» можно считать святочную обрядность в украинских селах (потомки черниговских переселенцев) Маслянинского р-на Новосибирской обл. *Вечером, под старый Новый год собирались девки, молодые женщины и девочки лет 10–12. Мужчин не брали. Ходили по деревне, вставали под окнами и пели «щэдрик-пэдрик…». Их приглашали в хату, хозяева дарили стряпню, колбасу, сало, складывали в мешок. Все одевались нарядно, празднично. Женщины наряжались в красивые платки, а незамужние девки поверх платков надевали венки из цветов с лентами или фату из марли* (ПМА: д. Петропавловка). То есть девушки имитировали образ невесты, хотя прямого упоминания о «вождении Меланки» не зафиксировано.

По ключевому сюжету и выбору исполнителей варианты обряда «вождения Меланки» можно разделить на четыре группы. 1. Меланка без жениха, в сопровождении женской свиты. Главную роль играла юная девушка (самая «милая»), наряженная невестой. Заходили в дома, исполняли песни (ПМА: Хапово), [Золотова, 2008, с. 321]. 2. «Мэланковали» замужние пары (собирались до 10 пар). Меланкой была молодая женщина в белом свадебном платье с фатой, Василя наряжали как жениха (в фуражку с цветком). Сопровождавшие носили звезду со свечой внутри. Обряд сохранялся до начала 1970-х гг. [Золотова, 2012, с. 59]. 3. Вариант обрядового травестизма, когда женщина одевалась Василем, а мужчина – Меланкой [Фурсова, 2002, с. 161–162; Золотова, 2008, с. 321; 2012, с. 59–60], либо когда все роли – женские и мужские – исполнялись женщинами (ПМА: с. Лянино, Цветники, Лотошное, Светлое). По мнению ряда исследователей, вариант обрядового травестизма является наиболее древним и связан с магией плодородия [Украинцы, 2000, с. 407–408]. 4. Различные аналогии «мэланкования», допускающие широкий круг ряженых, разнообразные маскарадные костюмы и разыгрывание сцен интермедии [Фурсова, 2002, с. 162]. Большое количество поющих и пляшущих ряженых персонажей свидетельствует об утрате магических функций обряда и доминировании функций развлекательных. Тем не менее, сохранение парности персонажей – Мэланки и Васыля (либо безымянных жениха и невесты) – заставляет акцентировать внимание на брачной символике данного обряда, связанного с культом плодородия и инициальной магией [Золотова, 2008, с. 320].

Согласно сведениям Б.М. Яцимирского, на Украине обряд «Маланки» на рубеже XIX–XX вв. встречался в Галиции и Подолии и лишь эпизодически в других местах Малороссии и Бессарабии [1914, с. 46]. Однако полевые исследования Е.Ф. Фурсовой, Т.Н. Золотовой и автора выявили иную ситуацию. В селах сибирских украинцев данный обряд исполняли переселенцы из восточных и юго-восточных областей Украины, а впоследствии – их дети и внуки. Таким образом, можно говорить о повсеместной, не только западно-украинской, традиции святочного обряда «вождения Меланки» у украинцев, в том числе переселившихся в южные районы Западной Сибири.

Список литературы

Золотова Т.Н. Традиции святочного ряженья у сибирских украинцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 320–325.

Золотова Т.Н. Святочные традиции сибирских украинцев // Традиционная культура. – 2012. – № 2 (46). – С. 49–60.

Майничева А.Ю. О семантике святочных игр сибиряков-старожилов Приобья // Сибирь в панораме

тысячелетий. – Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 299–307.

Украинцы. – М.: Наука, 2000. – 535 с. – (Сер. «Народы и культуры»).

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX в.). – Новосибирск: Агро, 2002. – Ч. 1. Обычаи и обряды зимнее-весеннего периода. – 287 с.

Яцимирский Б.М. «Маланка» как вид святочного обрядового ряжения // Этнографическое обозрение. – 1914. – № 1/2. – С. 46–77.

References

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavyanskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX – XX v.). Novosibirsk: Agro, 2002. Pt. 1. Obychai i obryady zimnevesennego perioda. 287 p. (in Russ.).

Mainicheva A.Yu. O semantike svyatochnykh igr sibiryakov-starozhilov Priob'ya. In *Sibir' v panorame tysyacheletii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. 2, pp. 299–307 (in Russ.).

Ukraintsy. Moscow: Nauka, 2000, 535 p. (Seriya "Narody i kul'tury") (in Russ.).

Yatsimirskiy B.M. "Malanka" kak vid svyatochnogo obryadovogo ryazheniya. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1914, No. 1/2, pp. 46–77 (in Russ.).

Zolotova T.N. Traditsii svyatochnogo ryazhen'ya u sibirskikh ukraintsev. In *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii.* Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2008, pp. 320–325 (in Russ.).

Zolotova T.N. Svyatochnye traditsii sibirskikh ukraintsev. *Traditsionnaya kul'tura*, 2012, No. 2 (46), pp. 49–60 (in Russ.).

УДК 393.05+908

О.В. Голубкова[1], С.В. Будаева[2], Л.В. Крикау[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Карасукский краеведческий музей
E-mail: olga-11100@yandex.ru

Обряд с поминальной курицей и история деревни Кукарка*

Данная работа стала продолжением исследований по обрядовым практикам русского и украинского населения Барабы. В ней упоминается ритуал передачи живой курицы через гроб в ходе погребального обряда. Высказанное ранее предположение о северорусских корнях ритуала подтверждается данными о происхождении первопоселенцев д. Кукарка. Основание деревни относится к началу XIX в. Найденные в региональных архивах документы свидетельствуют о принадлежности первых ее жителей к старообрядцам, выходцам с русского Севера. В ходе освоения Барабы здесь сформировался обширный ареал сел и деревень, связанных родственными брачными связями и общей культурой. Включенные в эти связи поздние полтавские переселенцы восприняли ритуал с курицей, обогатив им собственные традиции, хотя в других многочисленных селениях сибирских украинцев подобный обряд не был зафиксирован.

Ключевые слова: *Барабинские степи, русское и украинское население, старообрядцы – выходцы с русского Севера, погребальные ритуалы.*

O.V. Golubkova[1], S.V. Budaeva[2], L.V. Krikau[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Karasuk Regional Museum
E-mail: olga-11100@yandex.ru

Funeral Rite with Chicken and the History of Village Kukarka

This work is a continuation of studies on the ritual practices of the Russian and Ukrainian population of the Baraba. It makes mention about ritual transfer of live chicken over the coffin during the funeral rite. An assumption about North Russian origin of the ritual is confirmed by the origin of the first settlers of the village Kukarka. The village foundation dates back to the nineteenth century. Documents found in regional archives indicate the belonging of the it's first settlers to the Old Believers, people from the Russian North. During the exploration of the Baraba here was formed a vast area of villages connected by marriage ties and common culture. Later Poltava immigrants were included in these connections and accepted ritual with chicken, enriching their own traditions, while in many other Siberian Ukrainian settlements a similar rite was not fixed.

Keywords: *Baraba steppes, Russian and Ukrainian population, the Old Believers – immigrants from Russian North, funerary rituals.*

В ходе полевых исследований в 2002–2004 гг. в Новосибирской области (в с. Лянино, в д. Барлакуль Здвинского района и д. Кукарка Карасукского района) был зафиксирован оригинальный материал, связанный с использованием курицы в похоронном обряде у русских и украинцев [Голубкова, 2009, с. 214]. Анализ обряда позволил предположить, что его распространение было связано с присутствием среди переселенцев выходцев из северорусских, волго-вятских или приуральских областей. Изучение истории Кукарка позволило скорректировать эти выводы.

На основании данных «Списка населенных мест Сибирского края» д. Кукарка была образована в 1700 г. Работа в архивах г. Тобольска и Барнаула позволила уточнить дату ее основания.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-11-54002.

Согласно найденным документам, государственные крестьяне Тобольской губернии Тюкалинского округа Юдинской и Драгунской волостей Егор Кукарин, Андрей Нестеров, Ефим Иванов с семействами осенью 1825 г. поселились на *«пустопорожнем месте»* при озере Беляниха, находящемся в черте заводской Карасукской волости между деревнями Барлакульской и Овечкиной, на землях, принадлежащих Колывано-Воскресенскому Горному ведомству. При объезде этих земель смотрителем по сельскому управлению было открыто это самовольное заселение, о чем он доложил в своем рапорте начальству (ГА в Тобольске. Ф. И329. Оп.1. Д. 54. Л. 1).

Поселенцы при себе не имели каких-либо документов, подтверждающих их законное переселение. *«При сем приложен именной список и в оном заселенцами показаны из Юдинской волости Егор Дементьевич Кукарин с женой, детьми Иваном, женатым Григорием, Ивановыми сыновьями Михаилом, Матвеем, из Драгунской волости Андрей Нестеров с женой, детьми Филлипом, Матвеем, Ефим Иванов с женой и сыном Давыдом в общем мужского 10, женского 4 души»* (Там же. Л. 2).

В переписке между канцелярией Колывано-Воскресенского Горного начальства, Тобольским губернским правлением, Тюкалинским земским судом речь шла о выдворении незаконных переселенцев; но указывалось также, что крестьяне *«уже построили на тех местах дома, развели хлебопашество и скотоводство»* и *«желают поселиться по сближенно и удобности положения пустопорожнем месте состоящему Тюкалинского округа Юдинской волости между дорогами Ключ(киной) и Ипатовой над озером Рямовым»* (Там же. Л. 45 об.).

К данному поселению присоединялись и другие крестьяне: *«Начало мая месяца приехали к нему для водворения Томской губернии Каинского округа Устьсарапшской волости деревни Мининой крестьянин Макар Суставов. Товарищи занимаются распашкою земли, не имея, однако, никакого обзаводства приготовляют только еще место и желают быть перечисленными Тюкалинского округа Юдинской волости. <…> Григорий, Иван, Федот Тычкины с товарищами всего в 30 душах мужского пола, которые также поделали земляные станы, рубят лес и начинают застраивать уже дома»* (Там же. Л. 17 об.).

На плане Тобольской губернии Тюкалинского округа Юдинской волости, датированном 1831 г., уже значилась деревня Кукарина, лежавшая в черте заводского ведомства в Карасукской волости: *«по последней ревизии насчитывается мужского пола душ в Кукариной 18. <…> жилых домов в Кукариной 7. <…> На сенокосных местах жители ежегодно приготовляют сена 2950 копен. В сих деревнях у крестьян скота: лошадей 40, рогатого 89, овец 116. Всего на каждую душу причитается: лошадей 2, рогатого 3, овец 4. В общем сего пространства имеются угодий коих в числе положенной десятинной пропорции будет достаточно пахотных земель на 182 души, а сенокосных мест на 54 души»* (ГААК. Ф. 50. Оп. 2. Д. 249).

В примечании к плану также сообщалось: *«Деревни Кукарина и Белянина заселились назад тому 3 года, кои заселились при речке Баган по течению по правую сторону. 1-я заселилась с позволения Тобольской казенной палаты 12-ти душами, сверх сего еще в оной проживают из деревни Ипатовой 6 душ, но хотя от Тобольской палаты сей деревни заселиться позволено на пустом порожнем месте, однако не в ведения заводского округа, а на Тобольской губернии равно и Белянина без всякого позволения сей губернии заселилась 7 душах кои считаются по Юдинской волости в разных селениях.*

<…> Трудолюбивые жители занимаются хлебопашеством по средственным скотоводством и от части рыбною ловлею на озерах речки Баган в добыче бывают караси и от части окуни.

<…> Лесов сосновых в ограниченном пространстве не имеют, но березовых в довольном количестве, которой употребляют на домовое обзаводство и прочие прислуги <…>» (Там же).

Из документов по поводу переселенцев следовало, что дело, начавшееся в 1828 г. по поводу их выдворения, не было закончено. В рапорте Ордынского Земского управителя от 20 июня 1832 г. говорилось, что все предписания Горного правления не были выполнены и крестьяне Кукарин и Тычкин *«до сих пор остаются заводского ведомства из Карасукской волости в прежния их жительства не высланными, хотя и были учинены со стороны Тобольского и Томского губернского начальства»* (ГА в Тобольске Ф. И329. Оп. 1. Д. 54. Л. 58).

История же семьи Егора Дементьевича Кукарина до его поселения в Карасукской волости прослеживается и в документальных свидетельствах XVIII в. Известно, что он был жителем деревни Заливиной Бергаматской волости Тарского уезда Тобольской губернии; имел *«старообрядческое исповедание»*.

Поселение Заливино было основано старообрядцами в 1794 г. на реке Таре [Памятники, 1989, с. 133]. В 1797 г. до Тарского земского суда дошли сведения о том, что у жителя Заливино Егора Кукарина родился сын Иван и, за неимением в селе-

нии своего священника он оставался некрещеным (ГА в Тобольске Ф. И156. Оп. 5. Д. 303. Л. 5–8). В 1825 г. у Ивана, сына Егора Кукарина, были уже свои дети: сыновья Михаил и Матвей назывались в списке поселенцев при озере Белянихе (ГА в Тобольске Ф. И329. Оп. 1. Д. 54. Л. 2).

Как показывают исследования, фамилия Кукарины, а также подобные ей фамилии (с корнем «Кукар») встречаются в списках выходцев из северных регионов России. Например, фамилия Кукарины упоминается при заселении Нижнего Причумышья в начале XVIII в. потомками переселенцев с русского Севера, первоначально осевшими на Урале и юге нынешней Тюменской обл., по рекам Тоболу и Ишиму [Казанцев, 1997]. Кукаровцевы – тобольские старообрядцы, принимавшие участие в челвинской «гари», состоявшейся в 1684 г. на р. Челве в Обвинском Поречье Соликамского уезда [Шашков, 1995].

Слобода Кукарка Яранского уезда упоминается Д.К. Зелениным; при этом он выделяет кукар среди прочего населения Вятской губернии, предполагая их древненовгородское происхождение. Имя Кукары, по мнению автора, связано с плотницким ремеслом и также подтверждает северорусское происхождение данной группы [Зеленин, 1994, с. 70, 77, 86].

Все вышесказанное дает основание утверждать, что первопоселенцы д. Кукарино (Кукарка) были выходцами с русского Севера. Именно они были носителями старинных ритуалов, в т.ч. ритуала передачи через гроб курицы во время похорон. Среди поздних украинских и южнорусских переселенцев д. Кукарка он изначально не практиковался. Данный обряд «новоселы» переняли у старожилов [Голубкова, 2009, с. 224].

Он получил распространение в деревнях Барлакуля, Лянино, Немки Здвинского района, с. Лепокурово Баганского района, в д. Кукарка Карасукского района, селах Светлое, Лотошное и Конево Краснозерского района. Между жителями этих сел поддерживались родственные связи, скрепленные браками. Так, в 1920–1930-е гг. лянинские мужчины брали в жены девушек из Немков, Кукарки, Лепокурово и Осинников. Лянинские девушки часто выходили замуж в Барлакуль или Светлое. Таким образом, был сформирован ареал на южной окраине Здвинского и в северных частях Баганского, Карасукского и Краснозерского районов, где распространился и продолжает бытовать до сих пор обряд передачи курицы через гроб [Голубкова, 2002].

Его хранителями были потомки выходцев с русского Севера, а не полтавские переселенцы. Последние восприняли этот обычай, обогатив им локальные традиции сибирских украинцев, хотя в других (многочисленных) селениях сибирских украинцев подобный обряд не был зафиксирован.

Список литературы

Голубкова О.В. Элемент похоронного обряда у русских и украинцев Южной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 551–555.

Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Зеленин Д.К. Избр. тр. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.

Казанцев В.И. Социально-экономическая история Нижнего Чумыша в XVIII веке // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры: мат-лы краев. науч.-практ. и метод. конф. – Тальменка, 1997. – С. 71.

Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – 192 с.

Шашков Т.А. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII в. // Сургут. Сибирь. Россия. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: докл. и сообщ. – Екатеринбург, 1995. – С. 138–139.

References

Golubkova O.V. Element pokhoronnogo obryada u russkikh i ukraintsev Yuzhnoi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, vol. 8, pp. 551–555 (in Russ.).

Golubkova O.V. Dusha i priroda: etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 304 p. (in Russ.).

Kazantsev V.I. Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Nizhnego Chumysha v XVIII veke. In *Nizhnee Prichumysh'e: Ocherki istorii i kul'tury: Materialy kraevoi nauchno-prakticheskoi i metodicheskoi konferentsii*. Tal'menka, 1997, p. 71 (in Russ.).

Pamyatniki byta i khozyaistvennoe osvoenie Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1989, 192 p. (in Russ.).

Shashkov T.A. Staroobryadcheskie samosozhzheniya na Urale i v Sibiri v XVII – nachale XVIII vekov. In *Surgut. Sibir'. Rossiya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 400-letiyu g. Surguta: doklady i soobshcheniya*. Yekaterinburg, 1995, pp. 138–139 (in Russ.).

Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture. 1901–1913. Moscow: Indrik, 1994, 400 p. (in Russ.).

УДК 30.304.2+394

А.А. Ильина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Возможности сохранения казахской культуры и языка в селах Омского Прииртышья (на примере южных районов)*

Статья содержит анализ проведенного в рамках Международной казахской археолого-этнографической экспедиции исследования возможностей сохранения этнической культуры и родного языка у казахского населения южных районов Омского Прииртышья. Очагами сохранения казахского языка и культуры в сельских районах Омского Прииртышья являются центры казахской культуры и языка при государственных учреждениях культуры, а также центры казахского языка и культуры при средних общеобразовательных учебных заведениях. В качестве примеров автор рассматривает деятельность Центра казахской культуры «Достык» Таврического р-на, студии казахского национального творчества «Замандастар» Одесского р-на и центра изучения казахского языка и культуры «Байтерек» Нововаршавского р-на. Препятствиями на пути успешного изучения и сохранения казахского языка являются наличие кадровой проблемы, а также отсутствие современной методической литературы. В целом же сохранение казахской культуры и языка в сельских районах происходит более продуктивно, чем в областном центре и городах области благодаря компактному проживанию казахского населения.

Ключевые слова: *Омское Прииртышье, казахи, центры казахской культуры и языка, казахский язык, школа.*

A.A. Il'ina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Preservation of Kazakh Culture and Language in Rural Districts of the Omsk Near-Irtysh Region (on the Example of Southern Districts)

International Kazakh archeological-ethnographic expedition explored the possibilities of the ethnic culture and native language preservation of Kazakhs of the Southern districts of Omsk Near-Irtysh region. We present here the results of the analysis. There are two opportunities for ethnic culture and native language preservation in rural districts of Omsk Near-Irtysh region. The first one is the centers of Kazakh culture and language in public cultural institutions, another one is are the centers of Kazakh language and culture in secondary schools. The author writes about the Center of Kazakh culture "Dostyk" of Tavrichesky district, the Studio of Kazakh national creativity "Zamandastar" of Odessky district and the center of Kazakh language and culture "Baiterek" of Novovarshavsky district. The problem of personnel and the absence of modern methodical literature prevents successful study and preservation of the Kazakh language. Nevertheless, the preservation of Kazakh culture and language in rural areas is more productive, than in Omsk-city and other cities because the Kazakhs compactly live here.

Keywords: *Omsk Near-Irtysh region, Kazakhs, Kazakh culture and language centers, Kazakh language, school.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Летом 2016 г. в рамках работы Международной казахской археолого-этнографической экспедиции автором был проведен анализ возможностей сохранения этнической культуры и родного языка у казахского населения Омского Прииртышья. Проблема сохранения этнических культур и национальных языков актуальна для многонациональных регионов, в т.ч. для Омского Прииртышья, где проживает более 120 этносов. Казахи – второй по численности этнос Омской обл. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность казахов в регионе составляет 78 303 чел. (3,96 %). Наиболее компактно казахи проживают в южных районах Омской обл. (Шербакульский – 16,92 %, Нововаршавский – 16,60, Павлоградский – 16,60, Русско-Полянский – 14,26, Таврический – 9,89, Одесский – 4,92, Оконешниковский – 4,88, Черлакский – 4,59 %) [Численность населения].

В крупных городах задачу сохранения и воспроизводства этнической культуры и родного языка во многом взяли на себя национально-культурные объединения [Ильина, 2012, с. 14–15]. Казахские национально-культурные объединения действуют в Омске с 1989 г. [Ахметова, 2002, с. 41–42]. В сельских районах Омского Прииртышья сформировались качественно иные, во многом уникальные возможности для сохранения казахской этнической культуры и родного языка, в особенности в южных районах, для которых традиционно характерно компактное расселение казахов. Можно утверждать, что сохранение казахской культуры и языка здесь происходит более продуктивно.

Огромную роль в сохранении культуры на селе играют государственные (муниципальные, бюджетные) учреждения культуры (дома культуры, культурно-досуговые центры, дома творчества), а также школы. Эти учреждения становятся очагами сохранения культур и языков проживающих в сельской местности этносов. Казахи южных районов Омского Прииртышья оказались в русле данной тенденции. Сохранение казахского языка и культуры в сельских районах Омского Прииртышья происходит в основном посредством деятельности центров казахской культуры и языка при учреждениях культуры, а также центров казахского языка и культуры при средних общеобразовательных учебных заведениях. Помимо этих очагов, в ряде сел и аулов Омского Прииртышья действуют отдельные творческие казахские коллективы (фольклорные ансамбли, ансамбли казахской песни, ансамбли домристов), которые, однако, не проводят такой системной работы, как центры казахской культуры и языка.

Пионером в деле возрождения казахской культуры в Омской обл. стал Таврический район. В 1994 г. в р.п. Таврическое при поддержке Администрации района при районном Доме культуры был открыт Центр казахской культуры «Достык». В момент создания Центр сразу же получил бюджетную ставку (руководитель центра). К настоящему времени Центр казахской культуры «Достык» имеет три бюджетных ставки – руководителя центра (Н.А. Тасина), преподавателя казахского языка, музыкального работника и преподавателя хореографии (по полставки).

Работа Центра казахской культуры «Достык» способствует сохранению традиций и обычаев казахов и культуры казахского народа, пропаганде родного языка на территории Таврического района. Практически с самого создания Центра при нем действует кружок народоведения, в котором дети изучают историю казахского народа, знакомятся с самобытной казахской культурой, традициями и обычаями, с казахским фольклором. В 1997 г. при Центре был создан казахский фольклорный ансамбль «Мереке» (руководитель Н.Н. Тасин), а также кружок эстрадного пения. Творческие коллективы и солисты Центра «Достык» осуществляют гастрольную деятельность, участвуют в районных и областных мероприятиях, концертах, конкурсах. Силами Центра организуются выставки казахского народного творчества в Таврическом районном краеведческом музее и Центре народной культуры и досуга, регулярно проводятся культурно-досуговые мероприятия для казахов района всех возрастов. С 1997 г. при Центре казахской культуры «Достык» работает кружок казахского языка для детей 6–15 лет (руководитель Б.У. Кагина).

В Одесском районе Омской обл. с 1996 г. ведет работу студия казахского национального творчества «Замандастар». Первый руководитель студии Р.Х. Оспанов, а его заместитель К.А. Оспанова (в настоящее время они поменялись ролями). До 2004 г. студия действовала как неформальное клубное объединение, однако местные учреждения культуры предоставляли студии свои помещения для репетиций и концертные площадки для выступлений. Созданию студии предшествовал этап существования домашнего казахского клуба, на заседаниях которого у казахов р.п. Одесское постепенно возрождалось желание говорить на родном языке, петь народные песни, носить национальную одежду и т.д. В первые годы своей работы члены студии «Замандастар» принимали участие в конкурсах на звание лучшей национальной семьи, устраивали постановки мини-театров,

налаживали связи с казахским населением других районов Омской обл. и Республикой Казахстан. При студии казахского национального творчества с самого начала действует хореографический кружок. Усилиями активистов студии при Одесском доме детского творчества был создан кружок казахского языка. Однако кружок проработал только один год. По словам бывшего руководителя студии «Замандастар» Р.Х. Оспанова, сказалось нежелание родителей обучать детей родному языку, а также кадровая проблема – отсутствие желающих вести данный кружок.

В 2004 г. студия «Замандастар» приобрела звание образцовой, что дало ей возможность получить две штатные ставки (руководителя и концертмейстера). Работа хореографического кружка вышла на новый уровень. Студия начала развивать такие направления, как народные казахские песни, прикладное творчество, художественное чтение, а также собирать фольклорные материалы в поездках по казахским аулам Одесского района.

Руководители центров казахской культуры отмечают, что в 1990-х гг. работа по возрождению казахской культуры и языка велась с большими затруднениями. К рубежу 1980-х – 1990-х гг. казахская культура в Омском Прииртышье находилась в забвении. Многие сельские казахи стеснялись своего происхождения, родного языка, стеснялись выходить на сцену, надевать казахские национальные костюмы. Однако инициатива и серьезный труд первых национальных активистов из числа казахов, вовлечение односельчан-казахов в национально-культурную жизнь способствовали возрождению казахской культуры в районах компактного проживания казахов на юге Омского Прииртышья. Центры казахской культуры и языка принимают участие в областном детском конкурсе казахского творчества «Анши балапан – Поющий птенец», региональном молодежном эстрадном конкурсе «Жас Дарын – Молодые таланты», региональном фестивале казахского творчества «Урпак уни – Голос поколений» и др. Особо отметим возрождение празднования в среде казахов региона праздника весеннего равноденствия Наурыз.

В силу специфики своей деятельности центры казахской культуры не имеют больших возможностей для изучения казахского языка (как показал, к примеру, опыт студии казахского национального творчества «Замандастар»). При этом сохранение родного языка как средства трансляции культуры, коммуникации, познания, социальной интеграции казахов имеет огромное значение.

Выполнение этой задачи взяли на себя центры изучения казахского языка и культур, которые были созданы в 2015 г. на базе шести общеобразовательных учреждений Омской обл. с этнокультурным компонентом в содержании образования. Одним из них стал центр изучения казахского языка и культуры «Байтерек», открытый в сентябре 2015 г. на базе Каразюкской основной средней общеобразовательной школы Нововаршавского района. Руководители центра – Ш.И. Сексембаева (директор Каразюкской школы) и А.М. Диянова (главный специалист комитета по образованию Нововаршавского муниципального района).

Работа Центра «Байтерек» направлена на создание условий для изучения казахского языка обучающимися Каразюкской школы и других школ района, где учатся дети казахской национальности, на постижение и исследование казахской традиционной материальной и духовной культуры, в том числе через историко-этнографический школьный музей, на формирование творческой среды, направленной на обучение учащихся Центра навыкам национальной хореографии, вокала, инструментальной игры на домбре, на формирование навыков научно-практической деятельности у обучающихся в области исследования национальной казахской культуры, на обеспечение привлечения к работе Центра казахского населения Нововаршавского района.

Программа Центра «Байтерек» объединяет два культурных кластера: обучение родному языку и духовной культуре казахского народа (модули «Казахский язык», «Традиции и обычаи казахского народа», студия танца «Шанырак», студия казахской песни «Самал», «Игра на домбре») и деятельность школьного историко-этнографического музея в области исследования, популяризации культурного наследия через коллекции подлинных предметов. Важным направлением деятельности центра стало развитие приграничного сотрудничества с Республикой Казахстан, осуществление совместных проектов в гуманитарной сфере.

Среди актуальных проблем изучения казахского языка, с которыми сталкиваются центры изучения казахского языка и культуры, можно выделить кадровую проблему – нежелание выпускников педагогических вузов работать в сельской местности, а также проблему отсутствия современной методической литературы.

Несмотря на наличие определенных трудностей, деятельность центров казахской культуры и языка (на базе государственных учреждений культуры и средних общеобразовательных школ) способствует сохранению языка и культуры казахского этноса в южных районах Омского Прииртышья. Системный анализ возможностей со-

хранения казахской культуры и языка в регионах Западной Сибири станет предметом дальнейших исследований.

Список литературы

Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 104 с.

Ильина А.А. Национально-культурные объединения современной России: нормативно-правовые основы деятельности, этапы формирования, классификация // Культурологические исследования в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 14–21.

Численность населения наиболее многочисленных национальностей Омской области [Электрон. ресурс]. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (Дата обращения: 12.10.2016).

References

Akhmetova Sh.K. Kazahi Zapadnoj Sibiri i ih etnokul'turnye svjazi v gorodskoj srede. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 104 p. (in Russ.).

Chislennost' naselenija naibolee mnogochislennyh nacional'nostej Omskoj oblasti. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (12.10.2016) (in Russ.).

Ilina A.A. Nacional'no-kul'turnye ob'edinenija sovremennoj Rossii: normativno-pravovye osnovy dejatel'nosti, etapy formirovanija, klassifikacija. In *Kul'turologicheskie issledovanija v Sibiri*, 2012, No. 4, pp. 14–21 (in Russ.).

УДК 930-314

В.В. Лыгденова[1, 2], О.Б. Дашинамжилов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Миграции населения в Восточной Сибири в постсоветский период (1989–2002 годы)*

Статья посвящена выявлению особенностей трансформации миграционных процессов в Восточной Сибири в постсоветский период. Обнаружено, что распад Советского Союза и рыночные реформы преобразовали/перенаправили на постсоветском пространстве миграционные потоки, которые устремились с юга на север, с северных и восточных территорий – в западные. Исследована специфика механического движения населения в рассматриваемом экономическом районе на общероссийском фоне, рассчитаны цифровые показатели сальдо миграции в Восточной Сибири и ее отдельных регионах. Показаны особенности пространственных перемещений населения в отдельных административных образованиях экономического района и определены факторы, способствующие миграции населения. В результате выявлено, что вследствие перехода на принципы самоуправления областей, краев и республик отток жителей принял здесь большие масштабы.

Ключевые слова: *миграция, Восточная Сибирь, демография, население, постсоветский период, экономический район, регион.*

V.V. Lygdenova[1, 2], O.B. Dashinamzhilov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Areal Movements of the Population in Eastern Siberia during Postsoviet Period (1989–2002)

The purpose of the article is to reveal peculiarities of migration processes transformation in Eastern Siberia in post-Soviet period. It is discovered that after the Soviet Union's collapse and the market reforms migration flows have been transformed in post-Soviet area which directed from the South to the North and from the northern and eastern territories to the western area. Specifics of mechanical movement of population in the researched economic region in the whole Russian context is studied, number data of migration balance in Eastern Siberia and in its regions are calculated. Peculiarities of area movements of the population in separate administrative unities of the economic region are shown and factors that influenced on the population's migration are defined. As a result it is revealed that enormous size of migration occurred here due to the transition of management principles to local administration of regions, districts and republics.

Keywords: *migration, Eastern Siberia, demography, population, post-Soviet period, economic region, region.*

Распад СССР на отдельные независимые государства и социально-экономические реформы 1990-х гг. оказали огромное влияние на демографическое развитие России. Для Восточной Сибири постсоветский период также стал особенным по нескольким причинам. Динамика численности проживающего здесь населения исторически во многом зависела от государственной экономической политики, проводимой первоначально царской Россией, а в последующем и Советским Союзом. Аграрное переселение из европейских районов, строительство Транссиба, воплощение в жизнь крупных советских народнохозяйственных проектов стимулировали приток мигрантов извне и, соот-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

ветственно, рост численности местного населения. Снижение государственной инвестиционной активности в 1990-е гг., распад командно-административной системы и свертывание практически всех программ хозяйственного развития сразу же сказалось на социально-экономическом положении восточносибирских регионов. Качественно новые характеристики приобрели и миграционные процессы.

В послевоенный период, благодаря сдвигу производительных сил на восток, экономика Восточной Сибири испытала мощный подъем, получив значительные государственные капиталовложения. Несмотря на то, что по размерам привлеченных инвестиций она уступала западносибирским регионам, политика центральных органов власти способствовала не только удержанию на месте части населения, но и притоку некоторых демографических ресурсов. Так, например, за период с 1975 по 1988 гг. положительное сальдо миграции составило здесь 52,8 тыс. чел.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г. население Восточной Сибири сократилось на 6,7 %, больше, чем по России и Сибири в целом (соответственно на –1,3 % и –3,5 %). Если за счет пространственных перемещений Российская Федерация за межпереписной период приобрела дополнительно 5,8 млн. чел., то сибирские регионы за эти же годы лишились 370,0 тыс. чел. Заметим, что если в Западной Сибири был зафиксирован положительный баланс прибывшего и выбывшего населения (186,6 тыс. чел.), то в Восточной Сибири демографические потери от миграций достигли 556,3 тыс. чел. [Дашинамжилов, 2011, с. 73]. Эти отличия не были случайными и были обусловлены их территориально-географическим расположением и предшествующими историческими этапами развития.

В основе оттока населения из Восточной Сибири лежали несколько факторов. В 1990-е гг. сильно возросла межтерриториальная экономическая дифференциация в уровне доходов граждан. Экономические комплексы регионов в условиях самофинансирования и самоуправления оказались в разной степени подготовлены к условиям рынка. Преимуществами стали обладать те республики, края и области, важнейшие предприятия которых могли производить товары, пользовавшиеся высоким спросом в стране и за рубежом. Часть административных образований Восточной Сибири по этому параметру оказалась в менее благоприятном положении. Сырьевые и энергетические ресурсы восточносибирских регионов, за некоторым исключением (Ангаро-Енисейский ТПК), стали разрабатываться достаточно поздно, многие предприятия сырьевого сектора к началу реформ не только не достигли проектных мощностей, но и были зачастую нерентабельны. Именно поэтому, несмотря на сравнительно неплохое хозяйственное положение Красноярского края и Иркутской обл., из Восточной Сибири в целом начался отток населения.

Эмиграции жителей способствовало также и то, что из-за сравнительно позднего хозяйственного освоения немалая часть местного населения проживала здесь сравнительно недолго и не успела полностью закрепиться. Дело в том, что в советское время европейские регионы, Урал и Западная Сибирь являлись важными источниками пополнения трудовых ресурсов Восточной Сибири, и после наступления экономического упадка работники попавших в затяжной кризис предприятий стали возвращаться в родные места, увеличивая размеры миграционного оттока. При этом мигранты из Восточной Сибири в большинстве своем домой не возвращались. Дело в том, что последняя по своим природно-климатическим условиям и степени развития социальной сферы проигрывала не только европейским регионам России, но также и Западной Сибири. В итоге, чем восточнее располагался регион, тем, как правило, демографические потери были выше. К этому следует добавить и то, что рассматриваемом экономическом районе в силу географической отдаленности осело значительно меньше мигрантов из Казахстана, Средней Азии и закавказских республик [Октябрьская, Соболева, 2006].

При анализе территориальных миграционных процессов выявлено, что в сравнительно благоприятном положении в 1990-е гг. оказался Красноярский край (вместе с Республикой Хакасия). Самый развитый в социально-экономическом отношении регион Восточной Сибири понес наименьшие демографические потери от миграции в расчете на 1000 населения – 31,9 чел. (в абсолютном выражении 97,9 тыс. чел.). В его экономической структуре важное место занимали отрасли сравнительно легко сумевшие найти свою нишу в хозяйственной жизни постсоветской России (энергетика, цветная металлургия, добыча угля). К тому же географическое положение позволило краю до некоторой степени компенсировать миграционную убыль за счет переселенцев из Казахстана, Средней Азии и других восточных районов страны.

Самые большие показатели отрицательного сальдо были отмечены в Читинской и Иркутской обл. (вместе с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом) (179,7 тыс. чел. и 156,3 тыс. чел.). Однако при сравнении общих коэффициентов, рассчитанных на 1000 жителей, выявлено, что демографические потери Читинской обл. оказались в два с лишним раза выше (–139,9 ‰ и –57,9 ‰). Иркутская обл. являлась после Красноярского края самым освоенным и развитым регионом Восточной Сибири с высоким накопленным промышленным потенциалом. В ее хозяйственной структуре также заметное место занимали производства, которые обладали хорошими возможностями для сбыта сво-

ей продукции на отечественном и мировом рынках. Кроме того, регион даже в условиях кризиса обладал неплохими перспективами для реализации отдельных рентабельных экономических и инфраструктурных проектов общероссийского значения, связанных с добычей и транспортировкой природных ресурсов.

Потенциал Читинской обл. (вместе с Агинским Бурятским автономным округом) был намного меньшим. Ее роль определялось не хозяйственными, а, скорее, военно-политическими факторами, которые в 1990-е гг. после распада СССР временно утратили свое прежнее значение. Сырьевые отрасли экономики не получили здесь высоких импульсов для развития, как, например, в Красноярском крае или Иркутской обл. В структуре экономики региона важную роль играли предприятия, тесно связанные с материальным обеспечением Забайкальского военного округа, финансовое положение которого в годы реформ пошатнулось. Миграционные потери Читинской региона как в абсолютном, так и в относительном выражении оказались самыми высокими в Восточной Сибири, сравнимыми с показателями административных образований Дальнего Востока.

Довольно высокие отрицательные сальдо миграции продемонстрировали национально-территориальные образования Восточной Сибири – Республики Бурятия и Тыва. Так, за 1989–2002 гг. они достигли 84,5 тыс. чел. и 36,3 тыс. чел. соответственно. Республика Бурятия в советский период также не входила в число приоритетных для экономического развития регионов. Исключением стала Байкало-Амурская магистраль, одна из транспортных веток которой пролегла по северным районам республики. Однако в условиях слабой востребованности и малой загруженности железной дороги, а также свертывания программ строительства добывающих предприятий, территории, прилегающие к магистрали (в том числе в других регионах), стали испытывать серьезные экономические трудности и превратились в главные районы оттока населения. Кроме того, костяк экономического комплекса Бурятии составили отрасли, больше всего в 1990-е гг. пострадавшие от кризиса: машиностроение, легкая, пищевая, лесная промышленность, сельское хозяйство. Именно поэтому материальные и финансовые возможности республики по преодолению негативных последствий реформ оказались невелики, и по размерам миграционной убыли на 1000 населения она заняла третье место (–83,0 ‰).

Кризис в хозяйственном комплексе Республики Тыва оказался самым глубоким в Восточной Сибири. Из-за того, что она вошла в состав СССР только в 1944 г. индустриализация здесь началась довольно поздно. Даже в советское время регион не отличался высоким уровнем развития промышленности и урбанизации. К началу рыночных преобразований здесь почти не было предприятий, продукция которых могла быть востребована на внешнем рынке. Отсутствие прямого железнодорожного сообщения с другими административными образованиями России и развитой социальной инфраструктуры снизило инвестиционную привлекательность республики, а доходы на душу населения в Тыве оказались одними из самых низких в стране. При этом следует отметить, что динамика пространственных перемещений населения, особенно в первой половине 1990-х гг., определялась не только социально-экономическими факторами. Масштабы эмиграции возросли из-за ухудшения межнациональных отношений. За 1989–2002 гг. отрицательный баланс прибывшего и выбывшего населения составил 36,3 тыс. чел., а по интенсивности переселений (–117,4 ‰) регион занял второе место после Читинской обл.

Таким образом, в 1990-е гг. миграционные потоки на постсоветском пространстве устремились с юга на север, с северных и восточных территорий – в западные [Базаров, Балдано, Бодараев, и др., 2015, с. 217]. Переход на принципы самоуправления и самофинансирования областей, краев и республик, а также прекращение политики хозяйственного освоения немедленно отразились на восточносибирских регионах, которые понесли значительные миграционные потери. В XXI в. со всей остротой встал вопрос о необходимости формирования новой экономической политики в отношении восточных районов России. Ее успешная реализация, возможно, позволит частично перенаправить существующие переселенческие потоки в пользу азиатских территорий страны.

Список литературы

Базаров Б.В., Балдано М.Н., Бадараев Д.Д. Соотношение миграционных векторов и номадизма в современном монгольском обществе // Власть. – 2015. – № 10. – С. 213–218.

Дашинамжилов О.Б. Миграционные процессы в Сибири в 1989–2002 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 72–77.

Октябрьская И.В., Соболева С.В. Иностранные мигранты на сибирском рынке труда. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 316 с.

References

Bazarov B.V., Baldano M.N., Badaraev D.D. Sootnoshenie migratsionnykh vektorov i nomadizma v sovremennom mongol'skom obshchestve. *Vlast'*, 2015, No. 10, pp. 213–218 (in Russ.).

Dashinamzhilov O.B. Migratsionnye protsessy v Sibiri v 1989–2002 gg. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, No. 4, pp. 72–77 (in Russ.).

Oktyabrskaya I.V., Soboleva S.V. Inostrannye migranty na sibirskom rynke truda. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2006, 316 p. (in Russ.).

УДК 339.1 (571.1) 09

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: lucid1@yandex.ru

Жизненный цикл и жизнеобеспечение служилого населения Западной Сибири в XVII веке

Переселенцы в Сибирь в XVII в., состоящие на государственной службе, преимущественно оседали в этом регионе до конца жизни. Денежное жалование и льготы позволяли поддерживать обеспеченное существование, обзаводиться хозяйством и семьями. Многие переселяли к месту службы жен, детей и родственников из Европейской части страны. Наличие родни, порой многочисленной, в трудных ситуациях являлось поддержкой служилым людям. По данным источников XVII в., сроки службы у большинства служилых превышали 20, 30 и более лет, вплоть до 50. Свидетельством тому служат многопоколенные семьи и архивные записи. Внимание к прожитым годам дает повод говорить о почитании старости, присущей православной идеологии.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, XVII в., жизненный цикл, уровень жизни, служилые люди, хозяйство, продолжительность службы, отношение к старости.*

A.A. Lutsidarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: lucid1@yandex.ru

Life History and Life Sustaining of the Service Men of Western Siberia in the XVII Century

Russian migrants in Siberia in the XVII century connected with administrative services settled mostly here for the whole life. With a service pay and benefits from the state these settlers provided better-off living, could set up a housekeeping and start a family. A household of a service man consists of a vast home garden and a parcel of land in the neighborhood. With the course of time Siberian agricultural regions crossed over to the grain crop self-production and stopped being supplied with food from the European part of the country. Many of the service men moved with their families, including wives, children and other relatives. Service men used to rely on the support of their multitudinary relatives in difficult situations. According to the historical evidence of the XVII century, the majority of the service men were on service for over 20, 30 or even 50 years. Such situation is proved by the fact of existence of the multigenerational households and historical records. Service men incured casualties in the fights and the brush with the natives. They got various wounds, that were ty of the service. Attention to the life experience in the primary sources lets us speak about special significance of the elders that is in general very peculiar to the Orthodox ideology. The point to be emphasized is that talking about the respect to the age we base on materials concerned only to the service men, who had special conditions in the colonized region.

Keywords: *Western Siberia, XVII century, vital rhythm, standard of living, life sustaining, service men, household, age of life, attitude to the elder people.*

Служилое население сибирских городов пополнялось в конце XVI – начале XVII в. преимущественно за счет притока из европейской части страны. Это были и лица, переведенные из гарнизонов различных русских городов, и значительное количество военнопленных, взятых в зонах военных конфликтов, и, наконец, вольные переселенцы. Вольные переселенцы состояли из людей пассионарных, предприимчивых, ищущих изменений своей жизненной ситуации. Надо заметить, что пускали корни на сибирской почве люди, преимущественно склонные к быстрой адаптации.

Ставить во главу угла пополнение населения исключительно за счет поступлений из европей-

ской части государства было бы неверно. Уже с первой трети XVII в. можно выявить естественный прирост населения. Обзаведение семьями в пределах Сибири и перевод жен и детей из русских городов на места дислокации сибирских служилых людей отмечались на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, конный казак Кузнецкого острога просил позволить ему отправить в Сибирь из Устюга жену с сыном и брата с женой и детьми (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 21). Обзаведение жилищем и хозяйством в широком смысле этого слова имело значение для продуктивного функционирования служилых казаков и представителей местной администрации на протяжении всех периодов их жизни.

Определить продолжительность жизненного цикла у служилого сословия Сибири на разных этапах его становления возможно по косвенным сведениям и по составу семей, а также по складывающейся военно-политической и экономической обстановке в регионе.

Несмотря на отдельные враждебные стычки с аборигенным населением, которые имели место на протяжении длительного периода в Западной Сибири и еще более интенсивного в восточных регионах края, все же во второй половине XVII в. наметилась стагнация в военно-политической обстановке. Поэтому, судя по архивным источникам, в Западной Сибири смерть «на поле брани» считалась неординарным событием, а, учитывая многократные столкновения казаков с противниками, полученные в боях ранения и увечья лечили и вылечивали средствами народной медицины.

Источниками для изучения длительности жизни сибирских служилых людей являются сведения о многопоколенных семьях и данные о казаках и вообще о служилых людях с указанием сроков их службы, а также сравнительные характеристики людей, появляющиеся в документах в разные отрезки времени.

Томский источник 1667 г. предоставляет редкие сведения о возрастах томских служилых людей, что позволяет проследить судьбы некоторых представителей этой категории населения [Люцидарская, 1992, с. 104–105]. Становится известно, что у конного казака Ивана Канаева было 6 сыновей, пятеро из них обзавелись семьями и к 1703 г. пребывали в возрасте от 46 до 56 лет. Братья казаки Петр и Иван Згибневы в 1703 г. достигли 58 и 61 лет, а возраст служилого человека Андрея Бубенного в этот же период был равен 56 годам. Сыну боярскому Григорию Старкову было около 50 лет, а его брат, татарский голова Василий Старков, имел сына в возраст которого превышал 40 лет. Все эти отцы взрослых сыновей состояли на государевой службе и, достигнув зрелого возраста, продолжали выполнять свои служебные обязанности. Дальнейший анализ возрастного состава служилого люда лишь подтверждает эти предварительные предположения.

В приложениях к монографии И.П. Каменецкого, посвященной населению Кузнецка в XVII – начале XVIII в., приведен текст разборного списка кузнецких служилых людей за 1680–1681 гг. Этот документ содержит интереснейшие сведения о возрасте кузнечан, в основной массе – конных казаков. В источнике упомянуто 67 казаков, преимущественно конных, возраст которых поддается определению. Вот одна из подобных записей: «...Конный казак Сенька Осипов сказал: отец мой Осип родом Великие Перми Еренского горотка, посадский человек, пришел в Кузнецкой охотою, в Кузнецком, воевода Федор Ханенев верстал отца моего в пешую службу в десятники, а оклад отцу моему учинил денег пять рублев с полтиною... и служит отец мой Осип в Кузнецком в пешей казачей службе лет с пятьдесят, а я Сенька верстан в Кузнецком в конную казачую службу... по челобитью отца своего крестного Кузьмы Еремеева, а он Кузьма верстан был в конную службу на Москве, и в Кузнецком служил государеву службу лет с пятьдесят...» [Каменецкий, 2005, с. 307].

Если учесть, что отец казака Семена Осипова появился в Кузнецке в возрасте около 18-20 лет и в таком же возрасте в сибирском остроге оказался его крестный отец, то получается, что их возраст превышал 60 лет проживания в Кузнецком остроге. Надо заметить, что этот город находился в неспокойном с точки зрения военно-политической обстановки месте.

Из детального анализа кузнецкого источника начала 1680-х гг. следует, что из 67 казаков 12 человек провели на государевой службе более 50 лет, преимущественно в Сибири. Казаки, служившие от 40 до 50 лет составили наиболее многочисленную группу, их было 29 человек. Разумеется, эти данные нельзя рассматривать как исчерпывающие, тем не менее они выявляют общее возрастное состояние корпуса служилых казаков в Западной Сибири во второй половине XVII в. Разрозненные данные по различным городам подтверждают это предположение.

Определенным мерилом для возрастного состава служилого населения могут служить многопоколенные семьи казаков. Так, среди конных казаков Томска в начале XVIII в. (1703 г.) многопоколенные семьи составляли около 20 %, а среди пеших – 18 %. Это вполне сопоставимые между собой цифры. Обращает внимание то, что большинство упомянутых выше служилых людей Кузнецкого острога, прослужив 50 лет, не покидали службы в пользу сыновей, а продолжали выполнять свои обязанности, хотя, по всей вероятности, их возраст переваливал за 60 лет. Подтверждением этому предположению может служить жизненный путь красноярского сына боярского Севостьяна Самсонова, прибыв-

шего в Сибирь в возрасте приблизительно 18 лет. Длительное время он находился в казачьем чине, ставил Красноярский острог, в его послужном списке «дальние посылки» по службе. Самсонов, достигнув высшего служилого чина, сына боярского, в возрасте, превышающем 55 лет, был готов продолжать службу [Миллер, 2000, с. 628].

Сохранению работоспособности в зрелом возрасте способствовали прежде всего уровень жизнеобеспечения семьи на протяжении длительного периода времени. К этим факторам можно отнести обладание обустроенным жильем (двором или дворами), «приусадебным» хозяйством, заимками в уезде, регулярное получение денежного государева жалованья (оклада и надбавок), и, наконец, наличие взрослых сыновей, а также родственников и свойственников. Отцы и дети, родные и двоюродные братья поселялись по возможности вблизи друг от друга, особенно это справедливо для жителей уезда. Деревни часто формировались из представителей одной фамилии, а пахотные угодья распределялись по паям между членами единого семейного клана. Это в определенной мере гарантировало в экстренных ситуациях сохранение привычного прожиточного минимума.

Подобные утверждения справедливы для служилого населения большинства сибирских городов Западной Сибири первой трети XVII в. Во второй половине XVII в. все большее число жителей из служилой среды обретали стабильность и материальную устойчивость. Это, естественно, положительно сказывалось и на продолжительности жизни. Разумеется, в различных областях Западной Сибири условия проживания имели свои отличия.

Сразу же следует выделить районы развитого или развивающегося земледелия, жизнеобеспечение в которых с точки зрения наличия продуктов питания находилось на высоком уровне. В усадьбах горожан, как правило, имелись участки, иногда очень обширные, где выращивались огородные культуры, особое значение придавалось заготовкам капусты, неслучайно зачастую огороды так и именовались – «капустниками». Исходя из сведений о ввозе семян в Сибирь из центральной России, овощной рацион был разнообразен, но преобладали в нем капуста и репа. Во второй половине XVII в. ассортимент овощных культур только расширялся. Использовали переселенцы и дикоросы, такие как лук и чеснок [Люцидарская, 2004, с. 78–81].

Северные города, такие как Сургут, Березов и иные поселения, расположенные в зоне не пригодной для выращивания зерновых и овощных культур, находились в зависимости от государственных поставок. Однако эти местности располагались в бассейнах рек, изобилующих рыбными ресурсами. В периоды задержек поступления хлебного жалования русские переселенцы приближали свой рацион к традиционной системе питания аборигенного окружения.

Крупы различного достоинства продолжали поступать из европейской части страны, однако ввоз их постепенно сокращался из-за развития местного сибирского хлебопашества. Помимо государственных поставок продуктов питания действовала торговля, организованная купцами-предпринимателями. Наличие гарантированного государева жалованья обеспечивало стабильное существование служилого люда. Помимо хлебопашества развивались торговля и промыслы, в которых и служилое население активно подключалось к развитию мелкотоварного производства. Нормализация военно-политической обстановки предоставляла широкий спектр возможностей для проявления личной инициативы в сфере торговой и хозяйственной деятельности.

С точки зрения мировоззрения людей XVII в., долгая обеспеченная жизнь считалась мерилом жизни достойной и богоугодной. Известное богословское сочинение «Похвала старости» и почитание такого понятия, как «старчество», а также изображения образов святых старцев в иконографии, служили духовной основой для стремления православных казаков достойно продолжать свой жизненный цикл.

Список литературы

Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в. (опыт жизнедеятельности в условиях фронтира Южной Сибири). – Омск: [Тип. ИП Долгов Р.Н.], 2005. – 340 с.

Люцидарская А.А. Сибирские огородники в XVII в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 2. – С. 78–81.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 796 с.

References

Kamenetskiy I.P. Russkoe naselenie Kuznetskogo uezda v XVII – nachale XVIII v. (opyt zhiznedeyatel'nosti v usloviyakh frontira Yuzhnoi Sibiri). Omsk: [Tip. IP Dolgov R.N.], 2005, 340 p. (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Sibirskie ogorodniki v XVII v. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. X, pt. 2, pp. 78–81 (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII v.). Novosibirsk: Nauka, 1992, 197 p. (in Russ.).

Miller G.F. Istoriya Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000, vol. 2, 796 p. (in Russ.).

УДК 391.9

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: annmaini@gmail.com

Программа этнографического исследования природопользования русских в Сибири

Этнографические исследования природопользования у различных народов обладают спецификой и основаны на непосредственном наблюдении, опросах, углубленных интервью представителей экспертной группы, музейных и письменных источниках. Впервые представлены авторские разработки комплексной программы этнографического исследования природопользования русских в Сибири. Темами выбраны географическая характеристика местности, характеристика угодий хозяйственного назначения, меры защиты природы, использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности. Существенное значение придается мировоззренческим проблемам. Выделяются подтемы, касающиеся земледельческих территорий, охотничьих и рыболовных угодий, углежжения, смолокурения, добычи серы и масла из хвойных пород деревьев, а также мест для выпаса скота, пчеловодства, охоты, собирательства, заготовки сена, леса, дров, строительных материалов, бересты.

Ключевые слова: *природопользование, программа этнографического исследования, географическая характеристика местности, угодья хозяйственного назначения, меры защиты природы, мировоззрение, русские, Сибирь.*

A.Yu. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru

Natural Resources Ethnographic Research Program of Russians in Siberia

Studies of nature resources have ethnographically specific aspect, based on direct observation, interviews, in-depth interviews of representatives of the expert group, the museum and written sources. For the first time the author's comprehensive ethnographic program of nature resources of Russians in Siberia is presented. The selected themes are geographic characteristics of the terrain, the characteristics of the economic land use, nature protection measures, and the use of natural resources in economic activity. The essential significance is payed to worldview problems. Sub-themes are allocated that are related to agricultural areas, hunting and fishing, charcoal burning, extraction of tar, sulfur mining and oil from coniferous trees, as well as places for grazing, beekeeping, hunting, gathering, provision of hay, timber, firewood, building materials, and birch bark.

Keywords: *nature resources, program of ethnographic research, geographic characteristics of the terrain, economic land use, nature protection measures, worldview problems, Russians, Siberia.*

Исследования природопользования народов имеют этнографически специфический аспект, основанный на непосредственном наблюдении, опросах, углубленных интервью представителей экспертной группы, музейных и письменных источниках. Наряду с материальной стороной вопроса существенное значение придается мировоззренческим проблемам. Программы позволяют получать материалы, необходимые для моделирования этноэкологической ситуации того или иного региона, проводить синхронные и диахронные сравнения историко-культурных областей. В данной статье впервые представлены авторские разработки комплексной программы этнографического исследования природопользования русских в Сибири.

Темами программы выбраны географическая характеристика местности, характеристика угодий хозяйственного назначения, меры защиты природы, использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности.

Для географической характеристики местности требуется выявить ее географическую зону, климат, почвы, ландшафт, наличие водоемов, леса, болот, гор, пещер и прочих географических объектов. Необходимо указать лесные, водные ресурсы, полезные ископаемые, а также особенности растительного и животного мира. Показать, какие существуют занятия населения, например земледелие, скотоводство, пчеловодство, охота, рыболовство, собирательство, строительство, производство орудий труда и утвари, основные направления хозяйства и источники доходов населения, а также побочные занятия мужчин и женщин. Указать период существования промыслового хозяйства. Мировоззренческие аспекты будут касаться определения месторасположения и характеристик священных мест и природных объектов (родников, рощ, камней и пр.).

В разработке раздела, посвященного угодьям хозяйственного назначения, выделяются поселения, расположенные в различных зонах: в неблагоприятной для земледелия зоне, в лесной зоне, пригодной для ведения сельского хозяйства, в лесостепной и степной зонах. Рассматриваются вопросы соотношения угодий в лесных массивах и на открытых пространствах, разработки новых участков, пригодных для земледелия, скотоводства, рыболовства, охоты. Выясняются их названия на местном или каком-либо другом языке, бытующие в данной местности, дается объяснение названия. Существенное значение имеет определение пригодности лесного участка для скотоводства, рыболовства, охоты, а также последовательность действий при поиске, выборе участка, его пометке, выделении среди других. Указываются участники работ: члены семьи, соседи, общество, соседние деревни, отмечаются половозрастной состав работавших и распределение труда между участниками. Уточняются вопросы применения наемной силы, орудий труда для разработки угодьев, владения участком после разработки, опыта возделывания пашни. При учете обрядовой сферы рассматриваются проблемы определения пригодности лесного участка для земледельческих работ, последовательности действий при поиске, выборе участка, его пометке, выделении среди других, времени расчистки. Указываются виды культур, высевавшихся в первый и последующий годы, а также причины такой агротехники, в том числе и их символическая роль. Необходимо показать отличия последующей эксплуатации лесных или целинных участков от старопахотных полей. Собрать материалы об аренде земель (кто, сколько семей, у кого, на каких условиях, как использовали).

Отдельные разделы могут быть посвящены следующим вопросам:

1. Расположение угодий (компактно или разбросанно, вблизи селения или в отдалении, на каком расстоянии). Разделение угодьев на ближние, средние, дальние. Виды угодьев (пашни, сенокосы, выпасы, промысловые), их местные названия. Причины возникновения отдаленных угодьев, Причины чересполосицы, длинополосности, мелкополосности.

2. Раздел и передел угодий (причины, правила, частота). Переделка ближних и дальних полей (причины, правила, частота). Раздел сенокосов и выгонов. Условия пользования сенокосов и выгонов. Форма пользования угодьями (личная, усадебная, общинная, пр.).

3. Участки, находившиеся в потомственном пользовании, в пользовании всех жителей селения, административной еденицы. Заготовка даров природы для личного пользования или на продажу. Производство заготовок сообща или каждой семьей в отдельности; регулирование обществом сроков и размеров заготовок, их распределение.

4. Меры защиты природы. Мнение жителей о необходимости охраны и сохранении местных природных богатств.

Значительной частью программы является использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности, причем выделяются подтемы, касающиеся земледельческих территорий, охотничьих и рыболовных угодий, углежжения, смолокурения, добычи серы и масла из хвойных пород деревьев, а также мест для выпаса скота, пчеловодства, охоты, собирательства, заготовки сена, леса, дров, строительных материалов, бересты.

Например, подтему, посвященную земледельческим территориям, можно разбить на следующие проблемы. Определение земледельческих угодий (кем, когда, как), их названия на местном или каком-либо другом языке, бытующие в данной местности. Объяснение их названий. Где, на каком расстоянии от поселения расположены обрабатываемые поля и почему. Характеристика полей (площадь, расположение в низине, вдоль реки, на кромке или в глубине леса и почему). Размеры надела. Название надела. Межевые знаки, названия, устройство, расположение. Земледельческие культуры. Время проведения земледельческих работ для различных культур. Агротехника для различных культур (подготовка земли, вспашка,

прополка, сбор урожая и пр.). Кто вел земледельческие работы (сами, нанимали со стороны, работали для родственников, на всю деревню, «по помощи» и при каких условиях). Количество людей, участвующих в обработке полей (их родственный, половозрастной состав). Условия участия детей, женщин. Руководитель работами (кто и почему). Затраты времени для земледельческих работ. Инструменты для работы и транспортировки. Способ и место хранения урожая и семян. Просушка зерновых. Увязка снопов, виды суслонов, копен. Просушка хлеба в овинах, ригах. Молотьба зерновых. Способы молотьбы. Провеивание зерна и способы его хранения. Запреты при проведении земледельческих работ. Приметы, связанные с земледелием. Дороги к местам обработки полей (постоянные, временные, зимники). Их устройство (конструкция, кто, как, когда их строил). Устройство летнего стана (коновязь, амбар для инструмента, пр.). Жилища на летнем стане (шалаши, полуземлянки, землянки, срубные дома, их конструкции, материал, убранство, срок службы). Сохранение знаний, связанных с земледелием (в семье, в деревне). Передача знаний наследникам (по достижении определенного возраста последними, перед смертью и т.д.). Если знания не были секретом, то как они передавались и на каких условиях (обмен опытом, дружеская рекомендация и т.д.). Местные малые формы фольклора, обряды и ритуалы, связанные с земледелием.

Подтема «Углежжение, смолокурение, добыча серы и масла из хвойных пород деревьев» включает ряд проблем. Это названия на местном или каком-либо другом языке, бытующие в данной местности. Объяснение названий. Где, на каком расстоянии от поселения расположены места промысла и почему. Характеристика мест углежжения, смолокурения, добычи серы и масла из хвойных. Выбор деревьев (правила, приметы). Кто занимается углежжением, смолокурением, добычей серы и масла из хвойных. Количество людей, участвующих в работах (их родственный, половозрастной состав). Условия участия детей, женщин. Руководитель работами (кто и почему). Сроки и затраты времени на углежжение, смолокурение, добычу серы и масла из хвойных. Способ и место хранения продукции. Приметы, связанные с данным занятием. Дороги к местам промысла (постоянные, временные). Их устройство (конструкция, кто, как, когда их строил). Жилища в местах проведения работ. Их виды и типы (шалаши, полуземлянки, землянки, срубные дома). Конструкции, материал, убранство, срок службы построек. Сохранение знаний, связанных с углежжением, смолокуренинем, добычей серы и масла (в семье, в деревне). Передача знаний наследникам. Если знания не были секретом, то как они передавались и на каких условиях (обмен опытом, дружеская рекомендация и т.д.). Местные малые формы фольклора, обряды и ритуалы, связанные с углежжением, смолокурением, добычей серы и масла.

Подтема, посвященная водоемам и рыболовным угодьям, содержит вопросы, касающиеся названий рек, ручьев, спусков с высокого берега, болот, озер, прудов, стариц рек, окружающих поселение на местном или каком-либо другом языке, бытующие в данной местности. Объяснение их названий. Знаки, отмечающие мели, броды на местном или каком-либо другом языке. Объяснение их названий. Зачем, кто и как их делал. Способы очистки рек и озер. Зачем, кто и как их применял. Способы понижения и повышения уровня воды. Зачем, кто и как их применял. Укрепление берегов рек, озер, оврагов. Конструкция. Источники водоснабжения. Места забора питьевой воды. Естественные (река, озеро, ручей, ключ) и искусственные (колодцы, водонапорные башни, колонки, водопровод) источники. Их поиск и расположение. Время появления искусственных источников воды. Качество воды. Охрана, очищение источников питьевой воды. Уход за ними. Использование естественных источников (для получения питьевой воды, для технических нужд или для забора воды не используются). Традиционные колодцы различных типов. Местные названия. Конструкции, принцип действия. Местные малые формы фольклора, обряды и ритуалы, связанные с водоемами и искусственными источниками воды.

Приведенные примеры показывают лишь часть разработанной программы. По всем темам и подтемам можно создавать вопросники, адаптируя к своим исследовательским интересам, проводить синхронные и диахронные сравнительные исследования природопользования различных групп русских в Сибири.

УДК 391.9

А.Ю. Майничева[1, 2], Е.И. Глухих[2]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: annmaini@gmail.com

Строительные традиции русских старожилов в Сибири в XX веке: общее и особенное*

Статья посвящена общности и различиям строительных традиций возведения деревянных жилищ русскими старожилами, проживающими в сельских поселениях Приобья, Прииртышья, Приангарья в XX в. Основными источниками являются результаты полевых исследований Сибирского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН 1997–2015 гг. Различия в традициях были обусловлены региональными условиями и религиозно-конфессиональными факторами. Ряд строительных традиций сохранялся (преобладание деревянных домов, выполненных в срубной технике, типология жилищ, правила заготовки материала, этапы строительных работ, выбор места для жилища, инструментарий, элементы обрядовой сферы), что говорит о культурном единстве русских старожилов-сибиряков, сохранявшемся на протяжении XX в.

Ключевые слова: *строительные традиции, строительная культура, русские старожилы, Сибирь, Прииртышье, Приобье, Приангарье.*

A.Yu. Mainicheva[1, 2], E.I. Glukhikh[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: annmaini@gmail.com

The Construction Traditions of Russian Old Residents in Siberia in the XX Century: General and Special

The article focuses on the similarities and differences of building traditions in the wooden dwellings construction by the Russian old residents living in rural settlements of the Ob, Irtysh, Angara river regions in the 20th century. Main sources are the results of field studies of Siberian ethnographic group of IAET SB RAS in 1997–2015. The differences in the traditions were determined by regional conditions, religious and confessional factors. Some of building traditions were preserved: wooden houses, built in a log technique, typology of dwellings, the rules of preparation of materials, phases of construction, the choice of location for dwellings, tools, ceremonial sphere, which talks about the cultural unity of Russian old residents of Siberia continued throughout the 20th century.

Keywords: *building traditions, construction culture, Russian old residents, Siberia, Irtysh Region, Ob Region, Angara Region.*

Строительные традиции народа, объединяя материальную и духовную стороны, стоят в основе его строительной культуры, во многом формирующей среду обитания, поэтому важно выявить присущие им общие и особенные черты у разных этнических подразделений. Поскольку тема обширна, данная статья посвящена лишь некоторым аспектам проблемы: общность и различие некоторых традиций возведения деревянных жилищ русскими старожилами, проживающими в сельских поселениях Приобья, Прииртышья, Приангарья. Основными источниками являются результаты полевых ис-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

следований Сибирского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН 1997–2015 гг. (начальник отряда д-р. истор. наук А.Ю. Майничева). Хронологические рамки ограничены XX в., что обусловлено глубиной памяти респондентов, датировкой сохранившихся и музеефицированных построек.

К группе русских старожилов авторы относят потомков участников нескольких волн переселения в Сибирь, осознающих свою принадлежность к русскому народу и помнящих, что их предки пришли в сибирские земли до начала столыпинских реформ. Указанная группа не является однородной, ее подразделения могут обладать различными самоназваниями (напр., в Приангарье – кежмари, в Приобье и Прииртышье – чалдоны), иметь конфессиональные особенности (православные мирские, кержаки), культурные отличия, поэтому уместно ее определить как сообщество. Представители его проживают в различных природно-климатических условиях – в таежных, лесостепных, горных зонах, на значительном, порой в несколько тысяч километров, удалении друг от друга. Они имеют собственную историю заселения и освоения сибирских территорий. Под влиянием социально-экономических факторов, включающих характерные для XX в. процессы модернизации и постмодернизации, хозяйственный уклад, социальные отношения, использование материалов и технологий претерпевали трансформации. Вместе с тем, можно отметить, что ряд черт строительных традиций сохранялся весь изучаемый период, во всех указанных регионах. В первую очередь это касается материала построек – преобладают деревянные дома, выполненные в срубной технике. Существует крайне незначительное количество бревенчатых жилищ с каменным или кирпичным цоколем, а также выполненных целиком из кирпича, сибита, панелей и прочих искусственно созданных каменных материалов. В XX в. суррогатные материалы для жилищ в постоянных поселениях старожилы не использовали.

Устойчиво сохраняется типология жилищ. Повсеместно имели распространение четырехстенки, пятистенки, крестовые дома. Дома «со связью» фиксируются в Прииртышье и Приобье. В разных регионах они могли иметь отличающиеся названия, так, в Приобье четырехстенки могли называться «стопа», крестовые дома – «круглые», в Приангарье подобных названий не было. По данным статистики по селам Томского и Алтайского округов Томской губ. (Приобье) к 1912 г. старожилы имели дома с одной комнатой (что соответствует четырехстенкам) 29,6 %, с двумя (пятистенки) – 35,7 %, с тремя и четырьмя (крестовые) – 14,7 и 16,5 %, с пятью и более – 3,5 % (подсчитано по [Сборник статистических сведений, 1913]). В 1920 г. у русских старожилов в Томском округе преобладали пятистенные дома – 41,0 %, четырехстенных домов было 34,2 %, крестовых – 20,1 %, меньше всего была доля шестистенных домов («со связью») – 4,7 % [Лаптев, 1928, с. 20]. К сожалению, динамику изменений в соотношении типов жилищ на протяжении всего XX в. проследить не удается из-за отсутствия соответствующей статистики, однако натурные наблюдения показывают в конце изучаемого периода наличие всех перечисленных типов жилищ.

По вертикальному развитию жилища классифицируются как дома на высоком подклете, на среднем подклете, на низком подклете. Временными жилищами могли быть землянки и полуземлянки. Двухэтажные дома были редкостью. По взаимному расположению жилых и хозяйственных помещений жилища подразделяются на те, в которых жилые помещения находятся над хозяйственными по схеме «подполье (подвал) – жилье», жилые помещения – между хозяйственными «подполье (подвал) – жилье – хозяйственный чердак» и жилые помещения – под хозяйственными «жилье – хозяйственный чердак». В отдельную группу выделяются жилища, в которых обширные хозяйственные помещения примыкают к жилой части, имеющие распространение в Прииртышье и в некоторой степени в Приобье.

Для деревянных построек большое значение имели правила выбора лесного материала, во всех регионах сохранилась память о них, правда, в разной степени – в Приобье, Приангарье, и частично на Алтае, потомки старожилов знают многочисленные приметы и способы заготовки леса, в Прииртышье в меньшей степени. К выбору материала для жилища старожилы подходили тщательно. В Приангарье ценили вымоченный в реке лес в отличие от прочих регионов, где предпочитали хорошо высушенный качественный лес, для которого было распространено название «кондовый», не годившийся для строительства материал называли «мендачный». На постройки могли брать лиственницу, которая была долговечной, но плохо поддавалась обработке, и сооружения из нее трудно было протопить, поэтому ее использовали для фундаментных стоек или для нижних венцов сруба. Лиственные породы деревьев избегали использовать. Всем прочим предпочитали сосну – «красный лес». На Алтае и в южных районах Приобья ценили и пихту, которая менее сосны поддается гниению. Существовал целый комплекс запретов на использование определенных видов деревьев, как правило, с явными дефектами, растущих на кладбищах, в местах жертвоприношений местных народов.

Время заготовки леса разнилось. Где-то для этого выбирали позднюю осень, где-то зиму или раннюю весну, но в любом случае период, когда неактивно сокодвижение и бревна легко вывезти на санях по снегу. Учитывали и фазы луны –

«лучше в полнолуние». В тех местностях, где появились лесопильные заводы в 1930-х гг., добыча смолы из деревьев хвойных пород, «подсочка», необходимость покупки уже готовых бревен свели на нет самостоятельную подборку древесины, но знания о правилах выбора строительного материала устойчиво сохранялись.

Обязательным этапом строительных работ была подготовка сруба для жилища – сваленные деревья или готовые бревна ошкуривали, делали пазы, поскольку самым распространенным способом рубки был «в обло» с остатком, при котором необходимо было пазовать бревна по длине. Обычно складывали временный сруб для усадки венцов, который затем разбирали и перевозили к месту строительства дома. В Приангарье для устойчивости сруба более толстые бревна клали в верхние венцы, в Приобье могли поступать иначе – более тонкие шли выше более толстых. Особенно в двухэтажных жилищах. При неравном диаметре толщины бревна, комлевые и вершинные части бревен укладывали попеременно, чтобы избежать перекоса постройки. Для «окондованных» на лесопильнях бревен, имевших равную толщину по всей длине, такого правила, естественно, не было.

Место для дома могло быть выбрано строившим дом либо произвольно, либо в продолжение улицы, либо по указанию административных лиц. В любом случае существовали приметы, говорившие об удачном или плохом выборе. Чаще всего учитывались практические соображения: расположение рядом водоема, ровность рельефа, хорошая инсоляция. Но есть и другой подход. Плохим считалось место на перекрестке дорог или там, где ранее находились ворота, то, что пользовалось дурной славой, «пустое» (дававшее при ударе звонкий звук). С течением времени все меньше внимания уделялось иррациональным по своей сути приметам, однако память о них сохранялась, а в случае, если происходило какое-либо несчастье, сразу же находилось объяснение случившемуся именно в этих приметах.

Этапы возведения дома устойчиво сохранялись – от заготовки материала до финишной отделки, что связано с особенностями технологии возведения бревенчатых построек. При этом существовало множество нюансов и особенностей при производстве конкретных строительных работ, различался и инструментальный набор – от крайне узкого до расширенного со специализацией для выполнения конкретных операций. Основными обязательными инструментами все же в течение длительного времени оставались топоры, тесла, пазники, пилы, молотки, скобели, черта, циркуль, коловороты, напарии, рубанки и фуганки.

Система знания о правилах и приемах строительства деревянных жилищ действовала на бытовом уровне, передавалась посредством межпоколенной коммуникации и была широко распространена в среде старожилов, когда любой знал, как поставить себе дом и постройки подворья. Под воздействием модернизационных и просмодернизационных процессов, приведших к нарушениям связи поколений, внедрению результатов научно-технического прогресса, отсутствию развития сельских поселений, к концу XX в. потомки русских старожилов практически перестали самостоятельно строить новые дома, используя уже возведенные, и практически потеряли плотничьи навыки, исключая отдельные случаи, например, в среде кежмарей, живущих в отдаленных таежных местах, люди 40 лет и старше с детства принимали участие в строительстве, учились у своих дедов.

Обрядовая сфера охватывала все этапы строительства, причем установке матицы и новоселью придавалось особое значение. Существовали представления о духах дома, в которых домовой («суседка») распространял свое влияние и на всю усадьбу. Вместе с тем, старообрядцы благодаря религиозным убеждениям относились к этим верованиям отрицательно, называя домовых «бесями». К концу XX в. вера в домовых широко сохранялась в Приобье, а в Прииртышье и Приангарье сведения о них отрывочны и редки. Однако традиция справлять новоселье, но уже по иному, чем ранее, сценарию, устойчиво сохранялась.

Краткий обзор некоторых традиций в строительстве жилищ русских старожилов Сибири, проживавших в сельских поселениях Прииртышья, Приобья, Приангарья, показал существенное их сходство. Их различия были обусловлены региональными условиями и религиозно-конфессиональными факторами. Таким образом, можно говорить об определенном культурном единстве русских старожилов-сибиряков, сохранявшемся на протяжении XX в.

Список литературы

Лаптев А.Н. Итоги жилищно-бытового обследования селений Томского округа // Сибирский медицинский журн. – 1928. – № 5. – С. 14–24.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. – Томск: [Тип. В.М. Перельмана], 1913. – Вып. 1: Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. – 365 с.

References

Laptev A.N. Itogi zhilishchno-bytovogo obsledovaniya selenii Tomskogo okruga. *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, 1928, No. 5, pp. 14–24 (in Russ.).

Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii. Iss. 1: Uezdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii i Mariinskii. Tomsk: [Tip. V.M. Perel'mana], 1913, 365 p. (in Russ.).

УДК 394 (631)

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: olymals@gmail.com

«Озерные» нанайцы: изменения в землепользовании в первой половине XX века (на примере болоньских нанайцев)*

В основу статьи положены полевые и архивные данные по группе нанайцев, проживающих в районе оз. Болонь. Их традиционный уклад, связанный с рыбным промыслом, в первой половине XX в. подвергся изменениям под влиянием сельскохозяйственных практик, внедрявшихся в рамках колхозной системы. В условиях поймы и пересеченной местности оз. Болонь стало применяться малоформатное полеводство с грядковыми посадками преимущественно овощных культур на участках в прибрежной зоне. С истощением почвы переходили к возделыванию земли на озерных островах. В начале коллективизации промысловые коллективы перенимали аграрные навыки у русских, корейских и китайских переселенцев. Отсутствие сельскохозяйственных традиций у нанайцев и слабо изученный аграрный потенциал местности стали причиной малой эффективности на Амуре колхозной системы в целом.

Ключевые слова: *оз. Болонь, нанайцы, Советское государство, колхозная система, земледелие, полеводство.*

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olymals@gmail.com

The "Lake" Nanai: Land-Use Change in the First Half of the XX Century (on the Example of the Bolon′ Nanai)

The paper is based on field and archival data collected among the Bolon' Nanai. In the first half of the 20-th, the agricultural practices expanded within the collective-farm system has influenced the Nanai society life, that was based on fishing. In a floodplain and rugged terrain of Lake Bolon', small-format field crop cultivation with bed planting mainly vegetable cultures along the coast became applicable. Because of the coast soil depletion, the lake islands land was cultivated. At the beginning of the collectivization, fishing and hunting groups learned agricultural skills from the Russian, Korean and Chinese immigrants. The absence of agricultural traditions among the Nanai and weak study of the agricultural potential areas have caused low efficiency of the Amur River collective-farms system.

Keywords: *Lake Bolon', Nanai, Soviet state, collective-farm system, agriculture, field husbandry.*

Оз. Болонь с сетью речек, впадающих в него, и прилегающими к нему участками, составляющими береговую зону, является важной частью нижнеамурской экосистемы. Местная озерная ихтиофауна, включающая ценных представителей туводных – серебряного карася, амурского сома, сазана, амурскую щуку, белого и черного леща, белого и черного амура и т.д., сыграла ключевую роль в освоении этих участков. По сравнению с открытой речной площадкой береговые террасы оз. Болонь в меньшей степени обдуваемы ветрами, что стало в прошлом одним из факто-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00453.

ров выбора этих мест нанайцами для размещения своих стойбищ [Гончарова, 2003]. Закрытый водоем имеет и ряд особенностей, связанных с его природным происхождением, возник на месте потухшего вулкана, вершину которого представляет о-в Ядасен. В настоящее время Болонь, являясь самым крупным водосбором в Хабаровском крае, тем не менее считается и самым мелководным водоемом с максимальной глубиной 4 м [Озеро Болонь]. Жители сел Джуен и Ачан вменяют озеру природную непредсказуемость с разнонаправленными мелкими течениями, что затрудняет навигацию, и чередованием периодов обмеления и повышения уровня воды, приводящего к подтоплению береговой зоны (ПМА, с. Джуен, И.В. Гаер, 23.06.2016). В геологическом прошлом эта территория была частью заболоченной равнины [Озеро Болонь].

Данные о пребывании в окрестностях Болони чжурчженей, легенды о шаманской силе о-ва Ядасен; находки средневековых захоронений с поясными украшениями; предполагаемое прохождение в долине озера маршрута Ерофея Хабарова усиливают мифический ореол этих мест и у болонцев чувство собственной исключительности [Медведев, 1995]. По рассказам представителей местного населения, на самом деле вплоть до середины XX в. в пределах одной территории различные родовые группы не были консолидированы в единую общность, предпочитали селиться в разных уголках. Основной состав жителей сел Джуен и Ачан включает членов нанайских родов Ходжер, Одзял и Киле, предки которых в недалеком прошлом освоили протоку Серебряная, где пролегает один из нерестовых путей кеты. По обоим берегам водного перешейка размещались их стойбища: по речке Накка – Ходжеров; на противоположном берегу вблизи возвышенности Гокгдакта – рода Одзял, у мыса Нергуль – рода Киле. Несмотря на некоторую общность хозяйства, связанного с выловом лосося и озерной рыбы, родовые общины держались автономно (ПМА, с. Ачан, Л.А. и В.М. Киле, 24.06.2016). В частности, преградой к конструктивному диалогу могла быть речевая специфика. Так, местные жители до сих пор видят свое отличие от «верховских» нанайцев, у которых, к примеру, единый термин передает смысл «есть» и «жевать» – *цяори*, тогда как у болонцев *цяори* применим к действию «жевать», а *дяпури* обозначает «есть»; амурские нанайцы слово *кятаха* используют в обозначении свежей рыбы, болонские – тухлой (ПМА с. Ачан, Л.А. и В.М. Киле, 24.06. 2016; с. Джуен, Д.Г. Дмитриева, 24.06.2016). Препятствием к единению поселенцев могла быть и память о местах исхода своих предков, что сохраняется у современного поколения. Представители группы Одзял считают свой род выходцем из Приморья, с оз. Ханка. Обособленно в данной местности держался род Киле, имея нехарактерное для нанайцев занятие, связанное с содержанием оленей, которых в основном пасли в пределах административных границ Солнечного района. Ближе к зиме их отгоняли в сторону Якутии. С наступлением весны Киле (самоназвание *килоры*) возвращались и до поздней осени на берегах Болони рыбачили, занимались собирательством (ПМА, с. Ачан, Л.А. и В.М. Киле, 24.06. 2016).

С началом коллективизации быт рыболовецких и охотничьих коллективов участка Болони подвергся изменениям. По рассказам жителей сел Джуен и Ачан, а также записям, хранящимся в фондах архива Амурского района, можно примерно восстановить, как менялся привычный уклад и контуры освоенной нанайцами территории.

С 1930-х гг. в районе Нижнего Приамурья действовала интегральная кооперация, направленная на интеграцию туземцев в социальную и экономическую жизнь советского общества через повышение товарности их хозяйств. Интегралсоюзы обеспечивали общины рыбаков и охотников необходимым снаряжением и продуктами – ружьями, порохом, пенькой, веревками, спичками, чаем, сахаром, солью и т. д. в обмен на рыбу и охотничьи трофеи, которые в дальнейшем перераспределялись по районам, административным центрам. Следующая мера – приобщение коренного населения к занятиям полеводства и животноводства способствовала закреплению не только коллективных форм хозяйства, но и облегчала переход к оседлости [Пикалов, Асеев, 2009, с. 141–159]. Развитие агрохозяйства влекло за собой приобретение новых навыков в пользовании земельными угодьями. Административное насаждение сельскохозяйственных традиций в среде потомственных рыбаков и охотников объяснялось заботой о сохранении их здоровья (путем обогащения их питания молочными продуктами и хлебом), а также задачей продовольственного снабжения жителей региона, поскольку русское крестьянство в политических событиях 1920-х, начала 1930-х гг. сильно пострадало и не в состоянии было обеспечить подъем хозяйства [Пикалов, Асеев, 2009, с. 148–150].

Пойменный ландшафт участка Болони оценивался в качестве площадок под посев и выпас скота. С какими сложностями пришлось столкнуться местным жителям и новоселам, наглядно представ-

лено в Краеведческом музее г. Амурска. Музейные экспонаты – ткацкий станок, прялка, плуг, привезенные во второй половине XIX в. крестьянами из Орловской губернии, так и оказались невостребованными в новых условиях, позже пополнив коллекции Амурского музея. Архивные записи 1930–1940-х гг. по колхозному строительству в данном районе показывают, что традиционные для русского крестьянства культуры – лен, рожь, пшеница оказались не подходящими для нижнеамурских климатических и почвенных условий. Практическое отсутствие открытых террас, пересеченная местность, частое подтопление прибрежной зоны затрудняли организацию больших полей. Единственный способ возделывания земли заключался в обработке небольших участков с грядковым посевом культур, дававших неплохой урожай – овес, корнеплоды, картофель, бахча [Интегральный охотник, 1940; 1942; 1943]. Старожилы Ачана и Джуена, со слов своих родителей, рассказывают, что в начале коллективизации местное население не всегда понимало инструкции колхозных активистов – в основном выходцев из земледельческих районов России.

Как-то привезли картошку и людям не объяснили, зачем привезли картошку. Сказали, весной посадите, и уехали. На следующий год вернулись за урожаем. Они как оставили на одном месте, так картошка и осталась, зимой перемерзла. Потом показали, как садить (ПМА, с. Ачан, Л.А. Киле, 24.06.2016).

Уже в 1940–1950-х гг. появилась система посадок с учетом особенностей местности. Недалеко от Ачана на возвышенности у горы Тогдактани высаживали капусту и помидоры; на мысу Нергуль выращивали помидоры и огурцы; вдоль протоки Серебряной – овес (ПМА, с. Ачан, Л.А. Киле, 24.06.2016). К примеру, у колхоза им. Постышева общая площадь обработанной территории с посадками картофеля, капусты, помидоров, тыквы, арбузов была 31 га. С истощением сельхозугодий береговой зоны переходили на обработку залежи мелких островов Болони. Урожай распределяли – «часть в ясли-сад, часть колхозникам на трудодни, часть военным на ст. Болонь и остаток – на продажу в Комсомольск на базар. Везли на лодках с тремя-четырьмя ночевками» [Национальная рыболовецкая артель]. В начале колхозного строительства из местного населения в сельхозработах всего участвовало 7 человек и первоначальная площадь возделанной земли едва достигала 14 га [Интегральный охотник, 1939, л. 5, об-5]. В отчетах 1943–1948 гг. уже фиксируется плохая урожайность и халатное отношение к рогатому скоту [Интегральный охотник, 1943–1948, л. 3–18]. Местные жители признаются, что в эпоху становления колхозов болоньские нанайцы даже не умели выращивать корнеплоды. Для освоения нового занятия большое внимание уделялось выбору соседей. Те нанайцы, которые жили рядом с русскими, могли заимствовать у них некоторые земледельческие приемы (ПМА, с. Ачан, В.М. Киле, 24.06.2016). Для повышения эффективности сельского хозяйства применялись меры в виде приглашения китайских и корейских переселенцев. Отмечено, что в 1930-е гг. в районе Болони существовал корейский колхоз, с депортацией корейцев его расформировали (ПМА, с. Ачан, В.М. Киле, 24.06.2016). Нанайцы, состоящие в тесных родственных связях или в дружеских отношениях с китайцами, успешно усвоили огороднические навыки. Нанайки предпочитали выходить замуж за китайцев, т.к. «не надо было готовить приданое» (ПМА, Ачан, Л.А. Киле, 24.06.2016). Одна жительница с. Джуен поведала, как ее дед нанаец научился от своего друга китайца Вана выращивать в открытом грунте крупные помидоры, собранный урожай отвозил на оморочке на с. Болонь. Выращенные овощи могли сбывать и в Хабаровск (ПМА, с. Джуен, Д.Г. Дмитриева, 23.06.2016). На данном участке колхозная система с разведением преимущественно плодоовощных культур, существовавшем в рамках подсобного хозяйства, продержалась до 1990-х гг. В 2000-е гг. со сменой механизма сельского управления коллективные навыки обработки земли уступили место индивидуальному огородничеству.

Список литературы

Гончарова С.В. Из истории нанайцев озера Болонь // Зап. Гродековского музея. – Хабаровск: Изд-во Хабар. краев. краевед. музея, 2003. – Вып. 6. – С. 152–153.

Интегральный охотник, 1939. – 27 л. // Архив. отдел Адм. Амурского муниципального р-на. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3.

Интегральный охотник, 1940. – 31 л.; 1942. – 26 л.; 1943. – 25 л. // Архив. отдел Адм. Амурского муниципального р-на. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4-6.

Интегральный охотник, 1943–1948. – 61 л. // Архив. отдел Адм. Амурского муниципального р-на. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8.

Медведев В.Е. Уникальные находки на песчаном берегу вблизи озера Болонь // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ин-та, 1995. – С. 64–70.

Национальная рыболовецкая артель «Колхоз им. Постышева», Хабаровский крайрыбакколхозсоюз. – 68 л. // Архив. отдел Адм. Амурского муниципального р-на. Д. фонда № 5.

Озеро Болонь // Энциклопедия озер. – URL: http://megaribolov.ru/index.php/entsiklopediya-rybolova/opisanie-vodoemov/entsiklopediya-ozer/2691-ozero-bolon (Дата обращения: 28.02.2015).

Пикалов Ю.И., Асеев А.А. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг. Социальное развитие. – Хабаровск: РИОТИП, 2009. – 240 с.

References

Goncharova S.V. Iz istorii nanajcev ozera Bolon'. In *Zapiski Grodekovskogo muzeja*. Khabarovsk: Khabarovsk Territorial Museum Press, 2003, iss. 6, pp. 152–153 (in Russ.).

Integral'nyj ohotnik, 1939. 27 p. *Archival Department of the Amur municipal administration*. F. 5. Op. 1. D. 3 (in Russ.).

Integral'nyj ohotnik, 1940, 1942, 1943; 31, 26, 25 p. *Archival Department of the Amur Municipal Administration*. F. 5. Op. 1. D. 4-6 (in Russ.).

Integral'nyj ohotnik, 1943–1948. 61 p. *Archival Department of the Amur Municipal Administration*. F. 5. Op. 1. D. 8 (in Russ.).

Medvedev V.E. Unikal'nye nahodki na peschanom beregu vblizi ozera Bolon'. In *Traditsionnaja kul'tura Vostoka Azii.* Blagoveshchensk: Blagoveshch. St. Ped. In-t Press, 1995, pp. 64–70 (in Russ.).

Nacional'naja rybooloveckaja artel' «Kolhoz im. Postysheva», Habarovskij krajrybakkolhozsojuza. 68 p. *Archival Department of the Amur Municipal Administration.* D. fonda No. 5 (in Russ.).

Ozero Bolon'. In *Jenciklopedija ozer*. 28.02.2015. – URL: http://megaribolov.ru/index.php/entsiklopediya-rybolova/opisanie-vodoemov/entsiklopediya-ozer/2691-ozero-bolon (in Russ.).

Pikalov Ju.I., Aseev A.A. Korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka SSSR v 1922–1941 gg. Social'noe razvitie. Khabarovsk: RIOTIP, 2009, 240 p. (in Russ.).

УДК 394.6+7.031.2+351.855.1

М.В. Москвина[1], Л.В. Крикау[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Карасукский краеведческий музей
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Развитие художественных промыслов в Новосибирской области в конце XX – начале XXI века*

Народные художественные промыслы и ремесла в российских культурных практиках традиционно рассматриваются как часть культурного наследия страны и один из символов национальной идентичности. В Новосибирской обл. промыслы и ремесла не имеют глубоких исторических корней. Их развитие и популяризация начинаются с 1970-х гг. и получают новый импульс с появлением фольклорных и ремесленных фестивалей и ярмарок в регионе в 1990–2000-е гг. Одновременно в Новосибирской обл. начинают создаваться общественные организации мастеров-ремесленников. Ориентация культурной политики региона, как и страны в целом, на сохранение и популяризацию культурного наследия определяет дальнейшее развитие ремесел и промыслов в Новосибирской обл., объединяя общественные организации и отдельных художников вокруг решения общих проблем.

Ключевые слова: *народные художественные промыслы, Новосибирская обл., культурное наследие, фестивали и ярмарки ремесел.*

M.V. Moskvina[1], L.V. Krikau[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Karasuk Regional Museum
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Art Crafts Development in Novosibirsk Region in the Late XX – Early XXI Century

Folk arts and crafts in the Russian cultural practices are considered as part of the Russian cultural heritage and one of the symbols of national identity. In the Novosibirsk region crafts do not have deep historical roots, but are diverse. Their development and promotion begins with the 1970-es and gets a new impulse with folk and craft festivals and fairs development in the region in 1990–2000. Simultaneously non-governmental craftsmen organizations formed. Reorientation of regional cultural policy to the more traditional methods of the cultural heritage presentation has had a significant impact on the further crafts development in the Novosibirsk region, bringing together craftsmen society organizations and individual artists around common problems solutions.

Keywords: *folk arts and crafts, Novosibirsk region, cultural heritage, festivals and craft fairs.*

В России народные художественные промыслы традиционно включены в сферу интересов этнографической науки. Они рассматривались как часть культурного наследия страны и один из символов национальной идентичности.

Принятая в 2015 г. «Стратегия развития народных художественных промыслов России на 2015–2016 гг. и на период до 2020 года» признала промыслы «национальным достоянием» и «одним из важнейших инструментов развития современной отечественной культуры, основой этнокультурной самоидентификации и активизации творческого потенциала народов Российской Федерации» [Приказ]. Поэтому изучение истории

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-11-54002.

и современного состояния народных промыслов страны и отдельных ее регионов становится актуальным. Тема народных художественных промыслов Сибири представлена исследованиями наиболее развитых ремесленных центров – тюменского ковроделия, тобольской резной кости, камнерезного, керамического, деревообрабатывающего промыслов Алтая. В изучении Новосибирской обл. (НСО) она имеет новационный характер.

Источниками исследования стали документы органов государственной власти, центров и экспертных советов по поддержке и развитию народного искусства и творчества в НСО, материалы прессы и авторские полевые материалы – интервью с экспертами, руководителями ремесленных центров и мастерами.

Авторские исследования показывают, что на территории современной НСО основой формирования художественных ремесел становятся традиции переселенцев XIX – XX вв. Они не имеют глубоких исторических корней. Развитие художественных ремесел начинается с 1970-х гг. в рамках трансформации культурных стратегий советского государства. Тогда в г. Новосибирске создается филиал Института художественной промышленности (г. Москва) и организуются первые экспедиции для изучения ремесленных традиций региона.

Новый импульс развития художественные ремесленные центры и исследования, с ними связанные, получают в процессе становления фольклорных и ремесленных фестивалей и ярмарок региона в 1990–2000-е гг. Но до настоящего времени в НСО отсутствуют предприятия художественных промыслов; преобладают индивидуальные или семейные формы организации производства.

Одним из самых распространенных является гончарство – производство керамики и глиняных игрушек. С начала 2000-х гг. в Новосибирске проходит Международный сибирский фестиваль керамики, который собирает профессиональных художников со всей Сибири. Популяризация искусства керамики стимулирует поиски ремесленников в регионе. Одним из оригинальных в НСО является промысел чиняевской/купинской игрушки, зародившийся в 1970-х гг. Также в НСО работают резчики по дереву; развивается плетение из лозы и соломки, берестяное дело, кузнечное ремесло, изготовление валенок, ткачество, вышивка, лоскутное шитье, вязание, изготовление авторского и народного костюма, кукол, авторской матрешки и др. [Декоративно-прикладное творчество …].

Становление художественных ремесел в НСО опирается на традиции художественных промыслов России. Среди мастеров области популярна роспись по дереву – адаптированные формы мезенской, городецкой, хохломской, пичужской, борецкой, урало-сибирской росписей. Их освоение стимулирует развитие оригинальной «ордынской» росписи по дереву Н.И. Мухлыниной, росписей Л.Б. Коноваловой, Ф.Л. Наумова.

Одной из форм развития художественных ремесел в России и в НСО с 1990-х гг. становится создание негосударственных организаций для «сохранения народных художественных промыслов в условиях рыночной экономики, защиты и представительства их интересов в федеральных и региональных органах исполнительной власти». Первая подобная организация – Ассоциация «Народные художественные промыслы России» возникла в 1990 г. по инициативе предприятий художественных промыслов [Ассоциация]. Ассоциация оказывает большую поддержку ремесленникам на местах.

В НСО декоративно-прикладное искусство курирует Новосибирский государственный областной Дом народного творчества, ведущий свою историю с 1931 г. Его деятельность осуществляется в соответствии с официальными областными программами поддержки и развития художественной культуры. Вопросы, связанные с экономическими проблемами мастеров-ремесленников, находятся вне компетенции этой структуры.

Для объединения художественной, просветительской и бизнес-составляющей в 2003 г. в г. Новосибирске образован «Культурно-просветительский и выставочный центр художественных ремесел “Сибирский Вернисаж” с целью поддержания и развития в Сибири художественных ремесел, пропаганды традиционной народной культуры, развития выставочно-ярмарочной деятельности. При руководстве фонда в области были организованы несколько ремесленных ярмарок и фестивалей, которые стимулировали спрос на изделия сибирских мастеров, став основным рынком сбыта готовой продукции.

С 2007 г. действует фестиваль «Артания» как ежегодная ремесленная ярмарка, которая к настоящему времени приобрела статус Международного фестиваля народных ремесел с широкой культурной и просветительской программой. Под брендом «Артания» сформировался годовой календарь ремесленных мероприятий – рождественские ярмарки БазАРТ, Широкая Масленица, летняя Артания и Арт-осень. С 2013 г. существует Серафимо-Тур-

наевский фестиваль в Болотнинском районе НСО и пр. [Москвина, 2016].

Наиболее успешными годами для существования ремесленничества и народных художественных промыслов в регионе считают 2011–2012 гг., когда действовала программа областного Министерства культуры «Народная мастерская». При ее поддержке мастера могли участвовать в ярмарках в других городах и получали возмещение расходов на участие в местных мероприятиях.

К настоящему времени для защиты интересов ремесленного сообщества в сфере предпринимательства и взаимодействия с органами государственного управления в Новосибирской области также созданы: Центр народной ремесленной культуры, Сибирская палата ремесел, Ремесленная палата Новосибирской области, Ассоциация современных народных художественных промыслов Сибири, Союз организаторов выставок, ярмарок и фестивалей на территории Новосибирска и Новосибирской обл. и др.

Единого общественного объединения в сфере народных художественных промыслов Новосибирской обл. не существует, как не существует и единого органа государственной власти, курирующего их развитие в регионе. В различной степени народные художественные промыслы и ремесла находятся в сфере компетенции министерства промышленности, торговли и развития предпринимательства, министерства культуры, министерства образования, науки и инновационной политики, министерства труда, занятости и трудовых ресурсов, министерства сельского хозяйства.

В связи с переориентацией политики региона на более традиционные виды презентации культурного наследия, ситуация в сфере народных художественных промыслов изменилась. В 2016 г. администрация г. Новосибирска объявила годовой мораторий на проведение ремесленных ярмарок на территории Новосибирска.

Своеобразной реакцией на эту потерю стали два экспертных совета в министерстве культуры НСО, которые обсудили темы: «Влияние ярмарок на городскую среду Новосибирска» и «Мастера и ремесленничество Новосибирской области». Итогом советов стало признание факта, что в г. Новосибирске и НСО продолжается процесс развития сферы народных художественных промыслов и фестивально-ярмарочной деятельности, и ярмарки являются не только важной формой презентации народных промыслов, но и формой их сохранения и одним из факторов формирования ситуативного и внутреннего туризма в НСО. Такие мероприятия, как фестиваль народных промыслов и ремесел «Руки», «Широкая фестивальная ярмарка» Международного фестиваля «Играй, гармонь» им. Г. Заволокина, Международный сибирский фестиваль керамики, Межрегиональный фестиваль лоскутных одеял и фестиваль «Мастера Руси», ярмарки народных ремесел «Русские просторы», «Ремесленная слобода» и др., объединяют ремесленное сообщество, являются местом обучения, обмена опытом, традиционными и новыми знаниями между мастерами как НСО, так и других регионов России.

Прекращение их деятельности существенно обеднит культурную жизнь региона. Художественные промыслы и ремесла НСО признаны потенциально имиджевым ресурсом, объединяющим в себе народное творчество, формы самореализации мастеров с инновационными культурными технологиями малого бизнеса, направленными на рост занятости и повышение качества жизни населения региона.

В области высказывается предложение о необходимости учреждения регионального Центра современных художественных промыслов с пространствами для мастер-классов, салоном сувенирной продукции и с залом для постоянной экспозиции художественных изделий.

Перспективы развития народных художественных промыслов и ремесел в НСО связываются с продолжением фестивальной и ярмарочной деятельности и созданием общей координирующей организации для отстаивания интересов сообщества ремесленников в органах государственной власти. Итогом развития художественных ремесленных практик нескольких десятилетий становится осознание в необходимости разработки специальной программы развития художественных промыслов и ремесленничества в НСО, что в свою очередь станет стимулом в развитии исследований в этой сфере.

Список литературы

Ассоциация «Народные художественные промыслы России». Официальный сайт. – URL: http://www.nkhp.ru/index.htm (Дата обращения: 10.10.2016).

Декоративно-прикладное творчество Новосибирской области: каталог / сост. А.А. Алексейцева, Н.В. Мельникова, Л.А. Мамкина. – Новосибирск, 2012. – 120 с.

Москвина М.В. Фестивали и их роль в развитии народных промыслов и ремесел (по материалам Новосибирской области) // Культурное наследие Сибири. – 2016. – № 2 (20). – С. 200–206.

Приказ об утверждении Стратегии развития народных художественных промыслов на 2015–2016 гг. и на период до 2020 года (20.07.2015) // Министерство промышленности и торговли России. Официальный сайт. – URL: http://minpromtorg.gov.ru/docs/#!prikaz_ob_utverzhdenii_strategii_razvitiya_narodnyh_hudozhestvennyh_promyslov_na_20152016_gg_i_na_period_do_2020_goda (Дата обращения: 10.10.2016).

References

Assotsiatsiya «Narodnye khudozhestvennye promysly Rossii». Official website. URL: http://www.nkhp.ru/index.htm (10.10.2016) (in Russ.).

Dekorativno-prikladnoe tvorchestvo Novosibirskoi oblasti: catalogue / eds. A.A. Alekseitseva, N.V. Mel'nikova, L.A. Mamkina. Novosibirsk, 2012, 120 p. (in Russ.).

Moskvina M.V. Festivali i ikh rol' v razvitii narodnykh promyslov i remesel (po materialam Novosibirskoi oblasti). *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 2016, No. 2 (20), pp. 200–206 (in Russ.).

Prikaz ob utverzhdenii Strategii razvitiya narodnykh khudozhestvennykh promyslov na 2015–2016 gody i na period do 2020 goda (20.07.2015). In *Ministerstvo promyshlennosti i torgovli Rossii. Official website.* URL: http://minpromtorg.gov.ru/docs/#!prikaz_ob_utverzhdenii_strategii_razvitiya_narodnyh_hudozhestvennyh_promyslov_na_20152016_gg_i_na_period_do_2020_goda (10.10.2016) (in Russ.).

УДК 39+929.53

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Трансформация антропонимической системы коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX – начале XX века

В статье рассматривается переход коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов, челканцев) от традиционной к новой «русской» антропонимической модели в течение XIX – начала XX в. Исследование основано на архивных материалах – метрических книгах и подворных карточках Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Трансформация антропонимической модели была обусловлена межэтническими контактами и деятельностью Алтайской духовной миссии. Этот процесс начался на заре XIX в. и у разных групп коренного населения протекал с разной степенью интенсивности. Изначально формировался широкий круг антропонимов; позднее их количество сокращалось. В начале XX в. большинство аборигенов переняли «русскую» антропонимию. Распространение и закрепление «русской» антропонимической модели являлось инструментом прозелитических практик миссионеров и позволяло инкорпорировать сибирских аборигенов в крестьянское сословие.

Ключевые слова: *коренное население, Алтай, антропонимия, фамилия, Алтайская духовная миссия, перепись 1917 г., метрические книги.*

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Transformation of Anthroponymical System of the Northern Altai Foothills Indigenous People in XIX – the Beginning of the XX Century

This article is devoted to transition the foothills of Northern Altai indigenous people (Kumandins, Tubalars, Chelkans) from traditional to new "Russian" anthroponymical model during XIX – the beginning of the XX century. This research is based on archival materials: registers of births and household cards of the All-Russian agricultural census in 1917. Transformation of anthroponymical model was caused by interethnic contacts and activity of the Altai spiritual mission. This process began at the beginning of the XIX century and different groups of indigenous people passed to new anthroponymical model with different degree of intensity. The wide range of anthroponyms was initially formed; later their quantity was reduced. At the beginning of the XX century most of natives adopted the "Russian" anthroponymy. Distribution and fixing of the "Russian" anthroponymical model was the tool of the missionaries proselytical activity and allowed to incorporate the Siberian indigenous people in country estate.

Keywords: *indigenous people, Altai, antroponymy, surname, Altai spiritual mission, census of 1917 year, registers of births.*

Открытие и деятельность Алтайской духовной миссии (далее АДМ) привело к существенным этнокультурным изменениям среди автохтонов Алтая и сопредельных территорий. В частности, процесс крещения, предвосхищавшийся наречением новокрещена христианским именем, а также

нарастание этнокультурных контактов аборигенов с пришлым населением, обусловленное переселением первых в миссионерские поселения или их приселение в улусы, во многом способствовали трансформации антропонимической системы в XIX – начале XX в. у коренного населения предгорий Северного Алтая.

Традиционная антропонимия автохтонного населения предгорий Северного Алтая осталась за пределами интересов этнографов XIX – XX вв. Только в 2000 г. была опубликована работа Д.А. Функа [2000], в которой рассматривались традиционные имена и происхождение челканских фамилий.

Цель данной публикации – рассмотреть процесс изменения антропонимической системы у коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) в XIX – начале XX вв. Основным источником исследования стали подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. (ГААК. Ф. 233), которые содержат антропонимические данные: фамилия, имя и отчество главы хозяйства и имена членов семьи, а также метрические книги (ГААК. Ф. 164).

В культуре аборигенных жителей региона долгое время сосуществовали аутентичные и русские антропонимы. Переход к русской антропонимической модели был напрямую связан с крестьянской колонизацией и созданием сети миссионерских поселений АДМ. Переход в православие сопровождался имянаречением в соответствии с православным каноном и фиксацией в метриках отчества и фамилии, закрепление которых было во многом обусловлено престижностью «русского». Даже среди некрещенных автохтонов в XIX в., а возможно у отдельных групп ранее, распространяются адаптированные варианты христианских имен и имена, привнесенные пришлым населением: Андрюшке, Антип, Аринке, Ванька, Васька, Клавдя, Петрушкэ, Петька и т.д.

На начальном этапе христианизации принятие крещения зачастую сопровождалось отрывом автохтона от родной среды, как в духовном (разрыв отношений с родственниками и др.), так и в физическом плане (переселение в миссионерское поселение). В результате складывалось синхронное существование двух систем имянаречения, традиционной и православной канонической, во многом связанное с синкретизмом традиционного и православного мировоззрения. Область применения аутентичного именника постепенно сужалась до рамок бытового общения.

Известно, что традиционная антропонимическая модель Алтая включала индивидуальное имя, имя отца и название рода. Материалы метрических книг конца XIX – начала XX вв. фиксируют процесс формирования новой антропонимической модели у автохтонов предгорий Северного Алтая, в которой сохранялась традиционная трехчленная структура; при этом название рода сменилось фамилией, сконструированной по русскому образцу. Также в метриках фиксировалось двучленное именование (имя-отчество) родителей новокрещенов. Лишь в редких случаях миссионерами в записях отражалась фамилия отца прозелита.

Анализ материалов метрических книг позволяет говорить о том, что в фамилии новоиспеченных христиан образовывались от отчества прозелита. Например, в метрической книге Покровской церкви с. Сузопского за 1916 г. значится, что Александр (до крещения Сандра) сын Захара Тарасова и Кыскэ Ивановой крестился в возрасте 26 лет; одновременно была крещена его дочь, а отец записан как Сандра Тарасов (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 3060. Л. 28). Другой пример из метрической книги Макарьевской церкви с. Макарьевского за 1915 г.: Анна (до крещения Таныбас) дочь Андрея Апышаева и Тоиш Паевой крестилась в возрасте 20 лет; одновременно была крещена ее дочь, а мать зафиксирована как Анна (Таныбас) Андреева Апышаева (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2852. Л. 32).

В ходе процесса формирования фамилий автохтонов использовались и их имена. В частности, на это указывает зафиксированная в одной из метрических книг Кебезенского отделения АДМ фамилия «Корты», которая в одной из следующих записей уже фигурировала в ином варианте «Кортин» (ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 1381). Стоит отметить, что традиционное именование (Корты или Корту) новокрещена несколько раз встречается на страницах метрических книг.

Оценивая схемы происхождения фамилий у народов Сибири А.А. Люцидарская [1996] отмечает, что антропонимы, происходившие «от русского канонического имени», видимо, восходили к «имени крестного отца». Эта схема имела в Сибири универсальный характер – в среде коренного населения Северного Алтая присутствовали фамилии: Михайлов, Николаев, Павлов и др.

Учитывая поверхностный характер христианизации и распространенность прохождения повторного обряда крещения, необходимо признать широкие возможности для пополнения антропонимии коренного населения предгорий Северного Алтая и ее изменчивости. Не стоит также

забывать о вариативности написания фамилий и неустойчивости их форм в документообороте вплоть до 1920–1930-х гг.

В ходе изучения подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. нами было выявлено 565 фамилий, имеющих фонетико-орфографические варианты. Например, в д. Нарлык Тайнинской волости зафиксированы созвучные фамилии Чабыков и Чабуков, а в д. Подчайной – Чебеков. Подавляющая часть антропонимов оканчиваются на -ов/-ев, реже на -ин. Зафиксировано две фамилии (Зяблицкий и Фоминский) с окончанием на -ий, происхождение которых связано с периодом христианизации этнических групп предгорий Северного Алтая (в частности, «быстрянцев») в конце XVIII в.

Отдельно стоит упомянуть антропонимы, иллюстрирующие незавершенность процесса трансформации антропонимической системы: Биткоп, Каланчий, Кардыбай, Лабуша, Санаваш, Суен, Тандыбач, Тришиб, Шеркоп, Шоткарын. По своему генезису приведенные примеры, скорее всего, являются патронимами, еще не приобретшими в результате приставления окончания (-ов, -ев или -ин) вид фамилии по русскому образцу. Это подтверждается, в частности, имеющимися в самой переписи примерами фамилий: Лабуша – Лабышев (Урунская волость), Тандыбач (Верхне-Бийская волость) – Тундубашев (Урунская волость) или Яманчин – Яманчинов (Верхне-Бийская волость). Кроме того, опираясь на пример Яманчин – Яманчинов, с определенными оговорками список патронимов, используемых в качестве фамилий, можно дополнить, например, следующими: Агичин, Карускин, Кудучин, Куримчин, Сакпин, Чеужин и др.

Наиболее представительными фамилиями среди автохтонного населения были: Акпыжаев (290 чел.); Зяблицкий (245 чел.); Чинчикеев (229 чел.); Софроновы (205 чел.). Стоит отметить, что, например, фамилия Зяблицкий и некоторые другие были представлены и в соседних русских волостях (причем в большем количестве, чем на рассматриваемой территории), но владельцы этих фамилий в ходе переписи 1917 г. определили себя как «великороссы» или представители других не коренных народов Алтая.

В целом только 16 фамилий были широко распространены (более 100 носителей) у автохтонов предгорий Северного Алтая, еще 30 фамилий имели относительно широкое представительство (от 50 до 99 чел.). Соответственно в общей фамильной структуре доли выделенных двух групп составляли: 2,8 % и 5,3 %. Доля и количество фамилий, численность носителей которых не превышала 4 чел., т.е. имевших мало шансов на закрепление в формирующейся фамильной структуре этнических групп предгорий Северного Алтая, составляла 23,4 % или 132 фамилии. В целом же половина фамилий была малочисленной (от 1 до 9 чел.) – 283 фамилии или 50,1 %. Часть данных фамилий имели южно-алтайское или шорское происхождение (напр., Штыгашев, Эдеков), другие, возможно, были искаженным вариантом более распространенных антропонимов, но большая часть, видимо, образовавшись в недалеком прошлом, исчезла в ходе ассимиляции, демографических процессов и т.д. Стоит отметить, что практически все известные в настоящее время фамилии автохтонов предгорий Северного Алтая к 1917 г. закрепились в антропонимической системе.

Можно предположить, что у автохтонов «кумандинских» (Нижне-Кумандинская, Озеро-Куреевская, Сузопская, Тайнинская, Троицкая, Урунская) волостей, исходя из численности самых распространенных антропонимов (Акпыжаевы – 290 чел., Чинчикеевы – 229, Кызлаковы – 170 чел. и т.д.), первые фамилии образовались не позднее начала XIX в., и к началу XX в. сформировался относительно четкий набор фамилий в условиях постепенного сокращения темпов выделения новых антропонимов. Аборигены «тубаларских» (Верхне-Бийская, Паспаульская и отчасти Лебедская) волостей, видимо, включились в процесс фамилиеобразования не позднее середины XIX в. Для них характерен более широкий круг фамилий и сравнительно небольшая численность их носителей.

Можно предположить, что процесс фамилиеобразования был во многом детерминирован межэтническими контактами. Автохтоны «кумандинских» волостей, в отличие от южных «тубаларских», находились в более длительных этнокультурных отношениях с пришлым населением. Стоит отметить, что в пограничной зоне контактов автохтонов («быстрянцы», «тагапцы», «тогульцы» и др.) и переселенцев процесс внедрения русской антропонимической модели начался в более ранний период – в конце XVIII в.

Распространение и закрепление новой «русской» антропонимической модели среди автохтонов являлось инструментом прозелитических практик АДМ, позволяя инкорпорировать сибирских аборигенов в крестьянское сословие. Данный процесс растянулся на столетие, начавшись у этнических групп региона в разное время в течение XIX в., и протекал, видимо, во многом

идентично, сопровождаясь образованием широкого круга антропонимов (в большинстве случаев от имени). Со временем происходила «фильтрация» фамильной структуры, приводившая к кристаллизации узкого круга фамилий, что прослеживается уже на материалах переписи 1917 г.

Материалы переписи 1917 г. фиксируют нивелирование традиционной и торжество новой антропонимической модели. При этом процесс становления и унификации фамилий продолжался и в последующие десятилетия, как в силу административных ошибок и разногласий при оформлении документов, так и в силу выделения из числа существующих фамилий новых антропонимов.

Список литературы

Люцидарская А.А. Личное имя в системе коммуникативной культуры (Сибирь XVI – нач. XVIII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 92–96.

Функ Д.А. Традиционная антропонимическая модель челканцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. – М., 2000. – С. 137–146.

References

Funk D.A. Traditsionnaya antroponimicheskaya model' chelkantsev. In *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka*. Moscow, 2000, pp. 137–146 (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Lichnoe imya v sisteme kommunikativnoi kul'tury (Sibir' XVI – nachalo XVIII veka). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1996, No. 3, pp. 92–96 (in Russ.).

УДК 394.6+7.031.2+351.855.1

И.В. Октябрьская[1], М.В. Москвина[1], Е.Ю. Павлова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный медицинский университет
E-mail: siem405@yandex.ru

Народные художественные промыслы Республики Алтай: тенденции развития конца XX – начала XXI века

Статья посвящена характеристике актуальных тенденций в развитии народных художественных промыслов Республики Алтай. В ней приводятся программные документы, регламентирующие процессы возрождения и развития народных промыслов; дается оценка их современного состояния; подчеркивается, что в начале 2010-х гг. в регионе работали около 400 мастеров; их деятельность характеризовали: рост интереса к архаике, воссоздание аутентичной этники и стилизация, основанная на синтезе традиций. На широком круге материалов реконструирован процесс образования ведущих ремесленных центров республики; приводятся данные по «арт-деревням» Алтая. Делаются выводы о том, что поддержка государством и обществом ремесленных центров на местах связана с программами устойчивого развития локальных сообществ. В Республике Алтай народные промыслы рассматриваются как один из ресурсов экономической и социокультурной стабилизации.

Ключевые слова: *Алтай, народное искусство, народные промыслы, «деревни мастеров».*

I.V. Oktyabrskaya[1], M.V. Moskvina[1], E.Yu. Pavlova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State Medical University
E-mail: siem405@yandex.ru

Folk Arts and Crafts of Altai Republic: Trends of Late XX – Early XXI Centuries

The article is devoted to the latest trends in the development of folk arts and crafts of Altai Republic. The program documents of regulating the revival processes and development of traditional crafts are referred. An evaluation of their current state is provided. In the early 2010-es about 400 artists worked in the region. Their activities are characterized by growing interest in the archaic, authentic recreation of ethnic and styling based on a synthesis of traditions. The formation of the leading craft centers of the republic is reconstructed on a wide range of materials, as well data on the Altai «art village» are provided. The state and society support of craft centers is expressed in the programs for sustainable development of local communities. In Altai Republic folk crafts are considered as one of the resources of the economic and socio-cultural stabilization.

Keywords: *Altai, folk art, folk crafts, "village of artists".*

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации 2014 г. «Об утверждении основ государственной культурной политики» сохранение и возрождение народных художественных промыслов, продвижение их изделий на внутренние и внешние рынки было признано одной из государственных задач Российской Федерации. В 2015 г. в России была принята «Стратегия развития народных художественных промыслов на 2015–2016 гг. и на период до 2020 г.». Сфера современных народных художественных промыслов включает в себя ок. 250 предприятий из более чем 60 регионов России.

Формирование и развитие этой структуры предопределили законодательные акты РФ 1900–2000-х гг. Разработка стратегии развития народных промыслов опиралась на вариативный опыт российских регионов по сохранению и популяризации культурного наследия.

Оценка процессов развития традиционных и создания новых художественных промыслов России и Сибири вошла в сферу интересов этнографической науки в связи превращением их в символы этничности в процессе «этнического возрождения» в конце 1980 – начале 1990-х гг. [Павлова, 2012].

Именно тогда в Республике Алтай (РА) на волне социокультурных и экономических перемен стали развиваться художественные ремесленные центры. В начале 1990-х гг. в г. Горно-Алтайске была организована мастерская «Кезер». Ее первые изделия – резьба по кости и дереву – были представлены в 1990 г. на Всесоюзной выставке-ярмарке художественных промыслов в Ленинграде.

Название «Кезер»/«Резной» выбрано основателем и художественным руководителем мастерской В. Хромовым как дань древнему искусству Алтая. Стимулом в развитии мастерской стал закон РА «Об историко-культурном наследии Республики Алтай» 1994 г.

Возникнув как семейное предприятие, «Кезер» проектировался на основе надомно-цеховых принципов организации производства, хотя официального статуса промысла не имел. Ориентируясь на использование аутентичных для Алтая материалов, органично объединяя алтайские и русские этнические с выразительными средствами современного искусства, мастера «Кезера» формировали собственный художественный стиль. Постепенно изделия мастерской превратились в один из символов этнокультурного пространства Алтая [Октябрьская, Павлова, Сковпень, 2009].

Подчеркивая связь оригинальных изделий с природой, историей и культурой Алтая, авторы-разработчики промысла использовали их свойства быть памятными знаками. Стилистика промысла формировалась на основе синтеза этнических традиций и эстетизации памяти места и культуры. Эта тенденция стала одной из основных в развитии народных художественных промыслов современного Алтая.

Не менее значимыми для РА стали практики сохранения культурного наследия его коренного населения. В 2001 г. на базе областного научно-методического центра культурно-просветительной работы (с 1991 г. – Республиканский центр народной культуры) был создан Центр духовной культуры. Развитие народных художественных промыслов и декоративно-прикладного творчества стало одним из основных направлений его деятельности. В том же 2001 г. образован Центр «Энчи», ориентированный на развитие ремесел. Его учреждение предварял анализ состояния народных художественных промыслов в республике: на начало 2000-х гг. оно оценивалось как критическое; большинство старинных видов народного искусства алтайцев находилось на грани исчезновения; в значительной мере были утрачены художественно-стилевые особенности и традиции домашнего ремесла.

Государственное учреждение Торгово-выставочный центр народных художественных промыслов РА «Энчи» взял на себя задачи воссоздания и популяризации традиционных ремесел. С мая 2003 г. он вошел в структуру республиканской администрации и стал финансироваться Комитетом по туризму. Результатом работы Центра к 2008 г. стало создание банка данных мастеров Алтая и организация семинаров для их подготовки.

При поддержке Центра «Энчи» в 2001 г. в г. Горно-Алтайске была создана мастерская «Ай-тана» по изготовлению свадебных нарядов, моделей женской, мужской и детской одежды в алтайском стиле. Благодаря усилиям мастерской аутентичные формы алтайского костюма обрели высокий статус, вошли в состав представительской и праздничной одежды. Наряду с воссозданием аутентичных традиций мастера «Ай-таны» много экспериментировали с историческими и этническими стилизациями.

В 2005 г. в регионе была утверждена целевая программа «Возрождение, сохранение и развитие народных художественных промыслов, традиционных народных ремесел и декоративно-прикладного творчества в РА (2005–2010 гг.)». К началу 2010-х гг. в рамках ее реализации работали около 400 мастеров. Их деятельность характеризовали различные тенденции: рост интереса к древнему искусству и эксперименты на актуальные темы; попытки воссоздания аутентичной этники и стилизация, основанная на синтезе традиций.

В художественном пространстве Алтая наметилось несколько направлений творческих поисков, неоднозначных по ценности и масштабу: от воссоздания или цитирования этнических или архаических образов до художественной рефлексии на тему древнего и этнического искусства.

Одной из самобытных тенденций в развитии народных художественных промыслов Алтая стало создание арт-деревень, или локальных ремесленных центров.

Ремесленные мастерские в селах Алтая на протяжении 1990–2000-х гг. возникали стихийно. Первой «деревней мастеров» стало с. Аскат в Чемальском районе РА. Основанное в 1866 г. русскими переселенцами, на протяжении XX в. оно оставалось зоной взаимодействия русской и алтайской культур. В конце XX в. село стало пристанищем людей, стремящихся жить в гармонии с природой, ориентированных на духовные и творческие искания. Вскоре это небольшое поселение, где из постоянных жителей насчитывалось чуть более ста семей, стало известно своими мастерами, которые работали с глиной, деревом, металлом и другими материалами.

Находясь в туристической зоне Алтая, с. Аскат стало превращаться в один из известных (и в Сибири, и в России) ремесленных центров – «артдеревню», «деревню мастеров». В настоящее время здесь живут и работают несколько членов Союза художников РФ, более 20 керамистов, мастера по войлоку и коже, по изготовлению русской одежды и утвари; работают четыре художественные галереи, действуют несколько выставок.

Большое влияние на развитие в регионе артдеревень, подобных с. Аскат, оказал закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» 2008 г. Он появился после ратификации и вступления в силу в 2006 г. Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

На активизацию ремесленных центров в регионе в 2000-е гг. также повлияли программы Всемирного фонда природы (WWF) и ряда других международных организаций. В рамках программы WWF «Охраняемые территории – для живой планеты!» на Алтае стала осуществляться поддержка традиционных промыслов, экологического, этнографического и сельского туризма; при участии государственных структур развернулась подготовка ремесленников, стали субсидироваться малые предприятия; были организованы локальные и региональные фестивали культуры и искусства.

В 2010-е гг. в республике началось обсуждение проекта превращения с. Купчегень Онгудайского района в «деревню мастеров». В 2015 г. здесь был построен и осенью 2016 г. открыт при поддержке Правительства РА Центр народных художественных промыслов и ремесел «Алтай». Он взял на себя организацию производства предметов народных промыслов и подготовку ремесленников, в то время как Центр развития народных художественных промыслов «Энчи» был сориентирован на популяризацию народного творчества.

В 2016 г. «Энчи» стал автономным учреждением РА «Дом дружбы народов». Деятельность модернизированной структуры была перепрофилирована на развитие традиций полиэтничного сообщества Алтая; основной ее целью провозглашено сохранение этнокультурного многообразия и укрепление межнационального согласия республики.

Функции по возрождению народных ремесел с 2016 г. перешли к Центру в с. Купчегень. Его костяк составили известные на Алтае мастера: В. Кухаев – резчик по дереву, кости и рогу; А. Кухаев – мастер торевтики, ювелир и резчик, народный мастер России; А. Такина – одна из самых успешных на Алтае художников по войлоку; Э. Баинов – художник, мастер тиснения по коже; С. Кунанаков – мастер по обработке кожи; С. Урчимаев – резчик по дереву; Н. Бокунова – мастер национального костюма; С. Якова – керамист; М. Калтаров – мастер художественной ковки; А. Бабаев – художник, дизайнер.

Предполагается, что развитие центра «Алтай» в с. Купчегень позволит разработать модель устойчивого развития местного сообщества. Центр станет площадкой для творческих практик начинающих мастеров, студентов училищ и вузов не только Алтая, но и всей России. Здесь, по замыслу создателей, местное население будет проходить обучение народным промыслам, а также будут изготавливаться ремесленные изделия. Более 40 жителей села получат работу на постоянной и временной основе. Ежегодно здесь планируется готовить около 50 специалистов.

Планы развития с. Купчегень курирует Центр развития туризма и предпринимательства при Правительстве РА. Программа, разработанная Центром, ориентирована на сохранение самобытного культурного пространства Алтая и России в целом. Она предполагает возрождение, сохранение, развитие и популяризацию народных художественных промыслов и ремесел, исторически сложившихся в республике, и развитие межрегиональных и межгосударственных связей в этой области.

Положения, обозначенные в программных документах Центра, отвечают современным тенденциям в развитии народных промыслов на региональном и национальном уровнях. Открытие мастерской делает реальными многолетние усилия по возвращению в жизнь современного Алтая аутентичных художественных технологий и рассматривается как важный фактор актуализации индигенной этничности и культурного наследия региона.

Список литературы

Октябрьская И.В., Павлова Е.Ю., Сковпень А.В. Народные художественные промыслы современного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 129–135.

Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России (конец XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 276 с.

References

Oktyabrskaya I.V., Pavlova E.Yu., Skovpen A.V. Narodnye khudozhestvennye promysly sovremennogo Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2009, No. 1 (37), pp. 129–135 (in Russ.).

Pavlova E.Yu. Narodnye khudozhestvennye promysly Sayano-Altaya v kontekste etnokul'turnogo razvitiya Rossii (konets XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 276 p. (in Russ.).

УДК 391.7

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Salnikovair52@gmail.com

Классификация перстней из этнографических сборов у северных манси

Представлена классификация колец и перстней северных манси. Она базируется на сочетании морфологических и технологических признаков. Данный способ исследования позволяет уточнить хронологию и определить круг аналогов тиражированных ювелирных изделий из этнографических сборов и археологических источников. Время бытования «приклада» определено концом XVIII – началом XX в. Все предметы изготовлены русскими мастерами. Орнаментация перстней-печаток является рефлексией на экземпляры более раннего времени изготовления; декор становится более схематичным, что свидетельствует о массовом изготовлении этого типа украшений для сибирских инородцев.

Ключевые слова: *этнографические сборы, классификация, перстни и кольца.*

I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Salnikovair52@gmail.com

Classification of Seal-Rings from the Ethnographic Camp among the Northern Mansi

There is classification of rings and seal-rings of Mansi. It is based on a combination of morphological and technological features. This method of research allows us to clarify the chronology and to determine the range of analogies replicated jewelry fees from ethnographic and archaeological sources. Time of existence of "gifts to the spirits" was defined as the end of XVIII – the beginning of the XX century, all items were made by Russian craftsmen, the ornamentation of the rings-signets is a reflection on instances of an earlier time of manufacture; the décor became more schematic, that indicates the mass production of this type of jewelry for Siberian natives.

Keywords: *ethnographic gathering, classification, rings and seal-rings.*

Изучение культуры северных манси вызывает большой интерес исследователей обских угров, обусловленный сохранением у данной группы автохтонного населения устойчивых традиций обрядовой практики. В связи с этим в 2016 г. участники Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН продолжали работу по мониторингу священных мест и картографированию поселений компактного проживания северных манси. На чердаке заброшенного дома в одном из селений пос. Хошлог, расположенных на левом берегу р. Ляпин (Березовский район, ХМАО – Югра), был обнаружен «священный» сундук с прикладами. Частью его был набор украшений, монет, счетных жетонов. Все предметы были завернуты в кусок истлевшей шелковой ткани фиолетового цвета. В свертке находились монеты различного достоинства в количестве 25 единиц, четыре счетных жетона, ажурная четырехугольная нашивка, два перстня, два кольца россыпью и два комплекта перстней и колец.

Первый комплект: на поясок шириной 1,6 см нанизаны шесть перстней (рис. 1, *1*). Второй комплект украшений состоял из 39 изделий (рис. 1, *2*), связаных шерстяным пояском шириной 0,8 см. Пояса тканые, ручной работы, шерстяные.

Предметы обнаружены в ветхом состоянии, обильно патинированы, неполные, нечитаемые но-

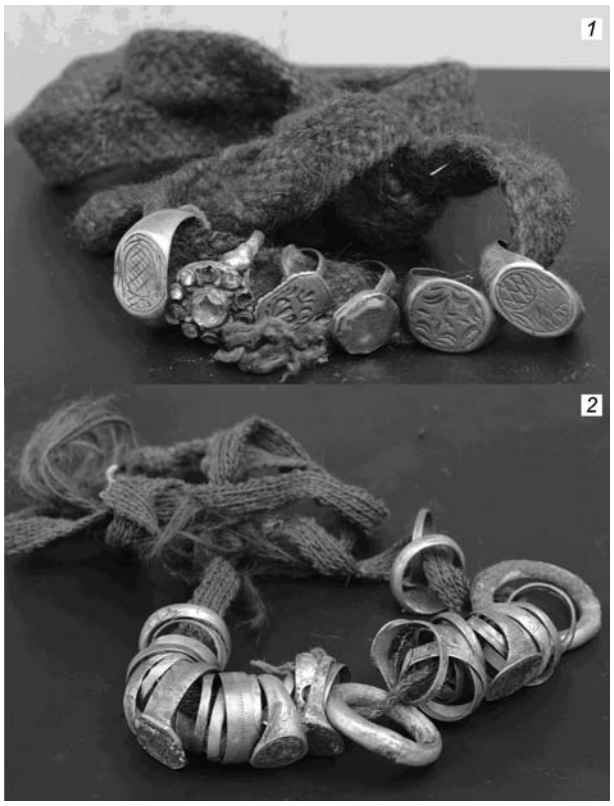


Рис. 1. Комплекты украшений.

миналы монет, декор украшений. После реставрации, проведенной М.В. Мороз, стало возможным определить даты выпуска монет. Хронологический диапазон – от 1814 до 1925 г.

Большой интерес представляют комплекты колец и перстней, поскольку данный вид ювелирных украшений часто встречается в археологических памятниках эпохи позднего Средневековья и нового времени; они могут быть хронологическим маркером в этнографических сборах. Следует отметить, что данный вид изделий использовался манси не только как украшения, но и как культовые атрибуты [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 171]. Это утверждение доказывают и предметы, обнаруженные в прикладе.

Для характеристики предметов и поиска аналогий необходима классификация данного вида изделий. К вопросу типологии украшений на примере инвентаря Кыштовского могильника обращался академик В.И. Молодин, который предложил всю совокупность предметов разделить на три группы изделий: перстни со вставками, перстни-печатки и кольца; далее группы делились на типы [Молодин, 1979, с. 88]. Вопросы классификации украшений раскрыты в монографии М.В. Седовой «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) [Седова, 1981]. Всю совокупность данного вида украшений она делит на цельнолитые и другие группы по технологии изготовления. Автор ввела термины “щитковосрединные, широкосрединные” перстни» [Там же, с. 132], этими определениями чаще всего и пользуются авторы статей для характеристики перстней.

Предложенная нами классификация совмещает морфологические признаки (внешние признаки) и технологические (полностью литые изделия, или предметы, где щиток крепился сверху, либо проковывался из средней части ободка), кроме того, учитывается форма ободка изделия: пластинчатая или дротовая. Данная категория изделий делится на два типа: кольца (15 ед.) и перстни (35 ед.).

Среди колец, учитывая форму ободка, следует выделить две группы: пластинчатые (в сечении – прямоугольник) – 13 ед. и дротовые (в сечении – полуовал, выпуклая лицевая часть) – 1 ед. Далее следуют варианты колец по признаку наличия орнамента. Гладких колец 6 ед., включая дротовое (рис. 2, *1*), остальные украшены полосой косых насечек, которая расположена по центру внешнего края (рис. 2, *2*).

Перстни разделены на шесть групп по признаку наличия или отсутствия щитка и по технологии его изготовления: группа «широкосрединные» – ободок пластинчатый, расширяется в средней части, на месте расширения гравировкой нанесены инициалы «ВС», «АВ», «НА», видимо, это имитация перстней-печаток (3 ед.) (рис. 2, *3*).

Группа щитковые пластинчатые – щиток прикреплен сверху к лицевой части ободка (2 ед.), на одном надпись «Подарокъ», второй нечитаемый (рис. 2, *4*).

Третья группа – пластинчатые с гнездом для крепления вставок (2 ед.) (рис. 2, *5*).

Щитковосрединные – ободок дротовый, расширяется к щитку, края щитка выступают за ободок (15 ед.). По форме щитка выявлены следующие подгруппы: круглощитковая (9 ед.), овальная (4 ед.) и восьмиугольная (1 ед.). По типу орнамента перстни делятся на варианты: радиальные отходящие линии, между ними волнистые линии (6 ед.) (рис. 2, *6*); псевдобуквы (4 ед.) (рис. 2, *7*), ромб с крестом в центре в обрамлении волнистых линий, (рис. 2, *8*), растительный орнамент (рис. 2, *9, 10*).

Группа цельнолитые перстни (8 ед.) состоит из двух подгрупп: щитковолитые (7 ед.) и с гнездом для вставки (1 ед.). В свою очередь, щитковолитые перстни по типу орнамента делятся на следующие варианты: изображение фрукта (ананас) (рис. 2, *11*), растительный орнамент (рис. 2, *12*), хаотичный (рис. 2, *13*), геометрический (рис. 2, *14*).

Шестая группа представлена перстнями и со вставками – на ободок прикреплен щиток с глухим

Рис. 2. Варианты декора украшений.

кастом для вставок (2 ед.). В одном экземпляре прямоугольный каст (рис. 2, *15*), у второго двухступенчатый каст: на одной площадке щитка касты расположены по периметру, в центре еще один каст круглой формы, удерживающий центральную вставку из цветного стекла (рис. 2, *16*).

Систематизация нашей коллекции дает возможность уточнить датировку и найти аналогии украшениям, обнаруженным в археологических памятниках эпохи позднего Средневековья и Нового времени. О наличии данной категории украшений имеются сведения во многих публикациях, где представлены материалы памятников Нового времени [Дульзон, 1957, с. 445; Боброва, Рыкун, 2009, с. 88; Кардаш, 2009, с.140–141; Мурашко, Кренке, 2001, с. 51]. Многие авторы предлагают подробное описание, типологию [Алиева, 2014, с.189; Бородовский, Горохов, 2009, с. 99; Пархимович, 2008, с. 256; Татауров, 2011, с. 244].

Круг аналогий достаточно широк. Кольца гладкие и с орнаментальной полоской из косых насечек встречаются в «остяцкой коллекции», из собрания Музея антропологии МГУ, представленной в публикации «Культура аборигенов Обдорского севера в XIX веке»; описаны Т.А. Алиевой при характеристике находок Тобольска [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 119, 23, 24; Алиева, 2014, с. 193, рис. 1, *19–21*].

Щитковосрединные перстни являются самой многочисленной и достаточно однообразной по декору группой. Первый вариант орнамента (расходящиеся из центра линии) аналогичен № 9 [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 119], там же вариант растительного орнамента, вариант экземпляра с ромбом в центре, с «псевдобуквами» [Там же, рис. 119, *1, 6, 15*; Алиева, 2014, с. 193, рис. 1, *1*]. Термин «псевдобуквы» введен не случайно, в коллекции с острова Фаддея, хранящейся в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, есть три щитковосрединных перстня с щитком круглой формы, на лицевой стороне которого нанесена гравировка с про-

писными буквами «тэи» в обрамлении волнистых линий. Характер надписи напоминает узор с подобных перстней приклада. По датировке А.П. Окладникова [Окладников, 1951г, с. 39], коллекция датируется XVII в., можно утверждать, что подобные перстни являются рефлексией перстней более раннего времени.

Перстни цельнолитые из нашей коллекции тоже не уникальны, перстень с орнаментом «ананас» аналогичен перстню № 14 [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 119, *14*], там же подобный перстень с многочисленными гнездами для вставок [Там же, рис. 119, *22*]. Второй перстень со вставкой опубликован в статье Т.А. Алиевой [Алиева, 2014, с. 193, рис. 15] и датируется автором XVIII в.

Таким образом, данные аналогии позволяет определить время формирования приклада концом XVIII – началом XX в. Широкий ареал распространения данного вида украшений свидетельствует об их массовом кустарном производстве русскими мастерами для торговли с инородцами. В связи с чем, по справедливому утверждению Т.А. Алиевой, «общедоступность и постепенное удешевление данного вида украшений… привело к схематизации орнамента, вследствие этого потерялась индивидуальность предметов» [Алиева, 2014, с. 189].

Список литературы

Алиева Т.А. Перстни из культурного слоя г. Тобольска (по материалам базарного раскопа) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. 1. – С. 188–193.

Боброва А.И., Рыкун М.П. Прикетье в XV–XVIII: хронология, погребальный обряд, состояние здоровья населения // Вестн. Том. ун-та. Сер.: История. – 2009. – № 1 (15). – С. 86–92.

Бородовский А.П, Горохов С.В. Умревинский острог. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 241 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 190 с.

Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Уч. зап. ТГПИ. – Томск, 1957. – Т. 16. – С. 443–488.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. // История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. – 180 с.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука, 2001. – 156 с.

Окладников А.П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: сб. ст. под ред. А.П. Окладникова, Д.М. Пинхенсон. – М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. – С. 7–40.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 251–262.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Татауров С.Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Омский ин-т, ОФ РГТЭУ, 2011. – С. 242–252.

References

Alieva T.A. Perstni iz kul'turnogo sloya g. Tobol'ska (po materialam bazarnogo raskopa). In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen'; Yekaterinburg, 2014, vol. 1, pp. 188–193 (in Russ.).

Bobrova A.I, Rykun M.P. Priket'e v XV–XVIII: khronologiya, pogrebal'nyi obryad, sostoyanie zdorov'ya naseleniya. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*. Tomsk, 2009, No. 1(15), pp. 86–92 (in Russ.).

Borodovskii A.P., Gorokhov S.V. Umrevinskii ostrog. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 241 p. (in Russ.).

Dul'zon A.P. Ostyatskii kurgannyi mogil'nik XVII veka u sela Molchanovo na Obi. In *Uchenye Zapiski TGPI*. Tomsk, 1957, t. 16, pp. 443–488 (in Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaev A.M. Religiya naroda mansi. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1986, 190 p. (in Russ.).

Kardash O.V. Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII v. In *Istoriya i material'naya kul'tura*. Yekaterinburg; Neftyugansk: Magellan, 2009, 360 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kyshtovskii mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1979, 180 p. (in Russ.).

Murashko O.A, Krenke N.A. Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke. Moscow: Nauka, 2001, 156 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Arkheologicheskie nakhodki na ostrove Faddeya i na beregu zaliva Simsa. In *Istoricheskii pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka*: sb. statei pod red. A.P. Okladnikova, D.M. Pinkhenson. Moscow: Izd. Glavsevmorputi, 1951, 251 p. (in Russ.).

Parkhimovich S.G. Kollektsiya artefaktov iz raskopok Berezovskogo gorodishcha. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Apel'sin, 2008, pp. 251–262 (in Russ.).

Sedova M.V. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.). Moscow: Nauka, 1981, 196 p. (in Russ.).

Tataurov S.F. Gorod Tara – s chistogo lista. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omsk institute, OF RGTEU, 2011, pp. 242–252 (in Russ.).

УДК 316.733

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Khakassie@yahoo.com

Трансформация современной праздничной культуры алтайцев (на материалах Эл Ойына – 2016)

В статье рассматривается проблема формирования этнического самосознания алтайцев. Содержание определило изучение современных этнокультурных процессов, связанных с символическим оформлением этнонациональной идеи. На основе анализа полевых материалов, статей в региональной прессе описываются изменения праздничной культуры коренного тюркоязычного населения региона, выявляются основные положения этнонациональной идеологии. Исследуя общественно-политический дискурс, связанный с Эл Ойыном, удалось обнаружить следующие образы, использованные для презентации культуры региона: горловое пение, кочевой образ жизни и связанные с ним ремесленные традиции, фольклор, элементы природного ландшафта, археологические памятники, идеи евразийства. По результатам анализа праздничной культуры, можно сказать, что для 2000-х гг. характерен вывод процессов актуализации этничности из политической сферы в культурную. Народная культура, фольклор, наследие, образы прошлого становятся для современных алтайцев символами мобилизованной этнической идентичности.

Ключевые слова: *этническая и региональная идентичность, образы прошлого, праздничная культура алтайцев, историко-культурное наследие, евразийство.*

E.V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Khakassie@yahoo.com

The Transformation of Altaians' Modern Festive Culture (on the Example of El Oyun – 2016)

This article studies the problem of Altaians' ethnic identity formation. The content determined us to study modern ethnocultural processes related to symbolic formation of ethnonation idea. Field data and regional newspaper articles analysis allowed us to describe the changes in festive culture of the regional indigenous Turkic speaking population and to find out basic foundations of ethnonational ideology. By studying sociopolitical discourse related to El Oyun it became possible to discover the following images that were used for presentation of regional culture: throat singing, nomadism and related handicraft traditions, folklore, natural landscape elements, archaeological sites, the ideas of Eurasianism. Concluding the analysis of festive culture it can be said that in 2000s ethnicity actualization processes shifted from political sphere to cultural. Ethnic culture, folklore, heritage, images of the past for Altaians became symbols of mobilized ethnic identity.

Keywords: *ethnic and regional identity, images of the past, Altaians festive culture, historical and cultural heritage, eurasianism.*

В современной зарубежной и отечественной науке праздничная культура рассматривается как часть культурной памяти этнической группы. В рамках праздничных торжеств этническая элита транслировала символы, объединяющие сообщество, формировала образы прошлого [Нора, 1999; Попова, 2011; Хобсбаум, 2000].

Адаптация праздничной культуры к реалиям этнополитических трансформаций началась на Алтае на рубеже 1980–1990-х гг. К 2000-м гг. в ее развитии обозначились два направления: с одной стороны, осталось актуальным обращение к аутентичному историко-культурному наследию и историческому прошлому коренного населе-

ния; с другой – стало очевидным стремление республиканской этнической элиты сделать регион частью российского и шире евразийского полиэтничного пространства.

Обе тенденции отчетливо обозначились в идеологии и сценарии государственного праздника Республики Алтай – Эл Ойын, название которого организаторы изначально перевели как «народные игры». Если в конце 1980–1990-х гг. праздник имел статус народного, то в 2000-е г. он приобрел межрегиональный характер: «"Эл Ойын" – это праздник духовного единения народов, который за последние годы по своей значимости и популярности далеко вышел за ранг республиканских праздников. «Эл Ойын» служит национально-культурному возрождению, укрепляя дружбу и братство славянских и тюркских народов» (ПМА).

С момента становления в 1988 г. Эл Ойын интерпретировался организаторами в связи с алтайской традиционной культурой, наследницей культуры древних тюрков-кочевников. Место его проведения много раз менялось, поскольку праздник был призван показать все многообразие природного и культурного наследия Алтая [Самушкина, Кост, 2008, с. 107].

Задачами Эл Ойына были названы: сохранение и развитие самобытной этнической культуры алтайцев, в т.ч. уникального горлового пения; представление мастеров народных художественных промыслов и ремесел; приобщение подрастающего поколения к истории и традициям предков; развитие и пропаганда национальных видов спорта, народных игр.

За всю историю праздника для каждой церемонии разрабатывалась эмблема. Выбор образов опирался на репертуар, представляющий археологическиеё культурные и природные реалии Алтая. С 2006 г. был утвержден постоянный логотип – в ее основу был положен флаг, разработанный известным художником и общественным деятелем Г.И. Чорос-Гуркиным для Алтайской горной думы в начале XX в.

На XV Эл Ойыне этот, ставший уже традиционным символ был дополнен эмблемой «Трубка дружбы», принадлежащей И.И. Ортонулову (автору Государственного герба Республики Алтай). На ней были изображены два человека – один в традиционной алтайской, другой – в русской одежде.

Тема межэтнического взаимодействия была отчетливо обозначена в идеологии и сценарии праздника. Так, при открытии малого Эл Ойына в г. Горно-Алтайске 12 июня 2016 г. и XV Эл Ойына, посвященного добровольному вхождению алтайского народа в состав Российского государства, 8 июля 2016 г. глава Республики Алтай А.В. Бердников подчеркнул, что этот праздник является праздником «единого многонационального народа Алтая» (ПМА).

В соответствии с этой идеологемой изменились задачи праздника. По замыслу организаторов, проведение Эл Ойын 2016 г. предполагало: выявление разнообразия культур различных регионов, изучение практики сохранения многообразия через понимание другой культуры, развитие межкультурных связей; воспитание чувства толерантности и единения у молодого поколения республики путем показа культурной инаковости; «пробуждение» уважения и любви к своему прошлому и истории; демонстрация самобытности и самодостаточности элементов культуры каждой этнической группы (ПМА, г. Горно-Алтайск, 8 июля 2016 г.).

Торжественное открытие юбилейного Эл Ойына состоялось в Национальном драматическом театре им. П.В. Кучияка. В структуре праздника сохранились: обряд освящения (мургуул), театрализованное представление и приветственные речи руководителей Республики Алтай, выставка-ярмарка изделий декоративно-прикладного искусства «Город мастеров», спортивные соревнования, курултай сказителей. При этом в организации всех составляющих праздника, например, в фестивале-конкурсе конной упряжи «Наследие предков», акцент был сделан на межкультурный диалог и связь поколений.

Центральной темой мероприятий стало историческое событие – добровольное вхождение алтайского народа в состав Российского государства. Камертоном всех выступлений стала мысль о мирном сосуществовании алтайского и русского народов и опыте межэтнического согласия.

Как отметил в ходе своего выступления Председатель Государственного собрания Эл Курултай РА И.И. Белеков, вхождение в состав Российского государства позволило сохранить народам Алтая свою этничность; стало отправной точкой для дальнейшей консолидации субэтнических групп региона; повысило престиж Российского государства на международной арене (ПМА, г. Горно-Алтайск, 8 июля 2016 г.).

В этом контексте, как показали авторские исследования, основной идеологемой праздничных событий стала евразийская концепция, актуальная для официального этнополитического дискурса Алтая. Как подчеркнул А.В. Бердников, члены республиканского парламента являются активными выразителями идей евразийского движения; организованные ими мероприятия направлены на обогащение Евразийского союза культурной составляющей.

В масштабах цивилизационного пространства Евразии, как подчеркивал И.И. Белеков, культура Алтая является духовной основой для развития глобального сообщества евразийского материка, т.к. именно на его территории происходило становление древних культур и этносов. Именно здесь были сформированы позитивные традиции бесконфликтного существования различных культур. Горный Алтай стал центром культурного и природного разнообразия Евразии, где на базе духовных приоритетов формировалась модель устойчивого развития [Белеков, 2013].

Для распространения духовных ценностей и утверждения идей евразийского единства в РА в июне 2016 г. было создано общественное движение «Эл Ийте». Инициаторами объединения стали представители научной и творческой интеллигенции, общественные деятели и политики. Они опирались на опыт якутской организации «Эл Иите» – «Держатель народа», участники которой (вне зависимости от конфессиональной и этнической принадлежности) взяли на себя задачу просвещения народа и защиту интересов государства.

На Алтае к движению присоединились: писатель Б.Я. Бедюров; музыкант А. Брехов; председатель союза театральных деятелей РА С. Тарбанакова; ученый, директор Республиканского центра народного творчества Т.М. Садалова и др.

Ориентация на евразийскую проблематику, на межкультурный диалог изменила приоритеты в организации Эл Ойына. Акцент был перенесен с этнической на региональную составляющую. Особенностью праздника в 2016 г. стало исключение из его пространства манифестации алтайских родов (сеоков) и их символов. В ходе проведения главной церемонии Эл Ойына организаторы также отказались от традиционных костюмов. Ставка была сделана на достижения районов в области экономического и культурного развития, на спортивные достижения. Мероприятия, представляющие традиционную культуру коренного тюркоязычного населения региона (конкурсы этнических украшений и убранства аилов, презентации истории родов, демонстрации обрядов и материальной культуры), были вынесены на районные площадки малых Эл Ойынов, проходящих перед основными республиканскими торжествами [Тайтова, 2016; Малый Эл Ойын.., 2016].

Анализируя подобные трансформации в истории Эл Ойына с момента создания и до современности, можно проследить как менялось содержание праздника от утверждения этнической (индигенной) составляющей до презентации идей межкультурного взаимодействия и региональной идентичности.

К 2016 г. на первый план в идеологии Эл Ойына вышли идеи надэтнической консолидации на основе универсальных ценностей, присущих всем народам Алтая, в т.ч. почитание мудрости предков, экологизм традиционной культуры, гуманистические идеалы и опыт добрососедских отношений. Положительная оценка вхождения Алтая в состав российского государства стала важным элементом культурной памяти, транслируемым этнической элитой в общественно-политическом дискурсе республике; что отразило основные тенденции в развитии политической ситуации в России в целом.

Список литературы

Белеков Д. Возвращение к Бай-Тереку. – Горно-Алтайск: [б.и.], 2013. – 470 с.

Малый Эл Ойын в Ине // Ажуда. – 2016. – № 23. – С. 2.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. – М.; СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1999. – 327 с.

Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти: проблема «забвения» и реконструкции прошлого // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 87. – № 1. – С. 6–16.

Самушкина Е.В., Кост З. Новые праздники Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36). – С. 107–119.

Тайтова А. Эл Ойын – праздник дружбы // Голос времени. – 2016. – № 25. – С. 1–2.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. – 2000. – № 1 (8). – С. 47–62.

References

Belekov D. Vozvrashchenie k Bai-Tereku. Gorno-Altaisk: [s.n.], 2013, 470 p. (in Russ.).

Hobsbawm E. Izobretenie traditsii. *Acta Eurasica*, 2000, No. 1 (8), pp. 47–62 (in Russ.).

Malyi El Oiyn v Ine. *Azhuda.* 2016, No. 23, p. 2 (in Russ.).

Nora P. Problematika mest pamyati. In *Frantsiya – pamyat'*. Moscow; St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1999, 327 p. (in Russ.).

Popova V.N. Prazdnik kak forma kul'turnoi pamyati: problema «zabveniya» i rekonstruktsii proshlogo. *Ural Federal University Journal. Serie 2: Humanities and Arts*, 2011, vol. 87, No. 1, pp. 6–16 (in Russ.).

Samushkina E.V., Kost Z. Novye prazdniki Sayano-Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 4 (36), pp. 107–119 (in Russ.).

Taitova A. El Oiyn – prazdnik druzhby. *Golos vremeni*, 2016, No. 25, pp. 1–2 (in Russ.).

УДК 393.0+392.813(=512.145)(571.13)

М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: marinat24@mail.ru

О поминальных блюдах у татар Знаменского и Тарского районов Омской области*

Статья написана на основе полевых материалов 2014 и 2016 гг. Рассматривается поминальное блюдо из теста – юпка. Очерчен весь ареал похожих изделий из теста для поминок в Омской и Тюменской областях. Несмотря на то, что в нескольких местах они сохраняются, традиция их готовить – реликтовая. В настоящее время на поминках подают суп с мясом и лапшой, фрукты и сухофрукты. Эти блюда и продукты являются постоянными в наборе блюд для поминок в результате повышения уровня жизни во второй половине XX в. Состав изделий из теста (пироги, хворост) для поминок разнообразен, и нет устойчивого набора. Обязательным блюдом из теста на поминках татар являются пресные блины. Вопрос о заимствовании этого блюда у русского населения требует дополнительного изучения.

Ключевые слова: *тарские татары, поминальные блюда, традиции, новации, Омская обл.*

M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: marinat24@mail.ru

About Commemorative Dishes of the Tatars of Omsk Region of Znamenskoye and Tara District

The work is based on the field data of 2014 and 2016. In the first part of the article we examine the commemortion dish of dough – yupka. The paper outlined the whole area with similar dough products for commemoration in the Omsk and the Tyumen regions. Despite the fact that in several places they retained the tradition to cook it is relict. Currently, for the commemoration the soup with meat and noodles, fruits and dried fruits are served. These dishes and products have become obligatory for the commemoration as a result of living standards rising in the second half of XX century. The composition of the dough products (cakes, firewood) is a diverse set of sustainable dishes. A must dish of dough at the Tatars wake are unleavened pancakes. The first assumption is that begs to Tatar pancakes as funeral dishes, in that they were taken from the Russian population. But this question requires further study.

Keywords: *Tara Tatars, the commemorative dishes, tradition, innovation, Omsk region.*

Осенью 2016 г. нами в составе Коурдакской археологической экспедиции были продолжены сборы полевых материалов в д. Ишеево Тарского р-на и д. Курманово Знаменского р-на Омской обл. по системе питания тарских татар. В ходе этих работ была получена интересная информация о поминальных блюдах и трапезах татар перечисленных населенных пунктов. Были дополнены и уточнены сведения, собранные в 2014 г. в деревнях Атачка и Сеитово, пос. Междуречье Тарского р-на.

Вначале мы рассмотрим наиболее важную информацию из деревень Ишеево, Курманово, Сеитово, где была выявлена ранее существовавшая

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1684.2014/К.

традиция подачи обязательного поминального изделия из теста. Традиция примечательна тем, что у татар Западной Сибири встречается не повсеместно. В отличие от других блюд и пищи, которые подаются на поминки, в этих изделиях возможно проследить символическую нагрузку. За годы изучения поминальных трапез татар нами было выявлено около десятка случаев бытования специальных блюд из теста в Тюменской и Омской областях. Практически во всех местах эта традиция прекратила свое существование. Наиболее яркий пример поминального блюда из теста, дошедший до нашего времени, встречается у ясколбинских татар. Лепешки с дырочками (*тирәс/тирәс павырсах*), специально приготовленные для поминок, мы наблюдали в 2006, 2008 гг. в деревнях Ачиры, Иземеть Тобольского р-на Тюменской обл. и д. Кускургуль Нижнетавдинского р-на Тюменской обл. У тобольских татар похожие лепешки, но с другим названием – *капкыр*, по утверждению информантов, в настоящее время готовятся в д. Второвагай Вагайского р-на Тюменской обл. на поминки пожилого человека. Лепешки *капкыр* специально для поминок ранее готовились в д. Ирек Тобольского р-на. В д. Тобол-Тура поминальное изделие называлось *цальбак* и выглядело как лепешка (Арх. МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 80-1. К. 97).

Далее информация о поминальном изделии из теста под названием *чальпак/цальбак* собиралась исследователями на севере Омской обл. в Усть-Ишимском р-не у курдакско-саргатских татар. Следующая точка, зафиксированная нами в 2014, 2016 гг., – в деревнях Ишеево, Курманово, Сеитово. Здесь его называют *юпка*, хотя один раз был зафиксирован другой вариант – *чальпак* (Сеитово).

От жительниц деревень Ишеево и Курманово была получена информация о том, что это же поминальное изделие раньше бытовало в тех местах, где эти женщины родились. Это территории на левом берегу Иртыша в бассейне р. Оша: в Малых Туралах Тарского р-на и д. Коготово Колосовского р-на.

Традиция приготовления этого изделия для поминок себя исчерпала приблизительно в конце XX в., и об изделии сохранились обрывочные сведения. Дольше всего его готовили в д. Сеитово – до 2000-х гг., одна или несколько семей. В д. Ишеево изделия *юпка* подавались еще в 1972 г. В д. Курманово не удалось зафиксировать более точную дату. Информанты рассказывают о его бытовании в середине XX в.

Изделие *юпка* выпекалось в определенном количестве – 41 шт. Не известно, действительно ли на стол выкладывалось указанное число. Не исключено, что эта цифра была символической. Цифра «41» означала то, что изделия *юпка* подавались только на поминки 40-го дня. Обратим внимание, что их готовилось 41, а не 40 шт. Это связано с тем, что в некоторых местах у татар еще сохраняются представления о том, что элементы поминальной обрядности должны быть нечетными или непарными. Непарность, не только у татар [Тихомирова, 2009, с. 96], но и во многих других культурах, означает прерывание нежелательного акта деятельности/процесса. Ограждение негативного влияния мира мертвых на живых, как одной из форм взаимодействия, было важной задачей поминальной обрядности [Токарев, 1999, с. 200].

Причина, по которой эти изделия подавались в обследованных деревнях тарских татар на поминки 40-го дня*, вероятно, связана с важностью этой даты для усопшего. Исходя из аналогий, выявленных у народов Средней Азии и Казахстана, у которых были развиты представления о сороковинах (см., напр.: [Бабаева, 1993, с. 117–118]), можно предполагать, что после этой даты одна из ипостасей души окончательно покидает мир живых и в итоге попадает в мир предков (подробнее о душе см., напр.: [Корусенко, 2013, с. 59]).

Как известно, одной из задач поминальных трапез является забота об умерших. Вместе с живыми ее вкушают духи [Токарев, 1999, с. 175]. Практически у всех групп татар Западной Сибири сохранилось представление о том, что запах пищи, обжаренной в жире или растительном масле, привлекает духов умерших и является их угощением [Тихомирова, 2009, с. 96]. Возможно, еще и поэтому обязательным на сороковинах было именно изделие *юпка*, приготовленное в традиционной для татар технологии. Пресное тесто, такое же как на баурсаки, обжаривалось в большом количестве жира или растительного масла. О внешнем виде изделия зафиксированы противоречивые сведения: 1) оно делалась лепешкой, как у ясколбинских татар, только без дырочек; 2) готовое изделие было похоже «на шляпку» – здесь информанты имеют в виду тюбетейку. Такая форма характерна для баурсаков полусферической формы.

*Отметим, что в настоящее время в результате напластования разных традиций у большей части татар Западной Сибири вариантом сороковин являются поминки 50/51/52 дня. Татары считают эти дни наиболее тяжелыми для покойника, т.к. идет процесс разрушения тела [Корусенко, 2003, с. 64, 93].

В настоящее время состав блюд на поминках у татар обследованных поселений Знаменского и Тарского р-нов имеет много общего с другими населенными пунктами народа и в то же время имеет свои особенности. В этом мы убедились, приняв участие в двух поминках в д. Ишеево и пос. Междуречье.

Как и везде, здесь подают горячее блюдо – мясной суп с лапшой, домашнюю и покупную выпечку, чай. Суп с мясом и лапшой появился среди блюд поминальных трапез как результат представлений татар о необходимости кровавой жертвы, приуроченной к поминальным дням [Тихомирова, 2006, с. 82, 140–141]. Однако резать животное нужно было не ко всем поминкам, а в наиболее важные для умершего дни. Во второй половине XX в., в результате размывания этих знаний и улучшения экономического быта татар, горячее блюдо стало обязательным атрибутом современного поминального стола, потому что барана стали резать к каждой дате.

В обследованных населенных пунктах сохраняется традиция не класть картофель в поминальный суп. Этот овощ получил распространение у местных татар в результате контактов с русскими приблизительно в послевоенное время, поэтому как элемент русской культуры не используется в обрядовой пище, освящаемой молитвой.

В д. Ишеево на поминки было подано второе горячее блюдо – плов, что является новацией. Горячее блюдо у татар на поминки, если и подавалось, то одно. Однако здесь плов настолько гармонично вошел в состав поминального стола, что жители Ишеево затруднились назвать время появления этого новшества.

В обоих случаях на поминках были сухофрукты и фрукты: они также являются неотъемлемой частью современного поминального стола. Эти продукты, а также рис, стали очень популярны для обрядового стола у всех групп татар Западной Сибири во второй половине XX в. как результат повышения уровня благосостояния. Популярность фруктов и риса связана не только с высокими вкусовыми качествами, прежде всего они ассоциируются с жаркими странами Востока – родиной ислама, отсюда своеобразная мода.

Несмотря на то, что специальное поминальное блюдо на 40 дней ушло в прошлое, во всех обследованных населенных пунктах на все поминки готовят пресные блины – это является локальной особенностью.

Кроме блинов, татарки готовят различные изделия из теста, но устоявшегося набора не существует – он зависит от местных предпочтений. Так, в пос. Междуречье мы наблюдали разновидности баурсаков (обжаренное тесто разной формы): типа калачиков *пурмаца/бурмаца* и круглой формы *вак баурсак*, но только больших размеров, *кыйгац* (изделие типа хвороста) по форме как ромб, а в д. Ишеево – *калач баурсак*, пирожки с черемухой.

Отметим, что у татар всех обследованных мест в 2014 и 2016 гг. сохраняются представления о нечетности/непарности на поминках. В частности, нечетными должны быть время проведения поминок (в час дня), количество мисок супа и чашек чая, съеденных и выпитых гостями.

Итак, мы рассмотрели поминальное блюдо из теста *юпка*, бытовавшее в прошлом, и современный поминальный стол у татар, проживающих в населенных пунктах Знаменского и Тарского р-нов Омской обл.

В работе был очерчен весь ареал бытования специальных поминальных блюд в Омской и Тюменской областях, перечислены их варианты. Очевидно, что мы зафиксировали реликтовую традицию. В одной из работ, на материалах поминального изделия *цальбак/чальпак* курдакско-саргатских татар, данная традиция нами связывалась со среднеазиатскими этнокультурными влияниями [Тихомирова, 2006, с. 109–110]. С учетом накопленных фактов, среднеазиатское происхождение этой традиции требует дополнительного исследования и обоснования.

Среди блюд современной поминальной трапезы татар обследованных населенных пунктов вызывают интерес пресные блины, которые зафиксированы в качестве обязательной пищи только в этих местах. Первоначальная версия о происхождении пресных блинов как поминального блюда татар, которая напрашивается сама собой, состоит в том, что они были заимствованы у русского населения. Однако в силу не достаточной изученности этого вопроса она не видится нам убедительной.

Список литературы

Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века). – Душанбе: Дониш, 1993. – 156 с.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. (опыт анализа структуры и содержания). – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с.

Корусенко М.А. Душа/жизненная сила в традиционных представлениях западносибирских татар: проблема исторического генезиса // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2013. – № 4 (24). – С. 56–62.

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 232 с.

Тихомирова М.Н. Правила и запреты в пище и трапезе погребально-поминальной обрядности татар Западной Сибири // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб., 2009. – Кн. 2. – С. 93–100.

Токарев С.А. Избранное: теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. – Москва: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1999. – Т. 2. – 204 с.

References

Babaeva N.S. Drevnie verovaniya gornykh tadzhikov Yuzhnogo Tadzhikistana v pokhoronno-pominal'noi obryadnosti (konets XIX – nachalo XX veka). Dushanbe: Donish, 1993, 156 p. (in Russ.).

Korusenko M.A. Pogrebal'nyi obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv. (opyt analiza struktury i soderzhaniya). Novosibirsk: Nauka, 2003, 192 p. (in Russ.).

Korusenko M.A. Dusha/zhiznennaya sila v traditsionnykh predstavleniyakh zapadnosibirskikh tatar: problema istoricheskogo genezisa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* Tomsk, 2013, No. 4 (24), pp. 56–62 (in Russ.).

Tikhomirova M.N. Kul'tura pitaniya tatar Srednego Priirtyshya: problemy formirovaniya i etnokul'turnykh svyazei. Omsk: Izdat. dom "Nauka", 2006, 232 p. (in Russ.).

Tikhomirova M.N. Pravila i zaprety v pishche i trapeze pogrebal'no-pominal'noi obryadnosti tatar Zapadnoi Sibiri. In *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. St. Petersburg, 2009, vol. 2, pp. 93–100 (in Russ.).

Tokarev S.A. Izbrannoe: teoreticheskie i istoriograficheskie stat'i po etnografii i religiyam narodov mira. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAH Publ., 1999, vol. 2, 204 p. (in Russ.).

УДК 394.2

Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mf11@mail.ru

Взаимовлияния в свадебной обрядности у сибиряков курско-черниговского происхождения в первой трети XX века*

В статье исследуется этнокультурная ситуация в д. Парфёново Алтайского края первой трети XX в., где среди сибирских старожилов проживали переселенцы – южнорусского (курские) и украинского (черниговские) происхождения. В основу работы положены полевые материалы Восточнославянского этнографического отряда, собранные в 2005–2016 гг. С целью выяснить, какие факторы влияли на трансформацию идентичностей, автор анализирует направленность трансформаций свадебных обрядов парфёновцев. Явления культурной интерференции показали, как «подобное усиливается подобным» при условии, если находится подходящая замена, и, наоборот, существенное различие этнических традиций ведет к их ослаблению (забвению). Указанные механизмы культурной интерференции способствовали выработке общих деревенских традиций.

Ключевые слова: *южнорусские и украинские переселенцы в Сибири, свадебные обряды, культурная интерференция.*

E.F. Fursova
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mf11@mail.ru

Interference in Wedding Rituals between Siberians of Kursk-Chernigov Origin in the First Third of the XX Century

The author explores ethnic and cultural situation in Parfyonovo village of Altai Region in the first third of the twentieth century, where lived the Siberian old residents and migrants of South Russian (Kursk) and Ukrainian (Chernigov) origin. The article is based on field materials of East Slavic ethnographic expeditions 2005–2016. Trying to figure out what factors influence the transformation of identities, the author analyzes the orientation of wedding ceremonies transformations. The phenomena of cultural interference is shown as «like amplified like» and, on the contrary, a significant difference of ethnic traditions leads to their weakening. Mechanisms of cultural interference contributed to the development of common village traditions.

Keywords: *South Russian and Ukrainian immigrants in Siberia, wedding ceremonies, cultural interference.*

В первой трети XX в. в Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии, как и на своей прародине, южнорусские переселенцы (тамбовские, курские, воронежские, орловские, тульские, рязанские) нередко проживали совместно с выходцами из Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Черниговской губерний [ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. № 2, 4]. Показательна в этом плане д. Парфёново (ныне Топчихинский район Алтайского края), в которой до сих пор соседствуют, согласно полевым материалам Восточнославянского этнографического отряда, потомки курских, тульских и черниговских переселенцев. Если до момента переселения в Сибирь в Судженской волости Курской губернии круги брачных связей сложились в рамках своих культурных групп (курские, украинцы), то на новом месте, особенно после революции 1917 г. и обнародования новых законов о семье, селяне активно стали заключать «смешенные» браки.

Свадьба была важным событием в жизни не только семьи, но и всей деревни. В отличие от исконно черниговских обычаев, парфёновские девушки собирались до свадьбы у невесты. Некоторое время перед свадьбой подружки шили, вышивали и испол-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00343 а.

няли грустные песни в традициях русской свадьбы, как это описано, например, для Белгородского уезда Курской губернии [Ильинский, 1893, с. 17].

От сибиряков-старожилов был заимствован *банный обычай* накануне свадебного дня (венчания). Перед растопленной баней подружки «снаряжали веник, невесту парить». Веник готовили из березы и украшали лентами. Случалось, что веник крали друзья жениха, тогда в дом к жениху приезжали подружки невесты, чтобы выкупить его. Подружки торжественно возвращались в дом невесты в «кашовке», при этом привлекали внимание односельчан, махая украшенным веником. По данным И. Абрамова, черниговские малороссы ходили по селу с невестой, украшенной цветочным венком, приглашая односельчан на свадьбу (или «весилье») [Абрамов, 1905, с. 13]. Таким образом, черниговский венок в Сибири был заменен на сибирский украшенный березовый веник, что органично встраивалось в банный обряд. Цель появления невесты и подружек на улице села сохранилась одна и та же – обнародование предстоящей свадьбы, приглашение гостей. Забылись песни о «квитках» (цветах), которые раньше исполняли сопровождавшие невесту «дружки».

Рано утром свадебного дня, до приезда жениха, мать стелила по полу шубу шерстью вверх и *невеста прощалась* с родными. Несмотря на распространенное в литературе мнение о том, что плачи невесты характерны в основном для севернорусской свадьбы [Чистов, 1987, с. 402], в описаниях малорусских и южнорусских свадебных обрядов XIX в. постоянно встречаются указания на плачи невесты, особенно во время расставания с родственниками и родным домом [Ильинский, 1893, с. 17, 19, 21, 24]. Таким образом, оплакивание девичества у парфёновских невест нельзя считать только сибирским заимствованием, хотя усилению этого обычая старожилы, безусловно, могли способствовать [Фурсова, Васеха, 2005, с. 50].

Собранная и нарядно одетая девушка ожидала жениха, который приезжал выкупать невесту, что, согласно общерусскому обычаю, означало *выкуп косы*. Хотя девушка-невеста и сидела с одной заплетенной косой, но продавался специально сделанный для этого случая предмет. Подружки заранее плели косу из конопли, украшая ее разноцветными лентами.

В парфёновской свадьбе прекратили существование шутливые песни со стороны партий жениха и невесты накануне венчания, а также наряженная сабля, с которой шли к венцу. Вопрос о *месте проведения свадьбы* в д. Парфёново заставлял наших информантов волноваться и путать показания. Черниговскую «вечерю» у молодой они не помнили, но и со старожильческим вариантом свадьбы у жениха тоже не могли согласиться. Все же нашлось много подтверждений, что, согласно южнорусским и украинским обычаям, свадьбу играли поочередно в доме невесты и в доме жениха, но первоначально молодые гуляли в доме невесты [Ермакова 2012, с. 45].

Вечером молодые шли к родителям жениха, которые по общеславянскому обычаю встречали молодых хлебом-солью и иконой. Нередко приходилось выкупать избу жениха, чтобы продолжить свадьбу. Например, привозили жениха с невестой, садили их в почетное место «в угол», а там уже сидели жениховы родственники (делали вид, что прядут, шьют) и не пускали прибывших гостей. В первый день свадьбы пели «Молодку», при этом поющие *становились на лавки*.

Песни и танцы продолжались до вечера, потом все расходились до следующего утра. После свадьбы молодых старались уложить спать в отдельном помещении, в качестве которого информанты обычно называли амбар. После *первой брачной ночи* в доме молодого первыми приходили подружки со стороны невесты будто бы «искать свой товар». В Черниговщине и в сибирских селах с компактным украинским населением этот обычай назывался носить «молодым сніданне». Впрочем, до подружек у молодых успевали побывать в качестве наблюдателей свахи. Утром второго дня *невеста меняла прическу* – девичью косу заматывала «шишкой» и повязывалась платком. Таким образом, прическу и женский головной убор переселенцы меняли не как старожилы, т.е. среди свадебных гуляний первого дня свадьбы, но по курско-белгородскому обычаю после брачной ночи [Ильинский, 1893, с. 33].

У южнорусских, как и у украинцев и старожилов-чалдонов, бытовал обычай *демонстрации целомудренности невесты*. Парфёновская свадьба оказывалась ближе к украинской, чем к чалдонской, во время которой до недавнего времени было принято водить молодых «на подклет» среди всеобщего застолья. Обычно давал знать присутствующим о «честности невесты» сам жених, который по сибирскому обычаю первый выпивал вино и разбивал стакан. Потомки курских переселенцев считают, что символические красные флажки или красные ленточки на одежде были придуманы позднее, примерно в 1950-е гг. У черниговцев этот обычай был старинным, что подтверждается и описаниями очевидцев начала XX в. [Абрамов, 1905, с. 25].

В парфёновской свадьбе оказался утерянным обычай «дележа каравая» в виде большого пшеничного хлеба, известного по материалам южнорусской и украинской свадьбы, когда в доме молодой дружки резали и раздавали ломти, а гости дарили молодой подарки [Абрамов, 1905, с. 22; Ильинский, 1893, с. 34]. В д. Парфёново по общерусскому обычаю дарение молодых деньгами и натуральными подарками в виде птицы и домашних животных

происходило во время так называемых блинов. Молодым подавали блюдо с блинами и начинался *горячий обед*, т.е. сбор подарков за блины. Развлечением второго дня, как это и имело место в Черниговщине и во многих местах Западной Сибири, было *ряженье*. Во время горячего обеда гости переодевались цыганами, ходили в вывернутых шубах.

После горячего обеда наступал черед *продажи калинки*, которая представляла собой две связанные красной лентой бутылки красного вина с вставленной веткой калины. Продажа калинки проводилась в виде аукциона между родами жениха и невесты за право обладания калинкой. Опыт селян показывал, что при соревновании в денежных взносах калинка все ж чаще доставалась жениховой родне.

Специфическим местным обычаем второго дня свадьбы было *чесание чуба* у молодого. Предварительно ему шутливо взбивали волосы и кто-либо из гостей выражал желание «почёсать». По словам информантов, в данном случае молодая должна была продемонстрировать любовь, причесав и поправив «чуб». У старожилов подобных обычаев не фиксируется.

С целью «привораживать» богатство и прогнозировать будущую судьбу молодых гости *занимались воровством* – заносили в дом ворованных кур и петухов. Но, в отличие от старожилов, не варили из них лапшу, но следили за поведением, которое считалось пророческим. Для наших дней птичья символика актуальна, при краже петухов и кур во время сельской свадьбы люди не обижаются и относятся с пониманием как «заведению». Подобно обычаям старожилов, молодым предлагалось *мести сор*. В 1920-х гг. и здесь имел место дух соревнования: кто быстрее соберет, хотя изначально предполагалось, что именно молодая должна показать большую сноровку.

Третий день гуляли в зависимости от обстоятельств у жениха или у невесты. В отличие от старожилов и севернорусских переселенцев, здесь отсутствовал обычай «овин тушить», символизировавший окончание свадьбы [ПМА, 2015, 2016].

По структуре и веселому характеру курско-украинская свадьба д. Парфёново Барнаульского уезда первой трети XX в. была близка к местам выхода переселенцев. При этом ряду обрядов нашлись близкие по смыслу замены: каравайный обряд замещен на блины, гуляния невесты в венке на гуляния девушек с украшенным березовым веником и пр. Со старожильческими традициями парфёновскую свадьбу роднят обычаи «ездить с наряженным веником», «сор мести», хотя и не ярко выраженные, но известные здесь обычаи «девишника», «водить невесту в баню». Примечательно, что банный обряд носил следы состязательности между родственниками невесты и жениха, что, как известно, отсутствовало у старожильческого населения.

Полевые материалы свидетельствуют о наметившихся тенденциях играть свадьбу в доме жениха, однако еще и сейчас живы свидетели старинных южнорусско-украинских традиций проведения свадеб в доме невесты и смешенных вариантов периодических перемещений из дома невесты в дом жениха. Что касается центральных обычаев смены у девушки прически и головного убора с девичьего на женский, а также демонстрации целомудренности невесты, то парфёновская свадьба обнаруживает близость к украинской. Фольклорная составляющая, в отличие от свадеб севернорусских переселенцев, у парфёновцев, практически, не сохранилась, в их числе известные «перестрелки» между партиями невесты и жениха.

Явления культурной интерференции показали как «подобное усиливается подобным» при условии, если находится подходящая замена. Анализ свадебных обрядов парфёновцев позволил проследить истоки трансформации идентичности украинских переселенцев в южнорусско-старожильческой среде.

Список литературы

Абрамов И. Черниговские малороссы. Быт и песни населения Глуховского уезда (Этнографический очерк). – СПб.: [Тип.-лит. В.О. Пастор], 1905. – 41 с.

Ермакова И.В. Старинная курская свадьба (село Плёхово Суджанского района). – Курск: Курский Дом народного творчества, 2012. – 192 с.

Ильинский Ф. Русская свадьба в Белгородском уезде. – Кременец: [Тип. М.Д. Шумского], 1893. – 36 с.

Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). – Новосибирск: Агро-Сибирь, 2005. – Ч. 2. – 226 с.

Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 396–416.

References

Abramov I. Chernigovskie malorossy. Byt i pesni naselenija Gluhovskogo uezda (Etnograficheskij ocherk). St. Petersburg: [Tipo-litografija V.O. Pastor], 1905, 41 p. (in Russ.).

Chistov K.V. Semejnye obrjady i obrjadovyj fol'klor. In *Etnografija vostochnyh slavjan. Ocherki tradicionnoj kul'tury*. Moscow: Nauka, 1987, pp. 396–416 (in Russ.).

Ermakova I.V. Starinnaja kurskaja svad'ba (selo Pljohovo Sudzhanskogo rajona). Kursk: Kurskij Dom narodnogo tvorchestva, 2012, 192 p. (in Russ.).

Il'inskij F. Russkaja svad'ba v Belgorodskom uezde. Kremenets: [Tip. M.D. Shumskogo], 1893, 36 p. (in Russ.).

Fursova E.F., Vaseha L.I. Ocherki tradicionnoj kul'tury ukrainskih pereselencev Sibiri XIX – pervoj treti XX veka (po materialam Novosibirskoj oblasti). Novosibirsk: Agro-Sibir', 2005, pt. 2, 226 p. (in Russ.).

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902/612

Д.П. Волков[1, 2], С.П. Нестеров[1], Д.П. Болотин[1, 3], С.В. Коваленко[1, 2], Т.П. Савченко[2], Е.И. Крючко[2], Я.М. Мамуль[3], С.Е. Кулигина[3], Р.А. Шульмин[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
[3]Благовещенский государственный педагогический университет
[4]Амурское областное бюро судебно-медицинской экспертизы
E-mail: volk-d@yandex.ru

Спасательные археологические раскопки Усть-Ивановского могильника в Амурской области

Материалы исследованной части могильника в пойме р. Зеи дали возможность расширить представления о троицкой группе мохэ, проживавшей в данном районе Приамурья. Выявленный погребальный обряд населения показал его сходство с мохэским обрядом, установленным по данным из других могильников: Троицкого, Липовый Бугор, Красный Бугор. Установленные на Усть-Ивановском могильнике способы захоронения – первичный и вторичный, несмотря на некоторые особенности, в целом отвечают погребальным канонам племен мохэ. Особенностью могильника, с одной стороны, можно считать отсутствие во всех 52 могилах целых сосудов, характерных для других могильников, с другой, присутствие большого количества предметов центральноазиатского типа. Это может указывать на начальный период освоения сумо мохэ данного региона в VIII в. н.э. после переселения из районов р. 2-я Сунгари в Маньчжурии.

Ключевые слова: *Амурская область, могильник Усть-Ивановский, троицкая группа мохэ, погребальный обряд.*

D.P. Volkov[1, 2], S.P. Nesterov[1], D.P. Bolotin[1, 3], S.V. Kovalenko[1, 2], T.P. Savchenko[2], E.I. Kryuchko[2], Ya.M. Mamul[3], S.E. Kuligina[3], R.A. Shulmin[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Centre For Preservation of Historical And Cultural Heritage of Amur Region
[3]Blagoveshchensk State Pedagogical University
[4]Amur Regional Forensic Medical Examination Bureau
E-mail: volk-d@yandex.ru

Rescue Archaeological Excavations of Ust-Ivanovka Burial Ground in Amur Region

Materials of the investigated part of the burial ground in the flood plain of the Zeya River made it possible to expand the image of the Troitskaya group of Mohe, who lived in this area of the Amur region. The discovered funeral rites of the inhabitants showed its similarity to mohe's ceremony, set in accordance to other cemeteries: Troitskiy, Lipoviy Bugor, Krasniy Bugor. The investigated Ust-Ivanovka cemetery burial methods – primary and secondary, generally correspond to the canons of the funeral Mohe tribes. A feature of the burial ground, on the one hand, is the absence of safe vessels, well-spread in other cemeteries, in all 52 graves, and on the other hand, the presence of a large number of Central Asian type items. This factor may indicate the initial period of development of Sumo Mohe in the region in the VIII century AD, after the migration from the river districts of the second Songhua River to Manchuria.

Keywords: *Amur region, Ust-Ivanovka burial ground, Troitskaya Group of Mohe, funeral rites.*

Археологические исследования Усть-Ивановского грунтового могильника-1, расположенного в пойме левого берега р. Ивановки (в 20 км от устья р. Зеи, куда эта речка впадает), у с. Усть-Ивановка

Благовещенского р-на Амурской обл. в полевом сезоне 2016 г. были проведены Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской обл. совместно с сотрудниками Амурской лаборатории археологии и этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, при участии студентов и специалистов Благовещенского государственного педагогического университета и Института истории, культуры и туризма Хэйлунцзянского университета (КНР).

Памятник был выявлен в конце 1980-х гг. После катастрофического наводнения 2013 г. он претерпел значительное разрушение в виде смыва с поверхности части почвенного слоя, защищавшего могилы от разрушения. В ходе работ в наиболее разрушенном водой и пашней участке террасы на площади 342 м^2 было выявлено и раскопано 52 ямы, в том числе: погребений с костными останками человека – 37; захоронений с несохранившимися костными останками, но с погребальным инвентарем – 8; ям, не содержащих археологических предметов и костных останков – 7.

Исследованные погребения делятся по способу захоронения на первичные, когда умершего хоронили в землю сразу после смерти (3 могилы), и вторичные, когда кости умершего, собранные на месте воздушного погребения, помещались в могилу или без соблюдения анатомического порядка, или имитируя его (34 могилы). В 10 могил была встроена деревянная рама-обкладка, перекрытая досками и укрытая пластами бересты. В ходе погребального обряда они были сожжены, но до захоронения костей человека, животных и вещей.

Могила 41 с первичным захоронением зафиксирована в виде прямоугольного пятна светло-желтого цвета, ориентированного длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад (рис. 1, *1*). Контур могильной ямы прямой, не имеет дополнительной конструкции. Глубина могилы до 26 см относительно древней дневной поверхности. Заполнение ямы подставлено мелким желтым песком. Скелет мужчины 25–37 лет лежал на спине, ноги скрещены в районе ступней: правая нога снизу, левая – сверху. Кости кистей рук сложены в районе таза. Череп, слегка склоненный влево, принадлежал представителю монголоидного расового типа. Особое внимание вызвало расположение скрещенных костей ног. Антропологическое исследование данных костных останков показало, что за исключением левых бедренной и большеберцовой костей все остальные обычного анатомического строения, нормального развития. Левая большеберцовая кость имеет выраженную деформацию. Она дугообразной формы (вершина дуги направлена наружу), резко увеличена в объеме. Её поверхность бугристая, макроскопическая структура костной ткани рыхлая, крупнопористая. На наружной поверхности в верхней трети кости имеются два дефекта неправильной овальной формы со скругленными пористыми краями, уходящие в толщу кости. Аналогичная деформация наблюдается и на нижнем эпифизе бедренной кости, из-за чего левый коленный сустав резко деформирован и представляет собой тонкую V-образную щель с неровными сопрягаемыми поверхностями. Каких-либо механических повреждений, имеющих признаки прижизненного происхождения, на данных костях не обнаружено. Учитывая характер деформации костей и изменение их макроскопической структуры, можно предположить, что они возникли в результате длительного прижизненного заболевания, каким мог быть туберкулез костей или сифилис. При этом возможный прижизненный рост мужчины составлял 155–160 см.

С погребенным найдены 6 наконечников стрел (три из них – на плечах, один наконечник – на локтевом сгибе правой руки, один – в бедре правой ноги, еще один – между ног) и кресало выгнутой волютовидной формы.

Могила 8 не имела дополнительных конструкций, представляла собой овальную яму, выкопанную в желтом песке на глубину 32 см относительно древней дневной поверхности, ориентированную длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад. Костные останки располагались на дне ямы в разрозненном порядке. Погребальный инвентарь отсутствовал (рис. 1, *2*).

Могила 5 со встроенной деревянной рамой-обкладкой, перекрытая досками и укрытая пластами бересты, с вторичным погребением была зафиксирована на поверхности раскопа в виде прямоугольного контура из обожжённых деревянных плах, ориентированного длинной осью на северо-восток – юго-запад. Имела размеры по раме-обкладке 250 × 75 см и глубину относительно древней дневной поверхности 50 см (рис. 1, *3*). Длинные стороны рамы были слегка вогнуты внутрь. Длинные стенки деревянного прямоугольного ящика составлены из длинных и узких плах или досок (рис. 1, *3а*), а короткие – из широких (рис. 1, *3б*). Они поставлены на ребро и уложены горизонтально друг на друга. Сверху на «ящик» в центральной части по длинной оси положена плоская деревянная доска, служащая перекладиной каркаса крышки из берестяных листов. Весь каркас сильно обожжён, берестяная «крышка» имеет следы обжига с внутренней стороны. Кости человека, захороненные по вторичному обряду, сложены в могилу без соблюдения анатомического порядка. Кости обожжены. Из погребального инвентаря зафиксированы: фрагмент дна керамического сосуда, бронзовая пряжка

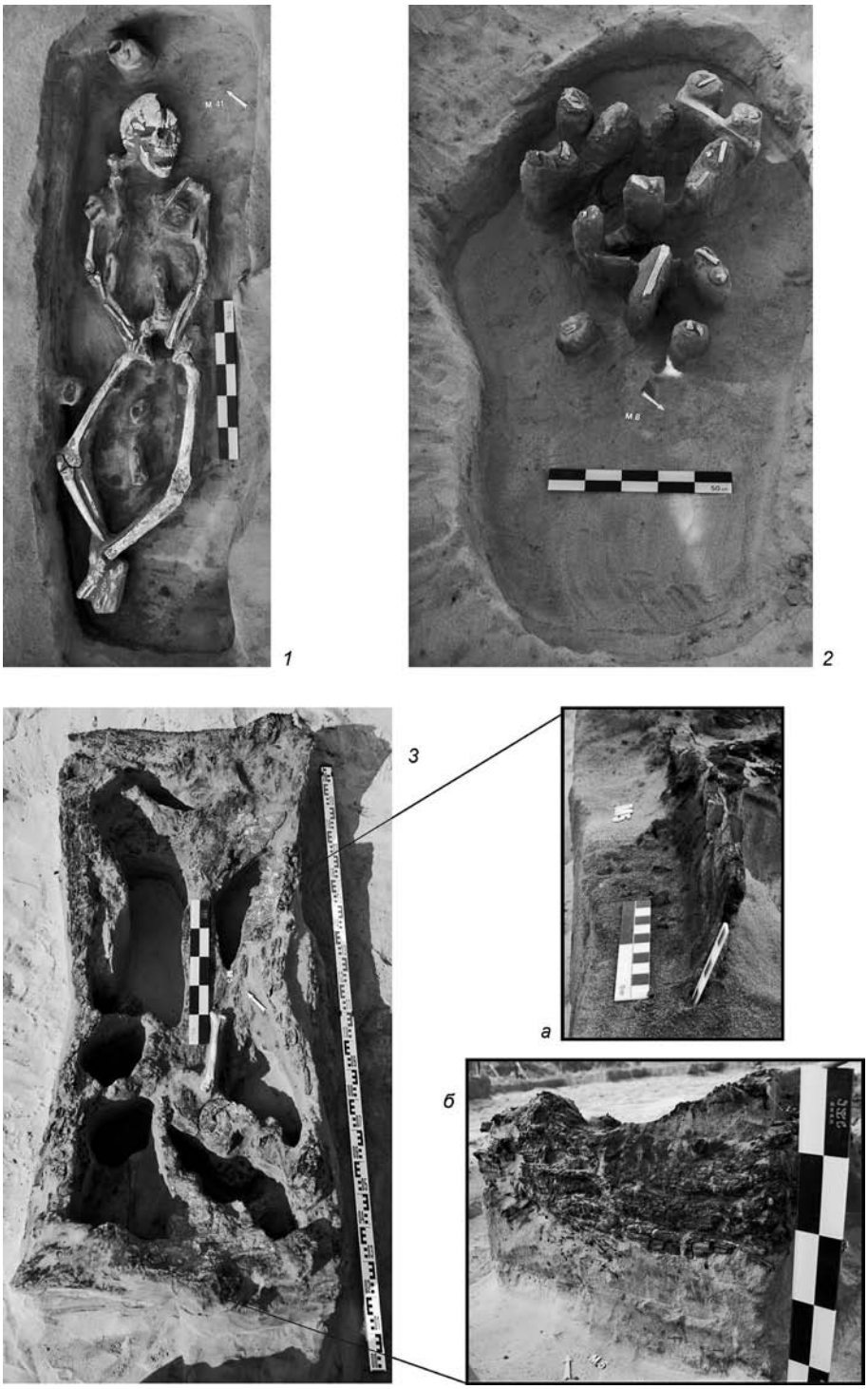


Рис. 1. Усть-Ивановка, грунтовый могильник-1. Виды могил.
1 – первичное захоронение; *2* – вторичное захоронение; *3* – могила с деревянной рамой-обкладкой.

(рис. 2, *4*), фрагмент металлического ножа, неопределимые железные предметы, кости черепа свиньи.

Всего в ходе раскопок было найдено 412 предметов. Большую часть коллекции составили разрозненные фрагменты керамических сосудов – 48 % (197 фрагментов), из которых 64 % относятся к подъемному материалу из переотложенного пахотой слоя и лишь 36 % обнаружены в погребениях (следует отметить полное отсутствие в них целых сосудов). Украшения и элементы одежды (пряжки, серьги, браслеты, бусины, поясные бляшки, пронизки, нашивки) составили 12 % от общего числа артефактов, железные наконечники стрел – 5 %, элементы снаряжения (кресала, оселок, ременная обойма, нож, удила) – 2 %, металлические изделия (кованые гвозди и неопределимые предметы) – 29 %.

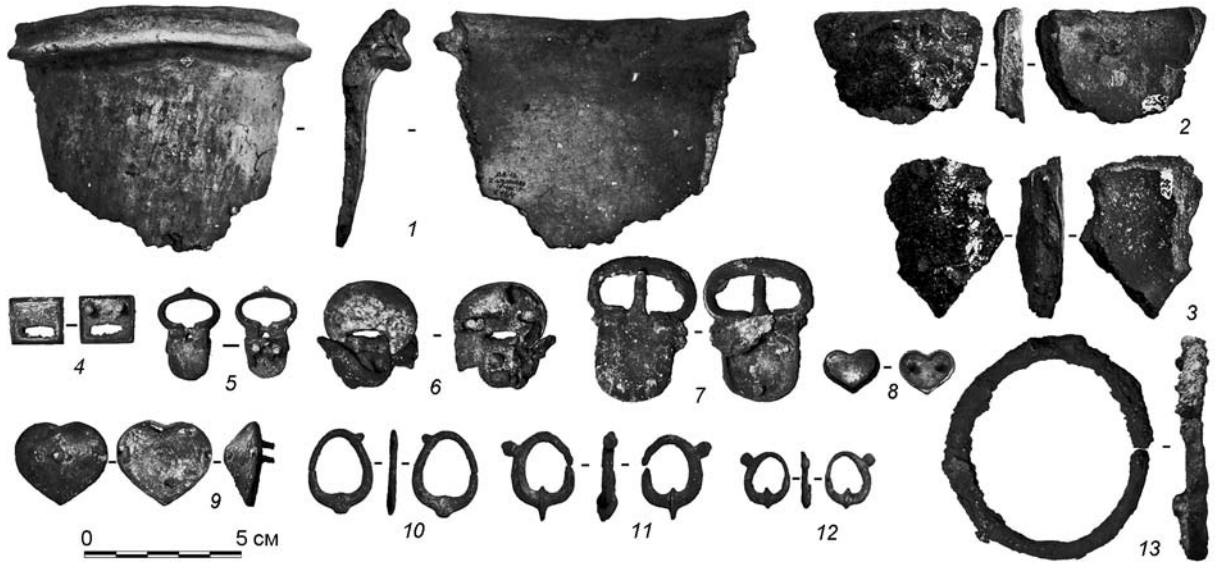


Рис. 2. Усть-Ивановка, грунтовый могильник-1. Предметный комплекс.
1 – фрагмент стенки сосуда; *2, 3* – фрагменты керамического бокала с глазурью; *4, 8, 9* – бронзовые бляшки; *5–7* – бронзовые пряжки; *10–12* – серьги; *13* – браслет.

Фрагменты керамических сосудов (рис. 2, *1*) относятся к троицкой группе мохэской археологической культуры [Деревянко Е.И., 1977; Деревянко А.П. и др., 2007]. Впервые в Амурской обл. найден сосуд – небольшой бокал, вылепленный вручную, возможно, из одного комка глины, обработанный толстым слоем глазури (полива), относящийся к раннему Средневековью (рис. 2, *2–3*). Украшения – поясные бляшки (рис. 2, *4, 8, 9*), пряжки (рис. 2, *5–7*), серьги (рис. 2, *10–12*), браслет (рис. 2, *13*) – изготовлены из бронзы (47 %), железа (17 %), серебра (2 %) и имеют облик, характерный для центральноазиатских изделий тюркско-уйгурско-кыргызского времени.

Анализируя изученные погребения, полученный археологический материал, можно сделать вывод, что раскопанная часть могильника по обряду захоронения относится к троицкой группе мохэской археологической культуры. Об этом свидетельствуют первичные и вторичные захоронения с согнутыми и поднятыми вверх или уложенными набок коленями [Нестеров, Росляков, Тетерин, 1987; Деревянко А.П. и др., 2007]. К ней же относится и погребение в могиле 41. Дефект опорно-двигательного аппарата человека, появившийся в результате болезни, не позволил после его смерти придать телу в могиле позу с поднятыми вверх коленями. Из особенностей погребального обряда на Усть-Ивановском могильнике следует отметить полное отсутствие в могилах керамических сосудов, что являлось обязательным атрибутом аналогичных захоронений этого периода, исследованных ранее на территории Амурской обл., и значительное количество предметов центральноазиатского типа. Это может указывать на начальный период колонизации сумо мохэ данного региона в VIII в. н.э. после переселения из районов р. 2-я Сунгари в Маньчжурии.

Список литературы

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Суботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Издательство Института культурного наследия, 2008. – Вып. I. – Ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. – 218 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Нестеров С.П., Росляков С.Г., Тетерин Ю.В. Могильник Шапка – памятник эпохи средневековья на Среднем Амуре // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск, 1987. – С. 46–72.

References

Derevianko A.P., Kim Bon Gon, Nesterov S.P., Choi Men Sik, Hon Heon Woo, Alkin S.V., Subotina A.L., Ju Yn Sik. Materialy i issledovanija Rossijsko-Korejskoj arheologicheskoj jekspedicii v Zapadnom Priamur'e. Daejeon: Izdatel'stvo Instituta kul'turnogo nasledija, 2008, iss. I, pt. 1: Raskopki rannesrednevekovogo Troickogo mogil'nika v 2007, 218 p. (in Russ.).

Derevianko E.I. Troickij mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.).

Nesterov S.P., Rosljakov S.G., Teterin Ju.V. Mogil'nik Shapka – pamjatnik jepohi srednevekov'ja na Srednem Amure. In *Novye pamjatniki epohi metalla na Srednem Amure*. Novosibirsk, 1987, pp. 46–72 (in Russ.).

УДК 902.01

А.А. Дудко[1], Ю.А. Васильева[1], А.А. Цыбанков[1], А.В. Выборнов[1, 2], И.Д. Зольников[1, 2, 3], А.А. Картозия[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Результаты охранно-спасательных археологических раскопок на поселении Евра-28 в 2016 году

В статье дано краткое описание результатов охранно-спасательных археологических раскопок поселения Евра-28, проведенных Кондинским отрядом в зоне строительства мостового перехода через р. Евра в Кондинском р-не ХМАО – Югры. В ходе работ получена коллекция, насчитывающая около 1000 артефактов, датируемых эпохами неолита, энеолита, поздней бронзы (VI тыс. до н.э. – рубеж II–I тыс. до н.э.). Керамический комплекс представлен фрагментами сосудов и двумя керамическими грузилами. Частичная реконструкция сосудов позволила выделить несколько основных групп керамики: крупные остродонные сосуды с прямыми стенками, круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой, слегка наклоненной внутрь шейкой и раздутым туловом, круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой, отогнутой наружу шейкой, круглодонные сосуды с прямыми тонкими стенками. Предметы каменной индустрии включают скребки, шлифованные орудия, сколы со шлифованных изделий, отходы первичного расщепления.

Ключевые слова: *Кондинская низменность, поселение Евра-28, голоцен, неолит, энеолит, поздняя бронза, керамика, спасательные раскопки.*

A.A. Dudko[1], Yu.A. Vasileva[1], A.A. Tsybankov[1], A.V. Vybornov[1, 2], I.D. Zolnikov[1, 2, 3], A.A. Kartoziya[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Results of Rescue Archaeological Excavations at the Settlement Evra-28 in 2016

The article presents the brief results of rescue excavations of the settlement Evra-28. Excavations were conducted in Kondinsky district in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, in the construction zone of the bridge over the river Evra. In the course of study we got the collection of more than 1000 artifacts dating to the Neolithic, Eneolithic, Late Bronze Age (VI millennium BC – Line II–I millennium BC). Ceramic complex presented by the fragments of ceramic vessels and two sinkers. Partial vessel reconstruction allowed identifying few main groups of ceramics: large vessels with straight walls, wide vessels with a round bottom and straight neck slightly bent outwards, vessels with a round bottom and straight thin walls. Stone artifacts include scrapers, polished tools, chipping of polished tools and waste of primary cleavage.

Keywords: *Kondinsky lowland, Evra-28 settlement, Holocene, Neolithic, Eneolithic, Late Bronze Age, ceramics, rescue excavations.*

В августе-октябре 2016 г. Кондинским отрядом ИАЭТ СО РАН проведены археологические раскопки на выявленном объекте культурного наследия поселении Евра-28 в Кондинском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Объектами археологических исследований стали

земельные участки памятника, попадающие в зону строительства мостового перехода через р. Евра. В ходе работ тремя раскопами исследовано 1161 м^2.

Поселение Евра-28 выявлено А.В. Соколковым в 2012 г. и датировано эпохой поздней бронзы. В 2015 г. археологическая экспедиция ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» под руководством Е.М. Беспрозванного провела на памятнике дополнительные разведочные работы, включающие закладку зачисток и шурфов, выполнение топографической съёмки территории, занимаемой археологическим объектом, и определение технического состояния поселения [Проект мероприятий…, 2015]. В 2016 г. проведены первые стационарные археологические раскопки поселения Евра-28.

Поселение занимает мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Евра, высота террасы – 9–12 м. Рельефообразующий комплекс территории имеет двухъярусное строение. Нижний ярус представлен косослоистыми и параллельно слоистыми песками, иногда с гравием и галькой (русловая фация аллювия), а также субгоризонтально параллельно слоистыми песками, супесями, суглинками (пойменная фация аллювия). Верхний ярус – эоловые пески и супеси. Нередко у поверхности залегает солифлюксий, представленный неслоистыми пятнистыми песками, а также супесями и суглинками, сформированными за счет преобразования аллювиальных и субаэральных отложений. Для субаэрального комплекса характерны многочисленные криогенные нарушения (текстуры просадки, псевдоморфозы, конжефлюкционные и оплывневые деформации), которые иногда полностью преобразуют первичные отложения до солифлюксия. При этом в солифлюксии артефакты являются переотложенными.

Всего на поселении зафиксировано 36 сооружений в виде впадин без обваловки и с обваловкой, а также 2 наземные конструкции с приямками.

На территории выявленного объекта фиксируются многочисленные разрушения антропогенного характера: грунтовые дороги, ямы, бульдозерные врезки и сдвиги, выемки грунта. Общая площадь поселения Евра-28 составляет 75 604 м^2, из них не менее 12 280 м^2, разрушено в результате хозяйственной деятельности. Современное состояние выявленного объекта культурного наследия оценивается как аварийное.

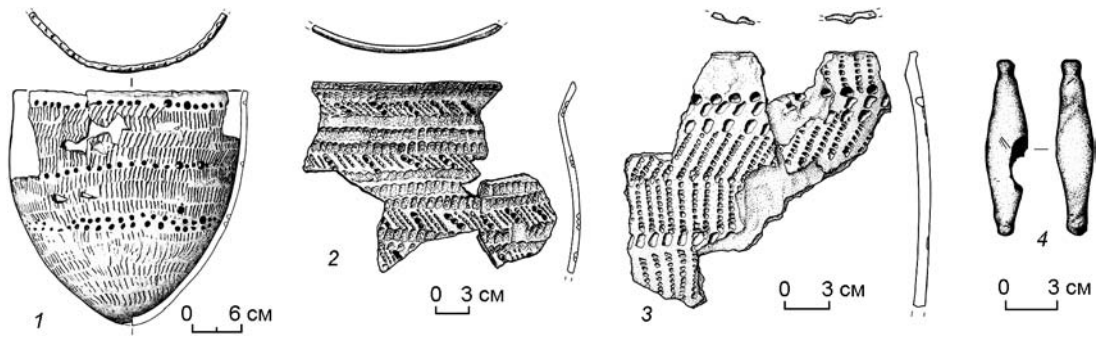
В ходе охранно-спасательных работ получена коллекция, насчитывающая около 1000 артефактов, включающая находки, зафиксированные в раскопе, подъёмный материал, собранный у береговой кромки р. Евра и фрагмент сосуда русского времени, переданный местными жителями.

Наиболее высокая концентрация находок зафиксирована в раскопе 2 и приурочена к древнему погребенному подзолу. Следует отметить, что погребенный подзол, как правило, является маркером древних конструкций, однако в процессе работ не зафиксировано каких-либо элементов сооружений или столбовых ям. Вполне вероятно, что на данном участке поселения древняя конструкция существовала, но в результате выемки грунта под автодорогу была уничтожена.

Керамический комплекс представлен фрагментами сосудов (см. *рисунок, 1–3*) и двумя керамическими грузилами (целым (см. *рисунок, 4*) и фрагментированным).

Морфологически большая часть фрагментов сосудов относится к верхней части тулова. Частичная реконструкция сосудов позволила выделить несколько основных групп керамики. Некоторые группы сходны морфологически, но отличаются сочетанием орнаментальных элементов.

Крупные остродонные сосуды с прямыми стенками (см. *рисунок, 1, 3*). Венчик прямой, либо скошен внутрь. Толщина стенок 0,5–1 см. Орнамент представлен разнообразными вариациями гребенчатого и фигурного штампа по всей поверхности сосудов, рядами ямочных вдавлений по плечику, в некоторых случаях и по тулову. Орнамент на срезе венчика оформлен рядами гребенчатых штампов и волнообразным защипыванием. Тесто этой группы керамики отличается значительной примесью



Керамические изделия поселения Евра-28.

1, 2 – фрагменты сосудов эпохи поздней бронзы; *3* – фрагмент сосуда (энеолит); *4* – грузило.

песка крупных фракций, отчего поверхность слоится и крошится. Внутренняя поверхность грубо обработана щепой или травой, видны следы в виде неглубоких неравномерных параллельных борозд. Вероятно, сосуды лепились на основе или в основе, о чем говорят характерные оттиски на их поверхности. Использовалась техника лоскутного налепа.

Круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой, слегка наклоненной внутрь шейкой и раздутым туловом. Венчик округлый либо скошен внутрь. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Орнамент представлен наклонными рядами гребенчатого штампа и рядом слабовыраженных заглаженных жемчужин по шейке сосуда, тулово не орнаментировано. Орнамент на срезе венчика – ряды гребенчатого штампа. Керамика вылеплена из качественного теста, содержащего примесь шамота и песка, имеет хороший обжиг. Поверхность сосудов хорошо обработана, отмечаются линейные следы заглаживающего инструмента (трава, щепа).

Круглодонные слабопрофилированные сосуды с прямой отогнутой наружу шейкой (см. *рисунок, 2*). Венчик скошен внутрь и наружу. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Орнамент представлен разнообразными вариациями гребенчатого и фигурного штампа, повторяющимися по всей поверхности сосудов. Срез венчика скошен наружу, орнаментирован и идентичен орнаменту по тулову. Керамика вылеплена из качественного теста, содержащего примесь шамота и песка, имеет хороший обжиг.

Круглодонные сосуды с прямыми тонкими стенками. Венчик округлый либо прямой. Толщина стенок до 0,5 см. Орнамент представлен разнообразными вариациями гребенчатого штампа по всей поверхности сосудов, рядом ямочных, часто сквозных вдавлений по плечику. Керамика вылеплена из качественного теста, содержащего примесь шамота и песка, хорошего обжига.

Предметы каменной индустрии представлены орудиями труда и продуктами расщепления камня. К орудийному набору относятся скребки – 6 экз. (концевые, боковой и с ретушью на ¾ периметра), а также шлифованные предметы: тесло, наконечник, ножевидная пластина, стамески (2 экз.). Среди продуктов расщепления камня имеются отщепы – 12 экз., пластины – 2 экз., чешуйка. Отдельно выделим отщепы со шлифованных орудий – 4 экз. Огранка дорсалов у сколов продольная, бипродольная и первичная, определимые остаточные ударные площадки в основном гладкие и линейные. В качестве сырья для производства каменных орудий использовался кремень и окремненные породы.

Таким образом, в результате выполненных работ на поселении Евра-28, на участках, подверженных значительным разрушениям антропогенного характера, удалось получить массовый археологический материал, датируемый эпохами неолита, энеолита, поздней бронзы (VI тыс. до н.э. – рубеж II–I тыс. до н.э.) [Кокшаров, 2009; Кокшаров, 2015; Косинская, 2006]. Анализируя полученные данные и привлекая материалы других территориально близких археологических объектов, опираясь на уже известные верифицированные данные о палеоэкологии региона, динамике и характере взаимодействий разных групп древнего населения, преемственности традиций и инновациях в сфере хозяйственно-экономической деятельности, необходимо проводить реконструкцию историко-культурных процессов, происходивших на территории Кондинской низменности в эпоху голоцена.

Список литературы

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 272 с.

Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. … докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2015. – 47 с.

Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археол. конгр. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 16–40.

Проект мероприятий по обеспечению сохранности выявленных объектов культурного наследия «стоянка Черная речка-6» и «поселение Евра-28» под объект «Участки подъездной автодороги на Карабашские 1, 2, 3 л/у для строительства мостовых переходов через р. Евра и р. Речка Черная» в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – Екатеринбург, 2015.

References

Koksharov S.F. Pamyatniki eneolita severa Zapadnoi Sibiri. Yekaterinburg: Volot, 2009, 272 p. (in Russ.).

Koksharov S.F. Kul’tura naseleniya severa Zapadnoi Sibiri v bronzovom veke: doct. sc. (history) dissertation abstract. Yekaterinburg, 2015, 47 p. (in Russ.).

Kosinskaya L.L. Neolit taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri. In *Arkheologicheskoe nasledie Yugry. Plenarnyi doklad II Severnogo arkheologicheskogo kongressa. 24–30 sentyabrya 2006 g., g. Khanty-Mansiysk.* – Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Charoid, 2006, pp. 16–40 (in Russ.).

Proekt meropriyatii po obespecheniyu sokhrannosti vyyavlennykh ob”ektov kul’turnogo naslediya «stoyanka Chernaya rechka-6» i «poselenie Evra-28» pod ob”ekt «Uchastki pod”ezdnoi avtodorogi na Karabashskie 1, 2, 3 l/u dlya stroitel’stva mostovykh perekhodov cherez r. Evra i r. Rechka Chernaya» v Kondinskom raione Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga-Yugry. Yekaterinburg, 2015 (in Russ.).

УДК 902.2, 502.8

А.В. Постнов[1], А.А. Дудко[1], А.Г. Рыбалко[1], Е.В. Вилисов[4], И.Д. Зольников[1, 2, 3], А.А. Картозия[2, 3], Н.В. Басова[1], А.В. Выборнов[1, 2], А.А. Цыбанков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[4]Институт истории и археологии УрО РАН
E-mail: vb.anton@gmail.com

Спасательные археологические раскопки 2016 года в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

В 2016 г. проведены спасательные археологические раскопки в бассейне р. Конда. Исследования сконцентрированы на поселении Сотник-3, расположенном на правом берегу р. Конды ниже Леушинского Тумана и в районе ансамбля памятников у устья р. Сумпанья. Это сильно заболоченная местность без выходов на дневную поверхность литифицированных пород. В ходе спасательных работ на объектах исследован культурный слой и археологические сооружения в створе землеотвода и на сопредельных участках; получены материалы по истории местного населения в эпоху мезолита – поздней бронзы; уточнены границы территории выявленных объектов; установлен характер и степень разрушения культурного слоя в границах испрашиваемой территории; определена возможность осуществления на ней хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: *Обь-Иртышский бассейн, река Конда, река Сумпанья, мезолит, энеолит, эпоха бронзы, геоморфология, спасательные раскопки.*

A.V. Postnov[1], A.A. Dudko[1], A.G. Rybalko[1], E.V. Vilisov[4], I.D. Zolnikov[1, 2, 3], A.A. Kartozija[2, 3], N.V. Basova[1], A.V. Vybornov[1, 2], A.A. Tsybankov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[4]Institute of History and Archaeology SB RAS
E-mail: vb.anton@gmail.com

Rescue Archaeological Excavations of 2016 in Kondinsk District of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

In 2016 rescue archaeological excavations were carried out in the river Konda basin. Research focused on the site Sotnik-3, located on the right bank of Konda below Leushinsky Tuman and in the ensemble of monuments at the mouth of the river Sumpanya. It is very swampy terrain without exits to the surface lithified rocks. During the rescue operations at the sites studied cultural layer and archaeological structures in the alignment of land allocation and neighboring areas; received materials on the history of the local population in the Mesolithic period – the Late Bronze Age; refined border areas of the sites; the character and extent of the destruction of the cultural layer within the boundaries of the claimed territory; it identified the possibility for the business.

Keywords: *Ob-Irtysh basin, Konda river, Sumpanya river, Mesolithic, Chalcolithic, Bronze Age, geomorphology, rescue excavations.*

В 2016 г. ИАЭТ СО РАН совместно с исследователями из Института истории и археологии УрО РАН и Научно-аналитического центра проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ-Наследие» провели работы на ряде объектов в Кондинском р-не. Исследования были связаны с выполнением мероприятий по сохранению объектов культурного наследия в ходе строительства и реконструкции инфраструктурных сооружений.

Бассейн р. Конда располагается в административных границах Кондинского р-на, занимающего юго-западную часть Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Слабовыраженная долина Конды расположена в сильнозаболоченной Кондинской низменности между Туринской равниной и нижним течением Иртыша. Археологическое изучение бассейна Конды связано с поисками уральских и западносибирских специалистов, а также исследованиями в связи с активным хозяйственным освоением этой территории. Здесь были выделены археологические объекты от эпохи мезолита до этнографической современности. Отдельным периодам и проблемам археологии Конды посвящены крупные исследовательские проекты [Гаджиева, 1993; Собольникова, 1999; Беспрозванный, Погодин, 2006; Кокшаров, 2009].

Проведенные геоморфологические исследования и изыскания по четвертичной геологии позволяют считать, что наиболее распространены на территории исследований обширные равнинные площадки II и III надпойменных террас, которые сложены озерно-аллювиальными отложениями среднечетвертичного возраста в нижней части и перекрыты верхнечетвертичными субаэральными образованиями. Можно сделать следующие выводы.

1) В районе исследований нет выходов на дневную поверхность литифицированных пород, которые могли бы использоваться в качестве сырья для изготовления каменных орудий. Таковым сырьем могли являться лишь обломки литифицированных пород в виде валунов и галек.

2) Территория находится внутри стабильного неотектонического блока (Кондинско-Тобольская неотектоническая мегаступень) Западно-Сибирской плиты, что исключает возможность проявления сколько-нибудь значимых неотектонических деформаций в рельефообразующей толще четвертичного возраста.

3) На протяжении поздненеоплейстоцен-голоценового времени на территории исследований происходил врез речных долин и их заполнение разновозрастными озерно-аллювиальными отложениями. На пространствах междуречий развивались денудационные процессы, приводящие к размыву среднечетвертичных образований и их сносу на более низкие гипсометрические уровни делювиальными, эоловыми и солифлюкционными процессами. Кроме того, в голоцене образовались обширные поля распространения болотных отложений.

Археологические раскопки на поселении Сотник-3 стали самым восточным участком работ 2016 г. в бассейне Конды. Поселение выявлено в 1996 г. сотрудником ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» А.Е. Старковым в процессе проведения работ по обследованию автодороги [Старков, 1996]. Поселение расположено в северо-западной части обширного мысовидного выступа правобережной коренной террасы Конды, поросшего смешанным лесом, высотой до 10,5 м. Поселение занимает площадку и склон террасы, ограниченный с юга, запада и северо-запада пойменным болотом и руслом ручья, вытекающего из болота Сотниковского. Ярко выраженные в рельефе объекты поселения (впадины, в том числе с обваловкой, «курганообразная» насыпь) расположены вдоль края террасы и по верхней части ее склона. На территории поселения фиксируются масштабные техногенные нарушения культурных отложений и сооружений.

В ходе раскопок было исследовано 749,7 м^2 части поселения, попадающего в зону строительства автомобильной дороги. Культурные отложения зафиксированы в темно-коричневом иллювиально-железистом горизонте почвы мощностью до 0,35 м. Раскоп занимает окраину поселения Сотник-3, затронутую техногенным воздействием. Концентрация находок на этом участке минимальна. Все артефакты представлены фрагментами керамических сосудов. Камеральными исследованиями выделены две группы сосудов, ассоциируемые с эпохой неолита и бронзы. Фрагменты первой группы, датируемой эпохой неолита, слабопрофилированы, орнаментированы горизонтальными рядами вертикальных оттисков гребенчатого штампа и горизонтальным рядом наклонных линий и зигзагов в 3 ряда; шагающей гребенкой, горизонтально расположенными рядами, в 2 ряда. Фрагменты второй группы определяются эпохой бронзы, слабопрофилированы, орнаментированы гребенчатым штампом с мелкими зубьями и простым штампом вертикальными рядами; оттиском полой трубки; отступающей гребенкой.

Крупнейший участок исследования 2016 г. в бассейне р. Конда связан с комплексом памятников на левом берегу нижнего течения р. Сумпанья. Памятники располагаются компактной группой, занимая участок левобережной террасы от устья р. Сумпанья до старого моста через реку. По мате-

риалам стационарных археологических исследований 1978, 1980, 1984, 1985 гг., культурный слой в пределах ансамбля имеет мощность от 0,5 до 1,0 м.

Общая стратиграфическая последовательность отложений первой надпойменной террасы р. Сумпанья была вскрыта серией шурфов, заложенных на разных гипсометрических уровнях. Были прослежены две пачки отложений. Верхняя, субаэральная пачка, представлена горизонтами современной почвы, перевеянными песками и лессовидными суглинками и супесями. В пачке распространены псевдоморфозы по сегрегационным и повторножильным льдам, а также криогенные инволюции. Кроме того, в слоях субаэрального генезиса наблюдались текстуры солифлюкционного течения отложений. Мощность пачки варьируется от 1,2 м до 1,5 м в разных частях археологических объектов. Нижняя, аллювиальная пачка, включающая отложения как русловой (мелко-среднезернистые светло-серые пески с различными флювиальными слоистостями), так и пойменной фации (темно-серые суглинки, неслоистые или с линзовидной слоистостью). Прослеженная видимая мощность пачки составила около 5 м. В целом, геологическое строение изученных отложений объектов, расположенных на площадке первой надпойменной террасы, однотипно в разных точках наблюдения. Вместе с тем присутствует некоторая структурно-текстурная изменчивость отложений обеих описанных пачек.

На территории объектов изучен культурный слой и сооружения, получены предметы материальной культуры различных периодов от мезолита до эпохи бронзы. На стоянке Сумпанья-3 изучено одно сооружение хозяйственного назначения, собрана незначительная коллекция керамики, датируемой эпохой энеолита – ранней бронзы, и единичные каменные изделия. На поселении Сумпанья-4/а зафиксирован орнаментированный фрагмент тулова керамического сосуда. На местонахождении (селище) Сумпанья-5 скорректирована граница распространения культурного слоя на обитаемой площадке. На поселении Сумпанья-6 установлено, что в раскопанной части поселения культурный слой в значительной степени деформирован либо разрушен в результате функционирования грунтовой дороги. В непотревоженных слоях памятника на этом участке работ сохранился культурный слой, содержащий материалы эпохи мезолита и поздней бронзы. В ходе работ выявлены два сооружения и ямы, имеющие, вероятно, хозяйственное назначение. На поселении Сумпанья-11 установлено, что культурный слой в исследованной части поселения в пределах испрашиваемого землеотвода уничтожен. Отдельные его участки сохранились на глубине не менее 0,7 м, преимущественно в заполнении сооружений. В ходе работ исследовано сооружение хозяйственного назначения, собрана значительная коллекция керамики, датируемая эпохами неолита – бронзы, а также несколько изделий из камня.

Археологические объекты поселения Сотник-3 и комплекса памятников Сумпанья содержат археологические материалы, изучение которых существенно уточняет понимание культурно-исторических процессов на территории Западной Сибири эпохи мезолита – бронзы. В результате проведенных исследований, та часть археологических объектов, которая входит в постоянный землеотвод строительства и реконструкции автодорог и трубопроводов, изучена полностью. Оставшиеся части памятников надежно законсервированы.

Список литературы

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит Севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 167–170.

Гаджиева Е.А. Неолит бассейна р. Конды: автореферат дис. … канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 17 с.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 272 с.

Собольникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита – ранней бронзы: автореферат дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 1999. – 22 с.

Старков А.Е. Отчет о НИР по теме: Историко-культурная экспертиза трасс реконструируемых автодорог п. Мортка – п. Сотник и на п. Междуреченский в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 году // Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1, № 404.

References

Besprozvannyi E.M., Pogodin A.A. Mezolit Severa Zapadnoi Sibiri: itogi izucheniya. In Sovremennye problemy arkheologii Rossii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. I, pp. 167–170 (in Russ.).

Gadzhieva E.A. Neolit basseina r. Kondy: cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 1993, 17 p. (in Russ.).

Koksharov S.F. Pamyatniki eneolita severa Zapadnoi Sibiri. Yekaterinburg: Volot, 2009, 272 p. (in Russ.).

Sobolnikova T.N. Goncharnye traditsii nizovii Kondy v epokhu neolita-rannei bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 1999, 22 p. (in Russ.).

Starkov A.E. Otchet o NIR po teme: Istoriko-kul'turnaya ekspertiza trass rekonstruiruemykh avtodorog p. Mortka – p. Sotnik i na p. Mezhdurechenskii v Kondinskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga v 1996 godu. *Arkhiv IA RAN*, F.1, R. 1, No. 404 (in Russ.).

УДК 902.2

В.С. Славинский[1], А.А. Цыбанков[1], Д.Н. Лысенко[2], Н.И. Дроздов[1], И.Д. Зольников [1, 3], А.М. Клементьев[2, 4], М.Н. Мещерин[2], С.А. Гладышев[1], Е.С. Богданов[1], А.В. Нетета[5], А.В. Барков[2], В.П. Леонтьев[1], В.И. Макулов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]ООО «Красноярская Геоархеология»
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[4]Институт земной коры СО РАН
[5]Кустанайский государственный университет
E-mail: Slavinski@yandex.ru

Исследование памятника Афонтова Гора II в 2016 году

В 2016 г. были продолжены охранно-спасательные работы на памятнике верхнего палеолита Афонтова Гора II, расположенном на высоком коренном склоне левого берега р. Енисей. Общая площадь исследованных участков составила 1020 м². В результате исследований было обнаружено несколько сотен артефактов. Избирательная локализация фаунистических остатков в отдельных пунктах является искусственным фактором, связанным с деятельностью человека. Все найденные в 2016 г. каменные артефакты (отбойники; струги, нуклеусы, скребла и др.) относятся к афонтовской культуре и не имеют резких технико-типологических различий между слоями.

Ключевые слова: *верхний палеолит, афонтовская культура, каменные орудия.*

V.S. Slavinskii[1], A.A. Tsybankov[1], D.N. Lysenko[2], N.I. Drozdov[1], I.D. Zolnikov[1, 3], A.M. Klementev[2, 4], M.N. Meshcherin[2], S.A. Gladyshev[1], E.S. Bogdanov[1], A.V. Neteta[5], A.V. Barkov[2], V.P. Leontiev[1], V.I. Makulov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]LLC "Krasnoyarsk Geoarchaeology"
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[4]Institute of Earth's Crust SB RAS
[5]Kustanai State University
E-mail: Slavinski@yandex.ru

Investigation of Archaeological Site Afontova Mountain II in 2016

In 2016 we continued security and rescue work on the monument of the Upper Paleolithic Afontova Mountain II, located on a high slope of the radical left bank of the river Yenisei. The total area of the studied areas was 1,020 m². As a result of research several hundred of artifacts were found (studies ongoing). Selective localization of faunal remains in some areas is an artificial factor associated with human activities. All found in 2016 artifacts (rumble strips, cores, scrapers, etc.) belong to Afontova culture and have no sharp techno-typological differences between the layers.

Keywords: *Upper Paleolithic, Afontova culture, stone tools.*

В 2016 г. продолжились многолетние археологические исследования на памятнике Афонтова Гора II – классическом объекте позднего палеолита Сибири [Ауэрбах, Сосновский, 1932; Абрамова, 1979; Астахов, 1999; Артемьев, 2004; Дроздов, Артемьев, 2007; Деревянко и др., 2014; Славинский и др., 2014; Fu et al., 2016; Чикишева и др., 2016]. Работы проводились на крутом высоком коренном склоне левого берега р. Енисей, на 15–25 м выше аллювиальных отложений второй

надпойменной террасы реки. Общая площадь исследованных участков составила 1020 м^2 (работы продолжаются). На крутом склоне в 35–40° были выявлены литологические напластования с двумя культурными слоями (горизонтами обитания). Здесь на палеозойских аргиллитах и фрагментах коры выветривания (снизу вверх) в стратиграфической последовательности залегают (нумерация слоев предварительная, требующая дальнейшей корреляции с генеральными разрезами прошлых лет исследования):

Слой 3. Параллельное полого наклонное переслаивание палевой и бурой легкой супеси и светло-серого пылеватого песка. Слои слабо изогнуты и раздерганы солифлюкционными процессами. Генезис – делювий. Мощность около 1,5 м.

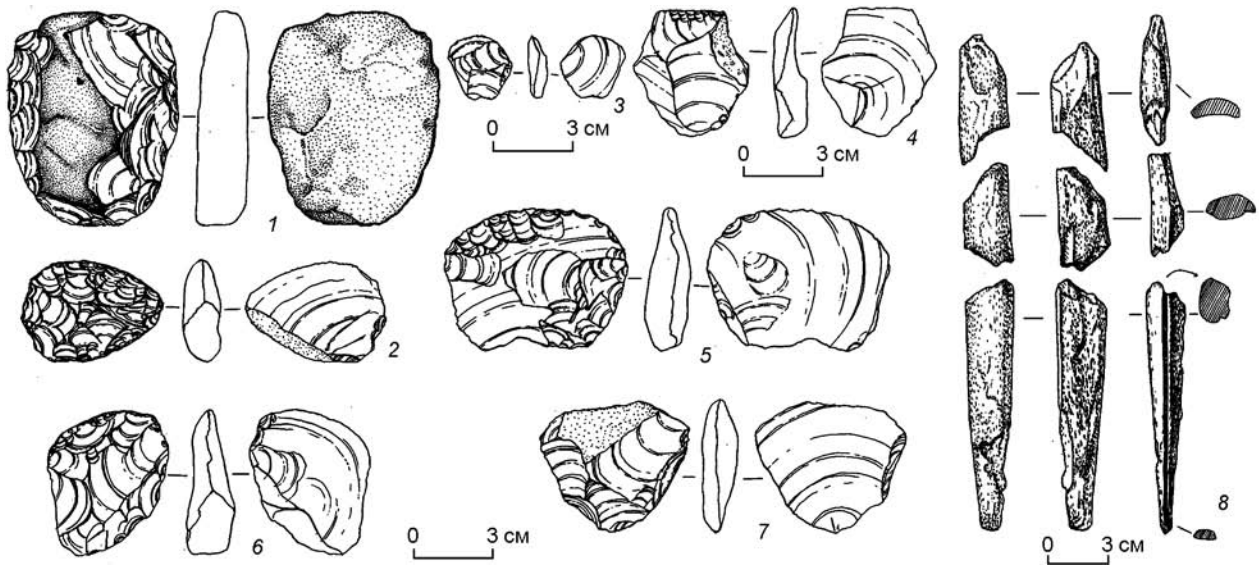
Слой 2. Палево-бурая неслоистая легкая супесь с кротовинами. Генезис – лесс. Отмечается два прослоя с карбонатными выцветами, каждый из которых, около 15 см, толщиной перекрыт прослоем тонкозернистого песка толщиной до 5 см. По всей видимости, это эфемерные палеопочвы с размытым гумусовым горизонтом, но с сохранившимся иллювиальным карбонатным горизонтом. Нижняя палеопочва прослеживается на уровне 1,5–1,7 м от основания раскопа, а верхняя на уровне 1,9–1,7 м. С севера на юг происходит раздвоение этих палеопочв за счет солифлюкционных преобразований. Мощность до 2,0 м.

Слой 1. Гумусированный слой с повсеместными следами современной техногенной деятельности в виде остатков временных построек и бытового мусора.

Согласно исследованиям 2014–2015 гг. археологические находки афонтовской культуры финального палеолита Сибири приурочены к субаэральному покрову, лежащему на аллювии II НПТ, и к одновозрастным ему делювиальным отложениям, входившим в состав субаэрального покрова III НПТ, который на границе позднеледниковья и голоцена был вовлечен в блоково-поточными оползни, надвинувшиеся на поверхность II НПТ. В 2016 г. с помощью серии шурфов и раскопов в верхней части склона над террасовыми площадками выявлены закономерности строения субаэрального покрова, не затронутого постседиментационными оползнями. Зафиксирован наклон палеопочв и делювиальной слоистости до 35–45°, а в ее центральной области наблюдается слабонаклонное залегание прослоев и слойков от долей градуса до нескольких градусов. Примечательно, что к отложениям, перекрывающим участки субгоризонтального или очень пологого склона, как раз и приурочено большинство археологических находок. Здесь в ненарушенном оползнями залегании находятся отложения субаэрального водораздельного комплекса (лессы, делювий, палеопочвы), а отложения III надпойменной террасы Енисея (как это считалось ранее) отсутствуют.

Археологический материал располагался на изученной площади крайне неравномерно, практически без явных скоплений, в подошве второго и кровле третьего слоя. В результате исследований (с августа по ноябрь 2016 г.) было обнаружено несколько сотен артефактов. Остеологический материал в большинстве имеет высокую степень идентификации – в локальных пунктах до 100 %. Состав видов позволяет говорить о высоком разнообразии фаунистического сообщества. На костях имеются немногочисленные погрызы хищников. Доказательствами искусственности тафоценоза служат не только находки каменного инвентаря, но и некоторые тафономические особенности. Первой особенностью является присутствие крупных и мелких видов мясной добычи. Заячьи остатки имеют сохранившиеся элементы тушек, что не характерно для логовищ крупных хищников, так или иначе уничтожающих остатки в голодный период. Второй особенностью является доминирующая роль анатомических сочленений, как правило, костных отбросов первичной разделки туш охотниками. В условиях постоянного присутствия хищников в первую очередь страдают от погрызов эпифизы костей в суставах. Наличие полных костей (баран, заяц) свидетельствует о хорошей обеспеченности пищей. Встречены остатки 11 видов, среди которых волк и песец представлены единичными остатками. Из копытных типичным видом является северный олень, основной промысловый вид в позднем плейстоцене долины р. Енисей. Среди немногочисленных находок других копытных наиболее интересными являются кулан и шерстистый носорог. Локализация скоплений на отдельных участках позволяет предварительно выделить разносезонные костища. Например, летний сезон добычи можно установить по остаткам конечности молодой особи марала (слой 2). От зайцев сохранились передние и задние лапки, тазобедренные отделы (слой 3), которые принадлежали взрослым особям, что характерно для холодного периода года. Таким образом, избирательная локализация фаунистических остатков в отдельных пунктах является искусственным фактором, связанным с деятельностью человека.

Каменные артефакты слоя 2 представлены целыми и колотыми гальками со следами использо-



Находки. Афонтова Гора II. Раскопки 2016 г.

1 – скребло на колотой гальке; *2, 6* – скребла на отщепах; *3, 4, 7* – отщепы с ретушью; *5* – скребло-нож с обушком на крупном отщепе; *8* – фрагменты костяного одностороннего пазового изделия.

вания; отбойником; стругами, скреблами разного типа (см. *рисунок, 7*). Каменные артефакты слоя 3 представлены отбойником; нуклеусом торцовым встречного принципа расщепления для мелких пластин; отщепами с ретушью (см. *рисунок, 3, 4*); скреблом-ножом с обушком на крупном отщепе (см. *рисунок, 5*); скреблами на колотой гальке и на отщепах (см. *рисунок, 1, 2, 6*); техническими сколами и др. изделиями. Также в слое 3 обнаружено фрагментированное костяное одностороннее пазовое изделие (см. *рисунок, 8*).

Полученные в ходе археологических раскопок каменные артефакты являются дополнением к большой коллекции, исследованной за предыдущие годы на памятнике. Все найденные в 2016 г. артефакты относятся к афонтовской культуре и не имеют резких технико-типологических различий между слоями. Отличительной чертой этих находок является их нетипичный, «неожиданный» характер залегания – крутой береговой склон, это позволяет считать такие зоны перспективными для дальнейшего исследования. Несмотря на то, что часть сохранившихся культурных слоев незначительно подверглась блоковому смещению вниз по склону, основная часть культурных отложений зафиксирована в непотревоженном состоянии. Учитывая этот фактор, мы, возможно, выявили участок, представлявший собой в древности «зону укрытия» в ущелье древнего лога, имеющего крутые скальные стенки.

Предварительный археологический и фаунистический анализ материалов, проведенный группой специалистов, показал важность нового полученного материала для дальнейшего проведения охранно-спасательных раскопок одного из опорных памятников позднего палеолита Южной Сибири.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 156 с.

Артемьев Е.В. Афонтова гора II. Новые данные. Дополнения к контексту // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 17–20.

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 208 с.

Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора // Труды комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР. – М.; Л., 1932. – № 1. – С. 45–113.

Деревянко А.П., Славинский В.С., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Цыбанков А.А., Деев Е.В., Рыбалко А.Г., Стасюк И.В., Харевич В.М., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Дудко А.А., Ломов П.К. Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 431–434.

Дроздов Н.И., Артемьев Е.В. Палеолит Афонтовой горы: последние данные – новые вопросы // Архео-

логия, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 39–45.

Славинский В.С., Акимова Е.А., Лысенко Д.Н., Томилова Е.А., Кукса Е.Н., Дроздов Н.И., Анойкин А.А., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Гревцов Ю.А., Ломов П.К., Дудко А.А. Костяная индустрия стоянки Афонтова Гора II (по результатам раскопок 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 435–437.

Чикишева Т.А., Слепченко С.М., Зубова А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Дроздов Н.И., Лысенко Д.Н. Антропологическая характеристика нижней челюсти и первого шейного позвонка (атланта) с местонахождения Афонтова гора II // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 3. – С. 150–157.

Fu Q., Posth C., Hajdinjak M., Petr M., Mallick S., Fernandes D., Furtwängler A., Haak W., Meyer M., Mittnik A., Nickel B., Peltzer A., Rohland N., Slon V., Talamo S., Lazaridis I., Lipson M., Mathieson I., Schiffels S., Skoglund P., Derevianko A.P., Drozdov N., Slavinsky V., Tsybankov A., Cremonesi R.G., Mallegni F., Gély B., Vacca E., González Morales M.R., Straus L.G., Neugebauer-Maresch C., Teschler-Nicola M., Constantin S., Moldovan O.T., Benazzi S., Peresani M., Coppola D., Lari M., Ricci S., Ronchitelli A., Valentin F., Thevenet C., Wehrberger K., Grigorescu D., Rougier H., Crevecoeur I., Flas D., Semal P., Mannino M.A., Cupillard C., Bocherens H., Conard N.J., Harvati K., Moiseyev V., Drucker D.G., Svoboda J., Richards M.P., Caramelli D., Pinhasi R., Kelso J., Patterson N., Krause J., Pääbo S., Reich D. The genetic history of Ice Age Europe // Nature. – 2016. – No. 534. – P. 200–205.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 156 p. (in Russ.).

Artem'ev E.V. Afontova gora II. Novye dannye. Dopolneniya k kontekstu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. X, pt. I, pp. 17–20 (in Russ.).

Astakhov S.N. Paleolit Eniseya. Paleoliticheskie stoyanki na Afontovoi gore v g. Krasnoyarske. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 1999, 208 p. (in Russ.).

Auerbakh N.K., Sosnovskii G.P. Materialy k izucheniyu paleoliticheskoi industrii i uslovii ee nakhozhdeniya na stoyanke Afontova gora. In *Trudy komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda pri AN SSSR*. Moscow, Leningrad, 1932, No. 1, pp. 45–113 (in Russ.).

Chikisheva T.A., Slepchenko S.M., Zubova A.V., Slavinskii V.S., Tsybankov A.A., Drozdov N.I., Lysenko D.N. An Upper Paleolitic Human Mandible and a Fivst Cervical Vevtebra from Afontova Gora II. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2016, No. 3, pp. 150–157.

Derevyanko A.P., Slavinskii V.S., Chikisheva T.A., Zubova A.V., Slepchenko S.M., Zolnikov I.D., Lysenko D.N., Drozdov N.I., Tsybankov A.A., Deev E.V., Rybalko A.G., Stasyuk I.V., Kharevich V.M., Artem'ev E.V., Galukhin L.L., Bogdanov E.S., Dudko A.A., Lomov P.K. Novye antropologicheskie nakhodki epokhi paleolita so stoyanki Afontova Gora II (predvaritel'noe opisanie, kratkii stratigraficheskii i arkheologicheskii kontekst). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 431–434 (in Russ.).

Drozdov N.I., Artem'ev E.V. The Paleolitic Site of Afontova Gora: Recent Findings and New Issues. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 1, pp. 39–45.

Fu Q., Posth C., Hajdinjak M., Petr M., Mallick S., Fernandes D., Furtwängler A., Haak W., Meyer M., Mittnik A., Nickel B., Peltzer A., Rohland N., Slon V., Talamo S., Lazaridis I., Lipson M., Mathieson I., Schiffels S., Skoglund P., Derevianko A.P., Drozdov N., Slavinsky V., Tsybankov A., Cremonesi R.G., Mallegni F., Gély B., Vacca E., González Morales M.R., Straus L.G,, Neugebauer-Maresch C., Teschler-Nicola M., Constantin S., Moldovan O.T., Benazzi S., Peresani M., Coppola D., Lari M., Ricci S., Ronchitelli A., Valentin F., Thevenet C., Wehrberger K., Grigorescu D., Rougier H., Crevecoeur I., Flas D., Semal P., Mannino M.A., Cupillard C., Bocherens H., Conard N.J., Harvati K., Moiseyev V., Drucker D.G., Svoboda J., Richards M.P., Caramelli D., Pinhasi R., Kelso J., Patterson N., Krause J., Pääbo S., Reich D. The genetic history of Ice Age Europe. *Nature*. 2016. No. 534, pp. 200–205.

Slavinskii V.S., Akimova E.A., Lysenko D.N., Tomilova E.A., Kuksa E.N., Drozdov N.I., Anoikin A.A., Artem'ev E.V., Galukhin L.L., Bogdanov E.S., Stepanov N.S., Grevtsov Yu.A., Lomov P.K., Dudko A.A. Kostyanaya industriya stoyanki Afontova Gora II (po rezul'tatam raskopok 2014 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 435–437 (in Russ.).

УДК 902.21

А.А. Цыбанков[1], А.В. Выборнов[1, 2], И.Д. Зольников[1, 2, 3], С.В. Колонцов[1], П.К. Ломов[1, 2], А.В. Постнов[1], А.А. Присекайло[1], В.С. Славинский[1], И.А. Батаргина[1, 2], А.А. Картозия[2, 3], В.А. Чертыков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: vb.anton@gmail.com

Археологические разведки в долине Оби в 2016 году

В 2016 г. продолжены исследования долины Оби, островов и берегов Новосибирского водохранилища. Ниже плотины было исследовано памятное место Юрт-Оры, на котором найдены материалы отдельных периодов от эпохи бронзы до этнографической современности. Были уточнены границы, дана атрибуция, планиграфическая и стратиграфическая характеристика 122 объектов в урочище Барсова Гора, датируемых от неолита до позднего Средневековья. В районе Нижнего Приобья исследования были сосредоточены на протяжении Белогорской возвышенности. Обнаружены свидетельства распространения позднеплейстоценовой фауны и человеческой деятельности, предположительно, эпохи верхнего палеолита. Разведки показали перспективность и эффективность широкомасштабных разведок в долине Оби как на известных объектах, так и малознакомых археологам территориях.

Ключевые слова: *Обь-Иртышский бассейн, река Обь, Новосибирское водохранилище, Барсова Гора, Белогорская возвышенность, верхний палеолит, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, палеонтология, геоморфология.*

A.A. Tsybankov[1], A.V. Vybornov[1, 2], I.D. Zolnikov[1, 2, 3], S.V. Kolontsov[1], P.K. Lomov[1, 2], A.V. Postnov[1], A.A. Prisekaylo[1], V.S. Slavinskiy[1], I.A. Batargina[1, 2], A.A. Kartozija[2, 3], V.A. Chertykov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: vb.anton@gmail.com

Archaeological Exploration in the Ob River Valley in 2016

In 2016 research of the valley Ob River, the islands and the coast of the Novosibirsk Reservoir was continued. Below the dam was investigated memorable place Yurt-Ora, submissions on the archeology of the Novosibirsk Ob individual periods from the Bronze Age to the ethnographic present. The boundaries were clarified, was given attribution, planigraphic and stratigraphic features of the 122 objects in the Barsova Mountain, dating from the Neolithic to the Late Middle Ages. In the Lower Ob studies have focused on the Belogorsk upland. We found evidence of spread of Late Pleistocene fauna and human activity, presumably the Upper Paleolithic. Exploration demonstrated the effectiveness of large-scale perspective and intelligence in the Ob valley known as objects, and archaeologists unfamiliar territories.

Keywords: *Ob-Irtysh basin, the river Ob, Novosibirsk Reservoir, Barsova Mountain, Belogorsk upland, Upper Palaeolithic, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, the Middle Ages, paleontology, geomorphology.*

Бассейн реки Обь объединяет различные историко-географические регионы Северной Евразии – с юга на север – от Алтая до Северного Ледовитого океана и с востока на запад – от Солгонского кряжа до Урала. Крупнейшие реки Западной Сибири, Обь и Иртыш, выступают естественными

транспортными путями, источниками важных ресурсов и центрами притяжения жизнедеятельности разнообразного населения от палеолита до этнографической современности. Сведения об археологических объектах обь-иртышского региона появляются в атласах С.У. Ремезова, становятся предметом исследования участников академических экспедиций XVIII в. и продолжаются в наши дни. В частности, накоплены сведения о расположении и характере археологических памятников на берегах Оби от истока до устья. Они составляют значительную часть источниковой базы по археологии Северной Азии, выступают основой ряда культурно-хронологических схем, участвуют в построении теоретических конструктов, описывающих историю региона и сопредельных территорий. В 2016 г. в долине Оби проведена серия археологических полевых работ, результаты которых направлены на развитие мероприятий по сохранению объектов археологического наследия. Эти работы концентрировались в трех основных районах – Новосибирское водохранилище, Барсова Гора, западные склоны Белогорской возвышенности.

В 2014–2015 гг. экспедициями ИАЭТ СО РАН были проведены археологические разведки на островах Новосибирского водохранилища и в прибрежной зоне Оби, которые показали перспективность исследования данной территории. Были обследованы острова и берега от с. Кирза до с. Завьялово (2014 г., открыты шесть археологических объектов раннего железного века и Средневековья), от д. Тула до г. Камня-на-Оби и участок г. Камня-на-Оби до с. Мереть (2015 г., открыты два объекта эпохи Средневековья и Нового времени) [Цыбанков и др., 2014; Цыбанков и др., 2015]. Исследования были продолжены в 2016 г. Общая протяженность обследованного участка водохранилища от Верх-Ирмени (Ордынский р-н) до с. Боровое (Остров Нечунаевский) (Новосибирский р-н) – 220 км. Было обследовано 15 островов. В этом году разведкой обследовались места, малоперспективность которых соответствовала ранее установленной гипотезе о размещении археологических объектов, датируемых преимущественно эпохой Средневековья, на берегах, высотой 3–15 м от современного уреза водохранилища. Археологические объекты не были обнаружены.

Ниже Новосибирского водохранилища в 2016 г. проведены рекогносцировочные раскопки на территории памятного места, расположенного в северной части деревни Юрт-Оры для изучения выраженного в рельефе вала и его возможной принадлежности к средневековому городищу. Работы проводились на территории «Памятного места Юрт-Оры», расположенного на территории с. Юрт-Оры Скалинского сельсовета Колыванского р-на Новосибирской обл. Это были первые археологические исследования на площади достопримечательного места, в ходе которых найден разновременный археологический материал от эпохи бронзы до этнографического времени, включающий фрагменты керамики (эпоха бронзы, ирменская культура), кости животных, кованые гвозди, фрагменты железных ножей и железных изделий. Также обнаружено детское погребение, от которого уцелел только череп, и неразрушенное погребение взрослого человека без сопроводительного инвентаря. Исследования опровергли предположение о наличии укрепленного городища на территории современного с. Юрт-Ора, но подтвердили заинтересованность в его археологическом изучении.

В 2016 г. ИАЭТ СО РАН были продолжены работы по инвентаризации объектов археологического наследия в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Основные усилия были сосредоточены на территории известного в исторической литературе места – урочища Барсова Гора в окрестностях г. Сургута. Барсова Гора является крупнейшим местом концентрации археологических объектов в долине Оби. Данное место имеет огромное историко-культурное значение для понимания исторических процессов в обширном регионе Сургутского Приобья. На сегодняшний день исследователями выявлено и поставлено на охрану более 200 объектов археологического наследия (с эпохи неолита до этнографической современности) [Чемякин, Зыков, 2004]. История изучения Барсовой Горы насчитывает более 100 лет и связана с работами первых сибирских археологов (Фр. Мартиным, В.Ф. Казаковым и др.), также долгое время на памятниках работала стационарная экспедиция Института истории и археологии УрО РАН, в 1990-е годы администрацией Сургутского р-на было создано МАУ «Барсова Гора». За годы предыдущих исследований накоплена представительная археологическая коллекция по истории Западной Сибири.

В 2016 г. проведены разведочные работы, в ходе которых исследованы 123 известных археологических объекта (селища, городища, могильники и стоянки): составлены подробные топографические схемы, проведен ряд разведочных мероприятий по определению границ объектов и культурно-хронологической атрибуции. К вы-

разительным предметам, пополнившим коллекцию Барсовой Горы можно отнести каменный нож с памятника селище Барсова гора III/36; фрагменты металлических изделий раннего железного века (бронзовое спиралевидное змеевидное изображение) с памятника городище Барсов городок I/8; каменный терочник с селища Барсова гора I/21.

Особое значение имело изучение процессов геологического формирования урочища. Изучение разрезов и анализ геоморфологической ситуации свидетельствует, что Барсова гора представляет собой эрозионный останец, основание которого сложено среднечетвертичным гляциокомплексом самаровского оледенения. Субширотный отрезок Оби, на котором расположен г. Сургут, ориентирован вдоль границы максимального оледенения. Согласно мелкомасштабной карте четвертичных отложений к северу от субширотной Оби расположено зандровое поле самаровского оледенения. Это зандровое поле представлено в основном песками с валунами, галькой и гравием, имеются линзы морен. Как правило, зандровые пески с поверхности перевеяны или облекаются лессовидным покровом.

С целью оптимизации предварительных работ по спасательным археологическим исследованиям и систематизации материалов, полученных в рамках предшествующих исследований, в 2016 г. был проведен осмотр берегов Оби от Новосибирска до Белогорской возвышенности. В рамках исследовательской программы был собран картографический материал, архивные и литературные сведения об археологических объектах, геоморфологии и четвертичной геологии этой территории; на речном судне пройден путь от Новосибирского водохранилища до Горной Оби; разведочными маршрутами изучен правый берег Оби вдоль западной окраины Белогорской возвышенности. Геоморфологическое районирование долины связано с определением гипсометрических отметок, изменением ландшафтных зон, характером берегов и притоков. Полевые исследования были сосредоточены на северном, нижнем районе долины, связанном с западной окраиной Белогорской возвышенности, которая разделяет долины Оби, Казыма, Назыма, приурочена к зоне «среднеплейстоценового оледенения и ее аккумулятивный холмисто-ложбинный рельеф имеет ледниковое происхождение» [Путеводитель экскурсии А-12, 1981, с. 3]. Археологические и геологические изыскания в ходе разведки были сконцентрированы на поиске оснований для выделения палеолитических объектов на Нижней Оби. Формулировка рабочей гипотезы предполагает, что верхнепалеолитические объекты сосредоточены на окраинах Белогорской возвышенности, сложенной моренами среднеплейстоценовых оледенений. Они должны быть связаны с террасами высотой до 6 м от исторически высокого уровня воды. Такие террасы, как правило, находятся в приустьевой зоне притоков, прижимах соров. В результате разведки обнаружены палеонтологические свидетельства, подтверждающие хорошо известные факты распространения позднеплейстоценовой фауны на территории Белогорской возвышенности. В моренном материале обильно представлены породы, подходящие для производства каменных изделий – кремни, различные кварциты и др. На бечевнике в районах рек Малый Кутас и Карымкары были подняты слабоокатанные артефакты предположительно палеолитического облика – заготовка нуклеуса, возможно, торцового, для скалывания мелких пластин и скребло одинарное выпуклое угловатое массивное на обломке. Авторы исследований склонны высоко оценивать перспективы обнаружения верхнепалеолитических объектов на низких террасах приустьевых участков правобережных притоков Оби ниже слияния с Иртышом. В абсолютном большинстве, на этих местах расположены современные поселения.

Проведенные исследования долины Оби посвящены различным проблемам, привязаны к разным климатическим зонам и культурно-хронологическим периодам. При этом полученные результаты позволяют обновить методическую составляющую разведочных и раскопочных исследований, скорректировать представления по археологии отдельных районов Западной Сибири и культурно-хронологические представления по истории населения Обь-Иртышского бассейна в целом.

Список литературы

Путеводитель экскурсии А-12. Средняя Обь, Белогорская возвышенность / под ред. С.А. Архипова. – М.: ВИНИТИ, 1981. – 54 с.

Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Постнов А.В., Марковский Г.И., Присекайло А.А. Результаты археологической разведки на островах Новосибирского водохранилища в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 442–445.

Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Присекайло А.А. Предварительные результаты археологической разведки на островах и в прибрежных зонах Новосибирского водохранилища и реки Оби в 2015 году // Проблемы

археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 592–596.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. – 208 с.

References

Chemyakin Yu.P., Zykov A.P. Barsova Gora: arkheologicheskaya karta. Surgut; Omsk: Omskii dom pechati, 2004, 208 p. (in Russ.).

Putevoditel' ekskursii A-12. Srednyaya Ob', Belogorskaya vozvyshennost' / pod red. S.A. Arkhipova. Moscow: VINITI, 1981, 54 p. (in Russ.).

Tsybankov A.A., Kolontsov S.V., Postnov A.V., Markovskii G.I., Prisekaylo A.A. Rezul'taty arkheologicheskoi razvedki na ostrovakh Novosibirskogo vodokhranilishcha v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 442–445 (in Russ.).

Tsybankov A.A., Kolontsov S.V., Prisekaylo A.A. Predvaritel'nye rezul'taty arkheologicheskoi razvedki na ostrovakh i v pribrezhnykh zonakh Novosibirskogo vodokhranilishcha i reki Obi v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 592–596 (in Russ.).

УДК 902.2

А.А. Цыбанков[1], С.В. Колонцов[1], А.А. Присекайло[1], А.В. Выборнов[1, 2], А.В. Постнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: caesar5@gmail.com

Результаты археологических исследований поселения Красноярский Борок-2 в 2015–2016 годах*

В рамках комплексного исследования островов Новосибирского водохранилища были проведены археологические раскопки на поселении Красноярский Борок-2. В результате работ был изучен культурный слой, содержащий артефакты эпохи Средневековья X–XIII вв. Общее количество полученного материала характеризует культурный слой как слабо насыщенный, что характерно для памятников эпохи Средневековья, расположенных в Новосибирском Приобье. Полностью исследованы три наземные конструкции, прилегающие друг к другу. По предварительным результатам археологических исследований конструкции являются культовыми сооружениями, а не поселенческим комплексом. Об этом свидетельствуют некоторые особенности, не характерные для жилищ: практически полное отсутствие находок в центре конструкций; отсутствие очагов внутри конструкции и за пределами; отсутствие в центре и по всему периметру конструкции следов столбовых ям; монументальность конструкции для временного жилища.

Ключевые слова: *Обь, Новосибирское Приобье, Новосибирское водохранилище, острова, археологические раскопки, Средневековье, поселение, культовое сооружение.*

A.A. Tsybankov[1], S.V. Kolontsov[1], A.A. Prisekaylo[1], A.V. Vybornov[1, 2], A.V. Postnov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: caesar5@gmail.com

Results of Archaeological Research of Settlement Krasnoyarsk Borok-2 in 2015–2016

As a part of complex research of Novosibirsk Reservoir islands Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS excavated on settlement Krasnoyarsk Borok-2. As a result of that work the cultural layer has been studied. It contains artifacts of the Middle Ages, particularly X–XIII century. The total amount of the obtained material is 183 units. It characterizes the cultural layer as a little saturated, that is quite typical for the Ob monuments of the Middle Ages. In addition, three ground adjacent constructions were fully investigated. The structures were represented by shallow pits and were surrounded by circular ditches with outlets and shafts. According to preliminary results of the archaeological research, these constructions were not settlements and have religious meaning. Some of the features not typical for homes evidence this: the complete absence of finds in the center of the structures; the absence of hearths inside and outside the structure; the absence of pits traces in the center and in the entire area of the structure; construction are too monumental to be a temporary habitation.

Keywords: *Ob, Novosibirsk region of the Ob, Novosibirsk Reservoir, islands, archaeological sites, medieval, settlement, religious building.*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Территория ложа Новосибирского водохранилища была исследована в 1952–1954 гг. Новосибирской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М.П. Грязнова [Грязнов и др., 1973]. В этот период было изучено более 50 разнотипных археологических объектов. Большинство из них располагалось на затапливаемом низком левом берегу Оби. На высоких участках берегов, которые после наполнения водохранилища стали островами, были известны и исследовались только объекты на острове Борок – грунтовый могильник Крутиха-V и поселение Крутиха-VI [Молодин, 1977, с. 26; Кирюшин, 1990]. Примечательно, что именно возникшие острова являются наиболее приближенными к бывшему руслу и сохранившими древние отложения. Изучению этих островов были посвящены экспедиции ИАЭТ СО РАН 2014–2016 гг., во время которых открыто семь памятников. В ходе археологической разведки в Ордынском р-не Новосибирской обл. в 2014 г. на острове Красноярский Борок было выявлено поселение Красноярский Борок-2. Оно было частично исследовано раскопами в 2015–2016 гг.

Поселение Красный Борок-2 расположено южнее центра острова. Площадка, где обнаружен памятник, находится в понижении, окаймленном грядами и дюнами, сильно ограничивающим обзор с территории объекта. Рельефные признаки объекта представлены относительно субгоризонтальной площадкой в центральной части ложбины или широкого лога, в котором фиксируется 11 структур (конструкций) округлой или подовальной форм, которые четко фиксируются на поверхности и не вызывают сомнений в своем антропогенном происхождении.

Конструкции представляют собой неглубокие западины, окруженные кольцевыми рвами с перемычками-выходами, причем извлеченный в процессе копки рва грунт отсыпался внутрь круга, создавая некое подобие вала. Таким образом, внешний борт рва получался ниже внутреннего борта, а сформированный круг возвышался над дневной поверхностью на 0,15–0,4 м. Диаметр структур (по рву) – от 9 до 14 м. В данном случае под понятием «ров» подразумевается окопочный ров (или «ровик») шириной до 1,9 м, глубиной до 0,6 м в своем современном состоянии (т.е. на момент фиксации).

В расположении обнаруженных структур относительно друг друга существует закономерность. В группу 1 входят структуры № 1–6. Причем объекты № 3–6 так близко расположены друг к другу, что их рвы в плане выглядят как касающиеся или даже пересекающиеся окружности, в то время как конструкции № 1 и 2 расположены на расстоянии 2–4 м к западу и юго-западу. К группе 2 относятся конструкции № 7 и 8, которые почти касаются рвами, но находятся на расстоянии 12 м и 6 м от 1 и 3 групп соответственно. В группу 3 входят конструкции № 9–11. Рвы в плане выглядят как касающиеся или даже пересекающиеся окружности. Группа расположена в 20 м к востоку от группы 1 и в 6 м к юго-востоку от группы 2.

В ходе работ 2014 г. на выявленном археологическом объекте Красноярский Борок-2 в южной части конструкции № 5 в стенке и на дне рва были обнаружены неорнаментированные фрагменты керамического сосуда. По результатам разведки Красноярский Борок-2 предположительно отнесен к поселенческому типу памятников и дана предварительная культурно-хронологическая атрибуция – Средневековье.

В 2015–2016 гг. на территории поселения были проведены археологические раскопки. В 2015 г. было раскопано 225 м^2, в 2016 г. – 95 м^2. Раскоп № 1 заложен в центральной части памятника и захватывает конструкции № 4, 5 и 6. Выбор места раскопа был обусловлен следующими факторами: наилучшая рельефная выраженность конструкции; удачное расположение конструкций (при небольшом объеме раскопа получается хорошая выборка).

Дневная поверхность раскопа относительно пологая. На ней хорошо читаются вал, рвы и перемычки-выходы от трех конструкций (№ 4–6). В результате снятия первого горизонта стали частично видны контуры заполнения рвов и центральных частей конструкции. Также определено, что все конструкции имеют общий ров, а конструкция № 4 имеет перемычку с конструкцией № 5.

Второй горизонт был пройден до светло-желтого песка (стерильный слой) и окончательно оголил контуры конструкций, которые представляют собой объекты округлой формы, окруженные кольцевым рвом и валом, отсыпанным на внутреннюю сторону (см. *рисунок*). Заполнение рвов и центральных частей конструкций № 4–6 представляет собой светло-серую супесь. Ширина рвов колеблется от 0,5 до 1,3 м. Ширина вала местами достигает 3 м, высота – от 0,10 до 0,25 м. Структура сформирована перемесом светло-желтого песка со светло-серой супесью, который, в свою очередь, образует светло-коричневую супесь. Местами в кровле вала (вал конструкции № 6) обнаружен археологический материал. Сами структуры прилегают друг к другу, создавая общие детали конструкций (ров).

При разборе конструкций и вскрытии слоя светло-серой супеси за их пределами обнаружены почвенные аномалии, представлявшие как сви-

Поселение Красноярский Борок-2 после снятия второго горизонта, разбора заполнения рва и центральной части конструкции № 5. Вид с юга.

детельства древней антропогенной деятельности, так и естественные их нарушения. Как правило, это углубления с заполнением с повышенным содержанием угольков, в том числе с археологическим материалом.

В результате раскопок был получен стратиграфический разрез, который представлен сверху вниз следующими отложениями:

Слой 1. Супесь средняя гумуссированная темно-серая в кровле до черного. Структура пористая, текстура пятнистая с пятнами более светло-коричневых супесей. Включает корни и реликты корней растений. Новообразования и нарушения отсутствуют. Нижняя граница неточная, ясная, пологоволнистая. Граница проведена по изменению цвета осадка. Вероятный генезис слоя – гумусовый горизонт, современная почва. Мощность слоя не выдержана и составляет от 0,05 до 0,2 м на различных участках раскопов.

Слой 2. Супесь средняя светло-серая. Структура пылеватая, к подошве более плотная. Текстура пятнистая с пятнами супесей более светлых и темно-серых оттенков. Включает корни растений и их реликты, а также культурный слой с археологическим материалом (объекты, ров, вал, артефакты). Новообразования и нарушения отсутствуют. Вероятный генезис слоя – иллювиальный горизонт почвы, в нижней части преобразованный в результате человеческой деятельности на поселении (более плотный и более серый). Мощность слоя, с учетом рва, варьирует от 0,1 до 0,35 м.

Слой 3. Песок светло-желтый перевеянный, структура пористая. Текстура субгоризонтально слоистая. Включения представлены следами корней растений. Новообразования присутствуют в виде линий и пятен ожелезнений. Нарушения присутствуют в виде рва и впущенных объектов в слой. Вероятный генезис слоя – эоловые пески, сформированные за счет перевеивания надпойменных террас Оби. Время образования – поздний плейстоцен – основная часть голоцена. Видимая мощность слоя 0,15 м.

Слой 4. Супесь светло-коричневая. Структура пылеватая, плотная. Текстура пятнистая с включениями светло-серой супеси до светло-желтого песка. Включения и новообразования отсутствуют. Генезис слоя – выброс из рва, образующий вал (перемес слоев 2 и 3). Мощность слоя до 0,27 м.

В результате раскопок вскрыт культурный слой, содержащий артефакты эпохи Средневековья

X–XIII в. Находки эпохи Средневековья залегали во втором слое и были распределены неравномерно по всей части раскопа. В составе находок – фрагменты различных частей керамических сосудов, каменные изделия, фрагменты костей животных и шлаки. Основная масса находок (107 единиц) концентрировалась в северной, южной и восточной части рва конструкции № 5. На вале обнаружено 44 ед., основная масса которых расположена в южной части (в кровле и в подошве вала пятой конструкции). В центральной части конструкции № 5 обнаружено всего 15 предметов, тяготеющих к краям структуры. В центральной части конструкций № 4–6 обнаружено 11 единиц. За пределами конструкций найдено 8 предметов.

В целом, исследованная часть объекта характеризуется небольшой насыщенностью культурного слоя (1–2 находки на м^2), полным отсутствием следов столбовых конструкций жилищ и отсутствием наружных и внутренних очагов.

Обнаруженная керамика представлена тремя типами сосудов, выделенными по морфологии. Первый тип – горшок закрытой формы с почти прямыми стенками. Стенки сосуда 8–15 мм, не профилированные. В составе теста присутствует дресва, шамот, небольшая доля иных крупнодисперсных включений, песка и органики. Само тесто рыхлое, неплотное, расслаивающееся, предположительно, для формовки изначально выбиралась глина с примесями и включениями (за исключением дресвы и шамота). Фрагменты не орнаментированы. Второй тип – сосуд открытой формы, фрагменты без орнамента. Стенки – слабопрофилированные 6–8 мм. В составе теста присутствует редкая мелкая дресва, песок. Само тесто плотное, твердое, слоистое. Третий тип – банка открытой формы. Толщина стенок сосуда 6–8 мм, слабопрофилированные. В составе теста присутствует шамот, небольшая доля иных крупнодисперсных включений, песка и органики. Само тесто плотное, предположительно для формовки изначально выбиралась глина с примесями и включениями. Орнаментация сосуда осуществлялась путем вдавлений палочкой по периметру шейки сосуда.

По предварительным результатам археологических исследований 2015–2016 гг. конструкций № 4–6 можно сделать вывод о том, что они являются не наземными жилищами, а относятся, вероятно, к культовым сооружениям. Об этом свидетельствуют следующие особенности, не характерные для жилищ:

а) конструкции представляют собой неглубокую западину с широким валом, образованным выбросом из рва;

б) основное сосредоточение артефактов в ровике и практически полное их отсутствие в центре конструкций;

в) отсутствие прокалов;

г) отсутствие в центре и по всему периметру конструкции следов столбовых ям;

д) отсутствие структур в конструкциях.

Список литературы

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севостьянова Э.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск, 1973. – Вып. 85. – С. 3–44.

Кирюшин Ю.Ф. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. – Барнаул, 1990. – 131 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

References

Gryaznov M.P., Troitskaya T.N., Umanskii A.P., Sevost'yanova E.P. Arkheologicheskaya karta poberezh'ya Novosibirskogo vodokhranilishcha. *Voprosy arkheologii Sibiri*. Novosibirsk, 1973, iss. 85, pp. 3–44 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F. Pamyatniki istorii i kul'tury severo-zapadnogo Altaya. Barnaul, 1990, 131 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 171 p. (in Russ.).

УДК 902.1

А.А. Цыбанков[1], Р.А. Першин[1], С.В. Алкин[1], В.В. Ахметов[1],
К.Н. Назаров[1], О.А. Шеломихин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Благовещенский государственный педагогический университет
E-mail: akhmetovladimir@yandex.ru

Спасательные археологические работы в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2016 году (Амурская область)

В 2016 г. в зоне затопления Нижнебурейской ГЭС Отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН были изучены памятники Букинский Ключ-1, Букинский Ключ-3, Малые Симичи на территории Бурейского р-на Амурской обл. На памятнике Букинский Ключ-1 была вскрыта площадь 408 м^2. На памятнике Букинский Ключ-3 раскопки проводились на площади 323,2 м^2. На памятнике Малые Симичи был заложен раскоп в 215 м^2. Комплекс находок с Букинского Ключа-1 и Букинского Ключа-3 относится к раннему железному веку (урильская культура), раннему Средневековью (михайловская культура). Комплекс находок с Малых Симичей относится к урильской культуре. В результате работ 2016 г. были проведены спасательные археологические раскопки памятников Букинский Ключ-1, Букинский Ключ-3, Малые Симичи.

Ключевые слова: *Амурская область, спасательные археологические раскопки, урильская культура, михайловская культура, ранний железный век, Средневековье.*

A.A. Tsybankov[1], R.A. Pershin[1], S.V. Alkin[1], V.V. Akhmetov[1],
K.N. Nazarov[1], O.A. Shelomikhin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Blagoveshchensk State Pedagogical University
E-mail: akhmetovladimir@yandex.ru

Rescue Archaeological Excavations of 2016 in Inundation Area of Lower Bureya Hydro-electric Power Station (Amur Region)

Department of Rescue Archaeology of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS investigated the Bukinsky Klyuch-1, Bukinsky Klyuch-3, Malye Simichi sites in inundation area of Lower Bureya HEP at the territory of the Bureya district of the Amur region. The excavation area of the Bukinsky Klyuch-1 site amounted to 408 m^2. The excavation area of the Bukinsky Klyuch-3 site amounted to 323.2 m^2. The excavation area of the Malye Simichi site amounted to 215 m^2. Presented complex of findings from this sites dates from the early Iron Age (Uril culture) and the early Middle Ages (Mikhailovo culture). The cultural attribution of findings from the Malye Simichi is Uril culture. The result of 2016 excavation campaign is the complete archaeological excavation of Bukinsky Klyuch-1, Bukinsky Klyuch-3, Malye Simichi sites.

Keywords: *Amur Region, rescue archaeological excavations, Uril culture, Mikhailovo culture, Early Iron Age, Middle Ages.*

В полевом сезоне 2016 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические раскопки памятников Букинский Ключ-1, Букинский Ключ-3, Малые Симичи в зоне предполагаемого затопления ложа Нижнебурейской ГЭС в Бурейском р-не Амурской обл.

Памятник Букинский Ключ-1 расположен на правом берегу р. Буреи в 11 км вверх по течению от бывшего с. Бахирево, в 150–200 м ниже впадения в Бурею Букинского ключа. Участок высокой поймы в этом месте (4–7 м над урезом воды в период меженного стояния) с севера и с юга ограничен двумя перпендикулярными к руслу реки сухими водотоками. В ходе работ 1997, 1999 и 2001 гг. было исследовано 372 м^2 площади поселения. Изучены комплексы раннего железного века (урильской культуры), три жилища раннесредневековой михайловской культуры [Нестеров и др., 2008].

В 2015 г. на памятнике был заложен раскоп в 102 м^2, который примыкал к западной стенке раскопа предыдущих лет. В процессе исследования обнаружены котлованы подквадратной формы с остатками двух построек. Судя по стратиграфическому разрезу, фрагментам деревянных конструкций, найденным артефактам, это были жилища 4 и 5 михайловской культуры. В том же культурном горизонте имелись четыре ямы, которые, скорее всего, использовались в хозяйственных целях [Цыбанков и др., 2015].

Раскоп 2016 г. площадью 408 м^2 примыкал с севера, запада, юга к раскопу 2015 г., который, в свою очередь, примыкал к северо-западной стороне раскопов 1997, 1999 и 2001 гг. [Древности Буреи, 2000, с. 28–29; Нестеров и др., 1997]. Во время работ 2016 г. были полностью изучены жилища 4 и 5, ямы 4 и 5, обнаружены и изучены ямы 8–16. Обобщенная стратиграфия памятника представляет собой последовательное чередование слоев (сверху вниз). Слой 1 – современный дерново-гумусовый горизонт, в некоторых местах имеющий поддерновый прослой. Слой 2 – стерильный песок. Слой 3 – первая погребенная почва; в ней были обнаружены находки в небольшом количестве. Слой 4 – серо-желтая супесь (4.1) с лежащими под ней прослоями дресвы (4.2), образованными, вероятнее всего, в результате выбросов при рытье котлованов для жилищ. Слой 5 – вторая погребенная почва, которая содержала находки михайловской культуры. Слой 6 – стерильный песок. Слой 7 – третья погребенная почва. Слой 8 – плотный серо-желтый суглинок с прослоями дресвы.

Археологическая коллекция включает 1036 ед. Находки, главным образом, располагались в заполнении жилищных западин, ям-промоин, которые могли использоваться в хозяйственных целях. Собранный материал представлен, в основном, фрагментами керамических сосудов (996 экз.), большей частью михайловской культуры (широкогорлые открытые горшки) (рис. 1, *1*, *2*), и в отдельных случаях урильской культуры. Кроме того, были найдены железные изделия: фрагмент лезвийной части ножа (рис. 1, *3*) и сильно пострадавший от коррозии бесформенный предмет; бронзовое изделие – вероятно, фрагмент бронзовой подвески (рис. 1, *6*). Каменные артефакты представлены наконечником стрелы с бифасиальной обработкой (рис. 1, *5*), каменным топором (рис. 1, *4*), отщепами. В жилище 5 отмечены мелкие фрагменты костей, в т.ч. кальцинированные, а также плохо сохранившаяся челюсть и зубы животного.

Памятник Букинский Ключ-3 располагается на правобережье р. Буреи на участке террасы, ограниченной с севера и юга сухими водотоками, между стоянками Букинский Ключ-1 с севера и Букинский Ключ-2 с юга. Он был открыт в 1988 г. во время разведочного обследования территории, прилегающей к уже известным на тот момент букинским памятникам. [Древности Буреи, 2000, с. 29, рис. 9].

В 2016 г. проведены стационарные раскопки памятника на площади 323,2 м^2. Общая стратиграфия памятника представляет собой последовательное чередование литологических слоев. Слой 1 – дерново-гумусный горизонт. Слой 2 – стерильный песок светло-желтого цвета с прослоями мешанной суглинистой супеси – выкида из старых исследовательских шурфов на площади раскопа. Слой 3 – первая погребенная почва. Находки, обнаруженные в слое, относятся в основном к михайловской культуре, за исключением нескольких фрагментов керамики, относящихся к урильской археологической культуре. Слой 4 – стерильный песок. Слой 5 – вторая погребенная почва. Слой 6 – серый суглинок, материковый слой. Находки на всей площади раскопа обнаруживались только в слое 3 (первая погребенная почва). Археологический материал распространен на всей площади, но не равномерно. Наибольшая его концентрация связана с самой возвышенной частью релки. Коллекция находок представлена 1489 предметами. Подавляющее большинство – это фрагменты керамических сосудов (1462 экз.). В частности, это фрагменты сосудов михайловской (рис. 1, *7*, рис. 2, *4*) и урильской культур (рис. 2, *1–3*). Каменные артефакты представлены, в основном, отщепами. Также в коллекции имеются фаунистические останки. Комплекс предметов относится к раннему железному веку (урильская культура) и раннему Средневековью (михайловская культура).

Релка, на которой располагался памятник, вероятно, использовалась лишь для эпизодического пребывания охотников и рыболовов (об этом го-

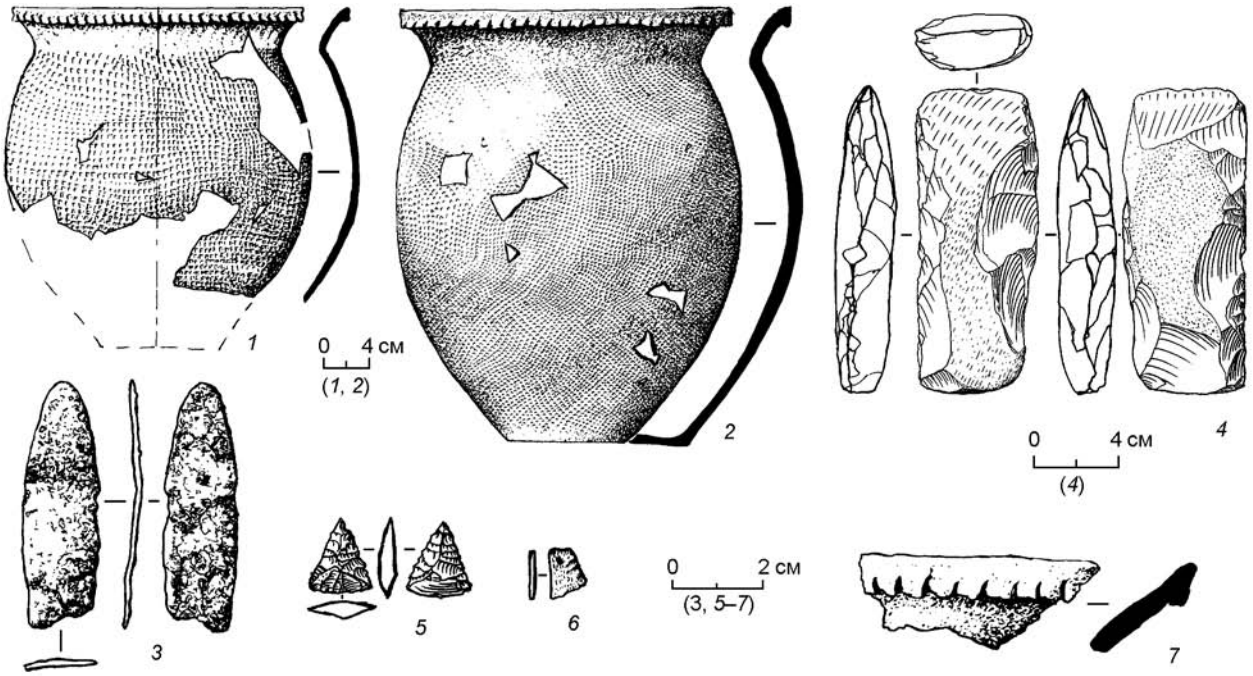


Рис. 1. Археологические находки с памятников Букинский Ключ-1 (*1–6*), Букинский Ключ-3 (*7*).
1, 2 – сосуды михайловской культуры; *3* – фрагмент железного ножа; *4* – каменный топор; *5* – каменный наконечник стрелы; *6* – фрагмент бронзовой подвески; *7* – фрагмент венчика сосуда михайловской культуры.

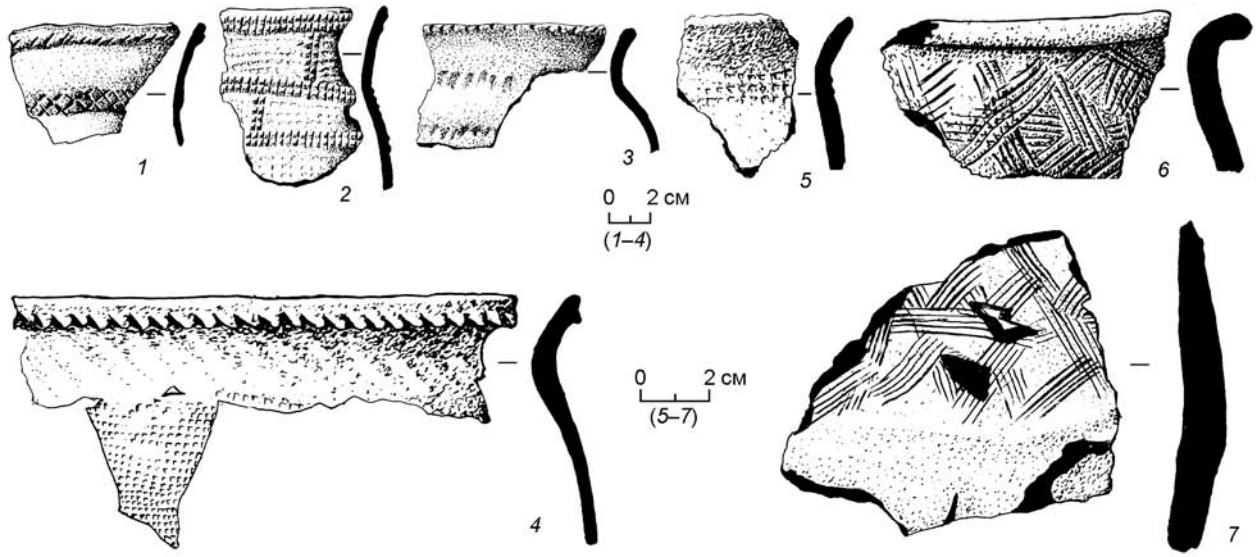


Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов с памятников Букинский Ключ-3 (*1–4*) и Малые Симичи (*5–7*).
1–3, 5–7 – урильская культура; *4* – михайловская культура.

ворит большое количество находок фрагментов керамических сосудов) без разведения мощных и продолжительных костров (на памятнике зафиксировано лишь два небольших пятна прокала).

Памятник Малые Симичи открыт А.И. Мазиным в 1978 г., дополнительно обследовался А.В. Гребенщиковым и С.П. Нестеровым в 1988 г. В 1994 г. Д.П. Болотиным здесь проведены стационарные раскопки на площади 100 м^2, охватившие юго-западную часть релки, на которой расположен памятник. Он содержит слой урильской культуры, в кровле которого найдены отдельные фрагменты керамики талаканской культуры.

Релка, на которой обнаружен памятник, расположена в нижнем течении левого берега р. Малые Симичи, в 200 м к востоку от ее современного русла и в 700 м севернее р. Буреи и Малых. Высота релки над современной дневной поверхностью дна сухого русла древней протоки – около 5 м. В плане она вытянута по оси северо-восток – юго-запад,

к северо-востоку заметно понижаясь. В настоящее время это место не затопляется даже при больших паводках. По краю релки проходит полевая дорога, прорезавшая ее и разрушившая в некоторых местах культурный слой [Древности Буреи, 2000, с. 97–104].

В ходе работ на памятнике Малые Симичи было изучено 215 м^2 площади одним раскопом, прирезанным к юго-западной части раскопа 1994 г. Общая стратиграфия памятника представляет собой последовательное чередование литологических слоев. Слой 1 – дерново-гумусный горизонт. Слой 2 – стерильный песок. Слой 3 – первая погребенная почва. Находки, обнаруженные в слое, относятся к михайловской культуре и к урильской археологической культуре. Слой 4 – стерильный песок. Слой 5 – вторая погребенная почва, стерильный слой. Находки на всей площади раскопа обнаруживались только в слое 3 (первая погребенная почва). Всего в результате работ 2016 г. на памятнике Малые Симичи найдено 146 артефактов. Большую часть коллекции составляют фрагменты керамических сосудов (79 экз.), в т.ч. с поверхностью, окрашенной красной охрой, а также каменные предметы, представленные, главным образом, отщепами. В культурном отношении фрагменты сосудов относятся к урильской культуре (рис. 2, *5–7*).

В результате работ 2016 г. были проведены раскопки памятников Букинский Ключ-1, Букинский Ключ-3, Малые Симичи. Это позволило получить новые данные по планиграфии и стратиграфии объектов, в т.ч. их периферийных участков, а также археологический материал, уточняющий культурно-хронологическую схему заселения долины Буреи.

Список литературы

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Нестеров С.П., Алкин С.В., Богданов Е.С. Исследования на памятниках Букинский Ключ-1 и Безумка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 258–264.

Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36). – С. 32–42.

Цыбанков А.А., Нестеров С.П., Дудко А.А., Алкин С.В., Ахметов В.В., Шеломихин О.А., Першин Р.А. Предварительные результаты археологических работ в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2015 году (Амурская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 597–600.

References

Nesterov S.P., Alkin S.V., Bogdanov E.S. Issledovanija na pamjatnikakh Bukinskij kljuch-1 i Bezumka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, vol. III, pp. 258–264 (in Russ.).

Nesterov S.P., Durakov I.A., Shelomikhin O.A. Early Uritsky Culture Assemblage from Bukinsky Kluch, Bureya River. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 4 (36), pp. 32–42.

Nesterov S.P., Grebenshchikov A.V., Alkin S.V., Bolotin D.P., Volkov P.V., Kononenko N.A., Kuz'min Ja.V., Myl'nikova L.N., Tabarev A.V., Chernjuk A.V. Drevnosti Burei. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 352 p. (in Russ.).

Tsybankov A.A., Nesterov S.P., Dudko A.A., Alkin S.V., Akhmetov V.V., Shelomikhin O.A., Pershin R.A. Predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskikh rabot v zone zatoplenija Nizhneburejskoj gidroelektrostancii v 2015 godu (Amurskaja oblast'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 597–600 (in Russ.).

УДК 902.2

А.А. Цыбанков, В.С. Славинский, К.Н. Назаров, Е.С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: tsybankov@yandex.ru

Открытие нового памятника эпохи палеолита в Балахтинском районе Красноярского края

В 2016 г. были проведены разведочные работы по выявлению объектов историко-культурного наследия в зоне планирующегося капитального ремонта автомобильных дорог «Сибирь» и «Енисей» на территории Балахтинского р-на Красноярского края. С помощью разведочных шурфов было выявлено палеолитическое местонахождение, найдены каменные артефакты финальнопалеолитических (16–12 тыс. л.н.) афонтово-кокоревских индустрий. По предварительным оценкам площадь выявленного местонахождения составляет не менее 5000 м^2.

Ключевые слова: *палеолит, культурный слой, каменные орудия.*

A.A. Tsybankov, V.S. Slavinskiy, K.N. Nazarov, E.S. Bogdanov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: tsybankov@yandex.ru

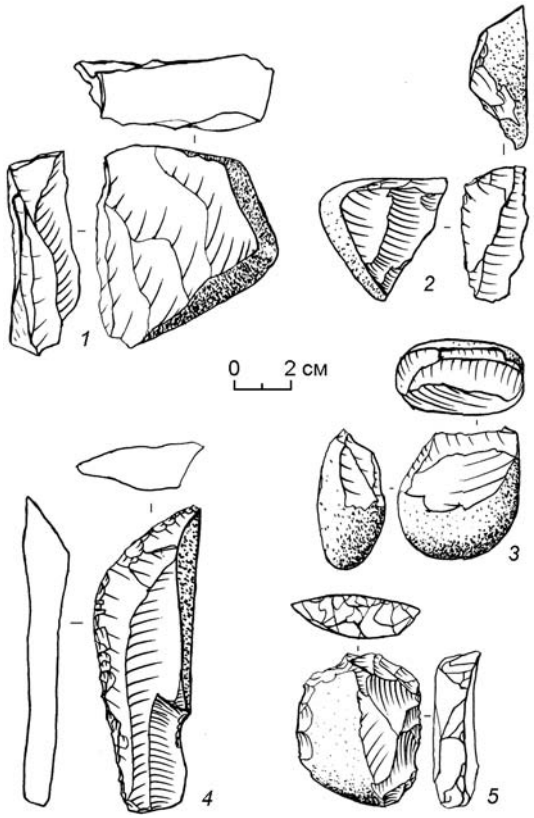
New Paleolithic Site Opening in Balakhta District, Krasnoyarsk Territory

In 2016, it was carried out exploration work on the identification of sites of historical and cultural heritage in the region is planned to overhaul roads "Siberia" and "Yenisey" in the territory Balakhta District, Krasnoyarsk Territory. With exploration pits were revealed Paleolithic location, found stone artifacts finally Paleolithic (16–12 kyr BP) Afontovo-Kokorevskoye industries. According to preliminary estimates of the identified location area at least 5000 square meters.

Keywords: *Paleolithic, cultural layer, stone tools.*

Осенью 2016 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН согласно договору субподряда № 306 были проведены разведочные работы по выявлению объектов историко-культурного наследия в зоне планирующегося капитального ремонта автомобильных дорог Р-255, Р-257 «Сибирь» и «Енисей» (по открытому листу № 1908 от 28 сентября 2016 года на имя Цыбанкова А.А.). С помощью 9 разведочных шурфов (2 × 2; 2 × 1 м) удалось выявить палеолитическое местонахождение. По предварительным оценкам его площадь составляет не менее 5000 м^2. Памятник расположен на границе Балахтинского и Новоселовского р-нов Красноярского края, в 4,5 километрах западнее д. Ямская и в 2,5 километрах к северу от пос. Чесноки. Выявленный объект археологического наследия (ОАН) расположен на краю высокой террасы и автодорога Р-257 «Енисей» прорезает объект, разделяя его на два участка. Абсолютные отметки современной поверхности, на которой находится данный объект, составляют от 434 до 436 м по Балтийской системе высот. Геоморфологически объект находится на водораздельной возвышенности в междуречье рр. Чулыма и Енисея. Восточный участок с севера ограничен лесопосадками и системой глубоких оврагов, территория в настоящий момент представляет степную залежь. Западный участок с севера ограничен также лесопосадками, с северо-востока имеет резкое понижение. Вся территория интенсивно распахана.

В 55 м к югу от автодороги зафиксирован курган тагарской культуры. Полы кургана сильно повреждены (срезаны) пахотными работами. По сведению местных жителей, еще два кургана, расположенные на площади ОАН, были распаханы



Каменные артефакты. Памятник Ямская-1.

1, 2 – нуклевидные крупные сколы с широким галечным обушком; *3* – галечное крупное орудие с прямым «режущим» рабочим лезвием; *4* – продольное выпуклое скребло на крупной пластине; *5* – концевой массивный скребок на крупном техническом «вторичном» сколе.

полностью в 80-е годы XX в. и визуально в настоящий момент не прослеживаются.

На площади памятника в целях установления его границ были заложены шурфы. В них выявлена следующая стратиграфическая ситуация:

Слой 1. Почвенный интенсивно-распаханный супесчанный горизонт черного цвета. Мощность 0,3–0,5 м.

Слой 2. Супесь светло-серая палевая лессовидная, легкая подзолистая. Генезис эоловый. Мощность 0,1–0,5 м.

Слой 3. Супесь слоистая легкая лессовидная коричневая (от светло- до темно-коричневого сверху вниз). По цвету прослеживаются три подгоризонта, разделенные на неровные марганцевые (?) прослойки. Генезис эолово-делювиальный. В кровле слоя обнаружены каменные артефакты. Пройденная самым глубоким шурфом мощность 1,4 м.

Археологические материалы были обнаружены в четырех шурфах. Все находки из камня обнаружены в третьем слое и представлены следующими артефактами: нуклевидными крупными сколами с широким галечным обушком в количестве двух экземпляров (см. *рисунок, 1, 2*); галечным крупным орудием с прямым «режущим» рабочим лезвием (см. *рисунок, 3*); продольным выпуклым скреблом на крупной пластине. Ударная площадка заготовки гладкая, сильно скошенная к вентралу, дорсальная поверхность субпараллельная однонаправленная. Рабочее лезвие оформлено по всей длине заготовки дорсальной чешуйчатой полукрутой крупной и средней ретушью (см. *рисунок, 4*).

Также обнаружен концевой массивный скребок на крупном техническом «вторичном» сколе. Выпуклое рабочее лезвие оформлено дорсальной чешуйчатой крупной отвесной и крутой ретушью. Такой же ретушью притуплены продольные края заготовки (см. *рисунок, 5*).

Технико-типологический облик изделий указывает на принадлежность этих артефактов широкому кругу финально палеолитических (16–12 тыс. л.н.) афонтово-кокоревских индустрий, широко распространенных на территории юга Средней Сибири [Абрамова, 1979а, б; Лисицын, 2000]. Технический облик обнаруженной здесь пластины, скорее всего, является признаком кокоревской культуры. Так или иначе, дальнейшие исследования памятника скорректируют наши знания о выявленном объекте.

Таким образом, в результате разведочных работ выявлено местонахождение с частично сохранившимся культурным слоем эпохи палеолита, а так же проведен мониторинг состояния курганного могильника раннего железного века. Дальнейшие мероприятия для сохранения объектов культурного значения напрямую связаны с планированием ремонта и расширения дорожного полотна в зоне памятника археологии. Не исключено, что в ближайшее время объекты будут исследованы по всей площади, попадающей в зону строительства.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 156 с.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 199 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 232 с.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kul’tura. Novosibirsk: Nauka, 1979a, 156 p. (in Russ.).

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979b, 199 p. (in Russ.).

Lisicyn N.F. Pozdniy paleolit chulymo-enisejskogo mezhdurechya. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 232 p. (in Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБАО	–	Агинский Бурятский автономный округ
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет
АН РТ	–	Академия наук Республики Татарстан
АН РУз	–	Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР	–	Академия наук СССР
БГУ	–	Белорусский государственный университет
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр СО РАН
ВАОН	–	Вьетнамская академия общественных наук
ВИМАИВиВС	–	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГА в Тобольске	–	Государственный архив в г. Тобольске
ГАИО	–	Государственный архив Иркутской обл.
ГААК	–	Государственный архив Алтайского края (г. Барнаул)
ГАРБ	–	Государственный архив Республики Бурятии
ДВО РАН (АН СССР)	–	Дальневосточное отделение РАН (АН СССР)
ДВФУ	–	Дальневосточный федеральный университет
ЗИН РАН	–	Зоологический институт РАН
ИА РАН (АН СССР)	–	Институт археологии РАН (АН СССР)
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ	–	Иркутский государственный университет
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры РАН
ИНГГ СО РАН	–	Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
ИПОС СО РАН	–	Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН	–	Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭЧ СО РАН	–	Институт экологии человека СО РАН
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН (АН СССР)
ЛО ИА АН СССР	–	Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАЭ ОмГУ	–	Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МЦИФИ	–	Межконфессиональный центр историко-философских исследований
НАНУ	–	Национальная академия наук Украины
НГАХА	–	Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия
НИИЯЛИ	–	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НПЦ НСО	–	Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл.

ОАН	–	объект археологического наследия
ООСА	–	Отдел охранно-спасательной археологии
ПМА	–	полевые материалы автора
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РАН	–	Российская академия наук
САЭ КГПИ	–	Северо-Ангарская археологическая экспедиция Красноярского государственного педагогического института
СамГПУ	–	Самарский государственный педагогический университет
СВКНИИ ДВО РАН	–	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
СГСПУ	–	Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
УОБАО	–	Усть-Ордынский Бурятский автономный округ
УрО РАН	–	Уральское отделение РАН
ФИЦ УУХ СО РАН	–	Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Начало исследований на поселении Старый Московский Тракт-5 (Северо-Западная Бараба) 7

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Предварительные результаты палинологического анализа плейстоценовых слоев 12–17 в восточной галерее Денисовой пещеры 12

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) 15

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Панов В.С. Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край), Чик и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году 23

Вашков А.А., Санько А.Ф., Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В. Геологические условия размещения стоянки Бюза II 29

Волков П.В., Лбова Л.В. Мальтинские браслеты из богхеда 34

Гирченко Е.А. Технологии обжига и гончарные печи неолитического населения в районе среднего течения реки Янцзы 38

Гирченко Е.А., Варенов А.В. Рыболовство в долине среднего течения реки Янцзы в эпоху неолита (по материалам памятников района Санься) 42

Горюнова О.И. Керамический комплекс культурного слоя IX поселения Улан-Хада на Байкале ... 47

Деревянко А.П., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Когай С.А., Лазарев С.Ю., Хужиназаров М. Вариабельность палеолитического комплекса стоянки Кульбулак: индустрия слоя 12.3 51

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Иследование раннепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан) в 2016 году 55

Деревянко А.П., Савелич-Булатович Л., Безрукова Е.В., Жилич С.В., Летунова П.В., Павленок К.К., Кандыба А.В., Козликин М.Б. Результаты палинологического изучения образцов из отложений стоянки Биоче (Черногория) 59

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Хак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме 63

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Чеха А.Н. Новые данные по каменным индустриям из плейстоценовых отложений центрального зала Денисовой пещеры 68

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Павленок Г.Д., Белоусова Н.Е. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок в 2016 году) 72

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Мамиров Т.Б., Ульянов В.А., Павленок Г.Д. Археологическая разведка на территории Восточного Казахстана в 2016 году 76

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Исследования палеолитического местонахождения Дарвагчай-карьер-2 в 2016 году 80

Козликин М.Б. Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры: материалы 2016 года 84

Колобова К.А., Маркин С.В., Шнайдер С.В., Алишер-кызы С., Селецкий М.В., Комза К., Зубова А.В., Кишкурно М.С. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2016 года 89

Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т., Крайцарж М., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Романенко М.Е. Исследования среднепалеолитических комплексов пещеры Сельунгур в полевом сезоне 2016 года 94

Кривошапкин А.И., Сердюк Н.В., Зенин В.Н., Панов В.С., Васильев С.К., Пархомчук В.В., Рудая Н.А., Шалагина А.В. Радиоуглеродное датирование костных остатков сурка из пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) 100

Кривошапкин А.И., Шалагина А.В., Колобова К.А., Лесаж К. Результаты полевых исследований пещеры Страшной в 2016 году 105

Кулик Н.А., Нохрина Т.И. Каменное сырье из позднепалеолитического местонахождения Шикаевка-2 110

Мартынович Н.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Новые материалы по птицам из Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай): раскопки 2012–2015 годов 114

Медведев В.Е., Филатова И.В. Неолитические комплексы у села Шереметьево (по материалам исследований 1958–1959 годов) 118

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. Предварительные результаты технико-технологического изучения керамики новопетровской и громатухинской культур Приамурья 122

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В., Лопатина О.А. О протогончарстве на Дальнем Востоке России (Приамурье) 126

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Керамические комплексы эпохи неолита из памятника Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) 130

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 135

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Новые археологические объекты раннего голоцена Приольхонья ... 140

Павленок К.К., Колобова К.А. Опыт изучения техники скола по материалам стоянки Кульбулак 144

Рудая Н.А., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Итоги палинологического изучения отложений пещеры Страшной в 2014–2015 годах 148

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) 152

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Каменная индустрия финала среднего палеолита с местонахождения Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные 156

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Шелепаев Р.А., Одсурэн Д., Болорбат Ц., Маргад-Эрдэнэ Г., Попов А.Ю. Роль специфического каменного сырья в освоении среднего течения реки Селенги палеолитическими популяциями 159

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Анойкин А.А., Харевич В.М., Болорбат Ц., Одсурен Д., Маргад-Эрдэнэ Г., Нойер Д., Кулик Н.А. Новая культурная последовательность палеолитической стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) 164

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Шуньков М.В. Строение плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры: разрез 2016 года 169

Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А., Стасюк И.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Томилова Е.А., Чащина Н.А. Раскопки стоянки Бюза II (Красноярское водохранилище) 173

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Вашков А.А. Археологическое изучение стоянки Черемушки II (Красноярское водохранилище) 178

Чеха А.М. Палеолитические местонахождения Северного Приаралья: материалы сборов 1998–1999 годов 182

Чеха А.Н. Особенности орудийного набора слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье 185

Чикишева Т.А., Зубова А.В. Палеопатологическая характеристика нижней челюсти из верхнепалеолитического местонахождения Афонтова Гора II 190

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Романенко М.Е., Алишер-кызы С. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году 194

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Мамиров Т.Б., Павленок Г.Д. Разведочные работы в Тарбагатайском районе Республики Казахстан в 2016 году 199

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Комплексы экспонированных артефактов со стоянок Ушбулак-1 и Ушбулак-2 (по результатам работ в 2016 году) 203

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане 208

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Исследование палеолитического местонахождения Курчум (Южный Алтай) в 2016 году 214

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Рысак – новый комплекс палеолитических местонахождений в Южном Алтае 218

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года 221

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В. Исследования поселения постандроновского времени Ложка-6 (предварительные итоги) 227

Бобров Л.А. Казахский топор *балта* из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (анализ и результаты междисциплинарных исследований) 232

Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. О некоторых особенностях конструкции и покроя ламеллярных бармиц чжурчжэньских шлемов «цзиньского типа» второй половины XII – первой трети XIII века 236

Борзых К.А., Мыльникова Л.Н. Особенности морфологии сосудов раннего железного века Новосибирского Приобья 240

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Бронзовые бляшки с изображением антропоморфных личин из Чуйской долины 245

Бородовский А.П. Особенности состава золотой и серебряной фольги эпохи раннего железа из Южной Сибири 249

Волков Д.П. Среднебелое, городище-1 – новый памятник михайловской археологической культуры в Западном Приамурье 253

Волков П.В., Скобелев С.Г., Митько О.А., Андреев О.В. Следы боевого применения на лезвии палаша из погребения кыргызского могильника Коя-2 257

Гнездилова И.С. Росписи в погребальных камерах эпохи кофун Японии и естественно-научные методы исследований пигментов 261

Горохов С.В., Бородовский А.П. Артиллерийское вооружение Умревинского острога 265

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобье (работы 2016 года в Кудряшовском бору) 269

Дураков И.А. К вопросу о появлении формовки по пластичной модели на юге Западной Сибири 274

Ефремова Н.С., Молодин В.И. Один из сюжетов обрядовых действий в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1) 278

Жилич С.В., Гаркуша Ю.Н., Рудая Н.А., Новиков А.В. Городище Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): первые результаты палинологического исследования 283

Зайцев Н.Н. Лук эпохи позднего Средневековья из коллекции Амурского областного краеведческого музея 288

Зубова А.В., Молодин В.И., Чикишева Т.А. Первые результаты сравнительного анализа одонтологических характеристик популяций одиновской культуры: к вопросу о южных миграциях 292

Иванова Д.А. Влияние вулканической активности на общество эпохи дзёмон, Японский архипелаг 299

Кирюшин К.Ю., Серёгин Н.Н. Археологические исследования на «Бирюзовой Катуни» в 2016 году 302

Кобелева Л.С., Дураков И.А. Литейные формы позднеирменской культуры 307

Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Гробница Цао Сю и ее значение для исследования погребальных комплексов Китая эпохи Троецарствия 311

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Бондарев А.А. Исследования могильника Льнозавод-4 в 2016 году: предварительные итоги 315

Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) 319

Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего Средневековья 323

Миклашевич Е.А. Исследование памятников наскального искусства хребта Оглахты в 2016 году 328

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование археологических комплексов у горы Бычиха и горы Туран на среднем Енисее 333

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) 339

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Борзых К.А., Селин Д.В. Поселение кротовской культуры Венгерово-2: новые открытия 343

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) 348

Молодин В.И., Ненахова Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Раскопки на памятнике Старый Московский Тракт-3 353

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 357

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Кретан К., Зоткина Л.В., Женест Ж.-М., Мыльников В.П. Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-французской экспедиции в 2016 году 361

Мыльников В.П. Деревянные лопаты раннего железного века (Алтай и сопредельные территории) 366

Мыльников В.П., Дараган М.Н. Скифские деревянные футляры-шкатулки для хранения инструментов для рукоделия 370

Мыльников В.П., Степанова Е.В. Погребальный стол из кургана 1 могильника скифского времени Туэкта 374

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Молочение как горячий способ вторичной обработки поверхности сосуда 378

Нестеркина А.Л. Новые данные о происхождении традиционной системы отопления (кан) на Корейском полуострове 381

Нестеров С.П. Территориальные группы населения урильской культуры Приамурья 385

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское) 389

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское в 2016 году 393

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С. Материалы эпохи поздней бронзы поселения Енисейское-10 398

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе 401

Поздняков Д.В., Батанина О.В. Антропологическая характеристика средневекового населения Новосибирского Приобья (по материалам памятника Санаторный-3) 405

Слепцова А.В., Зубова А.В. Стоматологическое здоровье раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) 409

Соловьев А.И., Соловьева Е.А. Новые находки «асимметричных топоров» и некоторые аспекты технологии производства 413

Соловьев А.И., Соловьева Е.А. Прыжок священного оленя 417

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности 420

Табарев А.В. Погребальные маски в доиспанских культурах юго-западной Колумбии 424

Табарев А.В., Табарева Ю.В., Иванова Д.А., Каномата Й. Археология архипелага Рюкю: период раковинных куч 428

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Итоги раскопок исторического центра города Тары в 2016 году 432

Татаурова Л.В. Планиграфия и система жизнеобеспечения деревни Ананьино XVII–XIX веков 435

Тихонов С.С. Исследования микротопографии Тарской крепости и ее окрестностей в 2016 году 440

Худяков Ю.С. Фрагмент доспеха из музея Башня Бурана в Кыргызстане 443

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Находка двузубой вилки из Кыргызстана 447

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А. Железные наконечники стрел из музея имени В.А. Лапко в селе Новониколаевка в Кыргызстане 451

Худяков Ю.С., Орозбекова Ж. Фрагмент кольчуги из памятника кенкольской культуры Акчий-Карасу в Кыргызстане 455

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Скобелев С.Г. Железный наконечник стрелы редкой формы из Южного Кыргызстана 458

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Жумадилов К.Б., Ковалев В.С. Картографирование петроглифов в долине реки Чаган (Южный Алтай) 462

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б. 3D-моделирование наскальных рисунков Алтая с помощью трехмерного сканирования и фотограмметрии 466

Шульга Д.П. Погребения китайских поселенцев на северных рубежах империи Хань 470

Шульга П.И., Слюсаренко И.Ю. Датировка погребальных комплексов на периферии пазырыкской культуры 473

Эпов М.И., Молодин В.И., Позднякова О.А., Злыгостев И.Н., Фирсов А.П., Савлук А.В., Колесов А.С., Дядьков П.Г. Опыт магнитометрического картирования археологических памятников с использованием беспилотных летательных аппаратов 478

ЭТНОГРАФИЯ

Аксенова И.Ю. Праздник «Сороки» у старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края в 1950–1960-е годы 485

Ахметова Ш.К. Похороны у казахов Новосибирской области (по материалам экспедиции 2016 года) 488

Березиков Н.А. Казаки Илимского воеводства в XVIII веке 491

Болонев Ф.Ф. Старообрядческое село Новая Брянь (Забайкалье): возникновение, рост населения (вторая половина XVIII – середина XIX века) 494

Бурнаков В.А. Фольклорные традиции в контексте хакасской свадебной обрядности: этнокультурный и психологический аспекты 498

Голубкова О.В. Святочный обряд «вождение Меланки» у сибирских украинцев 501

Голубкова О.В., Будаева С.В., Крикау Л.В. Обряд с поминальной курицей и история деревни Кукарка 505

Ильина А.А. Возможности сохранения казахской культуры и языка в селах Омского Прииртышья (на примере южных районов) 508

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Миграции населения в Восточной Сибири в постсоветский период (1989–2002 годы) 512

Люцидарская А.А. Жизненный цикл и жизнеобеспечение служилого населения Западной Сибири в XVII веке 515

Майничева А.Ю. Программа этнографического исследования природопользования русских в Сибири 518

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Строительные традиции русских старожилов в Сибири в XX веке: общее и особенное 521

Мальцева О.В. «Озерные» нанайцы: изменения в землепользовании в первой половине XX века (на примере болоньских нанайцев) 524

Москвина М.В., Крикау Л.В. Развитие художественных промыслов в Новосибирской области в конце XX – начале XXI века 528

Николаев В.В. Трансформация антропонимической системы коренного населения предгорий Северного Алтая в XIX – начале XX века 532

Октябрьская И.В., Москвина М.В., Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Республики Алтай: тенденции развития конца XX – начала XXI века 536

Сальникова И.В. Классификация перстней из этнографических сборов у северных манси 539

Самушкина Е.В. Трансформация современной праздничной культуры алтайцев (на материалах Эл Ойына – 2016) 543

Тихомирова М.Н. О поминальных блюдах у татар Знаменского и Тарского районов Омской области 546

Фурсова Е.Ф. Взаимовлияния в свадебной обрядности у сибиряков курско-черниговского происхождения в первой трети XX века 550

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Волков Д.П., Нестеров С.П., Болотин Д.П., Коваленко С.В., Савченко Т.П., Крючко Е.И., Мамуль Я.М., Кулигина С.Е., Шульмин Р.А. Спасательные археологические раскопки Усть-Ивановского могильника в Амурской области 555

Дудко А.А., Васильева Ю.А., Цыбанков А.А., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Картозия А.А. Результаты охранно-спасательных археологических раскопок на поселении Евра-28 в 2016 году 559

Постнов А.В., Дудко А.А., Рыбалко А.Г., Вилисов Е.В., Зольников И.Д., Картозия А.А., Басова Н.В., Выборнов А.В., Цыбанков А.А. Спасательные археологические раскопки 2016 года в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 562

Славинский В.С., Цыбанков А.А., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Мещерин М.Н., Гладышев С.А., Богданов Е.С., Нетета А.В., Барков А.В., Леонтьев В.П., Макулов В.И. Исследование памятника Афонтова Гора II в 2016 году 565

Цыбанков А.А., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Колонцов С.В., Ломов П.К., Постнов А.В., Присекайло А.А., Славинский В.С., Батаргина И.А., Картозия А.А., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине Оби в 2016 году 569

Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Присекайло А.А., Выборнов А.В., Постнов А.В. Результаты археологических исследований поселения Красноярский Борок-2 в 2015–2016 годах 573

Цыбанков А.А., Першин Р.А., С.В. Алкин, В.В. Ахметов, К.Н. Назаров, О.А. Шеломихин. Спасательные археологические работы в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2016 году (Амурская область) 577

Цыбанков А.А., Славинский В.С., Назаров К.Н., Богданов Е.С. Открытие нового памятника эпохи палеолита в Балахтинском районе Красноярского края 581

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 583

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF STONE AGE. PALEOECOLOGY

V.V. Bobrov, A.G. Marochkin, A.Yu.Turakova. Beginning of the Research of Old Moscow Trackt-5 Settlement (North-Western Part of Baraba Forest-Steppe) 7

N.S. Bolikhovskaya, M.B. Kozlikin, M.V. Shunkov. Preliminary Results of Palynological Analysis for Pleistocene Layers 12–17 in the East Chamber of Denisova Cave 12

S.K. Vasiliev, A.I. Krivoshapkin, V.N. Zenin, A.V. Shalagina. The Preliminary Results of Megafauna Remains Study from Strashnaya Cave (Northern-Western Altai) 15

S.K. Vasiliev, M.A. Serednyov, K.I. Milyutin, V.S. Panov. Collecting of the Theriofaunal Materials at the Rivers Chumysh (Altai Region), Chick and Ob Near Bibikha Village (Novosibirsk Region) in 2016 23

A.A. Vashkov, A.F. San'ko, V.M. Kharevich, I.V. Stasiuk, E.V. Akimova. Geological Situation of Buza II Site Location 29

P.V. Volkov, L.V. Lbova. Bracelets Made of Torbanite from Malta Site Collection 34

E.A. Girchenko. Firing Technologies and the Pottery Kilns of Neolithic Tribes of Yangtze River Middle Reaches 38

E.A. Girchenko, A.V. Varenov. Fishing in the Neolithic of the Middle Reaches of Yangtze River (Based on the Excavated Materials of Sanxia Region Archaeological Sites) 42

O.I. Goriunova. The Ceramic Complex from Cultural Layer IX at the Ulan-Khada Habitation Site on Lake Baikal 47

A.P. Derevianko, K.K. Pavlenok, G.D. Pavlenok, S.V. Shnaider, S.A. Kogai, S.Yu. Lazarev, M. Hujinazarov. Variability of the Kulbulak Site Paleolithic Complex: Industry of Layer 12.3 51

A.P. Derevianko, A.G. Rybalko, A.V. Kandyba. Study of the Lower Paleolithic Site Darvagchai-Zaliv-1 (South Eastern Dagestan) in 2016 55

A.P. Derevianko, L. Savelich-Bulatovich, E.V. Bezrukova, S.V. Zhilich, P.V. Letunova, K.K. Pavlenok, A.V. Kandyba, M.B. Kozlikin. Data on Study of the Palynological Samples from the Sediments of the Bioce Site (Montenegro) 59

A.P. Derevianko, A.A. Tsybankov, Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, A.V. Kandyba, S.A. Gladyshev, A.M. Chekha, Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Preliminary Results of Archaeological Sites Rock Tung 1 and Rock Tung 4 Excavations in Vietnam 63

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, N.E. Belousova, G.D. Pavlenok, A.Yu. Fedorchenko, A.M. Chekha, A.N. Chekha. New Data on Lithic Industries from Pleistocene Deposits of the Denisova Cave, Main Chamber 68

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, A.Yu. Fedorchenko, G.D. Pavlenok, N.E. Belousova. Early Upper Paleolithic Bone Needle from the Main Chamber of Denisova Cave (Based on Research Data from the 2016 Excavations) 72

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, Zh.K. Taymagambetov, A.A. Anoikin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, M.B. Kozlikin, T.B. Mamirov, V.A. Ulianov, G.D. Pavlenok. Archaeological Survey at the Territory of Eastern Kazakhstan in 2016 76

A.V. Kandyba, A.G. Rybalko. Research of the Darvagchai-Karier-2 Paleolithic Occurrence in 2016 80

M.B. Kozlikin. Early Middle Paleolithic Assemblage from the East Chamber of Denisova Cave: 2016 Materials 84

K.A. Kolobova, S.V. Markin, S.V. Shnaider, S. Alisher-kyzy, M.V. Seletskii, K. Komza, A.V. Zubova, M.S. Kishkurno. The Middle Paleolithic Complexes of the Chagyrskaya Cave: 2016 Field Results 89

A.I. Krivoshapkin, B. Viola, T. Chargynov, M. Krajcarz, K.A. Kolobova, S.V. Shnaider, M.E. Romanenko. The Middle Paleolithic Complexes of the Selungur Cave: 2016 Field Results 94

A.I. Krivoshapkin, N.V. Serdyuk, V.N. Zenin, V.S. Panov, S.K. Vasiliev, V.V. Parhomchuk, N.A. Rudaya, A.V. Shalagina. Radiocarbon Dating of the Marmot Fossil Remains from Strashnaya Cave (Northwest Altai) 100

A.I. Krivoshapkin, A.V. Shalagina, K.A. Kolobova, C. Lesage. The Results of Strashnaya Cave Field Research in 2016 105

N.A. Kulik, T.I. Nokhrina. Stone Raw Material from the Late Paleolithic Location Shikaevka-2 110

N.V. Martynovich, S.V. Markin, K.A. Kolobova. New Data about Birds in the Chagyrskaya Cave (Northwest Altai): 2012–2015 Excavations 114

V.E. Medvedev, I.V. Filatova. Neolithic Complexes Near Sheremetyevo Village (Based on the Investigations of the Years 1958–1959) 118

V.E. Medvedev, Yu.B. Tsetlin, E.V. Volkova. Preliminary Results of Technical and Technological Pottery Investigation of Novopetrovka and Gromatuha Cultures from Amur Basin 122

V.E. Medvedev, Yu.B. Tsetlin, E.V. Volkova, O.A. Lopatina. On Proto-Pottery Production in the Russian Far East (Amur Region) 126

V.I. Molodin, M.S. Nesterova, L.N. Mylnikova. Neolithic Ceramic Complexes from the Site Vengerovo-2 (Baraba Forest-Steppe) 130

V.I. Molodin, S. Hansen, D.A. Nenakhov, S. Reinhold, Yu.N. Nenakhova, M.S. Nesterova, I.A. Durakov, L.N. Mylnikova, L.S. Kobeleva, S.K. Vasiliev. New Information about Neolithic Complexes on the Site Tartas-1 135

A.G. Novikov, O.I. Goriunova. New Early Holocene Archaeological Sites from the Olkhon Region 140

K.K. Pavlenok, K.A. Kolobova. Study of Flaking Technique Based on the Kulbulak Site Materials 144

N.A. Rudaya, A.I. Krivoshapkin, A.V. Shalagina. Results of Pollen Study in Strashnaya Cave in 2014–2015 148

A.G. Rybalko. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan) 152

A.G. Rybalko, A.V. Kandyba. Final Middle Paleolithic Stone Industry from the Darvagchai-Zaliv-1 Site (South Eastern Dagestan): The New Data 156

E.P. Rybin, A.M. Khatsenovich, B. Gunchinsuren, R.A. Shelepaev, D. Odsuren, Ts. Bolorbat, G. Margad-Eredene, A.Yu. Popov. The Significance of the Specific Stone Raw Material in Occupation of Middle Selenga by the Paleolithic Population 159

E.P. Rybin, A.M. Khatsenovich, N. Zwyns, B. Gunchinsuren, A.A. Anoikin, V.M. Kharevich, Ts. Bolorbat, D. Odsuren, G. Margad-Erdene, J. Noyer, N.A. Kulik. The New Cultural Sequence of the Tolbor-21 Paleolithic Site (Northern Mongolia) 164

V.A. Ulianov, M.B. Kozlikin, N.E. Belousova, M.V. Shunkov. The Structure of Pleistocene Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: The 2016 Excavation Profile 169

V.M. Kharevich, E.V. Akimova, A.A. Vashkov, I.V. Stasiuk, O.A. Gorelchenkova, E.N. Kuksa, E.A. Tomilova, N.A. Chashina. Excavation of Buza II Site (Krasnoyarsk Reservoir) 173

V.M. Kharevich, I.V. Stasiuk, E.V. Akimova, A.A. Vashkov. Archaeological Research on the Cheremushki II Site (Krasnoyarsk Reservoir) 178

A.M. Chekha. Paleolithic Sites of the Northern Aral Sea Area: Materials of 1998–1999 Collecting 182

A.N. Chekha. The Characteristic of Stone Tools Industries of Layer 3 Ust'-Kutarey Site in North Angara Region 185

T.A. Chikisheva, A.V. Zubova. Palaeopathological Characteristics of the Lower Jaw from Upper Paleolithic Location Afontova Gora II 190

S.V. Shnayder, A. Abdykanova, M. Krajcarz, A.I. Krivoshapkin, K.A. Kolobova, M.E. Romanenko, S. Alisher-kyzy. The Results of Archaeological Excavations at the Obishir-5 Site in 2016 194

M.V. Shunkov, Zh.K. Taymagambetov, A.A. Anoikin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, M.B. Kozlikin, T.B. Mamirov, G.D. Pavlenok. Archaeological Survey in the Tarbagatai Region of the Republic of Kazakhstan in 2016 199

M.V. Shunkov, Zh.K. Taymagambetov, A.A. Anoykin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, M.B. Kozlikin, G.D. Pavlenok. Assemblages of Surface Artifacts from Ushbulak-1 and Ushbulak-2 Sites (Based on 2016 Research Data) 203

M.V. Shunkov, Zh.K. Taimagambetov, A.A. Anoykin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, M.B. Kozlikin, G.D. Pavlenok. New Multistratified Upper Paleolithic Site Ushbulak-1 in Eastern Kazakhstan 208

M.V. Shunkov, Zh.K. Taymagambetov, V.A. Ulianov, A.A. Anoikin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, M.B. Kozlikin, G.D. Pavlenok. Investigation of the Paleolithic Occurrence of Kurchum (Southern Altai) in 2016 214

M.V. Shunkov, Zh.K. Taimagambetov, V.A. Ulyanov, A.A. Anoykin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, M.B. Kozlikin, G.D. Pavlenok. Rysak – a New Paleolithic Locality in Southern Altai 218

M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko, M.B. Kozlikin, N.E. Belousova, G.D. Pavlenok. Bone Tools and Ornaments from the Early Upper Paleolithic Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: 2016 Collection 221

ARCHAEOLOGY OF PALEOMETAL AND MIDDLE AGE

V.V. Bobrov, N.N. Moor, I.A. Plats, A.V. Falman. The Researches of the Postandronovo Period Settlement Lozhka-6 (Preliminary Results) 227

L.A. Bobrov. Kazakh Ax "Balta" from the Collection of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Analysis and the Interdisciplinary Research Results) 232

L.A. Bobrov, Y.F. Filippovich. Some Features of the Design and Shape of the Plate to Protect the Neck and Face on the Helmets of Jurchen Jin Empire Soldiers in the Second Half of the 12th Century – the First Third of the 13th Century 236

K.A. Borzykh, L.N. Mylnikova. Morphological Peculiarities of Novosibirsk Ob Region Vessels in Early Iron Age 240

A.Yu. Borisenko, Yu.S. Khudyakov. The Bronze Plaques with the Anthropomorphous Guises Images from the Chuy Valley 245

A.P. Borodovsky. Peculiarities of the Composition of the Golden and Silver Foil Referred to the Early Iron Age in Southern Siberia 249

D.P. Volkov. Srednebeloe, Fortress-1 – the New Site of Mikhaylovskaya Archeological Culture in the Western Priamurie 253

P.V. Volkov, S.G. Skobelev, O.A. Mitko, O.V. Andreev. The Traces of Combat Use on the Roadsword Blade from Kyrgyz Bureal Koya-2 257

I.S. Gnezdilova. Decoration of the Burial Chambers of the Kofun Period, Japan, and the Natural-Science Research Methods of the Pigments 261

S.V. Gorokhov, A.P. Borodovsky. Artillery Armament of Umrevinsky Ostrog 265

A.E. Grishin, Zh.V. Marchenko, M.S. Kishkurno, G.I. Galyamina, L.V. Nazarova. New Bronze Age Burial Complexes in the Novosibirsk Ob' River Basin (Researches in the Kudryashovsky Pine-Forest in 2016) 269

I.A. Durakov. To the Question about the Appearance of Moulding on Plastic Model in the South of Western Siberia 274

N.S. Efremova, V.I. Molodin. One of the Topics of the Ritual Action in the Funerary Practices of the Andronovo (Fedorovo) Culture (on the Materials of the Tartas-1 Burial Ground) 278

S.V. Zhilich, Yu.N. Garkusha, N.A. Rudaya, A.V. Novikov. The Ust-Voykar Fortified Settlement (the Lower Ob Region): First Results of the Palynological Research 283

N.N. Zaitsev. The Late Middle Ages Bow from the Amur Regional Local History Museum Collection 288

A.V. Zubova, V.I. Molodin, T.A. Chikisheva. Comparative Dental Morphology of Odino People: the First Results: to the Question of Southern Migrations 292

D.A. Ivanova. Volcanic Activity and its Influence on Jōmon Society (Based on Archaeological Sites Located on Japanese Archipelago) 299

K.Yu. Kiryushin, N.N. Seregin . Archaeological Research on «Biryuzovaya Katun» in 2016 302

L.S. Kobeleva, I.A. Durakov. Late Irmen Culture Molds 307

S.A. Komissarov, A.I. Soloviev, N.Sh. Nikolaeva. The Tomb of Cao Xiu and its Meaning for Investigations of the China Burial Complexes in three Kingdoms' Epoch 311

M.A. Korusenko, Yu.V. Gerasimov, A.A. Bondarev. The Lnozavod-4 Burial Ground Research in 2016: Preliminary Results 315

G.V. Kubarev. Ancient Turkic Petroglyphs of Elangash (South-Eastern Altai) 319

M.A. Kudinova, S.A. Komissarov, A.I. Soloviev, N.Sh. Nikolaeva. The Tomb of Sogdian Shi Jun (Wirkak) in the Context of Cross-Cultural Contacts of China in the Early Middle Ages 323

E.A. Miklashevich. Investigation of Rock Art Sites at the Oglakhty Ridge in 2016 328

E.A. Miklashevich, L.L. Bove. Investigation of the Archaeological Complexes in the Vicinity of Bychikha and Turan Mountains at the Middle Yenisei 333

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova, N.S. Efremova. Features of the Settlement Structure on the Site Vengerovo-2 of the Krotovo Culture (Baraba Forest-Steppe) 339

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova, N.S. Efremova, K.A. Borzykh, D.V. Selin. The Settlement Vengerovo-2 of the Krotovo Culture: New Data 343

V.I. Molodin, D.A. Nenakhov, D.V. Selin. Archaeological Monitoring in Vengerovo District of Novosibirsk Region (near the Village Stary Tartas) 348

V.I. Molodin, Y.N. Nenakhova, L.N. Mylnikova, I.A. Durakov. Excavations on the Site Stary Moskovsky Trakt-3 353

V.I. Molodin, S. Hansen, I.A. Durakov, S. Reinhold, L.S. Kobeleva, Yu.N. Nenakhova, D.A. Nenakhov, M.S. Demahina, D.V. Selin. Recent Archaeological Discoveries in the Site Tartas-1 357

V.I. Molodin, D.V. Cheremisin, C. Cretin, L.V. Zotkina, J.-M. Geneste, V.P. Mylnikov. The Ukok Plateau Rock Art Research by Russian-French Expedition in 2016 361

V.P. Mylnikov. The Early Iron Age Wooden Shovels (Altai and Neighboring Regions) 366

V.P. Mylnikov, M.N. Daragan. Scythian Wooden Cases Caskets for Storage of Needlework Instruments 370

V.P. Mylnikov, E.V. Stepanova. Funeral Table From Scythian Time Burial Ground 1 of Tuekta 374

L.N. Mylnikova, D.V. Selin. Milky Glazing as a Way of Hot Vessel Surface Treatment 378

A.L. Nesterkina. New Data on the Origin of Traditional Heating System (Kang) in the Korean Peninsula 381

S.P. Nesterov. The Territorial Population Groups of Urilskaya Culture in Priamurie 385

A.V. Novikov, Yu.N. Garkusha, A.V. Zubova, D.V. Pozdnyakov. Double Burial in the Hearth of a Dwelling (The Ust-Voykar Fortified Settlement) 389

A.V. Novikov, Yu.N. Garkusha, O.I. Novikova, A.V. Kenig, M.V. Moroz. Preliminary Results of the Studies at the Ust-Voykar Fortified Settlement in 2016 393

D.V. Papin, A.A. Rednikov, A.S. Fedoruk. Late Bronze Age Materials from Settlement Yenisei-10 398

H. Parzinger, V.I. Molodin, J. Fassbinder, L.S. Kobeleva, A. Gass, I. Hofmann, D.A. Nenakhov. Preliminary Results of the Research of the Periphery of the Big Mounds of Sargat Culture in Central Baraba 401

D.V. Pozdnyakov, O.V. Batanina. Anthropological Characteristics of Medieval Population from Novosibirsk Ob Basin (Based on the Monument Sanatornyi-3) 405

A.V. Sleptsova, A.V. Zubova. Stomatological Health of the Early Middle Ages Population in Tobol River Region (Materials of Ustyug-1 Burial Ground) 409

A.I. Solovyev, E.A. Solovyeva. New Findings of «Asymmetric Axes» and Several Aspects of their Production Technology 413

A.I. Solovyev, E.A. Solovyeva. The Jumping of Sacred Deer 417

N.F. Stepanova, D.Yu. Rybakov. The First Results of the Technical and Technological Analysis of the Ancient Settlement Timiryazevo III Ceramics of the Kulay Cultural and Historical Community 420

A.V. Tabarev. Burial Masks in the Pre-Hispanic Cultures of Southwestern Colombia 424

A.V. Tabarev, Yu.V. Tabareva, D.A. Ivanova, Y. Kanomata. Archaeology of Ryukyu Archipelago: Shellmound Period 428

S.F. Tataurov, S.S. Tikhonov, M.P. Chernaya. In a Shadow of Fortress Walls (the Results of Excavations of the Historic Center of Tara in 2016) 432

L.V. Tataurova. Planigraphy and Life Support System of the Village Ananyino during 17–19 Centuries 435

S.S. Tikhonov. Research of Tara Fortress and its Surroundings Microtopography in 2016 440

Yu.S. Khudyakov. The Fragment of Armour from the Burana Tower Museum in Kyrgyzstan 443

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko, Zh. Orozbekova. The Finding of Bidentate Fork from Kyrgyzstan 447

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko, O.A. Soltobaev. The Iron Tips of Arrows from the V.A. Lapko Museum in the Novonikolayevka Village in Kyrgyzstan 451

Yu.S. Khudyakov, Zh. Orozbekova. Fragment of Chain Armour from the Monument Akchi-Karasu of Kenkol Culture in Kyrgyzstan 455

Yu.S. Khudyakov, K.Sh. Tabaldiev, S.G. Skobelev. The Iron Tip of Arrow of the Rare Form from Southern Kyrgyzstan 458

D.V. Cheremisin, V.V. Kazakov, K.B. Zhumadilov, V.S. Kovalev. Petroglyphs Mapping in Chagan Valley (Southern Altai) 462

D.V. Cheremisin, V.V. Kazakov, V.S. Kovalev, K.B. Zhumadilov. Three-Dimensional Digital Imaging of Rock Art of 3D Scanning and Photogrammetry in the Altai Mountains 466

D.P. Shulga. Chinese Settlers' Necropolises in Han Empire Nothern Frontiers 470

P.I. Shulga, I.Yu. Slyusarenko. Dating of Burial Complexes at the Pazyryk Culture Periphery 473

M.I. Epov, V.I. Molodin, O.A. Pozdnyakova, I.N. Zligostev, A.P. Firsov, A.V. Savluk, A.S. Kolesov, P.G. Dyadkov. The Study of Archaeological Monuments Magnetic Survey Using Unmanned Aerial Vehicles 478

ETHNOGRAPHY

I.Yu. Aksenova. «Soroki» as Celebrated by the Old-Timers and South Russian Immigrants to the Altai Territory in the 1950–1960s 485

Sh.K. Akhmetova. Kazakh Funeral of Novosibirsk Region (on the 2016 Expedition Materials) 488

N.A. Berezikov. The Cossacks of the Ilimsk Region in the XVIII Century 491

F.F. Bolonev. Old Believer Village Novaya Brjan (Transbaikalia) – Emergence, Growth of Its Population (Second Half of XVIII Century – Middle of XIX Century) 494

V.A. Burnakov. Folk Traditions in the Khakas Wedding Ceremony Context: Etno-Cultural and Psychological Aspects 498

O.V. Golubkova. The Yule Ritual "Vozhdenie Melanki" of Ukrainians in Siberia 501

O.V. Golubkova, S.V. Budaeva, L.V. Krikau. Funeral Rite with Chicken and the History of Village Kukarka 505

A.A. Il'ina. Preservation of Kazakh Culture and Language in Rural Districts of the Omsk Near-Irtysh Region (on the Example of Southern Districts) 508

V.V. Lygdenova, O.B. Dashinamzhilov. Areal Movements of the Population in Eastern Siberia during Postsoviet Period (1989–2002) 512

A.A. Lutsidarskaya. Life History and Life Sustaining of the Service Men of Western Siberia in the XVII Century 515

A.Yu. Mainicheva. Natural Resources Ethnographic Research Program of Russians in Siberia 518

A.Yu. Mainicheva, E.I. Glukhikh. The Construction Traditions of Russian Old Residents in Siberia in the XX Century: General and Special 521

O.V. Maltseva. The "Lake" Nanai: Land-Use Change in the First Half of the XX Century (on the Example of the Bolon' Nanai) 524

M.V. Moskvina, L.V. Krikau. Art Crafts Development in Novosibirsk Region in the Late XX – Early XXI Century 528

V.V. Nikolaev. Transformation of Anthroponymical System of the Northern Altai Foothills Indigenous People in XIX – the Beginning of the XX Century 532

I.V. Oktyabrskaya, M.V. Moskvina, E.Yu. Pavlova. Folk Arts and Crafts of Altai Republic: Trends of Late XX – Early XXI Centuries 536

I.V. Salnikova. Classification of Seal-Rings from the Ethnographic Camp among the Northern Mansi ... 539

E.V. Samushkina. The Transformation of Altaians' Modern Festive Culture (on the Example of El Oyun – 2016) 543

M.N. Tikhomirova. About Commemorative Dishes of the Tatars of Omsk Region of Znamenskoye and Tara District 546

E.F. Fursova. Interference in Wedding Rituals between Siberians of Kursk-Chernigov Origin in the First Third of the XX Century 550

RESCUE ARCHEOLOGY

D.P. Volkov, S.P. Nesterov, D.P. Bolotin, S.V. Kovalenko, T.P. Savchenko, E.I. Kryuchko, Ya.M. Mamul, S.E. Kuligina, R.A. Shulmin. Rescue Archaeological Excavations of Ust-Ivanovka Burial Ground in Amur Region 555

A.A. Dudko, Yu.A. Vasileva, A.A. Tsybankov, A.V. Vybornov, I.D. Zolnikov, A.A. Kartoziya. Results of Rescue Archaeological Excavations at the Settlement Evra-28 in 2016 559

A.V. Postnov, A.A. Dudko, A.G. Rybalko, E.V. Vilisov, I.D. Zolnikov, A.A. Kartozija, N.V. Basova, A.V. Vybornov, A.A. Tsybankov. Rescue Archaeological Excavations of 2016 in Kondinsk District of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra 562

V.S. Slavinskii, A.A. Tsybankov, D.N. Lysenko, N.I. Drozdov, I.D. Zolnikov, A.M. Klementev, M.N. Meshcherin, S.A. Gladyshev, E.S. Bogdanov, A.V. Neteta, A.V. Barkov, V.P. Leontiev, V.I. Makulov. Investigation of Archaeological Site Afontova Mountain II in 2016 565

A.A. Tsybankov, A.V. Vybornov, I.D. Zolnikov, S.V. Kolontsov, P.K. Lomov, A.V. Postnov, A.A. Prisekaylo, V.S. Slavinskiy, I.A. Batargina, A.A. Kartozija, V.A. Chertykov. Archaeological Exploration in the Ob River Valley in 2016 569

A.A. Tsybankov, S.V. Kolontsov, A.A. Prisekaylo, A.V. Vybornov, A.V. Postnov. Results of Archaeological Research of Settlement Krasnoyarsk Borok-2 in 2015–2016 573

A.A. Tsybankov, R.A. Pershin, S.V. Alkin, V.V. Akhmetov, K.N. Nazarov, O.A. Shelomikhin. Rescue Archaeological Excavations of 2016 in Inundation Area of Lower Bureya Hydro-electric Power Station (Amur Region) 577

A.A. Tsybankov, V.S. Slavinskiy, K.N. Nazarov, E.S. Bogdanov. New Paleolithic Site Opening in Balakhta District, Krasnoyarsk Territory 581

LIST OF ABBREVIATIONS 583

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Том XXII
(2016)

Корректоры *Е.В. Кузьминых, Д.В. Снытникова, А.В. Коненко, С.М. Погудина*
Технические редакторы *И.П. Гемуева, Т.А. Клименкова*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 20.12.2016 г. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 69,75. Уч.-изд. л. 58. Тираж 300 экз. Заказ № 400.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru